МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра археологии, этнологии, истории древнего мира
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии

ЕВРАЗИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. АНТРОПОЛОГИЯ

Материалы докладов
V (L) Российской (с международным участием)
археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых
4-9 апреля 2010 г., Иркутск

Иркутск
2010

УДК 902/904+39+572](063)
ББК 64.4+63.5+28.7]л0
Е 22

Рецензенты:
д.и.н., профессор Н.И.Дроздов
д.и.н., профессор А.И.Харинский

Е 22

Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4-9 апреля 2010 г. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – 616 с.

ISBN 978-5-93219-233-7

Сборник содержит материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, проходившей 4–9 апреля 2010 г. в Иркутске.

В статьях отражены результаты археологических, этнологических, культурологических исследований древних, традиционных и современных обществ Евразии, проведенных молодыми учеными, как самостоятельно, так и под руководством ведущих ученых. Ряд статей носит проблемный и дискуссионный характер. Издание предназначено для археологов, этнологов, историков, культурологов, религиоведов, музейных работников, студентов, краеведов и всех, интересующихся древнейшим прошлым и современными этнокультурными процессами Евразии.

УДК 902/904+39+572](063)
ББК 64.4+63.5+28.7]л0

Ответственный редактор:
д.и.н., профессор Г.И. Медведев

Редакционная коллегия:
Н.А. Батракова, Т.Н. Кононова, Г.Н. Михнюк, к.и.н. М.Г. Туров

В статьях сохранена авторская стилистика

ISBN 978-5-93219-233-7

© ГОУ ВПО Иркутский государственный университет
©Авторы статей
© И.М. Бердников, дизайн обложки
© Издательство «Оттиск»

Предисловие

Глобальный объем научного знания человечества рожден, развивается и сохраняется в стенах университетов. В российской практике существует вузовский научный блок и академический. Между ними, вокруг этих блоков драпированы или камуфлированы загадочностью, таинственностью, секретностью комплексы специальных наук.

Блок «университетской» науки является для всех прочих базовым. Без этого блока просто нет современной науки. Университетская наука образует плацдарм с исследовательскими позициями глубокого эшелонирования, занятыми подразделениями многих специальных назначений. На переднем крае этого плацдарма действуют самые мобильные из всех подразделений – группы студенческих научных специализаций. Именно здесь, между «подвижными головными научными заставами» и стационарными подразделениями производства фундаментального научного знания (в третьих и прочих эшелонах), реализуется генеральный результат всех и любых научных изысканий: то, что *вчера было научным открытием, сегодня – учебное пособие.*

Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция родилась на переднем крае университетской сибирской науки.

РАЭСК собирается в 50-й раз… Много ли это уже или есть еще фора постюбилейного развития? И если есть, то тогда в чем сила и прелесть этих студенческих археологических форумов, проживших уже полвека и в этой протяженности заселивших своим органическим присутствием все ВУЗы Северной Азии, а в настоящее время частично уже и европейской России? Естественно, и, прежде всего – в студенческой молодости ее участников. Но физическая молодость есть качество, мало зависимое от самого индивидуума – она ему дана, и он ее проходит достаточно быстро, одновременно со студенчеством. Второй сюжет необходимости – общение. Здесь уже не все так просто и тривиально. Пятьдесят лет ежегодно готовиться к предстоящей встрече, передавая свое желание профессионального общения как эстафету, – это серьезно. Здесь заложены не только и не столько флюиды романтизма поисков ископаемого прошлого и тех, кто пока безоглядно ей присягнул, полагая, что на всю оставшуюся жизнь… Здесь скрыты начала, которые не всегда могут быть отпрепарированы в личной аналитике в данный момент и, практически, их трудно или невозможно разглядеть со стороны – «на поверхности». Утвердиться в правоте своей специализации, услышать одобрение своих единомышленников, определиться в многоцветье сомнений и надежд, поделиться ими и увидеть, что ты вписан органически в большое товарищество, ты в нем свободен и поддержан. Конечно, сухими словами все нюансы ароматов студенческих научных собраний передать невозможно, особенно, когда наблюдаешь процесс 50 лет подряд от его рождения и, как бы, привыкаешь к постоянству. Но это дает право сказать, что уже почти величиною в условную поколенческую жизнь живет и плодотворно действует в функционировании и развитии РАЭСКа серьезность первоначального замысла: дать старт студенческой научной практике, реально поддержать и показать публично его исследовательские начинания, ведь только в творческом желанном общении вера в свои силы и правильность выбора превращается в уверенность. Желание быть увиденным и состояться в своем научном позитиве – одно из главных оснований, позволяющих РАЭСКу столько лет быть ежегодно ожидаемой и надобной студенчеству.

РАЭСК не вечна, не бессмертна. Конференция была когда-то рождена. Причины рождения, сложности производства на свет этого организма необходимо помнить, они нужны в объяснении многих, порою смутных моментов развития сибирской археологической науки.

Символической датой рождения сибирской региональной археологической студенческой конференции принята весна 1960 г. От этой даты произведен сквозной счет конференций. Местом рождения принят г. Иркутск.

В марте 1960 г. в г. Иркутске была организована большая Всесоюзная конференция историков Сибири и Дальнего Востока, посвященная развитию производительных сил в восточных районах

СССР. В состав участников вошли молодые археологи, вчерашние студенты различных ВУЗов Советского Союза, большинство из которых прошли через Всесоюзную археологическую студенческую конференцию – ВАСК, прописанную в те годы при кафедрах археологии МГУ и ЛГУ. Она впервые была проведена в 1955 г. С.А. Федосеева, Э.А. Новгородова, Э.В. Шавкунов, Р.С. Васильевский, В.В. Свинин, П.Б. Коновалов, М.П. Аксенов, Г.И. Медведев обсуждали вопрос возможности организации регулярных сибирских археологических конференций с полноправным участием в них студентов. В этих обсуждениях участвовали старшие коллеги – М.П. Грязнов, А.П. Окладников, М.М. Герасимов, М.Г. Левин. Особенно интересные «конференциональные» мысли высказывал «старый петринец» – В.И. Подгорбунский. Общее мнение было достаточно консолидированным – Иркутск, Иркутский университет. Прежде всего – географический фактор – «середина земли!». Транспортно удобный. Истфак ИГУ открыл аспирантуру по археологии. Знаменитые археологические традиции Географического общества и одного из старейших музеев краеведения в Сибири. А.П. Окладников, М.М. Герасимов – корифеи сибирской археологии, начинали творить в Иркутске. Это – показатели внешнего порядка. Не менее, если не более, важным фактором была «молодая иркутская археологическая оппозиция» тех лет. Она была не агрессивной, но конструктивной. Ее тогда называли «мезолитической» и «неолитической». Истоки оппозиции официальным положениям по вопросам палеолита и неолита Прибайкалья, опубликованным А.П. Окладниковым в 1938-1950 гг., восходят к М.М. Герасимову (1955 г.), но наполнение новым содержанием активно осуществлялось с 1958 г. и к 1960 г. уже было достаточно оформлено в основаниях. Первое столкновение мнений и состоялось на Всесоюзной конференции в марте 1960 г. в г. Иркутске. Всем участникам было ясно – продолжение следует. Молодая археологическая группа в Иркутске обрела научную «заметность». Стало быть: ВАСК – историографичность и «средиземность» Иркутска – изначальная научная «здоровая» оппозиционность молодой археологии Иркутского университета явились первыми элементами в закладке фундамента будущей РАЭСК.

Из сегодняшнего дня интересно смотреть на ушедшие события. Делать или даже участвовать в них в прошедшие годы было и очень сложно, и неотвратимо необходимо. Согласиться в едином мнении рабочего общения большой конференции было нетрудно. Претворить в жизнь желаемый сюжет оказалось непросто. Почти каждый ВУЗ в Сибири в послевоенные годы вел свои «кружковые» или «секционные» конференции по археологии в масштабах ежегодных общевузовских научных собраний. После 1947-1950 гг. с началом серии «великих строек коммунизма», особенно в Приангарье, эти внутривузовские археологические конференции были весьма популярны. Всесоюзная археологическая студенческая конференция в 1955 г. при МГУ как бы развязала «мешок Пандоры», ветры стремлений к познанию древностей вырвались в свободное общение. Иркутск 1960 г. выступил катализатором процесса в средней Сибири. Создание академического археологического центра в г. Новосибирске в системе Сибирского отделения АН СССР под началом А.П. Окладникова (1957-1960 гг.) придало процессу интенсивной радиации археологических организаций Северной Азии энергетику плюралистической необходимости. Потребность вузовской археологии в постоянной кадровой подготовке специалистов-археологов обрела качества константы.

Если взять 1947 г. стартовым в начале процесса развертывания сибирских и дальневосточных археологических изысканий второй половины XX в., 1950-1960 гг. – временем начала формирования кадрового состава вузовской научной археологии, то десять лет от 1960 до 1970 гг. совершалось организационное строительство как вузовской, так и академической сибирской археологии. Эти десятилетние циклы сами по себе чрезвычайно интересны в скрупулезном эпистомологическом анализе. Но нам поставлена другая задача – РАЭСК. От 1960 г., когда идея обрела форму коллективной проектной договоренности и до первых совместных «разновузовских» собраний прошло 15 лет. Проект отрабатывался, если сегодня так можно сказать, в каждом городе и ВУЗе со своими региональными особенностями. В Иркутске это были ежегодные отчетные конференции, в которых работали преподаватели, студенты университета и пединститута, сотрудники краеведческого музея, коллеги из Улан-Удэ, Читы, Якутска. Собрания часто совмещались с заседаниями отдела Географического общества, с первыми заседаниями нынешнего популярного Геоморфологического семинара СО РАН и т.д. Время «пробы пера», так можно назвать десять лет от 1960 до 1970 гг. События тех лет были близкими по рисунку во всех ВУЗах Сибири, тем более, что этот рисунок был как бы откорректирован Институтом истории, философии и филологии СО АН СССР в коллективную работу над легендарным теперь пятитомником «Истории Сибири». При Институте А.П. Окладникова работал координационный совет историков ВУЗов Сибири и Дальнего Вос-

тока. Служебно-авторские сборы в Новосибирском Академгородке были относительно частыми, и это способствовало достаточной ориентации археологов в делах друг друга. В десятилетие – 1960-1970 гг., состоялось очень ощутимое расширение территориальных и тематических рамок вузовских археологических изысканий. В середине и конце 1960-х гг. состоялась серия защит кандидатских диссертаций вузовских археологов, с рубежа 1960-1970-х гг. достаточно регулярно стали выходить из печати вузовские издания, посвященные проблемам археологии и этнографии. В сибирские ВУЗы стали активно проникать интересы зарубежной археологии – Китая, Японии, Канады, Соединенных Штатов.

Во всех означенных событиях, явлениях студенческая сюжетная линия вузовской археологии тех лет была основной. Студенческую деятельность в научной практике пытался селекционировать каждый, кто имел отношение к университетской научной практике. В Иркутском государственном университете неявно и без демонстрации вели счет конференциям всех фасонов организации от проектного соглашения 1960 г. и стремились к главному результату – регулярной публикации материалов конференций.

«Регуляция» открылась в начале 1970-х гг. Но первые тезисные публикации конференций 1973 и 1974 гг. не сохранились, хотя конференции вполне удовлетворяли «требованиям-1960»: вместе со студентами работали археологи, представители Улан-Удэ, Читы, археологи из Канады, Соединенных Шатов, Новой Зеландии… Аббревиатура «РАСК» не была еще введена. Первыми тезисами, открывшими ежегодные конференциальные публикации, стали тезисы первого и единственного до сего дня в России специального совещания, посвященного самой сложной проблеме в археологии – терминологии ископаемых вещей, номенклатуре понятий. Студенты от совещания должны были «впитать интеллектуально» всю сложную серьезность археологических научных предприятий. Опыт удался, и селекция этого начинания продолжается. Конференции тех лет именовались «отчетными». Так было необходимо в любом ВУЗе и надо было, чтобы «доминантой» был профессорско-преподавательский состав.

С 1975 по 1982 гг. все объединенные конференции студентов-археологов сибирских ВУЗов проходили в Иркутске. Специальные тезисы археологической студенческой конференции были изданы в Иркутске в 1976 г. Внутренняя научная археологическая жизнь каждого сибирского ВУЗа, таким образом, как бы делегировала часть итоговых результатов на общий форум рассмотрения. Но таким образом происходила не демонстрация личных заслуг и умений конкретного молодого археолога, а качество работы коллектива, который он представлял. Подобная двойная, как минимум, ответственность и сделала будущий РАЭСК многозначным предприятием с обозримыми перспективами результативности. Серьезность продуцируемой периодики собраний вызвала встречные предложения – проводить конференцию на базе разных вузовских городов. С 1983 г. студенческая конференция «кочует», возвращаясь на юбилейные собрания в г. Иркутск. В 1985 г. было решено закрепить нумерацию, плодотворно и долго живущей формы студенческих научных собраний. Это был шаг организационного упорядочения с известной долей идеализации явлений и событий процесса. В тезисах XXV конференции впервые организаторами были предложены формулировки археологии и этнологии. Это «пробный шар» археологической студенческой конференции в перспективизации процесса ее жизни. В 1988 г. на XXVIII конференции была введена аббревиатура РАСК. В предисловии к сборнику тезисов XXX РАСК-1990 в Иркутске было решено продумать предложение о введении в работу конференции специального этнологического вектора. В 1994 г. в наименование тезисов XXXIV археологической студенческой конференции в г. Барнауле была введена «усовершенствованная» аббревиатура – РАЭСК.

От РАЭСК-XXXVI в 1996 г. в г. Иркутске предложено публиковать только материалы докладов, отменив практику тезисов. Последние не способны уже отразить необходимое объемное тематическое содержание докладываемых проблем. Это предложение полностью реализовано.

От РАЭСК-LX поступило предложение создать координирующий орган для планирования, проведения, определения финансовых потребностей, территориальных рамок РАЭСК и придания конференции статуса Российской. Она выросла из региональных одежд. Такое предложение усложняет конференцию до положения автономной организации. Как и принято в археологии, явных возражений нет, документированного согласия или несогласия отследить, пока, невозможно…

Как и всякое юбилейное предприятие, предстоящее очередное собрание археолого-этнологического братства предполагает некоторый пристальный отчетно-аналитический взгляд на

прожитые годы. Несомненно, существует явная потребность в фиксации причинно-следственной связи столь устойчивой потребности в коммуникации такого значительного по объему и разнообразного по качеству сообщества людей, которые своим основным жизненно-важным интересом определили возможность прикоснуться к древнейшему и не столь древнему – вчерашнему – прошлому человечества. Как уже говорилось выше, 50 – это поколенческий возраст, а кроме всего прочего, это еще и возраст определенной зрелости, когда любой организм претерпевает некоторую реорганизацию и выработку нового формата жизнедеятельности, а в нашем случае необходимую переоценку накопленных знаний. Феномен столь продолжительного существования стабильного научно-творческого форума в рамках РАЭСКа заключается не только в потенциале молодости большинства его участников и острой потребности их в общении, хотя это очень важные аспекты. Возможно, что именно это является следствием в цепи причин. Может быть, изначальным импульсом подобного рода встреч и последующих обсуждений археологической и этнологической проблематики является тот самый первобытный, закрепленный на генетическом уровне интерес человека к своему прошлому, а также непреодолимое желание человека оглядываться назад с целью изменения каких-то частных или даже общих направлений его жизни. Возможно, это связано с неким для каждого открытием неизбежности существования его древнего предка в далеком прошлом, уходящем в геологические эпохи. Так или иначе, область науки, изучающая древности материального, духовного и социального планов – археология и этнология – объединила страждущих этих знаний и направила их усилия на серьезное, глубокое, продолжительное сотрудничество.

И вот перед вами – очередной том исследований, в которых отражен яркий спектр проблем, интересующих молодых и начинающих ученых. Общий объем опубликованных докладов в представленном юбилейном выпуске составляет чуть менее 300 работ. Эту цифру можно определить как рекордную за все годы существования РАЭСКа. Безусловно, что объем издаваемых работ не является основным критерием в научном сообществе. В данном случае это может быть интерпретировано как стабильное умножение значимости и востребованности РАЭСКа, что и было запрограммировано еще пять лет назад на очередной конференции, состоявшейся также в Иркутске.

Географический размах конференции также с уверенной стабильностью возрастает и уже пересек государственные границы: в этот раз в ней участвуют представители 33 городов России, Белоруссии, Казахстана, Канады, Монголии. Самое большое количество молодых ученых (44 человека) представлено Новосибирском, Барнаулом (32), Омском (24), затем Красноярском (15), Иркутском (14), Горно-Алтайском (13) и Санкт-Петербургом (13), Казахстаном (12) и Читой (12).

Тематическая палитра публикуемых докладов, пожалуй, не выходит за рамки уже твердо устоявшегося набора разделов: в равных пропорциях оказался интерес к вопросам историографического и методологического характера (28 докладов), а также к проблемам палеолита – мезолита (25) и неолита – ранней бронзы (35); эпоха палеометалла (51) и средневековья – постсредневековья (52), в этот раз, имеет высокий процент обращаемости.

Традиционно объем работ археологической направленности превышает общее их число более чем в три раза. Этнологическая проблематика составляет пятую часть статей (54).

С удовольствием следует отметить, что увеличилось количество обращений к теме о формах и методах музейного дела (13 докладов), к проблемам экскурсионно-туристической деятельности в свете использования археологического наследия (4), а также, в связи с общей образовательной тенденцией, к нормативно-правовым аспектам в сохранении и использовании культурного наследия (5).

Весьма интересен раздел по первобытному искусству (30). Третья часть всего объема посвящена проблемам интерпретации изображений различного характера и временных рамок.

Думается, что предстоящие встречи археологов и этнологов, а также обсуждение предлагаемых докладов по различным секциям в рамках РАЭСКа будут не только весьма интересными, взаимообогащающими и результативными в самых разнообразных смыслах, но и дающими новый потенциал для продолжения встреч, начавших свой отсчет 50 лет назад, объединивших тогда и продолжающих поддерживать это единение единомышленников сейчас, когда оно, возможно, еще более необходимо всем нам.

Оргкомитет V(L) РАЭСК

ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

А.Л. Автушкова
Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

Археологические исследования В.В. Радлова в барабинской лесостепи по материалам из фондов Института истории материальной культуры РАН

Институт истории материальной культуры РАН содержит основные материалы по археологии России. Одной из самых ценных коллекций ИИМК является архив В.В. Радлова. Цель данной работы – публикация материалов раскопок В.В. Радлова в Барабинской лесостепи, а также будет сделана попытка идентификации артефактов, собранных В.В. Радловым.

Первые серьёзные научные исследования на данной территории начались с середины XIX в. Результаты их приведены в Отчётах Императорской археологической комиссии.

В 1866 г. В.В. Радловым были проведены первые полевые работы на территории Барабы и Кулунды. Его краткий отчёт напечатан в изданиях Императорской Археологической комиссии. Выдержки из своего рукописного рапорта, который хранится в ИИМК РАН, он издал в выпускаемом Российским археологическим обществом сборнике «Сибирские древности». Кроме того, на него ссылались многие археологи в своих публикациях, например, И.А. Талицкая [1953], а также Т.Н. Троицкая и др. [Троицкая и др., 1980, с. 7].

Летом 1866 г. В.В. Радлов посетил Барабинскую лесостепь. Весной 1867 г. он подал рапорт-отчёт в ИАК. Он побывал в нескольких районах будущей Новосибирской области: на юге, в Кулундинской лесостепи, а также в центральной части Барабы по Московско-Сибирскому тракту и осмотрел археологические памятники. На данный момент точно известно несколько памятников, исследованных В.В. Радловым. Это памятники рядом с селом Кызырь, расположенные на правом берегу Убинского озера, группа курганов у села Карган, могильник у села Идигюль, а также курганы у деревни Осинцевой Куйбышевского района.

Перейдём непосредственно к рассмотрению открытых и исследованных В.В. Радловым памятников. Он открыл три курганные группы – около села Карган и на берегу оз. Карган. Исследовав самый большой курган, В.В. Радлов принялся за раскопки 15 курганов на этом же памятнике. «При разработке все эти бугры (курганы) оказались прежде разрытыми, кости были разбросаны человеческие и лошадиные, нашлись и обломки глиняных горшков. Могильные ямы нигде не углублялись в материк, и трупы, вероятно, были похоронены на самой почве в насыпи. Металлические вещи нигде не оказались, но многие из костей были частью зелёного цвета от ржавчины меди. Костей жёлтого цвета от ржавчины железа я нигде не нашёл» (НА ИИМК. Ф. 1. Ед. хр. 8, 1865. Л. 36).

В то время археология ещё была ориентирована на поиск интересных и редких вещей, поэтому В.В. Радлов посчитал, что раскопки, проводимые на этом памятнике, никакой пользы не принесут. В конце мая 1866 г. он отправляется в аул Идигюль, находящийся несколько южнее. Здесь он раскопал 6 курганов. В трёх курганах были найдены человеческие скелеты. Рядом с каждым скелетом имелся разнообразный железный и костяной инвентарь. Исследователь отмечает, что большинство из вещей в очень плохом состоянии, из-за этого поднять из погребений было невозможно.

Самым интересным объектом, исследованным В.В. Радловым около села Идигюль, был отдельно стоящий курган, известный в местной округе как Красный бугор. В процессе раскопок выяснилось, что название это он получил от того, что насыпь его состояла из красной пережженной глины. Кроме этого, в насыпи встречены кусочки древесного угля. Могильная яма оказалась перекрытой бревенчато-дощатым настилом. Под настилом найдены скелеты трёх лошадей, располагавшихся на правом боку головами к востоку. Затем шла подквадратная могильная яма, в которой ничего не было найдено. В.В. Радлов приходит к выводу, что «этот бугор не был могилою, но к чему была сделана яма и положены лошади, определить нельзя, может быть, это было место жертвоприношения для прекращения падежа между скотом, который здесь издавна существует» (НА ИИМК. Ф. 1. Ед. хр. 8, 1865. Л. 38-39). Однако, изучив его материалы, можно предположить, что это был кенотаф, так как тип таких захоронений часто бывает встречаем в Сибири. Возможно, он просто не дошел до могилы, т.к. копали тогда не сплошным раскопом, а траншеей или же пустая яма была полностью ограблена. Определить, что же это было на самом деле, невозможно, чертежи раскопа отсутствуют.

Затем В.В. Радлов отправляется к с. Кызырь на берегу Убинского озера. В этих местах было расположено несколько курганных могильников (Кызырь-1-4). Здесь В.В. Радлов работал 5 дней, в течение которых он раскопал 32 кургана с достаточно богатыми материалами (НА ИИМК. Ф. 1. Ед. хр. 8. 1865. Л. 39-40). Так же, как и у с. Идигюль, сохранность инвентаря в кызырских курганах оказалась неудовлетворительной.

Вторым пунктом в отчёте В.В. Радлова было исследование Осинцевских курганов. Памятники находятся на правом берегу р. Омь, недалеко от с. Осинцево [Троицкая и др., 1980]. В тех же местах в середине XX в. директором одной из местных школ Н.И. Мартыновым были открыты два памятника – Омь-1 (поселение) и Омь-2 (курганный могильник) [Троицкая и др., 1980]. Сегодня это памятники Осинцево-4, 8, 9, 10, занесённые в государственный фонд. Если предположить, что курганы и поселение, описанные В.В. Радловым, это и есть Осинцево-4, 8, 9, 10, то получается, что они были открыты почти на сто лет раньше.

Курганный могильник, по описанию В.В. Радлова, состоял из почти 20 насыпей. В каждом из пяти исследованных курганов он нашел разбросанные человеческие кости и различный инвентарь.

Затем В.В. Радлов переходит к исследованию поселения, где закладывает несколько шурфов. В культурном слое им был собран подъёмный материал (керамика, части литейной формочки, древесный уголь, остатки каменного очага, 3 целых сосуда, 1 раздавленный сосуд, железные стремена и фрагменты железных удил).

В конце своего рапорта В.В. Радлов приходит к следующим выводам. Описывая погребальный обряд в исследованных им курганах, он разделяет их на 2 группы и относит к различным эпохам: первая группа – это курганы со скорченным трупоположением, относящиеся к «медному веку»; вторая группа – курганы с трупоположениями вытянуто, относящиеся к «железному веку». Другим критерием для разделения на группы служит, по его мнению, наличие могильной ямы в кургане. «Таким образом, я предполагаю, что курганы, которые относятся к медному веку, были в западном краю без могильных ям, но курганы, относящиеся к железному веку, имели могильные ямы» (НА ИИМК. Ф. 1. Ед. хр. 8, 1865. Л. 44).

Это была первая попытка классифицировать памятники археологии Сибири. В.И. Матющенко считает, что такая классификация строилась на основании только внешних признаков, а поэтому не могла отразить содержательной сути памятников и хронологические этапы их эволюции [Матющенко, 2001].

Коллекция археологических предметов, собранная В.В. Радловым, на данный момент хранится в ГИМе. Д.Г. Савинов считает, что «проведённые здесь раскопки, были проведены на низком методическом уровне, что не позволяет уверенно идентифицировать большинство полученных материалов, хранящихся в собрании ГИМ». Но часть вещей всё же можно датировать: во-первых, это ирменская керамика. Фигурная накладка колчана аналогична восточно-европейским II тыс. н.э. [Молодин и др., 1988]. Часть срединной накладки на лук с расширяющимися концами датируется Савиновым предмонгольским временем, а костяной развязыватель узлов относится к VIII-IX вв. н.э. Самый ближайший памятник с аналогичными вещами – могильник начала II тыс. н.э. Абрамово-10 в Барабе, в котором найдены такие же костяные накладки на лук, железное стремя с широкой

подножкой и отверстием в дужке, костяные наконечники стрел [Молодин и др., 1990]. Похожие железные наконечники стрел встречены в могильнике Кыштовка-2 [Там же, с. 51-52].

После В.В. Радлова почти двадцать лет раскопками археологических памятников в Барабинской лесостепи никто не занимался.

Литература

НА ИИМК. Ф. 1. Ед. хр. 8, 1865.

Матющенко В.И. Триста лет сибирской археологии. – Омск: ОмГУ, 2001. – Т. 1. – 172 с.

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Молодин В.И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 259 с.

Талицкая. И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – (МИА. – № 35).

Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

К.В. Анохина

Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

К проблеме оценки уровня развития древних обществ

Археологи, говоря об уровне социального, экономического, военного развития древних обществ, как правило, отмечают их «высокий» уровень. Однако, какова эта «высота»? Для сравнения уровня развития современных обществ составляют различные рейтинги. А можно ли сделать это для древних обществ, известных только по археологическим материалам? Мы считаем, что да. Есть две линии сравнения: сравнивать материалы культур между собой, подобрав критерии, или сравнить их с уровнем развития цивилизаций древности.

Взлеты и падения обществ отчетливо видно на примерах государств древности (Китай, Персия, Рим, Греция и другие). Их уровень развития можно определить по количеству городов, плотности населения, военной мощи и т.д. К северу от них, в евразийских степях находился целый мир – мир кочевников, развитие которого считается высоким. Но, очевидно, жители этих территорий отличались друг от друга по уровню развития, также, как и население разных районов ранних государств.

Попытаемся определить критерии их развития и процедуру сравнения культур ранних кочевников между собой.

Рассмотрим курганы Северного Причерноморья. Это наиболее удобный вариант для сравнения, т.к. материал по раскопкам этих курганов достаточно богат. Население Северного Причерноморья было связано с Грецией, позже – с Римом. Для оценки уровня развития были выбраны следующие критерии: размеры кургана, устройство насыпи и могилы, богатство погребального инвентаря.

Высота царских курганов Северного Причерноморья в VI-IV вв. до н.э. колеблется от 3 до 21 м, диаметр – от 30 до 350 м. Насыпь возводилась из плит дёрна или специально изготовленных вальков. В V-IV вв. до н.э. вокруг гробницы выкладывали кромлех (Толстая Могила). Чаще встречаются каменные крепиды и рвы. Для VI-V вв. до н.э. характерны простые ямы и деревянные гробницы, перекрытые бревнами и камышом. Уже в VI в. до н.э. появляются катакомбные сооружения, в V в. до н.э. их количество возрастает, а в IV-III вв. до н.э. они становятся господствующей формой сооружений. Глубина катакомб колеблется от 4 до 14 м [Ольховский, 1978]. Чаще всего они имеют коридор и несколько камер. Покойников клали на шкуры и ткани или в деревянный саркофаг, как в курганах Чертомлык, Огуз, в Толстой Могиле. С V в. до н.э. появляются погребения с конем, а с IV в. до н.э еще и сопровождающие умершего человеческие погребения.

Что касается погребального инвентаря, то здесь эволюция заметна более всего. Совершенствуется форма наконечников стрел и копий (они стали иметь большую дальнобойность и пробивную силу). В IV в. до н.э. футляры для лука и стрел стали покрывать золотыми и серебряными пластинами. Дротики известны уже с VI в. до н.э., но распространяются они лишь в IV-III вв. до н.э., также как и кинжалы, панцири, пояса с металлическим набором. В VI-V вв. до н.э. встречаются лишь

греческие шлемы, а в IV-III вв. до н.э. появляются местные шлемы с металлическим набором, что говорит о прогрессе собственных отраслей производства. С V в. до н.э. встречаются захоронения с повозками, которые чаще всего закрывали вход в могилу. В дальнейшем совершенствуется конструкция самих повозок, колес, их богато украшают. Говоря об украшениях, стоит заметить, что в VII-VI вв. до н.э. встречаются в незначительном количестве: единичные экземпляры серёг, 1 гривна (Острая Могила). В V в. до н.э. в могилах появляется импорт – греческие ювелирные изделия, а в IV в. до н.э. происходит унификация всех видов украшений: они выполняются из золота в мастерских греческих городов Северного Причерноморья. Те же тенденции наблюдаются и в эволюции головных уборов, зеркал, посуды. В целом следует заметить, что в VII-V вв. до н.э. широко используется кость, а в IV в. до н.э. изделий из кости практически нет, т.к. совершенствуется металлообработка [Степи.., 1989].

Сравнивая эволюцию погребального обряда населения Северного Причерноморья с развитием Греции, можно сказать, что V-IV вв. до н.э. – период высшего расцвета полисного устройства. Происходит возвышение Афин, создание Делосского союза (во главе с Афинами). В это время идет повышение уровня культуры скифов.

На территории Северного Кавказа уровень развития общества можно проследить при сравнении Краснознаменского курганного могильника и кургана у станицы Елизаветинской. Краснознаменский могильник относится к VII-VI вв. до н.э. Он состоит из 9 насыпей с захоронениями воинской аристократии. Курган 1 – «царский»: высотой 14-15 м, диаметром 70 м; есть ров – 25 м ширины и 3,5 м глубины. Насыпь возведена из земли, выбранной вокруг, на ее поверхности – каменный панцирь, который предотвращал осыпание земли. Площадь могильной ямы – 25-80 кв.м, перекрытие состоит из дерева. Крыша опиралась на деревянные столбы и каменные колонны. В V-IV вв. до н.э. сохраняются те же типы погребальных сооружений, что и в более раннее время. Они сопровождаются массовыми захоронениями лошадей [Петренко, 1983, с. 64-75]. Курган у станицы Елизаветинской отличается как конструктивно, так и большей пышностью всей погребальной обстановки. Нововведением являются дромосы длиной до 25 м, в которые помещались колесницы, запряженные лошадьми. Погребенного клали в каменный склеп, сложенный из квадров внутри ямы. По верхнему краю могилы находятся погребения взнузданных коней, появляются захоронения зависимых лиц. Если говорить о погребальном инвентаре, то налицо эволюция: более богатое убранство наступательного и защитного вооружения, а перстни, браслеты и серьги появляются в могилах вообще лишь с конца V в. до н.э.

Аналогичные тенденции усложнения погребального обряда прослеживаются при сравнении савроматов Поволжья VII-V вв. до н.э. и прохоровской раннесарматской культуры, относящейся к IV-II вв. до н.э. [Степи.., 1989].

В целом, археологический материал позволяет сделать вывод, что скифское общество переживает свой расцвет в V-IV вв. до н.э., а со II в. до н.э. начинается спад. Те же процессы происходят и в соседних государствах. Контакты с этими государствами, заимствование их технического опыта сыграли огромную роль (особенно прослеживается на материалах керамики). В IV-III вв. до н.э. совершенствуются все виды вооружения и конского снаряжения. Хорошо прослеживается непрерывный прогресс местного производства. Фиксируется накопление богатств в руках знати и рост имущественной и социальной дифференциации в скифском обществе, особенно заметный в IV в. до н.э.

Очевидно, что такие же процессы шли в Азии, но здесь провести исследование гораздо сложнее. Большинство «царских» курганов на этих территориях разграблено, поэтому об их богатстве можно лишь догадываться. О таких обширных контактах с соседними государствами, как у скифов Северного Причерноморья, говорить трудно, поскольку письменных источников об этом гораздо меньше. Хотя можно говорить о связях саков и масагетов с Персией или сюнну с Китаем.

Однако, в таком случае работа по выделенным критериям значительно затруднена. Но имеющийся материал позволяет сделать вывод, что население Алтая и Казахстана представляет единую общность с остальным скифским миром, т.к. наблюдается несомненное сходство в предметах вооружения, украшениях и конской упряжи. Можно предположить, что для него характерны те же тенденции развития. Для подтверждения этой гипотезы необходимо разработать соответствующую систему критериев оценки. Это и будет являться основой для дальнейших исследований и показано в докладе.

В целом же, считаем целесообразным рассмотреть и обсудить вопрос о возможности определения единых критериев для определения уровня развития общества (предполагается использовать две линии для сравнения – земледельческие цивилизации – кочевой мир, и разные области

проживания кочевников), и о возможности их использования при сравнении обществ с разной социально-экономической организацией.

Литература

Ольховский В.С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. – 1978. – № 4.

Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. – 1983. – № 23.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – (Археология СССР).

О. Баттулгын

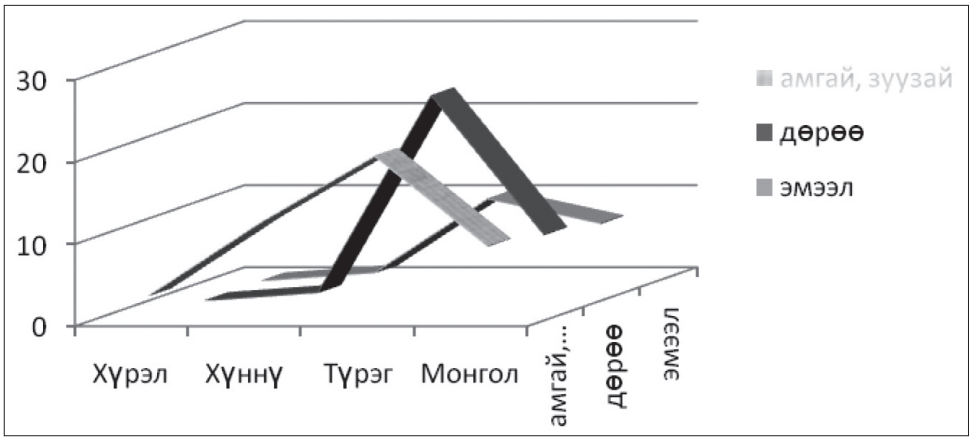
Улан-Батор (Монголия), Монгольский государственный университет

К вопросу изучения исторического развития конской сбруи на археологических материалах

С точки зрения археологии существует возможность деления материалов, полученных в ходе раскопок погребений, на 4 основные части: вооружение, упряжь, украшения одежды и предметы быта. Однако, исследования, специально посвященного сравнительному анализу конской упряжи всех исторических эпох на территории Монголии, пока еще нет. Археологом З. Батсайханом изучалась конская упряжь хунну [1997], В. Бунчин и Ч. Сонгино [1991] в своих исследованиях, посвященных древней истории, рассматривали не только хозяйство, но и предметы его обихода. Из числа зарубежных ученых очень подробные исследования культур кочевников приводились С.В. Киселевым [1951], И.Л. Кызласовым [1973], А.К. Амброзом [1973], П.Б. Коноваловым [1976], А.М. Хазановым [1973].

Целью данного исследования является выявление особенностей развития на протяжении всех исторических периодов и сравнительно-сопоставительный анализ конструкций конской сбруи имеющихся в нашем распоряжении археологических материалов с территории Монголии, подразделенных нами на 3 вида – узда, седло, стремя.

Рис. 1. Имеющиеся на сегодняшний день археологические находки – предметы конской сбруи в сравнении по историческим периодам (пропорционально):



Хурэл – бронзовый век
Хунну – хуннский период
Турэг – тюркский период
Амгай, зуузай – узда, удила
Дороо – стремя
Эмээл – седло

Возникновение конской сбруи, по всей видимости, совпадает по времени с одомашниванием лошади, произошедшим в эпоху финала бронзового века. Причем, первая необходимость, вероятно, возникла в удилах как способе управления лошадью. Однако, следует отметить, что если удастся подтвердить пока еще спорные находки седла из Ноин Улы и стремени в Дуулга уул, то эти находки эпохи хунну станут самыми ранними. В настоящее время среди монгольских иссле-

дователей распространено признание этих находок действительно хуннскими, но до зарубежных исследователей эти сведения еще не донесены. По археологической периодизации, тюркские удила и их кольца, сохранившие более древнюю форму, как седла и особенно стремена, встречаются в погребениях гораздо чаще, чем другие предметы. Интересен факт нахождения стремян относящихся к тюркским, с вертикальной и высокой формы дужкой, в погребениях уйгурского времени. Также, стремя киданей, вероятно, имело свои отличительные черты по виду и форме. Исходя из этого, нам представляется возможным уточнять относительную датировку культур и археологических материалов, связанных со стременами, происходящими из погребений. Так, например, из погребений монгольского времени происходят, в основном, удила с прямым стержнем и кольца удил. Стандартная форма седла характеризуется широким сиденьем, вертикальной (95-90°) передней лукой и наклонной (в пределах 50-45°) задней. Наиболее распространенной формой стремени этого времени является стремя, отлитое сразу с отверстием для продевания ремешка и вогнутой подножкой. Однако, есть и исключения, например, стремена из Таван-Толгой имеют своеобразную форму.

Вообще же, если вплоть до монгольского времени конская упряжь развивалась и видоизменялась, то позже приобрела более или менее неизменный, стандартизированный вид.

По составленному по историческим периодам, опираясь на имеющиеся материалы по конской упряжи и сведения, графику видно, что удила возникли в сравнительно раннее время и представлены в погребальной практике с раннего времени в значительных пропорциях.

В хуннское время, возможно, седло и стремена изготавливались из органических материалов, не дошедших до нашего времени, или же не включались в погребальный инвентарь. По крайней мере, данный вопрос требует дальнейшего более подробного изучения. Крутой подъем на графике линии стремени отражает то, что железное стремя в переходный период от хуннского времени к тюркскому полностью обрело форму.

Высокое в процентном соотношении среди всех находок в погребениях тюркского времени наличие предметов конской упряжи является отличительной особенностью этой культуры, связанной с традицией погребения с конем.

Тот же факт, что среди погребений монгольского периода захоронения с конем встречаются уже значительно реже, связан с концом господства тюрков и вместе с тем включение в погребальный инвентарь предметов конской упряжи свидетельствует о почтительном отношении к лошади у кочевников-монголов.

Литература

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель // СА. – 1973. – № 4.

Батсайхан З. Агт морь адууны тоног хэрэгсэл.МУИС, НУФ // Эрдэм шинжилгээний бичиг. – Улан-Батор, 1997. – № 3 (127).

Бүнчин В. Уналга эдэлгээний малын ашиглалт, тоног хэрэгсэл. – Улан-Батор, 1978.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1976.

Кызласов И.Л. О происхождений стремян // СА. – 1973. – № 3.

Сонгино Ч. Малын тоног хэрэгсэл. – Улан-Батор, 1991.

Хазанов А.М. О периодизации истории кочевников Евразийских степей // Проблемы этнографии Востока. – М., 1973.

Е.В. Берсенёва

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Опыт использования результатов дистанционного зондирования в археологических исследованиях

Дистанционное зондирование Земли (англ. *remote sensing*) – это «получение информации о поверхности Земли» а также «объектах на ней или в ее недрах» [Гарбузов, 2003, с. 45]. Результаты дистанционного зондирования широко применяются в процессе создании ГИС в геологических, экологических исследованиях и т.д.

Впервые данные дистанционного зондирования для изучения археологических объектов были использованы в конце 20-х гг. XX в. в Великобритании О.Дж. Кроуфордом [Толстов и др., 1962]. В 1932 г. англичанином К.Дж. Фоксом впервые применен, ставший классическим, опыт создания «дистрибутивных карт» [Монгайт, 1962], и уже в середине XX в. в России метод дистанционного зондирования использовался С.П. Толстовым при исследовании сооружений древнего Хорезма [Толстов и др., 1962].

Сегодня в России и за рубежом данные дистанционного зондирования применяются в процессе археологических разведок с целью поиска и топографической привязки археологических объектов, создания палеоландшафтных реконструкций [Гарбузов, 2003]. Помимо упомянутых выше прикладных и научных задач, результаты дистанционного зондирования могут вносить корректировки в предполагаемые методы датирования археологических объектов и интерпретацию археологических наблюдений. Описанию небольшого опыта в данном направлении и посвящена настоящая статья.

В 2005 г. проводились археологические разведки в предгорьях Набильского хребта, в верховьях р. Восьи (Тымовский район Сахалинской области) (рис. 1, *1-2*). В процессе работ были обнаружены стоянки каменного века с частично экспонированным культурным слоем. На некоторых артефактах, а также на валунах, выступающих на поверхности почвы, наблюдались следы термического воздействия (рис. 1, *3*). Интерпретация их как остатков очагов вызывала сомнения.

В процессе анализа полевых наблюдений использовались публикации и карты, отражающие динамику лесных пожаров на Сахалине в 1998 г., осуществленные Гринпис России и Экологической вахтой Сахалина [Особенности динамики пожаров.., 1999; Морозов, 1999]. По данным спутниковых снимков, в 1998 г. в центральной и северо-восточной частях острова наблюдались пожары, охватившие территорию р. Восьи. Последствия этого стихийного бедствия были зафиксированы в процессе полевых наблюдений спустя семь лет. Следовательно, на основе дистанционного зондирования было установлено время и причина изменения внешних признаков археологических объектов.

Сопоставление современной экологической ситуации и состояния сохранности стоянок позволило поставить вопрос о некорректности использования радиоуглеродного метода для датирования стоянок на данной территории. Взаимное наложение археологической карты Тымовской долины и ареала распространения пожаров, определенного по спутниковым снимкам, показало, какие из известных ранее археологических памятников попали в район распространения стихии (см. рис. 1, *2*).

На основании данных наблюдений возникло предположение, что пожары, охватившие районы концентрации археологических объектов, могут привести не только к изменению их внешних признаков, сформировать следы термического воздействия на изделиях из камня и кости, естественные «очаги», следы «вторичного обжига» на керамических изделиях, но и исказить абсолютные даты, полученные радиоуглеродным методом, поскольку лесной пожар уничтожает не только наземную часть растительности, но и корневую систему, в результате чего современные угли могут попасть в горизонт древнего культурного слоя.

Наблюдение за динамикой пожаров создает возможность для постановки вопроса о необходимости внесения корректив в радиоуглеродные датировки археологических памятников данного района, полученные после 1998 г., и использовании подобной информации в процессе изучения других территорий.

Таким образом, в археологических исследованиях при интерпретации и оценке степени информативности археологических источников в качестве дополнительных, возможно привлечение данных о современной экологической обстановке, полученных методом дистанционного зондирования.

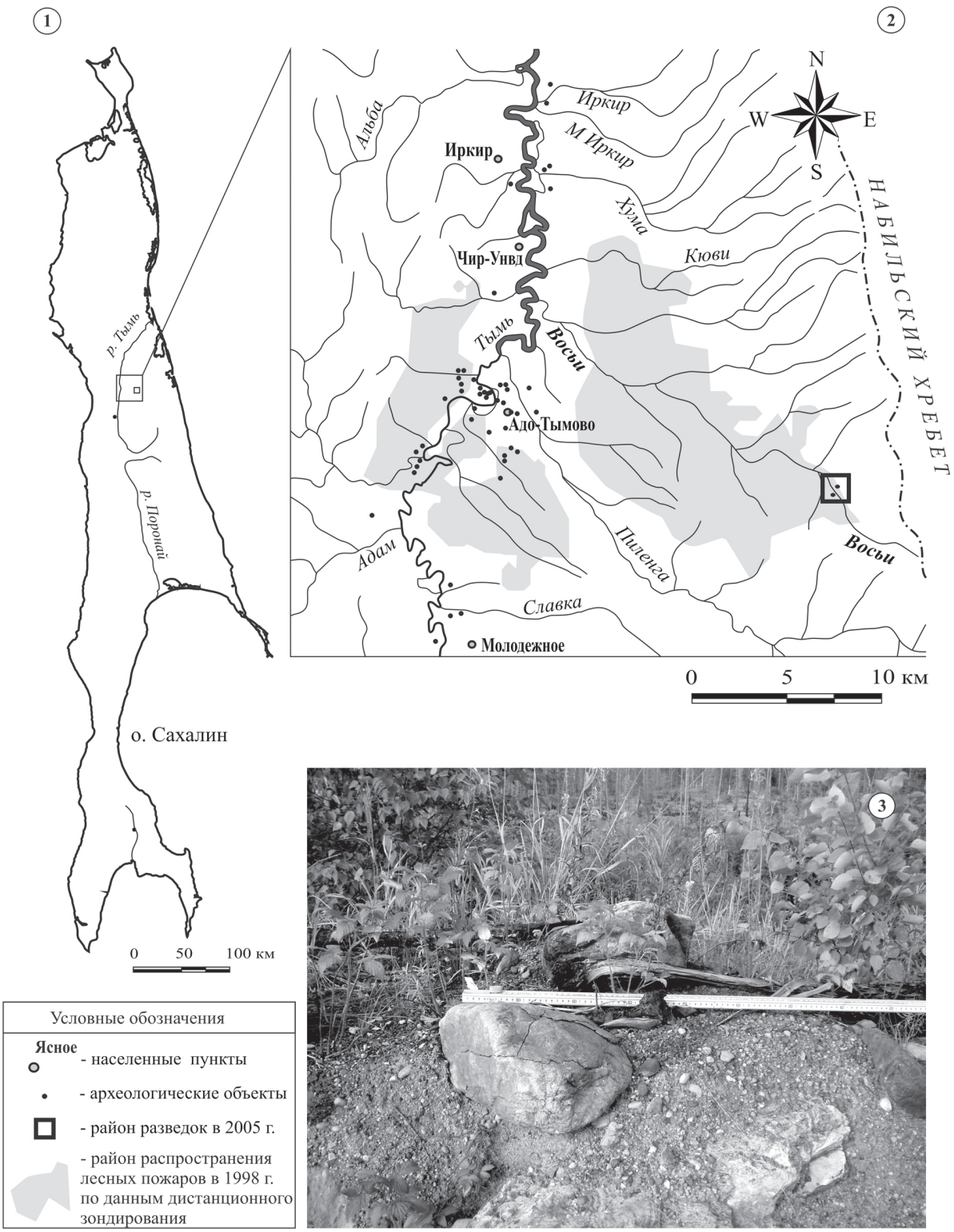


Рис. 1: *1.* Схема расположения района исследования, о. Сахалин; *2.* Карта-схема археологических памятников северной части Тымовской долины и западной части Набильского хребта с нанесенным ареалом распространения лесных пожаров в 1998 г. [по: Карта Сахалинской области. М: 1:500 000, 1991; Археологические памятники Тымовской долины по: Горбунов, 2000; Район локализации лесных пожаров в районе р. Восьи по: Особенности динамики пожаров на Сахалине в 1998 году, 1999, рис. 6]; *3.* Валуны со следами термического воздействия. Стоянка Восьи-2, 2005 г. (фото автора).

Литература

Гарбузов Г.П. Археологические исследования и дистанционное зондирование земли из космоса // РА. – 2003. – № 2. – С. 45-55.

Горбунов С.В. Археологические памятники Тымовского района // Вестник Сахалинского музея: Ежегодник. – Южно-Сахалинск, 2000 . – № 7 – С. 264-285.

Карта Сахалинской области. М: 1:500 000. – Хабаровск: Роскартография, 1991.

Монгайт А.Л. Задачи и возможности исторической картографии // СА. – 1962. – № 1 – С. 16-35.

Морозов А. Итоги пожарного сезона на Сахалине [Электронный ресурс] //Лесной бюллетень. – № 10 – март 1999. URL: http://www.forest.ru/rus/bulletin/10/3.html (дата обращения: 22.04.2006).

Особенности динамики пожаров на Сахалине в 1998 году [Электронный ресурс] // Лесные пожары на Сахалине в 1998 году / Гринпис России. ИТЦ «СканЭкс». Экологическая вахта Сахалина. – Москва, 1999. URL: http://www.forest.ru/rus/publications/sakhalin/6.html (дата обращения: 22.04.2006).

Толстов С.П., Андрианов Б.В., Игонин Н.И. Использование аэрометодов в археологических исследованиях // СА. – 1962. – № 1. – С. 3-15.

А.В. Бондаренко

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Подходы к изучению нарушенных в древности погребений

I. Нарушенное погребение – это комплекс, в котором фиксируются следы постингумационного проникновения: нарушение целостности надмогильных сооружений, погребальной камеры (т.е. изменение первоначальной стратиграфии комплекса), изменение анатомически правильного положения костей погребенного и смещение погребального инвентаря. Вскрытие погребений могло быть обусловлено рядом причин.

1. Ограбление в общепринятом смысле этого слова, сходное с поздними ограблениями сибирских курганов «бугровщиками». Например, известен целый ряд «грабленых» раннескифских могил. У костяка нарушены или отсутствуют кости таза, поясничные позвонки, часть нижних ребер, т.е. то место, где находился пояс с крепившимися на нем вещами, тогда как остальные предметы (украшения головного убора, бусы, сосуды) остались нетронутыми. При этом необходимо иметь в виду, что и само ограбление могло сопровождаться ритуалом.

2. Проникновение в могилу в целях проведения завершающих действий обрядового цикла, т.е. постингумационных обрядов. Археологически такая практика фиксируется как следы проведения определенных манипуляций с костями и погребальным инвентарём, традиционно связывается с обрядами обезвреживания покойных. Об этом могут свидетельствовать повторяющиеся нарушения в анатомическом порядке костей (расположение черепа в районе бедренных костей, отсутствие ступней, кистей рук, разрушение грудной клетки), наличие либо отсутствие определенных категорий вещей. Чаще всего результатом обезвреживания считают полностью потревоженные погребения, где в ритуал были вовлечены все кости скелета [Флёров, 2000].

3. Посещение могилы во время проведения обрядов, не относящихся непосредственно к погребальным, но связанных с представлениями о потустороннем мире:

а) при «временной смерти» для «воскресения в новом качестве». В этом плане интересно сравнение обрядов инициации и получения шаманского дара. Безусловно, установить археологически существование таких обрядов почти невозможно. Здесь требуется привлечение письменных, этнографических, фольклорных и других источников;

б) вскрытие могил для изъятия костей. Например, Э.Б. Вадецкая предположила, что в афанасьевской и окуневской культурах современники проникали в могилы ради черепов [Вадецкая, 1980]. Культ головы достоверно зафиксирован на могильнике Лисаковский I [Усманова, 2003];

в) проникновение в могилу для изъятия вещей и возвращения их представителям рода или семьи. Такие вещи, якобы, побывавшие в загробном мире и наделенные особыми свойствами, могли служить амулетами или использоваться вновь при последующих захоронениях или в жизни. Например, в исландской «Саге о Греттире», герой эпоса разграбил курган Кара Старого, отца Тор-

финна, и принес сокровище Торфинну, тот «...увидев меч, весь просиял, ибо это была их родовая драгоценность, и она никогда не покидала их рода» [Сага о Греттире, 1976, с. 31];

г) погребения могли раскапываться в целях общения с умершим. Обращение к мертвым практиковалось в брачных обрядах славян. В христианстве по состоянию костяка определяют праведность человека. Одним из ярких примеров являются ритуалы монахов Афонтовой горы.

4. Ограбление-осквернение. В данном случае, видимо, следует учитывать обстоятельства, при которых совершались такие действия, имеющие различный результат в археологическом плане. Широко известен эпизод войны скифов с Дарием. Скифы уклоняются от сражения, их обвиняют в трусости и они отвечают: «У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения, и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет» [Геродот, 1972, с. 127]. Кроме того, для утверждения прав на данную местность могилы предыдущего населения могут не только оскверняться, но и использоваться новым населением. Возможно, таким образом можно объяснить впускные могилы в ограды курганов предшествующих эпох.

II. Очень часто в публикациях, отчетах, докладах, посвященных раскопкам погребальных памятников, употребляется выражение «могила ограблена». Такая интерпретация сразу снижает археологическую значимость объекта, степень доверия к источнику и его информативность [Кузьмин, 1991]. В публикациях эти погребения приводятся описательно, в крайне сжатой форме и в дальнейших исследованиях приводится только вещевой материал. Большинство могил, раскопанных за 250 лет русской российской и советской археологии, считаются ограбленными. Это означает, что вне поля зрения исследователей остается значимый материал, который при определенном подходе дополняет научные выводы, основанные на изучении неграбленых погребений, а в отдельных случаях дает принципиально новую информацию.

Как правило, немногие исследователи поднимают вопрос о наличии определенных обрядов, связанных с проведением манипуляций с ингумированными останками. Это может быть связано как с большим процентом потревоженных погребений на могильнике, так и с наличием в таких могилах определенных категорий инвентаря. Например, присутствие бронзовой серьги с раструбом на черепе, который отделен от шейных позвонков и лежит в области ног (Рублёво VIII, погребение 1) [Кирюшин и др., 2004, с. 65].

Исключительными являются примеры, когда исследователи при проведении раскопок сосредоточивают свое внимание на погребениях, нарушенных в древности. Такая работа требует особой методики. Например, при изучении могильника Клин-Яр III в 1983-1986 гг. черновой чертеж стратиграфии выполнялся с момента появления дромоса по мере его углубления в масштабе 1:4, 1:3 и даже 1:2. Планы же погребений выполнялись в масштабе 1:5. В тех случаях, когда художнику не удавалось добиться узнаваемости костей и обломков, рисунки снабжались подробными подписями [Флёров, 2007, с. 21]. При этом считается необходимым квалифицированный контроль руководителя над каждым погребением, наличие в отряде антрополога и художника.

Литература

Геродот. История в девяти книгах. – Л.: Наука, 1972 – IV. – 600 с.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – С. 62-85.

Кузьмин Н. Ю. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. – СПб: Изд-во ГМИРа, 1991. – С. 146-155

Сага о Греттире / Пер. с древнеисл. – Новосибирск: Наука, 1976. – 175 с.

Усманова Э.Р. Андроновцы – охотники за черепами? (об одной детали некрологического цикла могильника Лисаковский) // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Астана: Култегін, 2003. – Т. 1: Древние эпохи. – С. 152-154.

Флёров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. – М.: Полимедиа, 2000. – 164 с.

Флёров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. – М.: ТАУС, 2007. – 372 с.

И.М. Бухтоярова
Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет

С.Н. Замятнин и развитие археологической науки в Воронежском губернском музее (1915–1924 гг.)

В 20-е гг. XX века в советской России начинает складываться система охраны памятников старины и использования культурного наследия, где одно из центральных мест занимает археология [Пряхин, 1986, с. 37]. Исследования многих археологов в этот период способствуют накоплению и систематизации музейных экспонатов, особенно на краеведческом уровне. Среди ведущих исследователей в области археологии и изучения древнего каменного века первой половины XX века следует выделить имя Сергея Николаевича Замятнина, который в течение нескольких лет был хранителем Воронежского краеведческого музея и подробно изучал археологию края.

С.Н. Замятнин стал проявлять интерес к археологии ещё во время учёбы в гимназии. В 1915 г. он участвует в раскопках могильника Частые Курганы, организованных местной Губернской Учёной Архивной Комиссией [Праслов, 1999, с. 6]. После окончания гимназии С.Н. Замятнин решает всерьёз заняться наукой и поступает на работу вначале практикантом, а затем младшим научным сотрудником в Воронежский губернский музей (ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 955. Л. 25.). Здесь он работает с 1915 по 1924 гг. (НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп.7. Ед. хр. 4. Л. 45). Материалы Государственного архива Воронежской области свидетельствуют о том, что в музее в 1922-1923 гг. работала мать Сергея Николаевича – Ольга Николаевна Замятнина, урождённая Лукъянчикова (ГАВО. Ф. 904. Оп.1. Ед. хр. 1. Л. 26). Её братья – Константин и Николай Лукъянчиковы в это время были чиновниками Казённой палаты и оказывали помощь и содействие в трудоустройстве сестры и её сына. А один из братьев есть в списках работников Воронежского губернского музея за 1924-1925 гг. (ГАВО. Ф. 1. Оп.1. Ед. хр. 1580. Л. 18).

В 1920 г. в Воронеже появился филиал Московского археологического института им. М.Н. Покровского, высшего учебного заведения, задачами которого была «научная разработка археологии, археографии и русской истории с её вспомогательными дисциплинами, а равно и подготовка специалистов для должностей в архивах, музеях и библиотеках» [Котлярова, 2008, с. 113]. Отделение института находилось в здании губернского музея по адресу: г. Воронеж, пр-т Революции, д. 6 (ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 631. Л. 1.). В июле 1920 г. сюда поступает Сергей Николаевич Замятнин на археологическое отделение (Там же).

Воронежский губернский музей сыграл немаловажную роль в существовании Археологического института, предоставив свои помещения для чтения лекций, а также преподавателей из числа своих сотрудников (М.К. Паренаго, Т.М. Олейников, В.В. Литвинов) [Котлярова, 2008, с. 114]. Благодаря опыту и таланту педагогов обучение С.Н. Замятнина в этом институте способствовало становлению научных интересов археолога и формированию навыков исследовательской деятельности.

В 1918 г. была проведена реорганизация Воронежского губернского музея, он был поставлен под контроль Губернского отдела народного образования (Губоно) [Замаева, 2008, с. 125]. С сентября 1919 г. Сергей Николаевич Замятнин состоял в музее в должности губернского инструктора по делам музеев и охране памятников искусства и старины Губоно [Замаева, 2008, с. 126]. Особое внимание он уделял разбору накопленных материалов, их обработке и учёту. В феврале 1921 г. С.Н. Замятнина назначили хранителем археологического отдела музея. Начиная с 1921 г., он проводил археологические разведки, пополнял экспозицию и фонды Воронежского губернского музея, оказывал большую помощь краеведам в организации местных музеев и охране исторических памятников.

В июне 1922 г., прослушав полный курс обучения, Сергей Николаевич Замятнин защищает дипломную работу в Воронежском отделении Московского археологического института на тему: «Археологические карты, их научное значение и методы их составления (с приложением археологической карты Воронежской губернии)» (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 3. Ед. хр. 12624. Л. 7).

В 1922 г. С.Н. Замятнин «был командирован музейным отделением губполитсовета в губернскую комиссию по изъятию церковных ценностей и получил от нее для губернского музея около 25 предметов, которые имеют ценность или в археологическом, или в художественном отношении» [Акиньшин, 2008, с. 210]. И.В. Котлярова отмечает, что «из всех отделов музея в 1923 г. имен-

но отдел первобытных древностей имел самый высокий процент обработки своего материала: вся археологическая коллекция была обработана на 75 процентов» [Котлярова, 2008, с. 92].

В начале 1924 г. при губернском музее по инициативе его сотрудников возникает краеведческая организация «Общество изучения Воронежского края». Это научное общество продолжило работу ранее существовавших в г. Воронеже организаций: Учёной Архивной Комиссии и Историко-археологического общества. На открытых заседаниях «Общества изучения Воронежского края» читались и обсуждались доклады по вопросам, касающимся археологии и краеведения. Общество выпускало «Воронежский краеведческий сборник» (1924-1925 гг.) и «Известия Воронежского краеведческого общества» (1925-1927 гг.). С.Н. Замятнин принимал активное участие в заседаниях научного общества, неоднократно выступал с докладами, два из которых были впоследствии опубликованы в этих изданиях [Замятнин, 1925а, с. 19-21; Замятнин, 1925б, с. 41-44].

К концу 1924 г. обострились отношения между директором музея М.К. Паренаго и остальными сотрудниками. В отчётах Воронежского губернского музея сохранилось заявление его сотрудников, написанное в Губполитпросовет с просьбой принять меры по смене руководства. Кроме того, в прошении подробным образом указаны причины этого решения: «…на последнем собрании 30 ноября 1924 года была выявлена полная неналаженность административно-хозяйственной и научной структуры Музея» (ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1580. Л. 96). Были также указаны такие причины как пассивность со стороны руководства, отсутствие денежных средств, отсутствие планомерности в работе.

31 декабря 1924 г. С.Н. Замятнин в заявлении, написанном в Воронежский губполитпросовет, просит освободить его от занимаемой должности «ввиду ненормальных условий жизни и деятельности музея и невозможности продуктивно работать» (ГАВО. Ф. 904. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 26.).

Таким образом, Сергей Николаевич Замятнин, работая в Воронежском краеведческом музее с 1915 по 1924 гг., обозначил основные направления археологического изучения края. Проводя многочисленные разведки и раскопки в ряде уездов Воронежской губернии, он подготовил материалы к составлению археологической карты Воронежского края, написал инструкцию по изучению памятников древности, вёл большую работу по организации охраны памятников старины. Именно в 20-е гг. XX века на местах предпринимались шаги по формированию системы охраны древних памятников, а также по возникновению целого ряда новых региональных центров археологических исследований. Становление археологической науки в Воронежском крае происходило на основе развития накопленных дореволюционных традиций и, конечно же, при активном участии Воронежского губернского музея, который собрал вокруг себя ведущих специалистов в этой области.

Литература

Акиньшин А.Н. Археолог Сергей Николаевич Замятнин (1899-1958): воронежские страницы биографии // Исторические записки: научные труды исторического факультета ВГУ. – Воронеж, 2002. – Вып. 8. – С. 207-214.

Воронежский государственный университет. С.Н. Замятнин // ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 3. Ед. хр. 12624. Л. 7-8.

Документы о работе Воронежского государственного историко-культурного музея (15 апреля 1924 г. – 3 октября 1925 г.) // ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1580. 144 л.

Замаева Е.В. Археология в деятельности Воронежского губернского музея в 20-е гг. XX в. // Из истории отечественной археологии: Сб. науч. тр. – Воронеж: Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – Вып. 1: Воронежский государственный университет. – С. 125-130.

Замятнин С.Н. Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне и июле 1925 г. // Изв. / Воронежского краеведческого общества. – Воронеж, 1925а. – № 2. – С. 19-21.

Замятнин С.Н. Инструкция для изучения первобытных древностей // Воронежский краеведческий сборник. – Воронеж, 1925б. – Вып. 2. – С. 41-44.

Котлярова И.В. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 92-114.

Личные дела, карточки, характеристики бывших сотрудников института этнографии с фамилиями от Дол до КАР. Личное дело С.Н. Замятнина // НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 7. Ед. хр. 4. Л. 42-93.

Материалы Воронежского отделения Московского археологического института (16-19 апреля 1921 г.) // ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 631. Л.1.

Отчёт об организации и работе музея за 1922-1923 гг. // ГАВО. Ф. 904. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 26.

Отчёты музеев губернии о работе за 1922 г. (1922 г. – 20 июня 1923 г.) // ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 955. Л. 25.

Праслов Н.Д. Сергей Николаевич Замятнин: основные вехи жизни и творчества (21.04.1899-5.11.1958) // Локальные различия в каменном веке. – СПб., 1999. – С. 6-11.

Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – сер. 30-х годов). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – С. 37.

А.С. Виноградов
Томск, Томский государственный университет

Применение геоинформационных технологий в археологическом исследовании

На сегодняшний день геоинформационные технологии плотно вошли в систему археологического исследования. Интеграция наук, ставшая одной из ведущих тенденций развития научного мировоззрения в XX столетии, привела к пониманию необходимости междисциплинарного подхода (синтеза) в исторической науке. Следствием этого стало привлечение данных и инструментария других наук (гуманитарных, точных и естественных), возникновение новых дисциплин на стыке разных научных знаний [Владимиров, 2005].

Давность применения геоинформационных технологий в российской археологии насчитывает немногим более десятилетия. Однако ГИС-технологии вошли в обиход не только профессионально связанных с географией специалистов, но и стали инструментом для научного исторического и археологического исследования. Появилось даже целое направление «ГИС-археология» и в последнее время это направление в археологическом исследовании стало бурно развиваться [Гусев, Чернышев, 2003].

Возможности применения ГИС-технологий в археологии весьма обширны. С помощью аппаратных и программных средств ГИС возможны не только привязка памятников археологии к местности, зонирование территории, топографическая съемка археологических памятников, фиксация отдельных находок и отображение их на тематических картах, но также и моделирование разного рода ретроспективных процессов (этнокультурных, миграционных и т.д.). На основании полевых съемок и с помощью различных ГИС-приложений возможно пространственное цифровое моделирование и реконструкция как археологических объектов, так и микроландшафта на котором они расположены. Данные, полученные в результате полевых изысканий и камеральной обработки, могут быть внесены в базу данных (геоданных) для быстрого поиска и работы с ними.

Применение ГИС-технологий в археологическом исследовании можно условно разделить на полевые и настольные (камеральные) ГИС.

В качестве одного из первоначальных этапов исследования выступает зонирование территории в плане перспективности нахождения на ней памятников археологии. Использование ГИС-технологий дает возможность не только фиксировать пространственное расположение археологических находок, но и прогнозировать местонахождение памятников на еще неисследованных территориях, основываясь на тенденциях их распространения [Прохоров, 2003].

Выделение на карте зон перспективности производится посредством пересечения достаточных и необходимых критериев ландшафтной характеристики зонируемого региона, таких как высотные отметки (приуроченность к возвышенным местам, террасам и пр.), водотоки (приуроченность к водным объектам, в том числе древним), типы почв, растительности и грунта (твердые грунты, болото, угнетенная растительность, высокоствольный лес, пойма и пр.), а также расстояние (удаленность от водных объектов, в том числе, и древних). Пересечение вышеуказанных критериев в ГИС-анализе поможет выявить зоны, где нахождение памятников археологии наиболее вероятно. Подобный многокритериальный подход просто необходим, поскольку перед современным исследователем, как правило, предстает существенно измененный ландшафт вследствие различных денудационных природных процессов.

Последнее десятилетие в полевых условиях археологами активно стали использоваться приборы глобального позиционирования и геоинформационное программное обеспечение для получения и обработки геоданных.

Используемые археологами условные топографические привязки к водоемам и населенным пунктам весьма ненадежны. Памятники нередко «теряются», оказываются «дважды» открытыми, один и тот же памятник может фигурировать под разными названиями и т.д. Все эти проблемы отпадают при использовании спутникового навигационного приемника [Зайцева и др., 2007].

Как правило, археологами используются портативные GPS-приемники. В силу компактности, малой энергоемкости и доступной цены они широко используются специалистами в полевых работах. Однако подобные приемники дают погрешность в зависимости от времени суток, характера местности и качества самого приемника.

Существенной альтернативой для точной фиксации пространственных метрических характеристик археологических объектов можно считать GPS приемники геодезической точности. Подобное оборудование считывает со спутников географическую информацию с точностью до одного сантиметра.

Одной из актуальных для археологов задач является максимально точное воспроизведение микрорельефа участка местности, который скрывает развалины древнего сооружения, чтобы по этому остаточному микрорельефу еще до начала раскопок можно было распознать структуру памятника и осознанно спланировать раскопки. Это особенно важно в тех случаях, когда раскопки проводить не планируется, потому что они либо не нужны, либо проводить их нецелесообразно в связи с высокой стоимостью работ и большими трудозатратами [Чуев и др., 2005].

Для выполнения гипсометрической съемки наиболее эффективно применять устройства геодезической точности в паре с электронным тахеометром. «Точки», полученные в результате съемки, являются точным математическим каркасом, на основании которого возможно исполнение планов и трехмерных моделей. Точечные объекты несут в себе атрибутивную информацию значений в трехмерной системе координат (X,Y,Z), принадлежность к тому или иному объекту, ландшафту, дату съемки, название памятника археологии и т.д. Они заносятся в компьютер и обрабатываются соответствующим программным обеспечением (MapInfo, Arc Gis, ArcView, AutoCAD и др.).

Использование приборов геодезической точности решает сразу две задачи. Во-первых, как уже было сказано, – это высокоточная съемка археологических памятников и их объектов, привязка к местности с дальнейшей возможностью отображения на картах, планах, а также возможностью пространственного моделирования. Во-вторых, использование технических средств геодезической точности дает основание на занесение информации о памятнике археологии в земельный кадастр и землеустроительную документацию, что, тем самым, объективно создает предпосылки для его охраны в соответствии с действующим законодательством.

Одной из важнейших особенностей ГИС-технологий является совмещение географии и базы данных. Начать составлять первичную базу данных по результатам обследования территории можно уже в полевых условиях. На каждый памятник археологии, включенный в базу данных, заводится паспорт, в котором содержится вся необходимая информация о нем – название, описание, история исследования, фотографии, планы, координаты и т.д. В дальнейшем эта информация должна поступить в региональную, а затем и общероссийскую базу данных памятников истории и культуры.

В развитии данного направления существует немало сложностей. Использование программно-технических средств рекомендует Отдел полевых исследований Института Археологии, однако, к сожалению, нет единой методики и рекомендации по их применению. На сегодняшний день направление ГИС-археологии еще не получило достаточно широкого и качественного охвата в археологическом исследовании. Спорадичное и несистемное применение геоинформационных технологий в археологии во многом еще остается уделом отдельных исследователей и энтузиастов. Отсутствие единой концепции использования ГИС-технологий и узость материально-технической базы существенно сдерживают развитие данного направления в археологическом исследовании.

Литература

Владимиров В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. – Барнаул, 2005.

Гусев С.В., Чернышев А.В. Формат геоинформационного описания для памятников археологии [Электронный ресурс] // Сектор охраны и использования археологического наследия // URL: http://progects.heritage-institute.ru (дата обращения: 24.03.2009).

Зайцева О.В., Барсуков Е.В., Пушкарев А.А. Использование «полевой ГИС» в археологических исследованиях // Arc Review. – 2007. – № 4 (43).

Прохоров А.Н Компьютерные технологии в археологии // Компьютер Пресс. – 2003. – № 7.

Чуев Н.И., Китов Е.П., Борщев Д.В. Применение ГИС «Карта 2005» в археологических исследованиях // Геопрофи. – 2005. – № 2.

М.И. Гантимурова
Чита, Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Археологические исследования А.К. Кузнецова (1845-1928)

В истории науки Забайкалья видное место занимает фигура известного политического деятеля, ученого, «патриарха» забайкальского краеведения – Алексея Кирилловича Кузнецова, 165 лет со дня рождения которого исполняется в феврале 2010 г. С деятельностью А.К. Кузнецова связана история открытия Нерчинского, Читинского, Якутского музеев, отделения Русского географического общества в Чите.

А.К. Кузнецов проводил разнонаправленные исследования, но археология представляла для него особый интерес. Археологическими исследованиями он систематически начал заниматься с 1879 г. в Нерчинске. А.К. Кузнецов, будучи профессиональным фотографом, много путешествовал по Забайкалью. Из своих командировок он постоянно привозил «разные древности». Эти материалы в последующем оказались базовыми в создании археологических коллекций для Нерчинского и Читинского музеев.

Самым известным археологическим исследованием А.К. Кузнецова по праву считается изучение Кондуйского городка, проводившееся в июне 1889 г.

Уникальный архитектурный комплекс XIV в. располагается в Борзинском районе Забайкальского края, между реками Кондуй и Барон-Кондуй, северными притоками р. Урулюнгуй [Древнемонгольские города, 1965, с. 329]. Начиная с XVII в., остатки этого объекта привлекали внимание путешественников и местных жителей. Первые сведения о древних монгольских городах дал голландский купец Эверт Исбрант Идес в книге, выпущенной в 1704 г. в Амстердаме. Следуя из Нерчинска в Манчжурию с 1692 по 1695 гг., Идес (находился в составе посольства России) «на коротком расстоянии встретил три обширные, оставленные города, каменные стены и башни которых, а равно и статуи и другие украшения зодчества привели в изумление русского посланника» [Кузнецов, 1925, с. 60].

В 1828 г. Кондуйский городок был осмотрен поэтом Забайкалья Федором Ивановичем Бальдауфом, который впоследствии посвятил строки этому сооружению в своей поэме «Авван и Гайро» [Константинов, Константинова, 2007]. В 1837 г. Кондуйский городок изучал врач Кутомарского госпиталя Нерчинского горного округа Николай Кириллович Баженов, издавший в 1846 г. в Казани очерк «Поездка в Кондую». Но как отмечал А.К. Кузнецов: «При статье приложены рисунки без масштаба и без описания, только с общей надписью «очерки изваяний». Рисунки сделаны так плохо, что только в одном из них можно признать некоторое сходство с гранитными идолами малого размера» [Кузнецов, 1925, с. 60].

В 1842 г. нерчинский краевед Михаил Андреевич Зензинов в «Записках о забайкальских бурятах» дал определение Кондуйскому городку, назвав его «развалинами Чингисханова дворца» [Кузнецов, 1925, с. 61]. В середине 1850-х гг. мимо кондуйских развалин проезжал польский политический ссыльный Агатон Гиллер [Эйльбарт, 2006]. В 1867 г. более обстоятельное описание кондуйских развалин дал горный инженер Александр Антонович Павлуцкий в своей статье: «Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющихся вблизи Кличинского серебросвинцового рудника, с указанием нахождения их и в других местах Нерчинского округа». «В этой статье немало интересных указаний на археологические памятники, имеющиеся в Забайкалье, в которых

гр. Павлуцкий кое-где копался без всяких знаний дела, а потому испортил немало памятников старины» – отметил А.К. Кузнецов [1925, с. 61].

Таким образом, имея предварительные сведения об археологическом объекте, Алексей Кириллович решил провести дополнительное исследование Кондуйских развалин, результаты которого он обнародовал в работе «Развалины Кондуйского городка и его окрестностей».

А.К. Кузнецовым велась работа по нескольким направлениям: обследование окрестностей, сбор подъемного материала (причем, для этого он привлек и местных жителей); осмотр местной православной церкви, построенной пограничными казаками из кирпичей и камней, вывезенных из «городка»; раскопки Кондуйского городка; обработка материалов.

На первом этапе работы А.К. Кузнецов составил подробное описание местности, отметив условия проживания на данной территории (геологическая ситуация, фауна и т.п.). Проводя сборы подъемного материала, он за определенную плату предложил жителям поселка приносить ему найденные в земле изделия из камня. При описании церкви он отмечал: «При осмотре неуклюжего Кондуйского храма оказалось внутри, в алтаре, за престолом в стене заделано несколько интересных изваяний из камня, взятых из Кондуйского городка» [Кузнецов, 1925, с. 22]. Раскопки самого Кондуйского городка начались во второй половине июня 1889 г. Вся работа подробно описана, подготовлены планы, многие артефакты тщательно зарисованы. Важно отметить, что исследователь давал не только описание, но и высказывал предположения о назначении отдельных находок. А.К. Кузнецов также объяснял технологию изготовления кирпича, керамики, глазури, покрывавшей черепицу, пытался определить сырьевые источники. Хронологическую и культурную принадлежность этого комплекса, как и предшественникам, Алексею Кирилловичу определить не удалось. Несмотря на задачи, которые ставил перед собой археолог, провести полное исследование Кондуйского городка не получилось из-за недостатка средств, времени и человеческих ресурсов. Тем не менее, полученные результаты дали возможность для будущих исследований: в 1957-1958 гг. участники Монгольской археологической экспедиции под руководством доктора исторических наук, члена-корреспондента АН СССР Сергея Владимировича Киселева предприняли более тщательное исследование Кондуйского дворцового комплекса. К сожалению, многие экспонаты были потеряны для науки в период управления Забайкальской областью губернатора И.П. Надарова (1901-1904 гг.). В результате личной неприязни областного начальника А.К. Кузнецов был отстранен от работы в музее и в Читинском отделении Географического общества, и все его коллекции были брошены в сарай «без пола и потолка».

Кроме исследования Кондуйского городка и его окрестностей, А.К. Кузнецов обследовал окрестности озера Бальзино, низовья р. Или и долины р. Онон, долины рек Ингоды и Аргуни, территорию около г. Читы.

Он отмечал необходимость более тщательного изучения памятников археологии и их охраны от «хищнического» расхищения. А.К. Кузнецов так охарактеризовал правовое положение археологических исследований в регионе: «Сотни памятников разрушаются хищниками, и мы, при таком ложном положении, не имеем возможности ничего предпринять в ограждение памятников для науки. Очень прискорбно такое положение археолога на нашей родной далекой окраине, и еще прискорбнее, что нет ни одного государственного или общественного учреждения, которое заботилось бы об этой важной отрасли знаний» [Михалкин, 1929, с. 67].

В заключение отметим, что Алексей Кириллович Кузнецов, несмотря на сложные периоды в жизни, всегда продолжал заниматься научными изысканиями. Исследовательская деятельность ученого давала ему – ссыльнопоселенцу, возможность жить в чужом краю полноценной жизнью. Важно, что А.К. Кузнецов не просто накапливал знания, материалы, он передавал свой опыт ученикам, давал возможность приобщаться всем желающим к культурному наследию края.

Литература

Древнемонгольские города / С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, Л.Р. Кызласов и др. – М.: Наука, 1965. – 369 с.

Константинов А.В., Константинова Н.Н. Забайкалье: ступени истории (с древнейших времен до 1917 года). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 264 с.

Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. – Владивосток: Кн. Дело, 1925. – 64 с.

Михалкин И.И. Алексей Кириллович Кузнецов как археолог // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. – Чита: Кн. Дело, 1929. – С. 57-70.

Эйльбарт Н.В. Исследователь Забайкалья Алексей Кириллович Кузнецов (1845-1928) // Клио. – 2006. – № 4 (35). – С. 229-233.

Ю.В. Голубева
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Этапы изучения хозяйственных типов населения Западной Сибири в эпоху палеометалла (по археологическим источникам)

Необходимость изучения истории археологических исследований очевидна, поскольку громадный опыт ученых, являющийся является базой, на которой строятся современные исследования, к сожалению, не изучается должным образом.

Дореволюционные исследования в Зауралье и Западной Сибири – период накопления археологического материала Полевые разведки и стационарные раскопки прошли в районе Тюмени (И.Я. Словцов), в бассейне Томи и на Алтае (С.К. Кузнецов, А.В. Адрианов, С.М. Чугунов, В.М. Флоринский, Н.Ф. Кащенко и др.).

Признавая несомненные заслуги археологов, отметим крайне недостаточный интерпретационный уровень исследований. Но, были собраны богатейшие этнографические материалы – основа для исследования хозяйства древнего населения Сибири.

В 1920-30-е гг. начаты систематические раскопки. В свердловско-тагильском регионе и Тюменском Притоболье работы вели Д.Н. Эдинг, П.А. Дмитриев; в районе Омска – В.П. Левашова; в Верхнем Приобье – С.М. Сергеев, М.П. Грязнов; в Минусинской котловине – С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, С.В. Киселёв; в Нижнем Приобье – В.Н. Чернецов, В.С. Адрианов. Были выделены этапы развития населения территорий, археологические культуры, но изучением хозяйства практически никто не занимался [Косарев, 1981].

В 1940-1950-х гг. были обследованы Нижняя Обь (В.И. Мошинская, В.Н. Чернецов), Томское Приобье (В.И. Матющенко), Красноярско-Канская лесостепь (Г.А. Максименко). Расшились представлений о распространении памятников эпохи бронзы и железа, важное место заняли проблемы хронологии и культурной принадлежности. Появляются первые работы, где хозяйство рассмотрено специально, с применением специальных методик. Это работы С.В. Киселева, М.П. Грязнова, С.И. Руденко, В.М. Раушенбах, Е.М. Берс.

С 1960-х гг. в Западной Сибири стали проводиться широкомасштабные исследования, в них участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Урала и Западной Сибири. Кроме того, в конце 1950-х гг. было создано Сибирское отделение АН СССР, при котором к середине 1960-х гг. возник Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, взявший на себя координирующую роль в археологических исследованиях на территории Сибири и Дальнего Востока. Это вызвало большой поток литературы. За 11 лет (1966-1976 гг.) вышло около 800 работ. Это больше, чем за весь предыдущий период после революции (за 1917-1965 гг. вышло 642 работы). Результаты исследований обсуждались на различного рода конференциях, в результате сложились концепции развития отраслей хозяйства сибиряков в древности и средневековье. Как итог появились разработки о хозяйстве населения [Матющенко, 2001].

Земледелие. Существование земледелия у населения Южного Зауралья и Притоболья бесспорно отмечено для андроновской эпохи. По мнению исследователей, оно было мотыжным и его роль в хозяйстве значительно возросла в конце эпохи, когда хлеб занял видное место в питании населения. Есть некоторые данные, позволяющие предполагать, что озёрное население Нижнего Притоболья ещё накануне бронзового века могло быть знакомо с зачатками земледелия и скотоводства (П.А. Дмитриев, В.М. Раушенбах).

У еловского населения, как отмечается в работах, земледелие существовало в зачаточном состоянии и играло незначительную роль. Заметное развитие оно получило лишь в южных районах, а сами земледельческие навыки в Томском Приобье были привнесены с запада, по данным М.Ф.

Косарева. Но В.А. Посредников выразил сомнение в правомерности вывода о возможности земледелия у еловцев.

Наличие земледелия у носителей ирменской культуры отмечено для ряда районов. Исследователи считают, что оно играло более существенную роль в южных районах и менее значительную – в Новосибирском и Томском Приобье, находясь здесь на начальной стадии развития.

Таким образом, исследователи отмечают существование земледелия в различных районах Западной Сибири с бронзового века. Никаких теоретических разработок по этому вопросу не предпринималось.

Скотоводство

Томско-Новосибирское Приобье. Обь-Чулымское междуречье. В лесостепном Приобье скотоводство распространяется в эпоху поздней бронзы. Точку зрения о привнесении скотоводческих навыков извне высказал М.Ф. Косарев. В.А. Посредников считал, что у еловцев скотоводство не получило широкого распространения. В ирменскую эпоху в Томском Приобье скотоводство превращается в ведущую отрасль хозяйства. Однако на север, в лесные районы, оно не проникает.

Алтай и Минусинская котловина. Исследователи отмечают существование скотоводства в регионе в афанасьевскую эпоху. Ведущую роль скотоводства в экономике окуневской культуры отмечали М.П. Грязнов, Г.А. Максименков, А.И. Мартынов, В.П. Шилов. В андроновскую эпоху пастушеское скотоводство также преобладало. В вопросе о происхождении и развитии оленеводства в регионе ведущей стала точка зрения о его возникновении в Саяно-Алтайском районе.

Охота

Во второй половине 1960-х – середине 1970-х гг. увеличивается количество работ, освещающих развитие охоты у древнего населения. Л.П. Хлобыстин отмечал, что для середины II – начала I тыс. до н.э. в Заполярье можно выделить две зоны с различными типами хозяйства: полуоседлые охотники за северным оленем и морские зверобои.

Для Зауралья, Ишимо-Иртышья и Приобья отмечена существенная роль охоты в жизни таёжного населения вплоть до конца андроновской эпохи. Считается, что для районов Томского Приобья охота была ведущей в хозяйстве северных групп населения самусьской культуры, возможно, была развитая специализированная охота на пушного зверя. У жителей еловской культуры охота, играя существенную роль, всё же уступала первенство рыболовству.

Для эпохи поздней бронзы (ирменского времени) отмечена второстепенная роль охоты в степи и лесостепи, а для переходного времени к раннему железному веку – её существенная роль в таёжной зоне в молчановской культуре. В хозяйстве населения Притоболья в конце II – начале I тыс. до н.э. роль охоты также была незначительной.

В Минусинской котловине и на Алтае у афанасьевцев и окуневцев, наряду с производящим хозяйством, охота существовала. В андроновское и карасукское время роль охоты в экономике была достаточно скромной.

Можно отметить, что исследователи указывают на существенную роль охоты для ранних этапов бронзового века. В тайге же охота оставалась ведущей отраслью, что вполне естественно, учитывая экологическую ситуацию. Ряд исследователей (В.И. Матющенко, В.А. Посредников, Ю.Б. Симченко) отмечают специализацию в охоте. Обобщающих работ, посвящённых развитию охоты у населения бронзового века Западной Сибири, не было.

Рыболовство

В эпоху неолита рыболовство являлось важной отраслью хозяйства в районах Зауралья и Притоболья и было связано с запорным и котцовым промыслом. В эпоху поздней бронзы его роль падает. Наличие рыболовства у кротовцев в Обь-Иртышье отмечено В.И. Молодиным. В Томском и Нарымском Приобье у носителей самусьской культуры рыболовство составляло одну из основ хозяйства, хотя трудно определить его удельный вес в хозяйстве. В андроновскую эпоху рыболовство здесь имело большее значение, чем на Верхней Оби.

Более значительная роль отводится исследователями рыболовству населения еловской и ирменской культур. В ирменскую эпоху рыболовство в южных, лесостепных районах Томского и Нарымского Приобья отходит на второй план, а в северных продолжает играть заметную роль. У населения тайги и предтаёжной зоны удельный вес рыболовства в экономике даже повышается.

Наличие рыболовства отмечено исследователями для племён афанасьевской и окуневской культур Минусинской котловины. В андроновское время рыболовство, видимо, существовало как подсобный промысел.

Итак, развитие рыболовства было характерно для северных, таёжных районов. В то же время, несмотря на его роль, о рыболовстве эпохи бронзы не написано ни одной специальной работы; порой его наличие лишь предполагается [Эрлих, 1996, с. 109-119].

В целом, имея колоссальные достижения, история отечественной археологии в целом, и история изучения ее отдельных направлений пока разработана неполно.

Литература

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М: Наука, 1981.

Матющенко В.И. 300 лет истории Сибирской археологии. – Омск: Издание ОмГУ, 2001.

Эрлих В.А. Изучение бронзового века Западной Сибири в сер. 1960-х – пер. пол. 1970-х гг. // Археология Сибири: историография и источники. – Омск: Издание ОмГУ, 1966.

В.В. Золотухин

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Шайтанский археологический микрорайон: перспективы создания полнофункциональной ГИС

Все большее значение в археологических исследованиях приобретает использование ГИС-технологий. И это закономерно, поскольку применение ГИС позволяет более широко подходить к исследованию, как отдельных археологических объектов, так и целых археологических комплексов и открывает целый ряд недоступных ранее возможностей для анализа и интерпретации имеющейся в них информации. К настоящему времени в нашей стране накоплен достаточно обширный теоретический и практический опыт создания ГИС отдельных памятников и целых регионов, например, создание действующей ГИС Кисловодской котловины или ГИС Абхазского побережья [Требелева, Горлов, 2005].

Шайтанский археологический микрорайон расположен в Кожевниковском районе Томской области [Зайцева, Барсуков, Гусев, 2004]. В геоморфологическом отношении Шайтанский археологический микрорайон располагается на стыке Томь-Колыванской складчатой системы и Западносибирской плиты. Основные формы рельефа сориентированы с северо-востока на юго-запад. В целом зона представляет собой аллювиально-аккумулятивную равнину с пологой или пологоволнистой поверхностью. Рельеф местности значительно расчленен благодаря развитию террас р. Оби и ее притоков, а также сети логов. Согласно почвенно-ботаническому районированию, микрорайон входит в Томский подтаежный район, который является переходным от таежных (урманоболотных) к лесостепным и степным фациям Западносибирской низменности, как в орографическом отношении, так и в смене ландшафтов.

Западная граница проходит по р. Таган, представляющей по своему происхождению старичную протоку р. Оби. С севера и юга микрорайон ограничен руслами правых притоков Оби – реками Шайтанкой и Андравой, имеющих глубоко врезанные узкие речные долины. В целом рассматриваемый участок представляет собой положительную форму рельефа, ограниченную с трех сторон естественными крутыми склонами. Естественные границы совпадают с границами распространения памятников (по крайней мере, в сплошной «веренице» памятников наблюдается непрерывность в несколько километров). Восточная граница пока определена условно, что связано с отсутствием естественного рубежа и с информационной лакуной в этой части микрорайона [Зайцева, 2009]. Преимущественно лесной ландшафт накладывает определенную специфику на создаваемую ГИС и на возможности ее использования, в частности для поиска новых археологических памятников.

Впервые район устья р. Шайтанки был обследован в 1977 г. В.А. Рябцевым, открывшим городище Усть-Шайтан I. Археологическое исследование района было продолжено лишь в 1995 г. экспедициями Томского государственного университета и продолжается до настоящего времени. Всего в 1995–2005 гг. экспедициями Томского государственного университета отрядами под руководством П.А. Маркова, О.И. Приступы, О.В. Зайцевой, М.А. Капитоновой, Е.В. Барсукова и А.В. Гусева в урочище Шайтан было открыто 18 разнотипных объектов (7 могильников: Верхне-Шайтанский, Усть-Шайтан I, II, Шайтан I,II,III,IV; 7 поселений: Усть-Шайтан I, Шайтан I,II,III, Андрава I,II,III; 4 городища: Усть-Шайтан I, Шайтан I,II,III). Насыщенность данного района памят-

никами, компактность их расположения дало основание для рекомендации к комплексной охране и исследованию района урочища Шайтан. К 2004 г. изученность территории позволила поставить вопрос о выделении Шайтанского археологического микрорайона [Зайцева и др., 2004].

К настоящему моменту археологические материалы получены с городищ Усть-Шайтан I, Шайтан I, II, III, IV, поселения Шайтан I, Могильника Шайтан II. Керамический комплекс всех этих пяти памятников достаточно однороден и датируется первой половиной II тыс. н.э.

Для работы с геоинформационными данными была выбрана последняя версия геоинформационной программы компании ESRI – ArcGIS 9. Она содержит все необходимые для создания нашей работы инструменты и модули.

Основой любой ГИС является картографическая основа. Для создания ГИС в качестве основы используются обработанные спутниковые снимки Landsat, топографические карты местности, карты природопользования и археологические планы памятников.

В качестве координатной системы ГИС-проекта используется широко распространенную проекцию UTM с моделью Земли WGS-84, которая является базовой при работе с GPS-приемниками. Выбор модели Земли связан со стремлением создать максимально технологичную, ориентированную непосредственно на данные GPS-приемников справочно-информационную систему, пригодную для интерактивного применения не только в стационарном режиме, но и в полевых условиях микрорайона. Основой ГИС является подсистема анализа карт. Именно эта процедура делает ГИС-технологии особенно популярными в археологическом анализе, при котором исследователь получает возможность оперативно выделять и сравнивать картины распределения археологических объектов на местности и классифицировать данные для последующей исторической интерпретации [Афанасьев, 2004].

Для работы использованы программные модули Spatial Analyst, доступные в ArcGIS 9. База данных создается в рамках программы Microsoft Access для возможности работы с ней на любом компьютере, имеющем стандартное программное обеспечение (Microsoft Office). БД в рамках проекта связана с атрибутивными таблицами в ГИС и фотографиями внешнего вида памятника и его микрорельефом. В целом всю работу можно подразделить на три этапа:

1. Создание БД памятников ШАМР.
2. Создание многослойной графической основы ГИС ШАМР.
3. Сведение полученных материалов в единую действующую ГИС ШАМР.

Создание ГИС ШАМР позволяет вывести исследование на качественно новый уровень. Перспективным на данный момент представляется ряд направлений в создаваемой ГИС, в частности, исследования в отношении металлургических объектов и соотнесения их с месторождениями руды, имеющимися на территории микрорайона, исследования пойменного скотоводства в регионе.

Литература

Афанасьев Г.Е. Основные направления применения ГИС- и ДЗ-технологий в археологии // Материалы круглого стола «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях». – Москва, 2004. – Электронный ресурс (CD-ROM).

Зайцева О.В. Отчет о научно-исследовательской работе Шайтанской археологической экспедиции Томского государственного университета на территории Кожевниковского района Томской области в 2006 г.: исследования могильника Шайтан II // Архив Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. – Томск, 2009.

Зайцева О.В., Барсуков Е.В., Гусев А.В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области // Археологические микрорайоны Северной Евразии: Мат-лы науч. конф. – Омск, 2004. – С. 37-40.

Требелева Г.В., Горлов Ю.В. ГИС-технологии: использование в исследованиях на Тамани и Абхазском побережье археологии // Материалы круглого стола «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях». – Москва, 2005. – Электронный ресурс (CD-ROM).

И.О. Кербс
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Эвристические возможности в изучении археологических микрорайонов

Процесс восстановления реалий прошлого является одной из задач, поставленных перед археологом. Конечно, нельзя со стопроцентной точностью восстановить жизнь древних людей. Элемент сомнения, естественно, есть, поскольку материалы древности сохраняются неполно. Однако, учёные постоянно разрабатывают методики, которые помогают им в их работе, одной из них и стал археологический микрорайон (далее АМР).

Интерес к изучению АМР возник около 20 лет назад, но его предыстория восходит к работам исследователей XX века (М.Я. Феноменов, С.А. Теплоухов, А.Я. Брюсов, М.П. Грязнов). Микрорайон здесь выступал как бы на втором (теневом) плане, уступая главенствующую позицию археологической культуре.

Объектом самостоятельного анализа микрорайон стал лишь в конце XX века. Первым его исследователем стал А.Д. Пряхин, профессор Воронежского государственного университета, организовавший научную конференцию в 1990 г., хотя интерес к изучению микрорайонов у него завершился после выпуска первого сборника тезисов.

Далее «микрорайонное первенство» принимают археологи Омского государственного университета во главе с В.И. Матющенко, которые разрабатывают разнообразные аспекты исследований: классификацию АМР, структурные компоненты внутри микрорайона, работают в области методологии, методики, историографии. Полевые исследования были проведены на памятниках Нижнетарского археологического микрорайона, по результатам выпускают монографию «Нижнетарский археологический микрорайон». В Омске проводятся научные конференции «Археологические микрорайоны Западной Сибири» (1994 и 1998 гг.) и «Археологические микрорайоны Северной Евразии» (2004 и 2009 гг.). В них принимает участие большое количество исследователей, предлагающих свои наработки по обозначенной проблематике. Тематику изучения АМР развивают и в других городах, например, защищает кандидатские диссертации Е.Н. Волков из Тюмени (руководитель А.В. Матвеев) и В.А. Сумин из Новосибирска (руководитель Т.И. Троицкая).

Перейдём к рассмотрению эвристических возможностей АМР, но перед этим определим, что же такое микрорайон. В литературе существует около десятка различных толкований. Для формата данной работы наиболее подходящим автору кажется трактовка С.С. Тихонова.

АМР – это территория (площадь, пункт, местность), каким-то образом ограниченная (границы её могут быть естественными, искусственными или определяться нашими знаниями, предпочтительнее первое), на которой сформировался комплекс (совокупность, ряд, серия, единство и т.д.) археологических памятников, отделённых от других АМР каким-то расстоянием [Тихонов, 1994, с. 45].

Микрорайон – это, в первую очередь, замкнутая (но не закрытая) система, и все его познавательные характеристики исходят именно из этого.

1. Ещё в начале XX в. С.А. Теплоухову на примере окрестностей с. Батени Минусинского края удалось построить *колонку археологических культур*, характерных для этого микрорайона, а впоследствии и распространить полученные хронологические колонки на более значительные территории. Именно он стоял у истоков превращения АМР в «историко-культурную модель региона» [Бобров, 1994, с. 17], у него этим регионом стал Минусинский край в целом и район с. Батени, в частности. Таким образом, сравнивая результаты «колонок» из соседних микрорайонов, можно выстроить довольно обширную (по территории) цепочку и выявить границы археологических культур, тем самым восстанавливая протекающие на этой местности макропроцессы. Эта методика получила широчайшее распространение среди учёных 1950-1970 гг. В наши дни она по праву продолжает работать, и многие археологи в своих работах прибегают именно к ней.

Если хронологическая колонка даёт общую информацию о состоянии микрорайона, то с её помощью можно уточнять и информацию частную, например, устанавливать *периодизацию* для каждого памятника внутри АМР.

2. Но на этом возможности далеко не исчерпываются, колонка культур и периодизация – это всего лишь внешняя сторона медали, но на определённом историческом этапе территория микро-

района являлась ареалом существования определённой группы населения, как правило, небольшой (хотя на практике есть примеры и сосуществования). *И АМР помогает учёному посмотреть на жизнь людей, населявших исследуемую территорию, с точки зрения детализации процессов.* Ведь составляя представление о большой группе, наиболее правильным будет рассмотреть примеры групп малых. Таким образом, можно уточнять особенности хозяйства, составлять отраслевые хозяйственные комплексы, разбираясь тем самым в интерпретации и типологии найденных памятников, попытаться соотносить один комплекс с другим, разбираться в возможностях их синхронизации.

3. Можно проследить *особенности проникновения на территорию микрорайона нового населения*, его взаимоотношения с населением старым, рассмотреть специфику его расселения. Также возможно проследить взаимоотношения социумов соседних АМР. Всё это возможно только в рамках изучения микрорайонов.

4. Ещё одной возможностью при изучении микрорайонов является *исследование изменчивости природно-географической среды внутри АМР*, с одной стороны (это является более точной единицей при изучении данного аспекта), а с другой, это является необходимостью, благодаря которой можно посмотреть использование природных ресурсов древним человеком. *АМР помогает взглянуть на взаимоотношения человека и природы, а территория, составляющая микрорайон, рассматривается как «живое существо», связавшее все компоненты жизнеобеспечения в единое целое.*

Территория АМР, как правило, неоднократно заселялась и одновременно была замкнута. В ряде случаев она буквально «пропитана» следами человеческой деятельности, относящимися к разнообразным периодам истории. Вот эта замкнутость, а как следствие, групповое сосредоточение памятников, и положены в основу идеи развития археологии по «микрорайонному» сценарию. За годы попыток решения проблем, связанных с АМР, исследователи открыли в нём большое количество познавательных возможностей, но, казалось, чем ближе решение, тем возникает всё больше и больше спорных моментов и неясностей, которые неустанно преподносит для них микрорайон. В данной работе рассмотрены не все эвристические составляющие рассматриваемого феномена, но уже на их основе можно говорить о правомерности подхода к науке именно через исследование АМР, поскольку за ним будущее.

Литература

Бобров В.В. АМР и общие проблемы западносибирской археологии (на примере Танайского археологического микрорайона) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: ОмГУ, 1994. – С. 17-19.

Тихонов С.С. Археологические микрорайоны: проблемы и решения // Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 44-50.

Е.И. Кострица
Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Неоевразийская трактовка культурной среды: компаративистика в воззрениях С.Г. Кара-мурзы, А.Г. Дугина, Ж. Бодрийяра

Общепризнанным фактом является то, что научное исследование культурной среды началось в середине XIX в. В то время элита прогрессивных учёных акцентировала внимание на принципе, учитывающем роль культурно-исторических традиций, лежащих в основе термина «культурная среда». Понятие «культурная среда» стало востребованным в прикладных и теоретических областях знания. Впервые термин «культурная среда» был введён П.Н. Савицким в статье «Евразийство», которая является демонстративным образчиком общей характеристики культуры и культурной среды, в частности.

Идеи П.Н. Савицкого развиваются в рамках неоевразийства [Савицкий, 2004, с. 45], целью которого является создание альтернативы однополярной глобализации, всецело её замещающей. Идеи

неоевразийства встают в противовес идеям глобализма, стремящегося «навязать» западническую модель социальной системы, заполнить русский язык англоамериканизмами, изменить исконно русские традиции, тем самым нарушая целостность культурной среды. Неоевразийство встаёт на защиту культурной среды от её засилия нормами американской морали, нравственности и образа жизни. С.Г. Кара-Мурза убеждён, что русская культурная среда, будучи богатым фундаментом для личностного развития, способна противостоять негативизму глобализации, вбирая в себя лишь её перспективные черты. Позволим себе не разделить данной позиции, отмечая, что актуальная ситуация, сложившаяся в России, является свидетельством неоднозначного эффекта глобализации. Из теории С.Г. Кара-Мурзы выявим следующее заключение: культурная среда, как и любое другое социальное явление, подвержена всякого рода актуальным трансформациям, внедряющим в её структуру новые элементы, которые могут не только её разнопланово обогащать, но и значительно оскудевать [Кара-Мурза, 2004, с. 134-167]. С.Г. Кара-Мурза солидарен с П.Н. Савицким и разделяет его позицию о репродуктивном типе культурной среды. Обозначенную позицию хотим дополнить подверженностью культурной среды билатеральному влиянию глобализации, отвечающему как перспективному развитию, так и деградации культуры.

Приближающаяся деградация культуры присутствует в негативной философско-онтологической трактовке культурной среды современной России, которую можно найти в работах А.Г. Дугина, связывающего идеальную модель культурной среды с процветанием идеи фашизма в России. Устрашающих политических результатов Россия может достигнуть при соблюдении модели А.Г. Дугина: пролетариат, пропагандирующий фашистские идеи, приведёт к абсолютной деградации культурной среды, так как все национально-этнические нормы будут утрачены вследствие «рождения общества героя» [Дугин, 2007, с. 230]. Это размышление отличается ярко выраженной ксенофобией [Дугин, 2007, с. 35], отвергающей иные культурные среды и культуры [Дугин, 2007, с. 46], не совпадающие с «националистической идеей». Он противоречит толерантности П.Н. Савицкого, утверждающего ценность отдельно взятых культурных сред и пропагандирующего позицию принятия иных культур в их исконном виде и многообразии. Большинство современных теоретиков евразийства склонны считать, что А.Г. Дугин не имеет евразийской точки зрения на культурную среду [Дугин, 2007, с. 260], поэтому его взглядам характерна тенденция создания «псевдо-идеальной формы культуры» [Дугин, 2007, с. 222], которая подразумевает отказ от межнационального сотрудничества и ограничение межкультурного обмена. Из изученных монографий А.Г. Дугина мы выявляем следующую трактовку культурной среды: культурная среда есть фашистско-националистический образчик, никаким образом не связанный с категорией культуры, ориентированный на идею жёсткой национальной политики, граничащей с разжиганием международных конфликтов [Дугин, 2007, с. 280]. Кроме того, культурная среда у него является фронтом боевых действий, на котором развёртываются настоящие сражения за сохранение национальной идентичности. Структура культурной среды, по А.Г. Дугину, состоит из реализации следующих задач: воплощения в реальность Невозможной Мечты, рождения общества героя и Сверхчеловека, преобразования и преображения мира, посредством борьбы с США, что наталкивает нас на мысль о националистическом типе культурной среды, имеющем негативное значение.

Другой оппонент А.Г. Дугина – Ж. Бодрийяр, говорящий о кризисе современной культуры, описывает современную культурную среду в качестве живой субстанции. Тем самым учёный стремится обозначить взаимозависимость и взаимосвязь культурной среды с процессами деидеологизации и деполитизации социума. Ж. Бодрийяр первым заговорил о контркультурах [Бодрийяр, 2004, с. 56], в их рассмотрении в противовес истинным формам культурной среды. Контркультуры ориентированы на создание конфликта в системе культурной среды, подразумевающего девальвацию категории культуры и её адаптацию упрощённой мировоззренческой модели.

У Ж. Бодрийяра культурная среда находится на двух порогах: «великий удар» (the great bang) и «великий треск» (the great crush) [Бодрийяр, 2005, с. 55], которые являются критическими точками её развития: «великий удар» связан с определённым внезапным кризисом культуры, в то время как «великий треск» характерен для стадиальной культурной катастрофы. Порог «великого удара» связан возможностью с возрождения культурной среды, а порогу «великого треска» характерно избегание кризисной ситуации и установление динамики перспективного развития культуры. Промежуточной стадией развития общества является порог глобальности информации. На данном этапе развития культурной среды присутствует информационная общедоступность, что в итоге приведёт к планетарной мобильности и коммуникации в открытом режиме.

Ж. Бодрийяр убеждён, что современная культурная среда превратилась в «место производства отходов», так как доминантой современных нравственных тенденций стала «культура излишка», провоцирующая возникновение «ксероксного типа культуры». Согласно Ж. Бодрийяру, решением обозначенной проблемы станет создание универсальной модели культурной среды, отвечающей самым взыскательным запросам современности. Исходя из данного размышления, можно вывести следующую трактовку: культурная среда – морально-нравственный ансамбль, созданный с целью проведения «косметической хирургии социальности», функционирующий на уровнях «великого удара», «великого треска» и «порога глобальности информации». Состав культурной среды определён «экспонатами» национальной культуры, представленными в городах, мегаполисах, культурных центрах.

В заключение резюмируем, что позиции Ж. Бодрийяра, А.Г. Дугина, С.Г. Кара-Мурзы, изучающие концептосферу культурной среды, следует рассматривать в компаративистком ключе. Эти теории основаны на их сравнительном противопоставлении сущностных параметров и особенностей выдвигаемого феномена, что помогло нам отметить кризисное, переломное состояние культурной среды в эпоху глобальности.

Литература

Бодрийяр Ж. Призрачность зла. − М.: ИНФРА, 2004. – 210 с.

Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. − Екатеринбург: Пресс, 2005. – 230 с.

Бодриийяр Ж. Город и ненависть. − СПб.: Наука, 2007. – 340 с.

Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. – М.: Наука, 2007. – 242 с.

Дугин А.Г. Конспирология. – М.: Наука, 2007. – 320 с.

Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. – М.: Наука, 2007. – 284 с.

Дугин А.Г. Постфилософия. – М.: Наука, 2007. – 272 с.

Дугин А.Г. Философия войны. – М.: Наука, 2007. – 296 с.

Дугин А.Г. Философия политики. – М.: Наука, 2007. – 269 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. − М.: Алгоритм, 2004. – 262 с.

Савицкий П.Н. Евразийство. − М.: Просвещение, 2004. – 180 с.

А.С. Кравцова

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Культурная идентификация постклассических обществ (на примере тольтекской культуры, Мезоамерика)

Мезоамерика – особая культурно-географическая область, простирающаяся от северных границ Мексики до Тихоокеанского побережья Коста-Рики. Впервые выделена в 1943 г. профессором Полом Кирхоффом [Kirchoff, 1952]. На базе знаний об этом регионе можно проследить цепь развития первобытного общества в условиях изоляции и его перехода от ранних групп людей с присваивающей экономикой к общинам с производящей экономикой, а затем трансформацию последних в общества предгосударственного периода и, наконец, – в общества государственного периода [Кореневский, 2006].

Тольтекская культура – это народы северной и центральной части Мексиканского нагорья, в ранний постклассический период Мезоамерики (900-1200 гг.) сформировавшие общность с центром в древнем городе Тула (территория современного штата Идальго) и оказавшие значительное влияние на культуры постклассического периода: майя на территории полуострова Юкатан, культуры западной и северо-западной Мексики и северной Гватемалы. Наравне с подавляющим большинством культур доколумбовой Америки тольтекская культура является крайне малоизученной в российской историографии.

Вопрос о путях перехода общества к раннегосударственным образованиям сегодня находится в центре дискуссии. Не вызывает противоречий суждение о том, что понимание культуры в отечественной и зарубежной историографии различно. Данное исследование имеет своей целью определение формы организации общества на примере тольтекской культуры в ранний постклассический период. Для достижения этого было решено проследить историю именования тольтек-

ской культуры в отечественной и зарубежной историографии; определить значения чаще употребляемых понятий – «государство», «цивилизация» и др.; а также провести сравнительный анализ полученных результатов и выявить наиболее приемлемый вариант именования.

В *зарубежной историографии* археологи традиционно рассматривали развитие сложных обществ в Мезоамерике как последовательную смену разрозненных культур, возникших в различных частях этого региона. К началу 90-х гг. XX в. в связи с быстрым ростом археологических знаний ученые стали все чаще обращать внимание на сильно выраженную преемственность процесса развития культур с 1200 г. до н.э. по 1521 г. Эти наблюдения привели к развитию концепции, согласно которой в древней Мезоамерике была *одна* цивилизация, возникшая около 1200 г. до н.э. и просуществовавшая до испанского завоевания [Ламберг-Карловски, Саблов, 1992].

В *российской историографии* каких-либо определенных концепций не существует. Градацию мнений можно пронаблюдать по справочной литературе. В 1973 г. тольтекскую культуру называют «индейской народностью» [Советская историческая энциклопедия, 1973, с. 303], в 1977 г. – «индейский народ» [БСЭ, 1977, с. 58]. В 1991 г. при содействии Института Всеобщей Истории Академии Наук СССР вышел первый в советской историографии обобщающий многотомный труд по истории Латинской Америки. Авторы не делают различия между «государством» и «цивилизацией» применительно ко всем культурам доколумбовой Мезоамерики, называя их древнейшими развитыми мексиканскими цивилизациями [История Латинской Америки.., 1991]. Таким образом, в 90-е гг. XX в. российские исследователи придерживались теории, что тольтекская культура (впрочем, как и все остальные культуры мезоамериканского ареала) представляла из себя цивилизацию.

В *последние годы* появляется все больше исследований на тему комплексного анализа в попытке объяснить зарождение и развитие сложных стратифицированных обществ в древнем мире.

Для начала будет целесообразным понять, что есть такие важнейшие понятия как «государство» и «цивилизация» для российских исследователей. Фактически эти представление мало отличаются по своей сути от представлений европейских.

Понятие «цивилизация» в высшей степени многопланово. Воспользовавшись справочной литературой (БСЭ, Новейший философский словарь, энциклопедия «Кругосвет» и др.), можно принять термин «цивилизация» как синоним культуры. Однако, что необходимо учесть в первую очередь: цивилизация, в современном ее понимании, в первую очередь является системой с политической, экономической, этнической и культурной составляющими.

В 1973 г. Дж. Мердок и К. Провост в работе «Изменение культурной сложности» взяли 10 с их точки зрения наиболее важных критериев культурной сложности (письменность, оседлость, земледелие, урбанизация, технология, транспорт, деньги, плотность населения, политическая иерархия и социальная стратификация), применив эти параметры к 186 обществам [Murdock, Provost, 1972]. Н.Н. Крадин в своей работе «Археологические критерии цивилизации» проводит корреляцию всех признаков между собой и приходит к выводу, что обязательными (однако недостаточными) археологическими критериями обществ высшей сложности (цивилизация) является: развитая (не менее чем трехуровневая) классовая структура; постоянная оседлость; земледельческое хозяйство, как основа экономики; обработка и использование металлов (например, для престижного потребления). В случае, если в результате раскопок эти признаки не найдены, то изучаемое общество, как утверждает автор, скорее всего, не может считаться цивилизацией [Крадин, 2006].

Если рассмотреть тольтекскую культуру в свете вышеобозначенных критериев, то свидетельств, как минимум, двух аспектов пока еще не было найдено: не доказано наличие письменности и денежной единицы в тольтекском обществе.

Как в случае с «цивилизацией», так и у понятия «государство» до сих пор нет четко выверенного однозначного определения. Собирательный образ государства вырисовывается в некоторых современных исследованиях. Так, можно вывести следующие критерии: государство как организация сословного, иерархического общества с экономикой, основанной на праве индивидуальной и коллективной собственности, на специализированных производствах и с эквивалентом обмена продукции. Государство декларирует и защищает свое право на территорию. Оно обладает аппаратом налогового, правового принуждения и сословно-профессиональной армией. Государство возглавляется клановой верховной военной властью с опорой на власть духовную [Кореневский, 2006].

Знаний о тольтекской культуре на сегодняшний день достаточно для того, чтобы попытаться связать общество постклассического периода с государственностью, однако эти данные пока позволяют говорить о тольтекской культуре, как о системе под названием «цивилизация». Наиболее адекватным, с нашей точки зрения, будет идентифицировать тольтекское общество как *раннегосударственное образование*.

Литература

Большая советская энциклопедия (БСЭ). – М.: Сов. энциклопедия, 1977. – Т. 26 – 624 с.

История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века. – М.: Наука, 1991. – 520 с.

Кореневский С.Н. На долгом пути к государственности. Преполитарная модель этнологии и археология // Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах (по археологическим и этнографическим источникам): Тез. докл. всеросс. науч. конф. – М.: ИА РАН, 2006. – С. 11–16.

Крадин Н.Н. Археологические критерии цивилизации // Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах (по археологическим и этнографическим источникам): Тез. докл. всеросс. науч. конф. – М.: ИА РАН, 2006. – С. 9-10.

Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. – М.: Наука, 1992. – 366 с.

Советская историческая энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – Т. 14. – 520 с.

Kirchoff P. Mesoamerica // Heritage of Conquest. – Glencoe, 1952. – P. 17–30.

Murdock G., Provost C. Measurement of Cultural Complexity // Ethnology. – 1972. – № 12 (4). – P. 379-392.

Е.В. Кудрявцева
Барнаул, Алтайский государственный университета

Выделение святилищ из памятников археологии*

Вопрос о критериях выделения святилищ из памятников археологии является весьма трудным. В научной литературе существует достаточно много определений святилищ. Так, весьма подробно данную проблему рассматривал в своих исследованиях А.В. Тиваненко. По его мнению, святилище – это комплекс почитаемых объектов с едиными территориальными границами, на которых совершались ритуальные действия в честь духов местности (у петроглифов), умерших предков (на могильнике), покровителей семейно-родовой общины (в жилище и на поселении). Кроме того, данный комплекс состоит из иконографического объекта (например, петроглифа, изваяния на могильнике, онгона (фетиша) в жилище) и жертвенника (или серии жертвенников) с набором жертвенных приношений. Также, с точки зрения исследователя, следует различать понятия «святилище» и «культовое место». Под святилищем подразумевается долговременный комплекс, вобравший объекты культового характера различных эпох и в силу своей древности получивший общеплеменное (или общеродовое) значение. Культовое место состоит из комплекса недолговременных ритуальных объектов, чаще всего связанных с жизнью одного или нескольких поколений людей. Так, по мнению А.В. Тиваненко [1989, с. 6], к святилищам можно отнести петроглифы, в древности имевшие приоритетное значение в силу своей связи с культом духов – хозяев родоплеменной территории. Святилищами можно назвать и культовые места на общинных могильниках, если практика почитания духов умерших предков имела на нем глубокие традиции.

Существует также и определение святилища, предложенное В.Д. Кубаревым [1979, с. 29]. Он выделяет следующие критерии по отношению к Алтаю: расположение на берегу реки в замкнутом пространстве у подножия выделяющихся формой гор, на скальных выходах которых имеются многочисленных петроглифов; наличие валунных россыпей, пещеры, близость шумных водных порогов. С этой точкой зрения рассматривает святилища и А.А. Тишкин [2000, с. 211].

* *Работа выполнена при финансовой поддержки федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1.-301-072-016)*

Свое определение святилищ предложил А.И. Мартынов [1990, с. 17]. Разрабатывая типологию объектов наскального искусства, он подчеркивает, что святилище представляет собой памятник, как правило, сложный, отмеченный своею природной уникальностью. Святилища, по его мнению, не похожи друг на друга, так как не создавались по определенному замыслу, а использовалась их природная исключительность. Также он отмечает, что они служили длительное время, были доступны, зрелищны, величественны, имели в основном южную ориентировку. Подобную точку зрения поддерживает и М.А. Дэвлет [1998, с. 56].

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что святилища – это сложный комплекс разновременных объектов. Как правило, святилища состоят из «алтаря», вертикальных каменных изваяний («оленные камни», стелы, менгиры), из херексуров, выкладок, наскальных изображений и другие объектов. Также большую роль играет окружающий ландшафт, на что указывают В.Д. Кубарев и А.И. Мартынов.

На наш взгляд, важным наблюдением Л.С. Марсадолова [2005, с. 42; 2007, с. 12] является указание связи на сакральную разметку. Ее роль играют четко выраженные линии, образуемые различными объектами, которые расположены рядами. Так им отмечено, что в святилищах на горах несколько линий объектов «веерообразно» сходились в одну точку – на главный «алтарь». В широких долинах таких сакральных линий было гораздо больше. Они не только указывали путь к главному алтарю, «оленному» камню или стеле, но и уходили за пределы святилища, образуя сложные связи с другими культовыми центрами и окружающей природой.

Нами уже было отмечено выше, что М.А. Дэвлет [1998, с. 47] согласна с утверждением А.И. Мартынова по поводу фактора природной исключительности как об определенном условии, которое было благоприятно для возникновения святилища. Хотелось бы более подробно рассмотреть ее концепцию. Она исследовала местоположение двух ярких святилищ на территории Тувы – это Мугур-Саргол и Алды-Мозага. М.А. Дэвлет удалось проследить, что при большом подъеме воды все камни с петроглифами Мугур-Саргола уходили под воду, а на Алды-Мозага скрывалась в пучине только полоса прибрежных скал [1998, с. 230]. Исходя из этого, она делает вывод о том, что подобные явления природы оказывали определенное эмоциональное воздействие на человека архаичной эпохи. Этот период паводков, по ее мнению, мог послужить решающим фактором для выбора местоположения этих объектов в древности.

Кроме того, М.А. Дэвлет выделяет также еще один фактор, который, по ее мнению, мог сыграть определенную роль при выборе места для святилища [1998, с. 233]. Таким фактором могла быть природный катаклизм. Например, в данной местности, по оценкам специалистов, в эпоху бронзового века произошло грандиозное землетрясение, приведшее к смещению мощного скального массива на левом берегу реки Чинге, примерно в 2,5 км от горы Алды-Мозага (так называемая сейсмогравитационная структура Чинге). Если память поколений сохранила предания о происшедших катастрофах, то вполне закономерно, по мнению исследовательницы, предполагать, что выбор места для святилища мог определяться и этими событиями. Безусловно данные факторы могли способствовать выбору для местоположения святилища в древности и, в частности, такие события как землетрясения, паводки и другие природные катаклизмы могли вызвать в сознании первобытного человека чувства страха и беззащитности перед природой, что и повлияло на их выбор.

Кроме того, в роли святилища могут выступать отдельные погребальные сооружения, например, курган. По мнению В.А. Семенова [2000, с. 184], изначально в его конструкцию была заложена идея мандалы. Сами по себе земляные насыпи являются воплощением мировой горы, ровики, крепиды или каменные кольца вокруг них служат границами между организованным пространством (космосом) и периферией, преходящей в хаос. В этом плане интерес представляет курган Аржан. Его планиграфия – расположение прямоугольной деревянной камеры в центре, как еще было отмечено М.П. Грязновым [1980], могло быть связано с идеями солярной религии. Кроме того, погребальный обряд и инвентарь еще раз подтверждают предположение рассматривать данный курган в качестве святилища. Так, по мнению исследователя В.А. Семенова, совершаемые здесь жертвоприношения коней обеспечивали связь с хтоническим миром [Семенова, 2000]. Идею мировой оси воплощал «оленный» камень.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что в роли святилища могли выступать как отдельные археологические объекты, например, херексуры, каменные изваяния, стелы, так и гроты, ниши, пещеры, а также все обозначенное выше могло входить необходимыми составными частя-

ми в состав комплекса, которое называют культовым местом. Также одним из главных дополнений были наскальные рисунки, которые были взаимосвязаны со святилищем и несли определенную мифологическую нагрузку.

Литература

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л., 1980. – 62 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря. – М., 1998. – 286 с.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). – Новосибирск, 1979. – 120 с.

Марсадолов Л.С. Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2005. – Вып. 1. – С. 34-42.

Мартынов А.И. Судьба историко-археологических ландшафтов Южной Сибири // Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири. – Кемерово, 1990. – С. 65-73.

Семенов В.А. Святилище – священная территория – мифологизированное пространство // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб., 2000. – С. 183-186.

Тишкин А.А. Бийкенское святилище в Горном Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб., 2000. – С. 210-215.

И.А. Мейкшан

Барнаул, Алтайский государственный университет

К вопросу применения комплексного подхода в изучении элиты кочевых народов Центральной Азии

В настоящее время в области социальной археологии имеется определённый опыт применения методологических принципов теории элит в реконструкциях социально-политической организации кочевых обществ [см. обзор Васютин, Дашковский, 2009; Дашковский, 2005; Тишкин, 2005; Мейкшан, 2008а, 2008б и др.].

Одним из важных вопросов в данной проблематике является изучение признаков элиты, совокупность которых будет характеризовать именно элитные группы, отделяя их от смежных категорий, таких как знать, аристократия и др.

Традиционно считается, что «характер общественной организации кочевников отражается в масштабах и особенностях погребально-поминальной обрядности» [Генинг, 1977; Дашковский, 2005, с. 241 и др.]. В процессе изучения элитных памятников исследователи разработали различные группы маркирующих признаков. К ним относятся: монументальность и сложность надмогильных конструкций; сложность внутримогильной конструкции; сопроводительные человеческие жертвоприношения; повышенное количество инвентаря, в котором отмечен вещевой комплекс «элиты», включающий в себя престижные вещи (оружие, упряжь), предметы роскоши, импортные и золотые изделия и др. [Галанина, 1994, с. 77; Миняев, Сахаровская, 2002; Тишкин, 2005, с. 50 и др.].

Однако в большинстве своём данные критерии характеризуют сам погребальный памятник как археологический объект, являющийся элитным в сравнении с другими памятниками, но при этом достаточно ограничено отражают принадлежность погребённого лица к элите.

Для решения этого вопроса необходимо использовать комплексный подход, основанный на изучении проявления элиты на различных уровнях социо-культурного пространства. При этом особое внимание необходимо уделять анализу системы организации исследуемого общества, так как деление на элиту – массу не может быть имманентно социальной системе. Возникновение элиты характеризуется особым этапом развития социальных отношений, таких как формирование корпоративных связей, культуры, стиля жизни и др., многие из которых недоступны для слаборазвитых обществ.

Всестороннее изучение феномена кочевой элиты предполагается реализовать путём рассмотрение её на мировоззренческом, функциональном и культурном уровнях, каждый из которых отражает специфические черты, присущие элитным группам.

Мировоззренческий уровень выражается в формировании представления о богоизбранности верховных правителей, а так же о святости существующих социальных отношений [Скрынникова, 1989, с. 67]. Идея божественного происхождения правящей династии в структуре мировоззрения номадов создаёт определённые предпосылки для формирования элиты – это, в первую очередь, формирование группы лиц, связанных корпоративными отношениями в виде священного рода или клана, а так же

замкнутость данной группы в отношении «профанного» большинства. Наглядным подтверждением этому служит чёткое разделение тюркского общества на «кара-бодун» (народ) и властную элиту, сохранившееся в текстах орхонских памятников [Васютин, 2004, с. 99].

Функциональный уровень проявляется в выполнении функций, недоступных для большинства рядовых кочевников, направленных на стабилизацию и укрепление социально-политической системы. К ним следует отнести реализацию редистрибутивных и реципрокационных связей, дипломатические, регулирующие действия, организацию охраны подвластных территорий, руководство набегами на соседние владения с целью получения дефицитных продуктов и т.д. Следует так же упомянуть немаловажную функцию медиации между социумом и Небом, выполнение которой так же лежит на элите кочевого общества [Крадин, 2002, с. 73; Дашковский, 2007, с. 47].

Культурный уровень включает в себя всё многообразие проявлений «элитной культуры», отражённой в погребальных памятниках, погребально-поминальной обрядности, материальной культуры и др. Наиболее выразительными объектами в этом случае являются «царские», или если выражаться более корректно, элитные погребальные и поминальные памятники Сибири и Центральной Азии, сопроводительный инвентарь которых включает в себя наиболее совершенные изделия местного и импортного производства. Важнейшим показателем социального статуса кочевника выступали так же предметы костюмного комплекса, особенно пояс и головной убор.

В процессе изучения признаков кочевой элиты необходимо учитывать динамику отличительных черт элитности в историческом контексте. Так, для элиты древних обществ характерна мегалитичность погребальных памятников, масштабность погребальной обрядности и т.д. Именно данные категории являются наиболее выразительными свидетельствами божественности, «потусторонности» феномена власти в обществах ранних кочевников. В эпоху средневековья погребальный обряд вследствие усложнения религиозно-мифологической системы и трансформаций в социально-политической организации будет уже не так информативен в социальном аспекте. В этой ситуации на первый план в вопросе изучения элитных групп выдвигаются данные письменных источников.

Литература

Васютин С.А. К проблеме социальной характеристики кочевых обществ степей Евразии // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 193–196.

Васютин С.А. Архаические элементы политической культуры в тюркских каганатах // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – С. 95–100.

Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. – 400 с.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Изд-во ГМВ, 1996. – 152 с.

Галанина Л.К. О критериях выделения «царских» курганов раннескифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1994. – С. 76–81.

Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племён // СА. – 1977. – № 4. – С. 53–73.

Дашковский П.К. Формирование элиты кочевников горного Алтая в скифскую эпоху // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 239–245.

Дашковский П.К. Сакрализация правителей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье // Известия АГУ. – 2007. – № 4 (2). – С. 46–52.

Крадин Н.Н. Престижная экономика и структура власти в кочевых империях // VIII Международный конгресс монголоведов: Докл. росс. делегации. – М.: Наука, 2002. – С. 72–78.

Мейкшан И.А. К проблеме выделения элиты хунну Центральной Азии (по материалам письменных источников) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Изд-во АГАУ, 2008а. – Вып. 7. – С. 58–67.

Мейкшан И.А. Проблема совмещения элит в кочевом обществе хунну Центральной Азии // Актуальные проблемы социально-политического и религиозного пространства России. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2008б. – Вып. 4. – С. 79–86.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // Археологические вести. – СПб., 2002. – № 9. –С. 86–119.

Скрынникова Т.Д. Сакральность правителя в представлении монголов XIII в. // Народы Азии и Африки. – 1989. – № 1. – С. 67–75.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. – М.: Вост. лит-ра, 1997. – 216 с.

Тишкин А.А. Элиты в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологического материала // Монгольская Империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: Изд-во СО РАН, 2005. – Кн. 2. – С. 43–56.

Г.А. Миляев
Барнаул, Алтайский государственный университет

Методология реконструкции традиционных хозяйственных систем древности

Реконструкция различных сторон жизни древних обществ является сложной, но неотъемлемой частью археологического исследования. Однако, теоретическое осмысление археологического материала невозможно без определенных концептуальных и методических подходов. Методология науки, как учение о принципах построения, формах и способах научного познания, очерчивает круг методических приёмов, способствующих решению актуальных проблем данной науки. Следовательно, для успешной реконструкции палеоэкономики необходимо определиться с методами и подходами, способствующими достижению поставленной цели. Этому посвящено настоящее исследование.

Пройдя длительный путь становления и поиска оптимальной методологии, палеоэкономика оформилась в виде двух глобальных стратегий: междисциплинарно-социологическая и междисциплинарно-экологическая [Бобров, Соколов, 2001].

Под традиционной культурой понимается сфера культуры человечества, которая возникла в рамках способов оседло-земледельческой, кочевническо-скотоводческой, охотничье-рыболовческо-собирательской деятельности или в их сочетании. В этом смысле ей противостоят профессиональная, индустриальная, постиндустриальная и иные сферы культуры [Бельгибаев, 2004].

Рассмотрим различные концепции палеоэкономических исследований. В рамках данной проблематики можно выделить несколько разработок теоретического плана, важнейшими из которых являются концепция хозяйственно-культурных типов (далее ХКТ), а также системный, экологический и этнографический подходы, тщательно рассмотренные М.Ф. Косаревым во второй половине XX в. [Косарев, 1993].

В основе экологического подхода в археологии лежит изучение общих, региональных и эпохальных закономерностей адаптации человеческих обществ к окружающей среде [Косарев, 1986]. Экологический подход содержит 3 основные направления в археологии. Первое – исследование миграционных процессов, в которых наиболее выпукло и наглядно представлены пути приспособления человеческих обществ к иному естественно-географическому, социально-экономическому и этнокультурному окружению [Косарев, 1991]. Второе – исследование обусловленности и содержания переходных эпох. Для понимания стимулов многократного ускорения развития древней экономики важно учитывать, что на юге Западной Сибири переходы от одной эпохи к другой происходили в условиях жестких экологических кризисов (например, усыхание климата) [Косарев, 1991]. Третье направление экологического подхода в археологии является исследование факторов и проявлений неравномерности социально–экономического развития. Это направление имеет два ракурса: региональный и эпохальный [Там же].

Палеоэтнографический подход также применяется при реконструкции тех или иных явлений археологической действительности и включает в себя метод сравнительно-исторического анализа, заключается в нахождении и объективном осмыслении археолого-этнографической параллели [Косарев, 1984, 1991]. Системный подход наиболее перспективен при реконструкции крупных экономических и социальных трансформаций древности. Основу его в научном исследовании составляет анализ явления в многогранной, многомерной и многоуровневой связи, как со структурными внутренними составляющими, так и с другими системами, образующими полисистемный порядок [Косарев, 1991].

Другой теорией, способной описать хозяйственную культуру древнего населения, является концепция ХКТ [Левин, Чебоксаров, 1955]. По сути, применение этого понятия в качестве модели при

рассмотрении хозяйственной жизнедеятельности древних обществ значительно ограничивает круг привлекаемых в реконструкции этнографических данных, обеспечивая тем самым достаточно корректное их использование [Массон, 1976; Вайнштейн, 1979]. Все хозяйственно-культурные типы, сложившиеся до эпохи капитализма, авторы концепции разделяют на три основные группы. Они отличаются друг от друга более высокой производительностью труда и, следовательно, нарастающей величиной прибавочного продукта. К первой группе относят ХКТ присваивающей экономики, ко второй – ХКТ мотыжного земледелия и животноводства, и к третьей – ХКТ пашенного (плужного) земледелия [Левин, Чебоксаров, 1955].

Важную проблему представляет вопрос о соотношении ХКТ и археологической культуры. Зона корреляции между ними может проходить как на уровне вертикальной шкалы их структуры, так и на горизонтальном (территориальном). В той мере, в какой культура выражена в орудийной деятельности, при условии хорошей сохранности этих орудий в древней археологической культуре и в современном нам ХКТ мы имеем примерно сопоставимые комплексы предметов материальной культуры. Дело лишь в том, что тогда как в ХКТ и более глубинные уровни, т.е. сама организация производства, и более высокие категории духовной культуры непосредственно даны нам в наблюдении, в археологической культуре они подлежат умозрительной реконструкции, всегда в той или иной степени гипотетической. Однако во многих случаях такая реконструкция возможна с весьма высокой степенью вероятности [Арутюнов, Хазанов, 1979].

В вопросе о соотношении археологической культуры и ХКТ на горизонтальном уровне теоретически допустимы три варианта: 1) территориальные границы археологической культуры и ХКТ совпадают (или в основном совпадают); 2) в границах одного ХКТ укладываются несколько родственных или неродственных археологических культур; 3) различные варианты, когда археологическая культура принадлежат к различным ХКТ [Арутюнов, Хазанов, 1979].

Таким образом, изучение хозяйственной деятельности человека в прошлом непременно сводится к проблеме взаимодействия общества и природы [Андрианов, 1981]. Для наиболее адекватного исследования такого рода необходимо учитывать закономерности приспособления древних социумов к окружающей среде. Здесь применимы этнографический и экологический подходы, которые отражают комплекс взаимовлияния человека и природной обстановки и тем самым помогают объяснить тип хозяйства как способ адаптации к изменяющимся условиям. Концепция хозяйственно-культурных типов может служить моделью, которая способна комплексно учесть не только роль природного фактора в форме хозяйственной деятельности, но и уровень социального, духовного, интеллектуального развития древних обществ.

Литература

Андрианов Б.В. К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы // Общество и природа. – М., 1981. – С. 250-261.

Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. – М., 1979. – С. 140-147.

Бельгибаев Е.А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX – XX в.). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 300 с.

Бобров В.В., Соколов П.Г. Тенденции развития палеоэкономических исследований в археологии Западной Сибири (исторический аспект) // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 3-10.

Вайнштейн С.И. К реконструкции хозяйственно-культурных типов у южносамодийских народов Саян в XVII-XVIII вв. // Проблемы типологии в этнографии. – М., 1979. – С. 158-165.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 248 с.

Косарев М.Ф. Экологические аспекты археологического исследования (по западно-сибирским материалам) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 3-11.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.

Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири (общая историко-культурная концепция) // Этнологический альманах: Российский этнограф. – М.: Наука, 1993. – Вып. 4. – 284 с.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) // СЭ. – 1955. – № 4. – С. 3-17.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976. – 191 с.

М.С. Нестерова
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Подходы к изучению очагов в европейской археологии

Жилище – важнейшая категория материальной культуры – представляет собой, прежде всего, обособленное, специально организованное пространство. Основные функции жилища – защита от внешнего воздействия, обеспечение и организация жизнедеятельности коллектива. Обе эти функции (прямо или опосредованно) связаны с отдельными компонентами жилища и влияют на их организацию и эволюцию [Борзунов и др., 1993]. С помощью центрального элемента доместицированного пространства – очага – решались проблемы обогрева помещения, приготовления пищи, организации домашней производственной деятельности. Без качественной фиксации археологами информации, содержащейся в этом объекте, мы теряем значительный массив данных о способах организации пространства, о повседневной деятельности древнего населения, о его экономической системе, условиях жизни.

В трудах отечественных археологов проблема изучения теплотехнических устройств не становилась предметом специального исследования. Большинство работ, в которых идет речь об очагах, представляют собой публикацию материалов полевых исследований поселенческих комплексов с некоторыми элементами интерпретации разного уровня, с привлечением различных этнографических параллелей, в исключительных случаях с использованием данных экспериментальных исследований. Большинство же исследователей ограничиваются упоминанием о наличии или отсутствии очага в помещении, не говоря уже о примитивном описании или наличии плана жилища. Более того, зачастую обнаруживается отсутствие необходимых сведений даже в полевых отчетах и документации, что, вероятно, связано с невнимательностью исследователей к данному источнику во время полевых исследований.

Этим обусловлена необходимость разработки методологических и методических приемов изучения очага, как в полевых условиях (качественная фиксация элементов, отбор образцов на различные анализы), так и в процессе интерпретации полученного материала.

Для решения данной задачи мы обратились к зарубежной археологической науке, где специальное изучение теплотехнических устройств (les structures de combustion), их элементов, типов, функций началось более ста лет назад. Первые работы появились в начале XX в. и были посвящены истории открытия и использования огня человеком в контексте анализа данных палеолитических местонахождений. Последующие статьи и тезисы содержали данные о новых открытиях теплотехнических устройств, о важности огня в хозяйственной и культовой сферах жизни человека. Первую обобщающую работу подготовила Катрин Перле [Perlès, 1977], где ей удалось собрать самые древние свидетельства использования человеком огня, проследить историю развития теплотехнических устройств, выделить основные их типы, функции, проанализировать различные виды деятельности, так или иначе связанные с очагом.

Регулярными стали международные конференции, посвященные очагам как специфическим археологическим объектам, методам их изучения и интерпретации [Nature et Fonction.., 1989; Pain, four et foyer.., 1995; Le feu domestique et ses.., 2003]. В них принимали участие археологи из крупнейших европейских стран (Франция, Германия, Великобритания, Италия, Испания и др.), а материалы выступлений и дискуссий публиковались в отдельных сборниках. Анализ этих работ позволил систематизировать методы и выделить основные походы и тенденции в изучении очагов в европейской археологии.

1. Анализ археологического контекста. Основной метод работы археолога с источником – археологические раскопки. Не секрет, что своей деятельностью мы уничтожаем памятник, поэтому цель полевых исследований – извлечь максимальный объем информации из исследуемого объекта. Особое место в этом направлении занимают планиграфический и стратиграфический анализы. Тщательная фиксация элементов структуры очага помогает выяснять их взаимосвязь, их первоначальное местоположение и назначение, их изменение под действием огня, и, как результат, сделать качественную реконструкцию очага.

2. Морфолого-типологический подход направлен на изучение функции очага и основывается на утверждении, что разные размеры и принципы сооружения очагов обусловлены их разными функциями.

3. Этноархеологический подход предполагает восстановление деятельности, связанной с очагом и использованием огня на основе анализа современных этнографических данных путем экстраполяции их на археологические материалы.

4. Экспериментальные исследования направлены на подтверждение полевых наблюдений результатами экспериментов, на возможности интерпретации археологических данных.

5. Мультидисциплинарный подход. Данные экспериментальных исследований используются в комплексе с результатами применения мультидисциплинарных методов. Целью таких исследований является восстановление микроистории каждого очага от его сооружения, первого использования и до момента прекращения функционирования и последующих тафономических процессов.

Каждый из обозначенных подходов имеет свои цели и задачи, комплекс методов, направленных на получение конкретных результатов, в большинстве случаев не совпадающих друг с другом. Это доказывает необходимость применения комплексного подхода к изучению древних очагов, начиная от качественных раскопок и заканчивая использованием данных этнографии, экспериментальных исследований, результатов физико-химических анализов теплотехнических устройств. Только на основе комплекса этих результатов мы можем с максимальной степенью достоверности восстанавливать историю каждого очага: его морфологические особенности, реконструкция внешнего вида устройства, принцип функционирования, функциональное назначение, длительность использования, процесс археологизации объекта. В конечном итоге это помогает нам реконструировать образ жизни древнего населения, характер и виды производственной деятельности, связанные с применением огня (расщепление камня, обработка кости, кожевенное ремесло, изготовление керамики, металлообработка), условия обитания и процессы адаптации к окружающей среде.

Литература

Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 4-45.

Le feu domestique et ses structures au néolithique et aux âges des métaux. Colloque international, Bourg-en-Bresse et Beaune, 7-8 Octobre 2000; 2003. – 102 p.

Nature et Fonction des foyers préhistoriques. Actes du colloque International de Nemours (1987). – Nemours: Ed. APRAIF, 1989. – 334 p.

Perlès C. Préhistoire du feu. – P.: Masson, 1977. – 180 p.

А.Б. Панченко

Сургут, Сургутский государственный педагогический университет

Этнос как симфоническая личность в дискурсе классического евразийства

С возникновения евразийства в начале 20-х гг. XX в. основным направлением его научной деятельности провозглашалось россиеведение как часть народоведения. В связи с этим мы можем рассматривать евразийство не только как течение в общественной и политической мысли русского зарубежья, но и как научное течение, продолжающее традиции дореволюционной этнографии. Однако следует отметить, что евразийцами, как правило, не употреблялся термин «этнос», который заменялся термином «народ». Следуя взгляду Н.М. Могилянского [1916, с. 11-12] на предмет и задачи этнографии, евразийцы поставили на первое место изучение особенностей народов Росси-Евразии, пытаясь создать непротиворечивую теорию россиеведения. Особое место в этом занимало понимание народа как симфонической личности.

Концепт «симфоническая личность» вошел в евразийский дискурс после присоединения в 1925 г. к движению историка, философа и богослова Л.П. Карсавина. Термин «симфоническая личность» был предложен им взамен использовавшегося в российском религиозно-философском дискурсе понятия «соборная личность». Именно ему принадлежит приоритет в использовании данного термина (тесно связанного с понятием всеединства), впервые озвученного в сочинении 1923 г. «Философия

истории» (правда, там термин звучал как «социальная личность» [Карсавин, 2007]). Окончательное свое оформление этот концепт получил в сочинении 1929 г. (уже после выхода Л.П. Карсавина из евразийского движения) «О личности».

Понятия «соборность» и «симфония» были введены в российский религиозно-философский дискурс XIX в. А.С. Хомяковым, который использовал их применительно к идеальному государственному устройству России, описывая его как симфонию властей при соборности народа. В дальнейшем, в творчестве В.С. Соловьева, они были увязаны с теорией всеединства, имеющей корни в писаниях отцов Церкви и еще ранее в сочинениях Платона. В отличие от В.С. Соловьева, который выводил всеединый субъект из отдельных личностей, Л.П. Карсавин создал иерархию личностей от индивидуальной до общечеловеческой. Первое проявление такого подхода заметно уже в работе «Восток, Запад и русская идея» (1922 г.). В ней в качестве одного из промежуточных субъектов всеединства выступают народ и народность: «Русский народ многоединство (или, если угодно, многоединый субъект) частью существующих, частью исчезнувших, частью на наших глазах определяющихся или ожидающих самоопределения в будущем народностей, соподчиненных – пока что – великороссийской» [Карсавин, 1922, с. 7].

В дальнейшем Л.П. Карсавин уходит от трактовки народа как многоединства (симфонической личности) в сторону восприятия таким образом Церкви и государства. Но основы, заложенные им, получают свое развитие в трудах других евразийцев, а особенно Н.С. Трубецкого. Однако Н.С. Трубецкой в своих рассуждениях шел с противоположной стороны – от индивидуальной личности к личности многонародной. Как он указывал в предисловии к сборнику «К проблеме русского самопознания» (1926 г.): «евразийство значительно углубляет и расширяет понятие личности, оперируя не только с частночеловеческой, но и с многочеловеческой, «симфонической» личностью» [Трубецкой, 2007, с. 151]. Как Н.С. Трубецкой отмечал в своей переписке с П.П. Сувчинским, восприятие народа как личности, у которой есть личные отношения с Богом, идет от Священного Писания [Трубецкой, 2008, с. 150].

Каждая личность, как индивидуальная, так и частнонародная или многонародная имеет несколько проявлений – индивидуационных рядов (или ликов). Отличие частнонародных и многонародных личностей от индивидуальных заключается в том, что все их индивидуации могут быть не только одно-, но и разновременными. Так, индивидуациями многонародной личности выступают одновременно сосуществующие частнонародные личности, входящие в нее. Здесь снова выстраивается некоторая горизонтальная и вертикальная иерархия симфонических личностей. Изучением личности в ее различных проявлениях занимаются разные науки, и для корректировки их усилий Н.С. Трубецким было предложено создание новой науки – персонологии.

Каждая личность (в том числе и народ) имеет два измерения – духовное и телесное. В связи с этим, Н.С. Трубецким выдвинуто одно предложение, имеющее важное методологическое значение. Он утверждал, что «личность реально существует в определенном физическом окружении, между этим окружением и личностью устанавливаются теснейшие связи. Для личностей многочеловеческих (народных и многонародных) эта связь с физическим окружением (с природой территории) настолько сильна, что приходится говорить прямо о неотделимости данной многочеловеческой личности от ее физического окружения и рассматривать это физическое окружение как продолжение данной многочеловеческой личности» [Трубецкой, 2007, с. 154]. При этом не принципиальным является то, приспособил ли народ вмещающий ландшафт под свои нужды, или сам приспособился к нему. Ввиду сложности исследования личности и ее физического окружения силами одной науки, Н.С. Трубецкой вновь говорит о разделении труда между науками, которые будут корректироваться персонологией. Но помимо чистого описания, необходимы исследования, осмысляющий фактический материал. Таким образом, говорится, например, о необходимости сочетать этнографические исследования (этнографию) с этнософскими (этнологией).

В программных сочинениях евразийцев также используется концепт «симфоническая личность». В документе 1926 г. «Евразийство – опыт систематического изложения» говорилось: «… мы признаем реальностью не только индивидуальную личность (которая по существу-то своему вовсе не только «индивидуальная»), а и социальную группу, и притом не только «сословие» и «класс» …, но и народ, и субъект культуры (например, культуры русско-евразийской, объемлющей многие народы, культуры европейской и т. д.), и человечество. Заменяя понятие внешней связи понятием связи органической или личной, мы считаем и называем их личностями, но в отличие от индивидуумов личностями соборными или симфоническими» [Евразийство, 1995, с. 240].

Здесь уже напрямую прослеживается использование системного подхода, когда связям между элементами придается значение большее, нежели самим элементам. Относительно подхода к определению народа можно говорить, что определяющую роль в нем играют не столько люди, его составляющие, сколько связи между людьми, а также людей с окружающей средой. Наличие связей между личностью и ее окружением (социальным и природным) является необходимым условием для появления симфонической личности. Поскольку такие связи существуют постоянно и не зависят от желания личности, можно говорить, что симфонические личности существуют объективно и перманентно.

Резюмируя, можно вывести такое определение этноса, использовавшееся в евразийском дискурсе. Этнос – это симфоническая личность, включающая в себя в качестве отдельных проявлений индивидуальные личности, находящаяся в неразрывной связи с физическим окружением. Этносы существуют объективно, вне желания своих членов. Этнос воспринимается как система, существование которой определяется наличием связи между его членами. В евразийском дискурсе синонимом термина «этнос», как правило, выступают народ, частнонародная и многонародная личности.

Литература

Евразийство – опыт систематического изложения // Мир России – Евразия: Антология. – М.: Высш. шк., 1995. – С. 233-390.

Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. – Пг.: Academia, 1922. – 80 с.

Карсавин Л.П. Философия истории. – М.: АСТ, 2007. – 510 с.

Могилянский Н.М. Предмет и задачи этнографии // Живая старина. – 1916. – Т. XXV, вып. I.– С. 1-22.

Трубецкой Н.С. От автора. К проблеме русского самопознания // Наследие Чингисхана: сб. статей. – М.: Эксмо, 2007. – С. 151-161.

Трубецкой Н.С. Письмо Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому от 30 ноября 1925 года // Письма к П.П. Сувчинскому: 1921-1928. – М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2008. – 384 с.

М.Е. Петрова

Пермь, Пермский государственный педагогический университет

Роль терминологии в изучении процесса развития экономических и этнокультурных отношений (по археологическим материалам)

– Меня зовут Алиса.

– Довольно глупое имя. Что обозначает это имя?

– А разве имя должно что-нибудь обозначать? – с сомнением спросила Алиса.

– Конечно! – сказал Шалтай-Болтай, мое имя обозначает мои качества... С таким именем как у тебя, девочка, можно быть совсем без качеств.

Л. Кэролл [Налимов, 1979, с. 15].

Научные термины несут специфическую нагрузку, этими словами кодируются (в них «сворачиваются») комплексы информации — определенные научные концепции, и отказ от этой системы кодов приведет к необходимости излагать каждый раз заново всю концепцию. Термины в науке должны служить не только для того, чтобы с их помощью были выражены ранее созданные концепции, но и для формулировки каких-то суждений в будущем. Поэтому термины науки должны быть *открытыми* [Налимов, 1979, с. 131, 139].

Важной частью изучения археологической культуры является исследование ее отношений, поиск аналогий в других археологических культурах. Это позиционирует рассматриваемую культуру среди других, часто служит основанием датировки и дополнительным материалом для реконструкции социально-экономических, политических и этнических процессов складывания той общности, остатки которой представляет данная археологическая культура. Этнология и история, пользуясь эт-

нографическими и письменными источниками, имеют возможность проследить процессы «от конца к началу». Археология реконструирует их по фрагментам, поэтому особенно важно, по возможности, четко и мотивированно определять место и значение имеющихся фактов в общей картине реконструируемых процессов.

В публикациях, посвященных процессам развития отношений между носителями разных археологических культур, можно отметить произвольное, часто в качестве синонимов, употребление следующих слов: *контакты, связи, взаимосвязи, отношения, взаимоотношения, взаимодействия*. Для конкретного автора или научной школы свойственно употребление одного из указанных слов как основного, а степень устойчивости рассматриваемых отношений передается описанием и поэтому данные слова не приобретают качеств термина.

Например, В.А. Могильников, рассматривая, «военные, торгово-обменные и этническо-асимилятивные контакты» лесного населения Зауралья и Западной Сибири во второй половине I – начале II тыс. н.э., отмечает, что «археологический материал констатирует их различный характер на разных территориях». Утверждение, что «южный импорт оседал преимущественно у населения южной части лесной полосы и не распространялся далеко к северу», т.е. наличие двух зон, с разной интенсивностью охваченных процессом развития отношений, не зафиксировано терминологически. Сам факт наличия отношений фиксируется словом «контакт» или «связь», а их содержание и интенсивность или уровень развития передается через описание, и таким образом, слова «контакт» и «связь» несут минимальную смысловую нагрузку [Могильников, 1990, с. 33-34].

И.В. Босенко, исследуя распространение бронзовых украшений неволинской археологической культуры и фиксируя разницу в частоте этих находок относительно материала в целом для разных археологических культур в зависимости от региона, не систематизирует эти выводы, поскольку опирается на географический критерий организации материала [Босенко, 2007, с. 9]. Но эти регионы, в свою очередь, могут быть разбиты по количеству найденных предметов и по контексту их употребления на три группы, различающиеся по интенсивности и устойчивости отношений с исследуемой культурой.

Таким образом, необходимость и возможность упорядочения терминологии можно считать достаточно очевидной. Исходя из этого отношения между археологическими культурами, этносами (или регионами) можно классифицировать следующим образом:

«Контакты» – редкие, случайные, эпизодические, часто опосредованные факты отношений. Этому соответствует небольшое количество импортных предметов, причем, может изменяется и их назначение.

«Связи» – устойчивые, прочные отношения, иногда вызывающие изменения в экономике и политике, но не затрагивающие этническую составляющую культуры.

«Взаимодействия» – непосредственные отношения, характеризующиеся изменениями в культуре одной или обеих сторон и иногда (но не всегда) приводящие к формированию новой общности.

Но этнокультурное взаимодействие не обязательно подразумевает этническую (или культурную) нивелировку, а напротив, может стимулировать, в некотором роде, механизмы этногенеза [Руденко, 2004, с. 3-4]. Например, чересполосное проживание на сопредельных территориях Прикамья коми, русских и татар в XIV-XIX вв. не привело к ассимиляции, а напротив, способствовало консолидации этих этносов.

Предложенная классификация использует на системную стратегию группировки по устойчивости, прочности отношений [Клейн, 1991, с. 232]. Она построена с учетом археологических, а также исторических и этнологических критериев и как представляться, отражает процесс в развитии. Выделенные «классы» могут рассматриваться как этапы или стадии процесса развития отношений , но переход к «высшему» не детерминирован.

Требуют дальнейшего уточнения и термины, определяющие характер отношений, это: «экономические», «торговые», «этнические», «межэтнические», «культурные», «этнокультурные», «культурно-исторические» [Белавин, 2000], а также «военные», «торгово-обменные», «этнически-ассимилятивные» [Могильников, 1990], хозяйственные, брачные, дипломатические, миграции и др. Значение некоторых из них очень конкретное, других слишком обобщенное или размытое. Употребление этих характеристик должно соответствовать уровню развития производительных сил конкретных обществ. Специального рассмотрения и уточнения требует определение «этнокультурные» процессы.

Если под этнокультурным понимать все, имеющее этническую специфику, характеризующее этнические и культурные особенности общности, то это определение будет слишком общим и размытым [Лоткин, 1995]. Если – прямое и непосредственное контактирование этносов и этнических групп, их торговые и идеологические отношения, проживание на одной территории разных этносов, интегрированных в общую экономическую систему [Руденко,2004], то необходимо четко отделить «культурные» влияния и отношения от «этнокультурных».

Представляется, что «культурными» следует считать односторонние процессы. Как правило, это влияние более развитого общества (этноса) на другие, менее развитые вплоть до ассимиляции, а также моду, т.е. широкое распространение утративших «этническую» специфику элементов материальной и духовной культуры.

«Этнокультурными» же следует считать процессы взаимного обмена между общностями, находящимися на одной ступени общественного развития, включая миксацию и консолидацию.

Литература

Белавин А.М. Камский торговый путь. – Пермь, 2000.

Босенко И.В. Этнокультурные связи неволинской культуры (по материалам бронзовых украшений) // Труды КАЭЭ. – Пермь, 2007. – Вып. IV.

Клейн Л.С. Археологическая типология. – М., 1991.

Лоткин И.В. Современные этнокультурные процессы в сфере материальной культуры западносибирских латышей и эстонцев // Материальная культура народов России. – Новосибирск, 1995.

Могильников В.А. Динамика и направления обменных и этнических контактов лесного населения Зауралья и Западной Сибири во второй половине I – начале II тысячелетия н.э. // Взаимодействие древних культур Урала. – Пермь, 1990.

Налимов В. В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. – М., 1979.

Руденко К.А. Процессы культурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Ижевск, 2004.

И.А. Пономарева

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

«История Якутии» в жизни и творчестве А.П. Окладникова (по материалам личного фонда исследователя, СПБФ АРАН)

Данное сообщение подготовлено на основе ранее неизвестных документов из личного фонда А.П. Окладникова, которые хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук (Ф. 1099) и находятся пока в процессе обработки. Эти документы свидетельствуют о том, что подготовка и издание «Истории Якутии» - одного из главных трудов в творчестве А.П. Окладникова – были сопряжены с большими трудностями.

К работе в Якутии, как известно, А.П. Окладников приступил в 1940 г. по приглашению Института языка и литературы ЯАССР и вплоть до 1946 г. здесь под его руководством работала Ленская историко-археологическая экспедиция. Ее материалы и легли в основу будущей «Истории Якутии». Решение о подготовке этого капитального коллективного труда было принято еще в ноябре 1944 г. Он должен был состоять из трех томов. Первый том поручалось подготовить А.П. Окладникову к 1 января 1946 г. В мае 1945 г. проспект первого тома был представлен на обсуждение сектора неолита, бронзы и раннего железного века ИИМКа, где он был утвержден единогласно, а сроки его сдачи перенесены на октябрь 1946 г. В ноябре книга была сдана и обсуждена на совместном заседании ИЭ и ИИМК. В целом она была положительно воспринята и оценена коллегами. В июне 1947 г. А.П. Окладников представил свои разработки по истории Якутии к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук под названием «Очерки древней истории Якутии». За присвоение ученой степени доктора исторических наук ученые проголосовали единогласно.

Как известно, первым том «Истории Якутии» вышел только в декабре 1949 г. С момента его подготовки и обсуждения прошло, таким образом, почти три года. На основе архивных материалов мы можем сделать следующие предположения о причине такой задержки. Для этого несколько слов сле-

дует сказать об обстановке в Якутии перед началом войны. В это время в якутской науке разгорался сильный и затяжной конфликт из-за отношения к фольклору. Платон Алексеевич Ойунский, директор научно-исследовательского института языка и культуры при СНК ЯАССР, был почитателем и исследователем якутского фольклора, поэтому он всячески содействовал его сбору и изучению. С другой стороны, среди историков и литераторов того времени были и такие исследователи, которые считали, что фольклор воспевает представителей эксплуатирующей феодальной верхушки, а не трудовой народ, а потому не достоин внимание науки. В 1937 г. Ойунский был репрессирован, и в деятельности института наметился поворот. Начались повсеместные нападки на фольклор и его исследователей. Лидерами нового течения стали историк Н. Мординов, а затем его ученик Г. Башарин. В первые военные годы конфликт этот только нарастал и надо сказать, что к концу войны позиция Г. Башарина возобладала, а сам исследователь был обласкан московскими партийными и государственными чиновниками.

На послевоенные годы в якутском научном сообществе пришелся пик конфликта между сторонниками Башарина и известным собирателем и исследователем якутского фольклора С.И. Боло, который своим интересом к фольклору и народному эпосу олицетворял для своих оппонентов идеологических противников Советской власти. А.П. Окладников, как известно, тесно сотрудничал с Боло и поэтому в этом конфликте он оказался не в лагере Башарина, который в те годы был одним из лидером якутской науки.

Сторонники Башарина всячески тормозили издание трудов Боло. Известно, что такие же усилия предпринимались и в отношении «Ленских древностей». В переписке с А.И. Новгородовым упоминается письмо сотрудников Якутского издательства в адрес Якутской базы с политическими обвинениями в адрес Алексея Павловича. Об остроте тогдашнего конфликта свидетельствует и несколько писем самого Окладникова в адрес руководящих работников Якутского обкома.

Переписка с издательством Главного Управления Северного Морского Пути (Главсевморпуть) свидетельствует, что А.П. Окладников сомневался в успешном издании своего труда. В одном из писем он интересуется возможностью опубликовать его в их издательстве. Он упоминает о своих договоренностях с якутскими издателями и пишет по этому поводу, что «там пока еще больше патриотизма, чем средств и бумаги».

Но, несмотря на все трудности, первый том «Истории Якутии» все-таки вышел в самом конце 1949 г. Но на этом злоключения книги не закончились.

В письмах к А.П. Окладникову его близкие друзья сообщали, что в стенах Якутского педагогического института сторонниками Башарина и Мординова пропагандируется отрицательный взгляд на его труд. Известно также, что Башарин неоднократно призывал к обсуждению вышедшей книги. В марте 1950 г. на заседании Отделения истории и философии АН СССР, т.е. спустя три месяца после выхода «Истории Якутии», такое обсуждение состоялось. Из его стенограммы следует, что на фоне большинства выступавших, благожелательно оценивавших долгожданный труд Алексея Павловича, резко выделялось выступление Башарина, состоявшее в основном из обвинений исследователя в пренебрежении методологическими установками марксизма-ленинизма. Ближайшие соратники и сподвижники А.П. Окладникова в противовес «башаринцам» всемерно поддерживали вышедший том «Истории Якутии». 15 мая 1950 г. на заседании Совета Якутского филиала АН СССР было принято единогласно постановление о выдвижении «Истории Якутии» А.П. Окладникова к награждению Сталинской премией.

Однако в ноябре 1950 г. Башарин вновь поднимает вопрос о необходимости обсудить книгу А.П. Окладникова. В мае 1951 г. он выступает на закрытом партсобрании против участия во втором томе русских авторов и редакторов – С.А. Токарева, А.П. Окладникова, Н.Н. Степанова и А.А. Избековой. По словам последней, которая в те годы активно переписывалась с Окладниковым, Башарин считал, что русские не могут писать историю Якутии. В сентябре 1951 г. состоялся Учёный Совет ИЯЛИ, на котором Башарин опять настаивал на необходимости обсуждения книги А.П. Окладникова, но безрезультатно.

Надо отметить, что в это время уже началась компания против Марра, которая затронула А.П. Окладникова очень глубоко. Башарин, воспользовавшись этими обстоятельствами, в октябре 1951 г. вновь поднимает вопрос об обсуждении первого тома Истории Якутии. Уже в Москве на совещании в Институте истории он требует пересмотра его оценки, и называет книгу марристской, добиваясь ее запрета и осуждения. Попытки эти, однако, по счастливому стечению обстоятельств не увенчались успехом. 19 февраля 1952 г. вышло постановление Бюро Якутского Обкома ВКП(б) «О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы», ко-

торое осудило деятельность националистов, в том числе и якутских. С этого момента Башарин и его соратники уже больше не беспокоили А.П. Окладникова, т.к. сами оказались в глубокой опале советской власти.

Однако в свете антимарровской компании все-таки было принято решение об исправлении ряда положений в первом томе «Истории Якутии» и его переиздании. В июне 1952 г. в секторе истории ИЯЛИ ЯФ АН СССР состоялось обсуждение переработанной рукописи первого тома. В целом высказана положительная оценка труда. Показательно, что и на этом обсуждении вновь разгорелась дискуссия между «башаринцами» и защитниками А.П. Окладникова. Однако тон ее был уже совсем другим. Здесь уже Г. Башарину приходилось оправдываться, доказывая, что деятельность его была направлена во благо. В итоге постановили одобрить новый вариант «Истории Якутии» и рекомендовать ее к скорейшему изданию. Но и эта книга была издана только спустя несколько лет – в 1955 г. На этот раз задержка произошла уже по причине занятости самого Алексея Павловича, который не раз просил о переносе сроков. В те годы он уже активно занимался исследованиями на Ангаре, Дальнем Востоке и Средней Азии.

Следует сказать, что Сталинскую премию Окладников так и не получил, но в 1957 г. по ходатайству якутского института он был удостоен звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

О.С. Свешникова
Омск, Омский государственный университет

Марксизм в 1930-е годы в ГАИМК*

Общепризнанным является представление о том, что марксизм в 1930-е гг. становится методологией общественных наук. При этом само по себе это теоретическое учение крайне неоднозначно, «всякая интерпретация взглядов Маркса – это всегда, так или иначе, их реконструкция» [Гофман, 2005, с. 111]. До начала 1920-х гг. марксизм был одним из направлений философской и теоретической мысли, знакомство с ним не являлось обязательным, а в интерпретациях существовали значительные разночтения (легальный, ортодоксальный, революционный марксизм [см.: Дмитриев, Левченко, 2001]. В 1930-е гг. марксизм пришлось осваивать всем – и только входящим в науку аспирантам, и ученым со стажем.

На основании фондов рукописного архива ИИМК РАН можно реконструировать организационные формы изучения марксизма в 1930-е гг. опытными археологами. Работа с ними велась по нескольким направлениям. Распоряжением от 24 ноября 1930 г. для сотрудников Академии были организованы консультации при Методологическом бюро. «По вопросам марксисткой методологии консультирует М.В. Серебряков по вторым дням декад (2-го, 12-го, 22-го) каждого месяца от 2-4 часов. По вопросам яфетической теории консультируют по первым дням декад (1-го, 11-го, 21-го) каждого месяца Н.Я. Марр 11 числа от 4-6 часов, И.И. Мещанинов 1-го и 21-го числа от 4-6 часов. По вопросам этнографии и увязки ее с работой по истории материальной культуры консультирует Н.М. Маторин по седьмым дням декад (7-го, 17-го, 27-го) каждого месяца от 9-11 часов. Все консультации начинаются 1 декабря с.г. Сотрудники Академии приглашаются к самому широкому использованию представленной им возможности путем личной беседы с названными товарищами уяснить интересующие их вопросы» (РА ИИМК. Ф. 2. 1930 г. Д. 11. Л. 72). Проходили ли эти консультации в реальности и кто их посещал, остается неизвестным.

Обсуждению тем, связанных с марксизмом, посвящались заседания секторов. Например, на заседании сектора архаических формаций 19 декабря 1930 г. в присутствии 32 человек был заслушан доклад А.В. Шмидта «Развитие взглядов Маркса на первобытное общество» (РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1930. Д. 24. Л. 15-17). Выступление вызвало оживленную дискуссию, в ходе которой отмечалось, что автор «проделал громадную работу и очень нужную» (Там же. Л. 17). Наиболее активным оппонентом А.В. Шмидта оказался В.И. Равдоникас, написавший контртезисы по поводу доклада (РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1930. Д. 24. Л. 18). В 1931 г. была опубликована их совместная работа «О развитие взглядов Маркса на первобытное общество» [Шмидт, Равдоникас, 1931].

* *Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям ГК № 02.740.11.0350*

Одной из форм учета научной работы сотрудников в декабре того же 1930 г. было объявлено «нанесение на карточки материала по определенным заранее установленным вопросам основной исследовательской тематики» (РА ИИМК. Ф. 2. 1930. Д. 11. Л. 106). В число таких вопросов входил и марксизм. Например, в плане работы группы изучения кочевого скотоводства (ИКС) целое заседание посвящено «обсуждению карточек по высказыванию классиков марксизма» (РА ИИМК. Ф. 2. 1931. Д. 17. Л. 2).

Кроме того, археологи для собственных нужд составляли указатели к работам К. Маркса и Ф. Энгельса. В архиве научного сотрудника 1 разряда Г.П. Сосновского сохранились 19 блокнотных листов с указанием страниц в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, на которых освящаются определенные темы: земледелие у древних германцев, азиатский способ производства и т.д. (РА ИИМК. Ф. 42. Г.П. Сосновского. Д. 331. Л. 1-19). В 1935 г. был выпущен сборник цитат «Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин о первобытном обществе».

В 1933 г. ГАИМК начинает организацию пленумов и сессий посвященных творчеству классиков марксизма. В 1933 г. в рамках отдельных подразделений состоялись сессии по теме «Маркс как историк», в 1934 г. был проведен пленум, посвященный изучению роли В.И. Ленина в осмыслении истории докапиталистических общественно-экономических формаций, в 1935 г. – пленум, посвященный 50-летию выхода в свет работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В рамках каждого мероприятия было заслушано от 2 до 4 докладов, часть из которых впоследствии опубликована в виде статей [Ефименко, 1934; Кричевский, 1933; Равдоникас, 1936; Струве, Флиттнер, 1936].

Таким образом, мы видим, что освоение марксистской методологии происходило на нескольких уровнях: личностном (отдельные ученые), групповом (исследовательские коллективы) и организационном (ГАИМК в целом).

Литература

Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. – М., 2005.

Дмитриев А., Левченко Я. Наука как прием: еще раз о методологическом наследии русского формализма // Новое литературное обозрение. – М., 2001. – № 50.

Ефименко П.П. Маркс и проблемы древнейшего периода первобытно-коммунистического общества // ИГАИМК. – 1934. – Вып. 81. – С. 3-29.

Кричевский Е.Ю. Взгляды Маркса на доклассовое общество // ПИМК. – 1933. – № 3-4. – С. 15-26.

РА ИИМК. Ф. 2. 1931 г. Д. 17.

РА ИИМК. Ф.2. 1930 г. Д. 11. Д. 24.

Равдоникас В.И. Энгельс и проблема происхождения скотоводства в Европе // Вопросы истории доклассового общества. – М.; Л., 1936.

Струве В.В., Флиттнер Н.Д. Энгельс и история техники Древнего Востока // История техники. – М.; Л., 1936. – Вып. 5. – С. 75-107.

Шмидт А.В., Равдоникас В.И. О развитии взглядов Маркса на первобытное общество // ИГАИМК. – 1931. – Т. XI, вып. 5-6.

М.А. Станишевская
Барнаул, Алтайский государственный университет

Архивные материалы в деле изучения горнорудного производства в древности и сведения о чудских памятниках*

Рудный Алтай как особый регион, где залегают множество полиметаллических руд, всегда интересовал человека. Разработка этого района началась еще в глубокой древности и продолжается до сих пор. Изучение вопросов становления, формирования и развития горнорудного производства остается актуальным направлением.

Когда началось освоение этого региона русскими в XVIII–XIX вв., то многие рудознатцы информировали начальство Колывано-Воскресенского завода, о так называемых «чудских копях»

* *Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» проект №2009-1.1-301-072-016*

– древних остатках горнорудного производства. К сожалению, тогда не проводилось целенаправленных археологических исследований, но такие исследователи как П.С. Паласс, И.П. Фальк, Г.И. Спасский, В.В. Радлов и многие другие, посещавшие Алтай, указывали в своих трудах на многие такие разработки [Грушин, 2009, с. 504-505]. В XX в. существенный вклад в изучение этой проблематики по письменным источникам внесли М.А. Демин и М.Ф. Розен, а также С.С. Черников в 1936-1937 гг., проводивший серьезные археологические исследования на территории Восточного Казахстана [Демин, 1989; Розен, 1957, 1983, 1988; Черников, 1960 и др.].

К настоящему времени собрано данных более чем о 90 объектах древнего горнорудного производства, о которых есть упоминание в источниках и опубликованных трудах XVIII – начала XX вв. Большинство из них не идентифицировано на местности, а сведенья авторов носят приблизительный характер [Грушин, 2005, с. 154]. Отсюда встает необходимость привлечения архивных материалов, в которых имеются сведения о «чудских» копях и их местонахождении для более точного картографирования этих памятников. Нами была начата работа по изучению архивных материалов, хранящихся в Центральном хранилище архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК), с целью оценки сведений о древних выработках с точки зрения их научной значимости. Работа велась с документами 86 фонда. Сведения о чудских древностях, содержащиеся в документах этого фонда можно разбить на два содержательных блока.

Первый – это информация, связанная с попытками исследователей интерпретировать хронологию, этническую принадлежность «чудских» древностей, а также определить прародину народа «чудь» и др. Например, в документах содержится информация, что «чудь», возможно, была одной из самых древнейших цивилизаций мира. Исследователи ставили ее в один ряд с египтянами, майя, фракийцами и эллинами (ЦХАФ АК. Ф. 86. О. 1. Д. 13. Л. 6). Подобные сведения в настоящее время можно расценивать только с позиции историографии, т.к. сейчас доподлинно известно, что «чудские» древности относятся к разным периодам времени и разным археологическим культурам [Грушин, 2009, с. 504-505].

Вторая часть данных связана с описанием местонахождений «чудских» копий, их внешним видом и предметами, обнаруженными в них. Так, например, по сообщению Писчика Малышевской земской избы Андряй Петелина, в начале сентября 1780 г. было найдено рудное месторождение лежавшее от Барнаульского завода на расстоянии 175 верст, а от завода Сузунского верстах в 64. С точки зрения разработки этого месторождения, оно не было перспективным, но там было найдено множество древних объектов и вещей: «рудокопные ямы, длиною до 37, шириною от 2 до15, глубиной от 1 саж.», кости, уголь, сгнившее отчасти минерализованное дерево и др. (ЦХАФ АК. Ф. 86. О. 1. Д. 14. Л. 20). Сведения такого рода особенно интересны для изучения, так как благодаря полученной из них информации мы можем попытаться картографировать «чудские» копи и в последующем идентифицировать их на местности.

Конечно, при осуществлении данной задачи существует ряд сложностей, связанных с картографированием данных объектов и последующим их изучением. Так, привязка объектов на местности исследователями проводилась приблизительно, а многие деревни, вблизи которых находились памятники, сейчас либо не существуют, либо имеют другое название. Кроме того, существовало множество одинаковых названий населенных пунктов, сосредоточенных в одной местности, и многое др., но проведенное нами исследование говорит о том, что данные проблемы можно решить хотя бы для части древних горнорудных объектов. Работа по картографированию с использованием архивных данных может стать существенным вкладом в поиски и обнаружение древних объектов, с целью их археологического изучения.

Литература

Грушин С.П. Историко-культурный комплекс на горе Пихтовая в контексте проблемы изучения объектов древнего горнорудного дела // Теория и практика археологических исследователей. – Барнаул, 2005. – Вып. 1. – С. 153–157.

Грушин С.П. Чудские копи // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск, 2009. – Т. 3. – С. 504–505.

Демин М.А. Первооткрыватели древности. – Барнаул, 1989. – 120 с.

Розен М.Ф. К истории древних горных работ на Алтае // Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса, посвященной 140-летию Гурьевского завода. – Кемерово, 1957. – С. 298–324.

Розен М.Ф. Колывань и гора Змеиная. – Барнаул, 1983. – 96 с.
Розен М.Ф. Верхняя Обь и Алтай на картах XVI-XIX в. – Барнаул, 1988. – 120 с.
ЦХАФ АК Ф. 86. ОП 1. СВ. 2. Д. 13. Древнейшая цивилизация загадочное племя чудь и раскопки курганов (историко – археологический обзор). – 1928. 25 л.
ЦХАФ АК Ф. 86. ОП 1. СВ. 2. Д. 14. О древнейших курганах и городищах (доклад читанный Н.С. Гуляевым в 1900 г. в обществе любителей исследований Алтая). 1928. – 76 л.
Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с. – (МИА. – № 88).

Э.О. Хакимова
Улан-Удэ, Бурятский государственный университет

Вклад российских и советских исследователей в изучение бронзового и раннего железного веков Монголии

(конец XIX в. – 1960-е гг.)

Цель настоящей работы заключалась в оценке вклада российских и советских исследователей в изучение бронзового и раннего железного веков Монголии с дореволюционного времени до конца 1960-х гг. Изучение этих эпох началось экспедициями РГО в последней трети XIX в. (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, В.В. Радлов и др.). Результаты их работ, в основном, сводились к описанию, накоплению материалов и попыткам их осмысления. Так, например, Г.Н. Потанин в ряде работ дал описание археологических памятников Монголии [Потанин, 1881; 1885].

После революции 1921 г. в Монголии начали работать экспедиции АН СССР. Они провели квалифицированные раскопки могильников, обследовали наскальные рисунки рассматриваемых периодов. В результате в советское время была дана научно обоснованная оценка полученным материалам и случайным находкам.

Начало было положено Г.И. Боровко. Он ввел в научный оборот термины для обозначения погребальных памятников бронзового и раннего железного веков – «плиточные могилы» и «херексуры». Плиточные могилы Г.И. Боровко разделил на несколько групп и на основе анализа находок датировал их скифским временем [Боровко, 1927]. Херексуры автор датировал VI-VIII вв. н.э., т.е. средневековым временем [Там же], что, как показали дальнейшие исследования этих памятников, оказалось ошибкой.

В послевоенные годы в Монголии по приглашению Академии наук этой страны начала работать Монгольская экспедиция под руководством С.В. Киселева. Результатом стало появление новых работ по изучению памятников эпохи бронзы и раннего железа Монголии. С.В. Киселев в статье «Монголия в древности» на основе своих раскопок и предыдущих исследований пришел к выводу о том, что оленные камни и плиточные могилы не только одновременны, но и связаны между собой. Об этом свидетельствовали факты «находок оленных камней в виде угловых столбов плиточных могил» [Киселев, 1947, с. 363]. Эти памятники автор датировал VII-II вв. до н.э. [Киселев, 1947]. С.В. Киселев охарактеризовал общественный строй оставившего их населения как патриархально-родовой. При описании хозяйства он отметил развитие скотоводства. При этом он считал, что в VII-V вв. до н.э. здесь существовало и земледелие, о чем говорили находки зернотерок [Киселев, 1954].

В фундаментальном труде «Древняя история Южной Сибири» С.В. Киселев, рассматривая вопрос о происхождении карасукской культуры Минусинской котловины, высказал мнение о том, что появление этой культуры в Южной Сибири было связано с продвижением из Центральной Азии племен ди-ли, селившихся между Гоби и Хуанхэ. Они принесли с собой «из Северного Китая новые, карасукские, формы материальной культуры» [Киселев, 1949, с. 108].

А.П. Окладников в конце 1950 – начале 1960-х гг. в ряде статей [Окладников, 1959, 1962] отметил, как и С.В. Киселев, существование у населения бронзового века Монголии и Забайкалья, наряду со скотоводством, земледелия. Об этом, по его мнению, говорили находки в Забайкалье и Монголии триподов, характерных для земледельческого Китая. Причину появления здесь триподов автор видел в «близкой и тесной связи с древнекитайскими племенами» [Окладников, 1959, с. 131]. Плиточные могилы и найденные в них триподы А.П. Окладников относил к X-V вв. до н.э. [Там же].

В.В. Волков и Э.А. Новгородова в начале 1960-х гг. ввели в научный оборот серию случайных находок из Монголии. Рассмотрев карасукские привески, они пришли к выводу, что «широкое распространение лапчатых привесок в Монголии и Северном Китае, а также отсутствие их в предкарасукское время в Южной Сибири свидетельствует о восточном их происхождении» [Волков, Новгородова, 1960, с. 159]. Соглашаясь с С.В. Киселевым, авторы видели в северокитайских племенах, вытесненных на север, создателей карасукской культуры. В.В. Волков опубликовал бронзовый кинжал из Гоби и датировал его концом карасукского времени. Кинжал, по его мнению, также свидетельствовал о тесных связях Северного Китая и Сибири [Волков, 1961]. Заслугой В.В. Волкова стала публикация большой серии бронзовых наконечников стрел и кельтов из монгольских музеев [Волков, 1962, 1964]. В эти же годы Н.Л. Членова отнесла оленные камни к скифскому времени, связывая их в Монголии с плиточными могилами [Членова, 1962].

В целом, к середине 1960-х гг. по бронзовому и раннему железному векам Монголии в результате работ исследователей дореволюционного и советского времени был накоплен значительный объем материалов. Их обобщил В.В. Волков в монографии «Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии». В ней исследователь дал характеристику раннего бронзового века, разделив территорию Монголии на две культурные зоны – южную, близкую к северокитайским памятникам, и северную, близкую южносибирским памятникам. Во второй половине II – начале I тыс. до н.э., по мнению В.В. Волкова, в Монголии была распространена культура, представленная случайными находками карасукского типа. Скифское время VII-III вв. до н.э. он подробно охарактеризовал по материалам культуры плиточных могил. Исследователь дал описание территории ее распространения, выделив локальные особенности плиточных могил в разных областях Монголии. В работе была представлена характеристика инвентаря из могил. В вопросе датировки и периодизации плиточных могил он придерживался мнения Н.Н. Дикова [Диков, 1958], лишь оспорив возможность их отнесения ко времени конца эпохи поздней бронзы. Писаницы, выполненные краской, автор считал одновременными плиточным могилам и, возможно, оставленными ее носителями. Херексуры В.В. Волков датировал I тыс. до н.э. По поводу оленных камней В.В. Волков отмечал, что они не могут быть увязаны с какой-то одной культурой и датируются VII–III вв. до н.э. Очень важным был вывод В.В. Волкова о делении территории Монголии скифского времени на две культурные зоны – западную и восточную. Западная зона была представлена херексурами и памятниками алтае-тувинского типов, а восточная – плиточными могилами. В культурно-историческом очерке исследователь дал характеристику хозяйства, некоторых черт общественного строя и религиозных верований древнего населения Монголии скифского времени [Волков, 1967].

В 1969-1970-х гг. вышла двухтомная работа А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской «Петроглифы Забайкалья». Авторы дали подробную характеристику красковых писаниц селенгинского типа, разработали их классификацию, датировку, семантику и связали с населением культуры плиточных могил. При этом они показали, что южные границы распространения петроглифов селенгинского типа уходят в Монголию [Окладников, Запорожская, 1969, 1970].

В 1970 г. вышла монография Э.А. Новгородовой «Центральная Азия и карасукская проблема». В ней автор, проанализировав керамику, оружие, орудия труда и украшения из карасукских погребений в Южной Сибири и их аналогии в Забайкалье, Монголии и Северном Китае, пришла к выводу о том, что происхождение карасукской культуры Южной Сибири «следует увязывать с новым монголоидным населением, пришедшим из Центральной Азии в сер. II тыс. до н.э. Об этом свидетельствуют находки черепов с чертами дальневосточной монголоидной расы» [Новгородова, 1970, с. 174]. Таким образом, автор разработала новые доказательства того, что карасукская культура не была автохтонной, а явилась следствием миграции центрально-азиатских племен в Южную Сибирь. Тем самым она развила идею С.В. Киселева.

Подводя итоги истории изучения бронзового и раннего железного веков Монголии, можно сделать вывод, что российские и советские исследователи конца XIX – середины XX вв. внесли существенный вклад в развитие исторических представлений о древней истории Монголии в рассматриваемые эпохи.

Литература

Боровко Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Вып. II.- С. 43-88.

Волков В.В. Бронзовый кинжал из Гоби // СА. – 1961. – № 4. – С. 260-262.

Волков В.В. Бронзовые наконечники стрел из музеев Монголии // Монгольский археологический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 18-26.

Волков В.В. Бронзовые кельты из музеев Монгольской народной республики // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. – М.: Наука, 1964. – С. 176-180.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.

Волков В.В., Новгородова Э.А. Карасукские привески из Монголии // СА. – 1960. – № 4. – С. 155-160.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ, 1958. – 108 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с. (МИА. – № 9).

Киселев С.В. Монголия в древности // Изв. / АН СССР. Сер. ист. и филос. – 1947. – Т. IV, вып. 4. – С. 355-372.

Киселев С.В. Эпоха производства орудий из бронзы // История Монгольской народной республики. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Гл. 2. – С. 46-51.

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: Наука, 1970. – 192 с.

Окладников А.П. Триподы за Байкалом // СА. – 1959. – № 3. – С. 114-132.

Окладников А.П. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 418-431.

Окладников А.П., **Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 220 с.

Окладников А.П., **Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья – Л.: Наука, 1970. – Ч. 2. – 264 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии.– СПб.: Типография Киршбаума, 1881. – Т. II. – 272 с.

Потанин Г.Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 г. // Древности. Тр. Импер. Моск. археол. об-ва. – М.: Синодальная типография, 1885. – Т. X. – С. 50-57.

Членова Н.Л. Об оленных камнях Сибири и Монголии // Монгольский археологический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 27-35.

С.С. Ходосевич
Иркутск, Иркутский государственный университет

История археологических исследований в Северном Приангарье

Первые сообщения о древностях Северного Приангарья относятся ко времени работ в Сибири экспедиции Д.Г. Мессершмидта (1700-1726 гг.), но началом в историографии археологических изысканий в Сибири принято считать деятельность А.Н. Радищева. Собранная и описанная им коллекция каменных изделий является первым специальным собранием археологических источников не только в Северном Приангарье, но и во всех тогдашних восточных владениях России. Начало научного изучения ископаемых древностей Северного Приангарья связано с именами И.А. Лопатина и Н.И. Витковского. И.А. Лопатин в 70-е гг. XIX столетия собрал и описал серию археологических находок из различных географических пунктов ангарского побережья в районе г. Кодинска.

Н.И. Витковским в 1882 г. при поддержке ВСОРГО обследовал долину р. Ангара от Иркутска до устья р. Тасеевой, где был открыт ряд археологических местонахождений. В результате работ высказано предложение, что Ангара еще в древности была своеобразной контактной зоной, связывающей западные и восточные области Сибири. Исследователь первым обратил внимание на находки медных и бронзовых изделий в таежной полосе Сибири и высказал мысль о том, что в Прибайкалье был самостоятельный центр бронзолитейного производства, независимый от Минусинской котловины.

В 1916 г. В.И. Подгорбунским был открыт комплекс археологических местонахождений в устьевых участках р. Илим, у его правых притоков – рек Игирма и Тушама.

В 1926 г. Я.Н. Ходукиным обследован 260-километровый участок побережья р. Илим и 30-километровая зона его притоков, где ему удалось открыть 20 разновременных памятников [Васильевский и др., 1988].

В 1929 г. археологические исследования в долине р. Илим продолжены Г.Ф. Дебецом, который провел стационарные раскопки на ранее открытых стоянках, а также зафиксировал несколько новых местонахождений [Васильевский и др., 1988].

В связи с началом реализации государственных планов проектирования гидроэлектростанций Ангарского каскада начался новый этап археологического исследования в Северном Приангарье. В 1932 г. А.П. Окладников возглавил Ангарскую археологическую экспедицию, организованную Иркутским краеведческим музеем и ВСОГО, имевшую задачу проведения археологических изысканий в долине р. Ангара в зоне затопления проектируемых ГЭС. На участке ангарской долины протяженностью 1200 км от бывшего Братского острога до устья Ангары открыто и осмотрено 85 местонахождений – могильник на о. Жилой, в устье р. Карапчанки, поселения Эдучанка, Воробьево и др. Все обнаруженные археологические объекты укладывались в диапазон неолит – бронзовый век. В общем итоге, в фонды Иркутского краеведческого музея легли разведочные фактические материалы, собранные на 50 археологических местонахождениях [Окладников, 1976]. Таким образом, к 1940 г. оформилось первое картографическое выражение археологической изученности Северного Приангарья на уровне разведочной фиксации отдельных находок. Они документировали археологические местонахождения в районах среднего течения Ангары, Илима вплоть до Ангаро-Енисейской стрелки слияния.

В 1948 г. геолог А.К. Рюмин при обследовании III террасы Ангары в окрестностях с. Чадобец на поверхности песчаных выдувов собрал большую коллекцию археологического материала [Васильевский и др., 1988].

С 1951 по 1959 гг. А.П. Окладников руководил работами двух археологических экспедиций: Ангарской, работавшей в верховьях Ангары (1951-1955 гг.) и Братской в зоне затопления Братской ГЭС (1955-1959 гг.).

Иркутский университет в 1960 г. провел раскопки на р. Илим. В 1961 г. разведочный отряд Иркутского университета провел работы в зоне будущего водохранилища Усть-Илимской ГЭС, открыв на двухсоткилометровом участке поискового маршрута от г. Илимска до пос. Невон 60 местонахождений. Этот год можно считать началом вхождения в тематическое археологическое изучение Северного Приангарья. В 1967 г. в районе нижнего и среднего течения р. Ангара и р. Илим в связи со строительством Усть-Илимской ГЭС начались плановые спасательные работы, длившиеся до 1973 г. Обследовались стоянки, открытые ранее, выяснялось состояние объектов, перспективность их дальнейшего исследования, а также велись поиски новых местонахождений. В составе Ангаро-Илимской экспедиции работало несколько отрядов, руководство которыми в разное время осуществлялось М.П. Аксеновым, Д.Ю. Березиным, В.В. Буриловым, Р.С. Васильевским, А.М. Георгиевским, Б.Н. Лапшиным, В.И. Молодиным, А.П. Окладниковым, Е.Ф. Седякиной. Во время маршрутных разведок выявлялись новые местонахождения, наиболее перспективные для развертывания стационарных исследований – Панова, Усть-Кова, Кода и др. [Бурилов, 1975; Васильевский и др., 1988].

В 1969 г. разведочный отряд ИГУ выполнил маршрут в 500 км, обследуя берега р. Ангары в зоне проектируемого ложа будущей Богучанской ГЭС с целью определения физического состояния ранее обнаруженных археологических местонахождений, поиска новых объектов изучения, определения перспектив комплексных изысканий на известных и впервые открытых местонахождениях.

С 1970 г. начались совместные археологические изыскания Иркутского государственного университета и Красноярского педагогического института на западном и восточном терминалах будущего ложа водохранилища – Ковинско-Чадобецкий и Катско-Кежемский участки, которые были затем развернуты на базе КГПИ.

В 1972 г. отрыто местонахождение Усть-Тушама I в осыпях обнажений правого мысовидного образования в устье р. Тушамы и определено время существования древних культур на стоянке в культурно-хронологических рамках поздний мезолит – раннее железо.

С 1973 г. в Северном Приангарье проводит исследования Северо-Ангарская археологическая экспедиция КГПИ под руководством Н.И. Дроздова и Археолого-этнографическая экспедиция Красноярского краевого музея.

С 1990-х гг. в Северном Приангарье на территории Иркутской области археологами научных подразделений ИГУ, СО РАН, Братского краеведческого музея регулярно выполнялись экспертные работы при большинстве строительных проектов различного масштаба.

В 1990 г. во время проведения разведки на побережье Усть-Илимского водохранилища М.П. Аксеновым, Е.М. Инешиным, Е.О. Роговским, С.П. Таракановским открыто местонахождение Адорма.

В 1997 г. в границах песчаного карьера № 84 Усть-Илимского завода строительных материалов открыто новое многослойное местонахождение, получившее название Боковушка. На объекте зафиксирован разновременный археологический материал [Роговской и др., 2003].

В 1998 г. Иркутской лабораторией археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН-ИГУ проводились работы на 100-километровом участке от плотины г. Усть-Илимска до границы Иркутской области и Красноярского края. Открыто 14 новых археологических местонахождений.

В 2006 г. организована экспедиция ИГУ совместно с КГПУ для определения степени сохранности археологических объектов, объема будущих спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС. С 2007 г. начался новый этап исследований в археологии Северного Приангарья, связанный с возобновлением проекта подготовки к затоплению ложа Богучанской ГЭС.

Литература

Бурилов В.В. К археологии средней Ангары (по материалам раскопок в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС) // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 80-86.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары: (От Серово до Братска). – Новосибирск: Наука, 1976. – 328 с.

Роговской Е.О. Белоненко В.В. Лохов Д.Н. Многослойное местонахождение Боковушка: новый сюжет в археологии Северного Приангарья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. –Т. IX, ч. I. – С. 214-219.

Д.Ю. Хоменко
Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Деятельность этнографа П.Е. Кулакова в Енисейской губернии

Пётр Ефимович Кулаков – автор нескольких этнографических исследований по Енисейской и Иркутской губерниям, секретарь ЕГСК в 1897-1898 гг. Отношение к его научному наследию, как и к его личности, неоднозначное. Его работа по описанию быта сельского населения Иркутской губернии была высоко оценена П.П. Семеновым (вице-председателем ИРГО), а его деятельность по изучению инородцев юга Енисейской губернии получила негативную оценку крупного этнографа и почвоведа А.А. Ярилова.

П.Е. Кулаков родился в Симферополе в 1867 г.. Учился в Петербургской гимназии, в 1890 г. был сослан в Восточную Сибирь «за участие в террористическом кружке» [Сибирская…, 1930]. В ссылке он становится членом ВСОИРГО. В 1896 г. П.Е. Кулаков совместно с И.А. Молодых устраивал павильон Восточной Сибири на Нижегородской выставке. Вице-председатель ИРГО П.П. Семёнов (будущий Тян-Шанский) остался доволен работой исследователей и ходатайствовал об их устройстве на службу перед Иркутским генерал-губернатором (Личное дело П.Е. Кулакова // ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Ед. хр. 203. Л. 2). В результате П.Е. Кулаков был назначен на должность секретаря ЕГСК 7 февраля 1897 г.

В июне-июле 1897 г. П.Е. Кулаков, А.А. Ярилов и А.А. Кузнецова [Кузнецова, Кулаков, 1898] изучали инородцев Ачинского и Минусинского округов Енисейской губернии. Затем, в августе того же года, П.Е. Кулаков был направлен в Туруханский край в составе комиссии по поиску места для основания города Ново-Туруханск и попутно изучал рыбный промысел в низовьях Енисея [Кулаков, 1898б].

В январе 1898 г. П.Е. Кулаков отъезжает в отпуск, в Крым, чтобы больше не вернуться в Сибирь. Летом 1898 г. он был перемещен в число чиновников департамента земледелия и тогда же

подал в отставку с поста секретаря ЕГСК по состоянию здоровья (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Ед. хр. 203. Л. 24).

Таким образом, П.Е. Кулаков пробыл в Енисейской губернии меньше года, однако, проявил большую активность и оставил свой след в этнографическом изучении Приенисейского края.

Научное наследие П.Е. Кулакова невелико. Это ряд статей по этнографии бурят Иркутской губернии, а также результаты его экспедиций по Енисейской губернии. Мы можем проследить, как в этих работах развивались взгляды П.Е. Кулакова на инородческий вопрос.

В работе «Ольхон. Хозяйство и быт бурят» П.Е. Кулаков выявляет зависимость между численностью родов и типами хозяйства, которое они ведут. Он приходит к выводу, что земледельческие хозяйства являются гораздо более процветающими, чем скотоводческие. Он указывает на прирост населения в тех родах, которые перешли к земледелию. Скотоводство П.Е. Кулаков считает отсталой формой хозяйствования, т.к. в этих хозяйствах наблюдается убыль населения [Кулаков, 1898а].

Окончательно воззрения П.Е. Кулакова на инородческий вопрос сформулированы в книге, изданной в соавторстве с А.А. Кузнецовой «Минусинские и ачинские инородцы». П.Е. Кулаков утверждает, что вымирание инородцев «предрешено биологическим законом», т.к. они принадлежат к менее культурному племени. Единственной возможностью выжить для них исследователь считает приближение «инородческого уровня к уровню более сильной расы» т.е. к русским [Кузнецова, Кулаков, 1898, с. 4]. Главным проявлением «обрусения» является переход от скотоводческого хозяйства к земледельческому под влиянием соседства с русским населением. Последним актом обрусения П.Е. Кулаков называет переход в оседлые инородцы [Кузнецова, Кулаков, 1898]. Но при этом он обращает внимание, что «минусинские и ачинские татары отнюдь не принадлежат к вымирающим инородцам» [Кузнецова, Кулаков, 1898, с. 12]. Превосходство земледелия над скотоводством определяется тем, что земледельческие хозяйства более многочисленны, а скотоводческие приходят в упадок [Кузнецова, Кулаков, 1898].

В исследовании, посвященном результатам экспедиции в Туруханский край, П.Е. Кулаков не развивает своих взглядов, а только фиксирует то положение, которое сложилось в Туруханском крае в области рыбного промысла. В частности, отмечает факты закабаления инородцев зажиточными крестьянами [Кулаков, 1898].

Точка зрения П.Е. Кулакова на инородческий вопрос встретила резкую критику со стороны члена ЕГСК, участника экспедиции 1897 г., А.А. Ярилова. Он обвинил П.Е. Кулакова в вольном обращении со статистическим материалом, который подчас подтасовывался последним для подтверждения тезиса о процветании земледельческих хозяйств и упадке скотоводческих [Ярилов, 1900]. Так же А.А. Ярилов отрицает факт упадка скотоводства: «коровы и бараны г.Кулакова … принялись умножать свою потомство самым неслыханным образом» [Ярилов, 1900, с. 41]. Хотя несколько ранее он отмечает «усиление занятия земледелием» среди инородцев, но связывает его не с преимуществом земледельческого хозяйства, а с земельными притеснениями со стороны русских [Ярилов, 1899, с. 222]. Следует отметить, что и П.Е. Кулаков связывал падение скотоводства в том числе с земельными притеснениями [Кузнецова, Кулаков, 1898]. В целом, и А.А. Ярилов, и П.Е. Кулаков отмечали примерно одинаковые тенденции в жизни инородческого населения, но по-разному их оценивали.

С критикой работы П.Е. Кулакова выступил представитель сибирского областничества Н.Н. Козьмин. Он предположил, что «миграции являются главной причиной предположений о вымирании» [Козьмин, 1916, с. 100]. Однако, следует отметить, что П.Е. Кулаков указывал на упадок только скотоводческого (т.е. кочевого) инородческого населения. В 1911 г. все инородцы юга Енисейской губернии были в административном порядке переведены в оседлое состояние [Межэтнические.., 2007]. А по теории П.Е. Кулакова, занимающиеся земледелием инородцы не должны вымирать, что и зафиксировал в 1916 г. Н.Н. Козьмин.

Оценивая итоги деятельности П.Е. Кулакова в Сибири, нужно отметить, что, в целом, он верно указал на тенденции в жизни инородческого населения юга Енисейской губернии (переход к земледельческому хозяйству и оседлому образу жизни), но его тезис об изначальной ущербности скотоводства в сравнении с земледелием является весьма дискуссионным. Для разрешения вопроса о профессионализме и личностных качествах П.Е. Кулакова необходимы дополнительные сведения, т.к. и высокая оценка П.П. Семёнова, и, крайне отрицательное, мнение А.А. Ярилова вызывают доверие.

О дальнейшей судьбе П.Е. Кулакова известно, что он был директором-распорядителем издательского товарищества «Общественная польза». В частности, в 1909 г. приглашал М. Горького к участию в новом издании [Горький.., 1988]. Таким образом, он проявил себя с новой стороны: как человек, тесно связанный с творческой интеллигенцией.

Литература

Горький и русская журналистика н. XXв.: неизданная переписка. – М.: Наука, 1988. – 1079 с.

Козьмин Н.Н. К вопросу о «вымирании» инородцев // Сибирские записки. – 1916. – № 2. – С. 99-108.

Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы: (материалы для их изучения). – Красноярск: Тип. Енис. губерн. упр., 1898. – 298 с.

Кулаков П.Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств (бывшего Ольхонского ведомства) Верхоленского округа Иркутской губернии // Зап. ИРГО по отд. статистики. – 1898. – Т. 8, вып. 1. – 245 с.

Кулаков П.Е. Рыбный промысел и рыбная торговля в низовьях Енисея (в Туруханском крае) // Русское судоходство. – 1898. – № 12. – С. 49-104.

Межэтнические связи Приенисейского региона: сб. документов. – Красноярск, 2007. – Ч. 1: 1609-1911 гг. – 215 с.

Сибирская советская энциклопедия. – М.: ОГИЗ: Зап-Сиб отд., 1930. – Т. 2. – 1151 с.

Ярилов А.А. Былое и настоящее сибирских инородцев (кызыльцы и их хозяйство). – Юрьев, 1899. – 366 с.

Ярилов А.А. В защиту науки и приговоренных к смерти. – Юрьев, 1900. – 100 с.

М.В. Чирков

Пермь, Пермский государственный педагогический университет

Методика анализа интерпретируемых очажных конструкций с памятников эпохи средневековья
(пример анализа очажной конструкции)

В течение пяти лет мы занимаемся анализом и интерпретацией следов очажных конструкций, используя данные, полученные в ходе экспериментальной археологизации стандартных типов очажных конструкций [Мингалев, Чирков, 2008]. Мы проводили интерпретацию очагов как с уже достаточно давно исследованных памятников (Конавалятское селище, Черновское I городище, Запоселье I селище, селище Телячий Брод, Рождественское городище, городище Анюшкар) так и с тех, которые исследуются сейчас (Рождественское городище). На всех памятниках нам удалось более точно интерпретировать отмеченные очажные конструкции, а на некоторых выделить новые. За это время нами была выработана и неоднократно апробирована методика анализа интерпретируемых следов.

Методика анализа интерпретируемых следов

Анализ по возможности должен проводиться с привлечением специалистов, которые раскапывали памятник. Кроме этого, желательно рассмотреть очаги этнографической современности на данной территории [Волков, 1994].

А) Формирование данных по памятнику:

– авторы раскопок, год раскопок, место раскопок,

– мощность культурного слоя, тип грунта.

Б) Формирование данных по раскопу:

– местонахождение очажных следов, сопутствующие следы, глубина фиксации,

– местонахождение всех не интерпретированных следов, глубина фиксации.

В) Формирование данных по очажным следам:

– длина, ширина, глубина от фиксации,

– цвет грунта, тип грунта на глубине фиксации,

– содержание очага (уголь, кости, керамика и т.д.),

– наличие прокала, цвет и мощность прокала.

Г) Проведение сравнительного анализа:

– проведение тщательного сравнительного анализа по всем параметрам с археологизированными стандартными очагами,

– нахождение общего в планиграфии и стратиграфии для выявления изначальных параметров очага,

– выделение наиболее схожих параметров,

– подведение итогов на базе проанализированных параметров.

Наиболее сложным является этап проведения сравнительного анализа, в нем нужно учитывать все возможные погрешности, связанные с процессами деструкции и археологизации [Чирков, 2009]. Так же нужно отметить, что если по одному из параметров археологический след не совпадает с очажным, мы не можем утверждать, что он не является очагом, для этого нужно несовпадение по всем параметрам.

Помимо структурных изменений почвы, при использовании основ данного метода необходимо так же учитывать, качество фиксации археологического объекта. Если все параметры учитываются верно, то в результате мы получаем наиболее верную и точную интерпретацию такого археологического объекта как очаг.

Пример анализа очажной конструкции

«В 1952 г. Конавалятское селище было обследовано студенткой Пермского университета И. Поносовой. В июле-августе 1953 г. Камская археологическая экспедиция провела здесь раскопки. Ответственным за раскоп был Ю.А. Поляков.

Селище расположено в 60 м западнее д. Конавалята, Усть-Гаревского сельсовета, Добрянского района, Пермской области, на левом берегу р. Малый Туй, правого притока Камы. Селище находится на склоне очень пологого холма. Оно вытянуто с севера на юг полосой шириной 40-60 м и длиной около 280 м. Поверхность селища ровная. В 200 м от него протекает ручей Песьянка, впадающий в Малый Туй. Значительная часть селища распахана» [Поляков, 1960, с. 207].

На данном памятника нас заинтересовала яма № 1 с участка М/Н – 32/33. Сравнительный анализ ямы № 1 с участка М/Н – 32/33.

Яма в планиграфии выделяется как подчетырехугольное пятно прокаленного красного суглинка длиной 70-90 см, шириной 40-55 см, глубиной 8-10 см, окруженное со всех сторон пятном глины, при этом глина лишь окружает очажные пятна, но не лежит под ними. Возможно, круговой прокал вокруг ямы был воспринят исследователем за глину, такой круговой прокал наблюдался нами у экспериментального очага № 3 (глинобитная основа), либо данная глиняная площадка является поверхностной обмазкой для защиты от поверхностной деформации очага.

Стратиграфия ямы № 1 с участка М/Н-32/33 выглядит так.

Слой № 1 – пахотный слой мощностью 0,24 м.

Слой № 2 – черный культурный слой мощностью 0,75 м. Такой тип слоя, скорее всего, был на месте современного пахотного слоя, а теперь является частью наполнения ямы.

Слой № 3 – угольный слой мощностью 0,03-0,05 м. Слой угля дает нам представление о достаточной продолжительности использования очага.

Слой № 4 – красный прокал мощностью 0,05 м. Показывает на высокую интенсивность пламени. При этом он смещен в северную сторону, что также указывает на южное направление ветра.

Слой № 5 – зола, мощность 0,05 м. Слой золы также дает нам представление о достаточной длительности использования очага.

Слой № 6 – темно-серый зольный суглинок мощностью 0,19 м. По данному слою можно сделать вывод, что яма на время забрасывалась и некоторое время не использовалась.

Слой № 7 – глина с примесью угля мощностью 0,096 м. Возможно, ранее это была глинобитная площадка, позволяющая отдавать большее количество тепла. Смещена в южную сторону, полуразрушена от высокой температуры.

Слой № 8 – серый суглинок мощностью 0,24 м.

Слой № 9 – красная глина – подстилающий слой.

Из проведенного анализа следует, что данная яма является «открытым очагом в яме». В начале использования на дне ямы был создан глинобитный экран, Рядом с глинобитной площадкой находится прокал мощностью 0,048 м, смещенный в северную сторону, что указывает идентичное направление ветра при интенсивном пламени, также данный прокал говорит нам об интенсивном использовании очага. Слой суглинка указывает на то, что данная яма была заброшена на опреде-

ленное время и, следовательно, во время своего существования яма была заброшена два раза. Затем яма была снова задействована, но при этом не была создана глинобитная площадка. Также нами была замечена достаточно большая глубина ямы, из-за чего мощность, которую давала глинобитная площадка, могла теряться. Данный тип очага мало пригоден для обогревания помещения, т.к. тепло, даже если оно было отражено глинобитным экраном, воспринималось стенками ямы и тепловой коэффициент, получаемый помещением, был бы очень мал. Следовательно, яма была задействована для других целей, например, для обжига глиняных изделий, на что косвенно указывают прокаленные фрагменты керамики, находимые по всей глубине ямы, либо для выплавки металла, на что указывают части известняка, найденные в угольных прослойках.

Наличие достаточно мощных полосок прокала подтверждает нашу идею об образовании прокала при интенсивном горении пламени. Данная яма сходится с нашим экспериментальным очагом № 2 по ряду признаков: смещение прокала, ровные стенки, деформировавшееся пятно очага, уход прокала в сторону направления ветра.

Литература

Волков П.В. Экспериментальные исследования отопительных костров древности // Методология и методика археологических реконструкций. – Новосибирск, 1994.

Мингалёв В.В., Чирков М.В. Эксперименты по археологизации разнотипных кострищ и очагов // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2008. – Вып. 2. – С. 53-63.

Поляков Ю. А. Конавалятское селище // Труды Камской археологической экспедиции. – Пермь, 1960.

Чирков М.В. Экспериментальные исследования очагов и кострищ // Материалы XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. – Пермь: ПГПУ, 2007. – С. 42-44.

Чирков М.В. Процесс археологизации // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе.– Сыктывкар: Геопринт, 2009. – Вып. XII. – С. 108-110.

В.О. Шаченко

Кемерово, Кемеровский государственный университет

Интерпретация костного материала городища Талгар (Республика Казахстан)

Основным объективным источником информации о животноводческой деятельности древнего населения являются остатки костей животных из культурных слоев археологических памятников. Анализ остеологических материалов сегодня позволяет полнее осветить вопросы становления и развития домашнего скотоводства у древнего населения изучаемого региона.

Археозоологические исследования осуществляются на стыке биологической и археологической наук. Эти исследования направлены на получение информации об особенностях экономики древнего населения, его диеты, о роли животных в сфере ритуальной деятельности, об использовании костей животных в качестве сырья для изготовления орудий и других предметов и т.п. Кости животных, как правило, достаточно обильны в археологических памятниках, а зачастую являются и наиболее многочисленными материалами.

Информативные возможности археозоологического материала чрезвычайно широки: от глобальных реконструкций антропогенного изменения природных сообществ до выяснения тонких деталей хозяйств и бытового уклада древнего населения. Реальными научными задачами становятся: оценка вклада охоты в экономику и организация охотничьей деятельности; характеристика основных форм и направлений животноводства, условий содержания разводимых животных с обозначением их породных особенностей, заболеваний и патологий; расчеты объемов и специфики мясного потребления в сложившейся системе жизнеобеспечения древних племен и т.п.

На практике археологические и биологические характеристики остеологических материалов используются для исследования комплексной производящей экономики [Антипина, Лебедева, 2005]. Кухонные костные остатки (числом не менее 350-400 определимых до вида фрагментов) являются той категорией остеологических материалов, которая содержит максимум экономической информации [Антипина, 2004]. Главной задачей при исследовании полученной с раскопок

костной коллекции является извлечение максимума новых сведений исторического и биологического характера.

При интерпретации костного материала городища Талгар была использована методика комплексных археологических исследований скотоводства и земледелия, предложенная Е.Е. Антипиной и Е.Ю. Лебедевой [2005].

Минимальный объем выборки для проведения археозоологической интерпретации костного материала с городища Талгар составил всего 323 кости в связи с высокой фрагментацией и плохой сохранностью материала. В качестве количественной характеристики была выбрана оценка вида по «числу костей», в связи с тем, что остеологический материал представляет собой кухонные остатки. На основе имеющегося материала прямые достоверные выводы могут быть сделаны о характере мясного потребления населения городища Талгар. Реконструкция животноводческой деятельности является достаточно приближенным и вероятностным следствием из нашего археозоологического исследования.

Насыщенность культурного слоя с поселения Талгар невысокая, общее число костей со всей площади раскопа – 371, из них пригодными для определения оказались 323 кости. Естественная сохранность костной ткани различна. Высший балл (5) оценки естественной сохранности получает большая часть костей, так как они после очистки и промывки кости сохранили достаточную твердость, не разрушались при направленном воздействии. Низший балл (1) получило около 10% всего собранного на поселении материала, так как при попытке очистки костная ткань рассыпалась. Данная часть костных остатков не вошла в остеологический материал, рассматриваемый в работе. Часть костей при обработке рассохлась и распалась на более мелкие фрагменты.

Таксономическая принадлежность большинства костных остатков определена до видового уровня. «Неопределимыми» остались несколько осколков черепа, мелкие фрагменты длинных трубчатых костей и ребер. Большая часть костной коллекции состоит из длинных трубчатых костей (лучевая, локтевая, бедренная), мелких костей конечностей, нижних челюстей и отдельных выпавших из альвеол зубов.

Из 287 костей, принадлежавших домашним животным (КРС, МРС, лошади), 54,7% составляют кости крупного рогатого скота, 27,2% – кости мелкого рогатого скота, 18,1% – кости лошади.

Оценка специфики скотоводческой деятельности на поселении Талгар.

1. Продукты животноводства составляли основу белковой диеты населения: кости домашних животных – 90,1%, диких – 9,9%.

2. Остеологический спектр: КРС + лошадь +МРС (овца-коза) = 157 + 52 + 78 = 100%. Объемы мясного потребления: говядина – 54,7%, конина – 18,1%, мясо овец и коз – 27,2%. Таким образом, крупный рогатый скот имел наибольшую относительную численность в хозяйстве, на второй позиции – мелкий рогатый скот, на третьей – лошадь.

3. Возрастная структура КРС соответствует использованию их как мясных и (или) мясомолочных животных (большая часть костных останков принадлежит особям среднего возраста – sad.-ad. и ad., т.е. к возрастным группам, объединяющим животных в возрасте от 1 года до 4 лет). К двадцати-двадцати пяти месяцам этот скот может достигать 500-550 кг живой массы [Борисенко, 1952]. Лошади использовались и как мясные животные, и в качестве транспортного средства (почти все кости принадлежат взрослым особям и особям среднего возраста). Для мелкого рогатого скота возрастная структура отражает использование их в качестве мясных животных и для получения прижизненных продуктов (почти равные части остатков принадлежат молодым и взрослым особям).

4. Размеры домашних животных на поселении Талгар – средние и мелкие. Это позволяет сделать вывод об однородном (местном) составе популяции.

Кухонный набор костей животных отражает структуру потребления мяса на поселении. Но соотношение костей конкретных видов не является прямым указанием на объемы потребляемого мяса этих животных вследствие естественного различия по весу между видами [Антипина, 2004].

Для вычисления удельного потребления мяса того или иного вида домашних животных используется формула: доля костей животного, найденных на поселении (в процентах) умножается на 9 для крупного рогатого скота, на 7 для лошади и на 1 для мелкого рогатого скота и свиней. Таким образом, исходя из расчетов, что общее количество найденных на поселении Талгар костей домашних животных (КРС, МРС, лошадь) составляет 287, можно определить их процентное со-

отношение: 54,7% – доля костей крупного рогатого скота, 27,2% – мелкого рогатого скота и 18,1% – лошади. Соответственно доля удельного потребления мяса крупного рогатого скота – 492,3, мелкого рогатого скота – 27,2, лошади – 190,4. Следовательно, можно сделать вывод о том, что жители Талгара употребляли в пищу, в основном, говядину.

Количественное сравнение костных остатков позволило установить, что ведущим направлением в животноводческой деятельности жителей городища Талгар было разведение крупного рогатого скота, так как остатки этого вида доминировали в остеологической коллекции. Крупный рогатый скот использовали в мясном и мясомолочном производстве. Мелкий рогатый скот разводили, в основном, для получения прижизненных продуктов (молока, шерсти), а так же на мясо. Лошадь использовалась, в основном, в качестве тяглового животного. Охота на диких животных в эпоху средневековья подтверждается нахождением костей и роговых стрежней.

Литература

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. – М: Языки славян. культуры, 2004. – С. 7-33.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. – 2005. – № 4. – С. 70-78.

Борисенко Е.Я. Разведение сельскохозяйственных животных. – М.: Колос, 1967. – 463 с.

М.А. Шушкова
Караганда (Республика Казахстан),
Карагандинский государственный университет им. акад. Е.А. Букетова

Использование математических методов в анализе и моделировании исторических процессов

Использование математических методов в анализе и моделировании исторических процессов началось с древности. Менее всего известно об использовании квадрата Пифагора. По словам А.Ф. Александрова, великий ученый Пифагор, основавший религиозно – философское учение, провозгласившее количественные отношения основой сущности вещей, считал, что сущность человека заключается в числе – дате рождения. Используя квадрат можно рассчитать не только судьбу человека, но и сущность исторических событий [Александров, 2007, с. 327].

В математических исследованиях считается, что Пифагор ввел понятие «золотого сечения», но вполне возможно, что это знание более древнее и он позаимствовал эти сведения у египтян или вавилонян. Пропорции пирамиды Хеопса, храмов, барельефов древности соответствуют соотношениям золотого сечения. О золотом сечении знал и Платон (IV в до н.э.), это соотношение упоминается в «Началах» Евклида. В эпоху Возрождения золотому сечению уделяли внимание Леонардо да Винчи, Альбрехт Дюрер и творец начертательной геометрии монах Лука Пачоли. Он нашел в нем «божественную суть» – выражение триединства Бога сына, Бога отца и Бога духа Святого. С золотым сечением тесно связан ряд Фибоначчи, пропорции которого присутствуют в расположении листьев на деревьях, в биоритмах и функционировании головного мозга, зрительном восприятии и т.д.

Из истории астрономии известно, что в XVIII веке немецкий астроном И. Тициус с помощью ряда Фибоначчи нашел закономерность в расстояниях между планетами солнечной системы. Известны даже попытки создания хронологии человеческого общества на основе ряда Фибоначчи [Щапова, 2002, с. 86].

В последующие века изучение этой пропорции продолжалось. В 1855 г. немецкий профессор Цейзинг опубликовал труд «Эстетические исследования», где объявил пропорцию золотого сечения универсальным для всех явлений природы и искусства.

В XX веке на основе последовательности Фибоначчи была создана одна из наиболее успешных методик анализа финансовых, товарных и иных рынков – волновая теория Эллиота [Дудихин, 2000].

Использование математических методов в анализе и моделировании исторических процессов наиболее ярко проявляются в циклической и линеарной концепциях.

Циклическая концепция истории – одна из древнейших в человеческой культуре. Как свидетельствуют источники, мир закономерно воспламеняется и закономерно угасает. У Гераклита мы находим одно из первых описаний циклического взаимопревращения основных элементов или стихий мира.

Платону принадлежит понимание истории как общественного процесса, связанного с учением о космическом движении. Он подробно говорит о божественно правильном и попятном круговращении Вселенной, о периодических катастрофах.

Цикличность является методологическим ключом к аристотелевской классификации основных видов государственного устройства. По Аристотелю, вид государственного устройства определяется тем, в чьих руках находится верховная власть в государстве, кто правит – один ли человек, меньшинство (немногие) или большинство [Гречко, 1995, с. 110].

Выдающимся представителем циклической традиции в философии истории начала XVIII веке был итальянский философ и социолог Джамбаттиста Вико. Согласно его модели Идеальной Истории, истории всех наций протекают в их возникновении, движении вперед, упадке и конце. В полном соответствии с Вечной Идеальной Историей все нации, или народы, проходят в своем развитии три эпохи: Век Богов, Век Героев, Век Людей.

Традицию циклического видения, или паттерна, истории в XIX веке ярко и убедительно продолжил русский мыслитель Н.Я. Данилевский (1822-1885 гг.). Все культурно-исторические типы, как и народы, их составляющие, «нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют и умирают».

В XX веке циклическая концепция нашла свое самое полное и проблемно заостренное выражение у выдающегося мыслителя О. Шпенглера (1880-1936 гг.). Со времен Галилея, замечает Шпенглер, великая книга природы написана на языке математики (закона, пространства, причинно-следственной зависимости) [Габитов, 2005].

В работах Л.Н. Гумилева (1912-1992 гг.) видение «истории людей» в единстве с «историей природы» характеризуется как затухающая вибрация. В его теории пассионарности этногенеза выделяются следующие фазы: 1) подъем; 2) акматическая – предельная активность этноса; 3) надлом [Гречко, 1995, с. 94].

Долгое время в историографии использовалась линеарная концепция истории, выражавшая идею прямолинейности общественного развития и связанная с использованием образа или фигуры линии в историческом объяснении. Прямолинейность имела четко выраженную устремленность вперед, к светлому будущему.

Истоки наиболее яркой устремленности к прогрессу прослеживаются в работах французского ученого Ж. Кондорсе (1743-1794 гг.). Разум, знания, науки, просвещение являются для него мерилом общественного развития. Прогресс разума, наук обусловливает прогресс промышленности. Прогресс промышленности, в свою очередь, ускоряет научный поиск, ведет к новым истинам и успехам. Его мысли тесно перекликаются с современными подходами к определению роли и значения интеллектуального потенциала страны.

В XX веке интерес к идее прогресса не пропадает, а даже оживляется, например, в связи с концепцией «конца истории», заявленной Френсисом Фукуямой. По мнению Т. Габитова, Ф. Фукуяма знакомит нас со «светлым настоящим», дальнейшее движение которого возможно только как совершенствование совершенства [Габитов, 2004, с. 135].

В настоящее время создание разнообразных баз данных, использование Internet-технологий, приход в исследовательскую среду нового поколения историков, свободно владеющих компьютером, и значительный интерес математиков к прикладным задачам в гуманитарной сфере заострили внимание на теоретических проблемах математизации исторического знания.

К числу наиболее важных относится проблема измерения в истории. В настоящее время одним из наиболее перспективных в плане расширения возможностей применения математических методов в исторических исследованиях является привлечение непараметрических подходов, например, фрактального анализа.

Литература

Александров А.Ф. Числа и судьбы. – М.: Рипол классик, 2007. – 327 с.

Габитов Г. Культурология. – Алматы: Раритет, 2005. – С. 94.

Габитов Т. Философия. – Алматы: Раритет, 2004. – С. 135.

Гречко П. Концептуальные модели истории. – М.: Логос, 1995. – С. 110.

Дудихин В. Новейшая история России XX-XXI вв. и последовательность Фибоначчи. 2000. [Электронный ресурс] // URL: http: // vaal.ru (дата обращения: 24.01.2009).

Щапова Ю. Числовая последовательность Фибоначчи // Хронология и периодизация древнейшей истории. – М.: СИБИТ, 2002. – С. 86.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ, ЛИТОПРОИЗВОДСТВО В ПЛЕЙСТОЙЦЕНЕ – РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ

Ю.Е. Антонова

Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Резцы в микроиндустрии Барун-Алана 1 (Западное Забайкалье)*

Вопросы происхождения, развития и дальнейшего распространения микропластинчатых и, просто, микроиндустрий были и остаются одними из наиболее дискутируемых в археологии Северо-Восточной и Центральной Азии. Данные индустрии, предполагающие высокоразвитые технологии обработки камня, а также появление требующих наличие рукоятки простых и сложносоставных орудий, изначально относились к финалу позднего палеолита и более поздним периодам. Однако, за последние 10 лет ситуация коренным образом изменилась: уже в материалах среднего палеолита видят предпосылки появления микропластинчатых технологий [Деревянко и др., 2002], а также развитое производство стандартных вкладышевых заготовок (сегментов) для простых составных орудий (культура Howiesons Poort в Южной и Lupemban в Восточной Африке) [Soriano et al., 2002].

Тенденции к микролитизации каменного инвентаря в финале среднего палеолита прослеживаются и в материалах рабайкальских местонахождений, в частности на «крупнейшем местонахождении типа скальное убежище» – Барун-Алане 1, которое было открыто и систематически исследуется с 2002 г. В.И. Ташаком [Ташак, 2007]. Оно находится в Хоринском районе Республики Бурятия, в 6 км на северо-запад от западной окраины с. Алан, на выположенной площадке у южного основания отвесной скалы. В ходе раскопочных работ в течение 6 полевых сезонов на местонахождении было выявлено 7 литологических подразделений, содержащих разновременный археологический материал. Микроиндустрия относится к 7 слою, содержащему несколько уровней обитания, датируемых в диапазоне 100–40 тыс. л.н. [Ташак, 2009]. Стоит отметить, что из-за большого количества норных ходов по всей толще отложений происхождение микроорудий и микропластин из палеолитических горизонтов подвергалось сомнению. Однако, фиксация множества предметов в ситуации инситного залегания позволила датировать их финалом среднего – началом верхнего палеолита [Ташак, 2007]. Кратко микроиндустрия 7 слоя Барун-Алана 1 охарактеризована В.И. Ташаком как «прогрессивная линия использования мелких сколов и микросколов для создания составных орудий» [Ташак, 2007, с. 230].

Материалы 2008–2009 гг. позволяют провести более детальный анализ коллекции микроорудий и выделить устойчивые серийные формы, что было затруднительно в предыдущие годы в связи с единичной представленностью предметов, относящихся к различным типам. Детальный анализ всей совокупности микросколов из 7 слоя позволил выделить одну из наиболее многочисленных групп микроорудий. Это группа резцов или резчиков, рассмотрение которой и предлагается в настоящей работе.

* *Работа выполнена при поддержке программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект 25.1*

Группа резцов (резчиков) включает в себя 24 предмета. Сюда были выделены изделия с угловой рабочей частью, часто оформленной резцовым или микрорезцовым сколом, ретушированным анкошем в непосредственной близости от угла и выделяющим его микро- и мелкой ретушью на рабочем уголке и прилегающей к нему боковой стороне. Необходимо отметить, что сырьем для данной группы орудий, в частности, как и для практически всей микроиндустрии Барун-Алана 1, служила яшма различных оттенков, несколько реже кремень и горный хрусталь: сырье гораздо более качественное, чем использовавшиеся для производства макроорудий 7 слоя риолит-порфир и туф, и позволяющее проводить более тонкую обработку изделий.

Немаловажным представляется количественное распределение резцов в толще 7 слоя: оно уменьшается к 6 слою. К уровню 7г (нижний из раскопанных уровней) и переходному к 7в относятся 12 экземпляров, на уровне 7в фиксируется 6 предметов. Резцы отсутствуют в горизонте 7б, представлено 4 резца в 7а и 2 – в переходном к 6 слою 6/7 уровнях (уровень каменного завала, где материалы 7 и 6 горизонтов смешаны). Отсюда видно, что половина всех изделий получено из нижнего уровня 7 слоя, в дальнейшем их количество уменьшается (в 7в остается лишь половина), что может быть объяснено либо перепрофилированием индустрии на определенном этапе, либо деградацией уже известных технологий.

В качестве заготовок для изготовления резцов использовались: отщепы (в 11 случаях), микропластины (8 предметов), мелкие пластинки, по метрическим характеристикам близкие к микропластинам (в 2 случаях), единственным экземпляром представлен резец на сколе, обработанном с двух сторон. В большинстве случаев отщепы фрагментированы, микропластины и мелкие пластинки представлены медиальной частью в трех случаях, медиально-дистальной – в четырех, два изделия изготовлены на медиально-проксимальном фрагменте, лишь для одного предмета использовалась целая микропластинка.

В целом, по метрическим характеристикам резцы не превышают 3 см в длину и 2 см по ширине, в среднем – это 15–16 мм в длину. Естественно, что орудиями столь небольших размеров невозможно работать, не закрепляя их в какого-либо типа рукоять. Однако аккомодационный участок намеренно обработан лишь в нескольких случаях. В частности, у резца на относительно крупном сколе (около 3 см длины) конец, противоположный лезвийной части, имеет двустороннюю краевую подработку. Кроме этого, данный участок дополнительно утончен сколом с одной из сторон. Рабочий конец орудия представлен поперечным сломом с угловым резцовым сколом. В 4 случаях конец, противоположный рабочей части, имеет локальные ретушированные участки, по большей же части естественный тонкий противоположный край был удобен для крепления изделия.

Что касается непосредственно оформления рабочих участков резцов, то здесь можно выделить две основные группы: это предметы, оформленные резцовыми (или микрорезцовыми) сколами в сочетании с ретушью, микроретушью, или ретушью утилизации, а также предметы с выделенной различными способами (ретушь, микроретушь, анкош) угловой частью с микроретушью на ней. Угол наклона ретуши и микроретуши варьирует от полукрутого до отвесного. В большинстве случаев ретушь дорсальная (в 11 случаях), при обработке 8 экземпляров использовалась вентральная, в трех из них на отдельных участках фиксируется также дорсальная ретушь утилизации. У двух резцов отмечается как намеренная вентральная, так и дорсальная ретушь. Лишь один двухфасеточный резец не имеет дополнительной подработки, кроме резцовых сколов.

Помимо этого, в этой группе изделий имеются два многофасеточных резца, близких к нуклеусам-дрилям. Первый из них выглядит как торцовый нуклеус для снятия микропластин, почти полностью сработанный. На фронте – 3 негатива от микропластинчатых снятий. Однако, на контрфронте фиксируется резцовый скол, снятый с киля по направлению к площадке. Второй также выглядит как нуклеус для микропластин. Сколы производились по кругу с двух противолежащих ударных площадок.

В заключении хотелось бы подвести основные итоги.

1. В микроиндустрии Барун-Алана 1 выделяется серия резцов, изготовленных из высококачественного сырья, отличающегося от того, что использовалось для производства макроорудий.

2. Размеры изделий предполагают наличие рукояти.

3. При оформлении использовались: резцовый скол, анкош, ретушь (преимущественно крутая – полукрутая, как дорсальная так и вентральная).

4. Практически во всех случаях подрабатывался локально-ограниченный участок, предположительно, непосредственно участвующий в работе.

5. Представленная группа орудий – резцы – является маркирующей для верхнепалеолитических индустрий. При этом вся коллекция получена из многоуровневого слоя, верхняя часть которого датирована >39800 т.л. – СОАН-4445, а значительная часть приходится на время среднего палеолита [Ташак, 2009].

Литература

Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 170 с.

Ташак В.И. К вопросу о микролитах на рубеже среднего и верхнего палеолита Забайкалья // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. – Т. 2. – С. 224-231.

Ташак В.И. Стратиграфия и хронология палеолитических памятников горы Хэнгэрэктэ (Западное Забайкалье) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. – С. 53-62.

Barham L. Backed tools in Middle Pleistocene central Africa and their evolutionary significance // Journal of Human Evolution. – 2002. – № 43. – P. 585-603.

Soriano S., Villa P., Wadley L. Blade technology and tool forms in the Middle Stone Age of South Africa: the Howiesons Poort and post-Howiesons Poort at Rose Cottage Cave // Journal of Archaeological Science. – 2007. – № 34. – P. 681-703.

П.В. Афанасьев
Иркутск, Иркутский государственный университет

Эолизация – совокупность форм механической – ветровой – деструкции горных пород и каменных изделий палеолита

В работе продолжена тема каменных артефактов, переживших воздействие ветропесчаных потоков палеопустынь в плейстоценовом периоде позднего кайнозоя [Афанасьев, 2009].

Тематическая идея палеопустынь в гегологическом прошлом Северного полушария была выдвинута отечественным геологом-самоучкой П.А. Тутковским (1899). Наиболее решительным оппонентом П.А. Тутковского выступал академик А.П. Павлов – автор идеи замены понятий «четвертичный период» понятием «антропоген» [Павлов, 1936]. Реперными показателями начала «антропогена» были предположены самые древние – «палеолитические» – изделия человека из камня. Финальную границу антропогена А.П. Павлов предлагал провести по времени появления первых металлических изделий. Внимание геолога А.П. Павлова к археологическим ископаемым предметам и настойчивость геолога П.А. Тутковского в доказательстве ритмичности ископаемых пустынь в геологическом прошлом почти сто лет спустя удивительным образом соединяются в единое тематическое исследование, не оппонируя, но, напротив, соответствуя друг другу.

Воздействие натурных деструктивных факторов на горные породы постоянно. Оно изменчиво лишь в общем числе видов воздействия, их форм и времен, в котором одни факторы уменьшают воздействие или совсем выпадают из «среды агрессоров», а другие вступают «в работу», усиливают свои разрушительные свойства. Факторами, имеющими наибольшее внешнее выражение в ландшафтах, являются эоловые процессы. Они захватывают в среду своей деятельности все виды горных пород, представленных на поверхностях земной коры. Эоловые процессы запечатлели следы своего «агрессивного» воздействия и на предметы разновременных каменных индустрий плейстоцена [Афанасьев, 2009; Медведев, 2001; Деревянко и др., 2001]. Эти «следы» в научной литературе обозначены разными терминами.

Среди геологов и археологов нет единства в применении терминов «дефляция», «корразия», «эрозия», «абразия» и др. Н.Н. Карлов, занимавшийся вопросами возникновения ветрогранников, предложил термин «эолизация» [Карлов, 1970, с. 83]. «Эолизация», по Н.Н. Карлову, является одной из форм внешнего механического воздействия на горные породы и их отдельности. Американцы используют термин «абразия». Предложенный немцами термин «корразия» частично восприняли российские геологи [Афанасьев, 2009]. Но в российских кругах «корразия» и «дефляция» идут вперемешку без критического отбора. «Эолизация» как одна из форм нарушения поверхности горных пород ветровым воздействием, может служить для «дефляции» и «корразии»

термином-объединителем. С другой стороны, «эолизация» – включаемый термин «деструкции». Термин «деструкция» не совсем удобен к применению, редко применим в геологии, но он единственно возможный для охвата всех форм изменения горной породы в перестройках поверхностей, растрескивания, полного разрушения.

Дефляционные процессы в «эолизации» логично ограничить скоростями ветра от 0,3 до 50 м/с. Свыше 50 м/с господствует корразия горных пород. При «коррадирующем» процессе в «эолизации» в зависимости от форм и размеров поперечников влекомых отдельностей, активизируются действия «сальтации» и «рептации» как способы перемещения влекомого материала (рис. 1-6) в «покрывале» [Афанасьев, 2009, с. 188]. При различных скоростях ветра, определённых по шкале Бофорта, рассчитана высота рикошета частиц Ø 0,25 мм: 6 – сильный ветер, высота рикошета 20 см; 7 – высота рикошета 30 см; 9 – шторм, сильные бури, высота рикошета 40 см; 10 – буря, высота рикошета 50 см [Kuenen, 1960, p. 433].

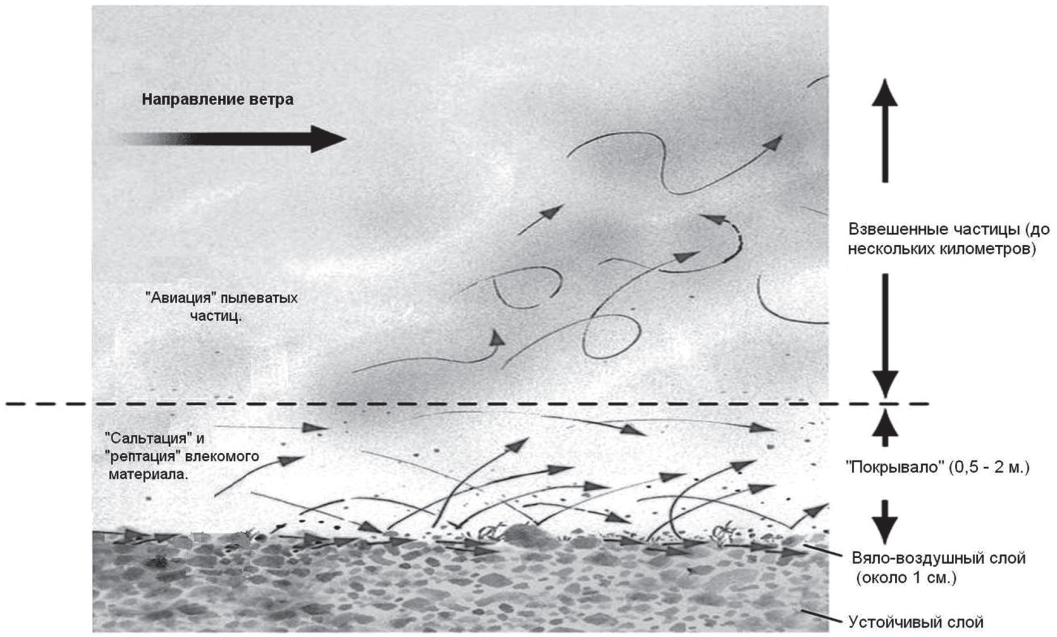


Рис. 1. Перемещение влекомого материала ветром

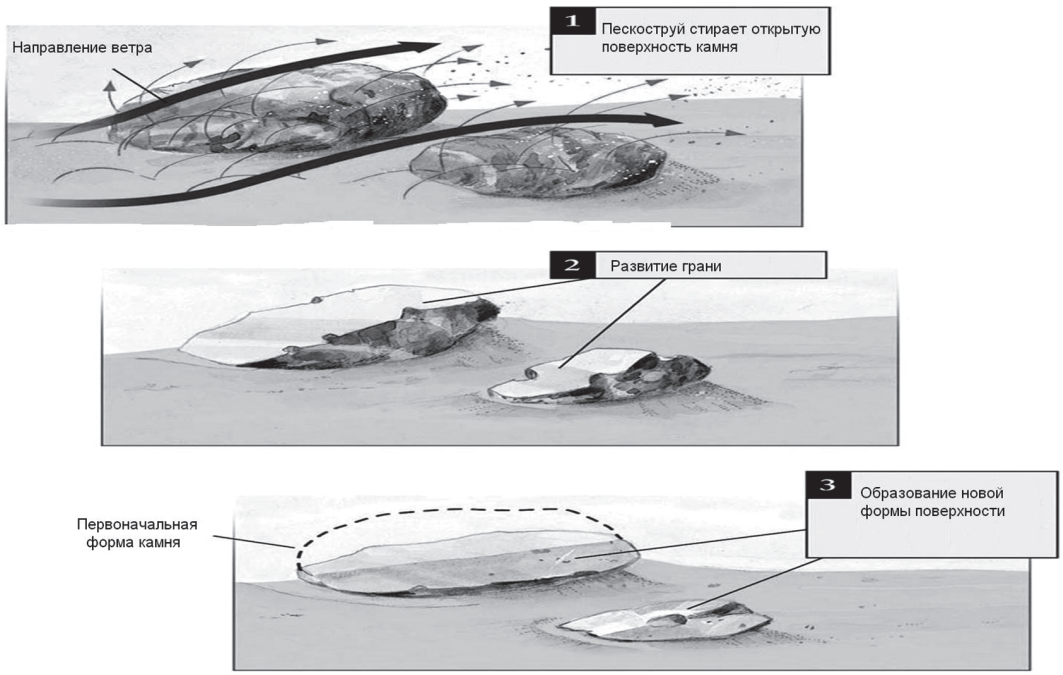


Рис. 2. Образование ветрогранника при эоловой корразии (по: Joe J.)

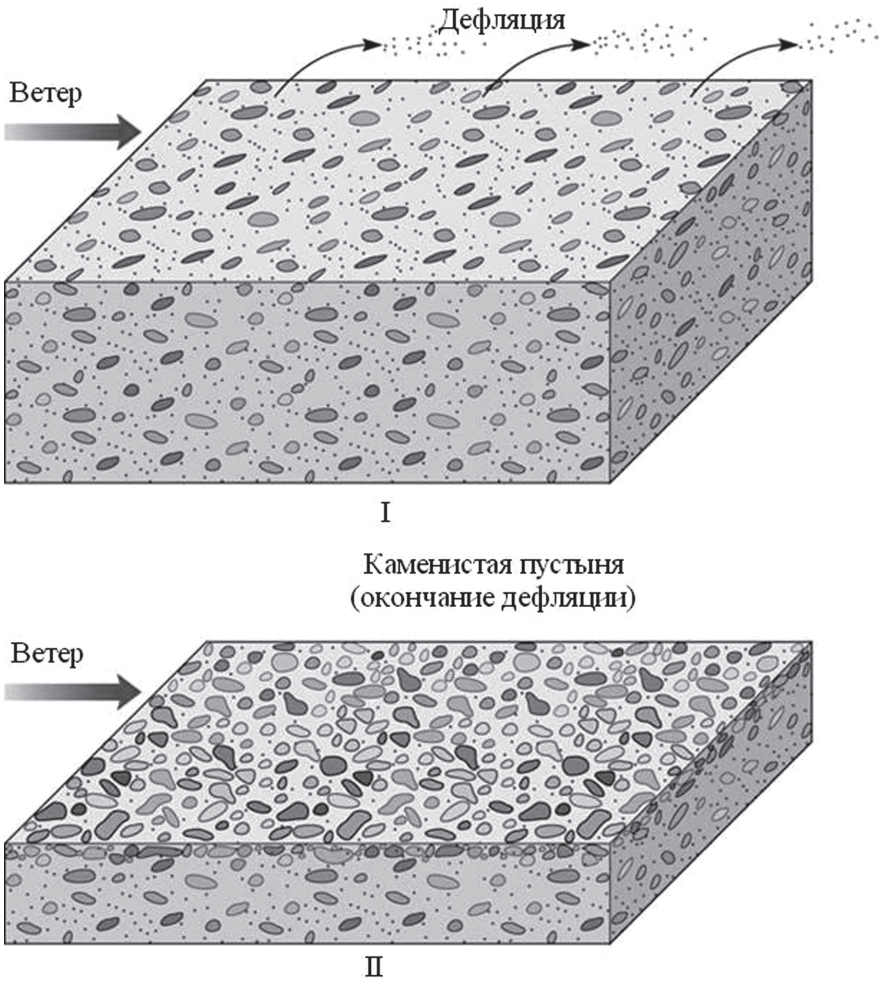


Рис. 3. Дефляция рыхлого материала

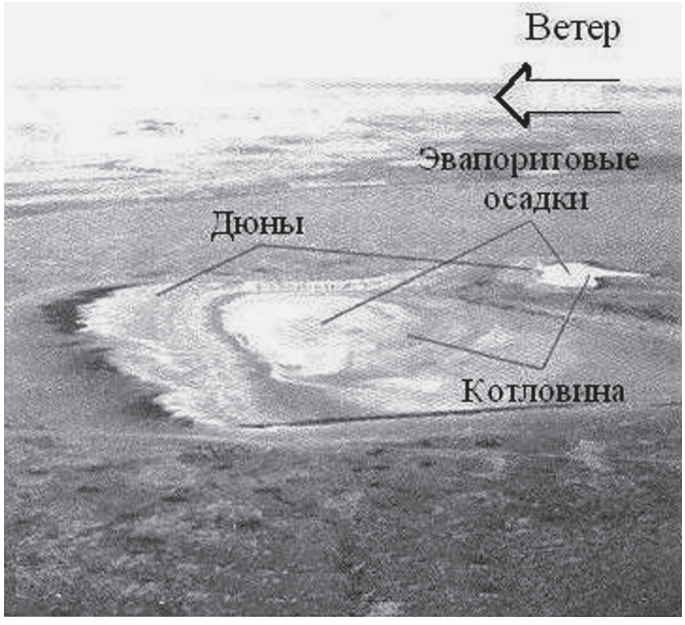


Рис. 4. Котловина выдувания (дефляция)

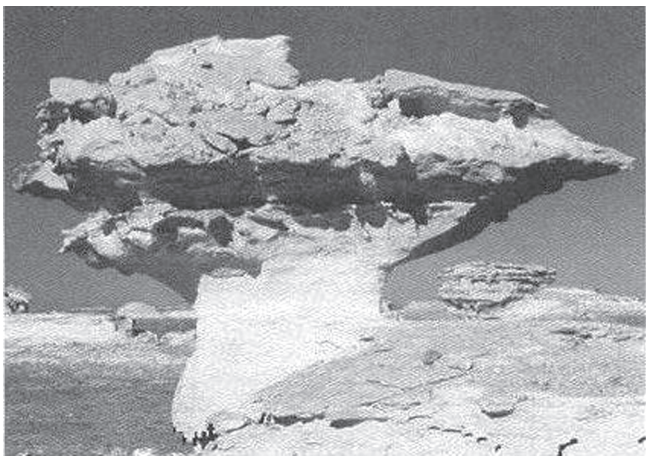


Рис. 5. Ярданги. Египет

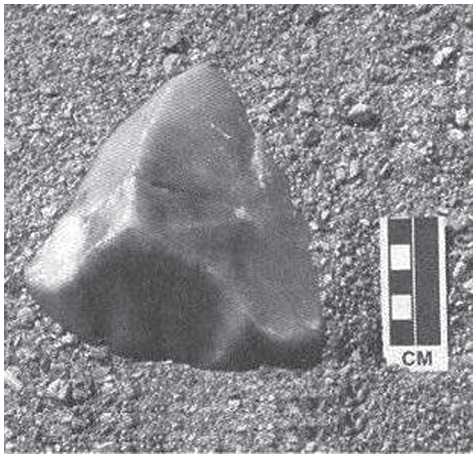


Рис. 6. Вентифакт (ветрогранник). Запад США

Следы корразии древних палеопустынных ветров хорошо выражены на каменных артефактах, ветрогранниках, других различных формах вентифактов. Ветрогранники – наиболее яркое свидетельство активности палеопустынных ветров. Термин «ветрогранник» ввёл в 1951 г. Н.Н. Карлов, дополнив в 1970 г. термином «эологлиптолитолиты». Термин «эологлиптолитолиты» Н.Н Карлов заимствовал у Я. Дылика [Карлов, 1970, с. 83]. Таким образом, Н.Н. Карлов, применив термин «эологлиптолиты» как общее название всех видов и форм отдельностей горных пород, носящих на себе следы эоловой шлифовки, разделил их на фасетированные – собственно ветрогранники, и нефасетированные, доведя их до 20 видов. К сожалению, археологические предметы – «эологлиптолиты-артефакты» – Н.Н. Карлову известны не были. Ветрогранники могут быть важным источником информации о перигляциальном ветровом режиме. Территории всех высоких и средних широт южного и северного полушария подвергались такому режиму захватывания в плейстоцене, опоясывая планету. В английской литературе синонимом различных форм, являющихся результатом деятельности ветров, работает термин «вентифакты».

Плейстоценовые ветрогранники перигляциального происхождения, которые исследователи ассоциируют с горизонтами дефляции, известны локально в Северной Америке [Уошборн, 1988, с. 266; Mather et al., 1942; Powers, 1936]. Особенно широко распространены вентифакты в Северной Европе, хотя это, скорее, результат, отражающий наиболее исследованные территории этого региона в сравнении с другими [Paepe, Pissart, 1969; Schönhage, 1969].

Ветер, в отличие от воды и льда, в сотни раз эффективнее воздействует на поверхность за небольшой промежуток времени. Поскольку холодный воздух более плотный по сравнению с теплым, при одинаковых скоростях ветер имеет различие в плане захвата и переноса материала. Вследствие температурно-зависимой воздушной плотности, нормы транспорта влекомого материала на 70% могут быть больше в холодных температурах пустыни, чем для эквивалентной скорости ветра в теплой пустыне (например, -40°C по сравнению с +40°C). Полевые и экспериментальные данные в Антарктиде на Земле Виктории указывают, что пороговые скорости ветра, требующие определять порог

захвата, ниже, чем в теплых пустынях (5,5 м/с в противоположность к 6-7,5 м/с). Местные ветра, в зависимости от господства того или иного направления, могут менять температуру на 30°С в течение 30 минут. Сегодня процессы активного «коррадирования» наблюдаются только в Сухих долинах Антарктиды, где ветрогранники представляются взору наблюдателя как огромное разнообразие поразительных по виду скульптурных форм. В Антарктике на станциях Мирный, Молодежная и Моусон среднее годовое число дней со штормами составляет соответственно 207, 214 и 331; они начинаются и заканчиваются внезапно и длятся до 8 суток подряд [Прох, 1983]. Самым ветреным считается берег материка у Земли Адели, где за год бывает 310 дней с бурей [Лебедев, 1957]. Максимальные скорости ветров зафиксированы на российской станции Мирный – 62 м/с, и при мысе Дэнисон – 87 м/с [Miotke, 1979, p. 30]. Свободные от льда Сухие долины Земли Виктории составляют около 1% от общей территории всего континента, что обусловлено особенностью местного рельефа. Сильные ветра удаляют глинистые частицы из поверхностных горизонтов моренного чехла, ураганы приводят в движение обломки диаметром до нескольких сантиметров. С.А. Евтеев, Н. Матсуока отмечают, что ветры Южной Земли Виктории, достигая ураганной силы, перекатывают на сотни метров обломки диаметром до 3-5 см, при этом ветра выносят в общем небольшой объем моренного материала и продуктов выветривания, которые отлагаются в неширокой полосе с подветренной стороны свободных от льда участков [Евтеев, 1964; Matsuoka et al., 1996]. Влекомые по поверхностности коренных пород и поднятые в воздух частицы ударяются о поверхностность коренных пород и проделывают большую механическую работу. Об этом свидетельствуют корразионные формы в виде углублений на поверхностности коренных пород [Евтеев, 1964]. Обычно эти углубления достигают в глубину 10-30 см и имеют диаметр от нескольких сантиметров до метра и более.

С.А. Евтеев в районе горы Гаусберг в Восточной Антарктике приблизительно подсчитал интенсивность высверливания пустот ветром в 1–1,5 мм/год. Американский ученый П.Х. Куенен экспериментально доказал такое суждение, а немецкий ученый-исследователь Ф.-Д. Миотке, наблюдая такие процессы в Антарктике и проведя эксперименты в лаборатории, подтвердил возникновение корразии, характерной для Сухих долин Восточной Антарктиды в пределах 1–2 мм/год. По мнению Ф.-Д. Миотке, корразия может происходить только за 1–4 декады в год, но максимально – за несколько столетий. Новозеландский ученый М.И. Селби считает, что корразия начинает возникать при скоростях свыше 50 м/с, а частота повторения экстремальных ветровых обстановок в течение года должна составлять 50–100 дней [Selby, 1977, p. 954].

«Работа» эоловых деструктивных процессов с археологическим материалами может быть сегодня самым общим образом хронометрирована в рамках членения плейстоценового периода позднего кайнозоя на «ранний», «средний» и «поздний» [Афанасьев, 2009].

Обширная коллекция коррадированного археологического материала лаборатории Иркутского университета содержит артефакты как с легкой и средней полировкой поверхностности артефактов (макаровский пласт), так и с интенсивной деструкцией поверхностности артефактов из кварцита, которые прошли, видимо, не один круг пескоструйной обработки (изменения по циклу – М.И. Селби), развившихся до формы ветрогранников. Поток влекомого материала, обволакивая одни коррадированные артефакты, лишь немного отполировал поверхность. Другие артефакты, например, из кварцита, несут следы побитости диаметром от долей миллиметра. Встречаются артефакты, эологлиптолиты, ветрогранники с четкими следами сетчатости рисунков, похожих на соты, лунки, различные углубления с глубиной проникновения до нескольких сантиметров, пройдя не один цикл корразии, по схеме М.И. Селби. Весь коррадированный материал в схеме подразделений плейстоцена дифференцирован на 3 группировки [Медведев, 2001; Афанасьев, 2009]. Верхняя граница проведена достаточно уверенно между 70 000-50 000 лет. Ближе к 50 000 лет по времени нигде в мире корразия на известных археологических материалах не распознана. Задача определения нижней границы от сегодняшнего дня очень отдалена. Вопрос заключается в том, чтобы дифференцировать 3 группировки между собой и внутри. Это ближайшие задачи исследования.

Литература

Афанасьев П.В. «Коррадированные», «дефлированные» ископаемые артефакты из твердых горных пород – проблемы терминологии, геостратиграфии плейстоцена, палеоландшафтов, их хронометрии // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. – С. 187-194.

Деревянко А.П., **Артюхова О.А., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т.** Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 120 с.

Евтеев С.А. Геологическая деятельность ледникового покрова Восточной Антарктиды. – М.: Наука, 1964. – 120 с.

Карлов Н.Н. Классификация эологлиптолитов // Изв. / АН СССР. Сер. геогр. – 1970. – № 1. – С. 83-88.

Лебедев В.Л. Антарктика. – М.: Госиздат, 1957. – 211 с.

Медведев Г.И. О геостратиграфии ансамблей эолово-коррадированных артефактов Байкальской Сибири // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 267-272.

Павлов А.П. Геологическая история Европейских земель и людей в связи с историей ископаемого человека. – М.; Л., 1936. – 343 с.

Прох Л.З. Словарь ветров. – Мн.: Гидрометеоиздат, 1983. – 310 с.

Тутковский П.А. Ископаемые пустыни северного полушария // Землеведение. – 1909. – Кн. 1. – С. 1-80; Кн. 2. – С. 81-160; Кн. 3. – С. 160-272; Кн. 4. – С. 272-373.

Уошборн А.Л. Мир холода. Геокриологические исследования: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988. – 384 с.

Kuenen, P.H. Experimental abrasion 4: Eolian action // The Journal of Geology. – 1960. – N 68. – P. 427-449.

Lindsay, J.F. Ventifact evolution in Wright Valley, Antarctica // Geological Society of America Bulletin. – 1973. – N 84. – P. 1791-1797.

Mather K.F., Goldthwait R.P., Thiesmeyer L.R. Pleistocene geology of western Cape Cod, Massachusetts // Geological Society of America Bulletin. – 1942. – N 53. – P. 1127-1174.

Matsuoka N., Moriwaki K., and Hirakawa K. 1996. Field experiments on physical weathering and wind erosion in an Antarctic cold desert // Earth Surface Processes and Landforms. – 1996. – N 21. – P. 687-699.

Miotke F.-D. Die Formung und Formungsgeschwindigkeit von Windkantern in Victoria-Land, Antarktis. // Polarforschung. – 1979. – N 49 (1). – P. 30-43.

Paepe R., Pissart A. Periglacial structures in the Late-Pleistocene stratigraphy of Belgium // Biuletyn Peryglacjalny. – 1969. – N 10. – P. 321-336.

Powers W.E. The evidences of wind abrasion // The Journal of Geology. – 1936. – N 44. – P. 214-219.

Schönhage W. Notes on the ventifacts in the Netherlands // Biuletyn Peryglacjalny. – 1969. – N 20. – P. 355-360.

Selby M.J. Transverse erosial marks on ventifacts from Antarktica // New Zealand journal geology and geophysics. – 1977. – N 5. – P. 949-969.

Joe J. Arid and Semi-Arid Landscapes. (University of Missouri – St. Louis; презентация рисунков) – (http://www.umsl.edu/~naumannj/Geography PowerPoint Slides/ppt for trrnsfer/landscapes Arid and Eolian i.ppt) (дата обращения: 17.02.10).

С.Б. Верещагин, Д.А. Малков
Чита, Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Результаты изучения 25 культурного горизонта многослойного поселения Усть-Менза-1 (по материалам работ 1986-1989 гг.)

Многослойное поселение Усть-Менза-1 расположено в 12,5 км юго-западнее с. Архангельское (Качёны) (Красночикойский район Забайкальского края).

Поселение открыто в 1980 г. Чикойской археологической экспедицией ЧГПИ под руководством М.В. Константинова [Сёмина, 1983]. Планомерно изучалось на протяжении 1980-х гг. Л.В. Сёминой (Екимовой) [Сёмина, 1990]. Исследование поселения возобновлено в 2007 г.

Культурный горизонт 25 (рис. 1) зафиксирован на глубине 4,5–4,7 м в основании отложений пойменного аллювия I террасы, на галечнике. Горизонт датируется поздним палеолитом, не древнее 13 тыс. л.н. [Константинов, 1994]. Изучался в 1986, 1987, 1989 гг. и в пределах раскопов №№ 1, 3, 6 (участок 1) поселения вскрыт на площади 147 м^2 [Сёмина, 1987, 1988, 1990]. Представлен из кладки и очага, а также артефактов, связанных с ними, и одиночной трубчатой костью плейстоценового животного, находящейся в некотором удалении от комплекса. Исходя из вышеназванных элементов, изученную конструкцию можно интерпретировать как остатки жилища на галечнике.

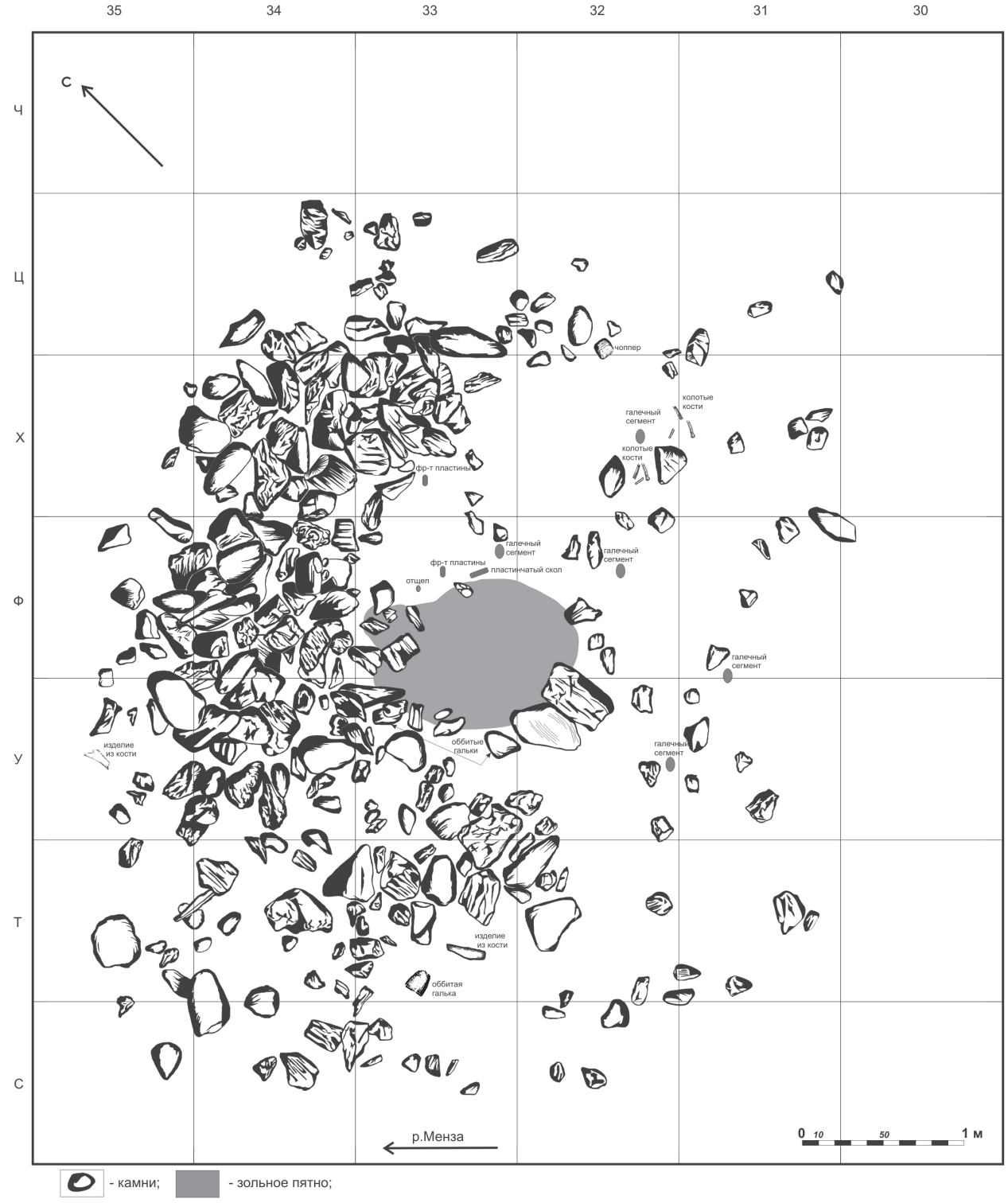


Рис. 1. Усть-менза-1. План фрагмента культурного горизонта 25. Жилище

Жилище размещается на полого наклонной площадке, поверхность которой сложена хорошо окатанной галькой мелкого и среднего размера, с включением глыбово-щебнистого материала, песка и ила, площадью 42 м^2 (кв. 30-35, С-Ч).

Кладка жилища имеет своеобразную конструкцию и состоит из 206 камней, преимущественно хорошо окатанных валунов и слабо окатанных гнейсовых глыб размерами от 6 до 68 см. Камни в кладке распределены неравномерно. Отчётливо представлено обрамление северо-западного и северо-восточного сектора жилища. Камни образуют сплошной дугообразный вал длиною около 5 м, шириною 0,9-1,6 м, высотою 0,4-0,5 м. Плоские или уплощённые камни стоят, как правило, на ребре, плотно зажаты друг другом. В месте, где дуга имеет наибольшую ширину, камни покоятся на своих широких плоскостях. Камни, представляющие юго-западный сектор жилища, находятся вне дуги. Причиной тому послужило, по всей видимости, их сползание в результате резкого наклона поверхности галечника в сторону реки. В юго-восточном секторе жилища дуга не имеет продолжения. В этой зоне на поверхности галечника имеются бессистемно расположенные отдельные валуны. Предположительно они и составляли здесь основание жилища.

В центре жилища расположен очаг, вплотную примыкающий к внутренней стороне вала. Он представлен зольным пятном и оконтуривающими его камнями (кв. 32-33, У-Ф). Пятно имеет форму овала (1,1х0,95 м). Тонкая золистая масса (до 0,5 см) располагается неравномерно, местами прерывается и западает между камнями. В конструкции очага обращают на себя внимание два плоских валуна, лежащих плотно друг к другу (кв. 32, У) на границе кострища и находящаяся рядом с ними уплощённая галька с интенсивной краевой забитостью на 2/3 периметра.

С жилищем связан археологический материал, тяготеющий, в основном, к очагу и околоочажному пространству. В его числе небольшое скопление фрагментов трубчатых костей и 15 артефактов, являющихся продуктами первичного галечного расщепления:

– аппликирующаяся из двух сегментов первичная пластина (17х6,6х1,8 см) с выемкой на дистальном конце;

– оббитые и усечённые гальки и их сегменты;

– крупный пластинчатый первичный скол (15,5х5 см) в проксимальной части ширина – 2,3 см, к дистальному концу происходит сужение до 0,4 см; на кромке дистального конца имеются заломы (рис. 2: 2);

– чоппер на крупной гальке кубовидной формы (10х9х8 см) со слегка скошенным рабочем краем, оформленным двумя крупными диагональными сколами и последующей подтёской (рис. 2: 4).

За пределами обкладки жилища также обнаружено несколько артефактов:

– обломок крупной кости (лопатка-?), на широкой части имеется полукруглый вырез, располагающийся по центру края, противоположный зауженный конец имеет поперечный скол (17х7х2,2 см) (рис. 2: 3);

– крупный обломок рога, один узкий конец которого имеет намеренную обработку (22х5,8х3,2 см) (рис. 2: 1);

– оббитая галька пирамидальной формы с диагональным снятием в широкой части и фасеткой на галечной поверхности и поперечным снятием в узкой (рис. 2: 5).

По всей вероятности, синхронная культурному горизонту 25 поверхность обитания выявлена и на втором участке поселения в подобной геоморфологической ситуации.

Культурный горизонт зафиксирован на глубине 3,95-4 м в основании отложений пойменного аллювия тыльной части I террасы, на галечнике. Изучался в 1982, 1988 гг. [Сёмина, 1983, 1989] и в пределах раскопа № 5 вскрыт на площади 53 м^2 Представлен немногочисленными находками: бессистемно расположенными в юго-западной части раскопа тремя небольшими хорошо окатанными речными гальками, рассредоточенными по поверхности горизонта обломками трубчатых костей и зубами животных, а также 9 отщепами, один из которых со следами использования.

Материалы, полученные в результате выявления и изучения культурного горизонта 25 многослойного поселения Усть-Менза-1, подтверждают пригодность поверхностей древних галечников для жилищно-хозяйственной деятельности и последующей сохранности в русловых отложениях культурных остатков и жилищных конструкций верхнепалеолитических культур юго-западного Забайкалья.

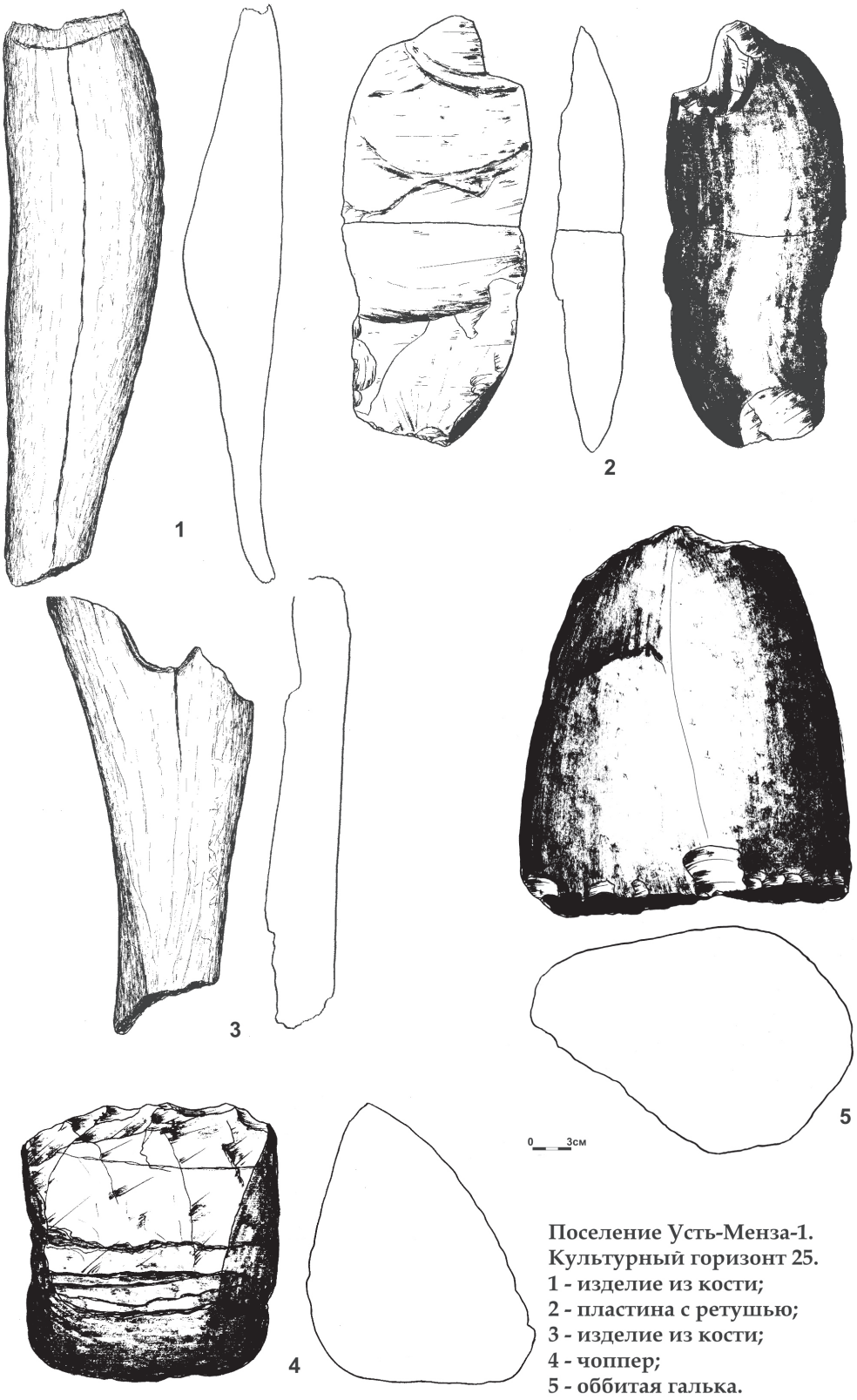


Рис. 2. Усть-менза-1. Культурный горизонт 25. Археологический материал: 1 – изделие из кости, 2 – пластина с ретушью, 3 – изделие из кости, 4 – чоппер, 5 – оббитая галька

Литература

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Чита-Улан-Удэ, 1994.

Сёмина Л.В. Археологическая разведка на поселении Усть-Менза-1 в Западном Забайкалье 1982 году // Научный отчёт о полевых исследованиях. – Чита, 1983.

Сёмина Л.В. Раскопки на многослойном поселении Усть-Менза-1 // Научный отчёт о полевых исследованиях летом 1986 г. – Чита, 1987.

Сёмина Л.В. Работы на многослойном поселении Усть-Менза-1 в 1987 году // Научный отчёт о полевых исследованиях. – Чита, 1988.

Сёмина Л.В. Археологические раскопки в бассейне р. Мензы // Научный отчёт о полевых исследованиях летом 1988 г. – Чита, 1989.

Сёмина Л.В. Раскопки многослойного поселения Усть-Менза-1 в 1989 году // Научный отчёт о полевых исследованиях. – Чита, 1990.

М.А. Глушенко
Братск, Братский государственный университет

История исследования палеолита на территории Братского района

Среди первых открытий палеолита в Братском районе упоминается о нахождении в 1969 г. у деревни Воробьево архаичного вида галечных орудий, датированных средним плейстоценом [Дзюбас, 2001]. Но все же начало изучения и планомерных поисков памятников эпохи палеолита связано с научным сотрудником Братского музея Г.С. Уткиным. В 1976 г. он открывает ряд местонахождений, размытых волнами Братского водохранилища, которые относятся к палеолитическому времени. Недалеко от г. Братска, на местонахождении Курчатовский мыс было обнаружено более 500 изделий из траппа и кварцита с коррадированной поверхностью. Типология и условие залегания материала в отложениях высоких террас р. Ангары позволило иркутскому исследователю Г.И. Медведеву датировать возраст местонахождения от 55 до 30 тыс. л.н. В дальнейшем Г.С. Уткиным вплоть до 1999 г. были продолжены археологические разведки, в результате которых им открыт еще ряд палеолитических местонахождений на берегах Братского водохранилища и р. Вихоревой [Уткин, 2002]. С момента открытия палеолитических местонахождений начался первый этап изучения братского палеолита.

Далее с 1979 г. научный сотрудник Братского историко-краеведческого музея Е.М. Инешин открывает в заливе Крутая Падь и на левом берегу р. Ии ряд местонахождений древнекаменного века. Одновременно с Е.М. Инешиным научный сотрудник Братского музея А.В. Волокитин вместе с иркутским археологом В.В. Есиповым с 1977 по 1983 гг. ведет стационарные работы на известных местонахождениях – мыс Дунаевский, гора Монастырская и комплекс палеолитических местонахождений на левом берегу Калтукского залива. На памятнике в заливе Крутая Падь – Леоново 1, датированного Е.М. Инешиным концом верхнего палеолита (20-15 тыс. л.н.), было обнаружено 2528 находок из камня. На местонахождениях горы Монастырской был найден археологический материал, относящийся к погребенным почвам каргинского межледниковья. В.В. Есипов и А.В. Волокитин считали его синхронным по времени материалам с местонахождений гора Игетей в верховьях р. Ангары, Макарово 4 на Верхней Лене.

На этом первый этап изучения братского палеолита заканчивается. Подводя итоги, А.В. Волокитин в 1982 г. защищает кандидатскую диссертацию «Палеолит Средней Ангары», в которой весь полученный палеолитический материал на основании морфологии и анализа степени дефляции был разделен на три хронологические группы [Волокитин, 1982]. Первая группа характеризуется сильно дефлированным археологическим материалом, имеющим черты техники леваллуа, большим количеством чопперов, угловатых скребков, и сопоставима по морфологии с верхнеангарскими (гора Игетей) местонахождениями (150 тыс. л.н.) [Деревянко и др., 1994]. К более широко представленной второй хронологической группе относятся артефакты, имеющие слабую дефляцию внешней поверхности, почти исчезает техника леваллуа, появляются призматические нуклеусы, орудия на пластинках, орудия с резцовыми сколами. Морфология материала этой группы имеет общие черты с верхнеленскими (Макарово 4) местонахождениями (50 тыс. л.н.). Третья хронологическая группа не несет следов дефляции, содержит большое количество скребел, клиновидные нуклеусы, двусторонне-обработанные орудия. Материал третьей группы А.В. Волокитин относит к концу первой половины сартанского времени.

После 1983 г. интерес к изучению палеолита Братского района несколько затухает и возобновляется в 1994 г. вместе с исследованиями молодых иркутских ученых. В это время начинается и продолжается до сих пор второй этап изучения Братского палеолита.

В заливе Винный в 1994 г. М.П. Аксеновым и О.В. Задониным были найдены грубые кварцитовые орудия. В 1994-1995 гг. в заливе Безымянный был обнаружен археологический материал, отнесенный С.А. Дзюбасом к верхнему палеолиту (18-20 тыс. л.н.) [Дзюбас, 2001]. В 1995 г. О.В. Задониным и С.А. Дзюбасом при проведении археологической экспертизы на р. Вихорева обнаружен предположительно верхнепалеолитический археологический комплекс Вихорева Пустошь. На следующий год ими же на стоянке Шаманка, располагающейся на р. Шаманке (приток р. Ангары), выявлены изделия палеолитического облика. В этом же году во время инспекторской поездки по Братскому водохранилищу в урочище Братские Елани А.В. Лукомским был обнаружен археологический каменный инвентарь, подвергнувшийся сильной корразии. В 1999 г. на правом берегу Братского водохранилища рядом с заливом Сурупцево зафиксирован многослойный памятник. В двух культуросодержащих слоях была собрана коллекция из 200 артефактов. Анализируя стратиграфическую ситуацию, типологию каменных изделий, С.А. Дзюбас датировал стоянку 10-26 тыс. л.н.

Начиная с 1999 г. по 2006 г. археологическая практика БрГТУ под руководством А.В. Лукомского регулярно посещала ряд палеолитических местонахождений на Братском (Камский залив, Винный, гора Монастырская) и Усть-Илимском (Кадар, Цепань, Грехуткино) водохранилищах.

Под руководством С.А. Дзюбаса в 2005-2006 гг. по трассе нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», проходящего через памятник Дубынино 2 была осуществлена археологическая экспертиза. Было выделено 3 археологических слоя, относящихся к временному диапазону палеолит – железный век (24 тыс. л.н. – 1 тысячелетие н.э.). А в 2006 г. проводилось археологическое обследование территории в связи с переносом участка трассы на 12 км вверх по течению от с. Дубынино. В результате был открыт многослойный (3 слоя) памятник Кадара 3. На основании анализа зафиксированного каменного инвентаря, С.А. Дзюбас отнес материал третьего культурного слоя к эпохе палеолита (20 тыс. л.н.), второго – к эпохе финального палеолита (12-14 тыс. л.н.) и материал первого к неолиту (6-7 тыс. л.н.). Совсем недавно, в 2008 г. было проведено обследование на берегу Братского водохранилища, в районе п. Южный Падун. В результате был собран подъемный материал, а в ходе проведения шурфовочных работ было найдено сильно коррадированное массивное скребло на кварцитовой гальке. Исходя из типологических признаков археологического материала, С.А. Дзюбас датировал его 30-40 тыс. л.н. [Дзюбас, 2001].

В результате этих работ, во время второго этапа изучения палеолита, заново были осмотрены уже известные местонахождения, открыты и исследованы новые. Граница распространения палеолита была продвинута на территорию юга Усть-Илимского водохранилища и территорию р. Вихоревой. Были начаты активные раскопочные работы на стратифицированных палеолитических стоянках (ОГУ ЦСН). Датирование новых местонахождений было сделано, только на базе стратиграфии и типологии.

В целом, если принимать во внимание все сборы подъемного археологического материала, можно считать, что было открыто не менее 70 памятников палеолитического облика. Было определено время (свыше 150 тыс. л.н.) первоначального заселения человеком, создана предварительная типологическая периодизация (А.В. Волокитин) палеолита Братского района, расширены границы исследования палеолитического материала до юга Усть-Илимского водохранилища и р. Вихоревой.

В настоящее время для того, чтобы более точно проследить этапы заселения рассматриваемого региона, требуется уточнение содержания хронологических этапов методом точного датирования.

Литература

Волокитин А.В. Палеолит Средней Ангары: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1982. – 35 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.

Дзюбас С.А. Исследования Северо-западного и Братского отрядов в Иркутской области // АО 1999 года. – М.: Наука, 2001. – 242 с.

Уткин Г.С. Земля Братская далекая и загадочная. – Братск, 2002. – 193 с.

Ю.В. Дерр
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

История изучения и исследования феномена верхнепалеолитических жилищ

Палеолитичиеские жилища исследуются долгое время. Впервые палеолитическое жилище было открыто В.В. Хвойко (1893 г. – открытие Киевокирилловской стоянки). Палеолитические жилища стали предметом исследования археологов, историков, этнографов, искусствоведов: З.А. Абрамовой, Г.А. Авраменко, С.Н. Бибикова, П.И. Борисковского, М.М. Герасимова, М.И. Гладких, А.С. Гущина, П.П. Ефименко, С.Н. Замятина, А.П. Окладникова, И.Г. Пидопличко, К.М. Поликарповича, В.Я. Сергина, А.Д. Столяра, А.А. Формозова, Б.А. Фролова, И.Г. Шовкопляса и других. П.И. Борисковский опубликовал краткую, а в 1958 г. более обзорную работу о палеолитических жилищах в СССР. В 1964 г. подобный обзор палеолитических жилищ и поселений в восточной Европе сделал А.Н. Рогачев.

Впервые идея существования долговременных жилищ и поселений в верхнем палеолите возникла у П.П. Ефименко во время раскопок в 1923 г. поселения Костенки-1. Он отметил утолщение культурного слоя, резко очерченное в плане. Эта мысль нашла развитие в открытии С.Н. Замятниным в 1927 г. остатков бесспорного округлого жилища на поселении Гагарино на Верхнем Дону. Замятнин распознал в скоплении костей и находок остатки древнего жилища (до этого исследователи видели в них кучи мусора). В полной мере оценил это открытие П.П. Ефименко, который пришел к выводу о широком распространении в позднем палеолите относительной оседлости и долговременных жилищ.

По единодушному заключению исследователей позднепалеолитические жилища внешне похожи на чумы, юрты, яранги, валькары народностей арктических областей Азии и Америки с той лишь разницей, что у приморских северных народностей вместо крупных костей мамонта для строительства жилищ шли кости кита, дерево и шкуры [Бибиков, 1969].

«Жилище» – к их числу могут принадлежать округлые углубления, стены или кольцо камней, которые находились в основании хижины, построенной из недолговременных материалов [Брей, Трамп, 1990]. Таким образом, жилище – наземная постройка, каркас которой сооружен из костей мамонта, деревянных жердей; на каркасе преимущественно находилась шкура животных, кора деревьев, являющиеся кровлей. Внутри жилища отмечено наличие очага (очагов).

Палеолитические жилища в большинстве представляют собой округлые, реже овальные в плане сооружения, имеющие конусовидную или полусферическую форму. Это были наземные или полуземляночные постройки. Строительным материалом для жилищ служили крупные кости и бивни мамонта, рога северного оленя, деревянные жерди. Покрытием являлись шкуры, ветви, трава. Диаметр жилищ по полу обычно 3–7 м, площадь редко превышает 25 м^2. Верхнепалеолитические же жилища – в основном наземные или слегка углубленные в почву.

До сих пор не определены критерии выделения жилищ, исследователи по-разному интерпретируют одни и те же комплексы. На примере отдельных памятников ученые пытаются разработать собственные принципы их выделения.

Рассмотрим некоторые принципы на примере долговременных жилищ из костей мамонта. Сооружения такого вида вызывают наибольший интерес как с точки зрения их устройства, так и с точки зрения их назначения. Большой интерес в связи с этим представляют костные остатки, напоминающие развалины долговременного жилища на некоторых территориях Украины (Межиричи, Мезин и другие), Сибири (Мальта). Исследователи останавливаются на таких критериях выделения, как: 1) фундамент; 2) обкладка и частично каркас, сложенные из костей мамонта; 3) очаги (либо в пределах, либо за пределами жилища). Причем, основным критерием для распознавания постоянных зимних и временных летних жилищ должно быть расположение и характер очагов.

Палеолитические поселения состояли из нескольких плотно сгруппированных жилищ, занимающих площадку, тоже входящую в бытовой комплекс. Не всегда, по тем или иным причинам, можно получить данные о количестве жилищ на палеолитических поселениях, их число, как правило, не превышало несколько единиц. Таким образом, поселки были невелики. При изучении палеолитических поселений очень часто, если раскопки велись на более или менее значительной площади, обнаруживаются и «открытые очаги». Они располагаются вблизи постоянных жилищ на

площадке поселения. Совершенно справедливо некоторые авторы (Левицкий, Черныш) интерпретировали такие очаги как места расположения летних построек и приготовления пищи [Бибиков, 1969].

Стоит заметить, что остатки жилищ, в фундамент и каркас которых входили как составные элементы кости мамонта, нередко не были поняты археологами. Примером тому могут служить исследования известных археологов – В.В. Хвойко и В.А. Городцова. Первый, раскапывая в 1893-1902 гг. Киевокирилловскую позднепалеолитическую стоянку, вскрыл скопление костей мамонта, представлявших остатки наземных жилищ, однако, описал их лишь как скопление костей вследствие охотничьей деятельности, не подозревая в их расположении признаков жилищ. В.А. Городцов, исследуя совместно с В.М. Щербакивским в 1914-1915 гг. Гонцовскую позднепалеолитическую стоянку в долине Удая, отметил особый характер расположения черепов мамонта кругом, но вывода о том, что это остатки наземного жилища, также не сделал. Одно из первых более четких представлений о наземных позднепалеолитических жилищах принадлежит археологу С.Н. Замятнину, который на основании раскопок 1927 г. позднепалеолитической стоянки у с. Гагарино Липецкой области пришел к выводу, что на этой стоянке существовало под открытым небом наземное жилище, для которого снованием служили камни и кости мамонта [Замятнин, 1935].

Несмотря на значительные достижения советских исследователей в изучении позднепалеолитических жилищ, ряд вопросов об их особенностях и типах остается не решенным. К 1970-м гг. сложилась гипотеза, определявшая упорядоченные завалы из крупных костей как остатки долговременных жилищ охотников на мамонтов. Опыт воссоздания общего облика этих жилищ, предпринятый П.П. Ефименко на основании раскопок в с. Костенках Воронежской области и П.И. Борисковским на основании раскопок в с. Пушкарях, оспаривался некоторыми исследователями. Подобное расхождение мнений зависело, с одной стороны, от действительного наличия в прошлом разных типов наземных жилищ, с другой стороны, от недостаточности фактических данных об этих жилищах как на территории России, так и в Западной Европе.

Литература

Бибиков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // СА. – 1969. – № 4. – С. 10-15.

Бибиков С.Н. Мезин. «Праздничный дом» и костяной музыкальный комплекс // СА. – 1978. – № 3. – С. 14-18.

Бибиков С.Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. – Киев: НАН Украины, 2008. – 168 с.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

Замятнин С.Н. Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона. ЦЧО) // Палеолит СССР. – М.; Л., 1935. – 230 с. – (Изв. ГАИМК – Вып. 118).

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья (Палеолит, мезолит). – Новосибирск, 2001. – 127 с.

Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. – Киев: Наук. думка, 1969. – 162 с.

Е.В. Дороничева

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Сырьевые стратегии в среднем палеолите
(по материалам стоянок восточного микока северо-западного Кавказа)

Изучение горных пород, которые использовались неандертальцами в процессе их жизнедеятельности, позволяет нам получать данные не только о разнообразном сырье, представленном в коллекциях отдельных стоянок, но и судить о стратегиях эксплуатации доступных ресурсов в пределах локальных экологических ниш. Сырьевые стратегии неандертальцев северо-западного Кавказа никогда специально не исследовались. В этом регионе упоминаются многочисленные выходы каменного сырья, прежде всего кремня, которые могли использоваться древним человеком. Однако, петрографические анализы для подтверждения того, что эти выходы действительно использовались в эпоху палеолита, за единичными исключениями не проводились. Обычно опреде-

лялся «местный» кремень и «приносной», а для последнего указывались вероятные источники его поступления на стоянку [напр., Голованова, Дороничев, 2005; Щелинский, Кулаков, 2005; Любин, Беляева, 2009].

Представленная работа является попыткой обобщить имеющиеся в настоящее время данные о сырьевых стратегиях неандертальцев в этом регионе. На северо-западном Кавказе сегодня известно десять стратифицированных стоянок среднего палеолита, которые содержат более 30 культурных слоев. Это стоянки открытого типа Ильская I-II и Баранаха 4; стоянки в пещерах Матузка, Монашеская, Баракаевская, Мезмайская, Даховская, Аутлевская и Губский Навес 1 [Голованова, Дороничев, 2003]. Подробно проанализированные автором коллекции из Мезмайской пещеры и пещеры Матузка, а также стоянки Баранаха 4 включают материалы 20 культурных слоев. Информация о других памятниках привлечена из публикаций.

Нами был осуществлен анализ археологических материалов с привлечением эталонных образцов сырья, выявленных в результате проведения специальных разведочных работ в 2007-2008 гг. Все изученные месторождения нанесены на карту. Для унификации полученных данных всем образцам даны условные обозначения (например, КР-1, где КР означает кремень). Автором была сформирована эталонная коллекция образцов горных пород из этих месторождений, которые нам удалось посетить и исследовать, и со стоянок палеолита на северо-западном Кавказе. Все петрографические анализы и определения образцов сделаны к.г.н. М.А. Кульковой.

Проведенный анализ сырьевых стратегий неандертальцев северо-западного Кавказа позволяет нам сделать следующие базовые выводы.

1. Почти все стоянки восточноевропейского микока в этом регионе расположены в непосредственной близости от коренных выходов каменного сырья (Мезмайская, Монашеская, Баракаевская пещеры, Губский навес 1, стоянки открытого типа Ильская I, Ильская II и Баранаха 4). Для Мезмайской, Монашеской, Баракаевской пещер и Губского навеса 1 это был кремень, для Ильских стоянок – кремень и доломит, для стоянки Баранаха 4 – качественный окремненный известняк. Это местное сырье составляло основу сырьевой базы неандертальцев Северо-западного Кавказа на всех этапах среднего палеолита. Исключением является только пещера Матузка, в которой на протяжении всего времени заселения ее неандертальцами существовали лишь кратковременные стоянки.

Наше исследование служит подтверждением того, что доступность пригодного для обработки каменного сырья – один из ключевых факторов, способствовавших расселению неандертальцев. При отсутствии подходящих для обработки горных пород, несмотря на хорошее сочетание других условий, неандертальцы лишь на короткое время посещали стоянку. Таким образом, доступность пригодного сырья можно рассматривать как один из решающих факторов, определявших долговременность стоянок неандертальцев.

2. Было установлено, что кроме местных источников неандертальцы всегда использовали и некоторые виды более качественного приносного сырья. Обычно оно транспортировалось в виде готовых орудий или сколов-заготовок, которые при необходимости могли быть подправлены или переоформлены на стоянке. Нуклеусы из приносного сырья на всех указанных стоянках единичны. Очевидно, что апробирование, очистка желваков от корки и первичное расщепление производились непосредственно на выходах этого сырья.

Таким образом, транспортировка готовых к использованию орудий из удаленных источников сырья представляет важную черту поведения неандертальцев Северо-западного Кавказа. Эту особенность можно рассматривать, во-первых, как отражение свойственной им стратегии дефицита (бережливого отношения) к изделиям из качественного сырья, приносимых издалека; во-вторых, как свидетельство их технологической ограниченности, выражающейся как в неспособности изготовления пригодных для дальнейшего использования пренуклеусов, так и в ограниченных возможностях получения серийных качественных заготовок при расщеплении нуклеусов.

3. В ходе специально проведенных разведочных работ нами были открыты новые месторождения высококачественного кремня. Проведенные петрографические анализы показали, что эти месторождения были широко известны неандертальцам Северо-западного Кавказа и на протяжении всей эпохи среднего палеолита активно ими использовались. Например, бесленеевский цветной кремень был нами выделен в материалах Мезмайской пещеры, пещеры Матузка и стоянки Баранаха 4. Для Губских памятников известно [Любин, 1977; Беляева, 1999], что значительная часть изделий была изготовлена из светло-серого, серо-голубоватого, желтовато-медового, розовато-

медового и некоторых других сортов высококачественного кремня. Возможно, эти разновидности кремневого сырья также происходят из месторождения Бесленеевское-1, которое находится на расстоянии примерно 25 км от Губских стоянок. Таким образом, высококачественный бесленеевский кремень представлен практически на всех среднепалеолитических памятниках этого региона. Причем, основываясь на данных Мезмайской пещеры, можно предполагать, что он использовался на протяжении всей эпохи среднего палеолита.

4. На основании изучения транспортировки сырья для памятников восточного микока на Северо-западном Кавказе нами были выявлены как внутрирегиональные (до 100 км), так и межрегиональные (от 100 до 200-300 км) миграции неандертальцев.

А. Внутрирегиональные перемещения (в рамках современных географических границ Северо-западного Кавказа, что примерно соответствует удаленности до 100 км). Этот тип миграций документируют находки в материалах Мезмайской пещеры изделий из шаханского и бесленеевского кремня, изделия из бесленеевского кремня в пещере Матузка и слое 2 стоянки Баранаха 4, а также кремня из месторождения на плато Ахмат-Кая для стоянки Баранаха 4.

Б. Межрегиональные перемещения (их удаленность составляет 200-300 км). Этот тип миграций подтверждается, во-первых, присутствием в Мезмайской пещере изделий из кабардино-балкарского обсидиана [Golovanova et al., 2007], во-вторых, единичными находками из предположительно миусского кремня.

Литература

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах. – Донецк: Донец. обл. краевед. музей, 2003. – № 13. – С. 18-66.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Краснодар, 2005. – Вып. 5. – С. 3-72.

Любин В.П., Беляева Е.В. Сырьевая база каменных индустрий Кавказа в раннем и среднем палеолите // С.Н. Бибиков и первобытная археология. – СПб., 2009. – С. 59-86.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Ильская мустьерская стоянка. Раскопки 1920-х – 1930-х годов. – СПб.: Европ. Дом, 2005. – 96 с.

Golovanova, L.V., Doronichev V.B., Kulkova M.A., Cleghorn N.E., Sapelko T.V. Significance of Ecological Factors in the Middle to Upper Paleolithic Transition // Current Anthropology, 2007 (submitted).

Е.В. Князева
Красноярск, Сибирский федеральный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН

Трасологический анализ галечных орудий раннеголоценовых слоев комплекса Усть-Шилка 2

Галечные орудия в археологических коллекциях раннеголоценовых памятников занимают не столь значительное место, в отличие от некоторых других категорий орудий. Как правило, чоппе-ры, топоры и тесла являются единичными находками, и чаще всего их функции связываются с технологическим процессом обработки дерева. Целые же массивные гальки относят к отбойникам.

Коллекция галечных орудий из комплекса Усть-Шилка, которая подверглась трасологическому анализу, происходит из нижних (4–11) культурных слоев, датирующихся 7–11 тыс. л.н. На данный момент этот памятник остается опорным в исследовании культуры и хозяйства эпохи раннего голоцена Среднего Енисея [Князева, 2008].

Из 11 культурного слоя происходит только один предмет. Это массивная галька со следами сколов на одной из граней, которые когда-то образовывали острый край. Она имела несколько функций. Рабочий край орудия интенсивно замят, в ходе обработки дерева, вероятно, выполнял рубящие операции. Многочисленные продолговатые выщербленности на обеих плоскостях орудия образовались в результате его использования в качестве ретушера. Обушок содержит немногочисленные следы забитости, которые, видимо, образовались в ходе работы по твердому материалу, что позволяет предположить вероятность использования орудия еще и в качестве отбойника. Размеры 7,5х9,5х3,5 см.

Массивное галечное орудие с выпуклым лезвием на 3/4 периметра из 9 культурного слоя. На выступающих частях микрорельефа сохраняются интенсивные замятости и заполировка, что говорит об использовании орудия для рубки и, вероятно, в качестве скобеля для обработки дерева. Размеры 9,5х8,9х6,3 см.

В 8 культурном слое было обнаружено 3 чоппера и 2 отбойника. Рабочее лезвие одного из чопперов – выпуклое, оформлено несколькими крупными односторонними снятиями. Следы сработанности представляют собой интенсивные замятости и заполировку, располагающиеся, однако, не на середине лезвия, а смещенные к боковым сторонам орудия. Характер следов свидетельствует об использовании орудия для обработки дерева. Его размеры 7,3х8,1х5,2 см.

Второй чоппер с лезвием, оформленным многочисленными грубыми снятиями на двух смежных сторонах, сохраняет уплощенность от рубящих действий. Орудие изношено слабо, вероятно, использовалось совсем недолго. Размеры 6,9х9,4х5,2 см.

Чоппер с выпуклым лезвием, оформленным грубыми крупными снятиями на двух смежных сторонах, сохраняет слабые следы смятости на боковом участке лезвия. Вероятно, орудие использовалось в ходе рубящих операций по дереву, но совсем недолго. Размеры 8,4х11,6х5,9 см.

Массивная галька овальной формы сохраняет следы забитости по твердому материалу на одном из концов. Вероятно, использовалась в качестве отбойника. Размеры 6,9х8,6х4,8 см.

Массивная галька подтреугольной формы (8 к.с.) содержит продолговатые следы выщербленности на обеих своих плоскостях, что позволяет предположить его использование в качестве ретушера. Углы орудия содержат следы забитости по твердому материалу, которые, вероятно, образовались в ходе использования орудия как отбойника. Размеры орудия 8,0х9,8х4,2 см.

Результаты трасологического анализа части орудийного набора 7 культурного слоя уже публиковались [Volkov et al., 2008], поэтому здесь следует остановиться всего на двух чопперах. Первое орудие имеет выпуклое, немного скошенное лезвие, оформленное разнофасеточными снятиями. На скошенном участке лезвия (примерно 1/3 от всего лезвия) сохраняются следы смятости в результате использования его при обработке дерева. Орудие изношено слабо, его размеры 7,2х8,7х3,7 см.

Второе орудие с прямым лезвием, оформленным несколькими крупными снятиями, содержит смятости на выступающих частях лезвия, а также заполировку с линейными следами, перпендикулярными лезвию, что позволяет сделать вывод об использовании орудия в рубящих операциях, а также в качестве скобеля при обработке дерева. Размеры орудия 8,4х7,5х3,3 см.

Больше всего галечных орудий в коллекции четвертого слоя, что обусловлено, в первую очередь, большей концентрацией материала в слое. Чоппер выполнен на массивной гальке. Лезвие прямое, немного скошено к одной из боковых сторон, оформлено с помощью многочисленных разнофасеточных сколов. Следы утилизации характеризуются сочетанием смятости наиболее выступающих частей рельефа с достаточно интенсивной заполировкой и линейными следами. Это позволяет предположить некоторую универсальность орудия в использовании его в процессе обработки дерева, т.е. оно выполняло рубяще-тешущие операции, а также использовалось как скобель. Размеры орудия 9,3х10,2х4,6 см.

Чоппер с двумя противолежащими лезвиями, оформленными несколькими крупными снятиями, одно из которых выпуклое, другое, напротив, вогнутое. Оба лезвия содержат характерное уплощение и следы заполировки, образовавшиеся в ходе работы по дереву. Размеры орудия 6,6х6,0х3,7 см.

Галечное орудие с двумя выпуклыми противолежащими лезвиями, оформленными многочисленными разнофасеточными снятиями, край обоих лезвий оформлен ступенчатой ударной ретушью. Оба лезвия содержат замятости, образовавшиеся в результате использования их для рубки дерева, хотя одно из них утилизовано интенсивнее. Кроме того, боковые плоскости орудия сохраняют многочисленные выщербленности, образовавшиеся в результате использования орудия в качестве ретушера. Размеры 6,7х6,4х3,3 см.

Тесловидное орудие подпрямоугольной формы выполнено на массивной гальке. На 3/4 периметра с одной стороны оббито по краю, сохраняя посередине, а также с другой стороны галечную корку. Части микрорельефа всего лезвия, включая боковые стороны орудия, содержат следы заполировки, характерные для обработки сухой шкуры. Следов использования орудия для других целей, например, для обработки дерева, не обнаружено. Размеры орудия 9,8х5,8х3,7 см.

Галечное орудие подпрямоугольной формы выполнено на галечном сколе. Представляет собой грубо оформленный унифас, подтреугольный в сечении, с лезвием на 3/4 периметра. На выступающих частях рельефа прослеживается заполировка, образовавшаяся в ходе использования орудия в качестве скобеля по дереву. Размеры 4,1х8,0х2,4 см.

Тесловидное орудие подтрапециевидной формы выполнено на галечном сколе. Рабочий край слегка выпуклый, оформленный удлиненной крутой ретушью [Мандрыка и др., 2005]. Обушок и боковые стороны (в меньшей степени лезвие) использовались для обработки шкур. Размеры орудия 4,9х8,2х1,7 см.

Еще одно тесловидное орудие, так же подтрапециевидной формы, выполнено на плоской гальке. Обушок, лезвие и боковая сторона оформлены односторонней обивкой. Большая часть орудия сохраняет галечную корку. Следы сработанности имеются на обушке и боковой стороне. Они представлены интенсивной заполировкой, образовавшейся при обработке шкур. Размеры орудия 5,1х8,5х2,1 см.

Галечное грубо обработанное унифасиальное орудие овальной формы с небольшой выемкой на одной из продольных сторон. Боковые стороны орудия содержат следы интенсивной примятости и заполировки, образовавшиеся в результате работы по дереву. Размеры 4,1х7,0х2,7 см.

Галечное орудие, представляющее собой крупный галечный скол, с лезвием, оформленным несколькими крупными снятиями. Лезвие сохраняет следы уплощения от ударов по дереву на выступающих участках. Размеры предмета 9,3х5,2х3,8 см.

Таким образом, в эпоху раннего голоцена, галечные орудия не всегда могли быть связаны исключительно с обработкой дерева или камня, так же, как их использование не ограничивалось одной функцией. Массивные гальки часто сочетают следы использования в качестве отбойников и ретушеров. Чопперы соединяли функции рубящего орудия и скобеля. А тесловидные орудия могли использоваться для обработки шкур.

Литература

Князева Е.В. Реконструкция палеоэкологии человека на примере мезолитических слоев Усть-Шилка 2 на Среднем Енисее // Культуры и народы Северной Евразии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. – Томск: ТГУ, 2008. – С. 118–121.

Мандрыка П.В., Акимова Е.В., Ямских А.А., Томилова Е.А., Стасюк И.В., Орлова Л.А. Геоархеологические исследования раннеголоценовых слоёв стоянки Усть-Шилка-2 на среднем Енисее // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 109–124.

Volkov P.V., Knyazeva E.V., Mandryka P.V. Methods of Making and Using Tools in Mesolithic Age on Territory of Middle Yenisey // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. – 2008. – N 3. – P. 435–440.

Д.В. Кожевникова
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Ранние формы музыкальных инструментов в археологии верхнего палеолита
(историографический обзор)

Эволюционно-функциональное определение музыки охарактеризует музыку как биологическое, так и культурное явление, дифференцирует музыку относительно других коммуникативных способностей, в частности, от языка, а также подчеркивает, что функция музыки может быть адаптивной, т.е. отобранной в процессе эволюции. Это определение подчеркивает три ключевых особенности музыки: 1) воплощение – физиологически обоснованное участие и влияние; 2) увлечение (эжекция) – существование во времени и в пространстве вместе; 3) транспортируемая интенциональность.

Иными словами музыка выражается, как правило, с помощью голосов и инструментов, которые формулируют ритм и тембр, коррелирует модели движения. Это определение имеет большое значение для изучения музыки в эволюции и в попытках распутать музыку и язык [Mithen, 2005].

Из литературы, связанной с этой областью научных исследований, следует то, что музыка является одним из важнейших биологических и культурных компонентов, которые делают нас Homo sapiens sapiens.

Все теоретические разработки, вплоть до середины XX в., в области музыкознания, в том числе поиск ответа на такой фундаментальный вопрос, как происхождение музыки, основывались в большинстве своем на этнографических материалах или на эмпирических взглядах ученых на данный вопрос. В зависимости от призмы, через которую они смотрели на музыку, будь то философия, этнография, археология, антропология, лингвистика и т.д., каждый подходил к проблеме происхождения музыки с разных сторон, а, следовательно, и теории происхождения музыки будут чрезвычайно разнообразны, порой противопоставлены друг другу. И все же, все гипотезы находятся в контексте всеобщей истории музыки или эволюции человечества.

Первые находки музыкальных инструментов в палеолитических слоях известны с середины XIX в. Однако, начало исследования (непосредственно как воспроизводящих музыку) относится к более позднему времени, с чем связаны серьезные трудности в их интерпретации. До конца XX в. отмечены единичные попытки их обобщения и интерпретации. Вопрос же об эволюционном происхождении музыкального поведения, причины возникновения музыкальной деятельности лишь в последние годы стал привлекать исследователей из разных областей науки, хотя конец 1990-х гг. – это всплеск интереса ученых к эволюции языка и к современному поведенческому комплексу человека, появление музыкальных способностей, вернее, музыкального поведения, что неразрывно связано.

Нынешняя совокупность доказательств по различным дисциплинам показывает, что современное музыкальное поведение человека имеет свои корни в сложной и эмоционально-тональной вокализации, которая существовала значительно раньше, чем появление Homo sapiens sapiens и современного языка. Не смотря на то, что вполне вероятно, что гоминиды (до появления анатомически современных людей) использовали сложную эмоционально-тональную вокализацию в качестве посредника в социальных отношениях, и что музыкотворчество позднее выросло из таких способностей, вопрос о наличии у них музыкального инвентаря остается весьма спорным. Неандертальцы, по-видимому, остаются отправной точкой в распространении идеи об эволюции музыкального поведения, а также моделей появления протомузыкального поведения у предков современного человека. Это неизбежно приводит к спорам, касающимся возможного использования музыкальных инструментов среди неандертальцев. Но, прежде всего, стоит отметить, что музыкальное поведение и использование музыкальных инструментов отнюдь не являются синонимами. Первое вполне может существовать без последнего. Весьма вероятно, что поведение, которое мы можем признать непосредственно музыкальным, существовало задолго до появления в археологической летописи документов, подтверждающих это.

В настоящее время все работы в поиске ответа на проблему происхождения музыки носят междисциплинарный характер. Теоретические гипотезы и разработки сейчас не могут быть не подкреплены документальными доказательствами и фактами, и наоборот, археологический материал нуждается в интерпретации и обобщающих выводах, т.е. от описательного характера идет переход к работам аналитического характера.

Антропологический материал показывает, что у гоминид были все способности для музыкального творчества, но отсутствие археологического материала или его фрагментарность и неоднозначная оценка делают все выводы весьма зыбкими и гипотетичными.

Среди обобщающих работ по вопросу происхождения музыки и музыкальной деятельности в палеолите нужно отметить исследование И. Морли «Эволюция происхождения и археология музыки» [Morley, 2003]. Исследования, представленные в диссертации, демонстрируют доказательства для возникновения потенциала музыкального поведения, их взаимосвязь, развитие и конечное проявление в палеолите.

В отечественной науке имеют место работы описательного характера, в виде публикаций отдельных находок в контексте описания памятников каменного века.

А.П. Окладников пишет следующее: «Мысль о наличии флейты у неолитических жителей Восточной Сибири может с первого взгляда, конечно, показаться слишком смелой и маловероятной, т.к. предполагает неожиданно высокий, с обычной точки зрения, уровень их культуры и чрезмерно сложную интеллектуальную жизнь» [Окладников, 1950]. Это высказывание отражает отношение отечественных ученых середины прошлого столетия к данному вопросу.

М. Макаренко обнаружил в могиле (Мариупольский могильник на Украине) остатки 7 орнаментированных дудочек, в которых он видел «флейту пана». Описывая трубочки, исследователь указывал, что «у народов, стоящих на низкой ступени хозяйственного и общественного развития, флейты часто не имеют дырочек в стенках» [Макаренко, 1933]. Однако, спустя 20 лет А.П. Окладников, говоря о художественном творчестве людей каменного века, в том числе о музыке и танце, пишет о найденных во многих местах флейтах из трубчатых костей птиц и свистков из фаланг копытных животных [Окладников, 1967].

«Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта» С.Н. Бибикова – первая обобщающая аналитическая работа русскоязычных ученых в области исследования музыкального творчества Homo sapiens sapiens в верхнем палеолите. Он утверждает, что комплекс костяных предметов (орнаментированные кости мамонта, молотки, браслет и т.д.) составляют функционально единый музыкальный комплекс (Мезинский музыкальный дом). Г.Ф. Коробковой был проведен трасологический анализ этих находок, который показал, что они вполне могли предназначаться для воспроизведения ударно-шумовых и ритмичных звуков [Бибиков, 1980].

Находки «музыкальных инструментов» на территории Сибири крайне редки. Стоит сказать о так называемых пронизках из трубчатых костей птиц, найденных на территории Алтая и Забайкалья [Деревянко, Шуньков, 2003; Лбова, 2000]. Они вполне могут быть определены как элементы составной флейты (флейты пана), тем более что пронизки декорированы параллельными насечками.

Литература

Бибиков С.Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта: Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. – Киев, 1981. – 187 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии – 2003. – № 3 (15). – С. 59-67.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 230 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1 и 2. – 412 с. – (МИА. – № 18).

Окладников А.П. Утро искусства.- М. – Ленинград: изд-во Искусство 1967. – 134с

Mithen S. The Singing Neanderthals: the Origins of Music, Language, Mind and Body . – L., 2005. – 374 p.

Morley I. The Evolutionary Origins and Archaeology of Music. – L., 2003.

М.Б. Козликин

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Фрагментация, как один из приемов оформления каменных орудий
(по материалам Денисовой пещеры)

Среди приемов вторичной обработки каменных орудий, таких как ретуширование, обивка, нанесение резцового и выемчатого сколов, подтеска, наиболее проблемным и спорным, а вместе с тем и слабоизученным, является намеренное рассечение сколов. Исследование данного приема осложняется разделением фрагментированных заготовок на появившиеся в результате естественных процессов и полученные искусственно, преднамеренно или непреднамеренно. В связи с этим, прежде чем приступить к анализу артефактов, был проведен эксперимент с целью выявления признаков, характерных для того или иного способа фрагментации сколов.

В эксперименте использовались сколы длиной от 30 до 80 мм и толщиной от 3 до 15 мм, разных пропорций, полученные из галечного сырья. Фрагментация осуществлялась нанесением прямого удара каменным отбойником. Рассечение скола, лежащего на крупной уплощенной гальке, характеризуется практически вертикальной поверхностью слома, только треть фрагментов четко отображают следы удара в виде ударного конуса и волнистости на поверхности слома, выкрошен-

ности в точке приложения силы. Следы контрудара о наковальню зафиксированы только в одном случае (из 20). Сломы заготовок, фрагментированных на стволе дерева, аналогичны описанным выше, за исключением отсутствия следов контрударов. Для рассечения сколов, лежащих на плотно утоптанном грунте, характерно преобладание фрагментов с четко читаемым ударным конусом на сломе. Помимо этого, заготовка ломается только на два фрагмента, в то время как при рассечении на твердой поверхности нередки поломки скола на 3-4 фрагмента. Рассечение, основанное на сгибании скола, осуществлялось нажимом на край заготовки, помещенной до половины своей длины в трещину бревна. Поверхность таких сломов получилась ровной, но наклоненной относительно дорсала или вентрала.

Экспериментально были рассмотрены возможные пути возникновения непреднамеренной фрагментации заготовок в процессе первичного расщепления. Сколы могут отделяться от ядрища более короткими вследствие неоднородности, слоистости, трещеноватости сырья. В таких случаях скалывающая наталкивается на расположенную к ней под определенным углом трещину и резко обрывается. Поверхность таких сломов, как правило, ровная и гладкая, но зачастую отличается цветом, что обусловлено проникновением в трещины воды с последующим ожелезнением поверхности. Возможно образование скола со ступенчатым окончанием скалывающей, когда она соединяется со свободной поверхностью предмета расщепления прямой плоскостью слома под углом близким к 90°. Подробно объясняет такой эффект Е.Ю. Гиря [1997, с. 44-45]. При снятии с ядрища заготовки могут получать продольную фрагментацию, при этом линия слома проходит точно через центр ударного бугорка, волнистость на поверхности слома распространяется от проксимала к дисталу.

Для исследования фрагментации сколов палеолитического возраста были взяты материалы слоя 11 горизонта 11.3 восточной галереи Денисовой пещеры. Индустрия слоя 11 в целом характеризуется преимущественно параллельной техникой первичной обработки камня, реже применялось радиальное и леваллуазское расщепление. Среди сколов большинство составляют отщепы величиной 4-6 см с параллельной огранкой дорсала и гладкой ударной площадкой, процент пластин не высок. Индустрия базируется на местном галечном сырье Ануя и его притоков, в основном, использовались осадочные породы с преобладанием алевролитов и эффузивов. Радиоуглеродная дата из разреза центрального зала для слоя 11 составляет более 37 235 лет [Природная среда, 2003, с. 111, 128, 155].

Всего рассмотрено 465 сколов (420 отщепов, 32 пластины, 13 тех. сколов). Из них фрагментировано 205 экз. (44%). При анализе фрагментов учитывались их размеры, наклон плоскости слома, наличие на ней следов от удара или иного воздействия, особенности сырья. Преобладают медиально-дистальные фрагменты – 38 экз., далее следуют проксимально-медиальные и продольные – по 29 экз., дистальных и диагональных по 20 экз., медиальных 12, другие разновидности представлены единично. Точную причину возникновения фрагментации в отношении 100 фрагментов определить не удалось: их сломы в большинстве вертикальные, ровные, без каких-либо четких следов удара или иного воздействия. В основном это сколы со сломанными дистальными концами и выломами по краям. Сломы у 41 фрагмента несут на себе следы удара по дорсальной стороне, уже отмеченные в описании эксперимента. Еще 19 фрагментов были получены аналогичным способом, с той разницей, что удар наносился по вентралу. Сломы у 27 фрагментов наклонны, для них характерна слабо выраженная волнистость и наличие выступа или его негатива. Фрагментов, образовавшихся по причине трещеноватости сырья, 9 экз. Продольной фрагментацией на нуклеусе уверенно объясняется происхождение 9 фрагментов.

Очевидно, что фрагментация абсолютного большинства сколов непреднамеренна и связана с естественными процессами. Фрагменты сколов со сломленными дистальными концами и выломами, также с наклонными сломами, вероятнее всего, образовались в процессе вытаптывания пола пещеры. В результате такого воздействия в первую очередь ломаются хрупкие участки сколов, а также сильно изогнутые в профиле заготовки. Происхождение фрагментов со следами удара, возможно, объясняется падением камней со свода и стен пещеры. В Денисовой пещере эти процессы достаточно активны, заполнение слоя 11 щебнистым материалом составляет 30-60%, в зависимости от горизонта [Природная среда, 2003, с. 73-74]. В.П. Любин [1978, с. 29], ссылаясь на Ф. Борда и Деларю и Виньяра, наиболее серьезным критерием доказательства намеренности рассечения заготовки приводит наличие на сломах следов ударов и контрударов. Однако при высокой кон-

центрации обломочного материала на полу пещеры возможно появление таких признаков и при падении камней. Как показал эксперимент, следы контрудара очень редки.

В связи с обозначенными выше проблемами важнейшим критерием доказательства намеренности фрагментации является ее морфологическая оправданность и функциональная обусловленность. В исследуемой коллекции таких предметов встречено всего 14. В семи случаях с помощью диагональной и продольной фрагментации сформирован обушок режущего орудия. Противолежащее лезвие слегка заполировано. Одним экземпляром представлено шиповидное орудие с обушком. Шип оформлен на углу отщепа при помощи ретуши. Интересен ряд изделий (6 экз.) с крепким трех- или четырехгранным шипом, образованным двумя или одним сломами. Два из этих предметов очень схожи, представляют проксимально-продольные фрагменты, проксимальная фрагментация формирует угловой шип, а продольная обушок, шип подработан ретушью. Остальные изделия представляют дистальные и медиально-дистальные фрагменты с шипом, оформленным аналогичным способом. На четырех шипах заметны следы утилизации.

Все описанные изделия фрагментированы ударом по дорсальной или вентральной стороне, о чем свидетельствуют соответствующие следы на сломах. Удар приходился по толстой прочной области скола, что косвенно свидетельствует о его преднамеренности. Однако не исключена вероятность случайного образования подобных предметов с дальнейшим их использованием. Для разрешения этой проблемы планируется дальнейшее изучение коллекции (рассмотрена пока лишь ее малая часть) с целью выявить устойчивые серии изделий с преднамеренной фрагментацией.

Литература

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. – Ч. 2. – 198 с.

Любин В.П. К методике изучения фрагментированных орудий и сколов в палеолите // Проблемы советской археологии. – М.: Наука, 1978. – С. 23-32.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003.- 448 с.

А.С. Козырев
Иркутск, Институт земной коры

«Ленинский» – новая страница в археологии г. Иркутска

В полевой сезон 2008 г. археологическим отрядом ООО «Раритет» в Ленинском районе г. Иркутска в ходе проведения шурфовочных работ был выявлен коррадированный археологический материал. По месту расположения в административных границах городского пространства, выявленный объект получил название «Ленинский».

Местонахождение «Ленинский» расположено на северо-западной окраине г. Иркутска. Геоморфологическая ситуация местонахождения определена положением на территории горы Чупириха, юго-восточная экспозиция которой является левым бортом долины р. Иркут, а восточная, северо-восточная – левым бортом долины р. Ангара. Само археологическое местонахождение расположено на площади одного из отрогов горы Чупириха, ориентированного по водораздельной линии юго-запад – северо-восток. С северо-запада отрог на данном участке маркируется изголовьем широкой пади, простирающейся параллельно его водоразделу. Морфологически склоны бортов пади пологие, вследствие чего долина в современном рельефе практически не выражена. Бо**л**ьший уклон падь имеет в направлении своего осевого простирания от изголовья к устью. Местонахождение приурочено к правому борту пади к нижней части склона плавно переходящего в ложе. Экспозиция склона на данном участке северо-западная, абсолютные гипсометрические отметки составляют 485-490 м.

Археологическими работами, произведенными на местонахождении, установлено, что на территории развиты субаэральные образования мощностью 0,5-1,5 м. В составе этих образований выделены суглинки делювиального генезиса (Sr^3), лессовидные суглинки эолового генезиса (Sr^2), пески и супеси эолового генезиса (Mr). Кора выветривания юрских песчаников с линзами кварцитов и эффузивов присаянской свиты повсеместно подстилает чехол рыхлых образований и выходит практически на поверхность в верхних частях бортов пади. Аллювиальных и пролювиальных

осадков в стратиграфической колонке не зафиксировано по всему поперечному профилю, перпендикулярно пересекающему падь. Кварцитовые и эффузивные гальки, продукты кливажа и артефакты, заключенные во всех выделенных литологических подразделениях рыхлых образований, несут на своих поверхностях следы эоловой корразии средней-сильной степени. Таким образом, представляется вполне вероятным, что на протяжении, по меньшей мере, верхнего плейстоцена в пределах пади происходили интенсивные дефляционные процессы.

Стратиграфическая колонка, представленная в разрезах археологических выработок может быть описана по сводному геологическому разрезу (рис. 2).

№/ пп	Описание	Мощность (м)
1.	техногенные грунты, перепашка …….	0,4
2.	суглинки коричневые, средние и легкие, плотные, плитчатой структуры, кровля уничтожена техногенными факторами – Sr^3 …….	0,2-0,3
3.	суглинки светло-серые, буроватые, легкие, лессовидные, Sr^2-?, в подошве неясно слоистые, обогащенные продуктами разрушения коренных пород – мелких галек, фракций песчаников ……...	0,3-0,6
4.	пески темно-коричневые, желтые, несортированные, слабо ожелезненные, с прослойками и вкраплениями марганцевых примазок и тяжелых глин – выветрелых и разрушенных образований неогенового возраста, археологический материал фиксировался преимущественно будучи вдавленным в кровлю слоя	0,1–0,3
5.	выветрелые песчаники юрского возраста, в слое обнаружены единичные кварцитовые и порфировые гальки (присаянской свиты), фракции крупного размера песчаников достигают 30 см, вскрытая мощность …….	0,2–0,25

Археологический материал фиксировался преимущественно на контакте коры выветривания юрских песчаников с перекрывающими их песками и суглинками плейстоценового возраста. Учитывая динамику накопления плейстоценовых образований применительно к описываемой территории (в условиях высоких гипсометрических отметок и в склоновой ситуации), возможно утверждение о том, что археологический материал находится в многократном переотложенном состоянии.

Коллекция артефактов, относящихся к продуктам действительного, намеренного технологического процесса, поддающихся описанию – малочисленна и может быть представлена следующим образом.

– Нуклеус на массивном сколе, снятом с гальки эффузивной породы. Размер предмета 75х90х40 мм. Фронт нуклеуса – корковая галечная поверхность, оформленная краевыми снятиями, произведенными с ударной площадки – правой маргинальной поверхности вентрального фаса скола в последовательности «с угла» (?). Сам скол находится в состоянии поперечного рассечения – отсечена дистальная часть. Не исключено, что предмет представляет собой одну из вариаций чопперов-нуклеусов.. Из имеющихся в общей коллекции отщепов, один, аппицируется на негатив краевого снятия на нуклеусе. Дорсальный фас отщепа несет негативы предварительной серии снятий. Негативы редуцирования ударной площадки на нуклеусе и отщепе отсутствуют. И нуклеус, и отщеп несут на всех поверхностях следы эоловой корразии.

– Группа изделий на модифицированных сколах составляет 4 единицы. Все предметы выполнены из пород кварцита:

– скребок на массивном сколе-сегменте из желтого кварцита (50х67х22 мм); на дорсальном фасе читается негатив одного снятия, оформляющего фас до момента снятия с нуклеуса, левый маргинал и дистальная часть дорсального фаса оформлены серией последовательных краевых снятий, ударной площадкой для которых послужил вентральный фас. Дистальная часть вентрального фаса имеет негативы краевой ретуши, а проксимальная часть несет негативы снятий уплощения, ударная площадка корковая, в форме – классический долечный скол;

– скребок двусторонний на сколе сердцевидного абриса (70х56х21 мм); на дорсальном фасе читаются негативы трех снятий, формирующих рельеф фаса в процессе нуклеарного расщепления. Правый маргинал дорсального фаса оформлен снятиями с вентрала. Дистальная часть вентрального фаса несет негативы краевой ретуши;

– скребок высокий, односторонний, из массивного скола кварцита (76х28х16 мм); талон корковый, дорсальный фас несет негатив одного снятия, левый маргинал изделия, так же как и в вышеописанном случае оформлен серией краевых снятий (рис. 3);

– скребок высокий округлой формы, изготовленный на сколе декортикации кварцитовой гальки; дорсальный фас и талон корковые. Краевыми снятиями, произведенными с дорсального фаса, практически под прямым углом, предмету задана округлая форма.

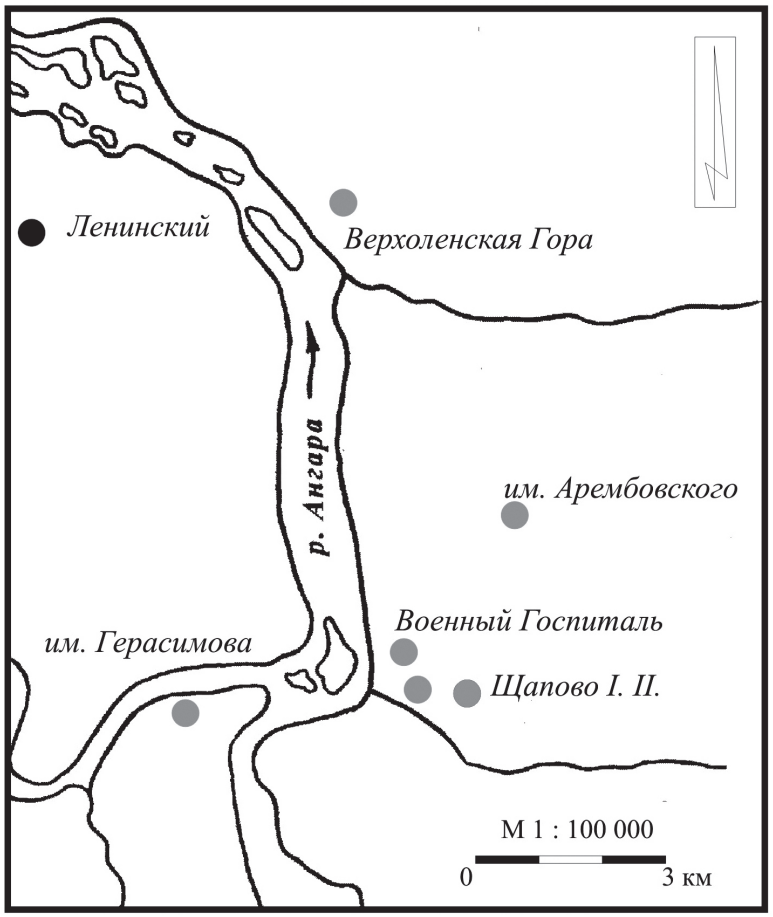


рис. 1.

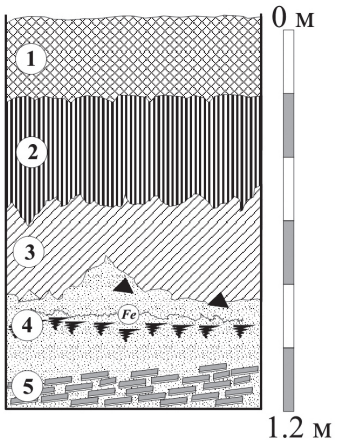


рис. 2.

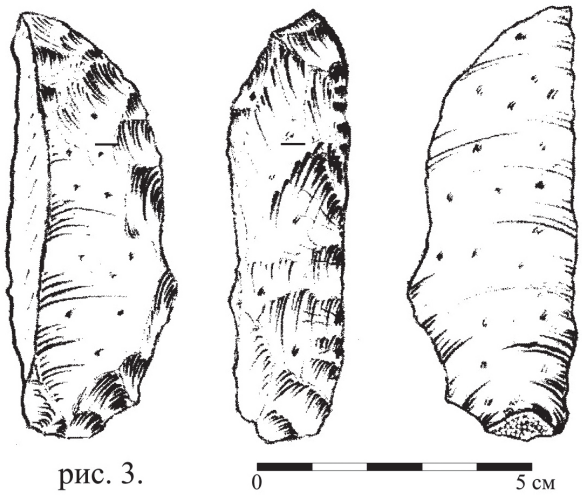


рис. 3.

Рис. 1. Обзорная карта г. Иркутска
Рис.2. Стратиграфический разрез геологических образований, вскрытых на местонахождении «Ленинский»
Рис. 3. Изделие из кварцита – высокий односторонний скребок

Необходимо отметить упрощенность технологического исполнения, проявляющуюся в приемах нуклеарного расщепления и модификации техноформ. Практически на всех предметах нуклеарное

расщепление выполнялось с корковых, соответственно, не редуцированных ударных площадок. Рельеф дорсальных фасов изделий оформлялся преимущественно не в процессе нуклеарного расщепления, а посредством краевых снятий, произведенных с поверхности одного из фасов – либо с вентрала, либо с дорсала. Наконец, следует отметить массивность форм предметов – практически все изделия возможно отнести к группе массивных, высоких скребков.

Как уже отмечалось выше, археологический материал залегает как на контакте коры выветривания юрских песчаников с вышележащими образованиями верхнего плейстоцена, так и в самих верхнеплейстоценовых образованиях – муруктинских (?) песках, в свою очередь, находящихся в компрессионном состоянии. Многократное переотложение артефактов вплоть до конца верхнего плейстоцена, практически ставит их в разряд экспонированных и не позволяет нам датировать его геостратиграфическими методами. Средняя – сильная степень корразии, документированная на всех артефактах, наряду с техноморфологией предметов местонахождения Ленинский не находит сравнения с известными археологическими материалами каргинского и сартанского возраста, достаточно широко представленными в Иркутском геоархеологическом районе – Военный Госпиталь, Щапово, им. Арембовского, им. Герасимова, Мамоны [Генералов и др., 2001; Козырев, Слагода, 2002]. Предварительно, на основании степени корразии артефактов и раннепалеолитической техники расщепления, мы можем отнести данную литотехноиндустрию к рисскому времени, т.е. к среднему плейстоцену, что в цифровом значении будет соответствовать >120 тыс. лет от н.д. Нижняя временная граница остается открытой.

В любом случае, обнаружение подобного археологического материала на территории г. Иркутска позволяет сделать ряд важных заключений:

– значительно удревнена нижняя временная граница обитания палеосоциогрупп на территории г. Иркутска и Иркутского геоархеологического района в целом$

– открытие местонахождения Ленинский вносит коррективы в представления об археологической бесперспективности целого ряда геоморфологических структур, расположенных на высоких отметках левобережья р. Ангара$

– полученные данные о геоморфологическом и геостратиграфическом характере размещения археологических материалов должны быть использованы в методиках поиска среднеплейстоценовых археологических объектов на площади г. Иркутска и прилегающих к нему территориях.

Литература

Генералов А.Г., Медведев Г.И., Роговской Е.О., Ребриков П.Н. Новые данные по палеолитическому местонахождению Военный Госпиталь // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1 (5). – С. 67-71.

Козырев А.С., Слагода Е.А. «Щапово» – стратифицированный геоархеологический объект верхнего плейстоцена юга Средней Сибири // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока (Мат-лы XLII регион. археол.-этнограф. студ. конф.). – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 150-153.

А.Н. Короткова
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Китае. Основные исследовательские концепции

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту занимает одно из центральных мест в археологии палеолита, так как с ней отождествляется становление и развитие культуры человека современного физического типа. Эти две центральные проблемы исследовались в основном археологами и антропологами, но после получения ряда результатов в области палеогенетики, дискуссия приобретает новое направление.

В Китае выявлены сотни палеолитических местонахождений, их материалы тщательно изучаются, однако многие фундаментальные проблемы истории заселения данной территории продолжают оставаться дискуссионными. Это можно объяснить несколькими причинами: большинство палеолитических местонахождений не имеет достаточно полных геологического, топографического, стратиграфического, планиграфического описаний, что затрудняет их интерпретацию и

ставит под сомнение некоторые выводы. До настоящего времени не выработаны единый подход и единая терминология описания каменного инвентаря, что порой затрудняет понимание изучаемых местонахождений [Деревянко, 2005, с. 7].

Цель данной работы – рассмотреть наиболее распространенные концепции, связанные с указанной проблематикой. Работа носит обобщающий характер, включает в себя новые сведения относительно находки Homo sapiens и его культуры, сделана попытка разграничить основные концептуальные направления среди отечественных, китайских и англоамериканских исследователей.

К среднему палеолиту в Китае относятся местонахождения финального этапа среднего – первой половины верхнего неоплейстоцена. Наиболее известными являются Чжоукоудянь–15, Динцунь, Сюйцзяяо, Дали, Яотоугоу, Шуйгоу, Гэцзыдун и др. [Деревянко, 2009 с. 61]. В качестве исходного сырья на этих местонахождениях продолжали использовать в основном кварцит и кварц, реже роговик, кремнистые и вулканические породы. Микрорайон Динцунь находится на р. Фэньхэ в провинции Шаньси. В этом районе известно 13 местонахождений, расположенных в радиусе 10 км друг от друга. Три из них содержали только палеонтологические материалы, два – каменные орудия, а восемь и то, и другое. В 10 пунктах Динцуня собрано около 2000 артефактов. Первичное расщепление представлено дисковидными бессистемными нуклеусами без подготовленных ударных площадок, лишь немногочисленная группа демонстрирует грубую подправку. В Динцуне значительно больше случаев дополнительной подправки изделий, чем в Чжоукоудяне-15. Из орудий труда в Динцуне найдены чоппинги, различных модификаций скребла и скребковидные инструменты, скребки, ножи. Особую группу составляют бифасиальные «заостренные орудия». Их часто относят к рубилам, но они и по древности, и типологически не имеют отношения к позднеашельским бифасам. Они не связаны своим происхождением и с более ранними в Китае бифасами Байсэ, Кэхэ и других раннепалеолитических местонахождений [Деревянко, 2009, с. 62]. Это еще один пример появления определенной категории орудий при изменении адаптационной стратегии вследствие меняющихся экологических условий обитания. До настоящего времени остается дискуссионной проблема датировки местонахождений Динцуня. Очевидно, что они разновременные, но, видимо, все относятся к первой трети верхнего неоплейстоцена – 120-90 тыс. л.н. Возраст горизонта с костями человека определен в пределах 70-90 тыс. лет.

Индустрия, отличная от динцуньской, представлена на стоянке Сюйцзяяо, находящейся в провинции Шаньси на границе с провинцией Хэбэй [Абрамова, 1994, с. 96-97]. При раскопках было найдено около 20 тыс. артефактов. Первичное расщепление связано с биполярной техникой. Нуклеусы немногочисленны и представлены дисковидными, ортогональными, подпризматическими разновидностями. Необходимо отметить наличие небольших подпризматических ядрищ, у которых ударная площадка не подрабатывалась, но, судя по негативам, делались попытки складывания с такого нуклеуса пластинчатых отщепов. Орудия со следами вторичной обработки составляют около 50% всех артефактов. Особенно многочисленны скребки – почти 40%. Особый интерес вызывает большое количество (более 1 тыс. экз.) сфероидов. Сфероиды имеют диаметр от 5 до 10 см, тщательно обработаны. Вполне возможно, что они использовались в качестве метательных орудий типа бола, но их истинное назначение до сих пор не ясно.

На территории Китая невозможно выделить средний палеолит из-за отсутствия надежных диагностирующих элементов, позволяющих четко разграничить два этапа. Выделение верхнего палеолита в Китае так же является дискуссионной проблемой (Ц. Тан и Гай Пэй выделяют в северном Китае три его стадии) [Деревянко, 2009, с. 63].

Начало формирования верхнепалеолитической культуры в Китае определить на имеющихся материалах невозможно, хотя существуют различные точки зрения на эту проблему. Все местонахождения с орудиями на отщепах, относимые к ранней стадии верхнего палеолита (например, Салавасу), демонстрируют продолжение как в первичной, так и во вторичной обработке традиции предшествующего этапа. Четкая грань намечается с появлением на территории Китая пластинчатой индустрии, которая, бесспорно, уже является верхнепалеолитической. Эта индустрия сформировалась на базе местных технокомплексов около 30 тыс. л.н.. По мнению большинства исследователей (А. Брейль, Ф. Борд, Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ли Яньсянь), стратифицированные пункты Шуйдунгоу I и II относятся к палеолиту, остальные три – к более позднему времени (мезолит, неолит).

Новые сведения по вопросу о человеке современного типа дает находка Homo sapiens sapiens, датирующиеся 42-39 тыс. л.н. из пещеры Тиньюань (Чжоукоудянь, Китай), исследующейся с 2001

г. Морфологические особенности этого ископаемого человека таковы, что предлагается гипотеза о том, что простое распространение человека современного типа из Африки маловероятно. Кроме того ценность данной находки в том, что это самая ранняя находка человека современного типа на территории Китая [Hong Shang et al., 2007]. Таким образом, прослеживается концепция автохтонного развития культуры человека современного типа в Китае.

По мнению А.П. Деревянко, модель перехода к верхнему палеолиту в Китае можно представить следующим образом: в начале – середине позднего плейстоцена происходило дальнейшее прогрессивное развитие более древних индустрий, формировалась та основа, на которой после прихода 35-30 тыс. л.н. с территорий Монголии и Южной Сибири популяций с пластинчатой техникой и складывались индустрии типа Шуйдунгоу и Чжиюй. Наиболее ранние памятники с пластинчатой индустрией могут быть обнаружены в Синьцзяне и на северо-востоке Китая, т.е. в приграничных с Алтаем и Забайкальем районах. С точки зрения А.П. Деревянко, пластинчатая индустрия в Китае не имеет собственных корней и привнесена с сопредельных западных и северо-западных территорий. Наиболее раннее ее формирование прослеживается на Горном Алтае, в Прибайкалье, Забайкалье и Монголии. Сходной концепции придерживается Т.Г. Жеглова. В своей работе по Северо-Восточному Китаю, она обращает внимание на тот факт, что состав форм каменной индустрии значительно обеднен по сравнению с одновозрастными ансамблями Западной, Восточной Европы, Сибири (нет обилия пластин-заготовок, вариаций ретушированных изделий из пластин, бифасов, не представлена стандартная серия плоскофронтальных и призматических нуклеусов) [Жеглова, 2005, с. 17].

S.G. Keates связывает развитие более поздних индустрий с восточноазиатским влиянием [Keates, 2009, с. 47].

Литература

Абрамова З.А. Палеолит Северного Китая // Палеолит Центральной и Восточной Азии. – М.: Наука, 1994. – С. 96-97.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и Факты. Материалы дискуссии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 5-19.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования Homo sapiens sapiens в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск, 2009. – С. 58-65.

Жеглова Т.Г. Палеолитические местонахождения Северо-Восточного Китая: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 25 с.

Hong Shang, Haowen Tong, Shuangquan Zhang, Fuyou Chen, and Erik Trinkaus An early modern human from Tianyuan Cave, Zhoukoudian, China, Beijing 100044, China; and Department of Anthropology, Campus Box 1114, Washington University, St. Louis, MO 63130 Contributed by Erik Trinkaus, March 8, 2007 (sent for review February 16, 2007).

Susan G. Keates. Home Range Size in Middle Pleistocene China and Human Dispersal Patterns in Eastern and Central Asia // Asian Perspectives. – Vol. 43, No. 2 . 2004 by the University of Hawai‘i Press. – P. 227-237.

Susan G. Keates. Social-temporal relavity of Eastern asian Homo // IPPA 2009, Institute of Archaology, VASS. – 47 p.

П.А. Курзыбов
Эдмонтон (Канада), Университет Альберта

Агрегатный анализ каменных индустрий: перспективы применения и ограничения метода

В современных археологических исследованиях, посвященных анализу каменных индустрий [Andrefsky, 2001; Larson, 2004] все больше внимания уделяется анализу дебитажа (*debitage*), разработке теоретических и методологических приемов его изучения. Следуя определению W. Andrefsky [Andrefsky, 2005], под термином дебитаж подразумевается совокупность всех каменных отходов, как обладающих характеристиками отщепов, так и без них, получаемых в результате производства каменных орудий. Именно такие предметы без вторичной обработки и, в большинстве случаев,

без следов использования составляют значительную часть археологических коллекций поселенческих комплексов. Дебитаж зачастую остается недооцененным источником информации. Тем не менее, эта категория археологических остатков может охарактеризовать как технологию в целом, так и отдельные технологические приемы изготовления каменных орудий (технику расщепления, последовательность расщепления, стадию производства и т.д.). Также в более опосредованной форме изучение вариабельности дебитажа может обеспеспечить дополнительную информацию об определенных аспектах жизнедеятельности древних людей как то: длительность пребывания в определенной локации, ее функциональное назначение, спектр технологических операций по производству и поддержанию в рабочем состоянии каменных орудий, выполняемых здесь и т.д. [Shott, 2004].

Агрегатный анализ является одним из наиболее перспективных и популярных теоретических подходов к анализу дебитажа, несмотря на обилие критических замечаний в его адрес. В широкой трактовке к этому виду анализа относятся исследовательские методики, использующие любые критерии оценки каменных артефактов, за исключением технологических, с помощью которых весь комплекс предметов может быть разбит на категории [Larson, 2004]. Таким образом, весь дебитаж подразделяется на группы согласно какому-либо определенному критерию (в большинстве случаев таким критерием выступают нелинейные измерения), и в дальнейшем эти группы сравниваются между собой. Такой подход позволяет проанализировать технологические аспекты производства всего комплекса каменных предметов и проводить сравнения между различными коллекциями, обработанными с помощью этой методики [Andrefsky, 2001].

Большинство исследовательских техник относящихся к агрегатному анализу основывается на теоретической предпосылке, согласно которой размер и, соответственно, масса дебитажа непрерывно уменьшается в процессе производства конечного продукта расщепления [Andrefsky, 2005]. Следовательно, с помощью агрегатного анализа, исследуя соотношения различных категорий дебитажа, сгруппированных по размеру, можно восстановить примерную последовательность расщепления, произвести корреляцию различных категорий дебитажа со стадиями расщепления, а также установить тип использованного отбойника. Целая серия экспериментов, посвященных применению различных стратегий расщепления, в целом подтвердила правомерность постановки вышеуказанных вопросов и показала связь размера предмета со стадией расщепления [Andrefsky, 2001].

К агрегатному анализу относятся такие исследовательские техники, стремящиеся к обобщению информации о дебитаже, как массовый анализ (*mass analysis*), анализ минимального количества желваков (*minimal analytical nodule analysis*), анализ возрастания массы (*weight increment analysis*) и ремонтаж [Andrefsky, 2005]. Многие из этих техник в качестве основного критерия используют размер предмета, применяя просеивание дебитажа через серию сит с различным размером ячеи. Полученные категории в дальнейшем также могут быть охарактеризованы по весу как отдельных предметов, так и всей категории дебитажа, по минеральному сырью, по экстремумам линейных измерений, и по целостности предметов.

Одним из основных и неоспоримых преимуществ агрегатного анализа является высокая скорость обработки археологического материала. Также этот метод позволяет получить результаты, которые могут быть воспроизведены с высокой точностью при повторной обработке этой же коллекции другими исследователями, то есть снижается вероятность ошибки. Очевидной же слабостью агрегатного анализа является ее неспособность различать дебитаж, полученный в результате применения различных стратегий расщепления (бифасиальное, радиальное и т.д.). Кроме этого, основной проблемой для применения агрегатного анализа является смешение продуктов расщепления, полученных в результате использования различных технологических стратегий и приемов, а также в результате постдепозиционных перемещений артефактов. Большинство археологических коллекций представляет собой палимпсест множества эпизодов производства и переоформления разнообразных каменных орудий и предметов с применением разнообразных стратегий расщепления и технологических приемов. В связи с этим, идентификация конкретного производственного эпизода, связанного с определенной технологической линией и, соответственно, определенной категорией дебитажа не представляется возможной [Andrefsky, 2001].

Все эти проблемы, безусловно, являются серьезным препятствием для применения агрегатного анализа для исследования археологических коллекций. Тем не менее, они могут быть разрешены путем предварительной сегрегации дебитажа на технологически значимые группы (утончающие

бифасиальные сколы, сколы декортикации, биполярные отщепы и т.д.) с последующим применением агрегатного анализа [Andrefsky, 2005; Root, 2004]. В таком случае эффект смешения технологически неоднородного дебитажа в большей или меньшей степени будет преодолен, однако в этой ситуации преимущества агрегатного анализа (высокая скорость обработки материала) перед другими методиками исследования дебитажа будут частично нивелированы.

В свете вышеизложенных фактов можно прийти к заключению, что использование агрегатного анализа наиболее перспективно в качестве дополнительного инструмента при исследованиях археологических коллекций, содержащих значительную долю дебитажа. Именно применение сочетания техники анализа индивидуальных атрибутов предмета с описанной вышей методикой поможет агрегатному анализу занять свое место среди исследовательских инструментов и эффективно применяться в археологических исследованиях.

References

Andrefsky W.Jr. Emerging Directions in Debitage Analysis // In Lithic Debitage: context, form, meaning. Editor W.Jr. Andrefsky. – Salt Lake City: University of Utah Press, 2001. – P. 2-14.

Andrefsky W.Jr. Lithics. Macroscopic Approach to Analysis. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 2nd ed. – 301 p.

Larson M.L. Chipped Stone Aggregate Analysis in Archaeology// In Aggregate analysis in chipped stone. Editors C.T. Hall and M.L. Larson. – Salt Lake City: University of Utah Press, 2004. – P. 3-17.

Root M.J. Technological Analysis of Flake Debris and the Limitations of Size-Grade Techniques// In Aggregate analysis in chipped stone. Editors C.T. Hall and M.L. Larson. – Salt Lake City: University of Utah Press, 2004. – P. 65-94.

Shott M.J. Aggregate Methods and the Future of Debris Analysis// In Aggregate analysis in chipped stone. Editors C.T. Hall and M.L. Larson. – Salt Lake City: University of Utah Press, 2004. – P. 211-228.

С.С. Лагодин
Чита, Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Новые археологические объекты Приаргунья

Приаргунье занимает юго-восточную часть Забайкалья. Особое географическое положение этого района – соседство с Китаем – способствовало формированию здесь с глубокой древности самобытных и оригинальных культур. Обширные степи бассейна реки Аргунь привлекали многие племена, которые внесли большой вклад в мировую культуру в целом.

Из наиболее известных и ранних племен, занимавших Приаргунье, являются племена сяньби. Верхнеамурской археологической экспедицией удалось у сел Зоргол и Дурой исследовать могильники конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э., которые, по мнению И.И Кириллова и Е.В. Ковычева, являются единственными памятниками, связанными с сяньби на территории России [Гениатулин, 2000]. Сяньби являлся древним монголоязычным народом, населявшим территорию Манчьжурии, Внутренней Монголии, Приаргунья. Сяньби долгое время находились в зависимости от хунну, но в I в. н.э. нанесли им сокрушительное поражение, посодействовав тем самым продвижению племен хунну вглубь евразийского континента. Племена сяньби прямым образом посодействовали Великому переселению народов.

В X-XI вв. Приаргунские территории оказались в составе государства киданей. Кочевые монгольские племена киданей населяли территорию Маньчжурии. Долгое время кидани были вассалами Уйгурского каганата, а после его падения вассалами Китая. Межкультурные отношения с Китаем нанесли большой отпечаток на государственности киданей, и в 906 г. Возникает государство киданей, которое возглавил верховный вождь Елюй Амбагань. Созданная в результате его военной политики, империя Ляо (железная) простиралась до Алтая, включая территории Монголии. О его обширной военной политике говорят укрепленные городки. Так, на р. Коктуй, притоке Аргуни, было исследовано киданьское городище, получившее название Коктуйского. Круглое по форме (диаметр около 100 м.) городище было обнесено рвом и валом, на котором располагалась крепостная стена с четырьмя башнями. В центре городища располагалась цитадель с башнями по

углам [Гениатулин, 2000]. Северной укрепленной границей империи Ляо являлся « Вал Чингисхана», который на сотни километров протянулся через территорию Забайкалья, Северного Китая и Монголии. Отношения между киданями и местными племенами были настолько напряженными, что это заставляло киданей строить укрепленные крепости и оборонительные линии.

В начале XIII в. после длительной и кровопролитной войны Чингисхану удалось объединить монгольские племена и создать монгольское государство. С этого момента степи Приаргунья связаны с историей монголов. В Приаргунье осталось немало разнообразных памятников, оставшихся от монголов. Город на р. Хирхира, изучавшийся в 1950-е гг. экспедицией под руководством С.В. Киселева, относится к самому расцвету государственности у монголов. А еще в XVIII в. рядом с городом была найдена стела с надписью «Чингисов камень», которая находится в настоящее время в Эрмитаже [Мясников, 2006].

Как мы видим, изучение этой степной и лесостепной области имеет особый исследовательский интерес. В средневековье Приаргунье являлось непосредственной контактной зоной между племенами, населявшими территории Забайкалья и Китая. Именно с этим периодом связана основная история Приаргунья, но в ходе дальнейшего археологического изучения удалось выявить памятники, датируемые наиболее ранним временем, которые не в меньшей степени представляют научный интерес.

На территории бассейнов рек Аргунь и Уров (левый приток Аргуни) предпринимались исследования по обнаружению археологических памятников. Так, в 1998-1999 гг. Уровской экспедицией Читинского областного краеведческого музея и Центра по сохранению историко-культурного наследия Читинской области был обнаружен 21 памятник археологии. В течение 2001-2009 гг. на данной территории проводились систематические экспедиции историка-краеведа Р.Г. Федотова с участием учащихся школы экспедиционного краеведения при ДДТ Нерчинского Завода. Район исследований, в основном, ограничивался средним течением Аргуни. К настоящему времени в долине Урова был собран многочисленный подъемный материал, в результате чего удалось выявить 14 самостоятельных пунктов сбора (Брикачанка, Годымбой, Коврига, Середка, Толстая, Длинноозерная 1, Ягодная 1, Ягодная 2, Лебяжье озеро, Уров, Косуля, Бамбуя, Караган, Караганский утес) [Федотов, 2009]. Пункты сборов размещаются по излучине левого берега Урова и по левобережному притоку Годымбой на расстоянии от 2 до 4 км друг от друга на 8-10-метровых террасах. Достаточное количество подъемного материала (коллекция стоянки Годымбой насчитывает 1566 изделий из камня) позволило выделить некоторые объединяющие признаки памятников: отсутствие керамики, сочетание макросколов и макроформ с торцово-клиновидными нуклеусами для снятия пластин и микропластин. Из наиболее примечательных и часто встречаемых орудий в коллекциях данных памятников следует выделить широкие симметричные остроконечники, массивные галечные скребла с правильным полукруглым рабочим краем, тесла, представляющие более архаичную форму тесел громатухинского типа [Федотов, 2009]. Доминирующим минералом изделий является липарит разной степени окремнения. Эти объединяющие признаки позволяют выделить археологический комплекс, получивший название Годымбойского. В целом Годымбойский комплекс сосредоточен у южного и юго-восточного основания горы Бамбуя (Караган). Следует отметить, что данные памятники располагаются в окрестностях бывших русских сел Козулино, Годымбой и Лежанкино, где в свое время д.м.н. Е.В. Бек и врач исследователь Ф.П. Сергиевский выделили очаг выраженной заболеваемости, присущей этой территории, – уровской эндемии. Уровская болезнь (болезнь Кашина-Бека) вызывает поражение суставов, их деформацию, задержку роста и др. Не исключено, что данной болезнью был подвержен и тот этнос, представители которого жили задолго до освоения Сибири русскими.

Оценивая хронологические рамки памятников, следует отметить, что анализу подвергается подъемный материал, и к тому же смешанный, что само по себе определяет относительность выводов. Датировать памятники весьма затруднительно. Это подтверждает и своеобразный каменный инвентарь (соседство в коллекции макросколов, архаичных массивных галечных скребел с наконечниками стрел, нуклеусами, морфология которых относится к мезолитическому времени), который говорит о том, что данный комплекс сложно отнести к какому-либо периоду. Дальнейшая стратиграфическая привязка, возможно, позволит сделать определенные выводы с датировкой памятников.

Дальнейшая работа на данном объекте является перспективной, так как памятники являются концентрацией представительного материала, что позволит выявить и проследить эволюцию и связь культур древнего населения на территории Приаргунья.

Литература

Гениатулин Р.Ф. Энциклопедия Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 2000. – Т. 1. – 302 с.

Мясников А.В. Даурский Эрмитаж. – Чита: РИЦ «Print-Мысль», 2006.

Федотов Р.Г. О поисках древних культур и народов на серебряных землях Аргуни // Аргунские просторы. – Чита.: Экспресс-издательство, 2009. – С. 140-156.

А.В. Ларионова

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Техника расщепления в среднепалеолитических коллекциях кударских пещер*

1. Данная работа посвящена изучению техники расщепления в среднепалеолитических коллекциях кударских пещер Юго-Осетии. Кударо 1, как и другие кударские пещерные стоянки (Кударо 1-5), находится на Большом Кавказе в центральной части его южного склона в дальнем северо-восточном углу Колхиды (Джавский район Юго-Осетии) в приделах Нижнерачинской межгорной широтной впадины, прорезаемой рекой Джеджори. Пещера располагается на скате горы в среднем течении реки Джеджори на абсолютной высоте около 1600 м. Стоянки (Кударо 1-5) были открыты В.П. Любиным в 1955 г. Наиболее исследованной оказалась пещера Кударо 1. В.П. Любин опубликовал материал из ашельских и частично среднепалеолитических (мустьерских) слоев (находки 1955–1961 гг. – 101 экз.). Изучаемая коллекция (169 экз.) происходит из более поздних раскопок среднепалеолитических слоев пещер Кударо 1 и Кударо 3 (1974–1990 гг.) [Любин, 1998]. В целом, кударские среднепалеолитические коллекции немногочисленны, отличаются неполным и специфическим набором изделий. В них, практически, полностью отсутствуют нуклеусы (найден только один дисковидный, сработанный до предела нуклеус) и сколы-отходы. Преобладают орудия на пластинчатых заготовках – преимущественно остроконечники, а также боковые скребла. Такой специфический состав изделий Любин объясняет тем, что в среднем палеолите стоянка использовалась как временный охотничий лагерь.

2. Рассматриваемая коллекция, практически, не отличается от той, что подробно описана В.П. Любиным ранее Трасологический анализ едва ли применим к большей части данной коллекции, поскольку имеются повреждения на рабочих лезвиях. Поэтому наиболее перспективным становится анализ техники расщепления.

Прежде чем анализировать технику расщепления, необходимо сказать несколько слов о методических подходах, применяемых для данного материала. Изучаемая коллекция не дает возможностей ни для ремонтажа, ни для экспериментов, поскольку используемые в ней виды сырья сейчас совершенно недоступны. Поэтому следует опираться на данные о технике расщепления в среднем палеолите, накопленные при изучении других коллекций и представленные в литературе. Современные исследователи среднего палеолита выделяют следующие основные технологии расщепления: простое одно- и двуплощадочное скалывание, радиальное скалывание, леваллуа и подпризматическое [Mellars, 1995; Нехорошев, 1999; Любин, 1965].

3. Анализируя кударские среднепалеолитические коллекции, необходимо придерживаться следующих методических принципов. Во-первых, необходимо использовать тот подход, который применял В.П. Любин. Во-вторых, попытаться дополнить более детальным анализом те морфологические признаки, на которые обращается внимание в современных работах по технике расщепления.

В.П. Любин обращал внимание на следующие характеристики сколов-заготовок. А). Размеры изделий. В коллекции особое значение имеют данные о длине и пропорциях, нежели о ширине и толщине, поскольку господствующими являются удлиненные формы. Любин также отмечал, что нуклеусы, с которых снимались подобные сколы, должны быть довольно крупными. Б).

**** Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 38-12-56003***

Форма и огранение спинки. Эти признаки дают представление о форме нуклеуса и о характере расщепления. В.П. Любин пишет, что нуклеусы должны были принадлежать к типу одноплощадочных, реже двуплощадочных. Наличие широких плоских пластин леваллуазского типа и серии леваллуазских треугольных сколов первого и второго снятий предполагает, главным образом, леваллуазский облик исходных ядрищ. Сущность индустрии заключается в высоких показателях леваллуазской техники расщепления и пластинчатости заготовок. Технический индекс леваллуа, для коллекций, описанных В.П. Любиным, равен 62.2. В). Ударнаяая площадка. Любин отмечает высокий индекс фасетированности площадок (67.7). Также он говорит о широком использовании двугранных ударных площадок. Среди фасетированных – заметное преобладание выпуклых, около трети составляют гладкие. Г). Фрагментация. Любин обращает внимание на чрезвычайную фрагментированность изделий и треть обломков относит к остроконечникам.

Анализируя коллекцию, мною принимались во внимание все наблюдения и выводы, сделанные В.П. Любиным. Дополнения же к методике анализа техники расщепления заключаются в следующем. А). Все показатели (размеры, оформление площадок и т.д.) изучались не только в целом, но и применительно к каждому предмету. Б). Особое внимание было обращено на детальное описание характеристик спинки каждого изделия, поскольку это позволяет судить о приемах скалывания. В). Описывалась брюшковая (вентральная) сторона изделий, обращалось внимание на признаки, связанные с особенностями раскалывания разных видов сырья и типов отбойников – выраженность ударного бугорка, наличие трещин – «усиков», изъянца и типы окончания сколов.

4. Основные данные о технике расщепления в мустьерских коллекциях Кударо 1 и Кударо 3 представлены в следующей таблице.

Таблица 1. Распределение типов сколов по памятникам

	Пластины	Отщепы	Технические сколы	Пуанты	Всего
Кударо 1	14	12	0	3	29
Кударо 3	56	33	4	22	115
Всего	70	45	4	25	144

Анализируя таблицу можно заметить, что материал из Кударо 3 значительно преобладает над материалом из Кударо 1. Как и в коллекции Кударо 1, здесь наблюдается господство пластин и тенденция к удлиненности других сколов (11 удлиненных отщепов, 3 остроконечника). Индекс пластинчатости для рассматриваемых коллекций составляет 58,3, что также говорит об отсортированности индустрии [Любин, 1977]. Среди пластин преобладают уплощенные с фасетированной ударной площадкой. Это указывает на снятие подобных сколов с леваллуазских нуклеусов. Имеется значительное количество пластин (12) с выпуклым сечением спинки, скорее всего, это говорит о снятии сколов с подпризматических нуклеусов. В.П. Любин выделял пластины с сильными изгибами, срезающими край ядрища, противолежащего ударной площадке. Среди описываемых материалов нет подобных пластин, однако имеется ныряющий скол, относящийся к категории отщепов.

В.П. Любин отмечал также, что сущность коллекции заключается в высоких показателях леваллуазской техники. В данной коллекции к леваллуазским сколам относятся пуанты леваллуа и уплощенные пластины правильной формы, индекс леваллуа для коллекций из обоих памятников составляет 52,2, что говорит о высоком его показателе.

Из-за малочисленности коллекции Кударо 1 отдельные индексы для нее подсчитать нельзя, но, подчеркнем, что пластины составляют около половины сколов, причем, имеется еще 3 удлиненных отщепа и 1 остроконечник. К леваллуазским сколам можно отнести 3 леваллуазских остроконечника и 20 уплощенных пластин. Процент пластин для Кударо 3 составляет 48, а если учитывать удлиненные отщепы и остроконечники, то – 51,7. Индекс леваллуа в Кударо 3 равен 54,7. В целом, показатели коллекции Кударо 3 достаточно близки опубликованным показателям коллекции Кударо 1.

В заключении стоит отметить, что 2 краевых отщепа встречены в Кудоро 1, и несколько технических сколов подправки поверхностей нуклеусов – в Кударо 3, что может указывать на расщепление уже подготовленных нуклеусов или на самих стоянках, или вблизи пещер.

Литература

Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. – Л.: Наука, 1977.

Любин В.П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит. – М.; Л.: Наука, 1965. – Т. 5. – С. 7-75.

Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1998. – 192 с.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб., 1999.

Mellars P.A. The Neanderthal Legacy: An archaeological perspective from Western Europe. – Princeton: University Press, 1995.

Г.Д. Лукъянова
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Применение планиграфического анализа для реконструкции символической деятельности человека в эпоху верхнего палеолита

Переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Евразии характеризуется ярко выраженными изменениями в культуре древнего человека. Несомненны изменения в технологии расщепления камня – появление и широкое распространение призматического расщепления, наличие в комплексах каменного инвентаря представительной группы стандартизированных верхнепалеолитических типов орудий, присутствие выразительных костяных орудий. Изменения в социальной жизни менее ярко выражены и непросты для реконструкции. Можно предположить, что основные изменения проявились в следующих аспектах человеческого поведения: использование удаленного сырья, привнесение экзотического сырья, система обмена на дальних расстояниях, специализированная охота, планируемость и сезонность в использовании ресурсов, использование одного и того же места для стоянки, интенсификация использования ресурсов, групповая и индивидуальная самоидентификация, структурированное использование пространства стоянок [McBrearty, Brooks, 2000].

Таким образом, логично предположение, что технологические изменения, имеющие утилитарное значение, являются ответом на изменившиеся условия окружающей среды – адаптационным процессом. Изменения же в жизнеобеспечении человека, не имеющие ярко выраженного утилитарного значения, возможно, являются результатом в изменении человеческого поведения. К вопросу об изменении поведения человека на рубеже верхнего и среднего палеолита обращались различные исследователи [Mellars, 1989, 2005; McBrearty, Brooks, 2000; Henshilwood, Marean, 2003]. В связи с этим в европейских работах последних лет и появляется термин «современный поведенческий комплекс», который отражает набор появившихся в верхнем палеолите инноваций.

Из всего перечня характеристик, входящих в «современный поведенческий комплекс» можно выделить две, относящиеся к символической деятельности человека. Во-первых, это массовое появление символической и ритуальной активности, в том числе групповая и индивидуальная самоидентификация, выраженная в появлении персональных украшений (просверленные зубы, раковины, бусины из бивня), появлении разнообразных форм искусства (гравировка, скульптура, наскальная живопись), появлении символических систем «счисления», новых музыкальных инструментах (флейты из костей птиц) [Mellars, 1989, 2005; McBrearty, Brooks, 2000; Henshilwood, Marean, 2003]. И, во-вторых, выраженное проявление пространственно-структурного восприятия обживаемого пространства (в том числе выделение функциональных зон внутри поселений) [Mellars, 1989, 2005; McBrearty, Brooks, 2000; Henshilwood, Marean, 2003]. Эта вторая характеристика выделяется, поскольку различные зоны на поселении могут быть выделены в контексте неутилитарной деятельности человека.

Из всех многочисленных проявлений символической деятельности в работе рассматриваются элементы стоянок, относящиеся к погребениям – погребения человека, животного или части животного. Выбор именно таких источников исследования обусловлен двумя факторами. Во-первых, наличием внутренней структуры рассматриваемого явления. Основываясь на этой внутренней структуре, можно утверждать, что рассматриваемое проявление человеческой деятельности может относиться к символической деятельности. Во-вторых, рассмотрением погребений как одного

из элементов в системе исследуемого памятника, а значит, возможностью применения планиграфического анализа к их исследованию.

Проблематика исследований духовной культуры и идеологии первобытной эпохи большинством исследователей определяется как сложнейшая, в силу большой потери информации и неоднозначности источников исследования [Жамбалтарова, Лбова, 2007, с. 236]. Следовательно, необходимо привлекать все возможные источники для получения наиболее полной информации о символической деятельности человека, в связи с чем представляется актуальным применение планиграфического метода.

Погребение – это сложное явление, имеющее стабильную внутреннюю структуру, которая свидетельствует о совершении определенных символических действий по отношению к погребенному. Внутренняя структура стабильна и не претерпела серьезных изменений с момента появления соответствующего обычая. «Можно утверждать, что в мустье уже были намечены и в значительной степени реализованы не только почти все основные формы и способы обращения с телом умершего до его захоронения, но и почти все способы и формы его погребения в литосфере» [Смирнов, 1991, с. 224]. Изменения затронули внешнюю сторону комплекса, которая фиксируется планиграфически и составляет предмет исследования.

Представляется возможным применение методики С.А. Васильева, основанной на использовании этноархеологических принципов Л. Бинфорда, и отработанной на материале приочажных комплексов.

Для интерпретации такого рода структур (как, впрочем, и других объектов культурного слоя) немаловажными могут оказаться этноархеологические данные по современным охотничьим народам. В рамках работы не затрагиваются более общие темы, ставшие объектом этноархеологических исследований и дающие интересные перспективы для реконструкций хозяйства, социального строя, демографии палеолитических обществ. Речь идет об одном частном аспекте – воссоздании облика очажных комплексов. Но именно сумма таких узких разработок и может составить базу для выявления закономерностей. На данном примере можно проследить и методическую процедуру этноархеологии, которая включает следующие этапы: 1) генерализацию этнографических данных и создание на этой основе общей модели 2) вывод из модели ряда археологических ожиданий: 3) сопоставление археологических данных с ожиданиями [Васильев, 1991, с. 247].

Таким образом, соединяя данные о знаковой деятельности, выраженной в артефактах, и пространственные данные, с определенной долей осторожности можно определить некоторые закономерности в организации зон деятельности человека на поселениях, в структуре которых обнаружены свидетельства символической деятельности человека.

Литература

Васильев С.А. К вопросу о реконструкции приочажных комплексов в верхнем палеолите // Методы реконструкции в археологии. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 246–250.

Жамбалтарова Е.Д., Лбова Л.В. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Западного Забайкалья в культурном контексте Байкальского региона (результаты формализованного анализа) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 236–242.

Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. – М.: Наука, 1991. – 341 с.

Henshilwood C.S., Marean C.W. The origin of modern human behaviour: A review and critique of models and test implications // Current Anthropology. – 2003. – № 44 (5). – P. 627–651.

Mellars P.A.). Technological changes at the Middle-Upper Palaeolithic transition: Economic, social, and cognitive perspectives // The Human Revolution: Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. – P. 338–365.

Mellars P.A. The Impossible Coincidence. A Single-Species Model for the Origins of Modern Human Behavior in Europe // Evolutionary Anthropology. – 2005. – № 14. –P. 12–27.

McBrearty S., Brooks A. The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern human behavior // Journal of Human Evolution. – 2000. – Vol. 39. – P. 453–563.

П.В. Мартынов
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Проблема перехода от палеолита к неолиту на территории Тибетского нагорья в трудах китайских и американских исследователей*

Одной из важнейших проблем археологии Тибета является недостаточная изученность переходных этапов между различными археологическими периодами. В частности, ещё слабо разработана проблема перехода от палеолита к неолиту, несмотря на то, что в регионе известен ряд памятников обеих эпох. Кроме того, работающие на Тибетском нагорье китайские и американские исследователи при отнесении того или иного памятника к различным этапам каменного века зачастую исходят из неодинаковых методологических установок. Это обуславливает необходимость обобщения и анализа всех уже имеющихся в литературе взглядов на начало неолитизации в регионе.

Долгое время на территории Тибета были известны только сборы каменных орудий с поверхности. В связи с этим датировка производилась только по морфологическим особенностям артефактов и, в некоторых случаях, по данным геоморфологии. В теоретическом плане на заключения китайских учёных большое влияние оказывала теория о существовании «микролитической культуры», которая зачастую соотносилась с мезолитом [Дай Эрцзянь, 1972]. Данная концепция была подвергнута критике В.Е. Ларичевым, по мнению которого единой микролитической культуры, охватывавшей Северный Китай и Восточную Азию, не существовало [Ларичев, 1990]. Дальнейшие археологические исследования показали, что памятники с «микролитическим» инвентарём отличаются друг от друга в хронологическом и культурном плане. Так, Тан Хуэйшэн выделил две области распространения микролитов: северную и южную, которые развивались во многом независимо друг от друга [Тан Хуэйшэн, 1999]. Радиоуглеродное датирование по древесному углю с северотибетского памятника Цзяжитан дало неожиданно поздний результат 3200-2900 л.н. [Цинн-Цзан …, 2005], что говорит о том, что «микролитическая» техника сохранялась, практически, до рубежа эр. В обобщающей работе по археологии Тибета также произошёл отказ от использования термина «микролитическая культура», а в особую группу выделяются «комплексы с каменными орудиями и керамикой», которые относятся к мезолиту либо к раннему неолиту [Хоу Шичжу, 1991]. При анализе материала из уезда Чжунба в Западном Тибете Ли Юнсянь и Хо Вэй используют термин «безкерамический неолит» [Ли Юнсянь, Хо Вэй, 1999].

В последние годы китайскими исследователями была определена концепция эпипалеолита, под которым понимаются «палеолитические по облику индустрии, датирующиеся голоценовым временем» [Zhang, 2000]. Эта формулировка была в целом принята и американскими исследователями, открывшими стратифицированные памятники в районе озера Цинхай. При этом отмечается, что в эпипалеолитических индустриях сохраняются особенности и типы артефактов, встречающихся на верхнепалеолитических памятниках с экономикой, основанной на охоте и собирательстве. На северо-востоке Тибетского нагорья эти группы с присваивающей экономикой контактировали с сообществами, уже знакомыми с производящим хозяйством (которые первоначально появились в Центральном Китае), что повлекло изменения в их образе жизни, характере миграции и т.п. Аналогично термин «неолит» используется применительно к бассейну озера Цинхай и Тибетскому плато, в связи с появлением керамики и некоторых других признаков, характерных для синхронных культур с производящей экономикой в Центральном и Западном Китае. Вместе с тем, этот термин, по существу, не означает появления производящей экономики в бассейне озера Цинхай. Предполагается, что отдельные группы мигрантов из крайнего Западного Китая приносили на Тибетское нагорье различные неолитические технологии, такие как керамика. Например, на стратифицированном памятнике Цзянсигоу 2 была найдена древнейшая в регионе керамика (датированная 6542±472 л.н.), где не встречается костей домашних животных и каких-либо других признаков перехода к производящему хозяйству [Rhode et al., 2007]. В этом отношении переход от палеоли-

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИИ», проект 25.1.5 – Искусство и ритуал древнейших культур Российского Дальнего Востока и сопредельных зарубежных территорий

та к неолиту на Тибетском плато мог бы лучше всего быть рассмотрен как динамический набор взаимодействий среди людей, практикующих различные сочетания экономических стратегий, а не одностороннее изменение стратегий или смену одной группы населения другой [Там же].

Таким образом, на сегодняшний день с открытием стратифицированных памятников стало возможным более детальное рассмотрение вопроса перехода к неолиту в регионе. Полученные абсолютные даты позволяют предположить, что он произошёл в период средне-голоценового климатического оптимума [Там же]. В целом, удалось выявить, что в Северном Тибете архаичные каменные индустрии сохранялись довольно долго. Так, палеолитические технологии в рамках эпипалеолита сохраняются до начала голоцена (так, эпипалеолитический памятник Сидатань датируется 8200–6300 л.н.) [Там же], а «микролитическая» технология сохраняется до периода 3200-2900 л.н. и сосуществует с развитым неолитом в Центральном и Восточном Тибете. Таким образом, окончательно опровергнута теория о единой с Северным Китаем микролитической культуре. Кроме того, нет оснований для выделения в регионе мезолита.

Стоит, однако, отметить, что данные проблемы решены только для северных бессточных областей плато. Например, в Восточном Тибете в бассейне р. Меконг, где существует развитая неолитическая культура кажо, памятники переходного периода, практически, не известны. Кроме того, даже для Северного Тибета ещё не разработана корреляция между материалом стратифицированных памятников и многочисленных подъёмных сборов.

Литература

Дай Эрцзянь. Сицзан Неламу сянь фасяньдэ шици [Каменные орудия, айденные в уезде Ньялам, Тибет]. – Каогу. – 1972. – № 1. – С. 43-44, 47.

Ларичев В.Е. Микролитическая культура в Китае: проблемы её истоков, особенностей эволюции и направлений миграции // Китай в эпоху древности: СО изд-ва «Наука». – Новосибирск, 1990. – С. 9-17.

Ли Юнсянь, Хо Вэй. Сицзан Чжунба сяньчэн бэй шицидэ дидянь [Местонахождения каменных орудий к северу от центра уезда Чжунба, Тибет]. – Каогу. – 1994. – № 7. – С. 577-586.

Тан Хуэйшэн. Люлунь Цинн-Цзан гаоюаньдэ цзюшици хэ сишици [Обзор палеолитических орудий и микролитов Цинхай-Тибетского нагорья]. – Каогу. – 1999. – № 5. – С. 44-54.

Хоу Шичжу. Сицзан каогу даган [Основное изложение археологии Тибета]. – Лхаса. – Сицзан жэнминь чубаньшэ. – 1991.

Цин-Цзан телу Сицзан дуань тянье каогу баогао [Отчет о полевых археологических исследованиях на тибетском отрезке Цинхай-Тибетской железной дороги] / Под ред. Ли Юнсяня, Чжан Цзяньлиня, Чжан Бо и др. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2005.

Rhode D., Zhang H., Madsen D.B., Gao X, Brantingham P.J., Ma H., Olsen J.W. Epipaleolithic/early Neolithic settlements at Qinghai Lake, western China // Journal of Archaeological Science. – 2007. – № 34. – С. 600-612.

Zhang S. The Epipaleolithic in China // Journal of East Asian Archaeology. – 2000. – № 2. – С. 51-66.

П.В. Мороз
Чита, Читинский государственный университет

Среднепалеолитический комплекс Дальние Шивычи (Южное Забайкалье)

Южное Забайкалье привлекало внимание исследователей древности с XVIII в. В 1724 г. его посетил Д.Г. Мессершмидт и в своих путевых заметках отметил множество находок связанных с древними предметами [Кириллов, Рижский, 1973]. Спустя десять лет в Забайкалье начал работу академический отряд под руководством Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина. Интерес к древним погребениям проявлял П.С. Паллас, а в конце XVIII в. Георги исследовал плиточные могилы по рекам Ингоде, Шилке, Аргуни и Онону [Гришин, 1975].

Поиск памятников каменного века фактически был начат только с конца XIX века и связан с именем А.К. Кузнецова. В 1892 г. он предпринял поездку по долине р. Онон от монгольской гра-

ницы до станицы Чиндантской, результатом которой стало открытие 25 стоянок, отнесённых к каменному веку. Затем в исследованиях наступил длительный перерыв.

Новым этапом изучения каменного века в Забайкалье стало начало работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова. До 1950 г. исследования проводились на территории Западного Забайкалья, но затем акценты были смещены на юго-восток региона, в долины рек Ингода, Шилка и Онон.

С 1957 г. в Восточном Забайкалье работает экспедиция под руководством ляемая С.В. Киселева, который исследовал памятники монгольского времени, в то время как её Ононский отряд под руководством Ю.С. Гришина занимался поисками археологических объектов в долине р. Онон. В результате повторения маршрута А.К. Кузнецова зафиксировано 70 различных стоянок неолита и бронзового века [Гришин, 1981].

С 1965 г. возобновляются работы экспедиции Института истории, филологии и философии СО РАН. Отдельным отрядом, возглавляемым И.И. Кирилловым, обследовалась долина р. Онон начиная от границ Монголии до устья включительно. В районе Алтан-Кыринской депрессии выявлен ряд могильников эпохи железа и бронзы, а также несколько стоянок, датированных «каменным веком» и отнесённых исследователями к неолиту [Окладников, Кириллов, 1980]. Но, несмотря на более чем вековую историю изучения, на этой территории до сих пор не было зафиксировано **ни одного** памятника эпохи палеолита. Значительный район на границе с Монголией, в плане изучения древнекаменного века, оказался «белым пятном» на археологической карте Забайкалья.

В полевой сезон 2009 г. была проведена разведка в Кыринском районе Забайкальского края. Нами были проанализированы географическое и геолого-геоморфологическое положение исследуемого района. Понижения, связанные с долинами рр. Онон и Кыра, относятся к впадинам Забайкальского типа и не обладают комплексом выраженных плейстоценовых террас. А именно, на террасовые уровни при поиске подъёмного материала каменного века ориентировалось большинство исследователей. Учитывая предыдущий отрицательный опыт поиска палеолитических памятников, во внимание были взяты развитая речная сеть и наличие выходов каменного сырья высокого качества (халцедон, агат, кремень и яшма), сосредоточенных в предгорьях на границе с долинами.

Падь Дальние Шивычи была запланирована как район для проведения разведки потому, что с ней связано проявление агатов и халцедонов, описанное в геологической литературе [Юргенсон, 2001]. В устье пади был обнаружен подъёмный материал архаичного облика. Он залегал «пятном» площадью около 4000 м² непосредственно на дневной поверхности. С точки зрения геоморфологии пункт сбора расположен в наиболее низкой точке самостоятельной формы рельефа – ложбине (балке) с минимальным (5-7°) уклоном в сторону долины р. Кыра.

Всего было найдено 70 экз. каменных артефактов. Все они по своим технико-типологическим характеристикам, безусловно, относятся к эпохе палеолита. Доля орудий существенна и составляет 56 экз. В коллекции преобладают отщепы, пластины и их фрагменты, выемчатые формы. В качестве вторичной обработки доминирует крупнофасеточная ретушь, а также анкошевидные выемки и подтёска. Из орудийных форм наибольший интерес представляют фрагмент остроконечника, выполненный на кремневом (?) субстрате (рис. № 1; 2); орудие на фрагменте пластины/пластинчатом отщепе с фасиальной подтёской брюшка (рис. № 1; 6); скрёбла, представленные двумя экземплярами. Также единично бифасиальное орудие, выполненное на плитке.

Значительную часть коллекции составляют пластины и их фрагменты с ретушью. Сколы имеют массивную ударную площадку и выраженный ударный бугорок. Выявлены плоские и двугранные ударные площадки. Отдельно следует выделить фрагменты леваллуазских пластин с ретушью (рис. № 1; 3, 5).

К группе нуклевидных отнесено 6 нуклеусов и 4 нуклевидных скола. Особое внимание следует уделить двум леваллуазским ядрищам (рис. № 1; 1, 4). Это в полной мере леваллуазские нуклеусы, выполненные на плитчатом сырье. Они демонстрируют характерную подготовку зоны расщепления и несут явные негативы снятий, выполненных в леваллуазской технике.

Особенностью всех найденных артефактов является высокая степень дефляции, как ветровой эрозии, так и химического выветривания. Все орудия и сколы коллекции покрыты с обеих поверхностей интенсивной патиной, а на широких негативах присутствуют небольшие каверны, по всей видимости, эолового происхождения.

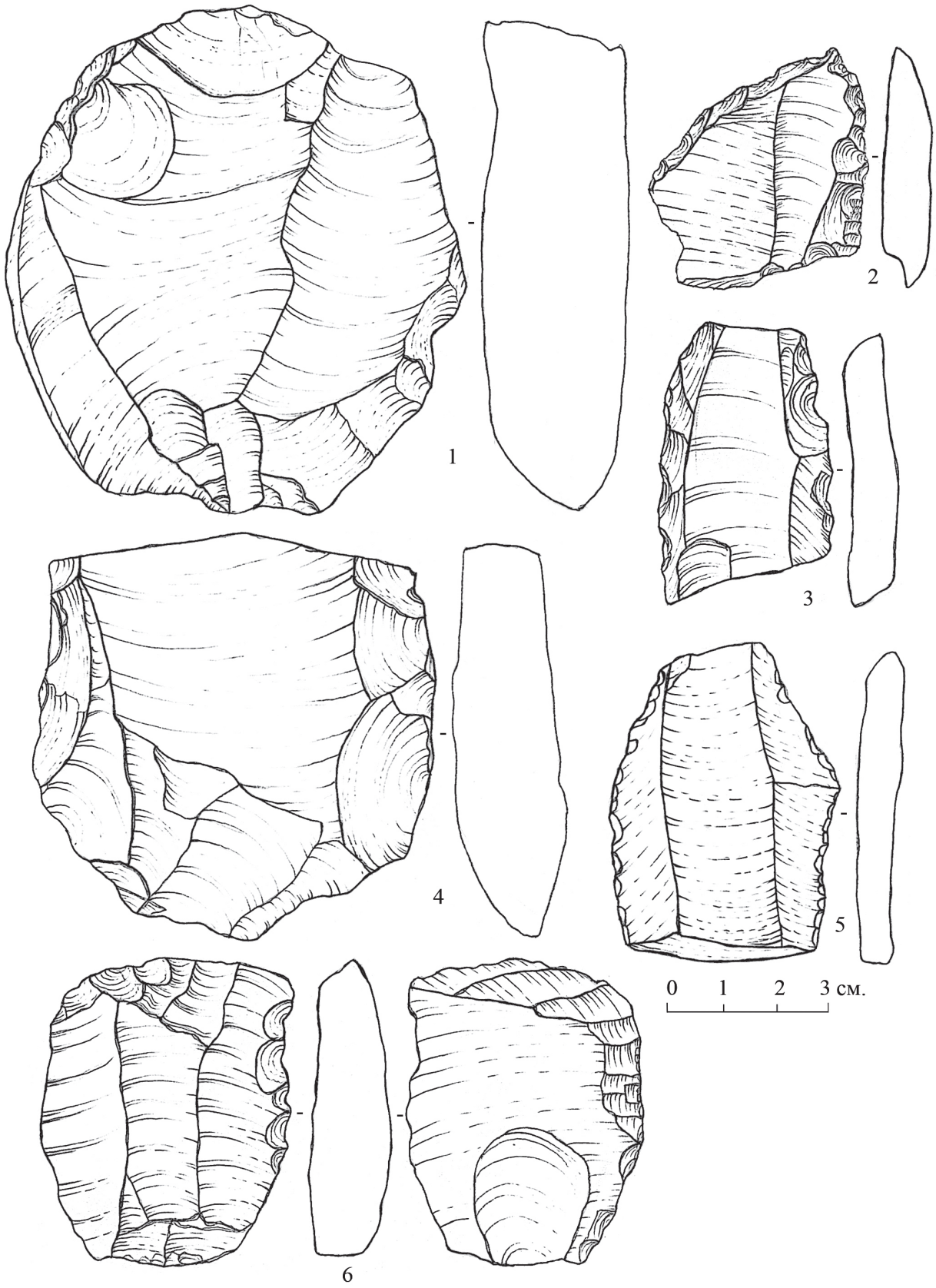


Рис. 1. Стоянка Дальние Шивычи. Каменный инвентарь: 1, 4 – леваллуазские нуклеусы; 3, 5 – фрагменты пластин с ретушью; 2 – фрагмент остроконечника; 6 – орудие на фрагменте пластины/пластинчатом отщепе с фасиальной подтёской брюшка

Таким образом, Дальние Шивычи являются стоянкой с «поверхностным культурным горизонтом» [Деревянко и др., 2000, с. 204] в состав которой входят 70 коррадированных предметов, в том числе леваллуазские нуклеусы и сколы. Вторичная обработка представлена крутой и полукрутой ретушью, как дорсального, так и вентрального принципа наложения, анкошевидными выемками, обивкой и подтёской. В составе коллекции присутствуют типологически выраженный фрагмент остроконечника, скрёбла и выемчатые орудия. Все артефакты несут явные следы деструкции поверхности. Несмотря на то, что памятник не стратифицирован, имеющаяся коллекция достаточно информативна и, основываясь на технико-типологическом облике и степени дефляции материала, его следует отнести к среднему палеолиту.

Литература

Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – М.: Наука, 1975. – 133 с.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового века и раннего железа лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981. – 204 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвэндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Палеолит и неолит северного побережья Долины Озёр. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 540 с.

Кириллов И.И., Рижский М.И. Очерки древней истории Забайкалья: Уч. пособ. – Чита, 1973. – 137 с.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Юргенсон Г.А. Ювелирные и поделочные камни Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 390 с.

К.К. Павленок
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Результаты раскопок 12-18 слоев стоянки Кульбулак в 2009 году

Многослойная стоянка Кульбулак находится на длинном мысу на правом берегу устья р. Джарсай, в долине правого притока р. Ахангарон (Ташкентская область, Республика Узбекистан). Стационарные раскопки, проводившиеся на ней во второй половине XX в. [Новые исследования.., 1995], вскрыли 19–метровую толщу четвертичных отложений.

Согласно характеристике культурных слоев, приведенной в работах автора раскопок М.Р. Касымова, были вскрыты отложения, относящиеся к нижнему палеолиту (22 слоя), среднему палеолиту (24 слоя) и верхнему палеолиту (3 слоя) [Касымов, 1990].

Комментируя стратиграфическую ситуацию стоянки Кульбулак, М.Р. Касымов подчеркивал, что культурные слои памятника представлены в первоначальном залегании [Касымов, 1990]. Подобная характеристика «культурных слоев» Кульбулака подвергалась сомнению со стороны крупных исследователей палеолита Средней Азии [Ранов, Несмеянов, 1974; Новые исследования.., 1995].

Одной из основных целей возобновления исследований стоянки Кульбулак в 2007 г. было уточнение стратиграфической ситуации памятника. Проведенные в 2007–2009 гг. работы дали возможность проанализировать отложения 22 литологических слоев. Археологический материал был обнаружен в разном количестве в 9 литологических слоях (слои 2,3,12–18). Слои 4–11**,** 19–22 не содержали артефактов.

В настоящей статье представлен археологический материал, полученный в результате раскопочных работ 2009 г., затронувших 12–22 слои стоянки Кульбулак.

Коллекция слоя 12 насчитывает 55 экз. каменных изделий, 26 экз. – отходы производства.

Нуклевидных изделия – 2 экз. Необъемный поперечный нуклеус для отщепов параллельного способа скалывания. Второе изделие – торцовый нуклеус для пластинок.

Отщепы – 19 экз. Огранки дорсальной поверхности: продольные – 8 экз., конвергентные – 4 экз., гладкие – 2 экз., неопределимые – 5 экз.

Фрагменты пластинчатого отщепа или пластины – 2 экз. Огранка дорсальной поверхности: бипродольная – 1 экз., продольная – 1 экз.

Пластины и их фрагменты – 4 экз. Огранка дорсальной поверхности: продольная – 3 экз., биконвергентная – 1 экз.

Пластинка – 1 экз. Дорсальная поверхность естественная.

Орудийный набор насчитывает 3 изделия.

Оригинальное орудие с черешком. В базальной части скола несколькими сколами на вентральной плоскости был оформлен черешок. Рабочий участок локализован в дистальной части скола.

Ретушированная пластина. Фрагмент пластины с рабочим участком, локализованным на левом продольном краю заготовки.

Третье изделие – *обломок скола с ретушью.*

Коллекция слоя 13.1 насчитывает 7 изделий, три из которых – отходы производства.

Пренуклеус – 1 экз. Треугольной в плане желвак имеет на торце один негатив пластинчатых пропорций.

Отщеп – 1 экз. Дорсальная поверхность естественная.

Пластины – 2 экз. Огранка спинки – биконвергентная и продольная.

Коллекция слоя 13.*2* включает 1 *отщеп* с конвергентной огранкой.

В состав **коллекции слоя 13.3** входят 7 изделий, четыре из которых – отходы производства.

Отщепы – 2 экз. Огранка дорсальной поверхности – продольная.

Пластина – 1 экз. Пластина имеет биконвергентную огранку.

В **коллекции слоя 14** присутствуют *2 нуклевидные формы***:**

пренуклеус – 1 экз. Овальный в плане желвак имеет на широкой плоскости один негатив пластинчатых пропорций.

нуклеус – 1 экз. Необъемный продольный *нуклеус* для пластин и пластинок параллельного скалывания.

Коллекция слоя 15 содержала единственный неопределимый фрагмент скола.

В подошве **слоя 16**, в контактной зоне слоев и в кровле нижележащего **слоя 17.1** залегает единственный горизонт находок. Основанием для выделения горизонта находок стало то обстоятельство, что большая часть артефактов залегает в субгоризонтальном положении. Горизонт содержал аппликируемые артефакты (объемный нуклеус и полученный с него отщеп). На основании этого был сделано предположение о незначительном перемещении археологического материала.

Всего коллекция горизонта насчитывает 28 экз., пять из которых – отходы производства.

Нуклевидные изделия – 3 экз.: обьемный продольный нуклеус для отщепов параллельного скалывания, необъемный бипродольный нуклеус для отщепов параллельного скалывания, необъемный продольный нуклеус для отщепов конвергентного скалывания.

Отщепы – 8 экз. Огранка дорсальной поверхности: продольная – 4 экз., бипродольная – 2 экз., поперечная – 1 экз., неопределимая – 1экз.

Фрагменты пластинчатых отщепов либо пластин – 4 экз. Все сколы имеют продольную огранку дорсальной поверхности.

Пластины – 5 экз. Единственная целая пластина имеет биконвергентную огранку. Остальные представлены фрагментами с продольной огранкой.

Набор *технических сколов* состоит из 2 краевых сколов.

Орудийный набор горизонта находок насчитывает 2 экземпляра. *Транкированный отщеп*. В проксимальной части скола на вентральной плоскости читается серия сколов, нанесенных с остаточной ударной площадки. Подобный технический прием можно расценивать как попытку оформления рабочего участка.

Ретушированная пластина. Рабочий участок занимает весь правый продольный край изделия.

Коллекция слоя 17.2 содержит один обломок и один *отщеп* с центростремительной огранкой спинки.

Коллекция слоя 18 содержит 2 отщепа (с продольной огранкой и с гладкой спинкой соответственно).

В ходе раскопок были получены материалы, существенно дополняющее представление об облике культурных слоев стоянки Кульбулак, приведенные в работах М.Р. Касымова.

Все исследованные в 2009 г. слои, за исключением слоев 12 и 16–17.1, содержали единичные артефакты, залегающие в слое в самых разных позициях. Более того, значительная часть сколов несет на своей поверхности заметные механические повреждения. Двенадцать отщепов окатаны;

одиннадцать имеют участки патины. Все эти данные противоречат предположению о непотревоженности слоев стоянки.

Полученную коллекцию 12–18 слоев сложно отождествлять с каменным инвентарем мустьерского комплекса предыдущих раскопок. Малочисленность полученной коллекции препятствует проведению детальных аналогий, но даже при сравнении имеющихся материалов можно выявить существенные отличия по ряду признаков.

Согласно характеристике М.Р. Касымова, в качестве основных орудийных заготовок в мустьерских слоях стоянки использовались массивные отщепы [Касымов, 1990]. В то время как по предположению автора индустрия 12–18 слоев Кульбулака могла носить пластинчатый характер. Доля пластин в коллекции этих слоев составляет 21%, а с учетом спорных фрагментов, отнесенных к отдельной категории – 31,6%. Несколько нуклеусов для пластин и пластинок подтверждают это предположение.

Орудийный набор крайне скуден и невыразителен, но ретушированные пластины из слоев 12 и 17.1, а также оригинальное орудие с черешком из слоя 12 не имеют аналогов в коллекции мустьерских слоев, выделенных М.Р. Касымовым.

В настоящее время представляется возможным сделать следующие общие выводы по составу коллекций каменных изделий из литологических слоев 12–18.

1. Представление о непотревоженности «культурных слоев» Кульбулака, выделенных М.Р. Касымовым по результатам раскопок 60–80 гг. XX в., выглядит спорным. Об этом свидетельствует положение каменных изделий в слое, а также многочисленные следы механических повреждений на их поверхности.

2. Мустьерские слои, выделенные предыдущими исследователями, не нашли отражения на исследуемой в 2009 г. площади.

Литература

Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): Автореф. дис. … д–ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 42 с.

Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан) / Н.К. Анисюткин, У.И Исламов, К.А. Крахмаль, Б. Сайфулаев, Н.О. Хушваков. – СПб, 1995. – 40 с. – (Археол. изыскания. – Вып. 28).

Ранов В.А., Несмеянов С.А. Совещание по каменному веку Средней Азии // БКИЧП. – 1974. – Вып. 41. – С. 187–194.

А.А. Попов
Иркутск, Иркутский государственный университет

Исследования нового палеолитического местонахождения «Седова» на территории Иркутска

Начиная с открытия в 1871 г. палеолитического местонахождения «Военный госпиталь», исследования на территории Иркутска регулярно обеспечивают пополнение фонда известных археологических объектов в максимально широком хронологическом диапазоне. Проводимые в 2009 г. на территории нового строительства археологические исследования ознаменовались открытием нового палеолитического местонахождения – «Седова», получившего свое название по одноименной улице, в окрестностях которой проводились работы.

Ранее окрестности ул. Седова именовались Петрушиной горой, предместьем Горохово и Половниковой рощей. Эта территория протянулась вдоль правого берега Ангары на расстояние около 1 км и расположена приблизительно в 2 км ниже плотины Иркутской ГЭС (рис. 1, а).

Археологические исследования в районе Петрушиной горы проводятся с конца XIX в. За истекший период времени различными исследователями проводились раскопки отдельных погребений, небольшой стоянки и могильника, датируемых неолитом [Лежненко, Лыхин, 1986; Медведев и др., 1980]. В 1998 г. в связи с началом строительства нового мостового перехода через Ангару начался новый этап археологических исследований территории. В археологических выработках

неоднократно фиксировался многочисленный, часто фрагментированный, палеонтологический материал.

Местонахождение Седова находится на ступенчатом склоне правого борта Ангарской долины. Территория представляет собой фрагмент выровненной поверхности структурно-денудационного склона с абсолютными высотными отметками 454-457 м от УМО и относительными гипсометрическими отметками 29-32 м от межени р. Ангары, имеющий мысовидные очертания, ограниченный с северо-запада и юго-востока субпараллельными линейными падями северо-восточного простирания, а с юга береговым склоном борта долины Ангары.

В процессе работы на отдельном участке неоплейстоценовые отложения пройдены на глубину 8 м от дневной поверхности – вскрыта монотонная толща раннекаргинских отложений. В нижней части профиля зафиксирована палеопочва, предположительно сопоставимая с байганскими почвами муруктинского горизонта. Раннекаргинские отложения непосредственно перекрыты культуросодержащими отложениями. Это образования позднекаргинского-раннесартанского возраста, представленные солифлюциированными и нарушенными криогенезом неясно слоистыми, буровато-серыми, с линзами ожелезнения, средними суглинками и перекрывающим их легким, светло-бурым лессовидным карбонатизированным суглинком, геохронология которого, вероятно, определяется первой половиной sr^2. Мощность культуросодержащих отложений составляет 0,5-0,6 м, на отдельных участках раскопа доходя минимум до 0,25-0,3 м и максимум до 0,7-0,8 м. Фиксация стратиграфического положения археологического материала показала его достаточно равномерное распределение по всей культуросодержащей пачке. Глубина залегания культуросодержащих отложений варьирует от 2,5 м до 0,5 м от дневной поверхности, что связано с изменением естественного рельефа в результате различных техногенных факторов. В профиле сартанские отложения представлены компрессионной пачкой и крупными криогенными трещинами, заложенными от уровня сартанских отложений. Отмечается падение отложений, в том числе и культуросодержащих, по линии восток-запад в долину Ангары. Первые результаты радиоуглеродного анализа согласуются с возрастом, предварительно определенным для культуросодержащих отложений: 25250±400 л. от н.д. (СОАН-7844) (кровля), 25160±280 л. от н.д. (СОАН-7846) (средняя часть); 23740±240 л. от н.д. (СОАН-7845) (подошва) (рис. 1, б).

Вскрытая площадь составила 444 м². Коллекция насчитывает 757 ед. находок, в том числе 146 артефактов из камня и 609 костных остатков ископаемой фауны. Получение заготовок на местонахождении базировалось на верхнепалеолитической технике скалывания. В их качестве использовались сколы, средние и мелкие пластины. В коллекции два нуклеуса: на гальке эффузива и кремневый плоскофронтальный нуклеус с линейной площадкой. В составе орудийной группы одно- и двусторонние скребла, скребки концевые и кареноидного типа, остроконечник, резец, фрагмент ретушированной микропластины (рис. 1, в).

На основании некоторых общих технологических приемов, близких значений параметров заготовок, приемов вторичной обработки (уплощение, тронкирование, характеристика ретуши – постоянная, дорсальная, субпараллельная и ступенчатая, сильная степень модификации) представляется возможным рассматривать облик каменной индустрии техноморфологически единым. В пользу сингенетичного происхождения полученных материалов говорит и специфика сырьевой базы каменной индустрии: в качестве поделочного материала использовался темно-зеленый и сливной черный микрокварцит, среднезернистый серый кварцит, кремень, гальки эффузивов. Наибольшее количество артефактов изготовлено из темно-зеленого микрокварцита, являющегося экзотом для района Иркутска и его окрестностей. Изделия из этого сырья встречены по всей толще культуросодержащих отложений, вне зависимости от стратиграфической позиции.

Определение палеонтологического материала позволило установить присутствие в сборах травоядных (заяц, лошадь, олень северный, олень благородный, бык (наибольшее количество единиц), бизон, мамонт, носорог) и хищных млекопитающих (песец, волк, пещерная кошка).

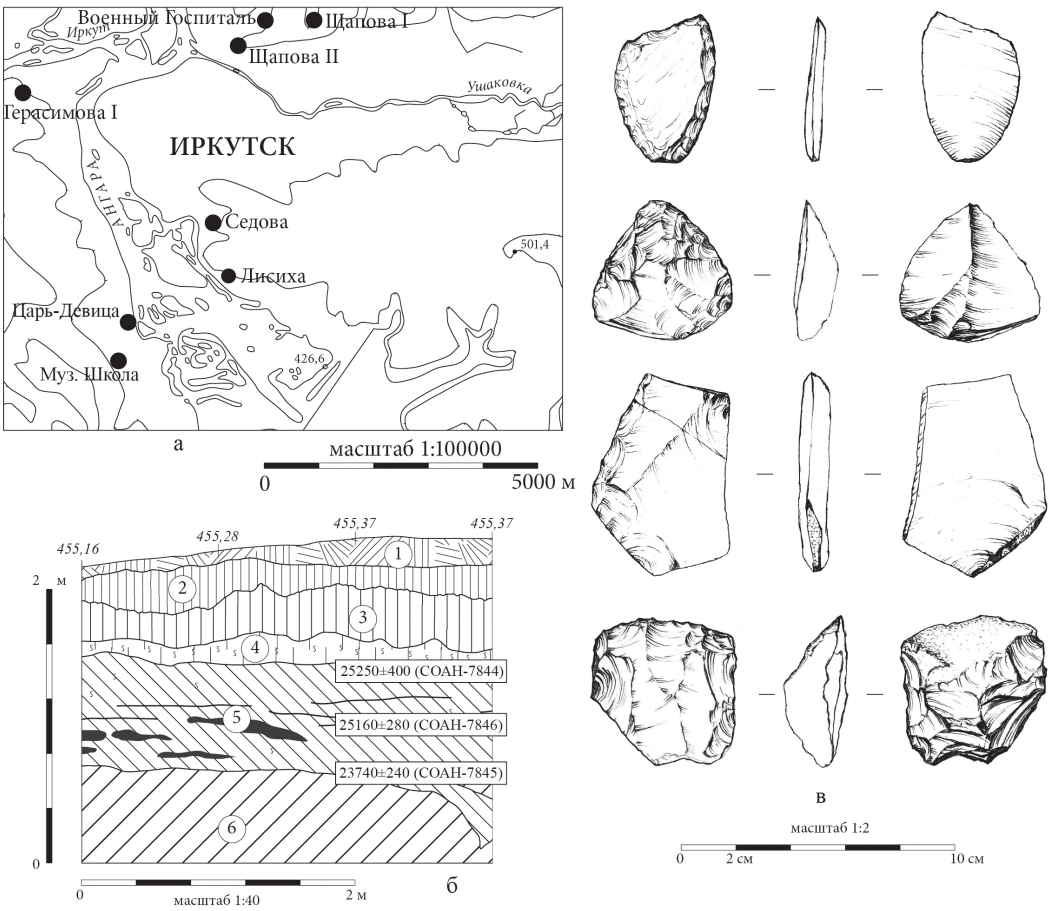


Рис. 1. Местонахождение Седова: а – карта-схема, б – стратиграфический разрез, в – каменный инвентарь

В заключении следует сказать, что в зоне строительства по ул. Седова предполагается продолжение спасательных работ, что определенно послужит решению проблем, связанных с изучением археологического объекта, вовлеченного в процессы склонового переноса, как-то: уточнение стратиграфических позиций и поиск зоны относительного геологического спокойствия и дислоцированного в ней археологического комплекса.

Литература

Лежненко И.Л., Лыхин Ю.П. Указатель археологических памятников города Иркутска: Материалы к Своду памятников истории и культуры Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: РИО Упрполиграфиздата, 1986. – 44 с.

Медведев Г.И., Савельев Н.А., Лежненко И.Л. Обоснование выделения зон археологического надзора и охранных зон на археологические памятники на территории г. Иркутска. – Иркутск, 1980. – С. 62-81.

Е.С. Риман
Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально педагогическая академия

К вопросу о типологии кладов каменных изделий на территории России

Древние клады – один из наиболее специфических и трудно поддающихся классификации видов археологических источников. На территории России найдено около 50 кладов каменных изделий, которые датируются периодом от эпохи палеолита до энеолитического времени. Анализ известных в литературе кладов позволил предложить их предварительную классификацию.

С учетом сырья все клады можно подразделить на две большие группы:

– *моносырьевые клады*, представленные одним видом сырья (камень, кость, рог, металл). Примером могут служить клад топоров с мезолитической стоянки Огурдино (Пермский край) [Мельничук, Чурилов, 2008] и клад с Майнинской стоянки в долине Верхнего Енисея [Васильев, 1985].

– *полисырьевые клады*, представленные изделиями из разных видов сырья (камень и кость, камень и металл и т.п.). К этой группе относятся: клад со стоянки Сосновое озеро (Республика Хакасия), где под каменной кладкой найдены роговые орудия и костяные заготовки из костей лошади, а под ними лежали каменные орудия и отщепы [Липский, 1963]; энеолитический клад со стоянки Сахтыш II (Ивановской обл.), содержавший около 60 предметов из камня и кости, которые находились рядом с ритуальным сосудом в пятне с красной краской [Крайнов, 1982].

Анализ состава кладов позволяет выделить среди них несколько типов.

1 тип – *клады технического характера* – представлены заготовками, отщепами, пластинами без ретуши, нуклеусами, поперечными, ребристыми и техническими сколами и т.п. На стоянке Соболево 5 (Московская обл.) рядом с жилищем обнаружен клад, в составе которого были 6 нуклеусов и 2 заготовки рубящих орудий [Кольцов, Жилин, 1999]. На побережье Приморья найден клад заготовок каменных орудий в бухте Евстафия на стоянке Гузево 3. Клад состоит из более 70 каменных изделий, среди которых преобладают бифасиально обработанные заготовки [Гарковик, Кононенко, 1996].

2 тип – *клады орудийные* – представлены законченными орудиями. К ним относятся наконечники, топоры, тесла, отбойники, точильные камни, пластины с ретушью, сегменты законченных изделий и т.п. К этому типу относится палеолитический клад, обнаруженный на стоянке Ушки I (Камчатский край) в жилище № 9. Клад был оформлен в виде тайника в нише в стенке коридора и содержал 10 больших бифасов (ножей и скребел) [Диков, 1993].

3 тип – *клады орудийно-технического характера*, в которых представлены и готовые орудия, и их заготовки. Наиболее известный клад этого типа – Волосовский клад, в котором найдено 118 предметов от заготовок до законченных наконечников и кинжалов [Цветкова, 1957, с. 5]. Еще один клад такого типа найден на стоянке Каменная Балка II (Ростовская обл.). Примечательно, что рядом с кладом находились вертикально стоявшая кость и округлый камень, видимо, как ориентиры для обнаружения. Клад состоял из 534 предметов, из них 127 орудий и 407 продуктов расщепления [Гвоздовер, Леонова, 1977].

4 тип – *клады неутилитарного характера*, к которым относятся клады с украшениями и произведениями искусства. Примером может служить клад подвесок и бус со стоянки Ушки V.

5 тип – *клады утилитарно-неутилитарного характера*, в которых сочетаются предметы неутилитарного характера (украшения, произведения искусства) и изделия хозяйственно-бытового характера. Клад этого типа найден на Шайтанском озере (Свердловская обл.). Он залегал на глубине около 20 см и был накрыт каменной плиткой. Коллекция представлена нуклеусом, шлифованным топориком, нешлифованным теслом и заготовкой «утюжка» [Сериков, 2007].

Некоторую проблему представляет соотнесение пластин и отщепов с определенным типом кладов. Дело в том, что отщеп и пластина без ретуши – это традиционные заготовки. В то же время, как показывает трасологический анализ, они могли использоваться в работе и без видимых следов вторичной обработки. В этом случае отщеп и пластина выступают уже как орудие.

Среди вышеперечисленных типов можно выделить 2 подтипа – *клады однокомпонентные и многокомпонентные*. Однокомпонентные клады состоят из одного типа изделий: только наконечники, только топоры, только заготовки и т.д. Например, клад, найденный на поселении Палатки II (Свердловская обл.) состоит из 27 массивных заготовок черного сланца. Все остальные клады относятся к многокомпонентным.

Литература

Васильев С.А. Клад кремневых орудий из Майнинской палеолитической стоянки // СА. – 1985. – № 3. – С. 238-240.

Гарковик А.В., Кононенко Н.А. Клад заготовок каменных орудий в бухте Евстафия в Приморье // Каменный век тихоокеанских побережий. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – С. 136-148.

Гвоздовер М.Д., Леонова Н.Б. Клад кремня из верхнепалеолитической стоянки Каменная балка II // Проблемы палеолита восточной и центральной Европы. – Л.: Наука, 1977. – С. 127-136.

Диков Н.Г. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. – Магадан, 1993.

Кольцов А.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. – М.: Наука, 1999. – 153 с.

Крайнов Д.А. Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. – 1982. – Вып. 169. – С. 79-86.

Липский А.Н. Ямка-кладовочка костенковского типа на р. Абакане // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск, 1963. – С. 11-20.

Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В. «Клад» топоров из мезолитического поселения Огурдино // Человек, адаптация, культура. – М.: ЗАО «Гриф», 2008. – С. 267-272.

Сериков Ю.Б. Клады каменных изделий на территории Среднего Зауралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. – Уфа: Китап, 2007. – С. 182-188.

Цветкова И.К. Волосовский клад // Труды ГИМ. – 1957. – Вып. XXIII. – С. 5-41.

К.Н. Степанова

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

О специализированных орудиях для переработки продуктов собирательства в палеолите

1. Среди археологических источников палеолита присутствует категория орудий, для которой пока не выработано общепринятого наименования. Для ее обозначения используются, например, определения: некремневый компонент каменных индустрий (по преимуществу в англо-саксонских странах – «non-flint component of stone assemblages»), гальки со следами использования («galets utilisés» во французском палеолитоведении [Beaune, 1997 и др.]), макролитический инвентарь [Functional analysis.., 2009], «атипичный» каменный инвентарь [Гричан, 2006]. Характерными для этой категории являются признаки: а) в качестве основы использованы гальки, в основном, неизоморфных пород без специальной обработки (либо таковая минимальна); б) массивность их относительно кремневых орудий, соответствующая функциональному назначению (удар, растирание, шлифовка, лощение, дробление, измельчение и рубка, освещение); в) следы износа. Установлено, что категория включает в себя как многофункциональные орудия, так и специализированные. В числе последних выделяются орудия для переработки растительной пищи, но их идентификация представляет собой определенную проблему из-за неразработанности аналитической процедуры.

2. Традиция выделения орудий по переработке растительной пищи в материалах палеолита в нашей стране ведёт свои истоки от А.Н. Рогачёва [1973]. Согласно его концепции «усложненного собирательства», в палеолитическом хозяйстве возможно видеть «многие элементы культуры, свойственные земледельческому населению» [Рогачёв, 1973, с. 141]. Для А.Н. Рогачёва основаниями для определения использования галек как пестов, пестов-терочников и зернотерочных плит послужили следы «толчения, разминания, растирания» на орудиях и общий высокий уровень развития культуры обитателей стоянок Костенки IV, Молодова I и Молодова V. За проблемой существования «усложненного собирательства», в свою очередь, стоит общая проблема эволюционного развития общества и культуры.

3. До недавнего времени вопрос о существовании сложной перерабатывающей хозяйственной деятельности в среднем и верхнем палеолите решался всё же гипотетически, оставаясь предположением. Сегодня, благодаря специальным аналитическим методам определения микроостатков растений (крахмала) на орудиях, появились реальные основания для подтверждения этой гипотезы [см., напр.: Grinding flour.., 2007]. Но и традиционные для археологии методы не теряют своей актуальности. Анализ характера изношенности, сочетания различных следов, их локализации позволяет классифицировать гальки со следами использования и вычленить их из массива специализированные орудия [Beaune, 1997; Кучугура, 2003]. Суммируя имеющиеся сведения [Семенов, 1957; Рогачёв, 1973; Кучугура, 2003; Roux, 2008], можно составить описание этих орудий (используя устоявшуюся терминологию). «Пест» (*фр.* pilon, *англ.* pestle, *ит.* pestello) – орудие на гальке цилиндрической, конусовидной, дисковидной формы, уплощенная поверхность или торцовая часть которой несут следы пикетажного и возвратно-поступательного движений (отдельные зерна

породы окатаны, истерты; видны тонкие, в основном, параллельные бороздки различной ширины и глубины, со стабильным присутствием двух-трех основных направлений ориентации). Использование определения «пест-терочник» (*фр.* pilon-broyer, *англ.* pestle-grinder, *ит.* pestello-macinello) возможно, если оно не связывается с определённым набором признаков (в частности – «поковка»), которые описывал Рогачёв [1973, с. 127-129]. Представляется, что «терочник» в нашем случае – только функциональное описание, применимое к пестам разной морфологии. «Нижняя зернотерочная плита» – крупная уплощенная галька или плитка корытообразной формы (из-за стертости центра её поверхности) со следами пикетажного и возвратно-поступательного движений. Имея систему описания и методику верификации определений, мы можем опознавать специализированные орудия «усложненного собирательства».

4. Существование в материалах верхнего палеолита орудий, специализированных для обработки продуктов собирательства, можно считать установленным фактом (свидетельства их наличия в мустьерских памятниках заслуживают отдельного внимания). Картографирование пестов-терочников, выделенных по морфологическим признакам и следам употребления, показывает: 1) их присутствие практически во всех культурных единицах верхнего палеолита, но далеко не на всех памятниках; 2) на всех хронологических этапах верхнего палеолита, причем на самых ранних также редко, как и на поздних; 3) их широкое распространение в Евразии: от Атлантического побережья до Прибайкалья (Варварина Гора), но – не повсеместно. То есть, домашнехозяйственная деятельность, связанная с переработкой и хранением растительной пищи, не имела определенной культурной и хронологической привязки и существовала в течение всего верхнего палеолита.

Литература

Гричан Ю.В. Новые аспекты палеоэкономики в позднепалеолитических памятниках Забайкалья (По материалам поселения Варварина Гора) // Человек и пространство в культуре каменного века Евразии. – Новосибирск, 2006. – С. 9–16.

Кучугура Л.И. К вопросу о типологии изделий из неизоморфных пород в верхнем палеолите // Археологический альманах. – 2003. – № 13. – С. 308–314.

Рогачев А.Н. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине // Антропологические реконструкции и проблемы палеоэтнографии. – М., 1973. – С. 127–142.

Семенов С.А. Первобытная техника. (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с. – (МИА. – № 54).

Beaune, S.A. de. Les galets utilisés au Paléolitique supérieur: Approche archéologique et expérimentale // Gallia préhistoire. – P., 1997. – Sup. XXXII. – 298 c.

Functional analysis of Macro-Lithic Artefacts: A Focus on Working Surfaces / J. Adams, S. Delgado, L. Dubreuil et al. // Non-Flint Raw Material Use in Prehistory. Old prejudices and new directions (Proceed. of XV World Congress of the Internat. Union for Prehistoric and Protohistoric Sciences). – 2009. – Vol. 11. – C. 43–66.

Grinding flour in Upper Palaeolithic Europe (25 000 years bp) / B. Aranguren, R. Becattini, M.M. Lippi, A. Revedin // Antiquity. – 2007. – № 81. – C. 845–855.

Roux L. Galets à impression, galets striés, galets piquetés. Eléments de réflexion // Artisanats et territories de chasseurs de Champ Grand. – Aix-en-Provence, 2008. – Гл. 7. – С. 122–133.

А.Ю. Фатеева
Чита, Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Остеологические материалы 15 горизонта Студёного-1

Изучению остеологических материалов археологических коллекций древних памятников Забайкалья до недавнего времени уделялось недостаточно внимания. Большая часть исследований связана с определением видов животных, фаунистические остатки которых были обнаружены на объектах [Оводов, 1987], и предметами искусства, в качестве сырья для которых использовались органические материалы [Константинов, 1994]. Значительное число остеологических коллекций палеолитических памятников, за исключением Толбаги [Васильев, 2004], не рассматривалось с ар-

хеозоологической точки зрения, т.е. как полноценный археологический источник. В то время как подробный анализ коллекций может позволить получить дополнительную информацию о влиянии ряда факторов: геологических, биологических, антропогенных на облик и состав коллекций.

Особое внимание стоит, по нашему мнению, уделить остеологическим остаткам таких археологических объектов как Студеновский и Усть-Мензинский археологические комплексы, аллювиальный характер отложений которых, как правило, не способствует хорошей сохранности и многочисленности рога и кости. Тем не менее, при комплексном рассмотрении материалов можно выявить соотношение повлиявших на коллекцию антропогенных и природных факторов. По этому принципу нами были рассмотрены остеологические материалы из горизонта 15 поселения Студёное-1.

Поселение Студёное, расположенное около с. Нижний Нарым Красночикойского района Забайкальского края, было открыто в 1970 г. И.И. Кирилловым во время разведки по р. Чикой. Впоследствии с 1974 г. на поселении работала экспедиция, возглавляемая М.В. Константиновым. Культурные напластования охватывают время от конца плейстоцена до эпохи бронзы включительно. Самые первые находки связаны с остеологическим материалом. В шурфе был обнаружен зуб носорога, а также обломки костей оленя. Деятельность человека отражается, прежде всего, в фактах строительства жилищ и очагов. Все культурные горизонты связаны с иловатыми прослойками различной мощности, которые консервировали находки внутри себя, не позволяя им проникать на другие уровни, но при этом органические остатки, находящиеся в русловом аллювии, подверглись практически полному разрушению. Это немаловажный фактор, позволяющий говорить о тафономии находок, особенно костных остатков. Именно он напрямую влиял на сохранность коллекции.

Культурные горизонты 19/4-19/1, 18/2, 18/1, 17-14 датируются эпохой верхнего палеолита, в пределах 12,8-10,8 тыс. л.н. [Константинов, 1994]. Одними из первых находок, обнаруженных в горизонте 19, были зубы быка (или бизона) и кость байкальского яка. Также в первые годы изучения поселения в горизонте 18 были обнаружены костные обломки, в 17 горизонте в непосредственной близости от жилища – 2 фрагмента рога, в 16 – останки оленя [Константинов, 1977].

Общая численность остеологических материалов горизонта 15 Студёного-1 составляет 85 экземпляров, 18 из которых – осколки трубчатых костей и 2 фрагмента рога, остальные – неопределимые осколки. Характеризуя степень влияния биологических факторов на формирование облика коллекции горизонта, следует отметить, что погрызов хищников и грызунов на поверхностях костей не обнаружено, все фаунистические остатки, обнаруженные в слое были отнесены Н.Д. Оводовым к семейству оленей (Cervus elaphus, Cervus Sp.). Обломки рога принадлежат благородному оленю.

На 68 экземплярах коллекции присутствуют следы корневой системы, равно как и кислотного воздействия. Свидетельств перемещения фаунистических остатков в грунте не обнаружено.

Целых костей нет. Термообработке подвергся 1 экземпляр, рассечено 20 костей, вторично обработано только 2 обломка рога, на них же присутствуют следы резания. Сохранность материалов горизонта в целом удовлетворительная, 10 экземпляров имеют плохую сохранность.

По углю из пятна получены две даты: 14900-200 (ГИН-2931) и 11340-180 (ГИН-2931а).

В процессе обработки коллекции горизонта 15 были обнаружены 2 фрагмента рога с ритмическими нарезками (рис. 1). Фрагменты были обнаружены в квадрате 67о (внутри углистого пятна). Метрические характеристики обломков рога таковы: крупный (рис. 1 б) – максимальная длина – 18 см, ширина в центральной части 4 см, в месте расширения 5,5 см. Дистальная часть имеет ширину 3,5 см, толщину – 3 и 2 см (соответственно для проксимальной и дистальной части). Вдоль всего рога проходит трещина, появившаяся, скорее всего, в результате хранения предмета в слишком сухом месте. Дистальная часть отсечена в древности и аппликируется со вторым обломком. Проксимальный конец имеет губчатую консистенцию, значительное количество вещества выкрошилось, поэтому проблематично сказать, был ли он преднамеренно отделен в древности. Вдоль и поперек всей поверхности (в большей степени поперечно) располагаются едва заметные царапины. Обращая внимание на характер нанесения данных «микровырезов», на идентичность их цвета с остальной поверхностью рога, мы считаем, что они были сделаны древним мастером и не могут являться результатом иных воздействий. Если учесть наличие системности в «микровырезах», можно предположить, что данные следы – либо свидетельство раскройки будущего изделия, либо – предварительной разметки орнамента для последующего более глубокого его проре-

зывания. Условно поперечные линии были обозначены «чертами», а продольные короткие линии, чаще всего начинающиеся в «чертах» – «лучиками». Всего на рассматриваемом объекте 18 черт и 11 лучиков, некоторые лучики тянутся вдоль всего рога.

Второй фрагмент рога (рис. 1 а, в) имеет следующие метрические характеристики: длина 9 см, ширина 3,3 см и 2,3 см (проксимальный и дистальный концы). Толщина фрагмента 2,3 см и 1,6 см (соответственно проксимальный и дистальный концы). На данном фрагменте рисунок просматривается отчетливее. Всего мы выделяем здесь три блока композиции. Поперек рога располагаются три четкие черты, сопровождающиеся менее ярким рядом (как будто одну и ту же линию хотели процарапать лучше). От этих черт отходят лучики. В дистальной части их 11 с одной стороны (на участке, где поверхность имеет более тёмный цвет) (рис.1 в), и 7 продольных, параллельных друг другу, черт. В центральной части 12 лучиков, их поперечный профиль имеет W-образное сечение, т е. каждый лучик состоит из двух прорезей. Длина лучиков для дистальной и проксимальной частей в среднем составляет 0,5 см. Линия проксимального края совпадает с линией черты, на некоторых участках просматриваются его прорези-подправки (возможно, край сломался процессе обработки). Длина лучей в этой части – 1 см.

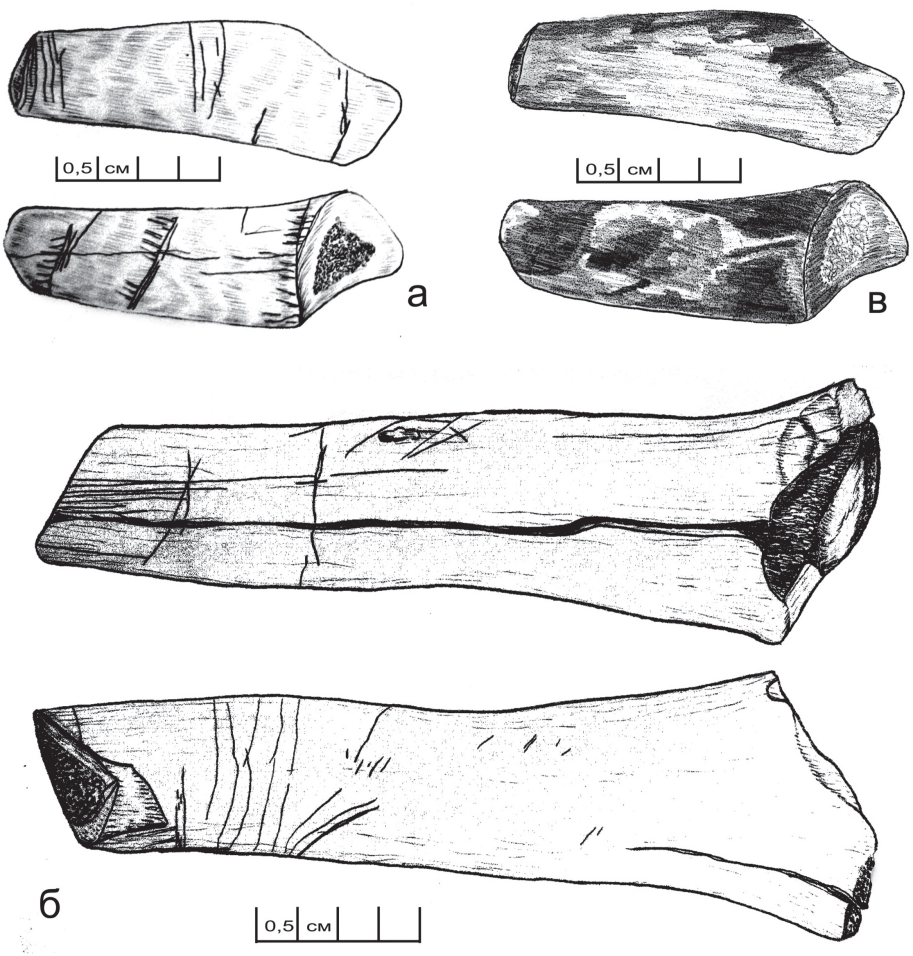


Рис. 1. Фрагменты рога с ритмическими нарезками

Следует отметить, что вырезанные линии одного фрагмента продолжаются на другом, и на обоих фрагментах присутствует один повторяющийся мотив. Эти факты указывают на то, что два фрагмента впоследствии нужно будет рассматривать как единый предмет.

Очевидно, что на рассматриваемых фрагментах рога мы видим следы целенаправленного воздействия человека. Однако, выявить информацию о происхождении «микровырезов» и их утилитарной роли невозможно без трасологического анализа и поиска аналогий в финальном палеолите Сибири.

Несмотря на это, мы можем сказать определенно, что детальное изучение остеологической коллекции 15 горизонта Студёного-1 позволило выявить неизвестный ранее артефакт, вне зависимости от его назначения, связанный с мыслительной деятельностью человека.

Литература

Васильев С.Г. *Археологическое изучение остеологических материалов на примере палеолитического поселения Толбага: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Владивосток, 2004. – 28 с.*

Константинов М. В. Итоги изучения многослойного поселения Студеное на Чикое (1974–1976 гг.). – Чита: Заб. филиал Географ. об-ва СССР, 1977. – 52 с.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ; Чита: ИОН БНЦ СО РАН; ЧГПУ, 1994. – 180 с.

Оводов Н. Д. Фауна палеолитических поселений Толбага и Варварина гора в Западном Забайкалье // Природная среда и человек в позднем антропогене. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. – С. 122-140.

А.Ю. Федорченко

Магадан, Северо-Восточный государственный университет

История трасологических исследований в археологии Северо-Восточной Азии

В современной отечественной археологии широкое признание и распространение получил комплексный анализ каменных индустрий. Его составными частями являются типологический, технологический и трасологический методы. Типологический метод предусматривает рассмотрение артефакта с точки зрения определенной классификационной системы и выяснение заложенных в нем нормативных традиций [Деревянко и др., 1998, с. 5]. Принципиально иные возможности дают технологический и функциональный методы, позволяющие не просто констатировать наличие сходных или различных форм, а на вполне смысловом уровне установить реальное древнее поведение, приведшее к образованию данных форм [Гиря, 1997, с. 12].

Методика функционального анализа орудий эпохи камня была впервые детально разработана и апробирована профессором С.А. Семеновым. Его монография – «Первобытная техника» [Семенов, 1957] стала фундаментом дальнейшего развития трасологии в нашей стране и за рубежом. Согласно методике Семенова, идентификация каменных орудий осуществлялась на основе анализа таких признаков износа как царапины, заглаженность, смятость, стертость, выкрошенность, выбоины, наличие или отсутствие заполировки на рабочих участках инструментов и др. Основателем описания и определения типов заполировок как иной, не менее важной составляющей комплекса признаков изнашивания поверхности каменных орудий, является Л. Кили. Синтез методических разработок С.А. Семенова и Л. Кили дал мощный импульс дальнейшим поискам других исследователей в области трасологии [Волков, 2000].

По степени масштабности и глубине исследований историю трасологических изысканий в археологии каменного века Северо-Восточной Азии можно условно разделить на два этапа.

Первый этап – 60-80-е гг. XX века. В конце 1960-х гг. трасологический анализ каменных изделий (более 800 бусин, подвесок и 26 сверл) из захоронения VII палеолитического слоя стоянки Ушки-I (Камчатка) проводил С.А. Семенов. Данное исследование позволило выявить на украшениях следы стертости от привязки к одежде погребенного [Диков, 1967, с. 27-28]. В 1989 г. Н.А. Кононенко (Владивосток) исследовала серию микронуклеусов (85 экз.), технических сколов и микропластин из раскопок Ушковских стоянок (VI палеолитический слой) Н.Н. Дикова 1978-1988 гг. В результате у двух микронуклеусов зафиксированы следы крепления при расщеплении, у девяти изделий – следы вторичного использования (пилки для рога, скребки для шкур). Было выяснено, что использование микронуклеусов в хозяйственных целях начиналось еще на стадии заготовок (в качестве ножей по мясу, скребел). Следы утилизации были также выявлены среди микропластин и лыжевидных сколов [Диков, Кононенко, 1990, с. 170-175]. В целом данный этап истории трасологических исследований древних индустрий Северо-Восточной Азии характеризуется крайней фрагментарностью. К большому сожалению, исследования, начатые в указанный период, в дальнейшем не были продолжены.

Второй этап, начавшийся с начала 90-х гг. XX века и продолжающийся по сей день, связан с активизацией применения рассматриваемого метода при изучении археологических материалов, включением собственно трасологических изысканий в контекст более разноплановых, ком-

плексных исследований индустрий Северо-Востока Азиатского континента. Ключевую роль в данных исследованиях справедливо стала играть Экспериментально-трасологическая лаборатория ИИМК РАН (Санкт-Петербург). Важные сведения были получены в ходе исследований материалов одной из древнейших стоянок региона – Яны RHS (≈27 тысяч лет) [Pitulko et al., 2004, p. 52-56]. Трасолого-технологический анализ ряда костяных изделий данной стоянки, проведенный Е.Ю. Гирей (ИИМК), помог реконструировать технологию их изготовления. Комплексные исследования материалов Жоховской стоянки позволили расширить наши представления о способах подготовки и использования вкладышевых составных орудий [Гиря, Питулько, 2003, с. 78-79]. Трасологический анализ каменных орудий голоценовых памятников Чукотки (Найван, Чертов Овраг) дополнил сведения о хозяйственной специализации древнего населения. Самостоятельные трасологические исследования материалов ряда поселений Чукотки проводит И.В. Макаров (РНИИКиПН им. Д.С. Лихачева, Москва) [Макаров, 2004]. Отдельные изделия из коллекции стоянки Ушки-V анализировал Е.Ю. Гиря в 2008 г.

Второй этап истории трасологических исследований в археологии региона отличается значительно возросшей планомерностью и методологической проработанностью. Однако крайняя избирательность трасологических изысканий, вполне очевидная на предыдущем этапе своей истории, имеет место и сегодня. Практически неизученными остаются материалы многочисленных археологических памятников Камчатки (от палеолита до позднего неолита). Проведение подобных исследований актуально и тем, что каменный век на полуострове окончился сравнительно недавно (вторая половина II тыс. н.э.).

Таким образом, история трасологических изысканий в археологии Северо-Восточной Азии убеждает в перспективности этого направления. Применение комплексного подхода в изучении древних индустрий, базирующемся на постоянной корреляции результатов анализа орудий типологическим, трасологическим и технологическим методами, позволит приблизиться к разносторонней реконструкции древних технологий, выявить характер сырьевой базы и степень ее влияния на те или иные приемы и техники в обработке данного сырья, с большой долей достоверности определить основные виды хозяйственной деятельности древнего населения.

Литература

Волков П.В. Экспериментальные исследования в археологии палеолита Северной, Центральной и Средней Азии: Автореф. дисс. … д-ра ист. наук. [Электронный ресурс] Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. URL: http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/?html=DI91.htm&mi=25&id=633.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- макроанализа древних орудий труда. – СПб.: Академ Принт, 1997. – Ч. 2. – 198 с.

Гиря Е.Ю., Питулько В.В. Предварительные результаты и перспективы новых исследований стоянки на о. Жохова: технолого-трасологический аспект // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. – М.: ГЕОС, 2003. – С. 74-84.

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Х. Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.

Диков Н.Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов Севера ДВ. – М.: Наука, 1967. – С. 16-31.

Диков Н.Н., Кононенко Н.А. Результаты трасологического исследования клиновидных нуклеусов из шестого слоя стоянок Ушки I-V на Камчатке // Древние памятники Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. – С. 170-175.

Макаров И.В. Рубящие орудия поселения Канискак (Дежнево) на Северо-Восточной Чукотке // III Диковские чтения. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – С. 387-394.

Семенов С.А. Первобытная техника. – Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с.

Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Girya E.Yu. et al. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic Before the Last Glacial Maximum // Science. – 2004. – V. 303. – P. 52-56.

А.М. Хаценович
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Охота на мамонта: аргументы «за» и «против» (на материалах памятников Западно-Сибирской равнины и Великих Равнин США)

Заселение человеком Западно-Сибирской равнины на территории Евразии и Великих равнин Северной Америки произошло в верхнем палеолите. Великие равнины начали осваиваться палеоиндейцами лишь 11,5 т.л.н., когда открылся коридор Макензи между двумя огромными ледниками на территории Северной Америки – Кордильерским и Висконсинским. На Западно-Сибирской равнине климат был однородным и неблагоприятным. Очевидно, Западно-Сибирская равнина была заселена к максимальному развитию сартанского оледенения [Лаухин, 1994]. Смена территории, отличающейся от нагорий более холодным и однородным климатом и природными ресурсами, послужила толчком к изменениям стратегий населения. С максимумом похолодания сартанского оледенения совпадает миграционная активизация палеолитических групп, в результате которой «от Байкала до Урала и далее на запад» распространились «палеолитические технокомплексы с выразительным микроинвентарем» [Зенин, 2002].

В последние годы было обнаружено несколько стоянок сартанского времени на Западно-Сибирской равнине, в контексте которых присутствуют остатки мамонта. Однако наиболее изученными на сегодняшний день являются Томская стоянка, Шестаково, Луговское, Гари, Троицкая I, Шикаевка II, Могочино I. Четкие свидетельства охоты человека на мамонта были найдены только на стоянке Луговское: грудной позвонок самки мамонта с проникающим отверстием и застрявшими вкладышами из кварцита [Зенин, 2003, с. 15]. За неимением других явных свидетельств, целесообразность и реальную возможность охоты человека на этого животного можно проследить только по ресурсным стратегиям местного населения. Организацию присвоения ресурсов мы можем составить на основе анализа материалов памятников. Характеристика стоянок для Западно-Сибирской равнины проводится по ряду критериев: ландшафтное положение памятника, характер залегания костей, количественный и видовой состав остеологических остатков. Наиболее значимыми в этой связи являются следы человеческой деятельности: орудийный набор, модификации костей в виде насечек, истертостей, разломов, расщепления, свидетельства использования костей в качестве топлива. Важным является выяснение цели посещения людьми мамонтовых кладбищ, в том числе памятника Волчья Грива.

Ввиду малой изученности верхнего палеолита Западно-Сибирской равнины, выводы могут быть только предварительными. Тем не менее, на основе материалов уже исследованных памятников можно заключить, что модель присвоения ресурсов местного населения была смешанной, вряд ли сообщества охотников-собирателей кочевали, преследуя стада крупных травоядных. Учитывая то, что находки изделий из кости мамонта единичны, можно предположить, что население, вынужденное спуститься на неуютную Западно-Сибирскую равнину в сартанское похолодание, было плохо знакомо с мамонтами и с его костью как сырьем. По сути, только Томская стоянка и Луговское на сегодняшний день могут трактоваться как место забоя и разделки туш мамонта, но с большими оговорками.

Великие равнины Северной Америки стали первой территорией, на которой стали активно осваиваться палеолитические переселенцы. Именно в этом регионе расположено большинство палеолитических памятников. В отличие от Западно-Сибирской равнины, эта территория была оазисом для териофауны. Здесь обитало три вида хоботных (Proboscidea) – мастодонты (Mammut americanum), шерстистый мамонт (Mammuthus primigenius), пришедший сюда из Берингии, и мамонт Колумба (Mammuthus columbi).

Климат в конце плейстоцена значительно отличался от современного. В это время насчитывалось до шести растительных комплексов: пустынные бассейны, степь (grassland), кустарниковые предгорья, лесистые склоны гор, альпийские луга, растительность речных пойм [Frison, 1991]. Все это обеспечило крупным травоядным разнообразное и полезное питание и давало приоритет перед родственниками с Западно-Сибирской равнины, меню которых состояло из арктофилы

(«Мамонтова трава»), пушицы и осоки в хорошие сезоны, и ивы и карликовой березы – в голодные времена [Тихонов, 2005].

Памятников, содержащих остатки хоботных и орудия в одном контексте, на Великих равнинах несколько. В Северной Америке найдены памятники с остатками мастодонта и орудиями, однако из-за переотложенных слоев с уверенностью можно говорить только о местонахождении Манис в штате Вашингтон, где в кости мастодонта был найден наконечник, однако этот памятник не входит в регион Великих равнин. Лучше дело обстоит с памятниками, содержащими остатки мамонта. Для Великих равнин их, как минимум, пять: Лендж-Фергюсон, Колби, Дент, Блекуотер Дро № 1, Майами [Васильев, 2004]. Контекст большинства из них находится в аллювиальных отложениях (только на памятнике Дент в склоновых отложениях). Однако, опорными памятниками можно считать только Лендж-Фергюсон и Колби. Памятник Дент, содержащий остатки 14 особей мамонта, 3 фрагмента и 1 целый наконечник, предполагался как место осеннего забоя мамонтов с использованием водопоя как ловушки [Frison, Todd, 1986]. Однако, есть иная точка зрения, предполагающая, что остатки мамонтов в Денте являются наносом реки, тем более, что связь остеологических остатков и наконечников пока не зафиксирована. Основное отличие памятников Великих равнин от западно-сибирских в том, что орудийный набор здесь включал в себя целые наконечники и их фрагменты. Для Западно-Сибирской равнины не было найдено орудий, свидетельствующих непосредственно о забое хоботных. Фаунистические остатки памятников Великих равнин не ограничиваются костями мамонта. Последние залегали с остатками бизонов, лошадей, вилорогой антилопы, овцебыка, мексиканского осла, верблюда, американского зайца. Именно преобладание остатков крупных травоядных в одном контексте с мамонтами дает возможность предполагать, что конец плейстоцена явился временем формирования на Великих равнинах специализированной охоты, позднее ставшей моделью присвоения ресурсов для этой территории.

В обоих регионах зафиксированы отношения между человеком и мамонтом, но на Западно-Сибирской равнине они были достаточно скромными: несмотря на скудость пищевых ресурсов, человек вряд ли охотился на мамонта. Учитывая наличие мест разделки мамонта на равнине, можно предположить, что человек использовал туши уже павших животных. Великие равнины имеют более четкие свидетельства охоты человека на мамонта. С этой точки зрения интересен тот факт, что на Западно-Сибирской равнине основные памятники, содержащие как остатки мамонта, так и следы человеческой деятельности, расположены на зверовых солонцах [Зенин, 2003], а на Великих равнинах – в местах расположения естественных ловушек для крупных травоядных. Материалы памятников позволяют заключить, что на Западно-Сибирской равнине человек мог охотиться на мамонта от случая к случаю, в то время как на Великих равнинах мамонт попал в категорию животных, на которых оттачивались приемы специализированной охоты.

Литература

Васильев С.А. Древнейшие культуры Северной Америки. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2004. – 140 с.

Зенин В.Н. Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины: Дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 170 с.

Зенин В.Н. Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2003. – 58 с.

Лаухин С.А. Некоторые факторы, определившие этапность заселения Северной Азии палеолитическим человеком // Докл. АН. – 1994. – Т. 336, № 1. – С. 107–110.

Тихонов А.Н. Мамонт // Разнообразие животных. – М.; СПб.: Т-во науч. изданий КМК. – 2005. – Вып. 3. – 90 с.

Frison C. George. Prehistoric Hunters of the High Plains. – NY.: Academic Press, 1991, – 532 p.

Frison G.C., Todd L.C. The Colby mammoth site. Taphonomy and archaeology of a Clovis kill in Northern Wyoming. – Allbuquerque: University of New Mexico Press, 1986. – 238 p.

С.В. Шнайдер
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Исследование палеолитических памятников на территории Республики Узбекистан (историографический обзор на основе антропологического материала)

Изучение палеолита в среднеазиатской дореволюционной археологии было просто «белым пятном», совсем не изучен был период до нашей эры и первые века нашей эры, в научных кругах они скромно назывались «домусульманским периодом». Можно привести пример, что в 30-е гг. XX в. не было известно еще ни одного памятника каменного века на территории всей Средней Азии, можно говорить только об отдельных находках, да и то не факт, что они задокументированы. В те же годы. в Средней Азии оживилась деятельность краеведов-любителей. Но только 1938 г. – год открытия грота Тешик-Таш с мустьерской культурой и погребением ребенка неандертальца – можно считать началом систематического научного изучения древнейших памятников Средней Азии (Узбекистана, в частности).

Пещерная стоянка Тешик-Таш находится в Бойсунских горах, из находок этой стоянки особо интересно захоронение неандертальца. Первое описание этой находки сделано в 1940 г. Г.Ф. Дебецем: возраст около 9 лет, мальчик, морфологические свойства неандертальского типа. На основе всестороннего анализа данных В.П. Алексеев пришел к трем выводам: тешик-ташский ребенок, возможно, девочка, по соотношению признаков он может быть включен в европейскую группу Эрингсдорф или в переднеазиатскую группу Схул. Отсюда очень важное заключение, что южные границы Средней Азии могут быть включены в границы первичного очага расообразованияю [Абрамова, 1984].

Вторая интересная находка – челюсть человека современного типа, была обнаружена на Самаркандской стоянке. По мнению М.М. Герасимова, челюсть принадлежала женщине приблизительно 25 лет. Это первая на то время находка позднепалеолитического человека на территории Средней Азии и Казахстана [Джуракулов, Сулейманов, 1973; Аскаров, 1974]. В дальнейшем эта находка была поставлена под сомнение, т.к. слои на стоянке не стерильны (наряду с палеолитическим инвентарем встречался и средневековый).

Эти две находки заставили мыслить иначе советское археологическое сообщество. На тот момент было достаточно сильно утверждение, что тип современного человека извечен и неизменен. И существовала еще одна теория о происхождении человека современного вида через мустьерско-неандертальскую стадию. Для подтверждения этого тезиса нужно было найти прародину современного человека, где он существовал бы одновременно с неандертальцем, то есть неандерталец выделялся как ступень в развитии человека. И эти последовательные между собой находки подтвердили последнюю гипотезу [Массон, 1974].

В 2003 г. были открыты антропологические находки на стоянке Оби-Рахмат, представленные шестью отдельными постоянными зубами из верхней челюсти и примерно 150 мелкими фрагментами черепа. Материал был обнаружен в слое 16, а участок его обнаружения примыкает к южной стенке центрального раскопа, имеющего общую глубину 10 м. Часть костных останков была зафиксирована in situ, часть обнаружена при промывке рыхлых отложений, что предполагает тесную пространственную взаимосвязь останков. Хотя все находки связаны с небольшим по площади участком слоя (0,5 м^2), идентифицировать их как захоронение или определить какие-либо другие тафономические факторы, повлиявшие на отложение материала, не представляется возможным.

Обнаруженные останки, согласно данным радиоуглеродного датирования, могут быть древнее 40 000 л.н. либо, если основываться на датировках, выполненных по урановому ряду, даже старше 80 000 лет. Ни тот, ни другой возможный возраст не влияет на таксономическую идентификацию имеющегося антропологического материала, поскольку и неандертальцы, и люди современного антропологического типа в данный период времени уже заселяли территорию Евразии.

Вопрос об определении антропологического вида О-Р 1 на настоящий момент остается открытым, поскольку морфологию костных останков можно отнести и к неандертальцам и к архаичным HS [Гланц и др., 2004].

В 2009 г. сделана антропологическая находка на стоянке Кульбулак, к сожалению, автор пока ничего подробно не может по ней представить, т.к. находка еще изучается специалистами и каких-либо выводов по ней нет.

В рамках поставленной проблемы стоит осветить антропологические находки на территории Таджикистана и Киргизии. Пещера Сельунгур расположена на южном краю бассейна Ферганской долины на высоте 1900 м над уровнем моря. В 1988 г. были обнаружены останки гоминид, которые относятся к третьему слою – 6 зубов (три верхних резца и три нижних премоляра), по-видимому, они принадлежат двум или трем индивидуумам, плюс был найден фрагмент правой лопатки (1990 г.), принадлежащий несовершеннолетнему. По мнению Зубова они принадлежат палеоантропу либо архантропу (Homo erectus, Homo sapiens, неандерталец) [Davis, Ranov, 1999].

В 1997 г. на стоянке Худжи в Таджикистане (стоянка расположена в 40 км к ЗСЗ от Душанбе, на высоте 800 м над уровнем моря, на правом берегу ручья Худжи) были обнаружены зубы – 2 резца нижней челюсти. Находки залегали in situ в поздних слоях среднего палеолита. Судя по всему, зубы принадлежат ребенку от 5 до 7 лет. Исследователи выделяют в данных находках больше черт, присущих позднему неандертальцу, нежели архаичному сапиенсу [Trinkaus et al., 2000].

Один общий вывод по данному материалу (в частности, сделать привязку к другим регионам, проследить, например, переселение гоминид) сделать достаточно сложно, так как часть находок относится к категории спорных. На данном материале автор предпринял попытку представить все находки а также проследить эволюцию мнений в историографии по данному вопросу.

Литература

Абрамова З.А. Ранний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 135-161.

Аскаров А. Успехи археологов Узбекистана в изучении каменного века// История материальной культуры Узбекистана – Ташкент, 1974. – Вып. 11. – С. 9-13.

Гланц М., Виола Б., Чикишева Т.А. Новые останки гоминидов из грота Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 77-93.

Джуракулов М.Д., Сулейманов Р.Х. Новые находки останков первобытного человека на самаркандской палеолитической стоянке // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1973. – Вып. 10. – С. 21-25.

Массон В.М. Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1974. – Вып. 11. – С. 15-21.

Davis R.S., Ranov V.A. Recent Work on the Paleolithic of Central Asia // Evolutionary Anthropology. – 1999. – P. 186-193.

Trinkaus E., Ranov V.A., Lauklin S. Middle Paleolithic human deciduousincisor from Khudji, Tajikistan // Journal of Human Evolution. – 2000. – N 38. – P. 575-583.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА И РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Р.Р. Адигамов

Ишим, Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова

Каменная индустрия неолитических памятников Мергеньского археологического микрорайона

Мергеньский археологический микрорайон находится в 10 км южнее г. Ишима, микрорайон включает сообщающиеся между собой озера Мергень, Травное и Кислое, которые являются остатками древнего (плейстоценового) русла р. Ишима.

В результате исследований, проведенных на памятниках Мергень 3,5,6 [Матвеев и др. 1994; Дрябина 1995; Скочина 2008], получены и изучены достаточно представительные каменные комплексы.

Изученные к настоящему времени памятники мезолита и неолита на побережье оз. Мергень позволяют говорить об относительно сложной историко-культурной ситуации, сложившейся в этом

регионе. С одной стороны мезолитические материалы Катеньки свидетельствуют о своеобразии каменного инвентаря у аборигенного населения, в комплексах которого отсутствуют наконечники стрел, скошенные острия и геометрические микролиты, с другой стороны в неолитических материалах Мергени 5,6, а единично и в Мергени 3 появляются эти типы изделий. Учитывая, что неолитические комплексы на территории Нижнего Приишимья появились, скорее всего, в процессе миграции, формирование каменной индустрии рассматриваемых поселений происходило в результате сложных ассимилятивных процессов между аборигенным и пришлым населением.

Мергень 3. Поселение. Расположено на надпойменной трассе высотой 4 м северо-восточного берега оз. Мергень, в 1,5-2 км от юго-восточной оконечности мыса, образованного озером и р. Мергенькой, и в 0,30-0,35 км к юго-востоку от поселения Мергень 2.

Мергень 5. Поселение. Находится в 0,4-0,5 км к северо-северо-западу от поселения Мергень-2 на более низкой террасе оз. Мергень.

Мергень 6. Поселение. Находится в 2 км к юго-западо-западу от дер. Сорочкино на мысовидном участке береговой террасы высотой 1,5 м с левой стороны от устья реки.

Катенька. Стоянка. Расположена на надпойменной террасе р. Мергенки высотой 3-4 м в 0,30 км к северо-востоку от поселения Мергень-6.

Данные археологические памятники относятся раннему этапу Приишимского неолита, относящегося, судя по всему, к концу VI-V тыс. до н.э. Боборыкинский этап (поселение Мергень 3) и кошкинский этап (производственная площадка Мергень 5, поселение Мергень 6) боборыкинской культуры можно отнести к раннему хронологическому пласту [Зах, 2001].

Проблема хронологии неолитических культур Среднего Зауралья является одной из наиболее дискуссионных. Согласно концепции В.Т. Ковалевой, развитие неолитического комплекса региона включает две линии – местную и пришлую. К автохтонным относятся козловские и полуденские древности, к пришлым – генетически преемственные кошкинская и боборыкинская культуры. В качестве ранненеолитических рассматриваются и козловские и кошкинские памятники. Боборыкинская и полуденская культуры, по мнению исследователя, развивались в эпоху позднего неолита. Сосновоостровские древности в рамках неолита не рассматриваются.

Противоположной точки зрения придерживается В.А. Зах, который наиболее ранними в Зауралье считает Боборыкинские древности, чьи генетические истоки усматриваются на более южных территориях. В результате взаимодействия с культурой местного населения – сосновоостровской – происходит формирование козловских и полуденских комплексов [Волков, 2007].

Сырьем для изготовления орудий у мергеньского населения служили мелко и среднезернистые кварцевые песчаники различных оттенков, кварцевые туфопесчаники (яшмокварциты), окремненные и ожелезненные туфы и туффиты (яшмоиды), коричневый серпентинит с прожилками, мелкозернистый песчаник, коричневый крупнозернистый песчаник.

Кварцевые песчаники с опаловым, опалово-халцедоновым, халцедоновым цементом представляют местные русловые или делювиальные отложения четвертичного разреза. Яшмоиды (в основном окварцованные туфы, туффиты и туфопесчанники) принадлежат к отложениям иредыкской свиты, сложенной кремнистыми туфами, туффитами, яшмами. Месторождения этого типа расположены в верховьях рек Миасс (приток Исети) и Уй (приток Тобола). Серпантиниты имеют коренные массивы, приуроченные к осевой части Урала, и простираются от Северного Урала (Кытлымский массив и др.) до Южного Урала (Хабранинский, Халиловский). Поскольку в целом подобные породы неустойчивы к процессам выветривания, их наличие в аллювиальных отложениях рек является редкостью.

Технологию расщепления каменного сырья ишимских памятников демонстрируют нуклеусы и нуклевидные сколы. Преобладают одноплощадочные монофронтальные нуклеусы конической, клиновидной, торцевой и призматической формы. Практически, все обнаруженные нуклеусы оставлены на средней и последней стадиях сработанности с негативами снятия шириной от 0,5-1,0 см. Сколы представлены площадками с нуклеусов, продольными сколами и аморфными обломками. Площадки небольшие по размерам, как целые, так и их фрагменты, снимались в процессе подживления нуклеусов. Некоторые сняты со стороны рабочей части, на них видны сильные заломы, заходящие на негативы. Остальные убирались со стороны тыльной части, поэтому новые площадки становились скошенными в эту сторону. Большая их часть использовалась в качестве скребков по шкуре. В целом индустрия комплексов характеризуется микропластинчатой техникой расщепления. Преобладают пластины с прямыми параллельными краями, трапециевидной или

треугольной формы в сечении, с острым углом схождения плоскостей спинки и брюшка вдоль продольных краев. Практически у всех пластин ровные продольные края либо параллельные, либо конвергентные. Хотелось бы отметить, что соотношение типологически выделенных орудий из пластин на поселениях оз. Мергень неодинаково. Так на поселении Мергень 3 (боборыкинский этап) практически нет наконечников стрел (только фрагмент насада), мало концевых скребков и резцов, отсутствуют скошенные острия и сверла, тогда как на производственной площадке Мергень 5 и поселении Мергень 6 (кошкинский этап) доля перечисленных орудий выше. Шлифованные орудия малочисленны. Для первичной заготовки и обработки дерева использовались каменные топоры и тесла, выполненные из зеленокаменной породы и др., которые иногда вторично применялись как ретушеры [Скочина, 2008].

Таким образом, каменная индустрия неолитических поселений побережья оз. Мергень характеризуется как пластинчатая, с различным соотношением орудий. Практически полное отсутствие в комплексе поселения Мергень 3 наконечников стрел, скошенных острий и геометрических микролитов сближает его с мезолитическим комплексом Катенька, что, скорее всего, свидетельствует о начале смешения местных и пришлых традиций, в том числе и в каменной индустрии. О сохранении мезолитических традиций в каменном инвентаре памятника Мергень 5 писала еще Л.А. Дрябина [Дрябина 1995]. На кошкинском этапе культуры появляются наконечники стрел, «утюжки», скошенные острия и геометрические микролиты, которые в большей степени связаны с культурой пришлого населения.

Литература

Волков В.П. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. – Новосибирск: Наука, 2007. – 224 с.

Дрябина Л.А. Каменная индустрия поселения Мергень 5 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень, 1995. – С. 3–11.

Зах В.А. Отступающее-гребенчато-ямочная орнаментальная традиция в неолите Западной Сибири // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – 172 с.

Матвеев А.В., Зах В.А., Ларин С И., Дрябина Л.А., Матвеева Н.П. Доисторические культуры и палеогеография Мергенского археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1994. – С. 76–114.

Скочина С.Н. Каменная и костяная индустрия // Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. – Новосибирск: Наука, 2008. – 212 с.

А.Н. Антонова
Калгари (Канада), Университет Калгари

Палеодиета и социальная структура по материалам могильника Усть-Ида I

Древние погребальные памятники предстают одним из главных источников информации при реконструкции социальных отношений в древних обществах. Являясь отражением духовной культуры, они содержат опосредованно через обряд данные о социальном статусе погребенных. Такие элементы обряда как местоположение и конструкция погребального комплекса, способ обращения с умершим, характер сопроводительного инвентаря, дают косвенные, а иногда и прямые данные о социальном положении человека при жизни. Палеодиета также может быть социальнозависимой. Доступ к пищевым ресурсам, особенно в условиях их недостаточности, может быть ограничен, если в обществе наблюдается дифференциация статусов [Schutkowski et al., 1999]. Поэтому есть основания полагать, что различия в диете и вариации погребального обряда зависят от характера социальных отношений.

Данная публикация посвящена анализу социальной структуры поздненеолитического общества охотников-собирателей-рыболовов, оставившего могильник эпохи позднего неолита Усть-Ида I в Байкальском регионе Восточной Сибири. Нами использованы две методики: 1) биохимический анализ коллагена из скелетных останков погребенных индивидуумов; 2) археологический анализ погребального обряда. Мы полагаем, что дифференциация социальных статусов (если таковая су-

ществовала) будет проявляться в том, что коллаген в костях индивидуумов высокого социального статуса будет содержать высокие дельта показатели по азоту ($\delta^{15}N$), а их погребения будут включать особые наборы погребальных предметов. Высокие $\delta^{15}N$ говорят о достаточном проценте животного белка в диете древнего человека, что в условиях среднего голоцена являлось показателем принадлежности к социальной категории, регулирующей распределение продуктов охоты [Pate, 1994]. Охотники, обладая особой социальной ролью, могли захораниваться с особыми почестями [Попов и др., 1997] и сопровождаться отличными от большинства наборами сопроводительного инвентаря. Так ли это, предстоит выяснить данному исследованию.

Могильник Усть-Ида I расположен на цокольной 20-метровой террасе правого берега р. Ангары в 1,5 км севернее д. Каменка Боханского района Иркутской области, в устье р. Иды. В 1986 г. и весной 1987 г. уровень воды в Братском водохранилище сильно поднялся, и начался размыв поверхности 20-метровой террасы. В результате на участке берега, расположенном к западу от современного кладбища и к северо-востоку от места слияния р. Иды с р. Ангарой, была обнажена часть древних захоронений. Преподаватель истории Каменской средней школы Н.В. Фетисов раскопал в полосе размыва одиннадцать могил. Материалы раскопок хранятся в музее школы. О разрушении погребений Н.И. Фетисов сообщил в Лабораторию палеоэкологии ИГУ. В июле 1987 г. в зоне размыва могильника начал работать отряд Комплексной археологической экспедиции ИГУ под руководством В.И. Базалийского. За семь лет исследований на территории могильника было вскрыто 57 погребальных и ритуальных комплексов (без учета погребений, раскопанных Н.В. Фетисовым) [Bazaliiskii, 2003, p. 45]. Рассматриваемое местонахождение является сложно организованной системой разновозрастных погребально-ритуальных объектов, соответствующих хронологическим срезам неолита – палеометалла Байкальской Сибири. Рассматриваемая в данной статье группа поздненеолитических могил (абсолютный возраст ^{14}C – 5200-4500 л.н.) относится к исаковской (культуре) традиции погребений Приангарья [Окладников, 1950] и представлена 33 погребальными и 6 ритуальными комплексами.

На площади могильного поля древние погребения локализованы на разделенных неглубоким ложком северном и южном участках. Группируются рядами – от 3 до 6 могил в 6 рядах. Ряды простираются в направлении В-З и ЮЗЗ-СВВ. Надмогильные сооружения в виде овальных в плане кладок из доломитовых плит и валунных галек стратиграфически фиксируются на контакте черного сильно гумусированного (современная почва) и красновато-бурого (голоценовый климатический оптимум) суглинков, на глубине 0,2 м от современной поверхности. Могильные ямы, заложенные со среднего уровня красновато-бурого суглинка, на всю мощность заполнены камнями. В заполнении ям отмечено присутствие зольников. Погребенные находились, в основном, в вытянутом положении на спине и головами были ориентированы на ЮВ и Ю, вверх по течению р. Ангары. В двух случаях отмечено трупопомещение на спине с запрокинутыми на корпус одной и двумя ногами. В отдельных могилах зафиксировано частичное трупосожжение. Охра в могилах присутствует в виде локальных пятен расчищенных на уровне погребенных. Могилы подразделяются на индивидуальные (n=23), совместные захоронения 2 индивидуумов (n=7), совместные захоронения 3 индивидуумов (n=2), совместные захоронения 5 индивидуумов (n=1).

Сопроводительный инвентарь располагался на уровне захоронений небольшими скоплениями и в виде отдельно лежащих предметов. Номенклатурный набор вещей (см. ***табл.1***) представлен ограниченным количеством категорий, перечень которых с небольшими вариациями повторяется во всех могилах.

Для изотопного анализа коллаген был извлечен из ребер 46 скелетов (31 ребенок и 15 взрослых) по методике Шели (кусочки кости вымачивались в слабом растворе серной кислоты до растворения минеральной составляющей, затем в NaOH) [Sealy, 1986]. Остатки коллагена затем были проанализированы на Finnegan Mat Tracer масс спектрометре (Isotope Laboratory, Department of Geophysics, University of Calgary). Точность измерения для изотопов углерода составляет ±0.1 промилле (‰); для изотопов азота ±0.2 промилле (‰). Результаты анализов представлены на рисунке 2 и 3.

Таблица 1. Количество предметов в наборах погребального инвентаря. Могильник Усть-Ида I

№ п\п	Группы предметов по материалу	Наименование Категорий предметов	Мужчины	Женщины	Дети	Всего
1	Изделия из камня	рубящие орудия	12	10	15	37
2		наконечники стрел	99	35	174	308
3		подтреугольные ножи	6	5	13	23
4		пластинчатые ножи	8	4	7	19
5		овальные ножи-бифасы			3	3
6		вкладышевые лезвия	2	2	10	14
7		скребки		1	2	3
8		отщепы	17	7	11	35
9	Изделия из кости	острия	19	15	39	73
10		игольники	14	11	27	77
11		отжимники	8	4	4	14
12		гарпуны	3	1	1	5
13		рыболовные крючки	1			1
14		рубящие орудия из рога	1		4	5
15		подвески из клыков марала	21	15	69	105
16		подвески из резцов лося	42	6	10	58
17		подвески из клыков кабана			1	1
18		антропоморфная скульптура		1	2	3
19	Составные изделия	вкладышевые клинки	11	6	11	28
20		вкладышевые ножи	3	1	6	10
21	Керамика	керамические сосуды	4	5	11	20

Результаты. Согласно данных таблицы 1, количественные показатели предметов, относящихся к охоте, во много раз превышают орудия рыболовства. Среди украшений подвески из клыка марала были наиболее характерны для детских погребений, в то время как подвески из резцов лося чаще встречались в погребениях мужчин (рис. 1). Особо выделяются костяные антропоморфные изделия (маскоиды), найденные в парной детской могиле (№ 21) и фигура человека – в женском погребении (№ 52). Керамические сосуды были зафиксированы в 11 детских и в 9 погребениях взрослых. За исключением захоронений зрелых мужчин (№ 38 и № 41), половозрастной дифференциации в характере категорий инвентаря в исаковских погребениях могильника Усть-Ида I не прослеживается. Как видно, сопроводительный инвентарь отражает охотничий вид деятельности людей, похороненных на данном могильнике в эпоху позднего неолита

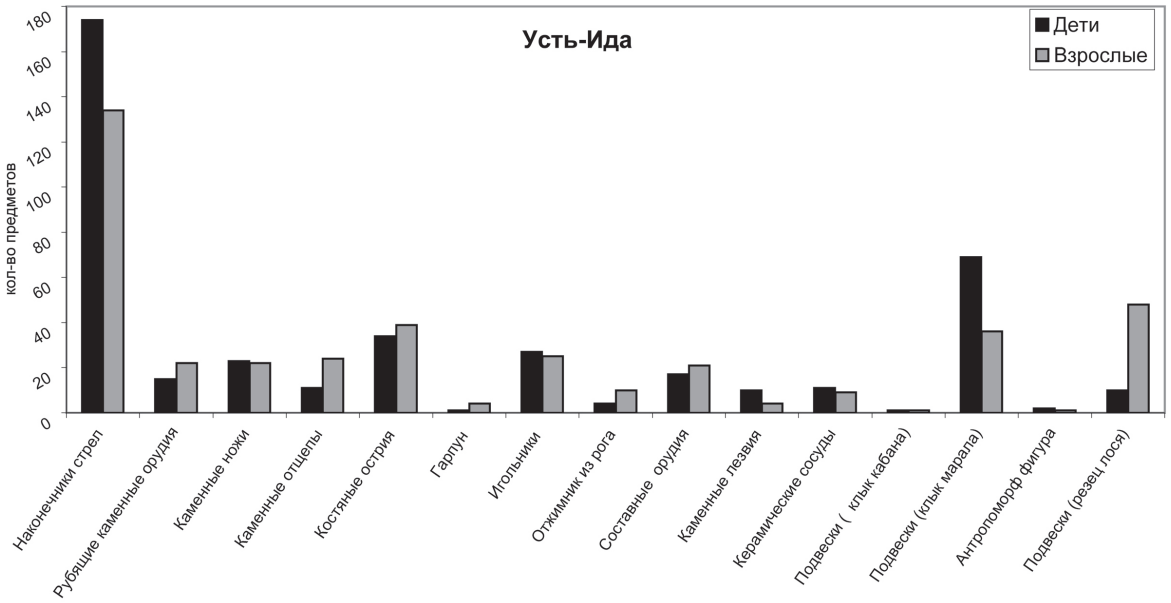


Рис. 1. Количество предметов в наборах погребального инвентаря. Могильник Усть-Ида I

Анализ стабильных изотопов также не показал половозрастных различий в структуре питания. Величина $\delta^{13}C$ в промилле (‰) среди взрослой категории (мужчины и женщины) составляет от -19.2 до -16.5 (среднее -17.9‰), среди детской категории – от – 19.2 до -16.8 (среднее -18‰)

(рис. 2 и 3). Изотопный состав азота коллагена дает величины $\delta^{15}N$ в промилле (‰) от +11 до +13 (среднее +12‰) для взрослых индивидов, и от +10.7 до +14.6 (среднее 12.7‰) для детей и подростков. Отношение углерода к азоту в коллагене (C/N) составляет в среднем 3.2 промилле, что говорит о хорошей сохранности коллагена в кости. Предположительно, наземные млекопитающие были основным источником пищи населения Усть-Иды в эпоху позднего неолита. При сравнении изотопного состава азота мяса лося (Alces alces) и мяса оленя (Cervus elaphus), $\delta^{15}N$ для которых составляет от +4 до +5 промилле [Katzenberg and Weber, 1998] и коллагена костей древних людей ($\delta^{15}N$ около +12.5‰) видно, что разница между ними составляет около 8 промилле. Учитывая, что $\Delta_{dc}{}^{15}N$ (разность соотношения изотопов азота в коллагене костей человека и костей животных, составляющих источник его пищи) для каждого трофического уровня составляет 4‰ в сторону обогащения в костях человека [Schoeninger et al., 1983], вероятно, что диета населения, оставившего исаковскую группу погребений на могильнике Усть-Ида, сезонно дополнялась продуктами речного происхождения (рыбой).

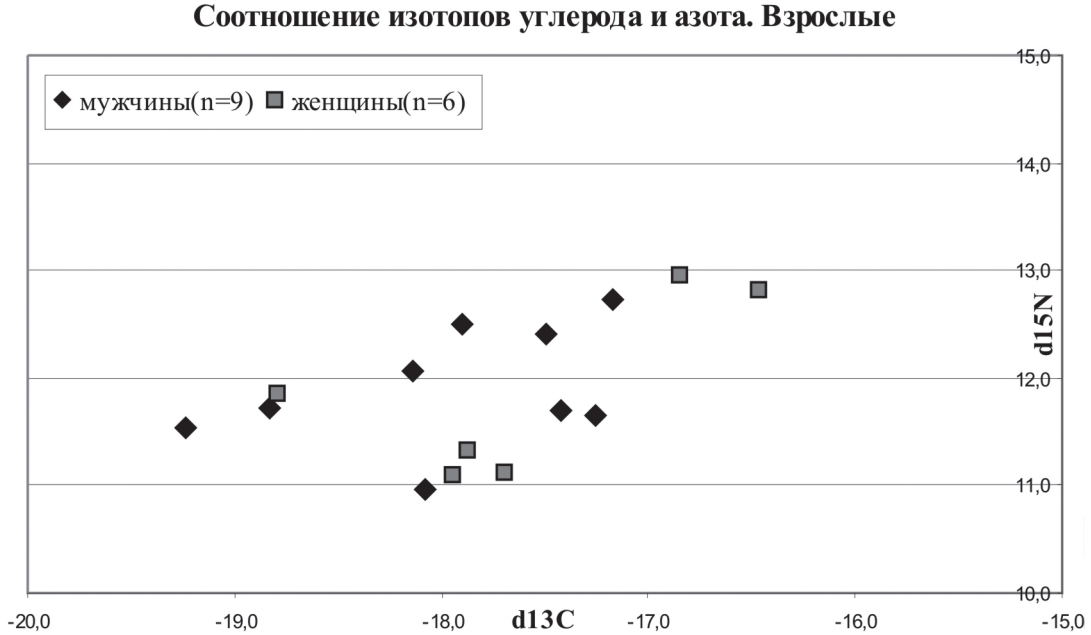


Рис. 2. Соотношение изотопов углерода и азота. Взрослые

В период среднего голоцена такие экологические проблемы, как нехватка водных и пищевых ресурсов, часто определяли характер социально-экономических отношений в древних обществах. Однако на примере анализа диеты и погребального обряда населения, похороненного на могильнике Усть-Ида I, мы не наблюдаем зависимости социальных отношений от экологических детерминант. Принимая во внимание высокую детскую смертность и частый остеоартрит среди взрослого населения [Link, 1996], мы можем предположить, что условия жизни в Прибайкалье в эпоху позднего неолита не были самыми благоприятными. Низкий процент посткраниальных травм указывает на относительно мирное сосуществование поздненеолитического населения, жившего в устье р. Иды, с соседями. Однако следует принимать во внимание, что половину рассматриваемого населения представляет категория детей, что может исключать любые доводы относительно уровня социальной агрессивности исаковцев. Результаты биохимического анализа коллагена из костей погребенных индивидов показали, что рацион их питания состоял из продуктов собирательства и охоты, возможно, с сезонным включением продуктов рыболовства. Распределение источников жизнеобеспечения носило эгалитарный характер, что подкреплялось результатами анализа погребального инвентаря. Практически все индивиды сопровождались стандартными наборами погребальных предметов, что говорит об унифицированности погребального обряда.

Однозначной оценки характера социальных отношений в рассматриваемом сообществе эпохи позднего неолита дать нелегко. Мы полагаем, что яркой дифференциации статусов, которая характерна для могильников эпохи бронзы и раннего железа Западной и Северной Европы (Сигтуна, Швеция, La Tene, Чехия, Weingarten, Германия, Wetwang Slack, Великобритания), среди исаковского населения, погребенного на могильнике Усть-Ида I, не было.

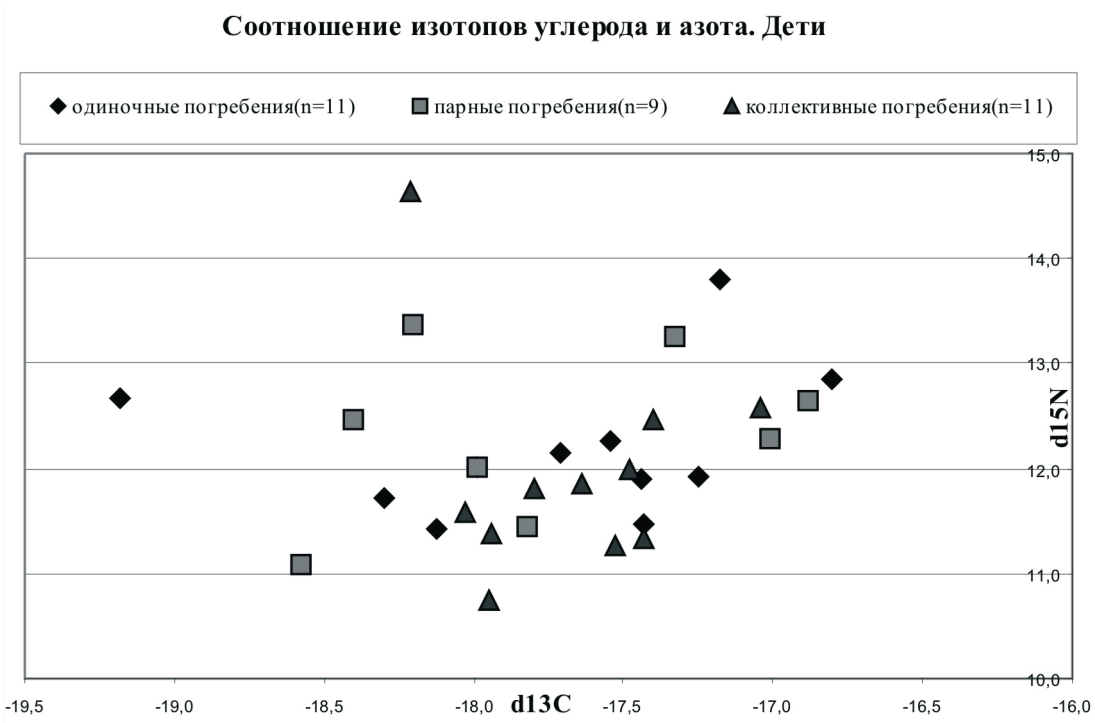


Рис. 3. Соотношение изотопов углерода и азота. Дети

Summary

This study is an attempt to reconstruct the social structure within a Late Neolithic population from Ust-Ida site in the Baikal region. For that purpose two techniques had been applied: (1) stable isotope analysis of bone collagen from 46 individuals and (2) archaeological analysis of mortuary ritual. Mean $\delta^{13}C$ for adults was -17.9‰; for subadults -18‰. $\delta^{15}N$ values for adults and subadults were 12‰ and 12.7‰ respectively. Thus, these data indicate no intra-individual dietary difference, suggesting equal access to food resources for all age and sex categories within the Ust-Ida community. Similarly, analysis of both grave goods and treatment of deceased had shown no status difference in mortuary ritual. It appeared that all buried individuals were accompanied with standard clusters of grave goods, which included, for the most part, tools for hunting and mortuary costume adornments. Based on results provided by biochemical and archaeological analyses, it is proposed that Late Neolithic community of Ust-Ida I represented egalitarian social structure, without obvious status differentiation.

Литература

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (ч. 1 и ч. 2). – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 412 с. – (МИА. – № 18).

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.

Bazaliiskii V.I. The Neolithic of the Baikal region on the basis of mortuary materials// Prehistoric foragers of the Cis-Baikal, A. Weber and H. McKenzie, editors. – BAP and CCI press., 2003. – P. .37-50.

Katzenberg M.A. and Weber A. Stable isotope ecology and paleodiet in the Lake Baikal region of Siberia // Journal of Archaeological Science. – 1999. – № 26. – P. 651–659.

Link D.W. Human remains from Lokomotiv and Ust'-Ida I cemeteries help explain the missing Middle Neolithic in the Cis-Baikal // American Anthropologist. – 1996. – № 9. – P. 341-352.

Pate F.D. Bone chemistry and paleodiet // Journal of archaeological method and theory. – 1994. – Vol. 1, N 2. – P. 161-209.

Schoeninger M.J., DeNiro M.J., Tauber H. Stable nitrogen ratios of bone collagen reflect marine and terrestrial components of prehistoric human diet // Science. – 1983. – Vol. 220, N 4604. – P. 1381-1383.

Schutkowski H., Herrmann B., Wiedemann F., Bocherens H. and Grupe G. Diet, status and decomposition at Weingarten: trace element and isotopic analyses on Early Medieval skeletal material // Journal of Archaeological Science. – 1999. – N 26. – P. 675–685.

Sealy J.C. Stable carbon isotopes and prehistoric diets in the southwestern Cape Province, South Africa // BAR International series. – Oxford: BAR, 1986 – N 293.

Т.В. Батура, М.А. Глушенко
Братск, Братский государственный университет

Неолитическое погребение с признаками кремации на стоянке Окуневка

Многослойный памятник Окуневка был открыт в 1937 г. А.П. Окладниковым. В 1979 г. Н.И. Дроздовым обнаружены погребения железного века. С этого момента на Окуневке начинаются регулярные стационарные работы под руководством Д.Ю. Березина. В 2009 г. во время проведения археологических спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС на памятнике Окуневка были найдены новые погребения. Одно из них найдено отрядом под руководством А.А. Адамова [Адамов, 2010].

Погребение найдено в раскопе № 7, при зачистке основания третьего условного горизонта. Контуры могильной ямы были прослежены в слое светло-серой супеси и представляли собой неправильный овал, ориентированный по линии север-юг длиной 100 см. Глубина могильной ямы составила 150 см, а её заполнение, представленное темно-желтой супесью, было насыщено большим содержанием углей и сожженными костями, среди которых определяются кости рыб и животных. Кроме этого, были обнаружены четыре коренных зуба человека абсолютно не затронутые огнем.

Сопроводительный материал погребения представлен весьма разнообразными находками, частично имеющими следы сильного термического воздействия. Они залегали на всем протяжении заполнения, концентрируясь на дне могильной ямы. На глубине до 130 см археологический материал найден в беспорядочном положении, ниже обнаружено скопление из двадцати костяных кинжалов. Их можно разделить на три группы (рис. 1).

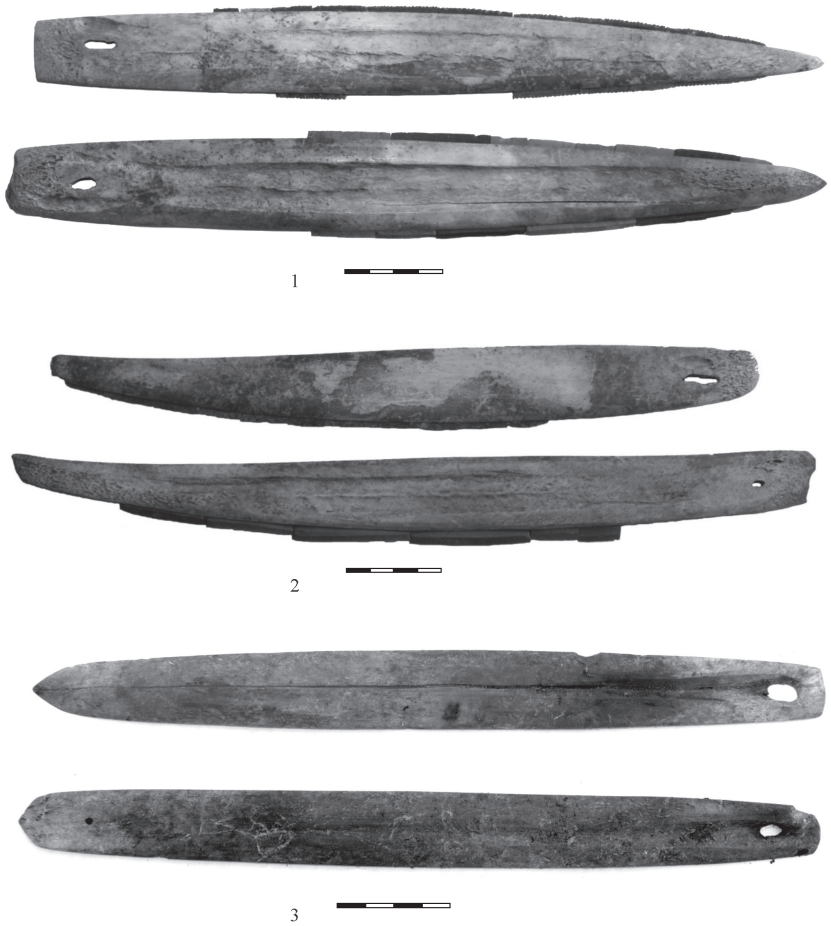


Рис. 1. Окуневка, погребение № 2. Костяные изделия

Первая группа состоит из пяти вкладышевых кинжалов и представляет собой длинные симметрично сужающиеся к острию клинки со строго параллельными друг другу широкими отшлифованными плоскостями. В узких прямосрезанных боковых ребрах клинков почти во всю их длину пропилены пазы, имеющие ретушированные микропластинки из халцедона и кремня.

Вторая группа состоит из шести вкладышевых кинжалов. В отличие от предметов первой группы, паз для вкладышевых лезвий имеется только на одной стороне, которая более выпуклая по сравнению с противоположной.

Третья группа, состоящая из девяти кинжалов, не имеет пазов для вкладышевых лезвий. А симметричные края клинков сужаются не постепенно, как в предыдущих группах, а резко, стремясь к закруглению.

В основании все кинжалы имеют овальной формы отверстия.

На самом дне могильной ямы обнаружены остатки двух каменных топоров с ушками (рис. 2).

Рис. 2. Окуневка, погребение № 2. Каменные изделия

Среди хаотично лежащих находок обнаружены 76 каменных наконечников стрел треугольной, подтреугольной, миндалевидной формы с прямым и слегка вогнутым насадом. Микропластинки, вкладыши, которые, скорее всего, выпали из вкладышевых кинжалов. Костяные односторонние гарпуны. Найдены зубы кабанов, служившие украшениями. Большое количество полых костей птиц, использовавшиеся в качестве игольников, о чем говорят обнаруженные костяные односторонние и двусторонние шилья. Небольшое тесло было обнаружено в начале разборки заполнения ямы.

Костяные кинжалы первой группы находят аналогии в погребениях на могильнике Серово, которые были выделены А.П. Окладниковым в серовскую археологическую культуру [Окладников,

1950]. По номенклатуре сопроводительного материала (костяные кинжалы, наконечники стрел) погребение можно отнести к эпохе неолита.

Погребение с кремацией является не типичным для эпохи неолита. Среди погребального инвентаря встречается большое количество наконечников стрел и костяных разнотипных кинжалов. Все это делает данное погребение уникальным явлением не только для археологии Приангарья, но и всей Сибири.

Литература

Адамов А.А. Научно-технический отчет по результатам спасательных работ на памятнике Окуневка. – Новосибирск, 2010.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.: Изд-во АН СССР, 1950.- 412с.

И.М. Бердников

Иркутск, Иркутский государственный университет

Особенности декорирования усть-бельской керамики (по материалам поселения Усть-Белая)

Проблемы идентификации усть-бельской керамики

Поселение Усть-Белая, расположенное в 100 км на северо-запад от Иркутска на левом берегу р. Белой у места впадения ее в р. Ангару, считается уникальнейшим археологическим объектом Прибайкалья, включающим в себя свидетельства человеческой жизнедеятельности большого хронологического периода от позднего плейстоцена до средневековья [Каменный.., 2001]. Одной из особенностей неолитических культуровмещающих отложений Усть-Белой является преобладание среди керамического материала сосудов усть-бельского типа. Данное поселение являлось одним из центров сосредоточения этой своеобразной керамической традиции, носители которой проникали в Южное Прибайкалье из района бассейна Среднего Енисея, где находится известное многослойное поселение Казачка, в неолитических слоях которого в зафиксирована подобная керамика [Генералов, 1979; Савельев, 1989]. Ближайшее поселение такого рода в Прибайкалье – Поповский луг [Ветров, 2003; Зубков, 1982] – находится в верховьях р. Лены на расстоянии около 200 км к северо-востоку от Усть-Белой. К западу от Усть-Белой известен еще один центр усть-бельской керамической традиции, где аналогичная керамика преобладает в неолитических горизонтах: поселение Унюк в Минусинской котловине [Виноградов, 1982; Зяблин, 1973]. А.В. Виноградов называет ее керамикой унюкского типа [Виноградов, 1982, с. 6-7], хотя было бы справедливым именовать этот тип усть-бельским, т.к. название идентичной керамике было дано ранее [Савельев, Медведев, 1973, с. 63]. И как правильно отметил автор первых раскопок поселения Унюк, «сходство обломков посуды настолько полное, что если смешать черепки Усть-Белой и Унюка, то затруднительно их будет разделить» [Зяблин, 1973, с 71].

Проблема датировки и корреляции неолитических комплексов юга Средней Сибири, содержащих усть-бельскую керамику, остается актуальной. Прежде всего, потому, что существование подобной керамической традиции следует определять в рамках широкого хронологического периода от середины V [Бердникова, 1986; Макаров, 2005; Савельев, 1989] до второй половины III тыс. до н.э. [Савельев, 1989; Хлобыстин, 1996]. Верхние горизонты Усть-Белой не имеют четкой стратиграфии, что усложняет задачу определения хронологии этой традиции в Прибайкалье. Опубликована незначительная часть данного поселения, в силу чего некоторые археологи испытывают сложности в определении культурной принадлежности и датировании керамики усть-бельского облика при раскопках неолитических объектов юга Средней Сибири. В некоторых работах приводится лишь описание идентичной керамики, проводятся аналогии только с близлежащими памятниками и не упоминается о сходстве с керамикой Усть-Белой, Поповского луга, Унюка [Макаров, 2003, с. 153-157]. Указанные факты усложняют задачу по определению границ распространения усть-бельской керамической традиции, а также по выявлению процессов культурного взаимодействия на обширной территории от верхнего и среднего течения Енисея до западного и южного побережья Байкала в эпоху неолита. Целью данной работы является описание особенностей и общих принципов декорирования керамических сосудов поселения Усть-Белая, т.е. таких индикато-

ров культурной принадлежности, которые помогут исследователям в правильной идентификации, описании и анализе декора данной керамики.

Техника декорирования

Преимущественными способами вдавленной техники декорирования усть-бельской керамики являются штампование и накалывание с приемами отступания и прерывания. В редких случаях отмечается прокатывание зубчатым «колесиком» как дополнительный элемент оформления (рис. 1, *1*).

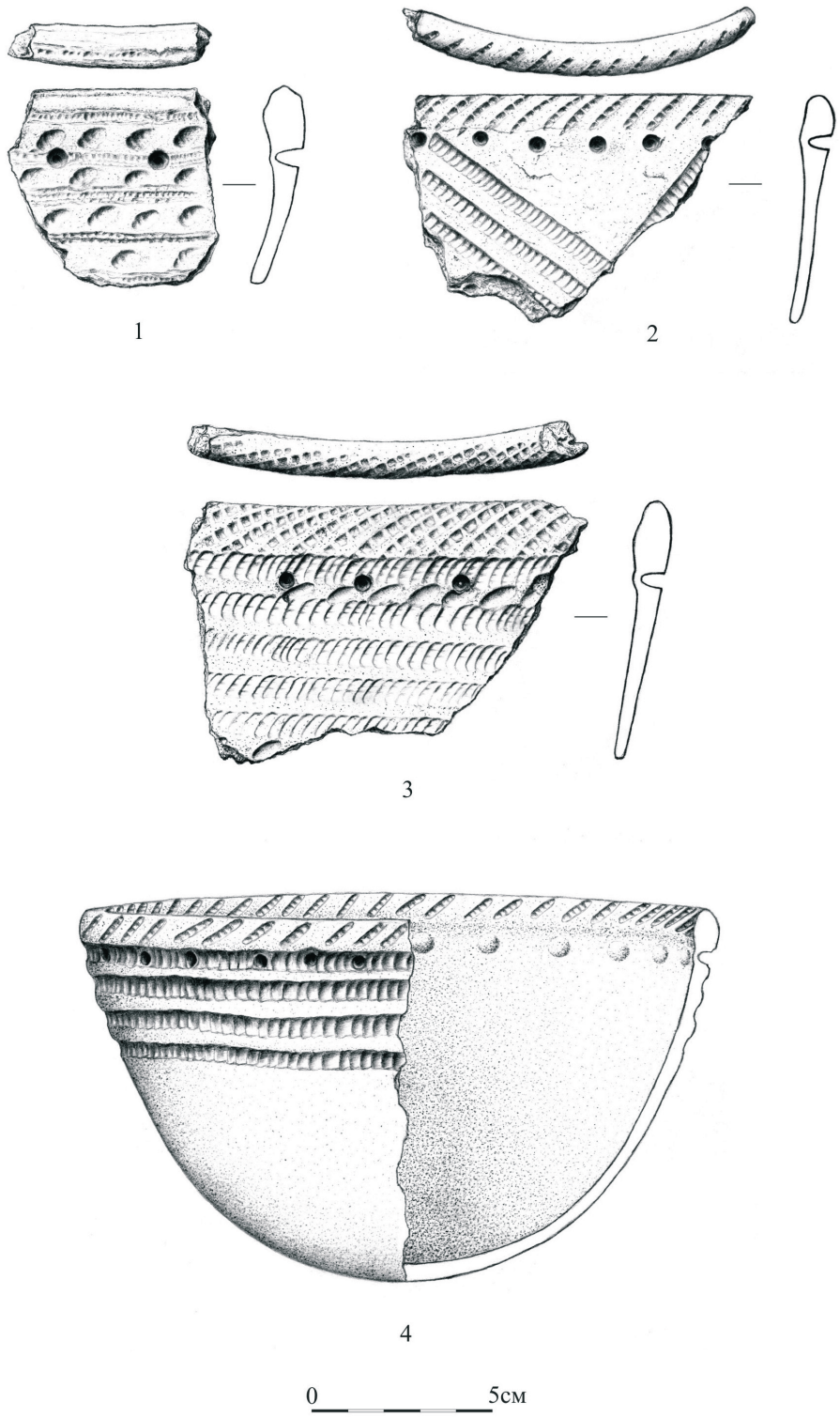


Рис. 1. Усть-бельская керамика: *1* – Усть-Белая, сл. 2а (автор раскопок Г.И. Медведев); *2* – Усть-Белая, сл. 3 (автор раскопок Н.Е. Бердникова); *3* – Усть-Белая, сл. 3 (автор раскопок Н.Е. Бердникова); *4* – реконструкция сосуда, Усть-Белая, сл. 3 (автор раскопок Г.И. Медведев)

Оттиски на сосудах можно разделить на три основные группы. В первую входит самый распространенный вид – оттиски стека («лопаточки») с различной формой рабочего края: прямоугольной (рис. 1, *2*, *4*), зубчатой (рис. 1, *3*), приостренной, полукруглой, волнистой. Ко второй группе следует отнести оттиски разнообразных зубчатых штампов: мелкозубчатой гребенки [Синицына, 1979, с. 89, рис. 1, *2, 7*], крупнозубчатого и овального зубчатого («личиночного») штампа (рис. 1, *1*), [Георгиевская, 1989, с. 103, рис. LXVIII]. Третью группу составляют редко встречающиеся оттиски гладких штампов каплевидной, овальной, овально-миндалевидной формы (рис. 1, *3*) [Синицына, 1979, с. 89, рис. 2, *1*].

Особенности декоративного оформления сосудов

Среди особенностей декорирования сосудов усть-бельского типа в первую очередь следует отметить своеобразное оформление венчика и зоны венчика. Венчики, как правило, приостренной или овальной формы, декорировались по бортам одним или двумя рядами отдельно поставленного зубчатого штампа (рис. 1, *2-4*). Реже фиксируются оттиски широкой «лопаточки» с приостренным рабочим краем [Савельев, Медведев, 1973, с. 62, рис. 5] либо следы продольного прокатывания инструмента в виде неширокого зубчатого колесика (рис. 1, *1*). Обязательным элементом оформления внешней стороны венчиковой зоны является горизонтальный бордюр, элементами которого являются круглые ямки, расположенные приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга (рис. 1, *1-4*). С внутренней стороны это выглядит, как горизонтальный ряд рельефных элементов, «жемчужин». В некоторых случаях фиксируются два ряда ямок, опоясывающих сосуд в зоне венчика [Синицына, 1979, с. 89, рис. 2, *2*].

Вариативность в построении композиции орнамента

Несмотря на разнообразие в построении и расположении отдельных элементов, любая композиция орнамента усть-бельской керамики подчинена определенным принципам, проявляющимся в вариациях сочетаний и чередований схожих мотивов. Роль основных мотивов выполняют бордюры, представляющие собой прямые и ломаные (зигзагообразные) линии – состоящие, в свою очередь, из повторяющихся элементов – с горизонтальным и вертикальным расположением.

Выделяются три основные композиционные группы, с несколькими вариантами внутри каждой из групп (рис. 2).

Первая группа. Сочетание прямолинейных мотивов в различных вариациях.

Вариант 1: декорирование верхней части сосуда с использованием горизонтальных прямолинейных мотивов. *Вариант 2:* декорирование всей поверхности сосуда с использованием горизонтальных прямолинейных мотивов. *Вариант 3:* декорирование всей поверхности сосуда с использованием вертикальных прямолинейных мотивов. *Вариант 4:* декорирование всей поверхности сосуда с использованием сочетания зон с горизонтальными и вертикальными прямолинейных мотивами.

Вторая группа. Сочетание зигзагообразных мотивов в различных вариациях.

Вариант 1: декорирование верхней части сосуда с использованием горизонтальных зигзагообразных мотивов. *Вариант 2:* декорирование всей поверхности сосуда с использованием горизонтальных зигзагообразных мотивов. *Вариант 3:* декорирование всей поверхности сосуда с использованием вертикальных зигзагообразных мотивов.

Третья группа. Сочетание и чередование прямолинейных и зигзагообразных мотивов.

Вариант 1: декорирование верхней части сосуда с использованием сочетания зон с горизонтальными прямолинейными и зигзагообразными мотивами. *Вариант 2:* декорирование всей поверхности сосуда с использованием сочетания зон с горизонтальными прямолинейными и зигзагообразными мотивами. *Вариант 3:* декорирование всей поверхности сосуда с использованием сочетания зон с вертикальными прямолинейными и горизонтальными зигзагообразными мотивами. *Вариант 4:* декорирование всей поверхности сосуда с использованием чередования зон с горизонтальными прямолинейными и зигзагообразными мотивами.

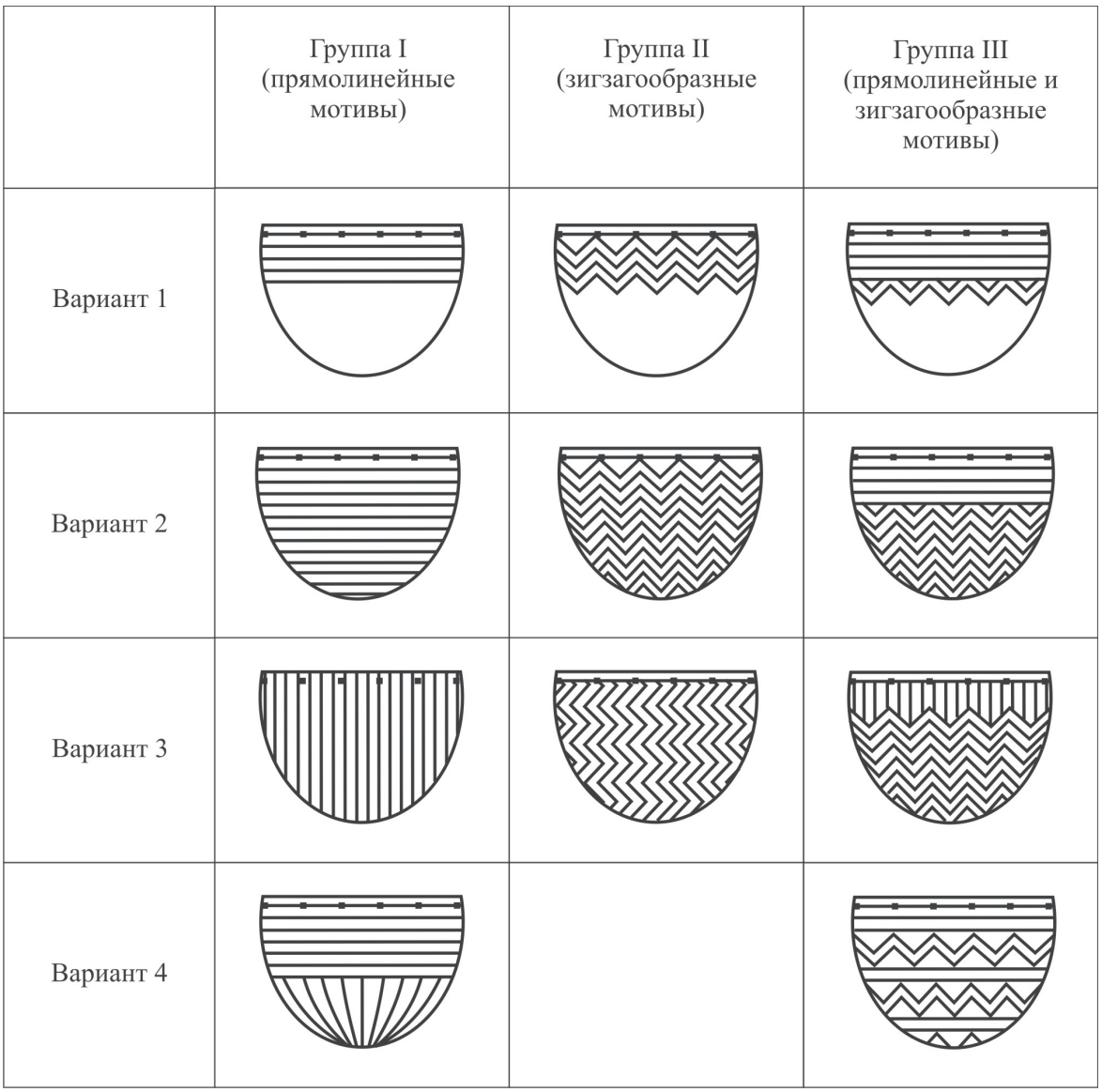


Рис. 2. Композиционные группы орнамента усть-бельских сосудов

Заключение

Анализ декора, представленный в данной работе, является начальным этапом в разработке типологии усть-бельской керамики, необходимость создания которой актуальна в свете современных представлений о сложных культурных процессах неолитической эпохи. Для этого необходимо также привлекать материалы других неолитических объектов, многие из которых до сих пор не опубликованы и не проанализированы должным образом, что несколько усложняет задачу. Создание работоспособной типологии керамики усть-бельского облика, на которую в будущем сможет опереться любой археолог, занимающийся проблемами сибирского неолита, требует обязательного привлечения методов естественных наук. И в первую очередь, серийного радиоуглеродного датирования неолитических горизонтов Усть-Белой, Поповского Луга и ряда других объектов юга Средней Сибири.

Литература

Бердникова Н.Е. Усть-Бельский керамический пласт (к постановке проблемы) // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. всесоюз. конф. – Улан-Удэ, 1986. – Ч. II. – С. 36-39.

Ветров В.М. Стратиграфия стоянки Поповский Луг. К вопросу о времени зарождения керамического производства на Верхней Лене // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Мат-лы регион. науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – С. 49-53.

Виноградов А.В. Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1982. – 16 с.

Генералов А.Г. Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка // КСИА. – 1979. – Вып. 157: Памятники первобытной культуры. – С. 43-47.

Георгиевская Г.М. Китойская культура Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1989. – 152 с.

Зубков В.С. Неолит и ранний бронзовый век верхней Лены: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1982. – 18 с.

Зяблин Л.П. Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 65-73.

Каменный век Южного Приангарья: Путеводитель – Иркутск: Иркут. ун-т, 2001. – Т. II. Бельский геоархеологический район. – 242 с.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 149-171.

Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989. – 25 с.

Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 60-63.

Синицына Г.В. Керамика Усть-Бельского поселения: (по материалам раскопок Н.Н. Гуриной) // КСИА. – 1979. – Вып. 157: Памятники первобытной культуры. – С. 88-92.

Хлобыстин Л.П. Восточная Сибирь и Дальний Восток // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 270-329. – (Археология СССР).

Е.Н. Бочарова
Иркутск, Иркутский государственный университет

Неолитическая керамика многослойного местонахождения Бугульдейка II
(юго-западное побережье озера Байкал)

В настоящей работе приведено описание керамической коллекции неолитических горизонтов многослойного местонахождения Бугульдейка II. Это местонахождение находится на юго-западном побережье оз. Байкал, в 2,5 км к юго-западу от современного поселка Бугульдейка [Бочарова, 2008; Бочарова, Коршунов, 2009].

В результате раскопок 1999-2008 гг. на площади 105 м^2 выделено пять культуросодержащих горизонтов. Нижний, пятый горизонт, бескерамический, отнесен к мезолиту в рамках 10-8 тыс. л.н., четвертый и третий горизонты к неолиту – 8-7 – 4,5 тыс. л.н. и верхние культуросодержащие горизонты (I-II к.г.) соответственно к периоду ранней бронзы и эпохи железа (рис. 1-1).

Общий состав неолитической керамики сильно фрагментирован, в плане располагается разрозненно, в основном, единичными фрагментами небольших размеров. В некоторых случаях частично восстановимые сосуды позволяют определить их приблизительный диаметр, а так же высоту. По техническому декору преобладают сосуды с оттисками сетки-плетенки, единичны фрагменты с оттисками шнура.

3 культуросодержащий горизонт (к.г.) вскрыт на площади 105 м^2. Керамическая коллекция состоит из 65 фрагментов, среди которых выделено 5 сосудов по способу орнаментации и декорирования, форме сосуда. Датировки 3 к.г. по ^{14}C – 4540±45 л.н. (СОАН-6598), 4520±150 л.н. (СОАН-7417), 4655±80л.н. (СОАН-7418).

Сосуд № 1 сложной закрытой формы с отогнутым наружу краем венчика. Венчик овальной симметричной формы. По верхней поверхности венчика со стороны внутренней стенки идут оттиски смазанного гребенчатого штампа. Внешняя стенка оформлена оттисками сетки-плетенки и под зоной венчика осложнена поясом ямочек-вдавлений. Приблизительный диаметр 19 см, толщина стенок 0,5-0,7 см (рис. 1-4).

Сосуд № 2 – фрагмент непрофилированного венчика от гладкостенного сосуда. Верхняя поверхность венчика рассечена вдавлениями овальной палочки. Толщина стенок 0,8 см.

Сосуд № 3 – фрагмент сосуда с оттисками заглаженного шнура по внешнему борту. Толщина стенок 0,4 см.

Сосуд № 4 – фрагменты тулова с оттисками сетки-плетенки по внешнему борту, толщина стенки 0,5-0,7 см (рис. 1-5).

Сосуд № 5 – фрагмент тулова с отпечатками крупной сетки-плетенки по внешнему борту, толщина стенок 0,4 см.

Керамическая коллекция 4 к.г., собранная с площади 105 м^2, составляет 568 фрагментов, преимущественно декорированных сеткой-плетенкой. Датировка на 4 к.г.: 1 уровень – 5650±130 л.н. (СОАН-7155), 6020±110 л.н. (СОАН-6599); 4 уровень – 6385±95 л.н. (СОАН-7420), 6500±80 л.н. (СОАН-7421), 7390±105 л.н. (СОАН-7419); 9 уровень: 8350±120 л.н. (СОАН-7156). Даты некоррелированные.

Сосуд № 1 – 32 фрагмента керамики с оттисками сетки-плетенки по внешней поверхности и со следами затертой сетки-плетенки по внутренней поверхности. Сосуд сложной закрытой формы, круглодонный. Венчик прямоугольный в профиле. Верхний срез венчика имеет следы сетки-плетенки. Диаметр изделия 18,5 см. На расстоянии 1,2 см от верхней поверхности среза венчика просверлены два биконических отверстия на расстоянии 0,8 см друг от друга. Диаметр каждого отверстия 0,5 см (рис. 1-9).

Сосуд № 2 представлен медиальной и донной зоной сосуда, со следами сетки-плетенки по внешнему борту. Сосуд простой открытой формы, остродонный. Диаметр изделия по верхней сохранившейся части 14 см. Высота 11 см. Толщина стенок в придонной части 0,35 см, по верхнему краю 0,5 см (рис. 1-8)

Сосуд № 3 – 8 фрагментов донной части одного сосуда. Сохранившаяся часть сосуда имеет приостренное дно. На внешней и внутренней поверхности фрагменты несут следы «сетки-плетенки». Диаметр сохранившейся верхней части сосуда 8,8 см, высота имеющегося фрагмента 7,5 см. Толщина стенок изделия в придонной части 0,3 см, верхнего края 0,2 см.

Сосуд № 4 – простой формы с оттисками сетки-плетенки по внешнему борту, венчик отсутствует. В верхней кромке обломка композиция из перекрещивающихся прочерченных линий. Высота до верхнего края 14,5 см. Толщина стенок 0,3-0,8 см (рис. 1-7).

Сосуд № 5 – фрагменты венчика и тулова. Венчик овальной симметричной формы, по внешнему и внутреннему краю оформлен косо поставленной отступающей лопаточкой. В зоне венчика расположены налепные валики, овальные в профиле, орнаментированные косо поставленной отступающей лопаточкой, подобно орнаментации самого венчика. Налепные валики не опоясывают полностью зону транзита сосуда: на разных участках количество валиков варьирует от одного до трех. Ниже налепных валиков прочерчены горизонтальные параллельные линии: просматривается до пяти линий. Ниже параллельных линий лопаточкой нанесен зигзагообразный поясок. По внешнему борту, ниже прочерченных линий не орнаментирован. Толщина венчика 0,5-0,9 см (рис. 1-6).

Сосуд № 6 – венчик овальной симметричной формы, гладкостенный, без орнамента, толщиной 0,7 см (рис. 1-3).

Сосуд № 7 – фрагмент венчика с оттисками заглаженной сетки-плетенки по внешнему борту. Толщина венчика 0,5-0,9 см.

Сосуд № 8 – гладкостенный фрагмент с прочерченными параллельными линиями по внешней стенке. Толщина стенки – 0,4-0,5 см (рис. 1-2).

Сосуд № 9 – фрагмент гладкостенной керамики, оформленный рядами отступающей лопаточки. Толщина стенки – 0,4 см.

Сосуд № 10 представлен 55 фрагментами тонкостенной керамики (толщина 0,2-0,4 см), декорированных сеткой-плетенкой. Все фрагменты обнаружены в расположенном локально скоплении керамики, занимавшем площадь 25х25 см.

Для «сетчатой» керамики, составляющей значительный процент для раннекерамических горизонтов местонахождения Бугульдейка II, свойственны отсутствие орнаментации, простата форм сосудов, небольшие размеры изделий, а так же небольшое суммарное количество, по сравнению с другими поселенческими памятниками Прибайкалья, единиц керамики. Это может так же служить доказательством гипотезы о том, что Бугульдейка II являлась кратковременной сезонной стоянкой. Все эти признаки остаются устойчивыми на протяжении 500-1000 лет, что позволяет говорить о пребывании на местонахождении одной культурной общности, о сохранении традиций изготовления керамических сосудов вплоть до позднеолитического времени.

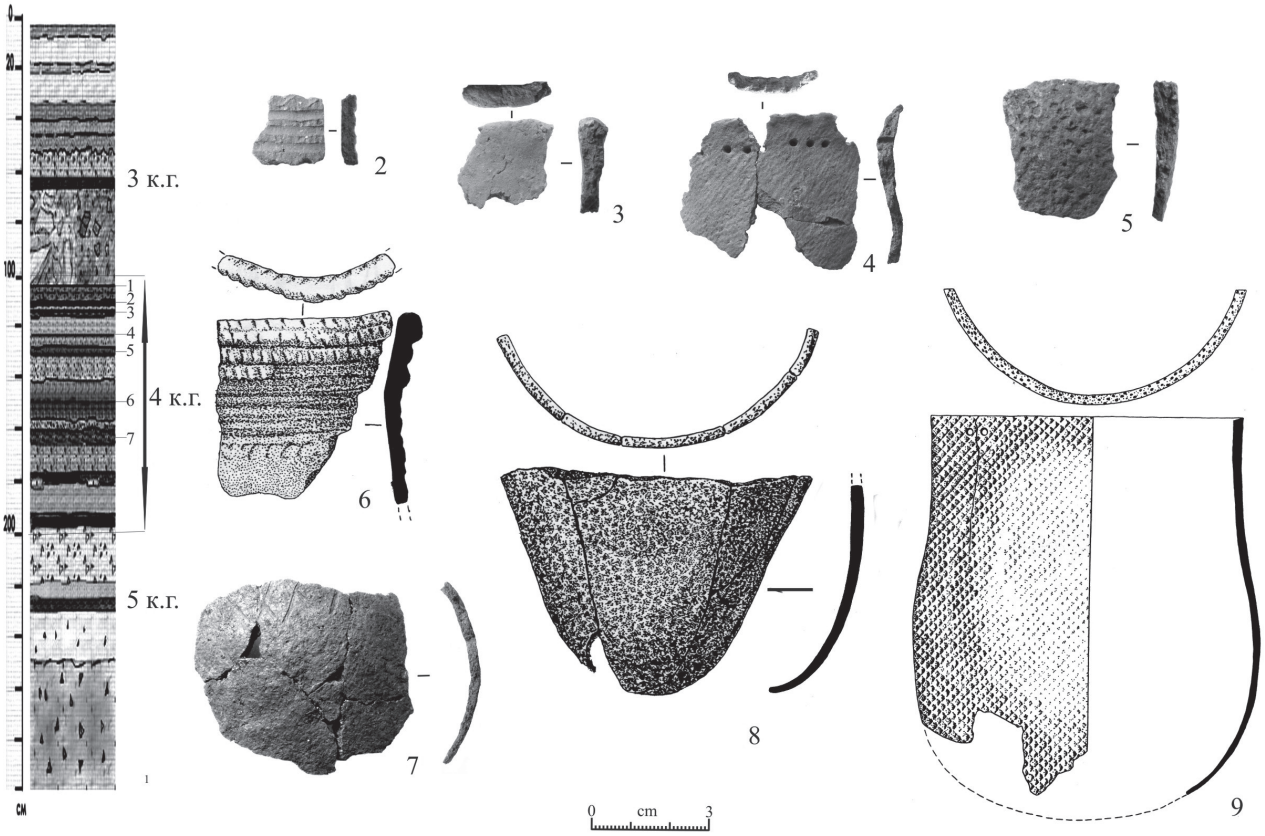


Рис. 1. Неолитическая керамика местонахождения Бугульдейка II:
1 – стратиграфическая колонка местонахождения Бугульдейка II; 2 – сосуд № 8 (4 к.г.)
3 – сосуд № 6 (4 к.г.); 4 – сосуд № 1 (3 к.г.); 5 – сосуд № 4 (3.к.г.); 6 – сосуд № 5 (4 к.г.);
7 – сосуд № 4 (4 к.г.); 8 – сосуд № 2 (4 к.г.); 9 – сосуд № 1 (4 к.г.)

Сетчатая керамика широко распространяется на объектах байкальского побережья, в Прибайкалье. Н.А. Савельевым в 1989 г. выявлен «сетчатый» пласт. По мнению исследователя, он «характерен для всей Средней Сибири» и датируется 7000-5000 л.н. [Савельев, 1989, с. 22]. Керамика с оттисками сетки-плетенки характерна для пади Долгой (юго-западное побережье оз. Байкал) [Коршунов, 2005], Саган-Заба [Горюнова и др., 2008], Улан-Хада (Приольхонье) [Грязнов, Комарова, 1991], Горелый Лес (р. Белая) [Спиридонова, 2008] и др. В этот перечень можно включить и раннекерамические горизонты местонахождения Бугульдейка II, чья керамическая коллекция соотносится с коллекциями выше указанных объектов и соответствует датировкам по ^{14}C.

Литература

Бочарова Е.Н. Раскопки многослойного местонахождения Бугульдейка-2 на юго-западном побережье озера Байкал // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул: Азбука, 2008 – С. 91-92.

Бочарова Е.Н., Коршунов Е.О. Предварительные результаты исследования многослойной стоянки Бугульдейка-II в 2008 г. // Археология и этнография азиатской части России. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – С. 40-41.

Горюнова О.И, Новиков А.Г., Вебер А.В., Воробьева Г.А., Орлова Л.А. Завершение раскопок Российско-канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008 – Т. XIV. – С. 31-35.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1991 – С. 13-32.

Коршунов Е.О. Многослойная стоянка «падь Долгая» на южном Байкале // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культура и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности – Иркутск: Изд-во РЦП «Радиан», 2005. – С. 120-122.

Савельев Н.А. Неолит юга Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989 – 25 с.

Спиридонова Ю.В. Неолитическая керамика Мишелевского геоархеологического субрайона: краткие данные статистического и мифологического анализа // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул: Азбука, 2008 – С. 90-91.

В.А. Долганов
Иркутск, Иркутский государственный университет

История исследования неолита Приольхонья (оз. Байкал)
(по материалам многослойных поселений)

Изучение стратифицированных поселенческих комплексов неолита в Приольхонье (СЗ побережье оз. Байкал от мыса Елохин до р. Большая Бугульдейка) в скором времени отметит вековой рубеж. По мере накопления фактологического материала менялась его интерпретация. Новые данные приводили к пересмотру теоретических построений, ставили перед исследователями новые задачи. Как правило, проблемы накопления материалов и изучения неолита рассматривались попутно с общей проблематикой голоценовых культур региона [Горюнова, 1984].

Цель данной работы – рассмотрение истории накопления стратифицированных неолитических материалов Приольхонья, в рамках историографических этапов и оценка современного состояния проблемы.

I этап (1912-1958 гг.) характеризуется началом накопления стояночных материалов по неолиту Приольхонья; разработкой первой культурно-хронологической периодизацией неолита. Этап связан с открытием и раскопками Б.Э. Петри (1912-1913 гг.) первого в Сибири многослойного, стратифицированного поселения Улан-Хада, на основе которого им разработана трех этапная периодизация сибирского неолита [Петри, 1916; 1921].

Дальнейшие исследования П.П. Хороших, Н.М. Ревякина, В.В. Свинина и Э.Р. Рыгдылона в 20-е и 50-е гг. XX в. в Приольхонье сводились к выявлению неолитических местонахождений, часть из которых (в последствии) оказалась стратифицированными: Бурлюк I, Куркут III, Берлога, Итырхей, Тышкинэ III, Идебэ, Семисосенная II, Хатха I [Горюнова, Свинин, 1995, 1996, 2000]. Проведенные в эти годы работы ограничивались сбором подъемных материалов.

II этап (1959-1972 гг.). В связи с новостроечными работами возобновился интерес к байкальской тематике; на территории Приольхонья проводятся крупные раскопки (в том числе и поселений); предлагаются периодизации древних культур Байкала (включающие и неолит), построенные на основе периодизации А.П. Окладникова, созданной по материалам погребений Приангарья [Окладников, 1950].

Крупные раскопки в Приольхонье связаны с работой Иркутской экспедиции ЛО ИА АН СССР (М.П. Грязнов) в 1959 г. на многослойном поселении Улан-Хада [Грязнов, Комарова, 1992]. В этом же году Л.П. Зяблиным была обнаружена и исследована стоянка Улярба, содержащая неолитический культурный слой. Результаты раскопок 1959 г. долгие годы не были введены в научный оборот. Дальнейшие изыскания в Приольхонье, проведенные В.В. Свининым, Л.П. Хлобыстиным, Н.М. Ревякиным (1963, 1969 гг.), носили разведывательный характер [Горюнова, Свинин, 1995].

Появились периодизации древних культур Байкала хронологического диапазона от мезолита до железного века включительно [Хлобыстин, 1964; Свинин, 1970]. Все они были построены на основе материалов Улан-Хады, раскопанных Б.Э. Петри. Исследователями пересмотрены взгляды на датировку и культурную принадлежность слоев этого поселения; поставлен вопрос о месте китойской культуры в периодизации неолита Прибайкалья.

III этап (1973-1991 гг.) характеризуется целенаправленным поиском и комплексным исследованием многослойных стратифицированных поселений; использованием методов естественных наук; появлением новых периодизаций, построенных на основе корреляции и синхронизации серии многослойных поселений.

В 70-е гг. в Приольхонье Северо-Азиатской экспедицией ИИФФ СО АН СССР (А.П. Окладников) проведены раскопки стоянок Саган-Заба II и Эльген, результаты которых расширили список стратифицированных неолитических объектов региона [Конопацкий, 1982; Асеев, 2003].

Масштабные исследования велись отрядами Комплексной археологической экспедиции Иркутского госуниверситета на многослойных поселениях, включающих неолитические слои: Улан-Хада (1974, 1979, 1982, 1990 гг. – О.И. Горюнова, Н.А. Савельев), Итырхей (1975-1976 гг. – О.И. Горюнова), Берлога (1977 г. – О.И. Горюнова), Тышкинэ II и III (1978-1980 гг. – О.И. Горюнова, А.Г. Генералов, Л.Г. Ярославцева), Кулара III (1985 г. – О.И. Горюнова) [Горюнова, 1984; Горюнова, Воробьева, 1986; Горюнова, Красавцев и др., 2000]. В эти годы были выявлены стратифицированные поселенческие комплексы, отнесенные к неолиту, – Идебэ и Семисосенная II [Горюнова, Свинин, 1995].

Теоретическим итогом изучения полученных материалов стала периодизация голоценовых культур Приольхонья, предложенная О.И. Горюновой [1984]. Проблемы неолита рассматривались ей попутно, на общем фоне развития культур в эпоху голоцена. Целенаправленному изучению неолитических комплексов поселений и выделению керамических пластов, как первого шага к определению культурно-исторических процессов в неолите юга средней Сибири, посвящена работа Н.А. Савельева [1989], в которой использовались и материалы Приольхонья.

IV этап (1991-2005 гг.). Сокращение бюджетного финансирования и переход на хоздоговорное обеспечение археологических работ определили их разведывательный характер. Этап характеризует спад полномасштабных исследований неолитических поселений.

В результате новостроечных работ Маломорского отряда экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ (О.И. Горюнова) выявлены стратифицированные комплексы неолита на поселениях Бурлюк I, Куркут III, Улярба, Шракшура III, Нутгей IV [Горюнова и др., 2000; Новиков и др., 2007].

Новый виток в изучении стратифицированных поселенческих комплексов Приольхонья связан с работами Российско-Канадской экспедицией ИГУ (О.И. Горюнова, А.В. Вебер, А.Г. Новиков) в 2006-2008 гг. на многослойном поселении Саган-Заба II. Комплексы неолита были выявлены в более дробной стратиграфической позиции, чем ранее выделенные А.П. Окладниковым [Горюнова и др., 2008].

В целом, в результате почти 100-летних полевых работ в Приольхонье выявлено 13 стратифицированных поселений, датированных разными периодами неолита [Горюнова, 2001]. Из них комплексно исследовано всего 7 объектов, изучение которых проводилось в рамках культурно-хронологической периодизации голоценовых культур в целом. Целенаправленное изучение неолитических поселений как самостоятельное научное направление ранее не определялось. Это положение в сочетании с явным качественным и количественным деферентом в сторону погребальных материалов затрудняет решение ряда научных проблем, в частности, корреляции материалов стоянок и могильников.

Литература

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 208 с.

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О.И. Неолит Приольхонья (оз. Байкал) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 369-373.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 40-54.

Горюнова О.И., Красавцев А.А., Сергиенко Т.Ю., Новиков А.Г. Новые комплексы развитого неолита Приольхонья (по материалам поселения) // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2000. – Вып. 2, ч. 2. – С. 3-14.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В., Воробьева Г.А., Орлова Л.А. Завершение раскопок Российско-Канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 32-35.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к своду памятников истории и культуры Иркутской области. – Иркутск: Арком, 1995. – Ч. 1: Остров Ольхон. – 140 с.; 2 карты.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к своду памятников истории и культуры Иркутской области. – Иркутск: Арком, 1996. – Ч. 2: Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. – 213 с.; 1 карта.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к своду памятников истории и культуры Иркутской области. – Иркутск: Арком, 2000 – Ч. 3: Материковый участок от мыса Улан до реки Большая Богульдейка. – 182 с.; 1 карта.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 13-32.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И., Долганов В.А., Батракова Н.А. Новые неолитические поселения Приольхонья (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 136-140.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 412 с. – (МИА. – № 18).

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала (предварительное сообщение о раскопках стоянки «Улан-Хада») // Сб. МАЭ АН. – 1916. – Т. 3. – С. 113-131.

Петри Б.Э. Неолитическая колония в бухте «Песчаная» на Байкале // Сборник трудов профессоров и преподавателей / Иркут. ун-т, 1921. – Вып. 2. – С. 56-65.

Савельев Н.А. Неолит юга средней Сибири, история основных идей и современное состояние проблемы: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989. – 17 с.

Свинин В.В. Археология озера Байкал: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1970. – 20 с.

Хлобыстин Л.П. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1964. – 18 с.

С.П. Дударёк
Иркутск, Иркутский государственный университет

История археологических исследований погребальных комплексов Северного Приангарья

Началом археологического изучения Северного Приангарья принято считать экспедицию Н.И. Витковского. В 1882 г., при поддержке ВСОРГО, консерватор Иркутского музея ВСОРГО Витковский совершил поездку по долине Ангары от Иркутска до устья р. Тасеевой. Он открыл ряд интересных памятников прошлого, в том числе петроглифы на Каменных островах, а так же изучил стоянку на р. Чадобец, где им впервые для низовьев Ангары найдены и остатки погребений [Окладников, 1950, с. 34].

В 1936-1937 гг. А.П. Окладниковым на участке Ангарской долины протяженностью 1200 км от бывшего Братского острога до устья Ангары было открыто и осмотрено 85 местонахождений. Среди открытых объектов были: могильник на о. Жилой, в устье р. Карапчанки, наскальные рисунки на о. Ушканий, поселения Эдучанка, Воробьево, Усть-Илим и другие. Все обнаруженные археологические объекты укладывались в диапазон неолит – бронзовый век [Роговской, 2008, с. 6]. Среди многих погребений, раскопанных исследователем, упоминается погребение с бронзовым инвентарем в устье р. Цэпань [Привалихин, 1993, с. 8].

После длительного перерыва, связанного с Великой Отечественной войной и послевоенным восстановлением, работы в этом районе были возобновлены только в 1961 г., в связи с проектированием и намечаемым строительством Усть-Илимской и Богучанской ГЭС. В 1967 г. в районе нижнего и среднего течения р. Ангара и р. Илим в связи со строительством Усть-Илимской ГЭС развернулись археологические работы с целью изучения местонахождений, попадающих в зону затопления. Обследовались стоянки, открытые ранее, выяснялось состояние объектов, перспективность их дальнейшего исследования, а также велись поиски новых местонахождений. В 1969 г. Богучанский отряд КАЭ ИГУ провел разведку в нижнем течении Ангары от с. Кеуль Иркутской области до с. Климино Красноярского края. Во время разведки были уточнены местоположение и наличие культурных слоев уже известных археологических объектов и открыты новые [Роговской, 2008, с. 7].

В 1973-1974 гг. объединенными силами АЭЭ ККМ и отряда КАЭ ИГУ на нижней Ангаре проводились раскопки многослойного поселения в устье р. Чадобец. Обследовано и открыто 11 памятников эпохи неолита, бронзы и железного века, в том числе местонахождения в районе р. Каты, погребение на о. Сосновый, датированное эпохой раннего металла [Дроздов, Привалихин, 1975]. В 1975 г. продолжены раскопки могильника Сосновый мыс, расположенного на о. Сосновом. Вскрыто 6 погребений [Петрова и др., 1976]. В этом же году открыто местонахождение Отико I – могильник. Было вскрыто 5 погребений, хронологически относящихся ко времени поздней бронзы.

С 1978 по 1991 гг. АЭЭ ККМ было исследовано 7 погребальных комплексов: Отико I, Сосновый мыс II, Слопцы, Сергушкин I, III, Взвоз, Капонир. Хронологический диапазон погребений: неолит – ранний железный век. В.И. Привалихиным была выделена и исследована цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья (8-2 вв. до н.э.) [Привалихин, 1993].

В 1998 г. во время работ, проводившихся в рамках межведомственной программы выявления, картирования и мониторинга археологических объектов, Нижне-Ангарским отрядом археологической экспедиции ИГУ под руководством Е.О. Роговского, открыто местонахождение «о. Каменный (60 км)». В 3 м от бровки уступа обнаружены 2 каменные кладки, сооруженные из разноразмерных плит туфогенных пород. Кладки четко прослеживаются в рельефе современной поверхности; частично задернованы, имеют неправильную вытянутую форму, ориентированы длинной осью по линии СВ-ЮЗ, перпендикулярно течению Ангары [Роговской, Белоненко, 1999]. В 2008 г. одна из кладок раскопана послойной зачисткой и вписана в площадь вскрытия 10 кв. м [Роговской, 2008, с. 43].

Археологические спасательные работы в зоне будущих водохранилищ «Ангарского каскада» имеют уже более чем семидесятилетнюю историю. Начавшись в 30-х гг. прошлого столетия, продолжаются и в XXI веке. За это время открыты и исследованы сотни археологических объектов, среди которых немало уникальных. В числе последних островные погребальные комплексы, устьевые многослойные местонахождения, широко известные ангарские писаницы. Планируемое заполнение ложа Богучанского водохранилища вновь ставит вопрос о развертывании широкомасштабных археологических спасательных работ по берегам Ангары и на ее островах. В зону затопления попадают интереснейшие археологические объекты, фиксируемые на всем протяжении будущего водохранилища. В полной мере это относится и к отрезку Богучанского водохранилища, который приходится на Иркутскую область. Здесь, ниже проектной отметки зеркала водохранилища – 208 м, оказываются археологические объекты, имеющие чрезвычайно высокую научную и культурную значимость.

Литература

Дроздов Н.И., Привалихин В.И. Разведки на Средней Ангаре // АО 1974 года. – М.: Наука, 1975. – С. 203–204.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1 и 2. – 412 с. – (МИА – № 18).

Петрова Н.А., Смотрова В.И., Смотрова Г.И., Дроздов Н.И., Ларченко С.И. Раскопки древнего могильника на Средней Ангаре // АО 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 272-273.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Роговской Е.О. Отчет об археологических разведочных исследованиях в 2007 году, в долине Ангары, на участке от г. Усть-Илимска до границ с Красноярским краем, в зоне затопления Богучанским водохранилищем (Иркутская часть) // Архив ЦСН. – Иркутск, 2008. – Т. 1. – 103 с.

Роговской Е.О. Отчет о рекогносцировочных научно-изыскательских археологических работах в Северном Приангарье. Зона затопления ложа Богучанской ГЭС // Архив ЦСН. – Иркутск, 2009. – Т. 1. – 63 с., 182 илл.

Роговской Е.О., Белоненко В.В. Отчет о проведении рекогносцировочных археологических исследований в долине р. Ангары на участке от г. Усть-Илимска до административной границы Иркутской области и Красноярского края // Архив ЦСН. – Иркутск, 1999. – 41 с., 46 илл.

Д.Н. Еньшин, Д.А. Белоногов
Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН

К вопросу о реконструкциях неолитических жилищ Западной Сибири

Проблема экологии человека в настоящее время является одной из главенствующих направлений археологических исследований. И вопросы домостроительства в различные эпохи истории человечества остаются актуальными. Традиции и особенности домостроительства древнего населения находятся в центре внимания археологов с самого начала археологического исследования региона, так как поселения являются одними из наиболее ценных археологических источников.

В процессе накопления информации в данной области археологического знания возникла необходимость в упорядочении данных о жилищах, создании классификаций, обобщении методик изучения сооружений. Построением классификационных схем сооружений различных эпох и археологических культур в разное время занимались многие археологи [Чернецов, 1961; Морозов, Стефанов, 1993; Алексашенко, Викторова, Панина, 1984; Борзунов, Кирюшин, Матющенко, 1993]. В своих построениях исследователи используют методы условных реконструкций, физического моделирования, технологического эксперимента [Грязнов, 1953; Семенов, Коробкова, 1983; Глушков, 1992; Зах, 1995; Ковалева, 1997; Васильев, 2000]. Однако, при всех этих наработках вопросы классификаций жилищ остаются дискуссионными.

На территории Западной Сибири в настоящее время хорошо исследовано не так много сооружений эпохи неолита. На наш взгляд, основная причина этого в том, что большинство изученных памятников, содержащих неолитические материалы, являются многослойными и, зачастую, проследить конструктивные особенности объектов не представляется возможным. Другой проблемой является то, что в большинстве случаев, интерпретируя поселения, основное внимание уделяется находкам, их распространению в объектах. Собственно конструктивные особенности жилищ уходят на второй план. Зачастую археологи ограничиваются кратким сухим описанием места положения того или иного элемента конструкции, размеров котлована, глубины, наличия ям, очага. Более полная картина сооружения предоставляется совсем уж в редких случаях.

Территория Нижнего Приишимья является очень перспективной в плане исследования многих актуальных на сегодняшний день тем. Не исключением является и проблема реконструкций неолитических сооружений. Уникальные в этом плане материалы дает поселение Мергень 6, расположенное на северо-восточном берегу оз. Мергень на мысовидном участке береговой террасы высотой 1,5 м в устье р. Мергеньки [Археологическое.., 1995.]. В ходе работ было обнаружено 11 неолитических объектов. Информативность одного из них позволила предпринять попытку его реконструкции. Котлован жилища № 5 в плане фиксировался в форме овала с прямоугольной более углубленной внутренней частью. Общая площадь котлована составляет около. 55 м^2. Размеры более углубленной внутренней части – 5х5 м. По длинной оси объект ориентирован по линии восток-запад. Вход в сооружение находился с западной стороны, в двух метрах к востоку от него внутри жилища был зафиксирован прокал. Методика работ позволила наиболее полно зафиксировать столбовые ямы, относящиеся к основной конструкции жилища, а так же элементы внутреннего устройства жилого пространства. Все столбовые ямы, имеющие отношение к жилищу №5, находятся в пределах котлованов. С внешней стороны ямы отсутствуют. Анализируя эти особенности жилища по данным планиграфии и стратиграфии, анализа распространения находок был сделан ряд выводов:

– жилище подверглось значительной модернизации, с целью увеличения полезной площади;

– жилище имело несущую каркасно-столбовую конструкцию, как до перестройки, так и после нее, причем, до перестройки каркас имел восьмиугольную форму;

– стены имели некоторый наклон к центру конструкции, их высота колебалась в пределах одного метра без учета глубины котлована;

– первоначально жилище имело одну центральную несущую опору, после перестройки была добавлена вторая;

– кровля имела конусообразную форму;

– у жилища отсутствовал тамбурообразный вход.

Таким образом, перед нами жилище с каркасно-столбовой конструкцией, характерные особенности которого являются свидетельством значительной перестройки. Если быть точнее, жилище было достроено с целью увеличения полезной жилой площади. Причем, первоначальная конструкция основного несущего каркаса, частично, была сохранена и подверглась ремонту, впрочем, как и вход в жилище. На основании спорово-пыльцевого анализа [Ландшафты голоцена.., 2008] можно сделать вывод о том, что в качестве строительного материала в сооружении жилища № 5 для общего каркаса и несущих конструкций использовались березовые бревна, а для создания обрешетки крыши и стен, на которую ложилось уже собственно покрытие, судя по всему, использовалась упругая ива. Покрытие стен и крыши было, скорее всего, растительное и преобладающим в нем был тростник, который укладывался таким образом, чтобы создать «эффект черепицы».

Необходимо отметить, что результаты исследования данного жилища показали, что наличие двух котлованов не всегда свидетельствует о существовании двух разных сооружений.

Есть предположение, что при строительстве использовалась относительно устойчивая система исчисления длин, или перед нами попытка вторичного использования строительного материала.

Помимо конструктивных особенностей в процессе работ в жилище были зафиксированы некоторые особенности расположения отдельных вещей, позволяющие с большой долей условности предположить о наличии у древних строителей неких обычаев (ритуалов), связанных с возведением жилища. Так, в области входа на дне одного из гумуссированных пятен, определенных как остатки элементов настила, был обнаружен развал половины сосуда, а с противоположной от него стороны входа в небольшой нише на уровне пола была обнаружена орнаментированная костяная вкладышевая оправа ножа. Возможно, эти вещи были положены в эти места с определенной ритуальной целью, чтобы как-то охранить пространство внутри жилища от проникновения из внешней враждебной человеку среды, или являются, так называемым, обычаем «строительной жертвы», зафиксированным в практике многих народов. Эта тема требует дополнительной проработки и приводится на уровне предположения.

Для более полной картины выявления определенных закономерностей при решении строительных задач крайне необходимо продолжить исследование поселения Мергень 6.

Литература

Алексашенко И.А., Викторова В.Д., Панина С.Н. Жилища Андреевского озера (IX участок) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск, 1984. – С. 15-32.

Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепной и подтаежной полосы / А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, М.А. Буслов, В.А. Зах, В.А. Могильников. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 121-122.

Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 1993. – С. 4-45.

Васильев В.Г. Экспериментальное моделирование археологических жилищ: по материалам памятников неолита – бронзы таежной зоны Среднего Приобья: Афтореф. дис. …канд. ист. наук. – Сургут, 2000. – 20 с.

Глушков И.Г. Реконструкция и моделирование неолитического жилища (по материалам поселения Чилимка V) // Экспериментальная археология. – Тобольск, 1992. – Вып. 2. – С. 18-34.

Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону // КСИИМК. – 1953. – Вып. 50. – С. 137-148.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1995. – 95с.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. – Екатеринбург, 1997. – 15 с.

Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье / В.А. Зах, О.Ю. Зимина, Н.Е. Рябогина, С.Н. Скочина, И.В. Усачева. – Новосибирск: Наука, 2008. – 212 с.

Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. – 1993. – С. 143-170.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. – Л., 1983. – 254 с.
Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1961. – С. 41-53.

Д.А. Иванова
Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

Сравнительная характеристика керамики северной и центральной части Японского архипелага в период Среднего и Финального Дземона*

Около 15 тыс. лет назад мир начал постепенно выходить из долгого Ледникового периода. Это было время важных событий в истории Японского архипелага, в результате которых произошли поразительные изменения в жизни людей каменного века. Это было время появления и использования керамики и стрельбы из лука, приручение собак, а также изобретение и усвоение революционно новых технологий и орудий труда. Это время ознаменовало начало долгого периода Дземон, который начал свое развитие с Изначального Дземона, а тот, в свою очередь, перерос в Начальную и Раннюю стадии, затем следует Средняя, Поздняя и Финальная стадии эпохи Дземон. Это была эпоха, которая продолжалась около 12 тыс. лет.

Как уже было сказано, Дземон Японии разделен на шесть крупных этапов. Внутри каждого этапа выделяют различные региональные типы керамики. Т. Есака выделял 256 типов керамики для 15 регионов в Дземоне [Кузьмин, 2005]. Татсуо Кобаяси объединил типы керамики для каждого этапа Дземона в стили (или манеры), имеющие конкретную географическую привязку. Всего Т. Кобаяси выделяет около 70 основных стилей керамики.[Kobayashi, 2004] Каждый стиль существует отдельно, исключением являются пограничные районы, т.к. в этих местах присутствует преемственность двух пограничных стилей. Благодаря наличию стилистических зон территорию Японского архипелага можно разделить на три больших региона. I регион покрывает территорию северной и восточной части о-ва Хоккайдо. II регион включает в себя полуостров Осима в южной части о-ва Хоккайдо и всю восточную часть о-ва Хонсю, т.е современный районы Хокурику, Канто, Чибу и Токай. III регион включает западную часть о-ва Хонсю и современный районы Кинки и Чугоку, а так же о-ва Сикоку и Кюсю. В последнее время так же многие ученые выделяют еще два региона. IV регион включает большую часть о-ва Рюкю. Граница между IV и V регионами лежит между островами Окинава и Сакасима [Kobayashi, 2004].

В данной работе я бы хотела рассмотреть керамику I и II регионов Японского архипелага. Период времени, выбранный мной для исследования варьирует от Среднего до Финального Дземона. Согласно радиоуглеродной хронологии: на о-ве Хоккайдо это период времени от 5100 тыс. лет назад до 2400 тыс. лет назад; на территории района Тохоку от 4600 тыс. лет назад до 2250 тыс. лет назад; на территории района Канто от 4800 тыс. лет назад до 2100 тыс. лет назад [Habu, 2004].

В начале Среднего Дземона на территории о-ва Хонсю, не смотря на эволюцию форм керамики, ее по-прежнему продолжают использовать в качестве инструмента для приготовления и хранения пищи, т.е. керамика все еще в значительной степени была связана с едой. Однако постепенно, начиная с данного периода, керамика начинает ассоциироваться с чем–то более глобальным, чем просто сосудом для хранения пищи. В некоторых регионах керамика начинает использоваться в качестве ритуальной утвари в похоронных обрядах. Более тщательно керамические сосуды, по форме напоминающие курительницы, были выполнены в период Позднего Дземона. Некоторые из этих форм предположительно использовались в ритуалах и церемониях, хотя вероятно, что в мире Дземон разделение между божественным и профанным не имело четких границ, как это происходит сейчас [Obihiro-Taisho sites 3, 2008].

В истории развития керамики эпохи Дземон данный период можно назвать как «период аппликации», потому что именно в это время был реализован весь потенциал керамистов Дземона.

* *Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-00412а «Антропоморфная пластика древних культур Сибири и Тихоокеанского бассейна» и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»*

Появление новых форм керамики сопровождалось развитием новых приемов декорирования, появлением узоров повествовательного характера. Помимо сравнительно простых, геометрических и симметрических черт, появляются необычные узоры, которые включают кривые линии «S»-образной формы, «кинжалы», растительные мотивы, а также узоры, напоминающие выпяченные глаза стрекозы. Эти узоры часто становятся центром композиции.

Основную массу находок на памятниках Позднего Дземона Хоккайдо составляет керамика. Абсолютное большинство сосудов предназначено для хозяйственных нужд и изготовлено способом ленточного налепа. Усложняются формы и умножается количество типов посуды: распространение чаши-хати с широким устьем (типа пиалы), блюдца, горшки-камэ с невысокой выделенной шейкой и отогнутым венчиком, амфоры, а так же сосуды с носиком. До недавнего времени группу керамики Позднего Дземона Хоккайдо представляли по общим названием «Керамика типа ноппоро», она сравнивалась с керамикой типа «Касоро В» в Канто. Так же указывалось наличие, главным образом на юго-западе острова, группы керамики, украшенной «жемчужинами», образованными путем наколов, сделанных изнутри. Эта керамика рассматривалась как хронологически следовавшая за типом ноппоро. В настоящее время в керамике Позднего Дземона Хоккайдо выделяются следующие типы: Ириэ, Фунадомари верхнего слоя, Добаяси, Курисава, Готэньяма и Мицуя [Чан Су Бу, 1976].

Литература

Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. – Владивосток 2005. – 282 с.

Чан Су Бу. Поздний Дземон Хоккайдо: Дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск 1976. – 188 с.

Habu J. Ancient Jomon of Japan. – Cambridge University Press, 2004. – 332 p.

Kobayashi T. Jomon Reflection. – Oxbow Books, 2004. – 240 p.

Obihiro-Taisho sites 3. – Obihiro Board of Education, Hokkaido, Japan. 2008. – 423 p.

С.В. Коваленко
Благовещенск, Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области

Неолитическая коллекция с горы Шапка в Амурской области (по результатам раскопок 2009 года)

Гора Шапка – колоссальный археологический объект в Западном Приамурье. Исследования памятника сотрудниками Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской области в 2009 г. позволили получить новые материалы об объекте, в том числе выявить неолитический слой, относящийся, судя по обнаруженным артефактам, к осиноозерской культуре Западного Приамурья. В ходе работ 2009 г. был заложен раскоп общей 196 кв. м. Общее количество артефактов составило 2043 единиц, из них неолитических 132.

Неолитическая коллекция соотносится со слоем коричневого, красноватого суглинка, расположенного, преимущественно, в восточной части раскопа в секторах II и IV.

Коллекция представлена отщепами без следов обработки и сработанности – 45 шт., сколами с камня – 6 шт., пластинами без следов обработки и износа – 27 шт. Артефакты, имеющие следы утилизации – 54.

Таблица I. Основные функциональные характеристики коллекции 2009 г. памятника г. Шапка

№ артефакта	квадрат	морфологическая характеристика	функция	обрабатываемый материал	интенсивность износа
1	Н-4	подвеска	украшение		средняя
2	Л-14	подвеска	украшение		слабая
3	Л-11	подвеска	украшение		средняя
4	Л-11	скопление вкладышей	двусторонний нож	мясо	слабая
5	Н-7	вкладыш	-	-	следов износа нет
6	Л-12	вкладыш	нож	мясо	слабая

7	К-5	вкладыш	строгальный нож	дерево	слабая
8	К-8	вкладыш	нож	мясо	слабая
9	О-11	вкладыш	нож	мясо	средняя
10	Д-3	вкладыш	нож	мясо	слабая
11	Л-6	вкладыш	-	-	следов износа нет
12	К-6	вкладыш	нож	мясо	слабая
13	М-13	вкладыш	нож	мясо	средняя
14	Д-10	вкладыш	нож	-	следов износа нет, дополнительная подправка и подточка
15	Н-10	вкладыш	нож	мясо	слабая
16	О-11-О-11	вкладыш	нож	мясо	слабая
17	О-11-О-11	вкладыш	нож	мясо	слабая
18	М-13	вкладыш	нож	мясо	слабая
19	М-5	вкладыш	нож	мясо	слабая
20	Ж-10	вкладыш	нож	мясо	слабая
21	К-3	пластинчатый отщеп	скребок-нож	мясо, шкура	скребок – слабая, нож – интенсивная
22	К-4	-	наконечник стрелы	-	следов нет
23	Л-3	-	наконечник стрелы	-	нестреляный
24	Д-6	-	наконечник стрелы, нож	мясо	слабая
25	Е-8	-	наконечник стрелы	-	стрелянный
26	Л-2	-	наконечник стрелы	-	стрелянный
27	Н-9	-	наконечник стрелы	-	стрелянный
28	О-12	-	наконечник стрелы	-	нестреляный
29	О-1	-	наконечник стрелы	-	снятия с острия
30	Л-11	-	наконечник стрелы	-	снятия с острия
31	О-1	-	наконечник стрелы	-	снятия с острия, особая тщательность изготовления
32	О-1	бифас	нож для разделки туш, крупной рыбы	шкура, мясо	средняя, дополнительная подточка, деревянная рукоять
33	А-1	галечник	нуклеус	-	следов износа нет
34	М-5	галечник	нуклеус	-	следы снятия, как минимум, двух пластин (отжимка)
35	В-13	пластина	Нож	мясо	Интенсивная
36	Г-5	-	резец, скобель	дерево	Резец интенсивная, после сработки скобель
37	М-12		скобель	Дерево	слабая
38	О-3		нож	мясо	слабая
39	А-4	отщеп	нож	мясо	интенсивная
41	О-1	пластина	-	-	слабая, неопределима

42	Ж-2		нуклеус	-	сработанный
43	М-5	пластина	нож	мясо	слабая
44	Л-3	пластина	строгальный нож	дерево	слабая
45	Л-3	пластина	строгальный нож + нож	дерево+мясо	слабая
48	М-14	пластина	строгальный нож + скобель	дерево	нож – средняя, скобель слабая
50	К-14	галечник	нуклеус	-	-
52	Г-14	ретушированный пластинчатый отщеп	-	-	слабая
53	Л-9		нуклеус	-	сработанный
54	Н-7	пластина	строгальный нож	дерево	слабая
55	Б-12	пластина	резчик	дерево	средняя
56	Н-7	отщеп	нож	мясо	слабая
57	О-9	отщеп	строгальный нож	дерево	средняя, вторичное использование
58	О-12	отщеп	строгальный нож	дерево	средняя, вторичное использование

Планиграфический анализ распространения инструментария, выявленного в результате трасологического анализа по площади раскопа, позволил определить несколько производственных участков. Два из них, выделенные по скоплению на определенной территории каменных ножей, а также вкладышей ножей, трасологический анализ которых показал интенсивную сработанность по мясу [Волков, 2009], можно определить как участки обработки мяса и шкур животных (рис. 1, а). При этом следует отметить, что вкладыши ножей в раскопе располагались, как правило, группами по 2-4 вкладыша.

Рассматривая функциональные характеристики неолитической коллекции, так же можно выделить периферийный участок распространения вкладышей ножей и ножевидных пластин, не имеющих следов обработки и сработанности. Концентрация этого материала связана с границей неолитического культурного слоя, проходящей в центральной части раскопа (рис. 1, б).

Отдельным участком можно выделить концентрацию орудий охоты – наконечников стрел (рис. 1, в). Все обнаруженные наконечники стрел небольшие, подтреугольной формы, с вогнутым насадом, обработанные двусторонней приостряющей ретушью.

В целом, материал коллекции можно рассмотреть как поселенческий комплекс с характерно высокой долей утилизации орудий. Состав инструментария свидетельствует об изученной территории как о месте, где происходило активное потребление мясных продуктов. Дальнейшее археологическое изучение памятника позволит более полно и точно выделить соответствующие производственные площадки.

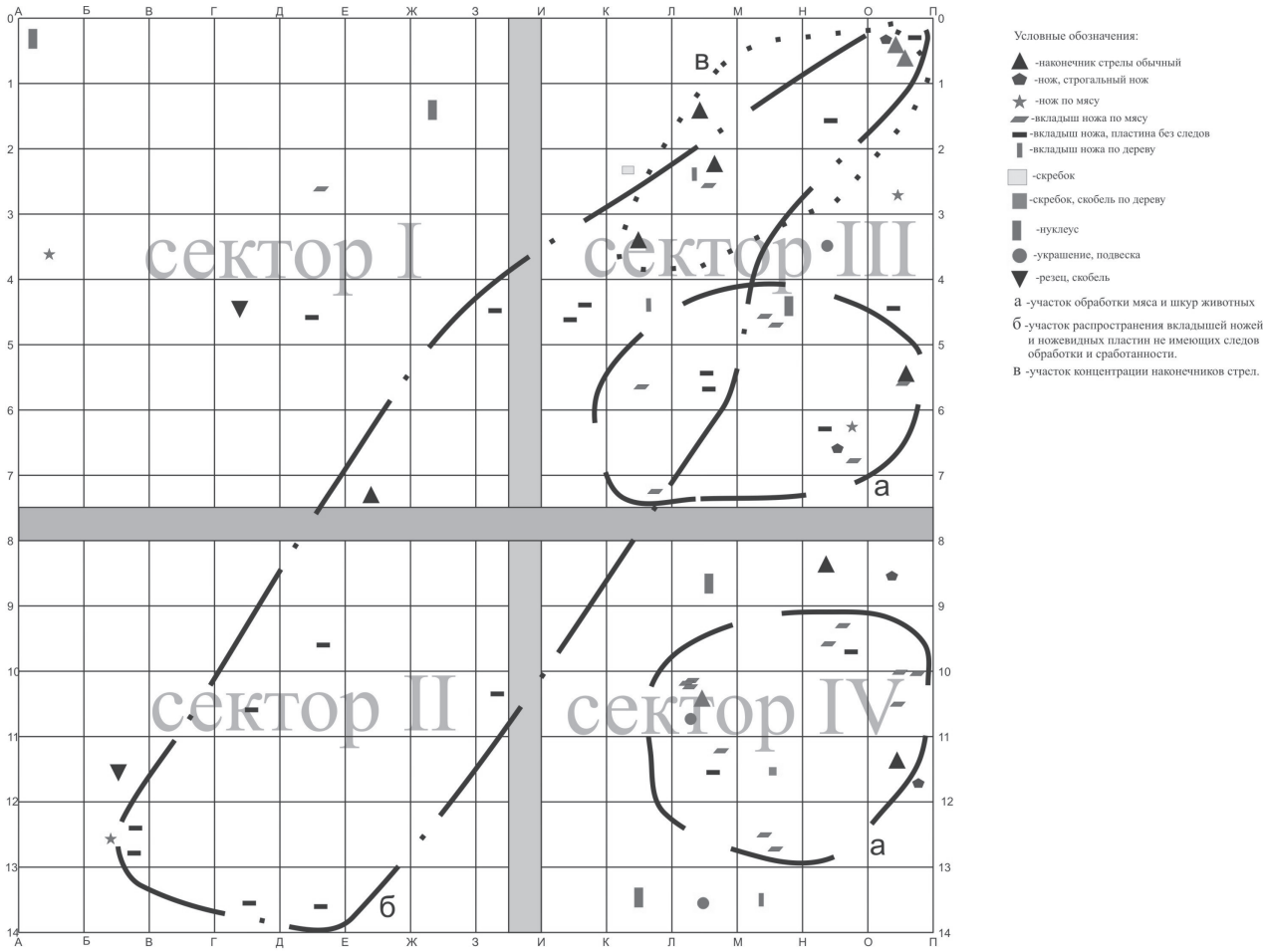


Рис. 1. Планиграфия раскопа на г. Шапка. Неолитический слой

Литература

Волков П.В., Волков Д.П., Зайцев Н.Н., Миронов М.А. Неолитическая коллекция с горы Шапка в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 70-74.

О.А. Коробова
Томск, Томский государственный университет

Неолитическая керамика севера Западной Сибири: проблемы классификации

Неолитическая эпоха на севере Западной Сибири – ключевой период для понимания особенностей развития последующих этапов древнейшей истории. Это время освоения обширных территорий равниной тайги, активной адаптации культуры, выработки основ хозяйственно-культурного типа таёжных охотников–рыболовов и связанного с ним образа жизни.

Для специалистов, изучающих новокаменный век Западной Сибири, ключевым археологическим источником является керамика. Начиная с неолита, формы глиняных сосудов и их декор, чутко реагирующие на изменение культурной традиции, становятся важнейшим, а порой и единственным инструментом (маркером) для различения и характеристики древних культур [Косарев, 1981; Косинская, 2006].

Первая существенная классификация керамики Зауралья и севера Западной Сибири принадлежит В.Н. Чернецову. Именно особенности орнаментации древней посуды были положены им в основу периодизации уральско-западносибирского неолита. Она включала три периода: Козловский, охватывающий ранний неолит и характеризующийся прочерчено-отступающей техникой, юрьинско–горбуновский (средний), для керамики которого характерна отступающе-прочерченная техника в

сочетании с печатно-гребенчатой и Чэс-тый-ягский (поздний) с гребенчатой орнаментацией [Чернецов, 1968]. Эта схема, уточнённая О.Н. Бадером [1970, с. 158] и дополнительно аргументированная В.Ф. Старковым [1980, с. 77-79], стала классической и долгое время не подвергалась сомнению. Позднее В.Т. Ковалёвой было установлено, что разные типы орнаментации характерны для всего неолитического времени (как раннего, так и позднего), поэтому предложенная классификация не отражает всего многообразия выявленных керамических комплексов [Ковалёва, 1980].

Сейчас, в связи с накоплением материала, происходит переосмысление культурно-генетических процессов неолитической эпохи. Разнообразие материала, в том числе наличие значительных коллекций каменного инвентаря, не поколебало важности классификации керамик, как основного способа структурирования археологических источников.

К настоящему времени ареал неолитических памятников на севере Западной Сибири включает средне- и северо-таёжные леса, при этом основная масса выявленных поселений сосредоточена в пределах Обского бассейна. На этой территории выделяется несколько своеобразных комплексов, которые идентифицируются на уровне культурных типов [Косинская, 2006]. При этом главным, а, по существу, и исключительным признаком их выделения является керамика.

Чэс-тый-ягский тип известен по единственному памятнику – поселению Чэс-тый-яг. Он локализуется в бассейне Сев. Сосьвы и характеризуется «полуяйцевидными» и ладьевидными сосудами, декорированными, преимущественно, в прочерченной технике.

Памятники амнинского типа (ареал: лево- и правобережные притоки Нижней Оби) представлены кругло- и плоскодонными сосудами, орнаментированными, преимущественно, в прочерченной и отступающей технике.

По результатам исследований поселения Ет-то I на Надым-Пуровском водоразделе выделен еттовский культурный тип керамики, который характеризуется значительным количеством гребенчатого орнамента [Косинская, 2006].

На территории урочища Барсова гора различия в приёмах орнаментации позволили выделить три группы (типа) памятников неолита, имеющих разное происхождение: быстринскую, барсовогорскую и комплексы с «гребенчатой» керамикой.

Все сосуды быстринского типа имеют полуяйцевидную форму со слегка прикрытым, реже – открытым устьем. В орнаментировании преобладает техника прочерчивания, но встречаются ряды шагающей гребенки и отступающей палочки [Косинская, Труфанов, 2006].

На комплексах с «гребенчатой» керамикой обнаружена круглодонная посуда, декорированная оттисками гребенчатого штампа, преимущественно, длинного [Чемякин, 2008].

Наиболее многочисленной среди неолитических памятников Барсовой Горы является барсовогорская группа. Сосуды – «полуяйцевидные», в том числе с «ушками», ладьевидные, чашевидные с округлыми и уплощёнными днищами. Декорировались они тремя различными приёмами: прочерчиванием, отступающими наколами, гребенчатой и гладкой «качалкой» [Чемякин, 2008].

Неолит среднеобского левобережья представлен каюковским типом, для которого характерны плоскодонные горшки, орнаментированные в технике отступающей палочки и печатной гребёнки [Ивасько, 2002].

Идентификация культурного типа на основе керамических комплексов, по определению, предполагает их единство, но не отменяет проблемы внутренней классификации. По большей части, такая работа к настоящему времени не выполнена. Стандартные процедуры классификации и типологии замещены системными, но обобщенными описаниями керамических коллекций с учетом технологических, морфологических и декоративных характеристик древней керамики. В этих условиях возможной моделью внутренней классификации керамики могут послужить материалы поселения Чэс-тый-яг. На сегодняшний день керамический комплекс этого памятника является наиболее репрезентативным в регионе и включает обломки нескольких сотен сосудов. По субъективным причинам в обработку включены фрагменты 159 ёмкостей, но не все из них распределились по всем ячейкам классификации.

На первом шаге классификации вся совокупность керамической посуды была поделена на 2 класса. Критерием их выделения служит форма устья сосуда (круг, овал, квадрат). К классу стандартной керамики были отнесены керамические ёмкости с круглым устьем. Изделия с овальным устьем образовали класс ладьевидных сосудов.

По конструктивным и декоративным показателям ладьевидные сосуды (30 единиц, 15% от общего количества) отнесены к одному типу (овальное устье, плоское или уплощённое дно, невысокая

боковая часть с открытым венчиком). Особенности оформления носовой части позволяют выделить три подтипа: 1) ладьевидные сосуды с приострённой носовой частью (4 блюда); 2) ладьевидные сосуды с налепами на носовых частях (5 блюд). Судя по наличию реалистичных изображений, налепы ассоциированы с головами птиц; 3) Ладьевидные сосуды с выемками в носовой области (2 блюда).

На уровне класса проявляются не только морфологические, но и декоративные отличия. Отсутствуют (за редким исключением) ряды ямок и отпечатки зубчатого штампа вдоль венчика, столь обычные для стандартных ёмкостей, распространено украшение внутренней поверхности.

Стандартные сосуды представлены сосудами «полуяйцевидной» формы (109 экземпляров). Устойчивое сочетание специфических морфологических признаков с особыми орнаментальными композициями позволяет выделить в этом классе 2 типа. Тип I (80 единиц) представлен стандартными емкостями с прямо обрезанным венчиком и композицией с горизонтально расположенными узорами. Тип II (29 единиц) характеризуется седловидно обрезанными венчиками с 2 морфологически выделенными и разнообразно оформленными выступами и сложной композицией, где орнаментальное поле делится на 4 зоны с вертикально и горизонтально структурированными мотивами.

В рамках второго типа специфика оформления выступов служит критерием выделения трех подтипов:

1) «полуяйцевидные» сосуды с подтреугольными выступами на седловидно обрезанных венчиках (14 экземпляров);

2) «полуяйцевидные» сосуды, седловидно обрезанные венчики которых имеют выемки на выступах (2 экземпляра);

3) «полуяйцевидные» сосуды, седловидно обрезанные венчики которых увенчаны налепами (10 экземпляров).

Подобные классификации, если они будут выполнены и для других памятников, позволят оперировать более аргументированными критериями сходства и различий керамических комплексов, что, в свою очередь, сделает культурную идентификацию археологических источников более предметной, строгой и доказательной.

Литература

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 157-172.

Ивасько Л.В. Укреплённое поселение каменного века Каюково-2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург, 2002. – С. 7-25.

Ковалёва В.Т. Неолит Среднего Зауралья. – М.: Наука, 1980. – 80 с.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 160 с.

Косинская Л.Л. Неолит таёжной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. – Ханты-Мансийск, 2006. – С. 16-40.

Косинская Л.Л., Труфанов А.Я. Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. – 192 с.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980. – 217 с.

Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. – Сургут; Омск, 2008. – 224 с.

Чернецов В.Н. К вопросу о сложении Уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 41-54.

А.А. Костылева

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Деревянные изделия средненеолитических памятников Верхнего Подвинья

В ходе работ Северо-Западной экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством А.М. Микляева, начиная с 1963 года, были открыты торфяниковые памятники, расположенные в бассейне верхнего течения Западной Двины. Поселения Усвяты IV, Наумово хронологически относятся к среднему неолиту и соответствуют усвятской культуре (ТА-242 4830±30, ТА-244 4510±70, ТА-243 4310±80, ТА-203 4110±70; Ле-1007 4030±50, ТА-583 3945±70, ТА-466 3905±70) [Зайцева и др.,

2003]. Деревянные изделия с памятников Дубокрай I и Сертея II датируются поздним неолитом и относятся уже к жижицкой культуре (Ле-2840 3720±40, Ле-2838 3660±40; Ле-5383в 3970±40, Ле-5382 3870±40, Ле-2572 3790±40) [Зайцева и др., 2003], но они также включены в данную работу ввиду их немногочисленности и уникальности.

С момента начала исследования свайных поселений Верхнего Подвинья была собрана значительная коллекция изделий из дерева. Всего более 330 предметов. Все образцы проходили реставрацию и анатомическое исследование древесины, которое проводилось научным сотрудником, кандидатом биологических наук М.И. Колосовой в отделе Научно-Технической Экспертизы Государственного Эрмитажа [Мазуркевич, Колосова, 1998].

Одной из составляющих материальной культуры данных памятников являются различные изделия из дерева, деревянные конструкции жилых сооружений. В процессе изучения имеющихся деревянных предметов все они были условно разделены на те, что можно идентифицировать и определить их назначение, и на те, которые идентификации, ввиду фрагментарности, не поддаются, либо это можно сделать с большой долей условности. Предметы идентифицированные, относящиеся к массовой категории, можно поделить на отдельные группы с характерным набором морфологических признаков (табл. 1). Элементы жилых конструкций: сваи, плахи, жерди и т.д., относятся к отдельной категории и в данной статье не рассматриваются.

Разнообразный и многочисленный материал получен с поселения Усвяты IV [Микляев, 1971]. Наиболее широко представленной является группа изделий, получивших название «*колотушки*». Все «колотушки», независимо от формы и размера, имеют асимметричное углубление в рабочей части с обеих сторон. Данные углубления могли получиться при забивании или раскалывании каких-то твёрдых предметов. Сходные изделия были найдены на неолитическом поселении Сарнате в Латвии [Ванкина, 1970, табл. XX]. *Коленчатые рукояти топоров* были найдены на Усвятах IV, Наумово и Сертея II. В непосредственной взаимосвязи с рукоятями топоров находятся т.н. *муфты*. Согласно реконструкции Р. Римантене, муфты насаживались на деревянный стержень коленчатой рукояти, плотно привязывались, а в отверстие с противоположной стороны муфты вставлялось каменное орудие [Rimantiene, 2005, с. 265]. Именно в таком виде был найден топор на памятнике Сертея II. Не менее интересна ещё одна группа изделий, получившая название *мотыги.* Сходный характер с усвятскими и наумовской мотыжкой имеют орудия с поселения Сарнате [Ванкина, 1970, табл. XIX:1]. Применение данных предметов не совсем понятно, но некоторые исследователи связывают их с древним земледелием [Kriiska, 2009]. Доказательством существования на поселении водного транспорта служат *вёсла.* Одно из них особо примечательно, так как найдено целиком при раскопках памятника Усвяты IV [Микляев, 1971, с. 24, рис. 8]. Наиболее близкими по внешнему виду будут вёсла с поселения Сарнате [Ванкина, 1970, табл. IX, X], но резная рукоять усвятского весла уникальна и аналоги ей более нигде не встречены. Фрагменты *санных полозьев* найдены на Усвятах IV и Наумово. Полоз с Наумова отличается хорошей сохранностью, однако, аналогии ему не известны. Так же к зимнему виду транспорта относится один предмет, найденный на поселении Дубокрай I – передняя часть *лыжи.* Предмет вытянутой продолговатой формы с выделенным приподнятым ссужающимся носиком, обломанный в месте наибольшей толщины, где проделано прямоугольное плоское отверстие для крепления лыжи к ноге. К предметам домашней утвари относятся *сосуды, ковш* с ручкой в виде головы медведя, *ложка, блюдо*. Найдены на Усвятах IV и различные *грузила.* Большая их часть представляет собой камешек, обмотанный берестой и прикреплённый к можжевелому прутику. Подобные грузила найдены в Шигирском торфянике [ГЭ, колл. 5548/24-25; по: Микляев, 1969, с. 28]. Фрагменты рыболовной *сети* были найдены на Усвятах IV и Сертея II. Примечательна находка *верёвки* на поселении Сертея II, сделанной из корневища черники. Сертейской верёвке аналогична верёвка с мезолитического памятника Вис I [Буров, 1966], с неолитического поселения Сарнате [Ванкина, 1970, табл. XVII:3,6], Швянтойи 23 [Rimantiene, 2005]. Из предметов, предназначенных для охоты, имеются фрагменты *лука* и *наконечники стрел.* Формы деревянных наконечников повторяют формы имеющихся костяных. В единственном экземпляре на поселение Дубокрай I найден предмет, по своему внешнему виду сходный с *плугом.* Аналогичные находки известны на Западно-Европейских памятниках [Guyan, 1990, s. 218].

Таблица 1. Деревянные изделия с поселений Верхнего Подвинья

14С (BP)	предметы / памятники	колотушки	коленчатая рукоять топора	муфта	предметы домашней утвари	мотыга	весло	санный полоз	лыжа	грузило	веревка	наконечник стрелы	плуг
4830±30 4310±80 4110±70	Усвяты IV				—			—	?		?		?
4150±80 4120±70 4080±60 3970±40 3945±45	Сетрея II	?	—	—		?	?	?	?	?		?	?
4030±50 3945±70 3905±70	Наумово	?	—	—		—	?			?	?	?	?
3720±40 3660±40	Дубокрай I	?	?	?	?	?	?	?		—	?	?	

Таким образом, мы видим ряд сходств и отличий в деревянном инвентаре с поселений Верхнего Подвинья и других территориально не соседних им памятников, относящихся к разным эпохам. Можно ли говорить о каком-то определённом наборе изделий из дерева, сходном характере изготовления и применения на мезолитических памятниках Урала и, допустим, неолитических памятниках Латвии? Как нам кажется, можно. Безусловно, огромное значение имеют территориальные особенности, от которых зависит и выбор материала, и надобность тех или иных предметов в повседневном быте. Но есть и такие общие черты, которые, может, и не заметны с первого взгляда, но становятся явными при получении общей картины во времени и пространстве. Это и идеальное знание древних людей, полученное с многовековым опытом механических особенностей той или иной породы древесины. Это и определённый набор предметов, который встречается почти на каждом известном торфяниковом памятнике, например, коленчатые рукояти топоров, муфты, сети, грузила, верёвки, различные сосуды и т.д. Бесспорно, этот «универсальный набор» был гораздо богаче того, что дошёл до наших дней, но и по тому, что мы имеем сейчас, можно говорить о наличии глубоких связей между древними жителями бассейна Западной Двины, Прибалтики, Урала и Западной Европы. Стоит заметить, что связь эта не потеряна до наших дней, так как некоторые предметы, созданные много тысяч лет назад, сохранили своё значение и в нашей с вами повседневной жизни.

Литература

Буров Г.М. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. – 1966. – С. 155-172.

Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. – Рига, 1970.

Зайцева Г.И., Васильев С.С., Дергачёв В.А., Мазуркевич А.Н., Семенцов А.А. Новые исследования памятников бассейна Западной Двины и Ловати // Древности Подвинья: исторический аспект. – СПб., 2003. – С. 140-147.

Мазуркевич А.Н., Колосова М.И. Идентификация деревянных предметов по признакам анатомического строения древесины из неолитических торфяниковых памятников Ловатско-Двинского междуречья // Поселение, среда, социум. – СПб., 1998. – С. 54-59.

Микляев А.М. Памятники усвятского микрорайона. Псковская область // АСГЭ. – Л., 1969. – Вып. 11. – С. 32-44.

Микляев А.М. Неолитическое свайное поселение на Усвятском озере // АСГЭ. – Л., 1971. – Вып. 13. – С. 7-28.

Guyan W.U. Die Moorsiedlungen im «Weier» bei Thayngen SH // Die ersten Bauern. – Zurich, 1990. – Abb. 10. – S. 165-174.

Kriiska Aivar. The beginning of farming in the Eastern Baltic // The East European Plain in the Eve of Agriculture // BAR Internatial series 1964. – Oxford, England, 2009 – С. 159-179.

Rimantiene R. Akmens amziaus zvejai prie Pajurio lagunos. – Vilnius, 2005.

В.С. Кучеренко

Владивосток, Дальневосточный государственный университет

Керамика поселения Преображение I (маргаритовский комплекс)

Поселение Преображение-1 находится в Лазовском районе Приморского края, на вершине мыса, вдающегося в долину ручья, который впадает в бухту Преображения [Слепцов, 2005]. В 2001–2003, 2005 гг. на памятнике проводились раскопки, материалы которых хранятся в фондах ИИАЭНДВ ДВО РАН.

Поселение двухслойное, отдельно локализована группа западин, принадлежащих носителям маргаритовской культуры. Вскрыто 3 жилища маргаритовской культуры. Общая площадь раскопов составляет 115 м^2. В жилищах №№ 9, 11 преобладали остатки лепной керамической посуды (соответственно 258 ед., 1065 ед.). Основная масса керамической коллекции, в том числе 10 из 11 сосудов, связано с заполнением жилища № 11. Археологически целые 5 сосудов, 6 восстановлены частично. В западинах найдена керамика только маргаритовского комплекса, нарушений культурного слоя не выявлено.

Все сосуды относятся к классу плоскодонных. Керамика представлена двумя формами: горшки (10 экз.), чаши (1 экз.).

Горшки. В качестве отощителя, преимущественно, применялся мелкий и средний песок (возможно, использовались естественно запесоченные глины). У многих сосудов наблюдаются в тесте редкие включения шамота (необожженная глина).

Вся посуда этой группы лепная, тулово собиралось ленточным кольцевым налепом. Ленты шириной 5-6 см крепились встык. Изготовление сосудов – по программе донного начина, лента при этом ставилась на край донной лепешки. У доньев срединная часть часто толще, чем края. Толщина доньев составляет 0,4-0,6 см, 0,9-1 см; толщина стенок – 0,3-0,6 см. Соединение дна и тулова плавное. Венчики сосудов оформлялись путем прикрепления к кромке венечной ленты треугольного в сечении валика. Верхний край венчика слегка приострен.

Формовка сосудов осуществлялась техникой выбивки. Для обработки внешней и внутренней поверхности применялось заглаживание, обмазка жидкой глиной. Часть сосудов подвергалась лощению невысокого качества (вертикальное лощение на тулове, горизонтальное на горловине). Цвет сосудов варьирует от желтовато-серого до красно-коричневого и черного. Обжиг костровой, при температуре 650-700°. В изломе фрагменты обычно одноцветны, хотя встречаются фрагменты с полосой недожога (из жилища № 9).

Высотный показатель и особенности профиля позволяют выделить следующие типы сосудов. Тип 1 – хорошо профилированный приземистый горшок со слегка вогнутой шейкой и выраженными плечиками (рис. 1.1). Тип 2 – слабо профилированный приземистый (диаметр венчика превышает высоту сосуда) горшок открытой формы, со слабо выделенной горловиной, диаметр венчика – максимальный диаметр сосуда (рис. 1.2). Тип 3 – горшок, вытянутый по вертикали (высота сосуда больше диаметра венчика), со слабо выпуклыми плечиками и отогнутым наружу венчиком (рис.1.3); сосуды данного типа отличаются крупными размерами, на них отсутствуют следы нагара, их предполагаемое назначение – тарная посуда.

Все горшки орнаментированы. Орнамент позитивного рельефа представлен валиками, оформлявшими горловину горшков. Основная орнаментальная зона для негативного орнамента – верхняя грань венчика-валика, – общая для всех горшков. Орнамент выполнен в накольчато-отступающей технике. Оттиски представляют собой вертикально и горизонтально (на одном сосуде) ориентированные вдавления и наколы разных очертаний: подквадратные, подпрямоугольные, скобки, неопределенной формы. В одном случае орнамент размещался, помимо венчика, в районе плечиков – бордюр из вертикальных и наклонных линий, образованных оттисками лопаточки.

Рассмотренный комплекс представляет собой единую керамическую традицию, для которой характерно: для формовочных масс – примесь мелкого песка; для обработки стенок – выбивка, заглаживание, на части сосудов лощение; для морфологии – тенденция к закрытости, короткая шейка, слегка отогнутый наружу венчик, высокая линия экватора; для орнаментации – орнамент, выполненный в накольчато-отступающей технике, нанесенный на верхнюю кромку венчика.

Чаши. Форма представлена одним экземпляром (отсутствует венчик) – плоскодонный сосуд малого размера с округлым туловом и массивным дном с закраиной (рис. 1.4). Тулово, изготовленное из одной ленты, прикреплено к краю донной лепешки под углом. Сосуд отличается небрежностью формовки, невысоким качеством обработки стенок.

Керамический комплекс памятника включает также 3 конических пряслица: орнаментированное радиально расходящимися линиями – прочерченными, образованными оттисками отступающей палочки; с орнаментом в виде прочерченных линий на основании; миниатюрное.

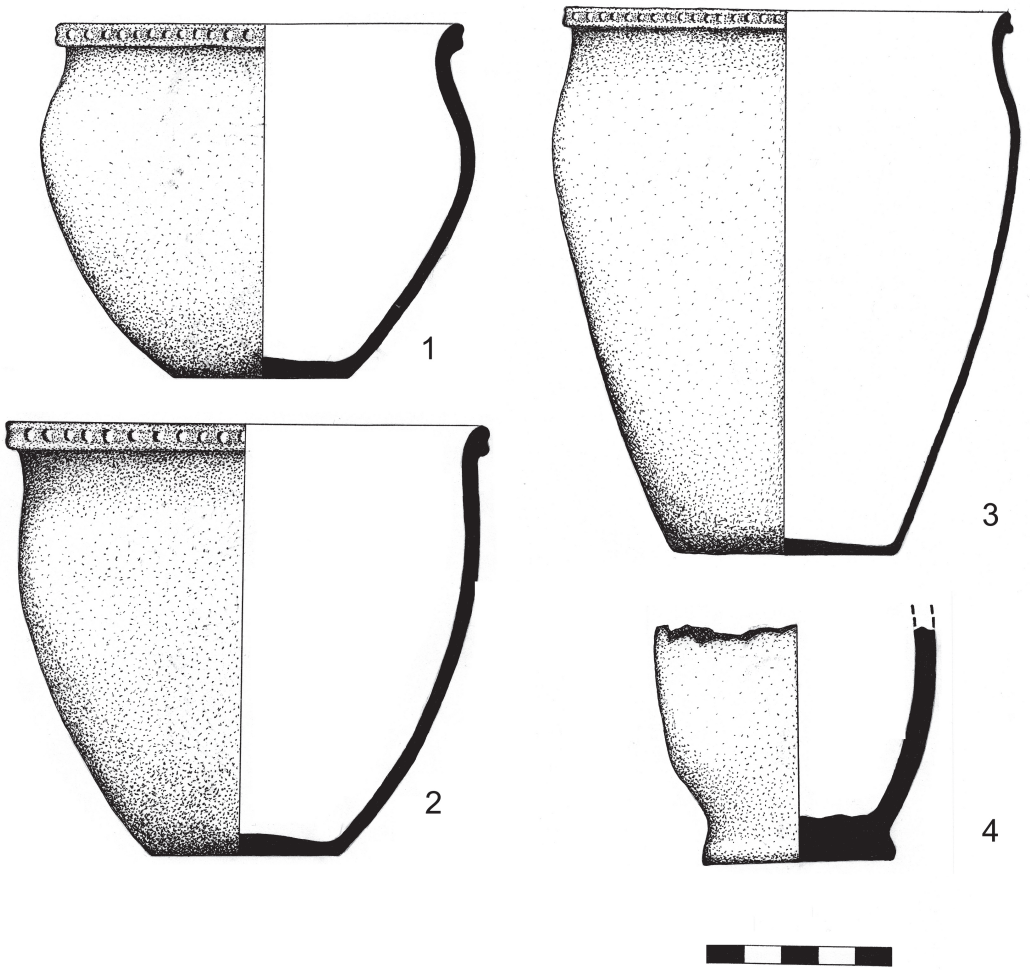


Рис. 1. Керамика маргаритовского комплекса памятника Преображение I. Основные формы

Поскольку керамический комплекс памятника обнаружен в инситном состоянии, характерные для него признаки мы предлагаем считать признаками керамики пхсунского типа. Получена достаточно ранняя дата – 3510±70 л.н. (Beta-172568) [Слепцов, 2005, с. 157], которая смыкается с датами границ позднего неолита, но такие признаки керамики, как выбивка, лощение, неорнаментированные стенки, характерны для культур бронзового века Приморья. Это позволяет предположить, что комплекс памятника Преображение-1 характеризует переходный период между финальным неолитом и палеометаллом.

Литература

Слепцов И.Ю. Жилища маргаритовской культуры (по материалам полевых исследований поселения Преображение-1) // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 154-158.

Б.В. Лазин
Владивосток, Дальневосточный государственный университет,
Институт Истории Философии и Культуры

Неолитический комплекс многослойного памятника Русский-Аякс в г. Владивосток (предварительные данные)

В результате археологического обследования, проведенного экспедицией Отдела археологических экспертиз КНИИ ДВГУ осенью 2008 г. (руководитель отряда к.и.н. А.Н. Попов) на территории, выделенной для строительства Дальневосточного Федерального Университета в бухте Аякс

(п-ов Саперный, о. Русский), был открыт многослойный памятник Русский-Аякс-1, расположенный на оконечности мысовидного выступа в юго-восточной части бухты Аякс.

В 2009 г. были проведены спасательные работы (руководитель к.и.н. А.Н. Попов), в ходе которых на памятнике был заложен раскоп площадью 600 м^2, охвативший всю площадь с культурным слоем не потревоженным при хозяйственном освоении данной местности в 19-20 вв. Памятник многослойный, это место в древности обживалось дважды, первый раз в позднем неолите, второй в раннем железном веке.

Дневная поверхность имела множественные нарушения в виде окопов, ям, западин, полотна полевой дороги. Общую стратиграфию раскопа представляют следующие слои: 1) дерн 2-5 см; 2) поддерновый гумусированный темно-коричневый суглинок 2-22 см; 3) желто-коричневый суглинок 2-40 см. Практически, все находки памятника обнаружены в слое 3, находки янковской культуры раннего железного века залегают во всей толще слоя, неолитические – внизу слоя, на границе с материком.

На дневной поверхности были выявлены пять западин неправильной формы, лишь одна из них (2х3 м, глубина 10 см), расположенная в центральной части раскопа, имела древнее происхождение, остальные современные. Древний котлован имел два хронологических горизонта: верхний горизонт мощностью до 15 см содержал находки янковской культуры раннего железного века, отметки пола отслеживаются по уровню залегания находок, в частности развалов сосудов; нижний горизонт относится ко времени неолита, его мощность до 12 см. В неолитическом слое котлована найдено большое количество микроотщепов и ретушированных орудий, в основном обломков, а также небольшое количество фрагментов керамики (54 экз.), находки тяготеют к полу котлована. На дне обнаружена конструкция прямоугольных очертаний 1,0х0,5 м, выложенная из сгоревших деревянных плашек сечением 6х3 см.

Основная масса изделий из камня сосредоточена на сравнительно небольшой площади описанного выше котлована и на его периферии, в то время как керамический материал рассеян по всей площади раскопа.

Каменный инвентарь. Основными материалами для каменных орудий являются черный обсидиан, зеленые и серо-синие перлиты, кремнистые породы различных цветов, вулканические туфы, песчаник, темно-серый сланец, кремнистый сланец серых оттенков. Редко использовались другие породы камня. Среди находок отсутствуют следы первичной обработки камня, но в заполнении неолитического котлована культурный слой сильно насыщен микроотщепами, что свидетельствует об активной вторичной обработке ретушированных орудий. Весь комплекс каменного инвентаря разделен по технологии обработки на ретушированные и шлифованные.

Ретушированные орудия представлены наконечниками метательных орудий, ножами, скребками, бифасами. Наконечники стрел – наиболее многочисленная категория орудий (13 целых, 51 обломок) – представлены следующими формами: удлиненно-листовидный, удлиненно-треугольный с прямым или вогнутым насадом, один наконечник черешковый. Наконечники дротиков – 5 целых, 8 обломков. Ножи – 4 целых, 1 обломок. Скребки концевые – 2 целых, 1 обломок.

Шлифованные орудия. Данная категория орудий немногочисленна и представлена лишь наконечниками стрел и обломком топора. Наконечники стрел – 5 целых и 4 обломка. Топор из темно-серого туфа – обломок, примерно половина тела с лезвием, в сечении линзовидный со срезанными гранями, лезвие выпуклое.

Неолитическая керамика памятника сильно фрагментирована и рассеяна по площади. Состав формовочной массы – глина с дресвой. Цвет варьирует от оранжево-коричневого до темно-коричневого, практически черного, но в основной массе темный, на многих фрагментах присутствует пищевой нагар. Вся керамика ручной лепки, толщина дна и стенок, примерно, одинаковая, 4-7 мм. Зоны орнаментации – сосудов, тулово и венчик, при этом, подавляющее большинство фрагментов керамики не имеет орнамента, но встречены отдельные фрагменты, орнаментированные вертикальным зигзагом из прочерченных линий. Этот тип орнамента является характерным признаком керамики зайсановской культуры и встречается на большинстве памятников этой культуры [Морева и др., 2009; Бродянский, 1987]. Встречаются горизонтальные оттиски гребенкой, подобный орнамент зафиксирован на памятниках Олений А и др. [Бродянский, 1987]; ряды косых наколов, образующих геометрические фигуры, аналогичный орнамент имеет керамика памятника Клерк-5, Гвоздево-4 и другие [Klerk, 2007; Морева и др., 2009]. Венчики имеют под кромкой валик, в некоторых случаях валик дополнительно орнаментирован поперечными вдавлениями лопаточ-

кой или палочкой, аналоги встречены на памятниках Олений А и др. По имеющемуся фрагментированному материалу о морфологии сосудов можно сказать, что это были сосуды простых форм и, совершенно очевидно, что сосуды были небольших размеров и использовались для приготовления и транспортировки пищи.

Исходя из полученных данных о расположении памятника и представленного инвентаря, можно сделать вывод о том, что в неолитическое время на этом месте располагалась сезонная стоянка охотников. Об этом говорит наличие только одного заглубленного в землю котлована, а также совокупность находок в этом котловане и на всей площади раскопа, и, особенно, обилие орудий охоты со следами правки и вторичного использования и, кроме того, относительно небольшое количество керамического материала.

Сопоставляя неолитический комплекс памятника Русский-Аякс – технику изготовления и морфологию каменных орудий, технику и мотивы орнаментации керамических сосудов – с материалами опубликованных ранее материалов об изучении других памятников эпохи неолита, выявляется сходство с материалами памятников Гвоздево-4, Клерк-5 и других, содержащих материалы зайсановской археологической культуры Южного Приморья, что позволяет отнести исследуемый комплекс к данной культуре.

Изучив неолитический комплекс памятника Русский-Аякс, можно говорить о том, что на сегодняшний день это единственный достоверно относимый к эпохе неолита памятник на территории всей островной части Залива Петра Великого [Памятники истории.., 1988].

Литература

Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1987. – С. 28-96.

Морева О.Л. Батаршев С Дорофеева Н.А, Крутых Е.Б Малков С.С Предварительное изучение неолитического памятника Гвоздево-4 в южном Приморье // От Монголии до Приморья и Сахалина. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета. – 2009. – С. 52-104.

Памятники истории и культуры Приморского края. Материалы к Своду. – Владивосток: Изд-во ИИАЭ ДВО АН СССР, 1988. – 268 с.

Klerk 5 Site, in Primorsky, Russia, Preliminary Results of Excavation in 2005. Study on the Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia / Edited by Obata H/ – Kumamoto, 2007. – 54 c.

Б.А. Лихачев
Барнаул, Алтайский государственный университет

Орудия на сланцевых плитах с округлым рабочим краем с поселения Тыткескень-VI

На сегодняшний день весьма актуальна проблема хозяйственной направленности обществ эпохи неолита на территории Горного Алтая. Это связанно с тем, что переход к производящему хозяйству на данной территории проходил не по классическому образцу и имел свои особенности. В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи: провести морфологический анализ орудий на сланцевых плитах с поселения Тыткескень-VI; определить имеющиеся аналоги на сопредельных территориях. Многослойное поселение Тыткескень-VI расположено в среднем течении Катуни в устьевой части ручья Тыткескень на его левом берегу. Поселение было открыто в 1986 г. М.Т. Абдулганеевым [Кубарев, 1990]. Памятник расположен в аварийной зоне затопления Катунской ГЭС. Последние работы на памятнике проводились в 2006 г. экспедицией Алтайского госуниверситета.

В ходе раскопок было выявлено большое количество материала, в том числе и микролитического, который можно отнести к различным эпохам от раннего неолита до средневековья. Многослойное поселение Тыткескень-VI отличается чёткой стратиграфией, т.к. все культурные слои имеют линзовидный разрез и между собой разделены стерильными прослойками эолового песка [Кирюшин, Кунгуров, 1998].

Среди многочисленного микролитического материала, который представлен кремниевой индустрией, можно выделить орудия на сланцевых плитах с округлым рабочим краем (рис. 1, 2). Они залегают в культурном горизонте, который датируется ранним неолитом, что подтверждается данными радиоуглеродного датирования [Волков и др., 2008]. И сегодня можно смело заявить, что данные орудия являются инновацией каменной индустрии в раннем неолите на территории средней Катуни. Этот вывод объясняется тем, что в материалах финальномезолитических комплексов на данной территории подобных орудий не встречено [Кирюшин, 2008]. Финальномезолитические комплексы на территории средней Катуни представлены следующими памятниками: многослойное поселение Усть-Сема, Тыткескень-II и Тыткескень-III [Кунгуров, Кадиков, 1985; Семибратов, 1994].

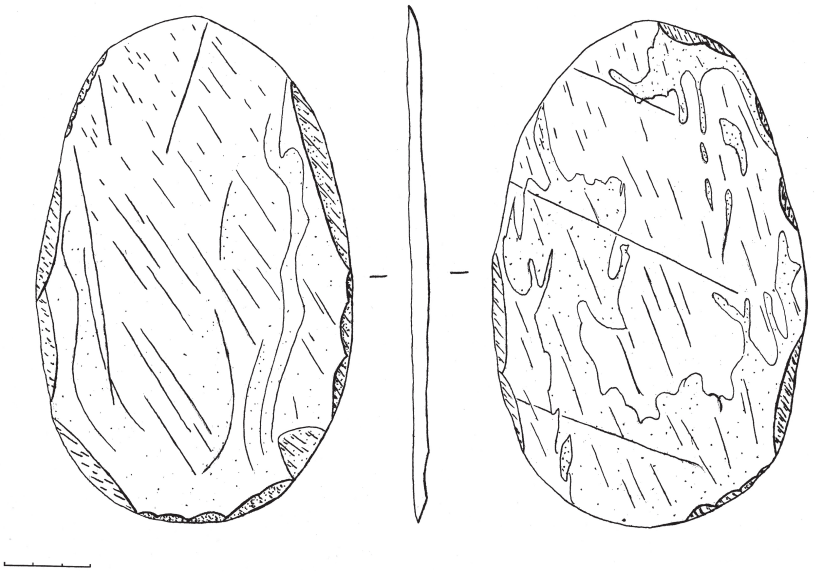


Рис. 1. Орудие на сланцевой плите (крупное). Тыткескень VI. Ранний неолит

Данные орудия выполнены на фрагментах сланцевой плиты различного оттенка и различной зернистой структуры. Размер орудий весьма разнообразен и представлен как крупными «плитами» так и более мелкими, как показано на рисунках (рис. 1, 2). Все орудия имеют характерный округлый рабочий край. Для создания режущей рабочей части заготовка подрабатывались ретушью, но не интенсивно. Орудия на сланцевых плитах не обладали износоустойчивостью за счёт своей «рыхлой» или зернистой структуры. Но, возможно, именно это свойство материала и привлекало человека в раннем неолите, т.к. можно было легко и быстро «подновить» износившийся рабочий край.

Как и весь материал раннего неолита, орудия на сланцевых плитах имеют прямую аналогию с материалом памятника Тыткескень-II, который расположен на противоположном берегу одноимённого ручья [Кирюшин, 2008]. Археологические раскопки на этом памятнике проводились с 1984 по 1986 гг. под руководством Ю.Ф. Кирюшина. Среди многочисленного кремниевого материала выделяются аналогичные орудия на сланцевых плитах. Они были найдены в шестом и седьмом культурных слоях, относящихся к эпохи неолита [Кирюшин, 2008]

По мнению Ю.Ф. Кирюшина и К.Ю. Кирюшина данные артефакты являются маркерами неолитической эпохи на данной территории, так как в верхних слоях, которые датируются энеолитом, подобных орудий не обнаружено. П.В. Волковым был проведён трасологический анализ этих орудий. По его мнению, они применялись в качестве скребков и ножей: «Все инструменты использовались без специальных рукоятей и удерживались в руке оператора…» [Кирюшин, 2008, с. 84].

Орудия на сланцевых плитах имеют довольно много аналогов на различных территориях. В работе А.В Виноградова, Э.Д. Мамедова орудия именуются как «плитчатые скребки» [Виноградов, Мамедов, 1975, с. 286]. В Восточном Казахстане аналогичные вещи найдены на поселение Усть-Нарым [Коробкова, 1996, с. 90]. Таким образом, можно предположить, что появление и широкое распространение орудий на сланцевых плитах связано с увеличением охотничьих трофеев, для разделки и обработки шкур которых могли служить представленные артефакты.

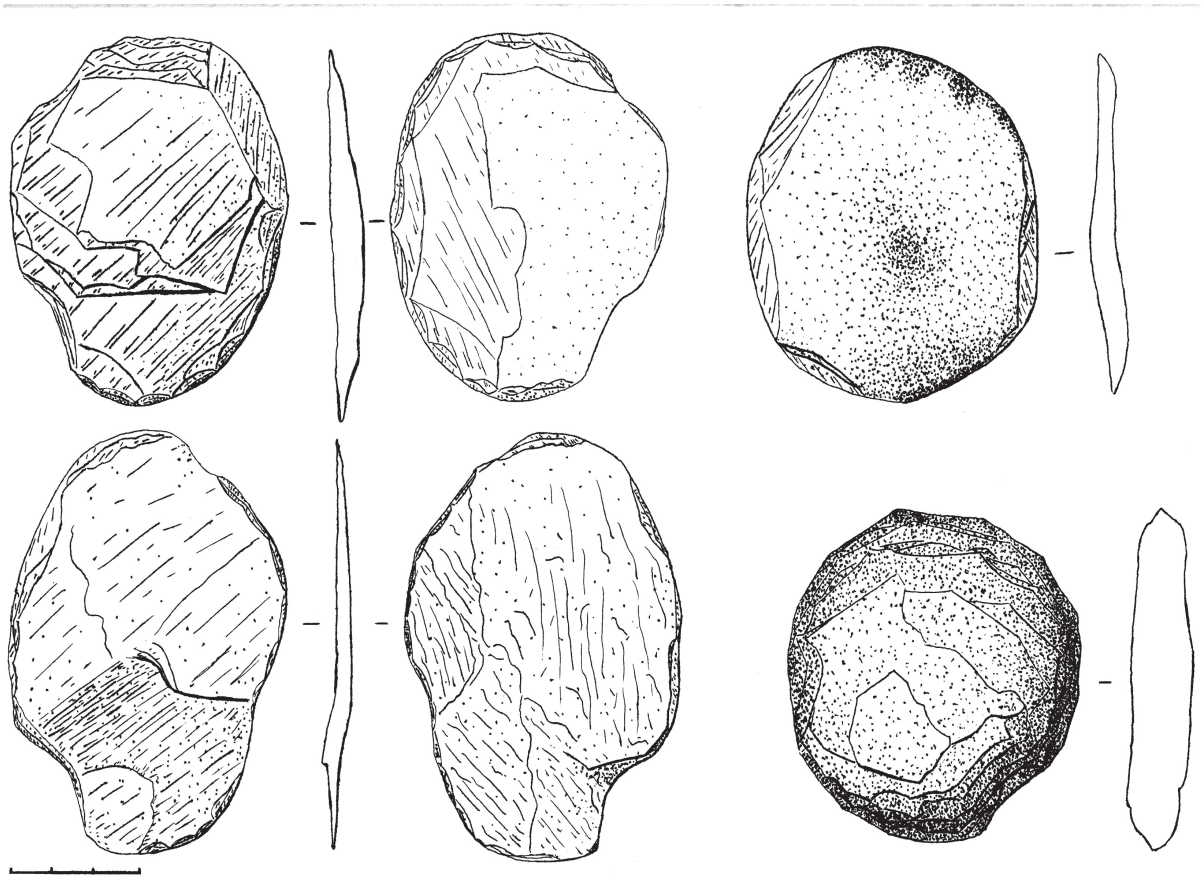


Рис. 2. Орудия на сланцевых плитах (средние). Тыткескень VI. Ранний неолит

В заключении можно сказать, что наличие данных орудий на территории среднего течения Катуни подтверждает тезис о ведущей роли охоты в хозяйстве племён раннего неолита.

Литература

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. – М., 1975. – 286 с.

Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Трасологическое исследование декорированных галек поселения Тыткескень–6 // Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень–2. – Барнаул, 2008 – С. 329-334.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень–2. – Барнаул, 2008 – 335 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Мезолитический комплекс поселения Тыткескень–2 // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Абакан, 1993. – С. 12-14.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень–6 на Катуни // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 111-124.

Коробкова Г.Ф. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. –М.: Наука, 1996. – С. 87-135.

Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск, 1990. – С. 7-22.

Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть–Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985. – С. 29-50.

Семибратов В.П. Финальномезолитический комплекс поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 97-111.

Д.Н. Лохов
Иркутск, Иркутский государственный университет

Многослойное геоархеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье
(по материалам спасательных работ 2009 г.)

В полевой сезон 2009 г. вторым Усть-Ёдарминским отрядом Богучанской экспедиции проводились экстренные спасательные работы на многослойном местонахождении Усть-Ёдарма II. Объект находится на правобережном приустьевом мысу р. Ёдарма, левого притока р. Ангары, обращенном своим острием – стрелкой точно на север. Против устья р. Ёдармы, по правому берегу р. Ангары, и несколько выше ее по ангарскому течению впадает р. Ката. Вместе обе реки образуют Ката-Ёдарминское расширение, имеющее глубокую и богатую спецификой явлений геологическую историю формирования, и не менее сложную ситуацию в истории освоения этого района человеком – современником многих эпизодов геологического, палеогеоморфологического, палеоландшафтного этноисторического прошлого. Административно объект находится на территории Усть-Илимского района Иркутской области, на границе с Красноярским краем.

Местонахождение было открыто в 1972 г. в ходе разведки Богучанским отрядом Комплексной археологической экспедиции ИГУ под руководством Н.И. Дроздова. В подъемных сборах был зафиксирован разновременный (неолит – палеометалл) археологический материал. Следующий этап в изучении объекта связан с 1998 и 2007 гг., когда в рамках программы по инвентаризации объектов археологического наследия, попадающих в зону затопления ложа Богучанской ГЭС здесь были произведены сборы экспонированного материала [Лохов, 2008, с. 39-40].

Вся территория мыса подвержена современному – «деревенскому» – антропогенному воздействию, которое насчитывает уже более 300 лет, и в основании своем уже является «археологическим». Сформировался ископаемый «строительный» и «бытовой» слой, давший основание выделить самостоятельный археологический объект «деревня Ёдарма».

Археологические остатки «додеревенских» периодов почти повсеместно перекрыты этими «историческими техногенными отложениями». Следовательно, площади седиментации голоценовой и доголоценовой археологии вписаны в общий контур территории деревенской деятельности. Территорией, наименее подверженной деревенскому воздействию, является самая оконечность мыса. Здесь был трассирован раскоп, общей площадью 368 м^2. В раскопе были вскрыты две толщи геологических образований на глубину до 3 м: первая отнесена к позднему голоцену (Hl_2) – 1.10-1.30 м и вторая – к раннему периоду голоцена (Hl_1) – 1.90-1.70 м. В толщах зафиксированы 9 уровней отложения ископаемой культуры, сгруппированных в две пачки: гумусные образования Hl_2 содержат 1-5 уровни, кровля светлых супесей Hl_1 – 7-9 уровни; пограничным является уровень 6 принадлежность его к 1 или 2 пачке культуросодержащих отложений должна быть уточнена. Археологический материал наблюдался по площади в 9 уровнях вскрытия. Он зафиксирован организованными в пятна отдельными скоплениями, сосредоточениями вокруг «архитектурных единиц» – кострищ с обкладками – и каменных выкладок, а также единичными – «рассеянными» – предметами.

Общее количество учтенных артефактов из раскопа составило 9103 единицы. В составе археологической коллекции представлены: фрагменты керамических сосудов с различными орнаментальными мотивами и композициями, изделия из камня (клиновидные и призматические нуклеусы, скребки, ножи, наконечники, вкладыши, топоры, резцы, проколки), дебитажи литопроизводства, изделия из кости и их фрагменты (обоймы), костные остатки ихтиофауны (щука, осетр, окунь, таймень), авиафауны и млекопитающих (лось, косуля, медведь).

По мотивам орнаментации и технике нанесения декора, а также особенностям технологии изготовления, все собранные фрагменты керамических сосудов были разделены на классификационные группы. Присутствуют фрагменты сосудов с оттисками разнообразного гребенчатого, зубчатого, личиночного штампа, отступающей лопаточки, «сетки-плетенки» (иногда затертой); разными по величине и форме налепными валиками, в некоторых случаях рассеченными вдавлениями; следами выколачивания обеих поверхностей сосуда колотушкой с неровной поверхностью; с разными

по величине и форме несквозными вдавлениями и сквозными отверстиями; отпечатками «шнура»; прочерченными параллельными и перпендикулярными линиями; неорнаментированные фрагменты. Также присутствуют в 1 и 2 уровнях отложения культуры фрагменты сосудов, изготовленные на гончарном круге.

По уровням археологический материал в раскопе распределен следующим образом: *1 уровень – 302 ед. находок* – фрагменты керамических сосудов 56 ед.; каменные артефакты – 10; фрагменты фауны – 236. *2 уровень – 532 ед.* – фрагменты керамических сосудов – 390; каменные артефакты – 21; фрагменты костей животных – 121. *3 уровень – 314 ед.* – фрагменты керамических сосудов – 224; каменные артефакты – 33; фрагменты фауны – 56; изделия из кости и их фрагменты – 1. *4 уровень – 141 ед.* – фрагменты керамических сосудов – 34; каменные артефакты – 75; фрагменты фауны – 32. *5 уровень – 681 ед.* – фрагменты керамических сосудов – 63; каменные артефакты – 460; фрагменты фауны – 158; изделия из кости и их фрагменты – 1. *6 уровень – 2041 ед.* – фрагменты керамических сосудов – 195; каменные артефакты – 1548; фрагменты фауны – 298; изделия из кости и их фрагменты – 4. *7 уровень – 4321 ед.* – фрагменты керамических сосудов – 17; каменные артефакты – 3520; фрагменты фауны – 784; изделия из кости и их фрагменты – 4. *8 уровень – 686 ед.* – каменные артефакты – 590; фрагменты фауны – 96. *9 уровень – 314 ед.* – каменные артефакты – 34; фрагменты фауны – 51.

Уникальными можно считать находки каменных топоров из отдельностей диабаза, оббитые крупной ретушью, с выраженными цапфами – «ушами» – и перехватами для крепления рукоятей типа «тамагавк» (уровни 5, 6). Также зафиксированные одним скоплением фрагменты глиняного сосуда, которому в быту оказывали особое внимание и многократно при растрескивании сшивали шнуром через специальные отверстия (до 2 мм), сверленные в теле фрагментов. Подобной процедуре реставрации были подвергнуты фрагменты сосудов, зафиксированные в 3 и 6 уровнях культуры, но здесь вместо стяжки использовалась смолистая клейкая масса, химический состав которой еще стоит определить.

Низы толщи отложений Усть-Ёдарма II в районе раскопа и траншей 2009 г. представлены крупнообломочным материалом самых разных размерений – от песчинок, щебня, гравия, мелкой гальки до глыб, – и самой различной окатанности – от полной до совершенного класта с острыми углами и ребрами. Заполнение крупнообломочных отложений песчано-глинисто-алевритовое различных тонов (серых, сиреневых, сизых, красно-коричнево-ржавых, сине-черных). В деформированной кровле глино-алеврито-песчаных коротко-слойчатых образований взят археологический материал – отщепы, скребки из траппов, топорик, оббитый, с концевой пришлифовкой. Состав кроющих отложений в юго-восточной траншейной выработке раскопа не вполне ясен. Но в рекогносцировочной траншее, врезанной в 70 м выше по р. Ангаре в обрез берега эти отложения с редкими продуктами расщепления камня лежат в самом низу толщи лессовидных опесчаненных суглинков нижнего голоцена (Hl_1). Эти уровни не удалось вскрыть ни одним из шурфов на отметках 190-192-195 м. Здесь они могут покоиться, предположительно, на глубинах 6-7 м.

Итак, по результатам спасательных археологических работ 2009 г. объект Усть-Ёдарма II утвердился в статусе одного из опорных многослойных местонахождении для территории Северного Приангарья. Стратиграфические наблюдения позволят в будущем более детально охарактеризовать изменчивость ископаемых культур голоценового времени в хронометрии палеособытий. Зафиксированная уникальная коллекция керамических материалов внесет серьезные коррективы в существующие схемы периодизации и датировки палеокультур Байкальской Сибири и сопредельных территорий.

Литература

Лохов Д.Н. К проблеме сохранения объектов археологического наследия в зоне строительства Богучанской ГЭС // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул, 2008. – С. 39-40.

В.О. Людников
Иркутск, Восточно-Сибирская государственная академия образования

Могильник Старый Витим II в Муйской котловине

Археологический объект Старый Витим II расположен в Муйском районе Республики Бурятия, в пределах Муйско-Куандинской межгорной впадины, в 1,2 км к ЮЗ от д. Усть-Муя, на древнем правом приустьевом мысу р. Муя (левый приток Витима), сливающейся с протокой Старый Витим и р. Витим в 1,5 км к востоку от местонахождения [Ветров, 2001].

Означенный археологический объект открыт и впервые исследован в 1976 году при разведочных работах на 400-километровом участке долины р. Витим от д. Усть-Каренга до д. Усть-Муя [Ветров, 1977]. На месте сбора подъёмного материала был заложен шурф, продолженный в траншею площадью 9 кв.м. В подпочвенном горизонте фиксировались отходы каменной индустрии (отщепы, пластины, колотые гальки), кусочек бронзового сплава, фрагменты керамики [Ветров, 1977].

В 1977 г. на базе траншеи 1976 года был разбит раскоп общей площадью (включая траншею) 26 кв.м. Было выделено 3 культуросодержащих горизонта. Наиболее насыщенным оказался второй (желтовато-бурый тонкозернистый песок) мощностью 0,07 м. Общее число находок составило 908 экземпляров [Ветров, 1978]. В северной части раскопа было найдено погребение человека, от которого сохранились лишь 8 коренных зубов и несколько фрагментов кости. Яма, ориентированная длиной осью по линии СВ-ЮЗ, чётко выделялась на фоне серого песка благодаря 2-3 см слою охры. Погребальный инвентарь составляли 28 агальматолитовых бусин, 88 пластин-вкладышей и скребок [Ветров, 1978]. 14 пластин-вкладышей, зафиксированных в относительно непотревоженном состоянии, позволили реконструировать вкладышевый двулезвийный клинок [Ветров, 1982].

В полевой сезон 2001 г. на площади 124 кв.м было выявлено (кроме двух горизонтов с разновременным стояночным материалом) 9 ям, семь из которых были отнесены к погребениям. Две ямы без костных остатков и охры, но повторяющие структуру могильных, интерпретированы как ритуальные (кенотафы?) [Ветров, 2001]. В пяти погребениях фиксировались пластины-вкладыши (в т.ч. концевые), в трёх – орудия и их заготовки из светло-зелёного нефрита, в одном 230 цилиндрических бусин из пирофиллита. В ямах, без костяков, обнаружены отщепы и пластины. Общее количество предметов, составивших погребальный инвентарь, 332 экземпляра, из них 316 пластин-вкладышей (из них 55 концевых), 15 нефритовых орудий и их заготовок.

В 2002 году к раскопу прирезали 87 кв.м. Помимо стояночного материала (нуклеусы, пластины, скребки – всего 902 предмета), было выявлено 3 ямы искусственного происхождения, в одной из которых зафиксировали остатки скелета человека [Ветров, 2004]. В погребении были найдены 3 отщепа, 37 пластинчатых сколов, 2 призматических пластины, концевой вкладыш, обломок орудия из нефрита. В двух ямах без костяков фиксировались пятна охры, отщепы (один из них нефритовый), колотая галька [Ветров, 2004].

В 2009 году к северной стенке раскопа было прирезано 33 кв.м. В двух культуросодержащих горизонтах фиксировался стояночный материал (отщепы, пластины, фрагменты керамики). Обнаружена яма без скелета человека, по структуре схожая с погребениями (ориентация по длинной оси СВ-ЮЗ, присутствие охры, инвентарь). В засыпке были зафиксированы нож из светло-зелённого нефрита, пластины-вкладыши (в т.ч. концевые), отщеп, жжёные кости животного. Общее количество находок из ямы – 188 предметов, из них 182 пластины (8 концевых), нож из светло-зелённого нефрита, отщеп и два фрагмента кости животного.

Результатом пяти полевых сезонов на археологическом объекте Старый Витим II стал богатый стояночный материал и ритуальный комплекс, представленный восьмью погребениями, шестью ритуальными ямами (кенотафами?). Общее количество предметов из ям составило 631 предмет из них 510 пластин (64 концевых), 16 нефритовых орудий и их заготовок, 64 отщепа, 37 пластинчатых сколов и две связки бусин. Если учитывать, что у одного двулезвийного вкладышевого кинжала или наконечника два концевых вкладыша (по реконструированным орудиям), то общее количество подобных изделий составляет 32 экземпляра.

Характерные черты погребений: сплошная засыпка дна охрой, ориентировка ям длинной осью по линии СВ-ЮЗ, ориентировка костяков черепом на ЮЗ, расположение костяков на правом боку с согнутыми в коленях ногами, лицевой частью на ЮВ. Сопровождающий инвентарь состоит в

основном из заготовок и законченных орудий, вкладышевых двулезвийных наконечников или кинжалов, цилиндрических бусин; плохая сохранность костяка, субстрат изделий, в основном, халцедон, нефрит, пирофиллит [Ветров, 2001]. Шесть ям без костяков, в ряде случаев с охрой и идентичным погребениям инвентарём, отнесены к этому же комплексу. Об их ритуальном предназначении точно сказать нельзя, возможно, они (или некоторые из них) выполняли функции кенотафов.

Означенные выше погребения и ритуальные ямы имеют схожие черты с китойской погребальной традицией, прежде всего, по наличию в ямах нефритовых заготовок и готовых орудий у некоторых погребённых, присутствию охры, ориентацией ям по сторонам света [Базалийский, Савельев, 2008]. В рамках археологической периодизации погребения можно отнести к раннему неолиту. Об этом свидетельствуют и абсолютные даты по углю из засыпки из трёх могил: 7280±65 л.н. (СОАН-4434), 6500±60 л.н. (СОАН-4435) и 6415±70 л.н. (СОАН-4433) [Ветров, 2008]. Ближайшее погребение, датированное этим же периодом, зафиксировано на местонахождении Нижняя Джилинда (Сивакон) I, расположенном южнее Южно-Муйского хребта в Бамбуйской котловине. В погребении было найдено костяное жало составного рыболовного крючка, сравнимое с подобными изделиями из могильников китойской культуры. Абсолютная дата погребения по костям скелета – 7230±40 л.н. (ГИН-405) [Ветров и др., 1993]. Известны ритуальные ямы с охрой и инвентарём (кенотафы?) на местонахождении Усть-Каренга XVI в верхнем течении долины р. Витим. Датированы атлантическим периодом. В культурном отношении были сопоставлены с китойскими погребениями Прибайкалья [Ветров, 2008]. Вышеизложенное подтверждает мысль о сопоставимости погребений, найденных на местонахождении Старый Витим II, с «традиционными» китойскими погребениями Прибайкалья (Китойский могильник, Локомотив и др. на Ангаре) и об их одном хронологическом этапе.

Не решёнными остаются вопросы о предназначении ритуальных ям без костяков, связи стояночного материала с погребениями, месте означенного погребального комплекса среди неолитических культур Северной Евразии – всё это требует новых материалов с последующей их интерпретацией.

Литература

Базалийский В.И., Савельев Н.А. Могильник эпохи раннего неолита Локомотив (особенности ритуала захоронений) // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 7-27.

Ветров В.М. Отчёт о полевых исследованиях 1976 г. // Архив ИА РАН, Р-1. – (Иркутск, 1977)

Ветров В.М. Отчёт о полевых исследованиях 1977 г. // Архив ИА РАН, Р-1. – (Иркутск, 1978).

Ветров В.М. Археологические исследования в Муйской котловине (1976-1978 гг.) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 86-100.

Ветров В.М., **Задонин О.В., Инешин Е.М.** Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон) – 1 в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 98-113.

Ветров В.М. Отчёт о полевых исследованиях на археологическом памятнике Старый Витим – II в Муйской котловине в 2001 г. // Архив ИА РАН, Р-1. – (Иркутск, 2001).

Ветров В.М. Отчёт о полевых исследованиях на археологических местонахождениях Старый Витим –II в Муйско-Куандинской котловине и Поповский луг на Верхней Лене в 2002 г. // Архив ИА РАН, Р-1. – (Иркутск, 2004).

Ветров В.М. Ритуальный комплекс в устье р. Каренга (долина р. Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 28-43.

И.В. Мерц
Барнаул, Алтайский государственный университет

Новые материалы по эпохе ранней бронзы Северо-Восточного Казахстана*

До недавнего времени Восточный и Северо-Восточный Казахстан фактически оставался «белым пятном» на археологической карте среднего бронзового века (по восточноевропейской периодизации) Евразийской степи. Процесс накопления источников протекал медленно и носил случайный характер. Поэтому публикация новых археологических материалов является первостепенной задачей.

В 2008-2009 гг. Павлодарской археологической экспедиции начато изучение разновременного поселения Шидертинское 2, расположенного в 5 км к югу от станции Шидерты в Павлодарской области, на северо-восточном склоне гряды, образующей с запада правый берег р. Шидерты. За это время на поселении вскрыта площадь в 211 кв. м. В раскопе выявлены три хронологических горизонта: первый – этнографического времени, второй – раннего железа, третий – эпохи ранней бронзы. Мощность отложений на разных участках раскопа меняется в зависимости от изменения рельефа. В данной работе мы остановимся только на характеристике раннебронзового комплекса.

Материалы раннего бронзового века приурочены к светло-коричневому почвенному слою супеси мощностью от 6 до 12 см, в юго-западном секторе раскопа культурный слой разрушен поселенческими и погребальными сооружениями поздней бронзы (?), раннего железа, гунно-сарматского и этнографического времени. В целом, не смотря на разновременность памятника, наблюдается достаточно четкая стратиграфия, слои не перемешаны, за исключением тех случаев, где культурный слой прорезан поздними сооружениями.

К раннему бронзовому веку относится три выложенных из камня подквадратных «очага» размером от 1,2х0,77 м до 1,44х1,36 м, расположенные по линии ЗЮЗ-ВСВ на расстоянии от 1 до 6 м. В каждом «очаге» находился развал керамического сосуда и кальцинированные кости. Возле «очагов» найдено большое количество раннебронзовой керамики, отходов каменного производства (нуклевидные сколы, отщепы), а также скребки, каменные наконечники стрел, мотыги, отбойники, молоты, рубящие орудия и абразивы. Вероятно, к этому времени относится обломок четырехгранного бронзового шила. Особый интерес представляет коллекция макролитов данного поселения, представленная, прежде всего мотыгами различных типов, форм и размеров, найдено 169 мотыг (из них 73 обломка), в результате чего удалось разработать классификацию и выделить в комплексе несколько культурно-хронологических групп, относящихся к раннему, позднему бронзовому и раннежелезному веку.

Раннебронзовый керамический комплекс поселения насчитывает около четырехсот фрагментов от баночных сосудов. Эта керамика представлена двумя типами – орнаментированной и неорнаментированной. У сосудов стенки прямые, по венчику нанесены насечки, на шейке имеются налепные или формованные волнистые валики, редко прямые. Для нанесения орнамента характерно использование «шагающей» техники («шагающая гребенка», «гребенчатая качалка», иногда с протаскиванием, «гладкая качалка»), штампования, очень редко встречается гладкий штамп и наколы. Для орнаментальной композиции характерна горизонтальная зональность, представленная вертикальными, горизонтальными, волнистыми и косыми лентами, иногда зоны разделены валиками, округлыми вдавлениями, на придонных частях сосудов нанесены горизонтальные зигзаги, как правило, выполненные гладким штампом, редко гребенчатым (рис. 1). Неорнаментированная керамика имеет лишь заглаженную гладким инструментом поверхность.

* *Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научно-педагогические кадры инновационной России» проект № 2009-1.1.-301-072-016*

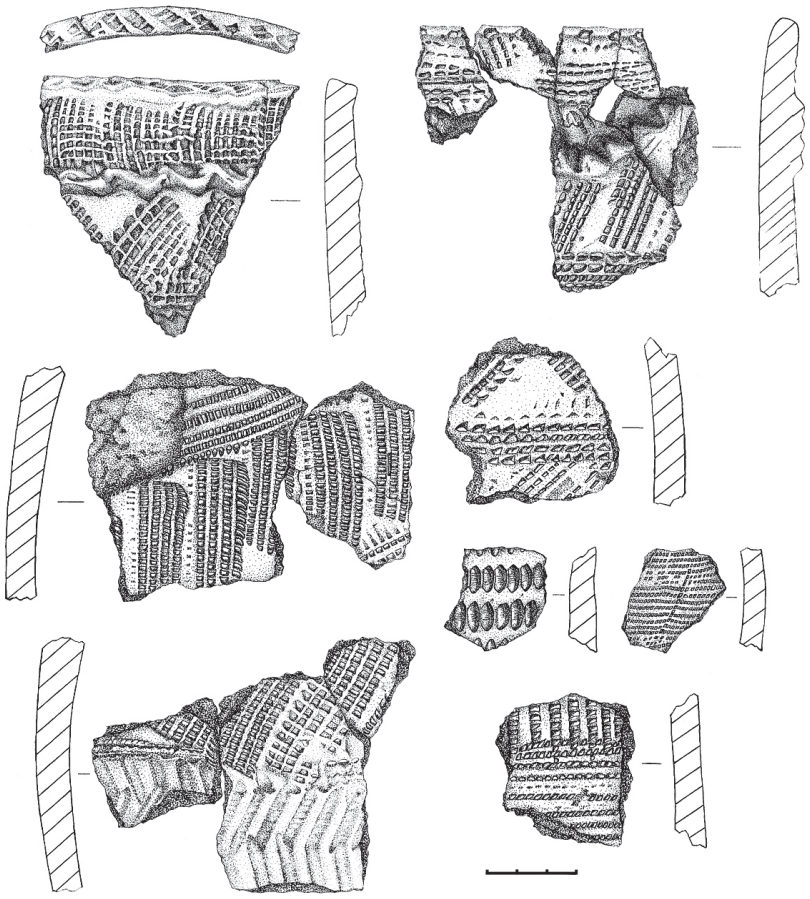


Рис. 1. Керамика раннего бронзового века поселения Шидертинское 2

Относительно возраста и культурной принадлежности данного комплекса можно сказать, что керамика поселения аналогична материалам могильника Шидерты 10, расположенного в 150 м к северо-востоку от поселения, и другим памятникам Павлодарского Прииртышья [Мерц, 2003, с. 133-135, рис. 1]. Керамический материал, этих объектов сопоставим с раннебронзовыми памятниками Обь-Иртышского междуречья, проявляя наибольшее сходство с елунинской керамикой Лесостепного Алтая и кротовской поселенческой керамикой Барабы и Среднего Прииртышья, для которой характерно «отступающе-накольчатая» и «шагающая» техники [Грушин, 2003, с. 51]. Ещё в пользу такой интерпретации говорит наличие в раннебронзовом комплексе Шидертинского 2 каменных черешковых наконечников стрел, аналогичных кротовским Среднего Прииртышья и елунинским Лесостепного Алтая [Стефанова, 1988, с. 64, рис. 5; Кирюшин и др., 2002, с. 25, 26, рис. 5, 6]. Мы считаем эти изделия культурно-хронологическими маркерами для кротовско-елунинских древностей, а данную категорию инвентаря эпохальным явлением, характеризующим культуры среднего бронзового века Евразийских степей середины III тыс. до н.э. – первой четверти II тыс. до н.э. К этому времени относится дата по C^{14} из могильника Шидерты 10, составляющего с поселением Шидертинское 2 единый комплекс (СОАН-4860) 3835±90 лет, калибровка которой указывает на возраст в пределах 2404-2266 гг. до н.э., определяя нижнюю границу раннего бронзового века региона в пределах XXV-XXIII вв. до н.э. [Мерц, 2008, с. 18]. В связи с этим актуальным становится вопрос о соотношении елунинской культуры Лесостепного Алтая, кротовской культуры Среднего Прииртышья и Барабы и кротово-елунинских материалов Восточного Казахстана. На наш взгляд, эти материалы необходимо рассматривать в рамках елунинских древностей, объединяя их в елунинско-кротовскую общность [Грушин, 2004, с. 28]. Нужно отметить, что это первый и наиболее ранний археологический комплекс на территории распространения кротово-елунинской общности, поэтому его дальнейшее исследование имеет особое значение для изучения эпохи ранней бронзы Казахстана и сопредельных регионов.

Литература

Грушин С.П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 2003. – С. 49-56.

Грушин С.П. К вопросу о формировании елунинской культуры Верхнего Приобья // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: АлтГУ, 2004. – С. 27-31.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Опыт классификации наконечников стрел эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: АлтГУ, 2002. – С. 16-32.

Мерц В.К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 2003. – С. 132-141.

Мерц В.К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: Афтореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2008. – 26 с.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 53-75.

Д.А. Недолуга
Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Редкие минералы в хозяйственной и культовой практике древнего населения Урала

Использование минералов послужило первым этапом освоения человеком полезных ископаемых Земли. Камень принадлежит к тем естественным дарам природы, которыми наряду с деревом, костью и рогом, первобытный человек пользовался с глубокой древности.

Из всего разнообразия камней, встречающихся на Урале, стоит выделить группу редко используемых минералов. На большинстве стоянок изделия из таких минералов встречаются единично или небольшими сериями. Можно предположить, что выбор этих минералов был обусловлен дефицитом подобного сырья, а может быть и цветовой гаммой или же их физическими свойствами. Некоторые авторы неоднократно подчёркивали значение цветовой символики в практике местного населения в древности и средневековье [Сериков, 2005].

На стоянке Шигирский Исток III (Шигирский торфяник, Свердловская обл.) найден скребок, изготовленный из агата. С двух сторон он обработан уплощающей ретушью, что позволило четче выявить круговой узор материала. Своей необычностью поражает скребок со стоянки Исток III (Басьяновский торфяник). Горный хрусталь, из которого изготовлен этот скребок, сильно насыщен нитями рутила («волосы Венеры»), что заметно выделяет его из других находок. На лезвии скребка присутствуют заломы и выемки от ударов по нему, скребок использовался в качестве кресального кремня для добывания огня. На стоянке Крутяки I найден скребок из оранжево-красного сердолика [Сериков, 2001]. В культовом энеолитическом центре Шайтанское озеро I обнаружены 2 ножа, изготовленные из ножевидных пластин. Одна пластина изготовлена из темно-красного просвечивающего карнеола, вторая – из двухцветного халцедона. Лезвие ножа выполнено из оранжевого полупрозрачного сердолика, а насад – из красно-бурого сардера. Нет никаких сомнений, что расположение цветов выбрано преднамеренно, и, скорее всего, данное изделие служило жертвенным ножом [Сериков, 2007а]. Наконечники из сердолика входят в состав коллекций находок с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) и Шайтанского озера I.

Довольно часто редко встречаемые минералы использовались для изготовления подвесок. В эпоху мезолита-неолита подвески изготавливали из мягкой разновидности серпентинита (змеевика) – офита. Серия таких подвесок найдена в погребениях в Барановской пещере (35 экз.) и навесе Старичный Гребень (15 экз.) (р. Юрюзань, Южный Урал). Все они выполнены из зелёного и голубовато-зелёного змеевика [Бибиков, 1950]. Единичные подвески из змеевика встречены на Шайтанском озере, в погребении Берёзки Vг. Интересная подвеска из офита обнаружена в неоли-

тическом коллективном погребении (три женщины и четыре младенца) в Кумышанской пещере (р. Чусовая). Тщательно отшлифованное украшение из темно-зеленого офита выполнено в виде лица человека [Сериков, 2002].

В эпоху энеолита на территории Урала предпочитали использовать подвески небольшого размера из красно-бурого шифера (пирофиллитового сланца). Значительные их серии зафиксированы в культовом озерном центре на Шайтанском озере (Средний Урал), святилище Усть-Вагильский холм (Северный Урал), в Аятском погребении (Аятское озеро, Средний Урал). В этом погребении находилось 52 подвески из шифера, причём у 30 на краях были вырезаны мелкие зубчики [Сериков, 2004]. Подобные подвески найдены в погребениях Западной Сибири – на могильнике Бузан III. В одном погребении костюм погребенного украшали 170 подвесок, а в другом – 223 [Матвеев, 2004].

Также к единичным изделиям следует отнести бусы из малахита, найденные на стоянке Палатки I (Екатеринбург), относящейся к эпохе энеолита. Одна малахитовая бусина округлой формы найдена в могильнике бронзового века Синташта (Челябинская обл.).

Возможно, в качестве украшений использовались изделия из природной разновидности графита – графитита. Артефакты со стертыми поверхностями и в одном случае с отверстием зафиксированы на территории ранних памятников (около 9-12 тыс. лет назад) в бассейне р. Витим (Иркутская обл.). По мнению иркутских ученых, истирание и сверление изделий производилось с целью получения красящего порошка черного цвета [Инешин и др., 2005].

Интересная находка выявлена в Аятском погребении: на месте сердца была положена пластина слюды [Берс, 1976]. А в разрушенном захоронении на Шайтанском озере найдены два диска диаметром 4,5-5 см, изготовленные из полупрозрачного зеленоватого благородного талька. Возможно, они закрывали глаза погребенного.

Уникальной находкой следует признать изделие из золотистого халькопирита. В силу каких-то причин халькопирит никогда не использовался в древности. Первая находка халькопиритового изделия на территории Урала обнаружена в Пещере Туристов (р. Чусовая). Оно сильно фрагментировано. Сохранившийся обломок имеет размеры 3,2×3,0×2,7 см. Первоначальную его форму из-за фрагментарности установить сложно. Возможно, это была усеченная пирамида. Изделие носит следы пребывания в огне. Его функциональное назначение остается неизвестным [Сериков, 2007б]. Второе изделие – шпатель для заглаживания и выравнивания стенок сосудов – обнаружено на Шайтанском озере. Оно также носит следы пребывания в огне.

Любопытными находками являются кусочки минералов со стертой поверхностью – своеобразные «карандаши». Подобные «карандаши» из магнетита и гематита хорошо известны на целом ряде святилищ Среднего Зауралья (Голый Камень, Камень Дыроватый, Пещера Туристов, Кумышанская пещера, скалы Три Сестры, Шайтанское озеро и др.). Их растирали на плитках камня для получения минеральной краски красных тонов.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что такие редко встречаемые минералы как агат, сердолик, сапфирин, хрусталь, «волосатик», шифер, офит, графитит, гематит, магнетит, слюда, халькопирит, малахит и некоторые другие практически всегда применялись древним населением Урала в культовой практике. Чаще всего они использовались в качестве украшений, иногда – в виде сакральных изделий особого назначения.

Литература

Берс Е.М. Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // СА.– 1976. – № 4. – С. 190-200.

Бибиков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. – 1950. – Т. 13. – С. 95-138.

Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П. Использование экзотических пород в культурах каменного века бассейна Витима // Археоминералогия и ранняя история минералогии: Мат-лы Междунар. семинара. – Сыктывкар: Геопринт, 2005. – 196 с.

Матвеев А.В. Затерянный мир Ингальской долины. – Тюмень: ОАО «Тюмен. дом печати», 2004. – 144 с.

Сериков Ю.Б. Использование камней-самоцветов на территории Среднего Зауралья // Пермский регион: история, современность, перспективы: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Березники: Издат. дом «Типография купца Тарасова», 2001. – С. 44-47.

Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 127-150.

Сериков Ю.Б. Подвески и нашивки энеолитическсой эпохи (по материалам культового центра на Шайтанском озере) // Четвёртые Берсовские чтения. – Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. – С. 100-108.

Сериков Ю.Б. Символика цвета у древнего населения Урала по данным археологии // Проблемы археологии и древней истории Урала. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. – С. 45-53.

Сериков Ю.Б. Культовые объекты и памятники как маркеры освоенного пространства (по материалам Среднего Зауралья) // Миф, образ и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2007а. – С. 224-233.

Сериков Ю.Б. Изделие из халькопирита // Nota Bene. Случайная находка. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007б. – Вып. I. – С. 137.

М.Ю. Новоселов

Красноярск, Сибирский федеральный университет,
Лаборатория археологии, этнографии и истории Сибири

К истории изучения рыболовства на территории Приенисейской Сибири (бронзовый век)

Рыболовство – одно из важнейших направлений присваивающей экономики древнего человека, в значительной мере определяющее уровень производительных сил древних обществ. Целью настоящей работы является рассмотрение истории изучения рыболовства в бронзовом веке на территории Сибири в аспекте ряда проблем, таких как объекты рыбной ловли, древние способы ловли рыбы, орудия рыбной ловли и роль рыбного промысла в древних обществах.

В зависимости от водоемов обитания рыбы подразделяются на речные и озерные. Кости речных рыб, таких, как осетр, стерлядь, таймень, хариус, щука, плотва, ёрш, обнаружены на многих стоянках Енисея: Усть-Миинжуль, Боровое 2, Афонтова гора, Еленева пещера и др. [Макаров, 1989, 1993]. На Байкале, по мнению А. Г. Новикова, О.И. Горюновой, ловили прибрежно-соровую рыбу: елец, окунь, сорога, щука. Эти виды большую часть жизни проводят в прибрежной мелководной зоне озера, богатой кормами. Однако, по мнению авторов, основной промысловой рыбой на Байкале является омуль, добыча которого могла осуществляться только в определенные непродолжительные сезоны: в июне- июле на мелководье, куда подходили его косяки для кормежки с мест зимовок, и в октябре – в устьях рек во время его хода на нерест [Новиков, Горюнова, 2005].

Существуют пассивные и активные способы рыбной ловли. К пассивным способам относится лов сетями и использование всевозможных ловушек. К активным способам относится лов рыбы ужением и поколка. Активные и пассивные способы рыбной ловли, существовавшие на территории Приенисейской Сибири в бронзовом веке, упомянул в своей работе Н.П. Макаров. «Рыбу добывали сетями, ужением, с помощью гарпунов, лука и стрел» [Макаров, 1993, с. 24]. А.П. Окладников предполагал, что, помимо ловли рыбы сетями, в бронзовом веке существовали и другие способы пассивной рыбной ловли – использование ловушек, которые не сохранились, потому что были изготовлены из органических материалов [Окладников, 1955]. К пассивным способам можно отнести и запорное рыболовство [Косарев, 1991].

По мнению А.П. Окладникова, отсутствие в глазковских могильниках сетей не является свидетельством нераспространенности данного вида рыбной ловли. Ученый объясняет это тем, что сети не являлись частью личного снаряжения человека «… они принадлежали всей данной общине как ее коллективное достояние и поэтому не могли быть положены с умершим в могилу» [Окладников, 1955, с. 100]. По мнению исследователя, сети изготавливались из волокон крапивы и других растений, волокна расчесывались специальными гребнями.

В работах А.П. Окладникова, О.И. Горюновой, Г.Н. Михнюк, Н.А. Савельева и др. исследователей приводится большое количество рыболовного инвентаря, обнаруженного в погребениях бронзового века. В статье, посвященной могильнику в местности Шумилиха [Савельев и др., 1981], авторы среди прочего инвентаря выделяют рыболовные орудия, которым дана подробная

классификация. Они разделяются по материалу изготовления на каменные и костяные. Гарпуны классифицируются на односторонние и двусторонние, по форме системы крепления делятся на гарпуны:

а) с овальным насадом и шипами, расположенными либо перпендикулярно телу орудия, либо под острым углом;

б) с треугольной системой крепления и ярко выраженным стопор линем;

в) с ромбической системой крепления.

Помимо непосредственно самих рыболовных орудий, к рыболовному инвентарю можно отнести и каменные или костяные изображения рыб. Вопросом об их назначении занимались А.П. Окладников [1955] и Н.И. Дроздов [1978]. На основе этнографических материалов они установили, что эти изображения служили приманками для ловли рыбы, хотя и не исключается их использование в культовых ритуалах.

Все исследователи признают значимую роль рыболовства в хозяйственной деятельности автохтонного населения Приенисейской Сибири. По мнению Н.П. Макарова, рыболовство, получившее распространение на Енисее еще в эпоху мезолита, играло существенную роль на всем протяжении неолита и ранней бронзы [Макаров, 1993].

Помимо находок орудий рыбной ловли, существуют и другие доказательства существенной роли рыбного промысла в хозяйственной деятельности традиционных обществ Приенисейской Сибири. А.Г. Новиков и О.И. Горюнова считают, что о развитии рыболовства у населения побережья Байкала в мезолите – бронзовом веке косвенно свидетельствуют расположение поселений на берегах в удобных для рыбалки заливах и бухтах, большая мощность культурных слоев, указывающая на долговременность этих стоянок: Улан Хада, Саган-Нугэ, Итырхей, Берлога, Посольская и др. [Новиков, Горюнова 2005].

Рыболовный промысел существовал на всей территории Приенисейской Сибири, в том числе и в Заполярье. Л.П. Хлобыстин в своей монографии упоминает о находках костных останков рыб и рыболовного инвентаря на территории Таймырского Заполярья [Хлобыстин, 1987, 1998].

Большинство исследователей, признавая существенную роль рыболовства, упоминают о нем лишь попутно. Рыболовству посвящено лишь небольшое количество статей, а монографии, рассматривающие проблему рыболовства в данный период на территории Приенисейской Сибири, отсутствуют. Таким образом, обзор представленных работ, посвященных изучению древнего рыболовства в Сибири, показывает недостаточную изученность проблемы для территории Приенисейской Сибири.

Литература

Дроздов Н.И. Новые находки каменных рыб в Красноярском крае // Археология и этнография Восточной Сибири. – Иркутск, 1978. – С. 36-37.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.

Макаров Н.П. Материалы эпохи неолита – ранней бронзы из раскопок Афонтовой горы // Проблемы изучения Сибири в научно–исследовательской работе музеев: Тез. докл. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – С. 89.

Макаров Н.П. Неолит и ранний бронзовый век Красноярской лесостепи: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово: КузГТУ, 1993. – 26 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита-бронзового века) // Известия лаборатории древних технологий.- Иркутск: ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 125-134.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч 3. – 371 с.

Савельев Б.А., Михнюк Г.Н., Лежненко И.Л., Горюнова С.И., Петрова Н.А., Панковская Г.И. Могильник Шумилиха // Бронзовый век Приангарья. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1981. – С. 19-25.

Хлобыстин Л.П. Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 327-344.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. – СПб.: Дмитрий Булыгин, 1998. – 340 с.

А.Ю. Патрушев
Екатеринбург, Уральский государственный университет им. А.М. Горького

«Утюжки» неолита: типология, функции

«Утюжки» (човники, челноки, гладилки) – артефакты, следы эпох неолита, энеолита и бронзы. Они не связаны с каким-то определенным типом памятников, но, в основном, они встречаются в поселенческих комплексах. Наиболее ранние экземпляры датируются мезолитом – VII тыс. до н.э.; наиболее поздние – эпохой конца развитой бронзы – II тыс. до н.э. Они встречаются в предгорьях, лесостепной, полупустынной зонах. Наиболее часты находки в лесостепной местности.

Форма, в основном, овальная, верхняя поверхность сферическая. Самая важная и заметная деталь – желобок (иногда их бывает несколько) в центральной части сферической поверхности, перпендикулярно длинной оси изделия. Размеры «утюжка» обычно таковы: длина от 3-5 до 20 см, ширина, в среднем, 6-7 см, глубина желобка доходит до 1 см. Изделия часто встречаются с нанесенным орнаментом.

«Утюжки» отмечены во многих областях Евразии и Африки. Характер распространения этих артефактов в Евразии делится на две эпохи: неолит и энеолит. В неолите выявлены три зоны находок: лесостепи Восточной Европы, Средняя Азия и Центральный Казахстан, Зауралье. В эпоху энеолита «утюжки» встречаются на поселениях от Северного Прикаспия до Восточного Казахстана. К началу эпохи бронзы, судя по данным, распространение «утюжков» ограничилось степными районами Западной Сибири, Северного Центрального Казахстана.

Для изготовления этих артефактов использовались различные по своим техническим характеристикам материалы – от талька, глины и стеатита до песчаника и туфовых пород.

Чтобы более детально рассмотреть «утюжки», обратим внимания на изделия боборыкинской культуры (поздний неолит, IV тыс. до н.э.) (рис. 1). На сегодняшний день найдено 10 «утюжков» разной степени сохранности, из которых 5 каменных и 5 глиняных.

Для обобщения следует упомянуть особенности «утюжков» данной культуры: оригинальные орнаментальные мотивы, распространенные среди земледельческих культур, орнамент в виде прямой линии или зигзагообразный на основании, а также наличие продольных желобков. Желобки, в основном, неглубокие и не доходят до боковых кромок. Все экземпляры единичны. Два «утюжка» были обнаружены на территории культового сектора.

Мнения исследователей насчет функционального предназначения «утюжков» разделились, и в настоящее время споры не окончены. Конкурируют две основные точки зрения – утилитарная и культовая.

В последнее время основной упор сторонников производственной теории делается на предназначение «утюжков» как абразивов для шлифования округлых костяных и деревянных изделий: древков стрел, дротиков, игл и т.д. [Мелларт, 1982; Усачева, 2006]. На это указывает наличие желобка и его исследования на предмет частого использования в данной процедуре. Но находки «утюжков» единичны, тогда как для шлифования и заточки таких приспособлений потребовалось бы в разы больше. Помимо этого, сторонники утилитарной гипотезы не обращают внимания на орнаментацию «утюжков». Вдобавок ко всему материал, из которого изготовлены «утюжки» (мягкие горные породы и глина), не выдержит частого применения в операциях заточки и шлифования.

Существует также мнение относительно использования «утюжков» в их прямом смысловом назначении – для разглаживания швов и неровностей кожи [Дмитриев, 1951]. Но для этой цели лучше всего просверлить обыкновенное отверстие. К тому же основание «утюжка» не всегда плоское: встречаются и вогнутые экземпляры.

Стоит упомянуть гипотезу в отношении «утюжков» как грузиков или маховичков лучкового сверла, используемых для добывания огня [Телегин, 1980]. В этом случае надо заметить, что процесс добывания огня является достаточно важным действом, требующим частого применения инструментов, и вопрос об их сохранности остается спорным. Тем не менее, многие «утюжки» сохранились достаточно хорошо и следы затертости на дне желобка незначительны. Возможно, этот фактор указывает на их применение в других процедурах.

Основные аргументы для подтверждения культовой гипотезы о предназначении «утюжков» – их сложная и необычная орнаментация, уникальность и единичная экземплярность каждого изделия, находки в культовых комплексах и предполагаемых святилищах [Усачева, 2007]. Высказыва-

ются предположения об антропоморфной природе изделий: скульптуры Венер, Великой Богини-матери [Кияшко, 2002], человеческие образы, использующиеся в ритуалах. Достаточно интересна интерпретация «утюжков» как космогонических символов, образов горы-земли со скрытыми в ней богатствами и переносных алтарных камней, связанных с культом плодородия [Викторова, Кернер, 1998; Пушкарев, 2002].

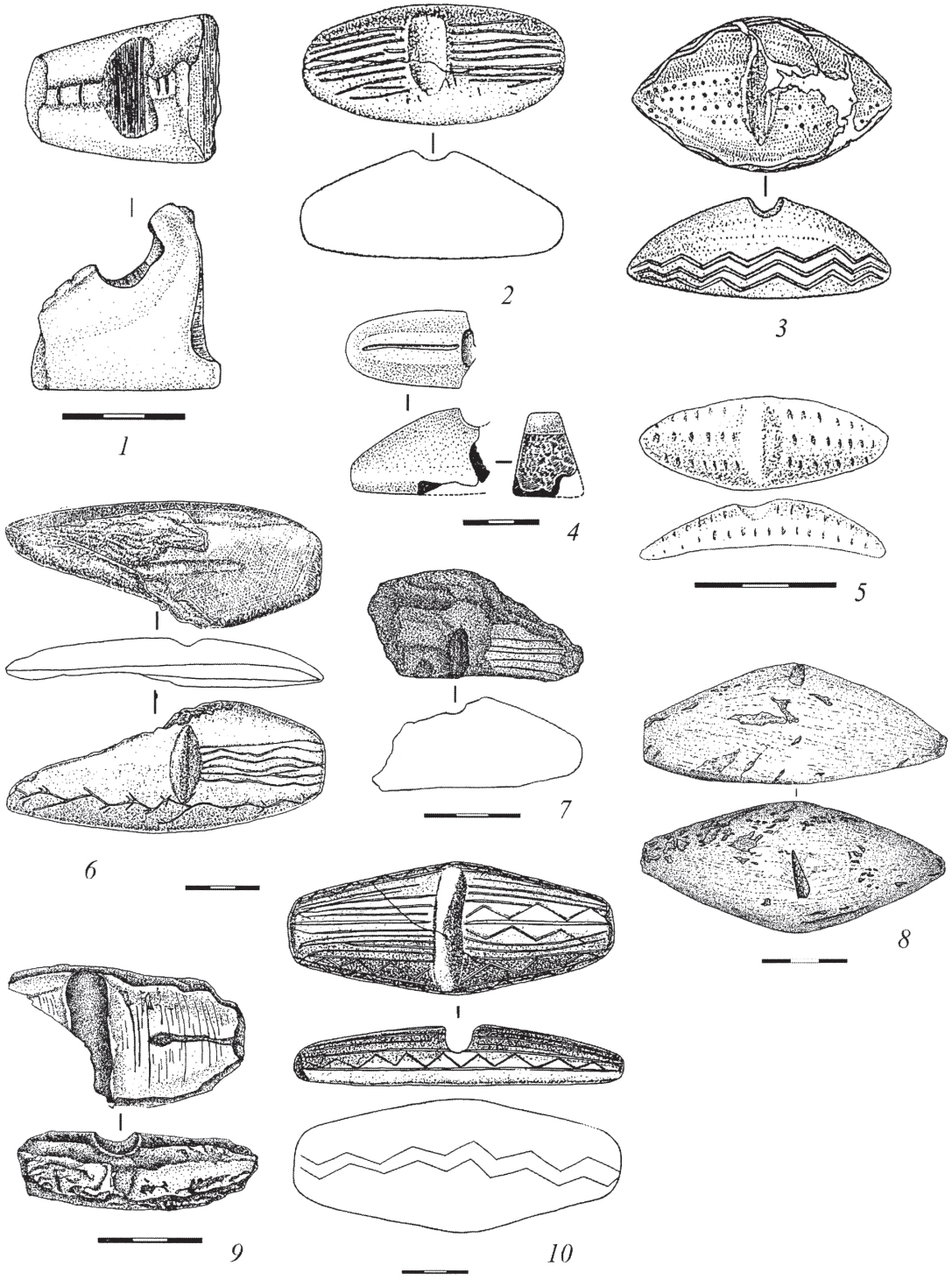


Рис. 1. «Утюжки» боборыкинской культуры: 1 – ЮАО-IX; 2-3 – ЮАО-XII; 4 – Юргаркуль III; 5 – Палатки I; 6-7 – ЮАО-XIII-А; 8 – Шайдурихинское V; 9-10 – ЮАО-V

Земля издревле служила источником пищи и являлась важнейшим компонентом мироздания. С началом возделывания земли начали складываться и культы плодородия. Из древней орнаментики установлено, что знак в виде ромба или овала происходит от условного изображения земли. Достаточно взглянуть на «утюжок» в профильной проекции, и мы увидим, что он имеет треугольную форму. Эта форма не что иное, как своеобразное изображение горы или холма. Взглянув на «утю-

жок» сверху, мы увидим тот самый ромб или овал, ассоциировавшийся, в частности, в Древнем Шумере с землей или земельным участком.

«Утюжки», найденные в Египте, могут быть связаны с египетским культом плодородия. Также не стоит упускать из внимания и миф о появлении первичного холма из океана, а некоторые элементы орнамента, присутствующего на артефактах интерпретируются как схематические изображения воды или волн.

Если взглянуть на «утюжок» как на символическое изображение мировой горы, то необходимо упомянуть, что мифы о Горе были распространены практически во всех уголках земного шара. Гора являлась прародительницей жизни на земле, в том числе и человеческой. Сама форма сооружений религиозно-ритуального назначения обычно имитирует форму Горы: пирамида, пагода, зиккурат, храм, ступа, чум и арка могут рассматриваться как архитектурный образ Горы, ее аналог.

«Утюжки» появились на Ближнем Востоке у народов с хозяйством земледельческого типа. Позднее, в ходе миграций, их ареал сместился на северо-восток от зоны появления, благодаря чему мы встречаем подобные находки на территории Украины и России. Урал и Западная Сибирь, боборыкинская культура в частности, также послужили своеобразной кладовой для этих предметов. Проблемы функциональности «утюжков» здесь решить гораздо сложнее. Следует отталкиваться от находок с Ближнего Востока и искать параллели.

Так как боборыкинская культура также являлась земледельческой, то культ плодородия был распространен и здесь. Признаков, указывающих на принадлежность «утюжков» к культовым предметам, можно выделить несколько: изделия найдены в жилищах и святилищах, форма изделий устойчива и постоянна, изделия изготовлены из мягких материалов, что облегчает проведение обряда «разрезания земли», все изделия имеют желобок – символ отверстия в земле, подавляющая часть изделий покрыта орнаментом, который можно интерпретировать как изображение воды, зерна, растительности [Ковалева, Зырянова, 2007].

Рассматривать эти изделия необходимо во всем спектре изучаемой археологической культуры, отталкиваясь от нескольких аспектов. Важно понять, чем занимались древние люди, что они ценили и во что верили. Только рассмотрев и обобщив все стороны жизни изучаемого общества, можно понять предназначение тех или иных артефактов, созданных людьми этого общества.

Литература

Викторова В.Д., Кернер В.Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 23.

Дмитриев П.А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // МИА. – 1951. – № 21.

Кияшко В.Я. Еще раз о проблеме «утюжков» в мезолите-энеолите Евразии // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб., 2002. – Кн. 1.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. К дискуссии о функции «утюжков» // XVII Уральское археологическое совещание. – Екатеринбург; Сургут, 2007.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. – М., 1982.

Пушкарев В.Е. Ареал распространения «утюжков» и проблема их Интерпретации. // Общество археологических исследований. – Челябинск, 2002.

Телегин Д.Я. О так называемых «челноках» или «утюжках» и их распространении в Европе и Азии // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы восточной Европы: Тез. докл. – Оренбург, 1980.

Усачева И.В. Эти загадочные «утюжки»: к вопросу о функциональном назначении // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 14.

Усачева И.В. Иррациональное в «утюжках» // XVII Уральское археологическое совещание. – Екатеринбург; Сургут, 2007.

Н.А. Паутова
Иркутск, Лимнологический институт (ЛИН СО РАН)

Загадка чёрных горизонтов ГАО «Бугульдейка-2»

Геоархеологический объект (ГАО) «Бугульдейка-2» расположен на юго-западном побережье оз. Байкал в бухте Ива, 2,7 км в юго-западном направлении от пос. Бугульдейка. Во время полевого сезона 2008 г. изучено строение разреза отложений, заложенного у абразионного уступа в юго-восточной части конуса выноса. Относительная высота – 4,5 м над уровнем Байкала. Глубина раскопа 2,5–2,8 м, протяженность стенки 12 м.

Разрезом вскрыты синлитогенные почвы с профилем «А–С». В отложениях повышено содержание скелетных частиц. В верхних 50 см мелкозем имеет легко суглинистый состав, глубже – средне и тяжелосуглинистый. Наиболее тяжелый гранулометрический состав отмечается в почвах, обогащенных гумусом, pH водной суспензии преимущественно нейтральная. Подстилающие породы – граниты.

Выделено 28 литологических слоев, к которым приурочены 13 культуровмещающих горизонтов. Отложения имеют сартан–голоценовый возраст (sr^4–sa^3), а культурные слои охватывают интервал от 9 тыс.л. до современности: мезолит $IV_{1\text{-}9}$-V_1 к.сл.; неолит III к.сл.; бронзовый век II_2 к.сл.; железный век II_1 к.сл.; средневековье.

Главной особенностью этого объекта, которая всегда привлекала внимание исследователей, является черный цвет и мажущая способность некоторых культуровмещающих слоев при их очень малой толщине (1-3 см), поэтому выяснение причин окраски этих горизонтов представляло большой интерес.

Существует несколько вариантов объяснения пигментации данных слоев за счет высоких содержаний: 1) угля (сажи), 2) марганца или 3) гумуса. Не исключена возможность отнесения их к особому генетическому типу почв – слитоземам.

Современные слитоземы характеризуются преобладанием монтмориллонита в составе тонкодисперсных (глинистых) минералов при среднем содержании гумуса 2-3%. В составе исследуемых черных горизонтов монтмориллонит не преобладает, и среднее содержание гумуса очень высокое (около 14%). Следовательно, отнести их к слитоземам нельзя.

В 2001 г. С.С. Осачий высказал гипотезу о формировании в исследуемых слоях «мажущего чернозема» за счет накопления сажистых, углистых материалов, являющихся продуктами переотложения на конусе выноса размывов лесных гарей. Против этой гипотезы возникают вопросы: возможно ли постоянное горение древесной растительности на протяжении нескольких тысяч лет и откуда взялась такая огромная масса сажи, если вверх по пади от конуса выноса древостой редкий, а на вершине вообще отсутствует? Окончательно опровергают гипотезу С.С. Осачего результаты микроморфологического анализа: в исследуемых горизонтах углистые остатки имеют размер до 200 мкм и не превышают 0,1% от общей массы образца.

Известно, что геохимические аномалии повышенного содержания марганца в аккумулятивных горизонтах часто сопровождаются образованием конкреций, имеющих некоторую морфологическую схожесть с углем, выраженную в цвете и мажущей способности. По результатам ИСП–МС анализа содержание марганца в исследуемых слоях сравнимо с Кларком для земной коры. Следовательно, аккумуляция оксидов и гидроксидов марганца в этих горизонтах не происходит.

Наконец, остается последнее объяснение пигментации погребенных горизонтов – наличие высоких содержаний гумуса (11-16%). При малой мощности окраска исследуемых горизонтов даже в сухом состоянии по атласу Манселла 10 YR 2/1, т.е. на 1–2 тона темнее, чем классический чернозем (10 YR 2-4/2). Возникает вопрос: какая форма гумуса может дать такую окраску?

Для детального исследования были взяты 13 ($IV\text{-}_4$ к.сл.) и 16 ($IV\text{-}_2$ к.сл.) литологические слои ГАО «Бугульдейка-2». Для сравнения выбран наиболее гумусированный образец 14b (IVв к.сл.) литологический слой, ГАО «Саган-Заба II» (SB-1), где не стояла такая проблема. Изучены под микроскопом их морфологические особенности.

В основном, органическая часть исследуемых образцов состояла из продуктов разрушения растительных остатков разной стадии разложенности, от слабой и средней до стадии полной гумификации. Были различимы глобулы гумусового вещества с разной степенью сформированности, прозрачностью и окраской. Преобладают очень темные глобулы, предположительно – это гуминовые кислоты II фракции, связанные с кальцием. Так же присутствуют светло-бурые, почти прозрачные – «бурые»

гуминовые кислоты, связанные с железом. Эти глобулы коагулируются и образуют 2-3-порядковую структуру.

В образцах 13 и 16 литологических слоев ГАО «Бугульдейка-2» проявилась ранее не описанная в литературе специфическая форма гумуса. Под увеличением микроскопа были заметны в очень большом количестве вязкопластичные липкие образования в виде длинных узких тяжей серого цвета. Они образуют тенёту, склеивая гумоны, углистые остатки, легкие минералы. Во влажном состоянии тенета растягивается, что может объяснить очень сильную мажущую способность почвы. При высыхании или жесткой химической обработке тенёты рассыпаются на наночастицы, которые напоминают тонкодисперсную сажу.

В образце 14b, ГАО «Саган-Заба II», тенётный гумус так же присутствует. При этом относительное содержание гумуса в образцах, взятых для сравнительного анализа, примерно одинаково.

Таким образом, наиболее вероятной из рассмотренных четырех гипотез, объясняющих пигментацию темноокрашенных слоев ГАО «Бугульдейка-2» является гипотеза о существовании специфической формы гумуса. Но наряду с традиционными пигментами, в меньшей степени обуславливают черный цвет гуминовые кислоты II фракции и углистые остатки.

На данном этапе исследования мы считаем, что образование специфической формы гумуса связано с активными процессами гидроморфизма, развитием определенных видов водорослей или бактерий, принесенных на конус выноса делювиально-пролювиальными потоками. Наша гипотеза не раскрывает сути генезиса обнаруженной волокнистой части гумуса, что и будет служить задачей для будущих исследований.

О.Ю. Пивоварова
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

«Ладьевидный» сосуд с памятника Усть-Тара-XXVIII (к вопросу о хронологии и культурной принадлежности)

В ходе раскопок 2000-2001 гг. на памятнике Усть-Тара-XXVIII (Тарский район Омской области) была получена значительная коллекция керамики. Ее анализ позволил выделить два основных разновременных комплекса, которые датированы эпохой неолита – ранней бронзы.

Первый комплекс характеризуется сосудами полуяйцевидной формы с округлым или округло-приостренным дном. Орнамент выполнен палочкой в технике отступания, отступания с наколом либо прочерчивания. Мотивы представлены горизонтальными, вертикальными или наклонными линиями. Важное место в орнаменте этого комплекса занимают ямки, довольно часто они составляют самостоятельные композиции. В тесте хорошо прослеживаются остатки органики, крупный шамот, присутствует песок, но последнего относительно немного.

Второй керамический комплекс характеризуется сильной фрагментацией черепка и отсутствием целых или реконструированных сосудов. Техника орнаментации – накол без следов отступания, выполненный гребенчатым штампом либо тонкой лопаточкой. Орнаментальные мотивы, в основном, представляют собой горизонтальные ряды косо поставленного штампа. Ямки встречаются не на всех сосудах и не создают самостоятельных композиций. В тесте большое количество песка и отсутствуют органические добавки [Иващенко, Толпеко, 2006].

Эти два керамических комплекса хорошо отличаются друг от друга. Однако, наряду с ними в материалах памятника присутствуют сосуды и фрагменты, достоверную связь которых между собой или с каким-либо из двух выше представленных комплексов (по форме, орнаменту, тесту) на сегодняшний день установить не удалось.

Наибольший интерес представляет собой сосуд оригинальной формы с уплощенным дном. Он реконструируется от дна до венчика, но только на небольшом отрезке. Размеры данного сосуда в целом (диаметр венчика и тулова) остаются неясны, однако он был отнесен к типу «ладьевидных», так как его форма и орнаментация напоминают плоскодонную дощатую лодку.

Орнаментирован сосуд в отступающе-накольчатой (ложношнуровой) технике. Орнаментальные мотивы представлены сочетанием горизонтальных и наклонных линий (горизонтальная ёлочка). Имеется один пояс из неглубоких ямочных вдавлений семечковидной формы, расположенный на тулове сосуда. Весьма оригинально тесто – в нем, наряду с шамотом и песком, много следов органики растительного происхождения [Иващенко, 2003].

Необходимо отметить, что на территории Среднего Прииртышья другие ладьевидные сосуды этого периода не найдены. Поэтому встает вопрос об определении культурно-хронологической принадлежности ладьевидного сосуда с поселения Усть-Тара-XXVIII. Ни стратиграфически, ни по орнаментации, ни по форме соотнести этот сосуд с одним из выделенных на памятнике керамических комплексов не представляется возможным. В виду этого определение принадлежности этой находки к какому-либо времени или культуре приобретает особую актуальность.

В целом, на территории Западной Сибири ладьевидные сосуды не частые, но достаточно известные находки. Они обнаружены на территории Сургутского Приобья в памятниках эпохи позднего неолита. В коллекциях стоянок Барсова Гора II/16а, II/17, IV/5 есть ладьевидные сосуды и емкости оригинальных форм, в том числе с плоским дном. Орнаментировалась вся внешняя поверхность сосудов, включая плоские днища. Узоры выполнены в отступающее-накольчатой, прочерченной и шагающей технике. В композициях преобладают горизонтальные прямые и волнистые линии, реже встречается вертикальная елочка [Чемякин, 2008].

Керамические сосуды в форме лодки получают более широкое распространение в эпоху бронзы. Ярким свидетельством тому служат находки с памятников сартыньинской культуры Нижнего Приобья. На поселениях Честый-Яг, Сартынья I, II, Малый Алтым I, Шеркалы-XIII были найдены сосуды ладьевидной формы с овальным устьем и уплощенным дном [Неолит.., 1996]. К ним же примыкают ладьи с поселения Вары-Хадыта I и II на полуострове Ямал [Васильев, 2000]. Однако форма этих сосудов и их орнаментация сильно отличаются от сосуда с памятника Усть-Тара-XXVIII.

Если рассматривать отдельно технику нанесения орнамента, то аналогии можно найти в лесном Зауралье на памятниках эпохи энеолита. Керамика с ложношнуровым орнаментом обнаружена на поселениях липчинской культуры. Это стоянки Липчинская, Анин остров, Исетское-XIII, Дальний Разрез А, нижний слой IV разреза Горбуновского торфяника и др. [Ковалев, Чаиркина, 1991]. Однако, ладьевидных сосудов на данной территории не найдено.

Проведенное исследование показало, что ладьевидный сосуд с памятника Усть-Тара-XXVIII не обнаруживает прямых или относительно близких аналогий по форме, орнаменту и составу теста в синхронных (и не только) культурах Западной Сибири. Таким образом, с одной стороны можно сделать вывод об оригинальности этого изделия, а с другой – отметить достаточно широкое территориальное и хронологическое распространение ладьевидных сосудов в Западной Сибири в целом уже в периоды неолита и бронзы.

В связи с последним большой интерес вызывает и вопрос о семантической нагрузке ладьевидных сосудов. Несомненно, что ладья в традиционном мировоззрении многих народов Сибири логически увязывалась с водной стихией мировой (шаманской) реки, связывающей различные миры Вселенной [Васильев, 1985]. Одно из ярких свидетельств тому – энеолитический могильник Бузан 3 (Тюменская область). При исследовании центральной погребальной камеры комплекса были расчищены остатки деревянной долбленой лодки. На дне, у ее левого борта, было произведено захоронение. Рядом располагалась яма, которая имела четко выраженную ладьевидную форму. Возможно, там находилась еще одна лодка, скорее всего полностью истлевшая [Матвеев и др., 1997]. Эти находки предельно наглядно отражают представление о водном пути, как дороге в мир мертвых и о древности представлений, связанных с ладьей (лодкой).

Литература

Археология СССР: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – 379 с.

Васильев В.А. К вопросу о семантике ладьевидных сосудов сартыньинской культуры // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 41-43.

Васильев Е.А. Поселение Вары-Хадыта II и проблемы первобытной археологии Ямала // Научный вестник. – Салехард, 2000. – Вып. 3. – С. 24-31.

Иващенко С.Н. Керамические комплексы памятника Усть-Тара XVIII // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Мат-лы Всерос. (с междунар. участием) 43-й археол.-этнограф. конф. молодых ученых. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 104-106.

Иващенко С.Н., Толпеко И.В. Культурно-хронологическая атрибуция ранних памятников Усть-Тарского археологического микрорайона // Исторический ежегодник. 2005. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2006. – С. 83-91.

Ковалева В.Т, Чаиркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: Итоги и проблемы исследования // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 1991. – Вып. 20. – С. 45-70.

Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н. Исследование энеолитического могильника Бузан 3 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. – С. 156-158.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: МУ ИКНПЦ «Барсова гора», 2008. – 224 с.

***Ю.В. Спиридонова*[1], *А.А. Болтов*[2]**

[1]Иркутск, Восточно-Сибирская государственная академия образования

[2]Ангарск, МУЗ «Городская детская стоматологическая поликлиника»

Предварительные результаты стоматологического анализа челюстей погребенных из могильника Макрушино на Верхней Лене. Перспективы гистологических и гистохимических исследований

Археологический объект «Макрушинский могильник» находится в 0,4 км к юго-западу от бывшего села Макрушино на поверхности 8-10-метровой эрозионной террасы. Река в этом месте делает крутой поворот, сформировав перед террасой высокую пойму с одним прирусловым валом. Терраса входит в структуру правого борта ленской долины, сложенного мелкоосадочными породами. Южный склон террасы подвержен воздействию денудационных процессов [Алтухов, 1993]. Раскопки на памятнике периодически проводились с 1989 по 1998 гг. [Ветров и др., 1990; Ветров и др., 1995; Алтухов, 1993, 2000, 2001; Ветров, Фролова, 2000]. Количество вскрытых на сегодняшний день погребений составило 18; кроме них, были обнаружены 4 кладки. Целью данной работы является презентация данных, полученных в результате проведения сравнительного анализа челюстей из погребений № 13 и № 18 Макрушинского могильника с челюстями современного человека и анализа структуры и возможной функции челюстей с точки зрения стоматологии.

В погребении № 18 была захоронена молодая женщина, в вытянутом положении на спине, ориентирована по линии ЮВ-СЗ, параллельно руслу реки, головой вниз по течению. Анатомический порядок скелета нарушен ямой грабителей. В непотревоженном состоянии сохранились только кости голеней и стоп. Череп был смещён и развёрнут лицевой частью на северо-восток. Погребение датировано глазковской культурой.

Образец представлен фрагментом верхней челюсти, содержащей участки тела, небного и альвеолярного отростков. Кость пористая, неплохо сохранилась, содержит зубы: __765 2_|_ 234_. Имеется лунка зуба мудрости справа (зуб отсутствует). Зубы подвержены выраженной патологической стираемости (стерто в среднем 30-40 % коронковой части). Анатомия зубов и челюсти приблизительно соответствует аналогичной структуре современного человека, однако, размеры корней зубов несколько меньше (5 зуб справа вынимается из своей лунки, имеет тонкий одиночный не очень длинный корень). Наблюдается сохранение структуры многокорневых зубов – наличие 3 корней. Зубная дуга является достаточно широкой, что более соответствует широкой и низкой верхней челюсти у людей с широким и низким лицом (хамепрозопическое лицо).

Погребение № 13 (4200±40 ГИН-7766 [Ветров и др., 1995]) представляет собой парное захоронение мужчины и женщины, разрушенное в древности. В нетронутом состоянии находились кости ног, кости левой руки женского костяка, отдельные кости левой руки и кисти мужского костяка. Погребённые располагались на спине в вытянутом положении, ориентированы параллельно руслу реки, головой вниз по течению.

Образец представляет собой полностью сохранившуюся нижнюю челюсть женского костяка. Кость плотная, хорошо сохранилась, содержит зубы: ‾65‾‾|‾‾4567‾‾. Лунки зубов мудрости не определяются (у современного человека отмечена тенденция к редукции этой группы зубов). Анатомия кости и зубов имеет типичную структуру: выражено тело, ветвь нижней челюсти с отростками; определяются ментальные и нижнечелюстные отверстия в типичных местах. Подбородочный выступ хорошо выражен. Зубы, как и в первом случае, подвержены патологической стираемости

(приблизительно 20-30%). Сама челюсть, в целом, а также зубы (точнее корни зубов) меньших размеров. Не выражены зоны бугристости в местах прикрепления жевательных мышц (жевательная бугристость на наружных поверхностях углов челюстей; не выражены венечные отростки – места прикрепления височных мышц); чуть более выражены крыловидные бугристости (внутренние поверхности углов челюсти – точка прикрепления медиальной крыловидной мышцы, поднимающей челюсть и выдвигающей ее вперед при двустороннем сокращении). Базальная дуга (судя по нижней поверхности челюсти) узкая и длинная, что, напротив, более соответствует типу с узким и длинным лицом (лептопрозопическое лицо). Не очень выражена головка мыщелкового отростка, истончена в передне-заднем направлении (связано с характером употребляемой пищи и объемом движения в височно-челюстных суставах). Структура зубов типичная (из лунки вынимается 6 зуб слева, имеющий два не очень длинных и мощных корня; полость корневого канала узкая, что видно на отломке одного из корней, определяется не очень выраженный одиночный корень 5 зуба справа, видный через дефект наружной поверхности лунки).

При анализе структуры обеих челюстей не определяется поражение костной ткани, кариозное поражение зубов. Структура зубов и челюстей соответствует таковой у современного человека. Однако, определяется некариозное изменение зубов обеих челюстей вследствие патологической стираемости зубов, не связанное с полом. Вероятно, две разных челюсти соответствуют разным типам черепов, но имеют схожие черты особенностей влияния однотипной функции на структуру зубов, а именно – патологическая стираемость зубов возникает в результате особенностей работы в височно-челюстных суставах (при наличии нормального положения зубов в челюстях). Возможно предположить, что такая стираемость возникла при преобладании горизонтальных движений в суставах, что связано с характером пережевывающейся пищи (возможно преобладание растительной пищи). На данный факт также указывает не очень выраженная структура корней зубов, точек прикрепления жевательных мышц (известно, чем больше нагрузка на челюсти, тем более выражена неровность в зонах прикрепления мышц у конкретного индивидуума). А с точки зрения филогенеза, у современного человека нагрузка на челюстно-лицевой аппарат снижается, следовательно, должны уменьшатся размеры зубов, челюстей, редукция зубов мудрости. Однако, сопоставляя данные современного человека и человека того времени, не прослеживается зависимость от нагрузки, следовательно, характер пищи не являлся трудным для работы челюстей и сустава (пища мягкая, растительная, вероятно, приготовленная термически).

Определенный интерес может вызвать более детальное изучение данных образцов, что и планируется в дальнейшем (гистологическое и гистохимическое исследование челюстей и зубов погребенных из могильника Макрушино и зубов современного человека, возможное рентгенологическое исследование и другие методы) для более глубокого анализа структуры костей и связанной с этим функции.

Литература

Алтухов В.В. Отчет о проведении археологических раскопок на территории Макрушинского могильника в Качугском районе Иркутской области в 1992 году // Архив ИА РАН, 1993, Р-1. – (Иркутск, 1998).

Алтухов В.В. «Сидячее» погребение Макрушинского могильника // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2000. – Вып. 2, ч. 2. – С. 46-50.

Алтухов В.В. Макрушинский могильник. Комплекс ранней бронзы // На стыке поколений: Мат-лы XI РАЭСК учащихся. – Иркутск: ЦДЮТиК, 2001. – С. 3-11.

Ветров В.М., Бердникова Н.Е., Алтухов В.В, Фролов А.В. Макрушинский могильник. Ранненеолитический комплекс // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1995. – С. 112-132.

Ветров В.М., Бердникова Н.Е., Журавлев А.И., Фролов А.В. Макрушинский могильник: культура и хронология // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. в XXX РАСК. – Иркутск, 1990. – С. 137-139.

Ветров В.М., Фролова А.В. Исследования Лаборатории археологии Иркутского государственного педагогического института // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1994-1996 гг. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 87-88.

Ю.А. Татаренко
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Сравнительная характеристика комплексов украшений могильников Западной и Южной Сибири (неолит – ранняя бронза)

В последние десятилетия значительно возросла источниковая база по украшениям Сибири эпохи неолита – ранней бронзы. Особенно много их было обнаружено в погребальных комплексах. Тем не менее, они так и не стали объектом самостоятельного исследования. Многие считают, что, в целом, украшения этого периода – любопытные, но своеобразные и единичные находки, которые не могут быть использованы в качестве полноценного археологического источника. Чаще всего исследователи ограничиваются простым перечислением изделий и их кратким описанием (не всегда в публикациях имеется указание на размеры, материал). Однако, попытки провести сравнительные характеристики комплексов украшений могут дать интересные результаты в плане культурно-хронологической атрибуции памятника, выявления территориальных и хронологических границ распространения тех или иных изделий, обменных связей и т.д.

Нами была предпринята попытка провести сравнительную характеристику украшений из могильников эпохи неолита – ранней бронзы Западной и Южной Сибири. Источниковую базу составили изделия, обнаруженные на следующих памятниках: Протока [Полосьмак и др., 1989], Корчуган-1 [Молодин и др., 1999], Сопка-2 [Молодин, 2001], Второй Перейминский могильник [Зах и др., 1991], могильник на Большом Андреевском острове [Там же], Окунево-V, VII [Матющенко, Полеводов, 1994; Толпеко, Озерец, 2004], Каминная пещера [Маркин, 2000], Солонцы-5 [Кунгурова, 2004, 2005]. Украшения, происходящие из этих комплексов, многочисленны и опубликованы на необходимом для нашего исследования уровне. Были использованы материалы памятника Чарышский навес [Горбунова, 2004], которые на данный момент не интерпретируются как происходящие из погребального комплекса, однако, по характеру находок и условиям их обнаружения имеют сходство с погребением из Каминной пещеры.

Уже на начальном этапе исследования были получены интересные результаты. Так, в погребальных памятниках Южной Сибири значительно выше доля захоронений, содержащих в числе прочего инвентаря украшения. Для сравнения: могильник Окунево-V, VII (Западная Сибирь) – украшения имеются в 16% погребений; могильник Солонцы-5 (Южная Сибирь) – 67% погребений.

Выявлено, что самыми распространенными в Западной и Южной Сибири являются подвески лепестковидной формы из камня и кости (встречены на всех памятниках), а также подвески, изготовленные из зубов различных животных (медведь, лось, кабан, кабарга, различные мелкие животные) (имеются на 5 из 9 памятников). Кроме того, есть и другие общие для обеих территорий украшения. Это костяные подвески рыбковидной формы (Окунево-V, VII, Солонцы-5, Каминная пещера, Чарышский навес), бисер из кости (Окунево-V, VII, Сопка-2, Солонцы-5), трубочки-пронизки (Сопка-2, Солонцы-5).

Однако, следует отметить, что прослеживаются и некоторые различия. Так, в могильнике Корчуган-1 (Западная Сибирь) было зафиксировано ожерелье из девяти костяных подвесок – фигурок птиц. Образ птицы являлся весьма популярным для таежной зоны Восточной Европы, а вот на территории Южной Сибири аналогий нами не выявлено.

На памятниках Каминная пещера и Чарышский навес были обнаружены костяные подвески в форме «восьмерок». Их можно считать свойственными именно для Южной Сибири.

Проведение работ по систематизации археологического материала в настоящее время – достаточно популярная среди ученых область исследований. Возможности и перспективы изучения украшений в этом и других направлениях (техника изготовления, определения характера использования по следам износа и т.д.), очевидны. В то же время, пока не будет унифицировано описание материала, проведение полноценных исследований в дальнейшем продолжает оставаться затрудненным.

Литература

Горбунова Т.А. Украшения памятника Чарышский навес (Усть-Канский район, Республика Алтай) // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности): Мат-лы XLIV РАЭСК. – Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2004. – С. 73-75.

Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1991. – С. 13-42.

Кунгурова Н.Ю. Женский костюм в IV тыс. до н.э. (по материалам погребений кузнецко-алтайской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2. – С. 11-20.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. – Барнаул: Барнаул. юр. ин-т МВД России, 2005. – 128 с.

Маркин С.В. Неолитическое погребение северо-западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 53-64.

Матющенко В.И, Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Чикишева Т.А. Неолитический могильник Корчуган на средней Таре // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 66-96.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитический могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Толпеко И.В., Озерец И.В. Раскопки могильника у деревни Окунево в 2003 году (ранний комплекс) // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности): Мат-лы XLIV РАЭСК. – Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2004. – С. 188-189.

А.А. Тимощенко

Иркутск, Иркутский государственный университет

Археологическое местонахождение Попиха на р. Кан

Многослойное местонахождение Попиха расположено на правом берегу р. Кан, напротив д. Ашкаул Канского р-на Красноярского края.

Местонахождение Попиха открыто и частично исследовано в 1972 г. Канским отрядом комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (Н.А. Савельев). Стационарные работы на памятнике проводились в 1986 г. (Н.А. Савельев) и в 1988, 1989 гг. (А.Г. Генералов) [Савельев, Дементьев, 1973; Дзюбас, 1989]. Общая вскрытая площадь памятника составила180 м^2. В результате работ на памятнике выявлено 4 культуросодержащих горизонта (к.г.) и 5 погребений.

Первый к.г. залегает в кровле почвенного слоя на глубине 0,10–0,17 м. Раскопами выявлены три кострища, толщина прокала от 0,03 до 0,18 м. Зольника и углей не обнаружено.

В числе археологического материала: обломок бронзового ножа с утолщенным обушком (рис. 1-6). Каменный инвентарь: наконечник стрелы из серого кремния с обломанным основанием; наконечник стрелы, листовидной формы, обработанный пологой сплошной ретушью; 5 концевых скребков округлой формы, сформированых на отщепах кремня отжимной ретушью; призматические пластины; заготовка тесловидного орудия из кремня; 3 двухсторонних отбойника из речной гальки; отщепы. Керамика представлена фрагментами более чем 30 сосудов. Гладностенные сосуды орнаментированы отступающей лопаточкой; ямочными вдавлениями; мелкой отступающей лопаткой и зубчатым штампом; прочерченным орнаментом; вертикальными линиями ногтевых защипов. Кроме того, обнаружены фрагменты керамики со следами сетки плетенки.

Второй к.г. залегает в подошве почвенного слоя, на глубине 25–58 см от дневной поверхности. Выявлено одно кострище овальной формы, размерами 1,75х1,25 м, мощность прокала 0,30 м.

Материал представлен обломком рукояти ножа грибовидной формы (рис. 1-4); обломком бронзового ножа (рис. 1-3); обломком изделия из бронзы с треугольным валиком в сечении; бусинкой из альгальматолита с отверстием (рис. 1-1). Каменный инвентарь: призматический одноплощадочный нуклеус; призматические пластины из кремня; отщепы. Керамика представлена фрагментами от 18 гладкостенных сосудов, орнаментированных: отступающей лопаточкой; наклонными насечками; гребенчатым штампом. Так же обнаружен глиняный тигель для плавки бронзы ладьевидной формы с каплями бронзовых всплесков на стенках.

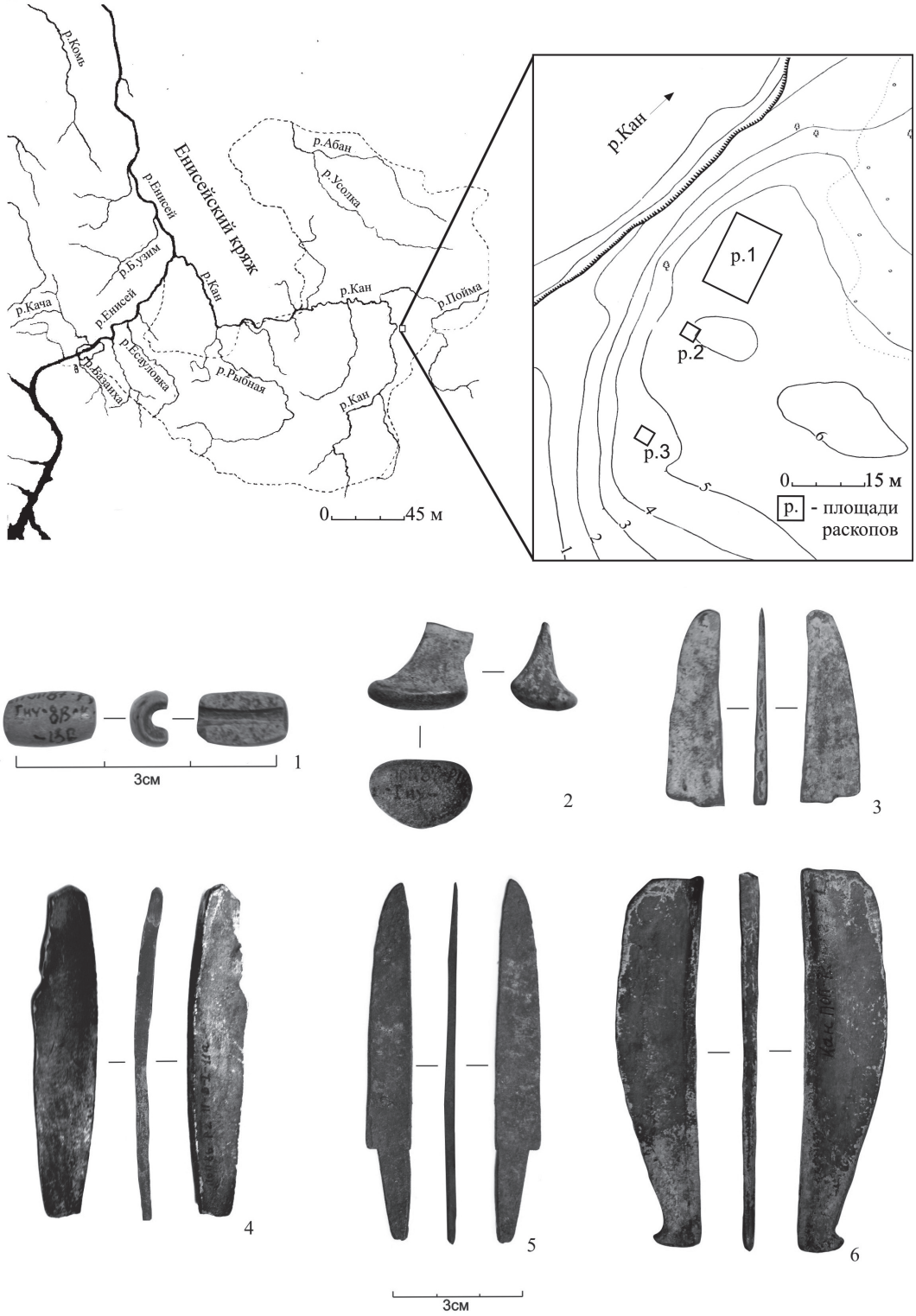


Рис. 1. Местонахождение Попиха: 1 – бусина из альгальматалита (II к.г.); 2 – обломок рукояти бронзового ножа (II к.г.); 3 – обломок бронзового ножа (II к.г.); 4 – бронзовый нож (погр.№1.); 5 –бронзовый нож (п.м.); 6 –обломок бронзового ножа (I к.г.).

Третий к.г. Остатки приурочены к слою светло-желтого песка. Выявлено два кострища и один очаг. Кострища имеют овальную в плане форму. Мощность прокала достигает 0,20 м. Очаг имеет овальную каменную кладку размером 0,70х0,65 м, сложенную из речных галек, центр очага заполнен сажей.

Каменный материал 3 горизонта представлен: клиновидным нуклеусом из серого кремня; одноплощадочными призматическими нуклеусами; заготовкой наконечника стрелы; резцами на пластинах; скребком на отщепе; призматическими пластинами и отщепами светлого кремня. Керамика представлена обломками от 3 гладкостенных сосудов, орнаментированных: горизонтальными прочерченными полосами; горизонтальными линиями отступающей лопаточки. Так же обнаружены фрагменты сосуда со следами сетки плетенки.

Четвертый к.г. Культурные остатки располагались в кровле слабо гумусированной почвы и представлены: одноплощадочным монофронтальным нуклеусом, килевым нуклеусом, отщепами из микрокварцита и кремня.

Изучение стратиграфии отложений и анализ археологического материала дает возможность датировать культурные горизонты следующим временем:

I к.г. – железный век (I тыс. н.э.);

II к.г. – бронзовый век (начало – конец IIтыс. до н.э.);

III к.г. – неолит (III тыс. до н.э.);

IV к.г. – финальный мезолит (около VI тыс. до н.э.).

Погребение № 1. Костяк ориентирован на северо-восток, вытянут по течению р. Кан. Череп повернут налево и ориентирован на юг. Общая длина костяка 1,64 м. Кости слегка деформированы, во многих местах наблюдаются переломы. Руки вытянуты, слегка подогнуты в локтевых суставах. При разборе погребения обнаружен следующий погребальный инвентарь: с правой стороны черепа лежал бронзовый нож (рис. 1-4). У левой ступни найден наконечник стрелы из светлого кремня правильной треугольной формы с прямой базой. На правом плече лежал отщеп кремня. Захоронение датируется бронзовым веком.

Погребения № 2, 3, 5 – коллективные, грабленые. Вытянуты по линии СВ-ЮЗ. Контуры могильных ям прослеживаются слабо. Сохранились лишь отдельные остатки костяков: черепа, ребра, кости ног. Сопроводительный инвентарь во втором погребении отсутствовал, в третьем представлен обломками костяных пластин-лат подпрямоугольных очертаний, плоских в сечении. На одной пластине имеются семь конических отверстий. На других – намеченные сверлины отверстий. Сопровождающий инвентарь пятого погребения: каменный наконечник стрелы удлененно-треугольной формы с прямым насадом. Погребения датируются раннежелезным веком.

Погребение № 4 коллективное, грабленое. Могильная яма не прослеживалась, сохранились отдельные остатки костяков (черепа, кости рук, ребра). Сопроводительный инвентарь представлен костяной ложкой, выполненной на трубчатой кости животного, и костяным острием. Погребение датируется эпохой неолита.

В лаборатории Алтайского государственного университета А.А. Тишкиным произведен рентгенофлюоресцентный анализ метала. Анализу подверглись 4 предмета: нож с 1 к.г. (Cu>99%, As=0,5%, Fe, Ni, Ti – следы); нож с погребения № 1 (Cu=98-99%, As<1%, Fe=0,5%, Ni, Pb, Ti – следы); обломок ножа со 2 к.г. (Cu>99%, As<0,5%, Fe>0,5%, Ni, Pb – следы); обломок изделия из бронзы 2 к.г. (Cu>98%, Fe<1%, As=1%, Pb, Ni, Ti, Mn – следы).

В результате анализа установлено, что металлические изделия с местонахождения Попиха являются медными, в составе присутствуют легирующие компоненты, попавшие в сплав непосредственно из руды (мышьяк, никель, свинец, железо и т.д.). Такой тип сплава характерен для эпохи бронзы и раннего железа Хакасско-Минусинской котловины, руды которой содержат большое количество мышьяка и отсутствуют разработки олова. [Хаврин, 2001; Александров и др., 2001]. Все это позволяет говорить о Минусинском происхождении метала с местонахождения Попиха.

Из всех местонахождений Канско-Рыбинской котловины Попиха является уникальным, т.к. объединяет стояночные и погребальные комплексы. Дальнейшая обработка полученных материалов поможет более точно описать культурно-исторические процессы, протекавшие на данной территории в голоцене.

Литература

Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский Н.Л., Хаврин С.В. Металлические изделия эпохи поздней бронзы – раннего железа из Аскизского района Хакасии // Древности Аскизского района Хакасии. – СПб., 2001. – С. 94-97.

Дзюбас С.А. Отчет о полевых археологических исследованиях на поселении Попиха и в Тулунском, Усольском районах летом 1988 года. – Иркутск, 1989.

Савельев Н.А., Дементьев Д.И. Археологические исследования в долине р. Кан летом 1972 года. Отчет о полевых работах Канского разведочного отряда КАЭ. – Иркутск, 1973.

Хаврин С.В. Металл эпохи поздней бронзы нижнетёйской группы памятников (Торгажак – Арбан – Федоров улус) // Евразия сквозь века. – СПб., 2001. – С. 117-125.

Ю.А. Титова

Красноярск, Сибирский Федеральный университет

Некоторые аспекты технологии производства керамики Шепилевской культуры
(по материалам поселения Заостровка-2)

Древнее керамическое производство принято рассматривать как систему взаимосвязанных и последовательных операций по превращению исходного сырья в камнеподобное изделие. Все стадии этого процесса характеризуют технологические навыки, обладающие разной степенью устойчивости [Бобринский, 1978]. Изучение производственных навыков стадий керамического производства открывает широкие перспективы для исследования взаимодействия культурных традиций древнего населения Сибири. К бронзовому веку южнотаежной зоны Средней Сибири относится шепилевская культура, характерная керамика которой отмечается на многих стоянках и поселениях на берегах р.Енисея и р.Ангары [Мандрыка, 2008]. Одним из памятников позднего этапа этой культуры в районе Казачинского порога на р. Енисей является поселение Заостровка-2, материалы которого частично введены в научный оборот [Абдулина, 2006; Абдулина, Мандрыка, 2006]. В представленных тезисах отражены результаты изучения технологии производства керамики, происходящей из жилища № 4 этого поселения. Изучение гончарной технологии обитателей поселения производилось по методике А.А. Бобринского [Бобринский, 1999].

Керамическая коллекция 2004 г. включает 84 фрагмента керамики, среди которых 11 фрагментов венчиков от 7 сосудов, части от одного поддона, и одно налепное ушко от сосуда дымокура (рис. 1).

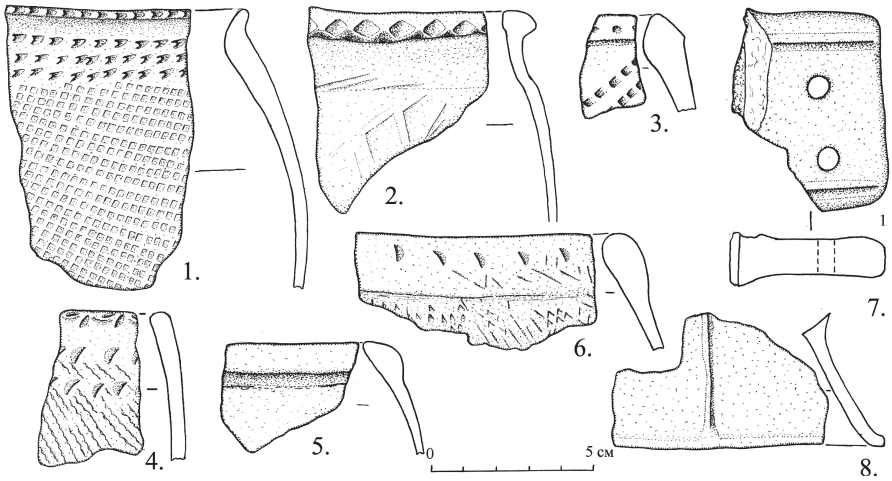


Рис. 1. Керамика жилища №4 поселения Заостровка-2:
1-6 – фрагменты венчиков шести сосудов, 7 – налепное ушко, 8 – части поддона

Всего было изучено 15 образцов: 7 венчиков от семи разных сосудов, фрагмент поддона, одно налепное ушко, 6 фрагментов стенок с техническим декором, неатрибутируемых к конкретным со-

судам. В результате была получена следующая информация по основным стадиям керамического производства.

В качестве исходного сырья жители поселения использовали только глины, которые по степени ожелезненности и характеру естественных примесей разделяются на 4 вида: ожелезненная глина с точечными красно-коричневыми оолитовыми включениями бурого железняка и растеками окислов железа, в этой глине содержится незначительное количество мелкого, пылеватого белого кварцевого песка, размеры песчинок 0,2-0,3 мм; ожелезненная глина с оолитовыми включениями бурого железняка и естественным включением остроугольного прозрачного обломочного кварца, размер включений до 1,5-2,0 мм; ожелезненная глина запесоченая, с высоким содержанием естественной примеси многоцветного кварцевого песка, с размерами песчинок до 0,5 мм; неожелезненная глина с естественным включением обломочного прозрачного кварца, размерами до 1,0 мм. По трем образцам (2 сосуда + фрагмент стенки) определяются навыки использования смеси из двух глин, причем вторая, неожелезненная глина с обломочным кварцем в составе, была введена в незначительном количестве в сухом, естественно гранулированном состоянии и представлена на сколах в виде небольших белых комочков, размерами до 1,5 мм. Рецептура формовочных масс неоднородна. Достаточно точно установлено использование в качестве добавки шамота (5 сосудов + 4 фрагмента стенки), преимущественно хорошо измельченного, размерами включений до 1 мм, хотя иногда присутствуют и единичные включения шамота размерами до 3,5 мм. В двух образцах отмечается присутствие шамота из неожелезненной глины. Искусственные добавки в самом шамоте фиксируются только в одном сосуде, где в шамоте отмечается наличие дресвы. Концентрация шамота в шепилевских сосудах с поселения различна: 1:4, 1:6, 1:7, 1:8. Еще одной добавкой была гранито-гнейсовая дресва (2 сосуда + 1 ушко + 1 фрагмент стенки) – включающая остроугольные кристаллы кварца, полевого шпата и чешуйки слюды. Она добавлялась в тесто без калибровки и ее концентрация во всех случаях применения весьма внушительная: 1:3 и 1:4. Наиболее сложной для определения добавкой в формовочную массу являются органические растворы, которые оставляют в изломе изделия характерные небольшие пустоты, слоистость, матовый коричневый рыхлый налет, в некоторых случаях отмечаются рифленые отпечатки измельченной растительности, патинообразный бежевый налет, жирный блеск. Подобные признаки отмечаются в 5 фрагментах венчиков от пяти сосудов, обломке поддона и 6 фрагментах стенок. По сочетанию этих трех используемых добавок можно выделить пять рецептов формовочных масс: шамот + органический раствор (4 сосуда + 4 стенки); дресва + органический раствор (1 сосуд + 1 стенка); дресва (1 сосуд + ушко); органический раствор (поддон + 1 стенка); шамот + дресва (1 сосуд). Интересно, что только один сосуд демонстрирует явно смешанные навыки составления формовочной массы, когда в рецепте теста присутствуют и дресва и шамот, т.е. добавки, обладающие сходными свойствами и увеличивающие огнеупорность керамических изделий.

Фрагментарность сосудов не позволяет достаточно точно определить способы их конструирования. В одном случае мы можем предполагать применение лоскутного налепа на форме основе, о чем свидетельствует характерная складчатость на внутренней поверхности изделия.

Не менее сложным, учитывая фрагментарность материала, является вопрос определения навыков обработки внешней поверхности. По оставшимся отпечаткам можно судить о сосуществовании пяти способов в обработке поверхности: выбивка сосудов или прокат, оставляющий вафельные отпечатки; выбивка, оставляющая на поверхности глубокие оттиски витого шнура; заглаживание гребенкой; заглаживание щепой; заглаживание внешней поверхности сосуда куском кожи. Только в одном случае, точно определяется характер и техника нанесения технического декора – это прокатывание валика с вафельными насечками. Это устанавливается по сосуду, стенки которого несут глубокие четкие отпечатки мелкоячеистой вафли, с размером ячеек 0,2х0,2 см. В остальных случаях стенки сосудов с техническим декором сильно затерты и определить способ нанесения невозможно.

Обжиг посуды, предположительно, осуществлялся на открытом огне, о чем свидетельствует неравномерная, пятнистая окраска сосудов, а также неравномерный цвет черепков в изломе. Судить о температуре обжига можно лишь по тому, что ни один из помещенных в воду на сутки образцов не дал выпадения осадка, т.е. температура, при которой сосуды обжигались, была выше 450 градусов.

Таким образом, изучение технологии изготовления керамики обитателями поселения Заостровка-2, по материалам 2004 г., демонстрирует наличие нескольких традиций, проявляющихся в раз-

ных принципах отбора исходного сырья, составления формовочных масс, обработке поверхности. Все это свидетельствует о смешении культурных традиций, в рамках которых происходило формирование шепилевской культуры в южнотаежной зоне Среднего Енисея в переходный период от бронзового к раннему железному веку.

Литература

Абдулина Ю.А. Материалы жилища переходного периода от бронзового к железному веку поселения Заостровка-2 на среднем Енисее // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVII Регион. археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока . – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 44-45.

Абдулина Ю.А., Мандрыка П.В. Новое поселение позднего бронзового века в южной тайге Среднего Енисея // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. – Вып. 5. – С. 168-174.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1987. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – 233 с.

Мандрыка П.В. К вопросу о выделении новой культуры бронзового века в тайге Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Мат. Зап.-Сиб. арх.-географ. конф. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. – С. 140-145.

Е.С. Ткач

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Сосуды культуры шнуровой керамики из раскопок слоя α поселения Сертея II

Поселение Сертея II открыто в 1972 г. Северо-Западной археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А.М. Микляева. На поселении Сертея II было выделено три слоя: А, Б и α. Исследования культурного слоя α на поселении Сертея II производились с 1981 по 1985 гг. В 2008 г. исследования данного слоя были возобновлены Северо-Западной археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А.Н. Мазуркевича. Памятник располагается на обширном торфянике, образовавшемся на месте древнего озера в долине реки Сертеи – незначительного левого притока Западной Двины. В течение раскопочных работ 2008-2009 гг. было вскрыто 48 кв.м. Слой α на поселении Сертея II является многослойным и археологический материал, полученный в результате исследований, характерен для временного промежутка от раннего неолита до раннего железного века. Также были обнаружены остатки кальцинированных костей, большое количество глиняной обмазки и предметов из кремня. Керамика, обнаруженная на памятнике, принадлежит различным археологическим культурам, в том числе и культуре шнуровой керамики.

Для рассмотрения была выбрана группа фрагментов керамических сосудов с орнаментом в виде отпечатков шнура, характерным для культуры шнуровой керамики (оттиски в виде отпечатков шнура). Для изучения было взято 66 фрагментов шнуровой керамики, 28 из которых являются венчиками. Орнаментация представляет собой отпечатки шнура, опоясывающие сосуд по венчику (рис. 1), петлеобразные или перекрестные линии, также сделанные с помощью шнура. Оттиски шнура в виде дуги (петли) представляют собой горизонтальные линии, а перекрестные – вертикальные, образуя ромбы. Также присутствует орнаментация, нанесенная на сосуд с помощью насечек и образующая т.н. «ёлочку» (ряд наклоненных под углом около 45% линий, окончания которых чаще всего сходятся между собой), которая идет горизонтально сосуду.

Формовочное тесто включает в себя разнообразные примеси, такие как органика, дресва, шамот, гематит, песок. Встречаются множество различных сочетаний последних (табл. 1).

Состав	Органика, гемматит	Гематит, шамот	Гематит, шамот, органика	Дресва, органика, шамот	Органика, шамот	Шамот, Органика, дресва, гематит	Органика	Дресва, шамот, гематит	Дресва	Гематит	Дресва, органика, гематит	Дресва, шамот
Кол-во	8	2	21	14	11	1	1	2	1	1	3	1

Таблица 1. Сочетания примесей формовочного теста

Можно выделить три наиболее многочисленные группы. 1) В состав фрагментов керамики входят гематит, шамот, органика. Тесто хорошо промешано. Толщина стенок сосудов составляет около 6-7 мм. Всего 21 фрагмент керамики. 2) Дресва, органика, шамот. Плохо промешанное тесто. Дресва крупная. Толщина стенок составляет 8-10 мм. Всего – 14 фрагментов керамики. 3) Органика, шамот. Тесто хорошо промешанное. Толщина стенок 5-6 мм. Всего – 11 фрагментов керамики.

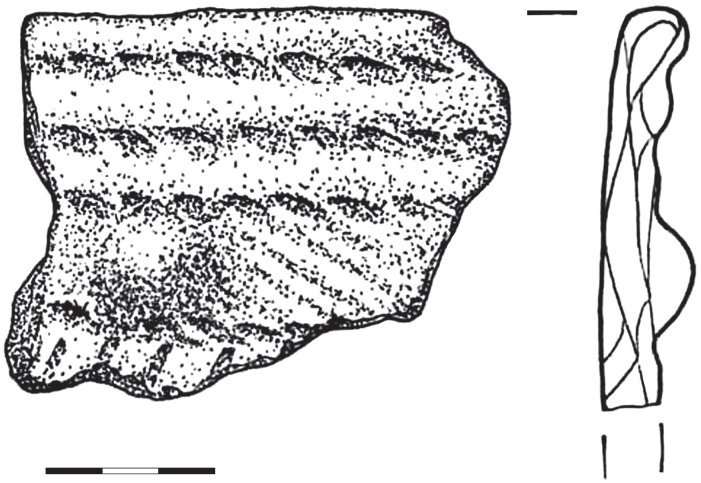


Рис. 1. Сертея II, слой α. Б/10, культ. слой, п.н. 3803

Способ лепки выявленных частей керамических сосудов. Чаще всего сосуды делались с применением лоскутного способа лепки, реже – ленточно-лоскутного (35 и 28 соответственно). Лишь один раз был встречен фрагмент с ленточным способом лепки, в качестве примесей которого выступили органика и гематит.

Можно проследить зависимость между составом теста, орнаментацией и способом лепки. Чаще всего сосуды (10 фрагментов керамики из 11), сделанные с помощью лоскутного способа лепки, имеют толщину стенок около 8-10 мм и орнаментацию тонкими насечками. Тесто плохо промешанное. Примесь дресвы, шамота, органики.

Сосуды, в составе которых присутствуют органика, гематит, шамот в разных пропорциях, в большинстве случаев (27 фрагментов керамики из 32) имеют толщину стенок 5-7 мм и сделаны с помощью ленточно-лоскутного способа. Орнаментация с помощью шнура. Тесто хорошо промешанное, плотное.

Венчики. Больше всего скошенных вовнутрь фрагментов венчиков, чем скошенных наружу (14 против 8 соответственно). Диаметр венчиков составляет в среднем около 38 см. Но есть также маленькие (18 см) и большие (54 см) диаметры сосудов (табл. 2).

Диаметр (см)	18	22	26	32	38	42	44	48	54	56
Кол-во	1	2	3	3	6	4	1	1	3	2

Таблица 2. Диаметр венчиков керамических сосудов

Фрагментов шнуровой керамики придонной части на памятнике не выявлено.

В керамических материалах слоя α памятника Сертея II присутствует два типа посуды, которые можно отнести к шнуровой керамике. Можно предположить, что первый тип посуды – это пришлая культура. Она представляет собой орнаментацию с помощью шнура. В составе присутствует органика, шамот, гематит. Толщина стенок колеблется около 5-6 мм. Тесто плотное, хорошо промешанное. Вторая, соответственно, это адаптация пришлой культуры (соответственно, 1

группы) в местной культурной традиции. Керамика второй группы представлена толстостенными фрагментами керамики (8-10 мм), орнаментация с помощью тонких насечек. Основной примесью является дресва, чаще крупнотолченая. Тесто плохо промешанное. На внутренней стороне сосудов обоих групп видны расчесы (на 57 фрагментах керамики из 64). Глубина залегания этих двух типов фрагментов керамики одинакова. Средняя глубина залегания от дневной поверхности составляет интервал от 50 см до 70 см. Примечательно, что материал, относящийся к культуре шнуровой керамики, залегает и на глубине 20 см от дневной поверхности. Это можно объяснить частыми трансгрессиями и регрессиями водоемов на данном памятнике, а также тем, что данная территория была постоянно заселена древними людьми до раннего железного века.

Е.К. Тушева
Павлодар (Республика Казахстан),
Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова

Кремневые наконечники стрел стоянки Шидерты 3 как культуроопределяющие маркеры

Многослойная стоянка Шидерты 3 изучалась Павлодарской археологической экспедицией под руководством В.К. Мерца с 1989 г., к настоящему моменту работы на стоянке закончены и памятник законсервирован. Стоянка расположена в Экибастузском районе Павлодарской области в 7 км к югу от одноименной станции на левом берегу реки Шидерты. Она находится на первой надпойменной террасе, высота которой достигает 4-5 м, а ширина – 30-40 м. Стоянка содержит семь культурных слоев и горизонтов, датируемых эпохой мезолита – энеолита, которые значительно насыщены археологическим материалом: каменными орудиями, фрагментами керамики, костными остатками и т.д. [Мерц, 1992].

Среди массы инвентаря, полученного на стоянке, наиболее выразительными и малоизученными являются наконечники стрел, которым и будет посвящено это исследование. Выбор наконечников стрел как объекта исследования обусловлен так же и тем, что данная категория предметов отличается повышенной чувствительностью к хронологическим, культурным и природным изменениям, влияющим на жизнь древнего человека [Гурина, 1978; Козырева, 1986]. Закономерно, что это может способствовать определению истоков появления, развития и миграций отдельных культур.

Все каменные наконечники стрел стоянки Шидерты 3 были проанализированы с применением подходов, выработанных датскими археологами на основе трасологического метода [Fischer et al., 1984, p. 19-46]. 78% наконечников стрел и их фрагментов несут на себе макросследы сколов, образовавшихся в ходе их использования и определяющих их как объекты метания. Число орудий с наличием микроследов значительно меньше и насчитывает менее 10 экземпляров, процесс выявления микроследов был осложнен сырьевыми характеристиками, т.к. на белых и светло-серых породах единичные царапины, свидетельствующие о процессе метания, сложно различимы.

Всего на стоянке собрано около трехсот целых и фрагментированных наконечников стрел, происходящих из неолитических и энеолитического слоев (260 шт.), 161 экз. из них относится к неолитическим слоям стоянки. Следует также отметить, что исследование проводилось с коллекцией типологически выделенных наконечников стрел и, по-видимому, отдельные более ранние экземпляры в него, может быть, не включены.

Наиболее ранние среди выделенных неолитических наконечников относятся к слою 2а и датируются эпохой развитого неолита [Мерц, 2008], все они выполнены из мелкозернистой светло-серой яшмовидной породы, имеют двустороннюю обработку и листовидную форму, выемку в основании и свисающие шипы. В качестве заготовок для них использовались пластины и отщепы мелких и средних размеров. Типологически В.К. Мерцем выделяются следующие типы:

1) листовидные плоские, крупные и средние с широкой выемкой в основании, длиною до 4 см с тщательной обработкой струйчато-чешуйчатой ретушью;

2) листовидные плоские средних размеров с низким широким основанием с выемкой и удлиненным пером;

3) листовидные плоские мелкие, до 2 см, удлиненной формы с небольшой асимметричной выемкой в основании;

4) листовидно-ромбовидные плоские средних размеров, до 3 см, с выемкой в основании;

5) листовидные толстые средних размеров, до 2,5 см, с выемкой в основании, тонким выделенным жалом и зубчатыми краями;

6) ромбовидные толстые средних размеров, до 3 см, с выемкой в основании;

7) ромбовидные толстые микронаконечники, размером до 1,5 см, с выемкой в основании.

В силу того, что пропорции наконечников (длинна/ширина) отличаются друг от друга незначительно, в процессе использования, в основном, откалывались наиболее уязвимые их части – свисающие шипы и острия. Практически все наконечники слоя 2а, имеют только следы раскалывания острия и лишь у 9 экземпляров отколоты усики-крепления, вкупе с малым размером наконечников, это, по-видимому, объясняется тем, что объектом охоты являлись мелкие млекопитающие и водоплавающая птица. При попадании в объект охоты, таким образом, наибольшая нагрузка приходилась на проникающую часть наконечника, который соответственно раскалывался, а основание испытывало меньшую механическую нагрузку, таким образом, сохраняя усики-крапления. Малочисленны (2 экз.) так же следы боковых и разветвляющихся сколов, которые образуются при столкновении с более жестким материалом – сухожилиями и костями.

Таким образом, наконечники слоя 2а проявляют в своих характеристиках определенную единую традицию как в формах, технологии обработки и в выборе сырья, так и в характеристиках использования.

Слой 2, относящийся к позднему неолиту [Мерц, 2008], содержит наконечники стрел, выполненные из более грубой темно-серой кремнисто-глинистой брекчии, коричневого кремня и серого кварцита. Типологически они достаточно хорошо отделимы от наконечников слоя 2а не только по сырьевому признаку, но появлением наконечников более крупных размеров с широким основанием и вытянутых в пропорциях. Автор раскопок В.К. Мерц выделяет следующие типы наконечников:

1) короткие широкие подтреугольные наконечники из отщепов с угловатой или полукруглой выемкой в основании, обработанные с двух сторон отжимной ретушью;

2) наконечники на отщепах ромбовидной или овальной формы с поперечным подструганным основанием и частичной обработкой отжимной ретушью по краям;

3) ромбовидные с низкой базой, овальной или угловатой выемкой в основании и удлиненным пером, иногда с выделенным, более длинным жалом;

4) листовидные, средних и мелких размеров с односторонней обработкой спинки отщепа, и легкой краевой подправкой с обратной стороны;

5) листовидные с двусторонней обработкой и овальным основанием;

6) треугольные наконечники мелких и средних размеров с прямыми пильчатыми краями и угловатым вогнутым основанием, образующим по сторонам острые шипы;

7) ромбовидные толстые микронаконечники размером от 1,2х1 см до 1,5 см с вогнутым основанием.

На стыке слоя 2 и 1а выделяются две наиболее массовые группы наконечников овальнолистовидной и иволистной формы. Первая группа обнаруживает высокое количество макроследов, определяющих их только в качестве метательных орудий, однако, форма обломков и характер сколов свидетельствуют об ином принципе их раскалывания. Острия наконечников слоя 2 делались более широкими, сами наконечники крупнее и зачастую имеют пильчатый край, что косвенно свидетельствует об изменении объекта охоты древнего населения долины р. Шидерты. Механика раскалывания совершенно иная, на средних целых экземплярах острие, как правило, отсутствует или повреждено боковыми сколами, полученными при попадании в кость и сухожилия, на более вытянутых экземплярах слом происходил в средней и нижней части, поэтому большинство из них представлено медиальными и проксимальными обломками. Места слома характеризуют глубокие заломы и чешуйчатое краевое выкрашивание, характерное для мощного удара, когда наконечник ломался пополам, и происходило механическое давление края одной части на другую. Сохранение проксимальных частей с усиками-креплениями объясняется тем, что насад, оформленный в виде свисающих шипов, плотно крепился к древку стрелы и при прямом ударе наиболее уязвимой частью для слома становилась нижняя треть наконечника, где происходило столкновение двух разнонаправленных сил.

Последний тип иволистных наконечников – с прямым насадом, представленный в основном обломками, на целых экземплярах (5 шт.) имел следы вторичного использования в качестве разверток и вкладышей. Это единственный тип наконечников, имеющий следы вторичного исполь-

зования. Учитывая тот факт, что все они выполнены на ином сырье и в отличие от всех остальных типов имеют прямое основание, следует сделать вывод об их инокультурном происхождении.

Таким образом, в рамках коллекции каменных наконечников стрел стоянки Шидерты 3 разделение комплексов наконечников происходит не только по способам обработки, формам и выбору заготовок и сырьевому признаку, но и по следам, свидетельствующим о процессе их раскалывания и утилизации. Все это позволяет выделить четкие категории маркеров технологии изготовления и процесса использования наконечников стрел, присущие различным хронологическим отрезкам развитого-позднего неолита, а также разным носителям неолитических культур левобережной части Павлодарского Прииртышья.

Литература

Гурина Н.Н. Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел // Орудия каменного века. – Киев: Наук. думка, 1978. – С. 57-70.

Козырева Р. В. Типы кремневых наконечников стрел на стоянках эпохи неолита – раннего металла Северо-Запада Европейской части СССР // Палеолит и неолит. – Л., 1986. – С. 149–153.

Мерц В. К. Раскопки на стоянке Шидерты 3 // Маргулановсие чтения. – Петропавловск, 1992. – С. 24-26.

Мерц В.К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2008. – 26 с.

Fischer A, Vemming P., Rasmussen P. Macro and Micro Wear Traces on Lithic Projectile Points: experimental Results and Prehistoric Examples // Journal of Danish Archaeology. – 1984. – Vol. 3. – P. 19-46.

Д.Н. Фёдорова

Санкт-Петербург, Санкт-Петербург государственный университет

Технико-типологический анализ каменного инвентаря поселения Усть-Рыбежна 2 по результатам раскопок 2008 года

Поселение Усть-Рыбежна 2 является эталонным памятником эпохи бронзы для территории Северо-Запада России. Это обусловлено представительностью коллекции, большой исследованной площадью, наличием серии радиоуглеродных дат.

Поселение Усть-Рыбежна 2 расположено в 1 км к юго-востоку от деревни Усть-Рыбежна, в 1,5 км к северо-востоку от правого берега р. Паша, на дороге в деревню Николаевщина, на песчаной гряде [Лапшин, 1990, с. 113]. Впервые поселение было обнаружено в 1954 г. Н.Н. Гуриной в результате осмотра карьеров и широкой шоссейной дороги, ведущей от станции Паша в сторону деревни Николаевщина. В том же году на этом месте экспедицией под руководством Н.Н. Гуриной был заложен раскоп площадью 104 м^2, в последующем (1956 и 1958-1959 гг.) увеличенный до 260 м^2 [Гурина, 1961, с. 454-456].

В 2008 г. Карельским учебным отрядом СПбГУ был заложен раскоп в непосредственной близости от раскопа 1950-х гг. Целями проведенных работ были: определение границ распространения культурного слоя на памятнике; установление точных границ раскопок Н.Н. Гуриной; уточнение стратиграфии и отбор образцов для диатомового, палинологического и геохимического анализа. За 2008 г. было вскрыто 27 м^2.

В качестве сырья жители поселения эпохи раннего металла Усть-Рыбежна 2 использовали кремневые гальки и в редких случаях сланцевые гальки. Цвет кремня розовато-серый, встречается так же желтовато-серый и есть несколько экземпляров, изготовленных из красного кремня. Можно предположить, что красный цвет кремня получен в результате тепловой обработки. По Е.Ю. Гире, признаками тепловой обработки кремнистых пород является:

а) глянцевый блеск в сколе;

б) наличие блестящей поверхности последних сколов и матовой «преповерхности» сколов, снятых до тепловой обработки, на одном предмете;

в) изменение окраски породы [Гиря, 1997, с. 55]. Все эти признаки зафиксированы на изделиях из красного кремня поселения Усть-Рыбежна 2.

Качество кремневого материала различно. Абсолютное большинство находок составляют отщепы кремня (550 экз.) и мелкие кремневые чешуйки (945 экз.). Можно насчитать 16 изделий с галечной коркой (это примерно 1% от всех отщепов), из которых два первичных отщепа, два полупервичных, четыре технологических скола и восемь отщепов.

Размеры отщепов достаточно однообразны; их размеры в коллекции варьируют от 1х0,7х0,2 см до 5,2х4,6х1,7 см. Мелкие отщепы длиной от 1,0 до 2,5 см (Сколы менее 1 см отнесены к чешуйкам) составляют примерно 25% от всей коллекции, средние (2,5-4,0 см) – 65%, большие (более 4,0 см) – 10%.

В итоге по этим данным можно предположить, что первичная оббивка и подготовка нуклеусов производилась за пределами стоянки (или того участка, который был раскопан в 2008 г.). Судя по размеру отщепов, кремневые конкреции были небольшие.

Нуклеусы немногочисленны – четыре экземпляра, два из которых ситуационного расщепления, один – биполярный и один – дисковидный. В общем, нуклеусы невелики по размеру: самый маленький – 2,3х1,5х1,9 и самый большой 5,5х1,7х2,4.

Главным признаком при выделении орудий является наличие лезвия, оформленного ретушью. Другие структурные участки инструмента (например, аккомодационная) могут быть намеренно оформлены, но это не является строго обязательным.

Среди кремневых изделий представлены: отщепы с ретушью (2 экз.), наконечники, их фрагменты и заготовки (8 экз.) (рис. 1.1-1.5), скребки (20 экз.) (рис. 1.6-1.12, 1.14), комбинированное орудие (1 экз.) (рис. 1.13).

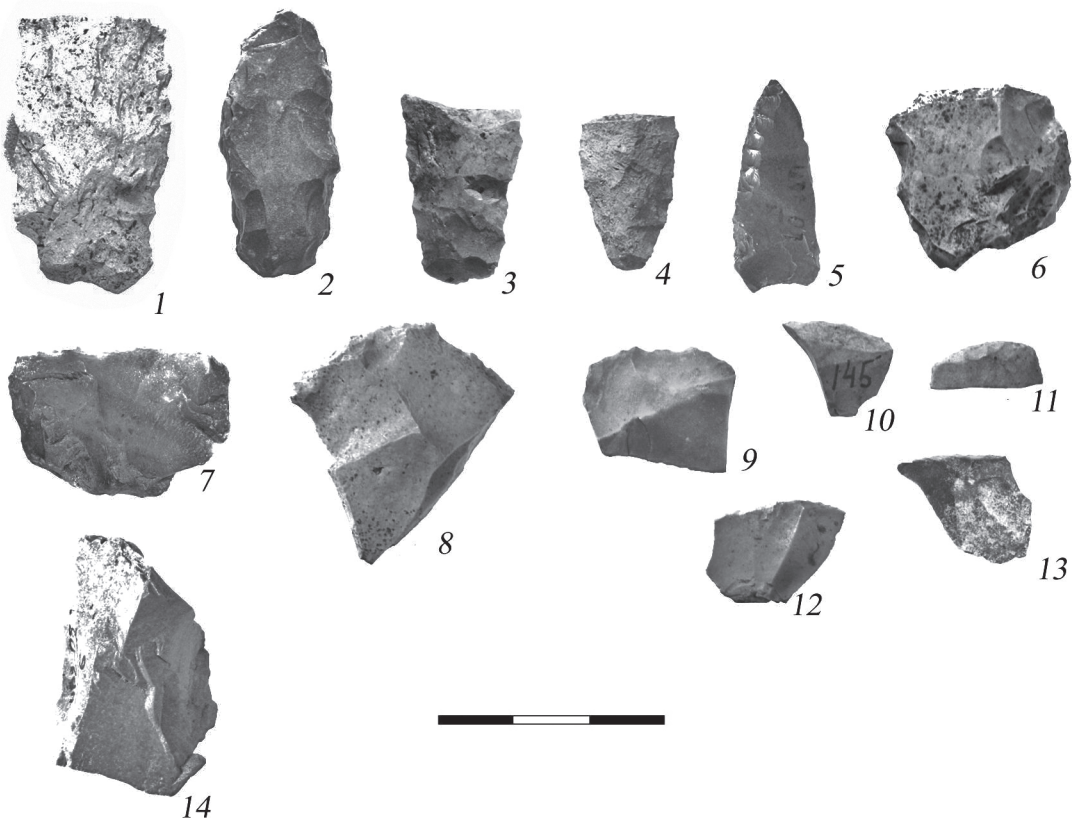


Рис. 1. Кремневые орудия

Кремневые наконечники представлены четырьмя фрагментами, одной заготовкой и тремя готовыми изделиями. Преимущественно они имеют листовидную форму (4 экз.), один – удлиненно-треугольную форму. Форму остальных трех установить практически невозможно.

Наиболее многочисленную группу кремневых орудий составляют скребки. Заготовкой для всех скребков являются отщепы. По форме и степени обработки они достаточно однообразны, но, несмотря на это, можно выделить несколько типов: подпрямоугольные, широколезвийные, со скошенным лезвием, подтреугольные и полукруглые [Тарасов, 2004, с. 69]. Сразу следует отметить единственную находку комбинированного скребка-проколки из шурфа.

В рассматриваемой коллекции большая часть орудий изготовлена на сколах-заготовках, полученных с нуклеусов, но также в коллекции представлены восемь «сколов утоньшения бифасов» и пять заготовок наконечников, а так же два бифасиальных наконечника. В результате этого можно сделать вывод, несмотря на столь малое количество (всего пятнадцать предметов), что часть каменной коллекции имеет отношение к бифасиальной технологии.

По итогам технологического анализа можно говорить об использовании обитателями поселения Усть-Рыбежна 2 двух технологий изготовления каменных орудий. Конечно, большинство инструментов выполнено на отщепах, но, несмотря на это, всё же в коллекции есть орудия, выполненные более сложной бифасиальной технологией.

Таким образом, технологический и типологический анализ каменного инвентаря поселения Усть-Рыбежна 2 позволяет говорить, что деятельность обитателей стоянки была направлена на изготовление кремневых орудий. Помимо этого неестественный красный цвет кремня, глянцевый блеск в сколе и наличие блестящей поверхности последних сколов и матовой «предповерхности» сколов на одном предмете может говорить об использовании жителями поселения тепловой обработки. Качество сырья, сработанность нуклеусов может говорить о том, что кремневого материала было очень мало. Вероятно, материал был приносной и первичная оббивка и подготовка нуклеусов проводилась за пределами стоянки.

Литература

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. – СПб., 1997.

Гурина Н.Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. – М.; Л., 1961.

Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. – СПб., 1990. – Ч. 2: Восточные и северные районы.

Тарасов А.Ю. Изменчивость каменного инвентаря на территории Карелии в неолите – раннем железном веке: Дис. … канд. ист. наук. – Петрозаводск, 2004.

И.Ю. Хрусталева

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Типология неолитических построек в верховьях р. Западная Двина

Планомерное изучение Ловатско-Двинского междуречья началось в 60-х гг. прошлого века. Было выявлено, что древнее население расселялось в области распространения озерно-ледникового рельефа. В результате исследований была установлена цепочка развития материальной культуры от позднего палеолита до культуры длинных курганов. Значительную часть памятников здесь составляют неолитические местонахождения, стоянки и поселения с остатками построек. Наибольший интерес представляют 3 многослойных поселения (Сертея 3-3, X и XIV – Селезневский с/с Велижского р-на Смоленской обл.) с остатками наземных сооружений, различных по конструкциям, назначению и времени бытования, и свайные поселения. При помощи анализа керамического инвентаря с привлечением стратиграфических данных и дат по ^{14}C удалось выстроить остатки всех построек в единую хронологическую шкалу и выделить основные типы сооружений.

К наиболее ранним в данном регионе относятся остатки двух округлых (дм 3 и 6 м), углубленных на 10 см жилищ с овальными углубленными очагами и входом с Ю (Сертея XIV) №№ 558 и 562; жилые и хозяйственные чумообразные постройки овальной/округлой формы (2,8x3,2-2,8x3,6 м), углубленные в материк на 30-40 см с небольшими округлыми углубленными очагами внутри (Сертея X) №№ 7, 751. В них был выявлен кремневый инвентарь мезолитического облика. Датируются постройки временем ранее 7500 л.н. (до трансгрессии).

К раннему неолиту (до 7000 л.н.) с керамикой сертейской культуры фазы «a» и «b» относятся постройки трех поселений. Они выявлены на материке, образовавшемся в бореальное время [Мазуркевич и др., 2001] – трансгрессивная фаза водоемов (7300 л.н. – ее максимум). На пос. Сертея 3-3 существовала система из трех округлых (№№ 18, 20 и 26), углубленных на 11-15 см в землю построек каркасно-столбовой конструкции, соединенных между собой углубленными переходами-коридорами. В двух жилых постройках у стенок фиксируются углубленные овальные очаги, третья была хозяйственной. На поселении Сертея XIV – остатки прямоугольного углубленного на 10

см жилища № 15, ориентированного по линии С-Ю, со ступенчатым полом, углубленным грушевидным очагом в центре и коридорообразным входом с З. На поселении Сертея X – углубленное подпрямоугольное жилище № 977 с вертикальными стенами и большим округлым углубленным очагом в центре. К этому же времени относятся остатки сильно размытой подпрямоугольной постройки с углубленным полом на стоянке Рудня Сертейская. К периоду бытования сосудов фазы «b-1» относится овальное (2,63x1,62 м) углубленное жилище на селще Узмень.

Около 7000 л.н. стоянки с керамическими материалами фаз «a-c» были затоплены водой, поднявшейся до уровня 2-й озерной террасы. Образуется слой светло-желтой супеси (атлантический период). 7000-6200 л.н. на поселении Сертея XIV в разное время бытуют два наземных долговременных многокомнатных жилища (№№ 192 и 280) с входами с Ю и З каркасно-столбовой конструкции с округлыми наземными очагами. Эти жилища имели вертикальные стены и «ломаные» крыши, приподнятые над очагами. К ним относится керамика сертейской культуры фазы «c-1» (результат взаимодействия предшествующих керамических традиций).

Около 6200 л.н. развитие сертейского культурного цикла прекратилось в результате появления здесь носителей нарвской культуры. С этим связано появление гребенчатой орнаментации на керамических сосудах местного населения. К 5200 л.н. относятся и остатки заглубленного жилища № 220 подпрямоугольной формы каркасно-столбовой конструкции площадью около 9 кв.м с округлым наземным очагом и выходом к воде (на Ю-ЮВ).

К последнему этапу обитания, относящемуся к верхним супесчаным отложениям, образовавшимся в суббореальное время [Мазуркевич и др., 2001], на поселении Сертея XIV относятся остатки двух округлых наземных построек каркасно-столбовой конструкции №№ 548 и 8, с округлыми наземными очагами, оформленными камнями, и входами с Ю и ЮЗ. По постройке № 8, располагавшейся в торфянике, получены радиоуглеродные даты (Ле-7173 5900± 40 и Ле-7176 6210±80 л.н.). На поселении Сертея X на этом этапе выделяются остатки наземных построек каркасно-столбовой конструкции двух типов: 1) большие многокомнатные прямоугольные жилища (№№ 843, 1237) с двухскатными крышами, углубленными очагами (в одном случае очаг оформлен несколькими рядами камней) и входами на Ю (в одном случае на С). 2) небольшие подпрямоугольные/овальные хозяйственные постройки (№№ 3, 88, 353, 359) в форме шалашей и чумов без внутренних очагов со следами глиняной обмазки кровли и стен и входами с Ю или В. Для этого слоя (Сертея X) имеются радиоуглеродные даты: ЛЕ-5266 5260±20 л.н., ЛЕ-5265 5180±50 л.н., ЛЕ-5259 5100±70 л.н., ЛЕ-5258 4979±100 л.н., ЛЕ-5262 4940±40 л.н.

К 4000-3000 л.н., период суббореального потепления (бытование ромбо-ямочной керамики,) на поселении Сертея X относятся 7 жилищ разнообразных форм с вертикальными стенами, установленными в неглубокие ровики, и двускатными крышами, обмазанными глиной. В центре всех сооружений – овальные очаги, в основном, углубленные. Более ранние (до 3800 л.н.) – овальные постройки с входами с Ю и ЮВ (№№ 5, 623, 624, 932, 1120). Три из них (№№ 5, 623 и 624) являлись единовременными, а прибрежная часть водоема располагалась с З и СЗ – с их тыльной стороны [Мазуркевич и др., 1997]. Две постройки (№№ 1 и 2) такой же конструкции, но прямоугольной формы, ориентированные входами на С и СВ, относятся к более позднему периоду (до 3600 л.н.), но связаны с тем же типом керамики. В это время (4500–3600 л.н.) в Верхнем Подвинье существуют многослойные свайные поселения Усвяты IV, Наумово, Сертея I и Сертея II, Дяздица, Дубокрай I [Dolukhanov, Miklyayev, 1986]. Их нижние горизонты содержат материалы усвятской неолитической культуры, а верхние – северобелорусской культуры (круг культур со шнуровой керамикой). На поселении Наумово имеется и переходный горизонт, позволяющий установить генетическую связь северобелорусской культуры с усвятской [Микляев, Беспалова, 1981].

После гибели свайных поселений (после 3600 л.н.) во время мощной трансгрессии, на суходоле (Сертея X) вновь появляется поселение уже узменьской культуры с наземными прямоугольными постройками (№ 88, 175, 625, 771) каркасно-столбовой конструкции с вертикальными стенами и двускатной крышей.

Таким образом, на территории Верхнего Подвинья выделяется несколько сменяющих друг друга этапов развития построек с привнесением новых строительных традиций на каждом из них. В период мезолита – раннего неолита, помимо типичной для лесной зоны картины (переход от округлых к прямоугольным жилищам со слегка заглубленными полами и коридорообразными выходами) развития домостроительной традиции (Сертея X и XIV), выявляется еще и «сотовая» организация построек (Сертея 3-3). В раннем неолите здесь начинают сооружаться столбовые по-

стройки (совпадает со временем появления подобных построек в Прибалтике), у них прослеживается эволюционное развитие до позднего неолита. При этом в среднем неолите, параллельно со столбовыми и свайными постройками на поселении Сертея X существуют постройки культуры ромбо-ямочной керамики.

Для территории Верхнего Подвинья выявляется ситуация сосуществования типов построек, принадлежащих разным культурам. По керамическому материалу для данных памятников также выявляются инокультурные влияния (привнесение новых форм сосудов и орнаментальных мотивов), но, в целом, понятно, что материальная культура здесь развивалась непрерывно.

Литература

Мазуркевич А.Н., Еремеев И.И., Короткевич Б.С., Фурасьев А.Г., Зайцева Г.И., Лисицын С.Н. Работы СЗАЭ в Ловатско-Двинском междуречье // ГЭ. Отчетная археологическая сессия за 1996 год. – СПб., 1997. – С. 7-11.

Мазуркевич А.Н., Полковникова М.Э., Короткевич Б.С., Кулькова М.А. Древности Верхнего Подвинья в исследованиях СЗАЭ // ГЭ. Отчетная археологическая сессия за 2000 год. – СПб., 2001. – С. 3-6.

Микляев А.М., Беспалова Т.И. О методике поиска и разведки свайных поселений III-II тысячелетий до н.э. на территории Восточноевропейской равнины //АС. – Л., 1981. – № 22. – С. 5-10.

Dolukhanov P.V., Miklyayev A.M. Prehistoric lacustrin pile dwellings in the north-western part of the USSR // Fennoskandia archaeologika III. – 1986.

А.Ю. Юракова

Кемерово, Кемеровский государственный университет

О керамике боборыкинского облика из центральной Барабы (по материалам поселения Автодром-2)

Введение. Памятник Автодром-2 был открыт А.И. Соловьевым в 1996 г. в 1430 м к юго-востоку по Московскому тракту от пос. Венгерово (районного центра Новосибирской области). Поселение занимает обширный участок второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас и представлено двумя планиграфически обособленными группами жилищных котлованов округлой формы: юго-западной и северо-восточной. В.И. Молодин высказал предположение о культурно-хронологической разнице содержащихся в двух частях памятника комплексов керамики и орудий из камня [Молодин, Новиков, 1998, с. 15-16]. С тех пор эта идея находит все новые и новые подтверждения.

Керамический комплекс жилищ северо-восточной группы идентичен материалам стоянки Артын на Среднем Иртыше. Его монолитность и неолитический облик каменного инвентаря позволили В.В. Боброву поставить вопрос о бытовании самостоятельной культуры, названной им «артынской» и целесообразности «вернуть» ей поздненеолитический возраст [Бобров, 2008].

Юго-западная группа жилищ. Более сложной ситуация видится на юго-западном участке. Находки керамики крайне немногочисленны, их количество укладывается в предел нескольких сотен фрагментов (на северо-востоке счет идет на тысячи), доминирующая роль принадлежит предметам каменной индустрии. Тем не менее, керамика, залегавшая в межжилищном пространстве и верхних горизонтах заполнения жилищ, по ряду характерных признаков четко делится на несколько культурно-хронологических групп, имеющих самые близкие аналогии в материалах байрыкской, усть-тартасской, новочекинской культур.

Жилища №№ 50, 51 и 52 не выявлены в ходе инструментальной съемки памятника, а обнаружены только с началом раскопочных работ: их западины на дневной поверхности отчетливо не читались, а создавали впечатление естественного её понижения. Условно керамику, обнаруженную в виде отдельных фрагментов в заполнении и развалов сосудов на дне этих жилищ, можно разделить на следующие группы.

Группа 1. На полу жилища № 50 зафиксированы развалы двух сосудов горшковидной и баночной форм с плоским дном и без орнамента [Бобров, Марочкин, Соколов, 2006]. Для одного из них (банки) сохранились фрагменты венчика с «наплывом», срез его украшен широкими косыми насечками. Придонная часть горшковидного сосуда также имеет четко выраженный «наплыв».

Группа 2. Два фрагмента верхней части сосуда из заполнения жилища № 52 демонстрируют орнамент в виде косой сетки [Бобров, Марочкин и др., 2007, с. 19]; венчик прямой и слегка утончен, по его срезу нанесены плохо различимые наколы.

Группа 3. Толстостенный сосуд открытой горшковидной формы со сплошной орнаментацией найден в жилище № 51. В ходе реставрации стала почти полностью ясна композиция его орнамента. По срезу венчика, также имеющего «наплыв», нанесены косые оттиски гладкого штампа. Как вся внешняя, так и внутренняя поверхность сосуда заполнена горизонтальными рядами глубоких овальных вдавлений. Внешние вдавления более узки, на различных участках меняется угол их наклона. Выделенная зона венчика опоясана горизонтальными рядами оттисков приостренной палочки, поставленной под углом к поверхности [Бобров, Марочкин и др., 2007]. Существовал определенный горизонтальный пояс, с которого на различных участках «свисали» равнобедренные треугольники, заполненные треугольниками меньшего размера, и косая сетка (эти элементы выполнены в протащенной технике). Дно также орнаментировано с обеих сторон косой сеткой в технике протаскивания орнаментира по поверхности.

Итак, объединяющими для сосудов всех трех групп признаками являются открытые горшковидные формы с плоским дном и слабая профилировка зоны венчика, а также наличие по внутреннему ребру венчика и по дну т.н. «наплыва» (утолщения). Эти же признаки и некоторые орнаментальные элементы уводят нас к аналогиям в боборыкинских древностях Зауралья:

– доля неорнаментированных сосудов в зауральских боборыкинских комплексах довольно значительна (от 3,6 до 39,6%), что приводится исследователями в качестве одной из характеристик боборыкинской культуры или ее боборыкинского этапа [Зах, 2006, с. 72];

– орнамент в виде косой сетки, подобный орнаменту на сосуде группы 2, известен в керамических комплексах памятников Пикушка-I, Юртобор-3, ЮАО-XV [Шилов и др., 2002; Зах, 2006; Ковалева, Варанкин, 1984];

– прямых аналогий сосуду со сплошной орнаментацией (группа 3) не известно, однако ряд характерных элементов – профили венчика и придонной части, выделенная зона венчика и косая сетка по дну, безусловно, сближает его с материалами боборыкинских памятников [Викторова, Зырянова, 2002].

По всей видимости, к данному комплексу имеет отношение и т.н. «утюжок» из нижних горизонтов заполнения жилища № 50 – керамическое изделие размерами около 7х4,5 см с поперечным желобком в центральной части [Бобров, Марочкин, Соколов, 2006]. По его боковым граням нанесены те же овальные оттиски гладкого штампа, что и на поверхностях сосуда с двусторонней орнаментацией. Находки «утюжков» в Западной Сибири, в том числе и на памятниках, содержащих боборыкинскую керамику, нередки и бытуют, по мнению И.В. Усачевой, в период конца IV – начала II тыс. до н.э. [Усачева, 2005, с. 22].

Выводы. Как видно из выше приведенного описания, керамические сосуды центральной части памятника Автодром-2 имеют выраженный в какой-то мере боборыкинский облик. Однако с уверенностью соотносить эти материалы с памятниками боборыкинского типа было бы преждевременно. Это связано как с разногласиями в типологии самой боборыкинской керамики, наличием нескольких взаимоисключающих точек зрения на хронологическое соотношение и культурную специфику содержащих ее комплексов, так и со значительной географической удаленностью поселения Автодром-2 от основного ареала.

На всем пространстве от правобережного Приишимья до северо-западных районов Барабинской лесостепи памятников, содержавших материалы, схожие с боборыкинскими, пока не известно. Несмотря на это В.А. Зах, принимая во внимание находки на поселении Автодром-2, включает Барабу в ареал боборыкинских комплексов и называет центром формирования боборыкинской культуры на первом ее этапе лесостепное Тоболо-Ишимье [Зах, 2006, с. 72], по сути тем самым придавая памятнику статус крайней восточной точки её ареала.

Возможно, наличие плоскодонных форм сосудов в неолите Барабы следует связывать с широким их распространением в лесных районах Евразии. Об этом, в частности, говорит Л.Л. Косинская, приводя для памятников амнинского неолитического культурного типа (Нижнее Приобье) радиоуглеродные даты, синхронные периоду существования верхневолжской и близких ей культур в лесной зоне Восточной Европы [Косинская, 2004, с. 306]. На этом фоне, по ее мнению, боборыкинская культура уже не выглядит уникальным образованием, а представляет лишь один из вариантов культурных инноваций в раннем неолите лесной Евразии.

В любом случае находки на поселении Автодром-2 представляют существенный интерес не только для вопроса о распространении плоскодонных керамических форм в неолите Западной Сибири или Евразии, но и расширяют наши представления о неолите Барабинской лесостепи, степень изученности которого все еще остается крайне низкой.

Литература

Бобров В.В. К проблеме культурной принадлежности поздненеолитического комплекса поселения Автодром-2 // Окно в неведомый мир. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 110-113.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Герман П.В., Соколов П.Г., Фрибус А.В. Исследования на поселении Автодром-2 в центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 17-22.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г. Результаты работ на поселении Автодром-2 в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 269-273.

Викторова В.Д., Зырянова С.Ю. Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере – ЮАО-V // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – Вып. 24. – С. 67-89.

Зах В.А. Периодизация неолита лесного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1. – С. 70-83.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. О соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов (по материалам поселения на берегу Андреевского озера у г. Тюмени) // СА. – 1984. – № 1. – С. 144-159.

Косинская Л.Л. Проблемы хронологии западносибирского неолита (к вопросу о роли радиоуглеродного датирования) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. – СПб.: ИИМК РАН, 2004. – С. 301-307.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохр. ист.-культ. наследия, 1998. – 140 с.

Усачева И.В. «Утюжки» в культурах Евразии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. – Вып. 6. – С. 12-23.

Шилов С.Н., Зырянова С.Ю., Шаманаев А.В. Комплекс боборыкинской культуры поселения Пикушка-I // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – Вып. 24. – С. 90-118.

К.И. Яшин
Ишим, Ишимский государственный педагогический институт

Геоморфологическое положение неолитических комплексов озера Мергень

При комплексных археологических исследованиях немаловажно учитывать геоморфологическое расположение поселенческих комплексов относительно уровня воды древних (современных) водоемов, поскольку это позволяет говорить об относительной датировке комплексов, ландшафтах и климатических условиях.

В этом плане определенный интерес в Нижнем Приишимье представляет Мергенский археологический микрорайон, включающий и побережье оз. Мергень, наиболее плотно заселенное в древности. Озеро Мергень находится в 10 км южнее г. Ишима и представляет вместе с другими более мелкими группу гриволожбинных озерных урочищ – реликт плейстоценовой эпохи [Зах и др., 2008], расположенных на второй террасе, примыкая к западному склону долины р. Ишим.

В настоящее время Мергень зарастает с берега сплавиной, окружено полосой тростниковых зарослей и переувлажненных осоково-ситниковых лугов. Борта котловины заняты разнотравно-злаковыми лугами и пашнями, на более высоких уровнях террасы и гривах находится парковый березово-осиновый лес с подсаженной елью и сосной [Зах и др., 2008].

На побережье озера обнаружено более 20 памятников разных периодов и культур [Матвеев, Матвеева и др., 1995], наиболее ранние из которых открыты в 1960–1990-х гг. Уральской археологической экспедицией и исследователями ИПОС СО РАН. Это поселения Катенька, Мергень 3,5,6,

расположенные у истока р. Мергеньки, и Пахомовская Пристань 3 вблизи местечка Пахомовская Пристань [Зах, 1999]. На всех памятниках проведены археологические, а на трех и палеогеографические исследования [Матвеев и др., 1994].

Геоморфологическое положение поселений мезолитического и неолитического времени северо-восточного берега оз. Мергень: Катенька, Мергень 3,5,6 свидетельствует о колебаниях гидрологического режима озера и последовательном заселении, возможно, одним и тем же населением, отдельных участков террасы. Так, мезолитический памятник Катенька расположен на поверхности низкой ровной террасы северо-восточного побережья оз. Мергень, в значительном удалении как от берега озера, так и от берега р. Мергеньки – протоки, соединяющей озеро с р. Ишим. Рельефных признаков не имеет, обнаружено случайно. Исследовалось. Находки залегали в слое серой, ниже гумусированной супеси. Представлены в основном пластинами, отщепами и изделиями на пластинах. Керамика отсутствует [Зах, 1999].

Поселение Мергень 3 находится на надпойменной террасе берега оз. Мергень в 1,5–2,0 км юго-восточнее оконечности мыса, образованного озером и речкой Мергенькой. На поверхности, поросшей березами и кустарником, прослеживалось три западины округлой в плане формы размером 9–10 м. Раскопано два жилища. Основное количество находок (керамика, каменные орудия) находилось в пределах котлованов построек. На околожилищном пространстве встречены единичные экземпляры. Поселение относится к боборыкинской культуре, ее раннему этапу, следующему по времени за мезолитическим комплексом Катеньки [Зах, Скочина, 2002].

Производственная площадка Мергень 5 находится в 400–500 м к северо-северо-западу от поселения Мергень 3, на более низкой террасе одноименного озера. Памятник многослойный. Выявлены ямы хозяйственного назначения. В заполнениях некоторых из них находилась керамика эпохи неолита, кости животных, птиц и рыб. Кроме неолитической посуды и связанного с ней разнообразного кремневого инвентаря, найдена керамика энеолита, переходного времени от бронзы к железу, раннего железного века [Матвеев, Матвеева и др., 1995].

Поселение Мергень 6 расположено на мысу пониженной части террасы оз. Мергень у истока р. Мергеньки. В рельефе не выражено. Вскрыто более 500 кв.м. Поселение многослойное, остатки жилищ относятся к боборыкинской культуре ее позднему этапу. В эпоху раннего металла в сохранившиеся углубления неолитических котлованов были врезаны новые сооружения. Кроме этого, отмечены следы посещений мыса людьми эпохи доандроновской бронзы, переходного времени от бронзового века к железному, раннего железного века и средневековья [Зах, Скочина, 2003].

По гипсометрическим показателям все поселения расположены на разных уровнях относительно современного уровня воды в оз. Мергень и р. Мергеньки. Мезолитический слой поселения Катенька находится на высоте 2,0–2,5 м от современного уровня воды, неолитическое поселение Мергень 3 на высоте 3,0–4,0 м, Мергень 6 залегает только на 1,0 м выше современного уровня воды, промежуточное место в геоморфологическом отношении занимает поселение Мергень 5. Оно расположено между поселениями Мергень 3 и 6 на 2–3 м выше уровня зеркала озера [Зах, 2006]. Следует учитывать и то, что все поселенческие комплексы находятся на второй надпойменной террасе относительно русла р. Ишим.

При анализе гипсометрических и ландшафтных составляющих обоснованно возникает проблема территориальной обусловленности расположения поселенческих комплексов на данной территории. Исследователи склоняются к версии, что на сложившееся территориальное и высотное положение памятников коренным образом влияло изменение уровня воды в озере. Древние коллективы, населявшие побережье, были зависимы от гидрологических колебаний водоема. При трансгрессии озера поселки строились на высоких местах, при его отступании и полной регрессии передвигались ближе к воде [Зах, 2006].

Таким образом, на ландшафтно-геоморфологические условия размещения поселенческих комплексов оз. Мергень, как, впрочем, и всего Мергенского археологического микрорайона в период голоцена, большое влияние оказывала динамика изменения природной среды, т.е. колебание гидрологического режима водоема и ряд сопутствующих этому процессу явлений, определенным образом влиявших на жизнь древних коллективов.

Литература

Зах В.А. Археологические исследования в Приишимье // ВААЭ. – 1999. – № 2. – С. 146.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо–Ишимья: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2006.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо–Ишимском междуречье. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 8.

Зах В.А., Скочина С.Н. Поселение Мергень 3 // ВААЭ. – 2002. – № 4. – С. 37-56.

Зах В.А., Скочина С.Н. Неолитический комплекс поселения Мергень 6: (По итогам работ 2002 г.) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Мат-лы итог. сессии уч. совета ИПОС СО РАН. – Тюмень, 2003. – № 4. – С. 12–17.

Матвеев А.В., Зах В.А, Ларин С.И. Археолого-палеогеографическое изучение комплекса доисторических памятников на оз. Мергень // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1994. – С. 59–63.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Панфилов А.Н., Буслова М.А., Зах В.А., Могильников В.А. Археологическое наследие Тюменской области: памятники лесостепи и подтаежной полосы. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 120–122.

C. Grayson
Edmonton (Canada), University of Alberta

Three faces of Siberia

Introduction

A preliminary investigation into the Early Neolithic populations inhabiting the Cis-Baikal region of Siberia suggests that the *Kitoi Culture* may not be the cohesive whole envisioned in prior research. Mortuary evidence attests to the fact that the population exhibited a high degree of structural variability in their funerary rituals which suggests more than one cultural tradition. The results of rigorous statistical analysis on mortuary elements across the regions cemetery sites reveal patterns that suggest the Kitoi culture may, in fact, represent three distinct ethnic groups, with different social organizations, ideological views and hegemonic structures.

Cemetery Sites

In the Cis-Baikal region of Siberia, twenty-nine Early Neolithic mortuary sites are currently identified. Given data availability[1], 20 diagnostic mortuary elements were compared across 23 cemetery sites to identify frequency distribution patterns and site homogeneity.

Statistical analysis was performed on this dataset using *Cluster Analysis*. The result of the multi-dimensional algorithms was a classification of all Early Neolithic cemetery sites into three distinct groups based on the similarity of mortuary elements selected.

Group 1: Kitoi, Kuzmikha, Lokomotiv, Podymakhino, Rasputino, Turuka, Ust'Belaia

Group 2: Glazkovo, Kalashika, Pad Khinskaia, Reka Kaia, Serovo, Shamanka II, Shchukino

Group 3: Fofanovo, Igirma, Khotoruk, Kurma, Markrushino, Pad Chastye, Shamanskii Mys, Ulan Khada, Ust'Dolgaia

Each Group, although sharing similar characteristics, demonstrate distinct frequency distributions that form discrete cultural traditions (Table I).

Cis-Baikal Early Neolithic Mortuary Characteristics by Grouping

Variable	Region	%	Group 1	%	Group 2	%	Group 3	%
Location	Terrace	53.8	Terrace	69.4	Hilltop Slope	68.5	Hilltop Slope	66.2
Burial Type	Primary	98.8	Primary	98.8	Single	97.0	Single	95.1
Skeletal Complete	Partial	50.6	Complete	74.6	Partial	57.5	Partially	53.9
Grave Type	Single	78.2	Single	80.2	Single	75.5	Single	81.7
Burial Direction of Multiple Burials	Head-to-Head	69.0	Head-to-Toe	53.8	Head-to-Head	80.0	Head-to-Head	75.0
Orientation	N E	58.4	NE	43.7	NE	55.3	E	36.5
Body Position	Ext on Back	58.7	Ext on Back	74.3	Ext on Back	73.0	Flexed	30.6
Skull Treatment	Without Skull	18.7	Without Skull	17.3	Without Skull	6.9	Without Skull	24.1
Red Ochre	Present	71.0	Present	95.9	Present	85.3	Present	25.7
Use of Fire	Present	5.5	Present	0.6	Present	1.9	Present	7.5
Age	20 – 35	37.4	36 – 55	50.0	20 – 35	51.3	20 – 35	35.4
Sex	Male	56.5	Male	54.5	Male	66.7	Male	52.6

Lithics	Present	45.5	Present	83.5	Present	78.6	Present	63.0
Bone / Antler	Present	56.7	Present	90.7	Present	82.6	Present	64.4
Composite Tools	Present	6.8	Present	10.2	Present	5.7	Present	6.6
Green Nephrite	Present	14.9	Present	41.4	Present	8.2	Present	3.8
White Nephrite	Present	22.0	Present	3.4	Present	45.8	Present	3.8
Shell Artifacts	Present	29.4	Present	3.4	Present	56.5	Present	11.3
Bead Artifacts	Present	10.6	Present	2.3	Present	21.8	Present	0.9
Pottery	Present	10.2	Present	4.0	Present	29.8	Present	7.5
Grave Goods	Absent	19.9	Absent	13.9	Absent	16.3	Absent	29.5

Table I. Shows the frequency distributions of all twenty mortuary elements in each Group.

Group I

This cultural subset prefers to locate their cemeteries on river Terraces. Burials of fully complete individuals dominate and they are placed in an extended position on their backs with the head towards the Northeast. When more than one individual is interred in the same grave the positioning of the bodies are head-to-toe. Coating the body with ochre is a primary ritual for the vast majority of individuals. Most individuals are buried with at least some objects and most of these are utilitarian. Alleged wealth and status item, such as bead or shell ornaments, are rare; while green nephrite is most prolific. Males are slightly more representative in the archaeological record for Group 1 as are mature adults.

Group 2

This cultural subset prefers to locate their cemeteries on hilltop slopes. Burials with the removal of certain skeletal elements dominate and they are most often placed in an extended position on their backs with their heads toward the Northeast. When more than one individual is interred in the same grave the positioning of the bodies are head-to-head. Coating the body with ochre is a primary ritual for the majority of individuals. Most individuals are buried with at least some grave objects and most of these are utilitarian. Males are more representative in the mortuary record as are adult between the ages of 20–35 years.

Group 3

This cultural subset prefers to locate their cemeteries on hilltop slopes. Burial of individuals with certain skeletal elements removed is dominant and individuals are most often placed in a flexed position with their heads oriented toward the East. When more than one individual is interred in the same grave the layout of the bodies is in a head-to-head position. The use of ochre is minimal, with more individuals buried without the application of ochre than with. Moreover, almost one quarter of all individuals are interred without their skulls. Males and females are buried in relatively equal proportions across all mortuary sites, while age distributions indicate that only subadults and adults are afforded the burial ritual, with the exception of the Fofanovo cemetery which is the only site to contain all age groups from infant through senescent.

Three Faces of Siberia

Although the statistical details and specific arguments corroborating the interpretations outlined below cannot be detailed given the constraints of this paper, there are several key points that substantiate the existence of three distinct groups operating in the Cis-Baikal region during the Early Neolithic.

First, each group had a dominant territorial zone. Group 1 cemeteries were concentrated along a small stretch of the Angara River between the confluences of the Irkurt and Belaia Rivers. The sites of Kitoi, Lokomotiv and Ust'Belaia constitute 92.4% of all individuals buried in this Group. Group 2 consists of several small sites located along the Angara outside the central Group 1 territory. However, the largest concentration of Group 2 burials (79.9%) was located at a single mortuary site, Shamanka II, located on the southern tip of Lake Baikal. Group 3 sites were focused in the Upper Lena, Little Sea, and East Lake Baikal regions. The mortuary site of Fofanovo, situated on the Selenga River near Lake Baikal, constitutes 49.1% of the Group 3 population, while the sites of Khotoruk, Kurma, and Ulan Khada IV, located in the Little Sea region, represents 38.2% of the population. Taken together, these sites represent almost 90% of the entire Group 3 population. These demarcated geographic regions imply some degree of territoriality, consistent with the notion that there were three distinct cultures, each operating primarily within their own specific physical sphere.

Second, each Group appears to have distinct mortuary rituals. For example, Group 1 and Group 2 orient the body on a Northeast axis while Group 3 burial orientation is East-West. This pattern is also mirrored in the positioning of the body within the grave. Group 1 and Group 2 body placement is in an extended supine position, while Group 3 places their individuals in a flexed position.

Third, is the type and frequency of grave goods. Group 1 has a marked preference for green nephrite, Group 2 had a marked preference for white nephrite, and Group 3 had minimal representation of either. Also interesting is the percentage of individuals buried without grave goods. Group 1 and 2 had a low percentage of burials without any grave goods, while Group 3 had a large number of burials with no artifacts. Additionally, each Group has different degrees of grave wealth. Lokotomotiv and Shamanaka have some individuals buried with over 200 artifacts while other individuals in the same cemetery are buried with nothing, and Group 3 has no exceedingly wealthy burials.

Finally, the distribution of age, sex and grave goods indicates different social organization for each group. In Group 1, individuals under the age of 14 were not usually buried with grave goods; in Group 2 some infants/children were buried with a wealth of grave goods while other infants/children were buried with nothing; in Group 3 most individuals were buried with little or no grave goods regardless of age. Detailed results reveal that Group 1 exhibits a transegalitarian social structure with achieved status, Group 2 typifies an incipient ranked society with ascribed status, and Group 3 embodies a complex egalitarian configuration.

Conclusion

The initial results of this paper suggest that the *Kitoi Culture* may not represent a single, cohesive tradition. Given the outcome of the *Cluster Analysis* and the differential frequency distributions within each Group, it is plausible that the Early Neolithic populations of the Cis-Baikal region represent three distinct social groups. Moreover, structural mortuary variability implies that each Group possessed a different communal organization, ideological view, and hegemonic structure.

[1]Data for all mortuary sites were obtained from excavations and existing literature collected under the auspices of the Baikal Archaeological Project, University of Alberta, Canada.

Резюме

Предварительные исследования ранненеолитических популяций, населявших Прибайкалье, Сибирь, предполагает, что региональные племена не представляют единую традицию. Это исследование предполагает, что, на самом деле, это население представляет три отдельных культуры, несмотря на то, что раньше оно считалось единым с высоким уровнем вариабельности. Статистический анализ 20 признаков погребений, проводившийся на 23 ранненеолитических могильниках выявил образцы, которые подтверждают существование трех различных социальных групп. Хотя каждая группа содержала определенные общие элементы, анализ распределения частоты встречаемости признаков идентифицировал три одновременных социальных конфигурации, существующие в Прибайкалье во время Раннего Неолита. Каждая традиция существовала на особой территории, обладала отличным от других уровнем социальной строя (от эгалитарного до стратифицированного) и особым мировоззрением.

I. Scharlotta
Edmonton (Canada), University of Alberta

Mortuary evidence for changing neolithic and bronze age land-use patterns in the Baikal region

Humans are universally concerned with how they are to be treated after death and generally view themselves as tied to some spatially discrete part of the environment representing their world. Cemeteries are an integral part of societal structure throughout the world. The existence of a cemetery reflects a connection between some group and both the spatially discrete area and some aspect of the surrounding environment.

Not all interments are components of a formal cemetery. The basic criteria for a cemetery are definitive evidence for intentional burial, repeated usage and/or some evidence of a burial tradition. Theoretical perspectives on the emergence of formal cemeteries highlight the connection between the lineal ties of a corporate entity (group) and the use and/or control of crucial but restricted resources [Chattopadhyaya, 1996; Goldstein, 1978; Saxe, 1970]. The linkage between group and control can be viewed in two ways. Thus the cemetery reflects the degree to which groups' rights to use and/or control crucial but restricted resources are attained and legitimized by means of lineal descent from the dead (i.e., lineal ties to ancestors) and will be maintained for the exclusive disposal of their dead. Alternatively, the cemetery

could reflect the inverse situation in which the group's control over crucial resources is maintained via lineal descent, thus the cemetery is the exclusive disposal area for successful members of the group and serves to reinforce the control held by the group, adding time depth to current control.

Cemeteries reflect only the members of a certain group, evidenced in their post-mortem treatment. A disenfranchised group will no longer have access to their preferred cemetery and may be forced to form a new cemetery elsewhere. Individuals who die at great distance from their group's cemetery may not be feasibly returned to the preferred burial location. Similarly, temporary interment, particularly in cases of natural disaster and conflict, may be necessary as an interim treatment of group members prior to their anticipated movement to formal cemeteries as conditions allow. Formal cemeteries reflect a stable group, or at least one in which any disruptions are within the tolerances of the group's normal operation.

Mortuary symbolism is a key part of any group's sense of identity and is integrally linked to the group's world-view. Thus group members expect to be given certain treatments when they die. The relationship between graves and cemeteries is interesting in this regard. Graves are unique constructions reflecting a single interment event (though later disturbance often occurs). Cemeteries are made up of graves, each unique, but often manifested as variability around a formulaic mortuary treatment. The patterning of phenomena observable by archaeologists can be taken to reflect the minimal acceptable post mortem treatment for group members (i.e., buried with ochre, or specific paraphernalia).

Interring a dead group member requires time and effort and may only be possible during certain seasons. The time and effort required to return an individual to a cemetery will vary based on individual circumstances, but at times the costs will be too great for fellow group members and a decision will be made. If transportation costs are too high, an individual can either be interred following the proper mortuary formula but outside of the group's cemetery, or some alternative treatment can be accorded the individual in recognition that they are not in their group's cemetery. The distinction reflects the nature of the connection between the group and their cemetery. For example, an individual who is deemed too expensive or difficult to return home may be viewed as either a group member, thus accorded proper mortuary treatment in a new cemetery within group boundaries, or viewed as removed from the lineal descent and thus group membership because they are not worth returning to a cemetery. Such decisions can be inferred to relate closely to the strength of territorial boundaries.

Dispersed graves following a uniform mortuary tradition speaks toward uncontested or indefensible boundaries. It is possible that new cemeteries will be created within the defensible territory of the group, if some certainty that the linkage between dead relatives and the living population will not be broken in the foreseeable future. When boundaries are defended then cemeteries are more likely to only be maintained in the core of this defensible region. This greatly strengthens the linkages between the group's living and dead members and cements their relationships to their territory. The more heavily contested the boundary, the greater the importance of returning the deceased to the prescribed area, but also the higher the stakes for failing to maintain territorial control.

Numerous scholars have noted a disparity in the nature and extent of disturbance amongst both early Neolithic Kitoi (8000-7200BP) graves and late Neolithic (6000-5000BP) and Bronze Age (5000-4000BP) Serovo-Glazkovo graves within cemeteries in the Cis-Baikal region of Siberia. These phases are non-continuous and thus provide an interesting case study in the relationship of changing population dynamics associated with periods leading up to and following a hiatus in mortuary traditions in the region. Chronologies are continually being updated; however, there appear to be trends during both the Kitoi and Serovo-Glazkovo cemetery traditions. During the Kitoi phase, earlier graves follow a less formalized cemetery approach to interment, such that burials are interments of successful members of the extant population. This relationship changes as time progresses, with later burials disturbed. Interactions with the dead are often interpreted as evidence for validation of a leaders' right to power based on ancestral ties. Thus, increasing numbers of disturbed graves suggests contested leadership and an increasing need to validate ones' claims to restricted resources and competition within regional affairs. Skeletal and climatic evidence from the early Neolithic suggests increasing food stress amongst Kitoi burials as time progressed. Post-hiatus burials indicate a different pattern of disturbance relative to pre-hiatus cemeteries. Serovo-Glazkovo graves show a much stronger correlation between grave goods and level of disturbance. Such a correlation indicates a pattern of mortuary treatment in accord with a social structure dominated by some form of leadership based on lineal descent. Individuals with fewer grave goods and more utilitarian goods show lower levels of disturbance. Thus, while these individuals were effective members of society warranting burial, they were not revisited as part of continuing leadership concerns.

If a cemetery is established as a result of group control over restricted resources then the cemetery is more akin to a record of the time depth of this group's control. Association with deceased individuals may not be important as their presence denotes their membership in the group but does not grant control or access to any resources. If the basis for control is drawn from the lineal descent, then interaction with the deceased is more likely, as active means to reinforce and honor the basis of power or social organization. Thus the type and extent of grave disturbance can be taken as evidence for shifting social organization and complexity more so than simply the presence or nature of cemeteries themselves. Another aspect of Cis-Baikal cemeteries is the distinction between centralized and dispersed cemeteries. Larger centralized Kitoi cemeteries as compared with dispersed Serovo-Glazkovo cemeteries are highly suggestive of territorial usage and competition differences. Does this necessarily mean that the Kitoi were more closely tied to the landscape and involved in territorial or resource defense relative to Serovo and Glazkovo groups; it is difficult to tell. Further research is needed to test the associated assumptions (e.g., territorial extent and usage, evidence for interment bias, individual status, etc) however the variability and patterning within and between cemetery traditions suggest a dynamic environment of boundaries and intra-group relationships throughout the Lake Baikal region. Geochemical data can now be used to test such hypotheses, demonstrating changes in the actual interactive landscape of individuals and thus inferring the nature of boundaries, land-tenure and social structure in prehistory.

Резюме

Возникновение могильников связано с контролем определенной родовой группы над ограниченными природными и пищевыми ресурсами. Поэтому присутствие предков оправдывает претензии родовой группы на данные ресурсы. Погребальный ритуал является главной составляющей самосознания древнего сообщества и отражает его мировоззрение. Многие исследователи отмечают различия в уровне погребальных разрушений между китойской (8000-7200 л.н.) и серово-глазковской культурами (6000-5000 л.н.) Прибайкалья. В китойской культуре хронологически ранние могилы следуют меньшей формализации погребального ритуала. Хронологически поздние могилы чаще всего становились объектом разрушения.

Родство с умершими предками являлось доказательством в пользу права социального лидера на власть. Возросшее число потревоженных могил на могильниках китойской погребальной традиции могло свидетельствовать о борьбе либо за лидерство, либо за ресурсы территории в социальных группах раннего неолита. Среди серово-глазковских погребений мы находим большее соответствие между сопроводительным инвентарем и уровнем потревоженности погребения. Это соответствие могло отражать стабильность социальной структуры, в которой лидерство было закреплено по линии родства. Погребения с меньшим количеством погребальных предметов реже подвергались разрушению (серово-глазковское время). Высокий процент разрушения погребений в эпоху раннего неолита (китойская культура) свидетельствует о частой смене социальных отношений.

Другая интересная деталь Прибайкальских могильников это характер их организации. Могильники китойской культуры предстают более централизованными, чем серово-глазковские, что говорит о борьбе в эпоху раннего неолита за права на территорию. Значит ли это, что китойцы были более привязаны к ландшафту, чем следующее за ними население серовской культуры, а затем глазковской культуры? Трудно ответить. Однако разнообразие внутри и среди погребальных обрядов свидетельствует о динамике внутриродовых отношений в Прибайкалье в древности.

Bibliography

Chattopadhyaya U.C. Settlement Pattern and the Spatial Organization of Subsistence and Mortuary Practices in the Mesolithic Ganges Valley, North-Central India // World Archaeology. – 1996. – 27 (3). – P. 461-476.

Goldstein L. One-dimensional archaeology and multi-dimensional people: spatial organisation and mortuary analysis *// The Archaeology of Death /*R. Chapman, I. Kinnes and K. Randsborg, editors. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978 – P. 53-69.

Saxe A.A. *Social Dimensions of Mortuary Practices.* – Unpublished PhD dissertation. – University of Michigan, 1970.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Т.А. Агапетова
Тюмень, Тюменский государственный университет

Пахомовские древности Тоболо-Исетья

К позднебронзовому веку на территории Тоболо-Исетского междуречья относятся памятники пахомовской культуры. В ходе разведочных работ обнаружены поселения Мякиниха [Волков, Ведерников, 2001], Яр 4, 6, 7 (Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/177), Сазык 3 (Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/162), Сосновка 10 (Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/26), городище Ак-Паш 1 (Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/29), в материалах, которых присутствуют фрагменты пахомовской керамики. Раскопками изучены городище Заводоуковское 11 (Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/116), селища Ново-Шадрино 7 [Корочкова и др., 1991], Ук 3 [Корякова и др., 1991], Оськино Болото [Ткачев, 2001], Ботники 1в [Матвеев, Чикунова, 1999], Большой Имбиряй 2 (Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/15), Большой Имбиряй 10 (Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/17). Опорными для изучения являются городища Заводоуковское 11, селища Ново-Шадрино 7, Оськино Болото, Ботники 1в, Ук 3, материалы которых дают представления о домостроительстве и хозяйственных занятиях пахомовских групп.

При анализе топографии пахомовских памятников прослеживаются следующие закономерности. Во-первых, поселения, в основном, находятся на низких гипсометрических отметках первой и второй надпойменных террас (городище Заводоуковское 11, Оськино Болото, городище Ак-Паш 1, Сазык 3 и др.). Ряд памятников обнаружены на пойменных участках рек Тобола и Исети (Мякиниха, Ботники 1в, Сосновка 10). Исключение составляют памятники Яр 4, 6, 7, которые локализуются на коренном берегу Исети. Во-вторых, они расположены либо на берегах Тобола и Исети (Яр 4, 5, 6, Ботники 1в, Мякиниха и др.) и их притоков Ук, Емуртла (Ук 3, Ново-Шадрино 7, Заводоуковское 11), либо у стариц (Большой Имбиряй 2, 10, Сосновка 10 и др.) и озер (Оськино Болото). В-третьих, следует отметить приуроченность пахомовских поселений к лесным массивам – смешанным лесам, березовым колкам, сосновым борам. Некоторые памятники в настоящее время распахиваются, однако не исключено, что они также находились в лесных массивах, об этом свидетельствует следы выкорчевки деревьев. По данным палинологии во II тыс. до н.э. на территории Тоболо-Исетского междуречья доминировали степные ландшафты, однако в конце тысячелетия происходит некоторое повышение увлажненности, увеличение площади лесных массивов, а также замещение сухих полынных степей луговыми [Матвеев и др., 1999]. В связи с этим у исследователей есть мнение, что пахомовские группы могли заселять границы лесных и луговых угодий либо открытые луговые пространства [Волков, 2007].

Особенность в расположении пахомовских селищ следует объяснять спецификой ведения хозяйства пахомовских коллективов. Во-первых, как и для других зауральских коллективов бронзового века, для носителей пахомовской культуры характерно сочетание присваивающих отраслей со скотоводством, при доминировании последнего. Тем не менее по палеозоологическим данным наблюдаются отличительные признаки в составе стада пахомовцев по сравнению с предшествующими федоровскими и синхронными лесостепными черкаскульскими коллективами. Среди фаунистических остатков, обнаруженных на городище Заводоуковское 11 и селище Ново-Шадрино 7, больший удельный вес в стаде принадлежал лошади, значительно меньший – крупному рогатому скоту, а кости мелкого рогатого скота единичны либо вовсе не представлены [Косинцев, 1989]. Вполне вероятно, что для пахомовских групп характерен рост мобильности стада, в отличие от носителей федоровской и черкаскульской культуры, т.к. лошадь требует более подвижной пастьбы, что вполне объяснимо тем обстоятельством, что пахомовские поселки располагались в неудобных для выпаса участках. Во-вторых, палеозоологические материалы пахомовских памятников, приуроченных к лесным массивам, демонстрируют повышенное содержание (до 30%) костей представителей дикой фауны. На федоровских и черкаскульских памятниках лесостепного Зауралья доля костей диких животных не превышала 5%. В-третьих, локализация поселков у рек и озер, богатых рыбой. Ихтиологические остатки с поселения Ново-Шадрино 7 и многочисленные желобчатые

грузила от сетей, единичные находки костяных гарпунов указывают на важную роль в хозяйстве пахомовцев рыболовного промысла.

Приведенные обстоятельства доказывают тезис о том, что обитание в определенной географической среде предопределило те или иные особенности хозяйственной направленности и производственной деятельности древнего населения [Бобров, 1985]. Таким образом, топографический анализ пахомовских памятников, характеристика их инвентаря, а также данные палинологии и палеозоологии свидетельствуют о том, что пахомовские группы вели многоотраслевое хозяйство. Однако имеются основания говорить о значительной роли присваивающих отраслей в экономике пахомовцев или даже о их равной доле со скотоводством, что, несомненно, отличало их хозяйство от системы жизнеобеспечения носителей андроновских традиций. Исходя из этого, сделаем следующее предположение – при миграции на территорию Тоболо-Исетья пахомовские племена были вынуждены занять свободную экологическую нишу, т.к. более благоприятные места для ведения скотоводства с преобладанием крупного рогатого скота были заняты черкаскульскими группами, которые впоследствии взаимодействовали с отдельными пахомовским коллективами, о чем свидетельствуют материалы селищ Большой Имбиряй 10 и Сосновка 10.

Литература

Аношко О.М. Отчет о разведочных исследованиях на левобережье р. Исети в пределах Ялуторовского района Тюменской области в 2004 г. // Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/26.

Аношко О.М. Отчет о раскопках поселения Заводоуковское 11 в Заводоуковском районе Тюменской области в 2007 г. // Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/116.

Бахарева Т.Н. Разведочные исследования в Ялуторовском районе. Отчет о полевых исследованиях в 2003 г. // Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/177.

Белоногов Д.А. Разведочные исследования в урочище Ак-Паш в Упоровском районе Тюменской области в 2003 г. // Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/29.

Бобров В.В. Эпоха поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кем. ун-т, 1985. – С. 28-36.

Волков Е.Н. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. – Новосибирск: Наука, 2007. – 224 с.

Волков Е.Н., Ведерников П. А. Материалы к археологической карте Ингальской долины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2001. – Вып. 3. – С. 130-137.

Жилина И.В. Отчет об археологической разведке по Ялуторовскому и Заводоуковскому районах в 1981 г. // Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/162.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. – С. 70-92.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. – С. 30-50.

Косинцев П.А. Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 84-104.

Матвеев А.В. Отчет об археологических исследованиях в Ингальской долине в 2002 г. // Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/15.

Матвеев А.В. Отчет об археологических исследованиях на территории Тюменской области в 2003 г. // Архив ИГИ ТюмГУ, № 1/17.

Матвеев А.В., Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Ларин С.И. К палеографической характеристике андроновской эпохи в лесостепном Зауралье // Комплексные общества центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т., 1999. – С. 317-319.

Матвеев А.В., Чикунова И.Ю. Поселение Ботники 1в на нижней Исети // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – Вып. 2. – С. 44-50.

Ткачев А.А. Поселение поздней бронзы Оськино Болото // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – 2001. – Вып. 2. – С. 24-28.

Г.В. Александрова
Иркутск, Восточно-Сибирская государственная академия образования

Свидетельства связей культур Алтая и Тувы в эпоху палеометалла

Каждая историческая эпоха обладает специфическими чертами, находящими своё выражение (в дальнейшем своё место в отечественной или мировой истории) в различных формах материальной, социальной и духовной культуры общества. Исследование древних периодов истории, за неимением письменных источников, основывается, главным образом, на всестороннем изучении, исследовании и анализе археологических источников, что позволяет восстановить основные особенности развития общества в конкретных культурно-исторических условиях. Это относится и к эпохе палеометалла. В этот период широко представлена культура скифо-сибирского мира.

Наиболее богаты произведениями скифо-сибирского изобразительного искусства, всевозможными изделиями бытового и ритуального назначения Алтай, Тува и соседние с ними лесостепные пространства. Этапы развития кочевых племён Алтая и Тувы скифского мира VII-III вв. до н.э. исследованы неравномерно. Некоторые освещены с исключительной полнотой находками в царских и рядовых курганах, другие известны лишь по нескольким памятникам. Рассматриваемый регион незначительно, но всё же экологически различен, но в историко-культурном отношении взаимосвязан на протяжении многих веков.

Кочевые племена Алтая и Тувы VII-III вв. до н.э. входили в единое целое скифского мира. Например, погребальный обряд кочевых племён Алтая и Тувы удивительно схож со скифским обрядом. Главы больших семей (скифов) погребались в курганах, достигавших в высоту 20 метров. В погребальные курганы клали золотые украшения, серебряные и золотые чаши; рядом располагались могилы коней и слуг. Курганы Алтая – Пазырык I [Деревянко, Молодин, 2001] и Тувы – Аржан [Грязнов, 1980, с. 12], представлены почти в таком же раскладе.

Можно предположить, что в эпоху палеометалла уже возникли «товарно-денежные» отношения. Этот факт доказывает серия утвари, найденной в курганах Горного Алтая, датируемых VII-III вв. до н.э. Примером может являться археологический памятник, расположенный в бассейне реки Улаган. Исследования этого памятника проводили в разные годы М.П. Грязнов (1927-1929), С.И. Руденко (1948), С.С. Сорокин, А.И. Илюшин (1965-1966) и многие другие. Обнаружены повозки, предметы вооружения, ковры местной и иранской работы, ткани иранского и китайского происхождения и т.д.

Одним из наиболее значительных достижений кочевых племен Алтая и Тувы VII-III вв. до н.э. явилось создание произведений искусства, выполненных в так называемом «скифо-сибирском зверином стиле». Этот стиль отличается неповторимым видением мира, фантастическим и подчас жестоким, но выраженном в подлинно прекрасных образах. «Звериный стиль» узнаётся сразу, в любом предмете и даже в поразительной по мастерству татуировке на коже умершего три тысячи лет назад мужчины, изображающей всё тех же реальных и фантастических зверей, нанесённых методом накалывания и втирания в кожу красящего вещества. Слово «татуировка» происходит от полинезийского «татау» – рисовать. Обычай наносить на тело татуированные рисунки существовал, по крайней мере, ещё с эпохи раннего неолита [Бонгард-Левин, 2005, с. 30]. Естественно, что татуированные рисунки, нанесённые на тела людей в глубокой древности, редко доходят до наших дней.

В статье Л.Л. Баркова и С.В. Панкова «Татуировки на мумиях из пазырыкских курганов в инфракрасных лучах» исследуется и анализируется рисунок, материал, качество выполнения татуировок при помощи новых технологий (инфракрасными лучами). Ими делается вывод: все рисунки выполнены на очень высоком художественном уровне и являются настоящими произведениями искусства V-III вв. до н.э. [Бонгард-Левин, 2005, с. 41].

В ряде произведений искусства лесостепных кочевников Сибири (бляхи из коллекции Петра I с изображением богатырей и женщины, сидящих под деревом, и двух коней), как показал М.П. Грязнов [1980], нашёл отражение героический богатырский эпос. Это свидетельствует о том, что позднейший героический эпос тюркских и монгольских народов уходит своими корнями в эпоху палеометалла.

Важным источником по истории культуры племён скифского времени Тувы, Алтая, Восточного Казахстана являются петроглифы – древние наскальные изображения [Грач, 1980, с. 161]. Первое место в Центральной Азии и Южной Сибири, как по количеству, так и по разнообразию изображений занимают Овюрские комплексы Тувы – многотысячные скопления петроглифов, грандиозные святилища кочевых племён, посещавшиеся на протяжении многих столетий. Основной сюжет петроглифов – изображения диких животных и сцен охоты. Главное, что побуждало древних художников наносить на скалы эти многочисленные изображения – стремление обеспечить максимальный успех в охоте, являвшейся одним из основных способов добывания пищи.

Выразительными памятниками древнего искусства являются и так называемые «оленные камни» – стелы с изображением оленей (чаще оленей, распластанных в летучем галопе) и других животных, а также предметов скифского времени. Ареал этих памятников – Тува, Монголия и Забайкалье.

Общее сходство материальной культуры, в особенности образцов искусства, в том числе петроглифов, у племён Центральной Азии, Южной Сибири и Средней Азии в это время свидетельствует не только о связях культурного порядка, оно сигнализирует и о движении больших масс кочевников.

Автор книги «Скифы» Б.Н. Граков установил на пространствах Евразии бытование «скифской триады»: оружия, конского убора и звериного стиля. Существует добавление Н.Л. Членовой о том, что сходных компонентов культур «скифского мира» не три, а, по меньшей мере, пять: оружие, конский убор, звериный стиль, бронзовые литые котлы на поддонах, бронзовые зеркала с петелькой на оборотной стороне, так называемая «пентанда» [Членова, 1993, с. 52].

Уместно привести краткое описание сходных компонентов в лесостепных культурах скифского мира:

1. Бронзовые наконечники стрел скифского типа с ромбической и лавролистной головкой двухтрёхлопастные втульчатые. Многие из них снабжены шипом. Такие стрелы распространены в Причерноморье, на Северном Кавказе, в Минусинской котловине и Монголии.

2. Бронзовые удила со стремевидными концами. Они известны в курганах Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Горного Алтая, Тувы.

3. Круглые бронзовые зеркала с бортиком и петелькой на обороте. Распространены по всей территории скифского мира.

4. Бронзовые литые котлы с полушаровидным или параболоидным корпусом на коническом полом поддоне. Они распространены на той же территории.

5. «Скифо-сибирский звериный стиль». Вещи, выполненные в так называемом скифо-сибирском стиле, созданы из самых разнообразных материалов – дерева и кости, рога, бронзы и золота, кожи, меха, войлока. Основное содержание этих произведений искусства – образы животных: неудержимых в беге горных козлов и баранов, благородных оленей, антилоп и косуль, тяжеловесных величественных лосей, быстроногих лошадей и различных, преимущественно кошачьих, хищников, а так же фантастических существ, например, грифонов. Это явление широко распространено.

Подводя итог сказанному, хотелось бы ещё раз заострить внимание на некоторых основных моментах: 1) сходство культур эпохи палеометалла, скифского мира подтверждает однообразие погребального обряда; 2) предметы-находки, погребённые вместе с умершим, подтверждают единство лесостепной, горно-долинной территории скифского мира; 3) сходство техники исполнения различных наскальных изображений, предметов утвари (в курганах); 4) массовое захоронение коней в скифских царских курганах; 5) археологический материал в целом подтверждает связь культур Алтая и Тувы в эпоху палеометалла.

Это и многое другое свидетельствует о культурно-историческом, социально-экономическом и религиозно-идеологическом единстве кочевых племён скифского мира на протяжении VII-III вв. до н.э. Нижнюю дату следует считать условной в связи с развернувшейся дискуссией об удревнении скифской культуры в целом до VIII века до н.э [Бердникова и др., 1991, с. 199].

Литература

Бердникова В.И., Ветров В.М., Лыхин Ю.П. Скифо-сибирский стиль в художественной бронзе Верхней Лены // СА. – 1991. – № 2. – С. 196-205.

Бонгард-Левин Г.М. Вестник истории, литературы, искусства. – М.: Собрание; Наука, 2005. – 460 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 340 с.
Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 64 с.
Деревянко А.П., Молодин В.И. Феномен алтайских мумий. – Новосибирск, 2001. – 300 с.
Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. – 1993. – № 7. – С. 52.

О.С. Андреева
Челябинск, Челябинский государственный педагогический университет

Костяные проколки и шилья среднего и позднего бронзового века в Южном Зауралье

В современной археологической науке существует множество терминов, привычно обозначающих те или иные орудия труда. Но часто разные по своему функциональному назначению предметы объединены под одним термином. Проблема состоит еще и в том, что в последние несколько лет костяные стержневидные предметы многих археологических памятников с использованием трасологического метода не изучались. Следовательно, никто над функциональной принадлежностью изделий из кости всерьез не задумывался. Исследователи не акцентируют свое внимание на различии между костяными проколками и шильями, кочедыками и спицами. Зачастую все эти предметы интерпретируются как шилья либо проколки.

В качестве источников выступили 37 костяных предметов из археологических раскопок поселений бронзового века Южного Зауралья: Устье 1 [Виноградов, 1984], Кулевчи 3 [Виноградов, 1982]; Большая Березовая 2 (Алаева, раскопки 2009), Малая Березовая 4 [Алаева, 2005]; могильник Александро-Невское 1 [Алаева, 2008]. Авторами эти предметы отнесены к категории проколок, шильев, спиц.

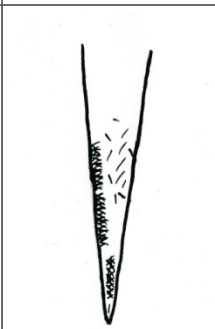
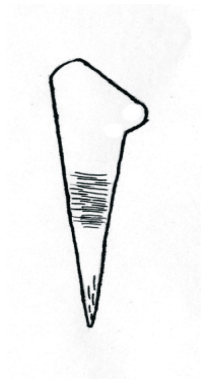
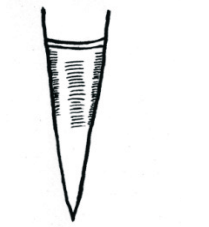
1-я группа. В группе 15 предметов из поселений Кулевчи 3 [Виноградов, 1982] и Устье 1 [Виноградов, 1984]. Длина изделий от 5 до 15,5 см. Ширина острого конца от 0,2 до 0,4 см; ширина рукояти от 0,9 до 2,2 см. Сечение рабочей части круглое или овальное; сечение рукояти овальное или подпрямоугольное. О разделении на рабочую часть и рукоять можно судить только по степени залощенности либо по цвету. Рабочая часть светлее рукояти, но в двух случаях, наоборот, темнее. Концы изделий острые. Их длина не более 0,3 см. Л.И. Смирнова считает принципиально важной особенностью проколок как раз ограничение рабочей части острым кончиком [Смирнова, 2000, с. 238]. Концы изделий залощены интенсивнее, чем рукояти, но большого отличия нет. Следов специальной обработки в области рукояти не имеют. На рабочей поверхности большинства анализируемых изделий обнаружены неглубокие тонкие хаотичные следы (табл. 1). Схожесть следов позволяют нам так же отнести эти изделия к одной функциональной группе. По мнению Г.Ф. Коробковой и Т.А. Шаровской категория предметов относится к шильям [Коробкова, Шаровская, 2001, с. 97].

2-я группа. Ко второй группе отнесено 8 предметов из поселений Устье 1 и Кулевчи 3. Длина изделий от 7 до 12,5 см. Ширина острого конца от 0,1 до 0,5 см; ширина рукояти от 2 до 3,2 см. Изделия заужены с одного конца и сильно расширены с другого. Сечение рабочих частей круглое или овальное, сечение рукояти овальное. Все изделия заполированы или сильно залощены. Рабочая часть от рукояти отделяется большей степенью залощености и более светлым цветом. Рукоять залощена. Концы изделий острые, на трех изделиях острый кончик значительно темнее рабочей части. При трасологическом анализе на концах изделий обнаружены редкие продольные, а на середине – поперечные следы в виде небольших царапинок (табл. 1). В некоторых случаях и продольные и поперечные следы зафиксированы одновременно на одном и том же изделии. Анализируя костяные орудия, Г.Ф. Коробкова и Т.А. Шаровская говорят о принадлежности поперечных и продольных следов шильям [Коробкова, Шаровская, 2001, с. 97].

3-я группа. В группу вошло 14 костяных изделий из поселений Большая Березовая-2 (Алаева, раскопки 2009), Малая Березовая-4 [Алаева, 2005] и могильника Александро Невское-1 [Алаева, 2008]. В отличие от предыдущих групп, эти изделия аккуратные, ровные, похожи на зубья. Все изделия обработаны подрезкой с двух боковых сторон. Длина изделий от 6,5 до 11 см. Изделия из могильника Александро Невское-1 практически одной длины с небольшими различиями в несколько мм, они скомплектованы в один набор [Андреева, 2009, с. 13]. Ширина острого конца от 0,2 до 0,4

см; ширина широкого конца от 0,8 до 1,5 см. Границей между рабочей частью и рукоятью является переход от залощенной поверхности к незалощенной, на 8 изделиях разделение оформлено четкой поперечной линией. Форма сечения рабочей части овальная или круглая, форма сечения рукояти плоская или подпрямоугольная. Концы трех изделий оформлены крючками. Рабочие части изделий имеют сильный блеск, а рукояти изделий лишены блеска. На всех изделиях при исследовании обнаружены очень частые неглубокие, короткие поперечные насечки (табл. 1). Следы чаще всего концентрируются возле перехвата и на середине длины рабочей части изделия.

Таблица 1. Группы следов на костяных заостренных стержнях

№ группы	Схематичный рисунок	Длина следов (см)	Название	Название у других исследователей
1		0,1-0,2	Хаотичные	Шилья (редкие «неравномерно перекрещивающиеся царапинки») [Коробкова, Шаровская, 2001, с. 97]. Группы следов под различными углами. Интерпретация изделий с данными следами затруднительна [Усачук, 1997, с. 175].
2		0,2-0,3	Поперечные и продольные	Следы поступательно-вращательного движения [Усачук, 1997, с. 175]. Поперечные и продольные следы (наиболее распространенные следы для данного вида изделий) [Коробкова, Шаровская, 2001, с. 97].
3		0,1-0,2	Поперечные	Поперечные следы вращения [Усачук, Литвиненко, 1999, с. 207].

Впервые на эту категорию изделий обратил внимание М.П. Грязнов при раскопках поселения Ляпичев хутор в 50-е гг. XX в. Он отметил следы сработанности орудий и применил к ним термин «спицы». Изучая подобные предметы, А.Н. Усачук и Р.А. Литвиненко так же интерпретируют данные изделия как спицы – орудия прядения и ткачества [Усачук, Литвиненко, 1999, с. 206].

Выделение данных изделий в отдельную группу и их изучение позволило нам выделить ряд особенностей, не свойственных двум другим группам.

1. Нахождение этих изделий чаще всего в комплекте.

2. Унифицированность размеров данных зубьев.

3. На рукояти изделий не отмечено следов контакта с кожей рук. Это позволяет нам говорить о дополнительной рукояти – каком-то футляре для зубьев.

4. Особенность следов – очень частые, легкие поперечные насечки. Такие следы могли появиться от процесса чесания.

Проанализировав выбранные костяные предметы, мы можем сделать некоторые выводы. Острые концы и слабая залощенность изделий 1 группы дает нам основание полагать, что это

проколки. Они использовались для проделывания небольших отверстий в тонкой шкуре животных и, возможно, в тканях, т.е. использовались в качестве иглы. Вторую группу предметов мы можем отнести к шильям. Данные орудия нужны были для обработки и изготовления изделий из шкур животных. Сильная «жирная» заполировка так же указывает на контакт изделия с данным материалом. Следы поступательно-вращательного движения говорят о том, что шилом сначала прокалывали отверстие, а потом его доворачивали и вытаскивали. Нахождение поперечных, продольных и хаотичных следов на изделиях первой и второй группы, отнесенных Г.Ф. Коробковой и Т.А. Шаровской к шильям [Коробкова, Шаровская, 2001, с. 97], может говорить о полифункциональности изделий. Изучение 3 группы изделий позволяет отнести эти изделия к составной части костяных чесальных гребней для чесания шерсти. Возможно, основа, в которую вставлялись зубья, была деревянной и не сохранилась.

Литература

Алаева И.П. Отчет об археологических раскопках поселения Малая Березовая–4 в Нагайбакском районе Челябинской области летом 2003 г. В 2-х томах // Архив ЛАИ ЧГПУ. – Челябинск, 2005.

Алаева И.П. Отчет об археологических раскопках могильника Александро-Невский–1 в Нагайбакском районе Челябинской области летом 2008 г. // Архив ЛАИ ЧГПУ. – Челябинск, 2008.

Андреева О.С. Костяные спицы из погребения эпохи поздней бронзы // XLI Международная Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Мат-лы конф. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – С. 12-15.

Виноградов Н.Б. Кулевчи 3 – памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. – М.: Наука, 1982. – Вып. 169. – С. 94-99.

Виноградов Н.Б. Отчет об археологических исследованиях в Челябинской и Курганской областях в 1984 году // Архив ЛАИ ЧГПУ, 1984. – № 84.

Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А. Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным) // Археологические вести. – СПб., 2001. – № 8. – С. 88-98.

Смирнова Л.И. Проколки (хронология и функциональное назначение) // Археологические Вести. – СПб., 2000. – № 7.

Усачук А.Н. Костяной инвентарь поселения срубной культуры у хутора Красный Яр на Дону // Археологический Альманах. – Донецк, 1997. – № 6. – С. 173-180.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. – М., 1999. – С. 204-216. – (Тр. ГИМ. Вып. 109).

И.А. Булавкин
Омск, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

Усть-Шишовский археологический микрорайон в свете изучения раннего железного века Южнотаежного Прииртышья

Изучение раннего железного века и особенно переходного периода от раннего железа к средневековью является одной из самых актуальных проблем западносибирской археологии. Уже не одно десятилетие идет активная разработка этногенетических, социальных, хозяйственных, духовных аспектов жизнедеятельности древних обществ эпохи раннего железного века Западной Сибири, но, как водится, «белых пятен» и разного рода дискуссионных проблем не становится меньше. Причин этому можно найти массу, но мы не будем останавливаться на них всех, поскольку это потребовало бы отдельной специальной работы. Мы остановимся на одном, на наш взгляд немаловажном вопросе.

Вопрос этот касается практики изучения археологических памятников по отдельности, а не в рамках определенного археологического микрорайона. Наиболее вероятно, что экологические условия и хозяйственные традиции эпохи раннего железного века позволяют нам говорить о существовании одного человеческого коллектива в пределах довольно большого микрорайона, как правило, отличающегося ландшафтным и экологическим единством (однообразием). Практика изучения археологических памятников посредством археологического микрорайонирова-

ния довольно перспективна, тем более, что многие исследователи давно успешно ее применяют [Матющенко и др., 2001].

Обратимся к изучению раннего железного века южнотаежного Прииртышья. Долгое время данный регион считался периферией более или менее изученных культурных образований эпохи железа. Он включался в ареал той или иной культуры на основании сходства керамических комплексов, происходивших с памятников южнотаежного Прииртышья с материалами ивановско-баитовской общности, кулайской культуры, новочекинской культуры [Могильников, 1970; Чиндина, 1982; Полосьмак, 1987]. Позднее на основании анализа все тех же керамических комплексов была выделена самостоятельная богочановская культура южнотаежного Прииртышья [Данченко, 1996]. В обобщающей монографии Е.М. Данченко собрал и проанализировал разрозненный археологический материал, накопленный за довольно большой срок различными исследователями, в том числе и самим Е.М. Данченко, в основном, керамический материал. В итоге получилась внешне стройная, основанная на серьезном типологическом анализе керамических комплексов схема развития богочановской культуры раннего железного века. Однако данная схема является отнюдь не непротиворечивой, к тому же основанная на одном анализе керамики кажется несколько однобокой: раскрывая проблему возникновения богочановской культуры, она нисколько не решает вопрос об ее исчезновении. Однако для своего времени данная монография сняла ряд довольно важных и острых дискуссионных проблем.

К сожалению, на данный момент в изучении раннего железного века южнотаежного Прииртышья наблюдается все та же ситуация. По-прежнему остаются не решенными вопросы об исчезновении богочановской культуры и дальнейшей истории южнотаежного Прииртышья, вплоть до возникновения на данной территории потчевашской культуры в V в. н.э. Не изученными остаются многие аспекты жизнедеятельности населения богочановской культуры, особо стоит отметить такие важные вопросы как хозяйство и погребальный обряд.

Исследования археологических микрорайонов, на наш взгляд, позволят наиболее полно изучить древнюю культуру, поскольку вырванные из исторического и природного ландшафта отдельные памятники скрывают от нас много полезной информации.

Для нас одним из приоритетных направлений является исследование Усть-Шишовского археологического микрорайона, локализующегося в Знаменском районе Омской области. Исследование данного района началось довольно давно, первые масштабные раскопки были проведены в 60-е гг. XX в. на памятниках Новоягодное I, Новоягодное II, Большая Пристань [Чагаева, 1966]. В последнее время обнаружены новые памятники Новоягодное Ш, IV, V, VI, VII, ведутся раскопки на ранее известных памятниках Новоягодное П, Зимнее III. Особый интерес представляют многослойные памятники, где представлены материалы раннего железного века (богочановский комплекс) и материалы эпохи раннего средневековья (карымский и потчевашский), такие как Новоягодное П, которые в будущем могут пролить свет на дальнейшую судьбу богочановской культуры, а также однослойное городище Новоягодное IV, давшее уникальный «чистый» журавлевский комплекс керамики.

Актуальным является обнаружение погребальных комплексов раннего железного века и переходного периода к средневековью на территории микрорайона. Это задача осложняется в связи с возможной практикой грунтовых погребений, существовавшей у древнего населения, некоторые доказательства этому приводились ранее [Булавкин, 2007].

Возможно, смена тактики исследования поможет решить многие другие проблемы. Так, изучение археологических микрорайонов должно помочь в изучении хозяйства древнего населения, поскольку исследование разных типов памятников (сезонных поселений, городищ и т.д.) в пределах одного микрорайона позволит проследить всю цепочку сезонных хозяйственных циклов древнего населения.

Литература

Булавкин И.А. Грунтовое погребение начала раннего железного века в Тарском Прииртышье // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. – С. 92-97.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. – 212 с.

Матющенко В.И., Татауров С.Ф, Татаурова Л.В, Тихонов С.С, Толпеко И.В., Жук А.В., Большаник П.В. Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск: Наука, 2001. – 256 с.

Могильников В.А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: Мат-лы совещ. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 172-190.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.

Чагаева А.С. Памятники эпохи железа в Среднем Прииртышье // Из истории города Омска и Омской области. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1966. – С. 118-129.

Чиндина Л.А. Культурные особенности Приобья в эпоху железа // Археология и этнография Приобья. – Томск: Изд-во ТГУ, 1982. – С. 14-22.

М.В. Быкова

Красноярск, Красноярский краевой краеведческий музей

Результаты разведки в Нижнем Приангарье

В ходе разведочных работ Красноярского краеведческого музея (КККМ) под руководством автора в июле 2009 г. на территории Богучанского района Красноярского края при осмотре левобережных террас р. Ангары на участке от д. Пинчуга до д. Манзя было открыто четыре археологических памятника.

Местонахождение Урочище Верхняя Елань (58˚31'32,28" с.ш., 096˚24'29,46" в.д.) расположено на 14-метровой левобережной надпойменной террасе р. Ангары, в 36 км ниже д. Пинчуга. В осыпи руслового вала были собраны фрагменты тонкостенной керамики с орнаментом в виде двух рядов горизонтальных полос, выполненных треугольным орнаментиром в отступающей технике. Край венчика отогнут наружу, с внешней стороны оформлен штампом из длинной тонкой гребёнки.

Местонахождение Перевал Иркинеево (58˚27'42,24" с.ш., 096˚50'56,52" в.д) расположено на 30-метровой надпойменной левобережной террасе р. Ангары, в 10 км ниже д. Пинчуга. В осыпи оврага были найдены отщеп и фрагменты неорнаментированной керамики оранжевого цвета.

Оба местонахождения предварительно отнесены к железному веку.

Поселение Ручей Кичанов-1 (58˚26'05,4" с.ш., 096˚51'33,3" в.д.) расположено на 25-метровой левобережной надпойменной террасе р. Ангары. На правой стороне ручья был разбит шурф 2х2 м. Культурные слои поселения приурочены к аллювиальным накоплениям р. Ангары. В ходе работ выявлены два культурных слоя. Археологический материал был зафиксирован сразу под дёрном в темно-буро-коричневом суглинке на глубине 3-18 см от дневной поверхности. Найдено большое количество железных шлаков, глиняной обмазки с ошлаковкой, глиняное сопло. Керамика слоя представлена фрагментами венчиков от 6 сосудов:

1) фрагмент слабопрофилированного сосуда, орнаментирован горизонтальными наклонно поставленными оттисками, образующих ёлочный мотив;

2) фрагмент профилированного сосуда с утолщением в шейке без орнамента;

3) фрагмент толстостенного сосуда, не профилированного с орнаментом в виде пальцевых вдавлений по внешнему краю, ниже которых фиксируется маленькое сквозное отверстие;

4) фрагмент тонкостенного профилированного сосуда с орнаментом по верхней плоскости венчика, в виде оттисков овальной отступающей лопаточки;

5) фрагмент с налепным рассеченным валиком, над которым пояс округлых ямок. Край венчика прямой, скошен наружу;

6) Фрагмент тонкостенного сосуда без орнамента.

Цвет сосудов светло-коричневый, серый, формовочная масса состоит из глины с примесью песка и дресвы. Так же зафиксированы фрагменты тулова сосудов без орнамента и с обмазочными валиками, фрагмент небольшого глиняного изделия, уплощённая галька (лощило), часть отбойника, отщепы, колотые кости лося и косули.

Второй культурный слой фиксируется на глубине 20-40 см от дневной поверхности в суглинке тёмно-буро-оранжевого цвета. В слое был найден фрагмент толстостенного венчика от закрытого сосуда с орнаментом в виде наклонных линий, как по внешней стороне, так и по внутренней. По верхней плоскости венчика – орнамент в виде овальной отступающей лопаточки. Так же найдены

скол с нуклеуса, фрагменты насада каменных наконечников, пластина с мелкой ретушью, фрагменты неорнаментированной керамики, отщепы и сколы, колотые кости лося.

Оба слоя отнесены к железному веку. На это нам указывает как залегание археологического материала сразу под дёрном, так и сам материал. Присутствие в слое большого количества железных шлаков и сопла, наличие керамики с обмазочным и налепным рассеченным валиком. Керамика с тонким обмазочным валиком характерна для памятников эпохи железа и средневековья на обширной территории таёжной зоны Восточной Сибири. В Приангарье исследователи относят её к железному веку и ко времени V-X вв. н.э. [Васильевский, Бурилов, 1971]. На территории Нижней Ангары аналогичная керамика выявлена на поселении Стрелковском и датируется I тыс. н.э. [Мандрыка, Фокин, 2003]. На Средней Ангаре подобная керамика с поселения Усть-Илим датируется ранним железным веком [Березин, 1990]. На поселении Бобровка Среднего Енисея такая керамика выявлена в 3 культурном слое и датируется второй половиной I тыс. н.э. [Мандрыка и др., 2003]. В Красноярском районе подобная керамика пещеры Еленевой в к.с. II датируется первой половиной I тыс. н.э., а к.с. I – средневековым временем до XII–XIII вв. [Макаров и др., 1992].

На поселении ручей Кичанов-2, расположенном на 7-метровой левобережной надпойменной террасе р. Ангары, на приустьевой левой стороне ручья, был разбит шурф 2х2 м. В ходе работ выделены два культурных слоя. Археологический материал первого слоя был зафиксирован в 20–48 см от дневной поверхности под слоем гумусированной почвы и перекопа в тёмно-буро-черноватой супеси. Археологический материал представлен фрагментом сопла, железными шлаками и губчатым железом, каменным лощилом, керамикой, обломком пластины, костями лося. Керамика представлена фрагментами от трех сосудов.

1. Фрагменты тонкостенного, сильно профилированного сосуда с налепным валиком на шейке. Сосуд от светло-серой до тёмно-серой неравномерной окраски, обжиг костровой. В формовочном тесте отсутствует примесь дресвы.

2. Фрагменты керамики с двумя рядами ямочных вдавлений.

3. Фрагменты керамики с двумя рядами штампа отступающей лопаточки.

Второй слой наблюдается на глубине 70-115 см от дневной поверхности в тёмно-буро-чёрном суглинке. Между слоями прослеживается прослойка из тёмно-бурой супеси. Слой представлен фрагментами толстостенной керамики с оттисками «сетки-плетёнки», фрагментом толстостенной керамики с рядами крупного гребенчатого штампа, пластиной с мелкой ретушью по краю, крупным отщепом с мелкой ретушью по вогнутому краю, отщепами, фрагментами колотых костей марала и косули.

Предварительно первый слой отнесён к железному веку, а второй – к эпохе неолита.

Таким образом, открытые в ходе археологической разведки выше обозначенные памятники имеют культурные слои железного века и неолита. Наиболее перспективными из них для проведения стационарных работ являются Ручей Кичанов-1, 2. Для уточнения их датировки в ближайшее время планируется организовать стационарные раскопки. В свою очередь это обусловлено так же попаданием открытых памятников в зону затопления Мотыгинской ГЭС.

Литература

Березин Д.Ю. Визуальная характеристика керамики поселения Усть-Илим // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск, Наука, 1990. – С. 18-38.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В. Археологические исследования в 1968 году в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции.– Новосибирск: Наука, 1971. – С. 202-284.

Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д., Ямских А.Ф., Ямских Г.Ф., Орлова Л.А., Назаров В.И., Цепкин Е.А., Чхиквадзе В.М. Пещера Еленева – многослойный голоценовый археологический памятник на Среднем Енисее // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – Т. 1. – С. 110-120.

Мандрыка П.В., Фокин С.М. Поселение Стрелковское–1 – новый многослойный памятник в нижнем течении реки Ангары // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск, 2003. – С. 92–98.

Мандрыка П.В., Ямских А.А., Орлова Л.А., Ямских Г.Ю., Гольева А.А. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2003. – 138 с.

Е.А. Вишневский
Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

Технология производства костяных наконечников стрел в эпоху поздней бронзы – раннего железа

Технология производства костяных наконечников стрел является одной из устойчивых производственных и культурных традиций древности. Обработка кости как вид деятельности возникает уже в нижнем палеолите и существует до настоящего времени. В каждую новую эпоху косторезное дело имело свои особенности, обусловленные уровнем мастерства, орудиями производства и сферой применения костяных орудий. В более поздние эпохи культурные контакты становятся интенсивнее, растет необходимость в вооружении, ускоряется обмен технологиями. Цель настоящей работы – выявление особенностей производства костяных наконечников в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Этот период представляет особый интерес, т.к. на его материале можно проследить, как освоение нового материала (железа) повлияло на развитие технологии изготовления наконечников стрел. По мнению А.К. Филиппова: «технические реконструкции представляют большой интерес не только для воссоздания хозяйственной жизни людей, но и для выяснения закономерностей в развитии форм вещей» [Филиппов, 1978, с. 32].

Изучением данного вопроса занимались многие исследователи с начала XX в. Б.Н. Граков, А.Х. Маргулан, О.А. Вишневская, А.М. Кулемзин, И.В. Калинина, А.П. Бородовский, Д.В. Папин, А.Б. Шамшин, Д.В. Кирюшин [Граков, 1930; Маргулан, 1966; Вишневская, 1976; Кулемзин, 1976; Калинина, 1992; Бородовский, 1997, 2008; Папин, Шамшин, 2005]. На материале различных культур была проведена классификация и статистическое исследование основных параметров металлических и костяных наконечников стрел эпохи поздней бронзы – раннего железа. Наконечники стрел на широком общеевразийском пространстве последовательно прошли одни и те же этапы развития и смены форм: от плоских и ромбических (VII-VI вв. до н.э.) к трехгранным, трехгранно-трехлопастным и четырехгранным (VI-V вв. до н.э.) [Вишневская, 1976; Кулемзин, 1976; Маргулан, 1966]. По вопросу о взаимодействии форм костяных и металлических наконечников стрел существует несколько мнений: костяные наконечники являются прототипами бронзовых [Кирюшин, Тишкин, 1997; Смирнов, 1961], костяные наконечники подражают наконечникам из бронзы [Кулемзин, 1973], косторезная продукция в эпоху раннего железа дублирует предметы из металлов, часто имея очень сходные формы, но возможны были и обратные процессы [Бородовский, 1997]. Однако, все исследователи исходят из того, что существовало сходство форм наконечников из металла и кости.

На технологию производства костяных наконечников оказывал влияние материал орудий производства: появление орудий с более высокими техническими качествами существенно изменило характер обработки косторезной продукции. Шабрение железным ножом становится основным технологическим приемом при оформлении поверхностей из кости и рога вместо пиления и резания в эпоху бронзы. Кроме того, в эпоху поздней бронзы – раннего железа появляется предварительная разметка контуров шипов на заготовках костяных наконечников, что является признаком высокого уровня технологии косторезного производства [Бородовский, 1997]. Разметка шипов представлена на большереченских наконечниках из Каргата-4, заготовке наконечника из Завьялово-2. Однако чаще всего подрезка шипов велась без предварительной разметки [Бородовский, 1997, с. 192, табл. 31]. Также, отражением высокого уровня технологии является возникновение приема первостепенной обработки пера наконечника, который позволял добиться более высокой точности в оформлении граней пера и шипов наконечника по сравнению с методом параллельной обработки пера и насада. Наконечники, изготовленные с такой последовательностью, представлены в материалах целого ряда памятников эпохи раннего железа (Быстровка-1, курган 15, погребение 3; курган 4, погребение 3; курган 11; Каменный мыс-1, курган 12, погребение 1; Новочекино-2; Денисова пещера) [Бородовский, 1997, с. 59-60, рис. 5]. Возникновение этой технологии стало возможно благодаря более высокой твердости железных орудий по сравнению с бронзовыми. Начало ее формирования можно увидеть на примере наконечника стрелы из Чичи-1, насад которого выполнен не на широкой стороне пера, а на приостренных боковых гранях [Бородовский, 2009, с. 183, рис. 11]. На поселении Мыльниково в переходный период от эпохи бронзы к раннему железу

отмечено появление наконечников с прямоугольным переходом от пера к насаду [Папин, Шамшин, 2005, с. 38, рис. 12].

Новые методы изготовления наконечников не вытесняли полностью старых, продолжали существовать архаичные способы обработки кости, такие как резцовая техника и техника обивки, что отражает традиционность древнего косторезного дела [Бородовский, 1997].

Подтверждением данных выводов является экспериментальная реконструкция алгоритма производства костяных наконечников. Экспериментальное изготовление моделей трехгранных и ромбических наконечников с применением алгоритма первостепенной обработки пера позволило добиться четкости в оформлении граней, кроме того, опыт изготовления наконечников малого размера показал, что вырезание глубоких шипов требует предварительной их разметки.

В переходный период от эпохи поздней бронзы к раннему железу производство костяных наконечников стрел получает характерные особенности, позволяющие говорить о повышении технологического уровня косторезного производства. Высокая твердость железа привела к преобладанию такого приема обработки поверхности как шабрение, способствовала возникновению условий для появления технологии первостепенной обработки пера наконечника. О повышении уровня технологии косторезного производства в эпоху поздней бронзы – раннего железа говорит и распространение предварительной разметки при изготовлении шипов наконечника [Бородовский, 1997].

В целом, мы можем сделать вывод о комплексном влиянии нового материала (железа) на весь цикл производства костяных наконечников стрел в начале I тыс. до н.э.

Литература

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Бородовский А.П. Методика исследования древнего косторезного производства. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. – 102 с.

Бородовский А.П. Обработка кости и рога на городище Чича-1 // Чича – гордище переходного времени от бронзы к железу в Барабинской лесостепи. – Новосибирск; Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Гл. 11. – С. 177-196.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. – М.: Наука, 1976. – 160 с.

Граков Б.Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов // Труды секции археологии РАНИОН. – 1930. – Вып. 5. – С. 70-89.

Калинина И.В. Принципы функциональной классификации костяных наконечников стрел // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1992. – Ч. 2. – С. 12-16.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997. – Ч. I: Культура населения в раннескифское время. – 232 с.

Кулемзин А.М. История вооружения и военного дела племен тагарской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1973. – 27 с.

Кулемзин А.М. Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово, 1976. – С. 43-56.

Маргулан А.Х. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское приобье в переходное время от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 200 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. – 1961. – № 101. – 162 с.

Филиппов А.К. Технология производства костяных наконечников стрел в верхнем палеолите // СА. – 1978. – № 2. – С. 23-32.

Е.А. Газизов
Якутск, Центр арктической археологии и палеоэкологии человека АН РС(Я)

Находки боевого колюще-рубящего оружия эпохи бронзы на территории Якутии

Началу изучения эпохи в Якутии положил А.П. Окладников в 40-х гг. XX в. [Окладников, 1955]. Усть-мильская культура эпохи бронзы на территории Якутии выделена Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой в 60-е гг. XX в. Наиболее полные материалы из бассейнов Алдана и Олекмы были опубликованы в работе «Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы» [Мочанов и др., 1983], а из бассейна Вилюя – «Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека» [Мочанов и др., 1991]. Всего за полвека археологами было найдено около 20 предметов из бронзы. Большую часть из них составляло оружие боевого назначения, которое можно классифицировать на три типа: кинжалы и ножи, мечи и наконечники копий.

Кинжалов и ножей найдено 6 предметов. Среди них выделяется усть-мильский коленчатый нож из II слоя многослойной стоянки Усть-Миль I вместе с индикатором культуры – тонкостенной гладкостенной керамикой с налепными валиками [Федосеева, 1970]. Это единственное бронзовое изделие, которое хронологически относится к усть-мильской культуре эпохи бронзы. Подобные ножи часто встречаются в Забайкалье и в Хакасско-Минусинской котловине [Членова, 1972]. Их объединяет характерное крепление рукояти к клинку, образующее «колено». Сюда же можно включить и ножи из I культурного слоя многослойной стоянки Хатынгнах II и Сюлюдюкар бассейна Вилюя. Слегка изогнутая форма и отверстие на основании дает повод предположить, что данные ножи также были коленчатыми. В 2006 г. в Хангаласском районе Якутии был найден бронзовый кинжал. В отличие от других кинжалов и ножей, ранее найденных в Якутии, рукоять этого кинжала полая и имеет три прямоугольных отверстия. Именно такое исполнение рукоятей встречается и в Хакасско-Минусинской котловине [Членова, 1972].

В одной из частных коллекций хранится необычный кинжал. Имея обоюдоострый клинок, у этого кинжала была изогнута рукоять. На рукояти нанесен орнамент в виде поперечных полос. Навершие кинжала выполнено в виде пряжки. Такое же исполнение рукояти и навершия встречается среди археологических находок Северного Китая и Енисея [Членова, 1972].

Мечей известно 4 предмета, но один из них, сильгумджинский, давно утерян и сохранился лишь его рисунок. Два изделия из данного типа – укуланский и сэндэлинский мечи, по исполнению практически идентичны. Форма клинка обоих мечей листовидная. На клинках имеется округлый стержень – ребро жесткости. Рукояти ребристые и оканчиваются треугольными навершиями. Как считал А.П. Окладников, подобные изделия встречаются в Северном Китае [Окладников, 1955], а вслед за ним В.И. Эртюков [1990] находит аналоги подобным мечам в Корее. Хоту-туулаахский меч В.Г. Борисов отнес к ножам карасукской культуры [1961]. Действительно, навершие в виде кольца и зигзагообразный рисунок на рукояти свидетельствует о сходстве этого изделия с ножами карасукцев.

Наконечники копий представлены четырьмя предметами разной степени сохранности. Два наконечника копий с р. Марха бассейна Вилюя и один – с р. Нотора бассейна Алдана типологически сходны друг с другом. Их также объединяет орнамент в виде треугольников на втулке. Подобный орнамент встречается на орудиях карасукской культуры. Несмотря на сходство формы изделий и орнаментов на них, они резко различаются по химическому составу: копья с Мархи состоят из мышьяковистой бронзы, а копье с Ноторы – из оловянистой [Лескова, Федосеева, 1975]. В эпоху ранней бронзы карасукской культуры бронзовые предметы изготовлялись из мышьяковистой бронзы. К ним можно отнести и копье с реки Марха. А копье с реки Нотора относится, скорее всего, к эпохе «классической» бронзы.

Бронзовый наконечник из частной коллекции выделяется среди остальных копий своей вытянутой формой. На наконечнике имеется валик-упор при переходе насада в острие. Похожие валики-упоры встречаются на кинжалах «киммерийского» типа, которые имеют хождение на территории лесостепного Алтая [Кирюшин и др., 1999].

Большинство предметов по орнаменту, форме рукояти и клинка близки аналогам оружия, найденного в Хакасско-Минусинской котловине. Их объединяет характерная ребристая рукоять, орнаментация в виде треугольников, небольшие выступы на месте гарды и клинки листовидной фор-

мы. Лишь укуланский и сэнделинский мечи резко отличаются от остальных изделий, вероятно, в силу своего более южного происхождения из Кореи и Северного Китая.

Анализ типов бронзовых изделий с территории Якутии и сопоставление их с экземплярами бронзового боевого колюще-рубящего оружия из других регионов Сибири и Дальнего Востока свидетельствует о наиболее близком сходстве их с карасукскими экземплярами Южной Сибири. Но это является, с нашей точки зрения, лишь культурным заимствованием элементов формы и орнаментальных сюжетов из развитого центра бронзовой металлургии. Состав бронзы и неполная идентичность форм и орнаментов, наряду с богатыми сырьевыми источниками меди и других полиметаллов свидетельствует о местном происхождении боевых колюще-рубящих кинжалов, ножей, мечей и наконечников копий.

Небольшие по количеству предметов коллекции являются следствием слабой археологической изученности территории Якутии, связанной с ее малонаселенностью и хозяйственной неосвоенностью.

Литература

Борисов В.Г. Меч и копье из Якутии // СА. – 1961. – № 2. – С. 239-241.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Рублево VI – новое поселение эпохи поздней бронзы в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1999. – С. 380-385.

Лескова И.В., Федосеева С.А. Химический состав бронзовых изделий усть-мильской культуры // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск, 1975. – С. 100-105.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы. – Новосибирск, 1983. – 392 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г. Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. – М., 1991. – 224 с.

Окладников А.П. История Якутской АССР. – М.; Л., 1955. – Т. I. -432 с.

Федосеева С.А. Эпоха бронзы на Алдане // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск, 1970. – С. 303-313.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М., 1990. – 152 с.

А.Х. Гильмитдинова

Челябинск, Южно-Уральский государственный университет

Детские погребения могильника Кичигино I (Южный Урал)

Представление о возрасте является очень древним и присутствует в любом обществе. По всей видимости, все народы различали и фиксировали в своих социальных отношениях этапы детства, юности, взрослости и старости.

Возраст, также как и пол, кодировался в погребальной символике, сохраняя основные статусные характеристики умершего в социальной структуре. Что касается класса детей и класса взрослых, то дети, ещё не ставшие полноправными членами общества, соответствующим образом обозначались в культуре как в области обыденного, так и в области сакрального. Иными словами, основные знаки, маркирующие класс взрослых, не применялись для класса детей, и это правило прослеживалось практически во всех сферах жизни, включая её последний этап – процесс погребения [Усманова, 2005].

Дети являлись наиболее многочисленной общественной категорией в древности, поэтому изучение древних обществ невозможно без изучения детей. Тем не менее, дети крайне редко оказываются предметом специальных исследований, что обусловливает актуальность данной работы. Особенно мало внимания обращается на детские погребения савроматского времени из-за их чрезвычайной редкости.

Данное исследование посвящено изучению детских погребений ранних кочевников Южного Урала (VI-V вв. до н.э.), обнаруженных в могильнике Кичигино 1.

Могильник расположен на северном берегу Южноуральского водохранилища (левый берег реки Увелька) в 1,5 км к ЗСЗ от с. Кичигино. В 1951 г. курганная группа у с. Кичигино впервые была подробно описана К.В. Сальниковым [Сальников, 1951]. В 2005 г. курганы были переобследованы М.Л. Плешановым [Плешанов, 2006]. В 2006 г. на могильнике начаты охранные работы, связанные с сильной распашкой насыпей курганов. В ходе полевых сезонов 2006-2008 гг. были исследованы курганы 1, 2, 3 и 5 [Боталов, 2007; 2008].

Летом 2009 г. в кургане 4 были найдены три детских погребения савроматского времени (VI-V вв.) (№ 1, 3, 5). Кроме детских погребений здесь также исследованы пустая яма и одно взрослое парное погребение (№ 4).

Курган 4 расположен в центральной части западной группы курганов могильника. Форма его насыпи округлая диаметром 28 м и высотой 1,4 м. Насыпь грунтовая, хорошо задернованная, не распахивалась, на ней находится знак ГГС.

Детские погребения располагались на периферии кургана под его южной полой у границы насыпи. Могильные ямы 1 и 3 были ориентированы по линии СВ-ЮЗ и имели относительно небольшие размеры и глубину. Могильная яма 5, также неглубокая, имела большие размеры (105х180 см) и несколько отличающуюся ориентировку СЗЗ-ЮВВ. Инвентарь не слишком разнообразен. В заполнении могильной ямы 1 на уровне материка найден бронзовый браслет. Это захоронение сильно повреждено норами грызунов. В могиле 3 у ног погребенного находился небольшой сосуд, у СВ стенки – кости животного. Могила 5 не содержала сохранившегося инвентаря.

На основании анализа полученных данных можно сделать следующие выводы:

– детские погребения савроматского времени единичны, что делает кичигинские находки особенно ценными;

– дети погребались согласно общему с взрослыми обряду: были ориентированы головой в западном направлении, уложены вытянуто на спине, в двух случаях сопровождены погребальным инвентаре;

– однако, в отличие от взрослых погребений, детские сопровождались скромным инвентарём, или его вообще не было.

Таким образом, можно заключить, что некоторых детей в савроматском обществе хоронили в соответствии с общими канонами, но по упрощенной схеме. Возможно, это объясняется особым статусом их семей. Основное же количество детей, по-видимому, погребалось согласно ритуалам, не оставившим археологически видимых следов. Безусловно, детские погребения требуют внимания учёных и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Литература

Боталов С.Г. Отчет об охранных археологических исследованиях курганного могильника Кичигино I в Увельском районе Челябинской области в 2006 году. – Челябинск, 2007.

Боталов С.Г. Отчет об охранных археологических исследованиях курганного могильника Кичигино I в Увельском районе Челябинской области в 2007 году. – Челябинск, 2008.

Плешанов М.Л. Отчет об археологической разведке в районе с. Новобаландино и с. Кичигино в Челябинской области в 2005 году. – Челябинск, 2006.

Сальников К.В., Кипарисова Н.П. Отчет об археологических исследованиях по р. Увелька от г. Троицка до истоков; по р. Миасс от оз. Тургояк до г. Челябинска в 1951. – Чел., 1952.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский: факты и параллели. – Караганда; Лисаковск, 2005. – 232 с.

И.Ю. Гребенников
Барнаул, Алтайский государственный университет

Лошадь как объект изучения культуры Алтая скифо-сакского времени*

Вопрос о значении лошади в хозяйственной деятельности населения Алтая аржано-маэмирского времени уже был предметом исследования. В результате показано, что в данный период сформировался яйлажно-горнодолинный тип скотоводства, основу которого составляло табунное коневодство со сложившимися определенными традициями разведения и использования животных, являющихся гарантией существования людей [Тишкин, 1996, с. 61].

Материалы раскопок погребальных и поселенческих комплексов свидетельствуют о том, что лошадь также играла ведущую роль в хозяйстве «пазырыкцев». При этом в северной (увлажненной) зоне Алтая процент костей лошадей на памятниках гораздо выше, чем в южной [Гальченко, Шульга, 1992, с. 94]. В эпоху раннего железа, как свидетельствуют письменные источники, коней использовали как верховое и тягловое животное, а также выращивали для получения продуктов питания и сырья для изготовления различных предметов [Бичурин, 1950, с. 125]. Данное положение находит подтверждение и среди археологических данных.

Наличие разного числа лошадей в могиле обусловлено социальным и имущественным положением умершего человека в обществе. Показателем прижизненного статуса погребенного является наличие в могилах более породистых коней. Изменение количества лошадей в захоронениях в определенные периоды связано с конкретными историческими событиями, а также с динамикой климатических условий, демографическими процессами и другими факторами [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 150].

Было установлено, что для погребений лошадей в скифо-сакское время специально отбирали. Критериями служили пол (только самцы), возраст (неестественно низкая доля молодых особей) и, в ряде случаев, – конституция (отбирались породистые особи). При этом отбор лошадей для использования в погребальном обряде населения пазырыкской культуры был различным [Косинцев, 2008, с. 139-140]. Судя по анализам остеологических материалов, аналогичными параметрами, вероятно, руководствовалось население, оставившее могильники Ханкаринский дол (раскопки П.К. Дашковского) и Чобурак-II (раскопки В.П. Семибратова). Кроме того, на костях фиксируются пороки, которые также могли послужить причиной забоя. Так, например, установлено, что у лошади из Чобурака-II (курган № 2) произошло срастание поясничных позвонков (вероятно, последствия тяжелых нагрузок), а кони из памятника Ханкаринский дол (курганы №№ 4 и 7) имели болезнь заплюсневого сустава (определения сотрудника УрО РАН Д.А. Явшевой).

Погребение только самцов могло быть вызвано различными причинами. Во-первых, в процессе производства они играли не самую важную роль, а наносили даже вред при совместном содержании лошадей различных половых и возрастных групп, так как становилась распространенным случка молодых кобылок, дававших затем недоразвитый приплод, позднее погибавший [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 101]. Во-вторых, влиянием социальной и половозрастной дифференциации древнего общества. Весьма важным оказалось установление факта захоронения в «царских» курганах меринов. Это можно объяснить основным занятием населения (пастушеским скотоводством), свободным выпасом косяков лошадей, при котором кобылицы, а тем более жеребцы являются малопригодными верховыми животными. Этнографические наблюдения показали, что жеребцами и кобылами для верховой езды пользовались в случае нужды лишь бедные, а зажиточные скотоводы ездили верхом исключительно на меринах [Руденко, 1952, с. 33].

Одной из важных характеристик погребального обряда населения пазырыкской культуры является ритуальное умерщвление коней перед захоронением. Убивали животных нанесением черепно-мозговой травмы острым оружием (чеканом/клевцом) в лобную или теменную кости черепа. Выбор места нанесения удара является неслучайным. В результате травмы наступает на-

** Работа выполнена при финансовой поддержки федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1.-301-072-016)*

рушение функций многих жизненно важных центров и проводящих путей головного мозга, развивается травматический шок, массированные кровоизлияния и кровотечения, что приводит к смертельному исходу. Кроме быстрого умерщвления, преимуществом данного способа является более продолжительное трупное окоченение [Кашкинбаев, Самашев, 2005, с. 64]. Вероятно, опытные люди того времени знали эти свойства и осознанно выбирали место для удара.

Нами были зафиксированы следы специального умерщвления лошадей из памятника Ханкаринский дол и Чобурак-II. Все они довольно схожи с описанными в литературе: небольшое округлое отверстие в области мозгового отдела черепа. Сегодня сложно говорить о статусном уровне ритуального умерщвления и рассматривать его как маркер социального характера. Однако далеко не все лошади были убиты ударом в мозговой отдел черепа, что подтверждаются материалы из памятников Ханкаринский Дол, Чобурак-II, а также Курай-III, VI [Цалкин, 1952, рис. 1]. Скорее всего, воздействия на животных не отразились на костях, поэтому их выявление сегодня не представляется возможным. К примеру, Геродот писал, что скифы душили жертвенных животных перед захоронением [Геродот, 1999, с. 253-258].

Лошади из «царских» курганов не имели никаких сбитостей и других получаемых при работе повреждений, что говорит о содержании их в табуне без эксплуатации для употребления в пищу или для ритуальных жертвоприношений [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 102]. Некоторая упитанность ряда лошадей из Пазырыка, а также отсутствие следов голодовки на роговых башмаках копыт позволили В.О. Витту [1952, с. 168] предположить, что их подкармливали в зимний период и содержали под навесами. Все это свидетельствует о дополнительном уходе за лошадьми, которых клали в могилы.

В скифо-сакское время население Алтая занималось скотоводством, ведущая роль в котором принадлежала коневодству. Было выработано особое отношение к лошадям, которое нашло отражение в мировоззренческих представлениях населения. Фиксация данных представлений может быть осуществлена на основе комплексного изучения материалов погребений VIII-III вв. до н.э.. При данном подходе необходимо исследовать не только погребальный обряд и инвентарь, но и остеологические материалы, изучаемые специальными методами.

Литература

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. I. - 384 с.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. – 1952. - № 16. - С. 165-179.

Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных останков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. - Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ин-та, 1992. – С. 94-106.

Геродот. История: в 9-ти кн. / Пер. Г.А. Стратановского. - М.: Ладомир, ООО «Фирма «Изд-во АСТ»», 1999. - 752 с.

Кашкинбаев К., Самашев З. Лошади древних кочевников Алтая. - Алматы: Б.и., 2005. - 129 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – Ч. I: Культура населения в раннескифское время. - 232 с.

Косинцев П.А. Лошади Алтая в скифо-сакское время // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. - Барнаул: Азбука, 2008. – С. 137-140.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 266 с.

Тишкин А.А. Характеристика основного направления хозяйственной деятельности населения раннескифского времени Горного Алтая // Актуальные проблемы сибирской археологии: Тез. науч. конф. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. - С. 57-61.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 430 с.

Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // Материалы и исследования по археологии СССР. - 1952. – № 24. - С. 147-156.

В.А. Гулевская
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Одонтологические особенности населения тагарской культуры

При реконструкции жизни древних народов историки обращаются к смежным наукам для получения более обширных и полных сведений об изучаемом предмете. В настоящей работе мы обратились к одному из разделов антропологии – одонтологии, области знания, изучающей зубную систему человека. Интерес к ней возрастает по мере того, как укрепляется убеждение в перспективности применения одонтологического материала в этнической истории. Одонтологический материал – это важный источник информации о формировании и развитии человеческих популяций. Разнообразная морфология зубной системы человека обеспечивает исследователю богатые возможности для анализа процесса развития древних групп человека. В силу физиологической независимости размеров лицевого скелета и особенностей строения зубов одонтологическая программа дает вполне самостоятельные сведения об антропологических особенностях той или иной популяции. В последнее время такое направление в антропологии становится все более актуальным благодаря разработанным и принятым методикам работы с одонтологическим материалом (это методики А.А. Зубова и К. Тернера), накоплению опыта и расширению объема материала, введенного в научный оборот. На современном этапе развития антропологической науки можно с уверенностью опираться на одонтологические данные для получения сведений о древних миграциях и характере генетических взаимоотношений населения разных эпох.

Объектом исследования стал одонтологический материал населения тагарской культуры. Палеоантропологическая коллекция была составлена из 10 могильников. В общем, был обработан одонтологический материал 100 индивидуумов.

Программа исследования включила измерительные и описательные показатели. При оценке признаков использовались методические рекомендации, изложенные в работах А.А. Зубова [1968]. общепринятые для русских исследователей. По одонтометрической методике были вычислены площадь, или массивность коронки, также вычислено среднее отклонение по выборке.

Классическая часть одонтологии – описательная программа, включила14 нормально варьирующих признаков зубо-челюстного аппарата. Во-первых, это довольно стабильные во времени и потому имеющие большое расово-диагностическое значение признаки: форма лингвальной поверхности резцов, дистальный гребень тригонида, коленчатая складка метаконида, tami, протостилид, торусы нижней и верхней челюстей, межкорневой затек эмали на первых и вторых малярах; и, во-вторых, признаки, подверженные эпохальным изменениям и связанные с процессами редукции и дифференциации: гиподонтия, диастема, краудинг, форма прикуса, форма верхних и нижних моляров, бугорок Карабелли, скученность.

Проведенное исследование может помочь в решении некоторых важных расогенетических вопросов. Во-первых, он свидетельствует о том, что население тагарской культуры входило в ареал южного грацильного типа. Во-вторых, что тагарская культура, наряду с культурами раннего железного века Туркменистана и Приаралья, расширяет ареал южного грацильного типа (Кавказ – Индия), который в расово-соматологическом отношении, как правило, сопряжен с южноевропеоидными комплексами черт (индо-средиземноморской расы). В-третьих, данный материал помогает понять генезис восточных по отношению к современному этно-территориальному одонтологическому материалу признаков в составе южного европеоидного грацильного типа. Глубокая древность этого типа и генетическая связь его с южными территориями говорит, на наш взгляд, о том, что характерные для него восточные признаки не являются результатом примеси монголоидных вариантов. В соответствии с концепцией двух стволов А.А. Зубова [1973], здесь можно видеть наследие одного из ранних этапов расообразования, которому были присущи именно восточные, а не монголоидные в современном их выражении элементы. Для этих древних восточных элементов характерна ощутимая доля экваториальных особенностей, в современном населении представленного, в частности, веддоидным расовым вариантом. Таким образом, мы склоняемся к мысли, что небольшое повышение частоты восточных маркеров у тагарского населения отражает наследие гораздо более ранних эпох, чем местный монголоидный субстрат, повлиявший на одонтотип окуневской и карасукской культур.

Афанасьевское население, ранее считавшееся родственным тагарскому [Мартынов, Алексеев, 1986], расходится с последним по одонтотипу, который у афанасьевцев является северным массивным (макродонтным) европеоидным вариантом. Таким образом, в предшествующее эпохе раннего железа время в Минусинской котловине и сопредельных территориях не находится антропологического субстрата, на основе которого мог бы сформироваться одонтологический тип тагарского населения.

Межгрупповой анализ выявил сходство тагарской серии с современной серией из Дагестана и древними сериями восточного Прикаспия и западного Приаралья, джетыасарской и савроматсокй культурами [Зубов, 1973; Рыкушина, 1993; Аксянова, 2002]. Это можно рассматривать как аргумент, что тагарское население связано в своем происхождении с населением юго-западных территорий Центральной Азии или северо-восточных Средней Азии.

Литература

Аксянова Г.А., Гельдыева Г. Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. – М.: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2.

Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 200 с.

Зубов А.А. Этническая одонтология. – М.: Наука, 1973. – 202 с.

Зубов А.А., **Халдеева Н.И.** Одонтология в антропофенетике. – М.: Наука, 1993. – 222 с.

Мартынов В.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово: КГУ, 1986.

Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика населения карасукской культуры // ВА. – 1977. – Вып. 57. – С. 143-154.

А.А. Дёмина

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Керамический комплекс Быстровского некрополя как источник о культурных связях населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа

Керамический комплекс является важным археологическим источником, который отражает этнокультурную принадлежность создавшего его населения.

Результаты исследования построены на морфологическом и частичном технологическом анализах материалов коллекций Быстровского некрополя и носят предварительный характер.

Курганный могильник Быстровка 1,2,3, оставленный населением раннего железного века Верхнего Приобья, имеет многокомпонентную структуру, отдельные части которой можно соотнести с определёнными культурными традициями. Некрополь расположен на правом берегу р. Обь в Искитимском районе Новосибирской области на окраине с. Быстровка (в 90 км к юго-востоку от г. Новосибирска). Всего в курганном могильнике Быстровка-1,2,3 известно 290 сосудов. Это одна из самых крупных керамических серий из погребальных комплексов Новосибирского Приобья эпохи раннего железа. Общее количество сосудов в коллекциях: Быстровка-1 – 88, Быстровка-2 – 141, Быстровка-3 – 61 [Бородовский, 2009; Кротова, 2009].

Основные характеристики керамики (состав теста; способ конструирования сосуда и обработки поверхности; форма сосуда и его орнаментация) будут иметь разную степень информативности для поставленного вопроса. Способ обработки поверхности наиболее быстро меняется при попадании населения в другую среду. Состав теста керамики зависит от природных условий, доступных ресурсов. Эти признаки являются неустойчивыми и основными критериями для выделения керамической посуды, свидетельствующей о культурных связях, являться не могут. Наиболее информативными, в данном случае, оказываются орнаментация и форма сосудов – как устойчивые во времени признаки [Бобринский, 1978].

Культурные связи населения Верхнего Приобья раннего железного века распространялись на западные (саргатская культура), северные (кулайская культура) и южные территории (саки Казах-

стана, пазырыкская культура Горного Алтая). Эти связи представлены в керамическом комплексе.

На основании особенностей орнаментации и морфологических свойств керамики можно выделить несколько групп сосудов, представленных в некрополе (табл. 1).

1. Сосуды, встречающиеся на южных, юго-восточных территориях: Северный Алтай, Средняя Азия, Казахстан (саки, усуни), Тува:

а) круглодонные высокие кувшинчики с неорнаментированной поверхностью, либо с поверхностью, орнаментированной имитацией швов на кожаных сосудах; у некоторых из них на дне имеется вдавление;

б) сосуды прочих форм: кувшинчики с поддоном; стаканы; глиняные имитации роговых поилок младенцев [Бородовский, 2002]; форма, близкая деревянным сосудам-бочонкам из Тувы [Троицкая, Бородовский, 1994].

2. Сосуды, связанные с западными территориями:

а) собственно саргатские сосуды: круглодонные, реже плоскодонные сосуды с орнаментацией в виде ёлочки; беспорядочных ямок; фестоны в виде заштрихованных треугольников; наклонные линии, покрывающие всю поверхность сосудов;

б) выполненные в саргатской манере.

3. Сосуды, свидетельствующие о связях с северными территориями:

а) кулайские (сосуды с орнаментом в виде уточки; вертикальным расположением орнамента; ямками, расположенными группами);

б) выполненные в кулайской манере (кулайские черты перенесены на сосуды традиционно большереченских форм).

Сосудов, свидетельствующих о культурных связях, выделено 47. Быстровка-1 – 22, Быстровка-2 – 10, Быстровка-3 – 15. Преобладают сосуды, свидетельствующие о южных связях. Их количество велико во всех трёх памятниках, что подтверждает тезис о доминировании и устойчивости культурных связей населения Верхнего Приобья на всём протяжении раннего железного века с саками Тянь-Шаня, Юго-Восточного Казахстана, населением Северного Алтая, Синьцзяна.

Второй по численности является группа сосудов, свидетельствующих о западных связях с населением саргатской культуры. Количество таких сосудов увеличивается в памятниках Быстровка-2,3 по сравнению с Быстровкой-1. Что говорит о наличии связей с западными территориями ещё с V-III вв. до н.э., а в III-II вв. до н.э. присутствие саргатских элементов в материальной культуре и погребальном обряде населения березовского этапа в Приобье начинает значительно увеличиваться [Бородовский, 2002].

Сосуды кулайские и выполненные в кулайской манере встречаются на памятниках Быстровка-2,3, в отличие от Быстровки-1. Что подтверждает теорию об активной миграции кулайских племён на территорию проживания населения берёзовского этапа большереченской культуры в последней трети I тыс. до н.э., и ассимиляции кулайских племён большереченцами. В III-II вв. до н.э. под влиянием саргатской культуры появляются кувшины с яйцевидным туловом и приострённым дном. Этот элемент прослеживается на керамике кулайского типа, что говорит о влиянии саргатцев на лесное и лесостепное население юга Западной Сибири [Бородовский, 2009].

Состав теста (технологические свойства) не является основным признаком для определения культурной принадлежности керамики. В случае, когда оба материала для формовочной массы (в данном случае песок, дресва и шамот) доступны на одной территории, этот критерий может использоваться как дополнительный для подтверждения имеющихся данных.

Две традиции производства керамики были выявлены при проведении анализа физико-химических свойств (выполненного В.А. Борисовым) глиняной посуды из курганов Быстровки-2 с радиоуглеродными и дендрохронологическими датами (курган 3, 5, 7, 9) [Бородовский, 2002].

Первая группа – шамотная керамика, присущая кухонной посуде, характерная для степных и лесостепных районов и привнесённая на территорию Приобья из Барабинской лесостепи, Казахстана, Северного Алтая. Вторая группа – керамика с песчано-дресвяной примесью, характерная для тарной и столовой посуды, отражающая местную традицию производства. Шамотосодержащая и песчано-древесная посуда не встречается в одном кургане. С IV в. до н.э. две традиции, фактически, сосуществуют. В образцах шамотной керамики встречается небольшое количество примесей крупнозернистого песка и гравия, а в образцах песчано-дресвяной группы – небольшое количество шамота [Бородовский, 2009]. Таким образом, технологический анализ керамики

курганного могильника Быстровка-2 подтверждает культурную неоднородность оставившего его населения.

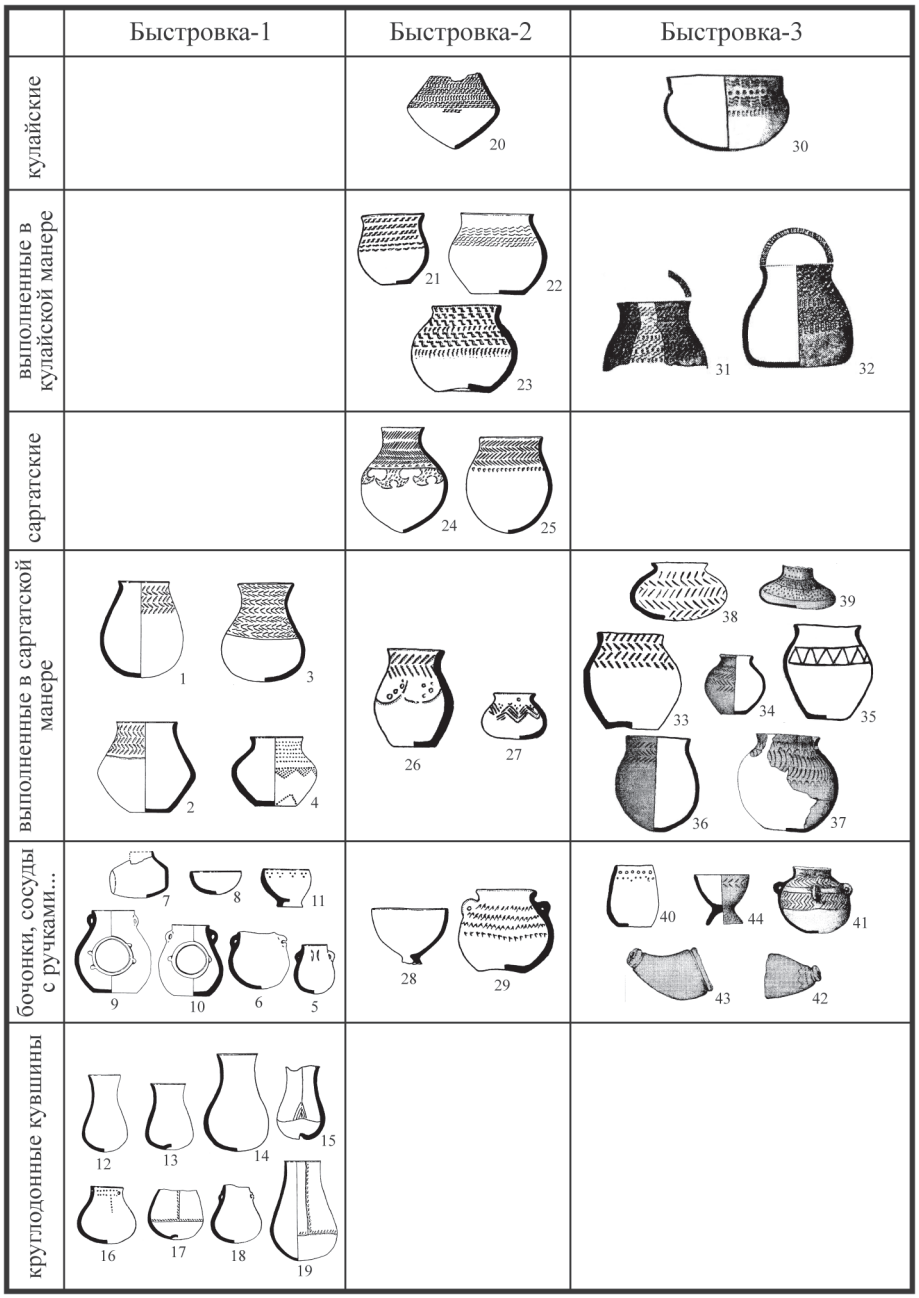


Таблица 1. Керамический комплекс Быстровского некрополя как источник о культурных связях населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа (1-21, 35, 40, 42 по Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994; 22-31 по Бородовский А.П., 2002; 32-34, 36-39, 41, 43, 44 – по Дураков И.А., Мжельская Т.В., 1995)

Керамика разных морфологических групп различается и технологически. Технологические группы могут быть соотнесены с определёнными традициями. Что является косвенным подтверждением различных культурных связей. В керамическом комплексе Быстровки-1,2 и 3 сочетаются местные способы формовки теста керамики и, привнесённые с других территорий.

Морфологический и технологический анализ керамики Быстровского некрополя позволяет чётко прослеживать культурные связи населения Верхнего Приобья с северными, южными, западными территориями.

Литература

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 270с.

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 2002. – 208 с.

Бородовский А.П. Традиционные и естественнонаучные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа). – Новосибирск, 2009. – 90 с.

Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Быстровка–3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. – Новосибирск: Изд-во НОКМ, 1995. – С. 47-65.

Кротова Е.В. Характеристика керамического комплекса Быстровского некрополя // Археология и этнография Азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). – Кемерово: Изд-во: Кузбассвузиздат, 2009. – С. 138-139.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

А.А. Дудко

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Основные типы ритуальных комплексов на Ирменских курганных могильниках

Целью данной работы является фиксация опредмеченных остатков и определение места «сопроводительных» ритуальных действий в структуре погребального обряда ирменской культуры эпохи поздней бронзы. Под погребальным обрядом в работе понимается «совокупность символических и реальных действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими религиозно-идеологическую нагрузку, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего» [Ольховский, 1986, с. 67].

Нами были учтены материалы 15 могильников ирменской культуры во всем ареале ее распространения. Большинство рассматриваемых погребальных памятников опубликованы [Папин, Грушин, 2004; Бобров и др., 1993; Бобров и др., 2004; Илюшин и др., 1996; Новикова, 1995; Зах, 1997; Абдулганеев и др., 1996; Молодин, Чикишева, 1988; Бобров и др., 1997]. Из 187 анализируемых курганов в 131 были зафиксированы следы различных ритуальных действий. К таковым отнесены: следы использования огня (прокалы, угли, зольники), остатки жертвоприношений и поминальных тризн (разрозненные кости животных, черепа, скопления; керамика – отдельные фрагменты, скопления, целые сосуды; изделия из камня, кости, бронзы), дополнительные конструкции из дерева или камня – столбы, стелы, оградки, которые могли выполнять меморативную или планиграфическую функции.

По месту локализации эти комплексы можно разделить на три основные группы: обнаруженные в насыпи, на дневной погребенной поверхности, в ямах и ровиках.

Рассмотрим следы ритуальных действий по их локализации.

1) В насыпи:

Следы использования огня. Обнаружено более 65 прокалов – в 58 курганах, в 12 насыпях зафиксированы древесные угли (6 из них в Сапогово-1), в 9 насыпях были обнаружены зольники, в которых обнаружены фрагменты керамики и кости животных.

Остатки жертвоприношений и тризн. В 62 курганах были найдены кости животных, в 3 курганах были обнаружены скопления костей (в одном случае на деревянном помосте). В 68 курганах были зафиксированы фрагменты керамики, в 17 курганах найдено 27 сосудов. В 16 курганах найдено более 30 предметов инвентаря из камня, кости, бронзы (ножи, кольца, пластины, бляхи, браслеты, серьги). Можно выделить несколько ритуальных комплексов: скопление черепов и конечностей 8 лошадей; 2 черепа лошади и сосуд; череп медвежонка, кости животных, обломки лезвия бронзового ножа; череп и челюсть собаки; череп лошади; установленные вертикально 2 массивные плиты, между ними обнаружены угольки и обломки трубчатых костей животных; игральные кости (36 альчиков барана); захоронение трех мужских черепов.

Дополнительные конструкции. В 9 курганах найдено 12 камней и 14 (достоверных) стел.

2) На дневной поверхности:

Следы использования огня: в 8 курганах зафиксировано 10 прокалов.

Остатки жертвоприношений и тризн: в 5 курганах обнаружены фрагменты керамики, в 6 курганах найдены кости животных, всего найдено 20 предметов (из них 16 представлены сосудами). Можно выделить несколько ритуальных комплексов: скопление раздробленных костей животных, в них два обломка верхнего камня ручной мельницы; кости овцы и миниатюрный сосуд; 6 скоплений костей животных; 8 верхних челюстей животных.

Дополнительные конструкции: в 6 курганах обнаружено 10 деревянных столбов, в 6 случаях была зафиксирована каменная ограда.

3) В ямах:

Следы использования огня: в 4 ямах зафиксированы прокалы, в 14 ямах найдены древесные угли.

Остатки жертвоприношений и тризн: в 5 ямах обнаружены фрагменты керамики, в 6 ямах были найдены сосуды. В 22 ямах обнаружены кости животных, 4 ямах было зафиксировано 27 черепов лошадей (скопления по 9 и 16), в 2 ямах были найдены 4 черепа животных (в могильнике Сапогово-1 (кург. № 16, яма № 3) зафиксировано 3 черепа зайцев-беляков с фрагментами костей их скелетов). В 2 ямах обнаружены 2 бронзовые серьги. На памятнике Телеутский Взвоз-1, под насыпью кургана № 5, зафиксирована яма с зерном. В 15 ямах обнаружены камни.

4) Во рвах:

Остатки жертвоприношений: в 2 системах рвов найдено 6 фрагментов керамики, в 5 рвах обнаружено 11 сосудов. В 3 рвах найдены 2 черепа лошади и скопление 5 черепов баранов, в 5 рвах зафиксировано 6 костей животных (2 из них лошади), в 2 рвах обнаружено 3 скопления фрагментов черепов крупного рогатого скота. На могильнике Милованово-1 в 2 рвах были найдены известняки, и в одном случае – 2 скопления зубов лошади.

Следы ритуальных действий, зафиксированные в курганной насыпи, мы склонны относить к поминальным действиям (поминальники), на дневной поверхности – к действиям, сопровождающим погребальный обряд, а в ровиках и ямах – к действиям по организации курганного пространства.

На основании приведенных данных можно предположить, что основную часть «сопроводительных» ритуальных действий в структуре погребального обряда ирменской культуры составляли:

– поминальные тризны (многочисленные фрагменты керамики и кости животных);

– жертвоприношения животных (головы и части туш лошади, коровы, барана, зайца, собаки, медведя);

– жертвоприношения пищи (60 обнаруженных сосудов могли быть наполнены едой и напитками)

– жертвоприношения инвентаря (37 предметов);

– ритуалы, связанные с огнем (прокалы, кострища, зольники, древесные угли). Нам видится вполне вероятным факт жертвоприношения каких-либо «даров» через огонь. Об этом свидетельствуют найденные фрагменты керамики от одного сосуда и кости животных в прокале в кургане № 4 на памятнике Телеутский Взвоз-1 [Казаков и др., 1995], а также прокалы с развалами сосудов в курганах № 1, 24, 51, 74, 106 на памятнике Преображенка-3 [Молодин, Чикишева, 1988].

– ритуалы по организации курганного пространства (деревянные столбы, стелы, системы ям и рвов, а также связанные с ними фрагменты керамики, кости животных, инвентарь, следы воздействия огня).

Литература

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая: Сб. науч. тр. – Барнаул, 1996. – С. 11-20.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Горяев В.С. Новые исследования на могильнике Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1997. – С. 144-149.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы: Сб. науч. тр. – Барнаул, 2004. – С. 4-34.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск, 1993. – 157 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск, 1997. – 132 с.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. – Кемерово, 1996.

Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: Тез. науч.-практич. конф. – Барнаул, 1995. – С. 78-83.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск, 1988. – С. 125-206.

Новикова О.И. Могильник ирменской культуры Милованово-1 // Археология вчера, сегодня, завтра: Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1995. – С. 41-52.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий// СА. – Москва, 1986. – № 1. – С. 65-76.

Папин Д.В., Грушин С.П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы: Сб. науч. тр. – Барнаул, 2004. – С. 93-103.

Е.В. Евгенова

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

Великий шелковый путь и саргатская культура

Великий шёлковый путь – это система караванных путей, действующая со II в. до н.э. по XV в. н.э. Он начинался в Риме и через **Средиземное море** выходил к сирийскому городу Гиерополю, а оттуда через Месопотамию, Северный Иран, Среднюю Азию вел в оазисы Восточного Туркестана и далее в Китай. Этот караванный торговый путь играл роль связующего звена между странами разных цивилизаций и социально-экономических систем.

Появление на Западе и Востоке Евразии двух империй – Римской и Ханьской привело к активизации торговых связей и возникновению крупных рынков. Со второй половины II в до н.э. из Китая на Запад вели Южная и Северная «шёлковые дороги»: южная дорога – от севера Китая через Среднюю Азию на Ближний Восток и Северную Индию и северная дорога – от севера Китая через Памир и Приаралье к Нижней Волге и к бассейну Черного моря. Между южной и северной дорогой было несколько соединяющих и промежуточных маршрутов. С течением времени сеть коммуникаций становилась все более густой, включала все больше ответвлений.

В конце III в. до н.э., но не позднее II до н.э., территория западносибирской лесостепи одной из первых земель вошла в состав формирующейся системы Великого Шёлкового пути. Результаты торговли прослеживаются в ряде памятников. Связи с Шелковым путем сохранятся и позже. В докладе речь пойдёт о двух ответвлениях Северного пути (по р. Ишим и Иртыш) и материалах памятников рубежа эр, относящихся к саргатской культуре.

Ярким доказательством наличия караванной торговли, ведущейся по ишимскому ответвлению, являются материалы Рафайловского городища [Матвеева, 1994]. Там были найдены кости девяти особей верблюдов.

О торговле, которая велась по иртышскому ответвлению, рассказывают памятники Сидоровка [Матющенко, Татаурова, 1997], Усть-Тартасский могильник (ОАК 1895 г) и Марково 1 [Полосьмак, 1987].

В Сидоровке встречен ряд находок, приобретенных в результате этой торговли. Остановимся на них. Золотые наременные прямоугольные накладки украшены сценой борьбы извивающегося дракона с кошачьим хищником. Некоторые исследователи полагают, что такие, но бронзовые, пластины происходят из района Ордоса и, следовательно, были доставлены сюда в результате торговли по Шелковому пути, Причем сам образ дракона являлся любимым мотивом китайского искусства. Аналогичен и стиль изображения на золотой нашивке лежащего хищника с вывернутым телом и высунутым языком. Две золотые обувные пряжки обнаруживают аналогии на востоке. К этому ряду находок можно отнести и фалары, связанные с конским убранством: на них имеется изображение тигриного грифона. К числу находок, связанных своим происхождение с Китаем, можно отнести и обрывки золотошвейной ткани (парчи) из мог. 2 кургана 1.

Усть-Тартасский могильник на р. Оми (приток Иртыша) был раскопан в в1895-96 годах томским археологом С.М. Чугуновым. К числу находок одного из его курганов относятся куски истлевшей ткани, покрытой китайским лаком (они сейчас хранятся в фондах Эрмитажа), и обрывки золотошвейной ткани (парчи), которую С.М. Чугунов называет «канителью». Такая ткань, как было уже указано выше, имеет китайское происхождение.

Могильник Марково 1 является более северным. Он расположен на р. Таре, притоку Иртыша, раскопан Н.В. Полосьмак. В курганах, которые датируются II-I вв. до н.э. – I в. н.э., найдены обломок китайского зеркала, изготовленного в древнем княжестве Чу во II в. до н.э. и одна китайская монета типа «у-шу». Эти находки явно попали в Западную Сибирь по Великому Шелковому пути.

Данные находки свидетельствуют о функционировании в Центральной Азии северных ответвлений от Великого Шёлкового пути.

Литература

Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 198 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Е.А. Журавлева

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Погребальные куклы позднего этапа восточного варианта саргатской культуры
(к постановке проблемы)

Одним из самых загадочных феноменов погребальной практики древнего населения Сибири является обычай использования погребальных кукол. Время возникновения этой традиции, равно как и её истоки, пока не ясны. Это связано с тем, что реальных находок таких предметов совсем немного, да не всегда ясны критерии, которые позволяют судить о былом присутствии их в погребальном комплексе. Например, остается открытым вопрос о кенотафах, устройство которых, да и сама идея вполне допускают возможность изготовления и помещения в могилу вместе с вещами и изображения покойного.

И если, в целом, мы может констатировать существование такой традиции в погребальной практике скотоводческих культур раннего железного века Южной Сибири, то для современного им и родственного по облику хозяйственной деятельности населения более северных, относительно Саяно-Алтая, территорий вопрос о ее существовании пока не поднимался. Это не случайно, ибо археологических находок, которые могли бы быть интерпретированы как погребальные манекены, пока здесь не обнаружено.

С этих позиций особый интерес представляют материалы одного из погребений кургана № 8, могильника Погорелка-2 в Чановском районе Новосибирской области. Этот некрополь, расположенный в Барабинской лесостепи в 2,5 км к западу от одноименного села, раскапывался в 2009 г. Западносибирским отрядом ИФЭт СОРАН под руководством академика В.И. Молодина в рамках совместных работ с Германским археологическим институтом. Размеры насыпи исследованного объекта достигали 26 м в диаметре и 0, 69 м высоты. Её изучение показало, что она была сложена из дерновых «кирпичей», покрытых по внешней поверхности жидкой обмазкой из болотистых почв.

При разборе насыпи кургана на уровне её основания были обнаружены разрозненные кости взрослого человека (погр. № 6), покрытые толстым слоем белой глины, резко отличавшейся по цвету, плотности и структуре от желтой материковой почвы. Кроме того, на плечевой, бедренных и берцовой костях под обмазкой обнаружились отчетливо заметные бороздки и насечки, происхождение которых может быть связано со следами действий по освобождению костей скелета от мягких тканей. Таким образом, есть основание полагать, что в данном случае мы имеем дело с манекеном умершего, изготовленного с использованием костей его скелета, намеренно лишен-

ных мышечной массы, с последующей заменой её глиняными фракциями, использованными для моделирования облика усопшего. К сожалению, данное погребение больше всех пострадало от действий людей, проникших в курган еще в древности. Фактически, от него, кроме упомянутых находок, сохранились фрагменты черепа, мелкие осколки костей, роговой наконечник стрелы и, возможно, двудырчатый псалий, встреченный в заполнении погребения № 5, в которое попали и некоторые кости с глиняной обмазкой. К этому же захоронению мы склонны относить многочисленные разноразмерные комки белой глины, встреченные в центральной нарушенной части курганной насыпи.

Археологически фиксируемые попытки долговременного сохранения тела покойных путем разного рода манипуляций с его телом (включая удаление мягких тканей и вероятного их замещения иными природными материалами) фиксируются для эпохи развитой бронзы Западной Сибири (устное сообщение В.В. Боброва). Совершенно определенно можно говорить о проведении целого ряда таких операций носителями культур раннего железного века Саяно-Алтая [Феномен…, 2000]. Известно и существование обычая изготовления погребальных манекенов носителями таштыкской культуры в Минусинской котловине [Вадецкая, 1999].

Однако, для саргатской культуры и её восточного ареала свидетельства об использовании в погребальной практике манекенов усопших обнаружены впервые. К сожалению, полученный материал не позволяет пока ответить на вопрос о том, была ли это полноценная, подобная таштыкским, кукла или же мумифицированный объект, наподобие открытой Н.В. Полосьмак пазырыкской мумии, у которой при сохранении кожных покровов были удалены мягкие ткани, замененные наполнителем из травы и почвы [Хаури, Блаттер, 2000].

Обращение к материалам Алтая позволяет сделать вывод о том, что характер анатомического воздействия на погребаемое тело зависел от социального статуса усопшего. Не исключено, что такой же принцип соблюдался и представителями восточного ареала саргатской культуры рубежа эр и первых веков н.э. Следует надеяться, что дальнейшие исследования некрополя позволят ответить на этот и ряд других, встающих перед нами вопросов.

Литература

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1999. – 440 с.

Феномен алтайских мумий. Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.

Хаури Р., Блаттер У. Патолого-анатомические исследования женской мумии памятника Ак-Алаха-3 // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 231–233.

В.С. Задонцева

Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

Орудия древнего горнорудного производства Кош-Агачского района Республики Алтай

Изучение истории первобытного общества показывает, что развитие общества проходило параллельно развитию производства различных орудий древнего горнорудного производства. Так как время шло, изменялись запросы, изменялись и усовершенствовались методы производства и, соответственно, происходило усовершенствование изменение орудий этого производства.

Представленные орудия горнорудного производства являются случайными находками, обнаруженными к.и.н., доцентом кафедры археологии, этнологии и источниковедения А.В. Эбелем и жительницей г. Горно-Алтайска в разное время, в основном, в период с 2002 по 2006 гг.

Все орудии можно разделить по назначению на три группы.

I группа – орудия добычи – представлена двумя каменными кайлами.

1. Заготовка кайла из мелкозернистого песчаник темно-красного цвета трапециевидной в плане формой. Обух кайла имеет следы сверления в торцовой части диаметром 2,2 см и глубинной 1 см, длина кайла 22 см, ширина 5 см, толщина 3,3 см, в сечении подпрямоугольная форма. Место нахождения: левый берег р. Кызыл-шин, в 1,5 км на СВ от с. Кокоря. Хранится в экспозиции Кокоринского историко-этнографического музея чуйских теленгитов (рис. 1 -3).

2. Кайло изготовлено из зеленого сланца подпрямоугольной формы, в центральной части имеются следы обработки (выемки для крепления рукояти). Длина кайла 14,7 см, ширина в середине 6,1 см, ширина верхней и нижней части кайла – 7,2 см, ширина средней части 4,1 см, толщина верхней части 3,5 см, толщина нижней части 2,4 см. Обнаружено М.А Деминым. в 2006 г. во время совместного с А.В. Эбелем осмотра. места у закопушек в урочище Тытту в долине р. Себистей. Хранится в фондах музея археологии Горно-Алтайского государственного университета (рис. 2.).

Кайлы обычно плоские или конусовидные, поэтому их удобно держать в руках. Рабочей частью является клиновидный в разрезе конец инструмента. Это хорошо заметно по выбоинам и следам сколов каждого орудия. Одна топоровидная каменная кайла найдена на Бутрахтинском месторождении и три – на Темирском. О находке подобной каменной кайлы в Темир-таге М.С. Баклаков сообщал: «Мною найдена каменная кайла, представляющая собой речную гальку конической формы, напоминающую современную кайлу».[Баклаков, 1932, с. 60] По словам Баклакова, рабочие сообщали ему, что при проходке шахты на глубине 25-30 м они неоднократно находили такие же каменные кайлы, вделанные в дерево.

Аналогичные кайлы были найдены на Хову-Аксынском медном руднике в Туве [Захаров, Сунчугашев,1963]. Описание похожего орудия, «топора-молота» из памятника Владимировка, приводится в статье Ю.Ф. Кирюшина, А.Л. Кунгурова, А.А. Тишкина [2002].

II группа – орудия и приспособления первичной обработки руды представлены плитой для дробления руды и пестом.

1. Плита-ступа. Гранитная плита подтрапециевидной формы из окатанного камня. Ширина 34 см, длина плиты 42 см, толщина 14,7 см. Найдена в 2006 г. в стенке обжиговой керамической печи на Юстыде [Кубарев, 1978], вследствие чего имеет красноватый оттенок от воздействия высоких температур. На рабочей поверхности многочисленные имеются следы механического воздействия. Выставлена в экспозиции музея археологии Горно-Алтайского государственного университета (рис. 1 -1).

Древние рудокопы и плавильщики широко пользовали в качестве ступ выемчатые плиты из известняка, песчаника и гранита. Известняковая плита найдена вместе с пестами у Темир-тага, плита из песчаника с выемкой (длина около 0,7 м, ширина 0,45 м, толщина в среднем 0,18 м) найдена археологической экспедицией МГУ под руководством Л.Р. Кызласова в районе древних медеплавилен Он-Кажаа в Туве. При медеплавильнях IV-III вв. до н.э. на медном руднике Юлия были найдены 15 плит из розового гранита со следами обработки и работы. Вероятно, качество камня для плит-ступ не играло большой роли [Сунчугашев, 1969].

2. Пест из длинного галечника конусовидной формы. Основание конуса носит следы механического воздействия, следов обработки не присутствует. В сечении пест имеет овальную форму. Длина песта 31,2см, ширина основания 8,2 см, ширина верхней части 2,8 см, толщина основания 5,7 см, толщина верхней части 3,8 см. Найден в районе р. Кызыл-Шин в 1,5 км на СВ от с. Кокоря, хранится в фондах Кокоринского историко-этнографического музея чуйских теленгитов (рис. 1 -2).

Каменные конусовидные песты из речной гальки применялись для дробления добытой руды. Они найдены как в горных разработках, так и при медеплавильнях Темира, Юлии и Бутрахты и других местах. Вероятно, эти орудия применялись для дробления руды не только в карьерах, но и на местах окончательной подготовки руды к плавке.

III группа – универсальные, т.е. используемые на разных стадиях добычи и обработки руды. Представлена одним молотом. Изготовлен из сланцевого галечника, обработан шлифовкой, имеется выемка для крепления рукояти. В профиле молот имеет восьмеркообразную форму, фас по форме трапециевидный. Длина молота 20,3 см, ширина ударной площадки 8,5 см, ширина обуха 3 см, толщина ударной площадки 6 см, толщина обуха 6 см. Обнаружен в долине р. Кызыл-Шин в 1,5 км на СВ от с. Кокоря. Хранится в фондах Кокоринского историко-этнографического музея чуйских теленгитов (рис. 1 -4). Такие молоты в разное время были найдены в древних медных рудниках Тувы, Казахстана, Кавказа и Урала, т.е. повсюду, где добывались полезные ископаемые. Говоря о древних алтайских выработках, Паллас писал, что «вместо молотов употребляли они продолговатые круглые весьма крепкие камни, около коих высечен, вышлифован желобок, по коему, может быть, обвязывался ремень» [Паллас, 1789, с. 354]. Молоты применялись при забивании клиньев в трещины скальной породы, образовавшиеся вследствие пожога, а так же при дроблении крупных кусков перед плавкой Ими же, возможно, разбивались большие глыбы с медной рудой,

отбитые в забое. Это подтверждается находками в древних выработках останков погибших рудокопов с каменными молотами.

Рис. 1: 1 – плита-ступа, 2 – пест, 3 – заготовка кайла, 4 – молот

Рис. 2. Кайло

Литература

Захаров Е.П., **Сунчугашев Я.С.** Древние горные работы на медь в Хову-Аксы // Уч. зап. / Тувин. НИИЯЛИ. – Кызыл, 1963. – Вып. X.

Кирюшин Ю.Ф., **Кунгуров А.Л.**, **Тишкин А.А.** Коллекция древних орудий горнорудного дела с Алтая. – Томск: Изд-во Том. ун-та 2002. – Т. 1. – 396 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – М.: Наука, 1978.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. – СПб., 1789. – Ч. 2. – Кн. 2. – 571 с.

Сунчугашев Я.С. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. – М.: Наука, 1969.

В.Ц. Игитян
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Сузгунская культура в Западной Сибири

Сузгунская культура – одна из андроноидных культур Западной Сибири, сформировавшихся в позднем бронзовом веке. Она занимает территорию преимущественно Прииртышья: от устья Тобола до северо-западной части Барабы [Косарев, 1981; Молодин, 1985]. Время ее существования – конец II тыс. до н.э. – VIII в. до н.э. [Полеводов, 1996].

В течение пятидесяти лет с разной степенью интенсивности сузгунскую культуру изучали В.И. Мошинская, М.Ф. Косарев, В.И. Молодин, В.Т. Галкин, А.В. Полеводов и другие ученые. Многие проблемы решены, однако, некоторые остаются дискуссионными и сегодня. В данной работе будут обозначены некоторые из них.

Проблема истории изучения сузгунской культуры. Она была выделена В.И. Мошинской в 1957 г. на основе материалов культового памятника Сузгун II близ Тобольска [Мошинская, 1957], которая получила большое количество керамического материал, и, изучив его, выявила схожие черты сузгунской керамики с андроновской, что позволило отнести культуру к андроноидным. Возможно, своеобразные черты других групп сузгунской посуды свидетельствовали о сильном влиянии местного населения на пришедших сюда андроновцев.

В дальнейшем изучением памятников сузгунской культуры занимались такие ученые, как М.Ф. Косарев, Т.М. Потемкина, О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов, В.И. Молодин, И.Г. Глушков, А.Я. Труфанов, В.Т. Галкин, С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов, А.В. Полеводов и некоторые другие ученые. Они открыли многообразные и интереснейшие памятники данной культуры, такие как Алексеевка I, XIX; Бобровка, Богочаново, Новочекино, Хутор Бор-1, Чудская Гора и многие другие [Потемкина и др., 1995]. Известно более сотни памятников. Но история изучения культуры описана не полностью. Возможно, потому что мало кто из ученых специально занимался этой культурой: есть только две диссертации, посвященные именно сузгунской культуре (и это за 50 лет ее изучения!). Хотя сузгунские памятники не менее интересны, чем хорошо изученные ирменские, еловские, черкасульские, бегазы-дандыбаевские и другие постандроновские культуры.

Проблема генезиса культуры. Есть одна особенность сузгунской культуры – малочисленность могильников, поэтому базой для исследований являются поселения. Это создает ряд сложностей в изучении культуры и феномена ее возникновения. В целом, сузгунская керамика андроноидна, но это относится только ко второму типу керамики, выделенному В.И. Мошинской. Первый же тип сузгунской керамики (по классификации В.И. Мошинской) не имеет аналогий и в нем заложена характернейшая черта сузгунской керамики – диспропорциональность в размерах диаметров дна и устья сосудов. Одна из особенностей сузгунской посуды – сплошная орнаментация. В культуре есть элементы орнамента, характерные для эпохи бронзы степной и лесостепной полос Западной Сибири. Но сузгунская керамика имела и такие черты, как пояски из мелких выдавленных треугольников, что характерно для северных, таежных районов [Мошинская, 1957; Полеводов, 1996; Галкин, 1987]. Таким образом, прослеживается многокомпонентность культуры на андроновской основе.

Проблема центра формирования и путей распространения культуры. Пока не ясно, где был первичный очаг формирования культуры, хотя накапливающийся материал дает сейчас основания предполагать, что центром распространения сузгунской культуры было южно-таежное Тоболо-Иртышье.

Проблема соотношения памятников культуры с ландшафтами. Палеогеография Тоболо-Иртышья изучена слабо. М.Ф. Косарев, обращая внимание на проблему функционирования ландшафтных зон, предполагал, что «во времена сухого и теплого климата, предшествовавшего нынешнему субатлантическому периоду, граница леса и лесостепи в Прииртышье проходила еще севернее», чем сейчас. С началом увлажнения и похолодания климата наступавшая на юг тайга была остановлена мощнейшей естественной преградой – Иртышом [Косарев, 1964]. Этим и объясняется далекое распространение на север лесостепных и предтаежных пространств.

Подводя итоги, можно отметить, что за почти 50-летнее изучение сузгунской культуры появилось больше вопросов, нежели ответов. Данная работа ограничилась постановкой лишь нескольких проблем и некоторых предположений. Целью работы являлось еще раз обратить внимание на нерешенные проблемы сузгунской культуры как неотъемлемой части культур бронзового века Западной Сибири. Поэтому дальнейшее изучение данной культуры необходимо для прояснения представлений об эпохе поздней бронзы Сибири.

Литература

Галкин В.Т. Новые памятники сузгунской культуры // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). – Омск, 1987. – С. 39-45.

Косарев М.Ф. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья // СА. – 1964. – № 2.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Мошинская В.И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 114-135. – (МИА. – № 58).

Полеводов А.В. Некоторые проблемы и перспективы изучения сузгунской культуры // История и культура Сибири: Мат-лы отчет. сессии Ом. филиала объед. ИИФФ СО РАН. – Омск, 1996. – С. 68-70.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: ПАИМС, 1995. – 153 с.

Н.С. Икреникова
Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет

Ранние белоярские памятники реки Аган

В начале второй четверти I тыс. до н.э. в Сургутском Приобье складывается белоярская археологическая культура. Первые ее памятники были выявлены в 1971 г. в урочище Барсова Гора на правом берегу р. Оби недалеко от г. Сургута. Во 2-й половине 1970-х гг. появилось несколько публикаций, характеризующих как отдельные поселения, так и всю группу памятников в целом [Чемякин, Коротаев, 1976; Чемякин, 1979; Елькина, 1977, 1981]. В статьях М.В. Елькиной они фигурируют как памятники «третьей группы» (в рамках периодизации сургутских древностей I тыс. до н.э.). Термин «белоярский тип» был впервые употреблен в статье, посвященной керамике эпохи финальной бронзы Сургутского Приобья, и в «Археологических открытиях 1981 года» [Чемякин, 1981].

Сейчас известно около 90 памятников белоярской культуры, в их числе 20 городищ и два могильника, раскопаны остатки более 150 построек (в том числе около 120 жилых). Древности этой культуры распространены в Сургутском Приобье. Абсолютное большинство их выявлено и исследовано на территории Барсовой Горы [Чемякин, 2008]. Белоярские поселения обнаружены также в бассейнах рек Пим, Тромъеган, Большой Юган, Большой Салым, Харампур и Кальпяс-Яха.

Самыми ранними из исследованных являются селища Барсова гора I/40 [Чемякин, Кокшаров, 1984; Сериков, Чемякин, 1998], Барсова гора III/76 [Погодин, Чемякин, 2006] и Барсова гора III/1 [Чемякин, 1998]. Они обнаруживают преемственность от памятников барсовской и атлымской культур.

В ходе археологических работ 2008-2009 гг. в бассейне р. Аган (правый приток р. Оби) в 5 км к юго-западу от г. Покачи Л.В. Носковой и К.Г. Карачаровым на многослойном селище Нёх-урий 3.2 были раскопаны две углубленные постройки, отнесенные ими к белоярской культуре. В том же районе фрагменты ранних белоярских сосудов были найдены С.А. Мызниковым на селище Мохтикъёган 8*.

Жилище 1 на поселении Нёх-урий 3.2, вскрытое в 2008 г., имело углубленный более чем на 0,5 м котлован. Остальные параметры постройки не определены из-за того, что она сильно разрушена современным строительством. В ней найдены фрагменты не менее чем от 12 сосудов. Жилище, исследованное в 2009 г., имело углубленный подпрямоугольный котлован размером 7,9×6,2 м с коридорообразным выходом длиной 1,2 м. В центре жилища находился очаг. На полу постройки найдены керамика, аналогичная происходящей из жилища 1, стеклянные бусы, каменное изделие (пуговица?), расколотая галька, сколы камня.

Сосуды имели баночную форму, плоский венчик. Судя по обломкам придонных частей, у них было округло-приострённое дно. Большинство из них орнаментировано в верхней трети, украшался и плоский срез венчика. Наиболее часто для декорирования применялись мелкоструйчатый и гребенчатый штампы, самыми распространенными элементами узора были горизонтальные ряды (пояски) из вертикальных и наклонных оттисков штампа. Разделительные зоны выполнены ямками фигурной формы.

В жилище 1 найдено глиняное антропоморфное изображение высотой 8 см, представляющее чуть согнутую фигурку с распростертыми руками. Ноги ее обломаны. Руки оформлены неболь-

* *Автор выражает искреннюю благодарность Л.В. Носковой, К.Г. Карачарову и С.А. Мызникову за возможность использовать неопубликованные материалы из их раскопок.*

шими подтреугольными выступами. Лицо плоское, его черты не проработаны. Глаза и рот обозначены неглубокими вдавлениями ногтя. В жилищах практически отсутствуют изделия из камня. О наличии цветной металлообработки свидетельствует находки сильно ошлакованных глиняных тиглей и нескольких металлических изделий. Среди них шильце и культовая (?) фигурка.

Материал поселения Нёх-урий 3.2 имеет наибольшие аналогии среди белоярских коллекций Барсовой Горы. Сосуды имеют значительное сходство с керамикой селищ Барсова гора III/72, III/76, III/2а, относящихся к ранней стадии белоярской культуры. Фигурные ямки, бордюры из вертикальных оттисков сближают белоярскую керамику с кульминской и иткульской и потому могут рассматриваться как новации хронологического порядка.

Отдаленно напоминающие бронзовую фигурку изделия найдены на белоярском селище Барсова гора III/49. В целом же следует отметить, что культовое литье на белоярских памятниках пока малочисленно, а на ранних до сих пор не было известно. В то же время отличительной чертой ранних белоярских памятников является присутствие каменных изделий, чего практически нет на Нёх-урии 3.2.

Близкие глиняному антропоморфу изделия найдены на раннебелоярских поселениях Барсова гора I/40, III/72 и III/76. Фигурки отличаются, но их объединяют материал и способы моделировки. Наибольшее сходство фигурка с Нёх-урия 3.2 имеет с антропоморфом из селища Барсова гора III/72. Отдалённые аналогии можно найти в галерее скульптурок конца бронзового – начала железного веков лесостепной и южнотаёжной зон Западной Сибири.

Этот период в лесостепной зоне Западной Сибири был отмечен разнообразными новациями, одной из которых стала традиция изготовления глиняных фигурок. В западной зоне это известные антропоморфные скульптуры с бархатовских и гамаюнских поселений. Восточнее подобные поделки найдены в слоях позднесузгунского городища Кучум-Гора на Ишиме, а также в ирменских комплексах на Иртыше и в Барабе [Корочкова, Пономарёва, 2006]. Эти аналогии позволяют выявить некоторые параллели в развитии культур начала раннего железного века западносибирской тайги, а также влияние на них культур лесостепи конца бронзового века.

Анализ угля из одного жилища селища Нёх-урий 3.2 при калибровке дал дату VIII в. до н.э., что согласуется с имеющимися представлениями о времени возникновения белоярских древностей. Обнаружение ранних белоярских памятников в бассейне р. Аган позволяет расширить ареал культуры и вновь поставить вопрос о месте ее формирования. Однако, в бассейне Агана пока не выявлены древности барсовской культуры – одной из главных компонентов, на основе которых сформировалась белоярская АК. Не исключено, что появление раннебелоярских поселений на Агане – результат миграции населения из западных районов. Новые исследования позволят ответить на этот вопрос определеннее.

Литература

Елькина М.В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. – С. 104-118.

Елькина М.В. О месте сургутских поселений в раннем железном веке лесной зоны Западной Сибири // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981. – Вып. 15. – С. 109-112.

Корочкова О.Н., Пономарева Т.М. Несколько штрихов к характеристике белоярской культуры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 35-61.

Погодин А.А., Чемякин Ю.П. К вопросу о происхождении белоярской культуры (по материалам селища Барсова гора III/76) // Уральский исторический вестник.– Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – № 14. – С. 117-135.

Сериков Ю.Б., Чемякин Ю.П. Каменный инвентарь белоярского поселения Барсова гора I/40 // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – Вып. 23. – С. 241-256.

Чемякин Ю.П. Городища Барсов городок I/11 и I/12 — памятники раннего железного века Сургутского Приобья // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1979. – Вып. 2. – С. 131-144.

Чемякин Ю.П. Керамика эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981. – Вып. 15. – С. 87-91.

Чемякин Ю.П. Раскопки на Барсовой горе // АО-1981. – М.: Наука, 1983. – С. 235.

Чемякин Ю.П. Жилище белоярской культуры из Сургутского Приобья // Археология Западной Сибири. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. – С. 73-86.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут–Омск: ОАО «Омск. дом печати», 2008. – 224 с.

Чемякин Ю.П., Кокшаров С.Ф. Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. – С. 115-130.

Чемякин Ю.П., Коротаев В.П. Многослойное городище Барсов городок I/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье) // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1976. – С. 49-62.

С.Н. Кайрбекова
Астана (Республика Казахстан),
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

История исследований сакских памятников Семиречья во второй половине XX века

Наиболее важным в истории изучения сакских памятников Семиречья является период второй половины XX века. В это время происходит активное накопление и осмысление археологического материала. Изучение памятников ранних кочевников и связанных с этим вопросов становится одним из важнейших направлений археологических исследований в Казахстане.

Территория Семиречья охватывает пространство с запада на восток от гор Каратау до гор Алатау, с севера на юг от р. Лепсы до оз. Иссык-Куль. Она была заселена с древнейших времен и в настоящее время является одной из наиболее динамично развивающихся областей республики. Причиной тому служат благоприятные условия для проживания, теплый мягкий климат, система водоснабжения, удобные для животноводства пастбища. По этой территории проходят транзитные торговые пути, которые способствуют развитию международных отношений.

В 1954 г. под руководством К.А. Акишева начинает поисковые маршруты Илийская археологическая экспедиция. Основные работы проводились в зоне строительства будущей Капчагайской ГЭС [Хроника.., 2004, с. 42].

В 1956 г. А.Г. Максимова исследовала могильник Жуантобе I и датировала его VII-VI вв. до н.э. Следует отметить, что датировка подверглась критике со стороны А.К. Акишева и Г.А. Кушаева, которые отнесли памятник к V-IV вв. до н.э. [Акишев, Кушаев, 1963, с. 90].

В том же году Е.А. Агеева исследовала могильник Кадырбай III, расположенный в Илийской долине, в 27 км на северо-запад от ст. Сары-Озек. Три раскопанных кургана датировались IV-III вв. до н.э. [Акишев, Кушаев, 1963, с. 91].

Особое место занимают публикации в 1957 г. Е.Ю. Спасской, которая собрала значительную часть информации по сакским котлам Семиречья [Акишев, Кушаев, 1963, с. 22].

В 1957 г. Илийской экспедицией под руководством К.А. Акишева начато исследование сакского могильника Бесшатыр. Могильник расположен на правом берегу р. Или, в 180 км на северо-восток от г. Алматы. На узкой прибрежной полосе шириной 1 км, ограниченной с севера отрогами гор Желшагыр, Шолактау, Алтын-Эмель, с юга руслом р. Или. Могильник вытянут с севера на юг на 2 км, с запада на восток – на 1 км и состоит из 31 кургана. Могильник поделен на две группы: северную и южную. Наибольшие по размеру курганы входят в северную группу. В 1957 г. раскопано 2 малых кургана, в 1959 г. – «Большой» и 5 малых курганов, в 1960 г. – «Третий», 2 средних и 6 малых курганов.

В этом же году начинается изучение могильников Кзылауз I и Алтын-Эмель I [Акишев, Кушаев, 1963, с. 26].

В 1957 г. на высоте около 1100 м над уровнем моря обнаружен турксибский клад в горах Заилийского Алатау, на территории санатория «Турксиб» (окрестности г. Алма-Аты). Он открыт рабочими при рытье траншеи на глубине 3 м. Клад состоял из семи бронзовых предметов, каменного песта и фрагментов глиняного сосуда.

В 1957 г. под руководством А.Г. Максимовой и при участии А. Оразбаева в урочище Кра-Кудук и Тамгалы (Джамбулский район) открыто и исследовано поселение сако-усуньского времени.

В 1956 г. начинает археологические работы Семиреченская археологическая экспедиция.

В 1958 г. в районе с. Иссык (в 40 км на восток от г. Алма-Аты) при строительстве дороги обнаружен Иссыкский клад, состоящий из пяти бронзовых предметов.

В 1958 г. продолжено исследование могильнике Жуантобе.

Итогом десятилетних исследований сакских памятников Семиречья стала публикация монографии К.А. Акишева и Г.А. Кушаева [1963], в которой обобщены все известные к тому времени материалы.

В 1964 г. на левом берегу р. Биже раскопано 5 ограбленных еще в древности курганов, которые отнесены А.К. Акишевым к VIII-VII вв. до н.э.

В 1969 г. К.А. Акишевым исследован Иссыкский могильник, расположенный на левом берегу горной р. Иссык. Могильник состоял из 45 больших земляных курганов, вытянувшихся с севера на юг на 3 км. Насыпи диаметром от 30 до 90 м, высотой от 4 до 15 м на вершине имеют глубокие воронки – следы ограбления [Акишев, 1978, с. 4]. В эти же годы раскопаны еще 4 крупных кургана. В могильнике в разные годы раскапывались и малые курганы, в которых найдены 2 золотые серьги, ажурное округлое украшение, небольшая бронзовая подвеска.

В 1969-1970 гг. раскопан наиболее известный курган, давший богатый археологические материал. Курган, названный «Иссык» располагался на южной окраине западной половины могильника, разделенного на две части автомобильной дорогой и крупным оросительным каналом. Диаметр кургана 60 м, высота 6 м. На вершине насыпи находилась воронка диаметром 12 м, глубиной 2,3 м. Насыпь не имела четкой структуры, но изучение ее профиля показало, что она многослойна (3-4 слоя). В боковом захоронении кургана найден «Золотой человек». В южной и западных частях камеры была размещена посуда, среди костей обнаружено большое количество древесной трухи и остатки древесных скоб. В погребальной камере кургана Иссык найдено свыше четырех тысяч золотых предметов, железный меч и кинжал, бронзовое зеркало, 31 глиняный, металлический и деревянный сосуд, а также серебряная ложка, деревянный черпак и 26 бусин из сердолика и пасты [Акишев, 1974, с. 62; Акишев, Акишев, 1980, с. 14-31].

В 1976 г. исследован еще один курган Иссыкского могильника.

В 1990-1991 гг. продолжены работы по сплошному обследованию, картированию, а также выполнена инструментальная съемка планов сакских «царских» памятников на территории от Сыр-Дарьи и северных склонов Каратау до Тарбагатая и долин рек Сумбе и Текес.

В 1996 г. Семиреченская археологическая экспедиция под руководством К.А. Акишева обследовала Боролдайский могильник. По итогам исследования на территории могильника запланировано создание историко-этнографического парка «Сакские курганы».

В 1996 г. сотрудниками Семиреченской экспедиции А.Н. Марьяшевым и А.А. Горячевым в урочище Кызылбулак обнаружен археологический комплекс Тургень. Исследование памятника продолжается и в настоящее время.

В 2001 г. в журнале «Известия» опубликована статья К.М. Байпакова и А.Н. Марьяшева о новых данных по изучению поселений Серектас-I, Чарын, Осербай-I и поселении в Талгарском районе Алматинской области [Байпаков, Марьяшев, 2001, с. 54; Чанг, Савельева, 1996, с. 86-91].

О.В. Кузнецовой проведен технико-технологический анализ керамики с поселения Чарын. В результате выявлено, что для керамики сако-усуньского периода характерна традиция составления формовочных масс сложных рецептов, включающих, кроме глины, еще два компонента органического и минерального характера [Кузнецова, 2000, с. 65].

В 2006 г. в рамках государственной программы «Культурное наследие» акимат г. Алматы инициировал исследование могильника Улжан.

В период с середины XX века до начала XXI века различными исследователями изучено более 30 объектов сакского времени (VIII-III вв. до н.э.).

Исследование могильников дало возможность ученым определить социальную структуру сакского общества. Раскопки поселений позволили говорить о том, что на территории Семиречья уже в раннем железном веке существовала оседло-земледельческая культура, а сакам был присущ не только кочевой образ жизни, но и оседлый.

Таким образом, в изучении кочевников раннего железного века Семиречья достигнуты значительные успехи, накоплен громадный материал, позволяющий достаточно широко осветить сложные этапы становления раннекочевнических обществ на территории Казахстана [Бедельбаева, 2000, с. 237-247].

Литература

Акишев К.А. Курган «Иссык» // В глубь веков (Археологический сборник). – Алма-Ата: Наука, 1974. – С. 61-77.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 130 с.

Акишев К.А., Акишев А.К. Происхождение и семантика иссыкского головного убора // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1980. – С. 14-31.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1963. – 567 с.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Новые данные по изучению поселений эпохи раннего железного века в Жетису // Изв. / МОН-НАН РК. Сер. общ. наук. 1 (224). – Алматы: Ғылым, 2001. – № 1. – С. 53-63.

Бедельбаева М.В. Изучение раннего железного века в 60-90-х годах // Изв. / МОН-НАН РК. Сер. общ. наук 1 (224). – Алматы: Ғылым, 2000. – № 1. – С. 237-247.

Кузнецова О.В. Технико-технологический анализ керамики с поселений сако-усуньского времени из района Жетису // Изв. / МОН-НАН РК. Сер. общ. наук 1 (224). – Алматы: «Ғылым», 2000. – № 1. – С. 63-67.

Хроника экспедиционных работ // Мобилизованный археологией: к 80-летию Акишева Кемаля Акишевича (1924-2003). – Астана: ЕНУ. – 2004. – С. 41-52.

Чанг К., Савельева Т.В. Итоги исследований по казахстанско-американскому археологическому проекту // Изв. / МОН-НАН РК. Сер. общ. наук. 1 (224). – Алматы: Ғылым, 1996. – № 1. – С. 86-91.

К.Г. Коноплева

Челябинск, Южно-Уральский государственный университет

Каменные жертвенники Приаралья, Северного и Центрального Казахстана

Каменные жертвенники, или алтарики, как и любые предметы, встречающиеся в погребальных памятниках ирано-язычных кочевников раннего железного века, являются отражением их материальной и духовной культуры. Данный тип инвентаря широко распространен на территории Приаралья, Северного и Центрального Казахстана. Цель нашего исследования – анализ каменных жертвенников. Первостепенными задачами являются картографирование, классификация каменных столиков и проведение статистического исследования, включающего в себя выявление территории распространения жертвенников в соответствии с их классификацией, установление взаимовстречаемости изучаемых изделий с другими категориями инвентаря, поиск связи жертвенников с поло-возрастными характеристиками погребенных.

Наиболее глубокое исследование, посвященное данным проблемам, принадлежит К.Ф. Смирнову, предложившему типологию и хронологию жертвенников. Он также впервые выдвинул гипотезу, что алтарики – это «жреческий» женский инвентарь [Смирнов, 1989]. В.Н. Васильев классифицировал жертвенники Южного Урала и провел корреляцию жертвенников с другими категориями инвентаря [Васильев, 1998].

В первую очередь нужно классифицировать имеющиеся в нашем распоряжении 68 жертвенника из 55 погребальных комплексов. В основу типологии был положен морфологический принцип, предложенный в монографии К.Ф. Смирнова, где группа определяется наличием или отсутствием ножек, а тип – формой столика или блюда. Также была использована классификация, предложенная В.Н. Васильевым, в которой автор выделяет подтипы.

Все жертвенники были разделены на 2 группы: жертвенники без ножек (плоские) и с ножками. Первая группа делилась на шесть типов, были выделены в отдельный тип «зернотерки».

Для проведения статистического анализа использовалась программа создания базы данных Microsoft Office Access. Все исследуемые нами погребальные комплексы, за исключением одного, были потревожены. Однако, если мы имеем дело с комплексом предметов, связанных с жертвенником, то в большинстве случаев он был непотревоженным, иногда предметы лежали in situ, за исключением м. Сакар–Чага 1, 3, 4, 5, 6 и м. Тарым–Кая 2. Было замечено, что только в Приаралье (могильники Южный Тагискен и Уйгарак) прослеживается традиция класть инвентарь рядом с

жертвенником, в Северном и Центральном Казахстане данная деталь погребальной обрядности не наблюдается, здесь в основном встречаются алтарики вне комплекса предметов, связанных с жертвенником. Обнаружено только два случая положения инвентаря на жертвенник или рядом с ним: в первом был положен оселок (м. Тасмола VI, к. «а»), во втором, рядом с каменным столиком была найдена бронзовая фигурная накладка (м. Нурманбет I, к. 2) [Маргулан и др., 1966]. Что касается Приаралья, то там комплекс, включающий жертвенник и другие предметы, имеет общие черты. В его состав, помимо жертвенника, входят: каменные зернотерка с тёрочником, глиняное пряслице, зубы животных, костяные ложечки со следами красной краски, остатки деревянных палочек (?), конская сбруя, зеркала и глиняная посуда. Особое место в этом наборе занимают зеркала, в 10 исследуемых комплексах присутствуют бронзовые зеркала с ручкой-петелькой и бортиком по краю. Но встречаются случаи, когда зеркала не связаны с комплексом и лежат обособленно (м. Южный Тагискен, к. 60, 66; м. Уйгарак к. 15, 47). К.Ф. Смирнов считал, что жертвенники встречаются исключительно в погребениях женщин-жриц [Смирнов, 1989]. Из 58 погребенных пол 29 был определен – по заключению антропологов, 21% погребенных было мужского пола, 79% – женского.

Хронологический период существования рассмотренных нами каменных жертвенников – VII-IV вв. до н.э. Алтарики клювовидной, овальной форм без ножек и на ножках, «зернотерки» распространены на территории Приаралья, Северного и Центрального Казахстана в VII-VI вв. до н.э. Хочется отметить, что клювовидная форма преобладает в Приаралье, в Северном Казахстане встречено всего два таких жертвенника [Хабдулина, 1994]. В VI-IV вв. до н.э. распространяются каменные блюда прямоугольной формы, столики подпрямоугольной формы с закругленными углами.

Таблица 1. Взаимовстречаемость жертвенников с другими категориями инвентаря (составлена по: Бейсенов, 2001; Бейсенок, Исмагулова, 1992; Вишневская, 1973; Смирнов, 1964; Яблонский, 1996, 1997)

Памятник	Зеркало	Ложка	Пряслице	Зерно-терка	Сосуд	Сбруя	Зубы животных	Жертвен-ник	Пест	Дерево
Южный Тагискен										
К. 26				+				+	+	
К. 28		+		+			+	+	+	
К.36	+		+	+		+		+	+	
К.44								+		
К.49		+	+		+	+		+	+	
К. 45	+		+			+		+		
К. 56				+				+	+	
К. 50			+		+			+		
К. 40	+				+			+		
Уйгарак										
К. 11	+	+						+	+	
К.12						+			+	
К.28				+	+		+			+
К.36				+						
К. 34		+		+	+		+		+	+
К. 45							+	+		
К. 51	+		+			+		+		
К. 74		+		+	+					
К. 64		+						+		+
Сакар–Чага 3										
К. 13		+	+	+			+			
Сакар–Чага 6										
К. 5				+	+				+	
К. 14				+	+				+	
К. 25				+			+			
К. 40				+	+			+		
К. 41			+					+	+	

Таким образом, комплекс предметов, встречающихся с жертвенником, – вещь непостоянная, предметы инвентаря, связанные с жертвенником, могут также образовывать единый комплекс с зеркалом, в то время как жертвенник расположен в другом месте могильной ямы. Считаем правильным уже на первом этапе исследований разделить изученную территорию на два ареала: Центральный, Северный Казахстан и Приаралье. В этих двух регионах присутствует разная традиция погребальной обрядности, связанной с жертвенником. Как мы упомянули выше, есть случаи находок каменных столиков не только в женских, но и в мужских захоронениях.

Литература

Бейсенов А.З. Майкубенские курганы середины I тысячелетия до н.э. в Центральном Казахстане // Изв. МОН РК, НАН РК. Сер. общ. науки. – 2001. – № 1. – С. 66-71.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Характеристика погребений могильника Узкий Лог // Маргулановские чтения. – М., 1992. – С. 128-135.

Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 1998. – Вып. 1. – С. 25-33.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. – М.: Наука, 1973. – 160 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во Наука, 1966. – 436 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 376 с.

Смирнов К.Ф Савроматская и раннесарматская культуры // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 165-177.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы.: Ракурс, 1994. – 170 с.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. – М.: Ин-т археологии РАН, 1996. – 186 с.

Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи. – М.: РОССПЭН, 1997. – 187 с.

А.М. Коростелев

Иркутск, Иркутский государственный технический университет

Керамика в погребально-поминальных комплексах железного века с северо-западного побережья озера Байкал (на примере памятника Байкальское VII)

Керамика является самым массовым археологическим материалом, имеющим большую информативную базу. При исследовании керамического материала есть возможность определить его место в хозяйственной, культурной и религиозно-ритуальной жизни древнего общества. Помимо стоянок, поселений, городищ, керамика встречается на погребально-поминальных комплексах.

Пополнить наши представления о керамической традиции древнего населения северо-западного побережья Байкала позволили раскопки на памятнике железного века Байкальское VII. Объект расположен в 0,45 км к северо-востоку от с. Байкальское в юго-западной части мыса Лударь, на небольшой выположенной площадке, высота которой над уровнем озера Байкал 45-50 м.

Цель данной работы – ввести в научный оборот керамические материалы, полученные при раскопках комплекса № 2 памятника Байкальское VII. Поэтому ограничимся общей информацией об объекте и работах, произведенных на нем.

Погребально-поминальный комплекс Байкальское VII открыт в 1988 г. сотрудниками Иркутского государственного университета А.В. Харинским и М.А. Зайцевым. На месте одной из искусственных каменных кладок (№ 1) заложен раскоп 4х5 м, ориентированный длинными стенками по линии СЗ–ЮВ. Кладка округлой формы в виде кольца, размером 3,2х3,7 м. Под ней зафиксирована яма, ориентированная по линии СЗ-ЮВ. Материал, полученный в результате раскопок комплекса, представлен фрагментом рога благородного оленя, фрагментами костей животных и остатками сосуда с оттисками шнура с внешней стороны стенок. Фрагменты керамики были обнаружены у юго-восточной оконечности каменной кладки, на глубине 10-12 см от современной поверхности. Венчик округлый, отогнутый наружу. По его внешнему краю проходит ряд овальных вдавлений («личиночный» орнамент). Диаметр венчика 19,5 см. Под ним фиксируется ряд круглых вдавле-

ний. В верхней части тулова сосуд украшен двумя зигзагообразными налепными валиками. Комплекс № 1 интерпретирован как поминальная конструкция [Харинский, 1996].

Раскопки на памятнике Байкальское VII продолжены в 2006 г. автором статьи. На месте предполагаемой искусственной каменной кладки в 1 м к юго-востоку от комплекса № 1 заложен раскоп № 2 размером 4х5 м. В ходе работ выяснилось, что комплекс № 2 ограблен в древности, так как камни надмогильной кладки были разбросаны. При расчистке комплекса среди камней кладки обнаружено 492 фрагмента керамики от 4 сосудов, бронзовая поясная пластина и железное изделие. Под кладкой находилась могильная яма. На ее дне хаотично располагались немногочисленные человеческие останки.

Керамика из комплекса № 2 Байкальского VII относится к двум типам: гладкостенная и с оттисками шнура (технический орнамент) с внешней стороны.

1. Фрагмент верхней части гладкостенного сосуда (рис. 1: 1). Диаметр сосуда по венчику равен 18 см. Венчик сосуда прямой симметричной формы слегка отогнут наружу. С внешней стороны венчика расположен треугольный в сечении налеп, деформированный вертикальными вдавлениями, нанесенными треугольной в сечении палочкой. Под налепом проходит горизонтальный ряд круглых вдавлений, диаметром 0,4 см, нанесенных палочкой с плоским окончанием. Расстояние между вдавлениями 1 см. Ниже, в 1,5 см от вдавлений, на тулове сосуда располагается треугольный горизонтальный налепной валик, также деформированный вертикальными вдавлениями, нанесенными треугольной в сечении палочкой. Толщина стенок фрагмента 0,6-0,9 см.

2. Венчик от гладкостенного сосуда грибовидной внешнесимметричной формы (рис. 1: 3). Такую форму фрагмент приобрел из-за нанесенных по внешнему краю венчика пальцевых вдавлений, в результате чего на верхней части венчика прослеживаются неглубокие следы от пальца. На расстоянии 1,5 см от края венчика в верхней части устья имеется круглое вдавление, диаметром 0,5 см, выполненное палочкой с конусовидным окончанием. В 1,5 см ниже его расположено еще одно подобное вдавление. Оба вдавления образуют вертикальный ряд, обрамленный прочерченным зигзагообразным орнаментом, выгнутая часть которого обращена вниз. Верхние концы одного элемента пересекаются с соседним элементом, образуя мотив, состоящий из прочерченных и продавленных элементов. Керамика имеет темно-бурый почти черный цвет, толщина стенки – 1 см. Фрагмент этого сосуда встречен в единственном экземпляре.

3. Венчик сосуда с оттисками шнура прямой симметричной формы (рис. 1: 2) имеет светло-коричневый цвет. Толщина стенок от 0,5 до 0,8 см. У внешнего края венчика расположен треугольный в сечении налеп, деформированный пальцевыми защипами. Под налепом расположен горизонтальный ряд круглых вдавлений, диаметром 0,4 см, нанесенных палочкой с плоским окончанием. Расстояние между вдавлениями 1,5 см. Ниже, в 1,2 см от вдавлений, тулово сосуда орнаментировано аналогичным треугольным горизонтальным налепным валиком, деформированным пальцевыми защипами.

4. Венчик сосуда с оттисками шнура прямой симметричной формы, диаметром 17 см (рис. 1: 4). У внешнего края венчика расположен треугольный в сечении налеп, деформированный пальцевыми защипами. Под ним нанесен ряд круглых вдавлений, диаметром 0,4 см, расположенных на расстоянии 1,4 см друг от друга. На расстоянии 2 см от внешнего края венчика тулово сосуда заметно расширяется. Толщина стенки 0,5 см.

Таким образом, на керамике прослеживаются основные способы нанесения орнамента: продавливание, прочерчивание, пальцевые защипы и налеп. Продавленный орнамент получается путем нажатия на внешнюю поверхность сосуда торцевой частью орнаментира. Отмечены круглые вдавления и вдавления лопаточкой-стеком с острым окончанием. Прочерченные линии встречены в наклонном исполнении, образующим зигзаг. Горизонтальные налепные валики, треугольные в сечении, оформлялись пальцевыми защипами или орнаментировались палочкой с острым окончанием.

Керамика с оттиском шнура, орнаментированная горизонтальными налепными валиками, принадлежит к **сеногдинскому типу** керамики. Она бытовала на побережье Байкала с XIII в. до н.э. до I в. н.э. [Кичигин, 2009]. Первые находки были сделаны на стояночных комплексах в окрестностях с. Байкальское. Помимо стоянок, керамика сеногдинского типа обнаружена в составе сопроводительного инвентаря в погребениях железного века и указанном выше ритуальном комплексе № 1 Байкальского VII.

Приблизительно во II в. до н.э. на смену шнуровой керамике приходит гладкостенная с такими же приемами орнаментации [Кичигин, 2009]. Гладкостенные сосуды, украшенные налепными

валиками, круглыми и овальными вдавлениями относятся к керамике **елгинского типа**, которая встречается на побережье озера Байкал в археологических комплексах конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. [Харинский, Карнышев, 2003]. Подобная керамика имеет обширную территорию распространения по всему байкальскому побережью, в том числе и на Северном Байкале.

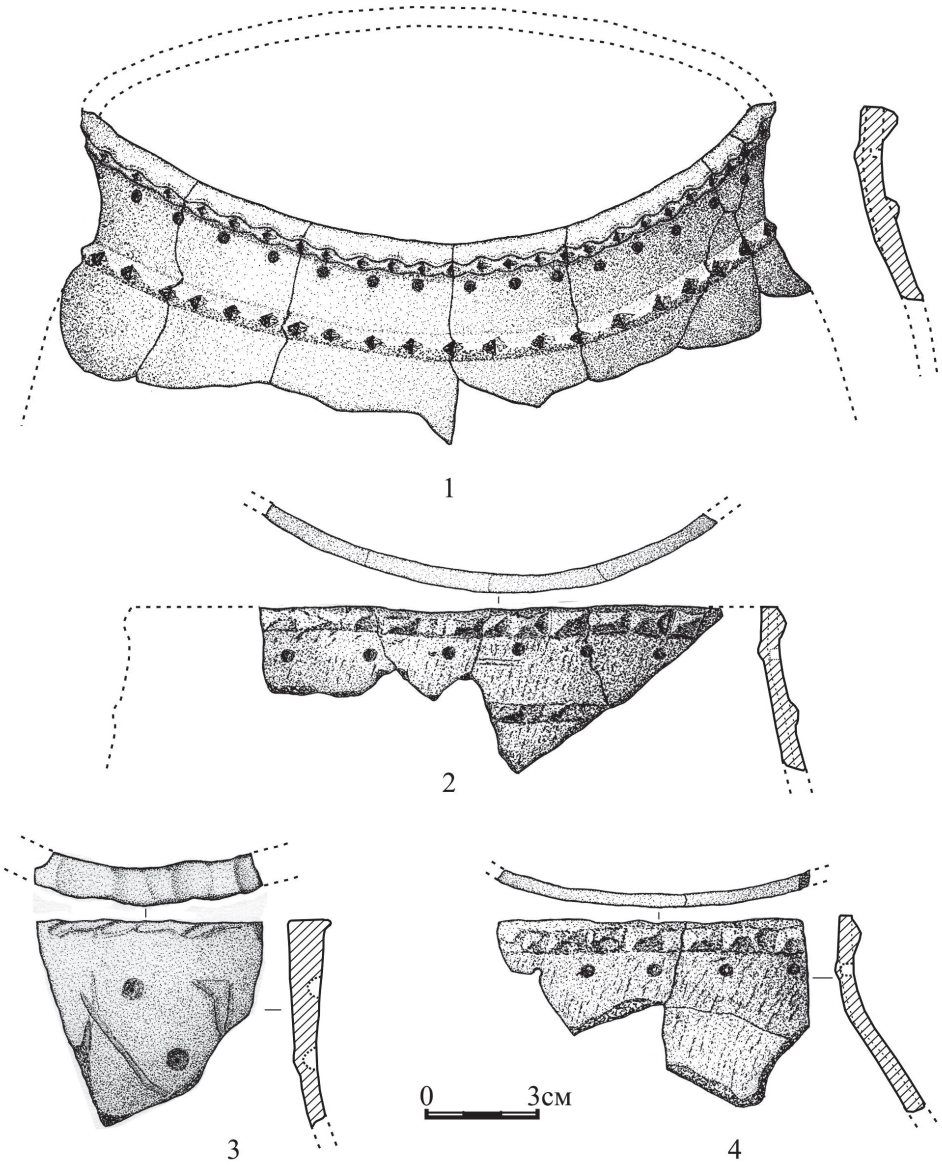


Рис. 1. Байкальское VII, комплекс № 2: фрагменты керамики

Представленный материал указывает на взаимосвязь двух керамических традиций – сеногдинской и елгинской. Это наглядно демонстрируют основные элементы декора – налепной валик, горизонтальный ряд круглых вдавлений под ним. Орнамент лишь в некоторых случаях претерпевает небольшие изменения. Характерным признаком керамики елгинского типа является то, что венчик сосуда плавно переходит в налепной валик. В более позднее время керамика с налепными валиками почти не встречается.

Литература

Кичигин Д.Е. Шнуровая керамика периода позднего бронзового – раннего железного веков западного побережья озера Байкал // Социогенез в Северной Азии: Мат-лы 3-й всерос. конф. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – С. 158-165.

Харинский А.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал и в долине реки Куды в 1995 г. (Северобайкальский район Бурятии, Эхирит-Булагатский район Иркутской области) // Архив ИА РАН. – Р.1., 1996. – С. 45-56. (Иркутск, 1996).

Харинский А.В., Карнышев И.С. Керамические традиции северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н.э. (по материалам стоянки Балтаханова III) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – С. 137-141.

А.В. Костылев
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Каменные наконечники стрел в бронзовом и раннем железном веке Кореи

Основная масса наконечников стрел в бронзовом и раннем железном веке Кореи представлена каменными изделиями, изготовленными из сланца методом шлифовки. Это самая массовая разновидность каменного оружия. Хотя они встречаются не в таком большом количестве памятников, как каменные кинжалы, зато случаи находок стрел часто представлены большими сериями изделий. Каменные наконечники стрел часто встречаются в комплексах с бронзовыми и каменными кинжалами и прочим оружием. Поскольку в составе каменного инвентаря в бронзовом (первая половина I тыс. до н.э.) и начале раннего железного века (IV-II вв. до н.э., «древнечосонский ранний железный век») наблюдается существенное сходство и преемственность, целесообразно рассматривать эти два этапа вместе. Это последний период бытования каменного оружия.

В Корее наибольшее внимание каменным наконечникам стрел, как и другим разновидностям каменных орудий, уделялось на Юге. Это объясняется относительно малой распространённостью здесь металлических изделий. В основном упор делался на определение датировок и хронологическое разграничение типов. Первый комплексный анализ каменных орудий осуществил в 1974 г. И Пэккю, выделив ранний (культура неорнаментированной керамики) и поздний периоды. Юн Токхян разделил каменные орудия на перешедшие в бронзовый век из неолита (культура гребенчатой керамики), орудия культуры неорнаментированной керамики и орудия культуры узких кинжалов. Он также отметил сокращение практического применения каменных орудий с переходом к бронзовому веку. Им Сегвоном (1977) и Чхвэ Соннаком (1982) предпринимались работы по исследованию собственно наконечников стрел. В конце 1980-х гг. комплексное исследование каменных орудий было предпринято Чон Ённэ [И, 1997, с. 747, 765].

Нами была предпринята попытка составить классификацию корейских наконечников стрел, исходя из функционально значимых признаков способов крепления к древку, сечению и форме пера. Результаты сведены в таблице 1.

Черешковые каменные наконечники стрел, наряду со многими другими категориями корейских каменных орудий эпохи раннего металла, часто считаются репликами бронзовых изделий.

Каменные наконечники стрел подтреугольной формы с вогнутым основанием обнаруживают сходство с бронзовыми наконечниками из Ганшана и Лоушана и обычно рассматриваются как их реплики. Такие стрелы часто находят вместе со скрипковидными кинжалами; по-видимому, эти кинжалы и треугольные бесчерешковые стрелы составляют хронологически и этнически единый комплекс, включающий также бронзовые зеркала, кельты с веерообразным лезвием и связанный с керамикой мисонни и погребениями в каменных ящиках и каменных кучах. Этот комплекс обычно отождествляется с Древним Чосоном.

В культуре скрипковидных кинжалов бесчерешковые шлифованные наконечники стрел сопровождаются бронзовыми изделиями на памятниках Чхонгонни, Синге, и Чонбонни. В Чхонгонни и Чонбонни вместе с ними найдены ранние скрипковидные кинжалы. Это позволяет предположить, что подобные наконечники распространялись группами населения, знакомого с металлургией бронзы из бассейна Тэдонгана–Тэрёнгана. Повторное появление бесчерешковых наконечников в Южной Корее может быть связано с воздействием этого района.

Разнообразие типов каменных наконечников стрел, выделяемых даже при беглом рассмотрении, и широкий территориальный разброс показывают, что это было широко распространённое и массовое оружие, очевидно, с большой функциональной дифференциацией форм.

Таблица 1. Классификация каменных наконечников стрел бронзового и раннего железного века Кореи (по: И, 1990, с. 136-150, 156-159, 168-173; И, 1997, с. 41; И, 1991, с. 74, 78, 84; И, 1998, с. 76-77, 97-104; И, 1993, с. 60-62; Чон, 1987а, с. 168, 175; Чон, 1987б, с. 20-22, 28; Сок, 1973, с. 69-70; Сунсиль тэхаккё…, 1988, с. 21; Пальгуль юмуль…, 1998, с. 11, 93; Kim, 1978, с. 90, 94-97, 106, 109, 111, 116, вклейки; Воробьёв, 1961, с. 53, рис. 13; Бутин, 1982, с. 149, 177, 179, 217, 290; Ларичев, 1978, с. 53, 63-67, 70-78)

Отдел	Группа	Тип	Длина	Кол-во	Регион	Время (вв. до н.э.)	Памятник
1. Черешковые	1. выпукло-вогнутые	1. треугольные	5	1	Юг		Вдхр. Тэчхо
	2. двухлопастные	1. треугольные		1			
	3. треугольные	1. треугольные		7	Ляоси, Гирин, Восток, Северо-запад, Запад	VIII-IV	Чходо, вдхр. Тэчхо, Чансонни, Тхосоннни, Конгвири, Седжунни, Кансанни
	4. уплощённо-шестигранные	1. треугольные			Ляоси, Гирин, Северная Корея	VIII-IV	
		2. удлинённо-треугольные			Ляоси, Тэдонган	VIII-IV	
		3. иволистные		1	Восток	VIII-IV	
		4. килевидные		1	Юг	IV-III	Токчхири
	5. округлые	1. удлинённо-шестиугольные	3-4	2	Юг	VIII-I	КХМ
		2. «боеголовковые»	7	2	Юг, Япония	II	Юджонни
	6. ромбические	1. иволистные	9-24	80	Тэдонган, Юг, Восток, Япония	VIII-I	Квэджондон, Кымхэ, Вэдон-7, Мукпанни, Осанни-2, Сачхонни-2, Юджонни-5, Мугери-4, Тэгванни, Понгедон-6, Токсанни, Чонняндон-3, Усанни Нэу, Понгамни, Оримдон, Токчхири-13, Чиндонни, Чуксанни-7, Синчхондон, долина Хвангана-12, Сонгунни-9
		2. ассиметрично-пятиугольные	5-12	6	Юг	III	КХМ, Синчханни, Сонсори, Токчхири
		3. килевидные	4-16	75	Юг, Тэдонган, Восток	VIII-III	Чечхонгун Хвансонни-2, Ёксамдон, Оксонни-14, Кымхэ Мугери-5, Сокхёндон, Санчжапхори-12, МУТ-2, Тэгу Конгвири, Каджыпни-2, Пхонамдон, Тэпхённи-2, Вонбонни-3, Сингири-2, Усанни Нэу-4, Токчхири-3, Тэбондон-12, Сонгунни-2, Паннянни-3, Тэари-9, Сонамни-3, Хонхённи-2, Пукчхан
		4. удлинённо-шестиугольные	5-7	7	Тэдонган, Юг	IV-III	КХМ-2, Кымхэ, Сонсори, Ёнбонни, Токчхири, Тэбондон
		5. треугольные	3-5 * 4-2	12	Тэдонган, Юге	VIII-V	КХМ-3, Кванчжу Токпхунни, Пхонамдон-2, Синчхалли-2, Оксонни, Хынамни-2
		6. удлинённо-треугольные	5-16	77	Тэдонган, Юг, Япония, Восток	VIII-I	Конгвири-2, Чечхонгун Хвансонни-2, Симчхалли, МУТ, КХМ-2, Осанни, Хынамни, Сачхонни, Мансон-2, Оындон-2, Мугери, Юджонни, Конбунни-2, вдхр. Тэчхо-4, Ёнбонни-4, Обонни-5, Усанни Кокчхон-2, Токсанни, Усанни Нэу-2, Волланни Саби, Сичхонни-2, Самгори, Чхимсандон-2, Тэпхённи-4, Токчхири-8, Джольсонни-2, Мукбанни, Симчхонни-2, Удонни-3, Тэбондон, Мисандон, Кисондон, басс. Хвангана-6, Соккони, Мугери, Сонгунни, Хонхённи-4, Санмэри-3, Пукчхан - 7
		7. удлинённо-ромбические	6-18	38	Тэдонган, Юг, Япония	III-II	Хвансонни-16, Симчхолли-2, Сонгунни-6, Тэганни-3, Удонни, Хачхонни-6, Тэбондон-3, Санмэри
		8. листовидные	8-16	8	Тэдонган, Юг, Япония	III-I	Сонгунни, Санджапхори, Юджонни-2, Хвансонни-2, Тэгванни, Удонни
2. С вогнутым основанием	1. уплощённо-шестиугольные	1. килевидные	5-8	25	Ляонин, Корея	XII-IV	КХМ-2, Пхонамдон-6, МУТ-3, Хынамни, Пирэдон-2, Хвансонни, Кактонни-2, басс. Хвангана, Конгвири, Симгвири, Одон, Пукчхан - 3
		2. удлинённо-треугольные	4-8	34	Ляонин, Корея	XII-IV	Ёксамдон-2, Оксонни-2 (VIII-VI), Кванчжу Мёнгилли-4, Каракни (XII-VII)-3, Чхонголли (V-IV), Хвансонни-7, Хынамни-6, басс. Хвангана-2, Чонняндон, Сонамни, Пирэдон-2, Чояндон-2, Пукчхан
	2. ромбические	1. ассиметрично-пятиугольные	6		Ляонин, Корея	VIII-I	КХМ
		2. иволистные			Ляонин, Северная Корея		
	3. линзовидные	1. иволистные 2. треугольные			Ляонин, Северная Корея		
3. С прямым основанием	1. уплощённо-шестиугольные	1. удлинённо-треугольные		23	Юг, Восток, Япония	III	Санджапхори, Чолла-3, Чхонгонни-2, Чундо-4, Квэджондон-3, Чодо, Чонбонни-3, Чояндон-4, Токсори, Сорокто
		2. ассиметрично-пятиугольные		13	Тэдонган, Юг, Восток	VIII-IV	Квэчжондон-3, Ханган-4, Симчхолли, Чхонгалли-3 (V-IV), Одон (VIII-IV)
		3. иволистные		2	Восток	VIII-IV	Чходо-2
	2. ромбические	1. удлинённо-треугольные	5-9	7	Тэдонган, Юг		Басс. Хангана, Симчхолли, Сачхонни-2, Хвансонни, Мисандон-2
	3. прямоугольные	1.треугольные		2	Тэдонган, Северо-запад	X-IV	Сопхо, Мисонни (X-IV)
4. С приострённым основанием	1. ромбические	1. ассиметрично-ромбические	13-17	11	Тэдонган, Юг, Восток	IV-III	Симчхолли, Сингири, Усанни Кокчхон, Удонни, Чхонджонни-2, Чундо-4, Санджапхори
		2. удлинённо-ромбические		9	Тэдонган, Восток, Юг	IV-III	Симчхолли, Одон, Тэгванни, Сичхонни, Токчхири-2, Чуксанни-2, Удонни
	2. уплощённо-шестиугольные			2	Северо-восток	VIII-IV	Одон, Чходо
	3. линзовидные			2	Тэдонган, Гирин	VIII-IV	Симчхолли, Ситуаньшаньцзы

Литература

Бутин Ю.М. Древний Чосон. – Новосибирск: Наука, 1982. – 330 с.

Воробьёв М.В. Древняя Корея: историко-археологический очерк. – М.: ИВЛ, 1961. – 150 с., 42 табл.

И Ёнмун. Хонам чипанэ чисокмё чхультхо юмурэ тэхан кочхаль [Анализ находок в дольменах в районе Хонам] // Хангук когохакпо 25.1990 [Археология Кореи № 25, 1990]. – Сеул: Корейское археологическое общество, 1990. – С. 95-173.

И Ёнмун. Ханбандо чхультхо пипхахён тангом хёнсик пунсок сирон [Очерк морфологической классификации скрипковидных кинжалов, найденных на Корейском полуострове] // Пакмульгван киё 7 (1991) [Музейный вестник № 7 (1991)]. – Центральный музей университета Тангук, 1991. – С. 61-110.

И Ёнмун. Чоннам чипан чисокмё сахвээ ёнёкквонгва куджоэ тэхан комтхо [Обзор территориальной и общественной структуры общества дольменов в районе Чолла] // Сонсава кодэ (5) [Первобытность и древность № 5]. – Сеул: Общество древней истории Кореи, 1993. – С. 41-69.

И Ёнмун. Хангук чхонтонги сидэ ёнгу гваджипва гваджэ [Итоги и задачи изучения бронзового века Кореи] // Чоннам сахак [Исторические науки в Южной Чолле]. – Кванджу, 1997. – № 11. – С. 747-782.

И Ёнмун. Чоннам чипан чхультхо мадже соккомэ гванхан ёнгу [Исследование шлифованных каменных кинжалов, найденных в Южной Чолле] // Хангук санкоса хакпо. 24 [Древняя история Кореи № 24]. – Сеул: Об древней истории Кореи, 1997. – С. 7-71.

И Ёнмун. Хангук пипхахён тангом мунхваэ тэхан кочхаль [Изучение культуры корейских скрипковидных кинжалов] // Хангук когохакпо 38 чип 1998 [Археология Кореи № 38, 1998]. – Сеул: Корейское археологическое общество, 1998. – С. 63-104.

Ларичев В.Е. Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 9-87.

Пальгуль юмуль тхыкпёльджон. Тонгук тэхаккё Кёнджу кхэмпхосы кэгё 20 чжунён гинём [Специальное собрание раскопанного инвентаря. К двадцатилетию основания университета Тонгук в Кёнчжу]. – Кёнджу, 1998.

Сок Пханчжун. Пукчхан юджогэ тольсанджа мудомгва коиндорэ тэхаё [О погребениях в каменных ящиках и дольменах памятника Пукчхан] // Когоминсок нонмунджип [Сборник статей по археологии и этнографии]. Пхеньян, изд. Академии общественных наук, 1973. – С. 62-71.

Сунсиль тэхаккё пусоль Хангук кидоккё пакмульгван [Корейский христианский музей университета Сунсиль]. – Сеул, 1988.

Чон Ённэ. Введение в изучение шлифованных каменных орудий Восточной Азии. Оита, Фукуока, 1987 (на яп. яз.). – 50 с.

Чон Ённэ. Соккиэ пигё (Ильбонгва пигё) [Сопоставление каменных орудий (сопоставление с Японией)] // Хангуксабо . 17 [История Кореи, вып. 17] (Ханкугэ Когохак. IV [Серия «археология Кореи», вып. IV]). – Сеул, 1987. – С. 131-301.

Kim Jeong-Hak. The Prehistory of Korea. – Honolulu, 1978. – 237 p.

Т.А. Краскова

Барнаул, Алтайский государственный университет

Собирательство и его роль в системе жизнеобеспечения пазырыкского населения*

Вопрос о роли собирательства в системе жизнеобеспечения населения Горного Алтая до сих пор не стал предметом тщательного изучения. Однако результаты проведенного нами палеоантропологического исследования позволяют с уверенностью говорить о существенной доле продуктов

* *Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (Шифр 2009-1.1-301-072.016)*

растительного происхождения в питании «пазырыкцев» [Тур, Краскова, 2008, с. 220; Краскова, 2009, с. 137].

Собирательство на основании археологических материалов отмечали С.И. Руденко [1953, с. 78], В.Д. Кубарев [1987, с. 137], А.Л. Кунгуров [1994, с. 45]. Об употреблении в пищу съедобных диких растений алтайцами в XVII-XX вв. писали В.И. Вербицкий, В.В. Радлов, В.И. Верещагин, Л.П. Потапов и др.

В кургане № 23 могильника Юстыд-XII были обнаружены бусины из кедрового ореха, кедровые орехи были найдены в ряде женских погребений Юстыда [Кубарев, 1991, табл. LII.-29]. В кургане № 7 могильника Юстыд-I найдены фруктовые косточки дикого миндаля [Кубарев, 1991, табл. XII.-7]. Небольшие печеные лепешки из протертых зерен дикорастущего злака волосенца обнаружены в к.2 могильника Уландрык-I [Кубарев, 1987, с. 156-157]. Семена донника и дикой конопли найдены в кургане №2 памятника Пазырык [Руденко, 1953, с. 52]. В кургане № 1 комплекса Ак-Алаха-3, во Втором, Третьем и Пятом Пазырыкских курганах были найдены зерна кориандра [Руденко, 1953, с. 366; Полосьмак, 1997, с. 35].

Вероятно, у «пазырыкцев» кедровый промысел играл существенную роль. А бусины из кедрового ореха свидетельствует о максимальной утилизации продуктов. М.В. Чевалков отмечал, что в урожайные годы с хорошего кедра получают до полутора пудов ореха [Соёнов, 2002, с. 56]. Из этнографической литературы известно, что кедровый орех часто перетирали вместе со скорлупой, скатывали из полученной массы шарики и в таком виде ели [Потапов, 1936, с. 20].

Семена донника, видимо, использовались в лечебных и ритуальных целях. Семена дикой конопли предназначались для ритуального курения. Курили, по всей вероятности, и мужчины, и женщины [Руденко, 1953, с. 78]. Однако, это не исключает возможности пищевого использования конопляных зерен.

Большинство съедобных растений употреблялись «пазырыкцами» в свежем виде. Но часть растительной пищи должна была заготавливаться на зиму. Возможности собирательства ограничены временными рамками весенне-осеннего сезона. Для заготовки на зиму продукты должны были хорошо просушиваться, иначе их длительное хранение затруднено.

Перед употреблением некоторые виды растительной пищи «пазырыкцы» перетирали на каменных зернотерках или перемалывали на ручных мельницах. Своеобразный «клад» лекарственных и съедобных растений (шалфей, мята, крапива, лебеда, душица, лапчатка и котовник) был найден на поселении Тыткескень-3 под одним из таких «жерновов» [Кунгуров, 1994, с. 45]. Размолотые зерна волоснеца являлись одной из составных частей формообразующего вещества-основы женских париков из погребений в курганах Южного Алтая [Полосьмак, 1997, с. 36].

В пазырыкских курганах часто встречаются ветки курильского чая, которые зафиксированы в погребениях могильников Пазырык, Уландрык, Юстыд, Барбургазы и Малталу и др. в качестве подстилки, перекрытия сруба, наполнителя подушек [Руденко, 1953, с. 36; Кубарев, 1987, с. 21; 1991, с. 29; 1992, с. 16]. Для набивки подушек и устройства перекрытия срубов применялись различные мхи [Руденко, 1953, с. 370].

Растения использовались и для набивки мумий, но это был не какой-то особый набор трав с антисептическими свойствами, как у скифов, а трава пастбищ, окружавших могилы, т.е. обычные травы, поедаемые скотом [Полосьмак, 1997, с. 29].

Еще одной сферой применения продуктов собирательства была обработка растительных волокон крапивы, конопли, кендыря. Обрывки такой ткани простого, полотняного переплетения обнаружены во Втором Пазырыкском кургане [Руденко, 1953, с. 241].

В качестве орудий для собирательства использовали как специальные – корнекопалки и лопаты, так и полифункциональные орудия [Соёнов, 2002, с. 56; Кубарев, 1991, табл. XXXVII.-34]. В заполнении могильных ям некоторых курганов из могильников долины р. Юстыд найдены обломки оленьих и козьих рогов, которые, несомненно, использовались для рыхления почвы; в кургане № 1 могильника Юстыд-XXII найдена обломанная деревянная лопата; в кургане № 16 того же памятника зафиксирована корнекопалка [Кубарев, 1991, с. 24, табл. XXXVII.-34]. Кроме непосредственно выкапывания, необходимые коренья могли получать путем разорения нор мелких грызунов.

В питании северных и южных алтайцев, шорцев и других народов Саяно-Алтайского региона очень большую роль играли корни кандыка [Потапов, 1936, с. 18; 1953, с. 62]. Весьма распространенным было собирание корней сараны, пиона. У южных шорцев, например, сохранилось предание, что во время зимних и весенних голодовок выживали обычно те, которые запасали на

зиму корни пиона, зарывая их в землю в целях сохранности. Массовым до сих пор остается сбор черемши. Из других растений в пищу употребляли: горный чеснок или лук, лук-слизун, овечий слизун, вшивик, дягиль и борщевик. У южных алтайцев было распространено собирание ревеня. У шорцев шли в пищу стручки журавлиного гороха. Значительную долю в питании составляли ягоды: черемуха, рябина, калина, смородина, черника, брусника, крыжовник.

Традиционно собирательством занимались женщины. Результаты палеоантропологического исследования подтверждают, что и у «пазырыкцев» это была преимущественно забота женщин и детей [Тур, Краскова, 2008, с. 220; Краскова, 2009, с. 137].

Таким образом, собирательство играло значительную роль в жизнеобеспечении «пазырыкцев». Можно выделить несколько сфер применения продуктов: пищевая, ритуальная и техническая. Кроме того, присутствие среди находок несвойственных алтайской флоре видов (кориандр, миндаль) позволяет выявить круг торговых и культурных связей населения Алтая. Результаты палеоантропологического исследования позволяют по-новому взглянуть не только на соотношение собирательства с другими отраслями хозяйства, но и проследить половозрастное распределение обязанностей в обществе.

Литература

Краскова Т.А. Результаты палеоантропологического исследования населения пазырыкской культуры // Археология и этнография Азиатской части России (новые материалы и гипотезы, проблемы и методы). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – С. 136-138.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 201 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 219 с.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 43-58.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: Автореф. дис. …д-ра. ист.наук. – Новосибирск, 1997. – 54 с.

Потапов Л.П. Мотыжное земледелие и собирание корней // Очерки по истории Шории. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – Очерк 1. – С. 40-52.

Потапов Л.П. Пища алтайцев (этнографический очерк) // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М.; Л., 1953. – Т. 14. – С. 37-71.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Соенов В.И. Собирательство растительной пищи на Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. – № 9. – С. 40-56.

Тур С.С., Краскова Т.А. Население пазырыкской культуры Средней Катуни: зубные индикаторы палеодиеты // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 216-220.

Е.В. Кротова

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

Хронологическая характеристика инокультурной керамики Быстровского некрополя

Керамика является массовым и наиболее информативным источником по вопросам хронологии и этнической принадлежности археологических комплексов.

Каждая культурно-территориальная группа в процессе своего существования и развития взаимодействует с рядом соседей. Результатом такого взаимодействия может стать взаимопроникновение и заимствование элементов чужих традиций, отразившихся в керамическом комплексе.

Целью данной работы является хронологическая характеристика инокультурной керамики в керамическом комплексе Быстровского некрополя эпохи раннего железного века в Новосибирском Приобье. Для этого необходимо решить ряд задач: 1) установить, с какими культурными группами взаимодействовало население, оставившее Быстровский некрополь; 2) определить вре-

менные рамки данного взаимодействия; 3) проследить изменения в керамическом комплексе в этот временной период.

Быстровский некрополь состоит из трех последовательно сформировавшихся [Бородовский, 2002, с. 85] курганных групп и располагается на правом берегу р. Оби в Искитимском районе к северо-востоку от одноименного села. Памятник Быстровка-1 датировался Т.Н. Троицкой III-II вв. до н.э. [Троицкая, 1983, с. 42], Быстровка-2 датировался А.П. Бородовским V-II вв. до н.э. [Бородовский, 2009, с. 71], Быстровка-3 датировался И.А. Дураковым II в до н.э. – I в. н.э. [Дураков, Мжельская, 1995, с. 54] и А.П. Бородовским II-I вв. до н.э. [Бородовский, 2009, с. 7].

В целом, по мнению А.П. Бородовского [2009, с. 7], Быстровский некрополь можно отнести к V-I вв. до н.э., что расходится с традиционной датировкой. Данная датировка основывается на естественнонаучных методах (радиоуглеродного и дендрохронологического датирования). На территории Новосибирского Приобья в этот период складывается полиэтническая культура, сочетающая в себе элементы культур сакского круга (юг), саргатской (запад) и кулайской (север) культур. Эти связи прослеживались Т.Н. Троицкой, которая относит их к III-II вв. до н.э. с саргаткими племенами, а с III-I вв. – с кулайскими [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 73].

Форма кувшинчиков VI-I вв. до н.э. соответствует аналогичным сакским сосудам VII-VI вв. до н.э. Некоторые сосуды сакского типа из керамического комплекса курганной группы Быстровка-2 происходят из погребений, имеющих радиоуглеродную датировку (погребение-4, курган-7 – 522-372 гг. до н.э.; погребение-11, курган-2 – 550-388 гг. до н.э.). Эти сосуды имеют грушевидную форму. Кроме того, в погребениях V-III вв. до н.э. обнаружены кувшины с резным орнаментом, имитирующим швы. Этот специфический орнамент отражает контакты населения верхнеобского региона в V-III вв. до н.э. с саками Тянь-Шаня, Юго-Восточного Казахстана, а также населения Северного Алтая и Синьцзяна. В V-IV вв. до н.э. встречаются сосуды на поддоне, но в II-I вв. до н.э. этот тип посуды исчезает [Бородовский, 2009, с. 54]. В керамическом комплексе Быстровского некрополя имеется сосуд на поддоне (рис. 1-1), который происходит из погребения с радиоуглеродной датировкой (погребение-8, курган-2 – 610-406 гг. до н.э.).

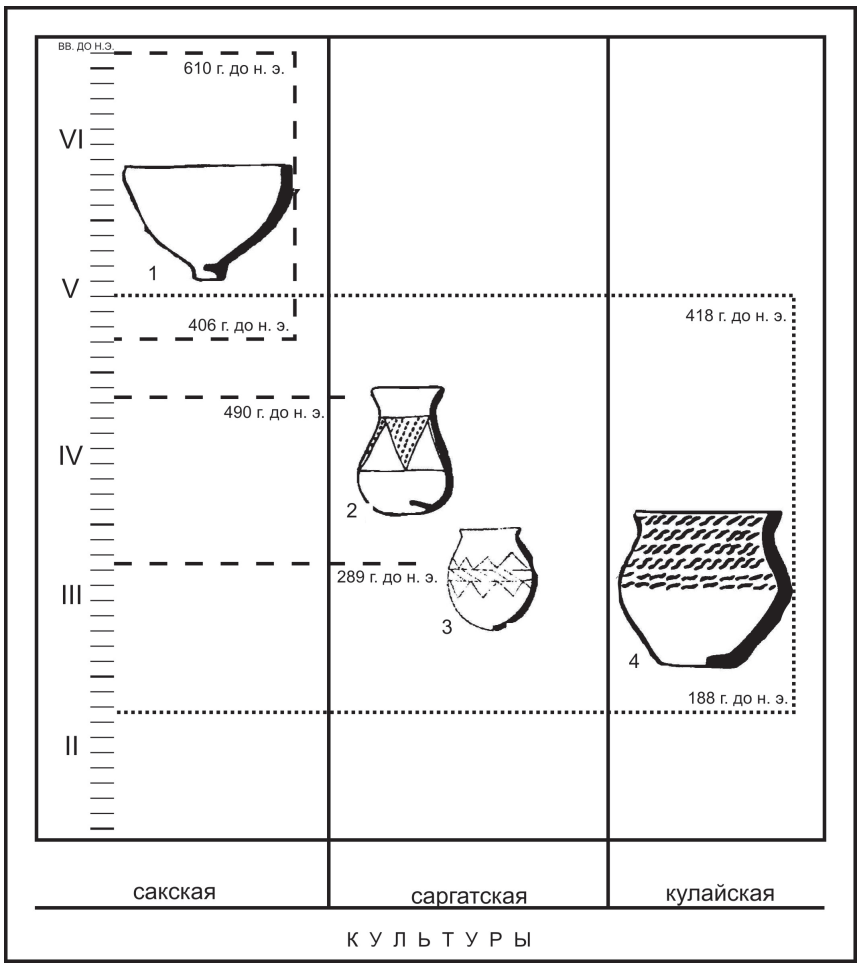


Рис. 1. Хронология инокультурной керамики Быстровского некрополя

Сосуды саргатского типа встречены в погребениях с дендрохронологической (погребение-5А, курган-4 – 490 г. до н.э. (рис. 1-2); погребение-25, курган-3 – 289 г. до н.э. (рис. 1-3); погребение-13, курган-4 – 407 г. до н. э.; погребение-25Б, курган-4 – 417 г. до н.э.) и радиоуглеродной (погребение-10, курган-10 – 114-116 гг. до н.э.; погребение-13, курган-10 – 278-264 гг. до н.э.) датировками. Появляются кувшины с яйцевидным туловом [Бородовский, 2009, с. 55]. Ярким примером контактов с саргатскими племенами является полное соответствие сосудов с рогообразным орнаментом из памятников Быстровка-2 и Венгерово-7 [Бородовский, 2002, с. 93].

Наличие типичной кулайской посуды в керамическом комплексе памятника Быстровка-2, датированного с помощью радиоуглеродного анализа (погребение-2, курган-9 – 416-188 гг. до н.э. (рис. 1-4)), позволяет говорить о контактах населения, оставившего Быстровский некрополь, с носителями кулайской культуры на протяжении V-II вв. до н.э.

Таким образом, можно говорить о динамике инокультурной керамики в керамическом комплексе Быстровского некрополя. В керамическом комплексе Быстровского некрополя присутствует сакская посуда в VII-IV вв. до н.э. На протяжении V-II вв. до н.э. встречается саргатская и кулайская посуда III-II вв. до н.э.

Хронологическая характеристика инокультурной керамики в керамическом комплексе Быстровского некрополя говорит о контактах населения, проживавшего на территории Быстровского некрополя, с южными (сакскими) племенами в VII-V вв. до н.э.; с западными племенами, а именно с саргатскими, в V-II вв. до н.э., что расходится с традиционной датировкой контактов этих двух групп населения. В III-II вв. до н.э. с северными, т.е. кулайскими. Эти данные совпадают с точкой зрения Т.Н. Троицкой о первой волне миграции кулайского населения в Новосибирское Приобье в III-II вв. до н.э. Ранее Быстровский некрополь соотносился с более поздними миграционными волнами.

Литература

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. – Новосибирск, 2002. – 207 с.

Бородовский А.П. Традиционные и естественные методы датирования погребальных комплексов. – Новосибирск, 2009. – 91 с.

Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. – Новосибирск, 1995. – С. 47-65.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.

Троицкая Т.Н. Могильник Быстровка-1 как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1983. – С. 31-50.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

О.И. Кыштымова
Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Скальные культовые памятники Шайтанского озера (Среднее Зауралье)

Первые археологические памятники на Шайтанском озере были открыты в 1990 г. В настоящее время на берегах озера выявлено 14 археологических памятников [Сериков, 2004]. Среди них большой интерес представляют памятники, расположенные на невысоких гранитных останцах (шиханах).

Шайтанский Шихан. Он сложен гранитными валунами размером от 1 до 4,5 м. Его диаметр около 30 м, периметр – 90-95 м. В верхней части шихана в горизонтальном положении находится ровная плита размером 3,7×1,3×1,1 м. На ней присутствуют два образованных шлифовкой углубления диаметром до 0,6 м. К центральному углублению идут шесть проточенных канавок длиной 25-35 см. Автор раскопок полагает, что данная плита служила жертвенником [Сериков, 2007].

На святилище найдено свыше 3 тыс. находок, которые представляют все археологические эпохи от мезолита до раннего железного века. Примечательным является находка на святилище двух массивных патинированных скребков на отщепах, которые можно отнести к раннему палеолиту. Их появление на святилище связано с вторичным использованием изделий предшествующих эпох.

Эпоха мезолита представлена нуклеусом и единичными микропластинками. С эпохой неолита связаны 2 пряслица и около двух десятков фрагментов керамики от двух сосудов.

Более представителен энеолитический комплекс. На шихане присутствует керамика трех культурных типов: аятского, липчинского и шувакишского. С шувакишской керамикой связано погребение с трупосожжением, обнаруженное в щели между валунами. Оно содержало свыше 70 костяных подвесок, обломки орудий, отщепы, и было засыпано мелкими кусочками талька. Из каменных изделий можно отметить пластины, скребки, наконечник дротика, обломки наконечников стрел. Большой интерес представляет кремневая скульптурка лося.

Самый многочисленный комплекс находок относится к раннему железному веку. В его северо-восточной части выявлена культовая площадка с прокалами, которые сопровождались развалами 8 сосудов гамаюнской культуры. Наиболее интересными находками этого периода являются медные идол и бляха. Из других находок нужно отметить обломки от двух тиглей, три рубящих орудия, пест, семь рыболовных грузил [Сериков, 2006].

Следует отметить, что в северо-восточной части святилища найдены сильно дробленые кальцинированные кости ребенка и взрослого человека. Предварительно они были отнесены к раннему железному веку, но после находки энеолитического погребения в щели вопрос их датировки требует уточнения.

Южный Шихан. Находится на южной окраине Шайтанского озера II. Его высота 7 м, диаметр – около 18 м. На памятнике выявлены находки, датируемые эпохами мезолита, энеолита, ранней бронзы и раннего железа.

Среди находок представляет интерес почти целый сосуд эпохи раннего металла с округлым дном высотой и диаметром 10 см и миниатюрный бифас раннепалеолитического времени.

Из почти 500 находок, выявленных на Южном Шихане, большая часть относится к раннему железному веку. Среди них керамика, топорик, песты, скребки, тальковая и керамическая нашивки, куски дробленого кварца, отщепы. Находки по большей части располагались ближе к подножию шихана. Наиболее значимые находки находились под валунами. Самые впечатляющие находки на Южном Шихане связаны с остатками человеческих жертвоприношений. Под валуном в восточной части шихана была найдена раздавленная чаша, выполненная из свода черепа мужчины. Немного ниже находился раздавленный женский череп. На нем были обнаружены остатки налобной повязки. К повязке крепились медные диски диаметром 4,5 см, на которых был изображен вписанный в круг крест. Лицевая сторона дисков имеет ребристую поверхность. При черепе сохранились 2 шейных позвонка, что свидетельствует о том, что женская голова была отрезана. Невдалеке от черепа обнаружен птицевидный медный идол. На западной стороне шихана в щели между валунами найден еще один медный диск. Он немного крупнее первых, его диаметр 5,5 см. Диск также выполнен в виде креста, вписанного в круг. Кроме чаши и черепа на святилище найдены кальцинированные и сильно дробленые кости еще двух человек. Они были рассеяны практически по всей восточной части шихана [Сериков, 2008].

Средний Шихан. Ограничивает западную окраину памятника Шайтанское озеро I. На нем присутствуют материалы мезолита и в основном раннего железного века, в том числе развал сосуда, медный птицевидный идол, пластинки меди, пуговица из кости и кальцинированные и сильно дробленые кости двух человек – женщины и младенца. Поверхность крыльев и хвоста идола ребристая. В центре идола, на лицевой стороне, находится треугольный выступ. На оборотной стороне – выпуклый крест.

Гранитный грот Шайтаноозерский Каменный Остров I. Расположен на восточном берегу Шайтанского озера. Сложен он большими гранитными валунами в виде скального навеса. Среди находок керамика, наконечники стрел, заготовки, отщепы, остатки защитного доспеха, бусы. Комплекс датируется временем от мезолита до раннего железа. По мнению автора раскопок, данный памятник использовался в качестве кратковременного убежища [Ерохин, 1999]. По мнению Ю.Б. Серикова, грот является культовым комплексом, содержание которого практически полностью соответствует находкам со святилища Шайтанский Шихан [Сериков, 2007].

В 2009 г. в результате целенаправленного обследования скальных шиханов, расположенных вдоль кромки заболоченной части озера, были открыты еще два святилища: Дальний Шихан и Шихан на Просеке. Оба памятника датируются эпохой средневековья.

Нахождение святилищ на возвышенностях не случайно. Подобные святилища были известны и ранее, но не привлекали внимание исследователей.

Е.М. Берс в своем исследовании приводит сведения о памятниках, которые находились на невысоких гранитных возвышенностях. Из случайных находок там были обнаружены медные копья, человекообразные или птицевидные идолы. 60 лет назад эти памятники были отнесены к стоянкам и поселениям. Такие как стоянка на Малых Палатках, стоянка у озера Глухого, стоянка на урочище Красная Гора и др. [Берс, 1951]. Специальных исследований этих памятников не проводилось. На данный момент полностью исследованным являются только скальные святилища Шайтанского озера, поэтому сравнивать их пока не с чем. Но в любом случае ясно, что памятники на скалистых шиханах, открытые в середине прошлого века, являются не стоянками, а святилищами.

Таким образом, к известным святилищам, расположенным на вершинах гор, добавляется еще один тип – святилища на гранитных останцах (шиханах). Функционировать они начали еще в эпоху мезолита и эпизодически использовались вплоть до эпохи средневековья. Расцвет их функционирования приходится на ранний железный век. Для этого времени характерны человеческие жертвоприношения, медные идолы и вторичное использование изделий предшествующих эпох.

Литература

Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. – 1951. – № 21. – С. 182-248.

Ерохин Н.Г. Шайтаноозерский Каменный Остров I – многослойный археологический объект в гранитном гроте (особенности формирования культурного слоя) // III Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. – Екатеринбург: Банк культ. информ., 1999. – С. 74-76.

Сериков Ю.Б. Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2004. – С. 101-146.

Сериков Ю.Б. Культовый комплекс святилища на острове Шайтанский Шихан // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Изд-во Квадрат, 2006. – С. 78-83.

Сериков Ю.Б. Скальные культовые памятники Шайтанского озера // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 42-49.

Сериков Ю.Б. Южный Шихан – новый тип святилища на Шайтанском озере // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 289-292.

О.С. Лихачева
Барнаул, Алтайский государственный университет

Морфологический анализ кинжалов эпохи бронзы Обь-Иртышского междуречья

Кинжалы – оружие ближнего боя, предназначенное преимущественно для колющего удара, в меньшей степени для режущего [Горелик, 2003, с. 15]. В эпоху бронзы являются одной из наиболее распространенных категорий вооружения. Тем не менее, среди исследователей до сих пор нет единого мнения о том, какие критерии лежат в основе разграничения таких понятий, как ножи и кинжалы. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 91] считают наличие цельнолитой рукояти главным признаком кинжалов, двулезийные орудия с череном определяются ими ножами-кинжалами. Н.А. Аванесова за определяющий критерий берет выемку у основания клинка, кинжалы в ее классификации – это тип (А) двулезвийных ножей [1991, с. 22–23]. В современных исследованиях по данному вопросу чаще всего за основу разграничения берутся размеры изделий и их функциональное назначение [Подобед и др., 2009, с. 4].

На основе анализа конкретного материала ***кинжал*** определяется нами как двулезвийное коротколинковое оружие ближнего боя колюще-режущего действия. Помимо двух лезвий, основным отличием от ножей является симметричный клинок, когда оба лезвия его равноудалены от цен-

тральной оси. Кинжал состоит из клинка – поражающей части и черена, предназначенного для его удержания.

Обратимся к морфологии рассматриваемой категории. В оружиеведческой литературе у кинжалов выделяют следующие конструктивные элементы: **рукоять** и **черен (черешок)** – держатель, **клинок** – рабочая часть, **перекрестье** и **гарда** – элементы, предохраняющие кисть руки от удара. Клинок, в свою очередь, состоит из: **лезвий**, **пяты** и острого **конца**, иногда может иметь **желобки (долы) [**Трубников, 2002, с. 42; Драко, 2000]. М.В. Горелик также выделяет **клинок**, который состоит из **лезвий**, **острия**, может присутствовать и **дол (долы)**, **рукоять** или **черен-хвостовик** [2003, с. 15]. Дополнительно исследователь рассматривает у рукояти **навершие,** а у клинка – **ребра жесткости.** Развернутый морфологический анализ рассматриваемой категории дают Ю.Г. Кокорина и Ю.А. Лихтер [1995, с. 56]. К основным деталям кинжала они относят: **клинок, рукоять, навершие** (элемент, противопоставленный клинку) и **перекрестие** (элемент, перпендикулярный клинку, расположен между клинком и рукоятью). У некоторых кинжалов, помимо этого, выделяются: **крепление, шип** и **ушко.** Для клинка указанные авторы отмечают следующие элементы: **полотно, выемка, выступ, вершина, спинка** и **конец**.

Таковы общие морфологические особенности кинжалов. Теперь отдельно остановимся на морфологической характеристике материалов эпохи бронзы.

Для держателя обычно используется наименование **черенок (черешок)** или **насад**. В случае, если он имеет литое **навершие**, то его обозначают как **рукоять**, рабочая часть у большинства авторов именуется **клинком**, этот же элемент могут называть **пером**, либо **лезвием [**Бородовский и др., 2002, с. 14–15]. Непосредственно у клинка выделяют следующие детали: **основание, лезвия, острие (конец, окончание)**. Г.Е. Иванов отмечает дополнительную деталь клинка – **плечики** [2006, с. 196]. Элемент, проходящий по центру клинка и служащий для его укрепления, обычно обозначается как **ребро жесткости,** могут применяться и такие обозначения, как: **«нервюра», «жилка»** [Уманский, 1964, с. 66–67]. У рукояти, помимо литого **навершия**, В.И. Молодин [1993, с. 11] по материалам могильника Сопка-2 выделяет дополнительные детали из органических материалов: **обмотка** (сыромятный ремешок) и деревянные **накладки**. Место перехода клинка в рукоять называют **перекрестием** [Уманский, 1964, с. 191].

Анализируя вышеизложенное, отметим, что в оружиеведческой литературе термины **перо** и **черешок** используются применительно к оружию средней и дальней дистанции (дротики, копья, стрелы). Следовательно, применение их для обозначения деталей кинжалов не вполне корректно. **Перекрестие** (крестовина) определяется как поперечная пластина между череном и клинком [Трубников, 2002, с. 54, 92]. У кинжалов эпохи бронзы этот элемент либо не встречается, либо присутствует только в зачаточном виде. В то же время, большое количество обозначений для одного и того же конструктивного элемента приводит к терминологической путанице и, зачастую, подмене одного понятия другим, когда клинок называется лезвием. Следовательно, унификация в названии конструктивных элементов кинжалов эпохи бронзы является достаточно актуальной.

С учетом всех приведенных выше данных, а также на основание анализа материала у кинжалов нами выделяются следующие конструктивные элементы: поражающая часть – **клинок**, удерживающая – **черен**. У некоторых кинжалов между клинком и череном может быть расположен **упор** – объемное расширение клинка или черена, элемент, представляющий собой поперечную пластину между череном и клинком, незначительно выступающий за лезвия клинка – **протоперекрестие**. Клинок, в свою очередь, состоит из следующих деталей: **лезвия** – заточенные края клинка; место перехода клинка в черен – **основание**; острый, колющий элемент, противопоставленный переходу – **окончание клинка**. Выступающее проходящее по центру полотна ребро (в сечение чаще всего полукруг), предназначенное для предания прочности – **нервюра**. У некоторых кинжалов может выделяться **дол (долы)** – продольное углубление, предназначенное для кровостока. Элементы идущие от основания к лезвиям – **плечики**.

У черена выделяется **пята** – элемент, противопоставленный основанию. Геометрической формы расширение пяты черена или литая фигура на ней – **навершие**. У отдельных экземпляров на черене расположены **боковые валики**, образующие **желобок**, предназначенный для деревянных накладок.

Рукоять понимается как сложносоставная деталь кинжала, включающая в себя черен, являющийся ее основой, и элементы из органических материалов: **обмотку** – сыромятный ремешок,

деревянные **накладки**. При отсутствии навершия мог применяться **насад** – объемная цельная деталь из органического материала с пазом для надевания на черен.

Таким образом, нами проведен морфологический анализ категории «кинжалы». На его основе выделены основные конструктивные элементы этого типа вооружения, дано их определение.

Литература

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Изд-во ФАН, 1991. – 200 с.

Бородовский А.П., Софейков О.В., Колонцов С.В. Материалы эпохи поздней бронзы из Северной Кулунды // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 14-16.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – 232 с.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. До н.э.). – СПб.: «Атлант», 2003. – 336 с.

Драко М.В. Иллюстрированная история оружия. – Мн.: ООО Попурри, 2000. – 336 с.

Иванов Г.Е. Кинжал эпохи бронзы из с. Бобровка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во. Алт. ун-та, 2006. – Вып. XV. – С. 196-202.

Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Проникающие орудия и оружие // Морфология древностей.– М., 1995. – Вып. 3. – 115 с.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. – 1966. – Вып. В4-9. – 150 с.

Молодин В.И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 4-16.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2009. – № 1-2 (13-14). – С. 3-16.

Трубников Б.Г. Полная энциклопедия: Оружие, вооружение всех времен и народов. – СПб.: Издат. дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 719 с.

Уманский А.П. Андроновский кинжал из села Ильинки // СА. – 1964. – № 2. – С. 191-193.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Я.Е. Лукерина

Барнаул, Алтайский государственный университет

К вопросу об особенностях лошадей булан-кобинской культуры Алтая

В настоящее время на Алтае раскопано значительное число археологических памятников булан-кобинской культуры. Однако, материалы многих из них не введены в научный оборот, а лишь частично анализировались по отдельным аспектам [Тишкин, 2007, с. 172].

В данной работе рассматриваются находки конских черепов на памятнике Яломан-II, расположенном на четвертой надпойменной террасе вблизи устья р. Большой Яломан (Онгудайский район Республики Алтай). Памятник открыт А.А. Тишкиным и представляет собой скопление из 87 разновременных погребальных и поминальных сооружений, занимающих небольшую площадку, с востока ограниченную горами, а с запада – оврагом и крутым логом. Одна группа раскопанных курганов датируется в диапазоне II в. до н.э. – I в. н.э., а другая – 2-й половиной IV – 1-й половиной V вв. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2003, с. 490].

Указанный памятник определенным образом можно рассматривать в качестве одного из базовых комплексов булан-кобинской культуры. Из погребений происходит многочисленный инвентарь, отличающийся обилием предметов вооружения, снаряжения верхового коня, украшений бытовой утвари, орудий труда [Матренин, 2005, с. 11]. Многие объекты имели сопроводительное захоронение лошади (иногда двух).

Таблица 1. Абсолютные размеры и пропорции черепов

Параметр, мм	Номер объекта												
	23	29 (верхняя)	29 (нижняя)	30 (верхняя)	30 (нижняя)	31	32 (первая)	33 (западная)	33 (восточная)	54	57	59	60
Основная длина черепа	-	470	455	-	455	459	497	-	431	-	-	-	-
Длина верхнего зубного ряда	-	156	160	167	158	164	161	-	155	165	-	-	-
Длина предкоренных	-	82	90	93	89	87	78	-	85	92	-	87	78
Длина коренных	89	74	76	77	73	78	75	77	72	75	78	74	95
Длина морды	-	116	122	-	-	115	132	-	-	-	-	-	-
Ширина твердого неба	-	70	64	65	61	62	67	-	61	-	-	-	-
Наименьшая ширина морды	-	38	43	-	-	48	45	-	-	-	-	-	-
Ширина хоан	-	47	46	42	41	41	49	-	41	-	46	-	-
Лицевая линия	-	300	-	-	349	345	370	-	336	-	-	-	-
Мозговая линия	-	187	-	-	-	170	191	176	184	-	-	187	-
Ширина в сочленованных мыщелках	-	200	195	-	191	184	205	-	182	-	-	-	-
Ширина лба	-	197	201	-	167	189	199	-	-	-	-	-	-
Ширина затылочного гребня	52	59	53	-	-	63	53	52	69	-	-	-	-
Высота черепа перед P^2	-	90	-	-	94	95	91	-	85	-	-	-	-
Высота в основании затылосной кости	-	60	-	-	-	-	66	-	-	-	-	-	-
Длина нижней челюсти	385	395	395	-	-	398	415	391	375				
Длина ряда премоляров	-	78	91	87	86	85	85	84	81	-	96	81	94
Длина ряда моляров	72	76	79	78	75	79	77	87	73	-	80	77	82
Длина зубного ряда	-	157	-	161	162	164	161	172	156	-	174	159	179

Анализируемый материал представлен 13 черепами. По данным половозрастного анализа, они принадлежали самцам, о чем свидетельствует наличие хорошо развитых клыков. Имеющиеся в остатках нижние челюсти позволили автору определить возраст лошадей (он составил, в основном, 10–20 лет). В объекте № 54 зафиксированы останки, принадлежавшие молодым животным. Западной лошади 3–4 года, восточной – около года, а черепа из объектов № 30 и 60 были определены как 6–8-летние. Вторая лошадь из объекта № 30 была в возрасте 8–10 лет. Такую большую вариацию возраста можно объяснить тем, что взрослые животные долго использовались в хозяйстве. Поскольку памятник сочетает в себе и погребальные, и поминальные сооружения, то наличие молодых особей (от года до 8 лет) объясняется использованием их в ритуале в качестве жертвенных особей.

По росту лошади из памятника Яломан-II распределяются на три группы (по В.О. Витту):

1) среднего роста 136 – 144 см (объекты № 59 и 60);

2) ниже среднего 128–136 см (объекты № 21 и 30 (нижняя), 31, 32 (первая лошадь), 33 (восточная лошадь));

3) мелкого роста 120 – 128 см (объект № 33 (западная)).

Высокорослых лошадей не обнаружено. Поэтому можно предположить, что основным типом лошадей следует считать животных с высотой в холке 128–136 см.

В таблице 1 приведены основные промеры исследуемых черепов. Они позволяют представить яломанских лошадей с краниологической стороны.

Наибольшая длина черепов варьирует от 431 до 470 мм. Сравнение полученных данных с черепами Пазырыка и Шибе (4 группы лошадей со средней основной длиной от 463,7 мм до 512,0 мм) [Витт, 1952, с. 173], показывает, что основные длины черепов соответствуют лошадям IV группы с размерами менее 475 мм. Средние промеры ширины лба (192,8 мм), длины верхнего зубного ряда (162,1 мм) и длины нижней челюсти (393,4 мм) не соответствуют ни одной из выделенных В.О. Виттом групп по соответствующим показателям.

По остальным промерам мы видим различное колебание значений. Например, ширина черепа в яремных отростках варьирует от 300 (объект № 29) до 370 мм (объект № 32), а высота кости нижней челюсти в премолярах от 47 (объект № 33 (западная) до 52 мм (объект № 30 (нижняя лошадь)). Мы считаем, что эти отличия можно объяснить различным возрастом лошадей. Такие резкие изменения промеров соответствуют общим пропорциям черепа.

Черепа из объектов №№ 29 (верхняя), 30, 31 и 32 являются узколобыми, с соответствующими индексами ширины лба 41,9; 36,7; 41,1 и 40%. Нижняя лошадь из объекта № 29 – узколобая (индекс – 44,1%).

По индексу длины лицевой части черепа из объектов № 30 (76,7%), 31 (75,1%), 32 (74,4%) и 33 (77,9%) – длинномордые, а верхняя лошадь из объекта № 29 имеет короткую морду (ее индекс – 63,8%).

Таким образом, изучив лошадей булан-кобинской культуры, мы пришли к заключению, что основное конское поголовье были сравнительно однородно. Это факт сам по себе заслуживает отдельного внимания, так как исследуемая культура занимает довольно большой отрезок истории (>500 лет) и можно предположить большую разнородность при наличии селекционного процесса.

Литература

Витт В.О. Лошади пазырыкских курганов // СА. – 1952. – № 16. – С. 163-206.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2005. – 24 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 488-493.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 356 с.

М.Ю. Лысов
Барнаул, Алтайский государственный университет

Общая характеристика вооружения пазырыкского населения Алтая*

В скифо-сакское время на территории евразийских степей и сопредельных регионов существовали общности, схожие по археологическим материалам. Их объединяли способы ведения хозяйства и материальная культура, которая включала в себя конское снаряжение, вооружение человека и искусство «скифо-сибирского звериного стиля». Как известно по многочисленным материалам причерноморские скифы использовали широкий спектр вооружения: лук «скифского» типа, копья, топоры, чеканы, мечи и акинаки. Также использовалось и защитное вооружение – шлемы, панцири, щиты, поножи [Мелюкова, 1964]. Подобные комплексы существовали и на других территориях, в том числе и на Алтае.

Комплексу вооружения носителей пазырыкской культуры Алтая в целом и отдельным его составляющим в разное время были посвящены работы нескольких исследователей: А.С. Суразакова, Ю.С. Худякова, В.Д. Кубарева, В.А. Кочеева и др. [Кочеев, 1988, 1999; Кубарев, 1987, 1991, 1992]. Проблемам взаимовстречаемости зафиксированных категорий вооружения, их доли в общем комплексе и составу отдельных наборов вооружения уделялось мало внимания.

Население Алтая в скифо-сакское время имело три основных вида оружия – лук со стрелами, кинжалы и чеканы, что соответствует классическому комплексу вооружения южно-сибирского всадника-лучника. Легкая конница «пазырыкцев» обладала набором для ведения дистанционного боя – лук и стрелы, ближнего боя в конном и пешем строю – чеканы и рукопашного боя в спешенном строю – кинжалы [Кочеев, 1990].

В нашей работе мы рассмотрим следующие категории наступательного вооружения, встречающиеся в погребениях:

– стрелковый комплекс, состоящий из лука, стрел и колчана их или горита для их ношения;

– кинжалы;

– чеканы.

В случае со стрелковым комплексом следует оговорить тот факт, что присутствие одного признака (наконечников или древков стрел, деталей колчана, фрагментов лука) подразумевает использование всего комплекса.

Нами были рассмотрены 176 курганов пазырыкской культуры, в которых были обнаружены предметы вооружения. В ходе исследования выделено несколько групп погребений. Деление происходило по полноте набора. В данном процессе не учитывалось оборонительное вооружение, поскольку оно встречается крайне редко.

Группа 1 (эталонная): содержит полный набор вооружения – кинжал, чекан, лук и стрелы.

Группа 2: кинжал и чекан.

Группа 3: кинжал и стрелковый комплекс.

Группа 4: чекан и стрелковый комплекс.

Группа 5: в погребении присутствует только кинжал.

Группа 6: только чекан.

Группа 7: только стрелковый комплекс.

Самой многочисленной оказалась группа 2 – 43 погребения. Это указывает на широкое распространение такого набора, совмещающего оружие ближнего (чекан) и рукопашного (кинжал) боя. Он мог использоваться довольно широким кругом воинов среднего достатка, которые имели возможность обладать как универсальным и простым в использовании, но довольно сложным в изготовлении чеканом, так и требующим больших навыков владения и социально более значимым кинжалом.

Несколько меньше погребений – 36, относятся к группе 7. Наличие в могиле только стрел (иногда с остатками колчанов), на наш взгляд, обусловлено несколькими факторами. Во-первых, боль-

* *Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1.-301-072-016)*

шим количеством ограбленных погребений, что серьезно искажает данные, поскольку остальные предметы вооружения могли быть похищены грабителями. Во-вторых, лук, использовавшийся в бою и на охоте, для защиты стад от хищников, был непременным атрибутом кочевника, основой его жизни, наравне с конем и, естественно, был наиболее массовой категорией вооружения. Сами луки либо не помещались в погребения, либо не сохранились.

Группа 1 – 38 погребений, содержащих полный набор вооружения – кинжал, чекан и стрелковый комплекс. На наш взгляд, группа 1, как наиболее полная, отображает наборы вооружения самых подготовленных воинов. Возможно, они являлись военной элитой рода и поэтому имели полный комплект. Судить о качестве боевого оружия по погребальным памятникам сложно. Поскольку большинство представленных в них изделий являются вотивными.

В группах 3 (9 погребений) и 4 (10 погребений) вместе со стрелами имеются кинжал и чекан соответственно. Группы 5 и 6 включают 20 и 18 курганов соответственно, содержавших по одной категории вооружения – кинжал (гр. 5) и чекан (гр. 6). Неполнота наборов связана с указанными выше факторами – плохой сохранностью изделий из органических материалов, ограблением, социальным положением владельца.

Таким образом, по материалам погребений, можем выделить несколько основных наборов вооружения пазырыкских воинов.

Литература

Кочеев В.А. Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 144-162.

Кочеев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 105-118.

Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – № 4 – С. 74-82.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 270 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – М.: Наука, 1964. – 88 с. (САИ. – Вып. Д 1-4).

М.А. Миронов
Благовещенск, Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области

Наконечники гарпунов поворотного типа с территории Западного Приамурья по результатам археологических раскопок

В ходе спасательных археологических раскопок памятника «Поярково, поселение – 1» обнаружен наконечник гарпуна поворотного типа (рис. 1:1), а также заготовка наконечника гарпуна поворотного типа (рис. 1:2).

Памятник расположен на вершине мыса левого берега р. Амур на высоте 7 м над современным уровнем воды в реке. Поверхность мыса ровная, имеет незначительный уклон в северном направлении, задернована. На прибрежном участке имеется небольшая роща из монгольского дуба и осины. Берег мыса обрывист, ввиду разрушения его водами реки.

По южному краю мыса проходит оборонительная линия, построенная в 60-е гг. XX в., здесь же располагается пограничная наблюдательная вышка. Несколько южнее вышки расположены створные знаки. По поверхности мыса проходит полевая дорога, ведущая к вышке. Береговой обрыв рассечен бульдозерной выработкой для спуска автотранспорта к воде [Зайцев, 2004].

Территория памятника в древности представляла собой хозяйственную площадку, на которой были расположены ямы, использовавшиеся для заготовки рыбы и мяса [Зайцев, 2007].

Поворотные гарпуны использовались, как правило, для охоты на морского зверя, либо на крупных животных, преодолевающих реки или водоемы. В силу своей конструкции, наконечник гарпуна, попадая в тело животного, соскакивал с древка, а когда раненый зверь рывком пытался освободиться, наконечник поворачивался поперек раны и крепко удерживал зверя. Тот оказывался как бы привязанным к линю (ремню), на одном конце которого был закреплен наконечник, а другой

находился в руках охотника [Окладников, Васильевский, 1980]. Гарпун поворачивался в теле зверя благодаря ассиметричной форме боковой шпоры. Поэтому и называется такой наконечник поворотным. Затем к линю привязывали крупный поплавок. Добыче становилось трудно двигаться и уходить в глубину. Её перемещения легко отслеживали преследователи. Зверь постепенно терял силы, и охотники закалывали его длинными копьями [Чукотка.., 2009].

Рис. 1: 1 – наконечник гарпуна поворотного типа;
2 – заготовка наконечника гарпуна поворотного типа

Найденные в ходе раскопок памятника артефакты изготовлены из кости, вероятнее всего рога. Приведем описание наконечника гарпуна поворотного типа.

Наконечник гарпуна представляет собой обработанную кость конусообразной формы с отогнутой назад одной базальной шпорой. Длина его составляет 7,3 см. В центре наконечника находится круглое отверстие под линь. С одного края, находящегося под отверстием для линя, существует небольшой срез под углом близким к 35°. У основания наконечника гарпуна наблюдается вырезанная «канавка», идущая по всей окружности, предназначение которой остается неясным. Однако можно предположить, что эта «канавка» усиливала основание наконечника, одновременно являясь кровостоком. Боевая часть гарпуна составляет 28 мм.

Второй артефакт представляет собой заготовку гарпуна поворотного типа. Так же как и наконечник гарпуна, находка изготовлена из кости и имеет конусообразную форму. Заготовка имеет срез под углом близким к 30°, сделанный, вероятно, для дальнейшего изготовления базальной шпоры. С противоположной стороны предмет приострен, с целью изготовления боевой части гарпуна. Длина орудия составляет 8,6 см, ширина – 2,2 см, толщина – 1,9 см.

Идентификация заготовки гарпуна поворотного типа основана на том, что обе находки располагались рядом друг с другом в одном культурном слое и обладают видимыми признаками сходства.

Ранее на территории Амурской области находили 2 наконечника гарпунов поворотного типа, хранящиеся в археологическом музее БГПУ им. Б.С. Сапунова. Оба гарпуна были обнаружены в бассейне р. Томь, о которых пишет в своей статье И.Б. Сапунов [Сапунов, 2001].

Исследователь датирует оба наконечника 2-ой пол. I тыс. н.э. Их появление на территории Амурской области он связывает с Чукотским полуостровом. Однако, автор, в свою очередь, не исключает того, что возможно «у древних приамурских племен сложилась традиция применения подобных орудий, поскольку здесь был найден гарпун эволюционно более примитивный» [Сапунов, 2001, с. 121].

Предположительно, использование гарпунов поворотного типа в Приамурье связано с добычей осетровых рыб и проходного зверя на переправе в бассейнах крупных рек.

Артефакты памятника Поярково поселение-1, найденные в том же слое, что и наконечник гарпуна, а также заготовка гарпуна, предварительно датируются исследователями периодом раннего железного века Приамурья и относятся к урильской культуре (XII-XI – V-начало IV вв. до н.э.) [Зайцев, 2007].

Возникает вопрос: каким образом техника изготовления поворотных гарпунов могла сложиться у приамурских племен в период раннего железного века?

А.П. Окладников отмечал: «Поворотный гарпун представляет собой не общее достояние так называемой «циркумполярной» культуры…, а чисто тихоокеанское изобретение, неразрывно связанное в своем возникновении и развитии с эволюцией морского зверобойного промысла и охоты на крупную рыбу, занимающих такое важное место в жизни тихоокеанских племен» [Прокофьев, 1986, с. 24].

В тоже время А.П. Окладников не исключает того, что «в некоторых случаях возможно было локальное возникновение таких гарпунов, но в пределах основной, тихоокеанской зоны… они, действительно, должны были иметь общее происхождение, из одного и то же источника» [Прокофьев, 1986, с. 25].

Ответ на поставленный вопрос можно найти лишь при дальнейшем изучении как этого памятника, так и рыболовного дела в целом в периоде раннего железного века.

Литература

Зайцев Н.Н. Отчет об археологической разведке в Свободненском, Шимановском, Бурейском, Архаринском, Михайловском, Ивановском, Благовещенском районах Амурской области в 2003 г. – Благовещенск, 2004.

Зайцев Н.Н. Материалы полевых исследований памятника Поярково, поселение–1 в 2006 году / Отчет. – Благовещенск, 2007.

Окладников А.П., Васильевский Р.С. Северная Азия на заре истории. – Новосибирск: Наука, 1980. – 160 с.

Прокофьев М.М. К вопросу о типологической классификации костяных наконечников гарпунов охотской культуры (Сахалина, Курильских островов). – Южно-Сахалинск: ИМГиГ ДВНЦ АН СССР, 1986. – 40 с.

Сапунов И.Б. Наконечники гарпунов поворотного типа из бассейна р. Амур // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: АмГУ, 2001. – С. 119–121.

Чукотка в прошлом и настоящем. – М.: Науч.-информац. изд. центр, 2009. – 592 с.

И.В. Молчанов
Челябинск, Институт истории и археологии УрО РАН

К вопросу о функциональном назначении каменных дисков из укрепленного поселения Каменный Амбар

Укрепленное поселение Каменный Амбар расположено в Карталинском районе Челябинской области, у бровки первой надпойменной террасы левого берега р. Карагайлы-Аят, относящейся к Тобольскому бассейну. Поселение имеет округленно подпрямоугольную форму, ограничено развалом двойной оборонительной стены. Вероятно, внутреннее пространство было разделено на две практически равные части. В 1990-е годы памятник исследовался археологической экспедицией Челябинского государственного педагогического университета, под руководством Н.Б. Виноградова [Виноградов, 1993, с. 42]. Дальнейшие исследования продолжились с 2005 г. Зауральской степной археологической экспедицией, под руководством А.В. Епимахова, Л.Н. Коряковой [Епимахов, 2007; Корякова, 2008].

В коллекции памятника выделяется группа изделий, функциональное определение которых затруднительно. Это так называемые «каменные диски». В результате работ на общей площади 1400 м^2 найдено 24 диска. Это самая большая коллекция подобного рода изделий в синташтинской культуре Южного Зауралья.

Обнаруженные диски изготовлены путем отбивки краевых частей от плитчатой каменной заготовки до придания им округлой, дисковидной формы. Их поверхность, как правило, специально не обрабатывалась, на ней не заметно следов выработки. Однако, при визуальном рассмотрении серии наблюдается разнообразие в размере диаметра дисков. Эта вариабельность и была взята за основу классификации. Один экземпляр представлен обломком, по которому сложно восстановить диаметр, но он имеет характерную закругленную грань.

Было выделено две группы. К первой относятся изделия с диаметром от 50 до 100 мм (20 экз.). Для предметов этой группы характерно разнообразие в размерах. Так, наряду с наиболее распространенными дисками диаметром 70-90 мм встречаются изделия диаметром от 50 до 60 мм. Закономерности в вариабельности толщины не фиксируется. Стоит отметить, что она не превышает 20 мм. Исключение составляют два диска толщиной от 25 до 9 мм и от 23 до 8 мм, треугольной формы в сечении. Семь экземпляров – со следами сглаженности на боковых гранях.

Менее представительной является вторая группа – диски с диаметром 110-140 мм (3 экз.). Большие диски более стандартны, их размеры выдержаны. По всем остальным характеристикам они схожи с первой группой.

Распределение дисков по объектам показало, что наибольшее количество дисков (6 экз.) локализуется в пределах развала стен. Одно из них найдено около колодца 2 в жилище 1. Глубина залегания дисков (-0,14-0,47 м) соответствует синташтинскому слою. На межжилищном пространстве, но вблизи развала стен, обнаружено 5 предметов. Во рву на разных глубинах (от -0,45 до -1,09 м) было обнаружено четыре изделия. Из развала стен, позднебронзовой постройки 3, вписанной в жилище 2 (глубина залегания -0,90-1,20 м), происходит 4 экземпляра. Остальные либо не имеют четкой стратиграфической привязки, либо относятся к подъемным сборам.

Два диска, имеющие сглаженности на боковой грани, исследованы трасологическим методом, проведенным в ЛАИ ЧГПУ, на микроскопе МБС-2 с увеличением 16 крат, но никаких следов не обнаружено.

Большая часть дисков с памятника изготовлена из хлорит-альбит-серицит-кварцевых метасоматитов, которые наследуют большинство физико-механических свойств гранитов [Зайков и др., 2008, с. 97].

Аналогии дискам первой группы встречаются на памятниках других культур. К примеру, на Мало-Кизыльском селище, относимом к абашевской культуре, найдено изделие с диаметром 51 мм и толщиной 12 мм [Епимахов, 2002, с. 136]. На раннеалакульском поселении Елизаветпольское-7, расположенном в 7 км восточнее Каменного Амбара, обнаружено два предмета. Первый найден под развалом сосуда, диаметр – 80 мм, толщина – 10 мм. По обеим сторонам диска расположены две выемки по линии, немного выше геометрического центра. Их ширина до 15 мм, глубина до 7 мм. Второй диск имеет диаметр 65 мм, толщину – 10 мм [Алаева, 2009, с. 14-15].

Еще один экземпляр происходит из ямы 3 кургана 1 петровской культуры, могильника Кривое Озеро. Его диаметр 55 мм, толщина 10 мм. Одна из поверхностей прямая, на боковой грани прослеживаются следы сработанности [Виноградов, 2003, с. 54-55].

На алакульском поселении Большая Березовая-2, на дне колодца, были обнаружены лежавшие друг на друге два диска. Диаметр первого – 75 мм, толщина – 14 мм, имеет одну ровную поверхность, на которой просматриваются волнистые линии. Второй предмет – 82 мм в диаметре, трапециевидный в сечении, толщина от 3 до 17 мм.

Три предмета найдены на поселении 8WL38, расположенном в бухте Чоктаватчи (Choctawhatchee), северо-западная Флорида. Памятник относится к культуре Форт Вальтон (Fort Walton), датированной cal. 1000-1600 гг. Два изделия имеют диаметр 78 и 82 мм, третье – наполовину сломано, с диаметром 48 мм [Mikell, 1994, с. 250].

Вопрос о функциональном назначении дисков остается до сих пор достоверно не решенным. Высказанное Ю.Б. Сериковым предположение, что они могли служить в качестве грузил не находит подтверждения. Традиционно, грузила представлены предметами пластинчатой формы, с вырезанными по бокам углублениями, для фиксации обвязки. Иногда встречаются изделия с просверленным отверстием и вырезанной бороздкой. В нашем случае, такие особенности не наблюдаются.

Другая точка зрения была предложена Е.Е. Кузьминой, которая считает каменные диски подставками под сосуды. В этом случае, диски должны иметь следы сработанности на одной из поверхностей, связанные с постоянным перемещением сосудов. Подобные следы просматриваются только на одном диске.

При описании каменного инвентаря с селища Горный, входящего в комплекс Каргалинского горно-металлургического центра, высказано предположение, что подобные диски могли использоваться как своего рода крышки. При этом отмечено, что доказать это не представляется реальным [Каргалы, 2004, с. 181].

Таким образом, вопрос о функциональном назначении так и остался открытым, поскольку определить сферу их применения при отсутствии каких-либо следов использования достаточно сложно. С другой стороны, выделение двух спецификаций и стандартизация, свидетельствуют о целенаправленном производстве данных изделий. При этом порода камня, использовавшаяся для изготовления, не имела значения. Несмотря на то, что приведенный список аналогий не является окончательным, можно заключить, что наличие дисков в других культурах, в погребениях и на поселениях указывает на востребованность данных изделий. Дальнейшие исследования по этому вопросу позволят накопить достаточную базу данных и понять их функциональное назначение.

Литература

Алаева И.П. Поселение бронзового века Елизаветпольское-7 // Проблемы археологического изучения Южного Урала. – Челябинск: АБРИС, 2009. – С. 7-22.

Виноградов Н.Б. Отчет о полевых исследованиях в Челябинской области в 1992 году // Костюков В.П. Отчет о полевых археологических исследованиях в Карталинском и Кизильском районах Челябинской области в 1992 году. – Челябинск: ЛАИ ЧГПУ, 1993.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века. Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. – 362 с.

Епимахов А.В. Мало-Кизыльское селище и его место в системе культур бронзового века Урала // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – Кн. 1. – С. 133-138.

Епимахов А.В. Отчет об археологических раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар в 2005. – Екатеринбург, 2007.

Зайков В.В., Юминов А.М., Котляров В.А., Зайкова Е.В., Чурин Е.И. Приложение 5 // Отчет об исследованиях по теме «эпоха бронзы севера центральной Евразии», раздел «минерально-сырьевая база бронзового века на южном Урале». – Миасс, 2008. – С. 74-133.

Каргалы, селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. – М.: Языки славян. культ., 2004. – Т. III.

Корякова Л.Н. Отчет об археологических раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар в 2007. – Екатеринбург, 2008.

Mikell. **Gregory A.** 8WL38, A Protohistoric village site on Choctawhatchee Bay // The Florida anthropologist. – Gainesville: Florida anthropological society, 1994. – Vol. 47, N 3. – P. 233-269.

А.И. Морозова
Абакан, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Эволюция комплексов украшений карасукской эпохи на территории Хакасско-Минусинской котловины

Карасукская эпоха бронзового века на территории Хакасско-Минусинского края охватывает XII–VIII вв. до н.э. Согласно периодизации М.П. Грязнов, она представлена двумя последовательно и генетически связанными группами погребальных памятников: 1) классическими карасукскими захоронениями (XII–X вв. до н.э.); 2) каменноложскими погребениями (IX–VIII вв. до н.э.) [Грязнов и др., 1979].

Существует современный вариант периодизации, предложенный А.В. Поляковым и И.П. Лазаретовым, согласно которому карасукская эпоха включает в себя собственно классический карасук и более поздний атипичный карасук (лугавский тип памятников). А.В. Поляков на основании изучения карасукской и каменноложской керамики выделяет две группы памятников, первая из которых имеет параллели с памятниками андроновской культуры, а вторая – с комплексами каменноложского типа [Поляков, 2004]. Схему А.В. Полякова продолжил И.П. Лазаретов, выделив III этап – лугавский и IV – баиновский [Лазаретов, 2004, с. 11].

Цель нашей работы – выявить характер изменений комплекса украшений на протяжении карасукской эпохи на территории Хакасско-Минусинской котловины. В результате многолетних исследований собран значительный фонд источников. Исследователи практически выделили основные типы украшений, встречаемых в карасукских и каменноложских (лугавских) погребениях. Но специальные работы, повященные изучению украшений карасукской эпохи, стали появляться лишь в последние годы [Умеренкова, 2007; Минор, 2007].

Большую часть украшений карасукской культуры составляют изделия из бронзы. Наиболее полно представлен набор женских украшений. В него входят: проволочные браслеты, височные кольца в среднем 3-5 см в диаметре в 1-3 оборота, лапчатые привески, литые биконические перстни, пуговицы с петелькой полусферической формы, а также многоярусные бляшки и гвоздики-заклепки. Представляет интерес вопрос атрибуции бронзовых зеркал, которые, вероятно, нашивались на одежду и носились в области груди. Они встречаются в женских погребениях, но не во всех, а выборочно. Возможно, они являлись указателем отдельной социальной группы людей. Также имеются бусы из камня (аргиллита), пасты.

Комплекс украшений лугавской культуры представлен такими изделиями как височные кольца различного размера, гладкие и рифленые пронизки, обоймочки, бусины, треугольные пластинки с точечным орнаментом. Пуговицы отличаются от карасукских наличием орнамента и перемычки на внутренней стороне. Встречаются также нашивки из кости и зубов животных. Для определения датировки лугавских могильников маркирующими являются бляхи-розетки и перстни с двумя выступами. Бляхи-розетки с четырьмя и шестью приливами, относятся к наиболее поздней разновидности этой категории предметов. Они цельнолитые, миниатюрные, имеют плоскую внутреннюю поверхность и не имеют орнамента. В лугавской культуре из прежнего набора карасукских украшений исчезают многоярусные бляшки, гвоздики-заклепки. Литые перстни с рудиментарными выступами вместо витых, появившихся еще а андроновскую эпоху, свидетельствуют об упрощении их изготовления и, возможно, потере первоначальной идеи. В период существования лугавской культуры форма и способ изготовления блях-розеток меняется – они становятся цельнолитыми, уменьшается их диаметр, исчезает их орнаментация. Аналоги таких типов украшений не встречаются на классическом этапе. Следовательно, шел процесс трансформации комплекса украшений из бронзы – упрощения изготовления украшений от сложносоставных к цельнолитым, и этот процесс имел однонаправленный характер. Существует определенная преемственность комплекса украшений, которая отражается в сохранении значительной его части на этапе лугавской культуры.

Литература

Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей. – Новосибирск, 1979. – 167 с.

Лазаретов И. П. Заключительный этап эпохи бронзы на среднем Енисее: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2004. – 34 с.

Минор О. В. Височные кольца карасукского времени: вопросы атрибуции // Вестник НГУ. – Новосибирск, 2007. – Т. 6, вып. 3: Археология и этнография.

Поляков А. В. Периодизация классического этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников: Автореф. дис. …канд. ист. наук. – СПб., 2004. – 25 с.

Умеренкова О. В. Украшения эпохи бронзы по материалам памятников Кузнецкой котловины // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнология, геология, этнология и антропология. – Иркутск, 2007. – Т. II.

Ю.М. Никитина
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Детские погребения на могильнике Булан-Кобы IV

Курганный могильник Булан-Кобы IV расположен на террасовом плато левого берега р. Катунь в 5,5 км к югу от с. Иня (Онгудайский район республики Алтай). [Мамадаков, 1985, с.173] Могильник был открыт и исследован Ю.Т. Мамадковым в первой половине 80-х гг. XX в. Могильник относится к булан-кобинской культуре Горного Алтая. Как наиболее вероятная дата для Булан-Кобы IV определяется I в. до н.э. – I – II вв. н.э. [Мамадаков, 1985]. Открыто 69 погребений, из них 19 – захоронения детей.

В отечественных исследованиях наиболее часто используется схема возрастной периодизации, принятая на VII Всесоюзной конференции по возрастной морфологии, физиологии и биохимии (Москва, 1965 г.). В соответствии с ней, в развитии ребёнка выделяется несколько этапов: новорожденность: 1-10 дней, грудной возраст: 10 дней – 1 год, раннее детство – 1-3 года, первое детство – 4-7 лет, второе детство – 8-12 лет, подростковый возраст – 13-16 лет [Хрисанфова, Перевозчиков, 2005, с. 130].

На Булан-Кобы IV открыто 4 погребения детей грудного возраста, 6 погребений – дети раннего детского возраста, 1 погребение ребёнка первого детского возраста, 3 погребения подростков. Для трёх детских погребений возраст не указан. 2 погребения – парные.

1. Погребения детей грудного возраста. 3 погребения содержат захоронения детей 6 месяцев: погребения №№ 4 (курган 6), 14, 43. Над погребением № 14 возведено надмогильное сооружение – стенка-полукольцо. Погребение № 43 было совершено без надмогильного сооружения. Могильные ямы подпрямоугольной (погребение № 4, курган 6) или прямоугольной формы, ориентированы в северо-восточный сектор (В-З (погребение № 4), СВ-ЮЗ (погребение № 14), ВСВ-ЗЮЗ (погребение № 43). Внутримогильное сооружение – каменный ящик (в погребениях №№ 4, 14 – с перекрытием). Погребённые были уложены вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль тела. Из инвентаря найден только железный миниатюрный нож в погребении № 14. Одно погребение – ребёнок 8-10 месяцев (погребение № 15). Надмогильное сооружение – стенка-полукольцо. Погребение совершено в яме подпрямоугольной формы, ориентированной в направлении ВСВ-ЗЮЗ. Трупоположение не определено. Инвентарь отсутствует.

2. Погребения детей раннего детского возраста. В погребение № 13 сохранился скелет ребёнка 1,5-2 лет. Надмогильное сооружение – стенка полукольцо. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по направлению ВЮВ-ЗСЗ. Два погребения (погребения №№ 40, 59 (курган 24)) – захоронение детей 2-3-х лет. Надмогильное сооружение – стенка-кольцо. Форма ямы прямоугольная (погребение № 40) или подпрямоугольная (погребение № 59). Ориентированы ямы в разные сектора. Могильная яма погребения № 40 ориентирована по оси СВ-ЮЗ, погребения № 59 – СЗ-ЮВ. Погребения совершены в каменных ящиках с перекрытием. Трупоположение – вытянуто на спине (погребение № 59). Погребённый из захоронения № 40 ориентирован на В с отклонением на С, погребенный из захоронения № 59 – на ЮВ. Инвентарь отсутствует. Погребения №№ 25, 41, 49 – захоронения детей 3-4 лет. Надмогильное сооружение – стенка (круглой или овальной формы). Могильные ямы ориентированы с В на З. В погребении № 25 на плитах перекрытия сохранился скелет лошади на левом боку, ориентированный на ВСВ. Лошадь как бы взнуздана (сохранились железные удила во рту). Трупоположение – вытянуто на спине. Погребённые ориентированы на В (погребения №№ 41, 49)

и ВСВ (погребение № 25) В погребении № 25 найдены кости барана, железные наконечники стрел, железный нож, сердоликовые бусины, железный крючок. Инвентарь погребения № 41 – бронзовая гривна с подвешенной бронзовой пластиной и серьги. Погребение № 49 содержало железные наконечники стрел, фрагмент железного ножа, бронзовую пряжку, бусины.

3. Погребения детей первого детского возраста. Погребение № 11 – погребение ребёнка 6-7 лет. Под стенкой-полукольцом обнаружена прямоугольная яма, ориентированная по оси СВ-ЮЗ. Внутримогильная конструкция – каменный ящик с перекрытием. Погребённый лежал вытянуто на спине, черепом ориентирован на СВ. Найдены кости барана.

4. Погребения подростков. Погребение № 51 –захоронение ребёнка 12-13 лет. Надмогильное сооружение не зафиксировано. Прямоугольная яма размером 1,5х0,5х0,8 м ориентирована с В на З. Внутримогильная конструкция – деревянная рама. Трупоположение – вытянуто на спине, правая рука вытянута вдоль туловища, левая покоится кистями на тазовых костях. Череп ориентирован на В. С погребённым найдена железная пряжка. Два погребения (№№ 37, 45) – захоронения подростков 14-16 лет. Надмогильное сооружение – стенка (кольцо (погребение № 37), полукольцо (погребение № 45)). Могильные ямы подпрямоугольной формы. Погребение № 37 ориентировано по оси ВСВ-ЗЮЗ. Погребения совершены в каменных ящиках с перекрытием. Погребённые были уложены вытянуто на спине, черепом ориентированы на В с небольшим отклонением на С (погребение № 37) и на В (погребение № 45). Инвентарь погребения № 37 – костяные накладки на лук хуннского типа, костяные и железные наконечники стрел, железный нож. В погребении № 45 зафиксированы кости барана, костяные накладки на лук хуннского типа (концевые и срединные), железные со свистульками наконечники стрел, железный нож, костяной зооморфный предмет, костяные орнаментированные трубочки.

Для погребений №№ 6, 57 (курган 24), 64 (курган 27) возраст захоронённых не указан. Надмогильное сооружение описано только для погребения № 57 – невысокая стенка-кольцо из горизонтально уложенных друг на друга плоских камней в 2-3 слоя (форма – кольцо). Могильные ямы прямоугольной формы. Их ориентация: погребение № 6 – ВЮВ-ЗСЗ, погребение № 57 – СЗ-ЮВ, погребение № 64 – СВВ-ЮЗЗ. Внутримогильные конструкции – каменный ящик с перекрытием (погребения № 6, 57), колода (погребение № 64). Костяки сохранились плохо. Ориентация черепа: 6 – В с отклонением на Ю, 64 – ЮЮЗ. В погребении № 6 инвентарь не сохранился. В погребении № 57 найдены фрагменты керамики, в погребении № 64 миниатюрный железный черешковый нож.

Парное детское погребение (3 года и 4-5 лет) – погребение № 24. Надмогильное сооружение – стенка-кольцо. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована с В на З с незначительными отклонениями. Внутримогильные конструкции – каменный ящик с перекрытием. Погребённые уложены вытянуто на спине, черепами ориентированы на В. В инвентаре сохранились кости барана и железный нож. Парное детское погребение: 3-4 года и 5-6 лет (погребение № 44). Надмогильное сооружение не определено. Могильная яма подпрямоугольной формы ориентирована по оси ВСВ-ЗЮЗ. Внутри каменного ящика с перекрытием один погребённый расположен с северной стороны, другой – с южной стороны. Погребённые уложены вытянуто на спине, кисти покоятся на тазовых костях. Черепа ориентированы на В с небольшим отклонением на С. В инвентаре сохранились кости барана, железный нож, пряжка, бусины, костяная трубочка, просверленная бабка барана, костяная свистулька, костяной предмет.

В целом, можно отметить, что захоронения детей совершались под стенками-кольцами или полукольцами. Внутри могильных ям квадратной или подквадратной формы, как правило, устраивались каменные ящики с перекрытиями. Трупоположение – вытянуто на спине, преобладает ориентация черепа в северо-восточный сектор. Дети самого младшего возраста погребались без инвентаря. В погребениях с инвентарём сохранились железные ножи, предметы вооружения, пряжки, бусины, изделия из кости, остатки жертвенной пищи в виде костей барана. Только одно погребение содержало сопроводительное захоронение лошади. Каких-либо специфически детских особенностей в устройстве погребения, положении погребённого, инвентаре не прослеживается. При этом ограниченность инвентаря показывает, что положение детской социальной группы в булан-кобинском обществе не было привилегированным.

Литература

Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1985. – С. 173-192.

Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. – М.: Наука, 2005.- 400 с.

И.А. Николаев

Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

Керамика гунно-сарматского времени с городищ Нижний Чепош-3 и 4 в Горном Алтае*

В последние десятилетия был сделан большой шаг в изучении археологии Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. На основе анализа имеющихся материалов, мы можем констатировать, что на территории Горного Алтая есть поселения, культурные слои которых содержат материалы гунно-сарматского времени [Соёнов, 2003].

В полевой сезон 2009 г. на территории Горного Алтая были проведены археологические работы на городищах Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 [Соёнов, 2009]. Впервые эти городища были описаны священником П. Бенедиктовым в 1892 г. [Соёнов, 2004]. Из археологов первым их обследовал П.И. Шульга в 1986 и 1987 гг. Предварительно памятники были датированы периодом средневековья [Шульга, 1996].

Городища Нижний Чепош-3 и 4 расположены у края высокой левобережной террасы р. Нижний Чепош, в 2 км к северо-востоку от с. Чепош [Степанова, Соёнов, 2009]. В ходе исследования этих памятников был получен керамический материал, включающий более 1200 единиц. Данный материал представлен фрагментами лепных толстостенных плоскодонных сосудов.

В результате исследования керамики нами сделаны следующие выводы: 1) подавляющая часть керамики эпохально является одновременной; 2) зафиксированы три рецепта формовочной массы: глина+дресва; глина+шамот; глина+шамот+дресва.

Полученный керамический комплекс по технико-технологическим особенностям пока сложно связать с той или иной археологической культурой, хотя он имеет определенное сходство с комплексами некоторых памятников Северного Алтая. Глина+дресва – типичный рецепт формовочной массы для территории Горного Алтая, а рецепт глина+шамот говорит о наличии равнинной традиции изготовления керамики. Находки накладок лука гуннского типа и костяных наконечников стрел в культурном слое городища Нижний Чепош-3, а также результаты радиоуглеродной датировки угля и почвы с городищ дают возможность датировать памятники, следовательно, и основную часть керамики, концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э.

Литература

Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. – 160 с.

Соёнов В.И. Изучение крепостей и городищ в Горном Алтае // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004. – С. 337-340.

Соёнов В.И. Отчёт об археологических исследованиях в 2009 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2009. – № 1-2 (13-14). – С. 186-187.

Степанова Н.Ф., Соёнов В.И. Археологические памятники Чемальского района. – Горно-Алтайск: АКИН, 2009. – 212 с.

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на средней Катуни // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996. – С. 106-123.

* *Работа выполнена в рамках реализации проекта №2.1.3/6768 АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)»*

М.В. Панюхин
Братск, Братский государственный университет

Погребение раннего железного века на археологическом памятнике Окуневка

Свидетельства использования погребальных обрядов на территории памятника Окуневка (Кежемский р-н Красноярского края) неоднократно отмечались исследователями (Н.И. Дроздов, Д.Ю. Березин) и освещены в ряде публикаций. Часть обнаруженных изделий из бронзы и железа по ряду типологических характеристик были отнесены к сопроводительному погребальному инвентарю [Березин, 2002].

В 2009 г. Окуневским отрядом Богучанской экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН под руководством Е.П. Рыбина во время проведения спасательных археологических работ на памятнике Окуневка в зоне затопления Богучанского водохранилища было обнаружено новое погребение, изучение которое предоставляет возможность дальнейшего освещения культурно-исторических процессов древнего населения Сибири [Рыбин, 2010].

Погребение 1 было зафиксировано в ходе разработки рекогносцировочного раскопа № 3, в результате чего был разбит раскоп № 4, который на краю 1-надпойменной террасы (6-8 м над уровнем реки) левого берега р. Ангара в центральной части археологического памятника Окуневка. Раскоп ориентирован по краю террасы с юго-востока на северо-запад (линия А-1 – А-8), с юго-запада на северо-восток (линия А-1 – В-1). Вскрытая площадь составила 24 м^2. Наблюдается общее понижение поверхности террасы к пойме в юго -западном направлении (к реке) под углом 10-20°.

Стратиграфическая ситуация следующая:

1. Почвенно-растительный слой из среднегумусированной плотной супеси серого цвета.
2. Погребенный почвенно-растительный слой из среднегумусированной супеси черного цвета.
3. Супесчаный слой темно-желтого цвета.
4. Супесчаный аллювиальный слой светло-серого цвета.

В слое 2 были обнаружены изделия из железа – кованый нож с кольцевым навершием, серьга, обломок железного кованого украшения (пластинка). Значительное число находок относится к предметам каменной индустрии, среди них: наконечник стрелы с вогнутым насадом, концевые скребки, пластинки, нуклевидные формы, отщепы, сколы. Большое количество находок представлено фрагментами керамики (венчиков сосудов), орнаментированной в технике отступающей зубчатой лопаточки, налепными валиками, ямочными вдавлениями. Археологические находки фиксировались при разборке всей мощности условного горизонта 1, 2, 3 и 4, вскрывавших литологические слои № 1, 2 и 3. К условному горизонту 5 отнесены все находки погребения 1, расположенного в подошве 3 и в верхней части 4 слоев.

По всей площади раскопа в 1 и 2 слоях фиксируются свидетельства существовавшего поблизости места, связанного с металлургическим производством. Среди них куски железосодержащей руды, фрагменты шлака с характерными окалинами, а также куски шлака с футеровкой. Подобные изделия из железа, а также находящиеся с ними в одном комплексе керамические и каменные материалы характерны для эпохи раннего железного века среднеангарского региона [Гладилин, 1985].

Погребение № 1 было обнаружено в квадратах А-5, Б-4, Б-5 в ходе разборки 4-го условного горизонта раскопа.

Погребальная яма прослеживается с подошвы 2 литологического слоя. Четкие границы не прослеживаются. В яме наблюдается переслоение желто-серого супесчаного слоя, белесоватой супеси и супеси с углистыми включениями. Фрагменты неорнаментированной тонкостенной керамики, зафиксированной в наполнении погребальной ямы, по цвету и составу аналогичны фрагментам, обнаруженным непосредственно в погребении среди костей.

Костяк располагается на границе 3 и 4 литологических слоев. Сохранность костей хорошая. Контуры погребальной ямы правильной овальной формы, ориентированной по линии Ю-В – С-З под углом 45° к руслу р. Ангара, длина ямы 160 см, ширина – 50 см. Погребенный расположен горизонтально, в вытянутом положении, головой на С-З (рис. 1). Колени согнуты, руки вытянуты вдоль туловища, верхний плечевой пояс, верхняя часть позвоночника вместе с шейными позвонками (18 фрагментов) и ребрами (6 фрагментов), левая рука и часть ступни левой ноги находятся

в анатомическом порядке. В кисти левой руки указательный палец вытянут, средний, безымянный пальцы и мизинец подогнуты вовнутрь.

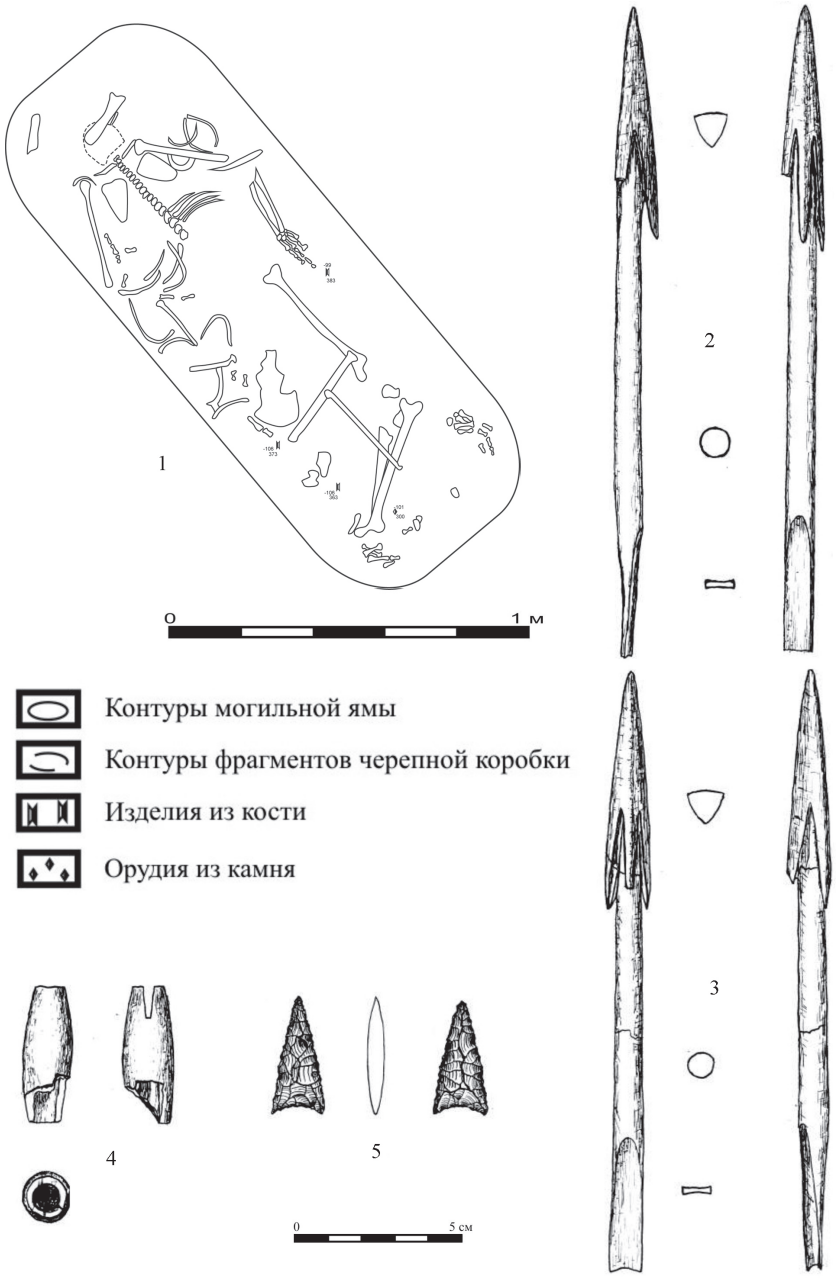


Рис. 1. Окуневка: 1 – схематическое расположение погребения № 1; 2, 3 – костяные наконечники стрел; 4 – обойма; 5 – каменный наконечник стрелы

Лицевая часть черепа отсутствует – провалена внутрь. Челюсть без зубов находилась в районе нижней части правой стороны грудной клетки. Зубы зафиксированы возле левой ступни, а также в верхней части левой стороны реберной клетки. Фрагменты позвонков отмечены в разных местах костяка: под черепной коробкой, на грудной клетке, на локтевом сочленении левой руки, в районе таза. Фрагменты ребер перемешаны с другими костями погребенного и встречаются повсеместно. Лучевые кости правой руки находятся в бессистемном положении, также как и фаланги пальцев. Основная часть таза повернута на 45° против часовой стрелки, другая часть расположена под черепом. Кости ног расположены в беспорядочном положении, пяточная кость отмечена в районе коленного сустава.

По предварительному анализу можно сказать, что костяк принадлежит мужчине среднего телосложения, ростом до 170 см, определить расовый тип и возраст будет возможно после дополнительных исследований.

Рядом с левой кистью зафиксирован обломок круглой в сечении бочонкообразной по форме костяной обоймы составного наконечника стрелы. Верхний конец обоймы имеет продольный разрез для наконечника, с противоположной стороны – отверстие, служившее для крепления к древку стрелы (рис. 1).

Под основной частью таза обнаружены два костяных наконечника стрелы. Наконечники имеют уплощенный насад, круглую в сечении основную часть, вытянутую трехгранную головку правильной симметричной формы (рис. 1). В районе берцовой кости отмечен каменный наконечник стрелы с вогнутой базой, аналогичный найденному во втором слое раскопа (рис. 1). Также зафиксировано два средних отщепа из непрозрачного халцедона.

Возможно, костяк подвергся частичному смещению (в том числе разграблению), или вторичному захоронению.

Анализ стратиграфических и типологических особенностей позволяет отнести погребение № 1 с памятника Окуневка к цепаньской культуре эпохи раннего железа (VIII – II вв. до н.э.). Данное погребение находит аналоги с другими погребениями железного века, зафиксированными на территории Средней Ангары [Дроздов и др., 2005]: Пашино (погребение № 3), о. Сергушкин, Отика, Сосновый Мыс, Капонир, Слопцы и др.

Литература

Березин Д.Ю. Бронзовые изделия со стоянки Окуневка // История и культура Востока Азии: Мат-лы междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2002. – Т. 2.

Гладилин А.В. Памятники железного века Северного Приангарья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1985. – 16 с.

Дроздов Н.И., Леонтьев В.П., Привалихин В.И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашино в северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск, 2005. – Вып. 4. – С. 52-57.

Рыбин Е.П. Научно-технический отчет по результатам спасательных работ на памятнике Окуневка. – Новосибирск, 2010.

И.В. Прокопенко
Омск, Омский государственный педагогический университет

Глиняные пряслица с Красноярского археологического комплекса в южнотаежном Прииртышье*

Глиняные пряслица являются одной из наиболее массовых категорий археологических находок, однако до сих пор их изучению посвящались лишь единичные работы. В них обычно дается описание изделий, проводится корреляция между отдельными параметрами, рассматривается возможность культурно-хронологической привязки [Чикунова, 2009]. Вместе с тем, следует признать, что в изучении пряслиц остается немало спорных или нерешенных вопросов.

Одним из них является функциональное назначение подобных находок. Можно предположить, что, помимо утилитарной функции, они могли выполнять и сакральную, о чем косвенно свидетельствует покрывающая их орнаментация, а также присутствие в погребальных комплексах. Помимо этого, некоторые образцы настолько малы по размерам, что возникает сомнение в возможности их использования по прямому назначению – они скорее могли служить пуговицами, либо детскими игрушками. Подобно многим другим элементам культуры – сосудам, жилищам, гребням, поясам и т.п. – пряслица могли быть многофункциональными и даже об их утилитарном использовании лучше судить после специального исследования, например, трасологического [Чикунова, Скочина, 2009].

Представительная коллекция глиняных пряслиц была получена в результате раскопок Красноярского археологического комплекса (КрАК), который расположен на правом берегу Иртыша, в 4,5 км северо-восточнее устья р. Ишим и включает городище, селище и могильник (раскопки Е.М. Данченко). КрАК содержит материалы, отражающие практически все этапы заселения южнотаежного Прииртышья от каменного века до позднего средневековья [Данченко и др., 2002, с.

* *Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 08-01-00198А*

77]. Целями настоящей работы является характеристика глиняных пряслиц памятника и попытка определения их культурно-хронологической принадлежности.

Коллекция включает в себя 148 единиц – как целых экземпляров, так и отдельных фрагментов. Подавляющее большинство их вылеплено из глины, которая визуально содержала песок и шамот и по составу близка сырью для изготовления керамической посуды памятника. Диаметр дисков колеблется от 2,5 до 5,9 см, при толщине средней части 0,7–2,9 см.

По форме сечения пряслица были разделены на следующие типы: 1) цилиндрические – 23 экз.; 2) дисковидные – 21; 3) дисковидные с округлыми краями – 6; 4) усеченно-конические – 17; 5) усеченно-биконические – 10; 6) шестигранные – 22; 7) грибовидно-вогнутые – 23; 8) полусферические – 3; 9) других форм – 2 экз. В 21 случае определить сечение не удалось из-за фрагментарности изделий.

Около 75% пряслиц орнаментировано резными линиями, ямочными наколами, лунками, штампом в виде скобы и т.п. Узор мог покрывать как основную, так и боковую поверхности. Ямки и лунки могли образовывать круг, наноситься хаотично или радиально расходиться от отверстия к внешнему краю. Последний вариант характерен также для прочерченных отрезков, которые делили диск на 3-5 или более секторов – такое композиционное построение является самым распространенным в коллекции и присутствует на изделиях всех форм.

Попытка проследить корреляцию сечения и орнамента четких результатов не дала. Следует, правда, отметить, что узор в виде прочерченных линий, разделяющих плоскость на секторы, чаще всего встречается на пряслицах с шестигранным сечением (в 14 из 22 случаев), а среди образцов грибовидно-вогнутой формы в равных долях представлены ямки, луночные наколы и экземпляры без орнамента.

В тех случаях, когда удавалось проследить продольное сечение канала отверстия, оно было преимущественно конусовидным, что, по-видимому, соответствовало форме используемого при этом инструмента. По мнению Н.А. Гаврилюк, это, с одной стороны, обеспечивало прочное соединение с веретеном, а, с другой – разъемность деталей [Гаврилюк, 1989, с. 84-88].

В среднем диаметр отверстия составлял 0,7–0,8 см, редко превышая 1 см. При этом у 38,5% пряслиц диаметр отверстия с орнаментированной стороны был больше, чем с противоположной; у 17,6% диаметр канала с обеих сторон был равным, в остальных случаях определить этот показатель не удалось из-за фрагментарности изделий. Это позволяет предполагать, что пряслица насаживались на веретено орнаментированной стороной вверх, тем более, что лишь в этом случае узор был виден.

Определение культурно-хронологической принадлежности рассматриваемых находок вызывает определенные затруднения, поскольку подавляющее большинство их обнаружено на многослойном памятнике вне комплексов. По литературе и в материалах Музея археологии и этнографии ОмГПУ большинство аналогий удалось выявить на памятниках богочановской культуры, в том числе однослойных [Данченко, 1996, рис. 48-50]. В особенности это касается пряслиц грибовидно-вогнутой формы, а также образцов с орнаментом, разделяющим поверхность диска на секторы.

Некоторые экземпляры находят параллели в материалах саргатской культуры [Полосьмак, 1987, рис. 38, *12*; 39, *1*; Корякова, 1988, рис. 17, *68*; 23, *1-12*], что вполне естественно, поскольку контакты между богочановцами и саргатцами прослежены на целом ряде памятников южнотаежного Прииртышья, в том числе и на материалах КрАК.

Небольшая часть коллекции (11 экз.) обнаруживает сходство с пряслицами потчевашской и усть-ишимской культур эпохи средневековья [Могильников, 1987, табл. LXXVII, *57, 62*; Коников, 2007, рис. 173, *1*; 174, *4*].

Сказанное не позволяет делать категоричных выводов по поводу культурной принадлежности рассматриваемых находок, однако ряд аналогий на однослойных памятниках богочановской культуры позволяет связать б*о*льшую часть коллекции с ее населением.

Литература

Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. – Киев, 1989. – С. 84–91.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. – 212 с.

Данченко Е.М., Горькавая О.Е., Грачев М.А., Колесникова И.М. Некоторые итоги и перспективы изучения Красноярского археологического комплекса на севере Омской области // Гуманитарное знание: Сер. Преемственность. – Омск: ОмГПУ, 2002. – Вып. 5. – С. 76-89.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. – Омск: Изд. ОмГПУ; Издат. дом «Наука», 2007. – 466 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 240 с.

Могильников В.А. Культуры лесного Прииртышья // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 183-193.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Чикунова И.Ю. Пряслица Рафайловского селища как источник по изучению прядения у саргатцев [Электронный ресурс] //URL: http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a4/1-chi.htm (дата обращения: 17.12.2009).

Чикунова И.Ю., Скочина С.Н. Керамические изделия с поселения Муллашинские Юрты 7 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 10. – С. 49-56.

Ю.Ю. Раиткина (Тырышкина)
Барнаул, Алтайский государственный университет

Палеодемографический анализ и реконструкции половозрастной структуры Ирменского населения Барнаульского Приобья (на примере могильника Плотинная)

Реконструкция демографической ситуации и половозрастной структуры общества является важным элементом социального анализа, построенного на использовании археологических данных [Кислый, 1995]. Однако, решение этой задачи очень затруднительно, так как имеющейся информации, как правило, недостаточно для проведения полноценного анализа (малочисленность, а иногда и полное отсутствие половозрастных определений; фрагментарность данных по многим памятникам; отсутствие полностью исследованных могильников). Все это ограничивает процесс исследования.

В данной работе мы остановимся на анализе материалов из могильника Плотинная. Этот памятник является базовым для ирменской культуры Барнаульского Приобья. Всего здесь было исследовано 52 могилы, в которых насчитывалось 68 погребенных. Из них четырнадцать детей в возрасте до14 лет* (16,2%), три подростка (4,8%), двадцать одна женщина в возрасте от 20 до 50 лет (31%) и тридцать мужчин в возрасте от 20 до 40 лет (48%) (таблица); почти треть от общего числа похороненных здесь ирменцев находилась в одной «братской» могиле, по определению А.П. Уманского [1997].

Из 14 детских погребений только в четырех установлены размеры (в среднем 1х0,6 м), а в двух могилах фиксируются остатки деревянной конструкции (м. 1, 24), одна из которых поверх обкладки была перекрыта, очевидно, войлоком или шкурами (от перекрытия сохранился интенсивный бурый тлен).

В могилах отмечен традиционный для ирменской культуры обряд трупоположения. Скелеты лежат в скорченном положении на правом боку. Однак,о имеется одно исключение (м. 20) – положение ребенка лежащего на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и прямыми ногами. Возможно, это – инокультурное погребение.

В большинстве захоронений находится по одному сосуду, который обычно стоял в юго-восточном углу могилы у черепа (это характерно для всех могил: мужских, женских и детских); в трех могилах по два горшка (одна из этих могил парная: женщина с ребенком) и одно погребение содержит три сосуда. Одной из особенностей данного могильника является то, что практически все детские захоронения содержали более одного сосуда, а все без исключения взрослые – только один. Помимо горшков, в нескольких детских погребениях имеются бронзовые украшения (проволочные серьги), хотя их количество незначительно.

---

* *Антропологические определения В.А. Дремова.*

С возрастом погребальный обряд усложнялся, что, скорее всего, связано с обрядом инициации (наблюдается увеличением количества инвентаря в погребениях подростков). В могильнике обнаружено всего три таких захоронения (м. 18, 20, 22). Следует отметить тот факт, что в ирменских захоронениях (подростки) Кузнецкой котловины, наоборот, происходит уменьшение количества сопроводительного инвентаря в погребении [Горяев, 1997].

Большинство захоронений взрослых содержат погребальный инвентарь, кроме того часть могил имеет внутримогильные сооружения. По снабженности погребенных инвентарем можно предположить о существенной роли женщины в обществе (т.к. инвентарь женских захоронений в большинстве случаев более богат и разнообразен). По мнению В.В. Боброва, нельзя исключать, что в отличие от общества андроновцев, у ирменского населения несколько повысился общественный статус женщины. Однако, положение мужчины в обществе оставалось доминирующим [Бобров, 1989]. В большинстве взрослых могил зафиксирован обряд ингумации, традиционный для ирменского общества, с одним исключением – в коллективной могиле один из костяков лежал на спине с вытянутыми руками и ногами, судя по положению, можно говорить об инокультурной принадлежности погребенного [Уманский, Демин, 1974]. Изредка в погребениях фиксируются следы огня. Абсолютно во всех взрослых погребениях находилось по одному сосуду. В мужских захоронениях встречены бронзовые ножи, гвоздевидные серьги. Женские могилы более богатые, чем мужские (пронизи, бляшки, кольца и прочее). Но это не является основанием для утверждения о более высоком положении женщины, нежели мужчины в обществе. Скорее всего, дело здесь в традициях погребального обряда и особенностях мужского и женского сопроводительного инвентаря.

У мужчин после 30–40 лет происходит сокращение количества предметов в могиле. Отсутствие вещей в большей части захоронений пожилых мужчин совсем не свидетельствует об их незначительном положении в обществе, так как погребальный инвентарь в ирменских могилах мужчин, принадлежащих к другим возрастным группам, также незначителен, а в ряде случаев и вообще отсутствует.

По материалам Плотинной удалось установить пики смертности погребенных. Ряд данных количества похороненных детей имеет два пика смертности: первый связан с высокой послеродовой смертностью в возрасте до двух лет, второй приходится на пять–семь лет. Вероятность гибели продолжала оставаться стабильно высокой на протяжении всего периода детства. В подростковом возрасте уровень смертности уменьшается. Пик смертности у женщин приходится примерно на 30–40 лет, на это же время он приходится и у мужчин. Этот возраст составляет среднюю продолжительность жизни мужчин и женщин, без учета детских погребений [Тырышкина, 2007а]. У ирменцев, по сравнению с андроновцами, увеличивается средняя продолжительность жизни. Можно предположить, что повышение средней продолжительности жизни вместе с археологическими фактами подтверждает версию об усложнении социальных структур в ирменское время.

В заключение можно подвести итоги: с возрастом значимость человека в обществе возрастает, о чем свидетельствует увеличение инвентаря в могилах, начиная с подросткового периода. Можно предположить, что примерно с четырнадцатилетнего возраста человек менял свой социальный статус и приобщался к миру взрослых. А вот переход человека в более старшую группу, возможно, сопровождался понижением социального статуса [Тырышкина, 2007б]. В результате проведенного анализа можно отметить следующие отличия погребального обряда, связанные с полом и возрастом погребенных: детские захоронения отличаются от взрослых тем, что все они содержали несколько сосудов, в то время как в могилах старших возрастных групп находилось только по одному горшку. Однако, другой инвентарь в них, как правило, отсутствовал, а там, где он был, представлен лишь украшениями (проволочные серьги). Женские могилы были более богатые (содержали большое количество украшений), чем мужские.

Литература

Бобров В.В. К вопросу о социологическом анализе погребений предскифского времени Кузнецкой котловины // Скифо-сибирский мир: Тез. докл. – Кемерово, 1989. – Ч. 1. – С . 49-53.

Горяев В.С. Количественный анализ предметов погребального инвентаря и половозрастная структура // Социальная организация и социогинез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация: Мат-лы Всерос. конф. – Кемерово, 1997. – С. 34-39.

Кислый А.Е. К вопросу о половозрастной дифференциации в среде срубных племен. Археология и методы исторических реконструкций. – Киев ,1985. – С. 169-177.

Тырышкина Ю.Ю. К вопросу о реконструкции социальной организации ирменского общества Барнаульского Приобья // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVII Регион. археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 2007а. – С. 392.

Тырышкина Ю.Ю. Некоторые элементы реконструкции социальной структуры ирменского населения Барнаульноского Приобья // Молодежь в XXI веке: Мат-лы VIII краев. молод. научн.-практ. конф. – Барнаул, 2007б. – С. 19-22.

Уманский А.П. Братская могила ирменцев у станции Плотинная // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 118-126.

Уманский А.П., Демин М.А. Бронзовый инвентарь могильника эпохи поздней бронзы у станции Плотинная // Вопросы истории СССР. – Барнаул, 1974. – С. 3-15.

А.Ю. Рассадников
Екатеринбург, Уральский государственный университет

Опыт археозоологического исследования остеологической коллекции укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино)*

Доклад посвящен археозоологическому исследованию остеологического материала синташтинского культурного слоя поселения Каменный Амбар (Ольгино) из раскопок 2005 и 2006 гг. Памятник расположен в 9,5 км к востоку от с. Варшавка Карталинского района Челябинской области, на левом берегу р. Карагайлы-Аят (первая надпойменная терраса, высота площадки от уровня поймы составляет 2,5-3 м). Поселение и связанный с ним некрополь Каменный Амбар-5 относятся к среднему и позднему бронзовому веку (2100-1600 гг. до н.э.).

В целом, на настоящий момент, животноводство синташтинской культуры может быть охарактеризовано в самом общем виде и необходимы дальнейшие исследования по конкретизации его особенностей [Косинцев, 2002, с. 42].

Археозоологическая коллекция из раскопок 2005-2006 гг. поселения Каменный Амбар (Ольгино) включает 5659 экземпляров костей млекопитающих. Среди остатков млекопитающих до вида определена 2832 кость (55%), неопределимыми до вида осталось 2312 костей (44,9%). Кости были распределены по основным объектам.

В ходе камеральных работ с остеологическим материалом было выделено два археозоологических комплекса: кости, относящиеся к синташтинскому периоду существования памятника, и кости, относящиеся к петровскому и позднебронзовому периодам существования поселения. Оба остеологических комплекса оказались примерно равными по объёму костного материала.

Описание материала проводилось по стандартной для Института экологии растений и животных УрО РАН методикам: определялся общий объём выборки, видовой состав костных остатков, состав элементов скелета каждого вида, степень раздробленности.

Домашние животные

Крупный рогатый скот. Имеются все элементы скелета, большая часть которых представлена фрагментами. Этим животным принадлежит наибольшее количество остатков (731 костей, или более 52%). Среди них представлены все части скелета, есть фрагменты костей эмбрионов и сильно молодых особей. Преобладают фрагменты нижней челюсти, зубов, метаподии, рёбра, фаланги (особенно 1-я фаланга) и кости запястья и заплюсны.

Мелкий рогатый скот. Представлен всеми элементами скелета, практически нет целых костей. По количеству костей эта форма занимает второе место (548 костей, или более 34%). Среди костных остатков также представлены все отделы скелета и преобладают такие части скелета, как нижние челюсти, зубы, метаподии, берцовые, рёбра и мелкие кости запястья и заплюсны.

* *Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ-09-06-91330-ННИО и междисциплинарного проекта Президиума УрО РАН*

Лошадь. Кости лошади заметно уступают по количеству КРС и МРС (76 костей, или 5,3%). Среди остатков преобладают отдельные зубы, мелкие кости запястья и заплюсны, метаподии и 1-е и 2-е фаланги.

Свинья. Костей свиньи очень мало в обоих комплексах (6 костей, или 0,42%).

Собака. Представлена 24 костными остатками. Раздробленность костей очень незначительна (целые лучевые и таранная кости). Найден один копролит собаки.

Дикие животные

Волк. Волк представлен фрагментом зуба и бедра.

Бобр. Найдено 7 поясничных позвонков бобра (предположительно от одной особи).

Лось. Данное животное представлено одним фрагментом плюсны.

Лисица. Найдено 3 кости этого животного: два фрагмента черепа и один фрагмент берцовой кости.

Медведь. Найдена одна кость, целая-3-я фаланга.

Анализ по сезону забоя животных выполнен сотрудником ИЭРиЖ УрО РАН О.П. Бачурой [Бачура, 2009, табл. 2], и по крупному рогатому скоту можно сказать следующее. Все отобранные образцы удалось проанализировать на предмет возраста и сезона забоя [Там же, табл. 15]. Согласно полученным результатам, забивали особей разного возраста (от 0,5 до 4-5 лет и, возможно, старше). Но даже на таком небольшом количестве видно, что при забое не отдавалось предпочтения какой-либо определенной возрастной группе. Анализ сезона гибели показывает, что все особи, которым принадлежали данные зубы, были забиты преимущественно весной.

Мелкий рогатый скот (табл. 1). Как и в случае с крупным рогатым скотом, забивали особей разного возраста, преимущественно до 2-х лет. Мелкий рогатый скот забивали в основном в течение осени. Анализ полученных результатов практически аналогичны результатам анализа возраста и сезона забоя крупного и мелкого рогатого скота из местонахождения «Устье» [Бачура, 2009, с. 34, табл. 2].

Таблица 1. Сезон и возраст забоя крупного и мелкого рогатого скота из памятника Каменный Амбар (выполнено О.П. Бачурой, ИЭРиЖ УрО РАН)

Количество образцов	Возраст особи, лет	Сезон забоя	Метод определения
Крупный рогатый скот			
1	новорожденная	-	Состояние зубной системы
1	0,5	-	Состояние зубной системы
1	0,5-1	-	Состояние зубной системы
2	1,5	-	Состояние зубной системы
2	2	Ранняя весна	Годовые слои
1	2-3,5	Поздняя осень – зима	Годовые слои
2	3	Весна	Годовые слои
5	Около 3-х лет	-	Состояние зубной системы
1	4-5	Ранняя весна	Годовые слои
Мелкий рогатый скот			
1	?	?	Годовые слои
10	0,5-1	-	Состояние зубной системы
1	9-10 мес.	Осень?	Годовые слои и состояние зубной системы
1	Около года	?	Состояние зубной системы
3	1,5	Осень	Годовые слои
1	1,5-2	?	Годовые слои и состояние зубной системы
5	1,5-2	-	Состояние зубной системы
1	1,5-2,5	Осень	Годовые слои
3	Около 2-х	-	Состояние зубной системы
1	>2	?	Годовые слои и состояние зубной системы
1	2,5-3,5	Поздняя осень – зима	Годовые слои
1	3	Поздняя осень – зима	Годовые слои
1	4	Весна	Годовые слои

Анализ археозоологического материала показал, что костные остатки относительно однородно и случайным образом распределены в культурном слое.

Обитатели поселения Ольгино жили за счет неспециализированного животноводства, основу которого составляло разведение крупного и мелкого рогатого скота и лошади. Оно имело мясомолочное направление с преимущественным разведением молочного скота. Мелкий рогатый скот разводился с целью получения мяса, молока и шерсти. Сложно что-либо сказать по специализации разведения лошадей в виду слишком маленькой выборки. Разделка и утилизация животных производилась на поселении.

Жители поселения, возможно, могли испытывать недостаток пищи в отдельные периоды функционирования памятника и старались использовать все доступные от животных ресурсы. На основании анализа костных остатков автор выдвинул предположение о том, что охота и рыболовство играли в жизни населения памятника очень незначительную роль. По этому показателю укреплённое поселение Ольгино (менее 1%) несколько отличается от поселения Аркаим (4%) [Косинцев, 2002, с. 44], где охота играла более значительную роль.

Литература

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. – М.: Языки слав. культуры, 2003. – С. 3-18.

Бачура О.П. Результаты определения возраста и сезона забоя животных археологического памятника Каменный Амбар (год раскопок 2005-2006 гг.) // Архив ИЭРиЖ УрО РАН.

Бачура О.П. Определение сезона и возраста забоя животных по регистрирующим структурам из поселения Устье // Межэтнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2009. – С. 31-34.

Епимахов А.В. Отчет о проведении полевых работ на поселении Каменный Амбар в 2006 г. // Архив УрО ИИА РАН. Ф. 2. Д. 472.

Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. – Челябинск, 2000. – С. 23-45.

Косинцев П.А. Проблемы изучения хозяйства синташтинской культуры // Происхождение и хронология синташтинской культуры. Материалы к заседанию «круглого стола» (24-26 сентября 2005 г.). – Челябинск, 2005. – С. 52-60.

Reitz E.J., Wing E. S. Zooarchaeology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 234 p.

Schmid E. Atlas of animal bones for prehistorians, archaeologists and quaternary geologists. – Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 1972. – 54 p.

А.С. Савельева

Кемерово, Кемеровский государственный университет

Типы сплавов на медной основе в эпоху палеометалла

Систематизация данных о типах бронзовых сплавов (учтено 90 опубликованных примеров) способствует выявлению хронологических тенденций развития бронзолитейного производства Северной Евразии в контексте принятой периодизации эпохи палеометалла (табл. 1). Приблизительное время появления и продолжительности бытования металлургических групп бронзовых сплавов в историографии считается проблемой решенной [Черных, 1972, табл. 5], потому в круг задач предлагаемого исследования входило лишь установление соотношения типов сплавов на медной основе на разных этапах бронзового и раннего железного веков.

1. Ведущим типом сплава в раннебронзовом веке (РБВ, IV-начало III тыс. до н.э.) Северной Евразии выступали мышьяковые бронзы (Северный Кавказ, Приуралье, Поволжье, Северное Причерноморье, Забайкалье, Предбайкалье, Южный Туркменистан, Приднепровья). «Чистая» медь преобладала лишь на северной периферии Циркумпонтийской металлургической провинции [Дегтярева, Шуваева, 2002, с. 75].

2. В среднем бронзовом веке (СБВ, III – начало II тыс. до н.э.) преобладала «чистая» медь с примесями естественного происхождения. Например, для алтайского варианта афанасьевской

культуры характерны руды с повышенной концентрацией свинца и цинка, а для минусинского – естественные рудные примеси мышьяка, сурьмы и серебра [Грушин, 2007, с. 93-95].

3. В позднем бронзовом веке (ПБВ, II тыс. – VIII в. до н.э.) оловянная бронза преобладала на Северном Кавказе, в Поволжье, Приуралье, Придонье, Южном Туркменистане, Среднем Приобье, Прииртышье, Минусинской котловине, Саяно-Алтае, на Дальнем Востоке. Мышьяковые бронзы характеризуют металлообработку лугавской [Хаврин, 2003а, с. 211] и карасукской культур Минусинской котловины, синташтинской культуры Южного Зауралья [Зайков и др., 1999, с. 313-314]. Сурьмяно-мышьяковые бронзы в позднебронзовом веке зафиксированы на территории срубных очагов металлообработки в Поволжье, на Дону, в Приуралье, в ареале распространения сейминско-турбинских бронз в Волго-Камском междуречье. Использование мышьяковой меди со значительной примесью сурьмы – специфика металлургии Хакасско-Минусинской котловины, Тувы, Западной Монголии, циркумбайкальского региона и северо-западного Китая на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Пример оловянно-свинцовых сплавов локализован в среднеобском центре бронзолитейного производства самусьской культуры [Матющенко, 1973, с. 84].

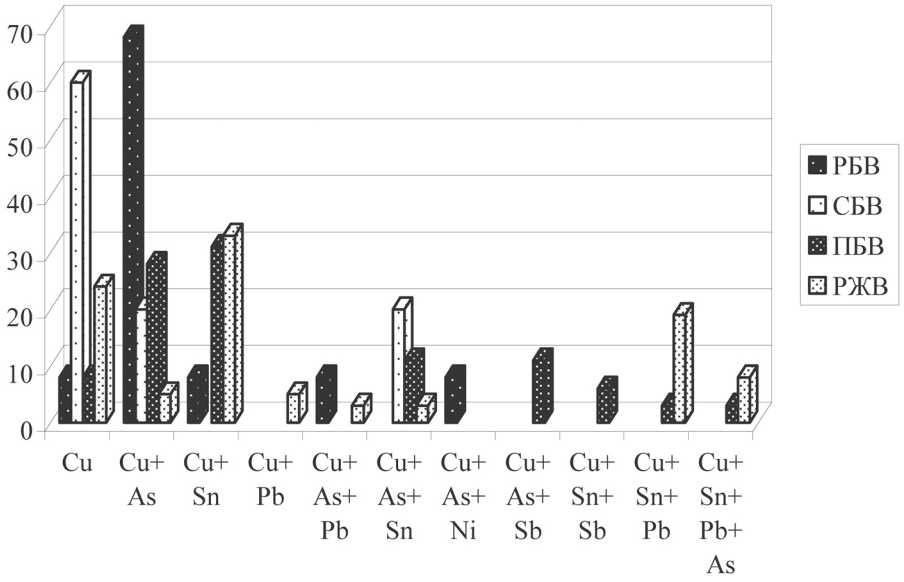


Таблица 1. Типы сплавов на медной основе в эпоху палеометалла (в процентах)

4. В раннем железном веке (РЖВ) традиционными были оловянные бронзы, господствовавшие в цветной металлургии начиная с предскифской и раннескифской эпохи в Северном, Центральном и Восточном Казахстане, в материалах тасмолинской культуры Среднего Приишимья, тагарской культуры Минусинской котловины и большереченской культуры Среднего Приобья. Однако ряд территорий испытывал дефицит олова, как, например, Минусинская котловина на подгорновском и баиновском этапах тагарской культуры, Тува в аржанское время, где по этой причине господствовала мышьяковая медь [Хаврин, 2003б, с. 172]. Широкое распространение получают сложные – оловянно-свинцовые сплавы (Среднее Приишимье, Западное Забайкалье, Поднепровье, Северный Кавказ). В Минусинской котловине этот процесс пришелся на сарагашенский этап тагарской культуры.

В целом же, самой высокой степенью разнообразия типов сплавов характеризуется именно металлообработка эпохи поздней бронзы и раннего железа (по 8 «рецептур»), что отражает как достигнутый уровень мастерства литейщиков, способных варьировать состав сплавов в зависимости от требуемых физических свойств изделий, так и накопленный опыт мастеров древнего горнорудного дела, способных обеспечивать бронзолитейные очаги соответствующим рудным сырьем.

Литература

Грушин С.П. Рудно-алтайский горно-металлургический центр и афанасьевские очаги металлургии // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – Вып. 3. – С. 92-96.

Дегтярева А.Д., Шуваева О.В. Химико-металлургическая характеристика медного инвентаря ямной культуры Южного Приуралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. – Вып. 4. – С. 71-77.

Зайков В.В., Бушмакин А.Ф., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Зданович Г.Б., Таиров А.Д. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск: Аркаим, 1999. – С. 313-315.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. – Ч. 2. Самусьская культура. – 167 с.

Хаврин С. В. Металл некоторых памятников Тувы в контексте металлургии Саяно-Алтая скифского времени // Суглук-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. – СПб.: ИИМК РАН, 2003а. – С. 211-213. – (Тр. – Т. IX. Прилож.).

Хаврин С. В. Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2003б. – Кн. II. – С. 171-173.

Черных Е.Н. Металл – человек – время. – М.: Наука, 1972. – 208 с.

М.А. Семёнов
Омск, Омский государственный педагогический университет

История изучения Спирановского городища на Оми

В настоящее время в изучении памятников кулайской культуры в Среднем Прииртышье можно выделить ряд проблем. Одной из них остается культурная принадлежность комплексов фигурно-штамповой керамики с городищ Спирановское и Большой Лог, которую археологи определяют по-разному. Другая проблема –происхождение кулайского населения региона, его историческая судьба и роль, которую оно сыграло в формировании местных культур эпохи средневековья. Для ответа на поставленные вопросы важны как новые материалы, так и результаты исследования ключевых памятников, одним из которых считается Спирановское городище, расположенное примерно в 10 км восточнее Омска.

Оно было открыто В.И. Морозовым и А.Ф. Палашенковым, который позже составил его описание [Палашеников, 1991, с. 174-175]. В 1966 и 1967 гг. В.А. Могильниковым здесь были проведены раскопки, в ходе которых выяснилось, что памятник многослойный и содержит материалы, относящиеся к различным периодам железного века. Время существования городища предварительно определялось с IV в. до н.э. по I-II вв. н.э. [Могильников, 1970, с. 183; 1971, с. 51].

В 1991 году вышла монография В.С. Елагина и В.И. Молодина, в которой авторы освещаются проблемы происхождения, хронологии и культурной принадлежности памятников, аналогичных Спирановскому городищу, реконструируются отдельные стороны хозяйственной деятельности оставившего их населения [Елагин, Молодин, 1991], которое, по мнению одного из авторов, относились к южным уграм [Молодин, 1995, с. 11-18].

В 1991 г. Спирановское городище было осмотрено сотрудниками Археологической лаборатории Омского пединститута И.Е. Скандаковым и И.В. Моревым, после чего стала очевидной необходимость проведения охранных раскопок разрушающейся части памятника. Они были проведены в 1992 г. отрядом археологической экспедиции ОГПИ под руководством Е.М. Данченко. В 1996 г. предварительные результаты были опубликованы [Данченко, 1995, с. 25, 28]. При этом было отмечено, что В.А. Могильников в целом верно наметил основные этапы существования городища. С учетом вновь полученных данных, наиболее ранний из них относится к VI-IV вв. до н.э., когда на мысу существовал поселок населения журавлевского этапа богочановской культуры. Основная часть находок связана с пребыванием здесь кулайцев-саровцев и предположительно датируется первой половиной I тыс. н.э. Помимо керамики, изделий из кости, железа, бронзы, к этому периоду относятся вскрытые В.А. Могильниковым и Е.М. Данченко жилые сооружения. Следующий этап функционирования городища относится ко второй половине I тыс. н.э., о чем свидетельствует горносталевская керамика, характерная для потчевашской культуры. Наконец, наиболее поздние находки на городище датируются эпохой позднего средневековья и связаны с татарским населением.

В свое время, обращаясь к проблеме культурной принадлежности керамики Спераовского городища с фигурно-штамповой орнаментацией, В.А. Могильников отнес ее к среднеиртышской культуре, которую в своё время выделил В.Н. Чернецов [Чернецов, 1953, с. 224; Могильников, 1970, с. 182]. Ему же принадлежит высказывание о пришлом характере населения городища, которое продвинулось по долине Оми из Обь-Иртышьского междуречья. Тонкий культурный слой памятника указывает на кратковременность пребывания здесь пришельцев, которые позднее смешались с остатками местного саргатского населения и составили основу нового этноса – потчевашской культуры [Могильников, 1978, с. 91-92].

В 1970 г. В.Ф. Генинг, Л.Н. Корякова, Б.Б. Овчинникова и Н.В. Фёдорова отнесли Спераовское городище не к среднеиртышской культуре, а к раннему этапу потчевашской, которая, как они считали, составляет часть этнокультурной общности, сложившейся в середине I тыс. н.э. на большей части Приобья. В лесостепных районах Среднего Прииртышья потчевашская культура распространена на территории, занятой в раннем железном веке памятниками аббатской культуры, известной ныне как саргатская, причем между этими культурами преемственности не наблюдается. В.Ф. Генинг и его коллеги допускали, что около середины I тыс. н.э. в лесостепные районы Среднего Прииртышья, опустевшие ещё во II-III вв. н.э., могло продвинуться с севера лесное охотничье-рыболовческое население [Генинг и др., 1970, с. 223-224]. В развитии потчевашской культуры уральские археологи выделили два этапа: спераовский и горносталёвский [Там же, с. 216-218].

К этой точке зрения позднее присоединились новосибирские исследователи – В.И. Молодин, В.И. Соболев, В.С. Елагин. Однако, по их мнению, потчевашская культура существовала на протяжении трех этапов: спераовского, горносталевского и усть-ишимского. Новосибирские ученые, в ответ на аргументы Л.А. Чиндиной по поводу принадлежности рассматриваемых материалов к позднему (саровскому) этапу кулайской культуры [Чиндина, 1984, с. 164], отметили существенные различия между спераовскими и саровскими комплексами [Елагин, Молодин, 1991, с. 100]. Начало периода бытования потчевашской культуры они связывают с проникновением на данную территорию саровского населения Среднего Приобья и ассимиляцией им местных новочекинских групп. В результате этих процессов во II-I вв. до н.э. начинается ранний (спераовский) этап развития потчевашской культуры [Елагин, Молодин, 1991, с. 100-101].

В 1999 г. В.А. Могильников, Е.М. Данченко и О.Е. Горькавая сопоставили результаты статистической обработки ряда позднекулайских комплексов, в том числе Спераовского городища, из коллекции которого было отобрано 183 сосуда [Могильников и др., 1999, с. 124]. Полученные парные коэффициенты сходства оказались достаточно высокими, что позволяет говорить об однокультурности городищ Спераовское, Саровское, Сопка-I, Большой Лог, поселения Туруновка-III, и их принадлежности к позднему, саровскому, этапу кулайской культуры.

Таким образом, можно отметить странную, на первый взгляд, ситуацию, когда один и тот же памятник относится учеными к различным археологическим культурам, не смотря на то, что коэффициенты сходства керамики, полученной на нем и ряде других памятников Среднего Прииртышья, Барабы и Среднего Приобья, скорее свидетельствуют об их однокультурности. Видимо, статистические исследования следует продолжить, что позволит точнее определить соотношение памятников указанных регионов.

Литература

Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., Овчинникова Б.Б., Фёдорова Н.В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. – С. 203-228.

Данченко Е.М. Спераовское городище на Оми // Памятники истории и культуры Омской области. – Омск: Изд-во «РИО», 1995. – С. 25-32.

Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. – Новосибирск : Наука, 1991. – 127 с.

Могильников В.А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. – С. 172-190.

Могильников В.А. Спераовское городище // КСИА. – 1971. – № 128. – С. 42-52.

Могильников В.А. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. – С. 84-92.

Могильников В.А., Данченко Е.М., Горькавая О.Е. Керамические комплексы раннего железа с городища Старый Погост // Гуманитарное знание: Сер. Преемственность. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – Вып. 3. – С. 120-143.

Молодин В.И. История и культура хантов. – Томск, 1995.

Палашеников А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск, 1991. – С. 174-175.

Чернецов В.Н. Усть-полуйское время // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 221-241. – (МИА. – № 35).

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 237 с.

Н.Н. Серегин
Барнаул, Алтайский государственный университет

Археологические комплексы у с. Шашикман (Республика Алтай)*

На сегодняшний день накоплен значительный опыт в области систематизации погребальных, поминальных и поселенческих комплексов Республики Алтай [Соенов, Суразаков, 2001; Молодин, и др., 2004; Бородовский, и др., 2005; Соенов, Ойношев, 2006; и др.]. При этом очевидна необходимость продолжения археологических исследований, направленных на выявление и всестороннюю фиксацию археологических памятников региона. В ходе такой работы возможно получение значительного объема научной информации, которая обеспечит решение ряда проблем без трудоемких раскопок. Кроме этого, в современных условиях практически бесконтрольного землепользования важно вовремя поставить на государственный учет объекты культурно-исторического наследия. Одной из наиболее эффективных форм обнаружения археологических комплексов является сплошное и неоднократное обследование выбранной территории.

В последние годы важным направлением разведочных работ отдельного отряда Яломанской археологической экспедиции Алтайского государственного университета (руководитель А.А. Тишкин) является выявление новых и мониторинг уже известных объектов в районе с. Шашикман Онгудайского района Республики Алтай. Памятники близ этого населенного пункта долгое время не привлекали внимание специалистов. Информация о разновременных объектах в этой местности приведена в монографии «Древности Чуйского тракта» [Бородовский и др., 2005, с. 50–52], посвященной публикации сводки памятников, находящихся в зоне самой крупной дороги Республики Алтай. Авторами выявлены разновременные комплексы Шашикман-I-VII и приведена их краткая характеристика. Более полная и точная информация в этом плане приведена в отчете В.И. Соенова [2003], непосредственно проводившего обследования. Согласно этим данным все выявленные комплексы расположены к востоку и юго-востоку от с. Шашикман. Памятники, обследованные Уркошским отрядом Яломанской археологической экспедиции, локализуются к западу-северо-западу от указанного населенного пункта. Ниже приведена краткая характеристика обнаруженных комплексов.

Шашикман-VIII. Памятник находится на левом берегу р. Урсул (приток р. Катунь), в 0,27 км к северо-востоку от нее, в 70 м к северу от полотна Чуйского тракта и в 0,275 км к западу-юго-западу от окраины с. Шашикман Онгудайского района Республики Алтай. В 5,1 км на запад-северо-запад находится мост через р. Урсул. Географические координаты кургана № 1 данного памятника по GPS-приемнику: N – 50°47.805'; E – 086°02.327'. Высота над уровнем моря – 906 м. Зафиксированный археологический комплекс, расположенный на ровном участке, покрытом низкой степной

* *Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016)*

растительностью, состоит из крупных каменных и каменно-земляных курганов, расположенных цепочкой по линии юг-юго-запад – север-северо-восток, а также из нескольких групп объектов с восточной стороны от них. Всего на памятнике отмечено 20 сооружений. Планиграфия некрополя, а также особенности сооружений, фиксируемых визуально, позволяют сделать выводы о датировке объектов. Крупные курганы, вероятно, относятся к пазырыкской культуре скифо-сакского времени (2-я половина VI–III вв. до н.э.). Предварительная датировка остальных объектов определяется в рамках раннего железного века и средневековья.

Шашикман-IX. Памятник обнаружен в 0,8 км к западу от комплекса Шашикман-VIII, на левом берегу р. Урсул (приток р. Катунь), в 0,34 км к северу от нее, в 0,23 км к северу от полотна Чуйского тракта и в 1,070 км к западу-юго-западу от окраины с. Шашикман Онгудайского района Республики Алтай. В 4,3 км на запад-северо-запад находится мост через р. Урсул. Географические координаты кургана № 1 данного памятника по GPS-приемнику: N – 50°47.946'; E – 086°01.842'. Высота над уровнем моря – 909 м. Зафиксированный комплекс расположен на ровном участке, покрытом низкой степной растительностью. Памятник состоит из средних по размеру каменных и каменно-земляных курганов, расположенных вокруг одного крупного кургана, находящегося в центре археологического комплекса. Всего выявлено 12 сооружений. Судя по всему, центральный курган относится к пазырыкской культуре скифо-сакского времени (2-я половина VI–III вв. до н.э.). Предварительная датировка остальных объектов определяется в рамках раннего железного века и средневековья.

Шашикман-X. Памятник обнаружен в 0,3 км к западу-северо-западу от комплекса Шашикман-IX, на левом берегу р. Урсул (приток р. Катунь), в 0,35 км к северу от нее, в 0,195 км к северу от полотна Чуйского тракта и в 1,37 км к западу-юго-западу от окраины с. Шашикман Онгудайского района Республики Алтай. В 4,0 км на запад-северо-запад находится мост через р. Урсул. Географические координаты самого южного кургана № 1 данного памятника по GPS-приемнику: N – 50°47.956' E – 086°01.565', кургана №6 (самый северный объект): N – 50°48.0081' E – 086°01.585'. Высота над уровнем моря – 886 и 902 м соответственно. Зафиксированный археологический комплекс, расположенный на ровном участке, покрытом низкой степной растительностью, состоит из крупных каменных и каменно-земляных курганов, расположенных цепочкой по линии юг-юго-запад – север-северо-восток, а также из нескольких объектов, выявленных с восточной стороны и между ними. Всего на памятнике отмечено 12 сооружений. Планиграфия некрополя, а также особенности сооружений, фиксируемых визуально, позволяют сделать выводы о датировке объектов. Крупные курганы, вероятно, относятся к пазырыкской культуре скифо-сакского времени (2-я половина VI–III вв. до н.э.). Предварительная датировка остальных объектов определяется в рамках раннего железного века и средневековья.

К западу от описанных археологических комплексов выявлено еще два крупных памятника, которым присвоены очередные обозначения Шашикман-XI и Шашикман-XII. Всестороннюю фиксацию этих объектов предполагается осуществить в ближайшее время. Также планируется продолжить работы по выявлению новых и мониторингу состояния известных памятников на территориях, регулярно обследуемых участниками Яломанской археологической экспедиции [Тишкин, Матренин, Серегин, 2009; Тишкин, Серегин, 2009а-б], что будет способствовать накоплению и систематизации сведений для составления археологической карты Онгудайского района Республики Алтай.

Литература

Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соенов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В. Древности Чуйского тракта. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – 103 с.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 255 с.

Соенов В.И. Отчет об археологических исследованиях в Горном Алтае. – Горно-Алтайск, 2003 (Архив АКИН).

Соенов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – 100 с.

Соенов В.И., Суразаков А.С. Археологические памятники особо охраняемых природных территорий Республики Алтай. – Горно-Алтайск: АКИН, 2001. – 68 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Серегин Н.Н. Уркошский археологический микрорайон на Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск: Изд-во «Апельсин», 2009. – С. 129–134.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Выявление новых и мониторинг известных объектов в Онгудайском районе Республики Алтай // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. – Барнаул: АлтГПА, 2009а. – Вып. V. – С. 36–40.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Итоги археологического обследования в Онгудайском районе Республики Алтай // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2009б. – Вып. 1-2 (13-14). – С. 49–59.

Н.А. Сутягина
Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж

Могильник Цюнкэкэ I в долине реки Или
(Синьцзян-Уйгурский автономный район, КНР)

Могильник Цюнкэкэ I расположен в уезде Нилэкэ на левом берегу реки Каш (бассейн р. Или). В результате исследования 57 погребений был получен материал, дающий представления о могильнике [Лю Сюэтан, Жуань Цюжун, 2002, с. 13–53]. Надмогильные сооружения зафиксированы у 53 погребений. К первому типу относятся насыпи с каменной оградой и надмогильной конструкцией (наброска, кольцо) (50 погребений) (диаметр 4–12 м, высота 0,3–0,8 м) (рис. 1). Под насыпями расположены от одной до трех ям, каждая из которых имела надмогильное сооружение. Ко второму типу относятся насыпи со сплошным каменным панцирем (3 погребения) (диаметр 11–13 м, высота 1–1,3 м). Под насыпями второго типа фиксируется только одна могильная яма.

Основными формами могильной ямы являются яма с подбоем и грунтовая яма с вертикальными стенками (размеры 2,2х0,9 м, глубина 0,9–2 м). В нескольких погребениях зафиксированы каменные ящики, каменная обкладка, деревянная колода.

Для погребального обряда могильника Цюнкэкэ I характерны одиночные захоронения, западная ориентировка погребенного. Традиционной позой является положение вытянуто на спине с прямыми конечностями. В 28 погребениях в головах погребенного обнаружена заупокойная пища – кости барана.

Сопроводительный инвентарь зафиксирован в 39 погребениях. Многочисленной категорией является керамика (44 сосуда). По характеру оформления поверхности выделяются ангобированные и расписные сосуды. В орнаментации преобладает геометрическая роспись: мелкая сетка, треугольники, параллельные линии. По форме сосудов выделяются кувшины, кружки, миски, а также единичные находки сосудов нетипичных для этого памятника форм. Следы деревянной посуды обнаружены в 12 погребениях, в одном (М8А) сохранилось деревянное блюдо (диаметр 24~26 см, высота 6,6 см). Предметы вооружения представлены костяными наконечниками стрел (черешковые трехгранные) (7 предметов). К предметам бытового назначения относятся бронзовый нож с кольцевым навершием и желобком на рукояти (М2), железные ножи (плохой сохранности) (13 предметов), фрагменты двух железных проколок (М12 и М2), каменные оселки (М2 верхнее и М46А) прямоугольной и овальной форм (длина 13,8–15,2 см, толщина 3,8–4,2 см). Роговые ворворки и пронизки (4 предмета) имеют различную форму и размеры (диаметр 2,5–3,5 см). Украшения представлены низкой бус из 25 агатовых бусин и 1 пронизкой (М13А). В погребении М50 сохранился фрагмент кожаного изделия (длина 15 см, ширина 0,6 см).

Проблема хронологии является одним из основных аспектов в изучении памятников долины реки Или. Отсутствие хронологических индикаторов в погребениях могильника Цюнкэкэ I затрудняет возможности датирования по археологическим материалам. Однако погребальный обряд и сопроводительный инвентарь сопоставимы с погребальными традициями памятников долины реки Или как на территории Синьцзяна (Шанкоушуйку [Жуан Цюжун и др., 2006, с. 1–40], Содунбулак [Чжан Юйчжун, 1995, с. 1–19], Илэгэдай [Жуан Цюжун и др., 2005, с. 13–32]), так и памятниками III в. до н.э. – III в. н.э. на территории Казахстана [Акишев, Кушаев, 1963]. Погребения могильника Цюнкэкэ I демонстрируют определенное родство с памятниками Семиречья, Ферганы, Тянь-Шаня рубежа тысячелетий [Горбунова, 2003, с. 63; Заднепровский, 1992]. Однако, радиоуглеродные даты, полученные по деревянному тлену (984–830 до н.э. (М11) и 1040–906 до

н.э. (M52)), расходятся с археологическим материалом [Хань Цзянье, 2005, с. 71]. На основании изучения керамики, а также результатов радиоуглеродного датирования Хань Цзянье относит могильник Цюнкэкэ I к раннему этапу «культуры долины реки Или» бронзового и раннего железного века, которую датирует периодом 1100–100 лет до н.э. [Хань Цзянье, 2007, с. 40, 76]. Авторы раскопок предложили датировать могильник V до н.э. [Лю Сюэтан, Жуань Цюжун, 2002, с. 53].

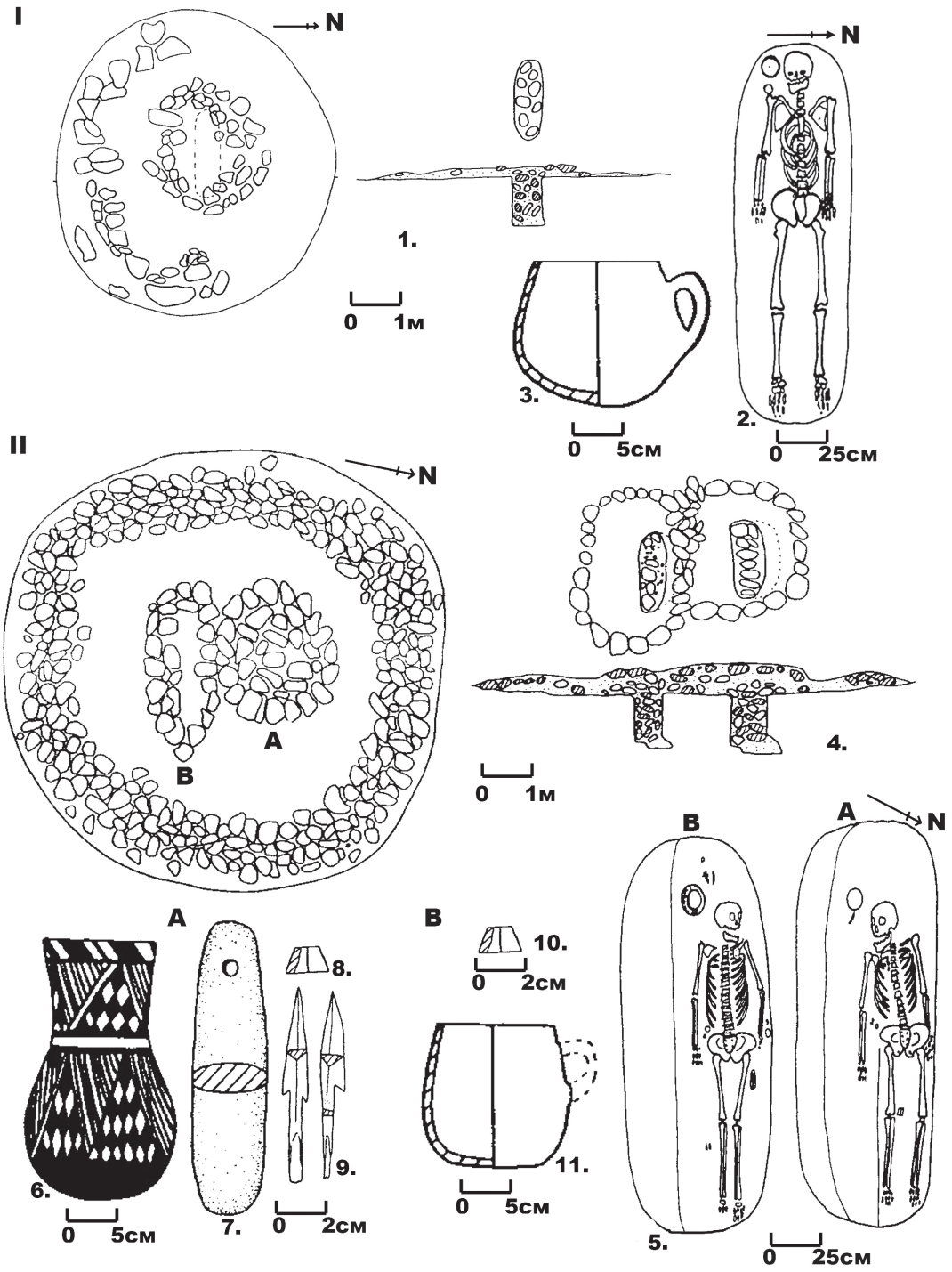


Рис. 1. Погребальный обряд могильника Цюнкэкэ I. I – 1-3 – M54; II – 4–11 – M46A,B. 3, 6, 11 – керамика, 7 – камень, 8 – кость, рог (по: Лю Сюэтан, Жуань Цюжун, 2002

В настоящее время представляется возможным принять для могильника Цюнкэкэ I датировку типологически близких памятников долины реки Или в пределах III в. до н.э. – III в. н.э. Однако рассмотренные выше материалы показывают, что такая точка зрения весьма дискуссионная и в данное время не может быть принята окончательно.

Литература

Акишев А.К. Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или.– Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 300 с.

Горбунова Н.Г. О погребальной пище в могильниках скотоводов Средней Азии // Археологический сборник ГЭ. – 2003. – Вып. 26. – С. 60-67.

Жуань Цюжун, Ху Синцзюнь, Чжан Тенань. 2005 няньду Или чжоу Гунлю сянь Шанкоушуйку муди каогу фацзюэ баогао (Сообщение об исследовании могильника Шанкоушуйку в долине реки Или, уезд Гунлю в 2005 году) // Синьцзян вэньу. – 2006. – № 1. – С. 1-40.

Жуань Цюжун, Чжан Тенань, Ху Синцзюнь. Или цяфуцихай шуйлишуню гунчэн наньань ганьцюй каогу фацзюэ цзяньбао // Синьцзян вэньу. – 2005. – №1.– С.13-32.

Заднепровский Ю.А. Семиречье, Тянь–Шань, Фергана и Памир // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – Гл. 2. – С. 73-100.

Лю Сюэтан, Жуань Цюжун. Нилэкэ сянь Цюнляокэ и хао муди каогу фацзюэ боагао (Сообщение о раскопках могильника Цюнкэкэ I, уезд Нилэкэ) // Синьцзян вэньу. – 2002. – № 3, 4. – С. 13- 53.

Хань Цзянье. Синьцзян цинтун шидай–цзаоци теци шидай вэньхуадэ феньци хэ пуси (Периодизация и локальные особенности культур бронзового и раннего железного века на территории Синьцзяна) // Синьцзян вэньу. – 2005. – № 1. – С. 57–100.

Хань Цзянье. Синьцзян дэ циньтун шидай хэ цзаоци теци шидай вэньхуа (Культуры бронзового и раннего железного веков на территории Синьцзяна). – Пекин: Культура, 2007.

Чжан Юйчжун. Чабуча`эр сянь Содунбулакэ гу муцюнь (Могильник Содунбулак, уезд Чабуча`эр) // Синьцзян вэньу. – 1995. – № 2. – С. 1-19.

А.С. Тарасова

Барнаул, Алтайский государственный университет

Использование цветных металлов для изготовления аппликаций в скифо–сакское время

(по материалам пазырыкской культуры Алтая)*

В курганах скифо-сакского времени исследователи находят аппликации из цветных металлов. Изделия из золотой, серебряной, бронзовой, медной и оловянной фольги наклеивались или пришивались на деревянные, берестяные, кожаные или войлочные аппликации для большей декоративности и привлекательности различного рода украшений.

Во 2-й пол. XIX в. исследователь кочевых народов Азии В.В. Радлов пытался интерпретировать собранный им материал. Использование цветных металлов для изготовления аппликаций изучали С.И. Руденко [1953, 1960], М.П. Грязнов [1950], С.В. Киселев [1951], В.Д. Кубарев [1987], Н.В. Полосьмак [2001] и другие ученые, которые раскапывали на Алтае курганы пазырыкской культуры. В ходе анализа полученных данных было выявлено, что листовая фольга из цветных металлов, обработанная различными способами, применялась «пазырыкцами» для украшения погребальных вещей. Так, в кургане № 1 памятника Пазырык вдоль бортов погребальной колоды были найдены наклеенные на них кожаные аппликации петухов, покрытые оловянной фольгой [Руденко, 1953, с. 45–46]. Украшали металлической листовой аппликацией и личные вещи. В кургане № 2 памятника Пазырык для нагрудника использовали золотые листовые кружки. Там же зафиксирован пояс, покрытый листовым золотом в виде растительного орнамента. Золотую аппликацию применяли при оформлении головных уборов. Ее клеили на кожаные узорчатые ромбы, покрывавшие женский головной убор из кургана № 2 памятника Пазырык. В кургане № 2 памятника Башадар в захоронении коня найдено навершие, покрытое листовым серебром и золотом. В изготовлении обуви также применялась металлическая аппликация (золотая и оловянная фольга) [Руденко, 1953, с. 106–118].

* *Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016)*

Аналогичные вещи были найдены в курганах Укока. Там обнаружены тончайшие листочки золотой фольги неправильных форм с ровными или грубо обрезанными краями. Поверхность фольги имеет следы клея [Полосьмак, 2001, 34–35]. Погребальная утварь также украшалась металлической аппликацией: оловянной фольгой покрывались кожаные изображения петухов, наклеенных на кувшины кургана № 2 памятника Пазырык [Руденко, 1953, с. 90–95].

В курганах пазырыкской культуры археологи преимущественно находили листовую аппликацию из золота. О богатстве Алтая золотом хорошо знали античные историки и географы [Руденко, 1960, с. 25]. Золото использовали с эпохи энеолита. Месторождения золота представлены в виде рудных залежей и россыпей. Россыпное самородное золото отмечено в долинах рек практически по всему Алтаю. В настоящее время можно говорить о более чем ста приисках, на которых в древности производилась добыча россыпного золота. Масштабная переработка его и изготовление аппликаций из цветного металла на Алтае приходится на ранний железный век. М.Ф. Розен [1995, с. 16] считал, что пик древней золотодобычи существовал в V–III вв. до н.э.

Технологию обработки металла и изготовления разного рода украшений раннего железного века население Алтая унаследовало еще с эпохи бронзы (ковка, плющение, тиснение, раскатка и др.). Она стала более совершенной, и мастера-ювелиры научились применять новые способы (пайка, зернь, скань и др.). Первичной обработкой – техногенной основы большинства предметов, являлась плавка рудного золота, превращая его в слитки. Золотую фольгу получали путем раскатки. Затем резали золотые пластины острым ножом [Щербаков, Рослякова, 2000, с. 179–184].

Технология ювелирного производства Казахстана и металлообработка (литье, ковка, сгибание, резание, пайка и др.) кочевников скифо-сакского времени достигла высокого уровня. Цветные металлы (бронза, серебро и золото) плохо поддавались окислению. Они являются хорошим материалом для исследования древних способов и приемов металлообработки. Основным способом изготовления листового золота, сохранившим свое значение до наших дней, является ковка. Золото отливали в виде палочек, стержней и отковывали из них полосы, резали на квадраты, складывали пачками и били тяжелым молотком равномерными ударами, наносимыми вдоль и поперек листов на гранитных наковальнях. В процессе ковки золотые листки время от времени нагревали на огне для пластичности, чтобы не стали хрупкими, не трескались и не ломались. Поверхность листов в ряде случаев шероховатая, толщина золота в одном листе неодинаковая – от 0,05 до 0,18 мм [Кузнецова, Мадина, 1990, с. 156–159].

Исследуя состав металлических аппликаций, исследователи применяют различные методы (рентгеноспектральный, микрозондовый и др.). Ю.Г. Щербаковым установлено, что состав золотых изделий из курганов Укока правильнее было бы назвать золото-серебряными, так как содержание серебра в них доходило до половины, а цвет варьирует от бледно-желтого до красно-коричневого тона с преобладанием нормально золотистого – от ярко-золотого до слегка замутненного оттенка [Щербаков, Рослякова, 2000, с. 179–184]. Большинство аппликаций из металла, найденных в курганах пазырыкской культуры (могильник Ханкаринский дол, памятник Балык-Соок-1, Башадар), имеют состав из самородного золота со значительным содержанием серебра (26,5–40,8%) [Хаврин, 2007; Дашковский, Тишкин, Хаврин, 2007, с. 202–203].

Таким образом, металл, способы его получения и обработки являются важными показателями в культуре населения скифо-сакского времени. Добыча руды, плавка и производство изделий в горных и предгорных районах были почти повсеместными. Поэтому знания, технические возможности, умения людей, занимавшихся этим производством, были велики, что подтверждают находки курганов. А использование цветных металлов для изготовления аппликаций в скифо-сакское время позволяет судить об освоении и применении новых способов мастерами технологии изготовления фольги для оформления разного рода украшений, как погребальных, так и личных.

Литература

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 92 с.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Результаты спектрального анализа металлических изделий из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 232 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Кузнецова Э.Ф., Мадина С.Ш. Исследование древнего золота Казахстана // СА. – 1990. – № 2. – С. 136-150.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 212 с.

Розен М.Ф. Россыпи, связанные с известными коренными источниками рудного золота // Золото Алтая: история и современность. – Барнаул, 1995. – С. 112–121.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.

Хаврин С.В. Металл памятников пазырыкской культуры из курганов Чуи и Урсула // Кубарев В.Д. Шульга П.И. Пазырыкская культура. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 278–281.

Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В. Состав золотых и бронзовых изделий, источники металлов и способы их обработки // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.

А.С. Техтереков
Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

История исследования скальных погребений юга Сибири

В сибирской археологии до сих пор не осознается существование в изучаемых нами древностях одной особой категории погребальных памятников. Ее составляют захоронения, совершенные в разнообразных естественных, но нередко подработанных или полностью рукотворных скальных полостях: в пещерах, гротах, нишах, расщелинах. Назовем эту категорию погребений «скальными захоронениями».

Общеизвестны палеолитические пещерные погребения, надежно отмечаемые уже для мустьерской эпохи и составляющие самостоятельную область первобытной археологии. Однако, до сих пор не принимается в расчет, что они представляют собой хотя и самое раннее, но все же частное проявление общей, постоянно существовавшей и существующей в истории человечества, а значит, и самостоятельной разновидности захоронений.

Причины этого, возможно, в какой-то мере связаны с тем, что захоронения в природных или рукотворных горных пустотах на деле давно и систематически изучаемые археологами в каждом отдельном случае, нередко предстают вполне обособленным и цельным в культурном отношении явлением. Таковы, например, хорошо изученные катакомбные гробницы Северного Кавказа или пещерные гробницы Центральной и Южной Америки. Там они представлены в рамках определенных археологических культур и хронологических пределов, обрядовые черты не переходят этих рамок, нередко не имеют истоков и продолжений в иных периодах или местных категориях захоронений. Однако эти случаи не создают полной картины.

На примере южносибирских древностей можно наглядно показать существование скальных захоронений как самостоятельной категории погребальных памятников. Здесь они существуют наравне с курганами или грунтовыми захоронениями практически повсеместно и постоянно, нередко в рамках одних и тех же археологических культур.

Распространенность скальных погребений на территории Хакасско-Минусинской котловины подтверждают имеющиеся в литературе многочисленные свидетельства о человеческих костях, находимых в пещерах. Большинство из них нельзя отнести к тому или иному периоду или культуре.

Первые сообщения о подобных находках относятся к концу XVIII в. Эти сообщения, опубликованное в 1886 г., привлекли внимание П.С. Проскурякова и побудило его летом 1888 г. посетить пещеры по Черному и Белому Июсам. На первой реке, близ улуса Подкаменного в одной из трех обследованных пещер им были обнаружены человеческие скелеты: «…пещера отстоит от улуса Подкаменного верстах в 8; находится также, как и пещеры, изученные перед этим, в гранитной скале и известна у инородцев под именем костяной пещеры, вследствие нахождения в ней человеческих костей. Размеры этой пещеры невелики – в глубь скалы 4 саж. 2 аршин., ширина от 1,5 до 3 саж. и высота от 1 до 3 саж. Найденные нами (Проскуряковым П.С. – *А.Т.*) кости действительно принадлежали 4 человеческим скелетам и находились на ограниченной площади около входа в пещеру.

Некоторые кости лежали на поверхности, другие среди гранитного щебня до глубины 1 аршина… Беспорядок в положении костей был настолько велик, что невозможно судить о первоначальном положении скелетов, да и само присутствие их здесь может быть только случайное, так как никаких признаков обитаемости эта пещера не заключает в себе. В этой пещере не найдено ни одной даже кости какого-нибудь животного». Вопреки мнению П.С. Проскурякова о случайности его находок, И.Л. Кызласов полагает вполне очевидным, что в черноиюсской скальной полости были найдены остатки древних погребений [Кыздасов, 1999].

По данным красноярских спелеологов, кости человека встречены и в других пещерах хребта Кузнецкого Алатау: Демидовской и Кошкулакской. В Кошкулакской – расположенной на Белом Июсе в 9 км к югу от Улуса Малый Топанов, найдены два человеческих черепа. Явные остатки погребений обнаружены и в пещерах Батеневского кряжа, в отрогах Абаканского хребта (в Базинской и Бородинской), в горе Тепсей на правом берегу Енисея. По сообщению Н.В. Леонтьева, кости подростка были в середине 1970-х годов близ д. Листвягово обнаружены рыбаками в горной расщелине, скрытой скальным карнизом [Кызласов, Леонтьев, 1980]. У с. Кавказского, расположенного на р. Тубе, в каменной осыпи под писаницей И.Л. Кызласовым были выявлены детские кости. Собраны подобные находки на северном и восточном рубежах Хакасско-Минусинской котловины. Так, остатки скелета встречены в одной из Бирюсинских пещер, человеческие кости – в пещерах Джебская и Баджейская или Ледяная в отрогах Восточного Саяна.

Для аскизской культуры отмечаются три категории погребальных памятников: курганные, грунтовые и скальные захоронения. Первая категория – явно основная и наиболее массовая, а две последние представлены небольшим числом. Вероятно, их появление объясняется ассимиляцией носителями государственной аскизской культуры окрестного населения, совершавшего иные погребальные обряды.

Эти данные явно указывают на самостоятельное классификационное значение скальных гробниц как погребальных памятников особого рода.

Пригодные для изучения материалы предоставляет погребение, случайно обнаруженное в 1946 г. в нише скального левого берега р. Абакан близ улуса Доможакова (тогда-колхоза «Хызыл аал»). Документов раскопок, произведенных археологом А.Н. Липским, нет, но есть краткие опубликованные сведения и переданные в Хакасский краеведческий музей находки. Облик инвентаря определенно свидетельствует, что доможаковский комплекс не принадлежит к аскизской культуре.

О наиболее древнем скальном погребении известно со слов археолога Красноярского музея М.П. Макарова. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в пещере в устье р. Караульной было раскопано засыпанное охрой погребение женщины, содержавшее игольник с иглою. По данным археолога Минусинского музея Н.В. Леонтьева, в пещере близ деревни Верх-Биджи были найдены человеческие кости и деревянные предметы, относящиеся к тагаро-таштыкскому (тесинскому) переходному этапу (II-I вв. до н.э.). При всей пестроте погребального обряда, наблюдаемой в эту эпоху, до сих пор были известны лишь курганы-склепы и грунтовые ямные захоронения в так называемых каменных ящиках (иногда впускные).

Следует особо отметить еще одну группу скальных погребений – погребения, совершенные в скалах с наскальной живописью.

Впервые археологические материалы, обнаруженные у памятников наскальной живописи, были использованы для датировки петроглифов А.Я. Брюсовым. Правомерность точки зрения А.Я. Брюсова впоследствии была подтверждена Ю.А. Саватеевым. Термин «жертвенное место», «жертвенник» для археологических материалов, обнаруженных у скал с петроглифами, в научный оборот введен в 50-х г. XX в. О.Н. Бадером.

А.П. Окладников упоминает о раскопках скального захоронения у д. Воробьево на правом берегу р. Лены [Окладников, 1959]. Радиоуглеродный анализ бересты из этого захоронения дал дату – IX в. до н.э. На основании этой даты А.П. Окладников датирует воробьевские писаницы.

Литература

Кызласов И.Л. Скальные захоронения – особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М.: «Восточная литература», 1999.

Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, 1980.
Окладников А.П. Шишкинские писаницы. – Иркутск, 1959.

Ал.Ал. Ткачёв
Тюмень, Тюменский государственный университет

Сезонный промысловый центр эпохи поздней бронзы на озере Сингуль

Освоение человеком новых территорий в древности было обусловлено как особенностями хозяйственного развития коллектива, так и спецификой природно-климатических условий, которые непременно находили отражение в различных видах сооружаемых построек.

При раскопках пахомовских поселений в Тоболо-Иртышском междуречье исследованы остатки полуземляночных жилых сооружений каркасно-столбовой конструкции, площадью от 45 до 110 кв.м, имеющие коридоро- или тамбурообразные выходы. На некоторых памятниках выявлены зольники и незначительные по размерам хозяйственные постройки.

Имеющиеся данные позволяют характеризовать хозяйство пахомовского населения как комплексное, сочетающее производящие (скотоводство) и присваивающие (охота, рыболовство) направления [Корочкова, 1987, с. 10-13]. С присваивающими элементами комплексного хозяйства и связано существование многослойного поселения Роза Ветров II.

Памятник локализуется на пологом склоне восточного берега оз. Сингуль (Ялуторовский р-н, Тюменская обл.) на береговой террасе высотой 3-5 м, покрытой смешанным сосново-березовым лесом. За семь полевых сезонов (2002, 2004-2009 гг.) на поселении исследовано 1166 кв.м жилой площадки памятника. В пределах исследованного участка изучено 13 разновременных жилищ: от неолитического времени до эпохи средневековья. Позднебронзовый пахомовский комплекс представлен одним жилищем (№ 9) и выявленными на межжилищном пространстве очагами, хозяйственными ямами и ямой-коптильней (1,6×1,5×0,65 м).

Пахомовское жилище находилось в северной части исследованного участка, в 7-8 м от современной кромки берегового обрыва. Котлован постройки, располагавшейся на пологом склоне террасы, подквадратной формы (4,9×5,6 м) с закругленными углами, ориентирован по линии СЗ-ЮВ. Глубина котлована от уровня материка 0,1-0,2 м. Стенки котлована пологие, дно ровное с легким понижением с востока на запад (рис. 1).

В центре юго-восточной стенки находился выход в виде широкого тамбура, ориентированного на юго-запад, размером 2,1×2 м. Пол выхода плавно понижается к ровному дну жилища. Вдоль стенок прослежены столбовые углубления, расположенные симметрично, по три с каждой стороны, служившие для поддержания перекрытия выхода. Одно столбовое углубление зафиксировано по центру камеры выхода у границы жилой части помещения.

На полу постройки расчищен крупный очаг, располагавшийся в яме, три хозяйственных и шесть столбовых углублений. Диаметр столбовых ямок 14-25 см, глубина 20-32 см. В их расположении прослеживается определенная закономерность: столбы внутри помещения образовывали четыре ряда вдоль каждой из стен жилища. Два из них (северо-западный и юго-западный) располагались на расстоянии 0,8-1 м от края котлована и включали по три опорных столба. Северо-восточный и юго-восточный представляли собой ряды из парных столбов, располагавшихся ближе к углам постройки.

Имеющиеся данные позволяют провести реконструкцию жилой постройки: это небольшая, слабо углубленная в грунт полуземлянка, имевшая прямоугольную форму (площадью ≈28 кв.м). В юго-восточной стене постройки находился крытый выход, размером 2,1×2 м, оформленный в виде короткого тамбура и ориентированный на юго-восток в сторону небольшого озерного залива. Жилище обогревалось очагом, находившимся в глубине помещения. Наземная часть представляла собой каркасно-столбовую конструкцию пирамидально-трапециевидной формы. На опорные столбы, располагавшиеся по периметру котлована, опиралась несущая рама, на которую устанавливались наклонные жерди стен. Скорее всего, сверху постройку венчала плоская крыша, в которой над очагом имелось светодымовое отверстие.

Следует отметить существующую необходимость постройки в более крепких и более пологих стенах с наветренной озерной стороны для предохранения жилища от постоянного ветра и

сохранения тепла. Данная потребность выразилась в конструкции постройки: северо-западная и юго-западная стены жилища имели по три опорных столба, ряды которых значительно отстояли от стенок котлована. Данная конструктивная особенность, в свою очередь, позволяла, во-первых, сделать требуемые стены более прочными, во-вторых, уменьшить угол наклона стен относительно дневной поверхности, что значительно снижало силу давления ветра на постройку.

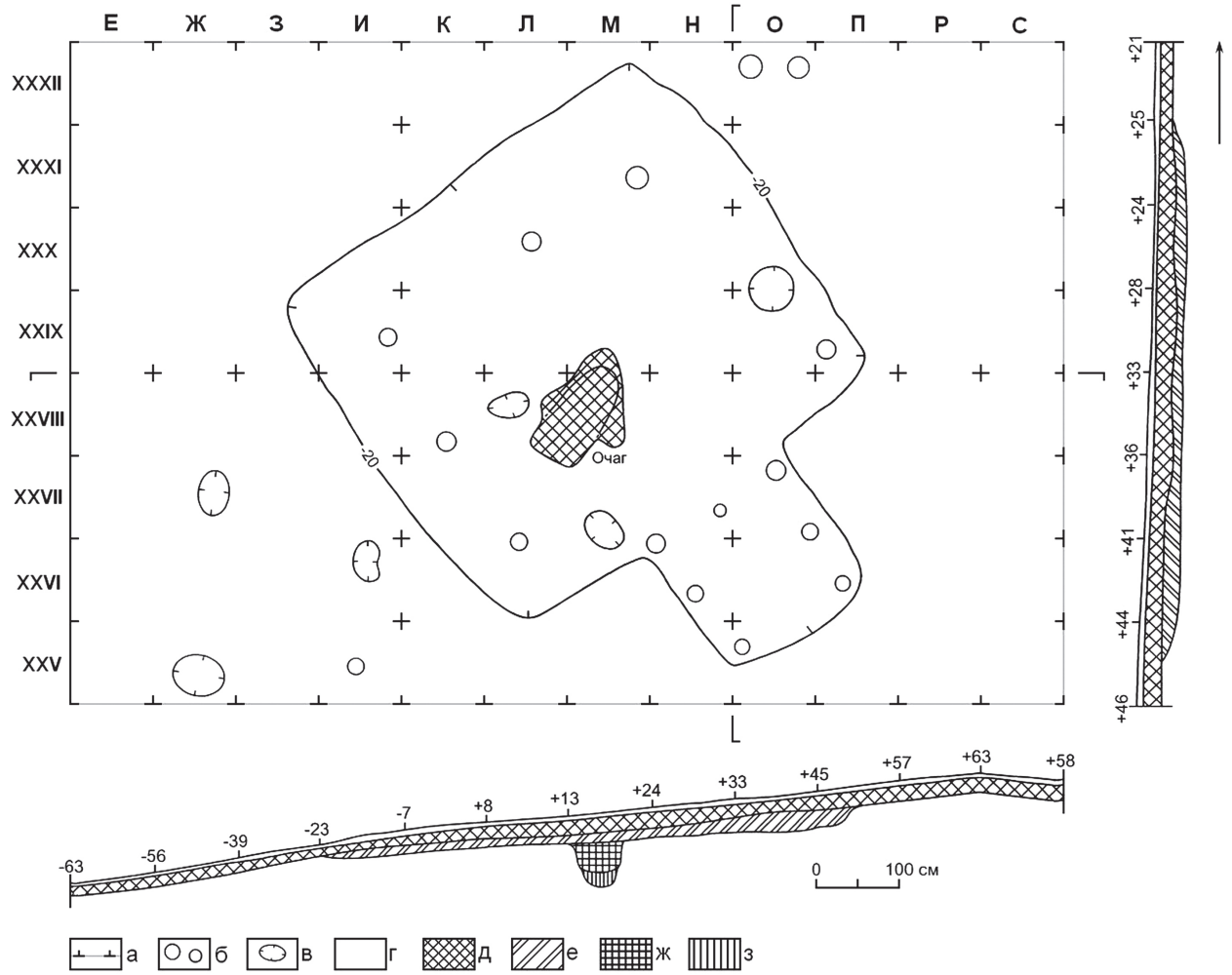


Рис. 1. Поселение Роза Ветров II. План и разрезы жилища 9: а – границы исследованного участка; б – столбовые ямы; в – хозяйственная яма; г – дерн; д – серый песок; е – темно-серый песок с включением древесных углей; ж – черный углистый песок; з – черный песок с древесными углями

Пахомовский инвентарь поселения Роза Ветров II представлен исключительно глиняными грузилами различных форм и размеров, достаточно равномерно распределенных по всему исследованному участку. Преобладают одножелобчатые изделия (18 экз.), единично встречено двужелобчатое. Керамический комплекс включает несколько десятков венчиков и стенок. Посуда представлена обломками горшковидных сосудов, имеющих короткую, слабо отогнутую наружу шейку, плавно переходящую в раздутое тулово. Преобладает хорошо заглаженная посуда коричневых оттенков. Обжиг неровный костровой, черепки в изломе в основном черного цвета. В качестве отощителя в глиняное тесто добавлялся песок и шамот. Узор нанесен резной техникой, гладким штампом и, как исключение, гребенчатым штампом. Среди элементов орнамента встречены желобки, зигзаги, «ёлочка», косая сетка. Среди геометрических узоров отмечены треугольники. Узор иногда дополняют округлые, овальные, квадратные или треугольные вдавления. Единично встречен сосуд, украшенный жемчужинами и гребенчатым узором, сочетающим горизонтальные линии и взаимопроникающие треугольники.

При характеристике промыслового хозяйства пахомовского населения нельзя обойти вниманием и данные палеогеографии, связанные с реконструкцией природно-климатических условий в эпоху

поздней бронзы. Н.Е. Рябогина, опираясь на результаты спорово-пыльцевого анализа, установила на период существования пахомовской культуры незначительное похолодание и небольшое увеличение уровня влажности [Матвеева и др., 2003, с. 148-149]. Материалы пахомовских памятников позволяют предполагать и возросшую, по сравнению с предшествующем временем, значимость охоты и рыболовства. Увеличение доли охоты в хозяйстве пахомовцев, вероятно, объясняется расширением ареала древесной растительности. Важная же роль рыболовства фиксируется на основании археологических материалов, представленных значительным числом глиняных грузил и гарпунов [Рябогина, 2008, с. 55-56].

Подводя итоги, следует отметить, что позднебронзовая жилая конструкция, изученная на поселении Роза Ветров II, отражает основные черты пахомовского жилища [Евдокимов, Корочкова, 1991, с. 51, 53-57, рис. 1]. В то же время, элементом, не характерным для жилых помещений стационарных поселений пахомовской культуры, являются незначительные размеры исследованной постройки. Исходя из этого, исследованное жилище можно рассматривать как временную постройку рыболовов, подвергавшуюся ежегодной реставрации.

Учитывая узконаправленную специфику собранного вещевого инвентаря и незначительное количество керамики, можно предположить, что в пахомовское время на восточном берегу оз. Сингуль существовало кратковременное сезонное поселение, функционировавшие как промысловый центр. Небольшие группы пахомовского населения, обитавшего на территории Тоболо-Исетья (ближайшее крупное поселение пахомовской культуры Оськино Болото находится в 12 км к востоку), приходили на данный участок озера в весенне-летнее время на рыболоведческий промысел.

Литература

Евдокимов В.В., Корочкова О.Н. Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. – С. 50-63.

Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Л., 1987. – 26 с.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. – Новосибирск: Наука, 2003. – 174 с.

Рябогина Н.Е. Ландшафты и климат в Тоболо-Ишимском междуречье в голоцене // Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. – Новосибирск: Наука, 2008. – Гл. 1. – С. 6-59.

А.Е. Туринцева

Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет

Миасский I могильник и Урефты I: сравнительный анализ погребального обряда

Миасский I могильник расположен в 4 км к северу от села Миасское Красноармейского района Челябинской области, на правобережном мысу ручья Крутого. На территории памятника был заложен земляной карьер, а отработанный грунт в виде высокой насыпи свален к его восточной стенке. В 1967 г. в отвалах и стенке карьера разведгруппа Уральской археологической экспедиции под руководством Н.Э. Майн нашла фрагменты керамики, кости человека и животных. В 1968–1969 гг. на памятнике Е.И. Моревым и Ю.П. Чемякиным под общим руководством В.Ф. Генинга проводились охранные раскопки. Всего за 3 года на площади 1926 кв.м было выявлено 65 погребений, две округлые ямы с сосудами и пять сосудов на материке.

Курганная группа Урефты I расположена на южном берегу оз. Урефты в 14 км к северу от окраины Челябинска. Могильник исследовался в 1979–1983, 1996–1999 гг. под руководством С.А. Днепрова, Г.В. Бельтиковой, О.Н. Корочковой. Раскопано 18 курганов (более 100 погребений). Вскрытая площадь составила 3036 кв. м [Стефанов, Корочкова, 2006].

Материалы Миасского I могильника не опубликованы, но использовались В.А. Борзуновым и В.Ф. Кернер при анализе погребального обряда и керамики андроновской культуры, а также в статье В.Ф. Генинга и В.А. Борзунова, где авторы сделали «первую попытку анализа конкретных памятников алакульского типа» и предложили рассматривать погребальный обряд, в целом,

как определенную статистическую совокупность [Генинг, Борзунов, 1975]. Как процесс он может быть разделен на шесть фаз.

Первая фаза – подготовка места захоронения. Из 65 погребений Миасского I могильника в одном случае могильная камера была оконтурена по краям мелкими известняковыми камнями в виде неправильного полукруга, концы которого заканчивались крупными камнями по 7–10 кг каждый; в 4 могилах обнаружены камни. В 10 случаях были выявлены куски древесного тлена, остатки деревянной обкладки, в 2 погребениях сохранились остатки деревянного сруба; в 10 случаях отмечены могильные ямы с уступами (заплечики?). Заплечики зафиксированы в нескольких случаях и на Урефтах, а обкладка там сохранилась в 12 могилах алакульского типа и в 11 – федоровского. Применение срубов – общая черта алакульской и срубной археологической культур. Большинство могильных ям Миасского I могильника (38) имеют прямоугольную форму, 15 – овальную, по 3 – подквадратную и подтреугольную, по 1 – трапециевидную и круглую, 4 – неопределенную. На Урефтах из 65 алакульских могил 22 – прямоугольной формы, 14 – трапециевидной, 7 – овальной и округлой, 8 – неправильной, 2 – квадратной, 1 – подтреугольной формы. Федоровские могильные ямы имеют прямоугольную (8), неправильную и квадратную (по 2), трапециевидную (1) формы. В оформлении федоровских могил часто использовался камень (10 случаев из 13 на Урефтах), но и в алакульских курганах зафиксировано употребление камня при обустройстве могильных сооружений, но его использование носило ограниченный характер [Стефанов, Корочкова, 2006].

Вторая фаза – подготовка умершего к захоронению. На Миасском I могильнике в 11 случаях сохранились остатки трупоположения, в 3 – трупосожжения. В 3 погребениях обнаружены украшения при костяке – бронзовые пронизки и браслеты, разрушившаяся очковидная подвеска, пастовые бусины. На Урефтах в 38 алакульских погребениях выявлены остатки трупоположения, в 2 – трупосожжения; в 6 могилах федоровской культуры прослежен обряд кремации. В могилах при костяках найдены желобчатые браслеты, бронзовые бочковидные бусы. Специалисты отмечают, что в андроновской культурно-исторической общности среди украшений преобладают бусы из бронзы и белой массы, различные бронзовые подвески: круглые, ромбические, треугольные, очковидные, желобчатые и граненые со спирально завитыми концами браслеты [Сальников, 1952]. В 2 детских погребениях на могильнике Урефты I, в области черепа, были обнаружены подвески из зубов (амулеты) и две округлые створки раковины ископаемого моллюска с просверленными отверстиями [Стефанов, Корочкова, 2006]. Эти находки являются обычными для алакульских комплексов [Сальников, 1952; Матвеев, 2000].

Третья фаза – характеристика останков погребенных. В основном, захоронения Миасского I могильника одиночные, в одной яме обнаружены фрагменты двух человеческих черепов. На Урефтах в 34 ямах совершены индивидуальные захоронения, в 3 – парные, в 1 могиле захоронены тела трех умерших. Фрагменты черепов на Миасском I могильнике выявлены у северной, юго-восточной, южной, восточной (по 1 случаю), северо-восточной и северо-западной (по 2 случая) стенок. В одном погребении костяк лежал скорченно на левом боку. На Урефтах в 18 могильных ямах костяки лежали на левом боку в скорченном положении, в одном случае (захоронение человеческого эмбриона) – на правом. Превалирующей являлась ориентировка в западном направлении [Стефанов, Корочкова, 2006].

Четвертая фаза – сопровождающий инвентарь погребений. В 65 могильных ямах Миасского могильника обнаружено 87 сосудов; преобладает группа могил (26), в которых сохранился один сосуд, в 19 случаях в яме найдены два сосуда, в 5 – три сосуда, в 2 – четыре сосуда. Если рассматривать положение сосудов по отношению к погребенному, то в одной могиле два горшка находились около рук погребенного, в двух – рядом с черепом (на Урефтах в 5 алакульских могилах сосуды располагались перед лицом погребенного; около черепа, за черепом, около тазовых костей – по 2 случая; в ногах и около костей рук – по 1 случаю). На Урефтах в алакульских могилах (169 сосудов) стояло по одному (28 случаев), по два (26 случаев), по три (4 случая) и четыре (4 случая) сосуда; 65 сосудов находились в стороне от могил; в федоровских курганах (21 сосуд) в 7 могилах обнаружен один сосуд, в 3 – два, в 1 – пять сосудов; фрагменты 3 сосудов найдены за пределами каменной оградки.

Пятая фаза – ритуальные остатки. В 3 могилах Миасского I могильника выявлены остатки углей, в 2 – пятна прокала, что говорит о культе огня. В 1 случае обнаружены кости собаки, в 2 – лошади, в 6 – отмечены кости животных и череп птицы (заупокойная пища?). На Урефтах выявлено 8 алакульских жертвенников (компактные скопления костей овцы, лошади, коровы). В 7

случаях (в 3 федоровских и 4 алакульских курганах) кости животных интерпретируются как напутственная пища. А.В. Матвеев и другие отмечают, что особенностью алакульских могильников являются жертвоприношения в виде черепов и костей конечностей коров, овец, лошадей, собак [Матвеев, 2000].

Шестая фаза – завершение захоронения. На Миасском I могильнике следов надмогильных сооружений не обнаружено, так как верхний слой почвы был поврежден карьером. Но по концентрации могил можно предварительно выделить 6–8 курганов. Курганы (?) 1 (сохранилось 1 погребение и сосуд в 3 м от него), 2 (22 погребения и 3 отдельно стоявших сосуда), 4–4б (23 погребения), 5 (8 погребений и 2 ямки с сосудами) и 6 (осталось 4 погребения) содержали материал, характерный для алакульской культуры. «С курганом 3 связаны остатки 4 погребений, в 2 из которых обнаружены кальцинированные кости и два сосуда федоровского типа» [Чемякин, 2005, с. 265]. Еще 4 небольших погребения (в 1 случае отмечены остатки трупосожжения, в 1 – деревянного сруба) и ямка без культурных остатков располагались поодиночке.

Выводы

Могильник Урефты I представлен алакульскими, федоровскими (по 8 курганов) и смешанными алакульско-федоровскими (2 кургана) погребениями. На Миасском I могильнике представлены в основном алакульские курганы – 5 или 7. Предположительно, 1 курган связан с федоровской культурой. Погребальный обряд этих могильников очень схож, но на Урефтах в алакульских курганах отмечено 2 случая трупосожжения (характерно для федоровской культуры). Отметим также отсутствие жертвенников на исследованной площади Миасского I могильника.

Литература

Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. – Свердловск: Изд-во Ур. ун-та, 1975. – Вып. 13. – С. 42-72.

Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II – начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2000. – 51 с.

Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. – Свердловск: Свердл. обл. кн. изд-во, 1952. – 160 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2006. – 160 с.

Чемякин Ю.П. Миасский 1, могильник, археол. памятник // Челябинская область: Энциклопедия. – Челябинск: «Каменный пояс», 2005. – Т. 4. – С. 265.

К.В. Тюндешева

Абакан, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Сравнительный анализ тесинской керамики из склепов и грунтовых могил

Накопление археологического материала по тагарской культуре вызвало корректировку внутренней периодизации этой культуры и хронологических рамок ее существования (С.А. Теплоухов, С.В. Киселев, Л.Р. Кызласов, М.П. Грязнов, М.Н. Пшеницына, Н.Ю. Кузьмин по-разному определяли завершающую стадию тагарской культуры). Во-вторых, появились некоторые основания для выделения самостоятельной тесинской культуры на основе одноименных групп погребений, которые ранее рассматривались как финальный этап тагарской культуры [Кузьмин, 1995, с. 156]. Именно в этом контексте рассматривается эволюция погребального обряда и инвентаря.

В данном случае мы поставили задачу проанализировать керамический комплекс финала тагарской культуры (сарагашенский этап) и тесинский для того, чтобы проследить характер их взаимоотношений. В своей работе мы обращаемся к одному важному археологическому источнику – керамической посуде. Анализ формы сосудов, состав теста и орнамент позволяет определить культурную принадлежность источника, его типологизацию и хронологические рамки погребения [Худяков, 2006, с. 58].

Позднесарагашенский керамический комплекс включает неорнаментированные сосуды баночной формы, сосуды котловидной формы на коническом поддоне. Как правило, сосуды баночной формы отличаются характерным прямым или косым срезом края венчика. Как правило, керами-

ческая посуда встречается в коллективных склепах. И все же, количество глиняной посуды непропорционально мало по отношению к числу погребенных [Готлиб и др., 2003, с. 133].

В тесинских склепах и могилах широко представлена керамика. По мнению Э.Б. Вадецкой, преобладают тагарские баночные сосуды и кубки на поддонах [Вадецкая, 1999]. Встречаются также корчаги с раздутым туловом. Сосуды с квадратным или пятиугольным устьем, кувшины, миски, прямоугольные миски с перегородкой. М.Н. Пшеницына считает, что в качестве миниатюрных сосудов используются поддоны от кубков [Пшеницына, 1992, с. 80].

По материалам могильника Чалпан керамика представлена сосудами баночной формы или котловидной. Примерно 80% из 40 сосудов имеют поддон. Нередко котловидные сосуды имели на венчике два вертикально расположенных «ушка». По тулову одного из таких сосудов нанесены параллельно венчику две прочерченные линии. Встречены фрагменты сосудов, орнаментированные по венчику пояском треугольников, заполненных вдавлениями приостренной палочки. Помимо единообразия форм, сосуды характеризуются небольшими размерами [Зубков, 1998, с. 127].

Мы пришли к выводу, что керамика из склепов и грунтовых могил существенным образом не отличается, в тесинских склепах встречаются лишь единичные нестандартные сосуды (миски с перегородками), необходимо отметить, что тесинская керамика II–I вв. до н.э. – I в. н.э. все же более орнаментирована, по сравнению с предыдущим этапом, но менее, по сравнению с таштыкской керамикой.

Таким образом, для выделения самостоятельной тесинской культуры недостаточно брать только один археологический источник, необходимо рассматривать весь погребальный обряд с инвентарем. Тем не менее, керамический материал позволяет проследить преемственность с предыдущим этапом (форма сосудов и некоторые традиции орнаментальных узоров заимствованы).

Литература

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1999. – 435 с.

Готлиб А.И., Зубков В.С., Поселянин А.И., Худяков Ю.С. Археология Хакасско-Минусинского края. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2003. – 224 с.

Зубков В.С. О соотношении тесинских склепов и грунтовых могил (по материалам могильника Чалпан) // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1998. – С. 123-131.

Кузьмин Н.Ю. Некоторые итоги и проблемы изучения тесинских погребальных памятников Хакасии // Южная Сибирь в древности. – СПб.: Наука, 1995. – С. 151-162.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 70-89.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. – 130 с.

И.А. Усова
Барнаул, Алтайский государственный университет

Элементы костюма кочевников «гунно-сарматского» времени центрально-азиатского региона (по данным комплексного анализа источников)*

В настоящее время исследователи проявляют активный интерес к «гунно-сарматскому» периоду в истории Центральной Азии. При изучении искусства хунну отечественными учеными успешно применяется комплексный подход, который подразумевает использование археологических, письменных, изобразительных источников для получения наиболее достоверных сведений об изучаемом явлении [Руденко, 1962; Борисенко, Худяков, 2004; Трифанова, 2006].

* *Работа выполнена при финансовой поддержки федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1.-301-072-016)*

Источники, на базе которых будут охарактеризованы элементы костюма, подразделяются на археологические и нарративные. Вещественные материалы представлены фрагментами одежды и целыми комплексами из захоронений Алтая, Монголии, Тувы и Забайкалья. К письменным свидетельствам относятся китайские хроники, переведенные Н.Я. Бичуриным, Н.В. Кюнером, В.С. Таскиным. Немногочисленные предметы изобразительного творчества из бронзы, кости, дерева и войлока пока не позволяют выявить особенности костюма номадов «гунно-сарматского» времени.

Принцип работы с археологическими и письменными сведениями предполагает создание базы данных. Систематизация элементов костюма служит подготовительным этапом классификации каждого вида. Для этого по материалам публикаций было проанализировано 35 курганных погребений из 11 могильников центрально-азиатского региона. В качестве аналогий привлекались находки из Дырестуйского комплекса в Забайкалье. В захоронениях зафиксированы следующие элементы костюма: плечевая и поясная одежда, головные уборы, обувь.

Верхняя плечевая одежда хунну по археологическим и письменным источникам представлена теплыми и легкими халатами, кафтанами, шубами. По данным раскопок на Алтае, женщины носили длиннополые с левосторонним запахом и длинными рукавами шелковые халаты (Усть-Эдиган, к. № 10) [Худяков, 2003]. Женские шубы могли иметь кожаный пояс с пряжкой, фрагменты которого были обнаружены в к. № 51 могильника Яломан-II на Алтае [Тишкин, 2005]. Остатки мужской одежды из меха и грубой ткани и войлочная масса из погр. № 33 Дырестуйского могильника в Забайкалье, скорее всего, принадлежали шубе с подкладкой из ткани и войлока [Миняев, 1998, с. 87–88]. Мужские шелковые кафтаны из могильника Ноин-Ула (к. № 6) в Монголии были распашными, широкими, длиннополыми, с меховым декором на воротнике, концах рукавов [Руденко, 1962, с. 41].

В китайских хрониках имеются указания на то, что рядовые члены хуннского общества носили халаты, шубы из войлока и овчины [Материалы.., 1968]. Парадной наплечной одеждой знати служили шубы из меха соболя, лисицы и белки, халаты из шелка с узором [Материалы.., 1968]. К нижней плечевой одежде относился шерстяной жилет типа безрукавки, который одевался под халат для утепления (Усть-Эдиган, к. № 10) [Худяков, 2003, с. 80].

Поясной одеждой кочевников «гунно-сарматского» времени по нарративным источникам и материалам археологии являлись шерстяные, шелковые штаны, юбки. В Северной Монголии мужчины носили широкие штаны-шаровары, которые крепились с помощью петель к обуви и поясу (Ноин-Ула, к. № 6) [Руденко, 1962]. Штаны были просторными, что являлось важным этническим показателем. Например, племена дунху носили узкие штаны [Материалы.., 1984]. В «Истории династии Суй» сообщается, что «женщины надевают широкие длинные юбки» [Материалы.., 1984, с. 246].

Головные уборы женщин и мужчин отличались разнообразием форм. Они представлены налобными повязками, колпаками, сферическими шапочками. Население Алтая носило налобные повязки с шерстяной, тканевой или войлочной основой. Комплекс украшений повязок включал нашивные бляхи, подвески, железные пластины (Айрыдаш-I, к. № 60) [Трифанова, 2006], раковины каури, ромбовидные подвески (Верх-Уймон, к. № 1) [Соёнов, Эбель, 1992]. Войлочные изделия с памятника Усть-Эдиган [Борисенко, Худяков, 2004] были сферической формы с шелковой подкладкой. Украшением убора служил деревянный гребень, полусферические бляхи и золотой фалар. Нижним головным убором являлся капор из ткани с завязками, которые можно было подворачивать вверх и завязывать на затылке. Носили шапочку под верхним головным убором (Яломан-II, к. № 51) [Тишкин, 2005; Усова, 2007].

На территории Тувы головные уборы были из шерстяной ткани, на которую крепились полусферические бронзовые бляхи (Кокэль-65, 26, 39) [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, с. 249]. По результатам исследования могильника Ноин-Ула (к. № 26, 24) в Северной Монголии выявлено, что мужские головные уборы представляли собой шерстяные островерхие колпаки с завязками, а женские – с плоским верхом, с подкладкой из ваты [Руденко, 1962, с. 44]. Мужской войлочный капор имел плоский верх, наушники, завязки с мехом (Ноин-Ула, к. № 6) [Руденко, 1962].

В китайских произведениях содержится мало информации о головных уборах хунну. Известно, что парадные уборы, подобные китайским, встречались только у потомков хунну – ухуаней. Женщины на головах носили гоуцзюэ, похожие на гобуяо, означавшие убор китайской императрицы, украшенный подвесными жемчужинами [Материалы.., 1984]. Подобное изделие могло быть и у императора. Об обуви кочевников «гунно-сарматского» времени Центральной Азии можно судить по находке, представленной мужскими полусапожками из войлока с памятника Ноин-Ула [Руденко, 1962].

Рассмотрение археологических и письменных материалов «гунно-сарматского» времени позволило установить различную степень их информативности. Более объективными источниками ока-

зались археологические данные, способствующие качественному раскрытию особенностей обнаруженных одежд указанного периода в некоторых памятниках на территории Алтая (Верх-Уймон, Усть-Эдиган, Яломан-II, Айрыдаш-I) и Северной Монголии (Ноин-Ула). Таким образом, комплексный анализ источников показал, что существовали различия в покрое, декоре, форме костюма населения Центральной Азии «гунно-сарматского» времени, способствующие выявлению историко-культурных контактов.

Литература

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 65–73.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до н.э. – первой половины н.э. // Труды ТКАЭЭ. – Л., 1966. – Т. 2 – С. 185–291.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. и ком. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1984. – 486 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Введ., пер. и ком. В.С. Таскина. – М., 1968. – Вып. 1. – 179 с.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник // Археологические памятники сюнну. – СПб., 1998. – Вып. 3. – 233 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л., 1962. – 203 с.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. – Барнаул, 1992. – 116 с.

Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. – С. 195–201.

Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи: Дис. …канд. ист. наук. – Горно-Алтайск, 2006. – 279 с.

Усова И.А. Нижние головные уборы у населения усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры Алтая (по материалам памятника Яломан-II) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2007. – С. 127–128.

Худяков Ю.С. Реконструкция женского костюма кочевников хуннского времени Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – Вып. 1. – С. 78–88.

Р.В. Устьянцева

Улан-Удэ, Бурятский государственный университет

Проблема датировки херексуров в Забайкалье (историографический аспект)

Памятники под названием «херексуры» попали в поле зрения исследователей Центральной Азии в конце XIX в. [Потанин, 1881, 1885]. Они распространены в Монголии, Туве, Юго-Восточном Алтае и Забайкалье. Цель доклада – освещение процесса изучения датировки этих памятников в Забайкалье, где в конце XIX в. Ю.Д. Талько-Грынцевичем были осуществлены и первые их научные раскопки [1896]. На основании антропологических данных из могильника Сухой Ключ он высказал предположение о датировке херексуров каменным веком [Талько-Грынцевич, 1928, с. 3].

В середине 1920-х гг. Г.Ф. Дебец по забайкальским материалам и Г.И. Боровко по данным из Монголии отнесли херексуры к средневековой эпохе. При этом Г.Ф. Дебец, к сожалению, не привел какой-либо аргументации в пользу своего мнения [1926]. Г.И. Боровко основывался на связи с херексурами кургана у Наинтэ-Сумэ в долине р. Толы, находки из которого датировались VI-VIII вв. н.э. [Боровко, 1927]. В 1927-1928 гг. несколько херексуров в Забайкалье было раскопано Г.П. Сосновским. Он не опубликовал свое мнение о датировке этих памятников, но по данным Г.Ф. Дебеца известно, что Г.П. Сосновский отнес их к скифскому времени [Дебец, 1948]. По результатам работ Г.И. Боровко и Г.П. Сосновского стало очевидно, что херексуры не относятся к каменному веку, а принадлежит к более позднему периоду. При этом сложилось две разные точки зрения.

В конце 1940-х гг. исследования херексуров были продолжены А.П. Окладниковым. При раскопках в долине р. Селенги в их насыпях были найдены предметы быта, вооружения, керамика, находившие аналогии в материалах кыргызских погребений на Енисее и в тюркских могилах Северной Монголии. На основе этих данных А.П. Окладников высказал мнение о том, что херексуры относятся к захоронениям средневековых уйгуров или тюркских аристократов и датировал их VI-IX вв. н.э. [Окладников, 1976]. Таким образом, результаты работ этого исследователя укрепили мнение о средневековой датировке херексуров. Такая точка зрения преобладала в забайкальской археологии до 1980-х гг. [см.: Хамзина, 1970, 1982; Кириллов, Рижский, 1973].

В начале 1980-х гг. после длительного перерыва в Забайкалье были возобновлены раскопки херексуров. Их осуществили А.Д. Цыбиктаров на могильниках Улзыт III и VI в Кяхтинском районе, С.В. Данилов на могильнике Нижний Бургултай в Джидинском районе, М.В. Константинов у с. Подлопатки в Бичурском районе Республики Бурятия. В 1990-х гг. раскопки херексура у с. Альбитуй в Красночикойском районе Забайкальского края на границе с Бурятией произвел А.М. Мамкин.

По особенностям погребального обряда и конструкции херексура с круглой оградой могильника Улзыт III (сооружение кладки на древней дневной поверхности, захоронение в цисте на древнем горизонте, ориентация погребенного головой на запад, отсутствие инвентаря в погребении), находившего аналогии в памятниках Тувы, А.Д. Цыбиктаров в 1983 г. датировал раннескифским временем [Цыбиктаров, 1985]. Таким образом, он поддержал мнение Г.П. Сосновского, предложив более узкую датировку херексуров раннескифским временем. В 1986 г. им были получены убедительные стратиграфические данные, подтверждающие датировку херексуров эпохой поздней бронзы и раннескифским временем. На могильнике Улзыт VI было зафиксировано наложение конструкции плиточной могилы на ограду херексура [Цыбиктаров, 1988]. При публикации материалов раскопок в Нижнем Бургултае и в Подлопатках С.В. Данилов и П.Б. Коновалов с учетом данных раскопок А.Д. Цыбиктарова высказались о возможности датировки херексуров временем от бронзового века до скифского времени [Данилов, Коновалов, 1988].

В 1990-2000-е гг. целенаправленные раскопки серии случаев наложения плиточных могил на ограды херексуров на могильниках Баин-Улан II, Старая Капчеранка I, Жаргаланта и кладки жертвенника культуры херексуров на плиточные могилы на памятнике Тэмэ-хад II, полученные радиоуглеродные даты и привлечение материалов с территории Монголии позволили А.Д. Цыбиктарову удревнить время появления херексуров в Забайкалье до конца бронзового века и датировать эти памятники в Забайкалье концом II тыс. до н.э. – раннескифским временем [Цыбиктаров, 1999, 2003]. При этом к датировке херексуров были привлечены материалы связанных с ними оленных камней [Цыбиктаров, 2000, 2002].

По мнению А.Д. Цыбиктарова, население, оставившее херексуры и оленные камни, в Забайкалье было пришлым. Его миграцию в Забайкалье из Западной Монголии он связывает как с природно-климатическими, так и социально-экономическими причинами. Первые проявились в ухудшении экологической ситуации для степного скотоводческого населения в регионе севера Центральной Азии в конце II тыс. до н.э. с наступлением фазы аридизации климата. Она вызвала уменьшение количества осадков, обмеление рек и озер, пересыхание некоторых наиболее мелких из них, падение продуктивности пастбищ. Эти явления сказывались на скотоводческом хозяйстве населения культуры херексуров. Вследствие этих процессов оно вынуждено было мигрировать по долине Селенги в Забайкалье в поисках более благоприятных мест обитания, хороших пастбищных угодий. Для начала I тыс. до н.э. А.Д. Цыбиктаров высказал предположение о том, что в IX-VIII вв. до н.э. на территорию Восточной Монголии и Забайкалья мог распространить свое влияние мощный племенной союз с центром в Туве, глава которого был похоронен в кургане Аржан. Группы населения аржанского союза, проникшие в районы распространения культуры плиточных могил в раннескифское время, могли оставить памятники, подобные могильнику Жаргаланте в Бурятии, где была найдена бронзовая пряжка раннескифского времени [Цыбиктаров, 2003].

Таким образом, можно отметить, что с накоплением источниковой базы датировка херексуров в Забайкалье существенно менялась, исследователи помещали их в хронологический диапазон от каменного века до средневековья. На современном этапе получены убедительные данные об их датировке в рассматриваемом регионе эпохой поздней бронзы и раннескифским временем. Вместе с тем был выявлен пришлый характер населения, оставившего эти памятники, и предполагаемый регион, откуда оно могло проникнуть в Забайкалье.

Литература

Боровко Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Вып. II. – С. 43-88.

Данилов С.В., Коновалов П.Б. Новые материалы о курганах-керексурах Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1988. – С. 71-79.

Дебец Г.Ф. Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье // Жизнь Бурятии – 1926. – № 4. – С. 7-9.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 392 с. – (ТИЭ. Нов. сер. – Т. IV).

Кириллов И.И., Рижский М.И. Очерки древней истории Забайкалья. – Чита, 1973. – 138 с.

Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // История и культура Бурятии. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1976. – С. 315-329.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии.– СПб.: Типография Киршбаума, 1881. – Т. II. – 272 с.

Потанин Г.Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 г. // Древности. Тр. Импер. Моск. археол. об-ва.– М.: Синод. типография, 1885. – Т. X. – С. 50-57.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Протокол № 8 ТКО ПО РГО за 1896 год. – М.: Тов-во типографии А. И. Мамонтова. – С. 14-31.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Население древних могил и кладбищ Забайкальских. – Верхнеудинск, 1928. – 13 с.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1970. – 142 с.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1982. – 153 с.

Цыбиктаров А.Д. Исследования на юге Бурятии // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 248-249.

Цыбиктаров А.Д. О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тез. докл. – Барнаул: Изд-во ИИФФ и АГУ, 1988. – С. 130-132.

Цыбиктаров А.Д. Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 65-76.

Цыбиктаров А.Д. Оленные камни монголо-забайкальского типа как источники по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Т. I. Археология. Этнология. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 98-102.

Цыбиктаров А.Д. О датировке оленных камней монголо-забайкальского типа // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 87-95.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1. – С. 80-97.

В.М. Шайхутдинов
Барнаул, Алтайский государственный университет

Некоторые аспекты металлургии населения Елунинской культуры
(по материалам поселения Берёзовая Лука)*

Металлургия являла собой большой прорыв в технологическом развитии древних обществ и являлась качественным скачком человечества в его развитии. Поэтому, видимо, так возрос интерес археологов к историко-металлургическим исследованиям, в работах специалистов широко осве-

** Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» проект №2009-1.1-301-072-016*

щены основные периодизационные схемы эпохи палеометалла [Черных, 1978], разработаны теоретические аспекты организации материла, но всё это, в основном, носит обобщающий характер. Поэтому сейчас, когда существуют схемы магистрального развития древнего металлургического производства, необходимы работы по уточнению сделанных ранее выводов и подробного рассмотрения периферийной металлургии, что, несомненно, даст новое знание и позволит определить долю традиций и инноваций в производстве племён раннего металла, а также установить ключевые направления развития идей.

Предыдущие исследования по проблеме елунинской металлургии охватили широкий пласт в изучении производства, позволили сделать обобщающие выводы, характеризующие основные аспекты технико-технологического развития населения елунинской культуры [Грушин и др., 2009, с. 24-57]. В данной работе рассматриваются некоторые технологические аспекты металлургического производства елунинских металлургов, полученные на основе новых данных спектральных анализов. Исследование построено на материалах эталонного памятника елунинской культуры – поселения Берёзовая Лука (последняя треть III – первая треть II тыс. до н.э.) [Кирюшини др., 2004, с. 9].

Спектральные анализы проводились с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000) под руководством А.А. Тишкина. Всего был изучен 31 предмет. Эти вещи являются фрагментами металлических изделий, сплесками металла, рудой, металлургическими шлаками, то есть представляют весь цикл металлургического производства. Это дает возможность сравнивать спектральные данные, отражающие все основные этапы металлургии [Кирюшин и др., 2009].

Прежде всего, необходимо отметить, что практически все металлические предметы представлены металлургической группой оловянистой бронзы, за исключением одного образца, который можно отнести к группе металлургически чистой меди (табл. 1). В ходе аналитической обработки данных спектрального анализа были сделаны следующие выводы.

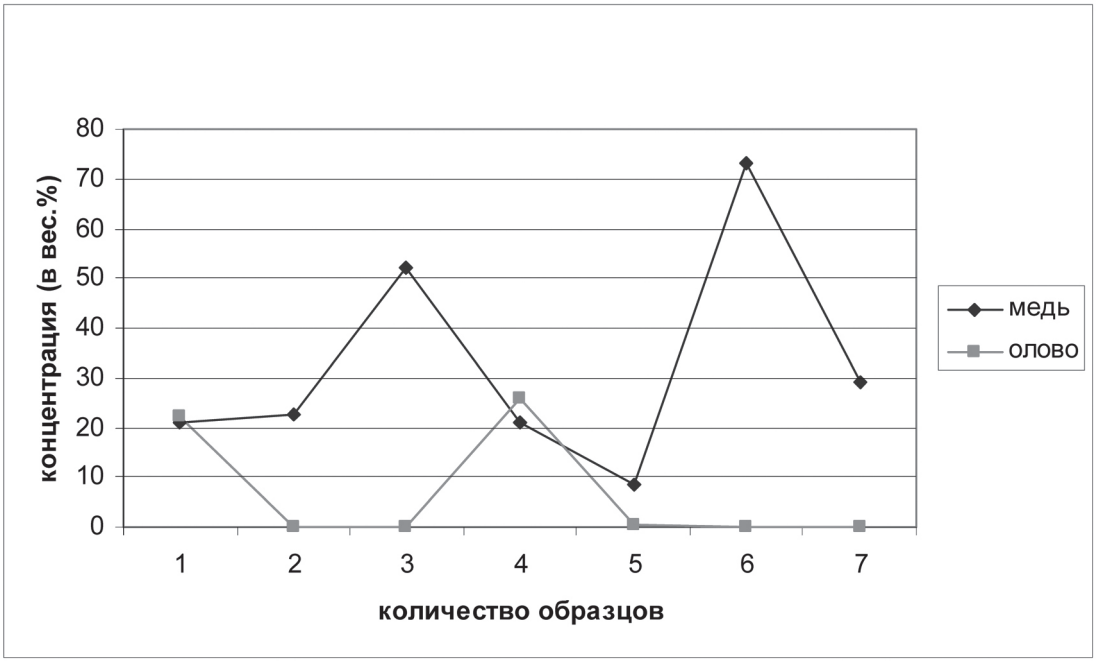


Таблица 1. Количество олова в шлаке

Во-первых, в трёх фрагментах шлака присутствуют примеси касситерита (оловянной руды) (от 0,45 вес.% до 25,79 вес.%). Данный факт предполагает совместную плавку оловянных и медных руд. С.С. Черников в работе «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» приводит пример подобного метода. Он пишет: «Около выработок на олово ни разу не найдено ни остатков печей, ни костров, ни отсортированного, готового к плавке касситерита, ничего, что говорило бы о выплавке металла непосредственно рядом с выработками. Касситерит так же, как и медная руда, увозился на поселение, где, однако, нигде не встречено следов его отдельной плавки. Следовательно, мы вправе предположить, что в подавляющем большинстве случаев добытый касситерит непосредственно смешивали с медной рудой и выплавляли готовую бронзу». Далее исследователь приво-

дит доводы, подтверждающие его предположение: при совместной плавке медных и оловянных руд затраты тепла значительно понижаются; при отдельной плавке касситерита в примитивных плавильных печах потери олова, вероятно, были очень велики, а процент выхода чистого металла незначителен, вряд ли выше 20%, следовательно, получение нужного количества олова для изготовления бронзовых орудий вряд ли могло базироваться на раздельной плавке меди и олова; при совместной плавке сильно упрощался весь технологический процесс получения бронзы. Добавлением большего или меньшего количества касситерита можно было регулировать состав металла» [Черников, 1960, с. 128-130]. Положения, приведённые выше, подтверждаются материалами с поселения Берёзовая Лука.

Во-вторых, в ходе исследования количества свинца в шлаке (от 1,59 вес.% до 54,6 вес.%) и сравнения данных с концентрацией свинца в руде (от 0 до 14,33 вес.%) и металле (от 0 до 6,53 вес.%) было установлено, что в металлургические печи, при плавке, искусственно добавляли свинец, потому что в шлаке свинца больше всего, следующую позицию занимает руда и последним, с минимальной концентрацией свинца – металл (табл. 2). Иными словами, концентрация свинца в шлаке, как промежуточном продукте, превышает его же концентрацию в руде как изначальном сырье. В металлургических печах свинец был необходим для того, чтобы понизить температуру плавления меди и олова, а также увеличить текучесть сплава и дополнительно снизить количество добавляемого в сплав олова. Сплавы меди с присутствием большого количества свинца не обладают необходимой прочностью, а присутствие в меди даже незначительных содержаний свинца иногда делает невозможным горячую ковку сплава [Селимханов, 1970, с. 73-74], поэтому, видимо, в бронзе, конечном продукте, свинца так мало.

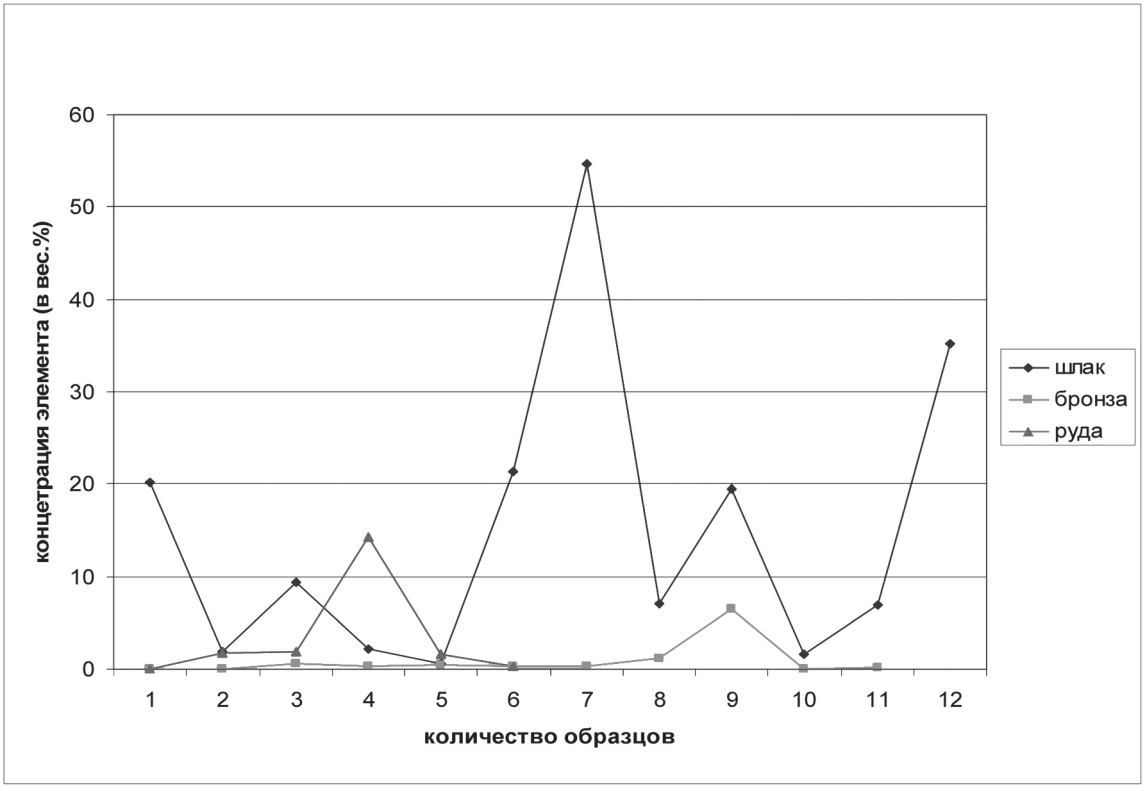


Таблица 2. Соотношение свинца в шлаке, руде, бронзе

В-третьих, в ходе исследования выявилась взаимозависимость, суть которой в том, что концентрация олова в металле в рамках от 20 до 40 вес.% соответствует концентрации меди равной, примерн, от 60 до 80 вес.% (табл. 3). Пока, оперируя таким небольшим количеством данных сложно делать какие-либо выводы, но можно предположить, что такая пропорция основных элементов в металле была чем-то вроде стандарта, к которому стремились древние металлурги. Какие-либо отклонения от этой нормы были вызваны, вероятнее всего, или невысоким уровнем развития технологии плавки металла, или функциональной спецификой орудия, для которого плавился металл. Но, скорее всего, во время древнего производства свою роль играл и первый, и второй фактор.

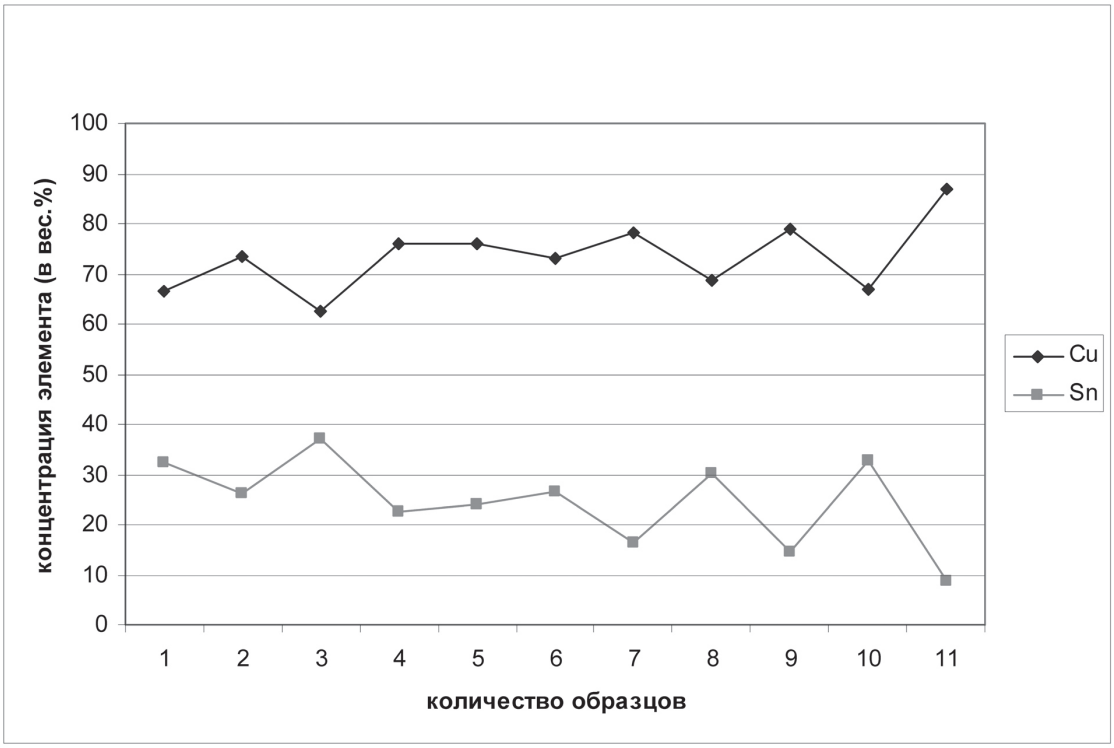


Таблица 3. Взаимозависимость медь-олово

Таким образом, в ходе исследования удалось выявить ряд важных аспектов елунинской металлургии. Данные о совместной плавке меди и олова предполагают преемственность в технологии елунинской и андроновской металлургии. Наличие некоего стандарта является маркером уровня развития навыков металлургического производства на возможности металлургов целенаправленно контролировать процесс плавки металла.

Литература

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 160 с.

Дегтярёва А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племён (по материалам поселения Кулевчи 3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2001. – Вып. 3. – С. 23-54.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Берёзовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – Т. 1. – 288 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Предварительные результаты ренгенофлюоресцентного анализа находок руды с памятника Березовая Лука // География – теория и практика: современные проблемы и перспективы. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 108-110.

Селимханов И.Р. Разгаданные секреты древней бронзы. – М.: Наука, 1970. – 78 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с. – (МИА. – № 88).

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. – 1978. – № 4. – С. 53-82.

А.П. Шибанова
Барнаул, Алтайский государственный университет

Сейминско-турбинские предметы вооружения Обь-Иртышья

На территории Обь-Иртышья существует ряд находок предметов вооружения, по своим характеристикам относящихся к сейминско-турбинскому феномену. Большая часть этих предметов приходится на случайные находки [Грушин, 2009, с. 32]. Условно эти предметы были отнесены к

елунинской культуре [Грушин, 2001, с. 218], однако природа их происхождения до сих пор является открытым вопросом, однозначного ответа на который не существует. При комплексном рассмотрении предметов вооружения культур бронзового века на территории Обь-Иртышья очевидно, что предметы сейминско-турбинского типа (копья, топоры) выбиваются из общего ряда изделий и представляют собой более развитые и сложные в исполнении артефакты. Сейминско-турбинский феномен уже не один год является предметом многочисленных дискуссий, а в последнее время, в связи с повышением интереса к оружейному делу, а так же в связи с завершением раскопок самого крупного комплекса елунинской культуры – Березовой Луки, изучение сейминско-турбинских предметов вооружения Обь-Иртышья стало наиболее актуальным.

Главной задачей работы является выявление инвентарного комплекса сейминско-турбинского феномена в рамках находок елунинской культуры с целью дальней их идентификации, что позволит ответить на ряд вопросов, а именно: какова природа данных предметов вооружения? Действительно ли они принадлежат к тем культурам, к которым были отнесены? Какая из теорий появления этих артефактов на территории Обь-Иртышья может считать верной?

Бронзовые копья сейминско-турбинского типа Обь-Иртышья можно условно поделить на три группы по хронологически-морфологическому признаку.

К раннему периоду относятся изделия из горного Алтая. Их объединяет широкое перо эллипсоидной формы. Возможно, к признакам раннего периода можно также отнести особенности оформления валиков на втулке изделия из с. Григорьевка в виде имитации скрученной веревочки [Грушин, 2009, с. 35]

Второй период развития копий в эпоху ранней бронзы называют классическим. Это бронзовые наконечники с прямыми тщательно заостренными сторонами, отверстием для штыря и ушком у основания втулок. По низу втулки проходит орнаментированный поясок из рельефных линий, который, предположительно, является традицией и имитирует веревочную обмотку, характерную для ранних копий. Некоторые наконечники копий имеют под пером дополнительно кривое лезвие в форме плоского крюка. Отличительная черта – ребро жесткости, приобретающее у основания вильчатую форму, то есть имеющее два коротких выступа в основании пера и один длинный, продолжающийся от втулки до вершины пера. На Алтае этот период представлен случайной находкой, которая происходит с Чарыша [Уманский, Демин, 1983].

Поздний период представлен копьями из Бурлинского района [Уманский, Демин, 1983, с. 145, рис. 1], а также сел Устьянка, Парфеново и рядом случайных находок. Эти наконечники имеют вильчатый стержень пера и три валика в нижней части втулки, которые соединяются в одно ушко.

Кроме перечисленных выше экземпляров, существует ряд наконечников, сохранившихся фрагментарно, в связи с чем определение их к тому или иному типу затруднительно и их классификация считается условной.

Не меньший интерес для исследования представляют бронзовые топоры сейминско-турбинского типа. Это топоры-кельты. Их боковые стороны украшались геометрическим орнаментом, наиболее характерным является поясок, сопровождающийся треугольниками и ромбами, нередко заштрихованными косыми линиями.

Для сейминско-турбинских кельтов характерен комплекс следующих практически обязательных морфологических черт [Черных, Кузьминых, 1989, с. 38]:

1) трапециевидные очертания, где лезвие всегда шире втулки;

2) в профиль топоры асимметричны или же приближаются к форме правильного массивного клина;

3) фаска оружия отчленена от боковых граней сравнительно массивными гребнями – «ребрами жесткости»;

4) сечение орудия в средней части шестигранное;

5) сечение втулки овальное или приближающееся по форме к прямоугольнику со сглаженными углами;

6) массивный валик по венчику втулки, служивший ее механическому укреплению, отсутствует.

Наиболее распространенным типом являются кельты, орнаментированные пояском-«лесенкой», который дополнен какими-либо элементами. На территории Обь-Иртышья они представлены шестью экземплярами.

Также следует отметить случайные находки топоров-кельтов. Это двуушковые кельты, украшенные пояском-«лесенкой», обнаруженные в бассейне верхней Оби в области Калбинского хребта Рудного Алтая.

Одной из основных проблем, связанных с изучением оружия сейминско-турбинского типа, остается ареал их распространения. На обширных территориях существует целый ряд находок сейминско-турбинских копий, факторы обнаружения которых заставляют отнести их к другим культурам. О природе таких находок существует несколько точек зрения. Это и развитие торговых связей сейминско-турбинских воинов с другими народами, способствовавшее широкому распространению вооружения сейминско-турбинского типа на указанной территории. И возможность вооруженных столкновений, в результате которых оружие противника, превосходящее по качеству и свойствам собственное, могло оказаться у представителей других культур. Также возможно, что эти находки не относятся напрямую к сейминско-турбинскому оружейному комплексу, а являются лишь подражанием ему.

Оснований, чтобы сделать определенные выводы о том, как именно происходило взаимодействие между различными культурами, не достаточно. Относительность датировок и большое количество пробелов в знаниях о той или иной культуре не позволяют с уверенностью судить о том, могли ли представители различных культур вести военные действия между собой, налаживать торговые связи или хотя бы просто сосуществовать в одних узких временных рамках. Очевидно лишь, что с течением времени происходит формирование традиций, диктующих внешний облик оружия, технологию его создания и каноны украшения. О силе этих традиций мы можем судить по тому, на сколь долгое время они были актуальны. Также косвенным фактором, доказывающим их силу, является то, что эти традиции, в большей или меньшей степени, перенимались всеми пришлыми культурами. Однако полученные выводы не дают ответов на все поставленные вопросы, что побуждает к продолжению исследования.

Литература

Грушин С.П. Проблема соотношения кротовской и елунинской культур // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул, 2001. – С. 217–220.

Грушин С.П. Ранний период бронзового века // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. – Барнаул, 2009. – С. 24–56.

Уманский А.П., Демин М.А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул, 1983. – С. 143–150.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М, 1989.

Д.В. Шрам
Абакан, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Традиция украшения тела у племен Саяно-Алтая в эпоху раннего железного века на примере таштыкских масок

«Мы изнутри всего лишь особи,
мы снаружи всего лишь маски»
Ольга Арефьева

Первым о таштыкских погребальных масках (со слов кладоискателей) сообщает П.С. Паллас: «Один старик гробокопатель меня уверял, что ему дважды случалось находить сделанные из на фарфор похожей материи тощие человеческие головы, раскрашенные зелёными и красными прикрасами» [Кызласов, 1960, с. 4].

Таштыкские могилы впервые обнаружены А.В. Андрияновым и вызвали сенсацию. Сначала в гробнице площадью 25 кв.м (1883) были найдены маски двух видов – маски на лицевых костях скелетов и бюсты около кучки пепла человека. Позже (1898-1899) раскопаны небольшие срубы, где похоронено по одному-два человека, иногда – остатки кремации. И тоже с масками.

Принято считать, что захоронена мумия, а не труп, если трепанирован череп или на нем сохранилась гипсовая маска. То, что называется «маской», по справедливому замечанию А.В. Андрианова, не снималось с трупа, а изготовлялось как скульптура. Поэтому название «маска» условное, но распространенное [Вадецкая, 1999, с. 18].

Маски очень тонкие и хрупкие, они не падали с лица, а осыпались. Маска охватывала не только лицо, но и уши с подбородком, а иногда и всю голову, поскольку кусочки гипса сохраняются на затылке и шейных позвонках. На внутренней стороне поверхности масок имеются отпечатки морщин, а также приставшие к гипсу волосы. Но лепили маски не только прямо на лице, а и через тонкую шелковую ткань. На лицо покойников клали большой кусок шелка или два маленьких, которыми закрывали глаза и рот, с соответствующими прорезями в ткани. На лицо наносили слой гипса толщиной не более 1 мм, постепенно растирая и наращивая другие слои. При единой технологии по внешнему виду маски различаются моделировкой черт лица, шеи, ушей. Наиболее заметны отличия ушей – как своей формой, так и расположением. Они либо налеплены поверх маски, либо прилеплены к её краю, образуя специальный выступ. Модели цельного уха (рельеф, ушная раковина, мочка) очень редки и схематичны. Основная же форма уха – в виде запятой с выпуклостью – мочкой (расположенной в середине или у края завитка) или в виде одной запятой. Носы этих масок с обратной стороны имеют углубление, так как лепились на болванке с имитацией носа из палочки или сшитого из лоскутка кожи.

Маски изготавливали из «грязного гипса» из находящихся поблизости природных месторождений а не из специальной смеси, поэтому в них такой разный процент гипса и разное количество иных примесей [Вадецкая, 1999, с. 19].

В 1929-1932 гг. С.В. Киселев из своих раскопок собрал первую коллекцию масок – около 120, включая мелкие обломки [Киселев, 1949]. Все маски отлиты в форме, снятой с лица покойника, или с его изображения, вылепленного от руки. Формовку производили частями, затем вылепленные части соединяли глиняным клеем. По мнению Л.Р. Кызласова, некоторые из масок могли изготавливаться на мягкой основе в виде кожаного шара [Кызласов, 1960]. М.П. Грязнов был убежден в том, что маски из исследованных им склепов под горой Тепсей лепились на сшитой из кожи болванке, имеющей форму гладкого овала с выдавленным выступом подбородка.

Большая или меньшая реалистичность черт лица и манера стилизации ушей отражали творчество различных скульпторов. За росписью же масок скрывались, очевидно, какие-то иные различия (пол взрослых покойников, этнические, социальные). Четко разделяются на две группы – белые и красные.

Нет сомнения, что маски обозначали конкретного умершего, поэтому их принято считать портретными. Но среди них бывают как схематические, так и портретные.

По внешнему виду С.В. Киселев разделил маски на 4 типа: маска лица, маска передней половины головы с ушами, маска передней половины головы с шеей и маска-бюст. Но это не типы, а степень сохраненности.

Маски могут быть разделены на сделанные в форме, снятой непосредственно с лица умершего, и в форме, снятой со слепка.

Все маски, обнаруженные в склепах, при остатках трупосожжений уже никогда не изготавливались прямым положением на лицо трупа. Трупы покойных, очевидно, сжигались и лишь затем формировались маски, когда самих лиц уже не было, но, конечно, предварительно мог сниматься слепок, служивший основой для формы. Маски не обжигались при трупосожжениях, маски обжигались только в склепах, а не на погребальных кострах.

При раскопках склепа 1 на Сырском Чаа-тасе было установлено, что первоначальная поверхность маски после подсыхания расчерчивалась сеткой из нарезных перекрещивающихся линий для того, чтобы держался верхний, тонкий, позднее наносившийся слой (подгрунтовка) из тонко отмученной белой глины, который после просыхания и подвергался раскраске. Краски при этом пропитывали его насквозь. Обычно изображали спирали на лбу, висках и щеках, наносимыми двумя красками рядом – красной и синевато-черной. Этими же цветами расписывались узорами шея и грудь бюстов. Кроме того, при росписи щёк применялась голубая и зелёная краски.

Несомненно, эта раскраска передаёт татуировку, память о которой (а, может, и она сама) отразилась в позднейшем сообщении китайской хроники о том, что енисейские хакасы (кыргызы) красят себе грудь и шею. «Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голу-

быми глазами. Храбрые из них татуируют руки себе. А женщины по выходе замуж, татуируют себе шеи» [Бичурин, 1950, с. 103].

До недавнего времени у народов севера Сибири маски из меха, надетые на лицо, служили для изоляции умершего от внешнего мира. Это назначение вполне возможно и для таштыкской маски, сохранившей тагарскую традицию. Но большинство отреставрированных масок с ушами и масок с шеей настолько массивны, что не могли накладываться на лицо, были для него слишком узки и, очевидно, имели другой смысл [Киселёв, 1949, с. 451].

Литература

Бичурин Н.Я. Собрание сочинений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: АН СССР,1950. – Т. 1.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1999.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960.

Е.А. Штанакова

Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

Деревообрабатывающие инструменты из памятников Горного Алтая V в. до н.э. – V в. н.э.

Обработка дерева в Горном Алтае в V в. до н.э. – V в. н.э. достигает высокого уровня. Деревообработка становится сложным и многоступенчатым процессом, включающим в себя более двух десятков операций [Мыльников, 2008а, с. 101]. Пользуясь классификацией В.П. Мыльникова, мы можем особо выделить несколько важных операций: 1) рубка, 2) сучкование, 3) ошкуривание, 4) раскрой, 5) отсека, 6) лицовка, 7) дробление, 8) сверление, 9) резьба и строгание, 10) операция точения. Каждая из этих операций осуществлялась при помощи специальных инструментов, которые делятся на несколько видов: рубящие (кельт, топор, тесло), ударные (молот, молоток-киянка, колотушки), орудия комплексного действия (долота, стамески), режущие (резцы), режуще-проворачивающие (сверло, шило), режуще-строгающие (нож, стамески), скоблящие (рашпиль) [Мыльников, 2008б, с. 28-30].

О том, каким операциям подвергался кусок древесины, мы можем судить по следам, оставленным орудием на материале. Так, например, судя по комлевому концу лиственничных брёвен (из погребальных срубов), мы можем предположить, что дерево срубали топорами типа кельтов с шириной лезвия 50-60 мм [Семёнов, 1956, с. 205]. Не менее значимым источником информации по данному вопросу являются сами инструменты, встречающиеся в погребальных, поселенческих и других видах памятников.

В памятниках Горного Алтая особую встречаемость имеют ножи. Это, безусловно, связано с их полифункциональностью. В погребениях (Верх-Уймон, Белый Бом II, Чендек, Пазырык, Ак-Алаха I, Юстыд и др. [Глоба, 1983; Руденко, 1953; Кубарев, 1991 и др.]) ножи располагались около деревянной чаши с пищей, иногда в районе рёбер костяка. В основном они имели небольшие размеры – 8-10 см в длину. Среди обнаруженных ножей были как бронзовые литые, так и железные кованые экземпляры. Мы не можем с уверенностью говорить о том, какие ножи использовали при резьбе или строгании древесины. Данные трасологического анализа деревянных изделий пазырыкцев говорят о том, что для этих целей использовали небольшие ножи, преимущественно с узким обушком, тонким очень острым лезвием [Мыльников, 2008б, с. 30].

Следующими по встречаемости инструментами были топор, тесло или кельт – основные инструменты мастера-деревообработчика. На протяжении долгого периода времени кельт был наиболее распространённым орудием для обработки древесины. Его использовали и как топор, и как тесло, в зависимости от ориентации насада относительно рукояти – продольной или поперечной [Бобков, 1985]. Более ранние кельты изготовляли из бронзы – до VI-V вв. до н.э. [Суразаков, 1997]. В Горном Алтае они представлены, в основном. случайными находками [Соёнов, 2001; Суразаков, 1997]. С развитием железообработки как ремесла в III в. до н.э. бронзовые двуушковые и одно-

ушковые кельты полностью исчезли из употребления [Чернецов, 1954]. Железные кельты-тёсла из горноалтайских памятников, имеющие подпрямоугольный вид и закругленную заднюю стенку (Верх-Уймон, Майма I), бытовали во всей Западной Сибири с I в. до н.э. по IV в. н.э. [Абдулганеев,1998].

Режуще-строгающие работы выполняли небольшими стамесками с плоским или полукруглым лезвием – Курай-4, долотами с широким плоским лезвием. Их применяли при лицовке поверхности заготовок для резьбы [Мыльников, 2008б, с. 30]. К этому виду работ можно отнести ещё пару инструментов. Существенный интерес представляют две находки из могильника Верх-Уймон. Оба предмета небольшого размера – 12-15 см. Первый – это четырёхгранный железный прут. Один из его концов выглядит как не смыкающаяся петелька из сильно расплющенного и заточенного по краю прута (1/3 от размера предмета). Другой конец согнут, и образует угол 100º. Второй предмет также в основе имел четырёхгранный прут, расширяющийся к одному краю и заканчивающийся округлой плоской и изогнутой фигурой с другого. Эти предметы использовались в качестве инструментов для обработки дерева. Например, при изготовлении небольшой, но глубокой чашки ими было бы достаточно удобно извлекать лишнюю массу материала из внутренней части изделия.

Что касается шильев, то в Горном Алтае это экземпляры с памятников Узунтал-8, Курай-2 и др.

Ударные инструменты – молоты, молотки-киянки, колотушки с рукоятями – были вспомогательными орудиями. Ими работали в комплексе с другими инструментами, например, с долотом или стамеской. В качестве материала для их изготовления использовали дерево или рог [Мыльников, 2008б, с. 29]. Примером могут служить деревянные колотушки из погребений Пазырыка [Руденко, 1953, с. 320].

Необходимо упомянуть и о режущих инструментах, т.е. резцах для токарного станка из закаленного железа или стали [Мыльников, 2008б, с. 29]. На рассматриваемой территории таковых пока не обнаружено. Но стоит сделать оговорку, что предметы, сошедшие с токарного станка, были обнаружены в Горном Алтае. Это четыре ножки столика из Второго Пазырыкского кургана [Семёнов, 1956, с. 212].

Для опиловки древесных материалов использовали рашпиль, железный предмет плоской или овальной двугранной формы с пересекающимися рядами продольно-поперечных насечек – напильник [БСЭ, 1984, с. 1103]. Подобные напильники были зарегистрированы в таких памятниках, как Катанда, Узунтал-5, Узунтал-1. Небольшой тонкий четырёхгранный предмет с Верх-Уймона очень похож на рашпиль, но из-за большого количества ржавчины трудно определить наличие насечек.

Важную роль в качественной обработке поверхности древесины играл правильный подбор абразивного инвентаря для оптимальной заточки и правки лезвий во время работы. Точила и оселки изготовляли из серого и бурого песчаника, глинистого сланца, мыльного камня. В основном это прямоугольные или подтрапециевидные плоские бруски. При раскопках на могильнике Курайка был найден один из таких точильных брусков прямоугольной формы и небольших размеров [Соёнов, Эбель, 1998].

Реконструировать особенности обработки дерева в древности становится возможным благодаря изучению не только следов обработки на материале, но и самих инструментов. Материалы из памятников пазырыкской и булан-кобинской культур предоставляют нам такую возможность. Приведённые в работе данные дают представление о том, как выглядел основной набор инструментов для обработки дерева во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.

Литература

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма I и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. – С. 165-171.

Бобков В.А. Способы крепления кельтов-топоров в скифское время // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1985. – С. 51-58.

БСЭ. – М., 1984. – 1600 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Мыльников В.П. Древняя деревообработка. Методика изучения погребальных конструкций. – Новосибирск: Наука, 2008а. – 198 с.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008б. – 364 с.

Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 386 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л.: Наука, 1953. – 402 с.

Семёнов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // СА. – 1956. – № 3. – С. 204-230.

Соёнов В.И. Новое поступление бронзовых изделий в фонды ГАРКМ // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – № 7. – С. 54-56.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. – № 3. – С. 113-135.

Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 85-93.

Чернецов В.Н. Рецензия на работу С.И. Руденко: Культура населения горного Алтая в скифское время // СЭ. – 1954. – № 2. – С. 183-187.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

О.М. Апанасенко

Пермь, Пермский государственный педагогический университет

Погребальная обрядность в раннем средневековье в Прикамье на примере верхнекамских могильников

Средневековье в Прикамье обладает рядом интересных особенностей, ярко раскрывающих его специфику для данного региона, и характеризующих сложность исторической проблематики. Одну из таких особенностей мы попытались рассмотреть в погребальном обряде верхнекамских могильников.

В данной статье рассмотрены лишь специфические виды погребальной обрядности. К таковым относятся: разрушенные после захоронения погребения, кремация, установление надмогильных сооружений, впускные погребения и т.д. Погребальная обрядность является одним из наиболее существенных элементов любой культуры и соединяет в себе целый комплекс этнической, религиозной и социальной информации о жизни ее носителей.

Исследовалось три могильника: Аверинский II (VI-IX вв., ломоватовская археологическая культура), Митинского (VI-VII вв., харинская археологическая культура), и наиболее яркий памятник Верхнего Прикамья, сочетающий в себе сразу несколько видов специфических обрядов захоронения (кремация, частичная кремация, ингумация и кенотаф) – Мокинский (IV-VII вв., культура харинского феномена). Так же проводилось сравнение их погребальной практики по признаку «специфические формы захоронения».

Актуальность избранной темы заключается в том, что верхнекамские могильники не рассматривались ранее в технологическом плане, само же явление погребальной обрядности – показатель развития той или иной культуры. Верхнее Прикамье – это, в первую очередь, место развития коми-пермяцкого этноса, место интеграции культур.

Погребальный обычай – это центр некросферы, стереотипные практические действия, совершаемые членами одного коллектива по отношению к умершему с момента смерти до погребения и создания памятника.

На протяжении всей истории человечества погребальная обрядность постоянно развивалась, усложнялась или упрощалась (в зависимости от условий, в которых находилась культура). Изучая принимаемые ею формы, можно выделить основные. Это: 1) ингумация; 2) предание тела огню

(кремация), дереву, горе, сосуду (урне), жилищу (погребальные домики), селькупирование. При этом до сих пор в археологической науке нет единого мнения относительно четкой трактовки сущности погребального обряда. Приведем три самых основных и распространенных.

Первая трактовка определяет погребальный обряд как единую совокупность инвентаря, способа захоронения и устройства могилы, т.е. материально фиксируемых останков.

Второе определение трактует погребальный обряд как определенные ритуальные действия до похорон, в момент похорон и после.

Суть третьего определения заключается в четком разделении понятий «погребальный обряд» и «погребальный памятник» по содержанию и объему. Иначе говоря, обряд – это процесс, а памятник – результат процесса. Но при этом нельзя отрицать того, что погребальный обряд является важнейшим историческим источником [Ольховский, 1995].

Рассматривая в своей работе погребальную обрядность, мы не могли не уделить внимание основным этапам.

1. Подготовка к погребению, т.е. ритуальные действия, которые археологи не могут восстановить без помощи этнографических данных – например, погребальные плачи, а также обмывание, одевание, угощение покойного, перенос его на кладбище, в могилу.

2. Жертвоприношение – мера, применяемая шаманами для ублажения духов, идолов, богов (жертвами чаще всего становились животные).

3. Подготовка могильной ямы. Ямы имеют, как правило, прямоугольную или овальную форму. Дно ровное, реже округлое, неровное или конусовидное. Наиболее многочисленны ямы длиной 150–250 см и шириной 40–80 см. Ориентировка погребений может быть различной и зависит от топографических особенностей местности. Парные захоронения очень редки. Возможна установка какой-либо деревянной внутримогильной конструкции (рамы, настила, гробовища (как правило, при ингумации).

4. Разведение погребального костра – в уже готовой могильной яме либо в стороне (чаще всего в яму перемещали прах со стороны). Сюда можно отнести также и обряд обезвреживания в целом: ломание рук, ног, связывание покойника, отрубание головы, порча погребального имущества – т.е. обычай умерщвления вещей.

5. Собственно захоронение.

6. Установка надмогильного сооружения (деревянного столбика, камня или кургана).

7. Траурные церемонии, тризны, которые проводились, чаще всего, на территории могильника.

Перейдем к сравнению погребальной практики исследуемых в работе могильников.

Аверинский II могильник датирован IV–IX вв. и принадлежит ломоватовской культуре. Бескурганный. Можно выделить две большие группы погребений: юго-восточную и западную. Деление носит хронологический характер (большинство погребений VI-VIII вв. сосредоточено в южной группе, а погребения IX в. – в западной). Обособленные ряды и группы принадлежали большим патриархальным семьям, каждая из которых имела на кладбище свое место. При анализе погребений выявлено следующее (табл. 1): кремация – наиболее распространенный обряд погребения – 23%; частичная кремация – 9%; (от общего числа погребений 259) [Генинг, Голдина, 1990].

Таблица 1. Распределение погребений по обряду захоронения на Аверинском II могильнике

Обряд	Количество*	%
Ингумация	32	12,35
Кремация	62	23,93
Частичная кремация	24	9,26
Не определено*	146	56,32

Впускных захоронений нет.

** Общее количество исследуемых погребений – 259 (100%) [Генинг, Голдина, 1990].*

Митинский могильник датирован VI–VIII вв., харинский культурный феномен. Курганный. Насыпи курганов распаханы [Голдина, Кананин, 1989]. Доминирующий обряд захоронения – ингумация (17%) (табл. 2). Большой процент связывания и разрушение костяков – 13 и 23%, что было связано с некрофобией.

Таблица 2. Распределение погребений по обряду захоронения на Митинском могильнике

Обряд	Количество*	%
Ингумация	9	17,3
Кремация	2	3,84
Смещение костей	7	13,46
Захоронение черепа	1	1,92
Ограблено	21	40,38
Связанные костяки	12	23,07

** Общее количество исследуемых погребений – 52 (100%) [Голдина, Кананин, 1989].*

Таблица 3. Распределение погребений по обряду захоронения на Мокинском могильнике

Обряд	Количество*	%
Ингумация	21	30,43
Кремация	21	30,43
Кенотаф	8	11,6
Частичная кремация	3	4,34
Частичная ингумация	10	14,49
Захоронение черепа	5	7,27

** Общее количество исследуемых погребений – 68 (100%) [Оборин, 1987].*

Полученные результаты мы сравнивали с результатами прошлогоднего исследования Мокинского могильника (IV–VII вв.) (табл. 3). Данный могильник бескурганный, площадь распространения находок – около 2 га. Планиграфически памятник может быть разделен на две части: раннюю (кон. III – нач. V вв. н.э.) и более позднюю (V в). Также выделяется третья, самая поздняя часть – кон. VI – нач. VII вв.

Нет единого мнения на культурную принадлежность памятника, т.к. он испытал на себе влияние сразу двух культур – харинского культурного феномена и сарматской. Харинский феномен оказал наиболее сильное влияние на памятник, в частности, появился кремационный обряд захоронения. Но при этом кремация не доминировала над обрядом ингумации. В процентном соотношении – 21% на 21%. Второе место занимают кенотафы – 8%, и третье – частичная кремация – 3%.

Таким образом, сравнив три подобных могильника, можно сделать следующие выводы:

1) из специфических форм захоронения наиболее распространенными были кремация и обряд обезвреживания;

2) отсутствуют яркие следы еще каких–либо культов (например, животных), доминирует культа огня;

3) этнический состав местного населения был постоянным и однородным.

В целом, материалы могильников свидетельствуют о преемственности погребальных традиций древнего населения верховьев Камы и характеризуют своеобразие данного региона.

Литература

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники Харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. – Свердловск. – 1990. – Вып. 12.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Ижевск, 1989.

Оборин В.А. Раскопки Мокинского поселения – могильника // Архив лаборатории археологических и этнографических исследований ПГПУ, 1987.

Ольховский В.С. Социологические интерпретации погребального обряда. – М., 1995.

М.И. Асафова[1], С.К. Сакенов[2]
[1]Астана (Республика Казахстан),
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
[2]Астана (Республика Казахстан), НИИ археологии им. К.А. Акишева

Кыпчакские святилища из местности Зимбулак северных склонов Сарыарки

Сарыарка занимает большую часть территории Центрального Казахстана. На западе Сарыарка граничит с Тургайским плато, на востоке – с горной системой Сауыр-Тарбагатай, на севере – с Западно-Сибирской равниной, на юге – с Туранской низменностью. Длина ее с запада на восток составляет 1200 км; ширина в восточной части 400 км, в западной около 900 км. Территория Сарыарки, в основном, состоит из разрушенных и выровненных возвышенностей и мелкосопочных низких гор. Среди них встречаются большие и малые впадины, котловины. Они внутренне различаются в зависимости от характера их геологического строения и рельефа. Восточная часть мелкосопочника приподнята, по сравнению с западной.

В 2009 г. разведочным отрядом Ишимской стационарной археологической экспедиции была исследована местность в районе города Ерейментау. Было найдено 13 объектов. Из них: 4 зимовки, 3 зирата, 2 одиночных кургана, 2 могильника и 2 святилища. Святилища были найдены в местности Зимбулак севернее гор Койтас и степной рчк. Зимбулак.

Л.Н. Ермоленко делит святилища подобного вида на 4 типа. 1 тип: в каменной насыпи находится замкнутая четырехугольная ограда, в ограде располагаются изваяния. 2 тип: к конструкции, подобной 1 типу, с запада пристроено большое по размерам прямоугольное каменное строение. 3 тип: на поверхности 2 небольших возвышений прослеживаются каменные выкладки. В обеих выкладках установлены изваяния. Комплекс окружен ровиком. 4 тип: каменный курган, с восточной стороны которого лицом на восток установлено одно или несколько каменных изваяний [Ермоленко, 2004].

Святилище Зимбулак расположено в 10 км северо-восточнее г. Ерейментау. Оно представляет собой большой каменный курган, с восточной стороны которого расположены 2 изваяния. Диаметр курганной насыпи равен 4,8 м. Мы относим его к 4 типу святилищ, выделенных Л.Н. Ермоленко. Высота первого изваяния 1,05 м. Прослеживается только очертание фигуры. Выделены голова и плечи. Слабо прослеживается подбородок. Изображений черт лица и других частей тела нет. Высота второго изваяния 91 см. Изваяние подпрямоугольной формы с невыделенными признаками человеческой фигуры. Возможно, изображения были утрачены по истечению времени, т.к. камень, из которого были сделаны изваяния, очень легко поддается коррозии.

Святилище Зимбулак 2 расположено в 9 км от г. Ерейментау. Оно состоит из 6 каменных курганов. Один из них можно отнести ко 2 типу святилищ, а остальные к первому. Курган 2 типа состоит из 2 каменных насыпей. Предположительно под ними могут находиться каменные изваяния. На двух курганах 1 типа были найдены изваяния. Первое было найдено на кургане, диаметр которого составлял 2,4 м. Высота изваяния составляет 78 см. Верхняя часть головы отколота по диагонали. Выделяются плечи. Выемкой показана одна рука. Нос передан овальной выпуклостью. Рот передан углублением, подбородок заострен. Второе изваяние находилось на каменной насыпи диаметром 2,8 м. Высота изваяния составляет 112 см. Слабо прослеживается изображение черт лица. Выемкой обозначена шея. Нос и брови совмещены. Глаза переданы двумя округлостями, расположенными ассиметрично относительно носа. Нос передан барельефом. Рот показан слабовыраженным углублением.

Подводя итог, нельзя не отметить, что святилища относятся к кыпчакской поминальной традиции. Этому свидетельствуют каменные курганные насыпи и традиция изображений на изваяниях [Ермоленко, 2004].

Литература

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 132 с.

В.В. Ахметов
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Особенности погребального обряда бохайцев (по материалам могильника Бэйда)*

Памятники государства Бохай (698-924) располагаются на территории России, КНР, КНДР. Анализ материала бохайских могильников позволяет выявлять культурные процессы, протекавшие в то время между различными частями государства Бохай, помогает выяснить особенности погребального обряда бохайцев.

Среди бохайских погребальных памятников выделяется могильник Бэйда (пров. Цзилинь). Данный памятник был обследован японскими, затем китайскими учеными во второй половине 1940-х гг. После этого на нем проводились исследования в 1960–1980-е гг. [Ом, Пак, 1993; Чжэн, 1993].

Данные по площади могильника разнятся. Согласно последним исследованиям она составляет 240 тыс. м^2. Количество погребений на могильнике точно не известно, но их не более 400, около 80 из них исследовано. Мы оперируем данными по 63 погребениям, по прочим погребениям информация в публикациях отсутствует.

Большинство погребений на Бэйда в плане подпрямоугольной формы, таких погребений 47. Остальные погребения подпрямоугольной формы, но их отличает наличие дромоса. Такие погребения делятся на: 1) с дромосом по центру, их – 14 и 2) с дромосом со смещением к стенке могильной ямы, их – 2. Во всех исследованных погребениях при возведении погребального сооружения использовался камень.

Количество погребенных в одной могиле могло варьировать, причем в одном погребении могли помещаться захороненные как по первичному, так и по вторичному обряду захоронения.

Всего одиночных первичных захоронений насчитывается 19. Из них 17 располагались в подпрямоугольных погребениях, остальные в подпрямоугольных с дромосом по центру и с дромосом со смещением погребениях. Первичных двойных захоронений 7, 5 располагались в подпрямоугольных погребениях, остальные в подпрямоугольных с дромосом по центру и с дромосом со смещением погребениях. Во всех двойных погребениях находилась пара (м+ж), за исключением одного погребения с одиночным захоронением по вторичному обряду. Во всех остальных погребениях находились захороненные как по первичному, так и по вторичному обряду. Их можно поделить на: 1) первичные одиночные погребенные вместе с погребенными по вторичному обряду; 2) первичные двойные захоронения с погребенными по вторичному обряду.

Всего погребений с первичными одиночными погребенными вместе с погребенными по вторичному обряду насчитывается 10. Большинство погребений, а именно 9, было подпрямоугольной в плане формы, одно – подпрямоугольной формы с дромосом по центру. Из них 7 – это погребения, в которых находились останки одного захороненного по вторичному обряду. В остальных были останки 2 или 3 человек.

Погребений с первичными двойными захоронениями и с погребенными по вторичному обряду насчитывается 9. Из 9 погребений в 7 захороненные располагались в подпрямоугольных в плане с дромосом по центру погребениях, а остальные в подпрямоугольных. Погребенные по первичному обряду в каждом захоронении делились на пару (м+ж). Погребений, в которых кроме двойного первичного захоронения было одиночное вторичное, насчитывается 2. В остальных погребениях погребенных по вторичному обряду было от 2 до 10. Особо стоит отметить погребение № 1 (по нумерации 1973 г.), в котором было 9 погребенных по вторичному обряду. Там находились останки 3 мужчин, 2 женщин, а пол 4 не был выяснен. В погребении № 10 (1973 г.) было 10 погребенных, захороненных по вторичному обряду (останки 6 мужчин и 4 женщин). В остальных погребениях не было четкого соотношения между мужскими и женскими останками. Погребений без костных останков насчитывается 4.

Погребальный инвентарь был в погребении, раскопанном в 1960 г., в 19 из 54 погребений, раскопанных в 1973 г., в 3 из 11, раскопанных в 1988 г. Погребальный инвентарь – серебряные заколь-

* *Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009-2010 годы)» (проект РНП.2.2.1.1/1822) Рособразования*

ки; бронзовые – украшения в виде рыбок, ножницы, заколки, зеркало, браслет. Бронзовые пряжки и бляхи были найдены в 16 погребениях. Железные изделия – наконечники стрел, ножи, кольца-ручки, крепившиеся к гробам, гвозди. Керамические изделия – покрытый глазурью кувшин с двумя ручками, вазообразные сосуды, миски, чашки, тушечницы. Помимо этого обнаружены кувшин и миска, покрытые трехцветной глазурью.

Погребальный обряд бохайцев, судя по материалам раскопок Бэйда, был сложным и разнообразным. Преобладал первичный обряд захоронения, больше чем в 2/3 погребениях были погребенные, захороненные по первичному обряду; погребений со вторичными 1/3. На могильниках, которые функционировали до основания государства Бохай и в ранний период его существования, вторичный обряд захоронения преобладает над первичным. На Троицком могильнике в процентном соотношении первичных 15%, а вторичных 81% [Деревянко, 1977, с. 144]. На могильнике Чалиба из 47 погребений в 38 применялся обряд вторичного захоронения [Нестеров, Алкин, 1999, с. 162]. На могильнике Чернятино-5 во всех 24 погребениях применялся обряд вторичного захоронения [Никитин, Гельман, 2002, с. 204].

Некоторые исследователи датируют могильник Бэйда средним и поздним периодом существования Бохая [Ивлиев, 1989, с. 20], на более ранних памятниках преобладал обряд вторичного захоронения, возможно, это свидетельствует о том, что ко времени функционирования Бэйда стал преобладать первичный обряд захоронения.

Захоронения с большим количеством погребенных по разным обрядам захоронения фиксируются и на других бохайских памятниках [Нестеров, Алкин, 1999, с. 164], но именно на могильнике Бэйда это проявляется особо ярко.

Схожие погребения с дромосом, как на могильнике Бэйда, встречаются и на других бохайских памятниках [Деревянко, 2000, с. 122].

Погребальный инвентарь находит аналогии с находками других бохайских памятников. Пряжка с язычком с могильника Бэйда идентична такой же пряжке с могильника Чалиба [Чжэн, 1993, с. 20; Нестеров, Алкин, 1999, с. 169]. Бляхи, найденные на Бэйда, аналогичны бляхам с Троицкого могильника [Чжэн, 1993, с. 20; Деревянко, 1977, с. 195, 202]. Эти данные говорят о налаженном взаимообмене между центром и периферией (в данном случае Приамурье) и о генетической связи могильников раннего периода Бохая с могильниками среднего и позднего периодов. Основным производящим центром керамики, покрытой трехцветной глазурью, в раннем средневековье на Дальнем Востоке была империя Тан. Трехцветная керамика, найденная в Бэйда, была произведена в Бохае [Чжэн, 1993, с. 9]. Это свидетельствует о заимствовании бохайцами технологий из Тан и показывает высокий технологический уровень производства в Бохае.

Могильник Бэйда типичный бохайский погребальный памятник. Здесь прослеживается как развитие традиций погребального обряда мохэсцев, зафиксированных на ранних мохэ-бохайских памятниках, приводит к формированию бохайского погребального обряда.

Литература

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Деревянко Е.И. Бохай и Приамурье // История и археология Дальнего Востока. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – С. 115-124.

Ивлиев А.Л. Исследование бохайских погребений в северо-восточном Китае (по материалам статьи Чжэн Юнчжэня) // Новые материалы по средневековой археологии ДВ СССР. – Владивосток, 1989. – С. 12-25.

Нестеров С.П., Алкин С.В. Раннесредневековый могильник Чалиба на р. 2-я Сунгари // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 153-176.

Никитин Ю.Г., Гельман Е.М. Некоторые результаты исследования раннесредневекового могильника Чернятино-5 в бассейне р. Суйфун // Археология и культурная антропология ДВ. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. – С. 195-215.

Ом Джаннок, Пак Рёнён. Бохайский могильник Бэйда // Пархэсаёнгу 2. – Сеул: Соульдэхаккёчхульпханбу, 1993. – С. 54-112 (на кор. яз.).

Чжэн Юнчжэнь. О раскопках на могильнике Бэйда в 1988 г. и керамические изделия, покрытые трехцветной глазурью // Пархэсаёнгу 2. – Сеул: Соульдэхаккёчхульпханбу, 1993. – С. 1-21 (на кор. яз.).

Н.О. Бабушкин
Владивосток, Дальневосточный государственный технический университет

Ранние сооружения на могильнике Чернятино-5

В 2005-2006 годах в северо-восточной части мохэ-бохайского могильника Чернятино-5 в Приморском крае были обнаружены и исследованы остатки двух мохэских полуземлянок. Котлован первого жилища длиной 3,7 метров, шириной 2,8 м и площадью около 20 кв.м был почти правильным четырехугольником с округлёнными углами, ориентирован с юго-востока на северо-запад, как и большинство могил на памятнике. Стенки котлована были вертикальными, пологими лишь в юго-восточном и северо-западном углах. На дне котлована были обнаружены следы 11 столбовых ям. Восемь из них расположены попарно в каждом из углов жилища, где около столбовых ям были обнаружены скопления камней, которые вероятно, служили для большей устойчивости столбов. В центре котлована были обнаружены следы очажной ямы, около которой располагались три больших камня (рис. 1) [Чжунг Сук-Бе, Никитин, 2006, с. 281-285].

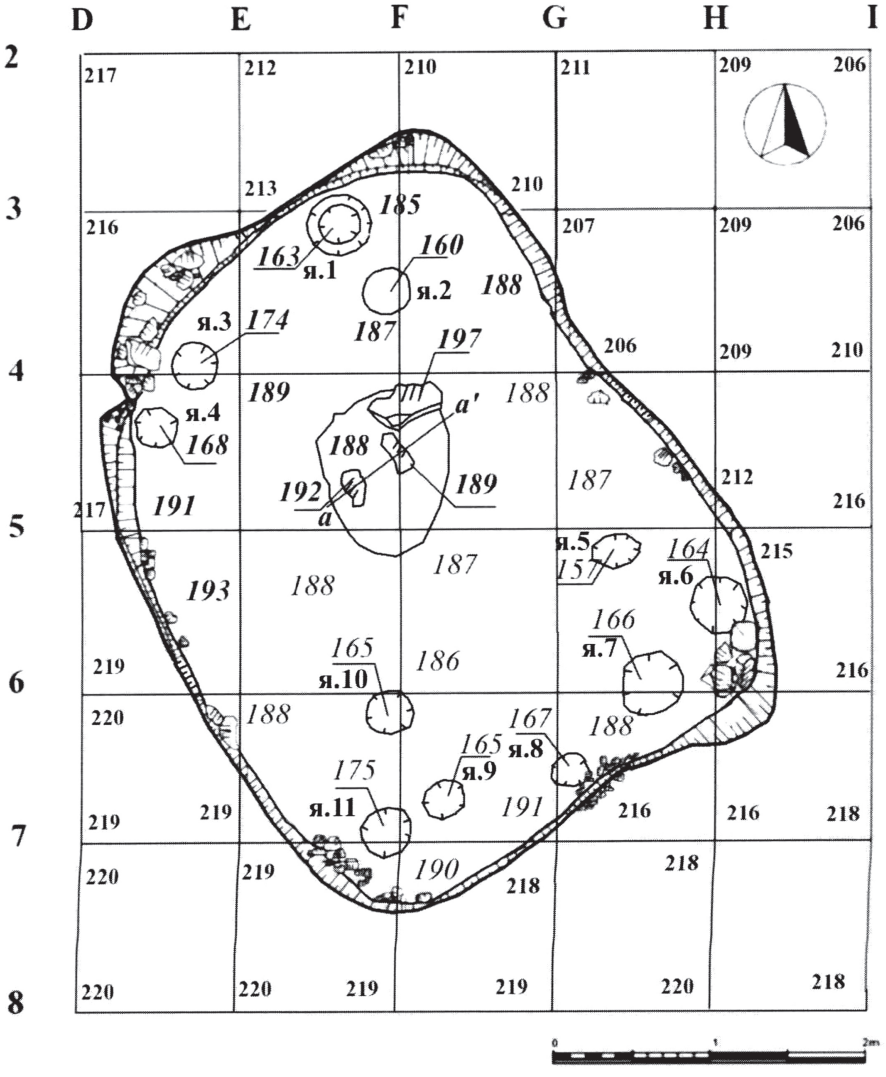


Рис. 1. Могильник Чернятино-5. Раскоп 2/3. Жилище 1: план после зачистки по материку

Обнаруженный в жилище материал подразделялся на керамику и изделия из камня, среди которых можно выделить точильный камень, часть лезвия каменного ножа, лощило. Каменные материалы характеризуются некоторой архаичностью, в основном это рабочие инструменты, некоторые достаточно редко встречаются в жилищах. Обнаруженная керамика относится к мохэскому времени. На дне жилища был найден фрагмент человеческого черепа [Чжунг Сук-Бе, Никитин, 2006, с. 286]. В ходе работы выдвигалось множество версий о назначении данной постройки на территории могильника. Самой правдоподобной на тот момент была версия о культурном назна-

чении, скорее всего, в погребальных обрядах. Однако, после нахождения второй постройки эту версию пришлось отбросить.

В нескольких метрах от жилища 1 была обнаружена вторая полуземлянка, но, в отличие от первой, она оказалась сгоревшей. По конструкции вторая постройка была практически идентична первой. В плане она имела форму почти правильного четырехугольника с округленными углами. В центре котлована были найдены следы красно-бурого обожженного суглинка (очаг). Сохранились следы столбовых ям, с тем же расположением, что и в первом жилище. В юго-западном углу были обнаружены обуглившиеся остатки деревянной конструкции в виде округлых в сечении брёвен [Чжунг Сук-Бе, Никитин, 2007, с. 353-354]. Также стоит отметить сохранившиеся следы ступеньки, при входе в жилище. Она располагалась в юго-восточной части котлована и была представлена следами плотной желто коричневой глины. Между очагом и «ступенькой» сохранились следы желто-коричневого суглинка – «пола» жилища [Чжунг Сук-Бе, Никитин, 2007, с. 356]. Необычным фактором явилось то, что в юго-западном и юго-восточном углах жилища были обнаружены две могилы, как раз вписывающиеся в ряд других. Судя по следам обрушенных вдоль стенок жилища плашек, эти могилы были вырыты уже после постройки жилища и в то время, когда выкапывались могилы, котлован был ещё виден (рис. 2) [Чжунг Сук-Бе, Никитин, 2007, с. 356-357, 362]. Найденные артефакты, в основном, представлены большим количеством керамики, а также несколькими фрагментами железного изделия. Интересную находку представляет собой хорошо сохранившийся клык животного, который, судя по всему, никогда не использовался как орудие труда. Также в котловане было найдено значительное количество углей, обожженной обмазки и фрагменты обуглившихся плах. Особого внимания заслуживает найденный в жилище сосуд с вырезом, т.к. это изделие крайне редко встречается на средневековых приморских памятниках. В ходе исследований было выявлено, что вторая постройка являлась жилой и не имела никакого культурного назначения [Чжунг Сук-Бе, Никитин, 2007, с. 350-362].

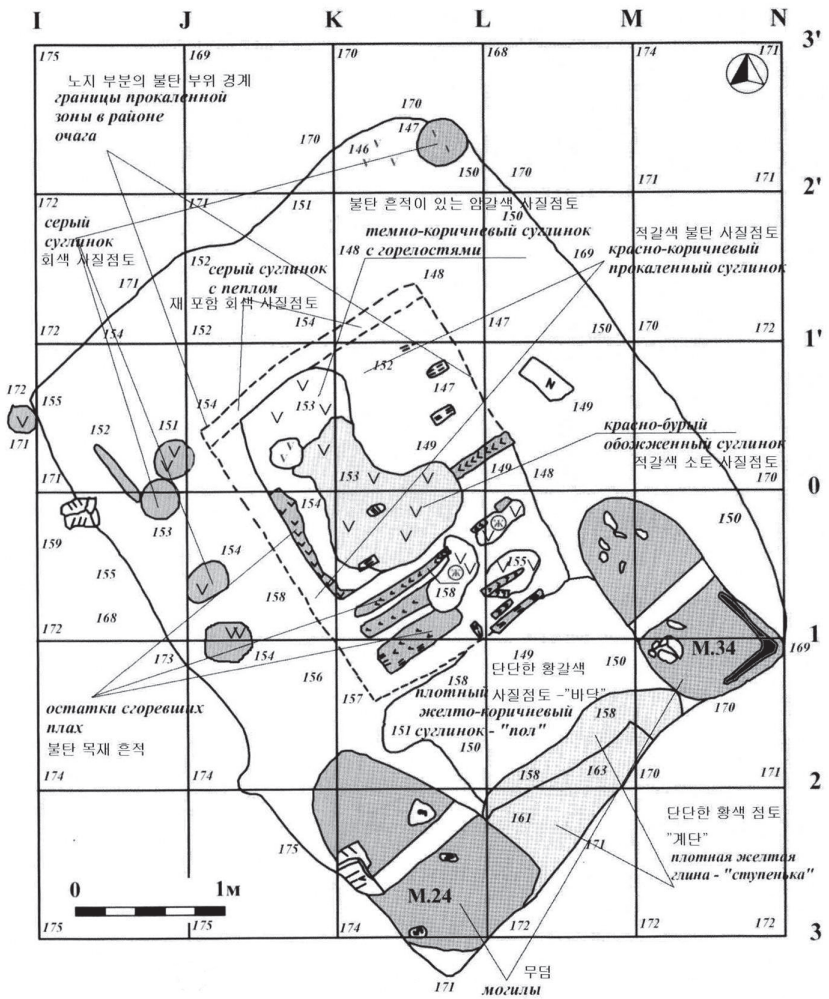


Рис. 2. Могильник Чернятино-5. Раскоп 2/3. Жилище 2: план после разборки 5-го горизонта

Как уже было сказано выше, оба жилища представляли из себя типично мохэские полуземлянки. Несмотря на некоторые особенности, их можно соотнести с другими подобными жилищами, найденными в Приморье и Приамурье. По расположению основных опорных столбов и форме очага данные жилища можно отнести к так называемой первой группе по типологии, разработанной Ю.В. Кривулей: четырёхскатная полуземлянка, ориентированная по сторонам света, по линии СЗ-ЮВ, с опорой на столбы, расположенные вблизи углов котлована, с округлым очагом [Кривуля, 1990, с. 20-38]. Найденные на территории могильника жилища являются важной частью исследования памятника и впоследствии, возможно, дадут новую информацию об истории данной территории. Уже сейчас, основываясь на результатах проведённой работы, можно предположить, что первоначально на месте могильника было расположено более древнее мохэское поселение. Вероятно, что впоследствии оно было покинуто, но по каким причинам, точно сказать нельзя. Первостепенной задачей остаётся определить, почему могильник был заложен настолько близко к возможному поселению. К тому же пока остаётся непонятным положение двух могил, которые буквально вписаны в стенки котлована.

Литература

Кривуля Ю.В. Отчет по Археологическим разведкам разведках в Михайловском и Хорольском районах Приморского края в 1989 году. – Владивосток, 1990. – С. 20-38.

Чжунг Сук-Бе, Никитин Ю.Г. Отчет об археологических исследованиях на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2005 году. – Сеул, 2006. – С. 281-288.

Чжунг Сук-Бе, Никитин Ю.Г. Отчет об археологических исследованиях на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2006 году. – Сеул, 2007. – С. 350-363.

К.В. Бирюлева, П.О. Сенотрусова, П.В. Мандрыка
Красноярск, Сибирский федеральный университет

Средневековая керамика комплекса Проспихинская Шивера-IV

В 2009 г. в рамках проекта о сохранении культурного наследия в зоне затопления Богучанской ГЭС проводились раскопки на археологическом памятнике Проспихинская Шивера-IV. Второй культурный слой оставлен средневековым поселением, в котором расчищены 4 железоплавильных горна и найдено более 5 тысяч предметов. Среди них самой многочисленной была керамика, характеристика которой приводится в настоящей работе.

Перед исследованием были поставлены две задачи: разработка типологии керамики и изучение ее планиграфии на площади раскопа.

На раскопе площадью 438 кв.м было найдено 3979 черепков, из которых 276 – фрагменты венчиков. Их сопоставление позволило выделить 60 сосудов, различных форм. Все они вылеплены из глины с песчаными, дресвяными и шамотными добавками. Цвет керамики от светло-серого до красно-коричневого. Обжиг хороший, черепки плотные. Целых реставрированных форм нет, анализ проводился по фрагментам венчиков.

С учетом формы и орнамента керамика делится на 2 типа.

1 тип керамики (40 сосудов) объединяет горшки закрытой формы, с профилированным венчиком и выделенной шейкой, украшенные тонкими налепными валиками в сочетании с рядами насечек или оттисков пальца. На 23 сосудах под обрезом венчика размещается налепная лента либо массивный валик с орнаментацией. На 13 горшках орнаментация состоит из рядов округлых насечек, а на 9 – оттисков пальца. На одном сосуде эти орнаменты сочетаются. На тулове этих сосудов, как правило, располагаются тонкие валики, которые могут образовывать параллельные друг другу горизонтальные ряды, а также строиться зигзагом или шевроном. Одиннадцать сосудов этого типа украшены только налепными валиками, чаще всего горизонтальными параллельными, хотя встречаются наклонные, или строятся в арочный мотив. На одном сосуде наклонные валики сочетаются с рядом оттисков округлого штампа, рассеченного внутри на три сектора. Один сосуд, возможно, тарелка, орнаментирован тонкими волнистыми валиками, а по обрезу – пальцевыми защипами. Остальные 6 сосудов – без орнамента или с рядами насечек, относятся к выделяемому типу условно – по горшковидной форме.

2 тип керамики (20 сосудов) включает горшки закрытой формы, с наклонной либо прямой шейкой и раздутым туловом, украшенные различными оттисками зубчатого штампа. Орнамент располагается по краю венчика, на шейке и верхней части тулова. На 14 сосудах орнаментация состоит из горизонтальных рядов оттисков наклонно поставленного штампа. На двух горшках под горизонтальным рядами помещены вертикальные ряды таких же оттисков. Есть сосуды, на которых оттиски зубчатого штампа дополняются отпечатками гладкого округлого штампа или гладкими приостренными наколами.

Керамика обоих типов находит аналогии на многих памятниках Нижнего Приангарья и Среднего Енисея, среди них поселение Проспихинская Шивера-I [Мандрыка, Сенотрусова, 2008], городище Лесосибирское-I, [Мандрыка, 2003], поселение Шилка 9 [Мандрыка, 2005], а также поселения Усть-Илим, Бадарма I, могильник Усть-Кова, [Бурилов, 1980; Леонтьев, Дроздов, 1996]. Во всех случаях керамика дополняется вещами, которые датируются ранним и развитым средневековьем.

Планиграфическое распределение керамики по слою в пределах раскопа показало, что черепки от горшков разных типов залегали неравномерно. Фрагменты керамики первого типа от каждого сосуда разбросаны на значительное расстояние друг от друга (иногда до нескольких десятков метров), причем в разных направлениях. Черепки керамики второго типа чаще сконцентрированы компактно. Скопления включают фрагменты от одной или двух форм. В отдельных скоплениях присутствуют фрагменты обоих типов керамики. Устойчивой связи отдельных сосудов с выявленными в слое железоплавильными горнами нет.

Таким образом, характер распространения керамики показывает на сосуществование разных типов в пределах одного поселенческого археологического слоя. Вместе с тем нельзя исключать разновременность типов керамики в рамках одной средневековой эпохи. Дальнейшие работы уточнят предложенные выводы.

Литература

Бурилов В. В. Материалы раскопок памятников Бадарма I, III на Средней Ангаре // Источники по археологии Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 53-75.

Леонтьев В. П., Дроздов Н. И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 39-46.

Мандрыка П.В. Средневековое городище в Енисейской тайге // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Археология и этнография. – 2003. – Т. 2, вып. 3. – С. 89-91.

Мандрыка П.В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 172-185.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Материал средневекового селища у Проспихинской шиверы в Нижнем Приангарье // Окно в неведомый мир. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008 – С. 279-283.

М.Н. Валетская
Томск, Томский государственный университет

Городище Шайтан I – памятник эпохи развитого средневековья Томского Приобья

Городище Шайтан I является самым крупным из известных на сегодняшний день средневековых поселенческих комплексов на территории всего Томского Приобья. Памятник находится в Кожевниковском районе Томской области, на расстоянии 5 км к югу от с. Киреевск, в 1,1 км к юго-востоку от р. Обь. Городище расположено на правой коренной террасе р. Оби и входит в состав комплекса разнотипных археологических объектов, получивших название Шайтанский археологический микрорайон [Зайцева и др., 2004].

Памятник открыт и обследован П.А. Марковым в 1994 г. [Марков, 1996], в 2005 г. городище Шайтан I обследовано Е.В. Барсуковым [Барсуков, 2006].

По типу городище относится к мысовым, двухплощадочным. На площади памятника фиксируется около десятка грабительских шурфов, представляющих собой задернованные ямы площадью до 1,5 м², некоторые из них располагаются непосредственно в западинах. Визуально зафиксиро-

вано 44 западины (39 на основной площадке и 5 на дополнительной). Общая площадь памятника – 4600 м². Мощность культурного слоя около 50 см.

Фортификационные сооружения представлены рвом и валом. Протяженность основной (внешней) линии обороны – 83 м, высота вала – 1,5 м, глубина рва – 0,6 м. Протяженность дополнительной линии фортификаций – 12,7 м.

В 2009 г. на памятнике проведены стационарные исследования [Зайцева, 2010]. Была апробирована методика выявления археометаллургических объектов дораскопочными недеструктивными методами – магнитометрическая съемка всей площади памятника. Использовался протонный магнитометр, съемка производилась с шагом 1 м.

Магнитометрическая съемка позволила выявить аномалии, интерпретированные как остатки металлургических объектов. Для апробации результатов исследования был заложен раскоп общей площадью 64 м², включавший одну жилищную западину и одну аномалию. Раскопки полностью подтвердили возможность выявления невыраженных в рельефе металлургических объектов с помощью магнитометрической съемки. Исследованный объект представлял собой развал глиняных стенок наземной части горна, различные фракции шлаков, металлургических конгломератов и фрагментов колотой, подготовленной к плавке железной руды. Особый интерес представляет также обнаруженная в непосредственной близости от объекта железная крица.

Был исследован жилищный котлован подпрямоугольной формы. Размеры котлована 6,2х5,5 м, углублен в материк на 0,25 м, ориентирован по сторонам света. В центральной части, вероятно, располагался очаг, сооруженный из глины, однако он был сильно разрушен в ходе археологизации. В углах котлована выявлены углубления от трех вертикальных опорных столбов диаметром 0,2-0,28 м, углубленных в материк на 0,6-0,65 м, Наиболее массово среди находок представлены остатки железоделательного производства и фрагменты керамики. Полученный материал позволил предварительно датировать городище развитым средневековьем и включить его в круг памятников басандайской культуры. Культурная принадлежность памятников Томского Приобья первой половины II тыс. н.э. остается дискуссионной: ряд исследователей выделяют басандайскую культуру (XI-XIV вв. н.э.), другие относят эти памятники к сросткинской культуре. Вследствие дискуссионности самого понятия «басандайская культура» и отсутствия в регионе единой хронологической шкалы многие вопросы остались открытыми [Адамов, 2000; Плетнева, 1997; Могильников, 1980].

Керамический комплекс, полученный на городище, выглядит достаточно однородным по технологии изготовления, форме и орнаментации. Представлен круглодонными горшками с выраженной шейкой и отогнутыми венчиками. Срез венчиков скошен наружу и украшен оттисками палочки или пальцевыми вдавлениями – «защипами». Орнамент всегда нанесен лишь на верхнюю часть сосуда и состоит из одного мотива – насечек, ногтевых вдавлений или пояса ямок.

Имеющиеся данные позволяют сделать предварительное предположение о том, что средневековое население урочища Шайтан специализировалось на производстве железа. В 2009 г. были проведены совместные с геологами обследования участка коренной террасы и фрагмента поймы правого берега реки Оби в районе расположения археологических памятников Шайтанского микрорайона. Установлено, что единственным реальным источником образцов железных руд, найденных при раскопках средневековых памятников, микрорайона может считаться Киреевское проявление сидерита, расположенное от них приблизительно в 1-1,5 км выше по течению реки Оби.

Выявленная сырьевая база может быть одним из объяснений чрезвычайно высокой концентрации памятников на относительно небольшой территории Шайтанского археологического микрорайона. Последующие раскопки Шайтанских поселенческих памятников, экспериментальные и лабораторные исследования позволят реконструировать весь цикл производства железа.

Литература

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – 256 с.

Барсуков Е.В. Отчет о работе Шайтанского отряда археологической экспедиции ТГУ в 2005 г. // Архив музея археологии и этнографии ТГУ, № 1262. – Томск, 2006. – 98 с.

Зайцева О.В. Исследования Шайтанской археологической экспедиции ТГУ в 2009 г.: раскопки городища Шайтан I // Томск, 2010 (в печати).

Зайцева О.В., Барсуков Е.В., Гусев А.В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области // Археологические микрорайоны Северной Евразии: Мат-лы науч. конф. – Омск, 2004. – С. 37-40.

Марков П.А. Отчёт о работах Киреевского отряда археологической экспедиции Томского университета за 1995г. // Архив ИА РАН, № 19719. – Томск, 1996. – 45 с.

Могильников В.А. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 242-248.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 350 с.

И.А. Валиахметов
Челябинск, Челябинский государственный университет

Влияние климата на миграции и нашествия восточноевропейских кочевников IX–XIII вв.

Климатические изменения как глобального, так и локального характера в некоторых работах определяются в качестве причины, влияющей на передвижения кочевников. Авторы, как правило, к ним относят не только миграции, но и нашествия на соседние земледельческие государства.

Если говорить о глобальных климатических изменениях, то в конце IX в. начинается средневековая теплая эпоха, которая продолжается до рубежа XII–XIII вв. В это время наблюдается нерегулярное чередование больших и малых потеплений и похолоданий. Однако, средневековая теплая эпоха была разделена длительным похолоданием 1070-1150 гг. Для восточноевропейской степи было характерно отклонение среднегодовой температуры на 0 – + 0,5 °С от современных значений; отклонений же среднегодовых сумм осадков от современных условий не наблюдалось [Клименко, 2003, с. 8-12], что подтверждает более ранние данные [Колебания климата.., 1988].

В.В. Клименко приводит таблицу, в которой соотносит климатические и исторические события в различных регионах земного шара. По понятным причинам (а именно – использование В.В. Клименко хронологических таблиц из Атласа всемирной истории), в этой таблице нет места восточноевропейским средневековым кочевникам [см.: Клименко, 2003, с. 20-24]. Однако нетрудно заметить, что начало миграции печенегов в восточноевропейские степи в конце IX в. [Плетнева, 1982] совпадает с так называемым. периодом похолодания, сменяющегося в 20-е гг. X в. более теплым, и длится до конца 20-х гг. XI в., на который как раз приходится появление торков в восточноевропейских степях [Плетнева, 1990]. Миграции кипчаков на запад в конце X в. и их появление в Подонье в начале XI в. [Плетнева, 1982] происходят также в теплый период [Клименко, 2003].

Необходимо уделять внимание не только глобальным, но и локальным климатическим колебаниям. Последние в большей степени влияли на конкретный ход истории в отдельных регионах. В качестве одного из примеров Н.Н. Крадин указывает на «гибель уйгурского каганата после длительных холодов, жутов и моровой язвы, поразившей большинство поголовья скота в 840 г.» [Крадин, 1995, с. 164].

Так, Л. Гумилев считал, что усыхание и увлажнение «вредно отзываются на населении степи и его хозяйственных возможностях» [Гумилев, 1993, с. 286]. Поднятие уровня Каспийского моря в X веке, вызванное перемещением увлажнения в гумидную зону, повлекло за собой миграции кочевников. Печенеги в конце IX века перемещаются с берегов Аральского моря в южное Поднепровье; за ними следуют торки, обосновавшиеся между Волгой и Уралом [Гумилев, 1993].

Однако, новые данные говорят об обратном. Почвоведы выделяют несколько периодов климатических событий в пустынных степях юго-востока Русской равнины на протяжении позднего голоцена [Демкин и др., 1998; Борисов, Демкин, 1996]. Период V–XI вв. н.э. характеризуется преобладанием аридных условий, наличием пустынно-степных ландшафтов [Демкин и др., 1998]. В X–XI вв. уменьшается увлажнение водосборного бассейна Каспия на Русской равнине, что ведет к падению его уровня. Одним из наиболее засушливых периодов был конец X в. [Клиге и др., 1998]. В целом отмечается, что в степях Причерноморья часто случались засухи, неурожаи [Колебания климата.., 1988].

Информация о засухах в степях в XI веке содержится и в русских летописях [Борисенков, Пасецкий, 1983]. Один из таких характерных эпизодов – холодное и засушливое лето 1060 года, когда часть торков погибла от жажды и голода [Боголепов, 1908].

Кроме того, обращается внимание на влияние изменения климата на нашествия кочевников. В.В. Клименко и А.М. Слепцов, анализируя палеоклиматические данные и письменные источники, говорят, что большую роль играет ухудшение природных условий [Клименко, Слепцов, 1999; Клименко, 2003]. Однако, если обратиться ко всем имеющимся в летописях сведениям, то нетрудно заметить, что нашествия кочевников на Русь происходили как в холодные, так и в теплые периоды [Полн. собр. рус. летописей, 1926-1928].

При изучении влияния климата на миграции и нашествия номадов на соседние государства довольно сложно говорить об общих причинах этих передвижений, будь то похолодание или потепление, усыхание или увлажнение. Вероятно, необходимо рассматривать каждый частный случай в отдельности с использованием как глобальных, так и локальных данных по климатической ситуации в конкретном регионе.

Литература

Боголепов М. О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху. – М.: Типолитография Г-ва И.Н. Кушнерев, 1908. – 107 с.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI – XVII вв. – Л.: Гидрометеоиздат, 1983. – 240 с.

Борисов А.В., Демкин В.А. Позднеголоценовая динамика климата юго-востока Русской равнины // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии: Тез. докл. – Самара, 1996. – С. 6-9.

Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М.: Экопрос, 1993. – С. 285-298.

Демкин В.А., Дергачева М.И., Борисов А.В., Рысков Я.Г., Олейник С.А. Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // Почвоведение. – 1998. – № 2. – С. 148-157.

Клиге Р.К., Данилов И.Д., Конищев В.Н. История гидросферы. – М.: Науч. мир, 1998. – 368 с.

Клименко В.В. Климат и история в средние века // Восток. – 2003. – № 1. – С. 5-41.

Клименко В.В., Слепцов А.М. Климат и история России в IX–XVI вв. // Вестник МЭИ. – 1999. – № 2. – С. 85-93.

Колебания климата за последнее тысячелетие. – Л.: Гидрометеоиздат, 1988. – 408 с.

Крадин Н.Н. Климат, тренды и нашествия кочевников // Генезис кризисов природы и общества в России. Генетические коды цивилизаций. – М.: Моск. лицей, 1995. – Вып. 4. – С. 163-165.

Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М.: Наука, 1982. – 189 с.

Плетнева С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990. – 208 с.

Полное собрание русских летописей. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926-1928. – Т. 1.

Е.Н. Виткаускас

Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Киданьские древности юго-восточного Забайкалья

Целью данной работы является анализ средневековых укрепительных сооружений, таких как «Вал Чингисхана» и сопутствующих ему сторожевых городков (в пределах Забайкальского края).

История изучения данных объектов прослеживается в исследованиях российских путешественников, посетивших данные объекты [Миллер, 1999]. Так, в 1915 г. вал на участке от устья р. Ган до с. Олочи на р. Аргунь осмотрел С.М. Широкогоров и его спутники. Они отмечали, что местное население связывает вал с именем основателя Монгольской империи либо с именем знаменитого князя Гантимура, а черепица, каменные плиты и изваяния с городка в 6 км от устья р. Ган использованы для украшения церкви в с. Новый Цурухайтуй. Во 2-й пол. 1920-х гг. вал изучался В.А.

Кормазовым, в 1930-х – В.В. Поносовым, который впервые определил вал как пограничный рубеж эпохи киданей (империя Ляо).

В 1953 г. С.В. Киселёвым были проведены первые научные работы на указанных памятниках, в результате которых он определил их как оборонительные сооружения киданей на северных границах государства Ляо от нападений племен: угу, юйцзюэ, шивэй и северных цзубу. С 1970-х гг. маньчжурский участок вала с городищами изучается китайскими исследователями.

Дальнейшие работы на городках и вале «Чингиз-хана» были продолжены в 70-е гг. Верхнеамурской археологической экспедицией ЧГПИ под руководством И.И. Кириллова и Е.В. Ковычева. В 1994-1995 гг. сотрудниками экспедиции на валу и в городках (в том числе на шести, открытых впервые) были заложены стратиграфические разведочные траншеи, позволившие отнести эти памятники к единому комплексу.

На сотни километров через территорию Забайкалья, Северного Китая и Монголии протянулся так называемый «Вал Чингисхана». Его общая протяжённость составляет более 400 км, из которых почти 100 км приходятся на территорию Забайкальского края. Вал начинается в междуречье р. Улдзы-гол и правобережных притоков р. Онон (на юго-восточных склонах хребта Зрэн-Даваа) в Монголии; затем тянется параллельно р. Улдзы-гол (но к югу от неё) на протяжении почти 261 км, пересекает границу Китая, где его длина достигает 40 км, а далее переходит на российскую территорию у юго-западной окраины пос. Забайкальск. Он идёт практически непрерывной полосой параллельно государственной границе до с. Кайластуй, восточнее которого продолжается ещё почти на 10 км, приближается к р. Аргуни, затем переходит на правый берег реки и вновь тянется по китайской территории до Хэйшонтоу. Общее направление вала: ЗЮЗ–ВСВ. Наибольшее удаление от р. Аргуни – 10 км. В ходе исследования было установлено, что вал имеет собственное направление и почти нигде не пересекается с руслом Аргуни.

Вал связывает 8 городищ, которые расположены на расстоянии 15-30 км. К ним относятся Большой Куладжайский круглый городок, Большой круглый Уртуйский городок, Большой Кактуйский городок, Большой квадратный Уртуйский городок, четыре городка типа Малых (два Цанкырских, Малый Кактуйский, Малый Уртуйский).

В 2009 г. иркутским археологом А.В. Луньковым установлено местонахождение ещё одного комбинированного городка – Бугутуйского, расположенного в районе пос. Забайкальск. В этом же году на городке были проведены мониторинговые работы комплексной археологической экспедицией под руководством А.В. Харинского.

Работы показали тождественность данного городка Большому Кактуйскому городку: круг с вписанным в него квадратом (центральным донжоном). Круглые городки, диаметром 200 м, расположены по центральной части насыпного вала и по внешнему контуру рвов, глубина которых не более 50 см (в современном состоянии). Возможно, они могли служить для содержания в них пленных или в качестве загонов для скота. Большой Кактуйский городок, как и Бугутуйский, помимо кругового вала и рва, имел в центральной части более высокое сооружение, составленное из насыпного вала и рва, с угловыми башнями. Городки, относящиеся к типу Малых, имели высоту обваловки до 2 метров. Их центральная часть была уплощена и заглублена. Городки выполняли роль сторожевых застав, располагались с южной стороны вала, в 1-1,5 км от него и перекрывали выходы наиболее широких долин с ручьями через каждые 15-20 км.

Основание увязать городки и вал в единую оборонительную систему, созданную племенами киданей в период существования империи Ляо даёт керамика, преимущественно серого цвета, орнаментированная треугольными или зубчатыми оттисками, изготовленная на ручном круге. Подобная керамика была найдена на памятниках киданьского времени в Северной Монголии. Анализ самих памятников и материальных остатков из них представляет значительный интерес в изучении средневековой истории края.

Литература

Миллер Г.Ф. О древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском // История Сибири. – М., 1999. – Т. 1.

Е.В. Водясов
Томск, Томский государственный университет

Средневековые погребения с кузнечными инструментами на юге Западно-Сибирской равнины*

Находки средневековых кузнечных инструментов представляют собой большую редкость, что и побудило автора посвятить данную статью захоронениям «кузнецов» на рассматриваемой территории.

Основными кузнечными инструментами традиционно являются клещи и молоток. Кроме них, археологам также известны наковальня, зубило, долото, ножовка. Все вещи происходят с могильников. В литературе нами не найдено ни одного упоминания о находках кузнечного инструмента на поселенческих комплексах.

Могильник Чердашный Лог III. Курган 12. При снятии насыпи были обнаружены железные клещи, молоток, фрагменты керамики, два железных наконечника стрелы, корродированные железные предметы [Гаман, 1996, рис. 58, 59]. Разнообразный и многочисленный погребальный инвентарь, происходящий из могилы (железный меч, наконечники стрел, железные пластины, удила, стремена, бронзовые украшения, предметы костюма, сосуд, остатки колчана, лука) позволил исследователям отнести это погребение к «элитным» [Плетнева, Гаман, 2007, с. 56-61]. А.Д. Гаман датировал могильник в целом VI-VIII вв. [Гаман, 1996].

Могильник у Архиерейской Заимки. Погребение 5. Были обнаружены железные клещи [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 75, 2] наряду с различным инвентарем: оружие ближнего и дистанционного боя, бронзовые украшения, бронзовая чаша, стеклянные бусины с темной позолотой и др. Погребение датировано VIII в. [Беликова, Плетнева, 1983].

Тимирязевский курганный могильник I. Курган 9. Наряду с бронзовыми украшениями, оружием и керамикой погребальный инвентарь был также представлен железными клещами и железным ножом, положенными под череп, и молотком [Плетнева, 1984, с. 67, рис. 3]. Курган датирован IX-X вв.

Тимирязевский курганный могильник II. Курган 58. С умершим были положены: железные клещи, зубило, молоток, долото, тесло, бронзовая пряжка и 7 бронзовых нашивок [Плетнева, 1984, рис. 4, 1; 5, 5-9]. Курган 58 Л.М. Плетнева датирует IX-X вв. [Там же].

Могильницкий могильник. Курган II. Помимо оружия (железный кинжал и 10 наконечников стрел), украшений и другого инвентаря, обнаружены железные клещи. Датировка – VIII-IX вв. [Плетнева, 1973].

Могильник Березовый остров I. Курган 9. Погребение I. Могила ограблена. Наряду с другим инвентарем могила содержала железные клещи, ножовку и молоток [Адамов, 2000, рис. 44 *11, 16, 17*]. Из всего известного кузнечного инструментария ножовки (кроме указанной здесь) эпохи средневековья юга Западно-Сибирской равнины автору не известны. А.А. Адамов датировал могильник X-XII вв. [Адамов,2000].

Могильник Порывайка. Курган 8. В могиле, наряду с другими разнообразными вещами, были специально уложены друг на друга кузнечные клещи и зубило [Васютин и др., 2007, рис. 1. 6, 14]. Ю.В. Ширин датировал могильник XI-XII вв. [Ширин, 2005, с. 226].

Курганный могильник Ташара-Карьер-2. Курган 1. Курган располагался особняком от остальных курганов. Железные клещи были обнаружены в насыпи кургана, ограбленного и частично разрушенного из-за осыпания берега [Савинов и др., 2008, рис. 5]. Возможно, клещи происходили из погребения. Точный набор инвентаря установить невозможно. Удалось обнаружить шесть железных наконечников стрел, железную пряжку, мотыжку, возможно, остатки ножа. Памятник отнесен к басандайской культуре, датирован XI-XIII вв. [Савинов и др., 2008, с. 338].

Астраханцевский курганный могильник. Курган 32. Наряду с другим инвентарем погребение содержало кузнечные инструменты, представленные железными клещами и молотком [Плетнева, 1997, рис. 38, 2, 3]. Могильник датирован XIII-XIV, возможно, XV вв. [Плетнева, 1997, с. 116].

Астраханцевский курганный могильник. Курган 63. К инструментам, которыми мог пользоваться кузнец, можно отнести клещи (почти рассыпались при снятии), молоток, кресало и кремешок [Плетнева, 1997, рис. 44, 9; 47, 4].

* *Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-64700е/Т*

Зырянский курганный могильник. Курган 1. В богатом находками погребении, которому посвящена отдельная монография О.Б. Беликовой (работа находится в печати), помимо остального многочисленного инвентаря, был обнаружен набор кузнечных инструментов: клещи, наковальня, 2 молотка. Могильник датирован концом XVI-XVII вв. [Беликова, 2008, с. 422].

Тигалдатский курганный могильник. Курган 3. В погребении с различным инвентарем в том числе обнаружена миниатюрная железная наковальня [Беликова, 2000, рис. 12, 1]. Датировка – XVI-XVII вв. [Беликова, 2000, с. 180].

Итого, известно всего 12 средневековых погребений с кузнечными инструментами на такой огромной территории. Как показывают материалы, основные кузнечные инструменты (клещи и молоток) встречаются чаще других: железные клещи обнаружены в 11 погребениях, комбинация клещи-молоток – в 7 могилах. Стоит заметить, что почти все погребения с кузнечными инструментами содержали самые различные категории инвентаря (посуда, орудия труда, оружие, украшения, детали одежды, снаряжение верхового коня). Почти всегда кузнечный инвентарь сопровождало оружие.

В такой ситуации сложно интерпретировать подобные комплексы как исключительно захоронения кузнецов. В средневековом обществе кузнец мог одновременно воплощать в себе различные ипостаси: кузнец-воин-жрец [Львова и др., 1988, с. 108-112]. Такой человек, естественно, имел особое положение в социуме, и после его смерти население могло отразить в погребальном обряде всю специфику его деятельности. Подтверждением этому может служить одновременное присутствие в могиле кузнечных инструментов, оружия и культовых (экстраординарных) предметов (см., например: курган 12 Чердашного Лога-III, курган 1 Зырянского могильника, погребение 5 Могильника у Архиерейской Заимки). Однако, при всех интерпретациях необходимо учитывать и тот факт, что прижизненный и «посмертный» статус человека далеко не всегда напрямую соответствовали друг другу [Hodder, 1982].

Литература

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. – Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. – 256 с.

Беликова О.Б. Р.А. Ураев и его раскопки средневековых могильников в Причулымье // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 153-186.

Беликова О.Б. Возможности этнической интерпретации кургана XVI-XVII вв. юга Западной Сибири // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале.– М.: ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 422-424.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – 244 с.

Васютин А.С., Зиняков Н.М., Онищенко С.С. Кремированное погребение начала II тыс. н.э. с кузнечными инструментами и сопроводительным захоронением лошади на могильнике Порывайка // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 49-53.

Гаман А.Д. Отчет об археологических исследованиях курганного могильника Чердашный Лог-III в Томском районе Томской области в 1994 г. – 28 с. // Архив музея г. Северска, 1996 г.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, 1988. – 255 с.

Плетнева Л.М. Курганный могильник у деревни Могильники // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. – Вып. 5. – С. 94-102.

Плетнева Л.М. Погребения IX-X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – С. 64-87.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1997. – 350 с.

Плетнева Л.М., Гаман А.Д. Элитное погребение из кургана № 12 могильника Чердашный Лог-III // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 56-62.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 424 с.

Ширин Ю.В. Культурные особенности памятников Среднего Притомья в начале II тысячелетия // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы XIII Зап.-Сиб. археол.-геол. конф. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 225-229.

Hodder I. Symbols in action. Ethnoarchaeological studies of material culture. – Cambridge: Cambridge university press, 1982. – 256 p.

Д.П. Волков
Благовещенск, Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области

Домостроительные традиции найфельдского населения в Западном Приамурье

Археологические исследования памятника найфельдской группы мохэ на берегу оз. Белоберезового в Константиновском районе Амурской области, расположенного в 8 км к северу от р. Амур, произведенные в 2008 г., позволили детально исследовать особенности домостроительства на территории Западного Приамурья. Поселение состоит из 44 жилищных западин [Волков, Зайцев, 2008].

Жилище I, ориентированное углами по сторонам света, имело подквадратную в плане форму (4×4,2 м), ориентировано длинной осью в направлении юго-восток – северо-запад. Котлован копался с уровня коричневого суглинка, прорезал его и углублялся ниже в желтый песок. Общая глубина котлована относительно древней дневной поверхности достигала 100–110 см. В процессе строительства жилища края квадратного котлована осыпались, что привело к их округлению в верхней части, в том числе и углов. Нижняя граница жилища имеет относительно ровные очертания, четко отбиваемые обмазкой пола. Далее над котлованом сооружалась деревянная каркасная конструкция, основу которой составляли четыре стропила (жерди). Их нижние концы упирались за пределами углов котлована на уровне современной для строителей почвы. Верхние концы выводились под углом к середине жилища, образуя ребра пирамиды. Образованные стропилами четыре наклонные кровли были перекрыты уложенными по направлению от края котлована к верхней части жилища деревянными плахами, досками или тонкими жердями. Возможно, в процессе эксплуатации жилища, углы кровли жилища в рыхлом грунте начинали проседать, что привело к установке подпорных столбов в данных местах. Их нижний край заглублялся в пол на глубину от 15 до 25 см. Все обнаруженные угловые столбовые ямы имели наклон к внешней стороне котлована. Это говорит о том, что столбы в них устанавливались под углом к поверхности пола, подпирая стропила непосредственно у края котлована. Не исключено, что строители жилища, зная сыпучий характер грунта, в котором копался котлован, могли изначально устанавливать под стропила подпорные угловые столбы. Тогда данный элемент можно считать изначальной деталью каркасно-столбовой конструкции, что является особенностью домостроительства на данном поселении.

Вход в жилище представлял собой, по всей видимости, проем в кровле жилища, расположенный на северо-восточном скате, о чем свидетельствует наличие своеобразной ступени из грунта у данной стенки котлована.

Очаг в жилище располагался в его центральной части и представлял собой округлое углубление в полу постройки, что является обычным для дальневосточных жилищ (в том числе и найфельдской группы мохэ), наряду с использованием очага, укрепленного деревянными плашками, камнем и берестяной подстилкой [Кривуля, 1996].

В интерьере жилища у северо-западной и юго-восточной стены котлована сохранились остатки полок-нар. Они представляют собой уложенные на небольшие бревнышки-лаги широкие доски. Судя по толщине лаг, высота нар относительно уровня пола была незначительной. При этом полки-нары в обоих случаях, скорее всего, были частично разрушены при установке подпорных столбов в восточном и западном углах.

Пол жилища был обмазан слоем плотной темно-коричневой глины. Обмазка пола прослежена повсеместно по всей площади жилища, за исключением участков расположения столбовых ям и очага. Толщина слоя обмазки колеблется от 2 до 6 см в зависимости от уровня поверхности слоя песка, в котором было выкопано жилище.

Концентрация археологического материала, представленного, в основном, фрагментами сосудов и их археологически целыми формами (4 сосуда), связана с пространством вокруг очага и с полками-нарами.

Таким образом, жилище I было каркасным без рамы-основы, но с дополнительными подпорными столбами под стропила в углах котлована, имело форму пирамиды. Выход из жилища был в северо-восточном скате кровли, который оборудовался дополнительной земляной ступенью внутри котлована.

Жилище II имеет аналогичную с жилищем I ориентацию и структуру постройки. Размеры его составляют 4,3×3,6 м, длинной осью ориентированного на юго-восток – северо-запад. Общая глубина котлована относительно древней дневной поверхности колеблется за счет неровности пола, имеющего общее понижение к центру и северному углу постройки. Она составляет 86–110 см.

Некоторым отличием конструкции и эксплуатации жилища II от жилища I является установка подпорных столбов и обустройство полками-нарами. Основные подпорные столбы жилища II устанавливались на расстояние от 40 до 100 см. При этом возведение подпорных столбов производилось путем установки под кровлю, о чем свидетельствует их незначительное заглубление и наклонный след от столбовых ям. Остальные столбовые ямки на полу, возможно, также связаны с текущим ремонтом кровли и стен жилища.

Выход из жилища II располагался так же, как и в жилище I, в северо-восточном скате, о чем свидетельствует наличие своеобразной ступени из грунта у стенки котлована. Она представляла собой прямоугольный уступ размером 80 на 32 см и высотой 22 см относительно пола жилища.

Внутреннее обустройство жилища сводилось к установке полок-нар у трех стенок котлована (за исключением стороны, на которой располагался выход из жилища). Полки-нары сооружались на расстоянии 30–50 см от стен котлована, образуя, таким образом, некоторое пустое пространство, используемое, по всей видимости, для складирования вещей, продуктов, посуды. Следует отметить наличие у одной из полок-нар своеобразной спинки, изготовленной путем установки одной из широких досок на ребро и подпорку со стороны стенки жилища вертикальными распорками–столбиками. Зафиксированный на одной из полок-нар фрагмент берестяного листа позволяет предположить, что ее использовали в качестве подстилки на доски.

Таким образом, жилище II, так же как и жилище I, представляет собой каркасную постройку без рамы-основы, в форме пирамиды, с входом в северо-восточном скате кровли, который оборудовался дополнительной земляной ступенью внутри котлована. Жилища имели идентичную ориентацию, располагаясь в одну условную «улицу», параллельную кромке воды оз. Белоберезового.

Полученный археологический материал свидетельствует о принадлежности раскопанных жилищ памятника к одному периоду. Обнаруженные фрагменты сосудов, развалы и целые формы относятся к найфельдской группе [Дьякова, 1984], хотя на некоторых сосудах можно наблюдать смешение орнаментальных традиций гончарства троицкой группы мохэ, которые можно наблюдать на посуде из Новопетровского могильника, расположенного в устье р. Дунайки, вытекающей из оз. Белоберезового [Деревянко, 1975].

Литература

Волков Д.П., Зайцев Н.Н. Предварительные итоги археологического изучения жилищ найфельдской группы мохэ на озере Белоберезовом в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 157–159.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.

Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV-X вв. – М.: Наука, 1984. – 206 с.

Кривуля Ю.В. Раннесредневековые жилища Приморья // Освоение Северной Пацифики. – Владивосток, 1996. – С. 155-174.

В.В. Герман
Кемерово, Кемеровский государственный университет

История изучения средневековых памятников Северного Приангарья

В истории изучения памятников Северного Приангарья исследователи выделяют три хронологических этапа [Васильевский и др., 1988, с. 9-18; Гладилин, 1985; Леонтьев, 1999]. Первый этап – дореволюционный (с XVIII в. до 1917 г.), связан с первоначальным накоплением фактов о жизни древнего человека в Приангарье. В работах Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина упоминается о находках железных орудий и писаниц. В 70-х гг. XIX в. сбор материала в устье реки Чадобец проводил геолог И.А. Лопатин, а первые археологические раскопки предпринял в 1882 г. Н.И. Витковский [Гладилин, 1985, с. 4-5]. Он же провел разведку по долине Ангары, от Иркутска до устья Тасеевой, в ходе которой было открыто несколько местонахождений: Кежма, Климина, Каменка, Тасеева и др. Результаты поисковых работ позволили Н.И. Витковскому выдвинуть гипотезу, что Ангара в древности являлась речным путем, по которому распространялись древние культуры с Енисея в направлении Прибайкалья и обратно [Леонтьев, 1999, с. 5-6].

Для второго этапа (с 1917 по 1939 гг.) свойственно увеличение количества и качества археологических источников. Активную археологическую деятельность начинают вести краеведческие музеи. В начале 30-х гг. в связи с началом проектирования гидроэлектростанций на Ангаре развернулись крупные археологические исследования на территории Приангарья. В 1932 г. Иркутским краеведческим музеем и Восточно-Сибирским отделом географического общества была организована Ангарская археологическая экспедиция, которую возглавил А.П. Окладников. За семь лет экспедиция обследовала Ангару от истоков до устья. В ходе работ было выявлено большое количество археологических памятников, относящихся к различным эпохам – от палеолита до средневековья, среди которых: Усть-Кова, Паново, Кода, и др. [Леонтьев, 1999, с. 6-7].

Третий этап (с 1951 г. по настоящее время) связан с началом строительства электростанций на Ангаре. С 1951 по 1959 гг. под руководством А.П. Окладникова велись работы двух археологических экспедиций: Ангарской, работавшей в верховьях Ангары (1951-1955 гг.), и Братской в зоне затопления Братской ГЭС (1955-1959 гг.). С 1967 г. в зоне будущего Усть-Илимского водохранилища работала археологическая экспедиция Института истории, филологии и философии СО АН СССР, отрядами которой изучено более 90 разновременных памятников, на 32 произведены раскопки. В середине 1960-х годов раскопки памятников, попадающих в зону затопления, начинает вести экспедиция Иркутского государственного университета под руководством Г.И. Медведева. С 1973 г. в Северном Приангарье ведет раскопки Северо-Ангарская археологическая экспедиция Красноярского государственного пединститута под руководством Н.И. Дроздова и Археолого-этнографическая экспедиция Красноярского краеведческого музея. В 1982 г. Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР в Красноярске была открыта лаборатория археологии и палеографии Средней Сибири, отряды которой активно включились в археологические исследования в зоне строительства Богучанской ГЭС. По результатам этих экспедиций было опубликовано множество статей и монографий, защищены диссертационные работы [Хроностратиграфия.., 1990, с. 154-159; Леонтьев, 1999, с. 7-8; Леонтьев, Дроздов, 2003, с. 408-410].

Теоретическое осмысление памятников раннего средневековья на современном этапе было предпринято в рамках кандидатских диссертаций А.В. Гладилина [1985] и В.П. Леонтьева [1999]. А.В. Гладилиным была дана периодизация памятников железного века Северного Приангарья. В своей диссертации он опирается на материалы стоянок Пашина, Усть-Чадобец, Усть-Кова и др. [Гладилин, 1985, с. 5-10]. На основании данных радиоуглеродного анализа плавильных сооружений, а также учитывая их конструктивные особенности, предложенная им периодизация включает три этапа: первый этап – ковинский (V-II вв. до н.э.), второй этап – чадобецкий (I в. до н.э. – V в. н.э.) и третий этап – пашиновский (VI-XI вв. н.э.) [Гладилин, 1985, с. 11]. Период раннего средневековья, таким образом, совпадает по времени с концом чадобецкого и пашиновским этапом.

Позднее В.П. Леонтьев высказал несогласие с периодизационными построениями А.В. Гладилина, считая, что плавильные сооружения не могут быть достаточно надежным маркером культурных изменений. В отличие от А.В. Гладилина, он учитывает материалы погребений [Леонтьев, Дроздов, 1996] и, опираясь на сравнительно-типологический анализ инвентаря Северного При-

ангарья с датированными материалами соседних регионов и радиоуглеродные даты, предлагает другую периодизацию памятников железного века. Он делит железный век Северного Приангарья на два периода, каждый из которых подразделяется на два этапа. Первый период: первый этап – VIII-IV вв. до н.э., второй – IV-I вв. до н.э. Второй период: первый этап – I в. до н.э. – IV-V вв. н.э., второй – V-X вв. н.э. [Леонтьев, 1999, с. 17-19]. Раннее средневековье совпадает с хронологическими рамками второго этапа второго периода.

На сегодняшний день территория Северного Приангарья исследована крайне неравномерно. Наиболее изученными являются стоянки каменного века и памятники раннего железного века. За прошедшие два года в зоне затопления Богучанской ГЭС проводились крупномасштабные археологические работы, связанные с подготовкой ложа затопления ГЭС. В частности, в 2008 г. в результате исследований на памятнике Усть-Кова 1 (пункт 2, участок 2) был получен материал, имеющий аналогии в средневековых материалах Сибири: наконечники стрел типа «срезень», черешковые ножи, бронзовая ажурная бляха в виде птицы и многочисленные фрагменты керамических сосудов с обмазочно-валиковым декором. Судя по находкам и наблюдениям, местонахождение представляет собой территорию сезонных стоянок древних промысловиков – рыболовов и охотников, регулярно посещавших ее на протяжении длительного исторического периода (начиная со второй половины I тыс. н.э.). Новые исследования, без сомнения, расширят наши знания о культуре раннесредневекового населения Северного Приангарья.

Литература

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.

Гладилин А.В. Памятники железного века Северного Приангарья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1985. – 16 с.

Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 24 с.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки Сибири. Сер.: Археология и этнография. – 1996. – № 3. – С. 39-46.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Новые материалы железного века со стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье // Проблемы археологии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 408-411.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель экскурсии Междунар. симпозиума. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1990. – 185 с.

Е.В. Гриняева
Томск, Томский государственный университет

Погребальный обряд могильника Шайтан II

Могильник Шайтан II находится в Кожевниковском районе Томской области и входит в состав целого комплекса разнотипных средневековых памятников, получивших название Шайтанский археологический микрорайон [Зайцева и др., 2004].

Могильник расположен на коренной террасе Оби, которая в месте расположения памятников на 2-2,5 км удалена от основного современного русла, образуя обширную пойму.

На могильнике зафиксировано 22 курганные насыпи. Большинство из них нарушено грабительскими раскопами. Высота курганов варьирует от 0,25 до 1,3 м, их размеры от 2х3 м до 9х7 м.

На сегодняшний день исследовано 9 курганов, содержащих 13 погребений и еще одно грунтовое погребение, найденное при исследовании межкурганного пространства. Анализ инвентаря, пока, позволяет датировать памятник в широких рамках первой половиной II тыс. н.э. Предварительно могильник включен в круг памятников басандайской культуры [Зайцева, 2009].

Под курганными насыпями зафиксировано от одного до трех погребений. Один курган погребений не содержал. Основная масса погребений грунтовые, глубина в среднем 0,2-0,3 м, однако, есть погребение глубиной 0,6 м. Два погребения расположены под курганными насыпями на уров-

не древней дневной поверхности, одно было впущено в насыпь кургана уже после его возведения. Еще два погребения обнаружены в насыпях курганов, и, вероятно, были совершены там непосредственно в момент возведения кургана.

Особняком стоит одно грунтовое бескурганное погребение, найденное при исследовании межкурганного пространства. Необходимо отметить, что его обнаружение стало возможным исключительно благодаря принятой методике исследования памятника – вскрытием сплошной площадью. Никаких внешних визуальных признаков на современной дневной поверхности это погребение не обнаруживало, а расстояние до ближайшей курганной насыпи составляло 11,5 м.

В могилы помещалось по одному умершему. Только в погребении 2 кургана 17 был захоронен мужчина и двое детей. Еще одна могила вовсе не содержала останков погребенного. Подавляющее большинство умерших – 11 случаев – сориентированы головой на восток, и только в двух случаях – головой на север. Именно погребения с северной ориентацией (погребение 3 кургана 17 и погребение в кургане 11) разительно выделяются на фоне других обилием и разнообразием инвентаря. Погребение 3 кургана 17 интересно еще и тем, что оно, единственное из исследованных, является вторичным. Умерший был помещен в могилу после достаточно длительного промежутка с момента физической смерти, когда мягкие ткани и основная масса связок уже распались [Зайцева, 2006].

В большинстве случаев сохранность антропологического материала позволила выполнить половозрастные определения. В исследованных погребениях находились останки 4 мужчин 45-55 лет, 3 женщин 25-35 лет, девушки 16-18 лет и 5 детей.

Распределение инвентаря в исследованных погребениях, как уже отмечалось выше, весьма неравномерное. Выделяются два детских безынвентарных погребения. В трех случаях единственным предметом сопроводительного инвентаря являлся железный нож. Вообще железные ножи – самая распространенная категория инвентаря, встречены в 8 погребениях и чаще всего располагались в районе бедренных костей.

Пока мало данных для серьезных выводов по распределению инвентаря по половозрастному принципу. Отметим только, что бусы, серебряные серьги «знак вопроса» и височные кольца пока встречены только в женских захоронениях.

Что касается керамического комплекса – по материалам могильника полностью или частично реконструировано 17 сосудов. Непосредственно в погребениях сосуды находились в трёх случаях и были намеренно перевернуты кверху дном, причем, два из них в самых «богатых» погребениях. Судя по небольшим, по отношению к керамике поселенческих комплексов, размерам в могилу помещались индивидуальные сосуды, рассчитанные на прием пищи одного человека.

Целые и фрагментированные сосуды, встречающиеся в межкурганном пространстве, околокурганных ямах, у подошв насыпей курганов, как правило, значительно крупнее сосудов, находящихся в погребениях и, вероятно, намеренно или ненамеренно были оставлены на территории кладбища после коллективных тризн сразу после сооружения курганов или же при дальнейших поминальных ритуалах.

Отдельно необходимо остановиться на очень сложных комплексах, обнаруженных в курганах 10 и 6. Их исследования позволили реконструировать весьма сложный обряд погребения, связанный с сакрализацией процесса производства железа. Погребальное сооружение в то же время являлось объектом, в котором одновременно с захоронением производился (или имитировался?) процесс восстановления железа из руды. После чего поверх возводилась небольшая курганная насыпь [Зайцева, 2009]

Еще одной особенностью могильника Шайтан II является его очень небольшой размер по сравнению с другими некрополями этого времени, исследованными в Томском Приобье. Так, Астраханцевский могильник насчитывает 127 курганов, Басандайский – 97 курганов и могильник у устья Малой Киргизки – 92 кургана [Плетнева, 1997]. При этом, прямо вплотную к могильнику Шайтан II примыкают однокультурные поселенческие комплексы, вытянувшиеся сплошной «вереницей» по обской террасе (городища Шайтан I, II, III, IV, городища Усть-Шайтан и Усть-Таган, поселение Шайтан I), свидетельствующие о пребывании на этой территории достаточно большой для того времени массы населения. Исходя из этого, нам кажется возможным выдвинуть две гипотезы. Возможно, могильник функционировал какой-то очень короткий промежуток времени, несравнимо меньший по отношению к промежутку времени существования поселенческих ком-

плексов. Или же на данном некрополе погребения совершались только в каких-то экстраординарных случаях, а основная масса умерших захоранивалась где-то в другом месте.

Литература

Зайцева О.В. Практический опыт диагностики вторичности погребения: погребение 3 кургана 17 могильника Шайтан II // Современные проблемы археологии России: Мат-лы всеросс. арх. съезда. – Новосибирск, 2006. – Т. 2. – С. 420-422.

Зайцева О.В. Отчет о научно-исследовательской работе Шайтанской археологической экспедиции Томского государственного университета на территории Кожевниковского района Томской области в 2006 г.: исследования могильника Шайтан II. – Томск, 2009. – 216 с.

Зайцева О.В., Барсуков Е.В., Гусев А.В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области // Археологические микрорайоны Северной Евразии: Мат-лы науч. конф. – Омск, 2004. – С. 37-40.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 350 с.

А.И. Дроздова

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности изготовления предметов с эмалью (Русь, Византия, Франция) в X-XIII вв. Культурные взаимодействия и хронология

На протяжении долгого времени многие советские, и российские исследователи занимались изучением предметов с эмалью [Кондаков, 1892; Рыбаков, 1948; Корзухина, 1954] Но до сих пор остаются неразрешенными некоторые вопросы, среди которых я хотела бы выделить проблему технологии изготовления предметов с эмалью и этапы развития технологии во времени. В своей работе я рассматриваю предметы с эмалью, происходящие с территории Византии, Руси и Франции.

Эмаль представляет собой тонкое и прочное стеклообразное покрытие, наплавленное на поверхность металла. Существовало несколько техник производства предметов с эмалью – перегородчатая, выемчатая и совмещение техник–перегородчато-выемчатая. Техника перегородчатой эмали – это довольно сложный процесс: на металлическую основу (или в углубление в ней) напаивались перегородки высотой в 1,5 мм по контуру узора. И в образовавшиеся ячейки засыпалась эмаль в порошкообразном состоянии. Далее предмет обжигался, и процесс повторялся до полного заполнения ячеек эмалью. Затем предмет полировался [Hawthorne and Smith, 1985, p. 204]. Выемчатая техника отличалась от перегородчатой способом создания ячеек – углубления для каждого элемента узора вырезались острым инструментом, уже в них засыпалась эмаль. И процесс повторялся, как и было написано выше. Также существовало совмещение двух техник, когда углубление для узора вырезалось и затем в него напаивались перегородки. Данную технику можно назвать перегородчато-выемчатой.

Свое исследование я начну с предметов, происходящих с территории Византийской империи. По разным источникам [Dalton, 1911, p. 146] эмальерное дело появляется в Византии в IV-VI вв. Однако, на сегодняшний день датировка этих предметов подвергается сомнению. И поэтому с большей долей уверенности можно перенести эту дату в X в., в правление Константина Багрянородного, при котором мы наблюдаем расцвет производства и увеличение количества предметов с эмалью, произведенных на территории Константинополя. Большинство предметов с эмалью, происходящих из Византии, изготавливалось в перегородчатой технике. Во время правления династии Комнинов эмальерное дело достигло своей наивысшей точки развития. Мы фиксируем, что к началу XIII в. происходит снижение количества предметов с эмалью, скорее всего это можно связать с осложнившейся внутри- и внешнеполитической обстановкой в империи [Колпакова, 2005, с. 205]. Выбранный период (X-XIII вв.) можно охарактеризовать следующими предметами: X в. – сборная икона-мощевик с изображением праздничных сцен и святых; XI в. – триптих с изображение Деисуса; XIII в. – икона с изображением св. Федора Драконоборца. Все эти вещи

находятся в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге [ГЭ. Монастырь Св. Екатерины на Синае.., Русь, 2000, с. 235].

В 988 г. происходит крещение Руси. Это стало причиной теснейших взаимосвязей между Древней Русью и Византийской империей. Вследствие этого многие элементы культуры заимствуются Русью, в частности, связанные с христианской культурой. Переходят не только категории вещей, но и технология их производства. Подавляющее большинство предметов с эмалью, найденных на территории Руси, выполнено в перегородчатой технике. Однако Б.А. Рыбаков считает, что техника выемчатой эмали появляется на Руси в IX-X вв. Возможно, это стало следствием отношений с Верхним Дунаем и Рейном, которые известны по западным и арабским источникам [Рыбаков, 1948, с. 393]. Основными категориями предметов, происходящих с территории Руси, являются колты, бармы, рясны, нашивные бляшки, кресты-энколпионы etc [Рыбаков, 1948, с. 389]. К XIII в. вследствие нашествия монголо-татар технология производства предметов с перегородчатой эмалью на территории Древней Руси исчезает.

Следует также отметить, что помимо предметов с территории этих государств, на территории Франции в области Лимузен, с центром в городе Лиможе, происходит рост производства предметов с эмалью. Основной причиной этого можно считать то, что через данную территорию проходил паломнический путь в Испанию, в Саньтяго-де-Компостела к гробу св. Иакова Старшего. К XII веку здесь насчитывалось уже около тысячи церквей и каждая была основана на мощах какого-либо святого. Возникший здесь спрос на церковную утварь, я считаю, и сыграл определяющую роль в развитии эмальерного производства [Некрасова, 2009, с. 7]. Можно выделить характерную особенность для Лиможских эмалей. Она заключается в сосуществовании техник производства предметов с эмалью друг с другом на протяжении 4 веков. Мною было выделено 4 периода существования техник.

1 период – X – нач. XII в. – существование перегородчатой техники. Примерами этой техники могут служить 2 пластины (с изображением Луны и Христа во Славе), которые хранятся в Музее Метрополитан в Нью-Йорке.

2 период – кон. XI – нач. XII в. –время существования особой техники. Суть данной технологии производства заключается в том, что мастер работает с двумя пластинами. На пластине А вырезается общий контур будущего эмалевого изображения. На пластине Б, которая является нижней, напаиваются перегородки по тому же контуру (то есть образуется «бордюр»). Затем две пластины спаиваются вместе, в месте соединении перегородок на пластине Б и внешнего контура рисунка на пластине А. В сделанном таким образом медальоне в углубление напаивают основные необходимые перегородки. Примеров изделий, сделанных в такой технике на сегодняшний день известно довольно мало – всего 8. Основным примером может служить алтарь св. Фоя, который хранится в музее города Конка [Boehm, Tabuert-Delahaye, 1996,p. 68].

3 период – нач. XII в. – период существования перегородчато-выемчатой техники. Примерами данной техники можно назвать 2 пластины, хранящиеся в Лувре, во Франции. Это пластина со святой и пластина с изображением старца Апокалипсиса.

4 период – XII-XIII в. – время существования техники «классических» выемчатых эмалей. Продемонстрировать это можно большинством типов вещей с эмалью, произведенных в Лиможе, большая коллекция которых хранится в Государственном Эрмитаже.

Таким образом, после рассмотрения всех 4 этапов можно сказать, что сама технология производства развивается по линии упрощения производства. Хронологические рамки данных периодов пока можно установить только условно. Причиной этого является наличие небольшого количества материала, сохранившегося до наших дней.

В этой работе мною было выделено 4 основных типа технологии производства предметов с эмалью. Удалось проследить хронологическую последовательность этих периодов на территории Византии, Древнерусского государства и Франции. Это позволило совместить хронологию и технологию данных предметов, что привело к более четкому археологическому делению вещей. Благодаря этому теперь стало возможно передатирование, основанное на технологии производства предметов с эмалью.

Литература

ГЭ. Монастырь Св. Екатерины на Синае. Фонд Св. Екатерины. Каталог выставки. Синай. Византия. Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века. – СПб., 2000. – 488 с.

Колпакова Г. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. – СПб., 2005. – 527 с
Кондаков Н.П. История и памятники византийской эмали. – СПб., 1892. – 220 с.
Корзухина Г.Ф. Русские клады. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 230 с.
Некрасова Е.Н. Лазурь и золото Лиможа. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. – 203 с.
Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 687 с.
Boehm B.D., Tabuert-Delahaye E. Enamels of Limoges. 1100-1350. Catalogue of the exhibition. – NY.: Metropolitan museum of art, 1996. – 705 p.
Dalton O.M. Byzantine art and archaeology. – Oxford, 1911. – 680 p.
Hawthorne J.G. and Smith C.St. Theophilus. On diversis arts. – NY., 1985. – 305 p.

А.С. Зинченко
Томск, Томский государственный университет

Погребения с конской амуницией в Томском Приобье в эпоху развитого средневековья

Начало II тысячелетия н.э. в Томском Приобье ознаменовалось мощными миграционными процессами, связанными с движением носителей сростинского культурного облика на север [Плетнёва, 1997; Адамов, 2000]. По мнению большинства исследователей, эти процессы привели к формированию новой – басандайской культуры на территории Новосибирского, Томского Приобья и Кузнецкой котловины [Могильников, 1980; Плетнева, 1997; Савинов и др., 2006]. Вероятно, смена культурного облика населения этих регионов должна была отразиться и в погребальном обряде. В данном сообщении мы затронем только отдельный интересный сюжет – погребения, содержащие предметы конской амуниции. Необходимо сразу отметить, что для исследуемого периода они распадаются на две основные группы: погребения, в которых конская амуниция находится в комплексе с захороненной лошадью и погребения, содержащие предметы конской амуниции, но без останков лошади.

Изучены следующие погребальные памятники рассматриваемой эпохи: Астраханцевский, Басандайский, Еловский курганные могильники, могильник Шайтан II и могильник у устья Малой Киргизки [Плетнёва, 1997; Матющенко, Старцева, 1970; Зайцева, 2009].

Всего в погребальных памятниках Томского Приобья было зафиксировано 38 погребений, содержащих амуницию верхового коня (9% от всех исследованных погребений). Конская амуниция в комплексе с захороненной лошадью фиксируется в 23 случаях, которые включают в себя следующие варианты её положения.

1. В могиле вместе с человеком находятся череп и кости конечностей – «чучела» лошадей. При этом часть элементов конской амуниции находится в ногах погребенного, а другая часть на черепе лошади. (3 случая). Не исключено, что лошади при этом были взнузданы.

2. Конская амуниция находится рядом с останками коня в области живота и черепа животного, с погребённым детали снаряжения верхового коня при этом не фиксируются (13 случаев). Сопровождается или положением целого костяка (4 случая) или же черепом и конечностями лошади (9 случаев). В восьми случаях лошадь, возможно, была взнуздана.

3. Амуниция положена в ногах или на уровне пояса погребённого (5 случаев). Останки лошади при этом фиксируются в области ног умершего. Они представлены, в основном, конечностями и черепом животного, в одном случае фиксируются только череп коня.

4. В двух случаях положение конского снаряжения фиксируется над погребальной конструкцией, представленной берестяными чехлами. Интересно отметить, что останки сопровождающего животного при этом представлены только конскими черепами.

Конская амуниция в могиле с погребённым без останков коня встречена в 15 случаях, которые включают в себя следующие варианты: 1) в ногах погребённого (9 случаев); 2) положение амуниции вместе с человеческим костяком, на уровне пояса (1 случай); 3) положение на уровне погребальной почвы над могилой под курганной насыпью (1 случай). В четырех случаях точное положение амуниции не может быть установлено в виду того, что курганы были ограблены.

В рассматриваемых погребениях снаряжение верхового коня представлено следующими категориями.

Удила. Всего зафиксировано 32 находки. Положение: в 8 случаях у ног погребённого, в 14 случаях удила зажаты в челюстях животного или находятся у его черепа, в одном случае удила были зафиксированы на берестяном чехле, в двух случаях удила были зафиксированы в области таза погребённого, в семи случаях точное местоположение не удалось восстановить.

Стремена. Всего зафиксировано 24 случая нахождения одного или пары стремян. В 11 случаях стремена находятся в области ног погребённого. В четырёх случаях стремена фиксируются рядом с останками коня. Над погребальной конструкцией зафиксировано 2 случая и непосредственно в гробовище – 1 случай. В одном случае стремена зафиксированы в юго-восточной части могилы, еще в одном стремена зафиксированы «стоя» над могилой на уровне древней дневной поверхности. Нахождение стремян в засыпи могилы зафиксировано так же в одном случае.

Сёдла. Следы положения в могилу седла удалось зафиксировать в восьми погребениях, как правило, это железные и костяные обкладки лук седла, в одном случае встречен седельный пробой.

Остатки узды и её украшений. В одном случае встречены в ногах погребенного. В двух случаях они фиксируются на черепе лошади. Зафиксировано 3 султанчика. Один из них находился вместе с украшениями узды, еще два в области ног погребенного человека.

Таким образом, на территории Томского Приобья в начале II тыс. н.э. появляются погребения с конем и погребения конской амуниции без коня в самых разнообразных вариантах. При этом в раннем средневековье известно всего четыре случая фиксации костных останков лошади с человеком [Плетнёва, 1997], находки конской амуниции также очень редки и представлены удилами (3 случая) и одной подпружной пряжкой [Беликова, Плетнёва, 1983].

Рассматриваемая черта погребального обряда широко распространенна у носителей тюрских культурных традиций, как на востоке, так и на западе великой степи [Худяков, 1979, с 194; Нестеров, 1990; Плетнёва, 1958, с. 110]. Интересно отметить тот факт, что 39% от всех рассмотренных погребений с конской амуницией Томского Приобья не содержат останки коня. Нахождение деталей конской упряжи в могилах, не содержащих останков лошадей, находит аналогии у населения северо-западных предгорий Алтая, Верхнего Прииртышья и Новосибирского Приобья [Могильников, 2002; Савинов и др., 2006]. При этом В.А. Могильников считает, что погребения со сбруей коня, замещающие конские захоронения, появляются в X – начале XI в. у кимаков северо-западных предгорий Алтая [Могильников, 2002].

Существует также мнение, что положение конской амуниции в могилу, являлось актом снабжения умершего верхового животного всем необходимым ему в потустороннем мире и не может быть аналогичной конскому захоронению. Возможно, амуниция верхового коня, положенная вместе с человеком, также предназначалась коню, однако умершему ранее, чем погребённый, или съеденному во время тризны или поминок [Нестеров, 1990].

Литература

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-IX вв. – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – 256 с.

Беликова О.Б. Плетнёва Л.А. Памятники Томского Приобья V-VII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – 180 с.

Зайцева О.В. Отчет о научно-исследовательской работе Шайтанской археологической экспедиции Томского государственного университета на территории Кожевниковского района Томской области в 2006 г.: исследования могильника Шайтан II. – Томск, 2009. – 216 с.

Матющенко В.И. Старцева Л.М. Еловский Курганный Могильник I эпохи железа // Труды Томского государственного университета. – Томск, 1970. – Т. 206. – С. 152-174.

Могильников В.А. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 242-248.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племён Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 143 с.

Плетнёва Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. – 350 с.

Плетнёва С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. – 1958. – № 62. – С. 151-226.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 424 с.

Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 193-198.

Е.В. Зуев

Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

Каменные сооружения Тытту I-III на Алтае*

На территории Алтая множество каменных сооружений, у которых было различное назначение. Некоторые из них выполняли защитную функцию, укрывая своими стенами население и скот от нападавшего неприятеля. Некоторые являлись форпостами, защищая определенную территорию. Были и такие сооружения, которые использовались в хозяйственных целях, например, для загона скота. Среди множества этих сооружений присутствуют и те, назначение которых до сих пор не выяснено.

В 2002 г. В.И. Соёновым были обнаружены три объекта в долине р. Себистей. Поиск каменного сооружения в долине р. Себистей осуществлялся по сведениям А.В. Эбеля, который видел его в 1997 г., но не зафиксировал точное местонахождение. По устному описанию, удалось обнаружить на северном склоне г. Тытту, обращенном в долину р. Себистей каменное сооружение (объект Тытту III). Гора Тытту располагается в южной окраине Чуйской котловины в междуречье рек Кок-Озек и Себестей и относится к северным отрогам Южно-Чуйского хребта. В ходе дальнейших поисков были обнаружены еще два каменных сооружения: один на этом же склоне г. Тытту (объект Тытту II); второй на южном склоне г. Тытту, обращенном в долину р. Кок-Озек (объект Тытту I). Был составлен глазомерный план этих сооружений [Соёнов, 2008].

В полевой сезон 2009 г. сотрудниками научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии были повторно обследованы вышеупомянутые сооружения. На объектах производилась закладка шурфов для выявления характера культурного слоя и уточнение планов памятников.

Объект Тытту I находится на южном склоне г. Тытту, обращенном в долину р. Кок-Озек, в 1 км к северо-западу от русла Кок-Озека. Стена, идущая зигзагом, образует угол со сторонами СЮ и ЗВ. Третьей стороной служит скала, а четвертая сторона открытая. Стена сложена всухую. Ширина стены от 0,4 до 1 м, максимальная высота с внешней стороны 0,8 м. Нижние слои стены выложены из крупных камней в один ряд в ширину [Соёнов, 2008, с. 5]. В центральной части сооружения, заложен шурф. В слое гумусированой почвы были обнаружены фрагменты древесного угля, и маленький фрагмент кости.

Объект Тытту II находится под скалой на северном склоне г. Тытту, обращенном в долину р. Себестей, в 750 м к северо-западу от объекта Тытту I. Объект представляет собой остатки стены подовального в плане каменного сооружения размерами 17х16 м. Стена сложена всухую из камней и каменных плит. В центре восточной части остатков стены находится небольшой проход шириной 1 м [Соёнов, 2008].

Внутри сооружения были заложены два шурфа. Под дерновым слоем были обнаружены фрагменты древесного угля.

Объект Тытту III находится под скалой на северном склоне г. Тытту, обращенном в долину р. Себестей, в 350 м к северо-западу от объекта Тытту II. Объект представляет собой остатки стены каменного сооружения, идущего зигзагом и образующего в плане фигуру в виде несомкнутого овала размерами 20х14 м. Стена сооружена из больших камней и вкопанных вертикально каменных плит. Максимальная высота сохранившихся участков стены 0,7 м с внешней стороны. В юго-восточном секторе находится проход (ворота) шириной 2 м. В центре сооружения находится округлая оградка из вертикально поставленных каменных плит высотой до 1 м. Оградка округлой в плане формы, размерами 2,3х1,8 м [Соёнов, 2008].

* *Работа выполнена в рамках реализации проекта №2.1.3/6768 АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)»*

В центральной части сооружения был заложен шурф. Под дерновым слоем обнаружены фрагменты неорнаментированной керамики, фрагменты обугленных костей и фрагменты древесного угля. В центральной части обнаружен небольшой кусок шлака.

Назначения данных сооружений до конца не понятно. Идея о военном предназначении сооружений Тытту I-III исключается, поскольку у них слабые фортификационные возможности: у данных объектов не наблюдаются валы, рвы, и какие-либо дополнительные элементы обороны. Объекты расположены таким образом, что в случае нападения неприятеля они были бы легко досягаемы. В силу ландшафтно-планиграфической особенности расположения сооружения Тытту I-III абсолютно бесполезны как фортификационные сооружения, т.к. не создают препятствий для перемещения из долины в долину. Также они не могут являться и местом укрытия, пусть даже маленьких отрядов, в силу своих небольших размеров.

Использование данных объектов в хозяйственных целях либо в целях проживания также стоит под сомнением в силу нерациональности месторасположения и малых размеров. Все конструкции находятся на крутых склонах, вдали от воды, что неудобно для использования их как загонов для скота и проживания.

Возможно, вышеописанные конструкции использовали в ритуально-культовых целях. У всех сооружений присутствует вход, который ориентирован на восток, юго-восток. В каждом сооружении при закладке шурфа были обнаружены остатки древесного угля, костей животных, остатки керамической посуды, что, вероятно, свидетельствует о проведении каких-либо ритуальных действий в этих местах. Е.А. Окладникова описывает подобные кольцевые сооружения в соседней долине р. Елангаш и относит их к ритуальным сооружениям [Окладникова, 2000]. Данные конструкции находятся в долине, которая наполнена сакральными памятниками различных времен. Здесь присутствуют поминальные оградки тюркской эпохи, пазырыкские курганы, множество различных изваяний, стел и оленных камней. Это свидетельствует о том, что во все времена эта долина занимала очень важное и священное значение для жителей прилегающей территории. Время функционирования данных сооружений пока не определено, но дальнейшее исследование позволит разрешить и эту проблему.

Литература

Окладникова Е.А. Формы и функции сакральной архитектуры долины реки Елангаш // Святилища. Археология ритуала и вопросы семантики. – СПб., 2000. – С. 194-199.

Соёнов В.И. Горные каменные сооружения *шибе* южной окраины Чуйской котловины // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2008. – Вып. 7. – С. 5-8.

Р.Р. Ишмуратов
Астана (Республика Казахстан),
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Раннетюркские удила и псалий с городища Бозок

Во второй половине I – самом начале II тыс. н.э. на территории Центральной и Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири появился, достиг расцвета и исчез ряд крупных государственных образований, из которых наибольшее значение имели Древнетюркские и Уйгурский каганаты, государства кыргызов на Енисее и кимако-кипчаков на Иртыше. Оставленные населением этих государств памятники, представленные, в основном, «погребениями с конем», распространены в горно-степных районах Центральной и Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири, говорят о формировании в чрезвычайно широких географических пределах этих этнополитических объединений единого культурного пространства, которое может быть названо «древнетюркским», а время, когда оно существовало, древнетюркской эпохой [Кляшторный, Савинов, 2005].

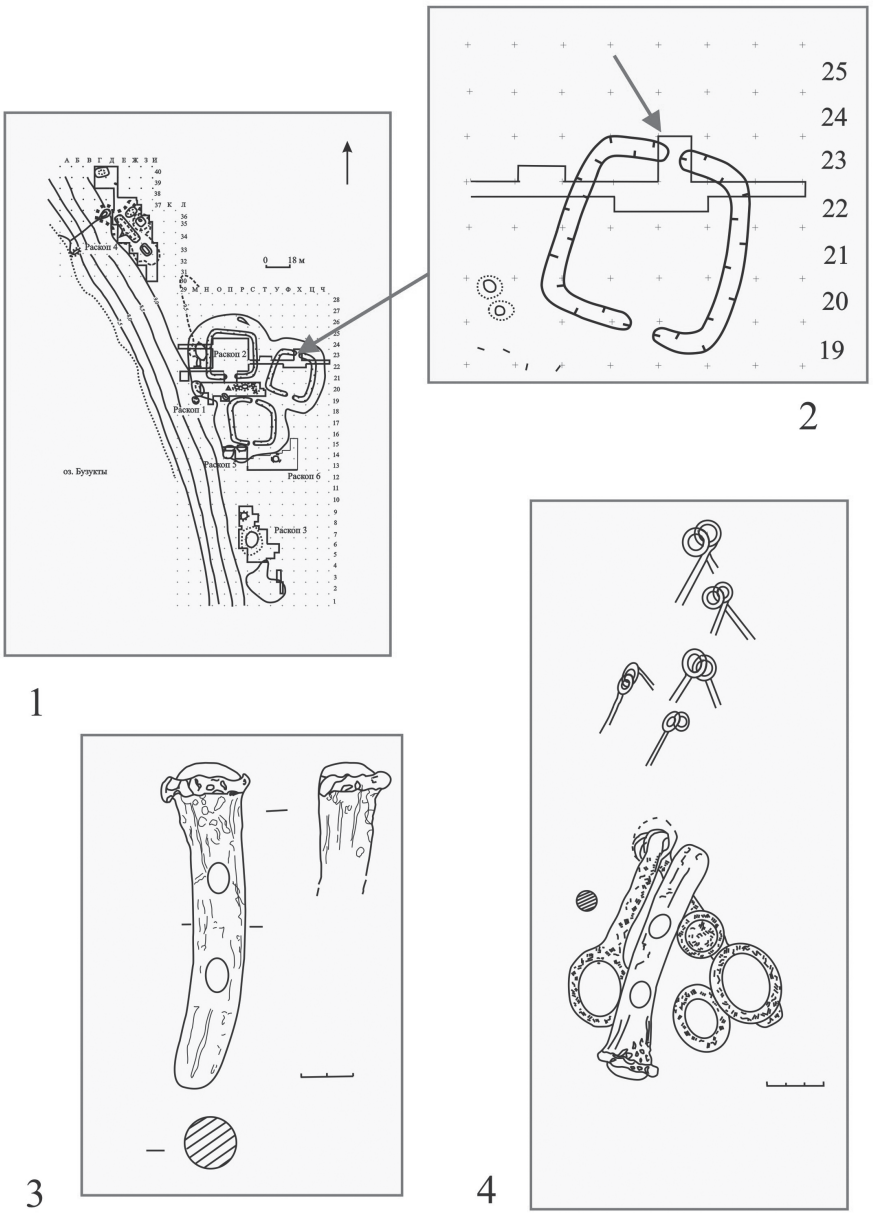
Конь играл огромную роль в жизни, в религиозных представлениях и ритуалах древних тюрок. Его значение в военном деле, хозяйственной и других сферах жизни кочевников невозможно переоценить. Именно поэтому конь занимал особое место в мировоззрении кочевников: был жертвенным животным в посвящении божествам, в погребально поминальном обряде и т.д. Обнаруженные в погребениях воинов лошади зачастую полностью экипированы. Предметы, относя-

щиеся к снаряжению верхового коня: удила и псалии, стремена, подпружные пряжки и различные украшения, обладают датирующими и этнопоказательными признаками. Удила и псалии наиболее массовый археологический материал в раннетюркских погребениях, как известно являющийся важной частью узды [Кубарев, 2005].

В 11 полевом сезоне 2009 г. сотрудниками Ишимской стационарной археологической экспедиции во время исследования городища Бозок были обнаружены роговые псалии и двукольчатые железные удила.

Городище Бозок расположено в 5 км от г. Астаны, на восточном берегу оз. Бузукты. Памятник занимает плоский возвышенный участок, поднятый над уровнем озера на 1-2 м. Сам памятник находится в 6 км на восток от с. Ильинка.

Городище Бозок (рис. 1) состоит из трех обособленных групп (центральной, северной, южной), вытянутых по линии север-юг, на площади 400х200 м. Центральная часть городища образована тремя сооружениями подквадратной формы, занимающими общую площадь 150х120 м [Акишев, 2008].



Городище Бозок: 1 – топоплан; 2 – место обнаружения костяка лошади; 3 – псалий; 4 – взаимоположения удил и псалия, варианты совмещения сегманта удил

В ходе исследования фортификационных сооружений на дне рвов при входе внутрь площадок кварталов были обнаружены ритуальные захоронения: во рву северного квартала (рис. 4) челюсть

лошади (кв. 21/П), восточном конце рва (рис. 4) расчищена передняя часть костяка лошади (кв. 23/Х). В неполном костяке голова лошади ориентирована на восток. Над черепом найдены две пары железных кольчатых удил и стержневидный псалий из рога. Задняя часть костяка лошади находится под невскрытой частью рва. В заполнении рвов встречаются фрагменты керамики.

Обнаруженные элементы конской узды представляют собой железные двукольчатые по форме удила с дополнительным кольцом для повода (рис. 2). Стержни прямоугольные в сечении длиной 7,5 см. Кольца миндалевидной формы. Диаметр дополнительного кольца – 2 см. Псалий роговой стержневидный, двудырчатый длиной 10 см (рис. 3). Верхний конец сохранил кольцо основания, с противоположной стержень рога округлен. Отверстия диаметром 1 см. Подобные псалии исследователи относят к удилам катандинского типа и датируют VII-VIII вв. [Кубарев, 2005].

Аналогичные удила с двудырчатыми псалиями были обнаружены в 6 кургане могильника Боротал 1. Выделены Г.В. Кубаревым в тип 3 [Там же]. Такие же двудырчатые псалии, но датируемые раннепазарыкским этапом, были найдены в могильнике Боротал 1 кургане 99 [Кубарев, Шульга, 2007]. Подобные двудырчатые псалии найдены в могильнике Ала-Гаил курган 1, датируются исследователями позднепазарыкским этапом [Там же]. Аналогичные псалии были обнаружены в Четвертом Пазарыкском кургане [Кубарев, Шульга, 2007].

Вследствие того, что удила и псалии были обнаружены в нижних слоях городища, этот факт позволяет археологам опустить ниже хронологическую рамку возникновения городища, т.е. к VII-VIII вв. Это время бытования на данной территории кыпчакских племен. На основе этих гипотез можно проследить этапы миграций кочевых масс раннего средневековья.

Литература

Акишев К.А. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Мат-лы Междунар. полевого семинара. – Астана: Евраз. нац. ун-т, 2008. – 2008 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по погребальных памятников). – Новосибирск, 2005.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазарыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул, 2007. – 281 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб., 2005.

С.С. Кожевникова

Благовещенск, Благовещенский государственный педагогический университет

Керамика найфельдской группы мохэ по результатам археологических исследований памятника Войково, Селище–2

В 2008 г. археологическим отрядом «Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» под руководством Д.П. Волкова были начаты стационарные исследования раннесредневекового поселенческого комплекса на оз. Белоберезовом [Волков, Зайцев, 2008].

По результатам исследования памятника Войково, селище–2 керамический материал представлен развалами сосудов разных размеров, донышками сосудов, мелкими фрагментами сосудов.

В жилище I было найдено 3 археологически целых сосуда, два из них горшковидной формы. Один из сосудов был небольшого размера и довольно грубой работы, но имеющий свои специфические черты. Это единственный сосуд, венчик которого украшен двойным налепным валиком, соединенным между собой рассеченными вертикальными параллельными насечками. Второй сосуд, также горшковидной формы, был обнаружен на границе квадратов 15 и 24, венчик сосуда украшен налепным валиком, рассеченным вертикальными параллельными насечками. Третий сосуд, найденный в этом жилище, по своей форме можно отнести к типично троицким банкам, между тем орнаментация, которая представлена в двух зонах – венчик и плечики сосуда – смешенная найфельдская и троицкая. Венчик сосуда украшен налепным валиком, рассеченным вертикальными параллельными насечками. Плечики сосуда украшены узким налепным валиком треугольного сечения с явными следами примазки к телу сосуда.

На дне жилища II был обнаружен сосуд горшковидной формы с двумя орнаментальными зонами. Венчик украшен налепным валиком, рассеченным вертикальными параллельными насечками,

и плечики сосуда, орнамент которых представлен врезной поперечной волнистой линией. Второй сосуд, найденный в этом жилище, банковидной формы, с одной зоной орнаментации. Венчик сосуда украшен налепным валиком, который рассечен косыми насечками, выполненными округлой палочкой, в виду чего валик имеет волнистую форму.

Сосуды выполнены из теста хорошего качества, в качестве отощителя использовался песок крупного и среднего размерного ранга, следы которого четко прослеживаются на изломе. Керамика плотная и крепкая на излом. Почти на всех сосудах видны следы нагара, на некоторых сосудах имеются следы копоти. В среднем, соотношение донышка к венчику ≈ 1:1,8, донышка к горловине ≈ 1:1,5, донышка к тулову ≈ 1:1,7.

Рассмотрение полученных форм сосудов позволило классифицировать их по нескольким типам.

Горшки – 3 шт, имеют две орнаментальные зоны. Первая представлена выпуклым орнаментом в виде налепных валиков (одного или двух), рассеченных косой насечкой, вторая – врезным орнаментом в виде волнистой прочерченной линии.

Банки – 2 шт, прямые по форме, плечики слабо выделены, имеют налепной валик по венчику, рассеченный косой насечкой. Тулово сосудов в одном случае украшено налепным валиком, в другом орнаментация отсутствует.

Так же в заполнении жилища I была найдена горловина сосуда, которая имеет две орнаментальные зоны – венчик и плечики. Первая представлена выпуклым орнаментом в виде налепного валика, рассеченного косой насечкой насечкой и украшенного небольшими утолщениями – «шишечками». Вторая орнаментальная зона представлена узким налепным валиком по телу сосуда.

Еще один сосуд, выявленный в ходе раскопок, располагался на дне второго жилища. Работа с этим сосудом была крайне затруднена в виду плохого качества теста, из которого он сделан. Керамика хрупкая, рыхлая, слоится. В качестве отощителя использован песок крупного размерного ранга, фракции которого видны как на сломе стенки сосуда, так и на внешней поверхности стенок. На выявленном развале четко прослеживаются две орнаментальные зоны: налепной валик по венчику, который имеет ушковидные утолщения в виде «шишечек», выступающих наружу и слегка свисающих вниз. Кромка налепного валика рассечена косыми параллельными насечками, выполненными тонким острым предметом. Налепной валик на плечиках сосуда имеет треугольное сечение.

Отдельного внимания заслуживает группа керамического материала, выявленного в жилище II, представленного донными начинами сосудов. Все выявленные донышки были сосредоточены в юго-западной части жилища, под плахами-нарами. Донышки выполнены лепным способом, путем приставления первой ленты на плоскую лепешку и дальнейшей ее подлепки и замазки. На всех фрагментах видны следы лощения по сырой штукатурке параллельными движениями лощилом снизу вверх.

Наличие большого количества донышек в жилище и их расположение под нарами может говорить о их вторичном использовании в качестве кружек или небольших чашек – мисок.

Подводя итоги по обнаруженным формам керамических сосудов, следует отметить, что все выявленные сосуды по своей форме, орнаментации полностью соотносятся с известными по литературе видами орнамента и формами сосудов найфельдской группы мохэской археологической культуры [Дьякова, 1984]. Исключение представляет один сосуд, выявленный в жилище I. Его форма соответствует троицкой керамике, при этом орнаментация остается типично найфельдской, что говорит о взаимопроникновении традиций керамического производства. Подобные сосуды наиболее характерны для сосудов троицкого типа, но, тем не менее, ранее были отмечены при раскопках найфельдских памятников в регионе (могильник у с. Новопетровка, расположен в устье р. Дунайка, вытекающей из оз. Белоберезового [Деревянко, 1975], могильник Шапка, расположенный в 32 км к востоку [Нестеров,1998]. Наличие подобной керамики в найфельдских памятниках свидетельствует о взаимовлиянии двух соседствующих на одной территории групп населения [Нестеров, 1998].

Литература

Волков Д.П., Зайцев Н.Н. Предварительные итоги археологического изучения жилищ найфельдской группы мохэ на озере Белоберезовом в Амурской области // Проблемы археологии,

этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 157–159.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.

Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV-X вв. – М.: Наука, 1984. – 206 с.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОР АН, 1998. – 183 с.

Н.Г. Комова
Томск, Томский государственный университет

Некоторые особенности детских погребений эпохи развитого средневековья на территории Томского Приобья

Анализ демографических характеристик и реконструкция социальной структуры общества – одни из наименее исследованных вопросов в истории Томского Приобья эпохи развитого средневековья [Басандайка, 1947; Беликова, Плетнева, 1983; Плетнева, 1997 и др.]. В данной работе мы остановимся только на небольшом сюжете – снабжении украшениями детских погребений.

Не секрет, что всесторонний анализ украшений, обнаруженных в погребениях, позволяет делать выводы относительно характера культурных контактов населения, половозрастного и социального статуса погребенных, реконструкции костюма и др.

На территории Томского Приобья достаточно полно исследован ряд могильников, содержащих материал X-XIV вв.: Басандайский курганный могильник, Астраханцевский курганный могильник, могильник у устья р. Малой Киргизки, могильник Шайтан II [Басандайка, 1947; Плетнева, 1997; Зайцева, 2009]. К сожалению, грабительские раскопы и плохая сохранность костного материала не во всех случаях позволяют определить половозрастные характеристики погребенных. На Басандайском могильнике исследовано 88 захоронений, 42 из которых определены: 21 – детские захоронения, 3 – подростковые, 18 – взрослых. Значительно лучше сохранность костяков в Астраханцевском курганном могильнике: из 105 погребенных определено 92. Из них 76 погребений взрослых и 16 детских. Из 14 погребений могильника Шайтан II, содержащих 17 погребенных, пол и возраст определен в 13 случаях: 8 – взрослых и 5 детей. Наихудшая сохранность костного материала в Усть-Малокиргизском могильнике. Из 94 погребений определены только 8 взрослых и 4 детских костяка. Всего исследовано 49 детских погребений из них до 1 года – 5; дети до 7 лет – 20; дети 7-12 лет – 2; подростки 13-16 лет – 2; возраст точно не установлен в 20 случаях.

Несмотря на однокультурность исследуемых могильников и их территориальную близость, нельзя не заметить особенности детских захоронений на каждом памятнике. Так, например, детские погребения Басандайского могильника (XI-XIV вв.) составляют 27% всех погребений могильника. Отдельные курганы содержат только детские захоронения, что, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует об их обособленности [Соловьева, 2007, с. 276]. На этом же могильнике исследовано единственное захоронение ребенка с лошадью [Басандайка, 1947]. На Басандайском могильнике зафиксированы детские погребения с рамой-обкладкой, берестяным чехлом, в деревянном гробовище [Соловьева, 2007, с. 277]. Детские захоронения на этом могильнике выделяются обилием погребального инвентаря, особенно украшений, в отличие от взрослых погребений.

Уникальной особенностью могильника Шайтан II являются два детских погребения, совершенных в металлургических объектах, находящихся непосредственно на территории некрополя [Зайцева, 2009, с. 35-37, 50-56].

В рассматриваемых могильниках имеются погребения, в инвентарь которых входят украшения: в Астраханцево – 20 погребений из 80 инвентарных (1 – женское, 2 – мужских, 7 – детских, 10 – не определено), в Басандайке – 45 из 88 (5 – женских, 5 – мужских, 18 – детских, 20 – не определено), в Усть-Малокиргизском – 46 из 84 инвентарных (2 – женских, 2 – мужских, 4 – детских и 38- не определены), в могильнике Шайтан II – 6 из 12 (3 – женских, 1 – мужское,1 – детское, 3 – не определено).

Как можно отметить, большинство украшений приходится на детские погребения. Они отличаются также отсутствием кресал, топоров–тесел, предметов снаряжения коня, чаще всего встречаются ножи и керамические изделия, очень редко – железные наконечники стрел. Вместо бытовых предметов, в детских захоронениях почти всегда присутствуют:

– большое количество стеклянных (пастовых) и каменных бусин (10-40 экз.), лазуритовых подвесок (3-10 экз.), бисера и пронизок;

– в районе черепа – бронзовые или серебряные серьги в виде кольца и знака вопроса, часто с напускной бусиной или привеской;

– бубенчики;

– а также подвески (прорезные в виде 6-лучевой звезды, лунницы, шумящие подвески и т.д.).

Анализ распространения украшений в детских и подростковых захоронениях позволяет поставить несколько интересных вопросов.

Не исключено, что большую часть украшений, например, подвески, браслеты на самом деле на детей, тем более – очень маленьких, при жизни не надевали. Набор украшений мог помещаться в могилу и выполнять функции оберегов, способствовать возрождению души ребенка и т.д.

Не исключено также и то, что погребения с наиболее разнообразным и многочисленным набором украшений могли отражать социальный и имущественный статус семьи погребенных детей.

Литература

Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та и Томск. гос. пед. ун-та, 1948. – Т. 98. – 250 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – 244 с.

Зайцева О.В. Отчет о научно-исследовательской работе Шайтанской археологической экспедиции Томского государственного университета на территории Кожевниковского района Томской области в 2006г.: исследования могильника Шайтан II // Архив музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. – Томск, 2009. – 216 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам).- Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 350 с.

Соловьева П.В. Детский погребальный обряд в период раннего и развитого средневековья на территории Среднего Приобья // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 274-278.

К.Ю. Коробкова

Кемерово, Кемеровский государственный университет

Религиозные верования и традиционные представления оседло-земледельческого населения на территории Казахстана

Многолетние археологические исследования на территории Казахстана выявили многочисленные источники, свидетельствующие о существовании в эпоху средневековья нескольких религий – зороастризма, буддизма, христианства (несторианского толка), ислама. Свидетельства археологических источников подтверждаются краткими сведениями средневековых авторов – Ибн Хордадбех, Ибн Хаукаль, Ал-Макдиси, Рубрук.

Религиозные представления составляли важную часть духовной жизни средневекового общества. Исходя из этого, данная тема давно интересовала исследователей. Отдельные сюжеты изучаемой темы нашли отражение в трудах Б.А. Железнякова, В.Д. Горячевой, З.Ж. Шарденовой, Ф.П. Григорьева. Большой вклад в изучение религиозных верований жителей средневекового Казахстана внесли К.М. Байпаков и Г.А. Терновая.

В результате археологических работ, проводимых на средневековых городищах Казахстана, был выявлен комплекс находок, характеризующих такую религию как зороастризм. Признаки этой религии можно проследить по памятникам архитектуры и искусства, оформлению интерьеров культовых помещений, атрибутам, используемым в обрядовой практике. Так, в Таласской долине и на юге Казахстана было найдено множество сосудов с антропоморфными признаками. Сосуды использовались в религиозных ритуалах. Три орнаментальные зоны, расположенные на туловах одна

под другой, связаны с представлениями о трехчастном делении мироздания на «верхний», «средний» и «нижний» миры. По комплексу выделенных признаков удалось установить, что сосуды из Таласской долины изображают зороастрийских богов: Зервана, Митру, Сраошу, Анахиту, Армаити, Амеретат [Байпаков, 2007]. Зороастрийским является дворцовый храм на городище Куйрыктобе, которое отождествляется с городом Кедер – столицей округа Фараб в IX-XI вв. Возвышение круглой формы в культовом помещении Куйруктобе является алтарем-престолом, на котором, по предположению К.М. Байпакова, «в специальном вместилище был установлен священный огонь. В парадном зале дворца, выполнявшем функции культового зала, проводились обрядовые церемонии, совершались ритуалы, связанные с культом, отмечались религиозные и народные праздники» [Байпаков, 2007, с. 418]. На стенах центрального зала дворца на городище Куйрыктобе были размещены доски с изображением сюжетных сцен, выполненные высокохудожественной резьбой. Основу композиционного построения досок составляют три арки, сопоставимые с тремя сферами мироздания: неба, земли, воды. По-видимому, боги из трех сфер, соответствующих трем мирам мироздания – верхнему, среднему и нижнему, – благословляют правителя на власть. Три части северо-западной стены могут быть связаны с тремя эрами зороастрийской мифологии – Творения, Смешения и Разделения. Также в домах Куйрыктобе были найдены богато украшенные очаги нескольких типов: так называемые очажки; вмазанные в пол жаровни-тазики, украшенные резным и штампованным орнаментом растительного, геометрического и архитектурного характера; очаги в виде цилиндров с широким выступом-упором внизу. Большинство исследователей связывает богато украшенные очажки с культом огня. Очаги являются ярким доказательством распространения культа огня на территории средневекового Казахстана [Торланбаева, 2008].

Новые исследования показали, что в Семиречье в X-XI вв. также имел распространение буддизм в то время, когда здесь утвердился ислам. Археологические исследования, которые проводились на городище Антоновка (Каялык), открыли здесь остатки буддийского храма. Керамика, найденная на полу центрального зала и коридоров, датируется XIII в. Буддийские изделия были обнаружены и на городище Талгар, отождествленном со средневековым городом Тальхиром. Здесь в слое XIII в. была найдена вырезанная из кости фигурка сидящего Будды. С этой религией связаны также наскальные изображения Будды и тибетские надписи. Одно из наиболее известных изображений находится на правом берегу Или в Капчагайском ущелье и называется Тамгалы-Тас. На скалах высечено три изображения. Первое, левое, является образом Будды Сакьямуни в период достижения нирваны или просветления под «древом мудрости». Среднее изображение показывает Будду, сострадающего Авалакиту. Правое изображение – это Манла Будда (Будда медицины). Политические события прошлых веков приводили к разрушению храмов, уничтожению верующих и упадку религий. Так было с буддизмом и в Жетысу. Однако, наследие буддийской культуры до сих пор сохранилось в археологических памятниках.

В VII-VIII вв. в Казахстане появляется несторианство. О христианах Илийской долины, которые имели свою церковь в Каялыке и селении рядом, сообщает Гильом Рубрук. Известно, что на берегу Иссык-Куля в XIV в. стоял христианский монастырь. Находки, связанные с несторианством в семиреченских и южноказахстанских городах, достаточно убедительно подтверждают сведения письменных источников. Это остатки христианской церкви, раскопанной на городище Ак-Бешим. Она состояла из квадратной в плане постройки, перекрытой куполом, и прямоугольного двора. При раскопках некрополей городов Джамуката (городище Костобе) и Навакета (городище Красная Речка) были обнаружены захоронения христиан с серебряными и бронзовыми крестами. На городище Кара-Джигач в Чуйской долине были найдены кайраки – надгробные камни XIII-XIV вв. с несторианскими надписями и символикой. Несторианство – «еретическая секта» приверженцев священника Нестория, возникшая в восточной Римской империи в первой половине V в. По мнению Нестория, Мария родила не божество, а человека-Христа. В результате жестокого гонения несторианцы вынуждены были бежать сначала в Иран, а затем на Восток по Великому Шелковому пути. Так христианство проникло на территорию Семиречья.

Археологические раскопки памятников IX – начала XIII вв. свидетельствуют о формировании в Жетысу городской мусульманской культуры. История распространения ислама на территории Казахстана относится к эпохе средневековья и связана с арабскими завоеваниями Средней Азии и Южного Казахстана. В X в. ислам был объявлен государственной религией. По мере роста населения, исповедующего ислам, в городах строятся соборные мечети. Остатки одной из них были обнаружены при раскопках городища Куйрыктобе. Мечеть находилась в центре городища на пере-

сечении магистральных улиц. К X-XI вв. относится постройка мечети в одном из крупнейших городов Семиречья – Баласугане. Сама мечеть не сохранилась, однако минарет возвышается на развалинах города до сих пор. При раскопках Куйрыктобе найдены глиняные черепки с записями сур Корана, предназначенных для заучивания, что свидетельствует о распространении в городах арабской письменности и языка. Над могилами проповедников ислама возводились мавзолеи. Так, сооружение, включающее в себя мечеть и мавзолей, построенное над могилой Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане, является одним из чудес света. Таким образом, многие стороны жизни средневековых обитателей Казахстана становятся все более ясными благодаря археологическим открытиям.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что в Семиречье были сильны традиции древних религиозных верований, где, несмотря на распространение ислама, по-прежнему сохранились зороастризм, христианство несторианского толка, буддизм. Археологические находки подтверждают синкретизм духовной и материальной культуры.

Литература

Байпаков К.М. Великий шелковый путь на территории Казахстана. – Алматы, 2007.

Торланбаева К.У. Синкретизм – основа религиозных воззрений народов Центральной Азии // Мат-лы междунар. конф. – Астана, 2008.

Д.Г. Кудряшов
Владивосток, Дальневосточный государственный университет

Красная Сопка II (материалы 2009 года)

Памятник Красная Сопка II расположен в Кировском районе Приморского Края в 3 км северо-восточнее пос. Кировский на сопке, расположенной на западном берегу реки Уссури. Современная дневная поверхность памятника покрыта вторичным дубняком, молодым смешанным подлеском, многолетней кустарниковой и травянистой растительностью. Присутствуют следы антропогенного разрушения.

В 1995 г. сотрудниками Научно-Производственного Центра по охране и использованию памятников истории и культуры А.А. Крупянко и В.В. Осецким проводились плановые работы по археологической паспортизации памятников Кировского района. В результате на памятник Красная Сопка II был подготовлен пакет первичной охранной документации для постановки памятника на гос.охрану.

В 2007 г. экспедицией Дальневосточного государственного университета объект исследовался шурфовкой. В результате анализа полученного материала был сделан вывод о принадлежности памятника к финальному этапу существования государства Бохай (698-926 гг.). В 2008 г. на территории памятника был заложен пробный раскоп площадью 5 х 5 кв.м. Культурный горизонт был зафиксирован на глубине ≈ 0,10 м от современного состояния дневной поверхности. Мощность культуросодержащих отложений 0,75-0,80 м [Кудряшов 2008]. В 2009 г. исследования на памятнике продолжились. Был заложен раскоп общей площадью 50 кв.м. В результате работ была собрана коллекция остеологических и керамических материалов, а так же коллекция изделий из металла (рис. 1 – 1-5, 7-15, 17-20) и кости (рис. 1 – 6, 16).

Коллекция остеологического материала представлена останками рыб и зубами, костями лап, фрагментами ребер и позвонков различных животных.

Изделия из кости представлены костяной пластинкой без орнамента (длина 9,5 см, ширина 1,1 см, толщина 0,1 см) (рис. 1 – 6) и костяным наконечником стрелы (длина пера 5,4 см, ширина пера 1,2 см, общая длина 7,4 см), ромбовидным в сечении, с небольшими плечиками и уплощенным черешком (рис. 1 – 16). На черешке имеются косые и продольные насечки, которые нужны для более надежного склеивания наконечника с древком стрелы.

Керамический материал представлен фрагментами сосудов и фрагментами глиняных крышек. В целом толщина стенок варьируется от 0,2-0,3 до 1-1,5 см. Окраска излома в большинстве случаев однородна. Венчики встречаются единицеобразные, слегка отогнутые наружу, отогнутые под углом 90 градусов. Большинство венчиков орнаментировано налепным валиком.

Основные мотивы орнаментации стенок: прочерчивание горизонтальных линий (от 1 до 4), сетчатый орнамент с ромбической формой ячеек, оттиски арко- и волнообразного штампа.

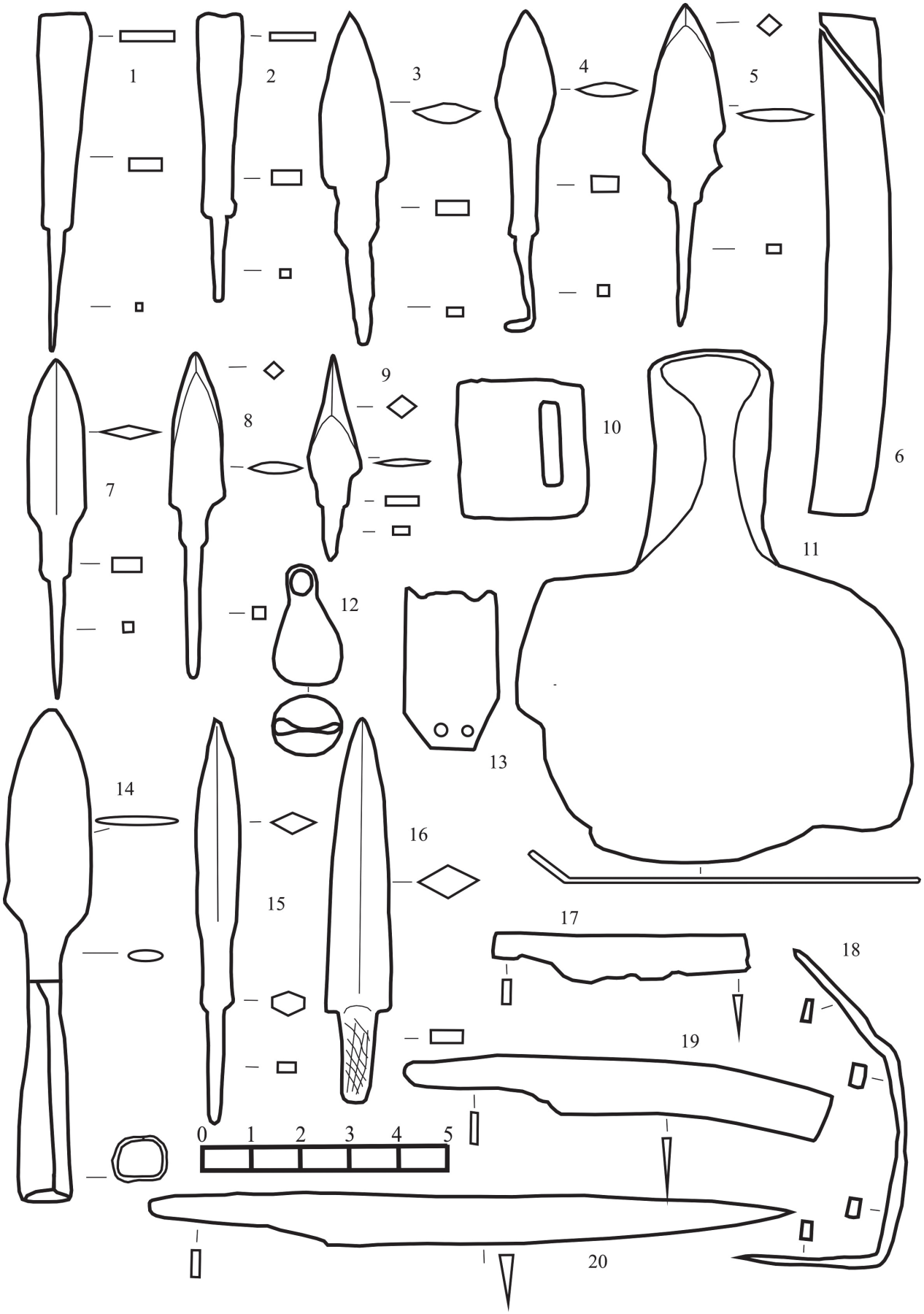


Рис. 1. Красная Сопка II. Костяные и металлические изделия

Коллекция изделий из металла включает в себя: скобку (длина зубцов 2,5 см, общая длина 9 см) (рис. 1 – 18); фрагмент нижнего края пластины (ширина 1,7 см, длина 2,3 см) со срезанными углами и двумя отверстиями круглой формы (рис. 1 – 13); 1 фрагмент лопаты (длина 10 см, ширина 7,7 см, диаметр втулки 2 см) (рис. 1 – 11); пряжку прямоугольной формы (длина 2,3 см, ширина 2,5 см, толщина 0,1 см) (рис. 1 – 10); фрагмент ножа с треугольным в сечении клинком и прямоугольным в сечении черешком (длина фрагмента 4,5 см) (рис. 1 – 17); нож с треугольным в сечении клинком и прямоугольным в сечении черешком (длина клинка 8,1 см, длина черешка 3,4 см) (рис. 1 – 20); фрагмент ножа с изгибающимся к острию клинком треугольным в сечении и прямоугольным в сечении черешком (длина черешка 2,5 см, общая длина фрагмента 7,7 см) (рис. 1 – 19); черешковый прямой срезень-лопаточку (длина пера 3,7 см, ширина 0,9 см, общая длина 5,4 см) (рис. 1 – 2); черешковый прямой срезень-лопаточка (длина пера 4,1 см, ширина 1,1 см, общая длина 6,5 см) (рис. 1 – 1);черешковый килевидный наконечник стрелы линзовидный в сечении (длина пера 4,2 см, ширина пера 1,2 см, общая длина 6,6 см) (рис. 1 – 3); черешковый листовидный наконечник с длинной шейкой (общая длина 6,3 см, ширина пера 1,1 см, длина пера 4,1 см) (рис. 1 – 4); черешковый килевидный наконечник стрелы ромбический в сечении (длина пера 4,1 см, ширина пера 1,1 см, общая длина 6,5 см) (рис. 1 – 7); черешковый наконечник стрелы линзовидный в сечении с выпуклыми сторонами и вогнутыми плечиками (длина пера 3,7 см, ширина пера 1,6 см, общая длина 6,1 см) (рис. 1 – 5); черешковый килевидный наконечник стрелы линзовидный в сечении с прямыми плечиками (длина пера 3,2 см, ширина пера 1,0 см, общая длина 6,1 см) (рис. 1 – 8); черешковый ромбовидный наконечник стрелы с бронебойным острием (длина пера 2,7 см, ширина пера 0,9 см, общая длина 4,0 см) (рис. 1 – 9); черешковый ланцетовидный наконечник стрелы ромбический в сечении (длина пера 50,6 см, ширина пера 0,9 см, общая длина 7,6 см) (рис. 1 – 15); втульчатый килевидный наконечник стрелы линзовидный в сечении (длина пера 5,0 см, ширина пера 2,0 см, общая длина 9,0 см, диаметр втулки 0,7 см) (рис. 1 – 14); бубенчик каплевидной формы, без орнамента (общая длина 2,1 см, ширина 1,3 см, диаметр проушины 0,2 см), язычок отсутствует (рис. 1 – 12). Кроме того, обнаружено 3 фрагмента железных изделий, реконструкция первоначального облика которых невозможна из-за плохого качества сохранности. О металлургическом производстве на территории памятника свидетельствуют куски шлака, фиксируемые с 2007 г.

Таким образом, введение в научный оборот материалов 2009 г.да увеличивает фактический материал по истории раннего средневековья и позволяет ближе подойти к решению проблем раннесредневековой истории Приморского края.

Литература

Кудряшов Д.Г. Некоторые результаты работ Центра археологических исследований «Бохай» // Материалы научной конференции студентов и аспирантов Института истории, философии и культуры, посвященной 90-летию исторического образования на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – С. 82-85.

В.Н. Кузнецова
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Интеграция образов коня и водоплавающей птицы
(по археологическим материалам Волго-Камья эпохи средневековья)

Связь образов коня и водоплавающей птицы нашла выражение в средневековых подвесках, происходящих с территории Волго-Камья. Условно можно выделить две большие категории украшений: коньковые подвески, дополненные привесками в форме лапок водоплавающей птицы, и изделия, содержащие в себе несколько зооморфных признаков. Пожалуй, только на землях прибалтийских финнов не были выработаны синкретические зооморфные образы, впрочем, они поступали в эти регионы в качестве импортов из Поволжья и Прикамья.

Интеграция образов коня и водоплавающей птицы непосредственно связана с таким явлением как pars pro toto. Особенно показательны в этом отношении изделия волжских финнов. В IX–XI вв. у муромы, мордвы и мари распространяются коньковые подвески. В основе этих изделий – ажурный щиток, украшенный конскими головками сверху и дополненный шумящими привесками сни-

зу. Примечательно, что подвески, основообразующим элементом которых является прямоугольный щиток, прошли определенное развитие; они известны с VIII в., однако, только в X в. «верхние концы вертикальных стоек щитков… отгибаются в стороны и превращаются в разносмотрящие конские головки, украшенные на месте ушек треугольниками зерни» [Голубева, 1979, с. 49]. Аналогичные изменения происходят и с круглыми ажурными пряжками: в VIII–IX вв. верхняя часть изделия дополняется выступом, завершающимся конскими головками, смотрящими в разные стороны. В меньшей степени подобная трансформация затронула подвески с треугольным щитком: «Подвески с треугольным щитком, украшенные весьма условно переданными головками коней, – лишь небольшая часть категории треугольных подвесок» [Голубева, 1979, с. 51]. Конские головки, в основном, являются особенностью изделий, происходящих из Владимирских курганов.

Украшения, выполненные в характерной для волжских финнов ажурной манере, еще до появления в их декоре головок коней дополнялись привесками в виде лапок водоплавающей птицы. Получается, что коньковыми эти подвески могут быть названы лишь условно.

В контексте рассматриваемой темы обращают на себя внимание биконьковые подвески Верхнего Прикамья. Самые ранние изделия здесь датируются VII–VIII вв. Как заметила Л.А. Голубева, шумящие привески развивались без жесткой корреляции с изменениями зооморфного щитка. С VII по IX вв. были наиболее распространены привески в виде колокольчиков, гирек, ромбов или пластинок с треугольными выступами на восьмеркообразных звеньях. Привески в виде гусиных лапок, навешивавшихся на звенья цепочек, появляются в конце VIII–IX вв. В первой половине X в. изменяется техника крепления этих привесок – они отливаются вместе с петлей. В этот период лапки сосуществуют с колокольчиками, привесками в виде ромбов и пластинок с треугольными выступами, а во второй половине X в. начинают преобладать. «В XI в. конусовидные привески уже не встречаются, изредка бытуют треугольные и ромбовидные (с выемкой по центру) привески, а лапчатые господствуют» [Голубева, 1966, с. 98].

Для периода VIII–IX вв. характерно присутствие полых подвесок-уточек с привесками-лапками и биконьковых подвесок в одном комплексе (например, погр.15, 51 Редикарского мог.) [Крыласова, 2001]. Последние в этот период, в большинстве своем, лапками водоплавающей птицы не дополняются. Уточки из Омутницкого могильника оснащены привесками-лапками, прикреплявшимися «своей верхней, вытянутой и загнутой в крючок частью на восьмеркообразные звенья» [Голубева, 1966, с. 98]. Согласно датировке Л.А. Голубевой, они относятся к VIII–IX вв. Биконьковая привеска, происходящая с участка, обозначенного А.В. Семеновым как Г/1, оснащена лапками с креплением, соответствующим X–XI вв. [Семенов, 1985].

В целом, наряду с сокращением количества объемных подвесок-уточек, возрастает частота использования лапчатых привесок для украшения двуглавых коньков. Орнитоморфные подвески вовсе не исчезают, в конце XI в. появляются, а к XII–XIII вв. получают широкое распространение различные типы объемных и плоских украшений [Иванов, 1998]. Однако, здесь наблюдается та же ситуация, что и с поволжскими ажурными коньковыми подвесками и бляхами – щитки, украшенные конскими головами (то есть изображена только часть коня), дополняются лапками водоплавающей птицы. С той лишь разницей, что в поволжских изделиях первична орнитоморфная составляющая, а в прикамских уже образ коня дополняется чертами водоплавающей птицы.

Поздние полые коньковые подвески привесками-лапками не украшаются. Исследователи полагают, что связь с водной стихией подчеркивает волнистый орнамент на тулове подвесок [Голубева, Варенов, 1978]. Кроме того, для XII–XIV вв. зафиксирована следующая форма интеграции образов коня и водоплавающей птицы: в этот период существуют так называемые «коньки-птицы», или «барашки» (подвески полые с шумящими привесками типа 6, по Л.А. Голубевой, или тип XIX, по Е.А. Рябинину). В основном, они были выявлены в Костромском Поволжье, здесь же и находился центр их производства [Голубева 19791, Рябинин 1981]. Критерии, позволяющие отделить собственно птицевидные подвески от переходных, четко не выработаны. На основании двух типологий Л.А. Голубевой и Е.А. Рябинина можно сделать вывод, что каждый исследователь руководствуется в первую очередь собственным видением.

Интересен тот факт, что в Костромском Поволжье было выявлено слияние вышеуказанных образов и в более ранних материалах. Речь идет о переработке орнитоморфных плоских подвесок, поступающих сюда из Приладожья, начиная с X в.: туловище уточки увенчивается головой коня [Голубева 1979; Рябинин 1981].

Что же касается территории Прикамья, то в Плесинском могильнике была выявлена полая зооморфная подвеска, которую Р.Д. Голдина, систематизировавшая материалы могильников Верхней Камы VII–IX вв., отнесла к типу «г» – это полые подвески-уточки с кружковым орнаментом по туловищу [Голдина, 1970]. Впрочем, вряд ли подобный орнамент можно интерпретировать как кружковой (он скорее веревочный), а сама подвеска имеет весьма отдаленное сходство с уточкой. Очевидна звериная морда с выделенным ухом (лось?). Об однозначной интерпретации говорить сложно с учетом того, что коньки, происходящие с памятников Приуралья, в особенности раннесредневековых, обладают некоторым сходством с сохатыми. Очень ярко это прослеживается на гребне из Шиховского могильника (III–IV вв.) [Васкул, Семенов, 2004].

Размытость зооморфного образа свойственна также поволжским зооморфным подвескам из рога. Для них периодически даже используется термин «коньки-уточки», «коньки-птички», как и для упоминавшейся выше разновидности полых бронзовых шумящих подвесок. В данном случае, думается, во многом облик изделия определялся мастерством резчика.

Литература

Васкул И.О., Семенов В.А. Люди – звери – птицы Северного Приуралья (эпоха раннего железа). – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2004. – 26 с.

Голдина Р.Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // Вопросы археологии Урала. – 1970. – Вып. 9. – С. 57–112.

Голубева Л.А. Зооморфные подвески Верхнего Прикамья // СА. – 1966. – № 3. – С. 80 – 98.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. – Вып. Е1–59. – М.: Наука, 1979. – 112 с.

Голубева Л.А., Варёнов А.Б. Полые коньки-амулеты Древней Руси // СА. –1978. – № 2. – С. 228–239.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). – Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 307 с.

Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2001. – 260 с.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV // САИ. – Вып. Е1–60. – Л.: Наука, 1981. – 123 с.

Семенов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов: 1985. – С. 92–118.

А.Ю. Мисерева
Барнаул, Алтайский государственный университет

Тюркское длинноклинковое оружие (статистика и технология)

Изучение вооружения является одной из важнейших составных частей в исследовании материальной культуры древних народов. По уровню развития военного дела можно судить о многих факторах политической, социальной, экономической и идеологической жизни человеческого общества.

Особенности военного искусства в Южной Сибири и Центральной Азии на всем протяжении раннего средневековья определял комплекс средств дистанционного боя. Вторым по значению, но также очень важным разделом вооружения, определяющего успех боя, является длинноклинковое оружие.

По изучению военного дела древних тюрок накоплен обширный фонд информативных источников. Также переведен на европейские языки и введен в научный оборот широкий круг сведений по военной истории древних тюрок [Худяков, 2002].

Целенаправленное систематическое изучение оружия древнего и средневекового населения в Сибири началось в 1970-х гг. Вооружение древних кочевников Горного и степного Алтая изучалось А.С. Суразаковым, В.А. Кочевым, Г.Е. Ивановым, А.В. Эбелем, В.В. Горбуновым [Горбунов, 2006]. Военное дело населения лесостепной и таежной зоны Западной Сибири было объектом

изучения В.И. Молодина, А.И. Соловьева, Ю.В. Герасимова. Анализ отдельных категорий вооружения и его комплекса, в целом, становится неотъемлемой частью в работах по материальной культуре тюрок, в обобщающих трудах по вооружению азиатских кочевников [Худяков, 1991].

В памятниках тюркского времени холодное клинковое оружие находят крайне редко, но на каменных изваяниях, изогнутые клинки вместе с ножами и кинжалами, – обычный атрибут воина [Соловьев, 2003].

Ассортимент мечей тюрок Алтая был довольно разнообразен. Рукояти были прямые или наклоненные в сторону лезвия. Встречаются навершия в форме кольца, металлического грибообразного колпачка или утолщения на конце рукояти. Иногда черены мечей снабжались штырями или закрепками для крепления обкладки рукояти. Встречается рукоять с бронзовым навершием. Мечи имели прямоугольное, прямоугольно-шаровидное, фигурно-треугольное или крестовидное перекрестье. К тому же известна практика использования тюрками мечей без перекрестья (у ряда мечей это достигалось расширением обкладки рукояти к основанию клинка). Мечи делятся на двулезвийные линзовидные, однолезвийно треугольные, однолезвийно-двулезвийные треугольно-ассиметрично-ромбические (конец клинка раскован на два лезвия).

На основании рассмотренных и описанных В.В. Горбуновым мечей можно составить сравнительно-обобщающую таблицу (табл. 1) [Горбунов,1994].

	Длина	**Ширина**	**Толщина**
	90-84	3-6	0,8
	60	4	1,2
	77	3,6	1,5
	62-74,5	5-6	0,6-1,5
	58,2-92,6	3,2-4,5	0,8-2
	64-78	2,8-4,4	1-1,2
	66-71	2,8-3	0,8
	65-80	2,8-3	0,8
	65-80	2,8-3,2	0,8-1,2
	65-83	3,5-4,5	0,8-1,2
	82,6	2,5-2,8	0,8-1,2
≈	**65-82**	**2.8-4**	**0.8-1.2**
max	**92.6**	**6**	**2**
min	**58.2**	**2.5**	**0.6**

Табл. 1 Сравнительно-обобщающая таблица тюркских мечей

При рассмотрении таких параметров как длина, ширина и толщина клинка видно что соответствующие значения не сильно расходятся между собой. Минимальное и максимальное значения соответственно длина 58,2-92,6, ширина 2,5-6, толщина 0,6-2. Если брать средний показатель, длина клинка составляла 65-82 см, ширина 2,8-4 см, толщина 0,8-1,2 см.

В кочевой среде Центральной Азии тюрки прославились как «плавильщики», ибо в совершенстве владели мастерством добычи и обработки железа [Соловьев, 2003].

Для изучения техники обработки железа и стали наиболее интересны орудия труда и оружия, так как к ним предъявлялись повышенные требования в эксплуатации и при их изготовлении применялись все технические достижения, которым располагали кузнецы того времени.

В производстве оружия отображается технический уровень кузнечного ремесла. К сожалению, сохранность изделий не позволяет в должной мере провести металлографические исследования этой важной группы кузнечных поковок.

Из предметов вооружения изучено 5 мечей [Зиняков,1988]. Все подвергнутые анализу мечи однолезвийные. Длина наиболее хорошо сохранившихся мечей – 60-90 см. Ширина клинка от 2 до 4 см. Три меча имеют прямой черешок рукояти. У двух мечей, вследствие их фрагментарности, рукояти отсутствуют. Лезвия мечей имеют клиновидные сечения.

Три меча откованы из мягкого железа. Металл не подвергался предварительной обработке. Один меч после изготовления клинка был подвергнут односторонней поверхностной цементации. Концентрация углерода в цементируемой зоне достигает 0,7%. В результате науглероживания образовавшийся стальной слой в сочетании с мягкой железной основой значительно улучшил рабочие характеристики оружия.

При изготовлении тех категорий поделок, к которым предъявлялись высокие требования в эксплуатации (мечи, кинжалы, ножи), местные кузнецы, как правило, применяли высококачественный металл. Характерным является целенаправленное использование железа и различных сортов стали.

Вне зависимости от масштабов военных действий, применяемой тактики и техники, а также арсенала боевых средств оружие остается неотъемлемой частью жизнедеятельности людей.

Не смотря на большой ассортимент тюркских мечей, на существование различных видов рукоятей, перекрестий и наверший они были очень схожи между собой. В первую сходство проявлялось в габаритах меча. Полученные средние показатели составляют следующие параметры: длина клинка 65-82 см, ширина 2,8-4 см, толщина 0,8-1,2 см.

Археологические и этнографические источники свидетельствуют о небольшом наборе кузнечного инструмента у кочевников Южной Сибири вообще, и на Алтае в частности.

Литература

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. – Барнаул, 2006. – Ч II: Наступательное вооружение (оружие). – С. 57-67.

Горбунов В.В. Реконструкция вооружения древнетюркских воинов Горного Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. РАЭСК XXXIV. – Барнаул, 1994. – С. 109-116.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. – Томск, 1988. – 82 с.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск, 2003. – С. 124-143.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск, 1991. – 190 с.

Худяков Ю.С. К вопросу о коннице, пехоте и характере войска древних тюрок // РА. – 2002. – № 4. – С. 100-108.

Е.С. Моисеева

Владивосток, Дальневосточный государственный университет

Дворцовая архитектура чжурчжэней Приморского края (по материалам раскопок на Краснояровском городище)

Архитектура – одна из наиболее всеобъемлющих областей человеческой деятельности, занимающаяся организацией пространства и времени и решающая любые пространственные и временные задачи от разработки стратегий развития агломераций до дизайна дверных ручек.

Краснояровское городище расположено в 5 км к югу от г. Уссурийска Приморского края. Памятник датируется XII – нач. XIII вв., временем существования чжурчжэньской империи Цзинь. После 1215 г. город был перестроен и превращен в Верхнюю столицу чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215 – 1233г.) – г. Кайюань [Артемьева, Хореев, 1997].

Начиная с 1997 по 2007 гг., на городище обнаружено 10 зданий колоннадной конструкции, из них одно здание дворцового типа. Здания выделяются, как правило, большой площадью, наличием черепичной крыши и остатков каменных баз от колонн. Кроме этого, есть данные еще о трех зданиях дворцового типа, два из которых были исследованы А.П.Окладниковым (1953-1956 гг.) и одно М.В. Воробьевым (1960 г.). Здания такого типа еще не изучались подробно, они были обнаружены, выделены в отдельный тип общественно-административных, но функции данных построек выяснить не удалось в связи с чем разработка этого вопроса на данный момент является вполне актуальной [Артемьева, 2008]. Тем более, что предстоит заняться непосредственно реконструкцией таких зданий для создания более полной картины общественной жизни чжурчжэней. Если говорить о зданиях колоннадной конструкции в общем, то можно их условно разделить по функциональному назначению на общественно-административные и дворцово-храмовые. Первые предназначались для каких-то общественных нужд, например, в качестве складов или мест для общественных сборов. Это подтверждается тем, что в зданиях подобного типа не было прослеже-

но никаких отопительных устройств, крыша была мало украшена простой черепицей, иногда даже плохого качества [Артемьева, 2007].

Из рассмотренных десяти зданий только одно можно отнести к дворцово-храмовому. Правда, точная его функция не определена. На данный момент это единственное здание, в котором был обнаружен кан – отопительная система, состоящая из очагов и дымоходных каналов, которая характерна для чжурчжэньских домов этого периода [Артемьева, 1998]. К тому же это здание имело каменную кладку в основании стен, что говорит о том, что стены, опирающиеся на нее, были хорошо закреплены, т.е. здание изначально утепляли, делали все для удобного проживания в нем. Об этом говорит еще и тот факт, что около здания был обнаружен колодец для сбора воды, к тому же крыша здания украшена скульптурными глиняными изображениями драконов, что говорит о его высокой значимости.

Интересной особенностью является то, что все здания были обнаружены в столице, большая часть – на территории Внутреннего города [Окладников, 1958], из этого следует, что здания подобного типа предназначались исключительно для государственных нужд. Все они строились на терасовидных площадках, чаще, в связи с ландшафтом местности, делали насыпки в виде платформ, т.е. если здание находилось на склоне, то одну сторону площадки углубляли в склон, а другую насыпали для ровной поверхности. Этот элемент является отличительной чертой чжурчжэньской дворцовой архитектуры. В свою очередь, в Китае здания строили на полностью насыпной платформе, так называемом цоколе. Что касается ориентации по сторонам света, то, как правило, приходилось подстраиваться под местность, но когда была возможность разместить здание по всем правилам геомантии, ее не упускали. Правила эти были переняты из Китая [Ащепков, 1959]. Расположение входа также зависело от ориентации здания. Допускались все варианты, кроме северного, северо-западного и северо-восточного направлений, т.к. эти направления ассоциировались со злыми духами – «пустить в дом злых духов».

Довольно интересна для исследования крыша здания. На всех краснояровских административных постройках для покрытия крыши чжурчжэни использовали черепицу, которая делилась на нижнюю и верхнюю. Обычно верхняя черепица, которая предназначалась для покрытия стыков между нижними, служащими в свою очередь водостоками, была в два три раза уже нижней. Отличие некоторых краснояровских зданий кроется в том, что временами роль верхней черепицы выполняла нижняя, от чего увеличивался вес крыши [Воробьев, 1967]. Об этом свидетельствуют некоторые треснувшие каменные базы. Известно, что крыши красились, как правило, в желтые и красные цвета. Выбор цвета зависел от функции дома, а также от того, кто в нем проживал. Например, в Китае красный цвет был цветом дракона, а дракон – символ императора. Желтый цвет феникса, феникс, в свою очередь, символ жены императора.

Литература

Артемьева Н.Г. Домостроительство чжурчжэней Приморья. – Владивосток. Дальпресс. – 1998. – 94 с.

Артемьева Н.Г. Отчёт об археологических исследованиях Краснояровского городища в Уссурийском районе Приморского края в 2006 году // Архив ИИАЭ ДВО РАН. – Ф. 1, Оп. 2. – 2007. – С. 7.

Артемьева Н.Г. Кайюань – Верхняя столица чжурчжэньского государства (1215-1233 гг.) // Тихоокеанская археология. Столетию великого АПЭ. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – Вып. 16. – С. 291-305.

Артемьева Н.Г., В.А. Хорев., Отчёт об археологических исследованиях Краснояровского городища в Уссурийском районе Приморского края в 1997 году // Архив ИИАЭ ДВО РАН. – Ф. 1, Оп. 2, № 413. – 1997. – С. 26-47.

Ащепков Е.А. Архитектура Китая.- М.: Госиздат. литер. по строительству, архитектуре и строит. материалам, 1959. – С. 15-24.

Воробьёв М.В. Развалины дворца в Краснояровской крепости в Приморье // Историко-филологические исследования: Сб. ст. к 70летию акад. Н.И. Конрада. – 1967. – С. 430–435.

Окладников А.П. Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке // КСИИМК. – 1958. – Вып. 71. – С. 100-118.

В.В. Нестеренко
Чита, Забайкальский краевой краеведческий музей имени А.К. Кузнецова

Результаты исследования на городище Усть-Чёрная в Сретенском районе Забайкальского края

Забайкальский краевой краеведческий музей имени А.К. Кузнецова и Благовещенский археологический отряд ИАЭТ СО РАН с 2004 г. проводят совместные археологические работы в бассейне реки Шилка и её притока р. Чёрной. Одно из направлений исследований – изучение средневековых укреплённых поселений, принадлежащих приамурским племенам Троицкой группы культуры мохэ (VII-XII в. н.э.) [Алкин, Васильев и др., 2006]. На данный момент известно двенадцать средневековых городищ, которые образуют так называемую «шилкинскую группу» [Окладников, Ларичев, 1999].

Все укреплённые поселения расположены на высотах с отметками от 60 до 75 м от уровня рек. Естественный рельеф – крутые склоны и отвесные скалы, защищал их с одной или нескольких сторон от внезапных нападений, а доступные участки были защищены искусственными укреплениями. Организация жилого пространства и фортификация всех укрепленных поселений имеет ряд общих черт, которые так или иначе выражены в городище у села Усть-Чёрная, стационарные раскопки которого проводятся с 2007 г. [Алкин, Нестеренко и др., 2008].

Географические координаты памятника: 52°55′32.7″северной широты и 119°02′26.8″ восточной долготы. Городище находится в 300 м северо-западнее с. Усть-Чёрная. С южной стороны оно защищено естественным крутым чашевидным склоном, с которого открывается панорамный вид на долину реки Шилка и устье р. Чёрной. С востока, севера и запада поселение ограничено искусственными сооружениями. Площадь городища составляет более 9000 кв.м.

Система фортификации представляет собой линию – связку из двух параллельных рвов, по краям которых, снаружи и внутри городища, находятся валы. Третий вал расположен между рвами. Ширина системы валов и рвов составляет от 7 до 10 м. Длина северной стены оборонительной системы – 120 м, южной и западной стен – 75 м. Переходы от западной стены к северной и от северной к восточной представляют собой скругленные прямые углы валов и рвов. Во внутреннем рве находился частокол (тын) из лиственничных и березовых плах, на центральном валу – плетень [Алкин, Нестеренко, 2009]. Вход располагался в средней части западного участка, в 28 м от северо-западного угла оборонительной системы и представлял собой две перемычки. В этих местах рвы засыпаны до уровня валов. Перемычки имеют ширину до 1 м и длину 1,5-2 м. Высота перемычек от уровня дна рвов не превышает 20 см. В северо-западной части поселения и в средней части северного участка системы фортификации сохранились следы дренажной системы для отвода излишков воды с территории городища и изо рвов. Дренажная система представлена двумя рвами глубиной 10-25 см и длиной 6-7 м, прорытыми через валы, поперёк их, с уклоном на северо-восток и небольшими насыпями–валами возле жилищных западин.

На площади городища зафиксировано 100 западин от котлованов жилищ-полуземлянок и построек хозяйственного назначения. Несколько западин имеют следы шурфовки, а на месте одной из них сохранился раскоп 1954 г.

Стационарные работы на городище были начаты в 2007 г. с раскопок западины № 61. В 2008 г. раскоп был расширен и включил западины № 62 и 63. Общая вскрытая площадь составила 148 кв.м [Алкин, Нестеренко и др., 2008]. В двух западинах были зафиксированы сгоревшие конструкции полуземлянок размерами 4х4 м, в одной – плавильная мастерская.

Жилищные западины представляют собой искусственные котлованы глубиной 0,60-0,70 м с обрушенными в результате пожара деревянными конструкциями. Выброс грунта из котлованов производился на бровки. Образованные отвалы использовались в качестве дополнительного укрепления конструкции жилищ.

После зачистки поверхности по уровню обрушенных в котлованы верхних перекрытий жилищ были зафиксированы сложные конструкции кровель с достаточно хорошей сохранностью. Конструкции состояли из жердей (с фрагментами берестяной коры) длиной до 2,5 м и диаметром до 4 см, расположенных радиально по всей площади. При падении внутрь жерди не потеряли своей ориентации по сторонам горизонта. С южной стороны жилищ и по центру их южных стенок упавших жердей не обнаружено. Южные стены разделены на две части (пристенки) с юго-восточной

и юго-западной сторон. Скорей всего, в данном месте располагались входы. Образованные жердями венцы стенок подпирались вертикальными столбиками. В углах жилищ зафиксированы также угловые столбы.

Дно и стены котлованов покрывались берестяными лентами для гидроизоляции и предотвращения гниения древесины.

Конструкция стен состояла из горизонтально расположенных жердей, образующих по периметру жилищ два венца. В углах жерди соединялись с помощью овальных выемок на концах, а также вкопанных изнутри жилищ вертикальных столбов. Образованные жердями стены подпирались вертикальными столбиками с восточной и западной стороны. Основу центральной конструкции жилищ составляли несколько вертикально вкопанных столбов, несущих основную нагрузку при опоре на них верхнего перекрытия. Также выявлены остатки стоек, установленных на пол жилищ, очевидно, для поддержки кровли справа и слева от входа.

У северной и восточной стен сохранились фрагменты нар, состоящих из плотно уложенных тёсаных жердей, образующих настилы. Они опирались на две поперечины, прикрепленные с одной стороны к стене на жерди верхнего венца, с другой – на два вертикально вкопанных столбика.

В центре полуземлянок располагались очаги с двумя очажными камнями. В их заполнениях прослеживаются остатки кальцинированных костей.

В каждом жилище находилась конструкция из каменных уплощенных плиток, уложенных на берестяную подкладку. Данные конструкции могут интерпретироваться как культовое место – своеобразный «алтарь».

Особенность конструкции жилища № 61 заключается в дополнительной отделке восточной части пола жердями (деревянный пол) и наличием в юго-восточном углу ямы, в которой находились фрагменты керамики и обожженные кости животных. В западине № 62, в юго-восточном углу, в нише стенки жилища, обнаружено скопление из 124 таранных костей животных. Находки внутри жилищ располагались у их стенок. Большинство изделий изготовлено из рогов и костей животных: набор оформленных игральных альчиков, берцовая кость животного с нарезками, пряжка и кочедык из рога, два трёхгранных черешковых наконечника стрел. Кроме того, найдены изделия из железа – шиловидный и лепестковый черешковые наконечники стрел и фрагмент кончика ножа. Основной маркирующий материал представлен керамикой – фрагментами венчиков и туловов сосудов троицкого типа мохэской культуры.

В заполнении западины № 63, на дне котлована, располагалась конструкция, представляющая собой остатки фундамента одноразовой печи-плавильни. Рядом найдено большое количество фрагментов железистого шлака, залегающих в слое прокалённого грунта мощностью до 5 см. Над мастерской сооружался навес, состоящий из четырёх опорных жердей диаметром до 5 см, следы которых обнаружены по краям западины.

Таким образом, результаты исследований позволили не только подтвердить принадлежность средневековых городищ к троицкой группе культуры мохэ, но и выявить уникальные особенности планиграфии, фортификации и архитектуры средневековых городищ Забайкалья.

Литература

Алкин С.В., Васильев С.Г., Колосов В.К., Нестеренко В.В. Результаты полевых исследований на левобережье реки Шилки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 249-254.

Алкин С.В., Нестеренко В.В. Изучение фортификации Усть-Чернинского городища в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 200-203.

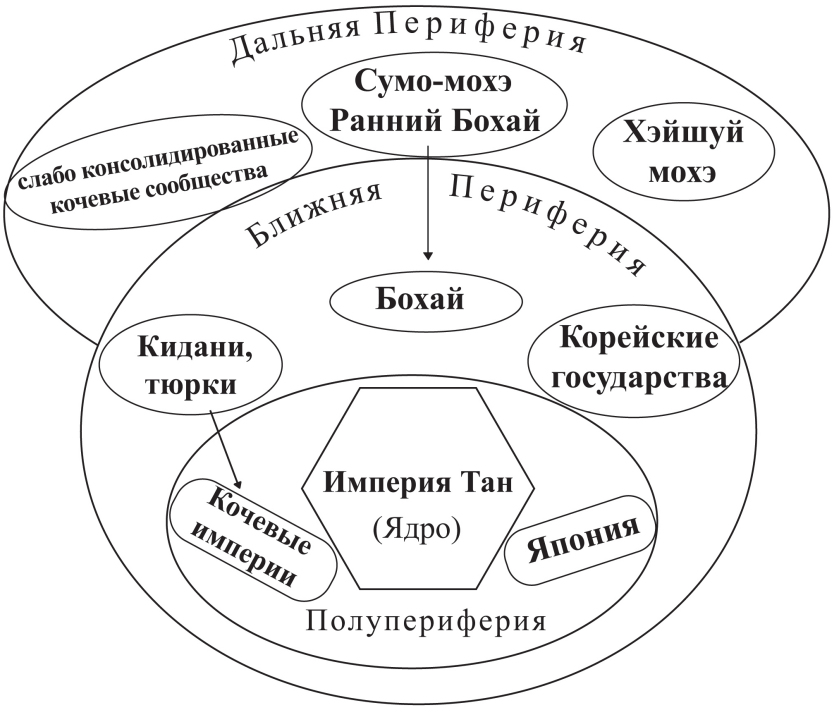
Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К., Мороз П.В. Полевые исследования в Сретенском районе Забайкальского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 116-121.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 4-29.

Е.Ю. Никитин
Владивосток, Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Государство Бохай как часть мир-системы Восточной Азии

Изучение государства Бохай ставит перед исследователями такие вопросы, как природа социально-политических процессов, приведших к возникновению этого государства, характер его взаимоотношений с другими политиями, роль других культур в складывании бохайской культуры, на которые археологическая наука не всегда может дать точный ответ.



Государство Бохай, как часть мир-системы Восточной Азии

Для исследований подобного рода используются теоретические методы и подходы. Одним из важнейших является мир-системный подход, который позволяет выявить и осмыслить исторические модели развития древних обществ в их взаимодействии друг с другом. Применение мир-системной теории широко распространено в современной зарубежной науке при изучении как древних, так и современных обществ. В России это научное направление достаточно слабо разработано. **Ключевым аспектом** мир-системной теории является идея того, что все общества развиваются и эволюционируют в постоянной и неразрывной связи друг с другом. В ходе развития они образуют пирамидальную иерархию: наверху находится «ядро», в середине – «полупериферия», а внизу – «периферия». Место общества в иерархии определяется степенью его социально-политического, экономического и военного развития. Все части такой мир-системной иерархии связаны между собой мир-системными связями, иначе говоря, сетями взаимодействий, благодаря которым и осуществляются контакты между обществами [Hall 1999]. Взаимосвязь между частями мир-системы складывается из четырех сетей: сетей большегрузных товаров (BNG), сетей престижных товаров (PGN), политических и военных сетей (PMN), информационных сетей (IN) [Чейз-Данн, Холл, 2001, с. 429]. Благодаря сетям взаимодействия «ядро» влияет на «периферию» и наоборот. **Военные сети** ускоряют политическую интеграцию периферийных обществ или разрушают их. Взаимодействие «ядра» и «периферии», в рамках **информационных сетей**, ведет к проникновению различных инновационных идей для периферийного общества: от религиозных верований до системы государственного устройства и канонов монументальной архитектуры. Импортные товары (предметы роскоши) распространялись через **торговые сети.** Они могли символизировать власть и привилегию, удерживаемые элитой общества. Накопление богатств давало элите возможность их перераспределения, и, соответственно, приводило к усложнению

социально-политической иерархии внутри общества. В нашем случае речь идет о мир-системе, существовавшей в Восточной Азии (Северо-Восточный Китай, Корейский полуостров и Приморье) в VII–X вв.

В результате проведенного исследования автору удалось сделать следующие выводы.

1. Мир-система Восточной Азии в VII–X вв. представляла собой систему с 3-уровневой иерархией и с явно выраженными отношениями «ядро» – «периферия». Причем, иерархия внутри периферийного сегмента, в свою очередь, подразделялась на 2 уровня: «ближнюю» и «дальнюю» периферию.

2. Государство Бохай образовалось благодаря консолидации мохэских вождеств находившихся на «дальней» периферии китайской империи Тан, а также формированию у них многоуровневой политической иерархии, вызванной давлением «ядра» мир-системы. Свой вклад в процесс политической интеграции внесли и другие части мир-системы, например, государство Когурё, находившееся в VII в. на «ближней» периферии танской империи.

3. Государство Бохай, в ранний период своего существования, по всем параметрам относилось к «дальней периферии» (На раннем этапе своего существования Бохай являлся сложным вождеством с многоуровневой политической иерархией). Факторы, позволяющие отнести бохайское государство к «ближней периферии», складываются в нем несколько позже, когда появляется устойчивое территориально-административное деление, государственный аппарат и др. [Крадин, 1990, с. 19].

4. «Идеи» внутри восточно-азиатской мир-системы распространялись через информационные сети, которые также удалось выявить. Различные «идеи» проникали в Бохай через информационные сети как напрямую из «ядра», так и посредством других частей мир-системы. Кроме того, бохайское государство, будучи включенным в сети взаимодействия, транслировало некоторые «идеи» в Японию, находившуюся на «полупериферии».

5. Сети обмена включали в себя торговлю большегрузными и престижными товарами. Информацию о торговле большегрузными товарами можно почерпнуть только из летописей, но сеть престижных товаров фиксируется и по археологическим данным.

6. Применение мир-системного подхода представляется довольно эффективным, но малая разработанность этого направления в отечественной литературе заставляет обращаться к зарубежной источниковой базе.

Литература

Крадин Н.Н. О формационной природе бохайского государства // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1990. – С. 18-27.

Чейз-Данн К., Холл Т.Д. Две, три, много мир-систем // Альманах «Время мира». – М., 2001.

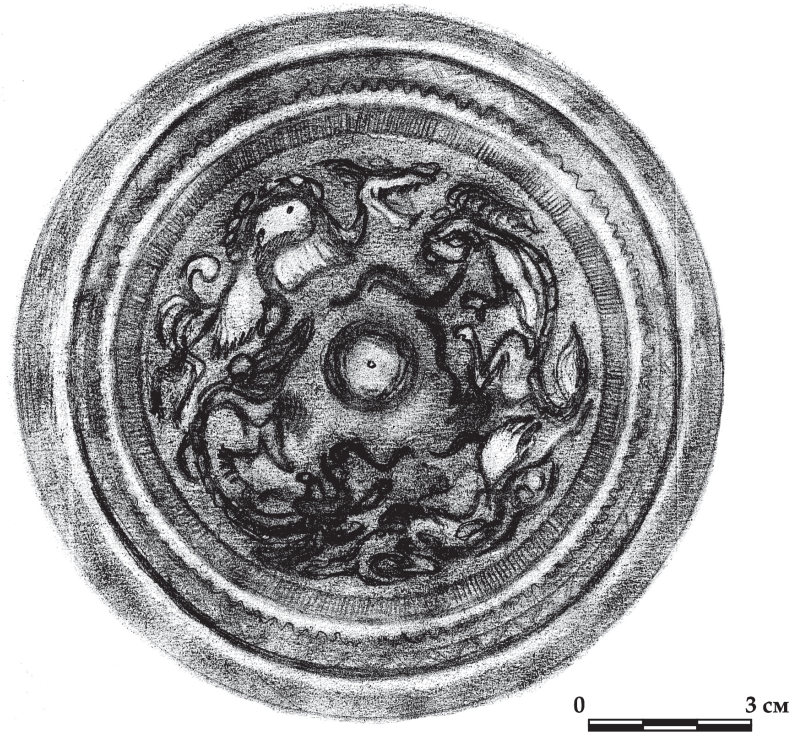
Hall T.D. World-systems and evolution: An appraisal // World-systems theory in practice: Leadership, Production, and Exchange, American Anthropological Association. Meeting. Ed. by P. Nick Kardulias. Published by Rowman and Littlefield. 1999. – 326 p.

А.А. Номоконов
Чита, Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Зеркала ундугунской культуры

В памятниках ундугунской культуры исследованных Верхнеамурской археологической экспедицией бронзовые зеркала встречаются довольно редко. Было обнаружено пять зеркал, принадлежащих ундугунским племенам: могильники Ундугун 1974 г. (один экземпляр), Бутуй-I 1983 г. (один экземпляр), Дворцы 1993 г. (три экземпляра). В Восточном Забайкалье подобные зеркала обычно встречаются в погребениях монголов XII-XIV вв. Многие из них попадали на территорию края из Цзиньской империи и Сунского Китая в качестве военной добычи монголов. Вместе с тем сами монголы, а также, видимо, и население ундугунской культуры, занимались изготовлением таких зеркал самостоятельно, копируя известные уже образцы. Поэтому в отличие от китайских оригиналов, зеркала местного производства были худшего качества и имели размытые сюжеты (яркий пример – зеркало из могильника Ундугун).

Бронзовое зеркало из могильника Ундугун круглое, с шишечкой-петлей в центре, «внутреннее поле его орнаментировано цветком водяного каштана и мальвы, остальные слабо различимые фигурки сышен – божества четырех стран света. Введение в декор этих цветков связано со второй половиной танского времени и играло значительную роль в даосизме [Кириллов, 1983]. Диаметр зеркала 8 см.



Могильник Бутуй-I. Бронзовое зеркало

Бронзовое зеркало из могильника Бутуй-I хорошего качества, круглое, с шишечкой-петлей в центре, орнаментальное поле занято выполненным в высоком рельефе сценами борьбы дракона, воплощающего в себе по китайской символике повелителя вод, с тигроподобным хищником – духом властелином гор. Начало борьбы в верхней части зеркала и финал этой борьбы – в нижней его части. Аналогии в Восточном Забайкалье отсутствуют. Диаметр зеркала 13 см.

Бронзовые зеркала могильного комплекса Дворцы: два зеркала диаметром 5 и 6 см. Круглые, с петелькой в центре, на внутреннем поле этих зеркал помещено изображение маньчжурской астры. Аналогичные зеркала встречаются в монгольских могильниках с озера Ножий. Третье зеркало находилось в сумке из кожи, ткани и войлока. Сумка приблизительно квадратной формы, размерами 20х20 см. Диаметр зеркала 10 см. Круглое, с шишечкой-петлей в центре, в орнаментальном поле на переднем плане изображен стоящий на берегу мальчик с ослом, за ним – три других персонажа. Сзади расположено дерево, справа – изгородь. Орнамент зеркала не четкий. Аналогичное зеркало было найдено в монгольском могильнике Малая Кулинда.

«Народы соседних с Китаем стран понимали назначение погребального зеркала иначе, чем сами китайцы (хань). В своей статье «Китайские бронзы из Басандайки» А.В. Маракуев пишет: «Зеркала часто встречаются в Западной Сибири. Этому соответствует их положение в мифологии и фольклоре восточных народов: северному жителю дорусской Сибири зеркало давало возможность, по его мнению, видеть прятавшихся вокруг него злых духов, отгонять их, а также заглядывать в свое будущее. В древнем Китае зеркало служило не только для туалета, но, повешенное над изголовьем кровати, отгоняло от хозяина нечистую силу. Такое же значение атропея зеркало имело и для мертвых»» [Стратанович, 1961].

Основываясь на классификации, предложенной Е.И. Лубо-Лесниченко, зеркала из могильного комплекса Дворцы относятся к началу XIII–XVI вв. Однако, трудно провести четкое различие между цзиньскими и юаньскими зеркалами. Лубо-Лесниченко отмечает, что в XIII в. при монголах продолжали бытовать зеркала цзиньских и сунских типов. Зеркало из могильника Бутуй-I является копией ханьских зеркал, сделано в конце танского времени, примерно в IX–X вв. Подоб-

ные зеркала высоко ценились и передавались из поколения в поколение, зеркалом продолжались пользоваться, даже если оно ломалось. Присутствие зеркала в погребении, по-видимому, свидетельствует об относительном богатстве умершего, так как находки зеркал ундугунцев довольно редки.

Литература

Кириллов И.И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 123-138.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). – М.: Наука, 1975.

Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточно-Азиатский этнографический сборник II. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 47-78.

Ю.А. Пахоленко

Омск, Омский государственный педагогический университет

О школах стеклоделия и их продукции в Западной Сибири (по материалам Красноярского археологического комплекса)*

В ходе проводимых Е.М. Данченко многолетних раскопок Красноярского археологического комплекса (КрАК) в Усть-Ишимском районе Омской области была получена коллекция бус, включающая 55 экземпляров. Памятник, включающий городище, селище и могильник, существовал в различные эпохи – от мезолита до позднего средневековья.

Найденные бусы изготовлены из разных материалов – сердолика (2 экз.), янтаря (1 экз.), фаянса (1 экз.), керамики (1 экз.), стекла (50 экз.). Поскольку большинство их обнаружено вне комплексов, связать их с конкретными этапами существования памятника довольно сложно. В этой связи, Н.П. Довгалюк был предпринят химико-технологический анализ части коллекции, одной из целей которого являлось определение происхождения бус, их принадлежности к конкретным стеклоделательным школам и центрам производства. В свою очередь, в дальнейшем это могло облегчить датировку [Довгалюк, Данченко, в печати]. Проведенные исследования показали, что в коллекции КрАК представлены образцы, принадлежащие к нескольким школам стеклоделия: египетской – конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.; египетской XI-XIII вв.; византийской – XI – начала XIII вв.; древнерусской – XI-XIII вв.; ближневосточной – IX-XIV вв.; венецианской – XV-XVI вв.; голландской – эпохи позднего средневековья.

По сравнению с приведенными периодами бытования бус рассматриваемой коллекции сами школы существовали на протяжении более длительного времени, в силу чего интерес вызывает история их зарождения и развития, чему и посвящено настоящее сообщение.

Египетская школа

Египетское стеклоделие самостоятельно возникло в сер. II тыс. до н.э. Наиболее распространённым видом продукции были бусы, которые вырабатывались в подражание драгоценным камням – сапфиру, топазу, бирюзе и другим.

Во времена XVIII династии (1580-1340 гг. до н.э.) стеклоделие в Египте процветало. М.А. Безбородов предполагает, что в этот период стеклянные изделия вывозились из страны за границу [Безбородов, 1956, с. 10]. Положение изменилось, когда к VIII в. до н.э. Египет пришёл в упадок.

Византийская школа

Византийское стеклоделие сложилось на базе античных школ – римской (столичной и провинциальной) и сирийской. Официальная история византийского стеклоделотельного производства начинается со времени основания Константинополя – столицы Восточно-римской империи. Император Константин заложил фундамент византийской школы стеклоделия, переселив в 323 г. мастеров из Рима в Константинополь.

Византийское стеклоделие имело сложную структуру. Наряду с мастерскими высокого класса, ориентированными на изготовление предметов роскоши, дорогих вещей, существовали и такие, где работали мастера невысокой квалификации. Они изготовляли вещи рядового обихода, в том

* *Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 08-01-00198А*

числе бусы. Разная производственная ориентация мастерских определяла и различные рынки сбыта их продукции: одни удовлетворяли потребности двора, церкви и аристократии, изделия других шли за границу. Вторжения варваров эпохи Великого переселения привели к значительному сокращению экономических контактов византийцев с другими государствами и с IV-V вв. до VII в. они оставались слабыми. С образованием Хазарского каганата эти связи оживились.

Византийское стекло VI-IX вв. почти неизвестно в археологических материалах.

В VIII-IX вв., после долгого перерыва, на территории Восточной Европы появляются стеклянные бусы византийского происхождения, чему способствовало расширение торговли.

В IX в. в экономике Византии намечается тенденция к увеличению экспорта бус на территорию Восточной Европы. В конце X в. в византийском стеклоделии экспорт продукции ремесла дополнился экспортом самого ремесла [Щапова, 1983, с. 166-182].

Древнерусская школа

Древнерусское стеклоделие формировалось под большим влиянием византийского. Ю.Л. Щапова [1972] выделила несколько условий, способствовавших этому: значительные экономические резервы Руси, направленные на развитие новых отраслей производства; заинтересованность государственной и церковной власти; техническая оснащённость смежных производств и квалификация мастеров; практически неограниченная местная сырьевая база. Сочетание этих условий в начале XI в. привело к сложению в исторически короткий срок – 20-30 лет – новой производственной школы.

В 30-е гг. XII в. на смену единой Киевской Руси пришли самостоятельные княжества. К Киеву, который оставался главным центром производства, прибавилась сеть мастерских в столицах других земель – Новгороде, Полоцке, Смоленске. После монголо-татарского нашествия многие мастера погибли или были уведены в полон, однако производство стекла на Руси все же не прекратилось.

Ближневосточная школа (долина рек Тигра и Евфрата – Месопотамия, или Двуречье).

Ю.Л. Щапова предполагает, что стеклоделие в Месопотамии сложилось в эпоху поздней бронзы одновременно или почти одновременно с египетским [Щапова, 1983, с. 89]. Изделия экспортировались в Малую Азию, Сирию, Палестину, Кипр, Египет, Микены, материковую Грецию.

В I в. до н.э. стекольное производство процветало в Сидоне (Сирия). Возможно, этот город унаследовал традицию стеклоделия, которая возникла в Месопотамии еще в VIII в. до н.э. и была перенесена на запад персами.

Венецианская школа

Расцвету стеклоделия в Венеции способствовало переселение туда греческих и византийских мастеров. В X-XII вв. здесь изготовляли простейшие изделия бытового назначения и бусы, а с XIII в., после падения Византии, стекольная промышленность Венеции вступает в полосу своего интенсивного развития, достигая расцвета в XV-XVII вв. Экспорт бус приносил Венецианской республике большие доходы. В XVIII в. наступает период упадка из-за конкуренции с другими странами Европы.

Голландская школа

В эпоху великих географических открытий вновь возникает интерес к стеклянным бусам, которые использовались как средство неэквивалентного обмена в торговых операциях с местным населением вновь открытых территорий. Именно это было причиной начала производства бус в Голландии. В XVI-XVII вв. выходцами из Венеции были основаны важные центры стеклоделия в Антверпене, Льеже, Амстердаме и Миддельбурге, где было налажено массовое производство бус [Довгалюк, 1994, с. 216-217].

Возвращаясь к коллекции бус с КрАК, следует отметить, что их распределение по школам выглядит следующим образом.

Школа в стеклоделии	Количество бус
египетская (конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.)	1
египетская (XI-XIII вв.)	4
византийская	17
древнерусская	1
ближневосточная	15
венецианская	5
голландская	6

Как следует из таблицы, наибольшее количество бус принадлежит византийской и ближневосточной школам, в то время как остальные представлены в гораздо более скромном объеме или единично. Отсюда следует вывод, что в эпоху раннего и развитого средневековья на территорию Западной Сибири в обмен на пушнину [Бахрушин, 1926, с. 373], в основном, поступала продукция с Ближнего Востока, а в позднесредневековый период начинают появляться изделия венецианских, голландских и русских мастеров. Такая переориентация была обусловлена целым рядом факторов, требующих дальнейшего изучения.

Литература

Бахрушин С.В. Торги гостя Никитина в Китае // Труды Института истории. – М., 1926. – Вып. 1.

Безбородов М.А. Стеклоделие в Древней Руси. – Мн.: Изд-во АН БССР, 1956. – 306 с.

Довгалюк Н.П. Стеклянные бусы из Окуневского микрорайона // Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 213-219.

Довгалюк Н.П., Данченко Е.М. Стеклянные бусы Красноярского археологического комплекса в южнотаёжном Прииртышье (В печати).

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 216 с.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 200 с.

С.Д. Прокопец
Владивосток, Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

К вопросу о защитном вооружении боевого коня у чжурчжэней

На данный момент мы располагаем довольно большой коллекцией средневекового защитного вооружения чжурчжэней, которая постоянно пополняется за счет регулярных археологических исследований на средневековых городищах Приморья. Благодаря этому нам удалось восстановить первоначальный облик некоторых видов защитного вооружения. Теперь мы уверенно говорим, что в арсенале чжурчжэньской армии времени существования государства Восточное Ся (1215-1233 гг.) присутствовали шлемы двух различных типов, а так же три типа панцирей из различных панцирных пластин.

К сожалению, долгое время не было находок, позволяющих заняться реконструкцией облика защитного вооружения верхового боевого коня. Найденные в 2008 г. на Краснояровском городище (Приморский край) две металлические налобные пластины предоставили нам возможность частично его реконструировать.

Обе пластины однотипны, имеют разную степень сохранности, некоторые различия в размерах и оформлении, связанном в основном со спецификой производства. Они имеют форму сужающегося к низу четырехугольника со слегка вогнутыми краями, немного изогнутыми для большего комфорта при размещении на голове лошади. В центре каждой пластины находится выполненный при помощи чекана выпуклый прямоугольник, который, скорее всего, служил для придачи пластинам определенной жесткости.

Пластина № 1 (КЯ08-п-99)

Ширина в верхней части – 16,5 см, в нижней – 10 см, в средней – 10,5 см; длина – 34,2 см; толщина – 1 мм. Размеры выпуклого прямоугольника: ширина – 6 см, длина – 10,5 см.

По обеим сторонам налобника, над глазами, находятся не глубокие вырезы, ширина которых примерно 6 см. Оба выреза не параллельны друг другу. Скорее всего, это связано с простым не соблюдением симметрии мастером, или эти вырезы появились при подгонке налобника при примерке пластины к голове определенного коня с ее индивидуальными размерами.

По краям пластины, кроме верхнего, идут парные отверстия диаметром – 0,4 см. Расстояние между отверстиями в парах – 0,7 см. Расстояния между парами колеблются от 3,5 см до 4,5 см. По обеим сторонам идет по пять пар отверстий, снизу находится одна пара (рис. 1.1).

Пластина № 2 (КЯ08-п-100)

Довольно плохой сохранности. На данный момент сохранилась только верхняя часть. Ширина пластины в верхней части – 15 см, посередине – 14,5 см. Длина сохранившейся части – 24 см. Раз-

меры выпуклого прямоугольника: ширина – 6 см, длина – 14 см. По краям пластины сохранилось несколько пар отверстий, таких же, как и у предыдущего налобника. Судя по сохранившейся левой части, у этого налобника не было ярко выраженных вырезов под глаза, которые заменяли вогнутые края по длине всей пластины. Отсутствие вырезов на пластине № 2 свидетельствует в пользу выдвинутых нами версий о появлении их на пластине № 1 (рис. 1.2).

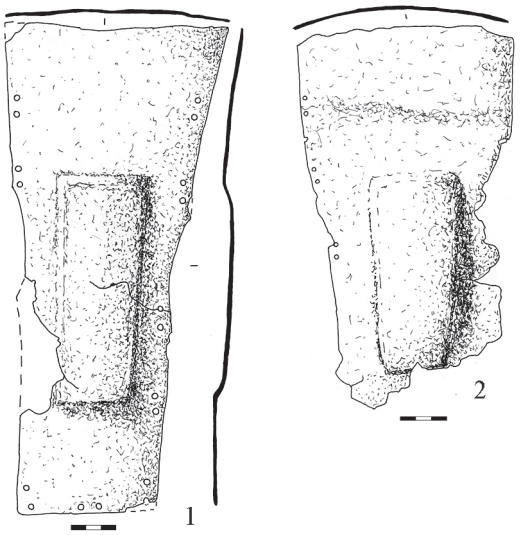


Рис. 1. Чжурчжэньские конные налобники из Краснояровского городища

Сейчас трудно говорить, как полностью выглядела эта защита. Анализ количества, расположения и размеров отверстий, а также размеров самих пластин разделил наши мнения о первоначальном облике наголовья.

С одной стороны можно предположить, что они являлись своеобразными металлическими накладками на определенную органическую (кожаную) основу маски или налобника для защиты головы коня, крепясь к ней как раз при помощи этих отверстий.

Возможен и тот вариант, что данные пластины – налобники, были лишь частью какой-то определенной конструкции, которая полностью закрывала голову животного, например, как трехчастные маски боевых коней древних алтайских воинов, реконструированных В.В. Горбуновым [Горбунов, 2003, рис. 56-2]. Проводя аналогии, автор отметил древность традиции производства подобных масок, а так же широкий ареал их распространения по изобразительным материалам у сяньбийцев, когуресцев и японцев IV-V вв. н.э., а так же применение их у китайцев, киданей X-XII вв., отмечая в этом списке и чжурчжэней [Горбунов, 2003, с. 89]. В таком случае, парные отверстия по краям служили как раз для связки этих частей между собой, две из которых нам предстоит еще найти.

Стоит обратить внимание и на картину Чан Цуйчжуна «18 жалоб госпожи Цай Вэньчжи», где изображено несколько киданьских боевых коней, которые полностью защищены ламиллярными доспехами. Налобники на защитных масках этих коней однотипны чжурчжэньским, но щеки коня защищены фрагментами, состоящими из двух ламиллярных рядов панцирных пластин с каждой стороны [Горелик, 2002, с. 52].

К сожалению, сейчас мы владеем довольно скудной информацией о конском вооружении чжурчжэней, которая заложена только в этих двух пластинах, в связи с чем реконструкция пока довольно расплывчата. Но и при этом можно смело говорить о подтверждении факта наличия у чжурчжэней Приморья защищенной конницы, а полная реконструкция облика этой защиты лишь дело времени и археологии.

Литература

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). – 174 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X-XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М.: Изд-во «Вост. горизонт», 2002. – 84 с.

П.О. Сенотрусова
Красноярск, Сибирский федеральный университет

Шумящие привески средневекового населения Нижнего Приангарья
(по материалам могильника Проспихинская Шивера-IV)

Летом 2009 г. отрядом Сибирского федерального университета под руководством П.В. Мандрыки в составе Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН проводились спасательные работы на многослойном комплексе Проспихинская шивера-IV. Памятник находится на 15-метровой террасе правого берега р. Ангары в 1,1-1,2 км выше устья р. Кода, в створе Проспихинской шиверы.

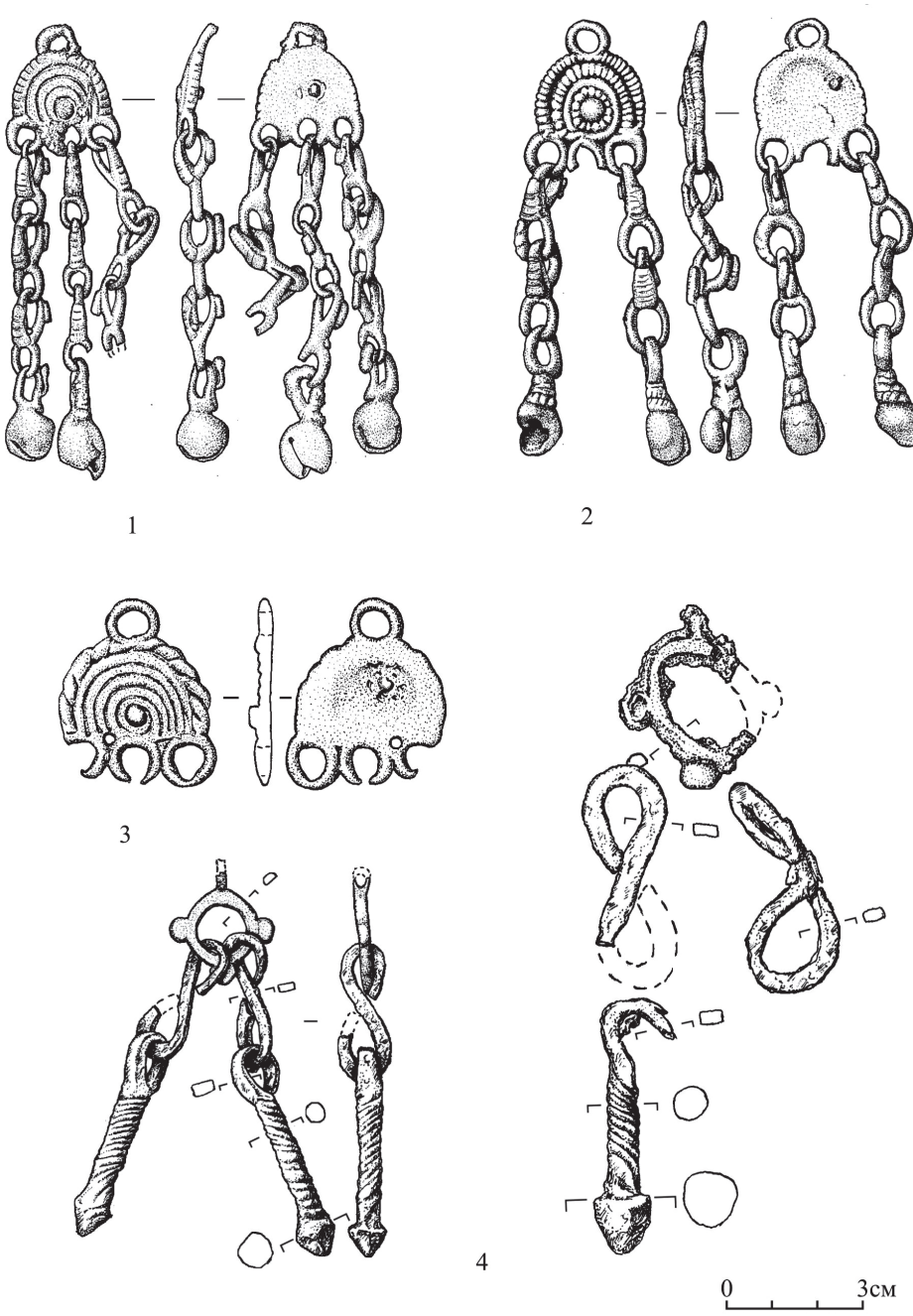
Полевые исследования культурного слоя, содержащего материалы средневекового могильника, позволили получить новые сведения, расширяющие наши представления о культуре средневекового населения Нижнего Приангарья. Поскольку материалы этого года чрезвычайно разнообразны, в данной статье рассматривается только одна категория находок, а именно шумящие привески. Автор использует термин «привески» по определению Ю.Л. Щаповой [Щапова и др., 2007, с. 76].

Всего на могильнике было четыре шумящие привески, найденные в погребениях №№ 3, 6, 7 и 8. Три из них представлены бронзовыми арочными привесками, которые типологически однородны и отличаются только некоторыми деталями оформления. Все подвески частично повреждены, от одной из них сохранилось только тулово. Щитки привесок округлой формы, с ушком для привешивания в верхней части и тремя петлями, к которым при помощи трех цепей из восьмеркообразных звеньев прикреплены бубенчики. Размеры щитка варьируют от 2,5х3,0х0,3 см до 3,1х3,0х0,2 см, длина самих подвесок 7,0-8,0 см. Количество звеньев на подвесках 2-3, длина одного звена 2,1-2,5 см.

Отличия касаются оформления щитка. На двух присутствует спиралевидный орнамент, закручивающийся от центральной «жемчужины». Еще одна привеска с розеткой в центре и двойной окантовкой рубчатыми валиками.

Интересна биметаллическая привеска из погребения № 6. Щиток привески представляет собой бронзовое плоское кольцо с округлыми выступами-«лепестками» с трех сторон и поперечным ушком для подвешивания. Выступы подчеркнуты насечкой. К кольцу через железные плоские восьмеркообразные звенья привешены железные подвески. Последние изготовлены из железного уплощенного прута. Имеют петлю, витое основание и грушевидное пирамидально расширяющееся окончание. Диметр бронзового кольца 1,7 см, длина цепного звена 3,2 см, длина привесок 4,7 и 5,2 см. Общая длина украшения 9,4 см. В сборе сохранись две привески, по всей видимости, их должно быть три. Третья лежала отдельно и по размерам (4,7х0,8х1,0 см) идентична одной из связки.

Следует отметить, что привески, идентичные последней, не находят прямых аналогий в известных автору материалах. Напротив, бронзовые привески распространены достаточно широко на территории Урала и Западной Сибири. Близкие по форме шумящие привески известны в материалах ломоватовской культуры, точнее, ее урьинской стадии (конец VIII-IX вв.) [Голдина, 1985]. Известны они в лесном Прииртышье (усть-ишимская культура, X-XIII вв.) и Нарымском Приобье (памятники кинтусовского типа, X-XIII вв.) [Могильников, 1987]. Достаточно широко подобные привески представлены в материалах Юганского Приобья, где датируются XIII-XIV вв. [Семенова, 2001]. Единичные находки данных предметов встречаются в могильниках развитого средневековья Томского Приобья (Астраханцевский курганный могильник), где они рассматриваются в качестве предметов северного «импорта» [Комова, 2008]. Таким образом, шумящие привески в конце I тыс. н.э. появляются на территории Приуралья, а в период развитого средневековья они широко распространяются на севере Западно-Сибирской равнины. На остальном ареале они представлены единичными находками. Время бытования шумящих привесок на территории Нижнего Приангарья однозначно определить сложно, поскольку в этом регионе они могли использоваться как в развитом средневековье, так и в более поздний период времени.



Шумящие привески из комплекса Проспихинская шивера-IV:
1-3 – бронза, *4* – бронза, железо

В этой связи наиболее интересным нам представляется вопрос о возможных путях и характере культурных связей нижнеангарского населения. Если в основном блоке предшествующих исследований говорилось о влиянии на местное население со стороны южного тюркоязычного населения [Леонтьев, 1985], то, по-нашему мнению, следует отметить и наличие культурных контактов с населением таежной зоны Западной Сибири. Одним из свидетельств этого является наличие в материалах могильника Проспихинская шивера-IV шумящих привесок, а также других категорий украшений, характерных для западносибирского населения. Дальнейшие исследования позволят не только получить новые материалы, но и более полно проанализировать уже имеющиеся.

Литература

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с.

Комова Н. Г. Предметы «северного» импорта на территории Томского Приобья в эпоху развитого средневековья // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 187-188.

Леонтьев В. П. К вопросу о проникновении тюркоязычных компонентов в Северном Приангарье // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 135-137.

Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163-234.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А, Сарачева Т.Г., Столярова Е.К. Морфология украшений. – М.: КДУ, 2007. – 102 с.

А.Г. Сипатрова
Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

Элементы зороастризма в религиозных воззрениях средневековых тюрков

На территории Западной Сибири и Центральной Азии существовали различные культы и религии. На время образования Первого тюркского каганата у тюрков уже существовала своя уникальная религия – тенгрианство [Попов, 1936] Но если рассматривать религиозные системы тюрков, периода первого тюркского каганата (551-745), то станет ясно, что набор религиозных кодов был разнообразен [Гумилёв, 1993]. Судя по археологическим и письменным источникам, тюркам были присущи такие религии как буддизм, манихейство, ислам, тенгрианство [Сипатрова, 2009]. Но не только эти религиозные воззрения были характерны тюркам. Как отмечает Л.Н. Гумилёв, у тюрков также имел место зороастризм.

Зороастризм – самая древняя из мировых религий откровения. Он был государственной религией трёх великих Иранских империй, существовавших почти непрерывно с VI в. до н.э. по VII в. н.э. и господствовавших на большей части Ближнего и Среднего Востока. Власть и могущество Ирана обеспечили зороастризму огромный престиж, а некоторые его черты заимствовали и другие религии [Бойс, 2003].

В зороастризме, как правило, более стоек культ, чем религиозные представления. Основные объекты зороастрийского культа – вода и огонь, т.к. вода и огонь у всех народов были наиболее важными элементами [Бойс, 2003]. Всё это можно отнести к религиозному культу зороастрийцев. И если смотреть шире, то культ зороастризма перешёл и к другим народам. Конечно, тюрки не остались в стороне. После завоевания Средней Азии тюрки стали хозяевами торгового Шелкового пути в страны Средиземноморья. Находившиеся под их властью согдийцы были заинтересованы в прямых торговых связях с Византией. Иран этому препятствовал. В 568 г. согдийский купец Маниах возглавил посольство тюркского кагана в Константинополь, где было заключено торговое соглашение и военный договор против Ирана [Кызласов, 2004]. Персы всячески препятствовали установлению союза империи и каганата. Между тюрками и Ираном были не только торговые, но и культурные взаимоотношения. Многими тюркологами и иранистами не в полной мере осознаётся важный исторический факт: официальной письменностью и государственным письменным языком в первом Тюркском каганате являлись согдийское письмо и согдийский язык. Разгромив в Средней Азии государство эфталитов, войска алтайских тюрков вошли в контакт с не менее могучей державой – Ираном, управляемой династией Сасанидов. К VII в. число согдийцев на тюркских землях оказалось настолько значительным, что китайский историограф того времени рассматривал ираноязычных переселенцев как одно из местных племён каганата. Наместник из Восточного Туркестана писал: «Тюрки простодушны и недальновидны, и можно внести между ними раздор. К сожалению, среди них живёт много согдийцев, которые хитры и коварны; они научают и направляют тюрков [Кызласов, 2004, с. 123-124].

Как отмечает Гумилёв, в повествовании о Юебени говорится о колдунах, умевших вызывать холод и дождь. По этому поводу существует множество легенд. Все эти легенды восходят к верованию в возможность управления погодой путём магических манипуляций. Также нам известно, что в зороастрийском культе присутствовали маги. Сам Гумилёв уверяет, что в легендах мы видим

не кама (шамана), а ядачи (колдуна). Яда – колдовство. Древнейшие сведения о «Яда» содержатся в хронике неизвестного сирийского монаха VII в. Здесь же корни этого слова уходят в персидский. Л.Н. Гумилёв сообщает, что колдовство производилось путём бросания огня в небо, и эта особенность подтверждается параллельными сведениями, которые почерпнуты из повествования Земарха [Гумилёв, 1993, с. 84-85]. В древнетюркской мифологии «яда» – магический камень, с помощью которого можно вызывать или прекращать град, дождь, снег или ветер. Сведения об этом камне встречаются в самых различных источниках, начиная с «Диван-и лугат-ат-тюрк» Мухамед Кашкарского и трактата по минералогии Абу Рейхана Бируни, заканчивая рукописными тетрадками-рисоля, полученными С.Е. Маловым от уйгуров. Упоминания церемонии «яда» есть в гадательных книжках руническим письмом VIII–IX вв. и у китайских авторов, сообщающих о тюркских и монгольских племенах [Аникеева, 2002]. Во всём этом усматривается присутствие элементов иранского зороастризма.

Если взять на рассмотрение ранние погребения тюрков, то из всей массы погребений можно выделить, курганы с кремацией. Эти курганы содержат остатки трупосожжений, совершённых на стороне вместе с инвентарём, побывавшем в огне, или без него, иногда вещи не имеют следов воздействия огня [Могильников, 2002, с. 69]. Почитание огня имело место и у тюрков [Гумилёв, 1993, с. 76].

Таким образом, можно отметить, что в религиозных воззрениях средневековых тюрков имели место элементы зороастризма.

Литература

Аникеева Т.А. Волшебный камень «Яда» и обряды вызывания дождя у тюрков Центральной Азии // Мир Центральной Азии. Археология, этнология. – Улан-Удэ, 2002. – С. 80-85.

Бойс М. Зороастрийцы верования и обычаи. – СПб.: Наука. 2003. – 352 с.

Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1993. – 512 с.

Кызласов Л.Р. Тюрко-иранские культурные взаимосвязи в эпоху средневековья (язык, письменность, религия) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. – № 12. – С. 82-84.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.

Попов А.А. Таврийцы. – М.: Наука, 1936. – 234 с.

Сипатрова А.Г. Источники по изучению религий средневековых тюрков // Древности Сибири и Центральной Азии – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. – № 1-2 (13-14). – С. 192-195.

П.О. Терентьев, М.А. Глушенко
Братск, Братский государственный университет

Новые следы енисейских кыргызов на Средней Ангаре

На протяжении свыше полутора тысячелетий кыргызы держали в подчинении племена кыштыков, данная ситуация сохранялась даже тогда, когда сами кыргызы находились под влиянием монголов. Таежные районы оставались для них резервом материальных ресурсов, куда они направляли регулярно вооруженные отряды. Особый интерес представляет захоронение, вскрытое водами Братского водохранилища на Долоновских островах, включающее в себя комплекс из 56 изделий. Среди них 19 черешковых наконечников стрел. Самые многочисленные – трехлопастные наконечники. Материалы Долоновского расширения, по выводам А.В. Волокитина и Е.М. Инешина, принадлежат к части комплекса разрушенного погребения конного воина енисейских кыргызов (IX-X вв.), участвовавшего в набегах на таежные племена Окско-Ийского региона Братского района [Уткин, 2002]. Подобные предметы обнаружены на р. Оке и р. Ангаре близ г. Иркутска.

Г.С. Уткин отмечает, что Долоновское погребение имеет самую северо-восточную точку границы распространения енисейских кыргызов в эпоху средневековья. Это утверждение опровергают находки на стоянке Окуневка в 2009 г. Границу распространения кыргызов, таким образом, можно отнести далее к северо-востоку.

Население красноярско-канского варианта культуры енисейских кыргызов продолжало существовать до монгольского времени, постепенно занимая более северные подтаежные районы,

вплоть до нижнего течения Ангары, что подтверждается находкой погребений по обряду трупосожжения в нижнем и среднем течении Ангары [Харинский, 1989].

В результате спасательных работ в 2009 г. на стоянке Окуневка выявлен погребенный железный клад с видимыми результатами пирогенной деятельности, поэтому возможно утверждение о перенесенной кремации. Не были выявлены фрагменты костей, обычно сопутствующие кремации, что может быть объяснено механическим перемещением (в месте находки клада находилась пашня). Клад залегал плотным скоплением на контакте дерново-почвенного горизонта и темно-желтой супеси.

Среди находок обнаружены предметы погребального инвентаря (рис. 1). Два фрагмента, образующие железное изделие с черешковым насадом и двумя «рожками», украшенными поперечными насечками. Назначение изделия неизвестно, возможно, это шпора. Два бронзовых элемента ременного набора – прямоугольная бляшка с отверстием и «хвостовик». Два железных трехлопастных наконечника стрел с конусообразной шейкой и вытянутым черешком. Наконечники довольно узкие в сечении, поэтому являются бронебойными. Железный нож с сужающимся черешковым насадом, кончик которого отогнут к лезвию. Лавролистный наконечник копья с втульчатым насадом. Часть железных вещей из клада была слабо обожжена в огне и подверглась заметной коррозии.

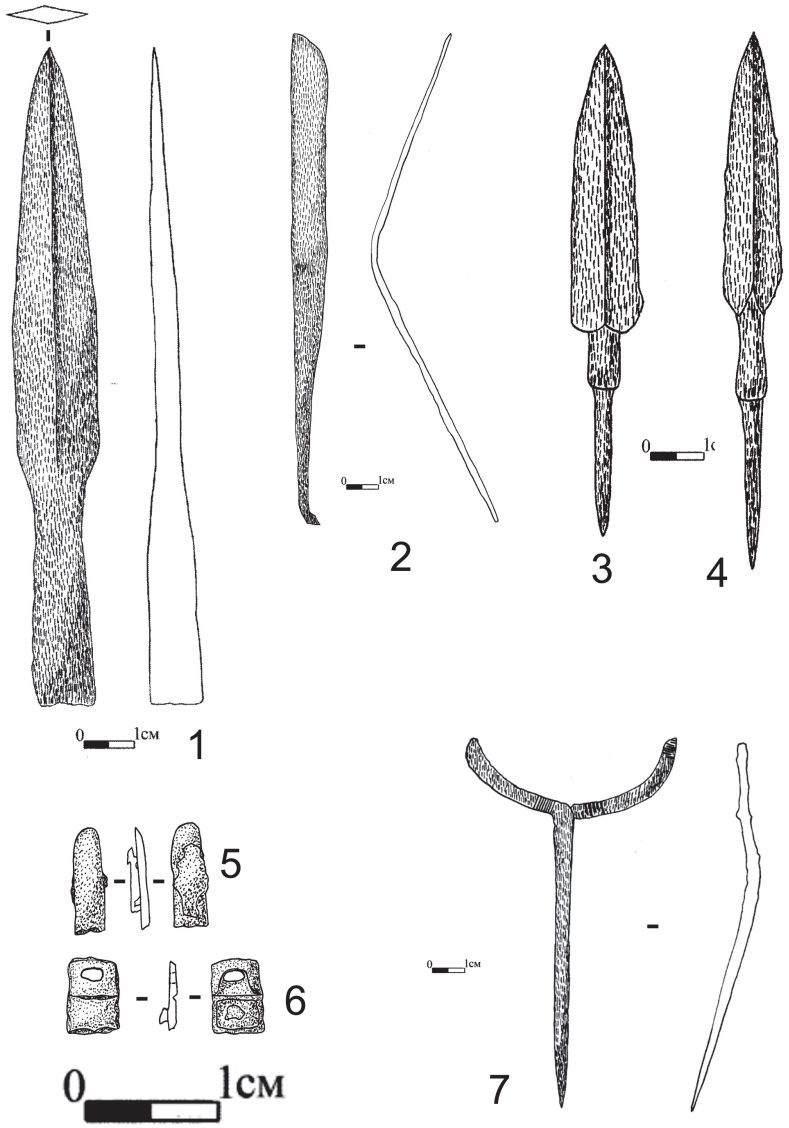


Рис. 1. Клад со стоянки Окуневка. 1 – наконечник копья, 2 – нож, 3,4 – наконечники стрел, 5 – ременной хвостовик, 6 – бляшка, 7 – шпора (?)

В погребениях енисейских кыргызов довольно часто находят оружие в сломанном или сильно загнутом состоянии. Это говорит о присутствии обрядов с преднамеренной порчей оружия. Же-

лезный нож со стоянки Окуневка также найден в загнутом состоянии. Все это дает повод предполагать, что клад со стоянки Окуневка является остатками разрушенного погребения с трупосожжением.

По типологии, составленной Ю.А. Плотниковым, данные наконечники стрел принадлежат типу № 5 – ярусные трехлопастные наконечники. Были широко распространены в южной Сибири в позднее гунно-сарматское время. Бытование их на территории Сибири прослеживается вплоть до середины I тыс. н.э., но возможна и более поздняя датировка [Плотников, 1981].

Большинство из найденных предметов имеют аналогии в памятниках енисейских кыргызов, обнаруженных на территории всей Ангары и в ряде соседних территорий. Наконечники стрел типологически могут быть датируемы достаточно широким диапазоном – IX-XII вв. Их отношение к культуре енисейских кыргызов или подчиненных таежных племен не вызывает сомнения.

Примечательно то, что обнаруженные следы енисейских кыргызов на территории Приангарья относятся к левому берегу р. Ангары, что может указывать на ограничение р. Ангарой восточной границы влияния Кыргызского каганата.

Литература

Плотников Ю.А Наконечники стрел из могильника Кызыл-Ту // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 101.

Уткин Г.С. Земля Братская далекая и загадочная. – Братск, 2002. – 193 с.

Харинский А.В. Захоронения по обряду кремации конца I тыс. н.э. из Южного Приангарья // Сибирь в древности. – Иркутск: ИГТУ, 1989. – С. 220-226.

З.Ч. Ухинов
Чита, Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Захоронения животных в средневековых памятниках Восточного Забайкалья

Животные сопровождают человека с незапамятных времен, с того момента, как человек одомашнил дикого зверя. Для степных кочевых народов средневекового Забайкалья особо важными домашними животными являлись лошади, крупный рогатый скот, овцы и собаки. Все они выполняли разные функции: лошади – транспортные животные; крупный рогатый скот – тягловые животные и источник молочной пищи; овцы – основной источник мяса и шерсти; собаки – защитники от посторонних диких животных. Все они приобрели, в силу выполняемых функций, сакральный образ у кочевых племен Восточного Забайкалья. Именно поэтому, многие народы стали использовать домашних животных во время совершения погребальной обрядности, в том числе, в качестве жертвенных субъектов.

Захоронения животных можно разделить на две группы: 1) захоронения животных или фрагментов их вместе с человеком в одной могиле; 2) захоронения животных или фрагментов их раздельно от человека в отдельной могиле.

К первой группе в основном относятся кости животных, которые находятся рядом с костяком человека. Встречаются также полные костяки животных в могиле с умершим. Например, такие совместные захоронения человека и собаки встречаются у хунну [Коновалов, 1976, с. 25]. Повсеместно встречаются берцовые и бедренные кости ног барана в захоронениях монголов. В погребении № 5 в могильнике Окошки возле Хирхиринского городища в 2009 г. экспедицией под руководством А.В. Харинского была обнаружена вертикально установленная кость задней ноги барана, которая была расположена возле головы покойной монголки. При захоронении в бересте монголы обычно клали кость ноги барана как за пределами берестяного гроба, так и внутри него, но в обоих случаях в изголовье [Хамзина, 1970, с. 39; Коновалов, Данилов, 1981, с. 65-66, 69-70]. В детском погребении у с. Солонцово в Забайкальском крае вертикально стоявшая кость ноги барана находилась за пределами берестяного гроба с левой стороны на уровне пояса [Ковычев, 1981, с. 76]. Также вертикально установленные кости ног барана встречаются в могильнике у с. Новотроицк, который относят к племенам ундугунской культуры, проживавшим на территории Забайкалья в XII-XV вв. н.э.

Ко второй группе погребенных животных можно отнести такие средневековые памятники как: Ононск I, Проезжая I, Кайластуй. В 1968 г. в могильнике Ононск I было раскопано отдельное погребение собаки с погребальным инвентарем. Костяк захороненного животного лежал в округлой могильной яме на правом боку, головой на восток. Среди камней кладки в западной части погребения обнаружены железные удила с симметричными кольчатыми половинками и осевидными псалиями. Ононский могильник оставлен какой-то группой монголоязычных племен, скорее всего родственной племенам сяньби и ухуань [Асеев и др., 1984, с. 64].

В 1986 г. в верховьях р. Аргунь у села Кайластуй проводились раскопки средневековой стоянки раннемонгольского периода. Рядом с могилами людей было обнаружено захоронение собаки, подобное захоронению из могильника Ононск I, но уже без погребального инвентаря.

В 2007-2008 гг. проводились раскопки городища «Проезжая I» сотрудниками Верхнеамурской Археологической Экспедиции (ВАЭ) на реке Шилка. В 2007 г. при вскрытии землянки № 28 в ней было обнаружено захоронение собаки. Костяк направлен на восток с малым смещение на юг. Возле черепа собаки располагались погребальные предметы: слева и справа от головы находились две речные ракушки, перед носом металлический наконечник стрелы с обломанным острием. В 2008 г. вскрыто и обследовано три землянки закрытого типа. Были обнаружены две захороненные собаки в землянке № 32. Располагались они в 1,5 метрах друг от друга. Первая собака лежала на спине, ориентирована на восток. Вторая собака лежала на животе, также ориентирована на восток. В отличие от захоронения из землянки № 28, эти собаки без погребального инвентаря.

Новые данные, полученные ВАЭ в 2007-2009 гг., расширили наши знания о применении животных в погребальной обрядности в качестве жертвенных субъектов.

Литература

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1984. – 64 с.

Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1981. – 76 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976. – 25 с.

Коновалов П.Б., Данилов С.В. Средневековые погребения в Кибалино // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1981. – 65-66 с.

Хамзина Е.А. Археологические памятники западного Забайкалья. – Улан-Удэ, 1970. – 39 с.

А.В. Харченков

Новосибирск, Новосибирский государственный технический университет

Особенности фортификации Шилкинской системы городищ

В последние годы на территории верхней части Амурского бассейна развернут новый этап в изучении мохэской археологической культуры. Комплексный анализ археологических и антропологических материалов, полученных при изучении памятников этой культуры в Амурской области и сопредельной Маньчжурии, корреляция этих данных с материалами из Восточного Забайкалья позволили расширить возможности для решения проблемы миграции из внутренних районов Северо-Восточного Китая в Западное Приамурье мохэского населения, его расселения и хозяйственной адаптации в новых условиях, а также открыть новые перспективы для решения общей проблемы происхождения тунгусо-маньчжурских народов региона.

Целью нашего исследования является анализ специфики фортификации средневековых городищ на участке среднего течения р. Шилки от устья р. Кары до устья р. Горбица (Сретенский район Забайкальского края). Эти памятники датированы концом I – началом II тыс. н.э. [Окладников, Ларичев, 1999; Деревянко, 1972; Черенщиков, 1992]. С 2006 г. осуществляется программа совместных исследований ИАЭТ СО РАН и Забайкальского краевого краеведческого музея (г. Чита). Впервые была проведена инструментальная топографическая съёмка городищ на Чудейском утёсе, у с. Усть-Чёрная и на горе Витчиха, осуществляются стационарные работы на Усть-Чёрнинском городище.

Городище на Чудейском утесе расположено на поверхности одноименного мыса горы Широкой (высота 60 м.) на левом берегу притока Шилки р. Черной в 7 км выше устья. Площадь городища более 6000 кв. м. [Алкин, Васильев и др., 2006]. Более крупное по площади городище у с. Усть-Черная аналогично Чудейскому по характеру дислокации на высоком утёсе, по организации жилого пространства и фортификационной архитектуре. В обоих случаях при возведении защитных сооружений учитывалось наличие с одной из сторон крутого склона, что позволило использовать П-образную систему рвов и валов.

Памятник на правом берегу р. Шилки на сопке Витчиха напротив с. Верхние Куларки отличается замкнутой системой оборонительных сооружений из рва и двух параллельных валов. Сочленение сторон в виде прямых углов. Городище имеет два входа: в средней части юго-западной и северо-восточной стенок. Площадь памятника составляет ок. 4000 кв.м [Алкин, Нестеренко и др., 2008].

Наиболее изученным в настоящее время является городище у с. Усть-Чёрная. Это уникальный археологический объект в зоне контакта древних культур Верхнего и Среднего Приамурья. Памятник выделяется как своими размерами, так и месторасположением в приустьевой части р. Чёрной – самого мощного на этом участке р. Шилки левобережного притока. Его оборонительная система представляет собой двойной ров с тремя валами, которые защищают поселение с трёх сторон. С юга городище защищено естественным образом благодаря крутому склону. В медиальной части западного участка располагался вход, который выглядит сегодня как перемычки во рвах на уровне вала. В северо-западной части поселения и в средней части северного участка фортификации сохранились следы дренажной системы для отвода излишков воды с территории городища. На центральном валу находился плетень, остатки которого зафиксированы в виде попарно расположенных ямок и фрагментов вертикальных жердей из стволов молодых лиственниц. С внутренней стороны располагался частокол (тын) из лиственничных плах [Алкин, Нестеренко и др., 2007, 2008].

Можно предположить, что подобная конструкция оборонительной системы использовалась и на других горных городищах (Чудейский утёсе, гора Витчиха), а также на известном пойменном городище в местности Кантога ниже устья р. Чёрной.

Анализ вещественного материала, особенностей жилищного и фортификационного строительства позволил сделать вывод о том, что на определенном этапе развития мохэской культуры началось продвижение части её носителей (троицкие мохэ) в западном от основного ареала их расселения направлении вверх по течению Амура. Таким образом, на рубеже I и II тыс. н.э. начался процесс активной колонизации районов Западного Приамурья предками тунгусо-маньчжур. Шилкинская система городищ зафиксировала западную границу продвижения мохэсцев. Здесь они вступили в контакт с местным населением – монголоязычными шивэйцами китайских хроник, представленными археологической бурхотуйской культурой.

Хорошо укрепленные поселения на Шилке и Чёрной свидетельствуют о том, что местное население сопротивлялось экспансии. Это потребовало от пришельцев устройства городков на труднодоступных утесах, возведения сложных фортификационных сооружений. Таким образом возник на этой территории редкий для Забайкалья тип археологических памятников.

Общими особенностями фортификации большинства городищ Шилкинской системы является приуроченность к поверхностям труднодоступных (60-100 м) возвышенностей. Это не только давало защиту, но и хороший обзор прилегающей местности. Фортификационные сооружения городищ представляют собой систему рвов и валов, идущих параллельно друг другу и имеющих сочленения в виде прямого угла. В замкнутом виде система рвов и валов представлена лишь на городище Витчиха. Большая часть жилых и хозяйственных построек городищ располагается внутри пространства, ограниченного линией фортификации.

Достаточно высотное расположение городищ говорит о том, что их население не имело непосредственного доступа к воде из близлежащих рек. В то же время нельзя исключать наличия источников в непосредственной близости от поселений. Например, были обнаружены следы высохшего верхового источника в непосредственной близости от городища на Чудейском утёсе. На Усть-Чёрнинском городище выявлены остатки дренажной системы, указывающие на возможность сбора осадков. В зимнее время запасы воды могли пополняться за счет снега и доставки льда из близлежащих водоемов.

Таким образом, указанные городища могли использоваться как места временной дислокации населения или его части, а также как пункты контроля за местностью. Взаимное в пределах видимости расположение описанных городищ говорит о том, что для коммуникации с соседями могла быть использована система визуальной (дымовой) сигнализации.

Технологии, использованные при возведении жилищ и фортификации, были совершенно новыми для Восточного Забайкалья, однако хорошо известными по результатам изучения памятников этого типа в районах Среднего Приамурья. Полагаем, что работа в бассейне Шилки имеет важное значения для определения динамики этнокультурного развития региона Западного Приамурья в раннем средневековье.

Литература

Алкин С.В., Васильев С.Г., Колосов В.К., Нестеренко В.В. Результаты полевых исследований на левобережье реки Шилки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 249-254.

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Васильев С.Г., Колосов В.К. Исследования на городище Усть-Чёрная в Сретенском районе Читинской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 168-172.

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К., Мороз П.В. Полевые исследования в Сретенском районе Забайкальского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 116-121.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья и Забайкалья // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. – Чита: Чит. пед. ин-т, 1972. – С. 81-89.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура востока Азии.– Благовещенск: Издательство АмГУ, 1999. – Вып. 2. – С 4-29.

Черенщиков О.Ю. Очерки древней истории Шилки. – Сретенск, 1992. – 34 с.

М.А. Чернов
Томск, Томский государственный университет

Городище Шайтан III – неординарный средневековый памятник Томского Приобья

Городище Шайтан III расположено на правой коренной террасе р. Оби в 7 км к югу от с. Киреевск Кожевниковского района Томской области. Городище входит в состав целого комплекса разнотипных средневековых памятников, получивших название Шайтанский археологический микрорайон. Коренная терраса в месте расположения памятников на 2-2,5 км удаляется от русла р. Оби, образуя обширную пойму. Мыс, на котором расположено городище, образован двумя балками, высота террасы в месте расположения памятника относительно уровня поймы 25 м.

Общая площадь городища 2900 м², визуально фиксируется 27 западин. Примечательные внешние параметры оборонительной системы. Линия фортификации представлена внешним рвом и внутренним валом протяженностью 45 м (глубина рва – до 3,5 м, ширина рва 7-10 м; высота вала от площадки городища 0,5-1 м, ширина вала 5-7 м).

В 2007 году Е.В. Барсуковым были проведены раскопки, в ходе которых исследованы остатки одной постройки, хозяйственные ямы и один производственный объект [Барсуков, 2009]. Зафиксирован культурный слой мощностью от 0,3 до 1,5 м, насыщенность находками составила более 100 единиц на 1 м^2. Массовый материал представлен керамикой, костями животных, железными ножами, железными и костяными наконечниками стрел, остатками железоделательного производства (шлаками, железной рудой, фрагментами стенок горнов). Выделяется также группа «индивидуальных» находок: кресала, пряжки, бронзовая колоколовидная подвеска в форме медведя, каменное пряслице, бронзовая бляха, костяная колчанная петля, каменные и пастовые бусы. Для определения датировки памятника необходимо отдельно остановиться на наиболее хронологически показательных вещах и характеристике керамического комплекса.

Бронзовая колоковидная подвеска (пронизь). Стилизованное изображением зверя, вероятнее всего, медведя. Отлита в двусторонней форме с сердечником, плечи и туловище зверя оформлены рельефными валиками, на спине сквозное отверстие для подвешивания. Аналогичные предметы достаточно широко распространены в Сургутском Приобье и датируются X-XIV вв. [Семенова, 2001; Хлобыстин, Овсянников, 1973; Чернецов, 1957].

Сердоликовая граненая бипирамидальная бусина. Сердоликовые граненые бипирамидальные бусы очень широко распространены в начале II тыс. н.э. в европейской части России, Средней Азии, Прикамье и Сибири [Голдина, Королева, 1983; Коников, 2007]. Наибольшее распространение они получают в XI-XII вв. [Кызласов, 1977]. Л.М. Плетнева считает их хронологическим показателем XII-XIV вв. для памятников Томского Приобья [Плетнева, 1990].

Керамический комплекс городища неоднороден и распадается на две группы. Первая представлена круглодонными горшками с отогнутым венчиком, срез венчика скошен наружу и украшен гребенкой, оттисками палочки или пальцевыми вдавлениями, орнамент всегда нанесен лишь на верхнюю часть сосуда и состоит из пояса ямок и/или отпечатков гладкого или гребенчатого штампа. Аналогии такой посуде находятся в большой группе памятников Приобья и Притомья, достаточно широко датируемых в пределах первой половины II тыс. н.э. [Плетнева, 1997; Басандайка, 1947].

Вторая группа представлена сосудами горшковидной формы с широким горлом, слабо профилированной шейкой. Срез венчика орнаментирован оттисками гребенчатого или гладкого штампа. Орнаментом покрывалась вся поверхность сосудов. Преобладающими элементами в орнаменте являются оттиски гребенчатого и гладкого штампа. Кроме того, встречаются ямки, а также оттиски уголка палочки и оттиски пальцев. Подобная керамика хорошо известна в Томском и Новосибирском Приобье. Некоторые исследователей считают возможным датировать ее поздним средневековьем (XVI-XVII вв. н.э.) [Плетнева, 1990].

Получена серия радиоуглеродных дат: (Le-8653:340±60BP), (Le-8655:430±60BP), (Le-8259:190±25BP), (Le-8260:490±50BP), (Le-8261:300±40BP), (Le-8262:900±35BP). С учетом калибровки хронологию городища можно определить в пределах X-XVII вв. Столь долговременное функционирование городища во многом объясняет не имеющую аналогов среди средневековых памятников региона насыщенность культурного слоя.

Изучение этого памятника, судя по всему, функционировавшего непрерывно на протяжении семи столетий, является ключевым для решения целой серии проблем хронологии средневековья Томского Приобья. В этом районе достаточно полно изучены памятники развитого средневековья – XI-XIV вв. н.э., связываемые некоторыми исследователями с басандайской культурой, а также памятники позднего средневековья XVI-XVII вв. н.э., оставленные предками различных групп томских татар [Плетнева, 1997, 1990]. При этом, из существующей культурно-хронологической схемы полностью выпадает весь XV в., а научная проблема «перехода» от развитого к позднему средневековью еще никем даже не была четко сформулирована.

На сегодняшний день раскопана очень небольшая часть городища – всего около 3% от его общей площади. Очень перспективными видятся дальнейшие стационарные исследования. О неординарности памятника свидетельствует мощная, не имеющая аналогов в регионе система обороны и необычайно насыщенный культурный слой.

Литература

Барсуков Е.В. Отчет о работе Шайтанской археологической экспедиции ТГУ на территории Кожевниковского района Томской области в 2007 г.: исследования городища Шайтан III // Архив музея археологии и этнографии ТГУ. – Томск, 2009. – 215 с.

Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та и Том. гос. пед. ун-та, 1948. – Т. 98. – 250 с.

Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск: УдмГУ, 1983. – С. 40-71.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. – Омск: Изд-во ОмГПУ; Издат. дом «Наука», 2007. – 466 с.

Кызласов И.Л. Бусы средневековой Хакасии // Уч. зап. / Хакас. НИИЯЛИ. – Абакан, 1977. – № 6. – С. 136-160.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – 132 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 350 с.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Хлобыстин Л.П., Овсянников О.В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западном Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – Москва: Наука, 1973. – С. 248-258.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. Обзор и классификация материала. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 136-245. – (МИА. – № 58).

А.И. Шойнуу
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Средневековые археологические памятники долины р. Ус*

В развитии средневековой истории Южной Сибири важное место принадлежит культуре енисейских кыргызов, которые в конце I – начале II тыс. н.э. занимали территорию по среднему и верхнему течению Енисея. Памятники енисейских кыргызов довольно рано привлекли внимание исследователей ввиду своей информативности, связанной с возможностью использования письменных и этнографических источников для интерпретации материалов. Высокая степень изученности способствует тому, что без их учета не проводится определение хронологии, этнокультурной принадлежности и направленности культурных контактов в пределах степного пояса Евразии. Аналогии кыргызским предметным комплексам прослеживаются в средневековых культурах кочевников от Приморья до Венгрии [Евтюхова, 1948; Кызласов, 1978; Худяков, 1986].

Для IX-X вв. в пределах Саяно-Алтая выделяется несколько локальных вариантов культуры енисейских кыргызов [Савинов, 1984, с. 89-97] При этом памятники ее периферийных локальных вариантов (периферийных относительно минусинского и тувинского вариантов) изучены еще слабо. В то же время исследования средневековых памятников в долине р. Ус, правого притока Енисея, позволяют выделить в рамках тувинского варианта отдельный микрорайон с характерной для кыргызов спецификой материальной культуры и погребального обряда.

Небольшая межгорная Усинская котловина является одной из немногих в системе Западного Саяна, имеющих равнинные участки. Начиная с эпохи бронзы, Усинская котловина являлась своеобразным «коридором» между южно-сибирскими и центрально-азиатскими степями, по которому шли миграционные потоки. В эпоху средневековья и, вероятно, особенно во времена кыргызско-уйгурского противостояния контроль над ней имел важное военно-стратегическое и экономическое значение.

Цель данной публикации – дать культурно-хронологическую характеристику средневековых погребальных комплексов Усинской котловины. Памятники расположены на небольших мысовидных участках надпойменных террас правого берега реки. Могильники Мутная I и Эйдиктыр-кыр до начала работ представляли собой поросшие карагаником сплошные каменные насыпи, визуально напоминающие курганы-кладбища могильников типа Кокэль в Туве.

Могильник Мутная I был раскопан полностью сплошным раскопом, в результате были исследованы планиграфия памятника, конструкция отдельных курганов, межкурганное пространство и погребальный обряд. Курганы, содержащие погребения по обряду трупосожжения, были пристроены один к одному и образовывали вытянутые цепочки. Исключение составили расположенные отдельно курганы №№ 1, 2, 5 на северной окраине могильника и курганы №№ 18 и 19, сооруженные в полах каменной насыпи кургана скифского времени [Митько, 1993, с. 8-22].

* *Работа выполнена в рамках проекта РНП 2.2.1.1/1822 Развитие совместного учебно-научного центра ГОУ ВПО «Новосибирский государственный университет» и Института археологии и этнографии СО РАН как интегрированной научно-образовательной структуры в области археологии, этнографии Сибири и востоковедения аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)»*

Аналогичная планиграфия и устройство надмогильных сооружений зафиксированы на могильнике Эйдиктыр-кыр, где к настоящему времени исследовано 48 курганов и 12 отдельных внекурганных погребений. В большей части курганов кальцинированные кости располагались либо на дне небольших грунтовых ям, либо на различных уровнях их заполнения. В отдельных случаях непосредственно в могильных ямах погребения отсутствовали, но при этом в межкурганном пространстве могильника зафиксированы скопления кальцинированных костей, рассыпанные на больших по площади участках.

Погребальный инвентарь встречался в заполнении и на дне могильных ям, которые в отдельных случаях были перекрыты массивными плитами. Большинство находок относится к предметам вооружения и снаряжения верхового коня. Это наконечники стрел различных типов, железные ножи, удила, стремена, бронзовые распределители ремней и поясные накладки, подвесные наконечники ремней. Керамика (целые сосуды и фрагменты) была найдена в могильных ямах курганов и в отдельных бескурганных захоронениях. Сосуды баночного типа, не орнаментированные, слабо обожженные. Из общей группы выделяется сосуд, декорированный под венчиком горизонтальными налепными валиками, опускающимися вниз по тулову, что характерно для шурмакской керамики, и сосуд с прорезным орнаментом в виде пересекающихся полуокружий [Митько, 2006, с. 20-25].

В целом же, характерной особенностью единых в этнокультурном и хронологическом отношении могильников Мутная I и Эйдиктыр-кыр является типологическое и стилистическое разнообразие отдельных категорий погребального инвентаря (удила, стремена, украшения сбруи). Анализ материала позволяет сблизить их с памятниками аналогичного типа на территории Тувы, датируемых периодом рубежом I – II тыс. н.э.

Местонахождение памятников Усть-Мутная включает два кургана, расположенные на высоком обрывистом берегу реки, с которого открывается красивый вид на долину. Расстояние между курганами – около 100 м. В отличие от курганов двух вышеописанных могильников, они имеют другую форму, размеры и конструкцию. Исследование кургана № 1 позволило выявить прямоугольную в плане каменную конструкцию (размеры 7×6,5 м), ориентированную углами по сторонам света. Курган содержал погребение, совершенное по обряду трупосожжения, совершенного на стороне с размещением останков на уровне погребенной почвы. При зачистке насыпи и разборе захоронения было собрано большое количество кальцинированных костей, что позволяет предположить захоронение останков нескольких человек. В заполнении кургана и среди кальцинированных костей обнаружен сопроводительный инвентарь, побывавший на погребальном костре и имеющий аналогии в памятниках енисейских кыргызов XI-XII вв.

Близкими топографическими условиями характеризуется и могильник Шигрей. Его курганы занимают небольшие, относительно ровные мысовидные участки скалистого берега реки и расположены на значительном расстоянии друг от друга. Курган № 4 могильника Шигрей представлял собой округлую каменную насыпь, сложенную из скальных обломков. Развал камней не фиксируется, выкладка сплошная, крупными плитами была перекрыта центральная часть, где на уровне погребенной почвы рассыпаны кальцинированные кости. Среди них обнаружен инвентарь, позволяющий отнести захоронение кургана № 4 могильника Шигрей, как и кургана № 1 местонахождения Усть-Мутная, к XI – началу XIII вв.

В период существования средневековых государственных образований контроль над Усинской долиной имел военно–стратегическое и экономическое значение. Именно к этому периоду относится первое упоминание о р. Ус и о проживавшем на ее берегах народе в китайской летописи монгольского времени «Юань-ши» («История династии Юань»). Один из разделов летописи (глава 63) содержит небольшое географическое и историко-этнографическое описание нескольких «местностей» и племен, проживавших на территории Верхнего и Среднего Енисея. Это цзилицзисы, ангарцы, ханьхэна (кабканасы) и народ усы, а также «местности» Цяньчжоу и Иланьчжоу [Кычанов, 1963, с. 60].

Наиболее аргументированный и всесторонний анализ этнонима «ус» принадлежит французскому исследователю Л. Амби [Hambis, 1957, с. 25-34]. Однако, по материалам одного могильника трудно однозначно ответить на вопрос, были ли усинцы, о которых сообщают юаньские источники, одной из групп енисейских кыргызов либо составляли отдельную этническую общность, отличную от них. В более позднем источнике упоминается племя урсут (урасут), название которого тождественно усинцам. Наряду с теленгутами и куштеми (кыштымы) они отнесены к «лесным племенам».

Литература

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан.; Хакас. НИИЯЛИ, 1948. – 110 с.

Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов XIII-XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время) // СА. – 1978. – № 1. – С. 193-211.

Кычанов Е.И. Сведения в «Юань – ши» о переселении киргизов в XIII веке (публикация источников) // Изв./ АН Кирг. ССР. Общественных наук. – Фрунзе, 1963. – Т V, вып. 1. – С. 59-65.

Митько О.А. Отчет о работе Красноярского археологического отряда в 1993 г. // Архив ЛГИ НИЧ НГУ. – Новосибирск, 1994. – 88 с.

Митько О. А. Отчет о работе Красноярского археологического отряда НГУ на территории Новосёловского и Ермаковского районов Красноярского края в 2006 году // Архив ЛГИ НИЧ НГУ. – Новосибирск, 2007. – 363 с.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Наука, 1984. – 174 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Енисее. – Новосибирск: НГУ, 1986. – 80 с.

Hambis L. Notes sur la trios tribus de 1 Ienissei superieur les us, qapqanas et Talangut // Journal Asiatique. – 1957. – V. CCXLV, № 1 – P. 25-34.

Е.В. Щербинский

Благовещенск, Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области

Фортификационные сооружения на горе Шапка

Городище на горе Шапка находится недалеко от с. Поярково Михайловского района Амурской области на берегу р. Амур. Впервые о городище упоминает И.А Лопатин, описывая его как «небольшое земляное укрепление, приметное с реки» [Деревянко, 1973, с. 22]. В 1870 г. это городище было описано П. Кафаровым. [Там же]. Летом 1902 г. А.Я. Гуров и Г.Ф. Белоусов осмотрели памятник на г. Шапка и произвели на нем небольшие раскопки. Затем более подробное описание было сделано Е.В Гонсовичем в 1910 г. В 1960-е годы городище было осмотрено А.П. Окладниковым было заложено несколько шурфов в разных частях памятника, а также собран подъемный археологический материал, что позволило отнести городище к чжурчженьскому времени.

В 1981 и 1983 гг. Поярковским археологическим отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции на г. Шапка проводились стационарные раскопки под руководством Е.И. Деревянко. В то время был составлен топографический план городища, на котором были указаны раскопы 1981 и 1983 гг.; вал, опоясывающий по периметру все городище; обнаруженные западины и дополнительный вал, примыкающий к основному валу с северо-западной стороны. Летом 2009 г. на памятнике были продолжены раскопки «Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» под руководством Н.Н. Зайцева.

Гора Шапка – останец второй амурской террасы. В полутора километрах к юго-западу от горы течет река Амур. Площадь останца составляет примерно 45 тыс. кв.м. Естественная высота горы в западной, наиболее высокой части – 23,4 м, в северо-восточной – 18 м. Условно можно выделить на горе две вершины: более высокую – западную, и пониже – восточную.

По верхней части горы, по всему периметру проходит основной крепостной вал высотой от 1,5-2 м до 3-х м в южной части и северной частях городища по отношению к дну рва, шириной в основании 6 м и от 1 до 2 м в верхней части. Вдоль вала, параллельно ему, с внутренней стороны, проходит ров. В 1970-х годах этот ров был углублен военными и использовался, по всей вероятности, в качестве ходов сообщения. Ширина его на данный момент составляет от 1 до 2 м. Точные данные получить невозможно из-за частичной разрушенности рва военными. С северо-западной стороны к горе примыкает насыпной вал высотой до 2 м и шириной 1,5 м, отгораживающий большую территорию, т.н. «пристройку». В северной части памятника этот вал имеет разрыв шириной 65 м, являвшийся, по всей видимости, когда-то воротами. В основном крепостном валу с южной стороны, в самой его высокой части, имеется разрыв шириной 15 м в том месте, где есть небольшое понижение между двумя вершинами и склон наиболее пологий. Здесь, видимо, и находились главные ворота, через которые шла дорога, рассекающая городище на две части. В северной части

городища также есть разрыв в основном крепостном валу шириной 21 м – северные ворота, через которые можно было попасть на отгороженную территорию – «пристройку».

К северо-востоку от южных ворот, на меньшей вершине, можно видеть площадку подквадратной формы размером 20х20м, обнесенную небольшим валом высотой 0,3-0,4 м и еще достаточно глубоким рвом, достигающим в некоторых местах глубины 1,8-2 м. На этой площадке имелись ямы-западины, остатки древних жилищ. Здесь летом 2009 г. и был заложен раскоп.

По мнению Е.В. Гонсовича, в этом месте «находилась княжеская ставка». [Деревянко, 1987, с. 119]. Так как эта площадка находится рядом с главными воротами и является господствующей, то можно предположить, что она являлась так называемым «редутом». По мнению О.С. Галактионова, «редут» – это укрепленная усадьба, являющаяся временной резиденцией правительственных чиновников, периодически приезжавших в периферийные города империи чжурчжэней из центра [Галактионов, 1983, с. 144]. Подобные «редуты» имеются на некоторых приморских памятниках (Ананьевское, Шкляевское, Лазовское городища) [Артемьева, 1998]. Такое внутреннее укрепление на Шапкинском городище было самостоятельным в оборонном смысле и с его территории в случае опасности можно было прикрывать и северные и южные ворота.

К северо-западу от южных ворот, на склоне большей, западной вершины, можно видеть внутренние валы и рвы, имеющие закругленные формы и тянущиеся с севера на юго-запад, отгораживая западную часть городища от его остальной территории и от пролегавшей внутри дороги.

Следует заметить, что эти укрепления были описаны Е.В. Гонсовичем, а позже Е.И. Деревянко [1987, с. 121]. По-видимому, они играли большую роль в фортификации городища, хотя на плане, составленном в 1983 г., эти валы не указаны.

После глазомерной съемки, сделанной в 2009 г., было установлено, что внутренние валы имеют разную высоту – от 0,4 м и до 2 м, и ширину 1-1,3 м, а рвы – разную глубину, от 0,4 и до 2 м. Всего насчитывается 7 валов. Рвы, имеющиеся между валами, соединяются по краям с внешним основным рвом, опоясывающем все городище, и имеют наибольшую глубину в северной его части, а в юго-западной наименьшую.

Интересным фактом является то, что проход через эту линию обороны представляет собой так называемые земляные «мосты», устроенные очень просто – валы здесь занижены, а рвы пересыпаны. Подобная ситуация наблюдается на городище Бикинское-2 на территории Еврейской Автономной Области [Краминцев, 2006]. Но устроены они таким образом, что быстро перейти по этим «мостам» не представлялось возможным. Они расположены не по прямой линии, что создавало один длинный «мост» через все внутренние укрепления, а на некотором удалении в правую и левую стороны от условной оси и имеют направление движения в разные стороны. Они создают некое подобие лабиринта на открытом месте, когда незнакомому с расположением земляных «мостов» человеку трудно быстро сориентироваться, в каком направлении продолжать движение. В случае военной опасности такое расположение переходов затрудняло бы продвижение противника к вершине горы, где располагалось большое количество жилищ. Наличие валов также давало дополнительные возможности для обороны. При прорыве нападающих через основные южные или через северные ворота указанные выше валы могли служить прикрытием для стрелков.

Нужно заметить, что северо-западная и западная части памятника имеют с внешней стороны довольно крутые склоны, с наклоном около 60°, и с этих сторон можно было не опасаться нападения.

Особенность фортификации Шапкинского городища можно видеть также в том, что при прорыве обороны со стороны одних из ворот при продвижении по дороге к другим воротам противник неминуемо должен был попасть под перекрестный обстрел с двух сторон: со стороны редута и со стороны внутренних валов. Таким образом, нахождение на пониженной части городища между двумя вершинами, и, соответственно, на дороге внутри городища между северными и южными воротами ставило бы нападающих в опасное положение в любом случае.

В заключение можно сказать о том, что городище на г. Шапка имеет свои определенные фортификационные особенности во многом обусловленные, конечно, удачным рельефом местности, которые предстоит еще изучить более подробно.

Литература

Артемьева Н.Г. Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII–XIII вв.). – Владивосток: Дальпресс, 1998. – 302 с.

Галактионов О.С. К вопросу о так называемых «редутах» // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР. – С. 107-114.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука,1973. – 356 с.

Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1987.

Краминцев В.А. Древние фортификационные сооружения приустьевой зоны реки Бикин // V Гродековские чтения: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. – Хабаровск: Изд-во ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2006. – С. 16-17.

АРХЕОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ПОСТСРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Е.В. Бондаренко
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Опыт классификации металлических нательных украшений населения Нижнего Притарья эпохи позднего средневековья

Украшения эпохи позднего средневековья очень разнообразны и многочисленны. Для территории Нижнего Притарья накоплен достаточно большой материал, но исследований по систематизации позднесредневековых украшений нет. В работе Б.В. Мельникова и Г.В. Холостых [Мельников, Холостых, 1994, с. 202-213] для выяснения места производства украшений составлена сравнительная таблица, в которой можно проследить некую систематизацию инвентаря, но, на наш взгляд, она требует доработки, т.к. неосновательно выделены классификационные единицы (в данном случае группы).

Предложенная в данной работе классификация основана на материалах памятников Окунево VII [Матющенко, Полеводов, 1994; Матющенко, 2003], Бергамак II [Татауров, Тихонов, 1996, с. 58-83; Корусенко, 2003; Бондаренко, 2009, с. 14-16], Черталы I [Богомолов, Мельников, 1997, с. 49-57; Мельников, Холостых, 1994, с. 202-213], расположенных в Муромцевском районе Омской области, и Усть-Тара LXX [Бондаренко, 2008, с. 199-200] в Тарском районе Омской области. Украшения с могильника Чеплярово XXVII (граница Большереченского и Муромцевского районов Омской области) [Баранова, 2009] использованы частично, т.к. эти материалы опубликованы не полностью. Данные памятники близки по этнической принадлежности населения и подобны в культурном плане. Их объединяет некая общность погребального обряда. Поэтому украшения с этих объектов можно использовать для классификации.

Нами выбрана комбинированная классификация с функционально-морфологическим основанием. В данной работе исследуются только металлические нательные украшения, поэтому в классификации не учтены пуговицы, колокольчики, нашивки, бляшки, подвески, бусы и бисер (по большей части не являющиеся самостоятельными украшениями). Все украшения по их назначению и по месту расположения делятся на категории: серьги, кольца, браслеты. В основе деления категорий на группы, типы, варианты лежат морфологические признаки, такие как общий контур, конструкция и конкретная форма изделия (табл. 1).

Серьги – наиболее распространенная категория украшений в памятниках позднего средневековья Западной Сибири. Из них чаще всего встречаются серьги **группы 1** (табл. 1) в виде вопросительного знака. Они состоят из проволочного стержня, изогнутого в виде знака «?», на конец которого надеты одна или несколько бусин. Стержень изготовлен из цветного металла, а бусины могут быть стеклянными, каменными или металлическими. Эта группа имеет широкое бытование во времени и пространстве. В XIII–XV вв. они встречаются в слоях Новгорода, а также характерны для Волжской Булгарии, Нового и Старого Сарая, кочевников Восточной Европы; в XV-XVII вв. бытуют у народов Поволжья – мордвы, мари, чувашей; в Нижнем Приобье они датируются XIII-XVII вв., в Нарымском Приобье – до начала XVIII в.; встречаются в материалах Тискинского,

Кыштовского и Остяцких могильников [Семенова, 2001, с. 82]. В Сибирь эти украшения попали (по мнению Г.В. Холостых) в результате продвижения новгородцев в Приуралье путем торгово-обменных операций с населением Сибири. В более позднее время они могли изготавливаться в местных ремесленных центрах [Холостых, 1995, с. 158-159].

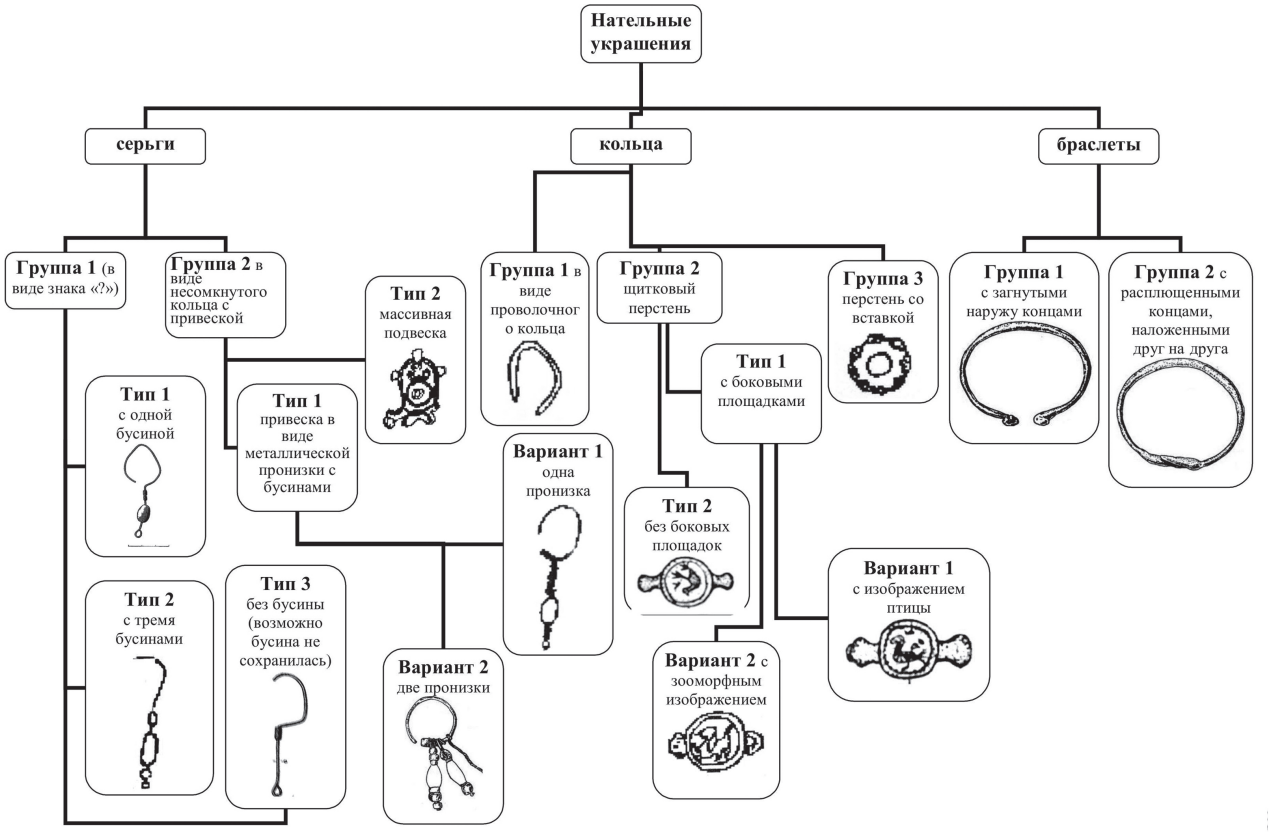


Таблица 1.

Менее распространена **группа 2, тип 1** – серьги в виде несомкнутого кольца с присоединенными к нему металлическими привесками с нанизанными бусинами (одна, две, три). Серьги **типа 2** отличаются по характеру подвески. В данном случае – это массивная металлическая подвеска, богато орнаментированная (иногда такие серьги называют «лунницами»). Этот тип встречается еще реже. Подобные серьги присутствуют на памятниках Кыштовка II, Льнозавод IV, Басандайка, Абрамово X, и тоже являются предметами русского импорта [Холостых, 1995, с. 159-160].

Кольца – достаточно распространенная категория, наиболее часто встречаемой является **группа 2** – щитковые перстни. Они также характерны для позднесредневековых памятников Западной Сибири. Их происхождение исследовано в работе Г.В. Холостых [1995].

Браслеты представлены единичными экземплярами. Подобные украшения встречены в Кыштовке II [Молодин, 1979, с. 92] и в могильниках Тургай и Балагачево [Дульзон, 1953, с. 245-246]. Все встреченные браслеты выполнены из заготовки путем холодной ковки медного дрота. Среди них выделяются два основных типа: с несомкнутыми концами и концами, наложенными друг на друга. В первом случае концы загнуты на внешнюю сторону.

Приведенные в данной классификации материалы позволяют сделать некоторые выводы. Согласно имеющимся в настоящее время данным можно говорить о том, что металлические нательные украшения населения Нижнего Притарья не отличаются значительным разнообразием. Большинство имеющихся украшений не местного происхождения, а результат импорта, что свидетельствует о вовлеченности населения нижнего течения р. Тара в торгово-обменные отношения с населением Восточной Европы и Средней Азии, и практически полного отсутствия местного ювелирного производства, возможно вытесненного импортом.

Созданная классификация металлических нательных украшений упорядочивает весь имеющийся материал, но, в то же время, остается открытой, что позволяет при поступлении новых материалов незначительно скорректировать данную схему, не разрушая её.

Литература

Баранова Н.С. Предметы одежды и украшений позднесредневекового населения бассейна реки Тары (по материалам могильника Чеплярово XXVII) // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – Ч. II. – С. 6-9.

Богомолов В.Б., Мельников Б.В. Накосное украшение XVII века из Черталинского могильника // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума.– Новосибирск: Наука, 1997. – Т. 2. – С. 49-57.

Бондаренко Е.В. Новые материалы по позднесредневековым украшениям Тарского Прииртышья // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 199-200.

Бондаренко Е.В. Украшения населения низовьев реки Тара в XVI-XVIII вв. (новые материалы) // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – Ч. II. – С. 14-16.

Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблемы происхождения чулымских татар. – Томск, 1953. – 334 с. – (Уч. зап. / ТГПИ. – Т. 10).

Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII-XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. – Новосибирск, 2003. – 192 с. (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 7).

Матющенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (Окунево VII). Раскопки 1988, 1999 годов // Новое в археологии Прииртышья. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – Вып. 3. – 64 с., 93 ил.

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у д. Окунево. – Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.

Мельников Б.В., Холостых Г.В. Украшения позднего комплекса Окуневского могильника // Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у д. Окунево. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 202-213.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 183 с.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культура и социума. – Новосибирск: Наука, 1996. – Т. 1: Культура Тарских татар. – С. 58-83

Холостых Г.В. Украшения XVI-XVII вв. в археологии Западной Сибири как источник по истории русской торговли // Очерки истории обмена и торговли на территории Западной Сибири. – Омск: ОмГУ, 1995. – Ч. II. – С. 152-165.

С.Б Верещагин, О.Л. Тимофеева
Чита, Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Результаты изучения декабристского каземата в г. Чита

В 2009 г. Чикойской археологической экспедицией Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета, под руководством д.и.н. М.В. Константинова и сотрудниками ООО «Эдис» проводились спасательные археологические работы в исторической части города.

Исследуемый участок расположен в южной части города, в левобережной приустьевой части долины р. Чита, впадающей в р. Ингода. Согласно имеющимся картографическим материалам исторического центра г. Читы, плану декабриста П.И. Фаленберга (1830 г.) и составленного на его основе историко-градостроительного опорного плана, исследуемый участок приходится на территорию каземата, где в 1827-1830 гг. содержались декабристы.

Мощность вскрытых раскопом отложений составила 0,5-0,8 м., общая площадь 396 м^2 . Литологические слои 1-2 относятся к делювиально-почвенным, при этом подгоризонт 1а – современные

техногенный слой, 1б – субатлантический, 2а – суббореальный, 2а – атлантический оптимум Литологические слои 3-9 аллювиальные, позднеплейстоценовые. Основной комплекс находок связан с литологическим слоем 1.

Археологический материал зафиксирован на глубине 0,1-0,2 м от современной поверхности, в основном в переотложенном состоянии, явившимся результатом современного антропогенного воздействия. Исключение составляют две хозяйственные ямы, остатки бревенчатых домиков, остатки частокола. Данные объекты относятся нами ко времени существования декабристского каземата.

Остатки частокола выявлены в южной части раскопа и ориентированы по линии запад-восток. Участок частокола хорошей сохранности представлен брёвнами 1,1-1,2 м длиной, 0,25-0,3 м в диаметре. Они помещены в ров глубиной 1-1,3 м и шириной 0,4-0,5 м. Ров был забутован галькой, щепой. В забутовке рва обнаружены фрагменты керамических и стеклянных сосудов, фрагмент железного изделия.

Анализ указанных выше планов показывает, что обнаруженный частокол разделял дворы малого и большого казематов, где содержались декабристы. Каземат представлял собой два двора, огороженные частоколом. Во дворах находились тюремные помещения в виде плохо срубленных казарм, подсобные помещения, загоны для свиней, парники, цветники, огороды, а также 7 небольших домиков, построенных декабристами на свои деньги [Завалишин, 2003]. Предположительно остатки, последних были обнаружены в ходе раскопок.

В центральной части раскопа обнаружены остатки основания первого бревенчатого домика. Домик имел подквадратную форму размером 3,4х3,2 м. Восточная часть строения была повреждена современным антропогенным вмешательством. В западной части строения сохранились три нижних венца и остатки пола. Элементы строения и археологический материал сохранились до наших дней в непотревоженном состоянии благодаря тому, что основание дома было помещено в котлован. Возможно, данное помещение отапливалось небольшой печкой. О данном факте может свидетельствовать забутовка северо-западного угла котлована, состоящая из пятнистой рыжекоричневой, серой глинистой массы, являющаяся, предположительно, основанием печки из низкокачественного самодельного кирпича.

Исследование заполнения котлована дало интересный и неожиданный археологический материал. Находки располагались на полу строения; судя по нескольким сохранившимся фрагментам, пол был застелен тёсаными деревянными плахами.

Обнаруженный археологический материал представлен:

монетами: 5 копеек, 1767 г. чеканки, хорошей сохранности; 2 копейки, год чеканки не просматривается; 2 копейки, реверс монеты не читаем, покрыт окислами; 1 копейка 1771 г. чеканки хорошей сохранности. Данные монеты относятся к сибирским монетам, выпускавшихся Сибирским Колыванским (Нижне-Сузунским) монетным двором в 1763-1781 гг. Предназначались для обращения только в Сибири, включая Забайкалье. В качестве монетного металла использовалась медь, содержащая серебро и золото. На аверсе – вензель Екатерины II в обрамлении лавровой и пальмовой ветвей, на реверсе – герб Сибири: 2 соболя, держащих щит с обозначением номинала (кроме полушки); вокруг надпись «Сибирская монета» [Константинов, 2006]; медная монета – на аверсе помещён вензель Павла I, на реверсе – 2 копейки, 1801 год, к.м;

изделиями из камня: проксимальный фрагмент изделия из кремня (2х2,4х1 см), оба маргинала и торец покрыты краевой регулярной ретушью, предположительно, являлось фрагментом скребка или небольшого остроконечника; скребок из кремня, оформлен на пластинчатом отщепе подквадратной формы (3,2х3х1 см) крутой разнофасеточной дорсальной ретушью; скребок из кремня, оформлен на пластинчатом отщепе подпрямоугольной формы (4,5х3,2х1 см), изделие имеет два рабочих края, обработанных разнофасеточной краевой ретушью; миниатюрный бифасиально обработанный наконечник стрелы (1,8х0,7х0,2 см) из полупрозрачного халцедона подтреугольной формы, кончик острия изогнут в правую сторону, основание наконечника отломлено; скребок из серо-бурого кремня, оформлен на пластинчатом отщепе подквадратной формы (3,2х3,2х0,4 см), три стороны изделия покрывает регулярная краевая дорсальная ретушь, возможно, использовался в качестве резца; концевой скребок из коричневого кремня, оформлен на пластинчатом отщепе подпрямоугольной формы (4х3,1х1 см), изделие имеет два рабочих края, покрытых регулярной краевой дорсальной ретушью, возможно, использовался в качестве резца; концевой скребок высокой формы из разноцветного кремня, оформлен на пластинчатом отщепе подквадратной формы

(3,8х3,2х0,9 см), все стороны изделия покрывает регулярная краевая разнофасеточная дорсальная ретушь;

украшениями: два фрагмента круглой в сечении стеклянной бусинки., жёлтого цвета; остатки подвески, представленные стёклышком каплеобразной формы (2х1х0,2 см) и мелкими фрагментами медного корпуса; подвеска (фрагмент серёжки) представлена янтарным продолговатым цилиндром со сквозным, по всей длине предмета, отверстием и продетой в него латунной проволоки с петелькой на широком конце и крючком на противоположном; круглая в сечении стеклянная бусинка жёлтого цвета (0,6х0,7 см);

предметами быта: десертная ложечка длиной 11 см, покрыта окисью зелёного цвета; фрагменты лепного керамического толстостенного плоскодонного сосуда, с поверхностями тёмно-коричневого цвета и следами нагара на них, венчик сосуда внутренне асимметричный, верхняя поверхность слегка вогнута внутрь сосуда, профиль фрагмента чёрного цвета, толщина – 0,7-1,1 см; тесто рыхлое, отощено мелкозернистым песком, мелкой дресвой; фрагмент тулова кругового толстостенного керамического сосуда, поверхности покрыты поливой коричневого цвета, толщина профиля – 1см, цвет – рыже-коричневый, обжиг равномерный, тесто отощено мелкозернистым песком; мелкий четырёхгранный гвоздь (4х0,4 см) с округлой шляпкой.

Наряду с археологическим материалом, в забутовке котлована домика были обнаружены кости домашних животных и рыб. Данные находки были сконцентрированы в юго-западной части строения, на кв. 11Т, кв. 10-11 У.

Обнаруженный в ходе изучения остатков домика столь разновременный между собой и нехарактерный для времени пребывания декабристов в Чите археологический материал позволяет предположить, что данные предметы являлись коллекцией древности обитателей данного строения.

Остатки ещё одного деревянного строения были обнаружены в северо-западном углу раскопа на завершительной стадии раскопок. Оно представляло собой фрагмент сооружения из одного ряда бруса, квадратного в сечении, 20х20 см. Фрагмент строения длинной осью ориентирован по линии запад-восток. Габариты сохранившейся части сооружения следующие: по линии запад-восток – 3,1 м, по линии север-юг – 0,8 м. Восточная часть строения повреждена современной ямой.

Забутовка северо-восточного угла содержала глинистую массу рыже-коричневого цвета и мелкие фрагменты кирпича плохого качества, а также плотную линзу сажи. При изучении строения обнаружен археологический материал. Он представлен 2 фрагментами тулова и 2 фрагментами дна толстостенного плоскодонного керамического сосуда с залощёнными поверхностями коричневого (внутренняя) и чёрного (внешняя) цвета, профиль фрагмента коричневого цвета, толщина – 1 см; тесто плотное, хорошего качества, отощено мелкозернистым песком; фрагментом венчика керамического сосуда, изготовленного на гончарном круге с залощенными поверхностями чёрного цвета, венчик сосуда внешне асимметричный, отогнутый наружу, открытый, профиль фрагмента – серо-чёрного цвета, толщина – 0,7 см; тесто плотное, хорошего качества, отощено мелкозернистым песком.

Помимо остатков строений, на территории раскопа были обнаружены две хозяйственные ямы. По обнаруженному в них археологическому материалу и стратиграфической ситуации, предварительно, их можно отнести к единовременному комплексу объектов описанных выше и связанных с существованием каземата.

Таким образом, проведённые археологические исследования в исторической части г. Чита дали значительные результаты. Подобные масштабные работы проводились впервые. Они позволили зафиксировать и изучить сооружения I-ой половины XIX в., получить уникальные материалы и дополнительную информацию о месте заключения декабристов, элиты российского общества начала XIX века. Разновременные находки, обнаруженные в остатках деревянного домика, отражают мало известную сторону деятельности декабристов – изучение и сбор древностей.

Литература

Завалишин Д. Воспоминания. – М.: Захаров, 2003. – 335 с.

Константинов М.В. Сибирские монеты // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. – Новосибирск: Наука, 2006. – Т. VI: С-Я.

Н.И. Зайцев, Е.А. Копысов
Ижевск, Удмуртский государственный университет

Следы «язычества» на православных кладбищах Ижевска XVIII–XX вв.

В исследованиях могильников важное место занимает обряд погребения. Именно в этом обряде отражаются идеологические представления человека, формирующиеся под влиянием различных факторов. Погребальная обрядность содержит в себе целый комплекс этнической, религиозной и социальной информации о жизни её носителей.

Цель данной работы – поиск и изучение пережитков «язычества» на православных кладбищах Ижевска XVIII – начала XX вв. (Михайловское (около 1760–1810 гг.) и Троицкое (Нагорное) кладбища (1810–1932 гг.)). По археологическим данным кладбища были многоконфессиональными, но с существенным преобладанием православного обряда.

В ходе работ с 1996 по 2007 гг. на Михайловском могильнике удалось выяснить, что на этом кладбище хоронили христиан, различных конфессиональных течений: официальные православные — «никониане», старообрядцы, новокрещенные из числа бывших язычников.

Погребальных конструкций выявлено 4 типа: 1) обычные гробовища, сколоченные железными гвоздями – «никонианские» домовины; 2) гробовища, скрепленные без использования железных гвоздей, с помощью не сохранившихся до нашего времени устройств неорганического происхождения – деревянных гвоздей, лыковых или черемуховых веревок, полатей, используемых и современными староверами; 3) колоды, выдолбленные из цельных стволов дерева — древнерусская традиция, сохраненная старообрядцами; 4) оборачивание покойных в бересту или кору преимущественно финно-угорская традиция в данном случае – удмуртская [Макаров, 2003].

Рассмотрим некоторые элементы погребального обряда. О давно забытых языческих временах напоминает углистое пятно в верхней части засыпи одной из могил, оставшееся, очевидно, от поминального костра. Данный пережиток фиксируется на могильниках не только финно-пермского языческого населения, но иногда и русского православного вплоть до XVI-XVII вв., а в ходе реформы Никона изживается. О язычестве говорит и нахождение в некоторых могилах и других предметов, помимо крестов-тельников. К примеру, были обнаружены монеты, остатки меха, ткани, коры, гирьковидные подвески, и даже скопление конских волос. В погребении № 3. под черепом младенца, захороненного в долблёной колоде, в остатках ткани и меха обнаружены медные крестики и две монеты – «денги» XVIII в. В погребении № 24 кроме креста – тельника, ниже подбородка, на рёбрах и позвонках погребённого ребёнка найдены 2 бронзовые гирьковидные подвески, нанизанные на цветную тесьму. Есть костяк с подогнутыми в коленях ногами. В погребении № 35 была обнаружена согнутая вдвое полоса бересты изогнутая по рельефу черепа, составлявшая основу женского головного убора, вероятнее всего, кокошника. Судя по остаткам, верх его покрывал платок, украшенный нитями из цветного металла. В одной из могил зафиксирована столбовая яма, располагавшаяся рядом с черепом, В другом, были найдены бронзовые вещи: шумящая подвеска («одинец»), фрагменты проволочной серёжки и серьга со стеклянной бусиной. В погребении № 38 под правой ключицей погребённого была обнаружена бронзовая гирьковидная подвеска, а над плечевой костью находился бронзовый крестик. Аналогичный крест был обнаружен в прямоугольной нише это же могилы, сооружённой в СЗ её части и углублённой до дна. В одной из могил была выявлена своеобразная подстилка из минерала белого цвета (известь?). Вероятно, на наш взгляд, нахождение этих предметов в погребениях христиан является своеобразной данью языческим традициям.

Много пережитков «язычества» встречено и на Троицком кладбище, где в 2007-2008 гг. проведены охранные работы, в результате которых было частично исследовано второе кладбище г. Ижевска. Работы были вызваны строительством на территории кладбища крытого ледового катка. В процессе исследований был сделан ряд наблюдений, свидетельствующих, на наш взгляд, о существовании в погребальном обряде некоторых черт, которые можно интерпретировать как пережитки язычества. Например, два захоронения с «окошками» на крышке гроба. Гроб, «домовина» представлялись жилищем, домом покойных. И естественно в доме должно быть окно. Одно из изученных погребений имеет северную ориентировку. По данным этнографов, в конце XIX-начале XX вв. некрещеные удмурты Закамья, считали, что погребенный, уложенный головой на

север, будет все-время смотреть на юг, на солнце. По поверьям удмуртов, на солнце живет Инмар – верховный бог и Шундымумы (Матерь солнца) [Шутова, 1992].

О следах язычества свидетельствуют и монеты, встречаемые в погребениях. Рассмотрим наиболее интересные находки. Среди них – налобный венчик с 5 серебряными монетами. Следует обратить внимание на годы чеканки найденных монет: 1758, 1759, 1825, 1847, 1861 гг. Вполне возможно, имеется связь дат чеканки этих монет с важнейшими событиями в жизни умершего или даже государства в целом. Хотя, вероятнее всего, перед нами, или головной убор, передававшийся по наследству, или это монеты, ранее входившие в монисто, а затем нашитые на венчик. В другом погребении также найдено 7, но уже медных монет различного номинала (чекан 1822-1883 гг.), находившихся в кошельке. Считать их свидетельством накопления не представляется возможным, так как большинство из них, к моменту погребения умершего, уже не являлось ходячей монетой. Да и накопление капитала в столь мелком номинале, более чем, сомнительно. Есть, конечно, исключения, но в этих случаях медные монеты находят в гораздо больших количествах. Возможно, и в этом случае даты на монетах связаны со знаменательными датами жизни человека, а может быть, в данном случае, перед нами пережиток какого-то обряда. Ещё одной необычной находкой является пробитая серебряная «проволочная» копейка или «чешуйка» весом 0,25 г. Выпуск таких монеток закончился в начале XVIII в. при Петре I. Судя по весу, наша монета была отчеканена в это время. Возможно, она была нашита на монисто, передававшееся из поколения в поколение и, в конце концов, попала в погребение.

В могилах были найдены бронзовые, пластмассовые, роговые и стеклянные пуговицы от мундиров и гражданской одежды. Вероятно, это означало, что человек был похоронен не в саване, как положено по канону, а в парадной или повседневной одежде. Этот факт можно рассматривать либо как элемент язычества, либо как эволюцию в сторону современного похоронного обряда. Это касается и обуви. В некоторых погребениях были найдены украшения: бронзовые кольца, бусы, костяной гребень, железная пряжка и т.д. Встречались стеклянные бутылочки, в одном случае стеклянный стаканчик, фрагменты глиняной посуды.

Таким образом, на обоих кладбищах были прослежены нетрадиционные для христиан черты погребальной обрядности – пережитки «язычества»: отголоски языческих верований удмуртов в силу их поздней христианизации (монеты, окна, северная ориентация) и элементы «неоязычества» – отступление от погребальной традиции (одежда, обувь, инвентарь). Наблюдается переплетение «языческих» и христианских элементов похоронных ритуалов. Данные «языческие» элементы обрядности, до сих пор окончательно не исчезли из жизни общества.

Литература

Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2003. – Т. 6. – С. 192–233.

Шутова Н.И. Погребальный обряд удмуртов XVI–XIX вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов: Сб. науч. трудов. – Ижевск: Удмуртский ин-т ист., яз. и лит-ры УрО АН СССР, 1991. – С. 4–35.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. – Ижевск: Удмуртский ин-т ист., яз. и лит-ры УрО РАН, 1992. – 264 с.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. – Ижевск: Удмуртский ин-т ист. яз. и лит-ры УрО РАН, 2001. – 304 с.

М.А. Кобылецкий
Омск, Омский государственный педагогический университет

Позднесредневековые города Западной Сибири в письменных источниках*

Идентификация позднесредневековых городов с археологическими памятниками является междисциплинарной проблемой и требует привлечения различных источников: этнографических, фольклорных, письменных, картографических, топонимических и т.п. Их комплексное использование является крайне сложной задачей из-за неодинаковой информативности и трудностей увязки с данными археологии. При этом получить достоверные выводы на основе одного вида источников не удается.

Исторические тексты отличаются от других видов источников информативностью и доступностью для дешифровки. Однако, важно понимать, что приводимые в них данные нередко восходят к устным традициям. Фольклорные сюжеты интерпретировались авторами исторических сочинений, что связано с проявлениями субъективизма. Таким образом, можно сказать, что на момент составления текста, фиксирующего предания, он становился пособием по отношению к устной традиции, но со временем мог обрести статус источника. Все сказанное показывает важность критики текстов, связанной с выяснением его подлинности, происхождения, хронологии и т.п.

Одним из важнейших источников для изучения средневековых городов являются Сибирские летописи – Есиповская, Строгановская, Ремезовская, составленные в XVII в. Происхождение первой из них тесным образом связано с деятельностью тобольского архиепископа Киприана. Тобольск в XVII в. был центром Сибири; здесь находилась архиерейская кафедра, учрежденная в 1621 г., первым архиепископом которой был Киприан. При нем был составлен синодик (список имен для поминания в церковной службе), в котором фигурировали Ермак и его сподвижники. К синодику были приложены статьи о жизни Ермака. На этой основе в 1636 г. дьяком Есиповым была написана Сибирская летопись. Текст разделен на 40 глав и по характеру изложения представляет собой хронику.

Другой характер имеет Строгановская летопись «О взятии Сибирской земли», которая, по мнению ученых, могла быть составлена в Перми Великой. Главное внимание в ней уделяется Строгановым, архивом которых пользовался автор. М.Н. Тихомиров отмечает, что составители Строгановской и Есиповской летописей пользовались общим первоисточником, получившим название «Краткое написание» о завоевании Сибири, составленном в конце XVI в.

Из позднейших летописей необходимо отметить Ремезовскую. Она была составлена в конце XVII в. боярским сыном Семеном Ульяновичем Ремезовым. С.У. Ремезов также являлся автором «Чертежной книги Сибири» и атласа к ней, которые были составлены в 1698-1700 гг. Ремезовская летопись основана, главным образом, на Есиповской летописи, причем обе они отличаются неточной хронологией [Тихомиров, 1962, с. 136-137].

Важно отметить, что первоисточниками сибирских летописей были устные предания представителей аборигенных народов и участников похода Ермака.

Кроме летописей немаловажным источником являются и картографические материалы, составленные С.У. Ремезовым, в том числе с использованием фольклора [Ремезов, 1700]. На них обозначено местоположение некоторых средневековых городов Западной Сибири. На картах можно встретить имена легендарных персонажей, например, правителей Кызыл-Туры – Она-царя и Иртышака. Летописные и картографические источники, созданные С.У. Ремезовым, можно считать разными формами фиксации фольклорных сведений. Поскольку в данном случае карты и тексты созданы одним человеком, рассматривать их нужно как дополняющие друг друга [Данченко, 2008].

Не меньший интерес представляют письменные свидетельства, составленные в XVIII веке Г.Х. Миллером. Так, Миллер осмотрел Кучумово городище, на котором «*следов от каменных зданий нельзя было увидеть. Кучумовцы, должно быть, жили в деревянных хижинах».* Это предположение противоречит его же высказыванию о том, что в Искере жилища могли быть построены «*по бухарскому обычаю из необожженных кирпичей*» [Миллер, 1999, с. 232-237].

* *Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 08-01-00198А*

И.Я. Словцов описал 90 городищ в низовьях Оби и ее притоков. С.К. Патканов в Тобольском округе насчитывал 60 городков, а Н.А. Абрамов в Березовском округе – более 40 [История Сибири, 1968, с. 365; Талицкая, 1953; Патканов, 1891, с. 97; Абрамов, 1857, с. 388-397]. В «Хронике Тобольского музея за 1898 год» записано, что в 40 верстах от г. Тары *«при р. Уй находятся руины старинной крепости. Бывший здесь город, по преданию, разрушен Ермаком. Местные жители утверждают, что на этом месте находят много старинных вещей… на высоком берегу реки находится городище с кирпичными ступеньками к воде»* [Спицын, 1906, с. 273].

Ч. Валиханов сообщает о старинных городах в южной полосе сибирских степей: *«В Киргизской степи очень много развалин: остатки городов, мечетей, так называемых бастионов, разбросанных по рекам южной и западной части степи, и приписываются города ногаям»* [Валиханов, 1986, с. 260].

Как видим, в последнем случае также имеет место обращение к устной традиции, которая при передаче могла изменяться, порождая различные версии одних и тех же событий. Примером такого разночтения может служить возникновение г. Искер. Так, читая Есиповскую летопись, находим: «*После него княжил сын его Ходжа, после сын его Мар. Маровы дети Адер и Ябалак. Князь Мар женат был на сестре Казанского царя Упака. Казанский царь Упак зятя своегоМара убил и градом овладел… После чего Адеров сын Мамет Казанского царя Упака убил и град свой Чингидень разрушил и отошол оттуда внутрь Сибирской земли и поставил себе град на реке Иртыше и назвал его град Сибирь»* [Сибирские летописи, 1907, с. 115]. В Ремезовской летописи читаем: *«Мамет царь казанского царя Алима победил и на устье речки Сибирки град Кашлык учинил, царство в Сибири распространив…*» [Сибирские летописи, 1907, с. 318].

Проблема соотношения письменных источников с археологическими возникает не всегда, примером чему может служить Искер и Чимги-Тура, местоположение которых было известно изначально. Другая картина вырисовывается при изучении Кызыл-Туры и Туннуса – в обоих случаях письменных источников было явно недостаточно для их локализации. Так, поиск Кызыл-Туры велся с середины XVIII века. Еще Г.Ф. Миллер писал, что в низовьях Ишима нет мест, которым могло бы соответствовать название «Красный Яр». Ввиду этого, Г.Ф. Миллер предлагал искать Кызыл-Туру выше по течению реки, называя, в частности, Орлово городище, где были видны «явные остатки старинного города» [Миллер, 1750, с. 39]. В этом случае только наличие картографических материалов позволило определить местоположение города [Данченко, 2008].

Таким образом, исторические тексты являются сложным и неоднозначным источником сведений о позднесредневековых городах, и использование их в отрыве от других данных снижает достоверность выводов. При локализации западносибирских городов каждый отдельно взятый источник еще не гарантирует результата, что лишний раз доказывает необходимость комплексных исследований проблемы.

Литература

Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки РГО по отд. этнографии. – СПб., 1857. – Кн. 12.

Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. – М., 1986.

Данченко Е.М. К изучению Кызыл-Туры // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2008. – С. 221-224.

История Сибири. – Л., 1968. – Т. 1.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел. – СПб., 1750.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 1999. – Т. 1. – 630 с.

Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. – 1891. – Вып. 3-4.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири: Науч. издание. – Бм., 1700.

Сибирские летописи. – СПб., 1907.

Спицын А.А. Зауральские древние городища // ЗСОИРГО. – СПб., 1906. – Т. 8, вып.1.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобъя // Древняя история Нижнего Приобья. – М., 1953. – (МИА. – № 35).

Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. Уч. пособие. – М., 1962. – Вып. 1.

И.Д. Кромм
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Ставрографические материалы Сибири как объект научного изучения

Во второй половине XIX в. начинается целенаправленное археологическое изучение славянской культуры в Киеве, Новгороде и других древнерусских городах, где в число находок попадают нательные кресты. А столетие спустя, в поле зрения ученых попадают и сибирские памятники, оставленные русскими землепроходцами. Академиком А.П. Окладниковым изучена стоянка на острове Фаддея и избушка на берегу залива Симса, где было получено несколько датированных благодаря монетам тельников XVI века; М.И. Беловым проводились исследования Мангазеи, где в центральной части города обнаружены остатки литейных мастерских и формочки для отливки крестов-тельников [Белов и др., 1981]; в разной степени раскопками изучены Албазинский [Артемьев, 1996], Кузнецкий [Ширин, 2000], Саянский [Скобелев, 2005], Илимский [Василевский и др., 1978] остроги.

В результате этих исследований были получены как целые коллекции, так и единичные находки крестов-тельников. Кресты-тельники были найдены и при исследованиях памятников инородческого населения Сибири. Например, при раскопках Тискинского могильника, принадлежащего селькупам, в числе погребального инвентаря были обнаружены тельники – «медные и посеребрённые, фигурные и простые – крепились обычно на снизке стеклянных бус и располагались в области груди» [Боброва, 1984]. «По существу, мы имеем дело с непосредственными следами миссионерской деятельности, когда при крещении сибирские аборигены получали кресты-тельники и помещали их вместе с умершими владельцами в могилу» [Молодин, 2008.].

В Омском Прииртышье в последнее десятилетие получена коллекция крестов-тельников благодаря раскопкам русских поселений XVII-XVIII вв. Изюк-I в Большереченском, и Ананьино- I в Тарском районах Омской области, проведенным комплексной этнографо-археологической экспедицией Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского под руководством Л.В. Татауровой,. Коллекция крестов с этих памятников составляет 228 экземпляров и нуждается в специальном исследовании и типологизации. Таким образом, за последние полвека в сибирском регионе накоплен представительный ставрографический материал, требующий обобщения и сравнения его с коллекциями памятников европейской России. Тем более, что в отечественной исторической науке интерес к изучению крестов проявился уже в начале XIX в. Как исторический источник кресты использовали П. Кеппен [1855], К. Аверин [1826], граф А.С. Уваров [Макаров, 2004]. Большой вклад в развитие русской ставрографии во второй половине XIX внесли архимандрит Макарий [1859], И.А. Шляпкин [1907] и А.А. Спицын [1903]. Теме креста уделяли много внимания и другие ученые, можно с уверенностью сказать, что к началу XX в. ставрография являлась полноценной частью исторической науки.

Рассматривая крест как объект научного исследования, в настоящее время правильно будет говорить о двух возможных подходах к его изучению. Первый подход – строго искусствоведческий, он направлен на изучение иконографии и семантики крестов. В русле означенного направления работало и работает значительное количество ученых-искусствоведов.

Второй подход можно назвать историческим. Кресты-тельники изучаются при таком подходе в рамках исследуемых историко-культурных комплексов (прежде всего, погребальных). Большую роль при таком подходе играет контекст памятника, «позволяющий решать проблемы, связанные с хронологией комплекса (а, следовательно, крестов), включая и внутреннюю периодизацию, проблемы имущественной и социальной дифференциации, нюансы погребальной обрядности и т.д. Важное место при таком подходе занимает типологический анализ крестов-тельников» [Молодин, 2002, с. 99.]. Именно в рамках этого подхода проведено исследование коллекции крестов Илимского острога. На его результатах в 2007 г. была опубликована первая специальная работа, посвященная крестам, найденным в Сибири – «Кресты-тельники Илимского острога» В.И. Молодина. В монографии автор предлагает типологию крестов, разработанную по методике А.К. Жизневского и Э.П. Винокуровой [Молодин, 2007].

Типология В.И. Молодина представляет большой интерес и может стать универсальной основой для систематизации ставрографических материалов сибирского региона, даже если это потребует

выделения отдельных дополнительных типов и вариантов, что вполне естественно. Например, в Прииртышской коллекции присутствуют экземпляры, которые не умещаются в рамки «илимской» типологии по ряду признаков. Вероятно, отличия будут и в материалах других коллекций.

Таким образом, на данный момент накоплен значительный ставрографический материал, происходящий из раскопок сибирских памятников, который нуждается в обобщении и типологизации. Каталог и типология крестов Сибири позволит провести сравнительный анализ с одновременными изделиями из европейской России, определить региональные особенности, возможно, определить конфессиональную принадлежность и центры изготовления тельников на территории Сибири и Урала. Важным представляется изучение крестов-тельников и в искусствоведческом ключе – выявление семантики и принадлежности к той или иной иконографической традиции, которые были присущи разным районам Российской империи, влияние на культовую пластику разнообразных стилей светского искусства разных эпох.

Литература

Аверин К.О. О крестах в Зарайске // Труды и записки Общества истории и древностей Российских.- М., 1826. – Ч. III, кн. 1.

Артемьев А.П. Останки погребённых защитников Албазинского острога // РА. – 1996. – № 1. – С. 185-196.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв. – М.: Наука, 1981. – Ч. II. – С. 48.

Боброва А.И. Погребения XVIII-XIX вв. Тискинского курганного могильника // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – С. 146-149.

Василевский Р.С., Молодин В.И., Седякина Е.Ф. Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 215-232.

Кеппен П.И. О Рогволдовом камне и двинских надписях // Уч. зап. / Императорской Академии Наук. – СПб., 1855. – Т. 3, вып. 1.

Макарий, архимандрит. Древние кресты в Новгороде, поставленные на поклонение // Изв. / Императорского археол. об-ва. – СПб., 1859. – Т. 2.

Макаров Н.А. Кресты-тельники из раскопок средневековых селищ и проблема христианизации северорусской деревни // Исторические записки. – М., 2004.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007.

Молодин В.И. Очерки по ставрографии. – Красноярск: КГПУ, 2008. – С. 23.

Скобелев С.Г. Особенности отношения к предметам религиозного культа у русских первопроходцев южной Сибири XVIII в. (по материалам Саянского острога) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 235-260.

Спицын А.А. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // Зап. / Рус. отдела Рус. археол. об-ва. – СПб.,1903. – Т. VI, вып. 1.

Ширин Ю.В. Поселенческие и погребальные комплексы российских переселенцев XVII -XVIII веков в Кузнецком крае // Русские старожилы: Мат-лы III-го Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2000. – С. 441-443.

Шляпкин И.А. Древнерусские кресты. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы // Зап. отд. рус. и славян. археологии Императ. Рус. Археол. Об-ва. – СПб., 1907. – Т. VI, вып. 2. – С. 49-84.

А.С. Крюкова
Иркутск, Иркутский государственный университет

Некроземы Спасского некрополя г. Иркутска

Иркутск – старинный сибирский город, основанный в 1661 г. в месте слияния рек Иркута и Ангары [Воробьева, Бердникова, 2003]. Спасская церковь (во имя Спаса Нерукотворного образа) является ровесницей города Иркутска, памятником истории и культуры конца XVII – начала XVIII вв.

Осенью–зимой 2007–2008 гг. при вскрытии приходского кладбища Спасской церкви [Бердникова, Воробьева, 2007], которое не функционировало уже в течение почти 250 лет, нами были исследованы особенности строения некроземов.

Впервые в классификацию городских почв (урбаноземов) некроземы были введены М.Н. Строгановой в 1998 г. [Строганова, 1998], однако, на территории России некроземы почвоведами не изучались, поэтому представленные здесь материалы являются результатами пионерных исследований.

Некроземы вскрыты на приходском кладбище, примыкавшем к восточной стороне церкви и действовавшим в конце XVII – первой половине XVIII вв. Нарушения естественных почв носят различный характер, что обусловлено наличием как одноярусных, так и многоярусных погребений.

Были выявлены следующие характерные особенности морфологии некроземов.

1. Некроземы имеют в плане овальную форму разного размера, который определяется возрастным критерием (детские и взрослые захоронения) и колеблется в пределах от 0,7 м до 2,0 м и более по длинной оси овала.

2. Нередко овалы со смещением накладываются один на другой, создавая в плане сложный рисунок.

3. В вертикальном срезе некроземы имеют карманообразную форму, глубина «кармана» различна (1-2,5 м) и зависит от ярусности захоронений.

4. Состав субстрата могильных ям преимущественно супесчано-легкосуглинистый.

5. Характерна пестрота окраски, связанная с разной степенью гумусированности и перерытостью субстрата могильных ям почвенными беспозвоночными.

6. В верхах разреза некроземов повышена гумусированность, мощность гумусового горизонта оказывается больше на 10-20 см, чем в окружающих естественных почвах.

7. В вертикальном срезе некроземов часто фиксируются затеки гумуса, имеющие форму удлиненной воронки, достигающей глубины 50 см. В основание воронки скапливается сильно гумусированный материал, смытый с поверхности почвы. Образование воронки связано с процессом суффозии, что обусловлено исходной рыхлостью грунта над погребением и последующим его проседанием.

Изучение особенностей строения некроземов более чем двухвековой давности показывает, что профиль некроземов по своему строению стал почти аналогичным обычному профилю естественных почв. В некроземах со временем стирались следы антропогенного перемешивания почвенных горизонтов. Таким образом, на примере исследуемых некроземов наглядно прослеживается процесс самоорганизации, самовосстановления почв как природного исторического тела.

Информация о захороненных здесь первопоселенцах представляет большой интерес для археологов и антропологов. В частности, один из первых вопросов, который интересовал археологов – чем объяснить существенное различие состояния кладбища в его юго-восточной части от остальной территории.

Так, при раскопках приходского кладбища ближе к юго-восточному углу отмечено, что костяки в захоронениях нередко деформированы. Кроме того, эта часть кладбища выделяет неприятный запах гниения. Для ответа на вопрос, с чем это связано, мы исследовали особенности состава и строения отложений. Ответ был найден при изучении строения разреза восточной стенки раскопа.

Несколько десятилетий назад по периметру церкви были сооружены водостоки для защиты фундамента церкви от размыва его поверхностными водами, стекающими с окружающего пространства, поскольку после его застройки церковь оказалась как бы в бессточном понижении глубиной до 1,5 м.

При исследовании восточной стенки раскопа было обнаружено, что здесь бетонные блоки водостока оказались врезанными в почву до основания гумусового горизонта. Известно, что гумусовый горизонт обладает наибольшей влагоемкостью и лучше задерживает влагу. Уничтожение гумусового горизонта при строительстве водоотвода привело к обратному эффекту: влага на этом участке стала легко просачиваться в грунт, как в воронку, что способствовало подтоку сюда всей влаги, задерживаемой водостоком. Таким образом, сооружение водостока спровоцировало периодическое переувлажнение юго-восточной части кладбища. Повышенная влажность активизировала процесс гниения погребальных деревянных конструкций с останками костяков и других ор-

ганических остатков. Это и привело к появлению неприятного запаха гниения. При замерзании переувлажненного грунта начали формироваться зоны повышенного внутригрунтового давления, поскольку вода при замерзании расширяется почти на 10%. Мерзлотные процессы обычно приводят к деформациям грунтов, а в конкретной ситуации криогенные деформации сопровождались еще и смещениями костяков в погребениях.

Литература

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Новый этап исследований на территории Иркутского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 202-206.

Воробьева Г.А., Н.Е. Бердникова Реконструкции природных и культурных событий на территории Иркутска: Научно-методические разработки междисциплинарных исследований городского культурного слоя .– Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 90 с.

Строганова М.Н. Городские почвы: Генезис, систематика и экологическое значение (на примере г. Москвы): Дис… д-ра биол. наук. – М., 1998. – 71 с.

П.С. Курлович
Минск (Республика Белорусь), Белорусский государственный университет

Курительные трубки XVII–XVIII веков
(по материалам раскопок Минска)

Курительные трубки часто встречаются в слоях XVII–XVIII веков и являются обычной находкой в городах, местечках, деревнях, усадьбах Беларуси. Тут можно встретить такие их локальные названия как «пипки» или «файки». Показательно, что одни и те же типы трубок встречаются повсеместно и свидетельствуют о развитых торговых связях между городами и даже странами.

Обычно трубки состояли из полого тулова с чашечкой (мисочкой) для табака и цевки с гнездом для мундштука. Изготавливали их из глины, дерева, кости, камня, металла, керамических масс (белой и красной глины, позже фаянса, мягкого и твёрдого фарфора) в специальных двухсторонних разъёмных формах, вырезали из куска глины или формировали на гончарном круге. Трубки могли быть дымленые, терракотовые, покрытые зелёной или светло-коричневой глазурью, с лощёной или ангобированной поверхностью, украшенной геометрическим или растительным орнаментом, в виде зверей или антроповидных изображений [Археалогія і нумізматыка Беларусі, 1993, с. 381].

На территории г. Минска в результате археологических исследований культурных напластований XVII–XVIII веков, начиная с 1980-х гг. была собрана коллекция курительных трубок, состоящая из более чем 300 экземпляров. Их общая конструкция целиком соответствует иностранным аналогам. Что касается их формы и декорирования, то они подчинялись местным вкусам и привычкам, зависели от уровня производственной базы и качества сырья.

Распространённым принципом формовки минских трубок было ручное выдавливание в двухсторонней форме. Для этого во внутреннюю полость клали порцию глины необходимого размера, а потом вбивали клинья по направлениям цевки и чашечки и так создавали их внутреннее пространство. После окончательного вхождения клиньев форму разъединяли и доставали сформированное изделие, затем один из клиньев вытягивали (чаще всего меньший) и покрывали трубку орнаментом – отпечатками концевого штампа, зубчатого круга, штампа-валика и т.д. [Волков, 2006]. Также встречаются трубки, изготовленные на гончарном круге и вырезанные из глины.

Среди минских находок большое количество составляют трубки со светло-красной, хорошо обожженной керамической массы гранёной формы со штамповым орнаментом (рис. 1). Они датируются первой половиной XVII века и хронологически стоят за гончарными и вырезанными ножиком из куска глины трубками (рис. 1). Но это уже типичная трубочная технология: модель формируется в двухсторонней форме с последующим нанесением декора. На таких трубках часто встречаются клейма [Угрыновіч, Собаль, 1984, с. 70].

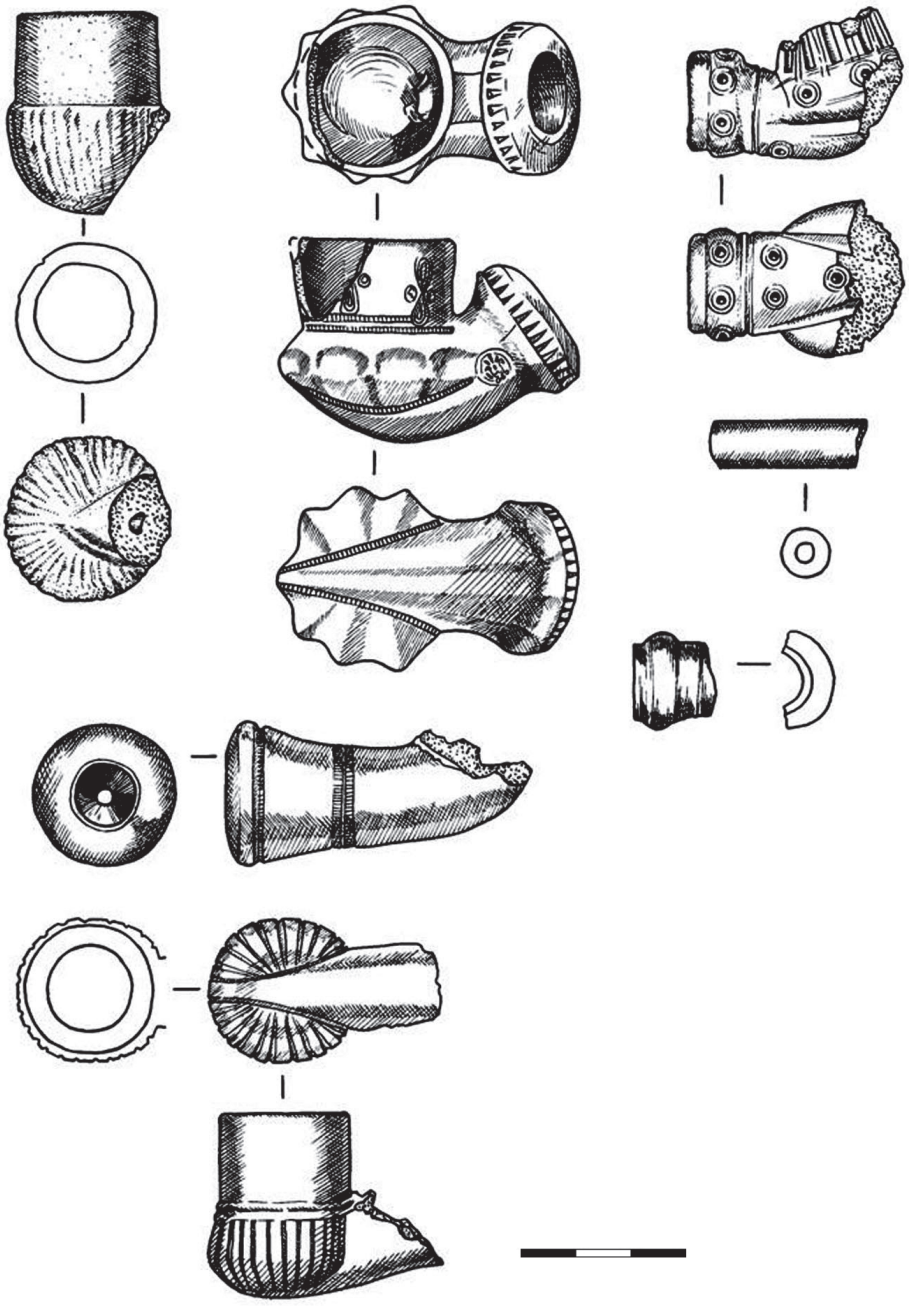


Рис. 1. Фрагменты курительных трубок XVII–XVIII веков. Минск. Раскопки Ю.В. Колосовского и А.В. Войтеховича 2007 г.

Начиная с середины XVII века, трубки изготавливают из глины более светлых тонов, а позже из фаянса и каменной массы. Выделяются переходные технологические типы (рис. 2). Их форма постепенно становится круглой, появляется рельефная поверхность, получаемая при помощи изготовления трубки в орнаментированной форме (рис. 2).

У курительных трубок XVIII века значительно усложняется форма, изменяется цвет глазури (светло-коричневая вместо зелёной) [Угрыновіч, Собаль, 1984, с. 70].

Особую группу среди минской коллекции составляют голландские курительные трубки. Они датируются XVII–XVIII веками и свидетельствуют о торговых связях Минска с европейскими странами. Такие трубки имеют яйцевидную головку с ножкой, на которой обычно встречаются клейма, и длинный монолитный мундштук [Угрыновіч, Собаль, 1984, с. 71].

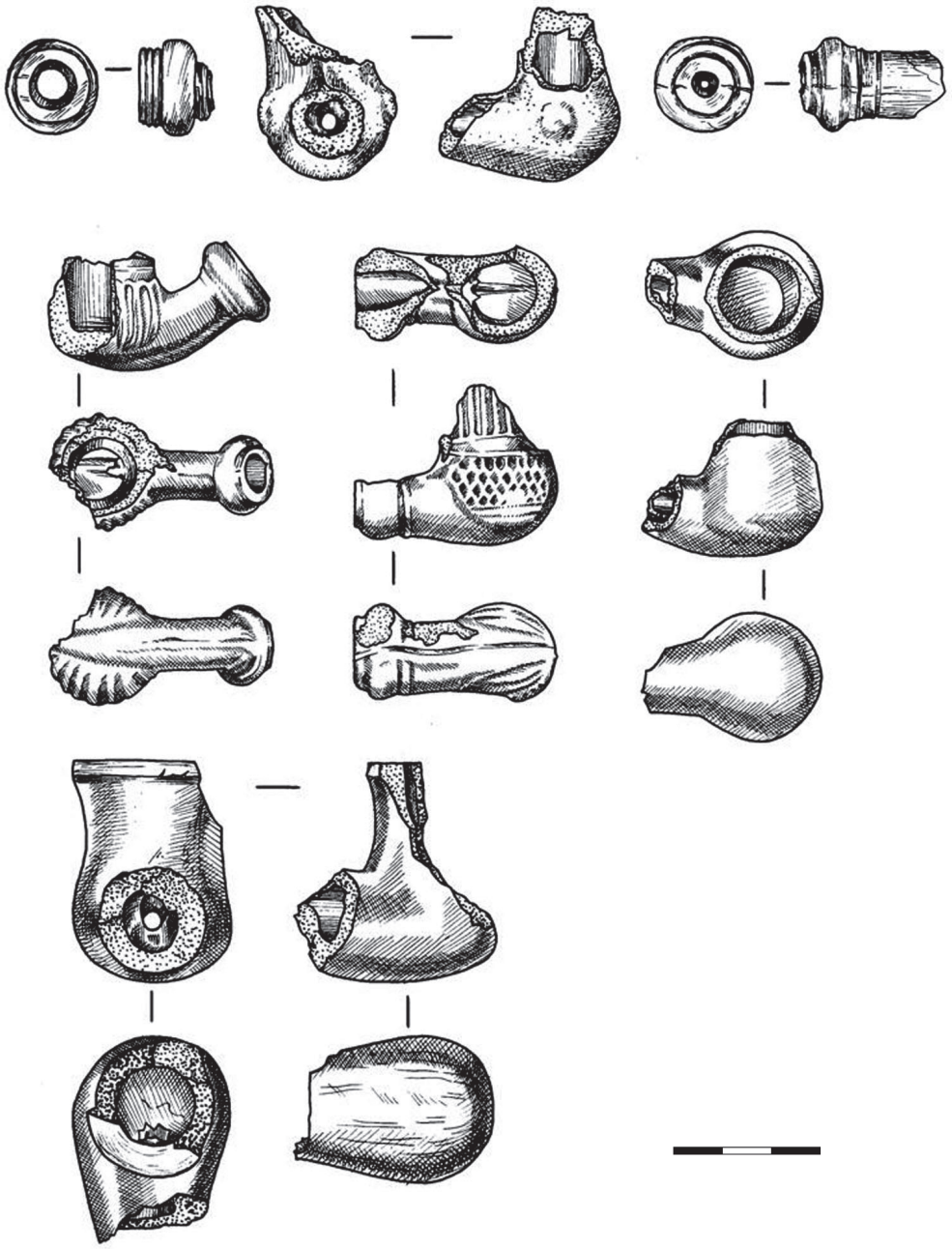


Рис. 2. Фрагменты курительных трубок XVII–XVIII веков. Минск.
Раскопки Ю.В. Колосовского и А.В. Войтеховича 2007 г.

Если рассматривать коллекцию минских трубок, то можно придти к выводу, что явно выражена их эволюция, реакция на всё самое новое – в приёмах изготовления, использования новых формовочных масс и украшений. Вместе с тем ярко чувствуется влияние производственно-экономических и торговых отношений. Кроме того, изготовление курительных трубок по-новому использует художественные возможности глины и является своеобразным проявлением декоративно-прикладного искусства.

Литература

Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. – Мн., 1993.

Волков И.В. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Открытый текст». 2006. URL: http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/library/?id=836 (дата обращения: 15.12.2009).

Угрыновіч У., Собаль В. Сувеніры стагоддзяў // Мастацтва Беларусі. – 1984. – № 10.

А.А. Любич
Тобольск, Тобольская государственная социально-педагогическая академия

Азартные игры населения г. Тобольска конца XVI-XVII вв.

Аза́ртная игра́ (с фр. jeu de hasard — букв. «игра случая») – игра, в которой выигрыш полностью или в значительной степени зависит не от искусства играющих, а от случая. По свидетельствам письменных источников азартные игры (в то время их называли еще «закладными») были широко распространены в России в XVII в. и являлись настоящим бедствием [Бахрушин, 1987]. Об этом свидетельствуют указы, направленные против азартных игр. Указом 1648 г., инициатором которого было духовенство, запрещалось «всякое бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми», в том числе запрещались и такие «гражданские» игры как зернь, карты, шахматы и лодыги.

К азартным играм того времени можно отнести: шахматы, карты, зернь, шашки (лодыги) и бабки. В ходе раскопок города Тобольска была собрана коллекция аксессуаров азартных игр (8 шахматных фигурок, 3 кубика, 4 альчика, множество бабок), свидетельствующая об их значительном месте в досуге тоболяков.

Шахматы. На территории Кремля найдено 8 шахматных фигурок: 6 костяных и 2 деревянных (последние две найдены тюменскими археологами во время раскопок тобольского кремля в 2007 г.) [Матвеев, 2008]. Лишь одна найденная фигурка датируется XVIII в., все остальные относятся к XVII в.

Две шахматы представлены цилиндрами высотой в 1 см, с небольшим навершием в центре. Атрибутируются эти фигурки как пешки; выполнены они в стиле традиционной символики (согласно классификации разработанной И.М. Линдером) [Линдер, с. 161]. Деревянные фигурки тоже являются пешками выполненными вручную.

Одна из фигурок атрибутируется как ладья и также выполнена в стиле традиционной символики. Фигурка, датируемая XVIII в., представляет собой короля или ферзя.

Еще одна фигурка не подпадает под классификацию Линдера. Не находит она аналогий и в соседних городах.

Обращает на себя внимание малое количество миниатюрных фигурок, широко распространенных в то время в Мангазее (авторы раскопок относят к ним фигурки следующих размеров: высота от 1,2 до 2,3 см; диаметры оснований цилиндрических фигур – 0,5-1,0 см.) [Визгалов, Пархимович, 2007]. Под эти размеры подходят только 2 фигурки.

Игральные кубики представлены 3 экземплярами. Первый кубик размечен классическим образом, когда сумма противоположенных граней равна 7 см. Второй кубик представляет собой заготовку. Третий кубик вызывает наибольший интерес: на его гранях расположены русские буквы. На одной из сторон, предположительно, изображена Голгофа с крестом. Аналоги подобного изделия, пока, неизвестны. Непонятным остается и предназначение данного изделия. Видимо, он использовался в качестве атрибута для гадания. Стоит заметить, что кубики очень маленькие (сторона куба менее 1 см), что аналогично находкам Мангазеи, Томска, Кузнецка [Щевцов, 2004].

Карты. Игра в карты, несмотря на свою молодость, в сравнении с костями и шахматами, увы, не оставила своего вещного воплощения для XVII в. [Щевцов,2004], но встречается в письменных источниках. В 60-х гг. в Тобольске рейтары и солдаты «зернью и карты играют, и от той зерни их унимали (начальные люди), и поученье были биты кнутом, а иные батогами, и никоими меры унять немочно…» [Бахрушин 1987, с. 129].

Еще одна старинная русская забава — *игра в бабки*. Она заключалась в том, что на кон ставили кости (свиные или говяжьи) и выбивали их битами, которые заливали свинцом. В основном игра шла на деньги. В городе найдено также множество бабок (таранных костей крупного рогатого скота), есть экземпляры с просверленными отверстиями, залитыми свинцом. Также найдены 4 альчика (фаланги мелко рогатого скота). Один альчик с насечками в верхней грани, два с отверстиями типа ушка.

Все эти находки дополняют письменные источники и подтверждают то, что азартные игры занимали значительное место в жизни населения города Тобольска.

Литература

Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск, 2008.

Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. – М., 1987.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея – первый русский город в сибирском заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск, 2007.

Линдер И.М. Шахматы на Руси. – М.: Наука, 1965.

Матвеев А.В. Предварительные результаты первого года раскопок археологической экспедиции Тюменского университета в Тобольске // AB ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: Три Т, 2008. – Вып. 2. – С. 114-149.

Шевцов В.В. Азартные игры в повседневной жизни русских сибиряков // Сибирская старина. – 2004. – № 22.

Т.С. Морозова

Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

К вопросу об интерпретации групп могил на могильниках XVII-XVIII вв. в Притарье

Цель данной работы – изучение погребального обряда населения Притарья XVII-XVIII вв. на основе статистико-комбинаторных методов и интерпретация групп могил, которые выделены по материалам могильников Бергамак II и Кыштовка II.

Выделенные группы имеет богатую палитру признаков, различных по происхождению, а главное они отражают только один момент в динамике развития общества, а потому они не могут быть, безусловно, сопоставимы с теми типами, группами, которые выявлены были на историческом уровне [Гуляев, Ольховский, 1999].

Чтобы выделить конкретные группы погребений, были проведены некоторые расчеты по известной формуле f = (S в квадрате)/k × l, при условии $0 \leq f \leq 1$. Главными элементами этой формулы были следующие данные: k – общее количество признаков одного объекта (могилы), l – общее количество признаков второго объекта, S – количество совпадений (общие признаки двух объектов) и в итоге вычислялся f – суммарный коэффициент [Мартынов, Шер, 2002, с. 74-76]. Получив суммарный коэффициент, все погребения делятся на группы могил, связанных определенной связью (сильной 0.9-1 или средней 0.7-0.8).

Таким образом, разбив весь массив материалов на отдельные группы могил, можно показать их особенности, а затем объяснить, чем эти особенности обусловлены. Могут быть три варианта: 1) хронология; 2) этническая принадлежность погребенных; 3) социальное положение умерших, что актуально не только для позднесредневековых материалов, но и для изучения и интерпретации погребального обряда в целом.

На могильнике Бергамак II было выделено 2 группы могил с разными видами связи. 1 группа могил – с сильной связью: ее насыпь, форма и размеры, могильная яма и её форма, положение костяка и ориентация костяка одинаковы практически во всех могилах. Однако, больший интерес представляет погребальный инвентарь: в некоторых могилах инвентарь отсутствует вовсе, в других он прост: куски железняка, обломки керамики и кости животных [Татауров, Тихонов, 1996]. Это позволяет судить о том, что в данных погребениях похоронены люди низкого достатка.

2 группа могил со средней связью: в ней есть четыре погребения без всякого инвентаря, но в других имеются: один перстень, два сосуда, один наперсток, один нож [Татауров, Тихонов, 1996]. Перечисленные предметы относятся к товару, который приобретался на рынке. Кроме того, они относились к особой группе товара – «русские» [Вилков, 1967, с. 82]. Розничная цена за один предмет следующая: 1 топор – 34,2 копейки, 1 медная серьга – 1 коп., 1 нож – 7 коп. [Вилков, 1990]. Таким образом, получается, что 2-я группа, несмотря на присутствие безынвентарных могил, богаче первой группы. Соответственно можно говорить о погребении здесь людей среднего достатка или даже выше среднего.

Могильник Кыштовка II тоже интересен. Для анализа можно взять две группы могил. Первая группа включает погребения со следующим инвентарем: наконечники стрел, ножи, кости животных [Молодин, 1979]. Судя по всему, в этих погребениях похоронены люди среднего достатка. Об этом позволяют судить ножи – востребованный «русский товар». В могилах другой группы достаточно богатый интересный инвентарь: наконечники стрел, ножи, железные топоры, обломки керамики и кремня [Молодин, 1979]. Данная группа, по сравнению с первой, богаче по набору погребального инвентаря. Соответственно, здесь были погребены люди более высокого достатка и

имущественного положения. Интересно, что устройство двух безынвентарных могил точно такое же, как и богатых.

Таким образом, с помощью статистико-комбинаторного метода на каждом памятнике выделены отдельные группы могил, связанные сильной или средней связью, имеющие похожие или даже одинаковые элементы, однако, интерпретировать материал можно по-разному. Это необходимо, чтобы дать ответ на вопросы: какова социальная, этническая принадлежность материалов, насколько достоверны сведения, которые имеются о данных памятниках; что необходимо сделать для раскрытия обозначенных аспектов.

Литература

Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII вв. – Новосибирск: Наука, 1990. – 368 с.

Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. – М.: Наука, 1967. – 324 с.

Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М., 1999. – С. 10-13.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологических исследований. – М.: Высш. школа, 2002. – 240 с.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 181 с.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культура и социума. – Новосибирск: Наука, 1996. – Т.1: Культура Тарских татар. – С. 58-83.

М.А. Рюмшин

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Фортификационные сооружения у енисейских кыргызов в позднем средневековье – начале нового времени

Этап позднего средневековья – начала нового времени в истории Приенисейского края, несмотря на продолжающую активизацию исследовательской деятельности в последние два десятилетия, остается полон «белых пятен» в плане представления материальной культуры населения региона, включая и его военное дело. В связи с этим работа, направленная на изучение военного дела и его составляющих, в особенности таких как строительство и использование военных укреплений, довольно актуальна и является одним из приоритетных направлений в изучении истории местного населения. Изучение археологических памятников позднего средневековья – начала нового времени на территории юга Приенисейского края вызывает повышенный научный интерес в связи с необходимостью изучения феномена кыргызского сопротивления в течение почти ста лет русскому продвижению в Южную Сибирь. Несомненно, определенную роль в этом могли играть и воздвигнутые в разные эпохи оборонительные сооружения, использовавшиеся енисейскими кыргызами.

Интерес к укреплениям на этой земле появился ещё на этапе первоначального освоения ее русскими людьми, называвшими их «каменными городками» [История.., 1993]. Они их интересовали, в первую очередь, с военной точки зрения. С XIX-XX вв. началось формирование и научного интереса к истории создания этих укреплений [Бахрушин, 1955].

Вплоть до недавнего времени данная проблема в отечественной историографии рассматривалась исключительно на русских материалах письменного происхождения XVII в., поэтому полученные результаты имели, по большей части, описательный характер либо вид первичных интерпретаций сообщений русских первопроходцев, иногда слишком критичных [Добжанский, 2007]. Археологические источники для данной цели не привлекались, что создавало и создает до сих пор определенную путаницу в связи с неясными топографическими характеристиками и географическим расположением объектов на местности в сообщениях источников.

Поэтому настоящая работа посвящается попытке изучения истории использования укреплений и фортификационных объектов енисейскими кыргызами в указанный период с использованием дополнительных источников археологического происхождения.

Главная суть проблемы заключается в вопросе, могли ли известные к настоящему времени на территории региона многочисленные укрепления строиться и использоваться кыргызами. Отдельные исследователи утверждают, что в позднем средневековье и начале нового времени у енисейских кыргызов как кочевников не могло существовать системы укреплений [Добжанский, 2007]. Однако записи, оставленные первопроходцами, показывают, что в действительности они имелись. Это подтверждают и археологические свидетельства, полученные нами в последнее время.

В данной работе изучаются три укреплённых объекта на территории юга Приенисейского края – Каменный остров на Енисее, гора Унюк у устья р. Сыда и гора Первый Сундук на р. Белый Июс.

В работе «История Хакасии» указывается, что одно из таких крепостных сооружений, использовавшихся енисейскими кыргызами, находится на современном Тагарском острове на Енисее [История.., 1993]. Но его в ходе наших поисковых маршрутов 2009 г. на этом острове не обнаружено. Более того, сам Тагарский остров не попадает под описания источников из-за своего топографического расположения. Но другой остров с современным названием «Каменный» наиболее удачно соответствует указаниям источников и топографическому положению. Этот остров находится в 25 км от современного устья р. Абакан и в 14 км (по прямой линии) выше современного Тагарского острова, между селами Лугавское и Кривинское Минусинского района Красноярского края, напротив устья правого притока Енисея рчк. Ничка. Каменный остров – один из самых заметных объектов рельефа здесь, хорошо видимый с больших расстояний с обоих берегов Енисея. Его расположение и топографические характеристики полностью соответствуют описаниям Г.Ф. Миллера: «Umai-taiga – последняя скала Саянских гор в северном направлении, на восточном берегу реки Енисея. Tagir-tag или –камень – высокая скала на острове, образованном двумя рукавами реки Енисея, приблизительно на полпути между предыдущей скалой Umai-taiga и устьем реки Абакана» [Сибирь.., 1996, с. 57]. Следовательно, под «Tagir-tag» следует понимать Каменный остров, т.к. современный Тагарский находится не на полпути между скалой Умай и устьем Абакана, а почти напротив устья Абакана.

Среди островов, расположенных на Енисее, Каменный остров выделяется находящейся на нём горой-останцом девонского песчаника. Эта гора имеет почти вертикально нависший над водой каменный обрыв, напоминающий стену. Однако, вместе с обрывом на острове находится настоящая каменная стена. Её и отмечали в источниках: «с одного конца на том острове залег камень подобный городовой стене» [Добжанский, 2007], «с нижнего конца от Абакана реки по обе стороны того острова... камень, на версту или меньше, высокий подобно городовому делу, создающий крепость великую» [Добжанский, 2007]. Сама вершина острова имеет уплощённую форму, куда имеется свободный доступ с низменной части острова. И на месте этого перехода к возвышенности находятся остатки каменной стены. Её протяженность более 1 км. Сложена стена без раствора, из горизонтально уложенных друг на друга обломков каменных плит. Она представляет собой комбинацию линий крепостных стен, эскарпов и эспланад, расположенных с напольной стороны на расстоянии 30 м. В сплошной линии оборонительных укреплений, соединяющих обрывистые склоны горы, имеется четыре проема – ворота. В настоящее время стена имеет в высоту более 1,5 м, а в ширину около 1,5 м. На огораживаемой ею площади свободно могло разместиться большое количество людей со скотом, для которого имелось также место для выпаса на уплощённой вершине, склонах самой горы и даже в низменной части острова. И.А. Грачёв, который наиболее полно изучал это укрепление, датировал её эпохой поздней бронзы. Возможно, енисейские кыргызы доработали и использовали данное укрепление в своих целях. Дополнительным подтверждением того, что укрепление использовалось енисейскими кыргызами, служит прямое указание об этом Г.Ф. Миллера 1739 г.

Вторым объектом является крепость, находящаяся на г. Унюк у устья р. Сыда, наличие которой также не признают некоторые исследователи [Добжанский, 2007]. Первое упоминание об использовании этой крепости в военных целях сделал ещё в 1652 г. красноярский воевода М.Ф. Скрябин. Он сообщил об осаде Алтын-ханом в этой крепости войска своего племянника Мерген-тайши. Второе и достаточно подробное описание её сделал Г.Ф. Миллер. Он сообщил, что «на восточной стороне Енисея, немного ниже устья реки Сиды, замечены остатки бывшего города» [Сибирь.., 1996, с. 57–58]. В 1739 г., побывав на этом месте, исследователь дал описание объекта, отметив, что укрепление имеет двойные рвы и валы. Современный исследователь А.И. Готлиб также свидетельствует о наличии на г. Унюк крупного укреплённого объекта [Готлиб, 1999], использовав-

шегося, очевидно, и для долгого «сидения» за его стенами в виду какой-либо военной угрозы. Судя по сведениям компетентных исследователей, можно уверенно говорить о наличии на г. Унюк крупного укреплённого объекта.

Третьим объектом представлено искусственное сооружение, находящееся на западном склоне г. Первый Сундук на р. Белый Июс, вместе с обрывистыми краями горы и формирующее само укрепление. Гора представляет собой останец девонского песчаника, резко выделяясь на равнине в долине Белого Июса своими тремя обрывистыми краями. Эта гора с западной стороны была дополнена искусственным сооружением – каменной стеной, которой перегорожен пологий спуск между ее обрывистыми северным и южным краями. Сама стена в настоящее время находится в сильно задернованном и расплывшемся состоянии, её средняя высота достигает 0,5–0,6 м. Внутри образовавшегося периметра гора имеет каменную вершину, лишённую растительности, и два обширных лога на западном склоне со степной растительностью, где временно могло поместиться несколько тысяч голов скота. В некоторых местах горы останцы девонского песчаника имеют форму, напоминающую остатки каменных башен или стен. В итоге данная гора при необходимости с помощью этого несложного дополнения в виде каменной стены могла стать мощным укреплением, скрывающим под своей защитой множество людей и скота, что, по-видимому, оценили и использовали енисейские кыргызы.

В результате анализа сведений русских первопроходцев и материалов исследований современных авторов, а также в ходе собственного изучения данных объектов на местах их расположения можно уверенно говорить о наличии укреплений на Каменном острове, г. Унюк и г. Первый Сундук, а также об использовании енисейскими кыргызами данных укреплений, предназначенных, по-видимому, для выдерживания длительной осады.

Литература

Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. III: Избр. работы по истории Сибири XVI–XVII вв. – Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. – С. 176–224.

Готлиб А.И. Горные сооружениия-све Хакасско-Минусинской котловины: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 18 с.

Добжанский В.Н. «Городки» енисейских киргизов в XVII веке: историографический миф или историческая реальность? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4 (32). – С. 81–90.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М.: Наука, 1993. – 525 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. – 310 с. – («История Сибири. Первоисточники». – Вып. 6).

С.М. Слепченко

Омск, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

Палеопатологии у русского населения XVII-XVIII веков (по материалам могильника Ананьино-I)

Палеопатология – наука о болезнях древнего человека, животных и растений, насчитывает в своем развитии более двухсот лет. Работы дореволюционных исследователей, в полной мере отвечающие сути палеопатологии, выполнены такими выдающимися учеными как К.М. Бэр, Д.Н. Анучин и др. [Анучин, 1887, 1900]. Основателем отечественной российской (советской) школы палеопатологии можно по праву считать Д.Н. Рохлина, изучившего огромный палеоантропологический материал на предмет наличия патологии, тем самым обогатившего медицинскую науку и заложившего основы тесного сотрудничества археологов с медиками и антропологами [Рохлин, 1965]. В последние десятилетия в России вновь возрос интерес к изучению палеопатологий, как к одному из важнейших источников информации в археологии. Дополняя археологический материал данными палеопатологических исследований, стало возможным более точное проведение различных реконструкций. Сопоставление этих двух источников в географическом и хронологическом контексте с данными этнографии, геохимии, геологии, палеодемографии, знаниями о климате, животном и растительном мире позволило более полно оценить процесс средовой и со-

циальной адаптации и реконструировать образ жизни, особенности среды обитания и специфику поведения людей в конкретных климатических условиях, характер питания древнего населения [Бужилова, 1995].

Целью нашего исследования стало изучение палеоостеологического материала русского кладбища XVII-XVIII веков – Ананьино I (Тарский район Омской области, раскопки Л.В. Татауровой 2005 г.), выявление патологических изменений с определением их характеристики. Палеоантропологический материал состоял из останков 48 человек. Большинство костяков имели удовлетворительную сохранность и были представлены относительно полными скелетами.

Для проведения остеоскопического анализа костного материала были отобраны кости и черепа, имевшие наиболее выраженные проявления патологии. Эти образцы изучены рентгенологически. Определение пола и возраста было проведено только для взрослых скелетов и в данном исследовании не отражено.

Проведенные исследования выявили следующие группы заболеваний.

1. Дегенеративно-дистрофические изменения, к которым относятся деформирующий артроз, деформирующий спондилоартроз, остеохондроз межпозвоночных дисков, тендиноз, наблюдались практически у всех погребенных старше 25 лет и имели различную степень выраженности. Проявления остеохондроза наблюдались на костях 10 индивидуумов (могилы № 2, 6, 24, 25, 26, 27, 35, 36, 44, 48) и имели различную выраженность. Более частое поражение встречалось в шейном и поясничном отделах позвоночника. Хрящевые грыжи Шморля (хрящевые узлы) до 5–6 мм отмечены в трех случаях (могилы № 11, 36, 48). Деформирующий артроз выявлен на костях из 4-х могил (могилы № 6, 35, 36, 44). На костях из этих погребений имелись отчетливые проявления артроза практически всех крупных суставов. Деформирующий спондилез обнаружен нами в шести случаях (могилы № 6, 24, 25, 35, 36, 44). Окостенение передней продольной связки в данных случаях имело различную выраженность. В одном случае (могила № 35) в результате выраженного окостенения передней продольной связки наблюдалось неподвижное соединение двух поясничных позвонков. На длинных трубчатых костях из могилы № 25 имелись проявления тендиноза – окостенения мест прикрепления сухожилий мышц. В погребении № 24 у второго шейного позвонка обнаружено окостенение связки зубовидного отростка второго шейного позвонка. В области верхушки зуба имелась окостеневшая связка. Не исключено, что окостенение этой связки резко ограничивало повороты головы и шеи у данного человека.

2. Воспалительные заболевания в виде остеомиелита плечевой кости были отмечены в одном случае. В могиле № 1 находился скелет ребенка, на плечевой кости которого имелись тяжелейшие проявления хронического остеомиелита с гиперостозом, секвестральными полостями, свищевыми ходами. В результате длительно протекавшего патологического процесса сформировалось искривление головки плечевой кости. На бедренных костях того же индивидуума отмечались явления деструкции и оссифицирующий периостит.

3. Травматические повреждения выявлены нами в шести захоронениях. В могиле № 2 на лучевой кости имелся перелом на границе верхней и средней трети и сросшийся перелом на границе нижней и средней третей кости. На локтевой кости имелся перелом с исходом в ложный сустав. На ребрах погребенных в могилах № 27 и 34 отмечены следы множественных посттравматических повреждений. Оба скелета принадлежали мужчинам в возрасте около 40 лет. На ребре из могилы № 27 в месте консолидированного перелома визуализировался единичный экзостоз. При изучении костного материала из могилы № 26 выявлен перелом тела грудины и сформировавшийся ложный сустав между отломками.

Из травматических повреждений следует также отметить наличие вдавленного сросшегося перелома костей свода черепа у мужчины 25-30 лет из могилы № 11 и след хорошо зажившего перелома костей свода черепа у ребенка из могилы № 33.

4. Доброкачественные опухолевидные образования костей на остеологическом материале были обнаружены в двух случаях. У мужчины из могилы № 36 выявлена остеома лобной кости. На бедренной кости у мужского скелета из могилы № 35 диагностирована остеоид – остеома.

5. Из аномалий развития нами встречены дефекты задней дуги (spina bifida posterior) первых шейных позвонков и врожденная конкресценция шейных позвонков. Расщепление задней дуги атлантов обнаружено в могилах № 2, 26, 34, и вероятно никак не влияло на жизнедеятельность её обладателей. В двух случаях (могилы № 12 и 44) выявлена врожденная конкресценция шейных позвонков. Слияние позвонков происходит из-за аплазии либо гипоплазии межпозвоночных дис-

ков и проявляется отсутствием движения в соответствующем позвоночно-двигательном сегменте позвоночника [Рейнберг, 1964].

Таким образом, при исследовании остеологического материала из могильника Ананьино-I выявлено пять групп патологических изменений: дегенеративно-дистрофические, воспалительные изменения, травмы, опухолевые образования и аномалии развития. Дегенеративно-дистрофические изменения, выявленные нами, представлены в виде деформирующего артроза (4 случая), остеохондроза (10 случаев), деформирующего спондилоартроза (6 случаев), тендиноза (1 случай). Данные изменения позвоночного столба и суставов, имевшие различную выраженность, могут свидетельствовать о наличии постоянной микротравматизации, длительных перегрузок, а иногда и острой травмы, возникшей вследствие тяжелого физического труда.

Воспалительные процессы костей в форме остеомиелита являлись, скорее, осложнениями воспалительных заболеваний другой локализации.

Маркерами агрессивности и неблагополучия социальной обстановки, а также внешней агрессии являются травматические повреждения. Выявленные нами травматические изменения чаще определялись у индивидуумов зрелого возраста, что может указывать на нестабильность социальной атмосферы в среде русских первопоселенцев и напряженность ситуации, связанной с освоения территории Омского Прииртышья. Дефект задней дуги атланта, у трех индивидуумов, имеет наследственный характер, и не исключает родства погребенных.

Вышеизложенные материалы не являются окончательными выводами, так как дальнейшая обработка костного материала продолжается.

Литература

Анучин Д.Н. О древних искусственно-деформированных черепах, найденных в пределах России // Изв. / Об-ва люб. естеств., антроп. и этногр. – 1887. – Т. XLIX, вып. 4.

Анучин Д.Н. Беглый взгляд на прошлое антропологии и на её задачи в России // Российский антропологический журнал. – 1900. – № 1.

Бужилова А.П. Homo Sapiens История болезни. – М.: Языки славянской культуры, 2005.

Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний кистей и суставов. – М.: «Медицина», 1964.

Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. – М.: Наука, 1965.

Э.Д. Соловьева

Ижевск, Удмуртский государственный университет

Коллективные погребения Троицкого (нагорного) кладбища XIX-XX вв.

Троицкое нагорное кладбище функционировало в период с 1810-1932 гг. В 1960-1990-х гг. значительная часть могильника была уничтожена при реконструкции ул. Удмуртской, строительстве вдоль нее жилых домов и общежитий, 4 и 6 корпусов университета, стадиона «Газовик-Газпром» и Ледового Дворца, а также строительных работ на территории Свято-Троицкого храма.

В течение двух полевых сезонов (2007-2008 гг.) Ижевским отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета под руководством И.Ю. Пастушенко производились охранные исследования на Троицком (Нагорном) кладбище г. Ижевска, вызванные строительством крытого катка на территории памятника.

На площади 2283 кв.м вскрыто 702 погребения, которые содержат разнообразный сопровождающий инвентарь. Культовые предметы представлены крестиками, чаще всего медными, также встречаются серебряные, из белого сплава, каменные и даже деревянные; медными медальонами и образками, деревянными иконами в металлическом окладе, свечами. В одном погребении найдено католическое распятие. Встречены остатки одежды и обуви. Иногда в могилу помещались стеклянные бутылочки, пробитые серебряные монеты (вероятно, в составе украшений), бусы и бисер, медные монеты (до 7 штук), костяной гребень. Найдена могильная табличка с надписью: «Константин Егорович Алексеев, умер в 1910 году».

По всей видимости, кладбище было всесословным и полиэтничным, возможно, и многоконфессиональным. Здесь были похоронены купцы, промышленники, работники оружейного завода, среди которых были такие выдающиеся, как главный архитектор Камских заводов С.Е. Дудин.

В ходе раскопок на памятнике были обнаружены 17 коллективных погребений (2,4%). Из них можно выделить одновременные захоронения и более поздние подзахоронения к ранее совершенному погребению. В 11-ти погребениях (1,6%) на одном уровне фиксируются два-три гроба. Вероятно, такие захоронения являются одновременными. В 5 случаях (0,7%) детский гроб был уложен поверх взрослого. В суровые зимние месяцы было проще выкопать общую глубокую могилу и установить гробы друг на друга, чем делать в мерзлом грунте несколько одиночных [Татаурова, рукопись]. Такие захоронения могли быть как едино-, так и разновременными. Так как детский гроб всегда располагался сверху, складывается впечатление, что подзахоронен именно он. Существует информация, что иногда при подзахоронении взрослого к ребенку, детский гроб доставали и клали поверх взрослого. Скорее всего, такой вариант практиковался в том случае, если промежуток времени между смертью родственников был невелик. В первом случае (0,1%) наблюдается погребение с подбоем в нише. В основной части расположен гроб взрослого человека, а рядом, в нише, детское подзахоронение. Погребение является единовременным.

Массовые находки останков человеческих скелетов известны при строительстве перехода между 4 и 6 корпусами УдГУ, где в котловане под фундамент сооружения была обнаружена могильная яма с двухъярусным захоронением 8 человек (вероятнее всего, в гробах), у части погребенных отмечено наличие пулевых отверстий в костях черепа. Неординарность подобного рода захоронений вынуждает искать возможные объяснения этому явлению. Скорее всего, таким способом могли быть погребены супруги, родители с детьми, а также люди, связанные другими родственными отношениями [Шутова, 2001]. Вероятно, коллективные погребения возникают в результате единовременного, либо отдаленного во времени непродолжительного периода наступления смерти погребенных. Единовременное наступление смерти в данный период времени могло возникнуть в результате следующих событий:

1) инфекционные заболевания (холера, тиф, испанский грипп («испанка») и т.д.);

2) от чрезвычайных происшествий, например пожар (частое явление и теперь);

3) тысячи граждан города погибли в результате гражданской войны, ижевско-воткинского мятежа, террора, репрессий, голода.

Совместные захоронения можно связывать не только с одновременной смертью родственников, но также с определенными религиозными верованиями. Среди исследователей существует мнение о том, что мир представлялся зеркальным отражением мира земного. Кладбище являлось общим местом жительства для всех умерших предков, а могилы – отдельными помещениями, жилищами для каждого из них. Существует представление о том, что умершие одной и той же семьи живут в загробном мире вместе [Шутова, 2001]. Так как гроб, могила были прообразом дома, возможно, именно поэтому некоторые старались хоронить родственников вместе. Иногда после смерти одного из родственников старались оставить для другого свободное место [Атаманов, Владыкин, 1985]. Таким образом, коллективные погребения могут являться источником по реконструкции мировоззрения общества, а также по истории города Ижевска.

Литература

Атаманов М.Г., Владыкин В.Е. Погребальный ритуал южных удмуртов (конец XIX – начало XX вв.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов, 1985. – 160 с.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских среднего Прииртышья XVII – XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I (рукопись).

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. – Ижевск, 2001. – 304 с.

Ф.С. Татауров
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Специфика распространения фарфора на русских памятниках Омского Прииртышья в XVII–XIX вв.
(по материалам археологических исследований)

Освоение русскими Сибири, увеличение количества населённых пунктов и численности населения способствовало расширению сибирского рынка. Среди множества поступавших товаров особое внимание заслуживает фарфоровая посуда, фрагменты её обнаружены на всех изученных русских памятниках сибирского региона и Омского Прииртышья. Фарфор относится к группе престижных товаров, которые подчёркивают материальное положение их обладателей, доставка его была трудоемкой, а цена высокой.

Цели нашей работы – определить возможности фарфора как датирующего материала и выявить ареал его распространения.

Для исследования использованы археологические коллекции русских памятников Омского Прииртышья: Бергамак-I, Изюк-I, Ананьино-I, Локти-I и Розановка-I (раскопки Л.В. Татауровой, 1996-2007 гг.) [Татаурова, 2009].

При анализе материала необходимо чётко различать два пути поступления фарфора: восточный (китайский) и западный (русский). В Прииртышье русские встретились с бухарскими купцами, привозившими сюда не только среднеазиатские, но и китайские товары. То, что Сибирь в 1610-1611 гг. не получала, практически, никакого обеспечения товарами первой необходимости из европейской России (сельскохозяйственные орудия, хлеб, одежда и пр.), обусловило развитие торговли с Китаем и Средней Азией.

В начале – середине XVII в. в небольших количествах фарфор поступал из Ценнина (северо-западный Китай), что подтверждается исследованием таможенных записей, но только за 1671/72 гг., а вообще фарфор не был объектом казённой торговли и имел место только в частных привозах [Вилков, 1990].

По результатам археологических исследований удалось установить широкое распространение китайского фарфора по территории Омского Прииртышья в XVII – начале XVIII в. На поселениях Ананьино-I (XVII-XVIII вв.) и Изюк-I (XVIII-XIX вв.), найдены фрагменты изделий, выполненных в китайской технике и характерно украшенные.

Как археологический источник китайский фарфор позволяет относительно датировать памятники XVII – середины XVIII вв. Более точную датировку определить сложно – технология производства фарфора в Китае того времени была поставлена на поток – образцы посуды мало отличались друг от друга.

Альтернатива восточному фарфору в Сибири появилась только в XVIII веке, в связи с основанием при Елизавете Петровне в 1744 г. Императорского фарфорового завода. Продукция его была элитарна, и хотя позже завод получил разрешение производить изделия для широкой продажи, он не мог обеспечить увеличивающийся спрос, и во второй половине XVIII в. появляется ряд частных заводов – Волкова, Шкурина, Жадина, Гарднера и др. [Русский фарфор, 1993].

Завод английского купца Франца Гарднера (основан в 1766 г. в селе Вербилки Московской губернии) стал первым поставщиком русского фарфора в Западную Сибирь. Его изделия, в отличие от Императорского завода, выполнены в русской крестьянской тематике и не имели каких-то особо характерных черт. В регионе он был распространен в период с третьей четверти XVIII по начало XIX вв.

В начале XIX в. на Сибирском рынке появляется продукция завода Якова Васильевича Кузнецова. Его предприятия были ориентированы на демократическую среду, что послужило причиной широкого распространения фарфора под маркой Кузнецовых [Безрукова, 2006].

Самым лучшим способом датировки Кузнецовского фарфора являются клейма. По конфигурации и характеру исполнения их можно разделить несколько периодов:

Ранний (Новохаритоновский) период. Клейма этой группы условно отнесены к новохаритоновскому производству (1810-1870 гг.). В клейма в различных вариантах включена надпись «Фабрика братьев Кузнецовых». Они имеют разнообразную конфигурацию – заключены в круг,

оформлены виньеткой. Клейма вдавлены в тесто, а затем прорисованы синей или зеленой красками. Встречаются орфографические ошибки в написании.

Подобные образцы были обнаружены на поселениях Бергамак-I и Изюк-I (памятники датируются XVIII-XIX вв.).

Средний (Дулевско-Рижский) период. К нему относятся клейма Дулевского завода (1832-1917 гг.). Они разнообразны по начертаниям и отражают самый длительный по времени этап в развитии фарфорового производства. Образец посуды с таким клеймом был найден на поселении Розановка-I. К этому периоду можно отнести и клейма Рижского завода (1843-1917 гг.). Они отличаются конфигурацией, изобразительными элементами. Наиболее ранние из них относятся ко времени С.Т.Кузнецова (1853-1863 гг.). Фрагменты с такими клеймами найдены на поселениях Локти-I и Розановка-I (оба датируются XIX-XX вв.).

Поздний (Тверской) период. К нему относятся клейма тверского завода (1870-1917 гг.). Их можно разделить на две группы – до образования так называемого «Товарищества Кузнецова» (1870-1889 гг.) и периода его существования (1889-1917 гг.). В клеймах периоды обозначены надписью: «Фабрики М.С. Кузнецова Тверской губернии» и «Товарищества М.С. Кузнецова в Твери». Клейма времени М.С. Кузнецова и его наследников (1864-1917 гг.) характеризуются большей пышностью оформления [Марки фарфора…,1999].

Фрагменты клейменой посуды этой фабрики составляют самую многочисленную группу на исследованных нами археологических памятниках.

Распространение в Сибири фарфора и фаянса, производимого на российских заводах можно проследить не только по клеймам, но и по орнаментам и приёмам глазирования. Главную роль в росписи фарфоровой и фаянсовой посуды играет растительная тема – изображение цветов, листьев и стеблей растений. Кроме растений наличествует большое количество красок и орнаментов в виде линий, жемчужин, сетки и т.д. Эти способы украшения посуды были очень популярны в Сибири на протяжении XVIII-XIX вв.

Представим наиболее распространенные орнаменты на венчиках. Они различаются сюжетом и техническим исполнением. Орнамент № 1 исполнен в виде коричневых полос разной толщины вдоль венчика. Орнамент № 2 выполнен в виде переплетающихся стеблей, синей краской. Каждый из представленных орнаментов сверху покрыт прозрачной глазурью. Следующий тип – орнамент из «жемчужин», симметрично расположенных выпуклых полушарий, иногда покрытых сверху глазурью.

Технический приём нанесения глазури разных цветов разными способами применялся для украшения не только фарфора и фаянса, но и керамики, образцы которой встречаются на всех исследованных русских памятниках.

Следующий способ украшения – это отливка фарфора в специальных формах. Обнаружено несколько способов: формовка венчика, когда выпуклые линии расходятся от венчика к низу сосуда; формовка на стенках сосуда стеблей и листьев растений, восходящих к венчику.

Распространение посуды с таким узором характерно для довольно обширных территорий. Об этом говорит то, что такая посуда известна не только в XVII в. (Бергамак и Изюк), но и в XIX в. (Розановка и Локти), когда, практически, никакого импорта китайского фарфора и фаянса на территорию Сибири не поступало.

Специфика распространения фарфора на русских памятниках Омского Прииртышья заключается в том, что на раннем памятнике Ананьино-I (XVII-XVIII вв.) преобладает китайский фарфор, на памятнике Изюк-I (XVIII-XIX вв.) соседствует китайский и русский, а на памятниках Локти-I и Розановка-I (середина X1X в.) китайский фарфор уже полностью отсутствует.

Литература

Безрукова Т. Фарфоровый король. – Харьков: Изд-во «Вечерний Харьков», 2006. – 37 с.

Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1990. – 368 с.

Марки фарфора, фаянса, майолики. Русские и иностранные. – М.: Изд-во «Сварог и К», 1999. – 216 с.

Русский фарфор. – М.: Изд-во «Планета»,1993. – 237 с.

Татаурова Л.В. Десять лет археологии русских в Омске // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск: Изд. дом «Наука», 2009. – Т. 11. – С. 272-291.

А.А. Худоногова
Абакан, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Орнаментация металлических украшений хакасских седел конца XIX – нач. XX вв.

Орнамент – это закономерно-ритмичное, симметричное украшение поверхности предмета. Во все времена и эпохи этот элемент декоративно-прикладного искусства присутствовал в культурах различных народов. Причем, мы видим его как на керамических изделиях, на ткани, так и на изделиях из металла. Темой нашего исследования является орнамент на металлических украшениях хакасских седел – важной части в снаряжении боевого и ездового коня. Одним из предметов обмундирования коня было седло. Мастера изготовляли седла с особой любовью и старанием. Первые седла появились еще в начале I тыс. н.э. в государстве Когуре (север Кореи и восток Манчжурии). Самые же ранние находки седла на территории Хакасии найдены в склепе Уйбатского чаа-таса [Ткаченко, 2009, с. 9-10]. Современное седло по своей конструкции мало, чем отличается от средневекового. Оно состоит из четырех частей: передней и задней лук, а также левой и правой полок. Полки крепятся между собой кожаными ремешками. Все части склеиваются клеем из рогов марала [Даржа, 2003, с. 105]. Дуги лук сбивались костяными или металлическими накладками, часто с гравированным орнаментом.

Нами была осмотрена коллекция хакасских седел конца XIX – первой половины XX вв. из Хакасского национального краеведческого музея имени Л.Р. Кызласова. Исследовано и описано 10 седел, пять из которых были прорисованы. Луки седел изготовлены в технике гравировки, насечки и штамповки, так как при помощи именно этих техник мастера делали всевозможные детали упряжи. Например, в технике набивной насечки использовали два металла: железо и серебро. Полосками серебра заполняли поверхность железных пластин, а между ними оставляли зазоры. При анализе выяснилось, что доминирующим видом орнамента на передних и задних луках хакасских седел является растительный. На двух седлах встречается геометрический орнамент, явно находящийся в подчиненном положении по отношению к растительному. Основной мотив растительного орнамента составляют вьющиеся стебли и различной формы завитки. Необходимо отметить, что орнамент на седлах многослойный, то есть по краю идут несколько полос различной толщины, а уже после этого основной рисунок. Интересно и то, что на передние и задние луки набиты детали в форме трилистника, внутри которого находятся еще три цветка, каждый замкнут в круг. Эти цветки, в какой-то мере, напоминают два знака бесконечности, перекрещенные друг с другом. Гвоздь, которым прибит трилистник, исполняет роль пестика.

Следует отметить и такую особенность, как полное и неполное заполнение пространства, то есть на части седел между рисунками оставлены пустоты, а на некоторых орнамент слишком насыщен и заполняет практически все пространство.

Анализируя растительный орнамент на хакасских седлах, для нас важно понять, откуда пришли к нам данные мотивы. Были ли они заимствованы у соседей, или это продукт собственной культуры. Если так, тогда возникает вопрос о преемственности с предшествующими эпохами в развитии кочевого общества Южной Сибири.

По сведениям Г.Г. Король, в эпоху раннего средневековья в евразийских степях на металлических изделиях преобладал растительный орнамент. Известно и то, что в VIII-X вв.н.э. тюрки широко использовали этот вид орнамента, но он не был похож на китайский [Король, 2008, с. 10]. Возможно, свой отпечаток наложила региональная специфика или индивидуальные заказы. В последней четверти I тыс. н.э. в евразийских степях появляется новый стиль «постсасанидского» искусства, который использовался для украшения конской упряжи. В нем также преобладал растительный орнамент. Г.А. Федоров-Давыдов назвал его «степным орнаментализмом» [Король, 2008, с. 10]. Суть этого стиля: основное выразительное средство – растительная орнаментация, имеющая тенденции к геометризации и подразумевающая подчиненную роль зооморфного и других изображений [Король, 2008, с. 9-10]. Расцвет данного стиля приходится на конец I тыс. н.э. Он представлен в комплексе торевтики из археологических памятников эпохи кыргызского каганата периода IX-X вв. н.э. Основой его формирования послужили контакты народов Великой степи с крупными государствами и земледельческими народами.

Орнамент хакасских седел находит существенное сходство с орнаментом изделий из металла периода средневековья. Так, например, в культуре чаа-тас VI-IX вв. н.э. В орнаменте металлических предметов конской упряжи этого времени преобладает растительный орнамент. Г.Г. Король и Л.Р. Кызласов выделили в нем три типа симметрии. В нашем случае на седлах представлены бордюры. Они встречаются практически на каждом седле, но из-за неполной сохранности сложно их полностью воспроизвести [Кызласов, Король, 1990].

Во второй половине IX – середине X вв. н.э. (тюхтятская археологическая культура) наблюдается большое сходство мотивов растительного орнамента на уздечных и поясных бляшках, с орнаментом седел, точнее, с верхней обивкой передней луки.

Таким образом, мы можем провести параллель орнамента на металле хакасских седел и орнамента металлических предметов периода раннего средневековья. Речь идет о том, что существовала традиция преемственности, передачи умения, опыта и навыков мастеров художественного металла по поколениям.

Чтобы понять суть орнамента и мотивов, важно знать (разгадать) его семантику. По этому вопросу огромную работу проделала Г.Г. Король. Она указывает на то, что основу растительного орнамента составляет схема «древа жизни» которая у многих кочевников ассоциируется с конем. Следует отметить, что скотоводство является основой экономики раннесредневековых тюрков, да и в конце XIX – нач. XX вв. играло немаловажную роль. Плодородие пастбищ ассоциировалось с травой, то есть с растением. Растение – это символ бесконечной жизни, символ круговорота. И растительность в орнаменте связывает уровни мироздания – «подземное», «земное» и «надземное». Плодородие почв – это основа питания скота, а оно, в свою очередь, залог благополучия рода, то есть продолжение жизни. Поэтому растительный орнамент на седлах – это символ жизни человека, который в нем сидит, или воина, который рвется в бой. Растительный мотив сам по себе защищает человека от смерти и помогает бороться за жизнь.

Г.Г. Король отмечает особую роль вегетативного кода, дерева как абсолюта в тюркской культуре и с этим сложно не согласиться. Тюрки были «одержимы» идеей дерева и родства с миром трав, листьев, побегов» [Король, 2008, с. 87]. Хакасы всю свою жизнь, начиная с рождения, связаны с деревом. Женщина рожает стоя на коленях и держится за березовую палку. Пуповину ребенка повитуха перерезает на деревяшке. Колчан лучника сделан из березы.

В заключении хотелось отметить, что красота – это форма выражения гармонии в какой-либо знаковой системе [Король, 2008, с. 226]. Красота художественного металла хакасских седел, безусловно, поражает. Удивительно как мастера сумели сохранить традиции предшествующего времени. Каким огромным талантом обладали кузнецы-ювелиры, что смогли в мотивах растительного и геометрического орнамента передать исторический смысл своего рода и народа в целом. Этот смысл, безусловно, заключается в сохранении жизни и в ее бесконечности.

Литература

Даржа В.К. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. – Кызыл 2003.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 332 с.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с.

Ткаченко И.Д. Снаряжение верхового коня у кочевников Сибири и Центральной Азии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009.

Р.С. Чуриков

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Орнаментированная керамика Саянского острога

Материальная культура русского населения Сибири в настоящее время изучается в основном по этнографическим материалам, которые характеризуются ее экспликацией, примерно, на три-пять поколений в глубину веков. Однако то, что находится за пределами возможностей этнографии, может отчасти восполнить археология.

В наборе предметов, обнаруженных в русских памятниках Сибири, одной из массовых категорий находок является керамика, которая в настоящее время активно изучается. Внутри комплекса можно выделить немногочисленную группу орнаментированной керамики. Работ по изучению данной разновидности керамики немного. Из опубликованных в настоящее время нам известны лишь три [Яковлева, 1997; Троицкая, Воробьев, 1999; Колонцов, Воробьев, 2001]. Введение в научный оборот любых новых находок орнаментированной керамики русского происхождения будет способствовать выделению данной разновидности изделий в отдельную группу, детальному изучению особенностей ее происхождения, а также производства и бытования. Одним из памятников, где такая керамика обнаружена, является Саянский острог. Ввод в научный оборот имеющихся материалов является целью данной работы.

Саянский острог построен в 1718 г. на правом берегу Енисея (находится в 200 м от современного поселка Саянск Шушенского района Красноярского края). Он являлся форпостом для русского освоения Северного Присаянья, а также пограничной крепостью. Раскопки памятника, оконченные в 2000 г., осуществлялись археологическим отрядом Новосибирского государственного университета под руководством С.Г. Скобелева и А.В. Шаповалова. В результате раскопок на площади памятника было найдено свыше 10 тысяч фрагментов керамики разных типов, среди которой встретилась небольшая группа орнаментированных изделий.

Орнаментированная керамика представлена частью крышки для сосуда и фрагментами горшков. По цветовой гамме черепков керамика условно делится на желтую, оранжевую, серую и черную. Состав формовочных масс различный. Обработка поверхностей, в основном, пальцевая с последующим заглаживанием. Обжиг, в основном, качественный (черепок «звенит»). Среди орнаментальных мотивов можно выделить 9 разновидностей. Ширина и глубина орнаментальных линий соответственно 0,5-3 см и 0,25-2 см.

1. Горизонтальная линия, опоясывающая сосуд у самого дна. Фрагменты придонной части, как минимум, от трех сосудов с диаметрами дна 13, 15 и 16 см. Два из них имеют оранжевый цвет черепка, один – светло-желтый. Толщина стенок 0,6-0,9 см. Черепок крошится. У одного фрагмента заметны следы от попыток лощения. Орнамент состоит из одной или трех горизонтальных параллельных линий.

2. Комбинации из двух и четырех линий, опоясывающих сосуд у самого дна. Два фрагмента придонной части сосудов с диаметрами дна 16 и 19 см. Цвет черепка оранжевый. Тесто плотное. Обжиг качественный. Орнамент нанесен, видимо, орнаментиром в виде двузубой вилочки во время вращения сосуда на гончарном круге (линии достаточно ровные).

3. Горизонтальная линия, проходящая по средней части сосуда. Фрагменты от четырех сосудов светло-желтого и черного цвета. Черепок крошится. Два фрагмента имеют нагар на внешней стороне. Орнамент в виде одной или двух линий, достоверное место прохождения которых не установлено, но, вероятнее всего, это средняя часть сосуда.

4. Две горизонтальные линии, опоясывающие верхнюю часть сосуда. Десять фрагментов оранжевого цвета от одного сосуда. Диаметр тулова 12 см. Толщина стенок 0,5 и 0,7 см. Черепок крошится. Сосуд имел нагар на внешней стороне. Орнамент в виде двух горизонтальных параллельных линий, опоясывающих сосуд в его верхней части (судя по отдельным признакам, характеризующим привенчиковую часть сосудов). Расстояние между линиями 5-6 мм.

5. Резные линии, объединенные в полосу из равносторонних треугольников, заключенных в две горизонтальные линии. Длина стороны треугольника 2 см. Диаметр сосуда по тулову в максимальной его части 22 см. Цвет черепка оранжевый. Тесто дресвяное. Толщина стенок 0,7-0,9 см. Обжиг качественный. Внешняя поверхность черного цвета (следы нагара). 6. Зигзагообразный узор. Расположен на внешней поверхности керамической крышки диаметром 10 см, имеющей трапециевидный профиль. Цвет черепка желтый. Тесто дресвяное. Толщина крышки около 2 см. Обжиг средний. Орнамент в виде зигзага, расположенного по диаметру предмета.

7. Параллельные насечки в виде ёлочки. Один фрагмент. Диаметр тулова 12 см. Цвет черепка песочно-желтый. Тесто плотное. Толщина стенок 0,7-1,0 см. Обжиг качественный. Орнамент в виде параллельных резных линий, расположенных зигзагообразно.

8. Композиция в виде пояска из колец и полосы под ним, расположенных по диаметру сосуда. Цвет черепка красный. Тесто плотное. Толщина стенок 0,8-1,1 см. Обжиг неравномерный. Внутренняя поверхность имеет нагар. Орнамент нанесен на внешнюю поверхность сосуда в виде пояска из колец диаметром 0,6-0,7 см.

9. Узор в виде буквы «V». Один фрагмент. Цвет черепка серый. Тесто плотное. Толщина 0,5-0,8 см. Обжиг качественный. Орнамент помещен в месте максимального расширения сосуда и, возможно, опоясывает сосуд (малые размеры фрагмента не дают возможности с точностью это утверждать). Представляет собой два ряда из узора в виде буквы «V».

В целом, орнаментированная посуда Саянского острога состоит из горшков и крышки. Размеры части изделий из-за фрагментарности не устанавливаются. Для изготовления сосудов использовалась красная, желтая и черная глина. Посуда, в основном, выполнена на гончарном круге. Она изготавливалась кольцевым налепом, о чем свидетельствуют глубокие линии на внутренних поверхностях некоторых сосудов. Почти все изделия имеют хорошо обработанные внутреннюю и внешнюю поверхности, похожий состав формовочной массы: максимальная фракция по гранулометрическому составу представляет собой средние зерна (0,25-0,5 мм) кварцита. Обжиг различного качества. На внешней поверхности части сосудов прослеживается нагар. Внутренняя поверхность сосудов не несет на себе следов от варки или приготовления пищи (следов от воздействия кислот, содержащихся в продуктах питания и т.д.), лишь в одном случае внутри отмечался нагар. Вероятно, орнаментированная посуда использовалась, преимущественно, для хранения каких-либо сухих продуктов или воды, но, частично, помещалась и в огонь.

Сравнивая описанную орнаментацию с имеющейся на сосудах, найденных в результате раскопок других русских памятников, можно сказать, что перечисленные орнаментальные мотивы делятся на две части: чисто русские и заимствованные у местного населения. Горизонтальные линии, поясок из ямок и насечек характерны для русского населения [Троицкая, Воробьев, 1999, с. 209], в то время как орнамент в виде петель и треугольников, поскольку впервые встречается на русской керамике, не исключено, что возник под влиянием местного населения [Скобелев, 1999].

Целесообразно в будущем выделить в русском керамическом комплексе материалы с орнаментом в отдельную категорию, что позволит провести детальный анализ такой керамики из всех известных русских памятников, изучить особенности ее бытования в разных регионах Европейской России и Сибири, проследить влияния местных орнаментальных традиций на русские.

Литература

Колонцов С.В., Воробьев А.А. Материалы Усть-Тартасского форпоста // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Новосибирск, 2001. – Вып. 3. – С. 154-158.

Скобелев С.Г. Керамическая посуда Саянского острога // Интеграция археологических и этнографических исследований. – М.; Омск, 1999. – С. 204–208.

Троицкая Т.Н., Воробьев А.А. Орнаментированная русская керамика с памятников Новосибирской области // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск; Омск, 1999. – С. 208-210.

Яковлева О.А. Русская орнаментированная керамика // 275 лет сибирской археологии: Мат-лы XXXVII РАЭСК. – Красноярск, 1997. – С. 95-96.

О.П. Шафранович, М. А. Глушенко
Братск, Братский государственный университет

Шаманские подвески со стоянки Окуневка

Во время археологических работ, проводившихся в связи со скорейшим заполнением ложа Богучанского водохранилища, на памятнике Окуневка в 2009 г. отрядом А.А. Адамова было найдено две железные подвески. По степени сохранности и тематике изображений они очень схожи с железной подвеской, найденной на том же месте в 1989 г. Д.Ю. Березиным. Первая подвеска (1989 г.) была обнаружена в центральной части памятника, на краю 7-метрового участка первой надпойменной террасы, а в 20 м к востоку (вглубь террасы) от находки располагались две остальные подвески (2009 г.). Все они залегали на глубине 10-15 см в дерново-почвенном горизонте, который, судя по составу грунта, расположению остальных находок и фотографиям из научного отчета Д.Ю. Березина «Археологические работы на стоянке Окуневка в 1989 году», сильно перемешался во время вспашки [Березин, 1989]. Похожую на предыдущие лавроволистную подвеску обнаружила в 1967 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС археологическая экспедиция под руководством Р.С. Василевского и М.П. Аксёнова [Васильевский, Аксенов, 1968].

Первая подвеска (рис. 1-1), найденная в 2009 г., имеет лавролистную форму длиной 8,3 см, с обеих сторон украшена параллельными рядами неглубоких, едва заметных насечек, образующих своеобразную «елочку», стерженек пера перекрученный, заканчивается небольшой вытянутой петелькой с овальной дырочкой. Вторая подвеска (рис. 1-2) имеет аналогичную первой лавролистную форму, но уже меньших размеров, длинна 4,8 см, и без следов орнаментации, проушина также овальной формы. В отличие от двух первых, третья подвеска (рис. 1-3) имеет форму «лапки», внешняя поверхность орнаментирована параллельными насечками – возле овальной проушины, в средней части и на трех (четвертый обломан) слегка загнутых «коготках», длина изделия 5,3 см.

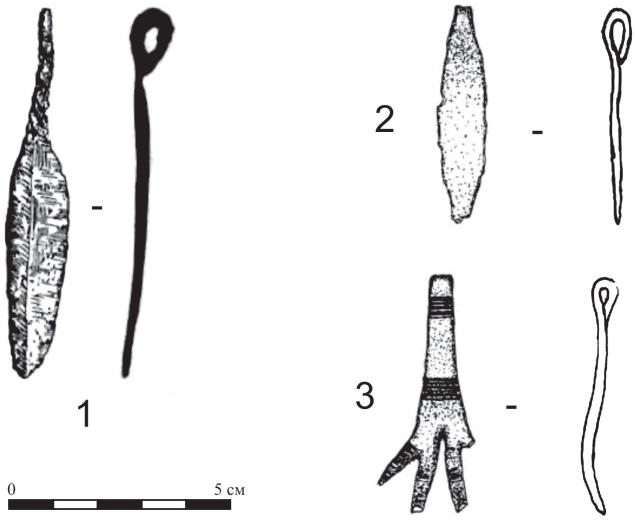


Рис 1. Подвески со стоянки Окуневка

Судя по описанию, данные подвески представляют собой два пера птицы и лапку (предположительно тоже птицы). У коренных народов, проживавших на территории Средней Ангары, часто встречался костюм, напоминающий птиц; он был снабжен железными подвесками и бахромой, символизирующими скелет и оперенье птицы. Сам же костюм состоял из кафтана, передника, штанов, наголенников, обуви и шапки, сделанных из замши. В данном костюме больше всего привлекает внимание наличие подвесок – изображений духов-помощников шамана для совершения камлания (по шаманским верованиям, в эти подвески вселялись духи–помощники). Зооморфный характер подвесок говорит о том, что, скорее всего, они помогали шаману во вхождение в состояние транса; служили для ощущения состояния «полета», соответствующего костюму – птице. По преданию, шаман, во время камлания, танцуя, раскинув широко руки, превращался в птицу, которую символизировал его костюм [Подленко, 1999].

Подвески данного типа также крепились и на бубен шамана. Удары в бубен и пение шамана созывали духов–помощников, которые, согласно древним верованиям, слетались и рассаживались на подвесках бубна. Бряцанье подвесок во время камлания создавало дополнительный звуковой эффект, что помогало отпугиванию злых духов (по преданию, боявшихся громких звуков).

Группа шаманских подвесок со стоянки Окуневка, скорее всего, использовалась на костюме и бубне одного шамана, о чем говорит их однотипность. Привязать же подвески к конкретному этносу по облику самих подвесок представляется затруднительным, ведь птичья символика встречается в шаманских костюмах многих сибирских народов: долганов, якутов, эвенков, юкагиров и пр. К сожалению, из-за сильной перемешанности слоя, содержащего подвески (результате перепашки), нельзя с уверенностью сказать, могло ли это быть эвенкийское шаманское наземное погребение. По территориальному признаку подвески со стоянки Окуневка относятся к территории Средней Ангары, где кочевали эвенки, из-за чего можно предположительно отнести подвески к эвенкийскому шаманскому костюму.

Данные зооморфные подвески со стоянки Окуневка говорят о высоком уровне развития шаманизма в этом регионе. Зооморфная тематика присуща многим народам, но совершение обрядов подобного типа говорит о высоком уровне и мастерстве шаманов, т.к. камлание подобного типа требовало большой подготовки шамана, высокого уровня доверия к нему и непревзойденного мастерства.

Литература

Березин Д.Ю. Археологические работы на стоянке «Окуневка» в 1989 году: науч. отчет. – Новосибирск, 1989.

Василевский Р.С., Аксёнов М.П. Археологические исследования в 1967 г. в зоне затопления Усть–Илимской ГЭС: науч. отчет. – Новосибирск, 1968.

Подленко Е.Н. Подвески эвенкийских шаманских костюмов: Мат-лы XXXVII Междунар. студ. конф. «Студент и научно – технический прогресс». – Новосибирск: Издат. центр Новосиб. ун-та, 1999.

ЗНАКОВЫЕ ОБРАЗЫ, СИМВОЛИКА, СЕМАНТИКА В АРХЕОЛОГИИ

И.В. Аболонкова

Кемерово, Кемеровский государственный университет

К вопросу интерпретации одного батального сюжета в наскальном искусстве

Предметом интереса стала группа батальных сцен, выявленная на территории Минусинской котловины, Семиречья и Монгольского Алтая, относящихся к эпохе бронзы – раннему железному веку, представляющая собой фрагмент борьбы двух противников с использованием захвата волос [Советова, 2006] (рис. 1).

При интерпретации данного сюжета встают закономерные вопросы: для чего используется данный прием и что последует за ним в дальнейшем? На первый взгляд, представляется вполне очевидным, что за этим должен последовать удар по голове либо ее отсечение, перерезание горла и т.п., поскольку в руках противника, как правило, имеется оружие. В аналогичных сюжетах античных изобразительных памятников нередко к горлу жертвы поднесен меч (мохайра), а иногда показана и уже отсеченная голова [Этруски, 1998]. Судя по изобразительным источникам, география и временные рамки использования данного приема достаточно широки. Он известен у китайцев, скифов, у многих античных народов. Не исключено, что самым ранним памятником с изображением подобной сцены является египетская стела Нармера конца IV тыс. до н.э., запечатлевшая символическое отображение победы Верхнего Египта над Нижним [Харенберг, 2000]. На ней изображен царь-победитель, занесший булаву для удара по голове одной рукой, а другой ухвативший пленника за волосы.

Пожалуй, наиболее яркое отражение данный прием получил в изображениях античности. В большинстве этих сцен, за редким исключением, в руках героя – меч/мохайра. В наскальных же изображениях, учитывая всю сложность интерпретации подобных элементов, среди оружия четко атрибутируется, пожалуй, лишь дубина/булава [Советова, 2005]. В изобразительном искусстве булава в качестве оружия в аналогичных композициях также встречается [Мифы.., 1991; Харенберг, 2000]. Такое внимание к виду поражающего оружия вызвано тем, что именно оружие является неким ключом к разгадке зафиксированных в сцене событий. Так, булава – это оружие, использовавшееся, главным образом, для удара по голове противника, а посредством меча или кинжала отсекали голову либо поражали другие жизненно важные органы. Меч или кинжал зачастую использовался в ходе жертвоприношений: жертве перерезали горло или отсекали голову. При этом, судя по изобразительным источникам, жертву держали за волосы. По мнению М.Б. Медниковой, отрубание голов и вскрытие живота являются пережитками человеческого жертвоприношения [Медникова, 2004]. Можно сделать несколько предположений относительно использования приема *захвата волос* противником, запечатленного в наскальных композициях.

Отметим, что в современных боевых искусствах прием захвата за волосы, в основном, запрещен, пожалуй, за исключением, лишь некоторых видов борьбы, к примеру, экстремального джиу-

джицу [Барковский, Манзо, 2004]. Кстати, в таком древнем виде борьбы, как панкратион, а позднее и на гладиаторских боях, мы не увидим регламентации относительно болевых точек. Существовало только одно единственное правило – победил тот, кто в конце схватки остался на ногах [Там же, с. 15] На спортивной площадке подобный прием скорее посчитают варварским и неприемлемым. Однако его можно встретить среди методов самообороны. При захвате волос добивались болевого синдрома, что позволяло нейтрализовать противника или вывести его из равновесия и нанести решающий удар. Таким образом, осуществляется стремление завладеть врагом, подчинить его себе, осуществляется возможность контроля над ним [Советова, 2005]. Не случайно в народе говорят: «Потянул за волосок – двинул всё тело».

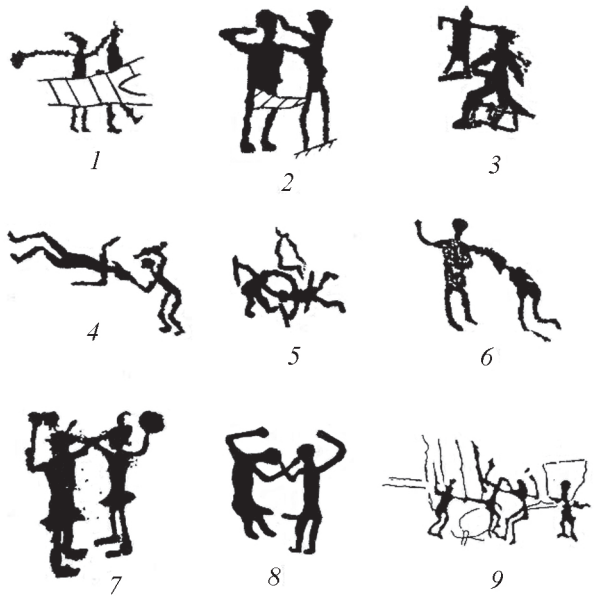


Рис. 1. (по Советовой, 2005) Использование приема захвата волос противника. 1, 2, 6, – Абакано – Перевоз (по: [Русакова, 1998]); 3 – Большое озеро VI (Красноярский край, Шарыповский р-н), кург. 283 (по: [Семенов и др., 2003]); 4 – Куня; 5 – Суханиха (фрагмент композиции); 7 – Алтай (по:[Кубарев, 2003]); 8, 9 – Ешкиольмес (по: [Марьяшев, Горячев, 2002])

Не исключено и то, что художник преднамеренно акцентировал внимание на подобном приеме, применявшемся в бою. Любопытно, что у многих народов *захват волос символизирует покорение всего народа*, согласно принципу pars pro toto (часть вместо целого) [Гриф, электронный ресурс]. Особое отношение к волосам является древней универсалией многих народов. Волосы на голове связывали с жизненной силой человека. Самым популярным примером этого является библейский миф о Самсоне. В Древней Греции, отрезая прядь, опускали душу в загробный мир. Персы в Индии совершали священные обряды погребения волос для того, чтобы демоны и колдуны не могли причинить вред их хозяину. Средневековые инквизиторы тоже думали, что злые чары ведьм заключены в волосах [Медникова, 2004]. Этнографией зафиксированы множества подобных представлений, к примеру, эскимосы полагали, что душа человека находится в его волосах [Студзицкая, 2006]. И вообще в архаических культурах голова – вместилище плодотворной жизненной силы. В связи с этим уместен вопрос, а следует ли за этим приемом отсечение головы? Существовал ли подобный обычай у народов, к которым принадлежали создатели рисунков? Э.Р. Усманова приводит любопытную информацию о древних погребениях, в которых люди похоронены без головы либо одни головы и черепа. Подобные захоронения встречаются не часто, но на широкой территории. В эпоху неолита и бронзы они известны, в частности, на Урале, Алтае, в Западной и Восточной Сибири, в степях Поволжья и Средней Азии. Существует мнение, что кефалотафия (захоронение черепа) известна в погребениях, которые принадлежали афанасьевской, окуневской, тагарской культурам [Усманова, 2003].

Пока можно сделать лишь самое предварительное предположение, что в тех случаях, когда у противника в руках изображена не булава, а другой вид оружия, это вполне может быть и меч или

кинжал (т.е. колюще-режущее оружие), которые могли быть использованы и для отсечения головы (Куня). Во всяком случае, у близких тагарцам скифов существовал обычай приобретения головы неприятеля, убитого во время сражения, описанный Геродотом. Только предоставив голову, можно было получить долю [Геродот, 1972].

Любопытными на этом фоне выглядят рисунки, где оба воина держат друг друга за волосы (Суханиха, Ешкиольмес, Бога-Ойгор). На Суханихе один воин изображен лежащим, однако, судя по характеру изображения, он продолжает бороться, подобно герою, запечатленному и на фрагменте из Ешкиольмеса. Поэтому вполне допустимой представляется интерпретация захвата волос противника как в качестве боевого приема, вне зависимости от последующих за ним действий противников, остающихся «за кадром»; так и как отражения триумфа героя, его отваги, торжества победы (своеобразная «эмблема победы»).

Литература

Борковский Ц., Манзо М. Боевые искусства. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2004. – 331 с.

Геродот. История: В 9 кн. / Пер. Г.А. Стратановского. – М.: Наука, 1972. – 600 с.

Гриф П. Краткая энциклопндия символов. – http: // wiki. Simbolarium. ru/index. php.

Медникова М.Б. Трепанация в древнем мире и культ головы. – М.: Алетейя, 2004. – 208 с.

Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – 671 с.

Советова О.С. О возможностях использования наскальных изображений в качестве источника по истории военного дела племен тагарской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4 (24). – С. 77-84.

Советова О.С. Отображение состояний поражения и смерти в наскальном искусстве // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 2006. – Вып. 24. – С. 80-93.

Студзицкая С.В. Специфические черты мелкой пластики окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. – СПб., 2006. – Вып. 2. – С. 219-227.

Усманова Э.Р. Андроновцы – охотники за черепами? (об одной детали некрологического цикла могильника Лисаковский) // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Астана, 2003. – Т. 1. – С. 152-155.

Харенберг Б. Хроника человечества. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 1223 с.

Этруски: италийское жизнелюбие. – М., 1998. – 168 с.

Г. Анхсанаа[1], Э. Мижиддорж[2]

[1]Улан-Батор (Монголия), Музей Истории Армии при Министерстве Обороны Монголии

[2]Улан-Батор (Монголия), Монгольский государственный университет

Каменные бабы из местности Хоцоо*

С конца XIX в. начались исследования исторических памятников, которыми богата Восточная Монголия. Внимание привлекали, прежде всего, каменные бабы и петроглифы. Первым о грубых каменных бабах, находящихся в долине реки Керулен, в местности Бичигт в 1899 г. в путевых заметках написал М.В. Палибин [Баяр, 2009]. В 1927 г. советский ученый В.А. Казакевич обнаружил 17 каменных баб на территории Дарьганга, находящейся на юго-востоке Монголии, которых относил к древнетюркскому периоду, положив тем самым начало исследованию каменных баб [Казакевич, 1930].

Вслед за ним изучением каменных баб этого региона занимались А.А. Амстердамская, К.В. Вяткина [1959], Н. Сэр-Оджав [1963], Х. Пэрлээ [1977], Д. Баяр [2002], Л.Л. Викторова [1980], Г. Мэнэс [1995], которые опубликовали десятки научных статьей и монографии. В последние годы в рамках правительственной программы по защите исторических памятников в этом же регионе Хэнтэйском и Сухэ-Баторском аймаках начались научно-изыскательские работы по документации каменных баб и петроглифов [Энхбат и др., 2008].

* *Работа выполнена в рамках проекта «Восточная Монголия» выполненного при финансовой поддержке Центра по изучению Азии, МонГУ и Корейская Фонда KFAS, Южная Корея*

В результате этих работ было установлено, что существуют две группы каменных баб, относящиеся к двум разным культурно-историческим и хронолическим периодам: VI-VIII вв., древнетюркскому и XIII-XIV вв., монгольскому периодам.

Привлекает внимание высказывание Х. Пэрлээ о необходимости дальнейшего сравнительного исследования антропоморфных изваяний, входящих в комплекс плиточных могил, которые установлены рядом по 1-3 экземпляру, и каменных баб из Сухэ-Батора [Пэрлээ, 1977; Даваацэрэн и др, 2008].

В настоящее время интенсивно проводятся археологические исследования на территории Монголии, которые обнаружили интересные памятники. Одним из них является ранее не встречавщиеся своеобразные каменные бабы и камень с углублением, на котором изображены геометрическая фигура (ромб), лошади и линии (местность Хоцоогийн Булаг, сомона Гурванзагал, Восточного аймака (рис. 1), N 48°59'22.9», E 114°18'59.6», 853 м над уровнем моря).

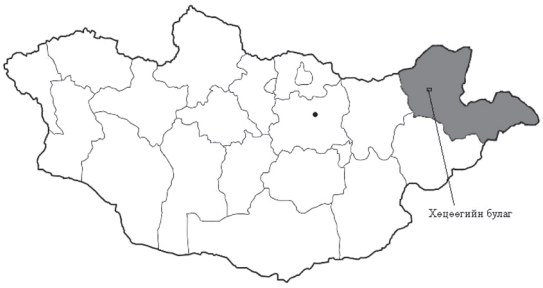


Рис. 1. Хоцоогийн булаг, Восточная Монголия

Во время экспедиции по аймакам восточного региона в июне 2009 г. преподаватель кафедры археологии Улан-Баторского университета Э. Мижиддорж обнаружил, руководствуясь устными сообщениями местных жителей, вышеупомянутый памятник и провел исследование. В рамках проекта «Восточная Монголия» группа исследователей кафедры археологии и антропологии Монгольского государственного университета (Д. Түмэн, Д. Наваан, М. Эрдэнэ, Г. Анхсанаа, Д. Хатанбаатар) провели исследования названного памятника.

Предлагаемый Вашему вниманию памятник находится в 40 км к западу от центра сомона Гурван Загал, на правом возвышении русла высохшей реки. Представляет собой, скорее всего, плиточную могилу. В комплекс входят две каменной бабы и расположенный близко к ним камень с изображениями (рис. 2).

Рис. 2. Плиточная могила

Первая (северная) каменная баба: плитообразный камень, закопанный в длину, с севера на юг, большинство наземной части полированное. На западной стороне плоскости рельефно изображено лицо человека. Определить антропологический (расовый) тип затруднительно. Высота каменной бабы 70 см, , ширина 52 см, на левой части толщина 12 см, правая часть тоньше (толщина 6 см), толщина верхней части 9 см, на правом верхнем углу отколот кусок 27 см. Отчетливо видны брови, глаза, нос, подбородок и рот (рис. 3).

Рис. 3. Первая каменная баба

Вторая (южная) каменная баба установлена на 20° к юго-востоку, в 1,6 м от первой. Верхняя часть точно также, как и предыдущая, полирована, ближе к вершине изображено лицо человека, которое сильно подвержено эрозии. Высота этого памятника 58 см, ширина 46 см, толщина 21 см. Ниже лица изображен овальный круг и поверх этого круга высечен треугольник тупым углом вниз. На обратной стороне камня изображен круг с протянутой вниз линией, которая пересекается с пятью короткими линиями. К этому камню с правой нижней стороны примыкает и чуть выступает с земли ромбовидный камень. Наибольшая его длина 1,18 м, ширина 83 см (рис. 4). Этот камень специально полирован и посередине изображены (высечены) две параллельные линии и четыре лощади, спиной к линиям. Возможно, изображений лошадей было больше (рис. 5).

Рис. 4. Вторая каменная баба

Рис. 5. Петроглиф

Вообще подобные петроглифы очень редко встречаются в восточном регионе Монголии, можно упомянуть петроглифы из Будрын чулуу [Цогтбаатар, Гэрэлбадрах, 1999], Цагаан элэг [Батсайхан и др., 1998], поэтому, петроглиф из Хоцоогийн Хад из Восточной Монголии можно считать редким и важным для археологических исследований.

Если проводить сравнительный анализ с другими петроглифами, то по технологии и по стилю изображений их можно датировать бронзовым веком [Дорж, Новогородова, 1975, с. 39-44, рис. 8, 13; Цэвээндорж, 1999, табл. 30, рис. 10, табл. 40, рис. 1]. Однако, каменные бабы из Хоцоогийн Хад по всем характеристикам являются уникальными на территории Монголии.

Тем не менее, ученые давно отмечали, что плиточные могилы на стороне восходящего солнца имеют каменные стелы. Например, Х. Пэрлээ отмечал, что в группе плиточных могил у главной могилы установливали стелу [Пэрлээ, 1977].

Возможно, большая плиточная могила возле каменных баб из Хоцоогийн Хад, находящаяся на северо-западной стороне, подтверждает эту закономерность и указывает наее связь с другими такими же памятниками. Этот вопрос ждет дальнейшего, всестороннего сравнительного исследования не только на территории Монголии, но и в других соседних странах.

Литература

Батсайхан З., Төрбат., Эрдэнэбат. Цагаан элгийн хадны зураг // МУИС. Эрдэм шинжилгээний бичиг. – Улаанбаатар, 1998. – № 4 (133).

Баяр Д. Дорнод Монголын хүн чулууг судалсан нь // Eastern Mongolia and Northern Culture. 2nd International Conference. – Ulaanbaatar :Ulaanbaatar State University. – С. 197-204.

Баяр Д. Монголчуудын чулуун хөрөг (XIII-XIV зуун). – Улаанбаатар, 2002. – 256 с.

Викторова Л.Л. Монголы. Присхождение народа и истоки культуры. – М., 1980.

Вяткина К.В. Археологические памятники в Монгольской Народной Республике // СЭ. – 1959. – № 1.

Даваацэрэн Б., Эрдэнэбаатар Д., Соёл-Эрдэнэ Г. Новый памятник, найденный в Восточной Монголии // УбИС. Нийгмийн Шинжлэх Ухааны Эрдэм Шинжилгээний Бичиг. – Улаанбаатар, 2008. – № 4 (3). – С. 82-86.

Дорж Д., Новгородова Э.А. Петроглифы Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1975. – Ч. I. – 231 с.

Казакевич В.А. Намогильные статуи в Дариганге. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и ТТНР и Бурят-Монгольской АССР. –Л.:, 1930. – Вып.5. – С. 1-35.

Мэнэс Г. К археологической характеристике северо-восточной и западной групп каменных статуй Монгольского времени // Studia archeologica. Tomus XV, Fasciculus 8, Улаанбаатар, 1995. – С. 73-81

Пэрлээ Х. Хүн чулууны үүсэл хувьсалыг судлах тухай // Studia archeologica. – Улаанбаатар, 1977. – Т. VII, fas..2. – С. 14-19/

Сэр-Оджав Н. Сүхбаатар аймагт явуулсан эртний судлалын хайгуулын ажлын тухай. 1961 оны хээрийн шинжилгээний хэрэглэгдэхүүн // Studia archeologica. – Улаанбаатар, 1963. – T. III, fas. 2. – С. 3-29.

Цогтбаатар Б., Гэрэлбадрах Ж. Бударын чулууны хадны зураг // Studia archeologica. – Улаанбаатар, 1997. – T. XVII, fas. 5. – С. 66-72.

Цэвээндорж Д. Эртний урлагийн түүх, – Улаанбаатар, 1999. – 310 с.

Энхбат Г., Оюунбилэг З., Даваацэрэн Б. Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал. I Боть, Хэнтий аймаг, II Боть, Сүхбаатар аймаг. – Улаанбаатар, 2008.

М.В. Богданов
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Фигурная бляха с жертвенного места Усть-Полуй
(опыт семантической дешифровки)

Среди уникальной коллекции предметов древнего искусства, происходящей из культурного слоя городища Усть-Полуй, имеется литая фигурная бронзовая бляха, выполненная в виде хищной птицы с расправленными крыльями, парящей над медведем.

Следует заметить, что находки композиций, образованных фигурами птицы и медведя, крайне редки. Что касается данной композиции, то ее можно считать уникальной, поскольку в отличие от остальных, здесь оба персонажа зооантропоморфны, т.е. сочетают признаки животного и человека. А, как известно, двойственной природой обладали первопредки. Имеются различия и в трактовке образа медведя – при общем профильном положении самой фигуры голова зверя повернута в фас.

Рис. 1. Фигурная бляха с жертвенного места Усть-Полуй

Бляха относится к группе двухъярусных полизооантропоморфных композиций, составленных разновидовыми животными. Несмотря на кажущееся «равноправие» персонажей, согласно существующей иерархии ярусов в многофигурных композициях, доминирует здесь птица, занимающая верхний ярус. Своеобразным подтверждением этому является тот факт, что птица изображена в

фас, а медведь – в профиль. Показательно и то, что на фигуре птицы, помимо антропоидных фигур, изображена еще и личина, а также родовой медальон.

Оба персонажа отличаются высокой реалистичностью передачи образа. У хищной птицы мощный, загнутый вниз клюв, большие круглые глаза, длинные крылья с прорисованными рельефными валиками перьями, сильные трехпалые когтистые лапы. На груди птицы – схематично переданная тремя углублениями личина, изображенная на специально смоделированной в виде головы человека округлой выпуклой поверхности. Под личиной – изображение рельефного круга, который некоторые авторы трактуют как изображение рта [Чернецов, 1953, с. 139; Викторова, 2004, с. 307]. Однако ввиду того, что личина расположена на специально выделенной поверхности, а круг – под ней, мы считаем, что это изображение родового медальона. На хвосте птицы – схематично переданные в фас в невысоком рельефе три держащиеся за руки антропоидные фигуры, изображенные в движении (ноги расставлены, руки разведены в стороны). Над их головами «цепочка», образованная 6 выпуклыми овалами (по 2 овала на каждую фигуру), визуально отделяющая хвост птицы от ее туловища.

Второй персонаж композиции – медведь – изображен в профиль, идущим, при этом голова зверя повернута в фас. Пропорции туловища и головы, характерная спина с холкой-горбиком, дополнительно очерченная углубленной канавкой, мощная шея, сильные лапы, короткий хвост соответствуют натуральному прототипу. Особой реалистичностью отличается объемная голова зверя с широким лбом, узкой вытянутой вперед мордой, приоткрытой пастью, характерным носом «пятачком», небольшими круглыми глазами и арочной формы ушами. На лапах медведя – расположенные параллельно стопе рельефные валики (браслеты). Косыми рельефными валиками по задней части лап обозначена густая шерсть. На боку зверя – три держащиеся за руки антропоидные фигуры, аналогичные изображенным на хвосте птицы, с той лишь разницей, что в этом случае у них обозначены стопы. Относительно данных фигур следует заметить, что В.Д. Викторова, на основании обращения к «более внятным изображениям на няксимвольском и канинском предметах», определяет их как «зооантропоморфные фигуры, по очертаниям голов которых можно узнать основных жителей леса: копытного (лося/оленя), пушного и ночного пернатого хищника (сову/филина)» [Викторова, 2004, с. 307]. Эти аналогии кажутся нам неуместными, поскольку все указанные изображения происходят с разных территорий. При ближайшем рассмотрении никаких зооморфных черт у изображенных фигур не наблюдается. Более того, у группы антропоидных персонажей, представленных на боку медведя, четко обозначены ступни ног. Что касается голов персонажей, то, справедливости ради, следует заметить, что для человека подобная форма головы не характерна – головы обозначены удлиненными рельефными поперечными валиками. Хотя и на головы животных они также не очень похожи. Поэтому вряд ли здесь изображены «зооантропоморфные духи» [Викторова, 2004, с. 309]. Хотя не исключено, что один край валика действительно может быть трактован как изображение уха зверя; и в этом случае данные персонажи, безусловно, зооантропоморфны. Как и в случае с птицей, над головами фигур, декорирующих бок медведя, изображена аналогичная первой «цепочка» из 6 выпуклых овалов. Учитывая абсолютную идентичность данных «цепочек», можно утверждать, что они относятся именно к самим фигурам. Сомнительным кажется возможность обозначения с их помощью какой-либо границы, к примеру, небесного свода, или «прямоугольного основания/хвоста», на котором стоит птица [Викторова, 2004, с. 307].

Важным представляется и тот факт, что на каждое антропоидное изображение приходится по 2 овала. Во многих архаичных коллективах двоичная символическая классификация непосредственно связана с дуальной организацией, двусторонней системой отношений – символических, ритуальных, брачных, экономических и т.п. Возможно, что в нашем случае эти парные овалы указывают на слияние представителей двух различных тотемных Родов (соединение в браке или объединение двух родов для проведения общей церемонии). Идея слияния, объединения людей для проведения какой-то церемонии, по нашему мнению, запечатлена и в изображениях самих взявшихся за руки антропоидных существ. Немаловажным представляется и то обстоятельство, что в обеих группах антропоидных персонажей изображено по три фигуры. В нравственном аспекте идея троицы является символом семьи.

Хотя возможна и иная трактовка запечатленного здесь сюжета. Учитывая, что Усть-Полуй является межплеменным святилищем, и то, что, помимо вышеуказанной, на данный момент известна лишь одна подвеска с аналогичным сюжетом, происходящая с Парабельского культового места

(что немаловажно, т.к. в обоих случаях изделия происходят с культовых мест, а не из могильников, и, следовательно, являются культовыми предметами), данный сюжет («птица, парящая над медведем») должен отражать событие огромной важности. О том, что рассматриваемое нами изделие является культовым предметом, свидетельствует и толщина изделия, не превышающая местами 1,5 мм. Такое тонкое изделие не предназначено для частого употребления. Поэтому данное изделие можно считать своеобразным паспортом, документировавшим факт выполнения какого-то весьма значимого ритуала. А если учесть сведения о том, что в усть-полуйское время военные столкновения становятся более частыми [Чернецов, Мошинская, 1954, с. 177], не исключено, что в данном сюжете зашифрован факт прекращения какого-либо межплеменного конфликта. Хотя и в этом случае предыдущую трактовку сюжета полностью отвергать не следует, поскольку именно заключение брака между представителями двух враждующих родов может быть наилучшим разрешением подобного рода конфликтов.

Можно было бы предположить, что в данной композиции запечатлено «явное противостояние фигур хищной птицы/орла и медведя» [Викторова, 2004, с. 308] или сцена «борьбы Солнечной Птицы – Небесного Всадника – тотемного предка одной фратрии – с предком другой фратрии – Медведем…» [Чернецов, 1953, с. 140]. Однако, учитывая наличие на изображениях антропоидных фигур и личины, а также позу орла – «парящий» над медведем, а не терзающий его, следует не согласиться с мнениями о том, что здесь отражена сцена борьбы тотемных предков двух фратрий или идея противостояния. Поэтому, как уже говорилось, мы считаем, что в данном изображении запечатлена идея слияния, соединения, и, скорее всего, соединения в браке представителей двух разных групп.

Литература

Викторова В.Д. «Шагающие» медведи // Пятая Международная тематическая конференция, посвященная отдельным видам археологических памятников «Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция». – СПб., 2004. – С. 304–309.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – 1953. – № 35. – С. 121–178.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М.: гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1954. – С. 163–192.

Е.Ю. Бондарева
Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

Об изображениях стихии, структуры мироздания и божеств в наскальном искусстве тюрков Горного Алтая

Изучение памятников наскального искусства тюркского периода в Горном Алтае открывает, в силу их специфики, возможности их соотнесения с событиями истории ранних тюрков в Центральной Азии в XI-XII вв., как это удалось установить на примере такого значительного памятника древнетюркской истории и культуры как Бичикту-Боом в Каракольской долине.

Однако, этим не исчерпываются возможности тюркского петроглефического искусства. При рассмотрении большого количества изображений тюркского времени обращает на себя внимание большое количество хаотично прочерченных линий на камнях. На первый взгляд, они создают впечатление, что те, кто их наносил, стремились что-то перечеркнуть, уничтожить то, что здесь было изображено раньше. В большинстве случаев, действительно, сквозь хаотичное нагромождение линий заметны неявные очертания гор, животных, антропоморфных изображений, которые передают изображения конкретных людей. Они то огромны по сравнению с другими изображениями, то снабжены рогами, корнями на ногах или отходящими от головы лучами. Такие изображения не единичны. Они дают возможность предположить, что так изображали стадии создания мира, в которых прослеживаются основные персонажи древнетюркской мифологии: Ульгень, Эрлик, Умай и некоторые другие. Все это, несомненно, связано с основными мировоззренческими представлениями о трехчленной вертикальной структуре мироздания: верхний, средний сущий и нижний миры. Весь сущий мир: живые существа, растения, горы, камни – воспринимаются как

живые, такова сущность дуалистического восприятия мира в его телесном (предметном) и душевном единстве. Но в мироздании присутствует равновесие между частями и движением, так что жизнь в среднем мире реальностей как бы переходит из верхнего мира в средний, а потом переливается в подземный. «Проводниками» жизни могли служить те объекты, которые соединяют верх и низ, т.е. дерево, гора, птица, река [Сагалаев, 1991, с. 126-127]. Схематично в петроглифах изображались светила.

Целый ряд изображений животных имеют нарочито гипертрофированные рога, необыкновенно большие или неестественно кустистые. Конечно, это не обычные олени и бараны, основное у них не фигуры животного, а рог, на который и обращается внимание. Рог выступает как аналог символа Древа жизни, более понятный и близкий скотоводам. С такими рогами, деревьями, кустами мы встречаемся и на других памятниках Горного Алтая, например, в Елангаше, а также памятниках скотоводческого мира Центральной и Средней Азии [Мартынов и др., 2006, с. 322-323].

На рисунках не могла не найти отражения идея богини-матери Умай. Ее мифологический образ пронизывает все мироощущения алтайцев и соседних тюркоязычных народов. Однако, нет четкого портретного описания этого образа. Она рисуется то полной седовласой старухой, то женщиной с золотистыми волосами в длинной белой одежде. Одно неизменно – она огромна. Среди композиций Бичикту-Боома есть два рисунка, которые можно принять как изображения Умай и Эрлика. В одном случае это огромное человекоподобное существо изображено в фас с круглым лицом в окружении хаотичного нагромождения линий и животных, неясных очертаний деревьев и гор. На другом рисунке изображена огромная антропоморфная фигура тоже в фас, с расставленными в стороны руками, в длинной одежде. Руки и ноги оканчиваются пальцами в виде отростков. Возможно, это образ Эрлика, который в шаманской мифологии воспринимался как корень, связанный с нижним миром, и в то же время как опора, основа, предок. На этой же композиции еще одна заслуживающая внимания фигура. Туловище существа теряется в хаосе линий, а человеческая голова с двумя длинными ушами и маленьким рогом пририсована ясно. По поверьям алтайцев, голова Эрлика увенчана рогами в виде корней. Как божество нижнего мира он связан корнями с сотворением земли, с землей, с предками. В этом простая амбивалентность мифологического образа, объединяющего идею земли, нижнего мира и корня-опоры.

Высшее божество – «лучезарного Ульгеня», часто изображали с головой, окруженной лучами, или это был пучок направленных в одну сторону, параллельных друг другу лучей. Наличие как на скалах, так и на бубнах изображений нескольких солнцеголовых божеств с разными метками подтверждает мнение о том, что в древности существовало несколько образов солярных божеств [Мартынов, 1992, с. 30]. Ими создан весь средний мир – материальный, животный и растительный. Умай, видимо, олицетворяла плодородие, женское начало, была покровительницей домашнего очага [Мартынов и др., 2006, с. 324-325].

Среди изображений встречаются волнистые линии, которые, вероятно, символизируют родники, ручей. Текущая вода играет в сознании значительную роль как связь, соединительница двух миров – нижнего и среднего.

Содержание и мотивы многих петроглифов Алтая связаны с шаманскими воззрениями, а в гравюрах на камне иллюстрированы моменты конкретных ритуальных действий алтайских шаманов. На скалах Бичикту-Бома и Кулады имеется большое число повествовательных сцен о шаманских мистериях.

Литература

Мартынов А.И. Шаманизм и наскальное искусство Северной Азии // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиция. – Якутск, 1992.

Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2006.

Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991.

Ю.С. Волкова
Кемерово, Кемеровский государственный университет

О «природном» источнике возникновения орнамента

Появление первых «орнаментированных» предметов, а, следовательно, и возникновение «орнамента» относят к эпохе верхнего палеолита. В литературе, посвященной верхнепалеолитическому искусству, термин «орнамент» используется при описании углублений, насечек, геометрического рисунка и отдельных знаков на поверхности антропоморфных и зооморфных изображений, украшений и неопределенных предметах. Более узким определением для верхнепалеолитического искусства является «орнамент», как некий сплошной узор с ритмичным расположением его элементов, включающий симметрию и соподчинение зон в общей композиции» [Демещенко, 1997, с. 57]. Однако, подобные находки довольно редки, и большинство исследователей под «орнаментом» подразумевает более широкую категорию предметов, для которых понятия «ритм» и «симметрия» относительны или вовсе неприменимы. Данные изображения являются первым художественным опытом древних людей и одним из первых способов символического отражения окружающего мира, поэтому вопрос о происхождении и истоках «орнамента» является очень важным.

Следует заметить, что «орнамент» необходимо рассматривать не просто, как набор определенных элементов, но и как комплекс технических средств и технологических приемов с закрепленными в них признаками временного уровня, территориального своеобразия, культурных традиций конкретных обществ [Данилова, 2007]. По мнению С.В. Иванова, совокупность технических приёмов исполнения «орнамента» является одним из важнейших признаков родства и культурных взаимоотношений народов, признаком, характеризующим культуру [Иванов, 1958, с. 19-23].

Организация и структура «орнамента» подчинены форме того объекта, для которого они предназначены и ограничены ею [Арнхейм, 1974, с. 139]. Технология его нанесения зависит от материала, из которого изготовлен объект. Для искусства верхнего палеолита таким материалом являлся бивень мамонта, поскольку подавляющее большинство дошедших до нас «орнаментированных» предметов изготовлено из бивня мамонта.

В литературе указаны разные причины возникновения «орнамента». Определенная группа исследователей говорит о «природном» источнике возникновения «орнамента». Р. Уайт, например, пишет о важности для людей того времени использования материала с определённой текстурой. Это подтверждают находки костяных изделий, на которых с помощью «орнамента» сымитирована поверхность зубов или ракушек [White, 1997]. Интересно, что подобную мысль высказал ещё П.И. Борисковский, который предположил, что орнамент на предметах со стоянки Мезин в Украине воспроизводил поверхность отдельных видов ракушек, найденных при раскопках и использовавшихся в качестве подвесок и составных частей ожерелий и браслетов [Борисковский, 1972]. В.И. Бибикова несколько по-иному смотрит на источник возникновения мезинского орнамента. Она считает, что в процессе обработки бивня мамонта мезинские мастера могли наблюдать его структуру. На поперечном срезе бивня дентин имеет структуру в виде острых углов, образующих зигзагообразные линии В.И. Бибикова считает, что именно этот узор, был заимствован для орнаментации изделий из бивня данной стоянки [Бибикова, 1965].

«Живой бивень» имеет очень мелкую пористую микроструктуру в виде тонких линий, пересекающихся друг с другом под острым углом. В биологии такую структуру называют «линии Шрегера» или «углы Рециуса». Верхний слой бивня – «рубашка» – бесклеточный цемент, испещренный линиями, напоминающий светло-кремовое дерево [Хлопачев, 2006]. Постоянная работа с определенным материалом и знание его структуры, возможно, действительно явились источником появления некоторых мотивов, поскольку люди стремились сымитировать значимые и привлекающие их внимание черты. Например, поперечные прорезанные линии, создающие на поверхности предмета рельеф, могли возникнуть в результате имитации внутренней поверхности верхнего слоя бивня мамонта. Бивень имеет природное происхождение, а в природе, как известно, не бывает абсолютной симметрии [Бледнова и др., 1998]. В результате создается впечатление об определенной бессистемности в расположении этих полос. Схожий рисунок древние люди могли получить и искусственным путем, ориентируясь на знакомую им текстуру.

Таким образом, можно предположить, что знание структуры материала, из которого изготовлено большинство изделий верхнего палеолита, позволяло древним людям имитировать естествен-

ный рисунок природного происхождения. К сожалению, мы не можем с какой-либо определенностью говорить о причинах данных действий.

Литература

Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – М.: Прогресс, 1974. – 392 с.

Бибикова В.И. О происхождении мезинского палеолитического орнамента // СА. – – 1965. – № 1. – С. 3-9.

Бледнова Н.С., Вишняцкий Л.Б., Гольдшмитд Е.С., Дмитриева Т.Н., Шер Я.А. Первобытное искусство: проблема происхождения**.** – Кемерово, 1998. – 209 с.

Борисковский П.И. Несколько слов о мезинском орнаменте // КСИА.– 1972. – № 131: Каменный век.

Данилова О.Н. Разработка принципов структурно-функционального анализа декора и орнамента артефактов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Одесса; Омск, 2007. – С. 89-92.

Демещенко С.А. К вопросу о некоторых мотивах палеолитического орнамента (распространение и заимствование) // Международная археологическая конференция: Мат-лы. – Киев, 1997. – Вып. 5.

Иванов С.В. Народный орнамент как исторический источник // СЭ. – 1958. – № 2.

Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Наука, 2006. – 259 с.

White R. Substantial Acts: From Materials to Meaning in Upper Paleolithic Representation // Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol. – San Frrancisco, 1997.

Е.А. Гирченко

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Эволюция изобразительной традиции в культуре Саньсиндуй (на примере предметов из золотой фольги)

В 1986 г. в провинции Сычуань КНР в местечке Саньсиндуй в двух ямах было обнаружено более 700 разнообразных предметов из золотой фольги, бронзы, нефрита. Они поражали своей самобытностью, масштабностью и опровергли общепринятое мнение о том, что Аньян на севере был единственным центром цивилизации эпохи бронзы в Китае. Обнаруженная культура получила название Саньсиндуй и датируется второй половиной II тысячелетия до н.э.

Впоследствии были открыты еще несколько памятников, относимых к данной культуре, но не один из них не мог соперничать с Саньсиндуй по красоте и масштабности. Считается, что этот памятник представлял собой столицу древнего государства Шу, долгое время считавшегося мифическим. Но в 2001 г. в ходе строительных работ в черте города Чэнду, административного центра провинции Сычуань, был открыт памятник Цзиньша, вероятно, не менее масштабный по находкам и площади [Цзайсянь.., 2007].

Цзиньша датируется более поздним периодом (11-8 века до н.э.) по сравнению с эпонимным памятником и располагается немного южнее. Сейчас в исследовательской литературе бытует точка зрения, что Цзиньша, также как и Саньсиндуй, являлся столицей государства Шу, но в более позднее время.

О государстве Шу сохранились лишь некоторые отрывочные материалы и предания в местных хрониках. Согласно этим летописям, сначала были несколько кланов (по другой версии, глав кланов), Цаньцун, Юйфу, Дуюй, Каймин, которые объединились в одно государство [Саньсиндуй.., 1999]. Можно предположить, что смена столицы могла быть связана со сменой правящего клана, но, возможно, этому послужили и другие причины, например, природные катаклизмы или нашествие чужеземцев.

Культовый инвентарь двух памятников сходен, и в данной работе мы попытаемся проследить детали сходства и различия находок из золотой фольги как наиболее ярких предметов культуры для выявления аналогий на памятниках разных этапов.

Первые изделия, на которых хотелось бы остановиться, это золотой посох из первой жертвенной ямы Саньсиндуй и корона из Цзиньша. У каждого из предметов есть свои особенности, но в орнаментации прослеживается общая сюжетная линия.

Лента из золотой фольги («золотая корона»), предположительно надевавшаяся на голову, имеет дугообразную форму [Цзайсянь.., 2007].

Орнаментация представлена четырьмя одинаковыми сюжетными группами, каждая из которых состоит из отдельно расположенных рыбы, птицы, стрелы и округлого лика. Птица словно несет стрелу на спине, а наконечник протыкает рыбу в области головы. Каждая композиция располагается между двумя округлыми личинами. Посередине личины находятся два глаза, сверху и снизу украшенные насечками, напоминающими брови, личина может быть как антропоморфной, так и зооморфной. Каждые две птицы с боковых сторон тянутся к центральной личине.

Связь этой ленты из золотой фольги с золотым посохом из первой жертвенной ямы Саньсиндуй очевидна, используется тот же орнамент, представляющий собой птицу, несущую на спине стрелу, наконечник которой протыкает голову рыбы. Можно связать этот сюжет с легендарным именем одного из правителей государства Шу Юйфу (кит. «рыба-утка» или «рыба–орел»). Трактовать данный сюжет можно по-разному. Возможно, посох из золотой фольги был символом дома Юйфу или что на посохе иносказательно рассказывается история гибели этой династии.

Единственное, что отличает эти два предмета, – направление расположения фигур на предметах. Посох в нижней части украшен личинами с головными уборами в виде остроконечных корон, птицы и рыбы всех четырех композиций направлены головами к личинам. На посохе группы рыб и птиц расположены попарно, на ленте – в один ряд.

На посохе нет изображений личин. Но в данном случае мы находим другие аналогии. Они идентичны бронзовой подвеске для колокольчика из второй жертвенной ямы Саньсиндуй, но у находки из Саньсиндуй от самой личины вниз отходят ножевидные крылья.

В Цзиньша найдено золотое покрытие для маски [Цзайсянь.., 2007]. Возможно, данный предмет, как и подобные маски в Саньсиндуй, украшал бронзовые головы, но маска из Цзиньша значительно меньше по размерам.

Маска изображает улыбку, что характерно и для находок Саньсиндуй, но в данном случае используется другая форма бровей, для Саньсиндуй характерно прорезать отверстия для бровей, в случае с Цзиньша они выпуклые и цельные. Эта находка имеет более тонкий нос по сравнению с изделиями Саньсиндуй. Единственные параллели можно проследить в случае с бронзовой антропоморфной маской, найденной в первой жертвенной яме Саньсиндуй, физиономические характеристики совпадают, однако находка Цзиньша меньше по размерам.

Учитывая тот факт, что в обоих случаях находки были обнаружены в жертвенных ямах, можно предположить, что прорези на месте глаз и рта золотых масок делались для того, чтобы духи могли беспрепятственно совершать акт общения.

В Цзиньша были обнаружены еще две ленты из золотой фольги, изображающие существ, имеющих птичью голову и рыбье туловище [Цзайсянь.., 2007]. Судя по размерам находок, они также использовались как украшение головного убора. Такие изображения снова относят нас к имени Юйфу, где рыба и птица могли выступать в качестве тотема клана. Возможно, на более позднем этапе эти два образа слились в один или два клана, чьими тотемами были рыба и птица, слились в один или соединились в тесный политический союз.

Также в Цзиньша было обнаружено украшение в виде круга с изображениями летящих птиц [Цзайсянь.., 2007].

Внутреннее «солнце» состоит из 12 лучей, а внешний круг образован четырьмя птицами, «летящими» против часовой стрелки. Очевидно, что изображение связано с почитанием солнца. Возможно, это иллюстрация легенды, описываемой в «Шань хай цзин», о том, как потомки императора превратились в четырех птиц.

С солнцем связаны и некоторые находки Саньсиндуй. Там к солярному культу относят и «дерево духов», и украшения «священного алтаря», и «святилища духов», не говоря уже о предметах в виде солнечного диска из второй жертвенной ямы [Чэнь Дэань, 1998].

Поскольку и птицы, и солнце являются ключевыми образами ритуальных предметов культуры Шу разных периодов (и Саньсиндуй, и Цзиньша) и разных кланов (или народов), можно сделать вывод, что это универсальные символы, а не тотемные покровители только отдельных племен.

Среди золотых предметов Цзиньша нужно также отметить два предмета в виде жаб из золотой фольги [Цзайсянь.., 2007]. В Саньсиндуй также была обнаружена каменная жаба, но изображение очень реалистичное. Жабы Цзиньша выполнены в более фантастической манере.

Последняя находка Цзиньша из золотой фольги, на которой мы остановимся, это предмет в виде горна [Цзайсянь.., 2007]. Также был обнаружен предмет в виде горна из бронзы примерно таких же размеров, возможно, данная золотая фольга на него наклеивалась [Хуан Цзяньхуа, 2003].

В Саньсиндуй во второй жертвенной яме также был найден похожий бронзовый колокольчик, имеющий форму горна, но украшения из золотой фольги он не имеет.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) золотые предметы Цзиньша демонстрируют те же особенности стиля, что и в Саньсиндуй, что говорит о существующей преемственности между двумя традициями;

2) наблюдается тенденция к уменьшению размеров находок, но сохраняется общий стиль;

3) и в Цзиньша и в Саньсиндуй находки выполняют одинаковые функции, являются инсигниями священной власти;

4) и в Цзиньша и в Саньсиндуй использовался одинаковый принцип изготовления золотой фольги.

Литература

Саньсиндуй цзисыкэн [Жертвенные ямы Саньсиндуй]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. – 628 с. (на кит. яз.).

Хуан Цзяньхуа. Цзиньша ичжи. Гушу вэньхуа каогу синьфасянь [Памятник Цзиньша. Новое открытие в археологии культуры Древнего Шу]. – Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2003. – 155 с. (на кит. яз.).

Цзайсянь хуэйхуандэ Гушу ванду [Вновь открытая блестящая столица Древнего Шу]. – Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2007. – 120 с. (на кит. яз.).

Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган. Саньсиндуй. Чанцзян шанъювэньмин чжунсинь таньсо [Саньсиндуй. Исследования центра цивилизации верхнего течения Янцзы]. – Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1998. – 71 с. (на кит. яз.).

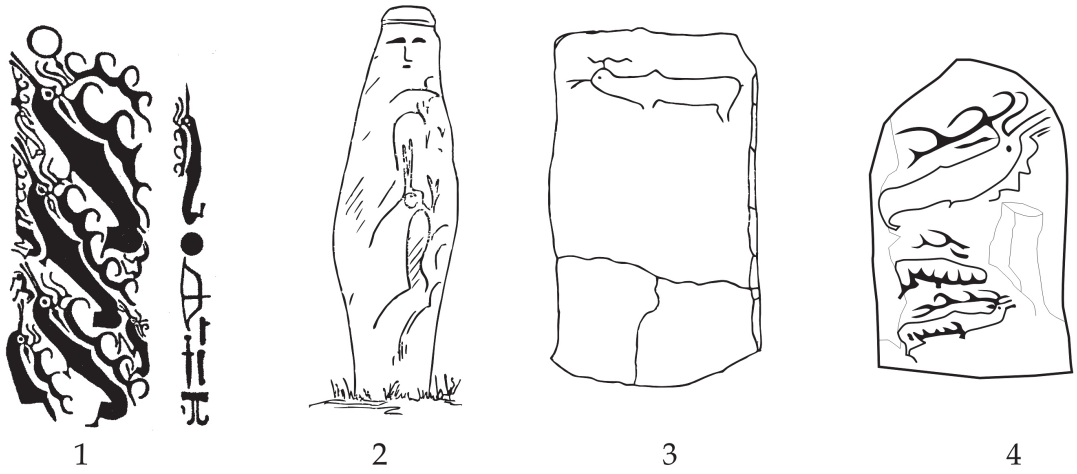
Д.М. Дашилхамаев
Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Оленные камни Забайкалья

Оленные камни – стелы с выбитыми на них изображениями предметов, животных, и, прежде всего, оленей в характерной стилизованной манере. Подавляющее большинство оленных камней Монголо-забайкальского типа (МТЗ) сосредоточено в Монголии и достаточно хорошо освещены в научной литературе. Забайкалье является северо-восточным участком ареала распространения этих стел. В большинстве случаев они являются угловыми камнями оград погребений культуры плиточных могил (КПМ).

В научной литературе подробно описаны оленные камни Западного Забайкалья (Бурятия), в том числе Иволгинский камень с р. Иволги (рис. 1), который находится во дворе Иркутского музея [Окладников, 1954]. Оленный камень, обнаруженный у Гусиного озера (рис. 2) (хранится в Кяхтинском музее), представляет собой каменный столб с изображением стилизованных фигур оленей с птичьими клювами, а в верхней части – лица человека [Диков, 1958].

Оленные камни Забайкальского края (Восточное Забайкалье) немногочисленны и менее выразительны. Первые упоминания приходятся на начало XX в. Так, А.К. Кузнецов вблизи пос. Кыра, приблизительно 6, 5 м к востоку от группы из пяти плиточных могил, обнаружил гранитный столб. На двух сторонах были высечены изображения оленей с птичьими клювами, к сожалению, иллюстрации данного памятника не сохранились [Гришин, 1975]. Еще один камень с фигурой оленя, выбитым контуром в верхней части плиты, обнаружен на р. Ингода (рис. 3). Также имеются краткие сведения о других оленных камнях со стилизованными изображениями оленей в Агинском округе: в 3 км к северо-востоку от ст. Могойтуй, и на одной из плит плиточной могилы близ Аршана [Диков, 1958].



1 2 3 4

Оленные камни Забайкалья: 1 – изображение на иволгинском камне (по А.П. Окладникову); 2 – гусиноозёрский камень (по Г.П. Сосновскому); 3 – оленный камень с р. Ингоды (по А.К. Кузнецову); 4 – чиндалейский камень (рисунок автора)

К малоизвестным относится оленный камень, найденный в Агинском округе, в окрестности с. Чиндалей [Ковычев, 2004]. Он связан с крупным могильником культуры плиточных могил. В могильник входят отдельные стелы-сэргэ и угловая плита ограды погребения КПМ, которая представляет собой оленный камень (рис. 4). Плита имеет подпрямоугольную форму с заостренной вершиной (1,3х0,5 м). Она изготовлена из темно-серого сланца, поверхность которого почти не обработана и сохранила естественные неровности. На поверхности плиты изображены три фигуры стилизованных оленей. Первая – самая крупная фигура, помещается в верхней части стелы: видны стандартные для стилизованного оленя ветвистые рога, шея и туловище вытянутых пропорций, угловатый горб на спине, округлая птичья голова с намеченным глазом и длинным клювом. Под клювом видны очертания еще одного клюва – здесь, вероятно, имело место изображение оленя. Еще две фигуры помещены в средней и нижней части стелы. От изображения второго оленя осталось только туловище и часть рога, очевидно потому, что часть камня, где находилась голова и клюв, скололась. Аналогично выглядит изображение третьего оленя, только фигура сохранилось целиком. Характерной чертой последних двух фигур – необычное оформление нижней части живота оленей зубцами-треугольниками. Такое оформление встречено только один раз на оленном камне, найденном в Монголии в Баянхонгорском аймаке местности Херексурийн дэнж [Волков, 2002].

Таким образом, в Забайкалье только 4 оленных камня имеют подробное описание и прорисовку изображений. Назрела проблема в области выявления и учета столь уникальных и редких объектов. Также необходима проверка сведений об оленных камнях в научной и краевой литературе.

Литература

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Науч. мир, 2002. – 52 с.

Гришин Ю.С. Бронзовый и ранние железные века Восточного Забайкалья. – М.: Наука, 1975. – 73 с.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ: БКНИИ СО АН СССР, 1958. – 43 с.

История и география Оловянинского района / Под ред. В.С. Кулакова. – Чита: Изд-во «Поиск», 2004. – 36 с.

Ковычев Е.В. Эпоха палеометалла // История и география Оловянинского района. – Чита: Изд-во «Поиск», 2004. – С. 23-45.

Окладников А.П. Оленный камень с реки Иволги // СА. – 1954. – Т. 19.

А.Г. Дегтярева
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Изображения «масок» в петроглифах России
(попытка семантического анализа)

Многие известные на сегодняшний день наскальные изображения, отражающие, по мнению исследователей–археологов, духовную и религиозно–мифологическую культуру древних обществ, были найдены и введены в научный оборот довольно давно посредством созданий альбомов и поясняющих их содержание описаний. Многие учёные, не останавливаясь на этом, уделяли своё внимание так же и вопросам смыслового содержания петроглифов, опираясь при этом, в основном, на материалы этнографии и собственную научную интуицию. Однако, несмотря на это, можно констатировать, что многие памятники и различные сюжеты первобытного искусства, заняв своё место в научном обороте, так и не нашли своих исследователей. Частично это объясняется невероятной сложностью подобных задач, частично, поиском всё новых и новых памятников. На наш взгляд, это актуализирует проблему семантического анализа и, как следствие, научного осмысления уже накопленного материала по первобытному искусству, предоставляющему нам при внимательном и правильном подходе к нему важнейшие сведения о культурной и духовной жизни древних народов.

Здесь же автор вновь обращается к довольно популярному сюжету, который в публикациях по традиции связывают с изображениями «личин-масок». Несмотря на то, что с подобными мотивами в древнем искусстве сталкивалось множество исследователей Алтая, Нижнего Амура, Тувы (проще говоря, от Карелии до Амура), «вынужденные» не только копировать петроглифы, но и давать им какую-нибудь характеристику при опубликовании отчётных материалов, мы видим, что тема эта остаётся открытой и не теряет своей актуальности. Так, серьёзных монографий, посвящённых именно проблеме семантического анализа сюжета о «масках», можно насчитать не так много, да и в них авторы, выдвигая определённые гипотезы, повторяют их из работы в работу, не пытаясь работать с ними дальше.

Изображение личины – маски. Сикачи-Алян (По Окладникову А.П.,
из монографии «Петроглифы Нижнего амура». Л.: Наука, 1971. – 335 с., табл. 26)

Большинство археологов в «личинах-масках», изображённых на скалах, видят следствие шаманских ритуалов, а именно маски шаманов, использовавшиеся ими во время камланий и передающие переход их в другое состояние либо символизирующие духов-помощников, у которых шаман просит помощи [Дэвлет, 1978, 1980, 1998, 2005]. В подтверждение подобных вариантов интерпретации исследователи приводят этнографические примеры известных шаманских масок, применяемых по назначению вплоть до конца XIX в. у многих народов Сибири. Находки антропоморфных изображений в масках и ритуальных костюмах, нанесённых красной и чёрной красками на плитах могильника Каракол, позволяют по-другому взглянуть на содержание образа «маски». Очевидно, что эти плиты, не случайно отобранные для сооружения погребальных камер, использовались при поминальных ритуалах или непосредственно отображали их действие. В таком слу-

чае, по мнению В.Д. Кубарева, перед нами предстают изображения духов, провожавших душу умершего из этого мира живых (или людей, переодевшихся в духов, участвующих в мистерии) [Кубарев, 1988]. Эта версия не противоречит шаманской трактовке, но вносит в неё одно немаловажное замечание – здесь допущено предположение об изображении именно духов, но не шаманов. А.П. Окладников, занимаясь «личинами» Сикачи-Аляна, приводит множество примеров из этнографии, где подобные рисунки ассоциируются у папуасов, индонезийцев и других народов с добрыми либо злыми духами, а так же с мертвецами, что отсылает нас к культам предков и черепов [Окладников, 1971]. Кроме того, у многих петроглифических памятников были обнаружены следы культовой ритуальной деятельности, что позволяет интерпретировать их как святилища или жертвенные места (так, особенно грандиозные композиции на Мугур–Сарголе и других памятниках Тувы М.А. Дэвлет называет «иконостасами», где «личины» понимаются как изображения духов, почитаемых древними обществами).

Таким образом, мы видим, что исследователи, обращающиеся к данному сюжету, связывают его, в основном, с ритуальной деятельностью людей, но подходят к ней с разных сторон. Так, нам представляется большой разница в смысле и значении изображений шаманов и непосредственно духов, населяющих миры живых и мёртвых. В связи с этим, по нашему мнению, будет интересным затронуть вопросы развития религиозных представлений на различных этапах развития самого общества, опираясь в первую очередь на археологические источники, чтобы проследить и изменения в смысловой нагрузке наскальных изображений как объектов почитания и как сопроводительных атрибутов проводимых в древности обрядов и ритуалов.

В докладе мы опираемся на схему, приведённую в монографии А.Д. Авдеева, посвящённой зачаткам театральной деятельности в первобытном обществе [Авдеев, 1959], где им анализируются и маски, используемые в обрядах народами Тихоокеанского бассейна. Подкрепляя свои рассуждения этнографическими примерами, автор «проходит» путь развития духовной культуры первобытных обществ от тотемизма до шаманизма и далее. Через 50 лет, отказавшись от марксистского подхода и обращаясь к новым археологическим материалам, обнаруженным на территории Евразии за это время, пользуясь уже имеющимися наработками исследователей–петроглифистов и схемой А.Д. Авдеева, мы попытаемся проанализировать ряд памятников эпохи бронзы, находящихся на территории России и содержащих изображения личин-масок.

Литература

Авдеев А.Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе. – Л.; М.: Искусство, 1959. – 266 с.

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне. – М.: Алетейа, 2005. – 472 с.

Дэвлет М.А. Личины–маски и проблема древних культурных связей // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 152–158.

Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур–Маргола. – М.: Наука, 1980. – 271 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря. – М., 1998. – 287 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 335 с.

А.А. Денисов

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

Гравировки лучников на Мыютинском петроглифическом комплексе

Наскальные изображения лучников являются важным историческим источником.

В 2003 г. в ходе обследования долины р. Сема, одного из самых крупных притоков р. Катунь на Северном Алтае, А.П. Бородовским был обнаружен новый петроглифический комплекс в районе с. Мыюта Шебалинского района Республики Алтай (рис 1, 2). Петроглифы расположены на скальных выступах зеленовато-коричневой породы к юго-востоку от одноименного села. Скальная поверхность с изображениями имеет юго-западную экспозицию. В целом петроглифическое местонахождение представлено пятью композициями, содержащими от двух до десяти изображений общим количеством около тридцати. Петроглифы относятся к эпохе палеометалла и средне-

вековья и являются одним из наиболее северных пунктов распространения центрально-азиатской петроглифической изобразительной традиции на территории Горного Алтая [Бородовский, Бородовская и др., 2008].

Петроглифы расположены на нескольких скальных плоскостях и выполнены в разной технике. Фигуры животных выполнены в технике выбивки. Часть изображений перекрывает друг друга, образуя палимпсест. Особое место в петроглифическом комплексе Мыюты занимают гравировки эпохи раннего средневековья, расположенные на одном скальном блоке. В их состав входит два изображения лучников, три изображения орлов и два изображения маралов [Бородовский, 2009, с. 18]. Сверху эти гравировки перекрыты грубой антропоморфной выбивкой, изображающей фигуру человека с опущенными вниз руками и растопыренными пальцами (когтями?). Особый интерес представляют гравировки лучников (рис. 1а-б).

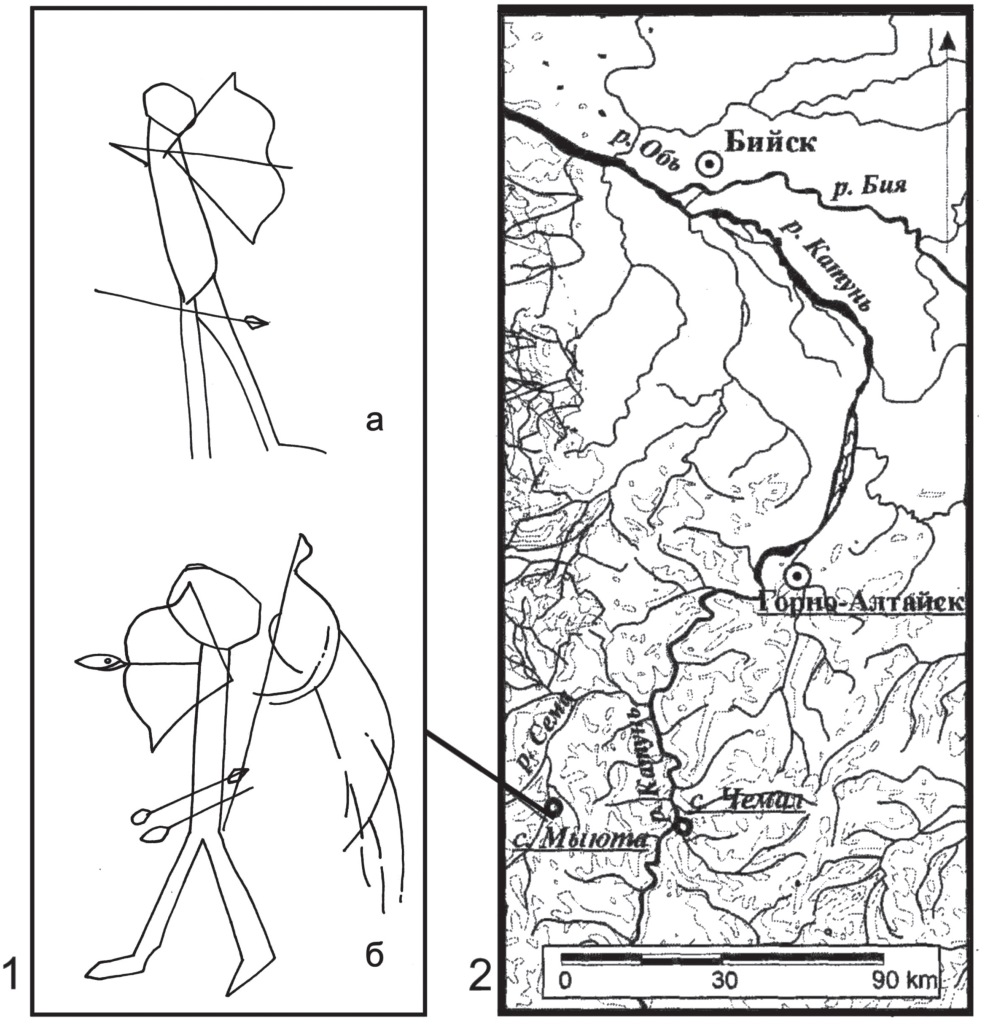


Рис. 1 Гравировки лучников Мыютинского петроглифического комплекса: а – расположение лучников, б – расположение петроглифического комплекса на карте

Рис. 2. Карта расположения петроглифического комплекса

Лучники расположены отдельно, на двух противоположных сторонах скального выступа. Первый (рис. 1а) изображен с двумя стрелами в районе пояса. Оперение стрел прорисовано в виде эллипсов. Лук изображен с наложенной стрелой, тетива натянута. Наконечник стрелы изображен с отверстием в лопастях (такие наконечники известны у тюрок Саяно-Алтая с конца VI по XIV век н.э.) [Степи Евразии.., 1981, с. 122, рис.19; Худяков, 1997, с. 68, рис. 43]. За спиной у лучника изображен развивающийся стяг на древке. Стяг имеет навершие и два выступающих хвоста. Г.В. Кубарев датирует подобные изображения со штандартом (урочище Кургак) как раннесредневековые [Кубарев, 2008, с. 238]. Ноги лучника слегка расширяются к основанию и имеют заостренные кончики ступней (сапоги?). Руки лучника не прорисованы. Длина лука составляет примерно ½ от общей высоты лучника. Второй лучник (рис. 1б) также изображен с натянутым луком. В районе

пояса, как и у первого, изображена стрела с наконечником ромбического типа, оперение которой не прорисовано. Одна из рук изображена согнутой в локте натягивающей тетиву. Ступни ног второго лучника не прорисованы. Длина лука также составляет 1/2 от общей высоты лучника. Плечи луков на гравировке симметричны и на концах выгнуты наружу. Оба лучника держат лук за середину. Скорее всего, луки сложносоставные, состоящие из различных пород дерева и снабженные усиливающими роговыми накладками.

Наличие стрел в районе пояса лучника, видимо, указывает на необходимость ношения стрел на поясе для повышения удобства и скорострельности стрельбы (существуют аналогии на примере этнографических материалов Японии – при занятиях кюдо лучник держит стрелу либо в тельмяке перчатки, либо на специальной подставке, либо за поясом, и в европейских миниатюрах XIII в. из Библии Мациевского и Рутландского псалтыря). Аналогичные граффити с изображением стрел на поясе на территории Алтая можно встретить в урочище Кургак [Кочеев, 2006] и раннесредневековом петроглифическом комплексе Бага-Ойгур [Кубарев и др., 2005, с. 575, рис. 85].

Композиционно лучники изображены напротив друг друга, между ними располагается фигура марала со стрелой в районе гортани. Стрела такого же типа, что и у лучников. Возможно, перед нами сцена загонной охоты, достаточно распространенная для древнетюркской наскальной изобразительной традиции [Бородовский, 1986, с. 38-40]. Различные размеры лучников (правый, изображенный со стягом, крупнее), возможно, отражают их расположение во время загонной охоты.

Детальное изображение загонных охот в древнетюркских граффити, очевидно, имело важную социальную функцию. Можно рассматривать гравировки с охотничьими сценами как изображения, содержащие информацию по воинской культуре кочевых этносов Центральной Азии.

Аналогии Мыютинским гравировкам со сценами загонной охоты можно найти за Семинским перевалом на Усть-Канской писанице, где также представлена древнетюркская надпись, и в устье реки Ергол (приток реки Чарыш) [Кубарев, Маточкин, 1992]. Наличие на некоторых композициях Мыюты гравированных знаков, возможно, также связано с руническими надписями [Бородовский, 2009].

В целом, изображения лучников на мыютинских петроглифах можно рассматривать как один из эталонных для древнетюркских граффити, т.к. изображены: конструкция лука, техника стрельбы и сопутствующие лучнику предметы (стяг). Благодаря двум элементам – стягу и стреле – можно датировать гравировки лучников как раннесредневековые, относящиеся к раннетюркскому времени.

Литература

Бородовский А.П. Хозяйственные сцены в древнетюркских изображениях // Исторический опыт освоения Сибири.– Новосибирск, 1986. – Вып. 1. – С. 38-40.

Бородовский А.П. Бюллетень студенческой археологической полевой практики ИИГСО НГПУ. – Новосибирск, 2009. – Вып. 9. – 44 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Волков П.В., Маркин С.В., Нохрина Т.И., Постнов А.В., Шуньков М.В. Археологические экскурсии по памятникам Горного Алтая: Путеводитель. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 122 с.

Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соенов В.И, Суразаков А.С., Танкова М.В., Древности Чуйского тракта. – Горно-Алтайск, 2005. – 86 с.

Кочеев В.А. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2006. – 52 с.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 125 с.

Кубарев В.Д., Цэвендорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Кубарев Г.В., Копья с втоками у древних тюрок (по раннесредневековым петроглифам Алтая) // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда.– М.: ИА РАН, 2008. – Т. 2. – С. 286-289.

Степи Евразии в эпоху позднего средневековья. – М.: Наука, 1981. – 304 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 160 с.

В.О. Дробот
Кемерово, Кемеровский государственный университет

Памятник наскального искусства Талда в Горном Алтае

За последние годы много сделано по исследованию памятников наскального искусства Горного Алтая. В 2007-2008 гг. археологической экспедицией Кемеровского и Горно-Алтайского государственных университетов с участием студентов двух вузов были проведены исследования памятников наскального искусства в центральной части Горного Алтая, в долинах рек Каракол и Урсул. В числе исследованных памятников особый интерес представляет горный выступ Талда с наскальными изображениями.

Талда находится к югу от с. Боочы, по дороге в д. Кулада в Онгудайском районе Республики Алтай. Рядом с запада на восток протекает рчк. Талдушка, впадающая слева в р. Каракол. Горный выступ Талда находится посреди поля. Гора сглаженная, небольшая, расположена примерно в 70 м от трактовой дороги и в 30-40 м от левого берега р. Талдушки (рис. 1). Горное образование представляет собой два небольших выступа посреди ровного поля – одно повыше, на нем и изображены петроглифы, другое ниже – без рисунков. Плиты достаточно гладкие и удобные для нанесения изображений, некоторые поверхности повреждены трещинами. В 80-е гг. прошлого века холм был осмотрен экспедицией Кемеровского государственного университета под руководством профессора А.И. Мартынова. В тех же годах на памятнике проводились работы по копированию рисунков группой студентов под руководством А.М. Илюшина. Тогда же появились первые упоминания о памятнике [Мартынов, 1984, 1985]. О памятнике упоминается так же в материалах симпозиума по наскальному искусству в Италии [Martynov, 1991] и в проекте археологического музея – заповедника «Каракол» [Мартынов, 1997]. Однако, это только упоминания о памятнике, несмотря на то, что гора с изображениями находится рядом с другими петроглифическими комплексами, такими как Бичикту-Бом и Сутерлю, которые достаточно хорошо изучены и отражены в печати. Памятник Талда до сих пор оставался неисследованным. Новое изучение Талды началось в наше время. В 2008-2009 гг. работы на памятнике были возобновлены. Они проводились студентами, участниками упомянутой археологической экспедиции под руководством проф. А.И. Мартынова. Был сделан ситуационный план и заново скопированы и сфотографированы все обнаруженные за два года исследований рисунки.

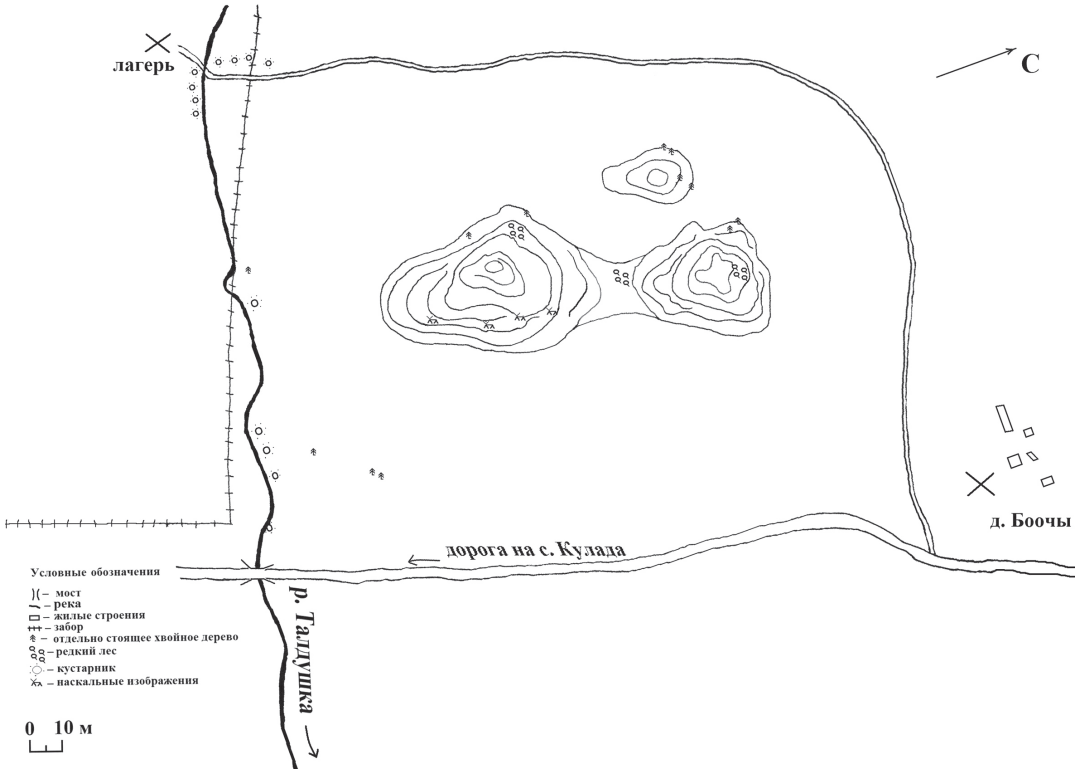


Рис. 1. План горы Талда

Петроглифы нанесены на восточной и юго-восточной частях останца. В ходе обследования памятника обнаружено 24 плоскости с рисунками. На них зафиксировано более 100 изображений людей и животных. Рисунки выполнены техникой выбивки и граффити.

На памятнике изображены рисунки разных эпох (рис. 2). Самые ранние изображения выполнены выбивкой. По аналогиям с другими памятниками, наиболее ранние рисунки относятся к концу эпохи бронзы. Есть довольно яркие изображения гунно-сарматской эпохи. Однако, большинство изображений относятся к разным периодам тюркской истории. Большинство животных нарисованы отдельно, без композиционной связи с другими. Среди диких животных преобладают изображенные в профиль фигуры горных козлов, баранов и оленей, идущих или стоящих. В большинстве рисунков животные обращены головой вправо. На некоторых тюркских и гунно-сарматских изображениях туловища у животных заштрихованы косыми, пересекающимися линиями или прочерчены мелкими горизонтальными линиями.

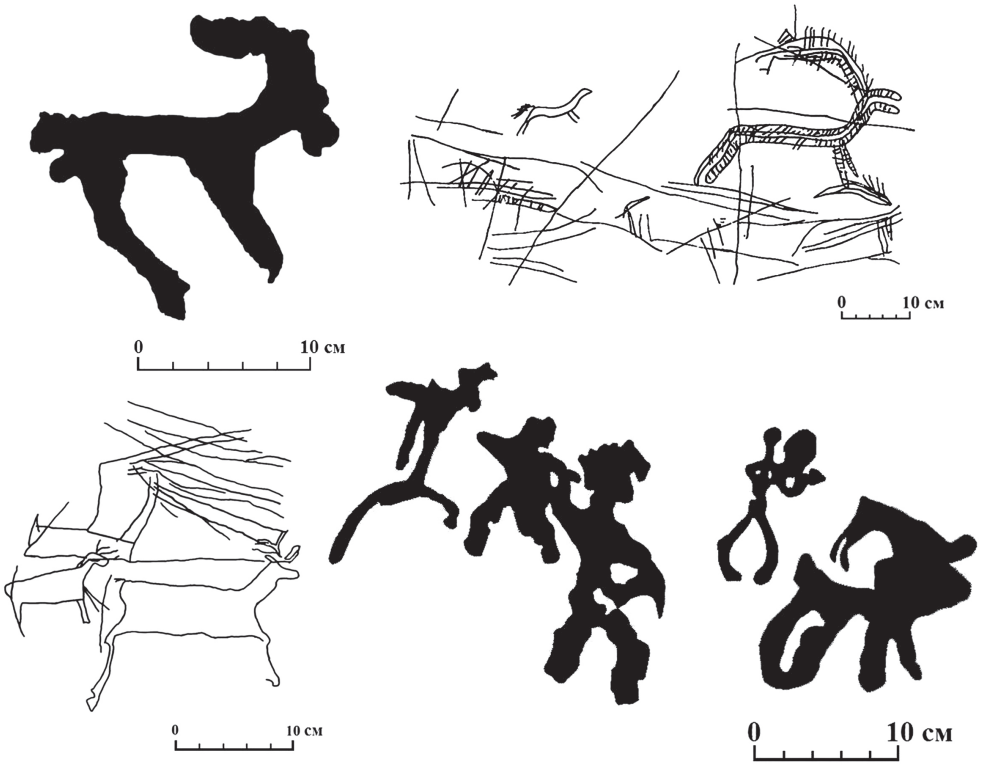


Рис. 2. Характерные изображения горы Талда

Среди рисунков встречаются изображения шаманских бубнов. Останец Талда, сравнительно небольшая возвышающаяся отдельно от окружающих гор возвышенность, находящаяся посреди поля. Она могла быть использована в древности и как природное святилище. Природно-исторические святилища не создавались по определенному замыслу, ценилась, прежде всего, их природная исключительность. Они служили длительное время, были доступны, зрелищны, величественны, выполняли разные функции. Вопрос о природно-исторических святилищах за последнее время является предметом научного интереса [Дэвлет, 1998; Мартынов, 1990; Марсадолов, 2007]. Вероятно, гора Талда была в древности природно-историческим святилищем. Об этом свидетельствует и то, что в наше время этот останец воспринимается местным населением как священное место. Важно, что он не связан с окружающими долину горными массивами, расположен отдельно посреди поля. А ровное, окружающее памятник пространство могло использоваться при проведении праздников и ритуалов.

Литература

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М., 1998.

Марсадолов Л.С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003-2005 годах. – СПб., 2007.

Мартынов А.И. Исследование петроглифов в долине Каракола // АО 1982 года. – М., 1984.

Мартынов А.И. О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1985.

Мартынов А.И. К вопросу о типологии памятников петроглифического искусства // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М., 1990.

Мартынов А.И. О проекте археологического музея-заповедника «Каракол» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1997.

Martynov A. New monument of Petrogliph Art in Asia // Art preistorica e trebole. – Valkamonika Simposium, Italia, 1991.

Н.С. Захарова
Барнаул, Алтайский государственный университет

Семантика каракольских антропоморфных изображений

Изображения человека занимают особое место в искусстве каракольской культуры и представлены различного рода как одиночными, так и композиционными изображениями, включающими в себя образы животных, антропо- и орнитоморфные фигуры. Эти категории вызывают достаточно большой интерес среди ученых. Отдельные стороны данной проблематики рассматривались в трудах В.Д. Кубарева, Е.А. Окладниковой, В.И. Соенова, А.В. Эбель, А.С. Суразакова, О.В. Ларина и др.

В данном исследовании учтено 147 каракольских изображений антропоморфных фигур, выявленных учеными на стенках погребальных ящиков [Кубарев 1988; Кубарев, Ларин, Суразаков, 1992; Погожева, Кадиков, 1979; Кубарев, Соенов, Эбель, 1992], а также в наскальных изображениях [Кубарев 1987; Окладникова, 1984].

Среди каракольских антропоморфных фигур можно выделить следующие типы: солнцеголовые фигуры; орнитоморфные существа; быкоголовые изображения (группа с бычьими рогами и группа с овально-кольцевыми головными уборами); антропоморфные фигуры с «ушками» (в т.ч. фигуры в грибовидных шляпах или с опущенными «ушками»); воинственные фигуры (лучники, охотники и собственно войны); женские изображения; безголовые изображения, а также отдельная группа фигур, имеющих редко встречаемые признаки и некоторые черты, присущие вышеуказанным типам.

Каракольские солнцеголовые фигуры в основной своей массе показаны с головой в виде овала, от которого отходят лучи или перья, иногда заканчивающиеся круглыми углублёнными ямками. Такого рода рисунки обнаружены в 18 случаях в погребениях у с. Каракол, с. Озерное и с. Бешозек. Орнитоморфные изображения – это фигуры с явно выраженными птичьими признаками. В данном случае таковыми являются птичьи ноги, птицеподобная голова, а также распахнутые крылья, показанные многочисленными полосами, отходящими от рук. В погребениях у с. Каракол, в местонахождениях петроглифов выявлено 9 антропоморфных фигур данного типа. Для быкоголовых изображений характерны два вида головных убора – бычьи рога, встреченные в 27 случаях, и овально-кольцевые маски – в 10 случаях. Изображены такие фигуры в погребальных памятниках у с. Каракол, с. Бешозек и на скалах р. Чуи. В остальном, данные изображения вписываются в общий стиль. Характерной чертой антропоморфных фигур с «ушками», выявленных в 4 случаях в погребениях у с. Каракол, является наличие двух отходящих вверх от головы выростов, напоминающих уши зайца. Кроме того, на лицах этих фигур отчетливо изображена маска. Таким образом, можно предположить, что «ушки» являются частью этой маски. В эту же группу изображений включены и фигуры в грибовидных шляпах, встречающиеся в 3 случаях на плитах погребальных ящиков у с. Бешозек и с. Каракол. Однако, в качестве головного убора выросты, опущенные вниз, не находят интерпретации. Представляется возможным рассматривать их как те же «ушки» от маски, но опущенные вниз. «Воинственные» фигуры, нанесенные на скалах Куюса, Карбана, Калбак-таша, выделены на основе присутствия в их руках некоего оружия. Для лучников в количестве 8 рисунков – лук, для воинов в количестве 12 фигур – подобие копья, охотники же, выявленные в 9 случаях, отличаются от воинов тем, что изображены в композиции со зверем. В этом сюжете древний художник передал динамику фигур и агрессию зверя, что и позволяет считать подобные рисунки изображением охоты. Для женских фигур в 8 случаях характерно выделение признака пола, а одна фигура показана в виде «лягушки». Женские изображения встречаются в Калбак-таше, скалах

Карбана и в погребениях у с. Озерное. Исследователи склонны считать это изображением матери-прародительницы, роженицы. С приведенными ими аргументами трудно не согласиться [Соенов, Эбель, 1994]. Отдельную группу составляют изображения фигур без головы, они выявлены в количестве 6 в погребениях у с. Каракол и скалах р. Карбан. Для них характерно наличие признаков других типов. Здесь хотелось бы отметить, что среди рисунков не только встречаются безголовые фигуры, но и в 2 случаях были выявлены изображения головы с лучами и личины. Последние встречаются также 2 раза.

Таким образом, семантическую типологию изображений можно представить в следующем виде – солнечное божество (солнцеголовые существа), фигуры шаманов (орнитоморфные существа, быкоголовые изображения и антропоморфные фигуры с «ушками»), сцены охоты (лучники, войны, охотники) и отдельно – женские изображения.

Сцены охоты изображались с целью сделать наиболее простым добычу животного, поскольку древние люди верили, что, поразив изображение животного, они убьют его намного быстрее. Или такой сюжет можно трактовать как воспроизведение реальной сцены охоты [Любимов, 2009]. Женские фигуры на скалах Карбана и Куюса интерпретируются исследователями как изображения шаманок [Кубарев, 1987, с. 155]. Кроме того, их можно определить как родовых женских духов, к которым обращались шаманы. Аналогии этому можно встретить в представлениях «народов севера». [Анисимов, 1959, с. 36].

Возможно, в образе солнцеголового существа древнее население Алтая почитало солярное божество. Таким же его представляли себе древние индийцы. В их священной книге Ригведе, датируемой второй половиной II тыс. до н.э., солнечный бог Сурья наделён эпитетами «Владыка лучей», «Лучащийся блеском», «Лучезарный». Причём не случайно эти плиты с сакральными сюжетами служили перекрытием (сводом) гробниц, а рисунки на них всегда были обращены вверх, то есть к небосводу [Кубарев, 2009].

Наибольший интерес при интерпретации представляет фигура шамана. Согласно мифологическому сознанию, обычные люди имели возможность находиться только в среднем мире, а общались они с другими мирами через шамана, который перемещался в эти миры внешне с помощью ритуала. Вероятно, служитель культа перевоплощается с помощью одевания на себя звериной шкуры, «птичьего костюма», масок-рогов, которые дают ему силы стать сверхчеловеком и общаться с богами. Костюм каракольского шамана находит аналогии в этнографических материалах [Потапов, 1991; Анохин 1994; Прокофьева, 1971].

Изображение шаманов на плитах погребальных ящиков представляется возможным интерпретировать в плане продолжения ритуальных действий. Л. Леви-Брюль на большом этнографическом материале показал, что древний человек не различал нарисованное и имеющееся в реальности [Леви-Брюль, 2009]. В данном случае имеется в виду, что после окончания ритуала, нанесенные рисунки шаманов должны были сопроводить, по представлениям «каракольцев», умершего в иной мир.

Таким образом, следует заключить, что в мировоззрении «каракольцев», как и в большинстве представлений, сходных с «каракольцами» в культурном плане, присутствовал шаманистский пласт религиозных представлений. Шаман исполнял роль посредника между миром богов и миром людей, поэтому был значимой фигурой в каракольском обществе.

Литература

Анисимов А.Ф. Космологические представления народов севера. – М.; Л.: АН СССР, 1959. – 106 с.

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Репринт. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. – 150 с.

Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука. 1987. – С. 150-169.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.

Кубарев В.Д. Каракольские сюжеты в наскальных изображениях Алтая и Монголии // VII Международные Рериховские чтения. Объединенные сайты Сибирского Рериховского общества [электронный ресурс] // URL: http://www.sibro.ru/reading/doc/390/2097 (дата обращения: 18.12.2009).

Кубарев В.Д., Ларин О.В., Суразаков А.С. Новый памятник каракольской культуры в с. Беш-Озек // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – С. 45-47.

Кубарев В.Д., Соенов В.И., Эбель А.В. О новых памятниках каракольской культуры в с. Озерном // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – С. 49-51.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении [электронный ресурс] // URL: http://psy-dv.org/load/57-1-0-99 (дата обращения: 18.12.2009).

Любимов Л.Д. Искусство Древнего Мира [электронный ресурс] // URL:http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000003/index.shtml (дата обращения: 18.12.2009).

Окладникова Е.А. Петроглифы средней Катуни. – Новосибирск: Наука, 1984. – 111 с.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у посёлка Озёрного на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 80-85.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Музей археологии и этнографии. – Л., 1971. – Т. 27. – С. 5-100.

Соенов В.И., Эбель А.В. К интерпретации изображений эпохи бронзы из Озерного // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1994. – С. 24-27.

Т. Идэрхангай

Улан-Батор (Монголия), Улан-Баторский государственный университет

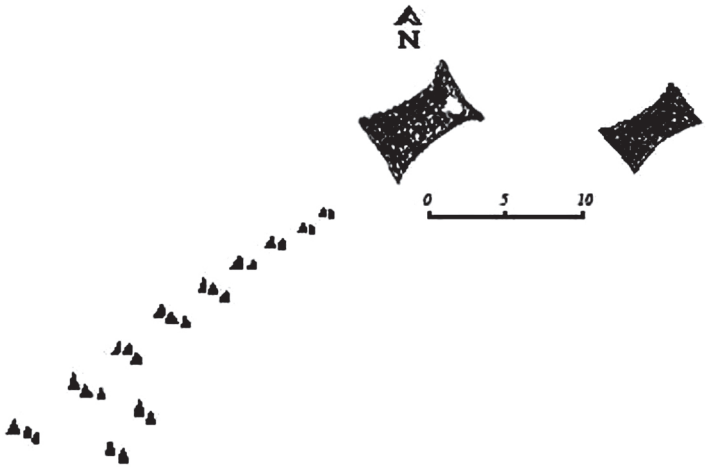
О «балбалах», обнаруженных на фигурных могилах

Полевой отряд совместного монголо-российского проекта «Археологическое изучение Центральной Азии» с 8 августа до 1 октября 2009 г. работал на территории Номгон сомона Южногобийского аймака. Участники данной экспедиции, кроме основных работ на городище Хуннуского периода «Баянбулаг», проводили и разведочные работы в близлежащих местах данного городища.

Разведками были охвачены территории, расположенные к востоку от городища – местности под названием Унгут хайрхан, Цагаан ус, Уртын амралт, Ханан хашаат, Ботго хайрхан, Хушуут хайрхан, Майхан цав, Алаг уул, Овоот харын хэц, Эхэн ширээ, Худаг хатавч, Шар толгой, входящие в горную систему Хурхийн нуруу, а также к северо-западу Алтны ам, к юго-востоку – местности Увур цагаан толгой, Бяруу замын худаг, долины реки Булагийн гол, месности Булагийн харын ар, Шивээ и Адаг зогдор, входящие в горную систему хребта Баруун цохиогийн нуруу. Было открыто большое количество ранее неисследованных памятников, все они задокументированы, сфотографированы, выполнены планы и чертежи. В процессе работ было зафиксировано 56 памятников 8 видов, в том числе 23 фигурных могил в 17 пунктах. На четырех из них были отмечены балбалы – цепочка вкопанных в землю вертикально стоящих камней. Это является первым случаем нахождения балбалов на фигурных могилах, которые считаются одной из разновидностей плиточных могил бронзового века.

Фигурные могилы с балбалами. До сих пор балбалы были отмечены, главным образом, на древнетюркских культово-поминальных памятниках, также их находили у пазырыкских курганов раннего железного века. Тут нужно отметить и то, что у некоторых сооружений погребального характера отмечалось присутствие одиночных вертикально стоящих камней, которые, возможно, представляют собой разновидность балбалов.

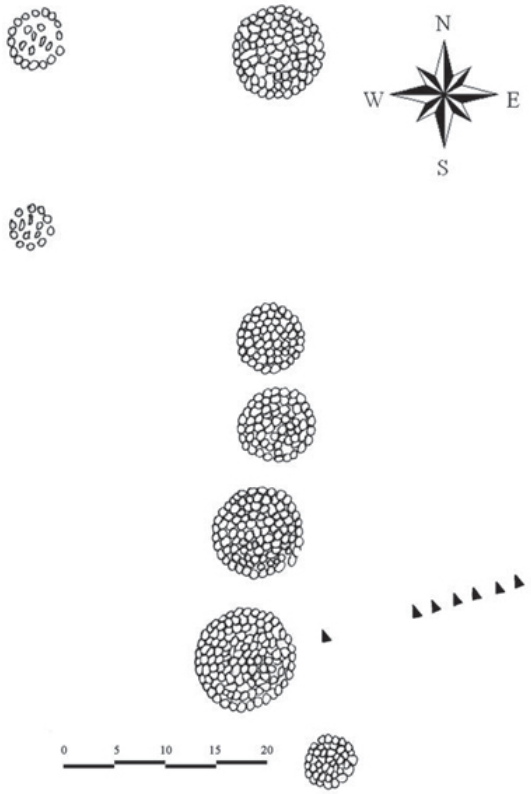
На исследованных нами четырех фигурных могилах балбалы поставлены не с восточной стороны, как обычно бывает на древнетюркских поминальниках. Они были установлены на довольно пространной площади размером 10х22 м, к западу от погребальных сооружении. Тут заметны 2 различных способа установки балбалов. Первый – к юго-западу от могил идет один ряд вертикально вкопанных камней. Второй – к юго-западу идут 2 ряда вкопанных в землю камней. Эти два ряда камней состоят не из одиноко стоящих камней, как в обычных древнетюркских поминальниках, а из нескольких камней. Так, некоторые из них состоят из двух или четырех камней, расположенных в виде четырехугольника, а некоторые из трех камней, поставленных в виде трехугольника. Направление их одинаковое – юго восточное.



Зураг 01. Номгон сомон, Южногобийский аймак. Фигурная могила в местности Булгийн Харын ар

Из этих четырех фигурных могил самой большой по размеру является могила, находящаяся в местности Булагийн хяр, длина которой достигает 18 м. В то же время она и является самой крупной из всех известных до сих пор фигурных могил во всей Монголии. Остальные три могилы имеют обычный средний размер для такого рода памятников. Самая примечательная особенность этих памятников – присутствие на них балбалов, имеющих не только необычную ориентировку, но и отличающихся необычной конструкцией и количеством рядов.

В связи с этим нужно отметить то, что в западных районах Монголии, к примеру в Баян Ульгийском аймаке в 20 погребальных комплексах пазырыкской культуры, были отмечены балбалы. Там они обычно устанавливались у самых крупных по размеру могил и все ориентированы на восток. Эти балбалы обычно состояли из 3-15 камней. В некоторых редких случаях были зафиксированы 2 ряда вкопанных камней.



Зураг 03. Алтай сомон, Баян Ульгийский аймак. Древнетюркский поминальный комплекс

Балбалы являются самым распространенным явлением среди памятников древнетюркского времени. Они, как правило, устанавливались с восточной стороны культово-поминальных памятников. Количество камней в рядах неодинаково. На каганских и княжеских комплексах количество камней в ряду достигает 550 штук, а длина ряда 200-2000 м, а в рядовых оградках количество камней обычно бывает 20-30 штук, длина ряда 20-300 м.

Необходимо отметить, что в древнетюркских памятниках было зафиксировано немало случаев западной ориентировки балбалов. Так, например, в 2006 г. участниками полевой экспедиции проекта «Историко-археологические памятники западной части Монгольского Алтая» зафиксированы древнетюркские памятники с балбалами, ориентированными на запад. Там отмечено 2 отдельных комплекса древнетюркской культуры, каждый из которых состоит из трех поминальных оградок, расположенных параллельно, и в каждом из них был установлен ряд балбалов, состоящих из более десяти камней и ориентированных на юго-запад (245-265° по азимуту).

Та же экспедиция открыла на территории Булган сомона Баян Ульгийского аймака группу древнетюркских поминальных оградок, состоящих из более десяти памятников, расположенных на речной террасе. Больше половины из этих оградок имели балбалы, ориентированные на юго-запад.

Зураг 02. Сагсай сомон, Баян Ульгийский аймак. Пазырыкский могильник

О семантике балбалов. Существуют различные мнения исследователей насчет семантики балбалов. Они обоснованы либо на письменных источниках, либо на археологических исследованиях или этнографических данных. Самое распространенное мнение о назначении балбалов – эти камни изображают число убитых покойным героем врагов. Это мнение обосновано, прежде всего, на данных китайских исторических хроник. Такого мнения придерживаются Н.Я. Бичурин [1950], В.Л. Котвич, Л.Р. Кызласов, Н. Сэр-Оджав, В.Е. Войтов.

Некоторые ученые считают, что балбалы являются памятными знаками, оставленными участниками церемонии поминовения. Эти ученые обращают внимание на то, что во многих алтайских погребениях с балбалами найдены женские и детские погребения и также на то, что подобный обычай оставлять на могилах по одному камню существовали у тюркоязычных народов этнографического времени и также на то, что на некоторых балбалах изображались родовые тамги главенствующего рода древних тюрков. Таких взглядов придерживаются С.И. Руденко [1960], Я.А. Шер [1966], М. Шинэхүү [1980], Д. Баяр [1997]и др.

Есть мнение, что эти камни являются коновязными столбами участников поминальной церемонии. Такого мнения придерживались П.П. Хороших, С.С. Сорокин, В.Д. Кубарев, Ц. Турбат [2000] и отождествляли балбалы с «сэргэ» – коновязным столбом, устанавливавшимся около могил.

Наконец, монгольский тюрколог Ц. Баттулга предлагает весьма интересную трактовку о семантике балбалов. Его мнение обосновано на древнем шаманистском мировоззрении тюркских и монгольских народов, которые считают, что душа умершего человека превращается в птицу и куда-то улетает. Он считает, что длинный ряд камней, направленный на восток и конец которого чуть чуть загибается к северу, указывает направление полета птицы, которая является духом умершего героя, улетающего в страну мертвых.

Погребальные и поминальные комплексы, оставленные древними народами, являются бесценными памятниками материальной и духовной культуры народов, оставивших данные памятники. И каждая составная часть этих комплексов скрывает в себе еще многие неразгаданные факты их мировоззрения и символики.

И эта ранее незамеченная составная часть, присутствующая на фигурных могилах бронзового века, представляет большой интерес, т.к. возникает вопрос, имеет ли данная вещь какую-либо связь с балбалами древнетюркских поминальных комплексов, какая у них семантика и так далее.

Литература

Баяр Д. Монголын төв нутаг дахь Түрэгийн үеийн хүн чулуун хөшөө. – Улан-Батор, 1997.

Бичурин Н.И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – 130 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л., 1960.

Төрбат Ц. «Сэргэ» эртний нүүдэлчдийн оршуулгын дурсгалын нэгэн чухал элемент // Түүхийнсудлал. – 2000. – . Т. XII, f. 14. – С. 290-298.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л., 1966. – 86 с.

М.А. Каун

Кемерово, Кемеровский государственный университет

К вопросу о «демонических» личинах из Тюхтятского клада

Исследователи раннесредневековой торевтики малых форм Южной Сибири выделяют группу «демонических» личин [Леонтьев, 1988; Король, 2008; Ермоленко, 2008]. В частности, «демоническими» называются 18 антропозооморфных личин из Тюхтятского клада (IX–X вв.).

Н.В. Леонтьев выделяет на тюхтятских личинах такие признаки «демонических существ», как подчеркнутые косо расположенные глаза, широкий «приплюснутый» нос, оскаленные зубы, заостренные нечеловеческие уши, брови с поднятыми вверх концами. По мнению автора, подобная иконография имеет связь с буддийской [Леонтьев, 1988, с. 189–190]. Н.В. Леонтьев также трактует как демонические изображения на древнехакасских поясных бляшках-привесках в форме человеческой головы, на фрагменте музыкального инструмента из Минусинской котловины с изображением антропозооморфного существа. Все они имеют сходство с личинами из Тюхтятского клада. Автор ставит вопрос о буддийской семантике образа, делая вывод о том, что «она вполне согласуется с благожелательной символикой мотивов поясных бляшек». Выражая «воинственную сущность сил добра», она имеет охранительную функцию [Леонтьев, 1988, с. 190].

Г.Г. Король, отмечая вариативность и композиционные отличия в иконографии тюхтятских личин, указывает на производность от изображения демонического существа – древнеиндийского мифического полульва-получеловека Киртимукхи [Король, 2008, с. 187]. Согласно индуистскому мифу, Киртимукха был рожден гневом Шивы для уничтожения демона-асура Раху [Мифологический словарь, 1990, с. 606]. Автор выделяет характерные черты тюхтятских изображений, обнаруживающих сходство с изображением Киртимукхи. Это – миндалевидные косо поставленные глаза, брови с загнутыми вверх концами, обозначенные штрихами ресницы, широкий стилизованный нос, заостренные либо округлые уши, два ряда зубов, обрисовывающих контур рта (попытка показать клыки), «сердцевидные» щеки «в виде запятой» [Король, 2008, с. 188].

Рассмотрев территориально близкие тюхтяским аналогии: набор Терёхинского клада (VII–VIII вв.) из Кузнецкой котловины, комплект блях из Новосибирского Приобья (VII в.), фрагмент му-

зыкального инструмента из Минусинской котловины, Г.Г. Король приходит к выводу о том, что в целом иконография образа Киртимукхи была «устоявшейся и традиционной». Все изображения интерпретируются как охранительные, защитные [Король, 2008, с. 189–190].

В литературе рассматриваются и другие личины, черты которых находят соответствие с образом Киртимукхи. Например, серебряный медальон из Пенджикента (VII в.), который В.И. Распопова в работе, посвященной металлическим изделиям раннесредневекового Согда, соотносит с Киртимукхой и вслед за Е.А. Мончадской указывает на распространенность подобного образа на территории Средней Азии в эпоху раннего средневековья [Распопова, 1980, с. 122–123]. К.М. Байпаков, Г.А. Терновая, говоря о возможном влиянии индуизма на территории Семиречья, бронзовую пластинку из коллекции средневекового города Невакет (Туркестан) связывают с образом Киртимукхи [Байпаков, Терновая, 2004, с. 129]. Все эти изделия также рассматриваются как апотропей.

Л.Н. Ермоленко [2008] на основе анализа героического эпоса кочевников Евразии, данных этологии и психологии пришла к выводу об «универсальности» изображения яростной гримасы, что объясняется не только «единообразием внешнего выражения человеческих эмоций», но также «единством героико-эпических представлений» [Васильков, 2007, с. 196]. Она отмечает, что потребность в изображениях с гневной гримасой естественным образом формировалась у кочевников в определенные «героические эпохи» и была обусловлена эпическим сознанием [Ермоленко, 2008, с. 113–114]. Выражение ярости присуще апотропеическим «отвращающим» маскам, нередко содержавшим зооморфные элементы, а также выполненные с использованием приема преувеличения [Ермоленко, 2008, с. 103]. Изображения на тюхтятских личинах рассматривается Л.Н. Ермоленко как гневная гримаса, характерными деталями которой являются сведенные брови Т-образной формы, крупные глаза, большой оскаленный рот [Ермоленко, 2008, с. 109].

Демонические личины Южной Сибири могут сравниваться и с образом «таотэ» – «алчного зверя», кстати, широко распространенного в Китае в эпоху Тан (618–907) [Haussig, 1992, с. 311]. Изображение «таотэ» имеет детали, которые присущи яростной гримасе: сведенные брови, выпученные глаза, открытая оскаленная пасть [Ермоленко, 2008, с. 145]. Считается, что мотив таотэ произошел в эпоху Шан. Изображенный на жертвенных сосудах таотэ символизировал поглощение божеством жертвы. Не позднее эпохи Тан этот мотив «контаминировал с индуистской и буддийской традицией изображения Киртимукхи» [Акишев, Григорьев, 2001, с. 138]. В XI–XII вв. этот мотив распространился как оберег на китайской черепице, украшавшей крыши домов. С.В. Киселев в работе, посвященной истории китайской черепицы, называет такие изображения «бородатыми демонами» [Киселев, 1959, с. 172].

В искусстве Кореи также было известно изображение маски демонического существа, «монстра» Квимена (VIII в.), воспроизводившегося на глиняной черепице домов. Подобная маска должна была защищать жилище от пожара, злых сил и других бедствий [Глухарева, 1982, с. 93].

В японской скульптурной изобразительной традиции также известны маски с «демоническими» чертами, относящиеся к периоду Нара (645–784) [Treat Paine, Soper, 1960, p. 14, 16].

Выше был рассмотрен, по преимуществу, апотропеический аспект личин.

Однако, следует указать, что Я.В. Васильков ассоциирует образ Киртимукхи с «ликом славы». Автор отмечает, что первоначально изображения гневных масок помещались на курганных стелах Индии, воздвигавшихся в честь славы героев, погибших при защите своих стад. Первая такая стела известна на юге Индии и датируется III в. до н.э. [Васильков, 2007, с. 197–198]. Позднее истинный смысл значения мотива Киртимукхи как «лика славы» был утрачен [Васильков, 2007, с. 199]. Известно, что ярость также, как и слава, была атрибутом эпической категории. В связи с этим, возможно, что изображение на тюхтятских накладках может рассматриваться не только как «демоническая» маска, но и как воплощение славы героя.

Литература

Акишев А.К., Григорьев Ф.П. Археологические исследования буддийского монастыря Сумбе // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд «Родничок», Фонд «XXI век», 2001. – Вып. 2. – С. 131–142.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. О значении некоторых изображений из коллекции средневекового города Невакет и влиянии культур Индии и Восточного Туркестана // Новые исследования по

археологии Казахстана: Тр. науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения–15». – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2004. – С. 124–137.

Васильков В.Я. Индийские памятники героям в сравнительном освещении (о материальном соответствии поэтической формуле «непреходящая слава») // Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Мат-лы науч. конф. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – С. 193–204.

Глухарева О.Н. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. – М.: Искусство, 1982. – 256 с.

Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция (по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии). – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. – 288 с.

Кисилев С.В. Из истории китайской черепицы // СА. – 1959. – № 3. – С. 159–178.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. – М.: Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 330 с.

Леонтьев Н.В. О буддийских мотивах в средневековой торевтике Хакассии (По материалам коллекции Минусинского краеведческого музея) // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. -Абакан, 1988. – С. 184–196.

Мифологический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 672 с.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л.: Наука, 1980. – 140 с.

Haussig H.W. Archaologie und Kunst der Seidenstraße. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992. – 329 s.

Treat Paine R., Soper A. The art and architecture of Japan. – L.: Published by Penguin Books, 1960.

Е.К. Коломагин

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Петроглифы эпохи поздней бронзы на Шалаболинской писанице

Исследователи, занимающиеся наскальными изображениями, единодушно отмечают сложность датировки изучаемых памятников. Были предложены различные способы и методы подхода к этому вопросу: использование археологических параллелей, стратиграфические наблюдения, стилистический анализ, структурный и формализованный методы [Пяткин, Мартынов, 1985]. В данной работе предпринята попытка использовать некоторые из этих методов к выделению карасукского пласта рисунков на Шалаболинской писанице.

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению в вопросе о выделении стилей Карасукской культуры (XIII-VIII вв. до н.э.). По мнению Э.Б. Вадецкой «… условно выделяются два пласта карасукских рисунков. На одних – животные изображены в манере, сходной **с** окуневской. На других – изображения людей и животных схематичны и геометризованы. Стиль изображений схематичен и очень отличен от реалистических высокохудожественных литых наверший бронз…» [Вадецкая, 1986, с. 57-58].

Н.В. Леонтьев выделил три исходных группы, различных по манере изображения. Первую составляют «линейно-силуэтные» изображения, вторую группу – «линейно-контурные» рисунки. Фигуры третьей выделены в «условно-реалистическую» группу. Эта классификация отражает только наиболее общие черты исполнения рисунков в рамках одного стиля, не разделяя их при этом хронологически.

По типологии О.С. Советовой и Е.А. Миклашевич, построенной на основе изображений горы Бычихи, было выделено четыре группы петроглифов, отличающихся друг от друга стилистическими признаками. В первую группу вошли зооморфные персонажи с вытянутым прямоугольным туловищем, пересеченным вертикальными полосами, и со сплошным заполнением шеи. Во вторую группу отнесены животные, отличающиеся от первых только тем, что их туловища полностью заполнены выбивкой и отчетливее выражены видовые признаки. В третью группу попали миниатюрные фигурки лошадей с поджарым туловищем и выделенной холкой. Четвертая группа представлена крупными глубоко выбитыми оленями и антропоморфными фигурами. Авторы делают предположение об относительно более раннем появлении рисунков первой группы. Что же касается других петроглифов, они не берутся хронологически их систематизировать, а стилистические различия объясняют «существованием нескольких стилистических вариантов в рамках

одного стиля, связанных, вероятно, с какими-то семантическими особенностями» [Советова, Миклашевич, 1999]. Оригинальную классификацию изображений эпохи поздней бронзы предложил И.В. Ковтун. Он выделяет пять групп петроглифов. Первая группа, тепсейская, относится, по его мнению, к окуневской изобразительной традиции. Вторая (силуэтная) и третья (линейная) группы представлены уже в рамках варчинской изобразительной традиции. Следующие две группы (оглахтинско-томская и бычихинская) принадлежат к особой геометризованной традиции. Практически во всех работах, посвященных данной проблематике, пять групп, выделенные И.В. Ковтуном, традиционно датируются «карасукским временем» [Ковтун, 2001]. О.В Ковалева считает таковыми только две группы (силуэтную и линейную группы в рамках варчинской изобразительной традиции). Другие группы, такие как тепсейская, оглахтинско-томская, бычихинская, по ее мнению, относятся к таким изобразительным традициям, как окуневская и геометрическая, хронологически совпадающая с лугавской культурой [Ковалева, 2008].

О.В. Ковалева выделяет следующие стили карасукских рисунков: линейный, условно-реалистический, геометрический. По ее мнению, петроглифы линейной стилистической группы представлены предельно схематическими изображениями. Они присутствуют почти на всех памятниках эпохи поздней бронзы. Линейные фигуры животных встречаются в различных сюжетах и композициях: в комплексах с колесницами (как в упряжи, так и без нее), в т.н. «круговых композициях», в сюжете «кони у мирового дерева» и т.д. Своеобразный способ изображения в «проволочной» манере типичен для фигур г. Суханиха.

Петроглифы условно-реалистического стиля нередко представлены в одних сюжетах с линейными рисунками, что подчеркивает, по мнению О.В.Ковалевой, их синхронность. Они характеризуются большим набором выразительных средств и более реалистично переданным корпусом фигур.

Наскальные рисунки геометрического стиля представлены изображениями с подпрямоугольным, подквадратным очертанием корпуса, иногда декорированного вертикальными полосками. Рисунки этого стиля встречаются только на скалах. Геометрическая группа рисунков, по мнению О.В. Ковалевой, представляет собой своеобразный изобразительный феномен, близкий по своей природе феномену линейного стиля, но в отличие от него, как считает О.В. Ковалева, он зародился не на основе схематизации, а на основе стилизации образа и, зародившись из орнаментального мотива, он получает широкое распространение в эпоху бронзового века и доживает до скифского периода, трансформируясь в своеобразные тагарские изображения с декоративной отделкой туловища [Ковалева, 2008].

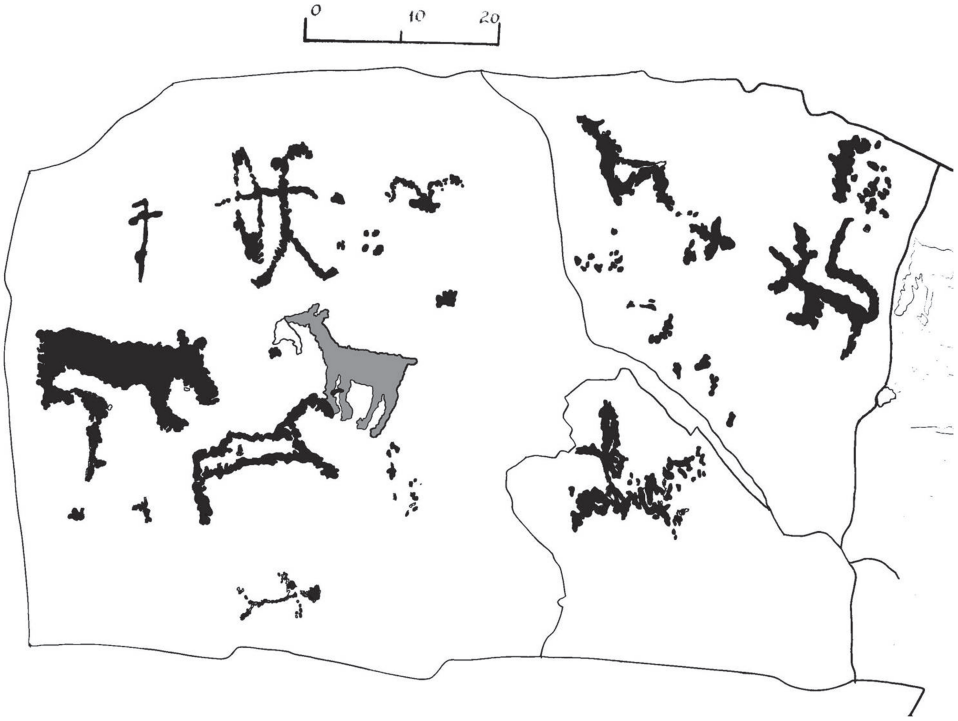


Рис. 1 Шалаболинской писаницы, участок 4, плоскость 64

До недавнего времени не выделялся карасукский пласт в петроглифах Шалаболинской писаницы. Пяткин и Мартынов в своем монографическом исследовании выделили на Шалаболинской писанице рисунки неолитического, окуневского, тагарского и таштыкского времени [Пяткин, Мартынов, 1985]. В результате раскопочных работ, проводимых с 2002 г. археологическим отрядом КГПУ, при анализе новых композиций мы пришли к выводу, что данный пласт имеется, и выделили рисунки поздней бронзы, выполненные в карасукской изобразительной традиции. Так, на плоскости 64 (4 участок) писаницы выявлено силуэтное изображение копытного животного (рис. 1), выполненное в условно-реалистическом стиле (по О.В Ковалевой). Анологии данному изображению зафиксированы в петроглифах горы Тепсей (устье реки Тубы), горы Бычиха (устье реки Сады, 100 км к северу). Примечательно, что рисунки на этой плоскости были зафиксированы А.В. Адриановым в 1904-1910 гг. и опубликованы в 1949 г. К.В. Вяткиной (рис. 2), но не привлекли внимание исследователей.

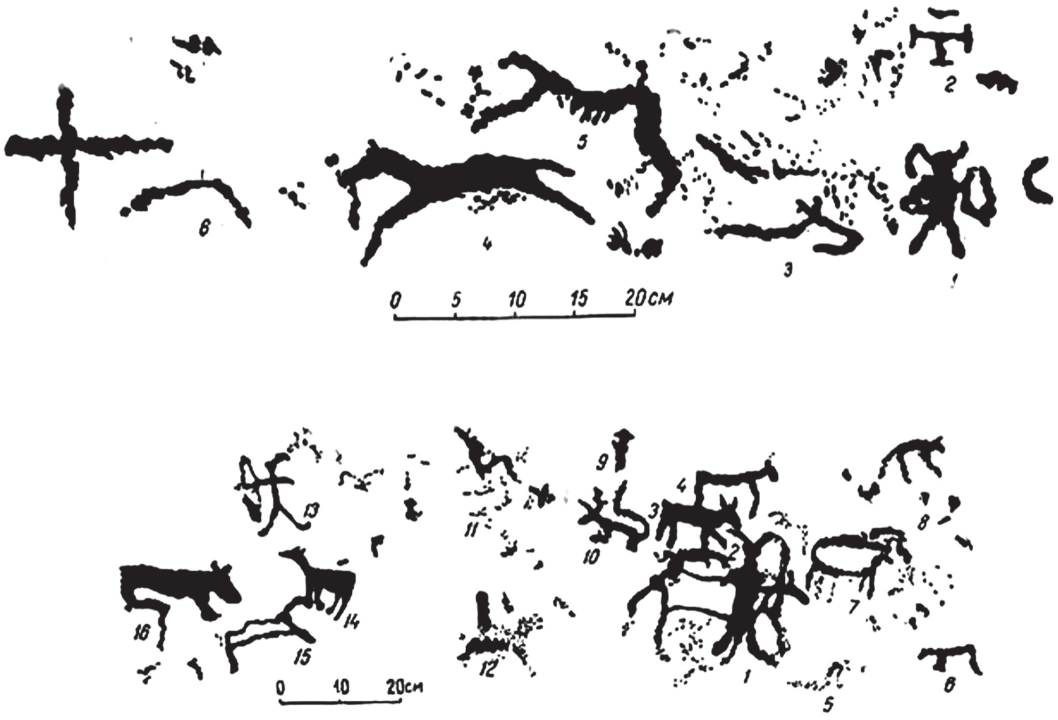


Рис. 2 Шалаболинской писаницы, участок 4, плоскость 64

Трудно поверить, что носители карасукских изобразительных традиций ограничились лишь одним рисунком. Судя по уровню патины, в этот же период могли быть выполнены другие рисунки как на этой плоскости, так и на других смежных плоскостях писаницы. Таким образом, есть определенные основания для выделения в петроглифах Шалаболинской писаницы художественного пласта эпохи поздней бронзы.

Карасукское влияние на искусство данного времени подтверждается наличием крупных могильных комплексов (Усть-Тесь, Тесь 1), расположенных в непосредственной близости, на другой стороне реки [Вадецкая, 1986].

Многие петроглифы до сих пор находятся под завалами скальных пород. Дальнейшие исследования помогут выявить более представительный комплекс рисунков эпохи поздней бронзы и более тщательно изучить карасукский пласт петроглифов на Шалаболинской писанице.

Литература

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея – Л.: Наука, 1986 – 178 с.

Ковалева О.В. Петроглифы эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2008 – 24 с.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии – Новосибирск, 2001.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985 – 192 с.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности Среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово, 1999.

Н.А. Константинов
Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

Гравированная галька с поселения Чёба на Средней Катуни

Поселение Чёба обнаружено в 1989 г. В.И. Соёновым на правобережной террасе р. Катунь в 2,5 км к северо-северо-востоку от устья р. Чёба, на правом берегу безымянного ручья в 9,5 км к юго-востоку от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. В 2006 г. на поселении проведены раскопочные работы, в результате которых получен материал, относящийся к различным историческим периодам от эпохи энеолита до средневековья [Соёнов, Трифанова, 2009].

Особый интерес вызывает обнаруженная гравированная галька (рис. 1). Она подовальной в плане формы, размерами 5,2х2,9 см, верхняя (условно) часть гальки уплощенная, к низу утолщается. Сторона гальки, на которую нанесены гравировки, – плоская, слегка вогнута вовнутрь. Другая сторона выпуклая. На плоской стороне гальки по краю нанесен ряд насечек. Внутри получившегося пространства прослеживаются следы прочерчивания, направленные в одну сторону. На другой стороне гальки также имеются похожие следы прочерчивания, в том же направлении и несколько процарапанных следов, направленных поперек. Также имеются другие следы повреждений поверхности камня.

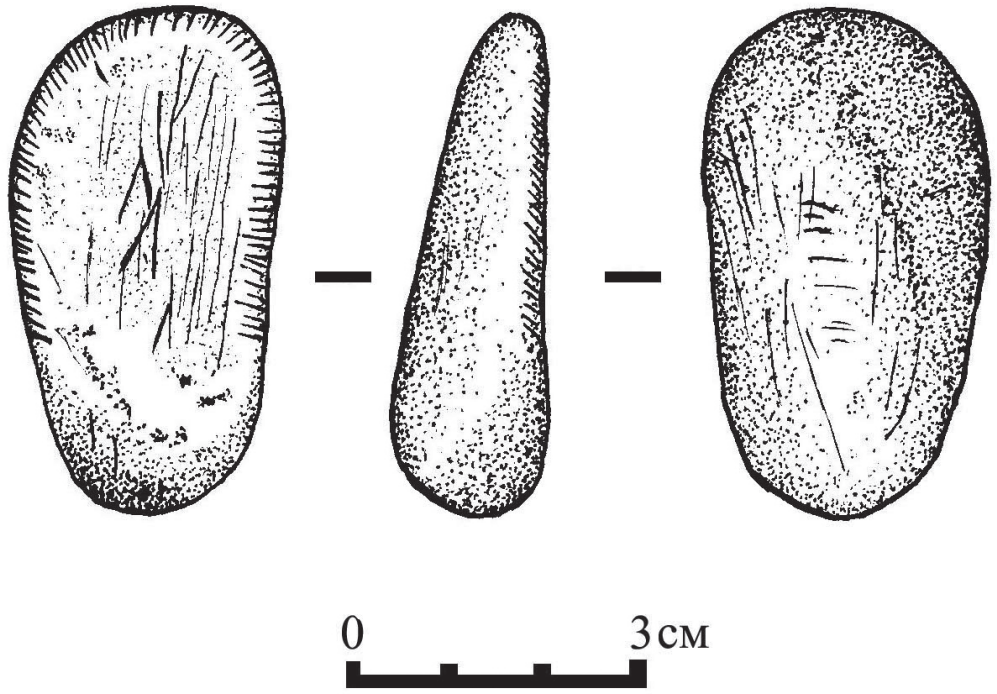


Рис. 1. Гравированная галька с поселения Чёба

На поселениях Средней Катуни было обнаружено значительное количество находок, относящихся к категории гравированных галек и каменных плиток [Кунгурова, 1991, рис. 6 – 7; Погожева и др., 2006, рис. 24; Кирюшин, и др., 2006; Степанова, 2007]. Известны они и в сопредельных с Горным Алтаем регионах. К интерпретации и датировке этих предметов обращалось значительное количество исследователей [Савинов, 1996, 2003; Асеев, 1998; Семенов, 2007; Сотникова, 2007; Волков и др., 2008; и др.]. По всей видимости, традиция декорирования галек и каменных плиток зарождается еще в неолите и получает развитие в более позднее время [Кирюшин и др., 2006]. Распространение подобных предметов охватывает довольно обширные территории [Асеев, 1998; Семенов, 2007].

На сегодняшний день невозможно дать однозначную интерпретацию находок. Имеется несколько вариантов трактовки этих предметов: образ Великой богини–матери; единый женский образ; образ отдельного индивидуума или всего мироздания [Волков и др., 2006]. По-видимому, гальки и каменные плитки с орнаментом являются вещественными остатками ритуала неизвестного на сегодняшний день культа. Проведенный трасологический анализ галек показал, что на поверхности некоторых галек имеется ряд повреждений, вследствие чего исследователи высказали предположение о назначении галек как предметов культа, аналогичного «вуду» [Волков и др, 2008, с. 334]. Изображения женского и младенческого образа («одетые» и «запеленатые» гальки) на торгажакских гальках, их намеренное повреждение после определенного времени использования [Савинов, 1996] наталкивают на мысль о назначении галек как предметов культа перерождения, постоянности, возможно, и плодородия. Исследователи при изучении галек и каменных плиток привлекали различные этнографические материалы [Савинов, 2003; Асеев, 1998]. На сегодняшний день известны изображения на небольших каменных плитках и гальках из Горного Алтая, относящиеся к этнографическому времени, назначение которых также не установлено [Гричан, 1990; Чевалков, 2007].

Таким образом, традиция декорирования галек и небольших каменных плиток в Горном Алтае и на сопредельных территориях зародилась в неолите, но наибольшее развитие получает в эпоху бронзы. В более позднее время такая традиция фиксируется у алтайцев этнографического времени. Гравированная галька с поселения Чёба, несмотря на отсутствие четко выраженных черт торгажакской традиции, по-видимому, также относится к эпохе бронзы. Как и в каких культовых обрядах использовались эти предметы, покажут дальнейшие исследования. Достижению этого будет способствовать ввод в научный оборот нового материала. Это позволит расширить наши знания о мировоззрении и искусстве древнего и средневекового населения Алтая, сопредельных регионов и Сибири в целом.

Литература

Асеев И.В. Аналоги в первобытном искусстве Сибири и Аляски на примере гравированных галек // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 109-114.

Волков В.П., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Трасологическое исследование декорированных галек поселения Тыткескень-6 // Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988-1994 гг.). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 329-334.

Гричан Ю.В. Новые материалы по изобразительному искусству Горного Алтая // Традиционные верования и быт народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 178-201.

Кирюшин Ю.Ф., Волков В.П., Кирюшин К.Ю. Плитка с антропоморфным изображением с поселения Тыткескень-2 (хронологический и технический аспекты «торгожакской» на территории Саяно-Алтайского нагорья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1 (26). – С. 84-88.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1991. – С. 3-22.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая.– Барнаул, АзБука, 2006. – Ч. I. – 234 с.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакассии: Торгажак. – СПб.: Центр «Петербург. Востоковедение», 1996. – 112 с.

Савинов Д.Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // Археология, этнография и антропологи Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 48-70.

Семенов Вл.А. Гравированные гальки из Тувы // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. – С. 70-73.

Соёнов В.И., Трифанова С.В. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2007 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – Вып. 4: Мат-лы IV регион. науч.-практ. конф. – С. 61-64.

Сотникова С.В. К вопросу о гравированных гальках Торгажака // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. – С. 77-79.

Степнова Н.Ф. Изображение на каменной пластине из Элекмонара // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – Вып. XVI. – С. 81-84.

Чевалков Л.М. Рисунки на каменных плитках с Горного Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий: Мат-лы VIII междунар. конф. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – Т. I. – С. 108-110.

А.С. Куликова
Кемерово, Кемеровский государственный университет

Об образах ладьи в наскальном искусстве Северной Европы
(на основе анализа скандинавских петроглифов)

Проблема интерпретации изображений лодок в наскальном искусстве является достаточно спорной темой в археологии.

На протяжении многих десятилетий такие ученые археологи как В.И. Равдоникас, А.М. Линевский, А.Я. Брюсов, Ю.А. Саватеев, К.Д. Лаушкин, А.П. Окладников, А.И. Мартынов, М.А. Дэвлет, А.Л. Заика, Д.Н. Анучин, В.Я. Петрухин, астроном из Упсальской обсерватории Геран Хенрикссон пытались решить проблему особенностей семантических изображение лодок в наскальном искусстве Евразии.

В настоящее время существует несколько объяснений изображений лодок в наскальном искусстве. Наиболее распространенной является гипотеза о «солярных лодках» и «мифических лодках мертвых». Эта точка зрения высказана В.И. Равдоникасом и в дальнейшем поддержана рядом других исследователей. Вместе с тем еще в 40-е гг. прошлого века А.Я Брюсовым высказано мнение, что на скалах Карелии изображались реальные лодки [Брюсов, 1940, с. 12].

В наше время довольно интересна точка зрения Герана Хенрикссона, который выдвинул предположение, что наскальные знаки и изображения связаны с движением небесных тел, появлением комет, затмениями. А лодки – некие календари, каждая из которых обозначает два месяца в году. Некоторые ученые даже связывают изображения лодок с культом луны и других небесных светил [Непомнящий, Кривцов, 2003, с. 115-133].

Исследователи и в этом случае расходятся во мнении, являются ли они изображениями реальных судов или же это символы неких абстрактных понятий. Проведенный нами анализ известных изображений петроглифов – Альты, Бохуслена, Хемста, Хелби в Упланде, Астувансалми, Сараакалио и др., позволили обратить внимание на существование устойчивых групп лодок в наскальном искусстве Скандинавии.

Образ ладьи воспринимался неоднозначно древними людьми, и такой же неоднозначный смысл имели композиции с лодками (суднами) в разные эпохи от неолита до этнографической современности.

Изученный материал позволяет нам выделить два основных семантических изображения на писаницах Скандинавии.

1. Культовые изображения ладей: «драккаров» – военных кораблей, и лодки с изображением головы животного.

Древняя скандинавская поговорка гласит: «корабль – дом скандинава». Очевидно, с самых ранних лет корабль для воина-викинга был тем же, чем конь для сына степей – кочевника. Корабль служил крепостью в бою, местом хранения добычи при возвращении к родным берегам, его крепкие дубовые борта являлись надежным убежищем в шторм. И в свой последний путь бесстрашные вожди викингов – конунги отправлялись вместе с кораблем, очевидно, не представляя без него своей загробной жизни.

На петроглифах Финляндии (Астувансалми, Сараакалио и др.) [Kivikas, 2000, p. 21], Швеции и Норвегии мы наблюдаем различную иконографию ладей: от самых простейших, которые изображены в качестве дуговых линий, с сидящими в них человечками в виде вертикальных палочек, до более усложненных форм изображений как драккары, кнорры, лодки с изображением головы животного (лося – оленя) и парусные корабли эпохи викингов.

Тенденция культа «драккаров» четко прослеживается на петроглифах Упланда (Хемста, Хелби), где среди множества изображений лодок – военные корабли (хьортспринг). По археологи-

ческим данным такой тип корабля был найден в Дании и относится к периоду с 500 по 300 г. до н.э. Длина ладьи 21 м. В ней могло поместиться до 23 гребцов. Внутри ладьи были обнаружены различные типы кельтского вооружения. [Викинги.., 2006]. Изображения таких однотипных лодок широко представлены на петроглифах Северной Европы. Возможно, среди них изображены и торговые корабли типа кнорр. Во многом кнорры были схожи с драккарами, однако, в отличие от них, были не военными, а скорее грузовыми и торговыми судами и использовались для перевозки большого количества припасов и снаряжения, а так же лошадей.

Изображение лодок с головой животного (лося-оленя) на петроглифах Финляндии. Культ лося и оленя существовал у многих племён уже в неолите и бронзовом веке, о чем свидетельствуют писаницы, оленные камни Сибири, Кавказа и Северо-Восточной Европы. Некоторые исследователи считают, что в фольклоре разных этносов эти обитатели леса были вполне взаимозаменяемы. У некоторых народов культово-мифологическая значимость лося возросла и заняла место оленя, представляемого в виде созвездия (большой медведицы).

Изображения парусных лодок и судов на писанице Падъеланта (Северная Европа) появляются значительно позже – во времена викингов, и, по мнению ученых, подобные изображения связаны с торговыми путями. Лодки изображены весьма детально: с рулями, якорем, мачтами, парусами и людьми, сидящими в них. Но это не самый распространенный сюжет на писаницах Скандинавии, как в принципе и изображение парусных кораблей на Верхней Лене, относящееся к XVII веку, в Воробьево, Куленге , Каринге, Давыдово [Окладников, 1977, с. 122].

Размеры лодок могут так же повествовать о том, для какой цели применялись лодки: маленькие лодки – для ловли рыб, охоты и местных поездок, большие корабли – плавание на значительные расстояния [Саватеев, 1970].

2. Погребальные ладьи и шаманизм

Могил с погребальными ладьями по всей Скандинавии и в прилегающих зонах известно несколько тысяч. Известны разные типы погребений – кремация, ингумация, отдельные могилы отмечены курганами, а другие плоские, какие-то богато снабжены инвентарем и умершие захоронены в лодке или кремированы вместе с ладьей. В Швеции, провинция Холланд, обнаружено захоронение, выложенное в виде лодки из камней.

Знаменитый Осебергский корабль – корабль викингов (драккар) IX в., обнаруженный в 1904 г. близ Тёнсберга в норвежской провинции Вестфолл, использовался для ритуальных целей, в нем было найдено захоронение двух женщин. Подобную иконографию ладей мы наблюдаем на петроглифах Хелби (Уппланд). Изображение ладей, у которых, как и осебергского корабля, нос и корма оформлены в виде изящных завитков. Корабль для викинга – это его второй дом. Многие исследователи находят его очень схожим с наземным жилищем скандинавов.

Также на скалах изображены ладьи с головой лося – священного животного многих народов Сибири, Беломорья.

Роль ладьи, таким образом, наиболее устойчива наряду с изображениями оленей и наиболее четко прослеживается в материальной культуре общества древнего человека (практическое применение ладьи), в обрядовой практике этносов (погребальная ладья) и на шаманских бубнах саамов (рис. 1), в эпосе и мифах.

Это отмечается в тех регионах, где изображения лодок были устойчивы и многочисленны в наскальном искусстве.

Таким образом, отмечая две выделенные нами группы семантических изображений, мы можем отметить, что на скалах изображались, в основном, объекты, существующие в природе человека, с которыми человек сталкивается в повседневной своей жизни: ладьи, звери, птицы, охота. Но мы не можем отрицать, что на скалах так же присутствуют символы духовной культуры: мифические персонажи, культ «драккаров» и изображение «погребальной ладьи».

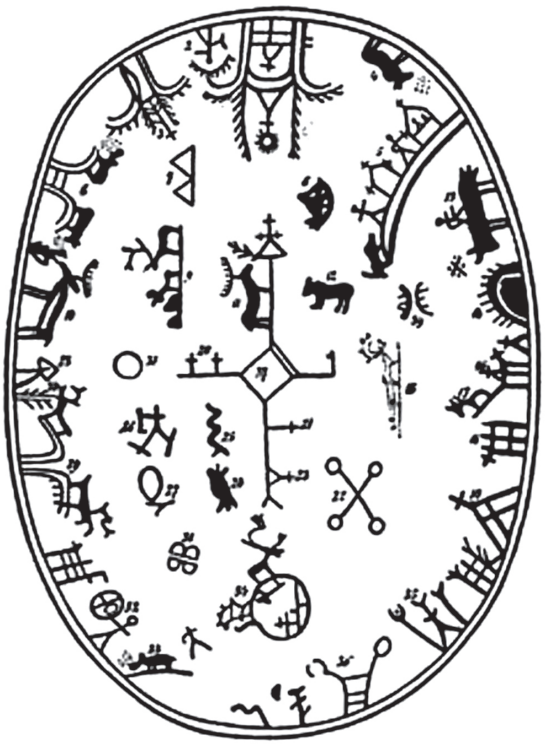


Рис. 1. Изображение ладьи на саамском шаманском бубне (по А. Демкину, 2009)

Литература

Брюсов А.Я. История древней Карелии. – М., 1940.

Викинги: набеги с севера: Энциклопедия. – М.: ТЕРРА, 2006. – («Исчезнувшие цивилизации»).

Демкин А. Лапландский шаманизм и символика лапландского шаманского бубна. – СПб., 2009.

Непомнящий Н., Кривцов Н. Доисторическая Европа. – М., 2003.

Окладников А.П. Петроглифы Средней Лены. – Л., 1977.

Саватеев Ю.А. Залавруга. – Л., 1970. – Ч. 1.

Kivikas P. Vorhistorische felsmalerei in Finnland. – F., 2000.

Е.С. Культикова

Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Орнаментированные костяные наконечники стрел эпохи мезолита (по материалам памятников Среднего Урала)

Обряд – это важнейшая из сторон духовной культуры древнего человека. Самыми яркими предметами обрядовой практики древнего населения Среднего Урала можно считать орнаментированные костяные наконечники стрел. Ведь орнамент (от лат. ornamentum – украшать) – это своеобразный почерк эпохи, имеющий свой символический изобразительный язык.

Следует отметить, что, несмотря на многолетние и активные исследования на территории Среднего Урала, орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита выявлены всего на 8 археологических памятниках. Встречены они только в пещерных (Камень Дыроватый, Лобвинская, Подземных Охотников, Гебауэра) и на торфяниковых (Шигирский торфяник, Кокшаровско-Юрьинская I и II, Шайтанское озеро I) памятниках.

Самая крупная коллекция орнаментированных наконечников стрел происходит с пещерного святилища на Камне Дыроватом. Более сотни орнаментированных наконечников хранится в Госу-

дарственном Эрмитаже, еще 481 наконечник – в фондах археологической лаборатории НТГСПА [Сериков, 2003; Калинина, 2006]. Систематизация орнаментов на наконечниках Камня Дыроватого впервые была предпринята Ю.Б. Сериковым. Он выделил простые элементы орнамента – это точки, насечки-нарезки, зигзаги, прямые и волнистые линии. Точки встречены только на одном наконечнике. Насечки-нарезки обычно очень короткие и располагаются всегда поперек наконечника. Наконечники с нанесенными на них прямыми полосами составляют самую многочисленную группу. Волнистые линии практически всегда проведены по центру наконечника. Зигзаг на наконечниках представлен разными типами. На боковых поверхностях наконечников обычен частый зигзагообразный орнамент. Реже присутствует широкий или растянутый зигзаг, обычно идущий по всей длине наконечника.

В отдельную группу объединены наконечники, орнамент на которых состоит из нескольких простых элементов, например, прямой и волнистой линий, прямой линии и зигзага, двух зигзагообразных линий, образующих ромбы и кресты, насечки и прямой или волнистой линии, насечки и зигзага, зигзага и точки. Наиболее сложным видом орнамента являются композиции, составленные из трех и более элементов. Наконечники с подобным орнаментом трудно объединить в группы, все они требуют индивидуального описания [Сериков, 2003].

Особо следует описать наконечники с фигурными композициями. На одном из них выгравирована сцена, изображающая летящую в пещеру стрелу [Сериков, 2003]. А на другом изображены две антропоморфные фигуры [Калинина, 2006].

Необходимо отметить, что большей частью орнаментом украшались разные типы вкладышевых наконечников. Биконические и игловидные наконечники орнаментированы в единичных случаях. Практически всегда в орнамент втерта светло-красная охра.

Орнаментированные наконечники в других пещерных памятниках единичны. Из 62 наконечников Лобвинской пещеры орнаментом в виде прямых линий украшены только 2 вкладышевых [Чаиркин, Жилин, 2005]. Такой же орнамент сохранился и на двух обломках из пещеры Гебауэра [Чаиркин, Жилин, 2005]. Наибольший интерес представляют 2 целых вкладышевых наконечника из пещеры Подземных Охотников. Первый наконечник с двух сторон орнаментирован одинарными прямыми линиями. Поверхность второго декорирована зигзагообразными узорами [Близнецов и др., 2004].

С разных мест Шигирского торфяника в XIX-XX вв. в процессе золотодобычи было получено около 1200 костяных наконечников [Дмитриев, 1951]. Орнамент на наконечниках детально не описан, поэтому судить о нем можно только по опубликованным иллюстрациям и фотографиям из экспозиции Свердловского областного краеведческого музея. В принципе, элементы (мотивы) орнамента полностью аналогичны материалам Камня Дыроватого. Единственное отличие – в гравировках наконечников Шигирского торфяника, по вполне понятным причинам, отсутствуют следы окрашивания [Савченко, 2006].

На двух стоянках Кокшаровского торфяника (Кокшаровско-Юрьинской I и II) в мезолитических слоях выявлена небольшая серия орнаментированных костяных наконечников. Представляет интерес биконический наконечник стрелы из рога. Головка наконечника опоясана круговыми резными линиям [Сериков, 1992].

Значительное количество орнаментированных наконечников стрел привлекало внимание многих ученых. Так, В.Н. Чернецов, пытаясь продатировать наскальные рисунки, сравнивает их с орнаментированными наконечниками Шигирского торфяника. И видит в орнаментах изображения рыболовных и охотничьих ловушек. По его мнению, здесь отчетливо прослеживается магическая связь выгравированных изображений на орудиях и удачи в промыслах [Чернецов, 1971].

По мнению Ю.Б. Серикова, орнаменты на наконечниках стрел с Камня Дыроватого – это не только, и даже не столько, их украшение, сколько зашифрованные мифологемы. Он отмечает, что значительную роль в этих мифологемах играли числа 3, 4, 5, 7. Именно они наиболее часто повторяются в орнаментальных композициях. Если наконечники стрел вместе с другими находками (костями животных, всевозможными подвесками, бусами и т.п.) можно считать дарами, подношениями духам, обитавшим в пещере [Сериков, 2007], то орнаменты на наконечниках можно рассматривать в качестве своеобразных посланий, прошений, направленных этим духам [Сериков, 200].

И.В. Калинина делит гравировки на наконечниках стрел на две группы орнаментов: орнаменты «с линией жизни» и орнаменты «крепежа» – «усиливающие», «оживляющие» наконечник стрелы. «Линии жизни» на наконечниках представлены волнистыми, сдвоенными линиями, зигзагом, «са-

кральные центры» – фигурами, тяготеющими к квадрату (ромбу). На оборотной стороне одного наконечника вместо ромба изображены антропоморфные фигуры. Вторую группу составляют орнаменты, выполняющие защитную функцию, укрепляющие наконечник, усиливающие его свойства как оружия. Орнамент из линий подобно окраске охрой и полировке «укреплял» и «оживлял» наконечник [Калинина, 2006].

Неоднозначный взгляд ученых на сущность орнамента дает понять, что духовная культура древнего человека была гораздо более разнообразна и многогранна, чем мы это представляем, имеет много тайн и загадок, которые ещё предстоит расшифровать в будущем.

Литература

Близнецов Е.П., Мельничук А.Ф., Изосимов Д.А. Жертвенное место в пещере Подземных Охотников (Стадника) // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 272-273.

Дмитриев П.А. Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА. – 1951. – № 21. – С. 28-94.

Калинина И.В. Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2006. – Вып. 6, т. 1. – С. 393-402.

Савченко С.Н. Мезолитические наконечники стрел восточноевропейских типов в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2006. – Вып. 6, т. 1. – С. 214-223.

Сериков Ю.Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // РА. – 1992. – № 4. – С. 131-147.

Сериков Ю.Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург, 2003. – С. 73-82.

Сериков Ю.Б. К вопросу о семантике наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом // ЭО. – 2007. – № 6. – С. 142-155.

Чаиркин С.Е., Жилин М.Г. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – М., 2005. – С. 252-273.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. – М.: Наука, 1971. – 120 с.

Н.М. Курманов
Караганда (Республика Казахстан),
Карагандинский государственный университет им. акад. Е.А. Букетова

Наскальные изображения Семиречья

Петроглифы как вид изобразительного искусства возникли на территории Казахстана еще в глубокой древности и сохранились вплоть до наших дней. Большое количество памятников наскального искусства, открытых в последние годы, раскрывают своеобразие художественных культурных традиций древних племен. Наиболее известные центры наскального изобразительного творчества Казахстана находятся в Семиречье. Хотя история изучения подобных памятников насчитывает более ста лет, еще недавно о них было известно очень мало. В конце 50-х гг. XX в. было найдено уникальное святилище с наскальными рисунками Тамгалы в горах Анрахай, изучение которого началось в 1970-1980-е гг. Не менее яркий памятник – святилище Ешкиольмес в долине реки Коксу – обнаружен только в 1980-е годы.

В настоящее время на территории Семиречья открываются все новые скопления петроглифов, более десяти из которых были исследованы. После этих открытий стало возможным выделить основные этапы в развитии наскального искусства Казахстана [Мариковский, 2004; Марьяшев, Горичев, 2002; Медоев, 2005].

На сегодняшний день в Семиречье обнаружено около 50 памятников, где находятся скопления наскальных рисунков. Наиболе известные из них – петроглифы в урочище Тамгалы, в долине реки Коксу, в горах Шолак, Киндыктас, Анрахай и Баян Журек. Наряду с крупными святилищами, насчитывающими по несколько тысяч наскальных изображений, так же есть небольшие группы

петроглифов в ущельях, на сопках и могильных камнях, в которых бывает по несколько сотен и десятков изображений. Как правило, в этих же местах рядом с петроглифами расположены другие археологические памятники: поселения, могильники, жертвенники или культовые сооружения, что позволяет рассматривать их в комплексе и получать дополнительную информацию о петроглифах.

Выявление связей между различными типами памятников позволяет рассматривать их в единой системе. Все это значительно расширяет представления о древнем искусстве Семиречья.

Литература

Мариковский П.И. Рисунки на скалах южных и центральных районов Казахстана. – Алматы, 2004.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 2002.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак». – Павлодар: ЭКО, 2005. – Ч. 1.

С.В. Лебедева

Кемерово, Кемеровский государственный университет

Некоторые вопросы интерпретации образа фантастического хищника окуневского искусства

Окуневское искусство включает в себя немало ярких образов. Фантастический хищник – один из них. В его сложении можно проследить две традиции: местную неолитическую и пришлую индоевропейскую. В данной работе не будут рассматриваться местные истоки образа фантастического хищника. Основное внимание будет уделено индоевропейским параллелям в его формировании.

Анализируя изображения хищников, можно придти к выводу о том, что для понимания его значения необходимо обратить внимание на присущие ему иконографические черты, а так же рассмотреть его связи с другими образами окуневского искусства: личиной, солярным знаком, рисунками быков и т.д.

Основными признаками фантастического хищника являются: медвежья голова, туловище волка или быка, длинные птичьи ноги с когтистыми лапами, хвост, а также различные дополнительные атрибуты: косой крест, рога, полосы на туловище и т.д.

Волк, медведь и птицы имели культовую значимость в индоевропейской традиции. Согласно мифологическим воззрениям древних индоевропейцев, мир по вертикали делился на три сферы: верхний мир, средний мир и нижний мир. Все животные находятся в определенных мирах [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 48]: волк в среднем, медведь в нижнем, а птицы в верхнем. На основании этого можно сказать, что каждая часть тела хищника отождествляется с одной из сфер мироздания: птичьи ноги с небесной (верхней), волчье туловище с земной (средней) и медвежья голова с нижней [Леонтьев и др., 2006, с. 65]. Синкретизм, т.е. совмещение различных черт образа позволяет говорить о том, что в окуневской ритуально–мифологической системе он символизирует владыку трех миров [Тарасов, Заика, 2000, с. 188].

На некоторых изображениях фантастического хищника проявляется сходство с рисунками быков окуневской культуры: бычье туловище у хищников с р. Аскиз, бычьи рога на некоторых из рисунков. На отдельных фигурах быков есть символы, которые встречаются и у хищников: косой крест и «скелетная» прорисовка туловища. М.Д. Хлобыстина считает быка тотемным прародителем племени [Хлобыстина, 1971, с. 75]. Поскольку существует сходство в некоторых элементах образов быка и хищника можно сказать и об их семантическом единстве. Поэтому можно говорить о том, что образ синкретичного хищника может быть олицетворением прародителя мира.

Возможно, что в данном случае можно согласиться с Б.Н. Пяткиным в том, что, несмотря на разнообразие признаков хищника, данное существо семантически едино в своей ипостаси. Это единство по мере необходимости разделяется на отдельные персонажи, с тем, чтобы объединиться вновь, стать владыкой всех стихий, т.е. Космосом [Пяткин, 1997, с. 263].

Н.В. Леонтьев считает изображения хищника зооморфной ипостасью владыки мира [Леонтьев и др., 2006, с. 66-67]. На стелах и изваяниях подчеркивалась его хищная составляющая, что отражалось в его расположении внизу камня. Это может быть связано с определенными ритуалами,

когда в зависимости от конкретной потребности в нем воплощаются отдельные качества божества или существенные в данный момент его ипостаси [Пяткин, 1997, с. 264].

Образ хищника связан с двумя другими образами окуневского искусства: личиной и солярным знаком. Изображения хищников часто маркированы косым крестом. Н.В. Леонтьев считает, что так обозначается мужское начало [Леонтьев и др., 2006, с. 55], а женское начало в искусстве окуневцев символизирует личина. Между ними возможен сакральный брак [Пяткин, 1997, с. 263], в результате которого и появился мир.

Солярный знак – один из самых распространенных сюжетов окуневского искусства. Основа знака – круг (квадрат) имеет аналогии в древних обществах, где таким образом схематично изображали вселенную. Подобная структура знака близка к планировке некоторых окуневских оград курганов, имеющих подквадратную (или круглую) ограду, иногда с четырьмя высокими камнями по углам и диагональными каменными выкладками [Соколова, 2006, с. 251-252.]. Погребальные памятники отражают мировоззренческую систему строителей, воспроизводят модель мира. Таким образом, можно предположить, что знак отображает горизонтальную структуру мира. Ю.Н. Есин считает, что еще одним аспектом солярного знака является временная модель, т.к. первобытное мышление не разделяло категории времени и пространства [Есин, 2000, с. 116]. Круг – основа знака, находит аналогии в представлениях древних индоарийцев о времени, где оно считалось циклическим процессом [Кейпер, 1986, с. 11].

Таким образом, если солярный знак это отображение горизонтальной пространственно-временной структуры мира, то изображение его в пасти у хищника может говорить о том, что на изваяниях и стелах запечатлен момент рождения/гибели мира. Ю.И. Михайлов считает, что создатели окуневского искусства рассматривали рождение как двухактный процесс проглатывания/извержения [Михайлов, 2001, с. 227]. Следовательно, хищник не только создатель мира, но и его уничтожитель. Образ хищника связан и с нижним миром, миром хаоса и разрушения и, следовательно, он мог быть опасен. В мифологии ведийских ариев есть момент, когда в конце каждого года организованный космос снова возвращается к исходному положению изначального хаоса [Елизаренкова, 1989, с. 483]. Новый год у ведийцев наступал в день зимнего солнцестояния и символизировал победу сил созидания над силами хаоса [Кейпер, 1986, с. 12]. Во время ритуала, посвященного этому событию, арии устанавливали деревянный столб, символизирующий мировую ось, разделяющую небо и землю, которая олицетворяла воссоздание из хаоса нового мира. Возможно, в это же время и окуневцы устанавливали каменные изваяния. Календарные мотивы встречаются и на самих изображениях хищников.

Таким образом, проанализировав изображения фантастического хищника, можно сказать, что предположение Б.Н. Пяткина и Н.В. Леонтьева, которые считали его зооантропоморфной ипостасью прародителя и владыки вселенной, наделенного синкретичными чертами, подчеркивающими его связь со всеми мирами триединой вселенной, имеет достаточно аргументов в свою пользу. Разные изображения зверей передают разные черты данного образа, семантически усиливая ту или иную его черту в зависимости от конкретной ситуации.

Литература

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси, 1984. – Т. 2.

Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I-IV. – М.: Наука, 1989. – С. 426-544.

Есин Ю.Н. Универсальный космический знак окуневского искусства // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. – Кемерово: Николс, 2000. – Т 2. – С. 112-121.

Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1986. – 196 с.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. – 236 с.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири. Эпоха бронзы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 363 с.

Пяткин Б.Н. Замечания по поводу интерпретации образа фантастического хищника // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб., 1997. – С. 263-264.

Соколова Л.А. Типология погребальных сооружений окуневской культуры // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. – СПб., 2006. – С. 251-259.

Тарасов А.Ю., Заика А.Л. Малые формы окуневских каменных изваяний // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. – Кемерово: Николс, 2000. – Т. 2. – С. 182-188.

Хлобыстина М.Д. Культовая символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири // СА. – 1971. – № 1. – С. 73-81.

С.Г. Ленская

Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

Иконографические и технические особенности каменных изваяний Монголии и Горного Алтая

Средневековые каменные изваяния с оружием на поясе и сосудом в руке являются характерной деталью исторического ландшафта обширных горных и степных пространств. Усилиями нескольких поколений ученых выявлено большое количество изваяний на территории Монголии и Горного Алтая. Их описанию и изучению посвящены многочисленные заметки, статьи [Горбунов, Тишкин, 2007; Евтюхова, 1952; Кубарев, 1995, 2001; Кубарев, Кочеев, 1988; Кубарев, Цэвээндорж, 1995, 2000; Маточкин, 2007, 2007а; Худяков, Плотников, 1990 и др.] и несколько монографий [Кубарев, 1984 и др.]. Огромный интерес не только помог выяснить происхождение и назначение каменных изваяний, но, к сожалению, способствовал расхищению и уничтожению. И лишь незначительная часть каменных скульптур сохранилась до настоящего времени.

Большое количество средневековых каменных скульптур, открытых на территории Горного Алтая и Монголии, свидетельствуют об их широко налаженном производстве. При этом более половины тюркских изваяний выполнены на специально сколотых каменных блоках, уже внешне напоминающих очертания человеческой фигуры.

Технические приемы в целом, вероятно, были одинаковыми у мастеров Горного Алтая и Монголии, т.к. каменные изваяния – памятники единого круга средневековых кочевников. Культовый характер памятников канонизировал не только иконографические черты средневековых изваяний, но и определил консервативность основных технических приемов.

В.Д. Кубарев считает, что работа мастера над изваянием проходила несколько основных стадий. Первоначальная грубая обработка каменного блока включала контурное выявление основных объемов – головы, плеч, рук, талии фигуры. Затем острием ножа или кистью делался эскизный набросок лица, украшений, деталей костюма, сосуда и оружия. Специальными ударными инструментами типа долота углублялся фон вокруг намеченных деталей. Окончательная отделка включала шлифовку отдельных фигур, а в некоторых случаях, возможно, и раскраску деталей в различных цвета.

Самым распространенным техническим приемом у средневековых мастеров был барельеф. Значительная часть изваяний Горного Алтая и Монголии выполнена в технике высокого и низкого рельефа. Так, для выделения рельефа носа, глаз, бровей и усов применялся всегда один и тот же прием обработки камня. Сначала обтесывалась голова уплощенной, округлой или овальной формы, а затем на лице выбирался фон вокруг носа, глаз, усов и рта, в результате чего все они, так же как и само лицо, получались уплощенные. Этот прием не применялся при отделке ушей, их рельеф обтесывался заранее, при выделке формы головы, но трактовка их очень примитивна и также далека от реализма. Очень тщательно выполнены руки, но при этом приданы различные положения рукам, держащим сосуд. Не всегда правильно давалось расположение пальцев и их количество [Евтюхова, 1952].

Встречается много изваяний, на гладких поверхностях которых точечной техникой нанесены только изображения лица или головы человека. Все детали на таких изваяниях выполнены серией редких и неглубоких точек, иногда сливающихся в полосу или неглубокий желобок [Кубарев, 1984].

У большинства изваяний скульпторами выражена монголоидность черт лица. В каждом отдельном случае изображен мужчина с усами и бородой, или только усами, или без того и другого. Усы все индивидуальны, разной длины и формы, бороды также различны, начиная от широких, окладистых и, кончая маленьким треугольником под нижней губой. Среди изваяний Монголии, практически все мужские фигуры не имеют ясно выраженных бород. Но среди изваяний можно

выделить такие изваяния, которые имеют различную форму усов. На территории Горного Алтая, наоборот, на лицах изваяний преобладают разнообразные бороды вместе с усами.

Во всех атрибутах, начиная от посуды и кончая поясами и украшающими их бляхами, замечается большое разнообразие форм. Рюмковидные сосуды преобладают в Монголии, на территории Горного Алтая известно только одно изваяние с таким сосудом. Наиболее распространенной формой следует признать сосуды с круглым туловом, высоким, сравнительно узким горлом, плавно переходящим в тулово, и довольно прямым поддоном. Это видно по частоте их изображений.

Пояса изваяний Монголии и Горного Алтая очень разнообразны; они или гладкие, или украшены накладными бляхами, причем наиболее распространены четырехугольные с узкой прорезью в нижней части [Евтюхова Л.А., 1952, с. 113-114]. В Горном Алтае часто встречаются изваяния без пояса, это связано с тем, что, в основном, изображались «лицевые» изваяния.

На основе исследованных деталей можно выявить этнографические особенности одежды, головных уборов и других реалий. Наличие одинаковых иконографических и технических черт средневековых изваяний Монголии и Горного Алтая свидетельствует о семантической близости мемориальных памятников, найденных в разных регионах Центральной Азии [Кубарев, Цевээндорж, 1995].

Литература

Баяр Д. Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуун (Древнетюркские изваяния Центральной Монголии). – Улаанбаатор: ADMON, 1997. – 148 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. – Вып. 3. – С. 119-124.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы исследования по археологии СССР. – М.: Наука, 1952. – № 24. – С. 72-120.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 229 с.

Кубарев В.Д. Изваяние с р. Хаара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 158-162.

Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 24-54.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1988. – С. 202-222.

Кубарев В.Д., Цевээндорж Д. Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. – № 1. – С. 76-93.

Кубарев В.Д., Цевээндорж Д. Новые каменные изваяния Монгольского Алтая // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. – № 1. – С. 149-154.

Маточкин Е.П. Изваяние в устье Аргута // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – Вып. 6. – С. 99-101.

Маточкин Е.П. Каменная скульптура могильника Бортулдага (Горный Алтай) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Изд. Азбука, 2007а. – Вып. 3. – С. 132-134.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Древнетюркские каменные изваяния в южной части Убсунурской котловины // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 111-115.

В.Е. Матвеев

Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева

Форсирование реки. Новые петроглифы Шалаболинской писаницы

Полевой сезон 2008 г. в исследовании археологического памятника Шалаболинская писаница (Курагинский район, Красноярского края) был весьма плодотворен и богат новым, а так же

уточнённым и скорректированным старым материалом. Но особое внимание хотелось бы уделить ранее неизвестным петроглифам, а точнее одной из композиций.

При исследовании третьего яруса скального массива, на высоте около 30 м от уровня р. Туба на небольшой площадке, расположенной под естественным скальным навесом-козырьком, была обнаружена нависающая вертикальная плоскость длиной около трёх метров и высотой не больше двух. Состояние её на данный момент оставляет желать лучшего, 60% поверхности осыпалось, покрылось сколами и трещинами.

Первоначально внимание привлекли несколько небольших антропоморфных и зооморфных фигур, выполненных техникой выбивки, расположенных у верхних границ плоскости [Заика, и др., 2007]. Однако, при более тщательном осмотре у нижнего основания плоскости была обнаружена удивительная многофигурная композиция (рис. 1) – десятки парнокопытных (косуля, лось, марал(?)). Причём, нанесены они частично – исключительно силуэты голов животных.

Рис. 1. Сцена форсирования реки. Шалаболинская писаница

Судя по всему, при нанесении петроглифов использовался метод гравировки и протирки. Поверхность этих изображений на первый взгляд, практически, неотличима от поверхности скалы, на которой они исполнены. Это можно объяснить неглубоким контррельефом петроглифов, однотонным загаром поверхности изображений и самой плоскости. Существует предположение и о сознательном затирании петроглифов.

Картина, открывшаяся при осмотре, впечатляла не по масштабам изображений, а по количеству участников. На сравнительно небольшом участке (30х70 см) неизвестные художники поместили порядка 185 различимых нами фрагментов и цельных силуэтов голов парнокопытных. Среди всей массы изображённых животных по характерным внешним признакам были выделены два (?) представителя семейства оленьих. Первым из них является лось (alces alces) с характерной для него массивной, длинной, немного горбоносой головой, открытой пастью и мясистой нависающей верхней губой. Вторым участником композиции представлена косуля (capreolus capreolus). Более изящна, с удлинённой шеей, притуплённой головой, открытой пастью. Вся масса животных, перекрывающих друг друга, композиционно связанна между собой, имеет общее направление движения – противоположное течению реки. Большинство голов параллельно горизонту либо приподнято, однако, изредка встречаются и немного припущенные. Следует отметить, с какой кропотливостью и точностью выполнялись столь небольшие рисунки, наименьшие из которых не больше 2 сантиметров в длину, но все изобразительные детали, свойственные более крупным парциальным профильным силуэтам лося/косули, присутствуют. Оценить это можно лишь лично наблюдая композицию. Фото и микалентная съёмка фактически невозможны, а копирование с помощью оракала либо полиэтилена таких, порой, миниатюрных и взаимно перекрывающих петроглифов даёт значительную погрешность.

В правой нижней части композиции видны выгравированные линии, перекрывающие основной рисунок. Исходя из этого палимпсеста и принимая во внимание различия в стиле и методе нанесения, следует относить их к более позднему времени. Видимо, неизвестный автор пытался

закончить образ, дорисовав всё туловище, не принимая во внимание смыслового значения всей композиции.

Парциальность изображений, на наш взгляд, можно объяснить не иначе, как отображением сцены форсирования реки парнокопытными. На это указывает ряд причин. В момент нахождения животного в воде видимой является лишь его голова. Лоси, как и косули, прекрасные пловцы и им нередко приходится штурмовать водную стихию во время сезонной миграции и не только [Данилкин , 1999]. Само место расположения данных петроглифов представляет собой хорошую площадку для обзора, возвышающуюся, как уже было сказано выше, больше чем на 30 м над уровнем реки. Располагается она между группами речных островов. Согласно же наблюдениям зоологов и охотоведов, парнокопытные, как правило, стремятся переплывать реки как раз по островам, экономя силы, где к тому же произрастают их излюбленные кормовые растения. Кроме того, в наиболее жаркие летние периоды, парнокопытные, стремясь к прохладе и отсутствию насекомых, нередко целые дни проводят погружёнными в водоём, Обращая внимание на сами рисунки, следует подчеркнуть особое напряжение, испытываемое животными, о чём свидетельствуют раскрытые пасти, это тоже же может подтверждать вынесенную гипотезу.

Необходимо отметить, что у всех изображённых парнокопытных отсутствуют рога, а у лосей, помимо этого, нет «серьги». Отсутствие этих признаков может свидетельствовать, во-первых, о половой принадлежности – у самок парнокопытных, за исключением северного оленя (Rangifer tarandus), отсутствуют рога, а у самки лося помимо этого нет «серьги» [Черкасов, 1884]. Во-вторых, у лосей – первогодок, также отсутствуют эти половые маркеры. В-третьих, взрослые мужские особи сбрасывают рога по окончании гона, а к весне они вновь отрастают, т.е. безрогими их можно наблюдать лишь в конце осени – середине зимы, т.е. весьма непродолжительный период. Таким образом, если исключить возможный символизм или элемент фантастичности, заложенный в изображенный сюжет, и принять гипотезу о преодолении рассматриваемыми парнокопытными реки, мы приходим к следующему выводу: в данной композиции изображены исключительно самки лосей/косуль и молодняк лосей (до 1 года). Хотя не стоит, не принимать всерьёз возможность внесезонного изобразительного восприятия образа и передачи его в петроглифах.

Литература

Данилкин А.А. Оленьи (Cervidae). – М.: ГЕОС, 1999.

Заика А.Л., Березовский А.П., Матвеев В.Е., Техтереков А.С. Результаты исследования Шалаболинской писаницы в 2007 году // Проблемы археологии, этнологии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007.

Черкасов А. Записки охотника Восточной Сибири. – СПб., 1884.

Е.В. Никонова
Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Некоторые аспекты использования фрагментов керамики в ритуалах древности

На сегодняшний день малоисследованным аспектом является использование фрагментов керамики в ритуальных действиях. Далеко не всегда исследователи обращают внимание на многотысячные коллекции обломков сосудов. А если что-то необычное и попадает на глаза, то такие находки вследствие их единичности редко становятся предметом исследования и публикации.

К законченным изделиям, используемые в ритуалах, принадлежат – пряслица, украшения и скульптура. Самыми распространенными предметами в ритуалах были пряслица. Их можно рассматривать как солярный символ; как символ вращения, дающего огнь и тепло [Сериков, 2005]; они могли использоваться в ритуалах, связанных с выплавкой металла [Викторова, Непомнящая, 2006]; по мнению некоторых исследователей, в орнаментированных пряслицах закодирована мифологическая картина мира и календарная символика [Котов, 2003; Коренюк, 2003].

Подвески и нашивки из фрагментов керамики являлись неотъемлемой частью ритуала, т.к. украшали костюмы лиц, обладающих высоким социальным статусом. По форме они круглые, тре-

угольные, прямоугольные и квадратные. Одни подвески изготовлены из стенок сосудов, другие из венчиков.

Также в ритуалах использовались керамические скульптуры с Шайтанского озера I (Среднее Зауралье), которые представляют изображения уточки, лося и рыбки. Они изготовлены из стенок керамических сосудов путем пришлифовки боковых краев. Образы животных, изображенных в скульптуре, соответствуют всем трем уровням мирового дерева [Сериков, 2004].

Одним из аспектов использования керамики второй группы в ритуалах является тот факт, что на некоторых святилищах присутствует множество фрагментов керамических сосудов. Но их особенность в том, что один сосуд представлен лишь несколькими фрагментами (1-5). К таким памятникам относятся Голый камень (Нижний Тагил) и Пещера Туристов (р. Чусовая). На святилище Голый камень 70% сосудов представлены одним фрагментом [Сериков, Серикова, 2005]. На святилище в Пещере Туристов выявлена подобная картина, причем большая часть керамики в обоих случаях относится к раннему железному веку.

Достаточно широко распространенным фактом является использование единичных фрагментов керамики в погребальном инвентаре. Так, в неолитическом захоронении шамана в гроте на Камне Дождевом (р. Чусовая) у погребенного на сгибе колена левой ноги лежал фрагмент керамики с вырезанным по сухой глине серповидным знаком. Интересно отметить, что у колена правой ноги лежал фрагмент керамики этого же сосуда [Сериков, 1993]. Аналогичное расположение двух фрагментов керамики (у колена) зафиксировано и в энеолитическом погребении Гладунино-3 (Курганская обл.) [Шилов, Маслюженко, 2002]. В первом погребении Оленеостровского могильника (Баренцево море) за головой покойника вместе с другими вещами лежал и фрагмент керамики [Гурина, 1953].

Довольно интересными находками, используемыми в ритуалах, являются фрагменты керамики с прочерченным орнаментом, насечками, линиями, нанесенными по сухой глине. Так, на Усть-Вагильском холме (Северный Урал) присутствует фрагмент венчика неолитического сосуда, орнаментированного прочерченными линиями. Поверх орнамента по сухой глине были нанесены непонятные знаки, напоминающие руническое письмо [Сериков, 2002]. На Шайтанском озере I в материалах энеолита и раннего железного века присутствует 3 фрагмента керамики, на внутренней стороне которых по сухой глине вырезаны насечки. На трех из них с внутренней или внешней стороны по сухой глине прорезаны косые кресты. По этнографическим данным косой крест выполняет функцию «охраны». Иногда он трактуется как знак закрытия (перекрытия) [Калинина, 2006].

Фрагменты керамики, в поверхность которых была втерта охра, тоже использовались в ритуалах древности. Особенно если учесть, что они в основном происходят с культовых памятников. На Усть-Вагильском холме было выявлено три способа маркировки керамики охрой: 1) посыпка; 2) черепок затерт охрой поверх орнамента после обжига; 3) сосуд окрашен ровным слоем краски до нанесения орнамента [Панина, 2008].

Особый интерес представляют фрагменты керамики (92) от сосуда родановской культуры (IX-XV вв.) с памятника Шайтанское озеро I. По его поверхности были просверлены отверстия (сохранилось 31). В тесте присутствует значительная примесь охры. На одном из фрагментов металлическим орудием вырезаны линии [Сериков, 2008].

В последние годы появляются факты, свидетельствующие, что фрагменты керамики использовались также для освящение и кодирования домов [Усачева, 2005], а также в качестве символа для установления системы договорных отношений между коллективами людей, людей и духов [Панкратова, 2008].

Литература

Викторова В.Д., Непомнящая О.В. «Пряслица» с памятников иткульского металлургического очага // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2006. – С. 130-143.

Гурина Н.Н. Памятники эпохи раннего метала на северном побережье Кольского п-ова // МИА. – 1953. – № 39.

Калинина И.В. Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // Тверской археологический сборник. – Тверь: Триада, 2006. – Т. 1, вып. 6. – С. 393-402.

Коренюк С.Н. Образ волка-собаки в искусстве населения Прикамья в раннем железном веке // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Мат-лы междунар. науч. конф. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003. – С. 203-205.

Котов В.Г. Семантика пряслиц ананьинской культуры // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Мат-лы междунар. науч. конф. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003. – С. 201-202.

Панина С. Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005-2006) // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2008. – Вып. 25. – С. 137-145.

Панкратова Л.В. Обменные отношения в кулайском обществе (по материалам керамического комплекса Саровского городища) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Мат-лы Зап.-Сиб. археол.-географ. конф. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. – С. 293-297.

Сериков Ю.Б. Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. – Вып. II. – С. 11-31.

Сериков Ю.Б. Исследование грота на камне Дождевом (р.Чусовая) // ВАУ. – Екатеринбург: УрГУ, 1993. – Вып. 21. – С. 120-143.

Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 93-101.

Сериков Ю.Б. Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2004. – С. 101-146.

Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – Вып. 24. – С. 127-150.

Сериков Ю.Б., Серикова Л.В. Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил). – Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. – 79 с.

Усачева И.В. К вопросу о существовании ритуалов жилого пространства и дома в энеолите Притоболья // AB OVO: Проблемы генезиса культуры. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2005. – С. 155-163.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Энеолитическое захоронение Гладунино–3 в системе доандроновского погребального обряда // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – Вып. 24. – С. 165-91.

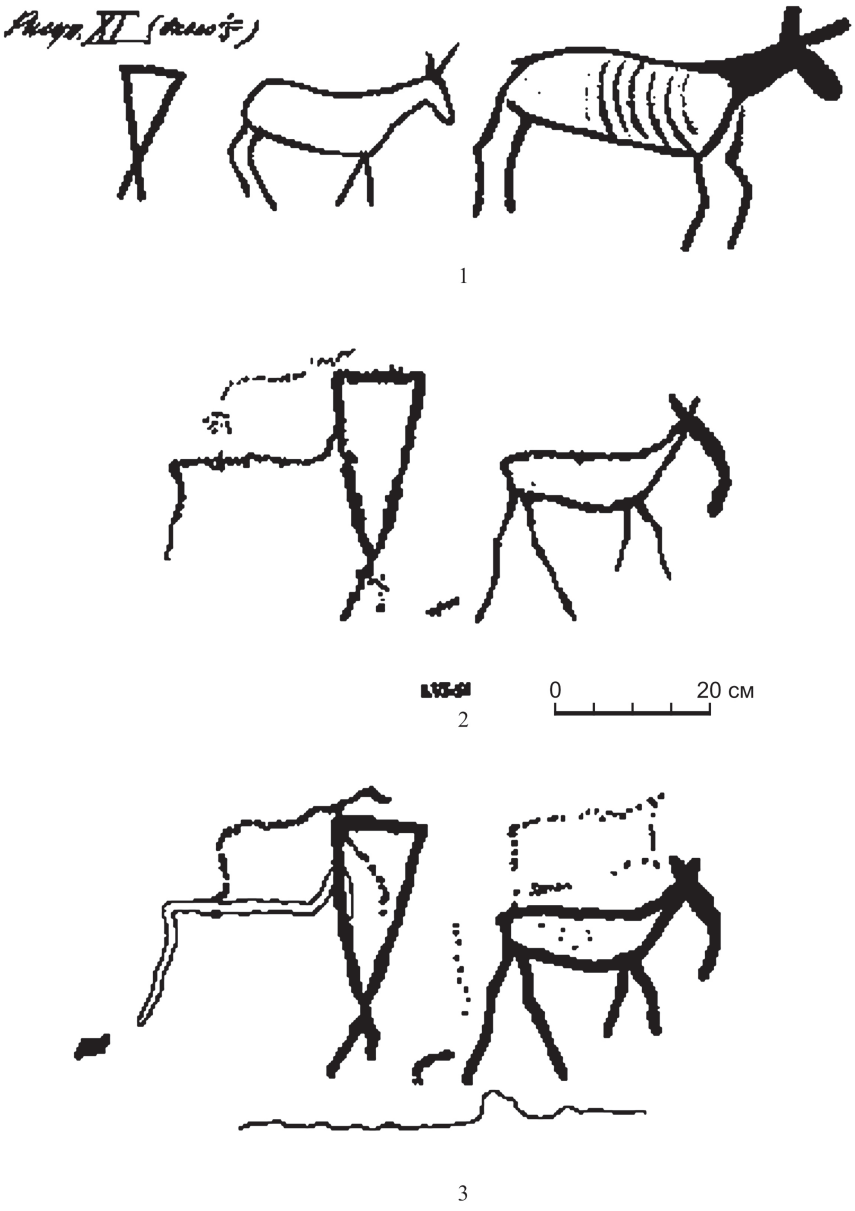
О.М. Сазонова
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Вновь открытые петроглифы Шалаболинской писаницы

Шалаболинские петроглифы расположены на правом берегу р. Тубы (правый приток р. Енисей) на высоком (до 200 м), крутом береговом скальном массиве, сложенном девонскими песчаниками, который имеет протяженность в северо-восточном направлении около 2,5 км. Береговые утесы начинаются в 0,6 км к ЮВ от д. Ильинки и заканчиваются выше по течению р. Тубы в устье р. Шушь, что в 5 км к ЮЗ от с. Шалаболино [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 8]. На протяжении около 2 км скального массива выделено 8 мест скопления рисунков, которые расположены на различной высоте.

Шалаболинская писаница была издавна известна местному населению. Первое упоминание о писанице принадлежит Н.А. Кострову. Писаница изучалась И.Т. Савенковым [Савенков 1886, 1910; Дэвлет, 1989], И.Р. Аспелиным [Appelgeren-Kivalo, 1931], А.В. Адриановым [Адрианов, 1904, 1910; Вяткина, 1949; Дэвлет, 2004], позже Э.Р. Рыгдылоном [Рыгдылон, 1953], А.А. Формозовым [Формозов, 1967], Я.А. Шером [Шер, 1980] и другими, но в большинстве своем сообщения о наскальных рисунках Шалаболинской писаницы носили краткий, выборочный характер. Попытка полного обследования Шалаболинских петроглифов на основе новых методов копирования наскальных рисунков была предпринята кемеровскими археологами, результаты исследований легли в основу вышедшей впоследствии монографии [Пяткин, Мартынов 1985].

С 2001 г. отрядом Красноярского государственного педагогического университета проводятся планомерные разборки плоскостей на территории Шалаболинской писаницы. В результате работ выявлено большое количество плоскостей и композиций, которые отсутствуют в монографии кемеровских исследователей. Но как показал анализ архивных и опубликованных источников, а также результаты сопоставления плоскостей, многие раскопанные композиции были известны предшествующим исследователям.



1

2

3

Рис. 1. Композиция с треугольной фигурой: 1 – по И.Т. Савенкову (1910); 2 – по К.В. Вяткиной (1949); 3 – по А.Л. Заике (2007)

В 1885 г. копирование Шалаболинских петроглифов проводил И.Т. Савенков. В полевом дневнике Савенков выполнил зарисовки 20 плоскостей с рисунками, которые показались ему наиболее интересными и были удобны для фиксации. При отсутствии художественных способностей И.Т. Савенков воспроизводил понравившиеся изображения, как он сам отмечает «на глазок», стараясь, «влезть в шкуру» доисторического рисовальщика, отдать ему свою руку в полное распоряжение и копировать, не мудрствуя лукаво…» [Савенков, 1910, с. 89].

Между тем современникам Савенкова уже был знаком метод эстампирования петроглифов. Вероятно, в 1885 г. И.Т. Савенков еще не был знаком с методом изготовления эстампажей с наскальных изображений, но и в дальнейшем не счел нужным им воспользоваться. «Механические копии,

– писал он, – имеют несомненные научные преимущества, но они мешкотны и требуют больших материальных затрат» [Савенков, 1910, с. 79].

В период с 1904 по 1910 гг. работы на Шалаболинской писанице проводит А.В. Адрианов. Методика работы Адрианова заключалась в следующем: он брал небольшой лист пористой бумаги и накладывал его на небольшой участок писаницы. «Все не лучшие, а хорошие сорта пропускной, шведской бумаги, одинаково пригодны, – они воспринимают самые тонкие штрихи рисунка» (Адрианов, 1948. Д. 55. Л. 5).

В результате работ на Шалаболинской писание Адриановым была выполнена 81 контактная копия и 23 фотографии. В данный момент копии хранятся в МАЭ (музей археологии и этнографии им. Петра Великого). В 1949 г. К.В. Вяткина, опубликовала копии А.В. Адрианова [Вяткина, 1949]. Вот как М.А. Дэвлет охарактеризовала работу Вяткиной. «При копировании под эстампаж подкладывала лист бумаги, а затем по контуру изображений делала наколы тонкой иглой, которая протыкала насквозь эстампаж и бумагу под ним, после чего на бумаге можно было обводить намеченный абрис карандашом или тушью» [Дэвлет, 2004, с. 40-41].

Сравнивая работы Адрианова с современными копиями, мы видим, что копии, выполненные Адриановым еще в начале 20 века, ничем не уступают современным. Разница заключается лишь в том, что микалентная копия после снятия с изображения – уже готовая копия, а копию, сделанную Адриановым, нужно было переводить на бумагу с обратной стороны, получая зеркальный вариант изображения.

Работы, которые в настоящее время проводит на Шалаболинской писанице сотрудник КГПУ А.Л. Заика [Заика, 2007], позволяют получить более детальную копию рисунка. По сравнению с работами Адрианова плюсом является то, что на современном этапе со скал Шалаболино наравне с выбитыми изображениями снимаются и гравированные, не такие объемные и практически не заметные на скале.

Сравнивая копии предшественников с полученными в ходе раскопочных работ результатами, мы можем прийти к следующим выводам: осыпи на Шалаболинской писанице были образованы недавно, они препятствуют работе с петроглифами на современном этапе развития петроглифоведения. Проводить раскопки на писанице необходимо, так как в ходе работ мы даем найденным петроглифам новую жизнь, открывая рисунки, которые были известны ранее, можем проследить навсегда утраченные изображения (рис. 1), также находим плоскости с петроглифами, которые до этого не были известны. А самое главное то, что в результате раскопок мы можем получить рисунки не из вторичного источника (копий предшествующих исследователей), а свои собственные данные, являющиеся более точными.

Литература

Адрианов А.В. К археологии западного Алтая. Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г. // Известия АК. – Пг., 1916. – Вып. 2. – С. 1.

Адрианов А.В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Изв. / РКИСВА. – СПб., 1908. – № 8. – С. 42.

Адрианов А.В. Отчет по исследованию писаниц Минусинского края // Изв. / русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. – 1910. – № 10. – С. 47.

Адрианов А.В. Писаницы енисейской губернии // Архив МАЭС ТГУ. – 1948. Д. 55. Л. 5.

Адрианов А.В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Изв. / РКИСВА. – СПб., 1904. – № 4. – С. 25-33.

Вяткина К.В. Шалаболинские (Тесинские наскальные изображения) // Сб. МАЭ. – М.; Л., 1949. – Т. 12. – С. 417-484.

Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). – Кемерово, 2004. – 64 с.

Дэвлет М.А. И.Т. Савенков как исследователь петроглифов Енисея // СА. – 1989. – № 3. – С. 241-253.

Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея: история изучения (XVIII – начало XX вв.). – М.: Коорд.-метод. центр приклад. этнографии Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. – 246 с.

Заика А.Л. Отчет о полевых исследованиях Шалаболинской писаницы на территории Курагинского района Красноярского края в 2007 г. // Архив ОПИ РАН, Р-1.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.

Рыгдылон Э.Р. Новые следы поселений каменного века в бассейне Среднего Енисея // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 276-281. – (МИА. – № 39).

Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Изв. / ВСОРГО. – 1886. – Т. 17, № 3-4. – С. 49.

Савенков И.Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды 14 Археологического съезда в Чернигове в 1908 г. – М., 1910. – С. 89.

Формозов А.А. О наскальных рисунках эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ. – 1967. – № 3. – С. 68-82.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Appelgeren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. – Helsingfors, 1931. – S. VIII. – P. 40.

Е.С. Самсонов, А.Е. Мосина
Кемерово, Кемеровский государственный университет

Изображения на стелах погребального комплекса Кулада в Горном Алтае

В 2009 г. археологической экспедицией Кемеровского государственного университета по исследованию памятников наскального искусства в Горном Алтае были проведены работы на известном могильнике Башадар на комплексе Кулада [Руденко, 1960].

Могильник Башадар расположен на расстоянии около 1,5 км к северо-западу от с. Кулада. Первые исследования памятника проводились в 1950 и 1954 гг. С.Н. Руденко. Им был составлен план комплекса. По этому поводу он писал: «На могильном поле, где зарегистрировано 57 памятников, можно выделить несколько более или менее обособленных групп могильников» [Руденко, 1960, с.22-23, рис.10].

При обследовании археологического комплекса в 2009 г. было установлено, что он состоит из разновременных и разнофункциональных археологических памятников: больших курганов с каменными набросками, малых курганов с кольцевыми и квадратными выкладками, курганов в виде небольших набросок из камней, поминальников и каменных стел. Два самых больших кургана были раскопаны, материалы раскопок опубликованы [Руденко, 1960].

Основной задачей наших полевых исследований было обследование каменных стел, установление запланированной связи с погребальными комплексами, курганами и наличия изображений на них.

Перспективность этих исследований очевидна. В соседнем Хакасско-Минусинском регионе этому виду памятников с изображениями посвящен ряд исследований, статьи, диссертации [Николаева, 1983; Савинов, 2009]. В Горном Алтае на эти изображения обращается меньше внимания. В том числе и в используемой нами монографии С.Н. Руденко о них только упоминает. Он отмечает, что на Башадарском могильном поле ряды вертикально поставленных, вкопанных в землю камней и каменные выкладки непосредственно примыкают к курганам или расположены в виде полукруга к западу от них. Подобные ряды камней в Горном Алтае встречаются у могил тюркского времени и даже гораздо раньше у могил скифского времени и притом не только у могил знатных лиц, но и у могил основной массы населения [Руденко, 1960].

В ходе исследований нами был составлен ситуационный план, установлено, что на могильном поле находятся 25 каменных стел. Все они связаны с крупными раскопанными и нераскопанными курганами с набросками из камней. Все они разные по величине, вытянутые.

Самая большая стела – 1,5 .м. В большинстве своем стелы выполнены из монолита и дополнительно не обработаны. Они не имеют антропоморфного оформления.

На поверхности 9 стел нами были обнаружены выбитые и прочерченные изображения (рис.1,2).

На рисунке 2 выбиты зооаморфные изображения как мелко-, так и крупноточечной выбивкой (рис.2). На втором рисунке графически вычерчены антропоморфные изображения наряду с

до конца неясными линиями и фигурами из них. Однако, на этом рисунке четко прослеживается человеческий образ. Эти памятники культуры Древнего Алтая, по нашему мнению, являлись неотъемлемой частью погребальных обрядов, являясь, таким образом, своеобразными носителями информации.

Рис. 1.

Рис. 2.

Литература

Николаева Т.В. Изображения на плитах оград курганов тагарской культуры. – Кемерово: КемГУ, 1983.

Руденко С.Н. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л., 1960.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну. – СПб., 2009.

Н.В. Солдаткин
Екатеринбург, Уральский государственный университет им. А.М. Горького

Проблемы интерпретации графических символов (на примере материалов боборыкинской культуры)

В поисках первоначал древних мифологических представлений всегда приходится обращаться не только к различным письменным источникам, но и к дописьменным формам фиксации знаний – первичным синкретическим формам изобразительной деятельности. Они служат средством создания и трансляции культурных образов.

Пожалуй, самым важным из таких ранних форм фиксации информации является символ. Существует огромное количество определений символа, его связи с мифом. А. Голан дал такое определение символа: «символ – дописьменный способ фиксации различных представлений, идей, в основном культового содержания, символ – условная графическая фиксация религиозных понятий» [Голан, 1993, с. 10]. Расшифровывая символику, мы имеем возможность реконструировать давно забытые представления о человеке, богах, сотворении и устройстве мира и о многом другом. Символ играет важную роль в функционировании мифологического сознания и имеет определяющее значение для его понимания.

В данной статье внимание будет сосредоточено на интерпретации двух графических символов. Первое – древовидный антропоморф, изображение которого было обнаружено на днище сосуда боборыкинской культуры позднего неолита Среднего Зауралья. В 1999 г. курганским археологом С.Н. Шиловым был открыт и исследован новый памятник в 12 км к югу от г. Кургана – Пикушка I [Шилов и др., 2002].

Особый интерес среди артефактов памятника представляет сосуд, найденный к северу от сооружения. На внешней стороне днища сосуда нанесено контурное изображение антропоморфной фигуры (рис. 1). Изобразительный образ антропоморфа ассоциируется с деревом: вершина его соотносится с головой, ствол – с телом, ветви – с руками, а корни – с ногами. Дерево в древности было символом смены времен года или циклов. Пол антропоморфа определяет поза: он изображен в так называемой «атакующей позе» – ноги широко расставлены, правая нога вытянута, а левая согнута в колене. Такая поза характерна для персонажей мужского пола. Ю.В. Андреев подчеркивает, что женские фигурки эпохи неолита неуклюжие, тяжеловесные, статичные [Андреев, 2002]. В правой руке антропоморфа, по всей вероятности, молот или дубина, а в левой – зигзагом обозначена молния.

Понять смысл этого образа возможно только в контексте общей характеристики боборыкинской культуры. Ранее была высказана точка зрения о генетическом родстве населения боборыкинской культуры с раннеземледельческим миром Передней Азии и Ближнего Востока. Аналоги основным категориям находок, в том числе и культовым предметам, найдены в поздненеолитических культурах Северной Месопотамии, Южного и Западного Кавказа и Закавказья [Ковалева, Зырянова, 2007]. Мифологические сюжеты и образы из этого региона распространялись на соседние и более отдаленные территории – возможно, в результате миграций населения либо с помощью иных видов контактов. Этот процесс нашел свое отражение, прежде всего (ввиду отсутствия письменности), в распространении на обширных территориях схожих графических изображений.

Уточнить семантическую интерпретацию изображения на сосуде помогают данные письменных источников и, прежде всего, хеттских «царских ритуалов», в которых сохранились многие мифологические представления раннеземледельческого населения. Наиболее почитаемым богом хеттской мифологии был бог Грозы. Истоки этого персонажа, в свою очередь, уходят в культуру ранних земледельцев Ближнего Востока. Хетты, заимствовав у автохтонного населения культ бога Грозы, переосмыслили его образ и наделили его функцией змееборца. Бог Грозы у населения Ближнего Востока в неолитическую эпоху был связан не с небесным пространством, а с землей (изображение антропоморфа на внешней стороне дна сосуда также символизирует его связь с землей и земным пространством). Сезонный бог Грозы раннеземледельческого населения Передней Азии и Ближнего Востока, высекающий молнию, вызывал ливни, дожди, обеспечивал плодородие земли.

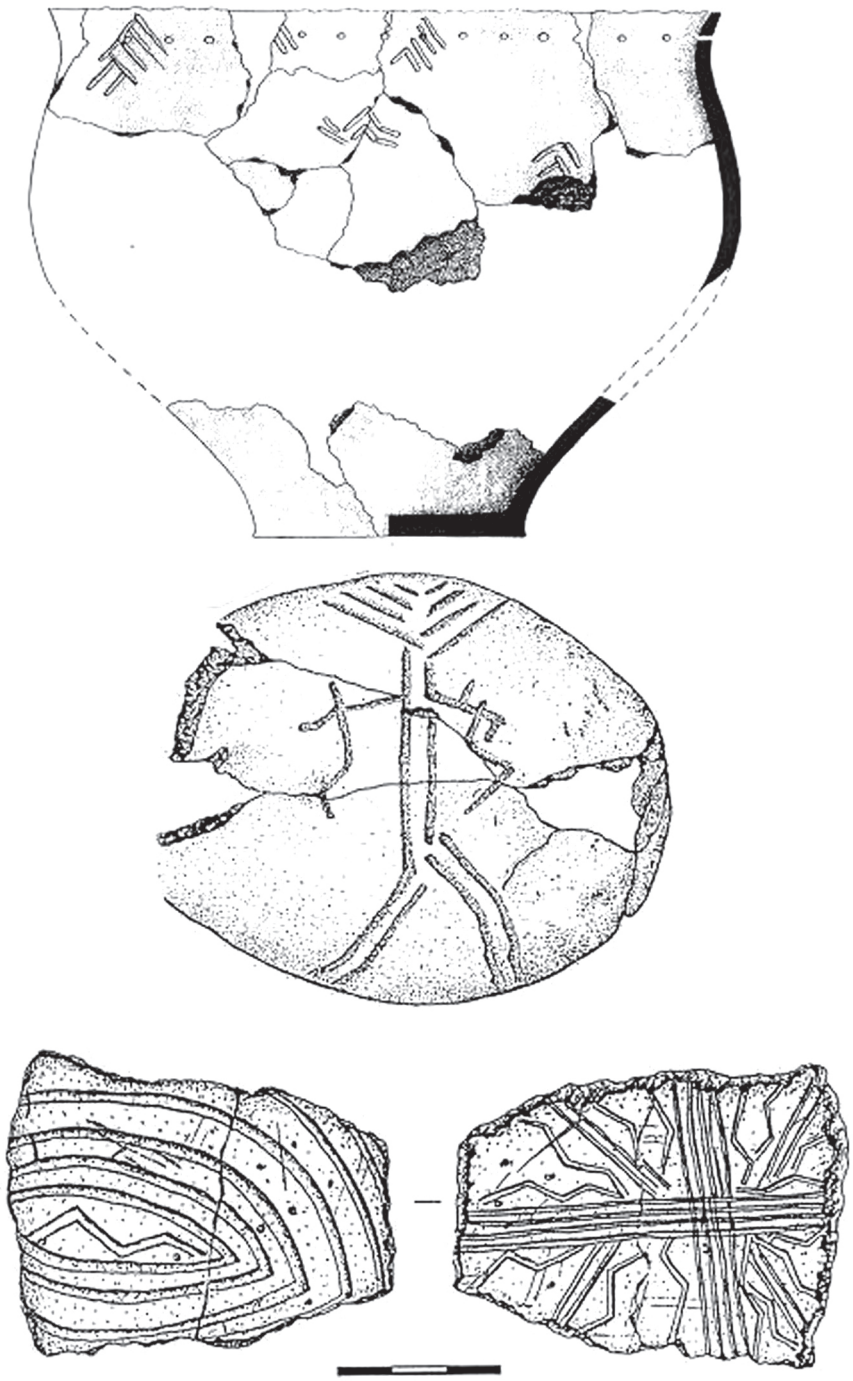


Рис. 1. Пикушка I. Сосуд боборыкинской культуры (по С. Н. Шилову, С. Ю. Зыряновой)
Рис. 2. «Пиктограмма» с Кокшаровско-Юрьинской стоянки (по Ю.Б. Серикову)

Второй артефакт с графическими изображениями – это фрагмент керамики боборыкинского типа, обнаруженный при раскопках на Кокшаровско-Юрьинской стоянке у г. Нижнего Тагила (рис. 2). Графические символы на этом фрагменте изображены как с внешней, так и с внутренней стороны. На одной из сторон изображено несколько вписанных друг в друга окружностей, в центральной из которых заключен зигзаг. Такое изображение соотносится с известным по многим древним мифологиям мифом о сотворении мира из яйца, расколотого вышедшим из него змеем. На обратной стороне – изображение креста в виде двух пересекающихся под прямым углом линий, каждая из которых состоит из четырех параллельных отрезков. В каждом из образованных крестом четырех секторов повторяется композиция из сдвоенной прямой линии и зигзагов. Такой символ можно интерпретировать как иллюстрацию мифа о сотворении пространства и живых существ. Крест обозначает землю, четыре стороны света, пространство, а расходящиеся от креста зигзаги, по-видимому, символизируют наполняющее пространство живое. Изображения на внешней и

внутренней стороне, соотнесенные между собой, вероятно, иллюстрирует миф о сотворении мира и живых существ.

Литература

Андреев Ю.В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н. э.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 58 с.

Голан А. Миф и символ. – М.: Русслит, 1993. – 10 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Ближневосточный след в неолитической культуре Среднего Зауралья // Изв. / УрГУ. Екатеринбург, 2007. – № 49. – С. 11-17.

Шилов С.Н., Зырянова С.Ю., Шаманаев А.В. Комплекс боборыкинской культуры поселения Пикушка I // ВАУ. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 24. – С. 90-118.

П.Ю. Телелюев

Владивосток, Дальневосточный государственный технический университет

Традиционные китайские музыкальные инструменты

На Шайгинском городище эпохи государства Дун Ся в Приморском краев было найдено чжурчжэньское круглое зеркало диаметром 8 см, с петелькой для подвешивания (Ш-150-4), на тыльной стороне которого изображены 11 перевитых лентами музыкальных инструментов. Первый из них — лира, на струнах которой прочерчен знак большой чжурчжэньской письменности. Далее по часовой стрелке следуют губной орган, лютня, большая поперечная флейта, флейта Пана, барабан, цитра, малая поперечная флейта, а возможно и тростниковая дудочка, двусторонний ручной барабан, рама с 16 звучащими камнями (инструмент типа ксилофона) и, наконец, в центре находятся кастаньеты, частично перекрытые полусферической петелькой.

Рис. 1. Зеркало с летающими музыкальными инструментами

Все эти инструменты были широко распространены в средневековых Китае и Корее, но некоторые из изображенных на зеркале инструментов (лира, флейта Пана, цитра, губной орган) отличаются от китайских и корейских прототипов рядом деталей [Шавкунов 1981, с. 103]. Такое расположение музыкальных инструментов, перевязанных лентами, а значит, летающих в раю, которые при этом «не касаемо, сами звучат», в XII -первой четверти XIII вв. получают широкое рас-

пространение в буддийской иконографии [Шавкунов, 1993.с. 41-42]. Это свидетельствует о распространении, во-первых, буддизма, а во-вторых, китайской музыкальной культуры у чжурчжэньской знати, что, безусловно связано с чжурчжэньским завоеванием Северного Китая. А появление подобных зеркал к западу от Китая, возможно, связано уже с более поздней эпохой – монгольского завоевания Азии. Музыка, древнейшее искусство Китая, с незапамятных времен обладала строго регламентированной и научно обоснованной системой. История сохранила нам имена десятков китайских музыкальных ученых, разрабатывавших проблемы музыкальной теории, акустики и эстетики еще за много сотен лет до нашей эры. Легенда говорит, что акустической основой этой теории послужили трубки, изобретенные китайским ученым Лин Лунем, жившим при императоре Хуан-ди за много тысячелетий до нашей эры. Легенда связывает изобретение этих трубок с пением птиц, живших в императорском саду. Стремясь воссоздать голоса птиц, Лин Лунь сделал 12 трубок, находящихся между собой в определенных числовых соотношениях. Эти 12 трубок и составляют «систему люй» — основу основ китайской музыкальной теории на протяжении тысячелетий. Музыкальное искусство в Китае издавна было тесно связано с философскими учениями и религиозными представлениями. Согласно древней китайской философии, музыка – это дар Неба, она берет свои принципы из законов гармонии вселенной и обладает огромной силой воздействия на людей». Отсюда – сложная символика, связывающая каждый музыкальный звук, каждую ступень звукоряда с определенными представлениями: каждая из 12 ступеней звукоряда «хуан-чжун» символизирует один из 12 месяцев, один – из 12 часов. Ступени звукоряда выражают положения солнца и луны на небе, жизнь природы, образы различных животных и птиц. Каждому звуку соответствует определенный цвет, в свою очередь имеющий важное символическое значение.

Китайские музыкальные инструменты исключительно разнообразны. Большинство из них весьма древнего происхождения, что подтверждается многими археологическими изысканиями. Цинь, излюбленный инструмент китайской аристократии, воспетый в тысячах стихов и поэм, инструмент, отличающийся сравнительной мягкостью звучания, широким диапазоном и точностью настройки. С цинем связана особая символика, вокруг этого инструмента существует множество легенд, указывающих на «божественное» происхождение циня, приписывающих его изобретение мифическим личностям. В одной из легенд говорится, что цинь изобрел легендарный царь Фу Си. Он выбрал для циня дерево элеококка, резонаторную доску сделал округлую, как небо, нижнюю деку плоскую, как земля. Все прочие части циня, так же как и количество струн (первоначально 5, позднее 7), имеют соответствующее ритуальное значение. Согласно преданию, на цине играл Конфуций. Он никогда не расставался со своим цинем, играл на нем перед своими учениками и объяснял им сокровенный смысл каждой мелодии.

Другой широко распространенный китайский струнный щипковый инструмент пибь – прототип лютни и гитары. Этот инструмент известен не только в Китае, но и во многих сопредельных с ним странах, в том числе в Корее, Вьетнаме, Камбодже.

С древнейших времен в Китае известен инструмент пай-сяо, представляющий собой род флейты Пана. Инструмент этот состоит из 16 бамбуковых трубок, открытых сверху и закрепленных на деревянной основе. Пай-сяо встречается и в современной китайской деревне, а также до недавних времен использовался для сопровождения ритуальных церемоний.

Изобретение шэна, приписываемое мифическому царю Нго Кун, относится к глубокой древности. Резервуар шэна делается из высушенной тыквы, трубки – из бамбука или тростника. Настройка шэна (губной орган) производится по шкале «люй», диапазон зависит от количества и размера трубок. Звук извлекается путем вдувания воздуха в резервуар и закрывания пальцами круглых отверстий на трубках. Народный шэн состоит обычно из 13 трубок, резервуар – из тыквы.

Китайский музыкальный инструментарий включает великое множество ударных инструментов, разделяющихся на две основные группы: самозвучащие и инструменты с мембраной. Среди инструментов первого рода, прежде всего, следует упомянуть колокольчики и гонги, подвешенные на особых рамах и соответственно настроенные. Наиболее распространенный старинный оркестровый инструмент этого типа бянь-чжун, представляющий собой деревянную раму с двумя горизонтальными брусками, на которых подвешены 16 бронзовых колокольчиков. Барабан — излюбленный национальный китайский инструмент, без которого не обходится ни шествие, ни церемониал, ни танец. Исключительно разнообразен и материал, из которого делаются барабаны и бубны — глина, бронза, дерево, тыква, кожа и пр. Большой барабан циен-гу устанавливается горизонтально на деревянной подставке. Его корпус – из меди. Мембрана – из кожи. По бокам

такого барабана часто подвешивают два маленьких барабанчика. Играют на циен-гу при помощи двух деревянных палок. Удары такого барабана отмечают сильные доли такта, а также служат для создания устрашающего грохота в военных оркестрах.

Литература

Шавкунов Э.В. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1981. – С 93-110.

Шавкунов Э.В. Тайны древних зеркал. – Владивосток: Дальпресс, 1993.

Н.В. Трофимова

Кемерово, Кемеровский государственный университет

К проблеме создания глоссария по наскальному искусству

В последнее время исследователи наскального искусства все острее осознают необходимость использования общих терминов. Эта потребность объясняется, прежде всего, тем, что основные понятия чаще всего заимствуются ими из искусствоведческой науки. Отчасти это вполне объяснимо, так как в работе с петроглифами неизбежно использование таких терминов как стиль, образ, сюжет, стилизация, композиция и многих других, вполне обычных в искусствоведческих работах. Но сами эти дефиниции в смежных дисциплинах порой используются некорректно, поэтому способны ввести в заблуждение как самого исследователя, так и читателя. Кроме того, исследователи нередко по-разному называют один и тот же объект исследования, а нередко грешат «жаргонизмами», о чем уже не раз отмечалось в научной литературе. Таким образом, назрела необходимость создания глоссария с терминологий, которой будет оперировать большинство ученых.

Можно наметить два пути решения данной проблемы. Первый – создание в научных публикациях небольшого словаря. Так предлагает поступать Е.Ф. Королькова в своей работе «Звериный стиль Евразии: искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII – IV вв. до н. э.)» и аргументирует это следующим образом: «Желательно сопровождение исследовательских работ по крайне мере авторским пояснением собственной трактовки использованных дефиниций или небольшим словарем, которые избавят автора от опасности быть неверно понятым, а читателя от необходимости гадать, какой смысл вкладывается в термин в конкретном случае» [Королькова, 2006, с. 143]. Такой подход, по ее мнению, позволяет добиться определенного результата в устранении спорных моментов, связанных с терминологией.

Второй путь решения проблемы – это попытаться создать глоссарий, в котором можно было бы обобщить многозначность понятий и терминов в единое определение. При создании такого глоссария необходимо в первую очередь учитывать «принцип иерархии значимости терминов» [Королькова, 2006, с. 143], т.е. создать универсальный словарь, который станет неотъемлемой частью каждой исследовательской работы. По мнению Е.Ф. Корольковой, такая задача представляется невыполнимой. Она утверждает следующее: «Выработка однозначных дефиниций невозможна» [Там же].

Прежде всего, следует учитывать, что, сколько бы ни использовали исследователи в своих работах «небольшие словари», это не решило бы проблемы. На наш взгляд, создание глоссария является задачей чрезвычайно важной и полезной, и предпринимать такие попытки, несмотря на провозглашение невозможности выработки однозначной терминологии, необходимо. В очередной раз с проблемой создания глоссария столкнулись разработчики сайта «Наскальное искусство России», рассчитанного не только на специалистов, но и на рядового читателя. Встал вопрос, а нужен ли такой глоссарий для подобного Интернет-ресурса? Автор данной публикации считает, что да, при наличии такого глоссария любой пользователь при желании может получить необходимую информацию, не прибегая к дополнительным источникам информации.

В качестве примера работы над глоссарием рассмотрим один из терминов – «петроглиф». Следует отметить, что в литературе, связанной с изучением наскального искусства, наиболее часто употребляемые термины – петроглиф и наскальные рисунки (изображения). Как известно, термин «петроглиф» дал название направлению в археологии – «петроглифоведению» [Дэвлет, 2002, с. 206]. Подчеркнем, что до сих пор нет единого мнения относительно этого производного слова, у которого заимствован корень. В науке встречаются и другие определения, например, «петрогли-

фистика» и даже «пиктопетроглифология». Впервые этот термин был предложен О. Одаком, который отметил, что предметом изучения данного направления являются и петроглифы, и росписи [Дэвлет, 2002]. «Археологический словарь» трактует термин «петроглиф» (от греч. petros – камень и glephe – резьба: анг. petroglyph) как наскальный рисунок или надпись [Брей, Трамп, 1990, с. 190]. М.А. Дэвлет отмечает, что этот термин заимствован из научной литературы Запада и в строгом смысле должен означать выбитые изображения в противоположность терминам «писаницы» и «росписи» [Дэвлет, 1996, с. 4]. Е.Г. Дэвлет считает, что термин «петроглиф» применим к выбитым, выгравированным, прошлифованным фигурам и знакам [2002]. В работе Я.А. Шера «Петроглифы Средней и Центральной Азии» термин «петроглиф» обозначает своеобразный памятник древней культуры, требующий и соответствующий специфичной методики полевого изучения и фиксации [Шер, 1980]. Научная литература свидетельствует о том, что точного определения, которое бы характеризовало петроглифы со всех сторон, как такового нет. Каждый из вышеуказанных толкований охватывает какую-то одну сторону. Так, в «Археологическом словаре» [Брей, Трамп, 1990] дается этимологическое описание; М.А. Дэвлет предлагает историческую справку этого термина, и т.д. Безусловно, каждая из приведенных трактовок дает правильное толкование, но для точного и верного определения термина «петроглиф» надо соединить все понятия в один общий термин. Эта задача и стоит перед создателями вышеуказанного сайта.

Литература

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII – начало XX вв.). – М.: ИА РАН, 1996. – 249 с.

Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства. – М.: Науч. мир, 2002. – 239 с.

Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии: искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII – IV вв. до н. э.). – СПб.: Просвещение, 2006. – 250 с.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

И.Н. Тупиков
Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Скульптурные изображения животных и птиц из кости и рога на территории Среднего Зауралья

Самая древняя костяная скульптура Урала датируется эпохой верхнего палеолита (примерно 19 тыс. лет). Это изображение загадочного животного, найденное в гроте Безымянном (р. Пышма). Изделие выполнено из очень тонкой пластинки бивня мамонта, длина сохранившейся части 7,7 см. Скульптура имеет сложные и изящные очертания, ее поверхность тщательно зашлифована, края заглажены. По мнению О.Н. Бадера и В.Т. Петрина, скульптура изображает животное типа хищника семейства кошачьих [Бадер, Петрин, 1978]. Аналогий данной скульптуре в палеолите России нет.

Ещё одна скульптура происходит с Гаринской палеолитической стоянки. Ее возраст примерно 15-16 тыс. лет. Изделие представляет собой межпозвонковый диск мамонта, его размеры 9,8×8,6 см. От других дисков его отличает симметричность и правильная форма. Немного ниже центра диска, симметрично относительно его краев с обратной стороны пробиты два сквозных отверстия. Изделие представляет собой личину животного, по всей вероятности, медведя [Сериков, 2007].

К мезолитической скульптуре относятся 3 предмета из Шигирской коллекции. Это два игловидных наконечника стрелы. Утолщения в районе жала образуют объемные изображения голов водоплавающих птиц. Третий предмет – костяной кинжал вкладышевого типа. Его рукоять заканчивается навершием в виде стилизованного изображения головы водоплавающей птицы [Савченко, 2005].

Самая многочисленная коллекция костяных скульптур относится к эпохе неолита. На стоянке Анин остров (Шигирский торфяник) найдены 2 фрагмента головы лося, вырезанной из лосиного рога. На поверхности обоих фрагментов резко выделяются большие плоские глаза, окаймленные глубокой бороздкой, с веками в виде высоких валиков. Сзади и несколько выше глаз выступают

пеньки рогов, а за ними поднимаются заостренные уши. Фрагмент подобной скульптуры также найден на стоянке Калмацкий Брод [Эдинг, 1940].

Интересный комплекс костяных скульптур найден при раскопках неолитического погребения шамана в гроте на Камне Дождевом (р. Чусовая). Это 9 подвесок в виде уточек. Все они выполнены из таранных костей бобра. Подвески стандартизированы, имеют подквадратное тулово, короткую шею и массивную головку. У двух из них сзади головы присутствует своеобразный гребень. У хвостов фигурок имеются просверленные отверстия диаметром 0,2-0,4 см [Сериков, 1993].

Еще две скульптуры неолитического времени найдены на Кокшаровско-Юрьинской I и II стоянках (Кокшаровский торфяник). Они изображают голову лося. Скульптуры выполнены из пяточных костей лося, которые сами по себе имеют большое сходство с головой животного. Поэтому они практически не подвергались обработке.

Энеолитическая скульптура представлена тремя изделиями. На дне Шигирского озера при подводных раскопках обнаружено две скульптуры. Первая изображает голову водоплавающей птицы, скорее всего, большого крохаля. Изделие имеет коленчатую форму. Длина скульптуры – 15,8 см. Чётко обозначен разрез клюва. С одной его стороны серией насечек показана ноздря. На подклювье с двух сторон нанесены раздельные насечки – 9 и 10 шт. Скорей всего, данное изделие являлось частью составного предмета или рукояткой ковша [Литвиненко, Сериков, 1998]. Вторая скульптура в точности повторяет описанные выше головы лося из пяточных костей [Чаиркина и др., 2001].

Ещё одна скульптура, изображающая голову медведя, найдена при раскопках стоянки Шувакиш (окрестности Екатеринбурга). Она выполнена из кости, имеет небольшие размеры (1,3×1,4×0,4 см), слегка асимметрична. Нос оформлен неглубокими срезами, глаза – мелкими штрихами, уши подчеркнуты насечками [Чаиркина, 1998, с. 94].

Скульптурное изображение головы животного, выполненное из рога, найдено в пещере в камне Котёл (р. Чусовая). Его длина 4,5 см. Скульптура изображает вытянутую голову животного с короткими округлыми ушами, скорее всего, медведя. В передней части морды металлическим орудием прорезано овальное отверстие размерами 0,3-0,6 см. По всей видимости, это навершие рукояти ковшика, который за отверстие мог подвешиваться к поясу [Сериков, 2002].

В заключении нужно упомянуть еще три широко известные роговые скульптуры из Шигирской коллекции, датировка которых неясна. Две из них изображают головы лосей с характерно горбоносой мордой. Одна скульптура хранится в Эрмитаже (его длина 18,5 см), а вторая – в Свердловском областном краеведческом музее (длина 15,2 см). Техника их изготовления практически одинакова. Пасть обозначена желобком, ноздри – плоскими углублениями подтреугольной формы, глаза оформлены так же, как у фигурки со стоянки Анин остров. Скорее всего, данные скульптуры являлись навершиями шаманских жезлов [Мошинская, 1976]. Третья скульптура имеет длину около 19 см. С одной стороны вырезана морда загадочного животного. Раскрытая пасть и основание языка показаны насечками. Крупными зарубками обозначены зубы, глаза показаны двумя округлыми бугорками. На верхней части морды присутствует ряд насечек, изображающий, вероятно, шерсть. Навершие крепилось к жезлу при помощи проделанного в нем отверстия [Мошинская, 1976].

Таким образом, коллекция костяных скульптурных изображений Урала насчитывает всего 27 экз. и представляет практически все археологические эпохи за исключением эпохи бронзы. Все скульптуры можно подразделить на несколько групп. В первую группу входят скульптуры, не являющиеся частями изделий (скульптура животного из грота Безымянного, личина медведя с Гаринской стоянки, головы лосей из пяточных костей). Вторую группу составляют скульптуры, украшающие изделия (рукоятки, кинжал, наконечники). В отдельные группы можно выделить навершия жезлов и украшения костюма. 34,6% скульптур выполнены из рога, одна из бивня мамонта, остальные из различных костей. Что касается образов, то преобладают изображения водоплавающих птиц (48%), на втором месте изображения лосей (29%), на третьем – изображения медведей (14%). Заключают список изображения загадочных животных (7%). Также необходимо добавить, что только 10 скульптур изображают полную фигуру животного (грот Безымянный, грот в камне Дождевом), остальные представлены только изображениями голов.

Литература

Бадер О.Н., Петрин В.Т. Произведение искусства и костяные изделия эпохи палеолита с восточного склона уральских гор // У истоков творчества. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 26-31.

Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б. Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – Вып. 23. – С. 216-227.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. –111 с.

Савченко С.Н. Кинжалы и ножи из кости и рога в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – М.: Academia, 2005. – С. 212-237.

Сериков Ю.Б. Исследование грота на камне Дождевом (р.Чусовая) // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. – С. 120-143.

Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – Вып. 24 – С. 127-150.

Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. – Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2007. – 137 с.

Чаиркина Н.М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – Вып. 23. – С. 81-104.

Чаиркина Н.М., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Литвяк А.С. Археологические памятники Шигирского торфяника. – Екатеринбург: Банк культ. информации, 2001. – 196 с.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. – М.: Изд-во ГИМ, 1940. – 104 с.

С.Ю. Худзик
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Проблема раннего символизма в археологии палеолита (критика источников)

Проблема становления раннего символизма является одной из самых актуальных проблем современной археологии палеолита. Детально данную проблему начали изучать лишь в 80-х гг. XX в., в связи с дискуссией о становлении и развитии культуры человека соврменного анатомического типа. В научной среде сложилось две основных точки зрения. Согласно первой концепции, символическая деятельность появляется с переходом от среднего палеолита к верхнему и связывается с поведенческим комплексом человека современного типа [Шер и др., 2004 и др.]. Согласно другой точке зрения, способности к знаковой деятельности появляются ещё у ранних гоминид. Сведений относительно наличия знаковой деятельности после «верхнепалеолитической революции» достаточно много и существование символизма в позднем палеолите никто сомнению не подвергает. Поэтому нас интересуют аргументы и источники сторонников раннего появления символической деятельности. «Похожие на предметы искусства объекты появляются, начиная с нижнего палеолита, на трёх континентах, их наличие также является широко документированным для эпохи среднего палеолита на четырёх континентах» – считает Р.Г. Беднарик [Bednarik, 2002].Основными видами источников, на которые опираются сторонники раннего происхождения символизма, являются: манупорты, предметы с нанесёнными на них насечками и отметинами, нательные украшения, куски красящих веществ, фигуративные изображения и намеренные погребения, показывающие особенное отношение к мёртвым. Также авторы пытаются доказать результаты наличия символизма в виде связной речи по анализу инвентаря, перемещений, анатомических особенностей [.Шер и др., 2004].

Авторы, поддерживающие теорию раннего появления символизма, рассматривают манупорты как наиболее ранние свидетельства зарождающихся у гоминид когнитивных способностей, а также как первые проявления знаковой деятельности [Bednarik, 2002]. В качестве примеров приводятся «галька из пещеры Макапансгат» (Трансваль, Южная Африка), которая, по мнению Беднарика, могла быть принесена австралопитеком ещё 3 млн. лет назад, а также кристаллы кварца, найденные на стоянке Синги Талав(Идия) и Чжоукоудянь (Китай) [Harrod, 2007].

Предметы с нанесёнными на них отметинами многие авторы также считают имеющими неутилитарные функции, представляя их как начальный шаг в эволюции графического концепта бессвязных линий в законченный рисунок. Данные изображения пытаются объяснить как фосфены [D’ Errico, Villa, 1997]. Также Р.Г. Беднарик выдвигает гипотезу, относительно которой, нанесение первобытным человеком сходящихся и расходящихся линий могло стать результатом самой фор-

мы материала, на который они наносились, попыткой её дополнить. Как иллюстрацию данных сюжетов он рассматривает засечки на теле позвонка слона с памятника Странска Скала (Чехия), а также засечки на фрагментах кости, дерева и камня на памятнике Бильцингслебен (Германия), датируемые 300 тыс. лет [Bednarik, 2002]. Дж. Гаррод на данных памятниках фиксирует сходство стратегий нанесения отметин, выделяя 8 различных мотивов, образующих пары: сходящиеся и расходящиеся линии, чашевидные углубления и меандры, дуги и повторяющиеся штрихи, формы пространства и решётки. На основе их изучения он говорит о резонансных комплиментарных структурах символов [Harrod, J, 2007].

Многие авторы выделяют неутилитарный, символический характер бус в виде просверленных ракушек, костей и скорлупы страуса, найденных на многих памятниках эпох, предшествовавших верхнему палеолиту. Среди самых ранних находок такого типа упоминаются три дисковидных бусины из страусовой скорлупы, найденные в позднеашельском слое стоянки Эль-Грейфа в Ливии, с датой около 200 тыс. лет [Bednarik, 2000].

Наличие красящих материалов, зачастую принесённых издалека, по мнению некоторых авторов, способно свидетельствовать о наличии у гоминид символической деятельности. Беднарик относит наиболее ранние случаи появления таких пигментов, как охра и гематит к дате 800 тыс. лет, обнаруженные в пещере Вондерворк (Южная Африка) и Хунгси (Индия) [Bednarik, 2002].

На данный момент имеется несколько указаний на наличие фигуративных изображений, датирующихся нижним палеолитом. В частности, фигурка из Берехат Рама (Израиль) и Тан-тан (Марокко). Обе фигурки относятся к ашельской эпохе, обе представляют собой гальку, подправленную рукой человека, для предания ей антропоморфной формы [Bednarik, 2002; Bednarik, 2003].

Помимо этого, мы имеем в качестве ранних свидетельств символического поведения достаточно много захоронений неандертальцев и людей современного анатомического типа, датирующихся средним палеолитом, как свидетельств ранней знаковой деятельности. Два наиболее древних из них: в пещерах Кафзех и Табун (Израиль) [D'Errico и др., 2003].

Тем не менее, по нашему мнению, при рассмотрении каждого из типов обозначенных нами источников в отдельности, можно сказать, что ни один из них не может выступать фактом, в полной мере свидетельствующим о наличии в нижнем и среднем палеолите символического поведения. Каждый из типов источников или мало презентативен (например, фигуративных изображений практически нет), или символическая функция многих источников может быть поставлена под сомнение (охру, например, во многих случаях могли использовать для обработки шкур). Тем не менее, если рассмотреть вместе все вещественные свидетельства символической деятельности в нижнем и среднем палеолите и добавить к ним доказательства, связанные с ранним мореплаванием гоминид, (находки каменных орудий, датирующиеся 700 тыс., на о-ве Флорес, не имевшем в среднем плейстоцене связи с материком) [Шер и др., 2004], и исследования, основанные на семантике и технологии производства некоторых каменных орудий, показывающие их неутилитарный характер (бифасы с памятников Пениндж и EF-HR) [Harrod, 2003], можно сказать, что совокупное количество различных источников позволяет с большой долей уверенности говорить о наличии символической деятельности и в более раннее время, чем начало верхнего палеолита.

Литература

Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. «Происхождение знакового поведения», М, 2004

Bednarik R.G. A Figurine from the African Acheulean // Current Anthropology. – 2003. – Vol. 44, № 3. – P. 405- 438.

Bednarik R.G. Beads and the origins of symbolism[Электронный ресурс]//Open semiotics research center. 2000. URL: http://www.semioticon.com/frontline/bednarik.htm (дата обращения: 05.09.2009).

Bednarik R.G. The earliest known paleoart [Электронный ресурс] // Auranet library. 2002. URL:http://mc2.vicnet.net.au/home/aura/shared_files/kemerovo.pdf (Дата обращения: 05.09.2009)..

D' Errico F., Villa P. Holes and grooves: the contribution of microscopy and taphonomy to the problem of art origins // Journal of human evolution. – 1997. – № 33. – P. 1-31.

D'Errico F., Henshilwood S., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M. Archaeological evidence for the emergence of language, symbolism and music – an alternative multidisciplinary perspective // Journal of world prehistory. – 2003. – Vol.17, № 1. – P. 1-70.

Harrod J. Keys to Deciphering Later Acheulian Period Marking Motifs [Электронный ресурс] // Origins.net publications. 2007. URL: http://originsnet.org./LAmrk%20v3%20836k.pdf (Дата обращения:20.11.2009).

Harrod J. Notes Toward an Early Acheulian Stone Tools Logic Model: Constitutive Operations and Analogies of the Soul [Электронный ресурс] // Origins.net publications. 2003. URL: http://originsnet.org./eachultool82k.pdf (Дата обращения 20.11.2009).

Д.В. Шевченко
Иркутск, Иркутский государственный университет

К вопросу о семантической трактовке и источниках заимствования раннехристианских символов на примере древнейших храмов Малой Азии

Начиная с середины I в., первые христиане, подвергавшиеся гонениям со стороны римских властей, были вынуждены бежать в самые отдаленные районы империи. Идеальным местом для укрытия являлась Каппадокия – гористая местность в Центральной Анатолии. Самые ранние и многочисленные христианские общины размещались близ трех современных турецких населенных пунктов: Аксарай, Юргюп и Гореме. В нефах некоторых пещерных и катакомбных церквей обнаружены погребения. Радиоуглеродного анализ выявил, что их возраст оценивается второй половиной II в. (согласно данным историко-археологического музейного комплекса Гореме). Таким образом, самые древние христианские храмы Малой Азии, а, следовательно, и в мире вообще, имеют приблизительно ту же датировку.

Христианские богословы на протяжении многих веков утверждали и продолжают утверждать, что их религиозная символика носит исключительно «богоданный» характер. В рамках данной работы проведен семантический анализ некоторых христианских символов, а также указаны возможные источники их заимствования.

Приблизительно во второй половине II в. появляется примитивная фресковая живопись. Основными сюжетными линиями выступали евангелистские повествования. Однако, наряду с развивающимися фресками, вплоть до V-VI вв. существовал особый абстрактно-символический тип иконографии. В последующем этот тип станет частью классической византийской иконописи и перестанет встречаться в «чистом виде».

Древнейшим и самым важным христианским символом является крест. Вообще известно более 400 типов крестов, из них в христианстве имеют хождение около 50. В дохристианских культурах крест являлся универсальным архетипическим символом. Самые древние изображения крестов относятся еще к эпохе позднего палеолита и представляют собой произвольные пересечения горизонтальных и вертикальных линий. [Муньос и др., 1998, с. 23]. Начиная со времени неолита, этот знак получил повсеместное распространение (согласно данным отдела ориентологии археологического музея Стамбула). С точки зрения семантики, крест является производным от изображения двух пересекающихся сегментов «солнечного колеса». Кроме солярной смысловой составляющей, крест в древнем сознании ассоциировался с некой точкой соприкосновения небесного (божественного, сверхъестественного) с земным, человеческим. Также четыре сегмента креста в древности символизировали четыре стороны света и четыре первоэлемента бытия: воздух, огонь, воду и землю [Рошаль, 2005, с. 113-115]. Перейдя в христианство и приобретая уже новый смысл, крест еще долгое время продолжал сохранять свою языческую сущность. В этом плане весьма интересным является гибридный тип креста в росписях древнейших христианских храмов Малой Азии (рис. 1). Крест представляет собой объединение собственно креста и дерева. Крест подобного типа еще не получил значения мученической смерти Христа, а был тесно связан с символическими представлениями неолитических культур. Знак «древа жизни» отображает трихотомическую модель вселенной, известную с глубокой древности. Корни символизировали прошлое и умерших предков, ствол – настоящее, ветви и листья – будущее и детей. Кроме того, дерево являлось символом непрерывности бытия и постоянства течения времени, оси мира, связывающей все его уровни. Гибридный знак креста-дерева чаще всего встречался в качестве отдельно изображенного элемента, однако имеются и целые символические коды с его использованием (рис. 2). С левой и правой

стороны креста изображены круги относительно правильной формы. Круг также является древнейшим солярным символом. Его значение совпадало фактически во всех первобытных культурах и в культурах более поздних периодов. Допуская в гибридном образе креста–дерева превалирующее символическое значение беспрерывности течения времени, можно дать следующую трактовку всей композиции. Возможно, данный символический код отображает представление древних христиан о значимом астрономическом явлении – дне зимнего солнцестояния. Крест символически разделяет время на два периода: до 25 декабря – время, связанное с «умиранием» солнца и, соответственно, после 25 декабря – время «воскресения» солнца.

В подтверждении того, что данный гибридный тип креста не являлся символом Иисуса, можно привести следующую композицию (рис. 3). Крест-дерево изображен слева. Справа – птица, еще один архетипическим символ, получивший в христианстве значение святого духа. Центральное место в композиции занимает восьмиконечный крест с нимбом. Именно подобные восьмиконечные кресты являлись древнейшими символическими изображениями Иисуса. С течением времени техника изображения восьмиконечных крестов совершенствовалась. Кресты получили дополнительную орнаментацию в виде двенадцати квадратов вдоль расширения каждого из сегментов. Кроме того, восьмиконечные кресты стали изображаться в центре солнечного диска (рис. 4-6). В последующем это будет закреплено в византийской иконографической традиции в виде нимба или сияния над головой Иисуса.

Кроме изображения Иисуса в виде восьмиконечного креста с нимбом, в росписях катакомбных и пещерных храмов Каппадокии встречаются художественные композиции, где образ Иисуса символически передается через изображение колосьев зерна. Наиболее показательным в этом плане является символический код в одной из раннехристианских церквей близ селения Гореме. В центре композиции помещается восьмиконечный крест с монограммой Спасителя. Слева и справа от креста изображены колосья зерна (рис. 7). Особого внимания заслуживает тот факт, что именно колосья зерна в Египте являлись символом Осириса – бога умирающей и воскресающей природы. В день весеннего равноденствия в древнем Египте отмечался праздник этого особо почитаемого божества. Приход весны ознаменовывал собой начало полевых работ. Таким образом, зерно символически отождествлялось с победой жизни над смертью, что и соответствовало сакральному образу Осириса в сознании древних египтян и образу Иисуса – в мировоззрении первых христиан.

Пожалуй, самый интересный и крайне неоднозначный символический код присутствует в росписи церкви II в. рядом с селением Гореме. Знаковый код состоит из шести основных элементов (рис. 8). С точки зрения семантики, элементы I и III выступают в качестве знака–индекса, поэтому не поддаются толкованию. Знак IV представляет собой объединение креста и упрощенной свастики. Знаки V-VI являются свастиками в чистом виде. Свастика, как один из архетипических символов солнца и огня, была распространена на территории древнего Ирана и Малой Азии. Причем, во всех древних культурах ее семантическое значение совпадало. В раннехристианской традиции знак свастики стал приобретать новый смысл. Так, в катакомбных и пещерных храмах Малой Азии свастика стала символизировать Иисуса Христа [Каширина, Евсеева, 2007, с. 47]. Однако наибольший интерес вызывает элемент символического кода II. Судя по всему, данный рисунок является изображением египетского фараона. Налицо все символы фараоновской власти: соответствующий головной убор (клафт-ушебти), длинная борода и изогнутый посох. Можно дать следующую трактовку всей композиции. Фараон, как известно, был представителем не только власти светской, но и заключал в себе божественную сущность, являясь наместником бога солнца Амон-Ра. В облике Иисуса мы также находим черты солярных и хтонических божеств более ранних периодов. Таким образом, в данной композиции, возможно, происходит символическое отождествление фараона, как посланника света, и Иисуса, изображенного в виде свастики.

Итак, проанализировав семантику росписей древнейших христианских храмов Малой Азии, целесообразно разделить знаки-символы на следующие группы: 1 – гибридный тип креста – синтез собственно креста и дерева; 2 – восьмиконечный крест, получивший в последующем название мальтийского; 3 – восьмиконечный крест с нимбом; 4 – восьмиконечный крест, помещенный в центре солнечного диска; 5 – древнейшие изображения Иисуса в виде колосьев зерна; 6 – символическое изображение Иисуса в виде свастики; 7 – многочисленные изображения птиц, получившие значение святого духа. А также особо отметим единичное изображение фараона.

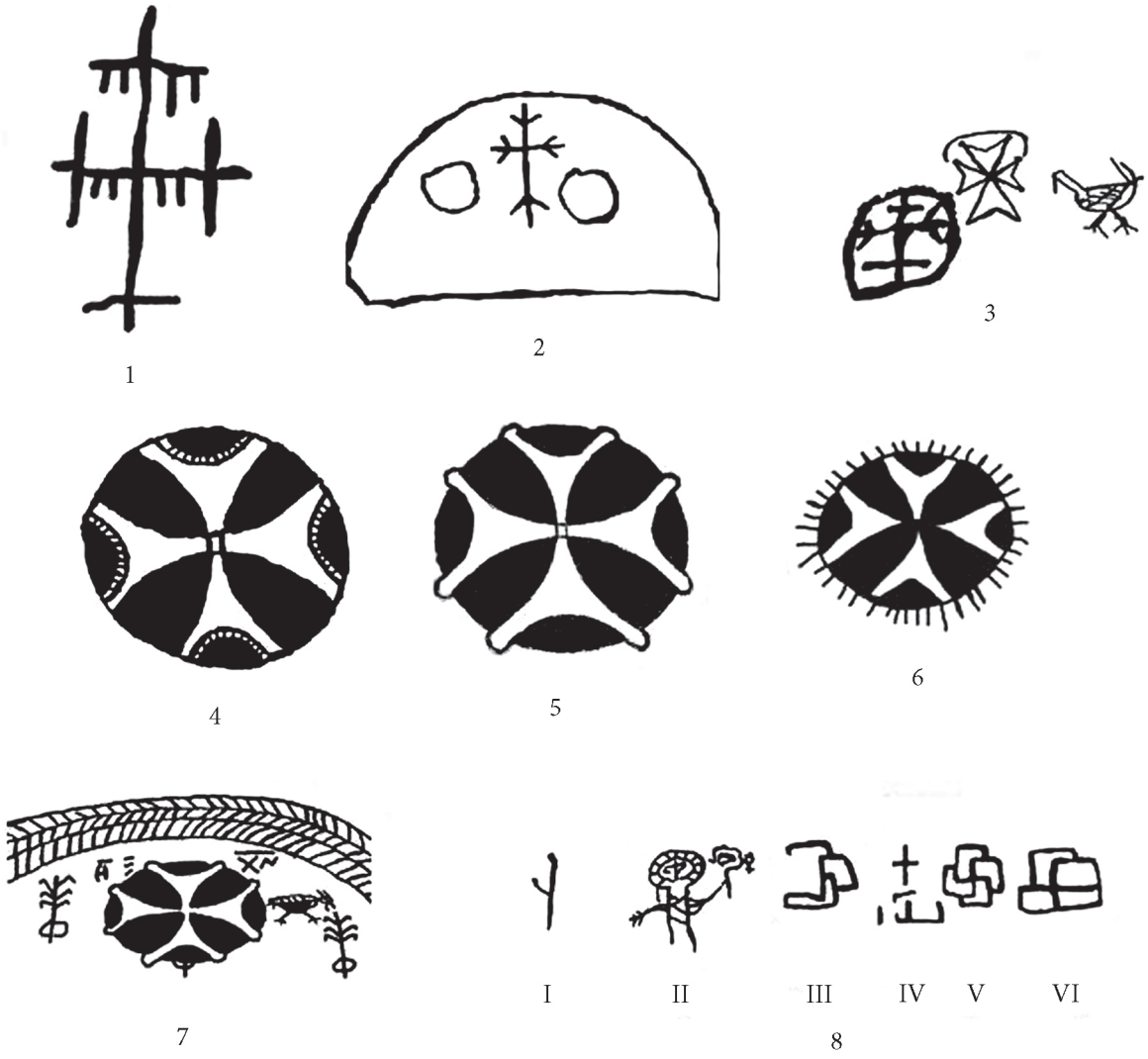


Рис. 1. Гибридный тип креста. Крест-дерево. Христианский комплекс. II в. Город Аксарай
Рис. 2. Символически код. Крест-дерево и солярный символ. Пещерный храм. II в. Селение Гореме
Рис. 4–6. Восьмиконечный тип креста. Пещерные храмы. II в. Селение Гореме
Рис. 7. Символический код. Изображение Иисуса в виде креста, колосьев зерна с дополнительной растительной орнаментацией. Пещерные храмы. II в. Селение Гореме
Рис. 8. Символический код. Фараон и свастика, как символ Иисуса. Пещерный храм. II в. Селение Гореме

Таким образом, на основе семантического анализа можно выделить следующие источники заимствования раннехристианской символики. Первым источником являются неолитические культуры Малой Азии. Здесь мы можем говорить об использовании архетипического символа дерева как древа жизни. Вторым источником заимствования выступают древнейшие культуры Ирана и хеттская цивилизация. Перенятым символом является свастика. Ну и третьим, важнейшим источником заимствования является древнеегипетская цивилизация. Изображения колосьев зерна, как символа Осириса – бога умирающей и воскресающей природы, отождествлялись с Иисусом в самом начале становления и развития христианства.

Литература

Каширина Т., Евсеева Т. Знаки. Символы. – М.: Изд-во Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 184 с.

Муньос П.М., Мартинес Р., Муэс А.М. История искусства. Первые цивилизации. – М.: Изд-во «Бета-Сервис», 1998. – 220 с.

Рошаль В.М. Энциклопедия символов. – М.: «Сова», 2005. – 1007 с.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ю.С. Артамонова
Барнаул, Алтайский государственный университет

Имидж музея: технологии формирования и значение

В последнее время учреждения культуры все чаще обращаются к переосмыслению своей деятельности, что связано с изменением их роли в обществе. Теперь они ориентируются на участие в социальных, культурных и экономических процессах, поддерживая при этом и функции досуговых центров. Эксперты в области маркетинговых коммуникаций утверждают, что для позиционирования музея как учреждения культуры на рынке индустрии досуга важным является формирование и поддержание, исследование и прогнозирование общественного мнения. В этом отношении ключевое значение имеют репутация и имидж.

Понятия «репутация» и «имидж» весьма близки. Главное же отличие в следующем. Репутация – это уже созданное общее мнение о достоинствах и недостатках учреждения. Потребность в хорошей репутации удовлетворяется целенаправленной рекламой, а также системой взаимосвязанных акций специалистов PR, направленных на создание благоприятного отношения к учреждению сегодня и в будущем. Имидж - образ, который учреждение хочет создать у целевой аудитории, общественности, властных структур, партнеров, конкурентов и т.д. Он возникает в результате восприятия общественностью комплекса коммуникационных сообщений, генерируемых учреждением, и становится понятен и эффективен, если соответствует ожиданиям, потребностям и предпочтениям публики [Козлова, 2005].

Говоря о формировании позитивного имиджа музея, надо четко определить тот образ музея, к которому необходимо стремимся, и который надо будет «раскручивать». Это не такая легкая задача, какой она представляется на первый взгляд. С одной стороны, выбранный образ должен являться своего рода вектором, задающим направление развития музея. С другой стороны – он должен в значительной мере отражать современное состояние дел, ибо формирование имиджа не может строиться, опираясь лишь на вероятные перспективы.

Имидж музея складывается из целого комплекса составляющих, таких как:

– имидж товара (услуги) – составляют представления людей о качестве фондов, экспозиции и выставок, экскурсий и лекций, печатной продукции, вторичных услуг и т.д.;

– имидж потребителей товара (услуги) – включает представления о составе аудитории музея, исследователях, которые в нем работают и т.д. (т.е. тех, кому интересен музей);

– внутренний имидж музея, основной составляющей которого является культура организации, т.е. нормы и ценности, принятые в ней, и существующий морально-психологический климат;

– имидж основных руководителей музея, от которого во многом зависит принятие важных решений, а также то, как будет воспринят музей общественностью;

– имидж персонала музея – собирательный обобщенный образ персонала, раскрывающий наиболее характерные для него черты: компетентность, уровень образования, культуру общения, эрудицию, половозрастные характеристики и т.п. Имидж персонала формируется, прежде всего, на основе прямого контакта с работниками организации. При этом каждый работник может рассматриваться как «лицо» музея, по которому судят о персонале в целом;

– визуальный имидж музея – представления, базирующиеся на зрительных ощущениях. Большое значение здесь имеют интерьер и экстерьер здания, выставочных залов, кабинетов, где ведется работа с посетителями, внешний облик персонала, фирменная символика;

– социальный имидж музея – представления широкой общественности о социальных целях и роли музея в социальной и культурной жизни региона. Он формируется посредством информирования общественности о социальных программах музея (бесплатные мероприятия, шефство, сотрудничество с общественными организациями и т.д.);

– бизнес-имидж музея – представления о музее как субъекте определенной деятельности. Особое значение в данном случае имеют его деловая репутация, уровень взаимоотношений с пар-

тнерами и меценатами, объем внебюджетных доходов, наличие грантов и договоров на оказание услуг [Вибе, 2002].

Следующим этапом является продвижение сформированного имиджа. Оно необходимо не только учреждению культуры, только выходящему на рынок и озабоченному тем, как его примет потребитель, но и хорошо известному учреждению, особенно, если тому нужно восстановить утраченное влияние или укрепить его. И надо помнить, что работа по созданию положительного имиджа и прочной репутации – это не одно или несколько отдельных мероприятий, а система деятельности целого учреждения [Никонова, 2007].

Сейчас многие музеи в своём штате стали создавать, так называемые, отделы развития, в задачи которых входит и продвижение позитивного имиджа музея. Подобные отделы есть и в крупных музеях, таких как Государственный Эрмитаж, и в региональных, например, Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева, Ханты-Мансийский Государственный Музей Природы и Человека. Если музеи не имеют средств на создание такого отдела, то они стараются выделить в штате сотрудника, который бы занимался маркетинговыми технологиями продвижения учреждения культуры.

Автором сообщения были также апробированы некоторые маркетинговые технологии, которые повлияли на создание положительного имиджа музея. Например, для Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета был разработан сайт, который в электронном формате отразил основные элементы экспозиции и фондов музея в сети Интернет [Артамонова, 2008; Музей археологии.., 2007]. Так же предметы из данного музея систематически становятся эмблемами различных конференций и публикуются на печатной продукции, закрепляя позитивный образ и интерес к музею и его собранию.

Какова же конечная цель формирования позитивного имиджа? По большому счету, она одна – создание уважительного, почтительного отношения к музею со стороны его сотрудников, потребителей услуг, партнеров, меценатов, властей. По мнению исследователя П.П. Вибе, сильный имидж музея становится необходимым условием достижения им устойчивого и продолжительного делового успеха [Вибе, 2002]. И этому есть вполне разумные объяснения:

– сильный имидж музея дает эффект приобретения организацией определенной рыночной силы, что приводит к снижению чувствительности к цене его услуг (никого не удивляют цены на билеты в Государственный Эрмитаж, музей-заповедник «Московский Кремль»);

– сильный имидж музея повышает конкурентоспособность его услуг;

– сильный имидж музея облегчает ему доступ к ресурсам разного рода: финансовым, информационным, человеческим и т.д.

В заключение нужно отметить, что имидж провинциального, как и известного музея, требует постоянной систематической работы по его совершенствованию, потому что изменяется сама организация, окружающее социокультурные пространство, аудитория, нормы и требования времени. И в этом процессе неоценимую помощь окажет музейный маркетинг, который помогает не только скорректировать уже имеющийся образ, но и добиться лучших результатов в деятельности всего учреждения культуры.

Литература

Артамонова Ю.С. Опыт разработки сайта «Музея археологии Алтая» Алтайского государственного университета // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. - Барнаул: Азбука, 2008. – С. 59-60.

Вибе П.П. Формирования позитивного имиджа организации: на примере участия ОГИК музея во всероссийских и международных проектах [Электронный ресурс] // Известия ОГИК музея № 9. 2002. URL: http://www.sibmuseum.ru/ogik/Isvestya9/viebe.htm (дата обращения: 12.12.09).

Козлова Т.В. Технологии позиционирования учреждения // Справочник руководителя культуры. – 2005. – № 11. – С.65-72.

Музей археологии и этнографии Алтая [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «Археология Алтая». 2007. URL: http://archaeology.asu.ru (дата обращения: 16.12.09).

Никонова А.А. Имидж как объект управления // Справочник руководителя культуры. – 2007. – № 10. – С. 60–65.

Е.А. Афанасьева
Барнаул, Алтайский государственный университет

Правовые основы экскурсионно-туристической деятельности в сфере культурного наследия

В настоящее время актуальным направлением в сохранении и использовании культурного наследия управленческими службами и туристическими организациями является знание и применение нормативно-законодательных документов в этой области.

Для организации туризма ключевое значение имеют следующие документы.

1. Глобальный этический кодекс туризма, устанавливающий комплекс ориентиров для ответственного и устойчивого развития мирового туризма, необходимый для усиления выгоды от развития туризма для населения и сведения к минимуму его отрицательного воздействия на окружающую среду и культурное наследие.

2. «Хартия туризма» от 1985 г., где в статье первой прописано право каждого человека на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск, а также право свободно передвигаться без ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом [Биржаков, 2006, с. 279].

3. Федеральный Закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», принятый в 1996 г. (№132-ФЗ) и определяющий принципы государственной политики, направленной на установление правовых основ единого туристского рынка в РФ, регулирующий отношения, возникающие при реализации прав граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства на отдых, свободу передвижения и иных прав при совершении путешествий, а также определяющий порядок рационального использования туристских ресурсов РФ. Закон определяет принципы, цели, приоритетные направления и способы государственного регулирования туристской деятельности. Приоритетные направления государственного регулирования туристской деятельности – поддержка и развитие внутреннего, выездного, социального и самодеятельного туризма [Долженко, 2005, с. 215-267].

4. Федеральный Закон «О международных договорах» от 1995 г. (№101-ФЗ) определяет правовую основу международного сотрудничества России, в том числе и в сфере туризма.

5. Закопанское соглашение – договор о принципах долгосрочного сотрудничества молодежных туристских организаций, фиксирующий традиционные формы туристских поездок, экскурсий, путешествий и др. видов организованного отдыха [Зорин, Квартальнов, 2001, с. 77–80].

6. Осакская Декларация тысячелетия, принятая в октябре 2001 г. в г. Осака (Япония) в рамках 14-й сессии Генеральной ассамблеи ВТО в части «Б», о сохранении культурного наследия говорит о том, что в основу развития туризма должны быть заложены принципы устойчивости, что позволяет усовершенствовать задачи, связанные с охраной природных и культурных ресурсов и удовлетворением потребностей посетителей [Организация туризма, 2003, с. 623–625].

Особое внимание в нормативно-законодательной практике отведено вопросам сохранения и использования историко-культурного наследия. Практически все основополагающие определения, подходы, доктрины и концепции, закрепленные в договорных и обычных нормах современного международного права в сфере охраны культурных ценностей, были в свое время заложены в Пакте Рериха (1935). Известные постулаты конвенций и иных правовых актов, принятых под эгидой ООН и ЮНЕСКО, декларируют понимание историко-культурного наследия как «сотворенной человеком материальной и духовной среды обитания, а также процессов создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества…» [Лбова, Скляревский, 2007, с. 18].

По самым скромным подсчетам в настоящее время, в рамках Совета Европы или под его эгидой, принято более 150 правовых актов, регулирующих юридический статус культурных ценностей и регламентирующих культурные права человека. Это – конвенции, декларации, рекомендации, резолюции, рекомендации, приказы Консультативной Парламентской Ассамблеи, декларации, резолюции, рекомендации и мнения Конгресса местных и региональных властей; резолюции и рекомендации конференций министров, ответственных за культурное наследие. Все эти акты имеют

разную правовую природу, отличаются механизмом принятия, степенью юридической обязательности, порядком вступления в силу и образуют определенную иерархическую структуру.

На основе вышеперечисленных документов строилось и российское законодательство в области охраны историко-культурного наследия. Так, в 1978 г. принят закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В 1986 г. Постановлением Совета Министров СССР № 865 утверждено Положение об охране и использовании памятников истории и культуры. Министерством культуры СССР разработана и утверждена Приказом № 203 от 13.05.1986 инструкция «О порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры». Данные документы создали нормативную базу для обеспечения охраны и сохранения памятников истории и культуры [Полякова, 2005, с. 97-100].

В 2002 г. вступил в действие Федеральный закон (ФЗ-№ 73) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в котором под культурным наследием понимаются «объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [Лбова, Скляревский, 2007, с. 27-29]. Данный подход соответствует содержанию Конвенции об охране культурного и природного наследия ЮНЕСКО (1972).

Кроме того, ряд вопросов, связанных с охраной объектов культурного наследия отражен в Конституции Российской Федерации, Федеральном Законе от 26.05.1996 «О музейном фонде РФ и музеях РФ», Указе Президента от 30.11. 1992 «Об особо ценных объектах культурного наследия народов РФ», Постановлении правительства от 06.10.1994 «О Государственном своде особо ценных объектов культурного наследия РФ», и др. [Лбова, Скляревский, 2007, с. 19-26].

В целом, законодательство, регулирующее охрану и использование культурного наследия в Российской Федерации, в настоящий момент находится в стадии развития. Основным направлением этого развития должно быть обеспечение сохранения культурных ценностей для последующих поколений. При этом нужно ориентироваться на положительный опыт, выработанный в этой сфере правового регулирования, на нормы международного права, а также на прогрессивные нормы советского права, не потерявшие своей актуальности в настоящее время.

Литература

Биржаков М.Б. Введение в туризм: Учебник. – СПб.: Изд. Дом Герда, 2006. - 512 с.

Долженко Г.П. Экскурсионное дело: Учеб. пособ. – М.; Ростов н/Д., 2005. - 272 с.

Зорин И.В., Квартальнов В.А. Энциклопедия туризма: Справочник. - М: Финансы и статистика, 2001. - 368 с.

Лбова Л.В., Скляревский М.Я. Менеджмент историко-культурного наследия: государственное регулирование в области охраны археологического наследия: Учеб.-метод. пособ. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. - 86 с.

Организация туризма: учеб. пособие для вузов / сост. А.П. Дурович, Н.И. Кабушкин и др. – Мн.: Новое знание, 2003. - 630 с.

Полякова М.А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособ. для вузов. - М.: Дрофа. 2005. - 271 с.

В.А. Белозерцева

Барнаул, Алтайский государственный университет

Использование археологического наследия Алтая в современной экскурсионно-туристической практике

Среди памятников историко-культурного наследия значительное место составляют археологические комплексы. Для современной России и особенно Сибири очень важна оценка степени интеграции археологического наследия в современное общество. На сегодняшний день на базе

недвижимых памятников создаются археологические и природные музеи-заповедники, ведутся работы по музеефикации археологического наследия и его включения в туристическую сферу деятельности [Мартынов, 2008].

Музеефикация памятников археологии – одно из актуальных мероприятий государственного масштаба в области сохранения культурно-исторического наследия [Тишкин, 2008]. Данное направление можно рассматривать как наиболее действенное средство сохранения археологического наследия для будущих поколений. В этом случае археологические памятники выступают как объекты туризма, могут быть использованы для воспитания в людях ценностного отношения к историко-культурному достоянию и служат базой для различных исследовательских программ. Музейное использование памятников археологии – единственная возможность включения их в современную культуру [Глебова, Корусенко, 2006].

На территории республики Алтай выявлено более 10000 археологических объектов, включающих памятники как наскального, так и статуарного искусства различных периодов истории. Большой интерес представляют мерзлотные курганы пазырыкской культуры, сохраняющие уникальные вещественные остатки скифо-сибирсоко мира. В сочетании с неповторимым горным ландшафтом вся территория Горного Алтая по существу является громадным историко-природным памятником [Ожередов и др., 2008].

Уникальные археологические объекты могут выступать в качестве аттрактивных объектов экскурсионного показа, в ходе которого будет осуществляться знакомство с древнейшими страницами дописьменной истории. Одним из актуальных направлений в развитии археологического туризма является разработка и продвижений качественного турпродукта. Позиционирование турпродукта представляет собой размещение этого продукта на целевом туристическом рынке [Сарафанова, Яцук, 2007]. Также внедрение любого туристического продукта требует определенных маркетинговых мероприятий, когда наряду с подготовкой маршрута, карт и схем, составления «портфеля экскурсовода», проводятся рекламные мероприятия.

В 2007 г. автором был разработан экскурсионный маршрут, который называется «Тропою древности к царским курганам». По способу передвижения туристов он является комбинированным (пешеходно-транспортный). По форме проведения включает в себя элементы экскурсии-прогулки. Объектом показа в этом маршруте выступают памятники археологического наследия Горного Алтая – всемирно известные курганы в урочище Пазырык. Начальной точкой маршрута является турбаза Телецкого озера «Алтын-Туу», он проходит по живописной местности Чулышманской долины, кроме прочего, туристы посещают Улаганский музей, посвященный пазырыкским курганам, и конечной точкой экскурсии является урочище Пазырык.

Экскурсия «Тропою древности к царским курганам» апробирована в 2008 и 2009 гг. в Горном Алтае. Экскурсию проводили инструкторы туркомплекса для групп от 3 до 15 человек. В группы входили туристы как детского, так и зрелого возраста. За два сезона было проведено около 15 экскурсий. Маршрут укомплектован такой информационной базой, как карта путешествия, «портфель экскурсовода» и фотоматериал. С целью рекламно-информационного обеспечения маршрута автором был подготовлен буклет для туристов. Буклет – иллюстрированное рекламное музейное издание с кратким текстом. Печатается на одном листе, сложенном параллельными сгибами, как ширма. Используется для популяризации экспозиции, музейного собрания, отдельных памятников истории и культуры. В форме буклета издаются краткие путеводители, рекламные и информационные памятки, проспекты выставок, буклеты сувениры, программы, пригласительные билеты [Музейные термины, 1986].

В разработанном информационном буклете отражены следующие блоки информации: карта и характеристика маршрута; фотографии, изображения и справочная информация о курганах в долине Пазырык как основных объектов показа; фото наиболее известных археологических находок из Пазырыкских курганов, с аннотациями к ним; краткий археологический словарь.

Созданный буклет выполняет рекламную, информационную, популяризаторскую функции. Он может прилагаться к путевке, а так же раздаваться на туристической базе для формирования устойчивого интереса у туристов.

Также в качестве рекламно-информационного материала для экскурсии «Тропою древности к царским курганам» разработаны рекламно-информационные плакаты, которые отображают наиболее привлекательные для туристов моменты путешествия, а так же презентация, в которой в виде фото-отчета кратко демонстрируются основные этапы экскурсии. Плакат и презентация по-

могают экскурсантам получить наглядную информацию о маршруте, адекватно оценить собственные силы и принять решение об участии в историческом путешествии.

Комплексный турпродукт, включающий сами экскурсионные услуги и их информационно-рекламное обеспечение, может сформировать устойчивый интерес туристической аудитории и служит целям популяризации региона и его древнейшего прошлого.

Литература

Глебова О.С., Карусенко М.А. Археологическое наследие: проблемы актуализации (на примере археологических комплексов Омской области) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края.– Барнаул, 2006. – Вып. XV. – С. 175-179.

Мартынов А.И. О необходимости создания в России современной системы отношения к археологическому наследию // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока. – Томск: ТомГУ, 2008. – С. 13-18.

Музейные термины // Терминологические проблемы музеев. - М., 1986. – С. 38-134.

Ожередов Ю.И., Гусев А.Н., Кондрашов А.Н. и др. Состояние, проблемы и перспективы музеефикации археологических памятников на территории Сибири // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока. – Томск: Том. гос. ун-т, 2008. – С. 65-83.

Сарафанова Е.В., Яцук А.В. Маркетинг в туризме: Учеб. пособ. – М.: Альфа-М: ИНФА-М, 2007. – 240 с.

Тишкин А.А. Практический опыт музеефикации археологических объектов на территории Алтая и Монголии // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока. – Томск: ТомГУ, 2008. – С. 113-121.

А.О.Беляков

Благовещенск, Амурский государственный университет

Колокол с буддийской кумирни 1901 года из фондов музея им. Г.С. Новикова-Даурского

История развития и распространения буддизма в Приамурье – явление, крайне мало изученное. В тех трудах, которые так или иначе относятся к проблематике данного вопроса, мы найдем косвенные упоминания отдельных проявлений этой религии. Это нисколько не удивительно, потому что исследования в данной области принадлежат ученым, имеющим свой круг интересов. Так, если мы прочтём книги, касающиеся истории юга Дальнего Востока и Приморья, то основной акцент в них будет ставиться на социально-политическом аспекте присутствия этого учения в тот или иной промежуток времени, касающийся отдельного региона. Если же мы сконцентрируемся на изучении конкретного эмпирического (археологического) материала, то обнаружим описание коллекций предметов, относящихся к культовой практике последователей этой религии, но никак не выводы, касающиеся религиозной истории государства. Таким образом, исследование данной темы является актуальным и представляется наиболее целостным с позиций не только исторических, но и философских дисциплин, таких как философия истории, социальная философия, религиоведение. Именно такой глубокий анализ даст более полное понимание этнокультурных процессов у коренных народов и религиозной истории региона.

Такой вид исследований актуален ещё и в силу того, что всё новые находки, относящиеся к буддийской культуре, продолжают пополнять коллекции музеев [Беляков, 2007, с. 231]. Однако, даже те предметы, что уже находятся в запасниках, требуют качественного научного описания и изучения.

Одним из таких экспонатов является колокол, наводящийся в фондах Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского (рис. 1).

Сотрудники музея предполагают (актов о приеме не сохранилось), что колокол доставлен в музей из буддийской кумирни города Айгун (старый Айгун), разрушенного русскими в связи с событиями 1900 г. Фотография башни при этой кумирни сохранилась в архивах Амурского областного

краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского. С обратной стороны фотографии на подкладке написано: «Башня у кумирни (разрушенной). Снимок Винокурова, собственность И.Т. Шокало. Снято 29.VI. 1904 г. Всё, что уцелело после нашествия русских на Айгун в 1900 г. Пожертвовано Шокало 22.VII. 1927 г.» [Акты принятия экспонатов.., 1891].

Такая версия происхождения колокола представляется уместной в силу ряда обстоятельств. Во-первых, до сих пор не обнаружено фактических свидетельств существования каких-либо конкретных культовых мест (храмов, кумирен) китайской и маньчжурской религий на современной территории Приамурья. Во-вторых, по мнению самих работников музея, даты приёма экспоната и дата фотографии совпадают. Исходя из вышеописанных фактов, мы можем предположить, что описанный выше колокол был привезён именно с кумирни маньчжурского города старый Айгун.

Однако, остаётся ещё один очень важный для исследователя вопрос: к какому направлению буддизма может принадлежать данный артефакт?

Иероглифические надписи на колоколе говорят о том, что в 1814 г. он был передан в дар храму провинции Хейлунцзян. В начале XIX в. на территории Приамурья мы можем выделить 2 разновидности буддизма. Первый вид – буддизм в рамках «трёх учений» – синкретизированный китайскими религиозными воззрениями вариант буддизма Махаяны, его народная разновидность [Тертицкий, 2000, с. 364].

Рис. 1 Колокол с буддийской кумирни 1901 г.,
находящийся в фондах АОМ им. Г.С. Новикова-Даурского

Второй вид – тибето-монгольская традиция Ваджраяны, получившая свое распространение еще с завоеванием маньчжур монгольскими племенами. Однако, более плодотворными контакты маньчжур с носителями буддийской традиции становятся лишь к 17 веку и связаны с политикой династии Цин [Болотин, Забияко, 2005, с. 123].

Обращаясь к иероглифам колокола, мы обнаружим, что он находился в храме бога Гуань. Известно, что Гуан-Ди почитался одинаково буддистами, даосами и конфуцианцамих [Мифология, 1998, с. 163]. Его культ носил синкретический характер и был ярким примером народной религиозности. Это даёт основания полагать, что храм, в котором находился колокол, принадлежал синкретическому варианту народной китайской религии, распространенной в конце XIX – начале XX

вв. как в Китае, так и в Маньчжурии. Дальнейшее изучение и лингвистический анализ иероглифов колокола позволит учёным ещё больше приблизиться к пониманию истории, культуры и религии коренных народов Приамурья.

Рис. 2 Маньчжурская кумирня. Фото из фондов АОМ им.Г.С. Новикова-Даурского

Литература

Акты принятия экспонатов Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского (АОМ) за 23.10.1891–24.12.1944 гг. – 515 с.

Беляков А.О. История развития буддизма в Приамурье (по материалам Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Амурского) // Амурский краевед. – 2007. – № 24. – С. 231-242.

Болотин Д.П., Забияко А.П. Маньчжурский клин. – Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2005.

Мифология. Большой энциклопедический словарь / Под ред. Мелетинского. – М.: Бол. Рос. энциклопедия, 1998. – 736 с.

Тертицкий К.М Китайские синкретические религии в 20 веке.– М.: Вост. литер., 2000. – 415 с.

***А.А. Бунькова*[1], *Е.А. Черненко*[2]**
[1]Нижний Тагил, МУК Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал»
[2]Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Периодическая печать об археологических исследованиях Нижнетагильского музея краеведения в годы Великой Отечественной войны

Годы Великой Отечественной войны – это время великого испытания для советского народа. Задачу поддержания духовной искорки в истощенном организме страны взвалили на свои плечи музеи, библиотеки, театры и, конечно, средства массовой информации. Так было и в центре, и в глубоком тылу – на Урале и в Сибири. Как правило, усилия разных учреждений объединялись. Примером такого сотрудничества можно считать творчество Нижнетагильского музея и «Тагильского рабочего» по освещению археологических исследований на территории края.

«Тагильский рабочий» и в довоенное время внимательно относился к местным краеведам, интересующимся древней историей [Топорков, 8 сентября 1935]. А с появлением в 40-е гг. в Нижнетагильском краеведческом музее профессионального археолога – О.Н. Бадера (29.06.1903 – 02.04.1979), доктора исторических наук, профессора, газета регулярно стала освещать исследования памятников первобытной культуры, публикуя его заметки.

В первые дни войны он ушел добровольцем в московское ополчение, но уже в декабре его выселили на Урал. В феврале 1942 г. он был мобилизован и направлен в стройотряд № 18–74 Тагиллага НКВД, где числился в 4-ой колонне и работал секретарем-статистиком в медицинском стационаре кирпичного завода. Вскоре он начал сотрудничать с Нижнетагильским краеведческим музеем. В то время О.Н. Бадер оказался «единственным в Тагиле археологом, имеющим право и большой опыт производства раскопок».

По просьбе директора музея Н.Н. Грушиной он был откомандирован из стройотряда на лето 1944 г. руководителем археологической экспедиции для раскопок Полуденской стоянки, которая оказалась в зоне строительства. При поддержке горисполкома и треста «Тагилстрой» работы проводились в течение нескольких лет [Устинова, 2009; Сметанина, 2001]. За это время О.Н. Бадер опубликовал в «Тагильском рабочем» пять заметок, позволив тем самым прикоснуться читателям к актуальной научной теме. Три письма с раскопок Полуденки были написаны в августе – начале сентября 1944 г. Промежуток между ними, в среднем, составил около 10 дней. Через два месяца после раскопок он нашел возможность выделить время среди наполненных работой будней для написания материала о результатах исследований на Полуденке.

Так, в первом письме с Полуденки О.Н. Бадер сообщал: «Текущим летом не без труда удалось обнаружить древние памятники на Полуденке. Первое же обследование подтвердило предварительное заключение, а именно, что основным памятником здесь является поселение одного первобытного племени Урала; при обследовании собран богатый материал в виде орнаментированной глиняной посуды и поделок из кремня. Поселение сильно разрушено, но занимает большую площадь и вполне годно для раскопок» [Бадер, 19 авг. 1944].

Полуденскую стоянку О.Н. Бадер описывает следующим образом: «Остатки Полуденского поселения находятся на дне долины. Они расположены на плоском выступе первой надпойменной террасы. Несмотря на большую высоту площадки – всего метра полтора над болотистой поймой и метра два над уровнем речки, – она не заливается в половодья; и непосредственная близость водоема и незатопляемость, и сухость площадки – представляли большие удобства для населения первобытных рыболовов-охотников.

Наши раскопки показали, что находки древних предметов начинаются в почве, непосредственно под дерном и продолжаются, в среднем до глубины, 20–50 см от поверхности; другими словами, культурный слой отличается незначительной мощностью и, тем самым, говорит о недлительном существовании поселения. Культурные остатки располагаются в слое сравнительно редко» [Бадер, 27 авг. 1944].

Археологический памятник Полуденка I занял особое место в отечественной археологии. Сам О.Н. Бадер отмечал, что «выявляемая ими древняя культура еще мало известная, она отличается от культуры конца каменного века в Восточной Европе и служит связующим звеном между Средней

Россией и Сибирью, между Европой и Азией» [Бадер, 9 сент. 1944]. Возраст Полуденской стоянки О.Н. Бадер определил, как второе тысячелетие до н.э., т.е. около 3500 лет до наших дней.

О.Н. Бадер предложил реконструкцию Полуденского поселения, описав три жилища прямоугольной формы с вертикальными бревенчатыми стенами и деревянную ограду вокруг них. Площадь жилищ, по его подсчетам, составляла около 25–30 кв.м, проживать в каждом из них могло 12–16 человек [Бадер, 1949, с. 144–150]. Долгое время Полуденка I считалась однослойным памятником, но впоследствии его материалы были пересмотрены. Оказалось, что здесь присутствуют все известные типы уральской неолитической керамики [Ковалева, 1989]. Сегодня коллекция предметов Полуденки занимает достойное место в фондах Нижнетагильского музея-заповедника, насчитывая около 12 тыс. экз. Не раз материалы памятника становились предметом специальных исследований [Арефьев, 1984; Герасименко, 2003; Сериков, 1981]. Однако, их полная публикация еще не состоялась. Сейчас памятник уже не существует, поэтому каждая крупица информации о нем становится бесценной.

Потенциал середины 40-х гг. XX в. не исчерпан уральской археологией и по сей день. Основные направления исследований, заложенные в эти годы, нашли свое продолжение в работах следующих поколений археологов. В 1990-е гг. были введены в научный оборот материалы стоянки Талицкого, которую О.Н. Бадер начал исследовать в послевоенное лето 1945 г. [Щербакова, 1994, 1997]. Благодаря «Тагильскому рабочему» широкий круг читателей узнал о существовании древнейшего памятника истории на р. Чусовой.

Материалы, опубликованные в военные годы в «Тагильском рабочем», являются ценным историческим источником, в котором хранится информация не только об археологическом памятнике, но и об авторе исследований. Организация археологической экспедиции и сегодня дело нелегкое. Работать в годы войны было несравненно труднее. Начиная с заботы о питании, заканчивая затруднениями с квалифицированными рабочими, – все эти вопросы приходилось решать руководителю. Удивительно, как он мог находить свободную минутку для газетных статей. О.Н. Бадер, работая на «тагильских» памятниках, сотрудничая с Нижнетагильским музеем, не пренебрегал общением с читающей аудиторией и честно выполнял свою просветительскую миссию.

Литература

Арефьев В.А. Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I // СА. – 1984. – № 1. – С. 229-235.

Бадер О.Н. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. // КСИИМК. – Вып. XVI. – С. 139.

Бадер О.Н. Новый тип неолитического поселения на Урале // СЭ. – 1949. – № 2. – С. 144-150.

Бадер О.Н. Письма с раскопок на Полуденке // Тагильский рабочий, № 179 (5534). 19 авг. 1944 г.

Бадер О.Н. Раскопки на Полуденке // Тагильский рабочий, 27 авг. 1944 г.

Бадер О.Н. Раскопки на Полуденке // Тагильский рабочий, № 179 (5534). 9 сент. 1944 г.

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М., 1970. – 162 с.

Герасименко А.А. Характеристика керамического комплекса из жилища на стоянке Полуденка I // Тез. докл. XVI УАС. – Пермь, 2003.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья: Уч. пособ. – Свердловск, 1989.

Сериков Ю.Б. Комплекс каменных изделий из жилища неолитической стоянки Полуденка I // СА. – 1981. – № 1. – С. 261-265.

Сметанина Е.Г. Нижнетагильский краеведческий музей в годы Великой Отечественной Войны // Тагильский край в панораме веков: Мат-лы краевед. конф. – Нижний Тагил, 2001. – Вып. 2. – С. 48-54.

Топорков С.Н. Доисторические памятники близ Тагила // Тагильский рабочий, 8 сент. 1935 г.

Устинова Е.А. Российские немцы – исследователи археологических памятников в окрестностях Нижнего Тагила // Немцы на Урале XVII–XXI вв. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009.

Щербакова Т.И. Малоизвестные пещерные комплексы Урала и вопросы археологической систематики // Пещерный палеолит Урала. – Уфа, 1997.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). – Екатеринбург, 1994.

Е.В. Ефремова
Сургут, Сургутский государственный университет

Современные проблемы музеефикации памятников археологии в России: историографический аспект

Музеефикация памятников – одно из направлений в музейной деятельности и области охраны памятников, сущностью которого является «преобразование недвижимых памятников истории и культуры или природных объектов в предметы музейного показа с целью максимального сохранения, выявления их историко-культурной, научной, эстетической ценности и активного включения в современную культуру» [Российская музейная энциклопедия, 2001, с. 390].

В настоящее время музеефикация объектов историко-культурного наследия рассматривается, как в России [Гусев, 2006, с. 269], так и за рубежом [Малышкин и др., 2006, с. 140] в качестве одного из наиболее действенных средств на пути к созданию эффективной системы охраны памятников [Мартынова, 1998, с. 62; Мартынов, 2000, с. 14]; как «одна из возможностей» актуализации культурного наследия в рамках современных социокультурных условий [Кудрявцев, 2000, с. 82; Смоленкова, 2002, с. 380; Глебова, Корсуненко, 2006, с. 264], так как «археологические памятники, в отличие от других видов недвижимых памятников истории и культуры, после их научного исследования не могут быть использованы иначе, как объекты музейного показа» [Фёдоров-Давыдов, Булатов, 1987, с. 111].

Анализ литературы (1991-2008 гг.), затрагивающей в той или иной мере вопрос музеефикации памятников археологии в России, позволяет нам говорить о том, что на сегодняшний день в качестве основных проблем в данной области можно назвать следующие.

1. Отсутствие единой государственной программы музеефикации памятников археологии в России.

2. Различная степень исследованности территории Российской Федерации на предмет наличия/отсутствия памятников археологии. Так, по определению специалистов обследовано лишь 4-6% (данные на 2002 г.) территории таежной зоны Западной Сибири [Беспрозванный, Вайсман, 2002, с. 398], где памятники археологии составляют 94% «от общего количества поставленных на учет объектов историко-культурного наследия» [Малышкин и др., 2006, с. 132].

3. Слабая проработанность законодательно-правовой базы [Мартынов, 1996, с. 13], во многом обуславливающую низкую эффективность обеспечения сохранности археологического наследия на сегодняшний день.

4. Типизация форм организационного устройства музеефицированных археологических объектов. По закону № 73 ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», «в сложившейся российской практике музеефикация ассоциируется только с организацией музея-заповедника» [Гусев, 2006, с. 269].

5. Отсутствие единого подхода к определению критериев отбора памятников археологии с целью их последующей музеефикации [Смоленкова, 2002, с. 381].

6. Достаточно слабая проработанность основных принципов и методик музеефикации археологического наследия на каждом из этапов. Музеефикация памятника археологии требует разработки индивидуального подхода (в том числе в отношении выбора методики раскопок, консервации; форм организации экспонируемого пространства, обеспечения сохранности «действующего» музеефицированного объекта) с учетом уникальных природных климато-географических условий, различной степени доступности и сохранности каждого из объектов. На сегодняшний же день большинство опубликованных работ по музеефикации памятников археологии представлены, как правило, описанием памятника (комплекса памятников), общей характеристикой устройства действующего музея-заповедника, изложением перспектив его развития и дальнейшего использования [Мартынова, 1998; Кудрявцев, 2000; Чемякин, Шатунов, 2007].

7. В целом, фрагментарный характер научных данных по музеефикации археологического наследия в России. Единственным примером аккумуляции научного знания по проблемам музеефикации памятников археологии в России на современном этапе, можно назвать лишь работу

«Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее)» А.Н. Медведь [2004], в которой автор основное внимание уделяет истории музеефикации археологических объектов в России.

8. Недостаточная проработанность вопросов историографии по музеефикации археологического наследия в России.

Таким образом, вышеизложенные проблемы в отношении музеефикации памятников археологии в России требуют своего детального анализа и дальнейшей последовательной разработки. Вместе с тем, следует обратить особое внимание на тот факт, что к настоящему времени назрела острая необходимость в улучшении качества и увеличении количества научных публикаций по уже музеефицированным археологическим объектам и тем памятникам, которые только еще планируется музеефицировать.

Литература

Беспрозванный Е.М., Вайсман Г.З. Нормативные, правовые и методические основы сохранения историко-культурного наследия при проектировании и проведении хозяйственных работ, эксплуатации недр на территории Ханты-Мансийского автономного округа // Северный археологический конгресс: Тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во «Академкнига», 2002. – С. 398-401.

Глебова О.С., **Корсуненко М.А.** Проблемы и перспективы музеефикации археологического наследия омской области (на примере Окуневского археологического микрорайона) // II Северный археологический конгресс: Тез. докл. – Екатеринбур; Ханты-мансийск: Изд-во «Чароид», 2006. – С. 264-265.

Гусев С.В. Музеефикация как метод сохранения и использования археологического наследия // II Северный археологический конгресс: Тез. докл. – Екатеринбур; Ханты-мансийск: Изд-во «Чароид», 2006 – С. 269-270.

Кудрявцев А.А. Опыт исследования, мониторинга и музеефикации объектов культурного наследия (по материалам Татарского городища) // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр: (по материалам 1998-1999 гг.). – М.: Ин-т наследия, 2000. – С. 80-94.

Малышкин А.В., Кениг А.В. Селянина М.Ю., Шатунов Н.В., Визгалов Г.П. Археологическое наследие Югры в социокультурном процессе // Археологическое наследие Югры. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. – С. 132-148.

Мартынов А.И. О зарубежном опыте охраны и использования археологических памятников // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Мат-лы науч.-практ. конф. – Барнаул, 1996. – С. 12-19.

Мартынов А.И. О современной концепции музейного показа археологических материалов // Современные концепции первобытной истории. Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев // Труды ГИМ. – М., 2000. – Вып. 113.– С. 13-15.

Мартынова Г.С. Музеефикация археологических памятников в музее-заповеднике «Томская писаница» // «Сибирский город вчера и сегодня»: Тез. науч.-практ. конф., посвящ. 380-летию Новокузнецка. – Новокузнецк, 1998. – С. 62-67.

Медведь А.Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). – М.: Изд-во: «Гном и Д», 2004. – 80 с.

Российская музейная энциклопедия.– М.: Прогресс; Рипол-классик, 2001. – Т. 1: А–М. – 414 с.

Смоленкова О.В. К вопросу об актуализации археологического наследия в рамках музеев-заповедников // Северный археологический конгресс: Тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во «Академкнига», 2002. – С. 380-382.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Археологические музеи-заповедники (проблемы и перспективы) // Методические основы охраны и использования памятников археологии. – М., 1987. – С. 111-119.

Чемякин Ю.П., Шатунов Н.В. Мировой опыт музеефикации древностей и проблемы охраны урочища Барсова гора // Прошлое и настоящее Югры в музейном измерении: Мат-лы науч.-практ. конф. – Югорск; Екатеринбург, 2007. – С. 87-96.

П.В. Ишутина
Красноярск, Сибирский федеральный университет

Результаты археологических разведок в Емельяновском районе Красноярского края

Окрестности любого города являются зоной особого риска для памятников археологии. Строительство новых дорог и торговых центров, многочисленные пашни и практически нерегулируемое индивидуальное строительство – все это факторы разрушения памятников. Не случайно, что работы, проводимые Емельяновским отрядом АЭ СФУ, велись именно в окрестностях г. Красноярска и имели своей целью определение современного состояния известных памятников археологии, а также выявление новых археологических объектов. В данной статье будут приведены основные результаты разведочных работ отряда за последние два года. В ходе работ проводился осмотр памятников, сборы подъемного материала, наблюдения за динамикой разрушения археологических объектов. Наибольшее внимание уделялось местам, отведенным под строительство, и пашням, окружающим поселения. Основные работы проводились в двух районах – окрестностях пос. Емельяново и с. Частоостровского.

В ходе осмотра было выявлено 4 новых памятника – местонахождения Веселая Гора-1-3, стоянка Заря-1 [Ишутина, 2008], так же было осмотрено 5 ранее известных памятника – стоянки Емельяново-1,-2, Серебряково-1, Куваршино-1, Частоостровская-1.

Из памятников, осмотренных в районе пос. Емельяново, наибольший интерес представляют стоянка Заря-1 и местонахождения Веселая Гора-1, 2. На местонахождении Веселая Гора-1 было собрано более 50 неорнаментированных фрагментов керамики. Полученные материалы позволяют датировать памятник в широком временном диапазоне – от III тыс. до н.э. до I тыс. н.э. Следует отметить, что культурный слой местонахождения сильно нарушен, по территории памятника проложена полевая дорога. Непосредственную угрозу для данного объекта представляет расширение застройки пос. Веселая Гора, уже сейчас к границам памятника вплотную прилегают участки, отведенные под индивидуальное строительство.

На местонахождении Веселая Гора-2 подъемный материал был собран на поверхности полевой дороги. Обнаруженные фрагменты венчика принадлежат к одному сосуду. Оба черепка бежевого цвета, плотные, прямые, орнаментированы глубокими косыми насечками. Представленные материалы, а также условия их залегания на поверхности дороги позволяют датировать разрушающийся культурный слой V–XV вв. н.э.

Стоянка Заря-1 была открыта отрядом в 2008 г. и повторно обследована летом 2009 г. Вся площадь памятника распахивается в течение продолжительного времени, что наносит непоправимый урон данному объекту. На поверхности террасы собраны многочисленные археологические находки. Артефакты представлены фрагментами керамической посуды и единичными фрагментами костей животных. Вся собранная керамика без орнамента. Венчики прямые, обрез заостренный или округлый в сечении. Представленный материал идентичен керамике со стоянки Куваршино-1, о которой будет говориться ниже.

Работы в районе с. Частоостровского предполагали осмотр ранее известных объектов (стоянки Частоостровская-1, Серебряково-1 и Куваршино-1) с целью определения современного состояния памятников. Все перечисленные объекты были открыты Л.В. Новых в 1986-1987 гг. Наибольший интерес представляет памятник Куваршино-1, расположенный севернее с. Частоостровского. Археологическая коллекция, собранная на всей площади памятника за 2 года, составляет более 1000 предметов. К наиболее ранним относится фрагмент керамики, поверхность которого покрыта оттисками витого шнура. Данная находка может быть отнесена к бронзовому веку. Наиболее многочисленная часть материала представлена керамикой, относящейся к раннему железному веку. Все фрагменты венчиков без орнамента, обрез заостренный или округлый в сечении. Часть фрагментов украшена налепными валиками. Интерес представляет коллекция бронзовых предметов, в которую входит кельт, фрагменты котла и петельчатый нож. Кельт клиновидной формы с ушками отлит в двухсторонней литейной форме. Аналоги данному предмету известны в материалах тагарской культуры. Предмет можно датировать V-III в. до н.э. Находки, относящиеся к более позднему времени, представлены двумя фрагментами венчиков от разных сосудов. Первый – слабо профилированный венчик, обрез которого слегка отогнут во внешнюю сторону, рассечен наколами.

Второй – профилированный фрагмент венчика, обрез округлый, с оттисками двузубой гребенки. Оба фрагмента датируются VII-XIV вв. н.э. Кроме того, на памятнике зафиксированы единичные фрагменты керамики русского времени. Разнообразный и многочисленный материал, выявленный на стоянке, позволяет датировать его от эпохи бронзы до русского времени.

Все осмотренные в ходе разведок объекты разрушаются под влиянием антропогенного фактора. Причиной этого становится дорожное строительство, карьерные разработки и пашни. Для стоянки Частоостровское-1 стоит угроза полного уничтожения. Уже сейчас из-за карьерных разработок снесена западная часть памятника. Стоянка Серебряково-1 также разрушается из-за карьерных работ. Наиболее распространенная причина разрушения памятников – многочисленные пашни (Веселая Гора-2, 3; Заря-1; Серебряково-1; Куваршино-1), что характерно для района с преимущественно аграрным хозяйством. Такие условия диктуют необходимость принятия мер для сохранения археологического наследия Емельяновского района.

Литература

Ишутина П.В. Отчет о результатах археологической разведки в Емельяновском районе Красноярского края в 2008 году// Архив ЛА СФУ, Р-1, № 68. – 96 с.

О.В. Кабыш
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Экспедиционные работы Тюменского областного краеведческого музея по этнографии русских в конце XX – начале XXI вв.

Тюменский областной краеведческий музей им. И.Я. Словцова (ТОКМ) – один из старейших музеев Сибири. Его создание было связано с возросшими во второй половине XIX века научными, образовательными и просветительскими потребностями общества, увеличением роли сибирского региона в экономической, культурной и политической жизни России. Музей – это хранилище культурно-исторических ценностей и естественнонаучных коллекций, которые следует постоянно пополнять.

Главным источником формирования этнографических фондов музея были и остаются пожертвования, а также поступления в результате научных экспедиций.

Хронологические рамки данной работы охватывают конец XX – начало XXI вв. В научной литературе данный вопрос довольно слабо освещён. Однако, можно выделить единственную работу, посвящённую истории ТОКМ и характеризующую деятельность этого музея, – исторический очерк «Тюменский областной краеведческий музей» Н.А. Томилова [Томилов, 1994]. В ней подробно описаны этнографические предметы по хозяйству русского населения Западной Сибири, хранящиеся в фондах музея. Кроме того, данная тема в некоторой степени отражается в Ежегодниках Тюменского областного краеведческого музея и сборниках статей ежегодной научно-практической конференции «Словцовские чтения».

Цель данной работы, во-первых, дать общую характеристику экспедиционной работы за данный период работы музея, а, во-вторых, выявить значимость этих историко-этнографических работ.

По мнению ученых, современный период в истории ТОКМ начался в 1982 г. и продолжается по настоящее время. Это новый этап не только в истории музея, но и страны. После распада Советского союза научные сотрудники столкнулись с такими новыми понятиями как демократизация, капитализм в новых условиях, что не всегда благоприятно сказывалось на работе музея. В период кризиса и неустойчивости российской экономики, музей не получал достаточное финансирование, поэтому отметить ежегодные экспедиции к русским нельзя. Совершались отдельные поездки, работа которых заключалась в дополнении материала к основному фонду. На эти годы приходятся существенные сдвиги в росте фондов, формировании новых направлений научно-фондовой работы, развитии научной работы. Основной рост фондов музея и его филиалов сегодня обеспечивается за счет активной собирательской работы сотрудников музея как в Тюмени, так в Тюменской области и за ее пределами.

Поездки отдельных сотрудников, походы в экспедиции – сегодня систематическая и целенаправленная работа музея. В 1991 г. состоялась экспедиция в Омутинский район по сбору фрагментов музейного значения по теме «Сибирская деревня» для создания полнокровных интерьеров в основной экспозиции по XIX-XX вв. В том же году в июне проведена экспедиция в Абатский район по сбору предметов музейного значения для пополнения систематической коллекции фондов и научной подготовки новой экспозиции по истории края. Далее состоялась экспедиция в Казанский район по сбору предметов музейного значения по теме «Сибирский русский дом» для пополнения коллекции фондов под руководством Н.А. Могилат В июле 1992 г. состоялась первая в истории ТОКМ экспедиция по теме «Старообрядцы Прииртышья». Переданы культовые предметы, одежда, головные уборы, продукции ткачества, гончарная посуда, предметы быта, тем самым расширено представление о жизни староверов. Это население сохранило многие важные черты традиционной материальной и духовной культуры русского народа.

В июне и в июле 1992 г. экспедиции отправились в Ишимский район для комплектования предметов христианского культа, по сбору предметов народного творчества русского старожильческого и переселенческого населения. В июле состоялась другая историко-этнографическая экспедиция в Аромашевский район. Далее этнографические работы в октябре того же года были проведены в Тюменский район (дер. Черная речка, Кыштырпа) по сбору материалов музейного значения по этнографии татар и русских. В июне 1993 года совершены экспедиции в Исетский район (дер. Решетниково, Кирсаново, Денисово) под рук. Г.А. Королевой, Н.А. Могилат. Старообрядцы сохранили важные черты традиционной материальной и духовной культуры русского народа. Этому способствовали их религиозно-культурные установки. В августе 1994 г. в Тобольском районе (села Абалак, Ивановка, Сузгун) был проведен сбор материалов по истории крестьянства и Тобольской епархии в 1918-1930-х гг., а также сбор предметов музейного значения по темам «Монастыри и иконописание в Тобольской губернии», «Крестьянский быт и ремесла», сбор устной информации старожилов по теме «Православная церковь в 20-50-е гг.» В июне 1997 г. состоялась историко-этнографическая экспедиция в Викуловский район в с. Викулово, с. Березино, с. Калинино, с. Серебренка, с. Озерная под руководством Т.А. Курбатовой. Было проведено комплектование предметов музейного значения по теме «Материальная культура русских крестьян», а также фотофиксация жилых и хозяйственных построек. В июне 2000 г. состоялась экспедиция «Сибирская глубинка» в Бердюжинский и Армазонский районы. Это областной фестиваль, целью которого стала пропаганда музейного дела, а также комплектование фондов по теме «Материальная культура русских». Далее была совершена экспедиция к русским старожилам «Викулово–2006» в с. Викулово Тюменской области, которая носила комплексный историко-бытовой характер. А также в 2000, 2002-2004 гг. были проведены работы по сбору материалов по этнографии русских в Уватском районе.

В результате экспедиционных исследований фонды музея систематически пополняются новыми и интересными материалами по культуре, хозяйству и другим сферам жизни русских Западной Сибири. После анализа собранного материала происходит пополнение музейных фондов, обновляются экспозиции и создаются новые выставки, что, в свою очередь, подчеркивает общественную значимость просветительской деятельности. Наличие ценных этнографических коллекций позволило сотрудникам музея развернуть целый ряд готовых экспозиций и выставок, в их числе «Прикладное искусство русского населения Тюменского края», «Ремесла и промыслы «Тюмени», «Из истории христианства в Сибири», «С верой через столетья». Русские коллекции, которые собирались на протяжении всей истории существования музея, занимают значительное место в собрании ТОКМ.

Уже более 400 лет русские живут в Сибири постоянно и, несомненно, их культура приобрела особые, присущие только русским сибирякам специфические черты. Можно сказать, что наблюдается обособленность сибиряков от европейской культуры, наличие особого этнографического типа крестьянина-сибиряка со своей спецификой, но некоторые исследователи считают культуру сибиряков неотъемлемой частью общерусской культуры. Но это не заключительный этап экспедиционных работ ТОКМ. Научная деятельность продолжается, с новыми поездками будут дополнены коллекции выставок, которые, в свою очередь, успешно выполняют эффективную культурно–воспитательную работу в обществе и вносят вклад в российскую этнографию по проблеме сибирского пласта в русской культуре.

Литература

Томилов Н.А. Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея. – Тюмень: ВекторГук ЛТД, 1994.

В.В. Катарбаева, А.С. Терехов
Красноярск, Красноярский филиал ООО «Институт оценки собственности»

Проблемы совершенствования законодательства в области охраны памятников истории и культуры

На сегодня проблема сохранения памятников истории и культуры является одной из самых животрепещущих. Для ее решения создаются целые коллективы, ей занимаются как научные институты, так и отдельные граждане. Уже написано множество статей, разработано и принято множество нормативных актов, но проблема так и остается нерешенной. С чем это связано? Бог весть…. Одни пытаются сетовать на ментальность нашего народа, другие на несовершенство правовых механизмов, но в конечном итоге и те, и другие оказываются и правыми, и неправыми одновременно.

По нашему мнению, для сохранения памятников истории и культуры необходимо четко очертить связь памятника археологии с землей, то есть с земельным участком. Конечно же, все и так прекрасно понимают, что объект археологии неотделим от земельного участка, но, тем не менее, авторам данной статьи неизвестны примеры постановки земельных участков, занятых объектами археологии, на государственный кадастровый учет. По мнению авторов, именно подобная практика способна улучшить сложившуюся ситуацию. Самое главное, что в России для этого есть необходимая правовая база.

Итак, земельный участок – часть поверхности земли (в том числе поверхностный почвенный слой), границы которой описаны и удостоверены в установленном порядке уполномоченным государственным органом. Согласно Федеральному закону от 22.07.2008 г. № 141-ФЗ, земельным участком является часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами.

Каждый земельный участок относится к определённой Земельным кодексом категории земель. Земли в Российской Федерации по целевому назначению подразделяются на следующие категории:

– земли сельскохозяйственного назначения;

– земли населенных пунктов;

– земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения;

– земли особо охраняемых территорий и объектов;

– земли лесного фонда;

– земли водного фонда;

– земли запаса.

Правовой режим земель определяется, исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий.

К землям особо охраняемых территорий относятся земли, которые имеют особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение, которые изъяты в соответствии с постановлениями федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации или решениями органов местного самоуправления полностью или частично из хозяйственного использования и оборота и для которых установлен особый правовой режим.

К землям особо охраняемых территорий относятся земли:

1) особо охраняемых природных территорий, в том числе лечебно-оздоровительных местностей и курортов;

2) природоохранного назначения;

3) рекреационного назначения;

4) историко-культурного назначения;

5) иные особо ценные земли в соответствии с настоящим Кодексом, федеральными законами.

Порядок отнесения земель к землям особо охраняемых территорий федерального значения, порядок использования и охраны земель особо охраняемых территорий федерального значения устанавливаются Правительством Российской Федерации на основании федеральных законов.

Порядок отнесения земель к землям особо охраняемых территорий регионального и местного значения, порядок использования и охраны земель особо охраняемых территорий регионального и местного значения устанавливаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Правительство Российской Федерации, соответствующие органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления могут устанавливать иные виды земель особо охраняемых территорий (земли, на которых находятся охраняемые береговые линии, охраняемые природные ландшафты, биологические станции, микрозаповедники, и другие).

Земли особо охраняемых природных территорий, земли, занятые объектами культурного наследия Российской Федерации, используются для соответствующих целей. Использование этих земель для иных целей ограничивается или запрещается в случаях, установленных настоящим Кодексом, федеральными законами.

К землям историко-культурного назначения относятся земли:

1) объектов культурного наследия народов Российской Федерации (памятников истории и культуры), в том числе объектов археологического наследия;

2) достопримечательных мест, в том числе мест бытования исторических промыслов, производств и ремесел;

3) военных и гражданских захоронений.

Земли историко-культурного назначения используются строго в соответствии с их целевым назначением.

Изменение целевого назначения земель историко-культурного назначения и не соответствующая их целевому назначению деятельность не допускаются.

Земельные участки, отнесенные к землям историко-культурного назначения, у собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков не изымаются, за исключением случаев, установленных законодательством.

На отдельных землях историко-культурного назначения, в том числе землях объектов культурного наследия, подлежащих исследованию и консервации, может быть запрещена любая хозяйственная деятельность.

В целях сохранения исторической, ландшафтной и градостроительной среды в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации устанавливаются зоны охраны объектов культурного наследия. В пределах земель историко-культурного назначения за пределами земель населенных пунктов вводится особый правовой режим использования земель, запрещающий деятельность, несовместимую с основным назначением этих земель. Использование земельных участков, не отнесенных к землям историко-культурного назначения и расположенных в указанных зонах охраны, определяется правилами землепользования и застройки в соответствии с требованиями охраны памятников истории и культуры.

Таким образом, можно сделать закономерный вывод, что правовая база действительно существует, но при этом полностью отсутствует правоприменительная практика. Парадокс? Парадокс! Перед написанием этой статьи авторы не ставили своей целью изучение каких-либо парадоксов, поэтому не будем заниматься выявлением проблем в области применения права.

Исходя из перечисленного выше, авторы предлагают:

1) произвести сплошную инвентаризацию объектов археологического наследия;

2) сформировать земельные участки, занятые объектами археологии;

3) за счет средств федерального, субфедерального и местного бюджетов обеспечить постановку на государственный кадастровый учет земельные участки под объектами археологии;

4) обеспечить государственную регистрацию прав на перечисленные выше земельные участки.

Формирование земельного участка под объектами археологии и последующая постановка на государственный кадастровый учет придаст объекту археологического наследия законный статус объекта недвижимости, что, в свою очередь, обеспечит необходимую правовую базу для предоставления земельных участков, занятых объектами археологии, организациям и гражданам, например, для создания музеев под открытым небом. Также при проектировании и строительстве жилых домов, мостов, дамб, гидроэлектростанций и других объектов промышленного и гражданского строительства будут учтены особенности размещения памятников истории и культуры народов нашей страны.

Стоит отдельно отметить, что наряду с общественным контролем, которым могут заниматься граждане, организации, историки, краеведы, контролем за охраной и целевым использованием участков, занятых объектами археологии, будет заниматься служба государственного земельного контроля, уполномоченная в этой области.

Е.М. Кориневская
Барнаул, Алтайский государственный университет

Природно-рекреационные ресурсы Алтая

Туризм с каждым годом занимает все большее место в экономике Алтайского региона. Это обусловлено тем, что здесь наблюдается уникальное сочетание природных и культурно-исторических ресурсов, кроме того, хорошее экологическое состояние территории позволяет организовать содержательное и многоплановое обслуживание на высоком уровне не только российских, но и иностранных туристов. В последнее время многие из них проявляют повышенный интерес к культурно-историческому наследию нашего региона, а также к богатству и разнообразию природных ресурсов.

Объектом нашей работы является природно-рекреационный потенциал. Предмет – природные ресурсы Алтая с точки зрения их привлекательности для туристов. Цель работы состоит в том, чтобы выявить природно-рекреационный потенциал Алтая. Задачи: 1) выявление природных ресурсов Алтая; 2) классификация природных ресурсов с точки зрения их привлекательности для развития туризма.

Наибольшую ценность для туризма на Алтае представляют орографические (горы, равнины и др.), водные (реки, озера), гидроминеральные (минеральные воды, лечебные грязи и т.д.), климатические и биологические ресурсы региона. Здесь развиты различные виды туризма: спортивный (пешеходный, горнолыжный, лыжный, конный, водный (сплавы), спелеотуризм, альпинизм), лечебно-оздоровительный, познавательный, экологический и другие виды туризма. Представим природные ресурсы Алтая, классифицируя их по видам туризма.

Горный туризм представлен, прежде всего, альпинизмом, спелеотуризмом, различными конными, пешими и велосипедными экскурсионно-туристическими походами. Горный Алтай – центр оледенения на Алтае и поэтому здесь преобладает альпинизм. Горный Алтай является самой высокогорной областью Сибири. Высочайшей вершиной Алтая и Сибири является гора Белуха, которая имеет две вершины (восточная – 4506 м, западная – 4440 м). На склонах Белухи есть крупные ледники (Катунский, Большой Берельский, Черный, Малый Берельский, Мюштуайры, Аккемстий, Менсу). В 1995 году был основан природный парк «Белуха». Первая покоренная альпинистами гора – это Броня (3291 м). Первый сложный переход на Алтае по этой горе был совершен В. Абалаковым в 1933 г. [Дунец, 2007].

Кроме Белухи, привлекательными для туристов на Алтае являются вершины Северо-Чуйского (максимальная высота 4177 м) и Южно-Чуйского (максимальная высота 3936 м.), а также горы Бабырган, Церковка, Колокольня, Синюха, Комсомольская и другие, где развиты альпинизм, пешие походы, вертолетные экскурсии. Для рельефа Горного Алтая характерны межгорные котловины, приподнятые всхолмленные плоскогорья. На территории Горного Алтая находится около полутора тысячи ледников. Самый крупный центр оледенения на юге Алтая – массив Табын-Богдо-Ола (около160 м^2). Район оледенения Северо-Чуйского хребта является одним из центров альпинизма на Алтае. Крупные ледники сосредоточены в центральном Катунском хребте [Дунец, 2007, с. 200].

Водные ресурсы Алтая представлены различными реками – Обь, Катунь, Бия, Чарыш, Чумыш, Ануй, Алей, Иня, озерами (горными и равнинными). По рекам Алтая проводятся спортивные сплавы на плотах и катамаранах. В районе есть равнинные озера: Кулундинское, Кучукское, Большое Яровое и др. Туристов привлекают также горные озера (Телецкое, Мультинские, Джулукунь, Шавлинское, Каракольские и др.). Большинство из них имеют холодную воду и не пригодны для купания, но есть несколько исключений – озера Ая, Колыванское, Белое. Озеро Ая является единственным крупным озером на территории Алтайского района. На глубине 10 м вода содержит сероводород. На островке в центре озера находится романтическая «беседка влюбленных». Удобный пляж, определенный уровень туристического сервиса привлекают множество посетителей на озеро Ая. Привлекательными для туристов являются водопады Гумбольдта, Спартак, Текелю, Корбу, Камышлинский и др. [Романов, Харламов, 2003].

Лечебно-оздоровительный туризм развит на Алтае благодаря наличию самых разнообразных ресурсов: минеральных вод, грязей. Во многих озерах равнинной части (Кулундинское, Кучукское, Б. Яровое, Горькое-Завьяловское, Горькое-Перешеечное) обнаружены значительные запасы иловой грязи. Озеро Яровое известно целебными свойствами содержащихся в нем грязей, кроме того, из него добывают поваренную соль [Дунец, 2007]. В районе есть сульфатные, хлоридные, бромные, радоновые, термальные, серебросодержащие и другие виды минеральных вод. На основе термальных, азотно-кремниевых, радоновых источники в Алтайском крае функционирует курорт федерального значения Белокуриха. С гранитными массивами близ Белокурихи связаны выходы целебных радоновых источников, снискавших всероссийскую известность [Туристические.., 1987]. Курорт Белокуриха стал известен благодаря радоновым термальным водам. Среди других известных мест, где используются минеральные воды, отметим санаторий Рассветы над Бией [Дунец, 2007, с. 201]. В Алтайском регионе так же функционируют климатокумысолечебные курорты Чемал и Лебяжье, санаторий Барнаульский – «Обь», 5 детских санаториев, 5 домов отдыха, база отдыха предприятий. Встречаются источники минеральных вод. Это – термальные, Джумалинские источники, Аржан у реки Курайки, Чаганузунский. Интересен так называемый «Шоферский ключик», воды которого содержат медь. Близ устья реки Чулышман находится источник «Серный Аржан» с высоким содержанием сероводорода [Туристические.., 1987]. Источник минеральной воды «Серебряный ключ» действует уже более 150 лет. Эта вода входит в реестр минеральных вод России и занимает достойное место в лечебной практике и на рынке минеральных вод [Акимова, Злобина, Полунина, 2008].

Обширные пространства Алтайского края заняты лесостепной и степной растительностью. В крае 5 ленточных боров, 4 из них объявлены памятниками природы. Они являются заповедными [Открывая.., 2006]. Леса также являются привлекательным местом для отдыха туристов.

На сегодня Алтай является одним из немногих регионов с хорошими природными условиями и относительно стабильной социально-политической ситуацией. Здесь разведано и классифицировано около 400 перевалов с различной категорией сложности. Природные условия Алтая благоприятны для водного туризма. Здесь разработаны водные путешествия любой категории сложности. Некоторые районы Алтая перспективны для развития лыжного туризма и строительства горнолыжных центров. Можно сделать вывод, что Алтайский регион чрезвычайно богат природно-рекреационными ресурсами, которые привлекают внимание туристов, некоторые из них являются недостаточно разработанными, что говорит о возможности дальнейшего развития туризма.

Литература

Акимова Т.А., Злобина Т.И., Полунина О.Е. Достопримечательности Горного Алтая. – Барнаул, 2008. – 172 с.

Дунец А.Н. География туризма в России. – Барнаул, 2007. – 279 с.

Открывая Алтай. / Сост. Х.В. Боровиков, Е.Н. Губанова, В.П. Колбунова, Л.И. Лукьянова, В.С. Олейник, Т.Н. Соболева. – Барнаул, 2006. – 162 с.

Романов А.Н., Харламов С.В. Горная Колывань. – М., 2005. – 120 с.

Туристические районы СССР: Алтайский край. / Сост. Г.М. Егоров. – М., 1987. – 264 с.

М.М. Кузьмина
Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

Археология и пресса
(по материалам Кыштовского района Новосибирской области)

В настоящее время археологию следует рассматривать в широком контексте – как неотъемлемую часть культуры своего времени [Бородовский, 2005, с. 25]. Вопросы археологии часто поднимаются в прессе: статьи или заметки, касающиеся этой темы, можно встреть и в районной, и в прессе более высокого уровня. Публиковались исследовательские работы, посвященные раскопкам, проводившимся в Новосибирской области (НСО), и в Республике Алтай [Назарова, 2008, с.60]. Целью работы является обобщение и систематизация публикаций по выше обозначенной тематике, определение процентного соотношения памятников, получивших отражение в прессе, из их общего количества [Липатова, 1994а-д, с. 2]. Систематизация проведена по хронологическому и по авторскому принципу. Периодическая пресса является важным письменным историческим источником, и исследования этого источника являются наиболее актуальными сегодня [Ледовских, 2008, с. 152]. Газета «Правда Севера» Кыштовского района Новосибирской области в этом вопросе не является исключением. В 1975-1976 гг. на территории района шли археологические раскопки под руководством В.И. Молодина [Троицкая и др., 1980, с. 80], что, к сожалению, не нашло отражения в библиографии, которая была выпущена к шестидесятилетию Вячеслава Ивановича [Шахматова, 2008] (публикации о жизни и трудах ведутся с 1999 г.). В местной прессе об археологии, как правило, пишется в популярной форме. Действительно, интересующий нас материал, касающийся конкретно археологических памятников и находок, можно почерпнуть из научной литературы, а в газетных публикациях более важной задачей является донести до населения информацию о своем культурном прошлом, рассказать о том, какие исторические памятники имеются на их территории, расширить знания по вопросу краеведения, сформировать духовные начала подрастающего поколения [Липатова, 1994а, с. 2].

Систематизация публикаций по хронологическому принципу позволяет установить, что первые статьи были написаны сразу после окончания раскопок на археологическом памятнике Кыштовка-2 в 1976 году В.И. Молодиным. В первой статье речь идет о раскопках летом 1975 г. на памятнике Кыштовка-1 [Молодин, 1976, с. 4], во второй – лето 1976 г. и, соответственно, памятник Кыштовка-2, в этой статье приводятся записи из полевого дневника Вячеслава Ивановича [Молодин, 1976, с. 5]. В 1994 г. материал, посвященный археологическим исследованиям, выходил в рубрике «Знай и люби свой край» и был посвящен древней истории Барабы с каменного по железный век.

Под руководством А.В. Новикова велись раскопки на территории Кыштовского района в 1997 г. что нашло отражение в одном из номеров «Правды Севера» [Назарюк, 1997, с. 1]. Тема археологии интересует журналистов, и показателем этого является то, что информация об археологических экспедициях отслеживается не только на территории своего района. В 2004 г. в газете появляется заметка о том, что В.И. Молодин проводит раскопки в Усть-Тарском районе [Контарева, 2004, с. 4]. Систематизация по авторскому принципу позволяет установить, что первые статьи принадлежат В.И. Молодину (1976 г., хотя раскопки на территории района велись с 1975 г., но до статьи Вячеслава Ивановича в местной прессе упоминаний об этом событии не было). Автором следующих публикаций являлась Н.Я. Липатова – непосредственная участница археологической экспедиции 1975-1976 гг. Более полную и обширную информацию об археологии в прессе дают лишь те люди, которые имеют к ней непосредственное отношение. На территории района расположено девять археологических памятников: Кыштовка-1,2,3, Новоложниково-1, Новочекино-1,2,3,4, Протока. В газете публиковались статьи о раскопках на трех из них (это составляет 33% от их общего количества). Вопрос археологии интересует журналистов, но интерес этот носит поверхностный характер. Поэтому отразится ли в прессе работа археолога, зависит от того, насколько значителен для археологии тот памятник, на котором идет работа, как долго ведутся раскопки, насколько ценны и уникальны находки. Следует подчеркнуть, что, к сожалению, в последнем издании сводных данных по археологическим памятникам Новосибирской области отсутствует информация по Кыштовскому району, есть лишь упоминание об одном из них – могильнике Протока [Охрана археологического.., 2004].

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что время проведения археологических раскопок и отражение их в прессе не всегда совпадает. Раскопки, которые вел В.И. Молодин, начались в 1975 г., а первые публикации – только через год, в 1976 г. Эти публикации можно разделить на хроникальные, написание которых совпадает по времени с проведением раскопок, и мемуарные – воспоминания участников экспедиции спустя длительное время. По результатам раскопок 1975-1976 гг. Вячеславом Ивановичем была написана монография «Кыштовский могильник». Информация в публикациях по поводу хронологии могильника, находках совпадает с информацией из монографии [Молодин, 1979, с. 15]. Ценность публикаций в местной прессе для краеведов и учителей заключается в том, что они предоставляют информацию синхронно с работой археологов, а научные труды, как правило, выходят спустя некоторое время. В газетных материалах получают отражение наиболее значимые археологические памятники. На уровне районной прессы в публикациях прослеживается последовательность в отражении археологических исследований в Новосибирской области, тогда как в местной прессе публикации, посвященные вопросам археологии, носят более «хаотичный» характер.

Пресса является не только важным источником по знакомству населения с археологическими памятниками своей местности и ознакомлением с древней историей своей родины, но и с работой таких известных сибирских археологов как академик Вячеслав Иванович Молодин. Публикации в местной прессе по археологии служат целям популяризации этой дисциплины и вносят важный вклад в краеведческую работу в различных административных районах Новосибирской области.

Литература

Бородовский А.П. Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета. – Новосибирск [Б.и], 2005. – Вып. № 5.

Контарева О. Место раскопок – Гришкина заимка // Правда Севера. – 2004. – № 86. – С. 4.

Ледовских А.Ю. «Инородческий вопрос» на страницах сибирской журнальной прессы начала XX века: первые итоги изучения // Пишем времена и случаи: Мат-лы Всерос. науч.-практич. конф., посвящ. 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ под. ред. В.А.Зверева. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. – 282 с.

Липатова Н.Я. На просторах Барабы // Правда Севера. – 1994а. – № 62. – С. 2.

Липатова Н.Я. На просторах Барабы // Правда Севера. – 1994б. – № 63. – С. 2.

Липатова Н.Я. На просторах Барабы // Правда Севера. – 1994в. – № 64. – С. 2.

Липатова Н.Я. На просторах Барабы // Правда Севера. – 1994г. – № 65. – С. 2.

Липатова Н.Я. На просторах Барабы // Правда Севера. – 1994д. – № 66. – С. 2.

Молодин В.И. Древности Кыштовской земли // Правда Севера. – 1976. – № 118. – С. 4.

Молодин В.И. Древности Кыштовской земли // Правда Севера. – 1976. – № 119. – С. 4.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 181 с.

Назарова С.И. Археология и пресса (из опыта работы Центрально-алтайского археологического отряда ИАЭТ СОРАН) // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул: Азбука, 2008. – 288 с.

Назарюк С.И. В «разведку» пошли ученые // Правда Севера. – 1997. – № 77. – С. 1.

Охрана археологического наследия Новосибирской области: методические указания. – Новосибирск [Б.и.], 2004. – 194 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 184 с.

Шахматова Н.М. Биография ученых: В.И. Молодин. – М.: Наука, 2008. – 198 с.

Т.С. Курьянова

Томск, Томский государственный университет

Музей славянской мифологии в г. Томске: практика интерактивных технологий

Процессы глобализации провоцируют появление такого феномена, как единая массовая общечеловеческая культура, что приводит к окончательной утрате национальных корней и к переходу элементов этнических культур из повседневной жизни человека в музейно-фольклорную форму

[Чистов, 1986, с. 36]. По этой причине к началу XXI в. произошла смена ориентиров в пространстве музея и музейном деле вообще. Век инноваций вторгается в сферу культуры. Меняется мир – меняется музей. Появляются новые формы трансляции информации, презентации материала. Более того, музеи оказываются способными активно включаться в решение многих социальных проблем города, региона, страны. Происходит невероятное расширение форм, методов, направлений музейной работы. То, что совсем недавно относили к нетрадиционным формам музейной практики, стало вполне традиционным для большинства музеев – от арт-терапии до исторических реконструкций, не говоря уже о многочисленных клубных формах деятельности и пр. Все больше в стране появляется частных музеев, чаще всего эти учреждения носят корпоративный характер. Для Москвы и Санкт-Петербурга это уже перестало быть неким «ноу-хау», поскольку практика частных музеев существует там с XVIII в., а для Сибири, в частности для Томска, стало явлением уникальным.

Так, 4 октября 2007 г. в Томске открылся Музей славянской мифологии. Музей создан Геннадием Михайловичем Павловым, выпускником исторического факультета ТГУ, ныне предпринимателем в сфере строительного бизнеса. В музее он выполняет функции директора. Уже из названия можно понять, что музей специфичен по своей сути, ибо он призван презентовать одну из нематериальных форм культуры, а именно мифологию. Тема славянской мифологии раскрывается посредством экспонируемых картин, которые находятся в собственности музея. Полотна главным образом принадлежат кисти современных художников – Андрей Клименко, Всеволод Иванов, Александр Тимофеев, Виктор Корольков, Борис Ольшанский, Николай Фомин. Фонд музея в количестве 60 картин не входит в реестр негосударственной части музейного фонда РФ, поэтому музей осуществляет свою деятельность, полностью автономно. В структуру музея входит библиотека, посвященная славянской мифологии, однако пользоваться ею могут немногие, только сотрудники музея. Часть книг из библиотеки была подарена в библиотеки города. В помещении музея расположена славянская лавка – это выставка-продажа подлинных изделий мастеров народных художественных промыслов – семеновская матрешка, богородская игрушка, гжель и др. Примечательна лавка тем, что здесь можно не только потрогать руками предмет, но и получить интересную информацию об истории промысла, а также приобрести понравившийся сувенир.

Штат музея состоит из 4 сотрудников. Кроме директора, в него входят главный бухгалтер, 3 экскурсовода. Девушки-сотрудницы музея одеты в традиционный русский наряд – вышитую рубаху и сарафан. Экспозиционный зал расположен в небольшом помещении, которое оснащено всей необходимой техникой: современное освещение, отопление с регулируемой температурой, кондиционер для регулирования уровня влажности, касса, телефон, факс, два компьютера. Особенность музея состоит в том, что из вещественных экспонатов он располагает лишь картинами, отсутствуют закрытые и вспомогательные музейные фонды, а также та учетно-хранительская документация, которая ведется в государственных и муниципальных музеях. На данный момент музей работает по трём направлениям: экскурсионно-выставочная деятельность, издательская деятельность (ежеквартально выходит альбом «Русь Изначальная»), проведение мастер-классов. Остановимся подробнее на последнем направлении.

Мастер-классы рассчитаны на детей и взрослых. В последнее время мастер-классы являются одной из наиболее популярных и инновационных форм интерактивных обучающих технологий в музее. В них самым тесным образом переплетены теория с практикой: посетитель, прослушав материал, под руководством опытного экскурсовода может своими руками воплотить приобретенное знание по технологии изготовления той или иной вещи. Именно мастер-классы обеспечивают непосредственное вовлечение посетителя в музейное «таинство».

В Музее славянской мифологии проводят два мастер-класса: «обереговая кукла» и «русская красавица – матрешка». Сначала для посетителей проводят экскурсию по картинной галерее. Потом переходят непосредственно к теме мастер-класса, раскрывая историю создания, роль, символические и магические функции в славянской культуре, а также технологию изготовления обереговой куклы или матрешки. Обереговую куклу делают, согласно традиции, из кусочков ткани и ниток, не используя иголок и ножниц. Определенное количество узлов, цвет используемой ткани, отсутствие прорисовки личика свойственны кукле, бытовавшей в качестве апотропея и хранительницы дома. В кукле, как и матрешке, заложен древнейший архетип, некий символический образ Матери. Наверное, поэтому в них присутствуют черты, характерные для палеолитических «Венер».

Для второго мастер-класса готовят выпиленные из ДВП доски, по контуру напоминающие «тело» матрешки. На них сотрудниками предварительно наносится контур узора, который впоследствии должен быть раскрашен посетителями акварельными красками. Основные цвета символизируют: красный – жизнь, зеленый – природу, желтый – солнце, черный – землю и.т.д. Образ матрешки трактуется как традиционный символ русской культуры, а также сквозь призму эзотерии. Согласно последней, семикукольная матрешка – самая древняя. Каждая из ее составляющих являлась олицетворением человеческих оболочек, а скорее их вместилищем – физическое тело, эфирное тело, астральное тело, ментальное тело, кармическое тело, разум, дух. Если с первой трактовкой нельзя не согласиться, то вторая представляется сомнительной. Указанное соотношение материального и нематериального начал в человеке характерно для мифологического мышления и отличает вещи, отмеченные печатью архаики. Первая матрешка в России появилась в конце XIX в. на базе городецкого промысла по художественной обработке дерева, следовательно, она не была пропитана идеями мифологического сознания.

В действо мастер-класса привносится психотерапевтический компонент, по воздействию схожий с таким довольно модным понятием как арт-терапия. Известно, что человек в процессе творчества высвобождает свои глубинные чувства, в том числе страхи, комплексы и т.д., поэтому матрешка получается у каждого своя и по цвету, и по настроению. По ней можно даже составить психологический «портрет» посетителя. Релаксирующий эффект мастер-класса хорошо заметен по выражению лица, настроению создателей моделей, тем более что каждый может забрать поделку с собой. Во время проведения мастер-классов организаторы создают семиотическое пространство из символов и знаков, аналогичных тем, которые использовались в традиционной культуре. В силу этого посетители усваивают информацию не только на осознанном уровне, но и подсознательном, впитывая идеи, воплощенные в знаково-символической форме, через чувства, переживания, эмоции.

Модернизационные процессы, затронувшие музейную сферу, как масло для заржавевшего механизма, дали толчок к движению, появились новые способы воздействия на аудиторию, среди них интерактивные технологии. Музей славянской мифологии в г. Томске видится его создателями как полифункциональный культурный проект, где реализуются современные подходы и методики, благодаря которым возможно сохранение истории языческой Руси, порой незаслуженно забытой.

Литература

Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. – Л.: Наука,1986. – 175 с.

Е.Е. Марейчева
Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

Методическое обеспечение археологических практик студентов НГПУ на Алтае

Археология имеет важное значение в общей системе формирования у студентов исторического факультета Новосибирского государственного педагогического университета навыков самостоятельной исследовательской работы, подготовки к профессии учителя истории и культурологии. Археология Сибири является важным средством повышения качества знаний и интереса к краеведению. Осваивая приемы методики полевых исследований, формируется интерес к проблемам истории древней Сибири. На рубеже XX-XXI вв. во многих вузах Сибири (НГУ, НГПУ, БГУ, АлтГУ) велась работа по совершенствованию методического обеспечения для проведения археологических практик. Результатом этой деятельности была целая серия публикаций, изданных в различных университетах [Бородовский, 2004; Крупянко, Старостин, 2003; Троицкая, 2004; Понкратова, Орехов, 2007].

Подготовка студентов к полевой практике начинается с курса вспомогательных дисциплин, внесённых в учебный план, и включает в себя не только теоретическую, но и практическую часть. Проводимый НГПУ однодневный полевой семинар-выезд, в котором принимают участие студенты I курса, выполняет важные функции. Среди них: 1) ознакомление с предстоящими полевыми задачами, навыками полевых работ, правилами полевого быта; 2) заблаговременная подготовка необходимого экспедиционного снаряжения; 3) формирование у студентов интереса к более под-

робному изучению объекта предстоящих работ и археологии в целом; 4) усвоение студентами техники безопасности, основных правил жизни и работы в полевых условиях.

Организационные сборы студентов проводятся незадолго до начала полевого сезона несколько раз и каждый из них носит тематический характер: 1) подготовка необходимого для экспедиции снаряжения с наглядной демонстрацией; 2) подготовка экспедиционного оборудования, необходимого для функционирования полевого лагеря; 3) обсуждение организационных вопросов предстоящей археологической практики.

Программа проведения полевой практики включает в себя несколько составляющих: 1) обучающая стратегия программы; 2) развивающая стратегия программы; 3) воспитательная стратегия программы.

Экстремальные условия жизни и работы в поле накладывают свой отпечаток на поведение и требуют формирования специальных навыков. Разрешение организационно-экономических вопросов, таких как организация полевого быта, дежурства по кухне, ответственность за хранение, рациональное использование пищевых ресурсов и рабочего инвентаря перед руководителем и участниками практики вырабатывает собранность, дисциплинированность – качества, необходимые для студента и потенциального педагога.

Археологическая экспедиция является одной из форм научно-исследовательской деятельности. Полевая практика подразумевает не только работы на археологическом памятнике, но, кроме того, научно-практические и образовательные, а также воспитательные моменты. В период практики студенты обучаются работе с антропологическим материалом (антропологический практикум), а также расширяют свои этнографические знания во время экскурсий в музеи Горного Алтая. Еще одним из средств реализации образовательных возможностей является полевой семинар, в рамках которого студенты самостоятельно работают с конкретным археологическим материалом с определенной территории и готовят выступления [Бородовский, 2004].

Ведение полевой документации – неотъемлемая часть практики. Каждый практикант обязан ежедневно вести полевой дневник, куда вносятся основные этапы археологических исследований, а также собственные впечатления [Малышкина, 2006]. Дневники являются формой отчетной документации, фиксирующей события и ход исследовательских работ. При этом осваиваются основные приемы составления научной документации. Анализ дневников необходим преподавателю для наблюдения за особенностями процесса адаптации студентов в экстремальных условиях [Посредников, 1978]. Изучение дневников помогает получить представление о настроении и эмоциональном фоне в период прохождения практики. Наиболее содержательные из дневников публикуются в периодическом издании «Бюллетени полевой археологической практики». Эта публикация также является существенной частью методического обеспечения. Бюллетень является периодическим изданием, выпускающимся с 2002 г. К настоящему моменту вышло 8 выпусков. Данное учебно-методическое пособие выполняет функции рабочей тетради при ведении полевых занятий. «Бюллетень» содержит программы практик, нормативные документы и итоги полевой работы в конце каждого сезона, и отличается от обычных учебно-методических пособий тем, что это периодическое издание, которое постоянно пополняется и обновляется. Подготовка бюллетеней начинается в полевых условиях, студенты принимают активное участие в их создании [Кузнецова, 2006].

При проведении археологической практики важным аспектом является возможность реализации образовательного потенциала места её проведения. В этом плане Горный Алтай располагает исключительными по своему потенциалу ресурсами: 1) рядом с местом проведения практики находится максимальное количество археологических памятников (городище (Манжерок-3), курганные группы (Чултуков Лог-1, 2), оросительный канал – сувак (Манжерок 1а), петроглифический комплекс (Мыюта-3); 2) археологический парк «Бирюзовая Катунь», Тавдинский грот, республиканский музей им. А.В. Анохина, Чемальский музеи дают большие возможности для этнографических исследований; 3) местная мифология с. Манжерок представляет интерес для её изучения.

По окончанию полевого сезона студенты принимают участие в подготовке и проведении отчетной конференции, где подводятся итоги практики, демонстрируются результаты проведенных студентами научно-исследовательских работ. По итогам конференции выявляются возможности последующей специализации студентов по археологии, этнографии, культурологии.

В результате полевых практик студентов НГПУ, проводимых в течение 10 лет на Горном Алтае, А.П. Бородовским создано оригинальное методическое обеспечение, которое отвечает всем не-

обходимым требованиям инноваций в учебно-образовательном процессе и охватывает все аспекты, обязательные для успешного проведения полевой практики и полноценной реализации её обучающе-развивающих и воспитательных задач.

Литература

Бородовский А.П. Учебная программа. Подготовка к полевой археологической практике. – Новосибирск, 2004. – 48 с. – (Бюллетень полевой археол. практики студентов ИФ. – Вып. 4).

Крупянко А.А., Старостин Б.К. Методика полевых исследований (полевая археологическая практика с применением физических методов). – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2003. – 32 с.

Кузнецова Т.А. Бюллетени археологической практики студентов НГПУ (науч. рук. д.и.н., проф. Бородовский А.П.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2005 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2006. – Вып. 2. – С. 58-61.

Малышкина О.В. Полевые археологические дневники студентов НГПУ (науч. рук. д.и.н., проф. Бородовский А.П.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2005 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2006. – Вып. 2. – С. 67-70.

Понкратова И.В., А.А. Орехов. Археологическая практика (методические рецензии). – Магадан: Изд-во СВ гос. ун-та, 2007. – 48 с.

Посредников В.А.. Ведение полевой археологической документации. Метод. рекомендации. – Барнаул, 1978. – 19 с.

Троицкая. Т.Н. Полевая археологическая практика и научный кружок в подготовке будущего учителя к краеведческой работе. Методические рекомендации для студентов пединститута. – Новосибирск, 2004. – 12 с.

Уманский А.П. Археология СССР: программное и внепрограммное обучение. Методические рекомендации по повышению эффективности обучения и воспитания студентов. – Барнаул, 2004. – 20 с.

Н.С. Мартынова
Кемерово, Кемеровский государственный университет

Формы и методы работы музеев под открытым небом для посетителей с ограниченными возможностями (на примере музея-заповедника «Томская писаница»)

Правительством РФ отмечаются аспекты, касающиеся равных возможностей граждан России. Мы имеем равные права на образование, работу, медицинское обслуживание. Это должно касаться и активной позиции по отношению к историко-культурному и природному наследию нашей страны. Потенциал РФ огромен – это и галереи, и этнографические музеи и краеведческие, и музеи под открытым небом. Музеи под открытым небом представляют разные исторические эпохи, например, такие как Музей заповедник «Томская писаница».

Изображения Томской писаницы датируются эпохой неолита и бронзы. Многие изображения относятся к шедеврам первобытного искусства. Безусловно, музей под открытым небом – это одна из форм сохранения и использования культурного наследия прошлого, это территория с сохранившейся, восстановленной или привезённой из других мест застройкой с предметами быта и культуры того или иного народа. Музей-заповедник «Томская писаница» представляет собой объект туризма, имеющей культурно–познавательную ценность. Основной тенденцией в подходе к формированию экспозиции «Томская писаница» является переход от показа отдельных уникальных построек к воссозданию целостных архитектурно-этнографических комплексов. Таких, например, как реконструкция древних жилищ народов Сибири, павильон погребения, монгольская юрта.

Кроме того, культурно-просветительская деятельность музея включает в себя широкий спектр работы с посетителями, как традиционной для музеев, так и в новых формах. В музеях проводится лекционная работа, устраиваются праздники, концерты, викторины, молодёжные игры. Всё это является важным аспектом для познавательной, научно-исследовательской, развлекательной и других видов деятельности. Учитывая то, что музей-заповедник «Томская пи-

саница» ежегодно посещают около 54 тыс. туристов в год, можно с уверенностью говорить о возрастании интереса к культурному прошлому и возрождению национальных культур в России. Именно этот вопрос сейчас поставлен перед многими музеями и их сотрудниками.

Необходимо выявить проблемы и пути их решения, связанные именно с посещением музеев открытого типа людьми с ограниченными возможностями. Все люди с ограниченными возможностями относятся к категории населения, которые вправе пользоваться защитой и помощью государственных органов и учреждений, в том числе в решении вопросов досуга.

Актуальность проблемы изучения возможностей развития личности взрослых и детей с ограничениями средствами социально-культурной деятельности определяются, во-первых, наличием в обществе значительного количества лиц, имеющих ограничения жизнедеятельности. Во-вторых, обращение к данной теме обусловлено значительным реабилитационным и интеграционным потенциалом социально-культурной деятельности, её способностью решать значимые для личности проблемы и возможности оптимизировать условия жизнедеятельности людей с ограничениями.

В Музее-заповеднике «Томская писаница» возможности культурно-досуговой деятельности реализуются не всегда в силу специфичных барьеров социальной, транспортной и инженерной инфраструктур музея–заповедника, мешающих инвалидам принимать в них участия.

Важнейшим аспектом построения социокультурной деятельности в отношении людей с ограниченными возможностями на Томской писанице должна стать ориентация не на ограниченные возможности жизнедеятельности людей, а на их способности: на поддержание гражданских прав и достоинств, на внимание со стороны общества, на создание безбарьерной среды.

Каждый человек чем-то одарён природой, и важно помочь ему выявить в себе скрытые потенциальные возможности, на которые он, будучи здоровым, не обращал внимания. Творчество помогает пересилить болезнь и пересилить депрессию, вселяет уверенность в свои силы, приносит удовлетворение. Важнейшим методологическим основанием для рассмотрения проблем социокультурной реабилитации граждан с ограниченными возможностями является анализ резервных возможностей досуга и досуговой деятельности музея–заповедника «Томская писаница». Поэтому в культурно-досуговой деятельности музея–заповедника будут лежать два исходных начала:

– отношение и контакты с окружающей средой и, прежде всего, с учебным трудовым коллективом, знакомыми и друзьями;

– культурно-досуговые формы и методы, призванные активно влиять на личность детей и подростков с ограниченными возможностями, на их специальную реабилитацию и статус в обществе. Если человек не нашёл свой путь самостоятельно, то сможет это сделать в коллективе (любительском объединении, кружке и др.). Элементом реабилитации здесь может являться процесс нахождения себя, своего места в коллективе, осознание собственной значимости для каждого его члена.

Предназначением досуговых технологий музея–заповедника «Томская писаница» будет являться помощь людям с ограниченными возможностями освоить коммуникативные навыки, необходимые для адаптации в сложном социокультурном окружении. В музее–заповеднике «Томская писаница» (директор Каплунов Валерий Александрович) необходимо нарабатывать опыт адаптирования социально-культурных технологий к реабилитационному процессу инвалидов. Такими работами могут выступать фестивали творчества людей с ограниченными возможностями (установление контактов, обмен практическим опытом); организация на базе музея–заповедника творческих форм работы с детьми и многое другое.

На основе этого могут быть определенны следующие задачи работы:

1) разработка модели образовательной системы для работы с людьми с ограниченными жизненными возможностями;

2) выявление эффективных форм и методов туристко-краеведческой деятельности с людьми с ограниченными жизненными возможностями.

Гипотеза исследования предполагает, что разработанные содержание и методика туристко-краеведческой деятельности обеспечат эффективность работы с детьми с ограниченными жизненными возможностями при определённых условиях, таких как систематизация основных требований к проведению учебно-воспитательного процесса с учётом индивидуальных

особенностей человека, его заболевания, возраста и определение перспективных направлений развития, создание организационно-методологической модели построения воспитательного и развлекательного процесса.

Что касается методов исследования, то они включают в себя анализ социально-психологической, медицинской и профессиональной литературы по программе, изучение и обобщение некоторых практических опытов работы с инвалидами.

Анализируя опыт данной деятельности в странах Европы, можно отметить положительную тенденцию работы учреждений культуры с людьми, имеющими ограниченные физические, психологические возможности.

Если говорить о странах Центральной Европы, то здесь можно выделить Германию и Францию. Девиз «Туризм для инвалидов» стал основной темой специальных мероприятий, проведённых в столице Франции с 10 по 12 марта 2006 года. Лувр, Музей искусства и ремёсел, музей искусства и истории иудаизма и др. сообщили о своей готовности предоставить инвалидам специальный сервис, помощь и программы. Разделяя людей на четыре типа по уровню инвалидности: слуховой, умственный, зрительный и двигательный, руководители туристической индустрии города предлагают для всех особые условия, чтобы инвалиды могли полноценно отдыхать в Париже и изучать памятники истории и культуры. Кроме того, в городах Франции и Германии большинство парков адаптировано на высоком уровне для посещения инвалидов: имеются прокатные пункты инвалидных колясок, везде присутствуют пандусы, специальные туалеты, места для парковки транспорта. В Париже и Берлине проходит множество благотворительных концертов для инвалидов, разрабатываются и различные виды экстремального отдыха.

В России ещё много предстоит сделать, чтобы создать подобные условия для инвалидов.

В настоящее время идёт разработка концепции доступности памятников истории культуры и природы Музея заповедника «Томская писаница». Основными положениями концепции являются: 1) оборудование, приобретённый специальный транспорт; 2) обучение персонала для сопровождения; 3) разработка экскурсии направленная с учётом специфики заболевания; 4) установка постоянного медицинского пункта для контроля.

Н.С. Меренюк

Кемерово, Кемеровский Государственный университет культуры и искусств

Проблемы изучения и музеефикации памятников наскального искусства Кемеровской области

Памятники первобытной культуры в наши дни все больше привлекают к себе внимание представителей общественности – от археологов, историков искусства, до художников и простых граждан. Не будет преувеличением сказать, что содержание и форма древнейшего искусства до сих пор остаются загадкой для ученых и большинства обывателей. Петроглифы – один из самых удивительных памятников истории, позволяющих современному человеку наглядно представить себе жизненный уклад и мировоззрение далеких предков. В этом лишний раз убеждаешься при знакомстве с богатейшей «коллекцией» наскальных рисунков эпохи неолита и бронзы, обнаруженных в Сибири, на реке Томи. Они сохранили для нас всю сложность смыслового содержания и притягательную красоту первобытного художественного реализма. Далеко не каждая страна может похвастаться наличием такого рода уникальных свидетельств древнейшего происхождения человечества. Тем большую значимость приобретает Кемеровская область, обладающая тремя уникальными памятниками наскального искусства первобытного человека. Средства массовой информации стараются посвящать свои репортажи, статьи, программы памятникам истории и культуры зарубежных стран. Тогда как совсем рядом, в Кузбассе, находятся такие ценные памятники истории, как Томская, Новоромановская и Тутальская писаницы.

На правом берегу Томи, между дер. Писаной и г. Юргой, известны три большие группы древних наскальных рисунков. Чтобы увидеть знаменитую Томскую писаницу, нужно доехать до затерянной в распадке гор, поросших соснами и кедрами, деревушки Усть-Писаной. Две другие писаницы расположены так же на правом скалистом берегу Томи. Первая из них – Но-

воромановская – находится примерно в 25 км вниз от Томской писаницы. Третья писаница находится на берегу Томи, напротив г. Юрги, рядом с Тутальским санаторием.

После проведенных социологических опросов было выявлено, что Томскую писаницу знает большее количество населения, чем Новоромановскую и Тутальскую. Все три писаницы знакомы лишь ученым, занимающимся изучением Кемеровской области, студентам исторических и культурологических факультетов. В чем же причина неосведомленности простых жителей Кемеровской области о наличии таких уникальных историко- культурных объектов?

Изучая местоположение писаниц, сразу можно отметить их труднодоступность. Скалы с петроглифами расположены далеко друг от друга на общем расстоянии 50-60 км. До «Музея-заповедника Томская Писаница» проложен туристический маршрут и посетить его может любой желающий. В отличие от него, на Новоромановской и Тутальской писаницах не созданы условия для посещения. Причиной этого является не закрытость этих памятников для общего доступа, а ряд других факторов.

1. Проезд – добираться до писаниц не удобно (либо на катере, либо на электричке).

2. Сами наскальные рисунки располагаются в труднообозримых местах. На самой вершине одной из отвесных скал нанесены древние изображения. Уступы, на которых стояли древние художники, со временем обвалились, и сейчас скала на Тутальской писанице стала недоступной. Рисунки расположены так высоко, что с земли их почти не видно.

3. Природные факторы, которые прямым образом влияют на качество рисунков: это затопления, что относится к Новоромановской писанице, географическое выветривание – влияние температуры, ветра, дождя, солнца.

4. Отдельным пунктом можно выделить антропогенный фактор воздейсвия. Писаные скалы несут на себе свидетельства человеческого вандализма, что губительно сказывается на их состоянии.

5. Трудности в изучении. Археологам приходилось работать в экстремальных условиях, опасных для жизни.

Не смотря на сложившиеся обстоятельства и трудности необходимо продолжать изучать эти памятники и создавать условия для передачи информации о культурно-историческом наследии Кемеровской области.

Одним из способов решения этой проблемы может быть создание музея наскального искусства Кемеровской области в городе Юрга. Для этого разработать проект музея, где в полном объеме будут представлены все петроглифы с Новоромановской, Тутальской и Томской писаниц. Данный музей познакомит людей с памятниками истории их малой родины и приобщит их к общемировому культурному наследию. Таким образом, посетитель узнает больше об истории писаниц и своими глазами увидит наскальные изображения, свидетельствующие о бытовании первобытных людей на данной территории. Так же он будет доступен для посещения людям с ограниченными возможностями. Наличие такого рода музея позволит предотвратить опасные самодеятельные экскурсии на Новоромановскую и Тутальскую писаницы, которые сопряжены с риском для жизни.

Чтобы воплотить данную идею, необходимо детальное изучение писаниц. Следует учесть возможности города Юрга по открытию музея, тщательно разработать проект и согласовать его с представителями науки, общественных и административных организаций.

Памятники палеолитического искусства дошли до наших дней в целости и неповторимости, они являются уникальным историческим источником, поэтому и нам, людям XXI в., необходимо сохранить их в своем первозданном состоянии, чтобы спустя многие века наши потомки так же, как сейчас могли собственными глазами увидеть произведения искусства первобытных людей.

С.В. Монгуш
Кызыл, Тывинский государственный университет

История создания школьных музеев в западных районах Республики Тыва

Самую многочисленную группу музеев, действовавших на общественных началах, представляли школьные музеи историко-краеведческого профиля. Созданные в городах и селах республики, в учебных заведениях, они раскрывали перед посетителями и сохраняли для будущего поколения бесценные свидетельства борьбы и свершений нашего народа на всех этапах его исторического развития. Школьный музей – широкое поле творчества учащихся и педагогов. Организация и деятельность школьных музеев в значительной мере связаны с краеведением. Не случайно их считают одной из форм работ по краеведению [Сейненский, 1988].

В 1965 г. Республиканская детская экскурсионно-туристская станция организовала экспедиции под названием «По ленинским заветам» и походы боевой славы. В республике насчитывалось 15 школьных музеев, 35 краеведческих уголков, из них 10 были преобразованы в музеи. Кроме музеев краеведческого профиля, в республике создавались этнографические музеи в селах Хорум-Даг, Чыраа-Бажи, Алдан-Маадыр, Хондергей, Бажин-Алаак Дзун-Хемчикского района. В Хорум-Дагском и Чыраа-Бажинском школьных музеях собраны более тысячи экспонатов вместе взятых. Уникальными считались предметы быта тувинцев: столик на низких ножках (ширээ), вьючное седло (ынгыржак), деревянная плоская посуда для продуктов (деспи), пороховница из рога животного. Все они были выполнены народными мастерами на высоком художественном уровне.

В 1965 г. Министерством культуры СССР утверждено первое Типовое положение о народном музее, ставшее важной вехой в развитии музейного движения. Оно четко сформулировало условия, необходимые для постановки вопроса о создании музея, права и обязанность краеведческого актива, определило круг задач, относящихся к организации поисковой, экспозиционной, массово-пропагандистской работы [Буланый, Явтушенко, 1985]. В этом же году Министерство культуры СССР утвердило еще один важный документ – Положение о музейном фонде СССР. В соответствии с его принципами в общегосударственный музейный фонд отныне вводились и школьные коллекции памятников истории и культуры [Сейненский, 1988]. На основании этого республиканским музеем проведена регистрация подлинных и уникальных экспонатов, которые были поставлены на учет, а наиболее ценные (например, предметы из драгметаллов) были переданы в государственный музей.

Как показали итоги 3-го республиканского конкурса на лучший музей, проводившегося в 1966 г., хорошие отзывы получали открытые в 1966 г. школьные музеи в Хондергее и Хайыракане Дзун-Хемчикского района. В 1967 г. смотр-конкурс среди школьных музеев был посвящен 50-летию Октябрьской революции. Активисты республики были вовлечены во Всероссийский туристский поход «Из искры возгорится пламя». Обращалось внимание на содержание краеведческой работы, массовость, использование школьного музея в учебно-воспитательных целях.

Музей Чаданской школы № 1 создан по решению педагогического совета. Каждый класс имел задание. Это составление летописи об установлении советской власти в районе, сбор этнографических предметов, изучение экономики родного колхоза, Чаданского угольного разреза, райпромкомбината и т.д. Им помогали местные жители. Многие предметы поступили в музей в качестве дара. Широко были представлены материалы о земляках-участниках гражданской и Великой Отечественной войн, о передовиках производства Дзун-Хемчикского района. Собраны фотографии по истории школы и города и о восстании 60 богатырей. Краеведы Чыраа-Бажинского школьного музея сами изготовили чучела птиц и зверей, всего 52 вида. Собраны образцы минералов и горных пород, гербарии растений.

После подведения итогов конкурсов и особенно информаций в местных газетах Министерство просвещения Тувинской АССР стало обращать внимание на краеведческую работу. Так, на коллегии в 1968 г. заслушаны отчеты заведующих районо Дзун-Хемчикского и Барун-Хемчикского районов «О развитии школьных краеведческих музеев, их использовании в учебно-воспитательной работе».

Учащиеся школ этих районов активно включились во Всесоюзные походы по местам революционной и трудовой славы, организованные по инициативе ЦК ВЛКСМ. С 1972 г. активисты

школьных музеев участвовали в туристско-краеведческих экспедициях пионеров и школьников «Моя Родина – СССР». Это стимулировало дальнейшую организацию Всесоюзных походов и экспедиций, дальнейшее развитие краеведения, а также организацию школьных музеев.

Работы музеев всегда были под контролем партии. Об этом свидетельствуют Постановления ЦК КПСС по улучшению музейной работы (1967, 1982). Партия указывала на необходимость систематически обогащать содержание и различные формы коммунистического воспитания. В Постановлении ЦК КПСС (1982 г.) «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев» подчеркивалось, что «музеи – важный участок идеологического фронта» [Материалы.., 1986, с. 88-89]. Но, несмотря на это, в некоторых школах республики музеи создавались ради галочки, которые через некоторое время прекращали свою деятельность.

Во многих музеях имелся фонд подлинных материалов, представлявших собой первоисточники сведений о природе и истории общества. Привлекались различные вспомогательные предметы. Экспозиционные материалы раскрывали содержание тем по истории местного края. К сожалению, не все школы имели необходимое помещение и оборудование. О равнодушии руководителей школ к судьбе экспонатов говорит тот факт, что под музей выделялись самые худшие классы или комнаты, где не было необходимых условий для экспонирования и хранения музейных предметов.

В школьных музеях имелся актив учащихся, способный вести под руководством педагогов систематическую поисковую и исследовательскую работу, участвовать в комплектовании, учете и хранении фондов, в показе и пропаганде собранных материалов. Формами поисковой работы являлись работа с архивными документами, с периодической печатью, сбор газетных материалов о людях и событиях родного края, выявление и пропаганда памятников истории и культуры, встречи с участниками, очевидцами исторических событий, переписка с земляками, фотографирование участников событий, других знатных людей, исторических объектов, консультации, беседы с местными жителями, поиск материалов материальной и духовной культуры. Успешное проведение массовых туристских походов, экскурсий, экспедиций школьников способствовали накоплению интересных краеведческих материалов в школьных музеях. Экспонаты использовались для обучения и воспитания, для пропаганды краеведческих знаний не только среди учащихся, но и населения. Создавались школьные музеи и уголки потому, что возникла острая необходимость в наглядных пособиях местного характера.

В годы застоя идеологический диктат сказывался и на школьных музеях. «Пренебрежительное отношение партийно-государственных чиновников к культуре не могло не повредить музейной работе, однако работа эта все же шла благодаря усилиям энтузиастов, было создано немало музейных экспозиций, в которых удалось, ограничившись минимумом верноподданнических реверансов, собрать живые свидетельства о нашем истинном прошлом, прежде всего о прошлом отечественной культуры» [Вайнерман, 2000, с. 144].

Школьные музеи были одной из форм проявлений самостоятельности и инициативы учащихся, местом практической и методической работы по изучению родного края, местом хранения, экспонирования, учета документальных и вещественных материалов, собранных в итоге исследовательской туристско-краеведческой работы в школах. Экспозиции музеев помогали учащимся усвоить основы наук, его материалы использовались на уроках. Во время отбора, обработки и всестороннего изучения у школьников развивались навыки самостоятельной исследовательской работы.

Таким образом, 1960-1980-е гг. были характерны «музейным бумом» в нашей республике, как и во всей стране. Возобновилось краеведческое движение, инициаторами которых стали учителя и юные следопыты, результатом их поисково-собирательской деятельности стали создание историко-краеведческих школьных музеев, уголков, ленинских комнат, музеев боевой и трудовой славы.

Литература

Буланый И.Т., Явтушенко И.Г. Музей на общественных началах. – М., 1985.
Вайнерман В. Музей и школьники // Преподавание истории в школе. – 2000. – № 2.
Материалы XXVII съезда КПСС. – М., 1986.
Сейненский А.Е. Музей воспитывает юных. – М., 1988.

О.В. Морозова[1], И.Д. Мельников[2]
[1]Джида, Джидинская СОШ
[2]Петропавловка, Музей «Джидинская картинная галерея»

Краеведческая экскурсия «Памятники природы и археологии в пределах урочища Усть-Ичетуй (Джидинский район, Республика Бурятия)»

Археологическое наследие является уникальным достоянием любого государства. Однако далеко не всегда мы помним об этом. А ведь историко-культурное наследие, одной из важнейших составляющих которого являются археологические памятники, это не только предмет гордости за прошлое. Его сохранение и использование помогает решить ряд стратегических задач в деле развития любого государства.

Невозможно осуществлять хозяйственно-экономическую деятельность, игнорируя исторический опыт взаимодействия человека с природой на протяжении тысячелетий в каждом конкретном регионе. Религиозные и этнические различия, а часто и противоречия уходят своими корнями в глубокую древность. Для того, чтобы понять их природу и способствовать развитию и взаимообогащению межэтнических и межконфессиональных отношений, также необходимо знать историю их возникновения и развития, что особенно важно для таких территорий, как Сибирь, которая традиционно является многонациональным и поликультурным регионом.

Важнейшей задачей любого государства является воспитание подрастающего поколения. В условиях модернизации российского образования национально-региональному компоненту отводится значительное место, поэтому появилась необходимость внедрения в образовательный процесс методов и форм обучения, способствующих прикладному изучению своей малой родины. Привлечение педагогического потенциала туристско-экскурсионной деятельности для решения данной проблемы, на наш взгляд, является наиболее эффективным и актуальным. Именно туристско-краеведческая деятельность способна выполнять образовательные и воспитательные функции одновременно. Кроме того, данная деятельность способствует формированию жизненно важных навыков и становлению социальной активности личности.

Наряду с этим в наш чрезвычайно динамичный век очень остро стоит проблема рекреации. Развитие культурного туризма, способствующего гармонизации человека и общества, человека и природы, во всех развитых странах постоянно находится в поле зрения государства. Как известно, основными объектами такого туризма являются памятники истории и культуры, и в первую очередь – археологии. Эти же памятники являются постоянными и весомыми источниками дохода, решают проблему создания рабочих мест и т.д.

Список проблем, так или иначе соприкасающихся с археологией (которая на первый взгляд занимается исключительно древним прошлым) и которые с ее помощью могут быть решены, можно продолжать до бесконечности.

Наиболее перспективным направлением в деле сохранения и использования археологического наследия является создание историко-культурных центров на базе музеефицированных памятников [Изотова, 2006, с. 31]

Первым шагом на пути создания историко-культурных центров может стать проектирование экскурсионных маршрутов разной тематической направленности: краеведческой, археологической, исторической, естественнонаучной и т.д.

Несмотря на ряд сдерживающих факторов, тормозящих внедрение экскурсионного метода как наиболее эффективного при изучении природных и исторических особенностей своей малой родины, для внедрения этого метода имеется необходимая ресурсная база: в Бурятии, в том числе в Джидинском районе, имеется огромное количество недвижимых объектов культурного наследия и памятников природы. Большую роль в этом деле могут сыграть не только крупные исследовательские центры, но и небольшие сельские краеведческие музеи.

Исследование природных и историко-культурных ресурсов Джидинского района, в частности урочища Усть-Ичётуй, предпринятое директором музея «Джидинская картинная галерея» И.Д. Мельниковым показало, что на основе данных объектов возможно проектирование экскурсионных маршрутов разной тематической направленности: краеведческой, археологической, исторической и естественнонаучной тематики. В рамках исследования был разработан проект пеше-

автомобильного маршрута в пределах урочища Усть-Ичётуй (Джидинский район, республика Бурятия).

Маршрут экскурсии включает посещение следующих объектов: 1) памятный знак Доржи Банзарову, 2) плиточные могилы и херексуры, 3) минералогическая точка, 4) пещера Сарбадуй, 5) наскальные рисунки (петроглифы).

Описание объектов

1. Памятный знак Доржи Банзарову. Первоначально это была глыба в человеческий рост, на которой крепилась мраморная доска с надписью «Здесь родился первый бурятский учёный Доржи Банзаров, 1822-1855 гг.». Знак установлен в ознаменование 170-летия Д. Банзарова в 1992 г. Спустя 15 лет, на камне была установлена новая доска с портретом Д. Банзарова и с тем же текстом, устроен навес, крыша которого изображает раскрытую книгу.

Транспорт подходит к знаку вплотную.

2. Плиточные могилы и херексуры входят в состав смешанного могильника Сарбадуй. В нём четыре пункта, объединяющие 26 плиточных могил и 13 херексур; расположены они в подошве восточного склона горного массива Сарбадуй на протяжении 2 км. Находятся на левом берегу р. Джиды, в приустьевой части р. Ичетуя, в 7-10 км на юго-восток от села. Могилы расположены по распадкам правого берега р. Ичетуй, в восточной части горного массива Сарбадуй.

Пункт 1 – в первом (крайнем северном) распадке отмечен крупный херексур (70х70 м).

Пункт 2 – в 7 км юго-восточнее села, 0,4 км южнее п.1. В могильнике 15 плиточных могил и 4 херексура.

Пункт 3 – в следующем распадке в 1 км южнее п.2. В могильнике 2 плиточные могилы и 1 херексур.

Пункт 4 – в 8 км к юго-востоку от села, в 0,8-1,2 км от п.3, северо-западнее устья р. Ичетуй на небольших каменистых возвышенностях. В могильнике 9 плиточных могил и 7 херексуров.

Первые сведения о могильнике принадлежат Л. Залкинду и относятся к 1890 г. В 1978 г. могильник зафиксирован группой по паспортизации памятников истории и культуры. Памятник посетили в 1982 г. Е.А. Хамзина, в 1984 г. – Н.В. Именохоев и П.Я. Эйдельман, в 1996 г. – С.В. Данилов [Хамзина, 1982].

Могилы находятся вблизи от дороги, максимальный подход – 200 м.

3. Минералогическая точка расположена на правом борту речки Ичётуй в 700 м от устья. Выявлена при геологических работах в 60-х гг. XX в., представлена кварцем, дистеном (руда на алюминий), лазулитом (поделочный камень синего цвета), рутилом (окись титана), гематитом (окись железа). Из названных минералов наибольший интерес представляют лазулит и рутил. Минералогическая точка в рельефе выражена в виде невысокой горки, сложенной крупным элювием кварцсодержащих пород, поросших берёзами.

Максимальный пеший подход – 150 м.

4. Пещера Сарбадуй находится на восточном склоне горного массива Сарбадуй, в привершинной части, в одном километре западнее кладбища Старый Ичётуй. С дороги просматривается, но с определённой точки. Полость имеет естественное происхождение и образовалась в результате выветривания ксенолита (обломок слюдистого сланца, захваченный гранитной магмой). Высота пещеры на входе 2,5 м, ширина – 3 м. Пещера сухая, пол завален крупными глыбами, потолок ненадёжный, могут свалиться обломки гранитоидов значительных размеров. Экспедицией этнографического музея шурфом найдены фрагменты берестяных изделий, костных останков, пластинки из распиленных рогов [Иметхенов, 1991] При посещении пещеры директором музея ДНКГ И.Д. Мельниковым в 2005 г. были обнаружены: поплавок для сети из бересты, позвонок крупной рыбы, галька небольших размеров и шагайка (суставная косточка конечности овцы) с просверленным отверстием посередине. Шагайка часто встречается в гуннских захоронениях. На входе пещеры буро-красной краской нанесены пятна, фигурки человечков.

Пеший подход к пещере – около 1 км и столько же – обратно, итого – 2 км. Первоначально маршрут проходит по пологому склону. По пути встречается растение с поэтичным названием эдельвейс. Эдельвейс произрастает в высокогорных районах Карпат и Тянь-Шаня, там он чрезвычайно редок, поэтому занесён в Красную Книгу СССР, в Бурятии этот цветок населению мало знаком, его знают только специалисты.

Подниматься можно по ребру мыса, с которого открывается великолепный вид на излучину р. Джиды.

5. Петроглифы (датировка – бронзовый век, средневековье) расположены в 12 км на юго-восток от Петропавловки, на левом берегу р. Джиды.

Пункт-I находится на южном конце мыса Барходуй Сарбадуйского горного массива в неглубокой нише с козырьком в 15 м от подошвы склона. На рисунках – стилизованные фигурки человечков (бронзовая эпоха), выполненные буро-красной охрой, и здесь же два всадника со стрелами в колчанах за спиной и головных уборах – шишаках оранжевого цвета, относящиеся к средневековью. Подобного рисунка на территории Бурятии и Монголии не встречается.

Пункт-II расположен в 150 м западнее Пункта-I в подошве скального выхода на уровне 1-1,5 м. Состоят из целого ряда пятен, оттиска правой руки, оградок, контуров животных, просматривается фигурка сидящего Будды с раскинутыми руками. Здесь же отмечены тибетские письмена оранжевого цвета.

Пункт-III расположен в 500 м на юго-восток от устья рчк. Ичётуй в подошве скального выхода. На плоскости под небольшим карнизом, слегка перекрытым солевыми отложениями атмосферных осадков, нанесены одиночные и групповые фигурки человечков, дворик с пятнами, олени, собака, верблюд. Петроглифы открыты в 1949 г. В.Д. Запорожской. В 1969 г. место посетил А.П. Окладников, а в 1982 г. – Е.А. Хамзина. [Хамзина, 1982]

Петроглифы расположены рядом с дорогой.

Последовательность отработки маршрута.

Экскурсионная группа формируется в Петропавловке, либо другом населённом пункте.

1. Петропавловка – памятный знак Д. Банзарову (12 км, 10 мин.), осмотр, информирование (15 мин.).

2-3. Памятный знак – могильник – минералогическая точка (6 км, 10 мин.), осмотр, экскурсионное сопровождение (1,5 часа); здесь же осмотр археологических памятников: плиточных могил, херексур (1 час).

4. Пеший подход минералогическая точка – пещера Сарбадуй (40 мин.), осмотр пещеры (20 мин.), возвращение (40 мин.).

5. Минералогическая точка – мыс Барходуй (петроглифы) (6 км, 15 мин.), осмотр, экскурсионное сопровождение (40 мин.).

6. Мыс Барходуй – устье Ичётуя (6 км, 15 мин.); подход устье Ичётуя – петроглифы пеший (500 м, 20 мин.), осмотр, экскурсионное сопровождение (20 мин.).

7. Устье Ичётуя – Петропавловка (18 км, 20 мин.).

Протяжённость автомаршрута – 54 км. Общие затраты времени: 7 часов, обед – 1 час.

Итого: 8 часов.

В 2009 г. по этому маршруту были проведены первые экскурсии.

Считаю, что, только привлекая внимание к археологическим памятникам, мы в будущем сможем создать серьезную туристическую базу, способную решать все поставленные задачи и сохранить наше историческое наследие. Кроме того, проектирование и развитие экскурсионных маршрутов отдельных районов способствуют формированию единой туристической карты республики и России в целом.

Литература

Изотова М.А., Матюхина Ю. А. Инновации в социокультурном сервисе и туризме. – М., 2006.

Иметхенов А.Б. Памятники природы Байкала. – Новосибирск: Наука, 1991. – 159 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 220 с.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1982. – 153 с.

А.М. Мышегреб
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Музейный праздник как форма актуализации нематериального наследия на примере Омского государственного историко-краеведческого музея

Традиционная культура объединяет два противоположных начала – материальное и духовное, включая в себя как предметы быта, орудия труда, музыкальные инструменты, так и религиозные верования, обычаи, обряды, фольклор и др. Нематериальное наследие – это совокупность основанных на традиции форм культурной деятельности человеческого сообщества, формирующих у его членов чувство самобытности и преемственности [Словарь музейных терминов, 2001, с. 148]. К общепринятым формам нематериального наследия относятся язык, литература, устный эпос, музыка, танец, мифология, ритуалы, обычаи, ремесла, традиционные формы коммуникации, традиционные экологические представления, знаки, символы и т.п. [Российская музейная энциклопедия, с. 31].

На сегодняшний день проблема включения и презентации форм неосязаемого наследия в экспозиционную деятельность музея является как никогда актуальной. Музеи всего мира ищут средства для наиболее полного раскрытия нематериальной составляющей своих собраний. Используя различные приемы, как при построении экспозиции, так и во время экскурсионного показа, сотрудники современных музеев стараются совершенствовать способы представления и актуализации духовной культуры. В качестве примера можно привести следующие формы ее презентации: театрализованные экскурсии, игры, музейно-образовательные программы, музейные праздники, включающие методы интерактивности, реконструкции и театрализации.

Цель данной статьи заключается в иллюстрации приемов музейного праздника в Омском государственном историко-краеведческом музее (далее – ОГИК музее) в направлении актуализации и презентации нематериальной культуры.

ОГИК музей был основан в 1878 г. как музей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. У его истоков стояли такие выдающиеся ученые как М.В. Певцов, И.Я. Словцов, Г.Е. Катанаев, Г.Н. Потанин и др. Сегодня краеведческий музей является одним из крупнейших музеев нашего города, его посещают ежегодно более 150 тысяч омичей и гостей нашего города.

Кроме активной выставочной деятельности музей ежегодно проводит целый ряд музейных праздников. Музейный праздник – это комплексная форма культурно-образовательной работы, все элементы которого объединены одной общей темой при обязательном использовании музейных предметов, активном участии посетителей, соблюдении ритуальности, использовании праздничных атрибутов, элементов театрализации и игровых эпизодов и координации действий с местными организациями и учреждениями [Юхневич, 2001] В рамках такой концепции предметная историко-культурная среда предстает во взаимодействии с музыкой, танцем, литературой. Это и дает возможность передавать более полно образ эпохи, более глубоко погрузить зрителя в ее атмосферу.

Важная роль отводится русским народным праздникам, таким, как Святки, Масленица, Иван Купала, День капусты, Именины.

Святки – это «святые дни». На святки славили, прославляли Христа, Новый год, будущий урожай, поздравляли друг друга. Это и самый веселый крестьянский праздник. По поверьям, с началом Святок с того света возвращаются души умерших, начинаются потехи нечистой силы и ведьм, которые справляют шабаш и веселятся с нечистыми. В ОГИК музее еще в начале 1990-х годов появилась идея проведения праздника «Святки». В обстановке деревенского быта столетней давности гостей встречают две «хозяйки» – ведущие в русских народных костюмах. И они сразу становятся участниками святочного праздника – украшают дом еловыми ветками, встречают ряженых и наряжаются сами, играют в игры, знакомятся с различными приемами святочных гаданий. По ходу ведущие отпускают комментарии, поясняющие семантику обрядов, игр. Дети, ведь именно на них рассчитан этот праздник, активно принимают участие и в русских народных забавах, и в гаданиях, с удовольствием узнают о старинных обычаях и приобщаются к действу.

Еще один фольклорно-этнографичекий праздник – «Масленица», проходит в музее в конце февраля – начале марта. На «Масленицу» призывали в свой дом хороший урожай и богатый приплод.

Праздник масленицы был связан с культом нарождающегося солнца. Отсюда и традиционные блины. И этот праздник не обходится без элементов театрализации. Ее участники не только сотрудники музея, но и сами дети, которые катят Масленичный поезд с соломенным изображением Масленицы, олицетворяя коней. В фойе музея разыгрывается сцена встречи Масленицы. Затем ребятам предлагается принять участие в различных хороводных играх, продемонстрировать Масленице свою удаль и находчивость. Не обходится музейный праздник и без традиционных масленичных угощений. Их предваряет «Закручивание блина» – старинная ритуальная игра, после чего зазывалы угощают детей блинами и приглашают на представление кукольного театра Петрушки. В завершении праздника из рассказа экскурсовода гости узнают глубинный смысл этих действий, рассуждают об истоках праздника и о его значении в жизни земледельца. Это позволяет глубже окунуться в атмосферу праздника.

5 июля в музее проводится праздник «Иван Купала». Летнее солнцестояние – один из заметных, поворотных моментов года. Издревле все народы Земли отмечали в конце июня праздник вершины лета. На Руси таковым праздником является Иван Купала. В этот день, помимо показа традиционной экспозиции, музей готовит игры, русалий танец, обрядовые поединки, фольклорные песни, хороводы и многое другое. Кроме того, в этом году сюрпризом для гостей стали мастер-классы, где посетители могли изготовить по древним образцам доспехи и керамическую посуду. Гостей также ждали творческая мастерская «Секреты купальских трав», где можно было сплести праздничный венок и узнать тайны судьбы, театрализованная экскурсия «Иванов день», посвященная происхождению купальских обрядов, «Как на наши именины», где можно было узнать не только тайну происхождения своего имени, но и истоки празднования именин. В празднике приняли участие коллектив Омской областной общественной организации «Польский культурно-просветительный центр «Полонез», лаборатория исторической реконструкции «Наследие Сибири».

Самые радостные, щедрые праздники приходились на осень, когда люди, убрав урожай, делали заготовки на долгую зиму. Один из таких праздников – «Воздвиженье» – отмечался 27 сентября. С этого дня начинались капустинские вечера, которые длились две недели. С Воздвиженья до Сергия-капустника (8 октября) хозяйки рубили и солили капусту. В эти дни деревенская молодежь обходила все крестьянские дворы, помогая рубить и заквашивать капусту. За это хозяйки угощали капустным пирогом, после чего – песни, пляски, хороводы. На театрализованной экскурсии «День капусты» дети узнают не только об истории происхождения праздника Воздвиженья, но также участвуют в традиционных обрядах и обычаях, сопровождающих капустинские вечерки. В русской избе гостей встречает хозяюшка с девицами, во время всей экскурсии они рубят капусту настоящими сечками, хозяйка рассказывает рецепты квашения капусты и других блюд из этого овоща. Детям предлагается помочь девушкам порубить капусту в деревянных корытцах и посмотреть, так ли легко это было делать сто лет назад. В конце праздника детей приглашают поиграть в русские народные игры, связанные с капустой, а затем угощают капустными пирогами.

В этом году музей впервые провел новый и необычный праздник «День топора». Праздник был нацелен на привлечение внимания общественности к созданию ОГИК музеем комплекса под открытым небом, к вопросу возрождения традиционных ремесел, которые почти утрачены. В программе приняли участие дети из летнего оздоровительного палаточного лагеря Любинского района «Туристский калейдоскоп», Базы отдыха «Политотдел», жители поселка Политотдел. В этот день гости отведали кашу из топора по особому рецепту, насладились «топорными» танцами и оказались осыпанным салютом из щепок. Также в программе праздника была представлена выставка «История топора» из фондов ОГИК музея, мастер-класс по изготовлению деревянных изделий, викторины, игры.

Музейный праздник, являясь комплексной формой культурно-образовательной деятельности, наиболее популярен среди посетителей, он обладает широким спектром средств презентации и актуализации нематериального наследия – тех обычаев, традиций, обрядов, которые уходят из современного мира, вытесняясь другими инновационными подходами в повседневной жизни и в сфере отдыха.

Литература

Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс] // http: //www/museum.ru/rme/dictionary/asp?31.

Словарь музейных терминов. – М., 2001. – 344 с.

Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей: Учеб. пособие по музейной педагогике. – М., 2001. – 236 с.

Г.В. Наушенко
Барнаул, Алтайский государственный университет

Интерактивные музеи

Главным направлением в деятельности музеев сегодня становится не информирование или образование и воспитание, а общение или коммуникация, важным стало обращение к чувственно-эмоциональной сфере, творческому воображению посетителя. Чтобы не терять своих посетителей и привлекать новых, музеям необходимо мгновенно реагировать на общественные запросы, адаптироваться в условиях изменчивой среды. Этому способствует развитие целой сети специальных музеев. Сегодня их называют одним понятием «интерактивные музеи» [Бузмакова, 2008].

Единого определения понятию интерактивные музеи пока нет, но под интерактивными музеями понимают специальные музеи или центры, предполагающие активное участие музейной аудитории в процессе музейной коммуникации с целью обретения опыта для лучшего освоения музейного пространства. Путем создания особой интерактивной среды, включающей интерактивные занятия, театрализованные экскурсии, творческие задания, интерактивные путеводители и т.д. Таким образом, интерактивные музеи включают в себя детские и научные музеи, научно-познавательные центры [Медведева, 2009].

Интуитивно следуя духу времени и общим целям своего развития, научно-технические музеи многое делают для популяризации науки, соединяя в своей деятельности учреждения культуры, образования и науки в целях воспитания молодых людей, обладающих инновационным мышлением. В нашей стране их деятельность, не поддерживаемая финансово, представляется разрозненной и потому не слишком эффективной. Во всяком случае, по сравнению с опытом зарубежных стран, где создан настоящий культ музейно-образовательных учреждений типа «Science Centres» и «Эксплораториумов». Они существуют независимо от традиционных научных музеев, но называются музеями и выполняют сходные с ними функции.

Их отличие от традиционных музеев заключается в попытке создать атмосферу экспериментального погружения в науку. Эту идею подхватили и традиционные музеи, которые достаточно быстро стали дополнять свои экспозиции введением интерактивных экспонатов, создавать и демонстрировать интерактивные выставки. Тем самым были созданы условия для возникновения целой сети ассоциаций и объединений научно-познавательных центров и музеев, существующих уже более 10 лет в различных странах мира под единым названием ECITE. Научные музеи за рубежом активно создают доступные для понимания обычных людей интерактивные экспозиции, выставки, программы. Российские научно-технические музеи, к сожалению, не входят в эти ассоциации и объединения. Более того, Россия – единственная из достаточно крупных стран, где не построено ни одного Science Centre или музея увлекательной науки [Борисова, 2009].

А.У. Зеленко еще в 20-е гг. XX в. увидел в первых детских музеях «новое создание культуры человечества» и предложил концепцию интерактивного музея. Подобный музей должен был создать ситуацию активного взаимодействия ребенка с экспозиционным материалом.

За рубежом идея детского интерактивного музея начинает распространяться в 60-е годы XX столетия с внедрением операциональной теории интеллекта Пиаже. Тогда и появляются такие формы, которые требуют от посетителей проявления самостоятельности, активности и творческого закрепления знаний.

Наиболее последовательно технология интерактивности воплощается именно в детских музеях. В этой связи следует выделить два имени. Это Михаэль Спок, который, став директором Бостонского детского музея, начал создавать выставки, которые поощряли изучение реальных предметов через активные действия и манипулирования с ними. Второе имя – Франк Оппенхеймер – основатель Эксплораториума в Сан-Франциско, где дети знакомились с различными научными теориями через игру, опыт и эксперимент [Юхневич, 2007].

В России идея детского музея после перерыва в более чем 50 лет вновь актуализируется в 90-е годы XX в. Первым знаком набирающей силу тенденции стали выставки с детской тематикой: «Мир детства в традиционной культуре» (Государственный музей этнографии, 1990); «Детям о древней Москве» (Музей истории города Москвы, 1991) и др. Постепенно все больше внимания уделяется интерактивным экспозициям и экспонатам для детей [Борисова, 2009].

Сеть образовательных интерактивных музеев науки в нашей стране только начинает формироваться. Идея их создания принадлежит известному советскому популяризатору Я.И. Перельману, основавшему в довоенном Ленинграде первый «Дом занимательной науки» [Кравченко, 2009].

Г.Л. Васильев предложил организовать сеть интерактивных музеев в нашей стране. Эти музеи будут посвящены универсальным естественнонаучным законам, которые должен знать любой школьник. Экспозиции таких музеев одновременно являются игровой площадкой, научным аттракционом, лабораторией для экспериментов. Здесь нет коллекции старинных предметов, но есть выполненные по спецзаказу устройства. Описывая этот проект, он придумал таким музеям особое наименование: «Фикси-Лаб» [Васильев, 2008].

Считается, что есть научно-познавательные центры и есть научно-технические музеи. У нас в стране нет научно-познавательных центров и у нас очень мало технических и научных музеев. За рубежом эти понятия (научно-познавательные центры и научно-технические музеи) не противопоставляются друг другу, а употребляют равноценно [Борисова, 2009].

В некоторых регионах России предпринимаются попытки создания центров типа «эксплораториумов». К примеру, Научно-образовательный центр Экспериментарий при Иркутском СО РАН и Дворец творчества детей и молодежи «Интеллект» в г. Москве.

В Экспериментарии г. Иркутска каждый может быть активным экспериментатором и первооткрывателем. Музей показывает не экспонаты, а, прежде всего, процессы и явления природы, которые эти экспонаты демонстрируют. Этот музей еще называется Музеем занимательной науки. Большая часть его демонстрационных приборов имеет интерактивный характер, то есть предполагает взаимодействие с посетителем [Кравченко, 2009].

Не менее интересным является деятельность Дворца творчества детей и молодежи «Интеллект». Целью данного центра является создание интерактивных экспозиций по разным учебным дисциплинам, прежде всего техническим: физике, химии. К примеру, экспозиция «Зазеркалье» посвящена секретам оптики [Медведева, 2009].

В качестве примера детского интерактивного музея в нашей стране можно рассмотреть Ноябрьский детский музей. Интерактивность в нем представлена и последовательно проводилась во всех проектах. Экспонаты были устроены и расположены таким образом, чтобы ребенок находился в постоянном движении: можно самостоятельно провести физический или химический опыт и т.д.

В рамках каждого проекта сотрудники музея из Ноябрьска обязательно разрабатывали «календарь событий выставки». В него традиционно входили творческие занятия (например, «Потехе время: играем в игры наших бабушек»), мастер-классы и музейные праздники («Рождественские посиделки», «Бабушкины сказки» и др.), а также внемузейные мероприятия [Юхневич, 2007].

Таким образом, интерактивные музеи это новая ступень в развитии музеев во всех странах мира. Интерактивный музей – то место, где, и взрослые, и дети, отдыхая, работают, проводят самостоятельные исследования, экспериментируют в целях познания законов и направлений развития науки.

Литература

Борисова Н. Инновации – вот что необходимо научно-техническому музею сегодня // Музей. – 2009. – № 7. – С. 12-15.

Бузмакова Н. Ищем новые формы // Музей. – 2008. – № 9. – С. 50.

Васильев Г. Интерактивных музеев должно быть много! // Музей. – 2008. – № 3. –С.11-14.

Кравченко К. Музей экспериментов // Музей. – 2009. – № 7. – С. 44-47.

Медведева Е. О популяризации науки с помощью музеев, или снова об интерактивности // Музей. – 2009. – № 7. – С. 5-9.

Медведева Е. Считать ли музеями научно-познавательные центры? // Музей. – 2009. – № 7. – С. 22.

Юхневич М.Ю. Образовательные музеи. – М.: НП «СТОиК», 2007 – 168 с.

Т.С. Паршикова
Барнаул, Алтайский государственный университет

Нормативно-правовые аспекты сохранения и использования культурного наследия

На территории нашей страны сконцентрировано значительное количество ценных памятников истории и культуры. Многие из этих объектов поистине уникальны и могут быть отнесены к мировым сокровищам культуры. Физическое состояние более половины находящихся под охраной государства памятников истории и культуры России продолжает ухудшаться и характеризуется как неудовлетворительное. Объекты наследия составляют весомую долю в культурном достоянии мира, вносят важнейший вклад в устойчивое развитие нашей страны, что и предопределяет ответственность государства за их сохранение и передачу последующим поколениям.

Существующая система государственной охраны объектов культурного наследия была сформирована на основе принципов, определенных в 1970–1980-х гг. и обеспечивала сравнительно приемлемое состояние важнейших памятников. Последующие экономические и социальные преобразования в России потребовали коренной модернизации этой системы. Внесенный правительством в Государственную Думу РФ проект федерального закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры» в 1996 г. был отозван. И только через шесть лет, с принятием в 2002 г. закона «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской федерации», устанавливалось регулирование отношений по сохранению и использованию недвижимых объектов культуры.

В соответствии с ним основной задачей в сфере культурного наследия является обеспечение сохранности объектов всех видов и категорий, включая осуществление их государственной охраны, сохранение, использование и популяризацию (в соответствии с законодательством). Тем не менее, в наименовании Федерального закона не отражено, какие отношения он призван регулировать. Государственная охрана объектов культурного наследия не представлена как главная составляющая. Она является лишь одной из многих функций государства. Принципы осуществления государственного контроля в области сохранения, использования, популяризации и охраны объектов культурного наследия не определены [Шестова, 2008, с. 56–58].

Новый документ ввел целый ряд важных понятий и норм, предопределяющих регламентацию охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия. Классификация мобильности, подразделявшая памятники на движимые и недвижимые, исчезла как раз с появлением нового понятия «объекты культурного наследия». Данная формулировка появилась именно в этом Федеральном законе. Подчеркивается, что данный нормативный акт охраняет лишь недвижимые памятники истории и культуры, оставляя без внимания огромный массив так называемых движимых памятников, сосредоточенного большей степенью в музеях и частных собраниях.

В это же время в связи с расширением спектра объектов, включенных в сферу музейной деятельности, вокруг понятия «наследие» формируется значительный по объему блок новых терминов. Чрезвычайно актуальными для современной музейной практики являются определения, связанные с вопросами законодательства. Они дают представление в целом о правовом поле, в котором оказались сегодня отечественные музеи [Словарь актуальных.., 2009, с. 48]. В некоторой степени данный вопрос раскрывает Федеральный закон № 53 от 24 мая 1996 г. «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», в пятой статье которого сказано, что «музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, являются неотъемлемой частью культурного наследия народов Российской Федерации». Знание обозначенных законодательных норм обеспечивает приведение в порядок деятельности по использованию наследия. Так, для включения в Государственный музейный фонд РФ предметов из ведомственных (в т.ч. вузовских) музеев, проводятся проверки их учета и хранения. Такой контроль, в частности, имел место в «Музее археологии и этнографии Алтая» АлтГУ, что позволило грамотно систематизировать его многочисленные коллекции.

Однако, перечисленные выше законы не дают полного представления о системе правовых норм, регулирующих отношения, связанные с охраной и использованием памятников истории и культуры. Их полноценное практическое использование требовало разработки и утверждения ряда подзаконных актов, в частности Положений о Едином государственном реестре объектов культурного

наследия, о государственной историко-культурной экспертизе объектов культурного наследия и др.

Тем не менее, в отдельных субъектах Российской Федерации были приняты законы об охране недвижимых памятников истории и культуры. В Алтайском крае такой документ представлен Законом Алтайского края № 32 от 12 мая 2005 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Алтайском крае». В 2007 г. совершенствовалась правовая база в сфере охраны объектов культурного наследия. В связи с изменениями в федеральном законодательстве законами Алтайского края от 30.01.2007 № 1-ЗС и от 07.12.2007 № 133-ЗС внесен ряд поправок в вышеназванный документ. Наряду с другими изменениями приведены в соответствие с федеральным законодательством полномочия органов государственной власти Алтайского края в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, а также соответствующие полномочия органов местного самоуправления.

В настоящее время в Алтайском крае делом охраны культурного наследия занимается Управление Алтайского края по культуре и Государственное учреждение культуры «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края (НПЦ «Наследие») [Никитина, 2007, с. 7].

В регионе на государственном учете состоит 4540 объектов культурного наследия, из которых 132 – памятники федерального значения. В числе объектов культурного наследия – 1631 памятник истории, 623 памятника архитектуры, 2286 памятников археологии. Органами местного самоуправления принято 64 правовых акта, направленных на сохранение культурного наследия. В 5 городах и районах края приняты программы, предусматривающие проведение мероприятий по сохранению памятников. В 2007 г. были продолжены работы в рамках формирования Единого государственного реестра объектов культурного наследия, подготовлено и заключено 307 охранных обязательств с пользователями и собственниками объектов культурного наследия. В крае проводились работы по изучению 12 объектов археологического наследия, в том числе на 7 памятниках – спасательные работы. Решению задач сохранения и популяризации историко-культурного наследия способствует плодотворное сотрудничество с научными и общественными организациями [Никитина, 2007, с. 9–13].

Несмотря на усложнившиеся пути сохранения памятников истории и культуры, в том числе и в законодательном плане, в стране ведется целенаправленная охранная, реставрационная и научно-методическая деятельность, в которой особое внимание следует уделять контролю за соблюдением правил сохранения и использования объектов наследия.

Литература

Никитина Л.А. Сохранение историко-культурного наследия Алтайского края в условиях реализации Федерального закона от 25.06.2002 г. №73 «Об объектах историко-культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: мат-лы регион. науч.-практ. конф. − Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. − Вып. XVI. − С. 7-13.

Словарь актуальных музейных терминов // Музей. − 2009. − № 5. − С. 48-68.

Шестова С.М. Российское законодательство об охране и использовании памятников истории и культуры // Обсерватория культуры. − 2008. − № 4. − С. 56-61.

Е.С. Перязева
Барнаул, Алтайский государственный университет

Маркетинговые мероприятия по популяризации археологического наследия Алтая

В последние годы маркетинг начинает играть все более заметную роль не только в коммерческой, но и в музейной сфере. Музейный маркетинг состоит в разработке продуманной музейной политики, способной удовлетворить запросы общественности, учитывающей профессиональные интересы персонала и потребности посетителей.

Музеи, при проведении маркетинговых мероприятий ставят перед собой такие цели: стремление к повышению уровня посещаемости; создание благоприятного имиджа музея; включение в

сферу туристического бизнеса; нацеленность на разработку досуговых программ; популяризация как самого музея, так и его отдельных коллекций [Калинина, 2004, с. 63].

В собраниях музеев города Барнаула имеется достаточно археологических коллекций, многие из которых широко не популяризируются, хотя потенциал и возможности для этого имеются. Анализ археологических собраний музеев Барнаула позволяет обнаружить следующие данные. Музей археологии и этнографии Алтая был создан в Алтайском государственном университете в 1985 г. 28 января 1986 г. министр высшего и среднего специального образования РСФСР И.Ф. Образцов подписал приказ об учреждении данного музея. В настоящее время в музее действует стационарная экспозиция, в которой экспонируется 1545 археологических находок, а также выставлены кости ископаемых животных: шерстистого носорога, длиннорогого бизона, мамонта, большерогого оленя [Горбунова, 2006, с. 10].

Экспозиция музея построена по хронологическому принципу. В настоящее время в ней выделяются такие разделы:

1) нижний палеолит представлен материалами мустьерских памятников: Тюмечин-1, Сибиряччиха и Денисова пещера (нуклеусы, скребла, пластины, дополнены графическими материалами);

2) верхний палеолит представлен вещественными свидетельствами из памятников Ушлеп-III, Зеленый Дол, Иульчак (кинжал из ребра бизона, наконечник копья);

3) эпоха мезолита-энеолита представлена находками с памятников Комарово, Тытсескень-II, Усть-Куюм (скребки, ножевидные пластины, каменные и шлифовальные топоры, костяной гарпун, ожерелье из зубов благородного оленя и др.);

4) период энеолита представлен памятниками Фирсово-XVIII, XI, Мыльниково (костяные крючки, каменные стерженьки, костяные гарпуны);

5) эпоха бронзы (точильные бруски, каменные и бронзовые топоры, керамические пряслица, рыболовные крючки, каменные зернотерки, спиралевидные браслеты и т.д.);

6) эпоха раннего железного века представлена находками нескольких культур: пазырыкской в Горном Алтае, большереченской и каменской в лесостепном и степном Алтае (каменные курильницы (алтарики), бронзовые зеркала, поясной набор из «бабочковидных» бляшек, украшения, изображающие тигра, кабана и змею и др.);

7) эпоха средневековья. Наиболее ценными находками являются железная сабля, бронзовые зеркала, стремена и удила, бусы из стекловидной пасты, каменные изваяния, привезенные из Горного Алтая. Имеются макет тюркского захоронения, модель доспеха [Кирюшин и др., 1994].

Важно отметить, что кроме экспозиционных материалов, археологические коллекции хранятся и в фондах этого музея [Горбунова, 2007]. Таким образом, экспозиция и фонды Музея археологии и этнографии Алтая имеют значительное количество уникальных и интересных экспонатов по всем археологическим эпохам, позволяющим реконструировать древнейшие страницы истории региона.

Представительные археологические собрания имеются в Алтайском государственном краеведческом музее - одном из старейших музеев Сибири. Он был основан в 1823 г. по инициативе начальника округа Колывано-Воскресенских заводов и томского гражданского губернатора П.К. Фролова при непосредственном участии врача и исследователя Алтая Ф.В. Геблера. В музее действует небольшая экспозиция, охватывающая историю Алтая от каменного века до монгольского времени. Наиболее интересными находками, относящимися к эпохе камня, являются кости ископаемых животных: череп шерстистого носорога, бивень и верхняя челюсть мамонта, череп бизона.

Среди материалов эпохи бронзы интересны украшения из андроновских захоронений. К скифскому времени относятся экспонируемые в музее кинжал из окрестностей города Барнаула, клад бронзовых вещей из Шелаболихинского района Алтайского края, бронзовое зеркало из могильника Рогозиха-I. Эпоха средневековья представлена снаряжением верхового коня из памятников Гилево-VI, VII, VIII, могильника Корболиха-VIII. К наиболее интересным находкам монгольского времени относятся железный шлем, найденный в районе среднего течения реки Мульта, украшения головного убора из могильника Усть-Алейка.

Коллекции археологических изделий хранятся и экспонируются в Историко-краеведческом музее Барнаульской государственной педагогической академии. Он был основан 24 июля 1992 г. как структурное подразделение Барнаульского государственного педагогического института. Раздел

археологии построен по хронологическому принципу и отражает историю региона от палеолита до эпохи средневековья [Грибанова, 2006].

Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая был основан в сентябре 1989 г. Он расположен в здании дворянской усадьбы городского типа, которое является замечательным памятником архитектуры, относящимся приблизительно к концу XVII – началу XIX вв. [Ларькова, Романенко, 2007]. Коллекции музея содержат материалы раскопок памятника раннего железного века Турина гора: фрагменты керамики, псалии, курильницы. В музее представлена экспозиция «Раскопки скифских курганов С.И. Руденко». Экспозиция состоит из копий и рисунков предметов скифского «звериного стиля».

Наконец, отметим коллекции еще одного музея г. Барнаула. Музей «Город» был открыт 1 сентября 2007 г. в бывшем здании городской Думы, построенном в начале XX в. Основу фондового собрания составляют личные коллекции горожан. В музее есть небольшая археологическая коллекция, основу которой составляют подъемные материалы из раскопок в черте города (фрагменты керамики, железные и деревянные гвозди, костяная спица, обломки шпаги, горлышки бутылок с клеймом «Лондон», аптечные пузырьки, печной изразец, монеты 1844 и 1801 гг. и др.).

В связи с возросшим в последнее время интересом к древности и археологии, нами был разработан информационно-рекламный буклет по археологическим материалам Алтая и аналитическая информация к нему, которую сможет использовать любой музей города Барнаула, хранящий и экспонирующий археологические источники. Разработанный рекламно-информационный буклет может использоваться для осуществления рекламы учреждения, проведения экскурсий во время музейной ночи, для подготовки телепередач по археологии, для тематических эксклюзивных экскурсий по археологии, выступать в качестве сувенира.

Литература

Горбунова Т.Г. Археологический музей и образовательный процесс в высшей школе // Вестник НГУ. – 2006. – Т. 5, вып. 3. – С. 10-12.

Горбунова Т.Г. Особенности комплектования археологических фондов (на примере музеев г. Барнаула) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 38-40.

Грибанова Н.С. История создания и деятельность историко-краеведческого музея Барнаульского государственного педагогического университета // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. – Барнаул: ООО ИД «Алтапресс», 2006. – С. 30-33.

Калинина А.В. Маркетинг в музее // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2004. – № 2. – С. 61-63.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехведавичюс Г.Л. Музей археологии Алтая как учебно-научное и культурно-просветительское подразделение Алтайского государственного университета // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 1994. – С. 99-107.

Ларькова М.Л., Романенко Ю.М. Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая: история и современность // Культура Алтайского края как опыт толерантного взаимодействия сопредельных территорий. – Барнаул, 2007. – С. 491-493.

А.Р. Рахимова, А.Л. Банников

Уфа, Башкирский государственный аграрный университет

О правовых проблемах землепользования и сохранения памятников культурного наследия

В настоящее время продолжается активное разрушение памятников историко-культурного наследия. Необходимость освещения современного положения дел в области охраны археологического наследия продиктована недостатком информации о состоянии объектов культурного наследия, важностью поиска путей выхода из сложившейся ситуации.

Актуальность темы обусловлена следующими факторами:

– интенсивным хозяйственным и промышленным освоением территории страны, что неизбежно оказывает негативное воздействие на памятники археологии;

– до сих пор до конца не урегулированными вопросами права собственности на землю, что в условиях отсутствия информации о находящихся на ней (или в ней) памятниках археологии неизбежно приведет к их невосполнимой утрате;

– возрастающей потребностью общества к использованию историко-культурных ресурсов той или иной территории в культурно-просветительской и туристско-рекреационной деятельности.

Среди недвижимых объектов культурного наследия России, подвергающихся проявлению факторов риска, выделяются, прежде всего, памятники истории и культуры, находящиеся под охраной закона прямого действия «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской федерации». Причинами разрушения памятников археологии на территории России являются протекание природных и антропогенных процессов. На естественные природные факторы риска памятникам истории и культуры приходится около 40% всех утрат объектов культурного наследия. Большой урон приносят землепреобразующие работы, проводимые организациями-строителями и частными лицами без согласования с органами охраны памятников истории и культуры, что приводит к конфликтным ситуациям и рассмотрению в суде исков о взыскании с нарушителей ущерба за разрушение памятника. Законодательно утверждено, что планируемые строительные, мелиоративные, дорожные, сельскохозяйственные работы, которые могут создавать угрозу для сосуществования памятников истории и культуры, производятся только по согласованию с соответствующими государственными органами охраны культурного наследия в зависимости от категории памятника и после осуществления мероприятий по обеспечению сохранности памятников. Необходимо отметить, что кроме строительства, для памятников археологии гибельна и простая распашка земли для сельскохозяйственных нужд. Законом установлена охранная зона вокруг памятников – не менее чем 50 м по радиусу от разведанных выходов культурного слоя; так же зона регулируемой застройки – 200–300 м, здесь запрещается крупное строительство, но можно пахать, сажать сады и т.д. Однако, это правило действует для ранее обнаруженных и зарегистрированных памятников археологии. В абсолютном большинстве случаев земля археологических памятников является или застроенной территорией, или сельскохозяйственными угодьями. Поэтому говорить о реальной возможности исключения этой земли из севооборота или ликвидации застройки не приходится [Волков, 2001, с. 60]. Таким образом, самыми мощными факторами разрушения являются строительство и землепользование. Под их воздействием памятники могут полностью исчезать, существенно и влияние этих факторов по площади.

В Земельном кодексе земли историко-культурного назначения, в состав которых входят памятники истории и культуры, отнесены к территориальным зонам, режимы которых должны учитываться при создании Земельного кадастра [Земельный кодекс.., 2001]. Проблема состоит в том, что не разработан механизм, определяющий, каким образом режимы использования территории, разработанные в составе проектов зон охраны памятников истории и культуры, будут наложены на то или иное землепользование в качестве территориальных историко-культурных зон. Земли историко-культурного назначения – это одна из категорий земель, наряду с землями сельскохозяйственного, природоохранного назначения и другими. Когда эта категория накладывается на земельный участок, то в рамках земельного участка, особенно большого, может быть несколько категорий земель. В этом случае категория земель работает как режим, ограничение в использовании определенных территорий. При этом ущемляются интересы собственника земельного участка, поэтому предусматривается снижение налогооблагаемой базы [Приходько, 2000, с. 192-197].

Памятники археологии и земельный участок, в пределах которого они располагаются, находятся в гражданском обороте раздельно. Вопросы распоряжения землями историко-культурного назначения, как говорилось выше, регулируются Земельным кодексом РФ. Земельные участки, занятые объектами археологического наследия являются особенными землями. Эта категория земель по ст. 27 действующего Земельного кодекса также ограничена в обороте [Земельный кодекс.., 2001]. Ее можно только сдавать в аренду или безвозмездное пользование тем лицам, которые имеют право на заключение такого договора.

Государственная политика так же выражается и в назначении наказаний за нарушение законодательства об охране памятников истории и культуры. Ответственность за совершенные преступления по отношению к памятникам истории и культуры в Уголовном кодексе РФ наступает по ст. 243, 164, 188 ч.2, 190. Статьи 164, 188 ч.2, 190 УК РФ относятся к движимым памятникам истории и культуры. По отношению к недвижимым объектам культурного наследия, памятникам археологии применяется лишь ст. 243 УК РФ [Уголовный кодекс.., 1996]. Предметом преступления

являются памятники истории, культуры, природные комплексы или объекты, взятые под охрану государства, предметы и документы, имеющие историческую или культурную ценность. Неосторожное совершение таких действий исключает ответственность по данной статье УК РФ.

На сегодняшний день необходимым условием сохранения объектов археологического наследия, по нашему мнению, является создание нормативной базы субъектов РФ по охране и использованию памятников археологии, а также создание подзаконных нормативных актов, позволяющих более эффективно применять действующее законодательство в данной сфере, т.к. выработка механизма охранной деятельности, механизма привлечения к административной, уголовной ответственности происходит одновременно с применением законов в конкретных случаях, обстоятельствах, с возникновением прецедентов.

Литература

Волков И.В. Об археологическом наследии // Экология культуры. – М., 2000. – С. 58-65.

Земельный кодекс РФ. Кодекс от 20.09.01. // Энциклопедия российского законодательства. Спец. выпуск системы «Гарант».

«Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ». Федеральный закон от 25 июня 2002 № ФЗ-73 // Энциклопедия российского законодательства. Спец. выпуск системы «Гарант».

Приходько В.Ф. Земельный кадастр и охрана археологического наследия // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. Сб. статей по мат-лам семинара 1998-1999 гг. – М., 2000. – С. 152-157.

Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (действующая редакция) // Энциклопедия российского законодательства. Спец. выпуск системы «Гарант».

Л.А. Сизова
Сургут, Сургутский государственный университет

Особенности развития музейного дела в Ханты-Мансийском автономном округе с 1980-х годов до настоящего времени

Сегодня Ханты-Мансийский автономный округ входит в число административных регионов России с развитой музейной сетью [Яковлев, 2004, с. 4]. В округе интенсивно развивается сеть музейных учреждений. История сибирского края, искусство и культура, жизнь коренного населения, природа, нефтяной промысел – всё это богатство служит источником для создания и развития музеев.

Музейная сеть Югры – одна из самых молодых в России. В середине 1970-х гг. в округе работали лишь 3 музея. Первый открыт в окружном центре г. Остяко-Вогульске (Ханты-Мансийск) в 1932 г. С началом освоения нефтяных промыслов и обустройством городов к нему присоединились ещё два: в 1963 г. – в г. Сургуте, в 1972 г. – в г. Нижневартовске [Кайгородова, 2000, с. 3]. В настоящее время в округе 44 музея, из них: 7 – государственные, 37 – муниципальные.

Основные особенности музейного дела Югры:

– значительная доля этнографических и слабое представление художественных музеев. Это объясняется тем, что значительную часть своей политики Ханты-Мансийский автономный округ посвящает национальным проблемам, в том числе и мерам по сохранению культурного своеобразия местных малочисленных народов Севера – ханты, манси. Этнографические музеи однотипны (состав фондов включает в себя один и тот же набор предметов традиционной культуры). Художественные музеи слабо наполнены фондами;

– краеведческие музеи открыты во всех 16 городах и многих крупных посёлках округа. Причина их появления – необходимость формирования у населения регионального самосознания;

– поддержка нефтяниками общедоступных городских и поселковых музеев. Из-за недостаточного бюджетного финансирования муниципальные музеи на спонсорские средства проводят научные экспедиции, комплектуют фонды, обновляют экспозиции;

– государственные музеи округа расположены в его столице Ханты-Мансийске (Музей природы и человека; Музей геологии, нефти и газа; Этнографический музей «Торум Маа»; Галерея-мастерская художника Г.С. Райшева; Художественная галерея). [Муравьёва, Яковлев, 2008, с. 22 – 28].

Главная проблема развития музейного дела на территории автономного округа – это недостаточная степень включённости музейных ресурсов в актуальные процессы регионального развития. Современное состояние этих ресурсов различно. Можно лишь указать на три наиболее важные проблемы музейного дела Югры, которые затрудняют дальнейшее развитие.

1. Недостаточная тематическая структурированность музейной сети округа – диспропорция между большим количеством краеведческих и этнографических музеев и практически полным отсутствием ландшафтных, тематических и других профилей музеев. Такие учреждения появляются лишь на втором этапе формирования региональной музейной сети, когда заполнена первая тематическая ниша – краеведческая. Молодая музейная сеть округа подходит к своим тематическим музеям.

2. Отсутствие специалистов профильной музееведческой подготовки.

3. Слабая материальная база. Прежде всего, это относится к муниципальным музеям. В очень многих из них нет средств на комплектование фондов, содержание здания. Здесь многое определяется отношением к своим музеям со стороны органов местного самоуправления. Есть примеры понимания важности и нужности музеев для своей территории. Например, бережное отношение к своим музеям проявляется в Когалыме, а в Берёзово и Угуте возводятся новые музейные постройки.

Цель формирования и организация деятельности музейной сети Ханты-Мансийского автономного округа – включить ресурс разнообразных по тематической направленности и принадлежности музейных учреждений в актуальные процессы регионального развития [Яковлев, 2008, с. 35-36].

Музейная сеть Ханты-Мансийского автономного округа активно развивается – ежегодно на территории края открывается не менее двух музеев. Одной из актуальных задач в области освоения и развития историко-культурного наследия округа является выявление и постановка на учёт памятников истории нефтепромыслового освоения края [Даниленко, 2003, с. 91].

Таким образом, своеобразие деятельности музейных учреждений нашего края заключается в решении национальных проблем, на чем строится социальная политика Югры, что проявляется в подавляющем большинстве музеев именно этнографического плана. Меры по сохранению культурного наследия местного населения Севера осуществляют и краеведческие музеи, которые также занимаются учётом и экспонированием памятников нефтегазового промысла. Художественные музеи представлены слабо опять-таки ввиду особенностей Ханты-Мансийского автономного округа.

Литература

Даниленко А.Д. Музеи Ханты-Мансийского автономного округа // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях. – Сургут: «Дефис», 2003. – С. 91.

Кайгородова М.В. Музеи Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск: «Информ.-издат. центр», 2000. – 22 с.

Муравьёва В.Н., Яковлев Я.А. Музейная сеть Ханты-Мансийского автономного округа – Югры сегодня // История и культура Югры через музейную витрину. – Ханты-Мансийск: ГП «Полиграфист», 2008. – С. 22-28.

Яковлев Я.А. Музеи Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – Ханты-Мансийск: ГП «Полиграфист», 2004. – 208 с.

Яковлев Я.А. Музейная сеть Ханты-Мансийского автономного округа – Югры завтра // История и культура Югры через музейную витрину. – Ханты-Мансийск: ГП «Полиграфист», 2008. – С. 35-36.

Е.С. Смагина
Барнаул, Алтайский государственный университет

Включение историко-культурного наследия Майминского района Республики Алтай в экскурсионно-туристическую деятельность

На территории Майминского района находится целый ряд культурно-исторических памятников и природных объектов различных категорий. К объектам культурного значения относятся: комплекс древних памятников у с. Манжерок, пещера Аккаинская, музей «Камни Алтая», памятный знак В.Я. Шишкову у с. Манжерок, памятник с мемориальной доской А.М. Кошурникову, а так же несколько культовых сооружений (Храм сошествия святого духа, Храм во имя Иоанна Предтечи в селе Усть-муны). На территории рассматриваемого района находится также большое количество природных памятников, которые можно использовать для включения в экскурсионно-туристическую практику. Наиболее популярными у туристов являются следующие из них: **Гора Малая Синюха, Манжерокское озеро**, **Манжерокский порог (Манжерокские ворота), источники Аржан-Суу и Кызыл-Озекский,** п**ещера Каменная и несколько других [**Путеводитель.., 2008**].**

Также можно обозначить комплексы популяризаторского и просветительного характера, к которым относятся макеты мамонта, шерстистого носорога и саблезубого тигра, расположенные на Чуйском тракте и привлекающие внимание большого числа туристов.

Поскольку Майминский район достаточно активно включен в туристический бизнес благодаря выгодному транспортному и географическому положению, имеет смысл проводить на его территории организованные экскурсии с целью ознакомления с наиболее интересными и информативными достопримечательностями региона.

Экскурсия – коллективное или индивидуальное посещение достопримечательных мест, музеев и.т.п. в учебных и культурно-просветительских целях под руководством экскурсовода [Долженко, 2005]. Подготовка экскурсии включает в себя подбор объектов, материалов и их исследование; а так же составление карточек экскурсионных объектов, портфеля экскурсовода; обследование маршрута экскурсии, разработку технологической карты экскурсии, отбор и изучение экскурсионных объектов [Хуусконен, Глушанок, 2007]. Первоочередными задачами при разработке экскурсии является выбор темы и определение цели и задач экскурсии. Тема в экскурсии – предмет рассказа и показа, именно темой определяется то, как показать объект, какую информацию предложить экскурсантам для восприятия и осмысления [Емельянов, 2003].

При разработке экскурсии по Майминскому району Республики Алтай была обозначена следующая тема: «Историко-культурное наследие района, памятники природы и популярные достопримечательные места», которая может быть отражена в образном названии «Алтайская сокровищница: путешествие по достопримечательным местам».

По содержанию разработанная экскурсия является тематической, по составу участников – для взрослых граждан, по месту проведения – загородной (предполагается транспортировка туристов к объектам показа на автобусе, по пути следования будут видны многие объекты показа), по форме проведения – экскурсией-прогулкой [Долженко, 2005]. Кроме того, в экскурсию планируется включить этнографический элемент, который найдёт своё выражение в организации осмотра манекенов с традиционной свадебной одеждой алтайцев и участии всех желающих туристов в театрализованном свадебном обряде.

При выборе экскурсионных объектов учитывалась их познавательная ценность, необычность с точки зрения информации о древних периодах истории Алтая, выразительность, доступность и безопасность. Для экскурсионного показа отобраны различные объекты, которые можно разделить на несколько групп. К природным достопримечательностям маршрута относятся Манжерокское озеро, озеро Ая, Талдинские пещеры, гора Малая Синюха и источник Аржан-Суу, пользующиеся большой популярностью у туристов.

Также немалый интерес представляют макеты мамонта, шерстистого носорога и саблезубого тигра, тем более, что доставить экскурсионную группу к ним не доставит труда, ведь данные объекты располагаются на пути следования экскурсионного автобуса от озера Ая к источнику Аржан-Суу.

Для осмотра в экскурсионном рассказе также предусмотрены археологические памятники, находящиеся в непосредственной близости от маршрута экскурсии, например, городище Манжерок-3, мастерская Манжерок-4, поселения Манжерок-5, Манжерок-7, печи Манжерок-8, стела на Манжерокском озере-1, карьер с находками палеофауны Едрала.

После того, как выбор экскурсионных объектов сделан, на каждый объект составлена специальная карточка, в которую включено наименование памятника, его местонахождение, короткое описание, степень сохранности, а также категория охраны и то, в каких экскурсиях объект используется. К каждой карточке прилагается фотография памятника. Так же при формировании экскурсии был составлен «портфель экскурсовода» – комплекс наглядных пособий, создаваемый с целью восстановления недостающих звеньев, объекты, утративших свой первоначальный вид [Хуусконен, Глушанок, 2007].

Одной из главных задач, при составлении экскурсии, является также разработка её технологической карты – основного документа, который служит руководством для работы экскурсовода, раскрывая основные участки и содержание экскурсии. Требования при составлении технологической карты предъявляются следующие: актуальность, целенаправленность, обязательное соблюдение структуры экскурсии, тематический принцип, логичность разработки, соответствие особенностям маршрута. Технологическая карта имеет определенную структуру. Она должна содержать цель и задачи экскурсии, маршрут экскурсии, разделенный по этапам, расчёт времени на остановки и передвижение групп от объекта к объекту, основные и дополнительные экскурсионные объекты, наименование подтем, организационные и методические указания [Хуусконен, Глушанок, 2007].

Таким образом, в настоящее время подготовлена документация для тематической экскурсии по Майминскому району Республики Алтай с целью показать наиболее ценные и интересные для туристов объекты историко-культурного и природного наследия, а также способствовать формированию уважительного отношения к материальным и духовным ценностям, истории региона.

Литература

Долженко Г.П. Экскурсионное дело: учебное пособие. – М.: ИКЦ « МарТ», 2005. – 272 с.

Емельянов Б.В. Экскурсоведение: Учебник. - М.: Сов. спорт, 2003. - 216 с.

Путеводитель по Республике Алтай [Электронный ресурс] // Портал «Сибтуризм. Туризм и отдых в Сибири». 2008. URL: http:// www.sibturizm.ru (дата обращения: 02.11.09).

Хуусконен Н.М., Глушанок Т.М. Практика экскурсионной деятельности. – СПб: «Издат. дом Герда», 2007. – 208 с.

А.Н. Толкацкий

Красноярск, Сибирский федеральный университет

Средневековые предметы в коллекции Канского краеведческого музея

С момента основания Канского краеведческого музея прошло уже более 80 лет. Первый археологический предмет поступил в Канский краеведческий музей (КанКМ) в 1913 г., с этого момента начинается история комплектования его фондов [Вдовин, 2005]. За это время археологическая коллекция музея составила более 1000 изделий, среди которых к средневековью относится 54 предмета [Толкацкий, 2009]. Описание некоторых артефактов эпохи мезолита – бронзового века, представленных в археологической экспозиции Канского краеведческого музея, дано в отдельной брошюре составленной А.Г. Генераловым [Генералов, 1996]. Общую информацию о всех археологических материалах можно получить на инвентарных карточках, составленных С.А. Дзюбасом. Целью настоящей работы является введение в научный оборот и описание средневековых предметов из коллекции Канского краеведческого музея.

Средневековая коллекция представлена предметами вооружения, конским снаряжением, орудиями труда. Все они изготовлены из железа. К сожалению, не для всех артефактов указано их точное местонахождение. Единичные находки были сделаны в черте г. Канска (дачи по Московскому тракту, в районе Гавани, ул. 40 лет Октября, Волчьи Ямы), а также на территории района (с. Амонаш, с. Чечеул, с. Филимоново). Ниже будет представлено подробное описание материала с указанием (где это возможно) места находки. Описание предметов проводится согласно методике,

предложенной Ю.С. Худяковым [Худяков, 1980, 1991, 1997, 2004], В.С. Николаевым [Николаев, 2004] и А.И. Соловьевым [Соловьев, 1987].

Наконечники стрел (35 экз.), относятся к одному отделу – черешковых (встречаются плоские и округлые черешки), по сечению пера делятся на плоские, трехлопастные, четырехгранные, трехгранные. По оформлению формы пера преобладают ассиметрично – ромбические, секторные, овально – крылатые и пр. (рис. 1).

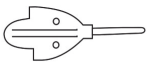
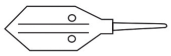
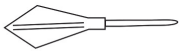
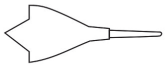
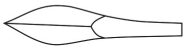
Тип/группа	Рисунок	Кол-во	Где найдено
Гр.1. Трехлопастные			
1) Овально - крылатые		4	2 экз. - с. Амонаш, дачи в районе г. Канска (Зыков И.И.). Остальные - неизвестно
2) Удлиненно - шестиугольные		7	
3) Асимметрично - ромбические			
Гр.2. Плоские			
1) Томары		2	3 экз. - дачи по Московскому тракту, песочница по ул. 40 лет Октября, с. Филимоново. Остальные - неизвестно
2) Секторные		6	
3) Боеголовковые		1	
4) Овально - ступенчатые		1	
5) Удлиненно - грушевидные		2	
Гр.3. Четырехгранные			
1) Удлиненно - ромбические		3	3 экз. - с. Амонаш, окрестности г. Канска (дачный поселок “Гавань, ул. 40 лет Октября”) Остальные - неизвестно
2) Асимметрично - ромбические		10	
Гр.4. Трехгранные			
1) Удлиненно - треугольные		3	—

Рис. 1. Типология средневековых наконечников стрел из Канского краеведческого музея

Наконечники копий (3 экз.). Два втульчатых с ланцетовидным и ромбическим пером (КанКМ инв.№№ 1211 и 4488/24), один черешковый с асимметрично–ромбическим пером (КанКМ инв.№ 2926). Один наконечник найден на Комаровских порогах р. Кан, место обнаружения для остальных неизвестно.

Кинжал (1 экз.). Ланцетовидный, с прямыми плечиками и черешковой подпрямоугольной рукоятью, на лезвии имеется продольный валик. Место обнаружения не указано.

Предметы конского снаряжения представлены удилами и стременами.

Удила (2 экз.). Двусоставные с кольчатыми псалиями и двойными кольцами на концах грызла (КанКМ инв. № 1025, 1025/1). На кольцах одного имеются крепления ремня оголовья в виде «лепестков».

Стремена (2 экз.). Одно арочной формы, с неширокой прямой подножкой, с плоской дужкой угловато–овальной формы, верхняя часть дужки над прорезью путлища имеет фигурное оформление (КанКМ инв. № 1026). Второе – овальной формы, с широкой округлой подножкой, плоской дужкой угловатой формы и овальной прорезью путлища в ней (КанКМ инв. № 4). Оно обнаружено на Волчьих Ямах (в черте г. Канска).

Орудия труда представлены теслами и ножами.

Ножи (2 экз.). Черешковые, с обушковым и лезвийным уступами, прямым, двулезвийным клинком, прямым насадом. У одного сломан клинок (КанКМ инв. № 4488/25). Один нож обнаружен местным жителем И.И. Зыковым в черте г. Канска при копке ямы под столб (КанКМ инв. № 4488/25).

Тесла (3 экз.). Втульчатые. Одно прямое, плоское, с сомкнутой втулкой, узким лезвием, ширина лезвия и втулки равновелики (КанКМ инв. № 4488/26), два плоских, трапециевидных, с несомкнутой втулкой и узким лезвием, ширина лезвия больше ширины несомкнутой втулки (КанКМ инв. № 4488/27, КанКМ инв. № 4488/28).

Таким образом, представленные предметы имеют широкий круг аналогии в средневековых материалах Сибири. Известны они на территории западной Сибири у носителей сросткинской культуры, в Забайкалье (Бухусан, Тунка), в Прибайкалье (острова Сосновый и Лесной) [Соловьев, 1987]. Аналогичные наконечники стрел и предметы конского снаряжения отмечены и в комплексах Канского района, в погребении у д. Анжевка (Красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов) [Савельев, Свинин, 1978], на стоянках Харлово, Волково, острове Ржавый [Генералов, 1991]. Эти материалы указывают на широкое, преимущественно тюркское влияние. Материалы музея, несомненно, представляют научную ценность. Дальнейшая работа с ними, возможно, позволит расширить современные представления о сложных этнокультурных процессах, протекавших на территории Канской лесостепи в эпоху средневековья.

Литература

Вдовин А.С. Археология в Канском краеведческом музее в начале XX века // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО. – Вып. 4. – С. 159 – 163.

Генералов А.Г. Археология Канской лесостепи (каталог и описание предметов археологии, представленных в археологической экспозиции). – Канск, 1996. – 20 с.

Генералов А.Г. Отчет о полевых археологических работах в Канском районе Красноярского края в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 20115.

Николаев В.С. Погребальные комплексы юга Средней Сибири в XII – XIVвеках. – Владивосток – Иркутск: Изд.-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.

Савельев Н.А., Свинин В.В. Погребение железного века на реке Кан // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1978 – С. 135 – 149.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири (эпоха средневековья). – Новосибирск: Наука, 1987. – 192 с.

Толкацкий А.Н. К истории изучения средневековых памятников Канского района // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918 – 1937. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 165-167.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. — Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально–азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 188 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд–во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 159 с.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 152 с.

И.А. Упорова
Барнаул, Алтайский государственный университет

Историко-культурные музеи-заповедники Сибири и Урала

Музеи-заповедники являются основной формой сохранения и актуализации культурного и природного наследия в России и представляют собой музеи под открытым небом, которые формируются на основе недвижимых памятников, музеефицированных на месте их нахождения с сохранением или восстановлением историко-культурной и природной среды. Такие музеи получают в виду особой ценности соответствующий статус [Никишин, 2001, с. 393]. На территории Сибири и Урала находится несколько музеев-заповедников, организованных на основе сохранения и использования объектов археологического, этнографического, мемориального и природного наследия.

Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница» был открыт для посещения 16 февраля 1988 г. Находится в Кемеровской области, в 55 км от г. Кемерово, на правом берегу Томи возле д. Писаная. Жемчужиной заповедника является уникальный петроглифический памятник - святилище Томская писаница. Музей-заповедник создан с целью сохранения, музеефикации, изучения и публичного представления объектов наскального искусства, архитектурно-этнографических памятников под открытым небом, музейных предметов и коллекций, сохранения и изучения флоры и фауны заповедника, создания современной системы использования памятников истории и культуры, организации познавательного и научного туризма, сохранения исторического ландшафта. Томская писаница - памятник федерального значения, внесенный в список наиболее ценных объектов культуры. В настоящее время это единственный в сибирском регионе музеефицированный памятник наскального искусства [Мартынова, 2001].

Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник является одним из старейших музеев в Сибири (1870). В 1886 г. в честь 300-летия Тобольска было принято решение о строительстве специального здания для музея. В составе музея-заповедника 33 объекта федерального значения, в том числе и Тобольский Кремль [Кандаурова, 2001]. Музей координирует деятельность туристических бюро города и области по вопросам экскурсионного обслуживания. Сотрудниками музея разработаны обзорные и тематические экскурсии по всем объектам музея, историческим памятникам города и окрестностей (Абалакский монастырь, Иоанно-Веденский монастырь, Нижние Аремзяны, связанные с детством Д.И. Менделеева).

Еще один заповедник, достойный внимания с точки зрения сохранения наследия и современных форм работы с аудиторией, - Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина. С 1978 по 1991 гг. существовал Дом-музей В.М. Шукшина в с. Сростки Алтайского края. В юбилейный год 60-летия писателя (1989) музею было передано отреставрированное здание бывшей сельской школы, где учился и работал писатель.

Государственный историко-мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина создан в 1991 г. Первая музейная экспозиция создавалась в Доме матери в 1978 г. Ее существенным недостатком было неполное отражение творческого наследия В.М. Шукшина. В 1979 г. была разработана научная концепция новой экспозиции. В спальне Василия Макаровича, на кухне и частично в спальне матери сохраняется мемориальная обстановка, здесь же представлен материал о детских и юношеских годах, начале творческого пути. Созданная экспозиция помогала узнать и лучше понять истоки таланта В.М. Шукшина, через вещи, обстановку материнского дома глубже соприкоснуться с внутренним миром художника [Всероссийский.., 1998].

Отметим еще один музейный центр - Краевое государственное бюджетное учреждение культуры Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское». Музей в Шушенском (Красноярский край) был открыт в 1930 г. История музея неразрывно связана с именем выдающегося революционера и политического деятеля В.И. Ленина, который жил в Шушенском в ссылке три года. Музей-заповедник «Шушенское» - уникальный архитектурный, этнографический комплекс, разместившийся на семи гектарах под открытым небом на берегу р. Шушь, недалеко от её впадения в Енисей. Здесь проводятся обзорные и тематические экскурсии, народные гуляния, театрализованные экскурсии с демонстрацией старинных ремёсел, фольклорно-развлекательные программы, мастер-классы по традиционному прикладному творчеству. Всего на территории музея-заповедника представлено 194 памятника сельской архитектуры [Краевое.., 1996].

Наконец, следует обозначить направления деятельности еще одного Историко-культурного музея-заповедника областного значения «Аркаим». Он находится на самом юге Челябинской области и является единственным в стране крупным комплексным заповедником, охраняющим и исследующим природные системы и исторические памятники в их взаимосвязи. Собственно памятник Аркаим был открыт челябинскими археологами в 1987 г., и уже в 1991 г. территория памятника была объявлена заповедником. Аркаим - это небольшой уголок степи у восточных склонов Уральских гор на юге Челябинской области. Здесь находится более 70 археологических памятников различных эпох. Славу, его уникальность составляет культурный комплекс XX-XVIII вв. до н.э. - укрепленное поселение и некрополь Аркаим – остатки протогородской цивилизации бронзового века возрастом около четырех тысяч лет.

Существующие сегодня в заповеднике «Аркаим» экспозиции отражают три направления, представленные в неразрывном единстве: история природы, древние культуры (археология), традиционные культуры (этнография). Основной стержень экспозиции - духовное и материальное освое-

ние человеком природы Южного Урала на протяжении тысячелетий, ноосфера и современные проблемы природопользования [Историко-культурный.., 2005]. Цель музейных экспозиций заповедника «Аркаим» - формирование нового экологического мировоззрения через единение природы и культуры.

На территории заповедника работает музей археологии и этнографии, создан исторический парк под открытым небом, Музей Природы и Человека. Среди объектов исторического парка есть восстановленные древние памятники, спасённые от разрушения и привезённые из разных районов Южного Урала, а также достоверные реконструкции древних хозяйственных и культовых сооружений.

Таким образом, в Сибири действуют четыре музея-заповедника и один на Урале. Заповедники обозначенного региона можно классифицировать, разделить на основе профильного принципа на четыре типа: историко-культурные («Томская писаница», «Аркаим»); историко-архитектурные (Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник); историко-этнографические («Шушенское»); мемориальные (Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина).

Литература

Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина [Электронный ресурс]. 1998. URL: http://www.shukshin.museum.ru (дата обращения: 12.12.2009).

Историко-культурный музей-заповедник областного значения «Аркаим» [Электронный ресурс]. 2005. URL: http://www.arkaim-center.ru (дата обращения: 12.12. 2009).

Кандаурова Т.Н. Тобольский историко-культурный музей-заповедник // Российская музейная энциклопедия. - М.: Прогресс, «Рипол Классик», 2001. – Т. 2. - С. 241-242.

Краевое государственное бюджетное учреждение культуры Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» [Электронный ресурс] // Портал «Музеи России». 1996. URL: http://www.museum.ru/M1395 (дата обращения: 12.12.2009).

Мартынова Г.С. Музей-заповедник «Томская писаница» - опыт конструктивного использования памятника в создании комплексного музея под открытым небом // Проблемы сохранения и музеефикации памятников историко-культурного наследия в природной среде. - Кемерово, 2001. – С. 54-58.

Никишин Н.А. Музеи-заповедники // Российская музейная энциклопедия. - М.: Прогресс, «Рипол Классик», 2001. – Т. 1. – С. 393.

Е.В. Черноусова

Магадан, Северо-Восточный государственный университет

Археологическая практика студентов Северо-Восточного государственного университета в 1960-1980-е гг.

В середине XX в. на раннем этапе полевых исследований в России археология часто воспринималась как форма общественного движения, которая вовлекала в свою сферу очень широкий круг людей (студентов, школьников, учителей, краеведов, энтузиастов). Не случайно, что развитие полевых археологических исследований на всем протяжении XX века «держалось» именно на этом контингенте [Бородовский, 2002, с. 6].

История археологической практики студентов СВГУ насчитывает уже около 50 лет. За эти годы студентами Северо-Восточного государственного университета пройдены сотни километров по всему Дальнему Востоку России. Исследовано большое количество археологических объектов на Чукотке, Камчатке, в Магаданской области, в Приморье и др.

В 1960-1980-е гг. на Севере Дальнего Востока России традиции студенческой археологической практики формировались в Северо-Восточном государственном университете (тогда – Магаданском государственном педагогическом институте) Р.С. Васильевским, Н.Н. Диковым, Т.М. Диковой и А.А. Ореховым. Начало этому положил в 1961 г. тогда молодой научный сотрудник Магаданского областного краеведческого музея Р.С. Васильевский. Магаданский краеведческий музей стал первой базой учебной практики студентов-историков Магаданского государственного педагогического института. Р.С. Васильевский был одним из первых профессиональных ученых,

сделавших попытку совместить археологию с обучением студентов МГПИ и привлечением их к исследовательской деятельности. Возможно, именно эта практика определила выбор профессии известного сегодня историка-краеведа – Давида Семеновича Райзмана. Были открыты новые неолитические стоянки на реке Ойра и на острове Недоразумения II тыс. до н. э. – написана еще одна страница древнейшей истории Севера Дальнего Востока [Понкратова, Черноусова, 2009].

Но только в 1976 году археологическая практика становится обязательной дисциплиной для всех студентов 1 курса исторической специальности СВГУ, что было связано с приходом на кафедру истории СССР (МГПИ) тогда старшего преподавателя, археолога Александра Орехова. В то же время в архивных документах, начиная с 1964 г., участие студентов историко-филологического факультета Магаданского государственного педагогического института в археологических экспедициях уже считалось летней археологической практикой (Приказы, 1964, Л. 129). Со слов А.А. Орехова, в 1960-1975 гг. археологическая практика являлась необязательной, и студенты сотрудничали с научными учреждениями по собственному желанию. В ходе беседы с зав. лабораторией истории и археологии СВКНИИ А.И. Лебединцевым выяснилось, что уже в 1974 г. археологическую практику студенты-историки должны были проходить в обязательном порядке. Исходя из полученной информации, а также в связи с отсутствием каких-либо документов, подтверждающих точную дату обязательного прохождения студентами-историками практики, можем предположить, что, начавшись в 1961 г., археологическая практика становится обязательной для студентов-историков в 1970-е гг.

В 1960-1980-е гг. около ста студентов СВГУ (МГПИ) в рамках археологической практики приняли участие в исследованиях древностей Колымы, Чукотки и Камчатки. После учреждения в Магадане лаборатории археологии, истории, этнографии как одного из подразделений Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института под руководством Н.Н. Дикова начинается новый этап археологического изучения Севера Дальнего Востока и археологической практики. Непосредственным руководителем учебной полевой практики была научный сотрудник лаборатории Тамара Митрофановна Дикова, преподававшая в те годы курс археологии в СВГУ (МГПИ). Именно она набирала группы студентов в археологические отряды. В 1960-е годы студенческие отряды под руководством Н.Н. Дикова и Т.М. Диковой вели раскопки в основном на Камчатке и Чукотке. В 1970-е годы начинаются уже широкомасштабные исследования в бассейне р. Колымы, главным образом, в зоне затопления водохранилищем Колымской ГЭС. В результате работ на обширной, в археологическом отношении ранее необследованной территории обнаружены интересные памятники широкого хронологического диапазона, в том числе стоянки каменного века при устьях ручьев Сибердик, Конго, а также на р. Малтан [Диков, 1977, с. 213].

В ходе полевых учебных практик под руководством Н.Н. и Т.М. Диковых «вырос» археолог, сегодня доктор наук А.А. Орехов. Именно с началом его трудовой деятельности в Магадане в 1976 г. появился еще один научный центр по изучению древнего прошлого Севера Дальнего Востока – Магаданский государственный педагогический институт.

Финансирование практики в 1960-1980-е гг. осуществлялось за счет научно-исследовательских учреждений, из средств Магаданского государственного педагогического института. Особых проблем, связанных с обеспечением студентов (проезд к месту практики, питание), в исследуемый период не было. И с помощью студенческих отрядов были исследованы поселения, стоянки и культовые памятники на труднодоступных территориях: п-ове Камчатка – сегодня всемирно известные стоянки на Ушковском озере, мысе Лопатка; на Чукотке – поселения Земли Гека, Русской Кошки, на Охотском побережье и пр. На этих уникальных исторических объектах были обнаружены артефакты, позволившие воссоздать быт и хозяйство, образ жизни автохтонного населения.

По результатам археологической практики студенты учились делать первые научные доклады, дискутировать и отстаивать свои позиции на региональных и всероссийских конференциях, проводимых в городах Сибири, Дальнего Востока, Москве. Для ряда студентов археологическая практика 1960-1980-х годов стала не просто рядовой учебной дисциплиной, а первым шагом в большую науку (краевед Д.С. Райзман, д.и.н. А.А. Орехов, к.и.н. А.К. Пономаренко, к.и.н.А.И. Лебединцев, к.и.н. В.В. Питулько, к.и.н. С.Б. Слободин, к.и.н. И.Ю. Понкратова). Большую роль в этом сыграли руководители практики с большим научным потенциалом и опытом – сотрудники научно-исследовательских учреждений, преподаватели кафедры истории СССР Магаданского государственного педагогического института.

Литература

Бородовский А.П. Бюллетень студенческой полевой археологической практики. – Новосибирск: НГПУ. – 2002. – № 1. – 50 с.

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука. – 1977. – 391 с.

Понкратова И.Ю., Черноусова Е.В. Бюллетень археологической практики студентов СВГУ. – Магадан: Изд-во СВГУ. – 2009. – Вып. 1. – 15 с.

Приказы по «студенческим делам» МГПИ за 1964 // Архив СВГУ. – Т. 1. – № 210.

С.В. Чечелев

Барнаул, Алтайский государственный университет

Характеристика материалов сросткинской культуры из собрания музея археологии Алтайского государственного университета

Сросткинская культура, впервые выделенная в работах М.П. Грязнова [1951, 1956], на сегодняшний день является одной из наиболее изученных на юге Западной Сибири для периода раннего – начала развитого средневековья. Согласно подсчетам, раскопано только более 120 погребальных сросткинских памятников, в которых найдено много материала, позволяющего всесторонне охарактеризовать различные сферы жизнедеятельности населения данной культуры. Инвентарь, полученный в ходе раскопок, хранится в фондах и экспозициях музеев Сибири и европейской части России. Одно из наиболее представительных собраний сросткинских материалов имеется в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (МАЭА АлтГУ). Всего здесь представлено 36 археологических коллекций с 39 памятников сросткинской культуры. Общее число предметов составляет 4129 единиц хранения. Эти материалы были получены сотрудниками АлтГУ, в результате экспедиций 1977–2004 гг., проводившихся в 20 районах Алтайского края. В географическом отношении они распределяются по следующим областям: Предалтайская равнина (11), Приобское плато (18), Кулундинская равнина (3), Бийско-Чумышская возвышенность (6) и Предсалаирская равнина (1).

В развитии сросткинской культуры выделяются четыре этапа [Неверов, Горбунов, 2001, с. 176], к которым относятся указанные памятники: **инской** (2 пол. VIII – 1 пол. IX вв.) – Борковский Елбан-6, Иня-1, Мало-Панюшово, Плотниково, Точильное-5; **грязновский** (2 пол. IX – 1 пол. X вв.) – Белый Камень, Ближние Елбаны-VI, Быково-IV, Грязново, Дмитротитово, Екатериновка-3, Михайловка, Троицк-3, Успеновка-II, Усть-Шамониха-I, Хабазино-4, Хлеборобный Елбан-1, Чёрный Камень, Чинета-II, Яровское-III; **шадринцевский** (2 пол. X – 1 пол. XI вв.) – Восход-I, Грань, Займище, Ивановка-III, Кучук-1, Нижний Кучук-VII, Поповская Дача, Прудской, Рогозиха-I, Филин-I, Шадринцево-1, Шелаболиха-3, Щепчиха-I, Яровское-V; **змеёвский** (2 пол. XI–XII вв.) – Ближние Елбаны-XVI, Боровиково-IV, V, Маралиха, Хлеборобный Елбан-2.

Коллекции с перечисленных памятников представлены следующими предметными комплексами: вооружение, снаряжение верхового коня, костюм, орудия труда и предметы быта.

Сросткинское вооружение представлено доспехом и оружием. К доспеху относятся железные панцирные пластины (Иня-1) и фрагмент кольчуги (Маралиха). Пластины относятся к ламеллярной структуре бронирования, имеют укороченные пропорции, овальную форму и систему отверстий для подвижного способа крепления. Такие образцы преобладали среди собственно сросткинских элементов бронепокрытия [Горбунов, 2003, с. 47].

Оружие состоит из роговых накладок на лук, железных наконечников стрел и копий, мечей, сабель и кинжалов. Имеющиеся комплекты накладок на лук придавали жесткость средней части кибити – рукояти. Она могла усиливаться двумя боковыми накладками (Иня-1, Восход-I), двумя боковыми и одной тыльной (Быково-IV), только одной тыльной накладкой (Прудской, Боровиково-IV). Эти накладки, короткие и массивные, характерны для луков сросткинской традиции [Горбунов, 2006, с. 20]. Наконечники стрел найдены в большинстве памятников. Основная их масса имеет трехлопастное или граненое перо килевидной, листовидной, треугольной и ромбической формы. Наконечники копий, имеющиеся в собрании, можно разделить на две группы: пики – с

узким, но плотным пером килевидного абриса (Белый Камень, Грань), и рогатины – с широким пером вытянуто-ромбического абриса (Быково-IV). Мечи представлены двухлезвийными, однолезвийными и полуторалезвийными образцами (Иня-1, Дмитротитово, Ивановка-III, Поповская Дача, Прудской, Филин-I). Сабля имеет слабоизогнутый клинок, окончание которого расковано на два лезвия (Займище). Все кинжалы без перекрестий, один экземпляр снабжен волютообразным навершием (Ближние Елбаны-VI).

Снаряжение верхового коня представлено уздечными и седельными наборами. Отдельные предметы от узды есть в большинстве коллекций. Полные уздечные комплекты, состоящие из удил с псалиями, пряжек, тренчиков, наконечников, блях-накладок, подвесных и налобных блях, султанчиков и тройников в различном сочетании, происходят из памятников Иня-1, Чинета-II, Филин-I, Шадринцево-1. То же самое можно сказать о предметах седельной экипировки. Наиболее полные комплекты из стремян, подпружных пряжек, блях-накладок, наконечников и тройников на нагрудный и накрупный ремни происходят из памятников Иня-1 и Щепчиха-I. Яркими образцами сросткинского конского снаряжения являются бронзовые (посеребренные и позолоченные) бляхи-накладки с кольцом для кисти, Т-образные тройники, крупные налобные бляхи сердцевидной формы, султанчики с длинной цилиндрической втулкой, железные 8-видные удила с S-видными сапожковыми псалиями и арочные стремена с приплюснутым петельчатым и невыделенно пластинчатым ушком.

Достаточно полно в коллекциях представлены предметы, связанные со сросткинским костюмом. Это гарнитура основных и стрелковых поясов из пряжек, тренчиков, наконечников, блях-накладок, распределителей и колец с крюками в разном сочетании. Их целые наборы происходят из памятников Иня-1, Чинета-II, Ивановка-III, Филин-I, Шадринцево-1. Более ранние сросткинские пояса снабжены большим числом прорезных блях-накладок, отражающих тюркское наследие. В дальнейшем вырабатывается собственный стиль, которому особенно присущи пряжки с сердцевидной рамкой и шестилепестковые бляхи-накладки.

Помимо поясов, с костюмом связано достаточно много украшений для тела и одежды. К первым относятся кольца, перстни, серьги, браслеты, бусы. Ко вторым – бляхи-нашивки и подвески, бисер, колокольчики и застёжки. Большинство этих изделий найдено в женских и детских погребениях на памятниках Иня-1, Екатериновка-3, Усть-Шамониха-1, Поповская Дача. Весьма характерными для сросткинских украшений являются ажурные подвески, выполненные из цветных металлов.

Орудия труда представлены железными тёслами (деревообработка) и ножами (универсальное назначение), а также костяными наконечниками стрел (охота), которые найдены на многих объектах.

К предметам быта относится посуда и принадлежности туалета (булавки, игольники, зеркала). Основная посуда керамическая, но есть и железные казаны с подвижными дужками (Филин-I). В ранних памятниках керамические сосуды круглодонные (Иня-1), в более поздних – плоскодонные (Нижний Кучук-VII, Троицк-3, Чинета-II). Отличительными особенностями сросткинской керамики является подтрапециевидная форма тулова сосуда, круглые плечики, короткая шейка, сильно отогнутый наружу венчик с внешним бортиком, орнаментация верхней трети сосуда, гребенчатый штамп с треугольными зубьями, ряд ямок, прочерченные линии, подвесные фестоны [Горбунов, 1998, с. 188-189]. Из других предметов типично сросткинский облик имеют бронзовые двухсоставные игольники в виде пары рыб.

Археологические коллекции из сросткинских памятников имеют большое значение для эпохи средневековья. Не все материалы введены в научный оборот в полном объеме. Их дальнейшая атрибуция и публикация позволит более детально изучить наследие этой культуры.

Литература

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв.– Барнаул, 2003. – Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). – 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул, 2006. – Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – 232 с.

Горбунов В.В. Поселения Лесостепного Алтая конца I – начала II тыс. н.э. // Поселения: среда, культура, социум. – СПб., 1998. – С. 188-190.

Грязнов М.П. Археологические исследования на территории одного древнего поселка (Раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.). // КСИИМК. – 1951. – Вып. XL. – С. 105-113.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л., 1956. — 163 с. – (МИА № 48).

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001. – С. 176-178.

Л.А. Шибанова

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

Зарубежные выставки Института археологии и этнографии СО РАН

Международные связи Института археологии и этнографии СО АН СССР обширны и многообразны, что является традицией, идущей со времени основания Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Начиная с первой половины 1970-х гг. археолого-этнографические коллекции музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока становятся частью отечественных и международных выставок Сибирского отделения Российской академии наук. На выставках публично демонстрируются достижения экономики, науки, техники, культуры, искусства и других областей общественной жизни [Юренева, 2004].

Широкой зарубежной известности ИАЭТ способствовал целый ряд выставок (рис. 1), на которых музейные экспонаты использовались для пропаганды научных достижений в гуманитарной сфере Сибирского отделения АН СССР [Бородовский, Комиссаров, 1997].

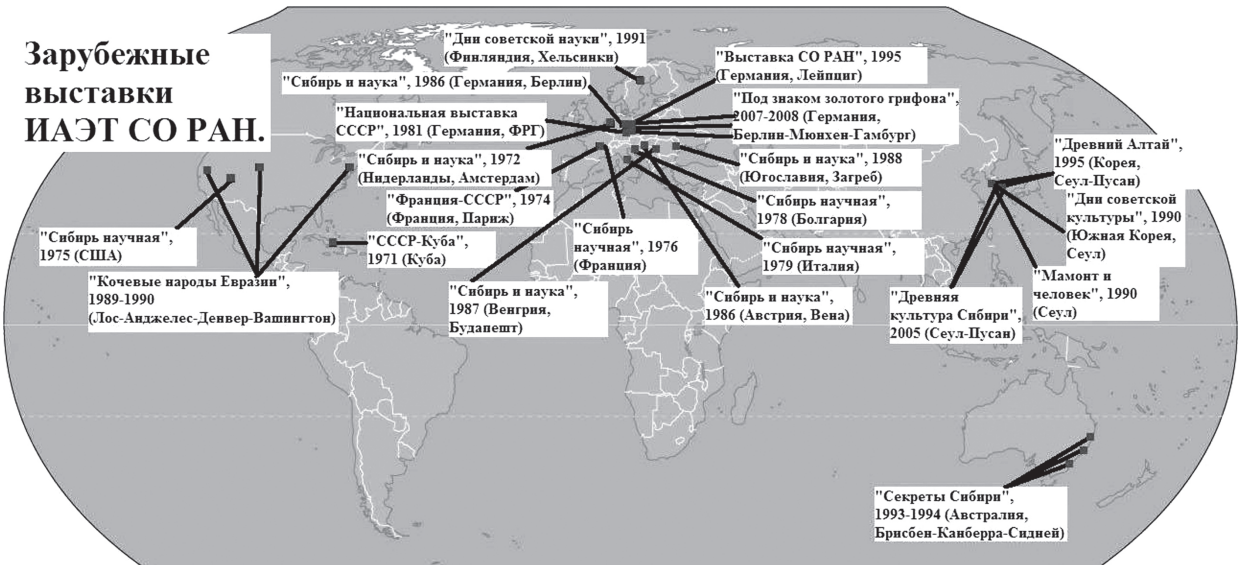


Рис. 1. Зарубежные выставки ИАЭТ СО РАН

Целью представленной работы является рассмотреть динамику развития зарубежной выставочной деятельности ИАЭТ СО РАН. Задачей исследования является изучение истории зарубежных выставок ИАЭТ СО РАН.

Первая такая выставка проходила на Кубе («СССР-Куба») в секции общественных наук. Далее следовали «Сибирь и наука» в 1972 г. (Нидерланды, Амстердам) и «Развивающаяся Сибирь» (Япония, Токио), «Советская социалистическая Сибирь» в 1973 г. (Япония, Токио); 1974 г. – «Экспо-74» (Япония) и выставка общества Франция-СССР с одноименным названием (Франция); 1975-76, 1978, 1979 гг. – «Сибирь научная» (США, Болгария, Венгрия, Италия) [Бородовский, 2001а, с. 73].

География выставок была достаточно широка. Через экспонаты последовательно раскрывается динамика историко-культурного развития Сибири и Дальнего Востока от древнейших эпох до этнографического времени. Демонстрировались итоги работ экспедиций почти из всех районов Сибири и Дальнего Востока от каменного века до средневековья, а также этнографические коллекции, включающие разнообразные предметы традиционной культуры старожилов Алтая, Забайка-

лья и различных сибирских народов (алтайцев, хакасов, бурят, эвенков, селькупов, якутов, нанайцев, ульчей). Большим успехом пользовался деревянный макет одного из центральных экспонатов музея под открытым небом в окрестностях Академгородка – Спасо-Преображенской церкви из Зашиверского острога на р. Индигирка в Якутии.

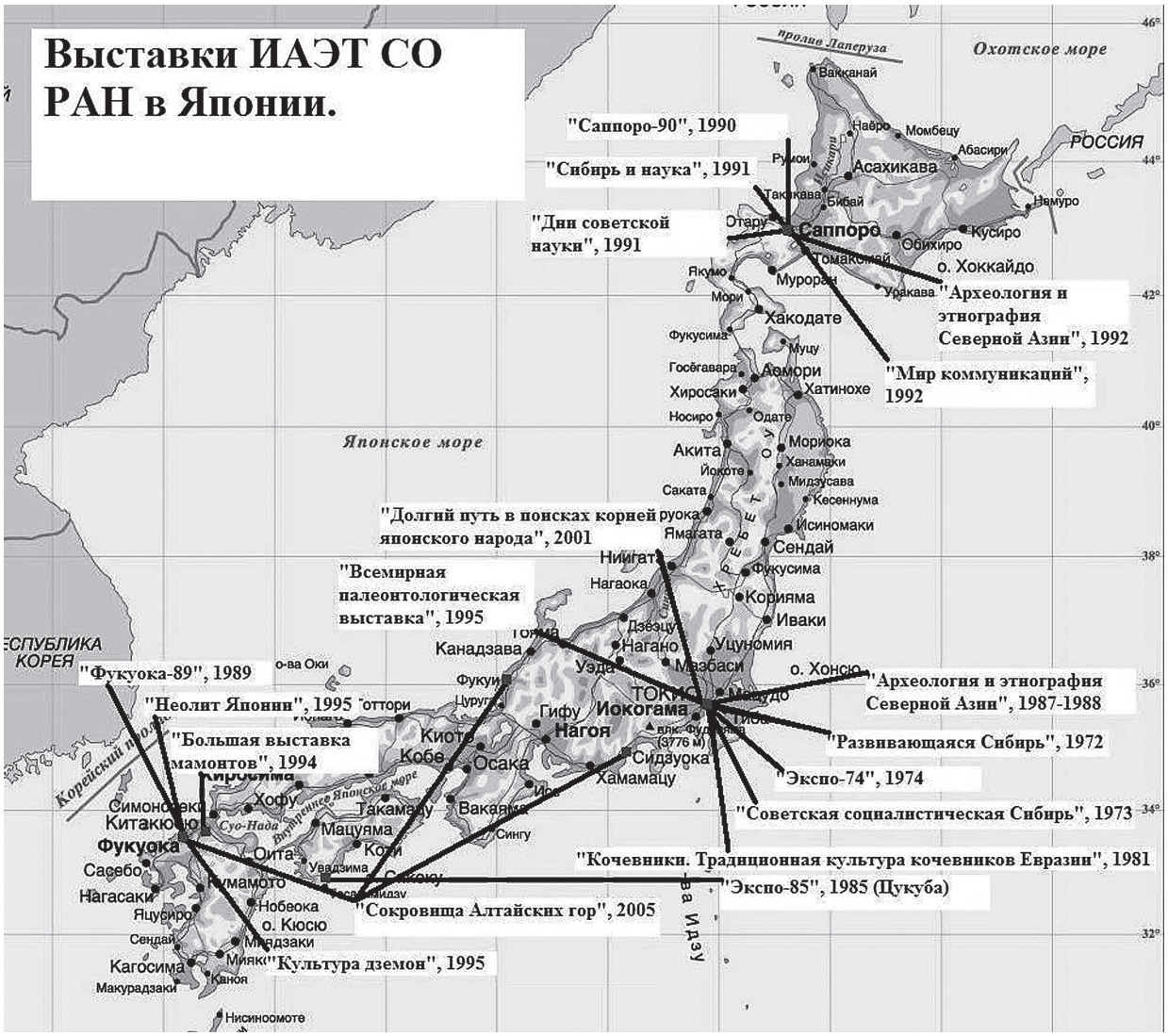


Рис. 2. Выставки ИАЭТ СО РАН в Японии

Последующее увеличение коллекций музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока привело в 80-х годах XX в. к еще более широкому спектру участия в зарубежной выставочной деятельности, демонстрируя достижения науки и культуры в Сибири.

Проводились выставки: в Японии (рис. 2) в 1981 г. («Традиционная культура кочевников Евразии»), ФРГ в 1982 г. («Национальная выставка СССР»); 1986, 1987 гг. – «Сибирь и наука» (ГДР, Австрия, Венгрия), 1987-88 гг. – «Археология и этнография Северной Азии» (Япония); 1989 г. – «Сибирь и наука» (в техническом музее Загреба, Югославия, и в Японии), «Кочевые народы Евразии» (США: Лос-Анжелес, Денвер, Вашингтон) [Бородовский, 2001а, с. 78].

Среди центральных экспонатов, представленных за рубежом, следует отметить древнейшие палеолитические каменные орудия из Приморья и Алтая, мумии верхнепалеолитических животных, палеоантропологические материалы, образцы искусства эпохи камня с Енисея и Ангары, наиболее раннюю керамику, художественную пластику и петроглифы Амура неолитической эпохи. Особое место занимают сенсационные находки из пазырыкских курганов с мерзлотой с высокогорного плато Укок на Алтае: мумии молодой женщины и воина с татуировками, комплекты одежды, цветные войлоки, предметы конского снаряжения и украшения с высокохудожественной резьбой по дереву, возраст которых более 2,5 тыс. лет. Из этнографических материалов – коллекции вещей русского населения Западной Сибири, Алтая, Забайкалья (семейских), а также хантов, манси, селькупов, алтайцев, казахов, хакасов, бурят, якутов, эвенков, нивхов, ульчей.

1990-е гг. явились временем расцвета международного научного сотрудничества и интеграции Института в мировое научное сообщество. В этот период был проведен ряд тематических выставок по палеонтологии, археологии, этнографии Сибири в Японии, Австралии и Республике Корея. Среди более десятка зарубежных выставок следует отметить следующие: апрель-май 1990 г., «Мамонт и человек» (Южная Корея, Сеул); «Дни советской культуры», площадь экспозиции 300 кв.м., 70 тыс. посетителей; декабрь 1991 г., «Дни советской науки» (Финляндия, Хельсинки), площадь экспозиции 1000 кв.м., 20 тыс. посетителей; июль-август 1992 г., «Мир коммуникаций» (Япония, Саппоро), площадь экспозиции 500 кв. м., 122 тыс. посетителей; Австралия, Брисбен – Канберра – Сидней, январь-март 1994 г., «Секреты Сибири», площадь экспозиции 1000 кв.м., 120 тыс. посетителей; Япония, Китакюсю, июнь-июль 1994 г., «Большая выставка мамонтов», площадь экспозиции 1000 кв.м., 121 тыс. посетителей; Корея, Сеул – Пусан, март-сентябрь 1995 г., «Древний Алтай», площадь экспозиции 500 кв.м, 150 тыс. посетителей; Япония, Токио, март-май 1995 г., «Всемирная палеонтологическая выставка», площадь экспозиции 300 кв.м., 170 тыс. посетителей; Япония, Фукуока, сентябрь 1995 г., «Культура дземон», площадь экспозиции 100 кв.м., 130 тыс. посетителей; Япония, Токио, сентябрь-ноябрь 2001 г., «Долгий путь в поисках корней японского народа», площадь экспозиции 360 кв.м., 150 тыс. посетителей. Япония, Фукуока – Сендай – Шизуока – Фукуи, апрель-октябрь 2005 г.; «Сокровища Алтайских гор», площадь экспозиции 500 кв.м., 150 тыс. посетителей [Бородовский, 2001а, с. 79].

Международные выставки ИАЭТ имели большое значение: появилась возможность изучать зарубежные методы и приемы построения экспозиции и дизайнерские решения, конструктивные возможности оборудования и цифровые технологии, обмениваться опытом с целью усовершенствования выставочной деятельности [Бородовский, 2001б, с. 44].

Зарубежные выставки ИАЭТ способствовали отработке и совершенствованию методов экспозиционной и культурно-образовательной работы музея, расширили географию его деятельности, имели большое развитие для пропаганды достижений науки и культуры в Сибири.

Литература

Бородовский А.П. Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока института археологии и этнографии СО РАН // Альманах-2000. Музеи Российской Академии наук. – М.: Науч. мир, 2001а. – С. 70-82.

Бородовский А.П. Развитие музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока в XX веке // Историческое знание и интеллектуальная культура. – М., 2001б. – Ч. 2. – С. 44-45.

Бородовский А.П., Комиссаров С.А. Склад древностей или научно-образовательный центр? // Дарование. – 1997. – № 1. – С. 65-66.

Юренева Т.Ю. Музейная экспозиция // Музееведение. – М.: Академ. проект, 2004. – С. 429.

ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ: ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

М.В. Абоимова
Барнаул, Алтайский государственный университет

Технология и традиции изготовления плетеных ограждений жилых домов и хозяйственных построек в населенных пунктах Чарышского района Алтайского края XVIII-XXI вв.

В современной экологической и экономической обстановке появляется интерес к дереву, материалу, который веками использовали наши предки для строительства. Прясло и плетень в прошлом были распространены повсеместно, что подтверждается пословицами, поговорками: «Каша без

масла, что огород без прясла», «Плети плетень – сегодня твой день». Слова «прясло» и «плетень» можно встретить в произведениях русских классиков: «Крепости, в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором» (А. Пушкин. «История Пугачева»); «Трое перелезли через прясло, огибавшее мужицкие огороды» (А. Фадеев. «Разгром») [Словарь.., 1961, с. 1606]. В Чарышском районе Алтайского края, в силу его труднодоступности, обычаи и традиции местного населения сохранялись без значительных изменений с момента его заселения до 70-х гг. XX в. Первыми русскими поселенцами современной территории района считаются казаки. Выходцы с Дона, Кубани и Терека были посланы сюда для защиты границы Российской империи от набегов джунгар. В казачьих поселениях и в станице Чарышской в период существования казачества (1765-1919 гг.) ограждений вокруг жилых домов не было: «Порядок был на манер военного. Строгие, без палисадников и оград, два ряда домов на улице, хозяйственные постройки за домом, скотные дворы вынесены за пределы поселка» [Страницы.., 2002, с. 41]. Такая система «пространственной организации хозяйственных построек сформировалась в таежной зоне под влиянием стремления изолировать жилой комплекс от нечистот и запахов, связанных с содержанием животных, а также отсутствием угрозы нападения с чьей-либо стороны» [Шелегина, 2001, с. 86]. В казачьих поселениях строго соблюдались все санитарные нормы, за исполнением которых следил казачий круг и атаман лично. За неопрятный вид усадьбы хозяин-казак мог быть публично наказан. С исчезновением казачества, утратой власти станичного атамана и казачьего круга поменялся уклад жизни в бывших станичных поселениях: в 30-40 е гг. XX в. у них, как и у крестьян, появились ограждения вокруг домов. Огороды, загоны для животных, хозяйственные постройки огораживали легкой изгородью – пряслом. Крестьяне, заселившие территорию района позже казачества, «ставили свои дома без особого порядка. Дома у крестьян стояли тесно и неровно, кто как поставит: один выдается, другой боком повернется. Которые были богаче, насадили перед домом палисадники, огородили их жердями» [Липинская, 1996, с. 73]. Заселение крестьянских сел происходило по признаку родства, при этом не было единой улицы: «Дома стояли разбросанно. Такая застройка была широко распространена в европейской части страны до начала XX в., это связано с первоначальным свободным захватным землевладением» [Липинская, 1987, с. 27]. Все хозяйственные постройки, скотные дворы в крестьянских поселениях района строились рядом с домом и загораживались единым плетнем, чаще всего горизонтальным. Летние загоны для животных делали из жердей, т.е. ставили прясло.

Прясло – слово общеславянского происхождения, произошло от слов «прясть», «пряжа». Имеются языковые соответствия в балтийских и германских языках [Шанский, Боброва, 1994]. В.А. Липинская уточняет: «Прясло состояло обычно из трех-четырех горизонтальных рядов жердей, укрепленных на столбах с помощью гибких прутьев-виц. Такой вид легкой ограды был широко распространен, особенно в северно-русских лесных губерниях» [Липинская, 1996, с. 75]. Для возведения прясла колья попарно устанавливаются по периметру участка, который необходимо загородить, на расстоянии 8-12 см друг от друга. Для установки кола использовали лом, им проделывали отверстие в земле. В это отверстие вставляли заостренный кол и расшатывали его из стороны в сторону. В ямку подливали немного воды и с силой втыкали кол в размягченную землю. Так проделывалось несколько раз, до тех пор, пока кол не осядет в землю на глубину 40-50 см. Попарно установленные колья связывались тонкими ивовыми прутьями – вицами в трех местах: в середине кольев, на расстоянии 15-20 см от вершины и на расстоянии 25-30 см от земли. Верхняя жердь (прожилина) оплеталась вицами с двух сторон. На сплетенные из прутьев вицы укладывались жерди. Пряслом обносили огороды как в казачьих, так и в крестьянских поселениях Чарышского района.

Плетень вертикальный изготавливался на основе прясла. Слово «плетень» – древнерусское. Оно произошло от общеславянского корня «плеть», «плести» и имеет аналоги в латинском и греческом языках [Шанский, Боброва, 1994, с. 237]. Древность и повсеместное распространение данного ремесла подтверждается тем, что «плетение известно всем временам и всем народам, мы встречаем его даже у племен, стоящих на самых низких ступенях культуры. Материалом служат молодые прутья многочисленных пород ивы» [Брокгауз, Ефрон, 1991, с. 251]. Плетень вертикальный изготавливается методом плетения на основе прясла из трех жердей. В бывших казачьих поселениях (Чарышское, Красные Орлы, Тулата) фасадную часть домов предпочитали огораживать вертикальным плетнем.

Плетень горизонтальный плетут по одиночным кольям, забитым в землю на 40-50 см, на расстоянии 20-35 см друг от друга. Плетение начинают снизу, от земли, плетут слева направо. Комлевую часть прута фиксируют спереди первого кола правой рукой, а левой заводят прут за второй кол, давая ему выйти перед третьим колом. Дойдя до крайнего правого кола, огибают его и ведут прут обратно. Во втором ряду комлевый конец прута фиксируют сзади первого кола и огибают второй кол спереди. Далее продолжают плести по этой схеме, чередуя ряды. Для уплотнения сплетенных рядов надо плотно сбивать (осаживать) каждый положенный прут к предыдущим с помощью кувалды или шеста. Такими плетнями огораживали фасадную часть домов в крестьянских поселениях Чарышского района (Щебнюха, Березовка). Плетень горизонтальный «узорный», обнаруженный нами на фотографии 1963 г. в архиве Р.А. Пастуховой в с. Тулата, бывшем казачьем поселении, имеет особенности технологии. При его изготовлении мастер постоянно находится с «лицевой» стороны плетения. Новые прутья вплетаются попарно, вставляясь в отверстия возле кола. Вставлять прутья в полотно плетня надо на одинаковой высоте от земли. Причем, если плетение выполняется слева направо, то прутья вставляют в отверстие с правой стороны от кола. При подобном плетении лицевая сторона ограждения напоминает гигантский узор с косами. Так как технология выполнения «узорного» плетня позволяет проводить плетение сразу в 2-3 прута, то и толщина его значительно увеличивается, срок эксплуатации продлевается. Такой плетень был возведен в селе Долинское в 2000 г. на усадьбе потомственного казака И.И. Вензеля, от которого нам удалось узнать секреты его изготовления. В настоящее время слова «прясло» и «плетень» не употребляются в речи жителей Чарышского района, в течение XX в. они стали архаизмами.

В ходе исследования, со слов старожилов, нами проведено описание, реконструкция и фотофиксация процесса изготовления прясла и плетня, выполнены макеты и собран богатый фотоматериал из личных архивов жителей Чарышского района.

Литература

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. – М.: Терра, 1991. – Т. 3.

Липинская В.А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре. (XVIII-XX вв.). – М.: Наука, 1987. – 269 с.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII-XX века. – М.: Наука, 1996.

Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л.: АН СССР, 1961. – Т. 11.

Страницы летописи. Чарышский район.- Барнаул: ГИПП Алтай, 2002. – 218 с.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994. – 400 с.

Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. (Историко-этнографические аспекты. XVII-XX вв.). – М.: Логос, 2001.

Р.К. Асташкин
Астана (Республика Казахстан),
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

К вопросу о возрождении тенгрианства среди тюркских народов

Тенгрианство – совокупность религиозных воззрений древних тюрок, религия, основанная на обожествлении неба – вере в Тенгри. Предположительно возникла в конце II – начале I тыс. до н.э., но не позднее V-III вв. до н.э. Часть исследователей пришли к выводу, что культ принял форму законченной концепции с онтологией (учение о едином божестве), космологией (концепция трех миров с возможностями взаимного общения), мифологией и демонологией (различение духов-предков от духов природы) к XII-XIII вв. [Безертинов, 2000, с. 8].

Культ Тенгри – это культ Предвечного неба – вселенского Духа-хозяина, местом постоянного обитания которого было видимое небо и который сам фактически был этим небом. Кипчаки называли его Тенгри, татары – Тэнгри, алтайцы – Тенгри, Тенгери, турки – Танри, якуты – Тангара, кумыки – Тэнгири, балкаро-карачаевцы – Тейри, монголы – Тэнгер, чуваши – Тура, но речь всегда шла об одном – о мужском неперсонифицированном божественном начале, о Боге-Отце. Тенгри-

хан мыслился как Бог поистине космических масштабов, как единый благодетельный, всезнающий и правосудный. Он распоряжался судьбами человека, народа, государства. Он – творец мира, и Он сам есть мир. Ему подчинялось все в Мироздании, в том числе все небожители, духи и, конечно, люди [Мифы народов мира, 1992, с. 501].

Особенностью тенгрианства являлось выделение трех зон Вселенной: небесной, земной и подземной, каждая из которых, в свою очередь, воспринималась как видимая и невидимая [Безертинов, 2000, с. 45].

Невидимый небесный мир представлялся многоярусным: из трех, девяти и более уровней, каждый из которых был обителью того или другого божества. Великий Дух Неба обитал на самом возвышенном ярусе. К небесной зоне относили светлых и доброжелательных по отношению к человеку божеств и духов. Эти образы были антропоморфными. В жертву им приносили лошадей.

Средний невидимый мир был заселен божествами и духами окружающей природы: хозяевами гор, лесов, вод, перевалов, источников, других объектов, а также духами умерших шаманов. Каждый из них управлял своими территориями или явлениями. Они были наиболее близки людям. Местонахождение духов-хозяев – граница человеческого и природного миров, зона вторжения человека, которая обусловлена его хозяйственной деятельностью. Человек, будучи там гостем, проникал за эту черту после жертвоприношения или «угощения» духов. Взаимоотношения между духами – хозяевами местности, и людьми строились как отношения партнерства, а если их и почитали, то как старших родственников, или предков, каковыми они часто и считались. Для человека это был мир, наиболее доступный для освоения, познания, особенно в тех местах, где он родился и жил.

Нижний, подземный мир, невидимый, являлся сосредоточением злых сил. Главой его являлся могущественный бог Эрлик. Этот мир также был многослоен, но имел предел. Там жили те люди, срок жизни которых в среднем мире кончился. Особенности подземного мира – его зеркальная перевернутость и запахи, отличные от земных. У нижнего мира существовала видимая структура со своими границами: любая впадина и отверстие могли оказаться входом в подземное царство. Все живое, обитающее в земле, под землей, в воде, считалось принадлежностью нижнего мира.

Глубоко чтимым древними тюрками был «культ предков, прославившихся своими подвигами на поле брани» [Бичурин, 1950, с. 144] или творениями, материальными и духовными, которые возвеличили имя тюрков. Считалось, что место, где жил и творил Герой, или Гений дела, там и после смерти его дух мог оказывать постоянную защиту и помощь своим сородичам и народу. Великим предкам тюрки устанавливали каменные памятники, на плитах выбивались слова о подвиге и обращение к потомкам. Памятник был местом встречи между людьми и духом предка. Во время жертвоприношений, молений, иногда в государственном масштабе, дух предка находил в памятнике временное пристанище, остальное время он обитал на Небе.

Вера в «аруах» – духов предков, обязывала тюрков знать свою родословную до седьмого поколения, подвиги дедов и их позор. Признавая коллективную ответственность за род и племя, а также наличие наследственных признаков, тюрки не позволяли людям, причастным к предательству, жить и иметь потомков. Каждый мужчина должен был понимать, что и его поступки будут также оценивать семь поколений. Вера в Тенгри и в небожителей устремляла тюрков на достойные дела, к свершению подвигов и обязывала к нравственной чистоте. Ложь и предательство, отступление от клятвы воспринимались ими как оскорбление самого Божества.

Из истории мы знаем, что и христианство, и буддизм, и мусульманство имеют вполне земную историю и свои этапы сложения, исчисляющиеся даже не десятилетиями, а столетиями. С тенгрианством все обстоит и проще и сложнее. Дело в том, что оно имеет два вида: народный и имперский. Тенгрианство как племенной культ, возможно, существовал тысячелетия, но как монотеистическая религия он складывается в эпоху Древнетюркского каганата. В правление Бильге-кагана официальной религией тюрков стало тенгрианство, и во главе культа стоял сам каган, ставший главным священнослужителем. И надо полагать, что Тенгри поклонялись на всей гигантской территории двух тюркских каганатов [Кодар, 2008].

В настоящее время тенгрианство, как родоначальник мировых религий вызывает чрезвычайный интерес. Интерес, который подогревается следующими пророчествами и предсказаниями. В Европе хорошо знают предсказание Нострадамуса о возрождении древней религии владыки монголов в XXI в. С распространением этой религии по планете, согласно данному предсказанию, мир изменится коренным образом. Призывы искать истину в традиционной культуре в той

или иной степени пользуются популярностью, наверное, среди всех народов, населяющих землю. Любая национальная культура, как правило, имеет в своей основе религию. Многие историки в большей степени испытывают симпатии к тенгрианству, считая ислам чужеродной для кочевников культурой. На основании этих данных некоторые философы на полном серьезе предлагают вернуться к тенгрианству как единственной идеологии, соответствующей менталитету тюркских народов. И судя по некоторым дискуссиям, ведущимся в Интернете, эти идеи пользуются достаточно широкой популярностью среди населения. Вообще о тенгрианстве достаточно давно говорят практически во всех тюрко-монгольских народах. Вообще о тенгрианстве достаточно давно говорят практически во всех тюрко-монгольских народах. Самым заметным местом деятельности адептов тенгрианства на данный момент стала Якутия. Вернуться к тенгрианству в этой республике призывают со страниц популярных газет и книг и даже в школах подумывают ввести соответствующий предмет, знакомящий юное поколение с основами этой религии. Конечно, понять поклонников тенгрианства можно. Так сложилось, что отказ от древней веры и обращение к другим религиям совпали по времени для кочевых народов и с уходом их с главной исторической сцены куда-то на задворки мирозданья. Тут уж поневоле придешь к умозаключениям, что именно ислам, христианство, буддизм и стали тому причиной.

Литература

Безертинов Р.Н. Тенгрианство – религия тюрков и монголов. – Набережные Челны: Аяз, 2000.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Т. 1.

Кодар А. Тенгрианство в контексте монотеизма [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Kodar/ (дата обращения: 08.11.2009).

Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. – М.: Сов. Экцикл., 1992. – Т. 2: К-Я. – 719 с.

Ж.А. Аяпергенова
Караганда (Республика Казахстан),
Карагандинский государственный университет им. акад. Е.А. Букетова

Этнографическая ценность работ Ч.Ч. Валиханова

Выдающийся казахский ученый и просветитель Ч.Ч. Валиханов оставил после себя богатое научное наследие. По сей день его труды актуальны и представляют большой интерес, являясь важнейшим источником по истории казахов.

Очень интересным и ценным этнографическим источником являются научные труды Ч.Ч. Валиханова, написанные в результате многочисленных путешествий в Центральную Азию. Дневники Ч.Ч. Валиханова написаны в стиле художественного очерка («Дневник поездки в Кульджу», «Дневник поездки в Кашгар»). Для них характерно сочетание живого и увлекательного описания природы с глубоким знанием народной жизни. Во время пребывания в Кашгаре Ч.Ч. Валиханов собрал и записал наиболее точные сведения о крае. Он не только описал и зарисовал в мельчайших подробностях караванные пути через Тянь-Шань с долины Иссык-Куля в Кашгар и Турфан, но и дал подробную характеристику ландшафта, флоры и фауны изученных им районов. В кульджинском дневнике отмечены вехи истории, культуры и быта народов Синьцзяна, их культурные взаимосвязи с древних времен вплоть до XIX в. В нем отражены и запечатлены интересные наблюдения и живые восприятия картин народного быта Тянь-Шаня и пограничной Джунгарии.

Путешествуя по Средней Азии, Ч.Ч. Валиханов знакомился и по возможности изучал языки народов, проживающих на сопредельных территориях. Впоследующем свои языковые познания Чокан Чингизович использовал для изучения источников, написанных на диалекте той или иной народности.

Ч. Валиханов был заинтересован и в изучении истории т.н. дикокаменных киргизов. Происхождение и история их развития, по мнению Ч. Валиханова, оставались для ученых вопросом нерешенным и спорным. Существует много различных предположений относительно данного вопроса, причем, мнения ученых расходятся.

На основе собранного им материала, относящегося к памятникам народной литературы уйсунов и Дикокаменной орды, Ч.Ч. Валиханов проводит параллель между киргизами и киргиз-кайсаками, тем самым показывая их различия и абсолютную противоположность.

Изучая историю своего народа, Ч.Ч. Валиханов впервые обратился к вопросу о происхождении казахов. При этом, в качестве первоисточников он рассматривал различные легенды и предания как религиозного, так и сказочно-мифологического содержания. В этом отношении очень содержательной является его работа «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», где он последовательно излагает и анализирует богатый этнографический материал. Характеризуя предания казахского народа, Ч. Валиханов обращает внимание на простоту формы и глубину содержания, ясность и отсутствие сверхъестественного и баснословного [Валиханов, 1983-1985].

При изучении легенд и преданий казахов, Ч. Валиханов уделяет большое внимание особенностям народной поэзии. Этому посвящена его работа «О формах казахской народной поэзии». В поэзии отражается быт народа, обычаи и традиции, характеризуются выдающиеся личности, через поэзию мы узнаем о морально-нравственных ценностях в обществе и многое другое.

Чтобы объективно судить о народе, его обычаях и традициях, необходимо иметь представление и о религиозных верованиях и представлениях. С древнейших времен казахский народ, наряду с мусульманством, проповедовал и язычество. Как отмечает Ч. Валиханов, все языческие культы связывались как с необыкновенными явлениями природы, так и с обычными жизненными процессами, такими как смерть, рождение, взросление, старение и т.д. [Валиханов, 1985, т. 4]. Следует отметить, что во многом такое переплетение сохраняется и по сей день.

Кроме того, Ч.Ч. Валиханов являлся одним из первых, кто записал и прокомментировал «Казахское родословие», являющееся одним из важнейших источников по истории казахов [Валиханов, 1983, т. 1]. Знание своей родословной на протяжении веков являлось традицией, которая передавалась из поколения в поколение и имела немаловажное значение в жизни казахов.

В своей работе «Киргизское родословие» Ч. Валиханов характеризует патриархальный родовой быт, описывает состязания в диспутах степных импровизаторов из разных родов о превосходстве и старейшинстве своего предка. К сожалению, современные поколения во многом утратили эту традицию. Не многие сейчас смогут назвать семь поколений предков, не испытав при этом затруднения.

Работы Ч. Валиханова имеют огромную этнографическую ценность. Он впервые записал и опубликовал многие произведения устного народного творчества, ввел в научный оборот множество источников по истории казахов периода древности и средневековья. Ценность данных работ состоит в том, что он дает информацию не только относительно казахского народа, но и затрагивает этнографию народностей, с которыми он встретился в результате своих путешествий. Но самое главное – он пронес через все свое научное творчество любовь к своему народу, стремление быть полезным ему.

Литература

Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. В 4 т. – Алма-Ата: АН КазССР, 1983-1985.

А.А. Багдатов
Астана (Республика Казахстан),
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Тенденция формирования полиэтнической структуры Казахстана в период XIX века

Казахстан – полиэтническое государство с уникальной демографической и этнокультурной ситуацией. Обретение Казахстаном государственного суверенитета выдвинуло на повестку дня ряд актуальных проблем истории казахского народа, формирования его этнической территории, многовековой борьбы за сохранение целостности своей исконной земли.

Таким образом, особенную актуальность приобретают вопросы, связанные с изучением миграционных явлений, предопределивших разнообразие демографической структуры населения Казахстана. При этом особое внимание уделяется определению роли процессов внешней миграции в формировании полиэтнической структуры населения Казахстана. Ведущий казахстанский

исследователь М.Х. Асылбеков отмечает: «Мигранты в лице казаков и беглых крестьян проникли в Казахскую степь с XVI в. через строительство укрепленных пунктов-крепостей и городов. Ко времени завершения присоединения Казахстана к России многие казахские земли уже были захвачены Оренбургским, Уральским, Сибирским и Семиреченским казачьими войсками и их населением. С 90-х годов возросло крестьянское переселение, в 1871-1916 гг. прибыло более 1,6 миллионов человек, а в 1881-1883 гг. из Синьцзяна (Китай) переселилось более 50 тысяч уйгур и дунган. Удельный вес казахов в 1897-1914 годах упал с 81,8 до 58,5%, а русских вырос с 11% до 29,6% » [Асылбеков, 1998, с. 157]. Следовательно, внешние миграционные процессы привели к чрезвычайной сверхинтернационализации и снижению удельного веса казахского населения.

Таким образом, в формировании полиэтнической структуры населения особую роль сыграли процессы внешней миграции в контексте переселенческой политики царизма, особенно период конца XIX – первой половины XX вв.

В результате переселенческой политики на территории Казахстана до первой мировой войны было изъято у местного населения более 40 миллионов десятин, что составило почти 20% всех земельных угодий. Общее количество переселенцев составило 1629200 человек. Особенно усилилось переселение крестьян на территорию Казахстана в результате столыпинской аграрной реформы. Переселенческая политика имела тяжелые экономические, социально-демографические последствия для населения Казахстана.

По Всероссийской переписи 1897 г. население Казахстана составляло 4147,8 тысяч человек, из них 3392 тысячи человек, или 81,7% – казахское население. В 1911 г. при общей численности населения 5 миллионов 408 тысяч человек казахи составляли 67,2%, то есть 3 миллиона 639 тысяч человек [Искакова, 2003, с. 171]. По переписи 1914 г. общая численность населения края составила 5910 тысяч человек, из них 3845,2 тысячи человек, или 65,1% – казахское население [История Казахстана, 1993, с. 260]. При этом более половины переселенцев (56,2%) осело в Акмолинской области, в Тургайской – 15,3%, в Семипалатинской – 10%, Семиреченской – 9,1%, Уральской – 6,3%, Сырдарьинской – 3,1%.

В ходе переселенческой политики царизма в конце XIX – начале XX вв. наметилась волна миграции немецкого населения в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. К 1920 г. в разгар революции и гражданской войны в казахской степи количество немцев насчитывало 62760 человек, или 1,3% от всего населения республики.

Частью переселенческой политики царского правительства было переселение уйгур и дунган в Семиречье в 1881-1883 гг. По переписи 1897 г. численность уйгур и дунган достигла 71019 человек: 55815 уйгуров и 15276 дунган. Они образовали 54 общества и 99 селений в пределах шести волостей, Джаркентской, Кетменской, Аксу-Чарынской, Малыбаевской. Карамской и Карасуйской волостей.

Вся история переселенческого движения в Казахстане была обусловлена различными социально-экономическими и политическими условиями Российской империи. В соответствии с колониальной системой землеотводного дела формирование переселенческих поселений сопровождалось насильственной экспроприацией казахских земель. Исходя из своих интересов, царизм не вникал в земельные нужды и хозяйственные интересы коренного населения. В свою очередь резкое изменение этнодемографической ситуации, в частности, абсолютный рост удельного веса некоренных национальностей подводил население ряда регионов Казахстана к опасной черте, за которой стояла угроза ассимиляции в доминирующей иноэтнической среде.

Литература

Асылбеков М. Внешняя миграция и ее влияние на национальную структуру Казахстана в XX веке. // Уроки отечественной истории и возрождение казахстанского общества. – Алматы: Казахстан, 1998. – 176 с.

Искакова К. Становление полиэтничности Казахстана // Поиск-Изденис. – 2003. – № 5.

История Казахстана: Очерки. – Алматы: Даур, 1993. – 416 с.

А.О. Базырчап
Кызыл, Тывинский государственный университет

Культ гор и пещер в Республике Тыва

По данным письменных источников, этноним «тыва» («дубо», «туба») как этническое наименование упоминается впервые по отношению к населению Восточной Тувы еще в середине I тыс. н.э. [Бичурин, 1950, с. 340] Позднее этническое название «тувинцы» («тыва») зафиксировано в русских источниках 60-80-х гг. XVII в. Тувинцы как этнос сложились в XVII-XVIII вв., представляя собой группу схожих по языку племен, населявших бассейны рек Каа-Хем, Бий-Хем, Хемчик; склоны хребтов Западного и Восточного Саяна, Танну-Ола. В энциклопедическом словаре «Народы мира» указано, что в этнокультурном отношении тувинцы делятся на западных (Хемчикская котловина, Центральная Тува) и восточных (тувинцев-тоджинцев – Тоджинская котловина). Можно выделить особые группы, проживающие в Монгун-Тайге, которые имеют много контактов с Алтаем, что отражается на особенностях их культуры, в Эрзине и Овюрском кожууне, которые имеют тесные связи с Монголией, есть также этнолокальные группы тувинского населения, живущие в Монголии и в Китае.

Основным традиционным занятиям тувинцев является кочевое скотоводство (крупный рогатый скот, овцы, верблюды, яки), в Тоджинском кожууне Кунгуртуге продолжает сохраняться отчасти оленеводство. Земледелие носит ограниченный характер.

В мировоззрении каждого народа центральное место, без сомнения, занимает то, что их непосредственно окружает, где люди волею судеб вынуждены жить, т.е. природа, мир, окружающий человека. С раннего детства ребенок включался в процесс совершения обрядов, без нравоучений постигал суть проведения древних действий – общение с природой [Кужугет, 2006]. Через обычаи и обряды у ребенка постепенно формировалось традиционное мифологическое сознание, неразрывно связанное с религией, народной экологией. С годами оно укреплялось через любовь к природе – конкретной местности, окружающим горам, рекам, озерам, пещерам и т.д.

Самым почитаемым в настоящее время культом у тувинцев является культ гор. Но с культом гор неразрывно связан и культ пещеры, который тоже в настоящее время стал привлекать людей, т.к. любая пещера всегда находилась среди гор, скал.

Почитание гор – весьма распространенное явление. Горные моления связаны с древним, безусловно, еще дошаманским культом гор. Горы в представлении тувинцев населены различными духами – Даг-Ээзи – Хозяевами гор, Шулбусами и Албысами (демонами). Горные хозяева, как и все представители мира невидимых, простым мирянам на глаза не показываются. Но они могут предстать перед ясновидящими и счастливыми людьми. В традиционных верованиях у тувинцев четко различаются две разновидности культа гор: почитание «родовых гор», которые являются местами родовых собраний; почитание гор, посвященных верховным божествам – Хайыракану (связан с культом Неба-Тенгри), Умай и Эрлику. Единственным существом, способным обезвредить злых духов, является шаман, совершающий специальное камлание.

Почитаемые горы и местности, имеющие своих духов–покровителей, называются «ээлиг чер» – букв. «земля, имеющая хозяина». Некоторые горные вершины отождествляются с родовыми местами, откуда ведут свои жизненные корни тувинцев. Там обитали духи-хозяева, покровители рода. Туда собирались члены только одного рода, совершалось жертвоприношение в виде заколотого барана. На примере можно рассказать о роде кыргызов из Эйлиг-Хема в Чаа-Хольском кожууне, которые каждый год почитают гору своих предков под названием Оваа-Даш на Эйлиг-Хеме.

Наиболее почитаемы в Туве: хребет Танну-Ола (Танды), горы Монгун-Тайга, Бай-Тайга, Кызыл-Тайга. Каждая из этих горных вершин имеет своего могущественного духа–хозяина, славится среди кочевников своими необыкновенными свойствами и играет большую роль в жизни населения на той территории, где находится та или иная гора.

С горами неразрывно связаны и пещеры. Но пещеры есть не в каждой горе. Пещера укрыта, незаметна для глаза, нелегко впускает и еще труднее выпускает человека. Обычно священные пещеры-гроты находятся в холмах или норах. Пещера тесно связана с архетипом Великой Матери. Во всех культурах она сравнивается с женским лоном – местом рождения, начала и средоточения жизни, центром мироздания. Пещера может иметь и противоположные негативные значения: за-

гробный мир. В мифах и обрядах инициации пещера часто представляется местом, где сконцентрированы жизнетворные силы земли, где вещают оракулы, где посвящаемые возрождаются в духовном смысле, где духи видят небесный свет.

Кроме этой пещеры, в статье Д.Б. Бузур-ола «Пещера предков» описывает поклонение легендарной пещере, откуда вышел род тюрок-ашинов в раннетюркском каганате. Он приходит к выводу, что такая пещера находится в местности Ондум в Туве, чему приводятся различные, зачастую совсем необоснованные доказательства. Почитание этой пещеры тесно связано с мифологическими представлениями древних тюрков о своем происхождении. В одной из пещер укрылась волчица, которая вскормила родоначальника ханов-ашинов – основателей первого тюркского каганата. У Н.Я. Бичурина говорится о том, что «Ежегодно хан древних тюрков со своими вельможами приносит жертву в пещере предков, а в средней декаде пятой луны собирает прочих и при реке приносит жертву духу неба» [Становление.., 2000, с. 28-29].

Священные буддийские пещеры, нововведения в духовной культуре тувинцев особо почитались рядовым населением и служителями культов. С.Р. Минцлов, посетивший Туву в 1914 г., со слов тувинцев дал интересное описание одной из таких пещер, состоящей из анфилады помещений. В нескольких помещениях пещеры содержались фигуры божеств ламаистского пантеона, библиотека священных обрядовых книг, убранство состояло из культовых платков, лент из тканей. В таких пещерах будущий избранник перед возведением на высший иерархический сан проходил своеобразный испытательный срок. Лама, выдвинутый в сан хамбо ламы, должен был в этой пещере провести в молитвах срок не менее одного года. При этом пищу и еду для него приносили адепты. Суть заключалась в том, что выдержавший испытание лама становится более популярным и приобретает авторитет среди своих иерархов [Минцлов, б.г.]. Вероятно, он описывал пещеру Куйлуг-Хем.

О тесной связи культа гор и пещер свидетельствует почитание Моренской пещеры на горе Хайыракан в Эрзинском районе около с. Морен. Эта гора сложена белыми известняками и светится в лунную ночь. На южном склоне горы имеется популярный у населения аржаан. Вода источника выходит на поверхность в трех местах, расположенных ярусом, один над другим. На ветвях деревьев и кустарников висят разноцветные куски материи – чалама, ложки, игрушки. Верхний источник называется «мужским», средний, текущий несколько правее, – «женским», а нижний «общим». Женщине категорически запрещалось бывать на мужском аржаане, который берет начало на вертикальной скале, где конденсируется влага и капает на желоб как бы из ничего, из воздуха. От аржаана по тропе на восток вдоль южного склона горы можно попасть к пещере. По свидетельствам старожилов, вход в пещеру охраняло каменное изваяние, но потом оно исчезло.

Таким образом, культ гор был очень распространенным и особо почитаемым среди тувинцев. Но он еще неразрывно связан и с культом пещер. В этих местностей имеются свои духи-хозяева, которых в исключительных случаях случалось видеть людям. Дух может предстать перед человеком в разных одеждах, а также, по словам информаторов, духи могут быть разных полов. Таким образом, культ гор и пещер у тувинцев неразрывно связан между собой и почитаем с давних времен. Тувинцы верили в силу священных мест и духов этих мест. Все это исходит из духовного мира тувинцев, это связано с их внутренним миром. В некоторых пещерах, по источникам и со слов информаторов, ученых, имелись священные книги, писания. Это говорит о том, что в давние времена в этих пещерах жили ламы, читали там моления. В настоящее время имеются также пещеры, о которых люди не хотят рассказывать, потому что в этих пещерах спрятаны шаманские атрибуты. Кроме того, они, наверно, боятся сообщать их местонахождение из-за возможного проклятия.

Литература

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Т. I.

Кужугет А.К. Духовная культура тувинцев». – Кемерово, 2006.

Минцлов С.Р. Памятники древности в Урянхайском крае // Зап. / Вост. отд. импер. Рус. археол. об-ва. – Тыва: Дептер.

Становление и развитие науки в Туве. – Кызыл, 2000. – Т. II.

А.В. Борисова
Челябинск, Челябинский государственный университет

Предпосылки складывания еврейской общины г. Челябинска

При обширности территории России с ее регионами, существенно отличающимися по уровню экономического и культурного развития, еврейские общины в отдельных областях страны представляют собой разные, по-своему уникальные модели развития как отношений с окружающим обществом, так и внутриобщинной жизни, поскольку общеимперские стереотипы, накладываясь на местные особенности, давали неповторимые результаты.

На Южном Урале евреи появились в начале XIX в. Нельзя исключать, конечно, возможность приезда в Оренбургскую губернию бухарских еврейских купцов и караимов, но эти этнические группы не входили в круг исследования и поэтому речь пойдет только о евреях – переселенцах из западных и центральных губерний империи.

Власти неоднократно принимали различные законодательные акты, имея целью предотвратить эти несанкционированные переселения. Высочайшим указом от 19.12.1824 г. евреям было запрещено проживать на Урале [Сафонов, 1998]. В конце 20-х и 30-х гг. XIX в. требования к проживанию евреев в губернии ужесточились. Так, Оренбургский гражданский губернатор в донесении военному губернатору 30 ноября 1832 г. писал, что он «предложил Губернскому правлению и предписал всем Градским полициям принять строгие меры, чтобы жиды в городах здешней губернии не укоренялись под каким бы то предлогом нибыло» [Каган, 1998, с. 4].

В 50-70-х гг. XIX в. было принято несколько законов, облегчивших расселение евреев за пределы черты оседлости, в результате чего число евреев, проживающих в Оренбургской губернии, стало постепенно увеличиваться. Первые из обнаруженных сведений о численности еврейского населения в городах губернии относятся к 1865–1867 годам. На 1866 г. в Челябинске проживало 40 евреев при общей численности населения 5187 человек [Ерусалимчик, 1999].

О социальном составе еврейского населения можно судить, исходя из анализа следующих фактов. В Оренбургской губернии было две школы кантонистов – в губернском городе Оренбурге и уездном городе Троицке. В этих школах прошли муштру, знакомство с русским языком, побои и голод кантонисты, которые затем, достигнув 18 лет, были направлены служить в 10-й линейный Оренбургский батальон, расквартированный в Челябинске, и Челябинскую команду инвалидов на 25 лет. Имена крещеных рекрутов трудно установить, потому что насильно крещеным солдатам менялось и имя, и отчество, и фамилия. Если же человек иудейской веры переходил в православие по доброй воле, то мог оставить имя и фамилию, сменив только отчество (на крестного отца) (ГАЧО. Ф. Р-1484. Оп. 4. Д. 94).

В госархиве Челябинской области находится «Список жителей города Челябинска с указанием душ и работников каждой семьи за 1860 год». В нем нет ни одного имени человека иудейской веры (ГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5284). В справочниках-ежегодниках Оренбургской губернии за 1855-1869 гг. в графе о вероисповедании названы челябинцы православные, католики, лютеране, мусульмане, но жителей иудейской веры нет. Однако Г.И. Ерусалимчиком были найдены три важных документа, подтверждающие проживание евреев в г. Челябинске в 50-60-х годах XIX в. [Ерусалимчик, 1999]. В августе 1862 г. командир Оренбургского линейного 10-го батальона, расквартированного в Челябинске, подполковник Быковский обратился в Оренбургское губернское управление с просьбой «сделать распоряжение об отводе места в г. Челябе на выгонной земле под устройство кладбища для погребения умерших низших чинов еврейского закона» (ГАЧО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 328). Это подтверждает то, что рекруты, отбывшие 6-8 лет в кантонистских школах, были направлены в воинские части города Челябинска на 25-летнюю солдатскую службу. И солдат-евреев было достаточно много, на что указывают размеры кладбища (600 квадратных саженей) (ГАЧО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 328), но числились эти солдаты за военным ведомством и поэтому в гражданских справочниках и документах городской управы не упоминаются. Второй документ – «Именной список Челябинской команды для отвода квартир нижним чинам (с 1 мая по 1 ноября 1870 года)» (ГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6682). В нем перечисляются военнослужащие, уже отслужившие большую часть срока, и их положение. Третий документ – «Переписка о выдаче лицам военного ведомства бесплатных свидетельств о торговле на 1872 год (4 января – 5 сентября 1872 года)» (ГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6917). В метрических книгах родившихся, сочетавшихся браком и умерших евреев указыва-

ется возраст и социальное положение (ГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6917; Ф. 226. Оп. 4. Д. 697). Если мальчики-рекруты рождения 1829-1842 гг. были взяты в кантонисты 10-12 лет, то общее время службы равно 30-33 годам, и получается, что рекруты выходили в отставку во второй половине 60-х – начале 70-х гг. XIX в., что соответствует архивным документам.

Итак, первые люди иудейской веры, появившиеся в Челябинске, были николаевские солдаты действительной 25-летней службы после 6-8-летнего пребывания в кантонистской школе. В данный список не вошли имена сотен насильственно крещеных евреев, которым сменили имена и фамилии. Если иудеям было запрещено жениться на православных девушках, то крещеные евреи в Челябинске женились только на русских девушках, ибо еврейки не имели права жить вне черты оседлости.

Таким образом, первыми людьми иудейской веры в Челябинске были евреи – николаевские солдаты. Но были ли в те времена в городе евреи – гражданские лица? По данным Оренбургского статистического комитета, в 1870 г. в Оренбургской губернии жило 649 евреев, в том числе в г. Оренбурге – 508, в г. Верхнеуральске – 34, в г. Троицке – 66 , в г. Челябинске – 40 [Каган, 1998] при общей численности населения губернии в том году 900547 человек. Солдаты-евреи, продолжавшие служить, числились по военному ведомству и в эту статистику не вошли. По ведомости на 1880 год о евреях-мастерах и ремесленниках, приглашенных на работу в Оренбургскую губернию, 30 человек проживали в г. Оренбурге, 5 – в г. Верхнеуральске, 6 – в г. Троицке и 4 – в г. Челябинске. При них состояли 120 членов семей (жен и детей) (ГАЧО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 4716). В 1895 г. из 1265 жилых строений Челябинска 12 принадлежали евреям (ГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 328). Из них 8 домов принадлежали отставным николаевским солдатам.

Следовательно, во второй половине XIX в. большую часть мужского еврейского населения г. Челябинска составляли отставные солдаты и унтер-офицеры, служившие в войсках Оренбургского 10-го линейного батальона и Челябинской инвалидной команды, расквартированные в городе. Это и составляло специфику еврейского населения Челябинска – города, расположенного в пограничной Оренбургской губернии в середине – третьей четверти XIX в.: оно было военным, а не торговым, ремесленным или ростовщическим, что было более характерным в черте оседлости и других городах Урала и Сибири, а также отражало сами причины появления евреев вне черты оседлости на законных основаниях: введение Николаем I рекрутчины для евреев, кантонистских школ для них и последующее распоряжение правительства Александра о закрытии школ и разрешении солдатам-евреям селиться в местах прохождения службы.

Литература

ГАЧО. Ф. 6. И-3. Оп. 3, Д. 4716

ГАЧО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 328.

ГАЧО. Ф. 226. Оп. 4. Д. 697.

ГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5284.

ГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6682. Д. 6917.

ГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 328.

ГАЧО. Ф. Р-1484. Оп. 4. Д. 94. Книга для записи родившихся евреев за 1878-1919 гг.

Ерусалимчик Г.И. Разные судьбы – общая судьба. – Челябинск: Т. Лурье, 1999. – 447 с.

Каган И.И. Евреи Оренбуржья в XIX — начале XX века // Евреи в Оренбургском крае. Материалы научно-практической конференции. – Оренбург, 1998. – С. 3-14.

Сафонов Д.А. Переселение евреев на Южный Урал в 19 – начале 20 века (историко-правовой аспект) // Евреи в Оренбургском крае. Мат-лы науч.-практ. конф. – Оренбург, 1998. – С. 29-34.

В.А. Данилейко
Красноярск, Красноярский краевой краеведческий музей

Культовые предметы народов Туруханского края из коллекции П.Е. Островских в фондах Красноярского краевого краеведческого музея

В Красноярском краевом краеведческом музее представлена значительная коллекция культовых предметов коренного населения севера Приенисейской Сибири. Одни из первых экспонатов были собраны этнографом П.Е. Островских, работавшим в Туруханском крае с 1899 по 1904 гг. (КККМ о/ф 7904/ПИр 265-10). Став здесь по назначению Министерства Финансов губернским секретарем и помощником енисейского податного инспектора [Памятная книжка.., 1903, с. 32, 73], Петр Евгеньевич начинает изучение *«промыслов и экономики»* русского и *«инородческого»* населения. Академический музей, Русский музей и Географическое общество поручают ему «*изучать быт туземцев ... брать этнографические коллекции»* (КККМ о/ф 7904/ПИр 265-6).

Всего ученому удается собрать около 1500 предметов, из которых в фонды КККМ попала лишь малая часть. Культовыми из красноярской коллекции являются 15 предметов. Конечно, обращают на себя внимание предметы с кетского мольбища на р. Сургутиха, включавшего в себя значительное количество антропоморфных (?) изображений (около 50), скульптуру животного («медведя» (КККМ о/ф 9891/ПИр 500. Т. 26. Л. 196)), серию деревянных изображений птиц, насаженных на высокие колья [Иванов, 1970, с. 132], пять из которых и попали в фонды музея: четыре изображения тетеревов («хуп-пальник») (КККМ. Колл. 1505-1 (3-1)) и изображение еще одной птицы (КККМ. Колл.1526-5 (0-158; 31-6)), длина от 20 до 45 см. «Тетерева» были вырезаны из обрубков ствола молодой лиственницы, с грубо оформленными туловищем и головой, и насажены на шесты длиной 3-4 м (КККМ о/ф 9891/ПИр 500, Т. 26, Л. 196). Общее количество изображений птиц неизвестно, и в записях П.Е. Островских находим лишь: *«Чумъ Рядъ сосновых палокъ – свыше 70 штукъ ... и по 1 ½ – 2 саж съ насаженными на нихъ птицами пальниками»* (КККМ о/ф 9891/ПИр 500. Т. 26. Л. 196).

С Сургутихинского мольбища попадает и деревянный идол «Додж». Фигура Доджа не совсем ясна: 1) о его поступлении идет речь лишь в самой ранней инвентарной книге, в последующих он уже не упоминается; 2) сам идол в фондах пока не обнаружен; 3) слово «Додж» в изученной нами литературе не встречено. Можно только предположить, что это один из дос'н – сыновей Холай. Основание для такого предположения дает как схожесть звучания слов, так и совпадение описаний дос'н у Е.А. Алексеенко («Дӧс'н' представляли собой тонкие стволы до полутора-двух метров длиной, верхний конец которых был заострен. Лицо обозначалось зарубками. Семью косыми зарубками по бокам изображались ребра» [Алексеенко, 1967, с. 178-179]; «… дос'н – сыновья Холай. Они представляли собой кедровые (или еловые) жерди и бревна длиной от 0,5 до 5 м, оканчивающиеся вверху острой, грубо высеченной головой, … обычно стояли тесной группой, прислоненной к опорной горизонтальной слеге. Число их варьировало от семи…» [Народы.., 2005, с. 713]), с фотографиями и описаниями у П.Е. Островских: *«7 штукъ прислонены на особой перекладине, на ней же 5 толстых идоловъ съ навяз. на них тряпицами.»* (КККМ о/ф 9891/ПИр 500, Т. 26, Л. 196); «доӆ – *палка = шайтан длинный*» (КККМ о/ф 9891/ПИр 500. Т. 108).

Интересны и другие предметы из описываемой коллекции. Так, селькупская антропоморфная фигурка Кандальджюка (КККМ. Колл. 1511-3 (10-4)) представляет собой «антропоморфное изображение легендарного старика, якобы разъезжавшего по реке и воровавшего рыбу из морд и сетей. Это фигура с подвижными конечностями. Руки, прикрепленные к горизонтальной палочке, при повороте ее вытягиваются вперед. В руках у старика весло. Сделав изображение Кандальджюки, баишенские селькупы усаживали его на пол, поворачивали палочку с руками и пели песни. По более поздним данным, эта фигура служила детям игрушкой» [Иванов, 1970, с.115]. Аналогичное изображение хранится в МАЭ.

Селькупским или кетским является деревянный шест «Дан» («Дао») «для лазания, с зарубками» (КККМ. Колл. 1505-25 (3-30)). На верхнем конце его вырезана плоская личина с выступающим носом. С лицевой стороны сделано семь поперечных зарубок, в две из них вставлены небольшие прямоугольные дощечки. По всей видимости, шест означал лестницу, по которой душа шамана поднималась в верхний мир во время сеанса камлания.

Схожее предназначение имел и эвенкийский «семнар» («*бечевка, украшенная бисером, подвязывается к перекладине чума, чтоб идти»* (КККМ о/ф 9891/ПИр 500. Т. 124. Л. 6), представлявший собой жгут длиной 450 см, сплетенный из 5-ти сыромятных ремешков. Жгут использовался шаманом во время камлания, как «лестница для поднятия на небо». Один конец жгута перевит разноцветной тканью и украшен бисером (привязывался к одной из основных жердей чума), а второй делится на три ветви-жгута, к каждой из которых привязан медный колокольчик (КККМ. Колл.1505-16 (3-20)).

От эвенка рода Чапагир-Люток Терентия Сапожникова передана модель бубна «умтуун» («унтубун» (?) (КККМ о/ф 9891/ПИр 500. Т. 124. Л. 4) (74,3х56х11,1х12 см) яйцевидной формы. На внешней стороне мембраны бубна имеется рисунок в виде креста, заключенного в окружность (КККМ. Колл. (3-22)). Заметим, у эвенов модель шаманского бубна («тень» бубна) унтун ханинни выполняла функцию домашнего охранителя [Бурыкин, 2007, с. 126-127]. Возможно, такое же предназначение и у данной эвенкийской модели, хотя функции подобных предметов до сих пор не раскрыты. Вместе с бубном была передана колотушка «гэhу» (КККМ. Колл. 1505-13 (162-2) (3-23)).

У другой эвенкийской колотушки рукоять оформлена на конце в виде головы человека. На внутренней стороне лопасти – резное изображение зооморфного существа (ящерицы?) и антропоморфной личины (КККМ. Колл. 1505-12 (3-18)). Схожа с ней долганская колотушка «былаяк», ручка которой имеет округлое навершие, оформленное как стилизованное изображение человеческого лица с двумя стеклянными бусинами – «корольками» вместо глаз (КККМ. Колл. 1505-14 (3-26)).

Поступает от эвенков и деревянное изображение тайменя «джалбан» (длина 20,4 см), одного из главных духов-помощников шамана. Объемная и массивная фигурка была изготовлена из одного куска дерева и «обмазана сверху какой-то массой темного цвета» (КККМ. Колл. 1505-15 (3-19)). Также шаманским духом-помощником является энецкая подвеска из железа в виде птицы (лебедя) (длина 15,4 см). Туловище птицы слегка выгнутое, длинная шея круто поднята вверх и немного откинута назад (КККМ. Колл. 1505-10 (3-15)).

Стоит отметить, что замечание сотрудников Этнографического музея о том, что «коллекционное собрание П.Е. Островских… не отличалось систематичностью. Чаще всего это были разрозненные вещи с минимальной информацией о предмете…» [Российский.., 2001, с. 194]. Это относится и к описанной выше коллекции, и к тем полевым материалам ученого, которые ныне находятся в архиве КККМ. Но в то же время отдельные предметы не могут не заинтересовать исследователей и дают ценные сведения об отдельных сторонах духовной жизни коренного населения севера Красноярского края.

Литература

Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1967. – 262 с.

Бурыкин А.А. Шаманы: те, кому служат духи. – СПб.: Азбука-классика; Петербург. Востоковедение, 2007. – 288 с.

Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири (XIX – п.п. XX в). – Л.: Наука, 1970. – 295 с.

Материалы о деятельности Островских П.Е. (1900-1926) // КККМ. О/ф 7904/ПИр 265-10.

Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. – М.: Наука, 2005. – 805 с.

Островских П.Е. Дневник (путевые заметки) за 1899-1903 гг. о поездке по Туруханскому краю // КККМ. О/ф 9891/ПИр 500.

Островских П.Е. Пять лет в Туруханском крае (1899-1904 гг.) // КККМ. О/ф 7904/ПИр 265-6.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 г. – Красноярск: Енис. губ. типография, 1903. – 136 с.

Российский этнографический музей 1902-2002 гг. – СПб.: Славия, 2001 г. – 279 с.

Е.А. Демидова
Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Современная свадебная обрядность в селе Кубачи Республики Дагестан

Село Кубачи Дахадаевского района Дагестана известно с XI в. Его жителей, кубачинцев, часть исследователей считает субэтнической группой даргинцев, другие – самостоятельным этносом.

Традиции кубачинцев, безусловно, близки, к примеру, даргинским или традициям других дагестанских народов. Однако, специфические кубачинские черты можно проследить в их обычаях, быте, хореографии и фольклоре. В частности, кубачинки до сих пор часто носят традиционную одежду, по крайней мере, обязательны уникальные кубачинские длинные белые платки (казы), которые надевают с 15 лет, и кате – шерстяной платок-накидка.

Особенности разных народов особенно отчетливы в обрядах жизненного цикла, среди которых одно из важнейших мест занимает свадебная обрядность. В современном Дагестане, особенно в городах, усиливаются тенденции проведения свадеб по «европейскому» образцу, который нивелирует этнические особенности дагестанских народов. Одновременно часть молодоженов стремится придерживаться обычаев предков. Об этом может свидетельствовать описываемый полевой опыт в селе Кубачи, куда для правильного проведения свадебных обрядов родственники молодоженов специально приезжают из городов.

После сватовства и обручения в назначенный день начинается трехдневный свадебный цикл. Как правило, это происходит в месяц до поста Рамадана – традиционное время свадеб. Первый день – это официальная регистрация брака в ЗАГСе (с XX в.) и танцы молодых гостей свадьбы на поляне недалеко от села. Исполняется народный кубачинский парный танец. Жених и невеста участвуют в празднестве вместе до позднего вечера.

Второй день, день жениха, проводится в доме его родителей, где собираются все гости (невеста с родителями по традиции находится у себя в доме). Свадебное гуляние не акцентируется на фигуре жениха и неизменно приобретает массовый характер – обильное угощение сопровождается танцами под живую музыку. Подружки невесты танцуют весь вечер и принимают за это деньги. Принято назначать «ряженых», которым ради всеобщего веселья позволяется делать все, что угодно.

Родство гостей с семьей молодоженов можно определить по их костюму. Все замужние женщины надевают традиционные наряды, причем, обычно у близких родственников и родственниц платья богато расшиты золотыми и серебряными нитями, манжеты украшены монетами и камнями. Часто такой наряд переходит от матери к дочери или шьется на заказ. У дальних родственников наряды скромнее.

Вечером делегация из дома жениха отправляется за невестой. В ее дом несут сосуд со смесью масла и меда (символ благополучной жизни), светильник (в нашем случае фонарь), кости и хлеб, которые невеста затем завернет в ткань (как младенца) и понесет перед собой в свой новый дом (фото 1).

В это время невеста с помощью матери в первый раз надевает традиционный костюм замужней кубачинки: нижнее платье (ихналадуркмэ), верхнее туникообразное платье (калханалаага), расшитое монетками, серебряными пластинками, подвесками, и платок – каз, который у замужней женщины характеризуется более крупным рисунком, чем пестрые казы молодых девушек.

Мать сыплет на голову невесты рис в знак удачного замужества, отец дает кувшин. Существует традиция забирать что-либо в дом жениха, например, уносить ковер. Невеста пешком идет в дом жениха, закрывая голову и лицо платком. Из дома невесты приносят хинкал и хлеб, мать жениха должна добавить к угощению свою часть и угостить присутствующих.

Один из центральных моментов – ввод невесты в дом жениха. В этот момент ее осыпают монетами, конфетами, орехами в знак благополучной и «сладкой» жизни. С этого момента невеста окончательно остается в доме жениха. Если имя молодой жены совпадает с именем хозяйки дома, невесте дают новое имя. Все гости со стороны невесты получают подарки, продолжая укрывать и прятать невесту в углу, где она ожидает жениха. После входа жениха молодых оставляют одних.

Третий день – день невесты. С раннего утра на протяжении нескольких часов она принимает поздравления и подарки гостей, которые преподносят исключительно ей. Как правило, в больших количествах дарятся украшения, посуда, ткани. Для Кубачи, как центра ювелирного искусства, характерны своеобразные массивные свадебные перстни и серьги, витые браслеты, обильно украшенные зернью и самоцветами. У многих народов Дагестана ювелирные украшения непременно присутствовали в свадебной обрядности как символ будущего благополучия в семье, как обереги невесты, вступающей в новую жизнь. Впоследствии они приобрели и значение показателя богатства рода невесты.

После обеда она исполняет танец, во время которого все гости одаривают ее деньгами. Праздник продолжается до конца дня, после чего начинается повседневная семейная жизнь. Первое время молодожены часто живут в доме мужа, пока не обзаведутся собственным жильем.

Исходя из наблюдений, можно сказать, что свадьба продолжает оставаться набором обрядовых действий, призванных обеспечить долгую и счастливую супружескую жизнь. Выполнению обрядности в с. Кубачи в настоящее время способствует ее сохранение старшими поколениями и предпочтение кубачинцев, даргинцев, как и многих других народов Кавказа, заключать браки с представителями своей общности. Однако, интерес части молодежи к соблюдению всей свадебной обрядности очевиден и дает уверенность в последующем сохранении традиции.

А.К. Джусубалива
Бишкек (Кыргызская Республика),
Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына

Молодежь и религиозная ситуация в Кыргызстане

В докладе сделана попытка проследить влияние современной религиозной ситуации на формирования политической культуры в среде социально-демографических групп молодежи.

Нетрадиционные религиозные движения активно привлекают в свои ряды различные слои общества, но прежде всего молодежь, наиболее передовую инновационную часть населения. От ее взглядов во многом зависят дальнейшие трансформационные процессы в стране. Часть молодых людей, сталкиваясь с каждодневными трудноразрешимыми на первый взгляд проблемами, ищет пути выхода из этих ситуаций. Нетрадиционные религиозные организации – это всегда предложение и уход от действительности. Деятельность многих таких религиозных организаций сопоставима с наркотиками, алкоголизмом. Молодежь в силу объективной самоуверенности не замечает сильного воздействия нетрадиционных религиозных движений, но впоследствии не находит сил и умения выйти из них. Во многих религиозных организациях придерживаются жестких правил, действует свой дисциплинарный кодекс. Нетрадиционные религии были экспортированы из США, например, Церковь Объединения, Сознания Кришны, Церковь Христа. У них большой опыт работы в условиях рынка, они хорошо реагирует на потребительские интересы молодежи.

В законе Кыргызской Республики «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» гарантируется свобода вероисповедания в нашей стране [Закон КР о свободе.., 1992].

О миссионерской деятельности новых нетрадиционных религиозных организаций пишет исследователь Б. Малтабаров: «Особенно сильно активизировали свою деятельность эти религиозные организации, опережая традиционные религии (ислам и православие). Нетрадиционные религиозные организации различного направления, их деятельность отрицательно воспринимаются 46,9% респондентов, положительно воспринимаются только 10,3% и никак 23,6%, затрудняются ответить 19,2% респондентов» [Малтабаров, 2001, с. 18].

Как известно, религиозный фактор сегодня учитывается при формировании внешней политики во всех странах, особенно при разработке соответствующих военных доктрин, а также в осуществлении всевозможных акций на мировой арене. Примером тому может служить то, что часто религиозные мотивы лежат в основе радикальных политических действий, проводимых различными религиозно–политическими организациями.

Арабо–израильские конфликты стимулировали динамику исламизации внешней политики ряда мусульманских государств. Религия непосредственно влияет на политику, оказывает очень сильное воздействие через мировоззренческие, морально–нравственные, правовые, общественные устои, на которых формируется политика данного государства. Поскольку исламские ценности составляют государственную идеологию в образовании и культуре многих мусульманских государств, самосознание, патриотизм закономерно формируются и воспитываются под влиянием религиозных концепций.

Новые нетрадиционные религиозные формирования очень противоречиво влияют на формирования политической культуры молодежи. Если рассмотреть историю возникновения новых нетрадиционных религиозных организаций, то «пятидесятники» возникли в США в 1907 г. Свое название они получили потому, что последователи придавали особое значение христианскому празднику Троицы (пятидесятый день после Пасхи). Адвентисты возникли в США в результате выхода из баптистских общин В. Миллера, с 1831 г. начавшего проповедовать, что приближается конец света. Центр общества Иеговы находится в Нью-Йорке и Бруклине [Происхождение религии, 1978].

До сих пор четкое определение нетрадиционных религиозных организаций, их класссификация отсутствуют. Одно из определений гласит: «Нетрадиционные религиозные организации – это религиозные объединения, импортированные из других культурных ареалов, которые генетически могут восходить к глубокой древности, «новизна» их заключается в том, что они функционируют в ином культурном контексте» [Кушкембаев, 1995, с. 110]. Это, как бы, первый тип. Автор подчеркивает, что буддизм на западе иной, чем в Японии, а японское христианство отличается от европейского. Ко второму типу он относит такие нетрадиционные религиозные движения, которые возникли в результате дробления традиционных верований, их происхождение восходит к сектам. Третий тип – это движение, выросшее из западной оккультной традиции, корни которой уходят в глубокую древность, хотя они стали оформляться лишь в начале XVIII столетия (масонство, розейнкрейство). К четвертому типу относят синкретические нетрадиционные религиозные движения, состоящие из перечисленных выше компонентов, которые, собственно, и называют современными новыми религиозными движениями в узком смысле этого термина. Центральная Азия с древних времен была местом контактов культур и цивилизаций. История свидетельствует, что имели место периоды столетий, когда различные религии мирно уживались друг с другом, но нередко вспыхивали и межконфессиональные распри. Сменяя друг друга и сосуществуя, тенгрианство, манихейство, христианство, буддизм, ислам, их многие течения, вырабатывали у народов, населяющих этот регион повышенную адаптивность и толерантность мировоззрения [Филатов, 1995]. Свою миссионерскую деятельность, кроме нетрадиционных религиозных организаций, импортированных, в основном из США, проводят также исламистские организации особенно на юге Кыргызстана.

И сегодня, когда хлынул очень большой поток различных нетрадиционных религиозных организаций на территории Кыргызстана, государственной политикой нашей страны незыблемо остается толерантное отношение к другим этносам, религиям, недопущение межконфессиональных конфликтов.

Кыргызское общество имеет исторически сформированную сложную политическую многоконфессиональную структуру. В такой сложной ситуации государство должно регламентировать, а порой нейтрализовывать деструктивное воздействие радикальных экстремистских течений и сект,

хотя вмешательство государства в религиозные дела противоречит Конституции КР. Но речь идет о безопасности страны, о формировании мировоззрения подрастающего поколения и политика бесконтрольного религиозного плюрализма способствует нашествию в Кыргызскую Республику различных, а порой, в буквальном смысле деструктивного характера религиозных организаций нетрадиционного толка. Это представляет серьезную угрозу будущей государственности. С каждым годом в нашей стране наблюдается рост активности миссионерских организаций. Они проводят «плодотворную» работу среди молодежи, а молодое поколение, находясь в духовном вакууме, быстрыми темпами пополняет число прихожан этих организаций. Свою миссионерскую деятельность, кроме нетрадиционных религиозных организаций, импортированных, в основном из США, проводят также исламистские организации, особенно на юге Кыргызстана. В постсоветском Кыргызстане в апреле 1993 г. зарегистрирован казият мусульман КР, а через пять месяцев, 17 сентября 1993 г., было образовано Духовное управление мусульман Кыргызстана. Особенностью исламизации нашей республики является отсутствие сильной религиозной элиты, которая имеется в других странах.

В эти годы очень активно ведется строительство мечетей, особенно на юге страны. Помощь в этом оказывают представители исламских стран, а в последние годы население строит и на свои средства. В 1991 г. вышла свободная газета мусульман Кыргызстана «Ыйман» [Ыйман, 1991]. Основной целью данного издания является воспитание народа в религиозной нравственности и приобщении кыргызов к нравственным ценностям ислама. Таким образом, в целом религиозная политика носит стратегический и идеологический характер.

Согласно статистике, примерно 80% населения республики традиционно придерживается ислама, но «особенность религиозности кыргызов на севере – это тесное переплетение мусульманства с домусульманскими верованиями» [Токтосунова, 2009, с. 99], принятие в исламе только внешней формы обрядов, традицией, праздников.

Южный регион Кыргызстана имеет свои особенности, обусловленные своеобразным историческим отличием от севера, а также ислама у народов, населяющих Ферганскую долину. Сегодня на юге нашей страны активизируется исламский экстремизм. В борьбе за власть воинствующий фундаментализм переходит в исламский экстремизм. По своей сути, религиозный экстремизм – переход всяких границ дозволенного.

Исламские фундаменталисты считают необходимым возвратить общество к тому состоянию, когда люди жили по восходящим к Корану традиционным законам. С этой целью они стремятся любыми средствами захватить политическую власть, адресуясь к малоимущим и угнетенным слоям населения, ориентируясь на авторитетных лидеров и строгую дисциплину. Здесь нужно уточнить еще понятие «ваххабизм». Сложность изучения данного явления заключается в том, что если назвать фундаменталистов ваххабистами, они возразят, что такого толка вообще не существует. Понятие «ваххабизм» во всем мире приобрело чрезвычайно негативный характер и даже сами ваххабисты отчуждаются от него. Но в любой позиции, фундаментализм, ваххабизм, религиозный экстремизм – явления, по своей сути противоположные вековым традициям кыргызского народа, который испокон веков дружелюбен, открыт и толерантен ко всем народам и религиям. Организация «Хизб–ут–Тахир», готовящая исламских миссионеров, нелегально проникает на территорию Кыргызстана для проведения активной пропаганды реакционного ислама и ваххабизма. Ее активисты обучают молодежь идеям экстремистского ислама и терроризму, тактическим действиям в боевых операциях, умело используя в своей пропаганде существующие временные социально–экономические проблемы населения.

Таким образом, новые реалии современной религиозной ситуации в Кыргызстане приводят к объединению традиционной религиозности и поливалентности религиозного экстремизма. Это рождает множество вопросов: какой характер приобретут в перспективе противоречия между традиционным и модернистским исламом; найдет ли идея создания Исламского государство в Ферганской долине многочисленных последователей в республике. На повестку дня ставится вопрос, что необходимо делать, чтобы молодежь слепо не следовала за пропагандистскими призывами воинствующих фанатиков и каким образом возможно осуществлять пресечение деятельности исламистов. На эти вопросы ответов пока нет.

Литература

Закон КР о свободе вероисповедания и религиозных организаций. – Бишкек: 1992. – 249 с.

Кушкембаев С. Молодежь и демократия на пути определения политических и духовных ориентиров. – Ташкент, 1995. – 110 с.

Малтабаров Б. Влияние на политические процессы: Авторефер. дис. … канд. ист. наук. – Туркестан, 2001. – 18 с.

Происхождение религии. – М., 1978. – С. 148–165.

Токтосунова А.И. Религиозная ситуация в Кыргызской Республике // Центральная Азия и культура мира. – Бишкек, 2001.

Филатов Б.З. Нетрадиционные религии в посткоммунистической России // Вопросы философии. – 1996. – № 12.

«Ыйман». – 1991. – № 1. – С. 1.

Ю.Н. Ефремова
Омск, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

История изучения традиционной пищи украинцев Омского Прииртышья
(по материалам этнографических экспедиций)

Пища является важным элементом материальной культуры любого народа и притягивает внимание этнографов всех стран. Именно сфера питания хранит в себе много культурных традиций и вкусов, присущих определенному этносу. Актуальность изучения традиционной пищи украинцев Омской области обусловлена тем фактом, что в условиях изменений жизни украинского народа в эпоху аграрной реформы П.А. Столыпина (политических, социальных, экономических) и дальнейшей трансформации этнической идентичности переселенцев пища оказалась наиболее устойчивой по сравнению с изменениями в других сферах материальной, соционормативной и духовной культуры.

В конце XIX – начале XX вв. украинцы наиболее компактно были заселены в южные районы Омской области (Нововаршавский, Одесский, Полтавский, Русско-Полянский, Щербакульский и др.). Именно эти поселения украинцев находятся под пристальным вниманием этнографов и музеологов Омска, изучающих культуру и быт переселенцев. В 1980-х гг. сотрудниками и студентами Омского государственного университета (далее: ОмГУ) были организованы полевые исследования орудий труда (1981 г.), утвари (1983 г.) и, собственно, пищи (1988 г.) украинцев Омской области. Собранные материалы этнографических экспедиций хранит Музей археологии и этнографии (МАЭ) ОмГУ, Омский государственный историко-краеведческий Музей (ОГИКМ) хранит в своих коллекциях утварь для приготовления пищи и хранения продуктов (ухват, шумовку, кувшин, ступку, корчаги, горшки, крынки и другую утварь). Коллекции, отражающие материальную культуру украинцев, также начали складываться в фондах музея в 1980-х гг. В течение двух десятилетий коллекции пополнялись, и в 2004 г. возникла необходимость в создании каталога «Материальная культура украинцев в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея», составителем которого является заслуженный работник культуры РФ Т.М. Назарцева.

Этнографическая экспедиция ОмГУ в Полтавский район Омской области 1988 г. собрала значительное количество рецептов приготовления пищи украинцев. Информаторами выступали потомки первых переселенцев (села: Еремеевка, Гостиловка, Красная Горка), которые сохранили рецепты традиционных блюд, а также отметили символическую функцию пищи в обрядах и церемониях своих предков.

Характер питания украинцев Омской области зависел от направления хозяйства. В конце XIX – начале XX вв. переселенческое управление с пониманием относилось к переселенцам. Для устранения излишних трудностей было принято направлять украинцев, прибывающих из южных степных губерний, в степные районы Сибири. Омские степи считались до начала переселения непригодными для хлебопашества, однако в 1892 г. агрономы определили Омский уезд как благоприятное место для хлебопашества и удовлетворительного урожая зерна [Колесников, 1999, с. 17], а именно зерновые культуры пользовались большой популярностью у переселенцев. Ведь особенностью традиционного питания украинцев было употребление преимущественно растительной пищи. Обработка зерна была одним из главных занятий украинской семьи. Мучные и крупяные

блюда (иногда с овощными или фруктовыми добавками) являлись основой трапезы украинских переселенцев [Артюх, 2000]. Украинская кухня не обходилась без мучных изделий, здесь готовили: вареники, галушки, шулики, гречаники, пышки. Как правило, использовалась пшеничная мука, но иногда ее смешивали с гречневой, хотя последний вариант являлся менее предпочтительным. Овощи играли также немаловажную роль в культуре питания украинского населения Омской области. Овощи могли служить как самостоятельным блюдом (например, драники, картопляники), так и гарниром к жирному мясному блюду. Картофель, свекла, бобы, чечевица, фасоль, морковь, кукуруза, помидоры – излюбленные ингредиенты украинских блюд.

Результаты этнографических экспедиций хранят фонды МАЭ ОмГУ, которые могут рассказать нам о рецептах приготовления многих традиционных блюд украинцев, поведать о значении трапезы в украинской обрядности. Полевые исследования орудий труда (МАЭ ОмГУ, Ф I. 1981 г. П. 17-5), утвари (МАЭ ОмГУ, Ф I. 1983 г. П. 19-4) и традиционной пищи (МАЭ ОмГУ, Ф I. 1988 г. П. 50-1, 50-2) украинского населения Омской области вносят огромный вклад в развитие этнографической науки, поэтому возникает необходимость дальнейшего изучения данной сферы материальной культуры украинского народа Омского Прииртышья.

Литература

Артюх Л.Ф. Народная кулинария // Украинцы. – М.: Наука, 2000. – Гл. 14. – С. 242-259.

Колесников А.Д. Переселения в Омский уезд // Омская деревня на рубеже столетия. – Омск, 1999. – С. 15-21.

Материальная культура украинцев в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. Каталог / Сост. Т.М.Назарцева. – Омск, 2004. – С. 55-61.

Ж.Ж. Жантасова

Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Детская субкультура казахов Омского Прииртышья

В последние десятилетия ученые выделяют детскую субкультуру, включающую детский фольклор, игры, рисунки и т.п. В нашем понимании детская субкультура включает культуру, создающуюся детьми – носителями этой субкультуры, и элементы культуры, которые создаются для детей взрослыми. Кроме того, детская субкультура подразумевает первичную социализацию ребенка в конкретной этнической культуре и одновременное ее существование в среде других этнических культур. Для систематизации собранных материалов мы выделили две сферы жизнедеятельности ребенка – досуг и игру. В данном сообщении мы рассмотрим вторую сферу.

Игры, наряду с игрушками, всегда были первым средством воспитания, формирования определенных ценностных ориентаций, навыков социального поведения ребенка. В современной науке уже сформировался взгляд на ребенка как на относительно самостоятельного и активного социального индивида, являющегося и носителем и творцом собственной культуры. К проявлениям этой субкультуры мы относим игру. Играя, ребенок овладевает важными социальными навыками.

На каждом этапе жизни ребенка игры имеют конкретные воспитательные задачи. У казахов имеются различные игры взрослых с детьми раннего возраста, которые направлены на развитие внимания и движения детей. Поэтическая основа этих игр тесно связана с устным народным творчеством. Различные припевки, приговоры используются взрослыми в процессе умывания, купания, одевания ребенка. Например, делая ребенку гимнастику, приговаривают «ос, ос, ос», что означает «расти, расти, расти» (МАЭ ОмГУ. Ф. 1. 1980. Д. 28 – 1. Л. 15–17).

Игры детей постарше также направлены на развитие как духовного, так и физического развития. Дети, как правило, начинают играть со своими сверстниками.

Мы подразделили игры на игры с предметами, подвижные и интеллектуальные, игры с элементами театральных действий, игры с элементами танца и песен. Подобное деление весьма условно. Но с точки зрения раскрытия педагогического содержания игр их описание дает представление о некоторых сторонах традиционной игровой культуры казахов.

К играм с предметами можно отнести *«Аркын ойын»* (Игра с веревкой) (Там же. Д. 192 – 1. Л. 84), «*Туткынга алу*» (Кто перетянет) (Там же. 1989. Д. 56–1. Л. 12), «Казан» (Ямка) (Там же. 1988. Д. 46–1. Л. 40–41), «*Доп Уру*» (Попади в мяч), «*Казан мен доп*» (Лунка и мяч) (Там же. 1980. Д.

28–1. Л. 24). В качестве игровых предметов популярны у детей мячи, изготовленные из шерсти животных или дерева, лук и стрелы, различные хозяйственные и бытовые предметы (тележное колесо, канат, полотенце). Приведем пример игры «*Доп Уру*» (Попади в мяч), распространенной в Русско-Полянском (Там же. 1981. Д. 29–5. Л. 5), Шербакульском районах (Там же. Д. 29–4. Л. 20). Правила этой игры очень просты, но участвовать в ней крайне интересно. Игроки делятся на две команды. Первая команда строится в линию, в затылок друг другу. Между игроками в команде расстояние должно быть примерно в два шага. Вторая команда строится точно также, параллельно первой. Для игры необходимо столько мячей, сколько игроков в обеих командах. Задача игроков одной команды – поочередно бросать мячи вверх и немного вперед. Вторая команда также поочередно должна поразить своими мячами все «цели». Потом – наоборот. Здесь-то и пригодятся меткость и сила рук.

У казахских детей много подвижных игр**,** к примеру**,** «*Сакина*» (Колечко) (Там же. 1988. Д. 46–1. Л. 40–41), «*Орнынды тап*» (Найди свое место) (Там же. 1983. Д. 32–1. Л. 3–4; 1989. Д. 56–1. Л. 12), «*Уки*» («Сова») (Там же. 2005. Д. 192–1. Л. 34), «*Алты-бакан*» (Качели) (Там же. 1988. Д. 46–1. Л. 40–41), «*Бельбеу*» (Пояс) (Там же. 2005. Д. 192–1. Л. 43)**.** В них они учатся ловкости, быстроте и точности движений. Рассмотрим казахскую игру под названием «*Алты-бакан*» – это казахский аттракцион типа качелей (Там же. 1988. Д. 46–1. Л. 40–41). Для его устройства необходимо иметь 6 жердей длиной 3,5–4 м, 3 толстые прочные веревки и крепкую перекладину. При помощи жердей делают 2 треножника и хорошо укрепляют их на земле. На прочно связанные вершины треножников устанавливают перекладину, на которую подвязывают веревки. Участники игры, держась руками за концы веревки, упираются в стопы друг друга. Стоит одному согнуть ноги в коленах, а затем выпрямиться, как оба начинают раскачиваться.

Воспитательное значение ряда казахских игр направлено на развитие интеллектуальных способностей детей. Подобных игр бытует немного, но они имеют большое значение в формировании у детей познавательных и аналитических способностей в воспитании таких качеств, как наблюдательность, находчивость, внимательность и т. д. К примеру, в примитивной на первый взгляд игре маленьких детей «*Оз атынды тап?»* («Кто назван твоим именем?») (Там же. 2006. Д. 192–1. Л. 94) ярко выражен познавательный аспект. Участники делятся на две группы. Первая остается в комнате, вторая – выходит. После этого каждый игрок выбирает себе имя кого-либо из ушедших. И вот начинается самое интересное. Игроков из другой комнаты по одному приглашают войти. Каждый из них, основываясь на малейших признаках, к примеру, выражении лица, невольном движении бровей, взгляде, жесте и т. п., должен попытаться угадать, кто же назван его именем. В случае ошибки он по окончании игры будет «наказан» в шутливой форме – при всех прочтет стихотворение или споет песню. В случае же удачи будет слушать, как поют другие. Затем группы меняются местами.

Целый ряд детских игр основан на соединении песен с движениями**.** Это игры подражательные с элементами театральных действий, хороводные игры. В них сочетаются мелодия, слово, ритм и действие. Одна из таких игр, насыщенная танцевальными элементами подражательного характера, называется «*Дауыста, атынды айтам*» (Угадай имя) (Там же. 1980. Д. 28–1. Л. 24). В этой игре не требуется что-то ловить или кого-то догонять. В ней важны память и слух, умение спеть песню или прочитать стихотворение. А играть можно даже сидя. Еще обязательное условие – участники должны быть хорошо знакомы друг с другом. В середину круга выводят водящего, завязывая ему платком глаза, поворачивают несколько раз кругом, чтобы он не смог сориентироваться – кто где сидит. А потом начинается самое главное. Водящий указывает на кого-либо из игроков рукой и говорит «*Дауыста, атынды айтым*» (Подай голос, я угадаю твое имя). Игрок, на которого пал выбор, подает голос, но изменяет его так, чтобы водящий, ни в коем случае, не узнал. Однако, если водящий все-таки угадывает, чей это был голос, то меняется с этим игроком ролями. Если же нет – он обязан понести шутливое «наказание». Вот здесь и понадобится знание стихов и песен.

Особый пласт в игровой культуре казахов занимают сюжетно-ролевые игры. Устраивая свои забавы, дети придумывали игры, сюжеты которых отражали народный быт. В них звучали семейно-бытовые и производственные мотивы. Приведем пример игры под названием «*Ак сандык пен кок сандык*» (Белый сундук и синий сундук). Эта игра кое в чем напоминает игру «*Жаяу тартыс*», только соревнование идет без помощи веревки. Два «батыра» становятся друг к другу спиной и цепляются руками. Затем, по сигналу, преодолевая отчаянное сопротивление противника, стараются все-таки перетянуть его к себе на спину. При этом нужно приговаривать: «Ак сандык па?» (т. е.

«Белый сундук?»), или «Кок сандык па?» (т. е. «Синий сундук»?). Настоящему «батыру», конечно же, удастся это сделать, и он не должен отпускать проигравшего до тех пор, пока тот не признает своего поражения: «Ак сандык утты» («Белый сундук победил») или «Кок сандык утты» («Синий сундук победил»).

Игры детей и подростков разнообразны по своему характеру и содержанию. В них, как правило, присутствует элемент борьбы, состязания, вызывающий различные эмоциональные состояния ребенка. Игры содействуют физическому, интеллектуальному развитию детей. В целом игра должна превратить ребенка в полноценного члена коллектива. Каждый этап игр отражает усложнение навыков хозяйственной деятельности.

Литература

МАЭ ОмГУ. Ф.1. 1980. Д. 28;29; 32;. 46; 56; 192.

А.К Жунусова
Астана (Республика Казахстан),
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Роль доисламских традиций в свадебной обрядности казахов в конце XIX в.

Казахские народные обычаи и обряды наиболее полно раскрываются в свадебном ритуале. Свадебный ритуал у казахов, сохранивший в конце XIX в. в значительной степени реликты доисламских традиций представляет научный интерес и в наши дни.

Сведения о доисламских традициях в свадебной обрядности казахов содержатся в трудах И. Алтынсарина, Ч.Ч. Валиханова, А.А. Диваева и др. Но данные работы затрагивали лишь отдельные аспекты свадебной обрядности. Наиболее целостная картина была представлена в работах Х.А. Аргынбаева «Семья и брак у казахов», А.Т. Толеубаева «Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нач. XX вв.)».

Основная цель работы – показать роль и место реликтов доисламских традиций в свадебной обрядности казахов в конце XIX в.

Для раскрытия данной темы необходимо определить основные этапы свадебного цикла. Н.П. Лобачева, изучавшая свадебный церемониал народов Средней Азии и Казахстана, в частности, у казахов, приводит следующие этапы: сватовство-сговор, период «тайных» свиданий жениха и невесты и собственно свадьба [Лобачева, 1975]. В конце XIX в. бытовали две формы брака. Так, Х.А. Аргынбаев приводит сведения о том, что «среди казахов самой распространенной формой брака являлась женитьба путем сватовства и выкупа невесты за калым», также одной из древних форм брака являлся «брак похищением, который к XX в. утратил свой первоначальный смысл» [Аргынбаев, 1989].

Процесс сватовства и сговора был довольно сложным. Сначала «родители посылают предварительно к избранному в будущие тести лицу двух или трех близких к себе людей сделать по этому случаю предложение» [Алтынсарин, 1957]. День, когда посылали сватов, должен был быть «счастливым», как отмечает А.Т. Толеубаев, – это было связано с «законом инициальной магии» [Толеубаев, 1991, с. 15]. По сведениям Х.А. Аргынбаева «казахский сват (жаушы) на одной ноге заправлял штанину за голенище сапог, на другой выпускал ее на сапог» [Аргынбаев, 1989, с. 183]. Этот обычай должен был принести удачу в сватовстве. Он был известен не только у казахов, но и у казанских татар, а также других тюркоязычных племен. По мнению А.Т. Толеубаева, смысл этого обычая заключался в том, что «нарушение порядка вещей» как бы символизировало «нарушение существующего порядка» [Толеубаев, 1991, с. 15] Интерес представляет обычай, описанный И. Алтынсариным, когда перед приездом сватов женщины из аула невесты «собираются и приготовляют жидкое тесто». Впоследствии, когда приезжают сваты, женщины натирают их лица этим тестом [Алтынсарин, 1957, с. 288-289]. Эта игра «құда-тартыс» (борьба сватов) носила не только развлекательный смысл, но и была связана «с магией плодородия» [Толеубаев, 1991, с. 37]. Клятвой скрепляли сговор о размере калыма и сроке свадьбы. Для этого «закалывали белого барана с желтой отметкой на голове» [Толеубаев, 1991, с. 16]. По этому поводу Ч. Валиханов отмечает, что «ислам допускает жертву от стад только в память курбана Аврамова, но киргизы при малейшем

несчастии режут животное во имя Божия или во имя арвахов… Такие жертвы они называют курбандык (жертвоприношение – АЖ) и саадака (искупительная, благодарственная жертва – АЖ) и этим некоторым образом смягчают их языческое значение» [Валиханов, 1985, с. 304]. Сваты опускали пальцы в баранью кровь и давали клятву верности этому договору. Затем приготавливалось угощение «құйрық-бауыр» (блюдо из печени и курдючного сала). При отъезде сватов приподносили подарки-киіт [Толеубаев, 1991].

После сговора и первого взноса калыма жених наносил первый официальный визит невесте. Это так называемый период «тайных свиданий жениха и невесты – орун (урын) – келу, орун (орын) – бару, устраиваемым отцом невесты» [Лобачева, 1975, с. 303]. По сведениям И. Алтынсарина, урын-келу совершался «через два или три года после первоначального сватовства» [Алтынсарин, 1957, с. 290]. На этом этапе жених прежде, чем встретиться с невестой, проходил ряд испытаний, которые устраивала молодежь со стороны невесты в виде увеселительных игр и развлечений. В ауле невесты по этому поводу устраивался той: «Происходят скачки, стрельба, борьба, играют на балалайках и поют» [Алтынсарин, 1957, с. 291]. А.Т. Толеубаев интерпретирует проведение данных игр как результат магического ритуала: «Переступать, ломать, резать предметы не разрешается» [Толеубаев, 1991, с. 20]. Ритуал, когда «жениха приводят в кибитку тестя», также содержит в себе элементы доисламских верований: «Здесь на левой стороне кибитки, около дверей ее, постилается лучшая постель для жениха и при ней протягивается шелковый или из другой какой-либо материи занавес» [Алтынсарин, 1957, с. 292]. Это так называемый «шымылдық» – он оберегает молодых от злых духов и другого вреда [Толеубаев, 1991]. «Шымылдық» является для невесты оберегом, талисманом, ему приписывается сверхъестественная сила, что было характерно для фетишизма. Далее следует обряд, во время которого жених три раза кланяется, а потом, подойдя к огню, выливает в огонь растопленное сало [Алтынсарин, 1957]. Этот обряд А.Т. Толеубаев соотносит «с культом огня, домашнего очага, а через них – с культом предков» [Толеубаев, 1991, с. 20]. С.А. Токарев указывает, что значение культа огня у различных народов разное: «То как средоточие семейной жизни, домашний очаг, то как губительная стихия, то как очищающая и врачующая сила» [Токарев, 1990, с. 379]. Отметим также, что при соблюдении данного обряда «люди произносили имя Аллаха, обращали к нему молитвенные просьбы» [Раздыкова, 2007, с. 269].

Интерес представляет свадебный головной убор невесты – саукеле, являвшийся частью ее приданого. «Казахи украшали головной убор невесты саукеле султанчиком из перьев филина» [Борозна, 1975, с. 283]. Казахи перья филина считали оберегами и также украшали им головные уборы девочек и девушек. О том, что перья филина служили у казахов магическим оберегом, подробно описано в целом ряде работ, в частности, в монографии А.Т. Толеубаева [1991].

Собственно свадьба проходила вначале в доме невесты, затем в ауле жениха [Толеубаев, 1991]. Сам же обряд бракосочетания совершался по мусульманскому обряду в присутствии муллы: «Тут только, как бы вспомнив совсем забытое, спрашивается от невесты при двух свидетелях о согласии ее выйти за такого-то замуж. Большею частью брачующиеся молчат; это принимается за согласие, и мулла приступает к чтению молитвы» [Алтынсарин, 1957, с. 295]. Известно, что свадебный обряд у казахов сохранил свои древние домусульманские черты, а влияние ислама проявлялось в формальном засвидетельствовании муллой акта бракосочетания. Ввод невестки в кибитку тестя сопровождался различными обрядами. По сведениям И. Алтынсарина, обряд проходил следующим образом: «Две женщины берут ее под руки и в сопровождении множества женщин вводят в кибитку. Как только она вошла, тотчас же обязана сделать коленопреклонение (салем) три раза до очага, затем на разложенный посредине кибитки огонь должна вылить поданный ей в эту минуту ковш сала» [Алтынсарин, 1957, с. 296]. А.Т. Толеубаев видит в данном обряде связь «с культом семейных святынь и покровительниц домашнего очага» [Толеубаев, 1991, с. 29].

В заключение отметим, что роль доисламских традиций была значительна. Начиная со сватовства и заканчивая собственно свадьбой, весь свадебный цикл сопровождали ритуалы, уходившие корнями к доисламским традициям. Каждый ритуал имел особое значение для всего свадебного процесса и был пронизан идеей плодородия, благополучия и счастья молодой семьи.

Литература

Алтынсарин И. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства // Избранные произведения. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1957. – 466 с.

Аргынбаев Х.А. Традиционные формы брака у казахов // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. – Каракалпакстан, 1989.

Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах–украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – 338 с.

Валиханов Ч. Следы шаманства у киргиз // Собр. соч. в 5 т. – Алма-Ата, 1985. – Т. 2 – 416 с.

Лобачева Н.П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – 338 с.

Раздыкова Г.М. Религиозный синкретизм казахов // Религиозные верования и обряды казахов. – Павлодар: «ЭКО» ҒӨФ., 2007. – 322 с. – (Биб-ка казах. Этнографии. – Т. 46).

Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.

Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нач. XX вв.). – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 214 с.

А.Ю. Зеленская

Магадан, Северо-восточный государственный университет

Беременность и роды у коренных народов Камчатки в этнографических иточниках

Как продукт разных исторических эпох и результат творчества каждого народа, традиционная медицина является неотъемлемой частью духовной и материальной культуры этносов, непременной составляющей системы их жизнеобеспечения, которая зависит от конкретных условий среды обитания и возникающих взаимосвязей между обществом и природой [Никонова, 2000]. Беременность и роды, непосредственно связанные с традиционной медициной, всегда были важным этапом в жизни женщины. Соблюдение суеверных традиций во время беременности было призвано оберегать женщину, носившую в себе ребёнка. Рождение человека у большинства северовосточных народов (ительменов, эвенков, эвенов, коряков, якутов) являлось священнодействием. Во время родов исполнялись специальные обряды, что было направлено на облегчение родовых мук. Заботой о здоровье ребёнка объяснялось совершение ритуальных действий с последом и связанных с родами вещей [Шальнева, 2004].

Беременность и роды у народов Камчатки в аспекте традиционной медицины были частыми объектами исследования. Первые упоминания об этом появились в трудах известных учёных XVIII в. – участников Второй Камчатской экспедиции (1733-1743) – Г.В. Стеллера, С.П. Крашенинникова, Я.И. Линденау и др.

Впервые труд В.Г. Стеллера «Описание земли Камчатки» был опубликован в 1774 году на немецком языке и долгое время оставался в России малодоступным для широкого круга читателей. На русском языке его работа была издана только в 1999 г. В книге описывается быт ительменов – носителей одной из древнейших культур Камчатки. Состоит работа из 37 глав [Стеллер, 1999]. В главе под названием «О рождении и воспитании детей у ительменов», подробно описываются способы родовспоможения, методы облегчения родовых мук, уход за новорожденными, а так же методы избавления от нежелательного плода [Стеллер, 1999, с. 199-202].

В работе С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» также есть глава, посвященная родовспоможению под названием «О рождении и воспитании детей». В этой главе многие материалы перекликаются с данными В.Г. Стеллера, видимо, потому, что сбор этих материалов происходил в одно и то же время [Крашенинников, 1994].

Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока Азии оставлены нам другим участником Второй Камчатской экспедиции Яковом Ивановичем Линденау в книге «Описание народов Сибири (первая половина XVIII века)». Я.И. Линденау провел большую этнографическую работу по изучению жизни якутов, эвенов, эвенков, коряков, юкагиров и других народов севера. И в своей монографии он приводит описание процессов беременности и родов у коряков, сопровождаемых особыми ритуальными действиями [Линденау, 1983].

В конце XIX в. на Камчатке побывал Карл Дитмар. По путевым дневникам им был составлен отчет «Поездка и пребывание в Камчатке в 1851-1855 гг. Карла фон Дитмара», опубликованный

в 1901 г. в Санкт-Петербурге. К. Дитмар привел сведения о беременности родах у ительменов и охарактеризовал состояние медицинского обслуживания в Петропавловске [Штернберг, 1933].

В 1925 г. на Камчатку с целью детального изучения языка и культуры ительменов отправилась этнограф Е.П. Орлова. Годы её жизни ушли на сбор материала и подготовку рукописи об ительменах, но опубликовать главный свой труд, к сожалению, она не успела. Только к 100-летию со дня рождения в 1999 г. монография Е.П. Орловой стала доступной для широкого круга специалистов. В её монографии «Ительмены» также есть сведения о родах и беременности, где рассказывается о семейных отношениях ительменов и описываются роды [Орлова, 1999].

Другим знаменитым этнографом-североведом был С.Н. Стебницкий. В 1927 г. он отправился из Санкт-Петербурга работать учителем на Камчатку в селение Апука, где также изучал язык, экономические и хозяйственные особенности коряков. В его труде – «Очерки этнографии коряков» – в третьей главе рассматриваются общественные, в том числе и семейно-брачные отношения коренного населения Камчатки. В разделе о семейной жизни коряков при подготовке рукописи было потеряно 20 рукописных страниц. Пропала, к сожалению, та часть материалов, где автор анализировал систему родства, экзогамию, форму брака и тип семьи. Поэтому в сохранившемся фрагменте раздела имеется лишь краткое описание семейно-брачных отношений [Стебницкий, 2000].

Одной из первых обобщающих работ по истории северных народов является «История Сибири» (в 5 томах, под редакцией А. П.Окладникова), увидевшая свет в 1968 г. [История Сибири, 1968]. Приведённые в ней сведения о беременности в большей степени связаны с проведением ритуалов.

Обзор работ по теме исследования показал, что современный уровень этнографической изученности знаний о беременности и родах коренных народов Камчатки – коряков и ительменов, являющихся результатом повседневной практической деятельности многих поколений, нельзя считать достаточным, т.к. имеется немало проблем, нуждающихся в научном осмыслении. Отдельные сведения по данной тематике содержатся в этнографической литературе, однако специальные исследования отсутствуют. Историографическое значение имеющихся на данный момент материалов тем более велико, что многие из реалий, являющихся культурным достоянием камчатского народа, ныне не существуют и малоизвестны новому поколению [Стебницкий, 2000].

В связи с этим, представляется перспективным реконструировать исторически сложившиеся, традиционные ритуалы, сопровождавшие беременность и роды у аборигенных народов Камчатки. При этом необходимо ориентироваться на анализ этнографической и исторической литературы и систематизацию этих данных, проведение опроса местного населения и по возможности наблюдение тех обрядов, которые сегодня существуют у народов Камчатки.

Литература

История Сибири В 5 т. – Л.: Наука, 1968.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – СПб., 1994. – Т. 2. – 439 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Никонова Л.И. Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. – Рузаевка, 2000. – 160 с.

Орлова Е.П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. – СПб.: Наука, 1999. – 199 с.

Стебницкий С.Н. Очерки этнографии коряков. – СПб.: Наука, 2000. – 236 с.

Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камч. печат. двор, 1999. – 286 с.

Шальнева А.В. Беременность и роды у народов севера Дальнего Востока России (по этнографическим источникам) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Мат-лы регион. (с междунар. участием) 44-й археол.-этнограф. конф. молод. ученых. – Кемерово, 2004. – С. 473-475.

Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. – Л.: Изд-во ин-та народов Севера, 1933. – 187с.

Р.Р. Ибрагимова
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Сбор сведений о Китае в России до 1689 г.*

Несмотря на долгую историю России и Китая, эти два государства стали соседями лишь в XVII в. Однако сведения о Поднебесной появились в России задолго до XVII в., еще в XIII в., когда Россия и Китай попали под власть монголов.

Первое упоминание о Срединной империи в древнерусских летописях относится к началу XV в. В «Повести о Темир-Аксаке» среди завоеванных Тамерланом стран называется и Китай: «многие страны и земли покорил, многие государства и народы пленил (…). А вот и названия тем землям и ханствам, которые покорил Темир-Аксак: Чагатай, Хоросан, Голустан, Китай …» [Повесть о Темир-Аксаке, 2002].

Однако и после падения монгольской династии Юань в Китае в 1368 г. контакты между двумя странами не прекратились. Иностранные купцы, торговавшие в России, привозили сведения о Поднебесной.

В конце XV в. купец Афанасий Никитин побывал в Индии и оставил записки о путешествии «Хожение за три моря». Никитин упоминает о Южном и Северном Китае. Хотя сведения очень краткие и не всегда точные, но важен сам факт упоминания о Срединной империи [Никитин, 2002].

В конце XVI – начале XVII вв. началось знакомство русских с государствами, граничащими с Восточной Сибирью. Появилась необходимость получения информации о Китае. Первые сведения о Поднебесной русские получали из Монголии, которая являлась своеобразным «мостом» в отношениях двух стран.

С начала XVII в. все посланцы, отправлявшиеся к Алтын-хану, привозили сведения и о Минской империи. Сообщалось о путях, по которым можно было достичь Китая, давалось описание городов, веры китайцев, их одежды, развития вооруженных сил. На тот момент были важны любые сведения. Русское правительство планомерно, буквально по крупицам собирало любую информацию о Срединном государстве [Русско-китайские отношения.., 1969, с. 39-42].

Русское правительство перед отправлением официальных посольств в Китай стремилось собрать как можно более полную информацию, но в нач. XVII в. ее было недостаточно, о чем говорит решение Боярской думы 1616 г.: «с Алтыном-царевичем и Китайским государством ссылке не бытии, а вперед разведывать про них еще подлинно» [Русско-китайские отношения.., 1969, с. 54].

В 1618 г. томским воеводой было решено отправить в Китай миссию И. Петлина. Ее отправление стимулировалось стремлением России не допустить транзитной торговли иностранцев с Поднебесной через территорию Сибири, а также необходимо было получить более подробные и точные знания о восточном соседе [Чжан Вэйхуа, Сунь Си, 1999, с. 13].

Хотя Петлин не попал на аудиенцию к императору, ему удалось собрать необходимую информацию. Перед миссией не стояла цель установить официальные дипломатические отношения, в ее задачи входило изучение путей из России в Китай, сбор всевозможных сведений о Поднебесной, ее экономическом и политическом положении, развитии торговли, связях с другими странами.

По прибытии в Россию Петлин составил «Роспись Китайскому государству, и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам». Значительная часть «Росписи» посвящена торговле, описанию рынков, товаров. Одной из главных задач было выяснить, действительно ли по р. Обь можно попасть в Китай, как это считалось в Европе.

Местные власти стремились отправить посольства в Поднебесную и установить постоянные торговые контакты, однако эти попытки не поддерживались центральным правительством, Москва не решилась отправлять экспедицию, подобную экспедиции Петлина [Демидова, Мясников, 1966, с. 30.].

Лишь к середине XVII в. создались условия для отправки в Китай официального русского посольства во главе с боярским сыном Ф.И. Байковым. Ему была дана наказная память, в которой

* *Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009-2010 годы)» (проект РНП 2.2.1.1/1822) Рособразования*

четко прописывались цели и задачи посольства. В первую очередь требовалось узнать, собирается ли цинское правительство устанавливать торговые отношения с Россией: «[богды-хан] впредь з государем [Алексеем Михайловичем] в дружбе и любви и в ссылке бытии хочет ли, и послов своих или посланников ко государю пошлет ли, (…) и купчин своих с теми послы пошлет ли, и какие с ними товары пошлет…» [Русско-китайские отношения.., 1969, с. 160]. Остальную информацию Байков должен был собирать по своему усмотрению: «будучи в Китайском государстве и едучи дорогою, государевым и земским делом промышлять, и вестей всяких проведывати по сему государеву наказу, и смотря по тамошнему делу и как ево Бог вразумит» [Русско-китайские отношения.., 1969, с. 161].

Ф. И. Байкову не удалось попасть к императору и реализовать весь товар. Несмотря на это, поездка имела большое значение для сбора информации о Китае [Демидова, Мясников, 1966, с. 6-7].

В статейном списке Байков дает подробные ответы на вопросы, поставленные в Наказной памяти. Кроме этого, в статейном списке содержатся сведения о культуре Китая, его военно-политическом и социально-экономическом положении. Эти знания нарисовали более четкую картину Китая, однако оставались не решены многие проблемы.

В это время обстановка в Приамурье становилась еще более напряженной. Вопросы о Гантимуре и границе стали причиной военных столкновений китайских и русских отрядов. Именно в это сложное время московское правительство решило отправить новое посольство в Китай во главе с Н.Г. Спафарием. В его задачи входило установление официальных дипломатических и торговых отношений, сбор сведений о путях в Поднебесную, а также приглашение китайских посольств в Россию [Скачков, 1977, с. 24].

Несмотря на то, что посольство также потерпело неудачу, Спафарий привез ценные сведения о географии Китая, его экономике, политическом и социальном строе и т.д. Глава посольства представил российскому правительству отчет о дороге через Сибирь, Статейный список и книгу, посвященную описанию Поднебесной [Бэддли, 1982, с. 1264].

Цины сразу после отъезда Спафария из Пекина начали подготовку к войне с Россией. Албазинские войны 1685-1687 гг. закончились подписанием Нерчинского договора, который стал первым российско-китайским договором. Так закончился первый период отношений России и Китая.

В XVII в. шел сбор информации о Китае. Сведения, привезенные И. Петлиным и Ф.И. Байковым, были важны как первые относительно полные знания о Срединном государстве. А с возвращением Спафария начался новый этап знакомства с Поднебесной, он предоставил настолько подробные материалы, что правительство получило полную информацию обо всех сторонах жизни Цинской империи. По мнению П.Е. Скачкова, эти сведения заложили фундамент научного китаеведения, вызванного к жизни практическими потребностями ведения политических и торговых дел России в Поднебесной [Скачков, 1977, с. 27].

Литература

Бэддли Дж. Эго, Мэнгу, Чжунго. [Россия, Монголия, Китай]. – Пекин: Ком. изд-во, 1981. – Т. 2, кн. 2.

Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). – М.: Наука, 1966. – 159 с.

Никитин А. Хожение за три моря [Электронный ресурс] // Древнерусская литература. 2002. URL: http://old-rus.narod.ru/06-18.html (дата обращения: 28.11.2009).

Повесть о Темир-Аксаке [Электронный ресурс] // Древнерусская литература. 2002. URL: http://old-rus.narod.ru/05-19.html (дата обращения: 28.11.2009).

Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. – М.: Наука, 1969. – Т. 1: (1608-1683). – 613 с.

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. – М.: Наука, 1977. – 505 с.

Чжан Вэйхуа, Сунь Си. Цин цяньци Чжун Э гуаньси. [Ранний период русско-китайских отношений в эпоху династии Цин]. – Цзинань: Шаньдунское образовательное изд-во, 1997. – 359 с.

А.А. Конгу
Кызыл, Тывинский государственный университет

Влияние буддизма на мировоззрение южных тувинцев

Под мировоззрением понимают систему взглядов на мир в целом, которая определяет поведение, поступки, действия человека. Мировоззрение в узком смысле слова – это система взглядов на общественную жизнь, т.е. морально–политические принципы, отражающие общественное бытие людей [Богословский, Степанов, 2001, с. 88]. При этом религия, наряду с мифологией и философией, выступает одной из форм мировоззрения. Религия – сложное и многогранное явление в истории и культуре любого народа, любой страны, воздействующее на все сферы духовной жизни общества.

Следует различать мировоззрение общества и мировоззрение отдельной личности, принадлежащей к этому обществу. Мировоззрение отдельного народа или общества выражается в идеологии, или систематизированном, обобщенном общественном сознании. Мировоззрение личности составляет ядро ее направленности, ее отношений к различным сферам общественной жизни. Общественное сознание и сознание личности совпадают в своей сущности, но могут различаться по объему и глубине.

Мировоззрение личности отражает не только личное бытие, но и бытие целого общества, отражает также и психологию социальной группы, нации, общества в целом [Богословский, Степанов, 2001].

Мировоззрение *систематично* и *цельно* тогда, когда личность выработала определенные взгляды по основным вопросам общественного бытия, жизни и деятельности, когда взгляды по отдельным вопросам согласуются между собой и составляют единую систему мнений и методологических подходов.

Систематичность и цельность мировоззрения позволяют говорить о вполне определенной и сложившейся личности. Человек, обладающий таким мировоззрением, занимает твердую жизненную позицию, идет уверенно по определенному пути к намеченной цели.

Мировоззрение, как система взглядов, всегда *обобщенно*. Благодаря обобщенности личность может разобраться в различных конкретных событиях жизни, предвидеть далекие последствия этих событий. Человек, у которого взгляды слишком конкретны, привязаны к определенным явлениям, может не понять тенденций общественного развития, вследствие чего в его мировоззрении может проявиться консервативность.

Признавая важность обобщенности мировоззрения, необходимо учитывать степень соотношения отвлеченного и конкретного во взглядах. Обобщение всегда ведет к отвлечению. Иногда отвлечение приводит к тому, что человек за общими, абстрактными идеями не увидит конкретной жизни и не сможет оценить ее в соответствии с принципами. Например, есть люди, которые много говорят, выдвигая всякого рода планы, и в то же время оказываются совершенно беспомощными в практической жизни.

Необходима определенная *мера* отвлеченного и конкретного в системе взглядов личности. Нужная мера образуется лишь тогда, когда человек не отрывается от жизни, а живет ею и ею проверяет истинность своих взглядов.

Мировоззрение необходимо для ориентации, для определения своего места и своей роли в обществе. Мировоззрение только тогда полноценно, когда личность претворяет в жизнь свои идеалы, руководствуясь ими в обществе, семье, трудовой деятельности. Вот почему степень связи мировоззрения с *поведением* является одним из важнейших показателей качеств личности.

Вот такие качества мировоззрения выделяются в психологии. Основываясь на этих качествах, попытаемся выделить особенности мировоззрения тувинцев, которые проживают на территории Южной Тувы в исторической ретроспективе, т.е. со времени распространения и утверждения буддизма, а также появления первых буддийских монастырей. Ведь говоря о наиболее характерных особенностях образа жизни, материальной и духовной культуры южных тувинцев, нужно отметить, что они, конечно же, прочно связаны с их религиозным мировоззрением и во многом подчинены ему [Уч. записки, 2007]. Более того, забегая вперед, можно сказать, что та часть традиционной материальной и духовной культуры, которая была пронизана религиозными убеждениями, религиозными обрядами еще в Цинский период Китая, оказалась бы и на сегодняшний день ме-

нее подверженной влияниям и переменам. Она сохранилась бы именно у южных тувинцев лучше всего, если бы первые буддийские монастыри в Южной Туве не подверглись бы разрушению по объективным и субъективным причинам. Местом расположения первых буддийских монастырей в Туве была территория Тесгольского кожууна (современный Эрзинский, Тес-Хемский и Тандинский районы), примыкающая к Северо-Западной Монголии; именно отсюда шло проникновение и распространение ламаизма среди тувинцев. Если посмотреть на карту Тувы XIX – начала XX вв., то можно увидеть, что вплотную к этой территории примыкает ряд храмовых строений по р. Тес-Хем и ее притокам. Первый монастырь – Эрзинский (Кыргызский), был построен в 1772 г., другой, самый крупный в этом кожууне, Самагалтайский (Оюннарский) – в 1773 г. Эти монастыри, несомненно, являлись первыми очагами ламаистской экспансии, и тувинские родоплеменные группы, жившие в Тесгольском кожууне, первыми были обращены в ламаистов [Монгуш, 1992].

Традиционное мировоззрение любого народа тесно связано с его материальной культурой. Свои взгляды об окружающем мире, природе, людях и свои религиозные представления человек старается каким-либо образом отразить на предметах быта и в повседневной жизни [Дашковский, 2008].

В этом отношении не являются исключением и южные тувинцы, в материальной и духовной культуре которых можно было встретить с проникновением буддизма некоторые атрибуты и элементы этой религии. Например, в основе храмовой планировки лежала схема мандала – диаграммы, символически означающей метафизическую структуру вселенной, какой она представлялась в мифологии и религиозных системах разных народов Азии. Распространяясь из Индии по странам Азии, буддизм приносил с собой каноны строительства важнейших типов культовых зданий – ступ и храмов. Согласно легендам, оба этих типа были связаны эпизодами из жизни Будды Гаутамы. В основе круговой планировки храмовых комплексов, как упоминалось, был один из больших ламаистских праздников, посвященный круговращению бога Майдыра (Будды Майтрен) [Монгуш, 1992].

Важной особенностью является то, что, несмотря на усилия маньчжуро-китайских захватчиков и тувинской знати обратить аратские массы в ламаизм, все же последние долгое время продолжали оставаться приверженцами шаманизма. Даже в начале XX в. тувинцы в своем мировоззрении переживали такую стадию, когда устои одного миросозерцания были расшатаны, начала же другого еще не усвоены. Ведь шаманизм у тувинцев представлял собой определенное мировоззрение, корни которого уходили в глубину народной культуры, что и обусловило устойчивое сохранение в сознании тувинцев шаманистских представлений. Таким образом, одной из важных качеств мировоззрения как ее научность, у южных тувинцев в отношении принятия ламаизма не было. Это можно объяснить тем, что догмы и каноны ламаизма были труднодоступны для народа. Здесь уместно привести слова В. Родевича о том, что «в буддийской вере сойоты, в общем, понимают очень мало» [1912, с. 31].

Несмотря на это, можно отметить, что буддийская вера проявила терпимость к древним верованиям и обрядам тувинцев. Добрые и злые небесные божества, духи – хозяева рек, гор и лесов были причислены к буддийским богам [История Тувы, 2001, т. 1].

Переход на летние кочевья араты издревле отмечали приношениями духам-хозяевам местности («ээзи»), испрашивая обильных своевременных дождей и теплых дней, сочной травы на пастбищах и хороших водопоев. В это же время монастыри отмечали день рождения Будды, первую стрижку его волос, день смерти и погружения в нирвану. Осенние хуралы в честь начала проповеди Будды совпадали по времени с переходом аратских хозяйств на зимние пастбища, когда люди приносили жертвоприношения тем же небесным божествам и духам местностей с просьбой содействовать благополучной зимовке скота.

Гибкая адаптация, направленная не на уничтожение древних шаманских верований тувинцев, а на ассимиляцию их буддистским культом, обеспечивала проникновение и распространение буддийской религии в быт народа.

Ламы постоянно участвовали во всех событиях в жизни аратов: свадьбах, похоронах, «охране» от злых сил и наречении новорожденных. Например, в день родов обязательно звали ламу, который по фишке шо гадал, какой культовый предмет следует надеть новорожденному на шею. Чаще всего надевали ладанку (сохус), но иногда еще и изображение Бурхана башки. Оно представляло собой небольшую литую из меди фигурку, закрепленную в футляре. Ее носили на ремешке на шее, чуть ниже сохуса. Эту фигурку надевали только тем детям, которые, как предполагалось,

в будущем станут большими ламами или знаменитыми людьми. Их надевали только мальчикам [Дьяконова, 1979].

Ламы были лекарями, предсказателями и заклинателями, освящали скот и совершали другие обряды. Среди тувинских лам встречались лекари высшей квалификации. Поэтому житель южной степной зоны прекрасно знал любое растение и его кормовое значение для каждого вида животных по сезонам года, безошибочно определял удобные места для стойбищ [История Тувы, 2001].

Итак, можно сказать, что ламаизм в Туве после своего проникновения и закрепления не стал всеобъемлющей системой, которая допускала бы только некоторые проявления шаманизма и более ранних форм религиозных воззрений. Ламаизму приходилось свои догматы приближать к народному восприятию, синкретизм этих двух религиозных систем был, тем самым, предопределен, что оказало влияние и на мировоззрение южных тувинцев.

Литература

Богословский В.В, Степанов А.А. Общая психология: Уч. пособие. – М.: Просвещение, 2001.

Дашковский П.К. Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. – Вып. II.

Дьяконова В.П. Ламаизм и его влияние на мировоззрение и религиозные культы тувинцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина 19 – начало 20 вв.). – Л., 1979.

История Тувы. В 2 т. – Новосибирск: Наука, 2001. – Т. 1.

Монгуш М.В. Ламаизм в Туве. – Кызыл, 1992.

Родевич Вс. Урянхайский край и его обитатели. – СПб., 192.

Ученые записки / ТИГИ. – Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2007. – Вып. XXI.

И.Ю. Кочкина

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Орнамент в быту переселенцев Степного Алтая конца XIX – начала XX века (на примере Шипуновского района Алтайского края)*

Орнамент представляет собой достаточно сложную структуру художественного образа, изучению которой посвящено немало работ. Вопросы реконструкции предметов декоративно-прикладного искусства, функций орнаментальных композиций, значения образов требуют все большего внимания, так как в современном мире идет процесс возрождения традиций, обычаев, выявления этнических корней своего народа. Актуальность выбранной темы определяется недостаточной изученностью обозначенных выше вопросов, историческими особенностями бытования орнаментальных мотивов, необходимостью восстановления и сохранения образов в традиционно-бытовой культуры для последующих поколений.

Целью исследования является анализ орнаментальных композиций, применявшихся в быту у переселенцев Степного Алтая в конце XIX – начале XX вв. Задачи исследования: анализ и обобщение материалов собственных этнографических экспедиций 2004–2009 гг., а также материалов ШРМ ОФ по проблеме использования орнамента у переселенцев Степного Алтая; осуществление классификации наиболее используемых образов в быту, установление роли орнамента и его смысловой нагрузки; выявление особенностей орнаментальных композиций, характерных для данной территории; прослеживание влияния времени и городской культуры на развитие образов в орнаментике. Обращение к орнаментальным композициям в вышитых и тканых материалах рукодельниц, на предметах быта у переселенцев Степного Алтая (на примере Шипуновского района) и их комплексное изучение проводится впервые.

В работе основные вопросы решаются на результатах анализа материалов женских рукоделий (вышивка, ткачество, вязание), предметов декоративно-прикладного искусства (резьба по дереву,

* *Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009-2010 годы)» (проект РНП 2.2.1. 1/1822 Рособразования)*

роспись по дереву, украшение различными способами деталей построек и т.д.). Исследуемый этнографический материал позволяет выделить наиболее часто встречающиеся композиции: образы животных (чаще всего лошадей, оленей, барсов), птиц, человека (обычно женских фигур), растительный орнамент (виноградная лоза, цветы мака, побеги, ростки, листья, плоды и т.д.).

Конь – наиболее распространенный зооморфный образ в русском декоративном искусстве, заключавший в себе множество смысловых нюансов [Фурсова, 2008]. Его генезис связан с аграрной направленностью хозяйства и духовной культурой [Маслова, 1951]. Функция изображений коня, чаще всего обращенных мордами к древу жизни (рис. 1), в первую очередь оберегающая, о чем пишут многие авторы [Стасов, 1894]. На территории Степного Алтая изображения коня встречаются в женских рукоделиях (вышивка, вязаные предметы, тканые концы полотенец), резьбе наличников, вырезанных из дерева фигурах (лошадиная морда). Отличительной чертой для исследуемой территории является отсутствие изображений собак, зайцев, львов. Имеющиеся изображения птиц – это предвещание тепла, света и богатого урожая, олицетворение птицы с душой человека. Что касается женского образа, то изображения женских фигур схематичны (платья в виде треугольника, круглые головы, руки и ноги, обозначаемые прямыми линиями). Они показаны в каком-либо действии (например, фрагмент хоровода – движение девушек, взявшихся за руки). Символика женского образа изначально связана, прежде всего, с землей, зарождением жизни, богиней плодородия (Макошь – Роженица Рода), хотя это, естественно, не осознавалось в изучаемое время. Встречается и изображения мужских фигур, в отличие от женских, наряду с образами животных. Растительные мотивы (листья, цветы, плоды) геометризованы, представляют собой схематичное изображение растительности. В составе растительного орнамента встречаются трудно опознаваемые символы, похожие на буквы и диковинные геометрические фигуры; имеется и геометрический орнамент – ромбы, треугольники, разнообразные фигуры, свастики (рис. 2). Геометрический орнамент довольно часто встречается в быту у переселенцев (на полотенцах, вязаных изделиях, предметах быта в декоре домов, и т.д.) и представляет собой символы плодородия. Смысловая нагрузка вышеперечисленных образов утеряна и большей частью забыта.

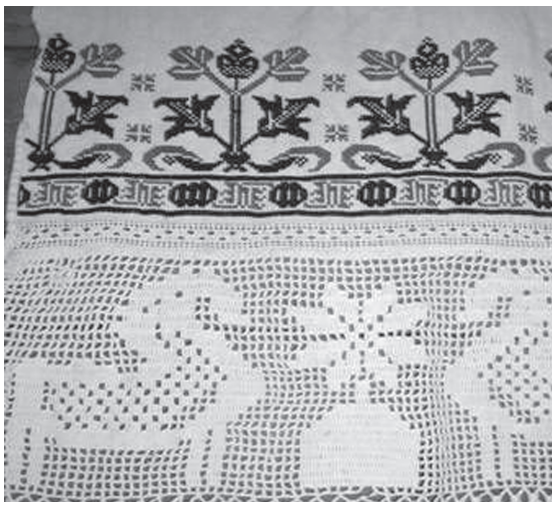
1.  2.

Рис. 1. Изображение коней на полотенце А.И. Заливчей (ШРМ ОФ–2148)
Рис. 2. Вышитый геометрический орнамент на полотенце из с. Ельцовка Шипуновского района Алтайского края

Затрагивая особенности применяемого орнамента, мы говорим, прежде всего, о бытовании трех наиболее употребляемых образов для данной территории: животного (в основном, коня) и женщины, дополненных растительным орнаментом или же просто геометрическим самостоятельным орнаментом, а также подписями имен хранителя вещи. Таким образом, изображения животных в сибирском декоративно-прикладном творчестве представлены как элементы сложных композиций вместе с антропо-, орнитоморфными и растительными мотивами, а также в виде орнаментальных рядов, чаще всего второстепенных по значимости образов [Фурсова, 2008].

На развитие сюжетной линии отложило свой отпечаток и время: под влиянием городского стиля старинные мотивы стали забываться и уже к 1930-1940 гг. происходит переориентация на рисунки, фото, схемы, предлагаемые в журналах и книгах; все чаще используют канву для вышивки крестом; технология упрощается (в основном, остаются такие швы, как простой крест, болгарский

крест, гладь, использование мережки, распространяется выбивка); вышивкой скромно украшают наволочки, богаче – скатерти, столовые наборы. Символика постепенно теряет свое значение, вышивка приобретает декоративные функции. Что касается росписи предметов, резьбы по дереву, то здесь мы видим похожую ситуацию: декоративное украшение, часто не наделенное смысловой нагрузкой.

Литература

Маслова Г.С. Народный орнамент верхневолжских карел. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 137 с.

Стасов В.В. Коньки на крестьянских крышах // Собр. соч. – СПб., 1984. – Т. 2. – 112 с.

Фурсова Е.Ф. Зооморфные орнаментальные композиции в традиционно-бытовой культуре восточных славян юга Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 95–106.

Е.В. Кравец

Сургут, Сургутский государственный педагогический университет

Костюм русского населения Западной Сибири XVII века по письменным источникам

Костюм русского населения Западной Сибири XVII века, в отличие от костюма русского населения других территорий России, изучен мало. Существует немного работ, посвященных изучению русского костюма Сибири. Это объясняется, как правило, существованием немногочисленных источников по данной теме (письменных, этнографических, археологических и др.). Авторы опираются на письменные источники XVII века, представленные, в основном, таможенными документами и сочинениями западноевропейцев о Российском государстве.

В качестве письменного источника по костюму русского населения Западной Сибири XVII века выступают, в основном, таможенные документы Тобольска, сохранившиеся с 1639 по 1695 гг., из фондов Сибирского приказа и Берг-коллегии, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов [Вилков, 1967, с. 9, 22], Российском государственном архиве древних актов [Таможенные книги.., 2003], таможенная книга Верхотурья 1673/74 гг. [Таможенные книги.., 2000], а также енисейские товарные росписи 7195 г. [Резун, 2004, с. 75].

Тобольские таможенные книги 1639-1695 гг. были подробно проанализированы в работе О.Н. Вилкова «Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке» [Вилков, 1967]. Особую ценность имеют таможенные, дозорные, переписные, окладные и др. книги. [Вилков, 1967, с. 22-23].

Сведения об элементах костюма русского населения Западной Сибири XVII века можно получить из списка привоза русских товаров на тобольский рынок и транзита русских товаров через Тобольск в Сибирь (ЦГАДА, СП, кн. 44, 348, 533, 892, 1078; РГАДА, СП, кн. 588, лл.1-516-об.), который приводится в тобольских таможенных книгах XVII века [Вилков, 1967, с. 86, 138; Таможенные книги.., 2003]. В Тобольск привозили различные одежды, обувь, головные уборы, украшения, принадлежности костюма. Предпочтение отдавалось больше шерстяной и меховой одежде в связи с холодным климатом Сибири, но также носили льняную, шелковую, кожаную одежду. В списке привозимых в Тобольск портняжных изделий значатся следующие виды шерстяной одежды: кафтаны сермяжные (сермяга – толстое неокрашенное сукно домашней выработки – Е.К.) и английские, зипуны сермяжные, однорядки и летники английские, епанчи, штаны суконные, юбки суконные, чулки суконные и вязаные, пояски, кушаки гарусные, крашенинные сарафаны (крашенина – холщовая или шерстяная ткань домашнего изготовления – Е.К.), женские однорядки из иностранного сукна, женские сукманы, чекмени, опашни сермяжные, рукавицы вязаные и т.п. Больше всего привозилось, согласно таможенным документам (ЦГАДА, СП, кн. 44, 348, 533, 892, 1078), суконных штанов и сермяжных зипунов [Вилков, 1967, с. 55, 103, 148-153, 197]. Также жители Тобольска носили льняные и шелковые кафтаны, льняные рубашки и сарафаны, опояски холщовые, шелковые сарафаны, шелковые кушаки и пояски, штаны холщовые, кафтаны телятинные (кожаные), кожаные рукавицы. В качестве меховой одежды носили бараньи кафтаны, шубы (бараньи, заячьи, беличьи, барсучьи, овчинные и др.), рукавицы, вареги бараньи [Вилков, 1967, с. 55, 96-97, 104-105, 148-153].

В таможенной книге Тобольска за 1672-1673 гг. содержатся сведения о привозе торговыми людьми из различных сибирских острогов (Енисейского, Илимского, Туруханского зимовья, Томска и др.) большого количества меховых изделий: шуб соболиных, беличьих, лисьих, из горностая (РГАДА, СП, кн. 588, л. 4-об., л. 5-об., л.8-об., л. 47, л. 53-об. и др.), меховых головных уборов – треух соболиный, крытый сверху сукном или кумачом, или под китайкою, малахай соболиный по камкою (РГАДА, СП, кн. 588, л. 4-об., л. 62, л. 67-об., л. 72-об. и др.), кафтанов на соболином меху, рукавиц из волчьего меха, росомахи (РГАДА, СП, кн. 588, л. 59) и др. [Таможенные книги.., 2003, с. 8-30].

На некоторые виды одежд (кафтаны, шубы, сарафаны и др.) нашивали различные металлические, костяные, шелковые пуговицы [Вилков, 1967, с. 92-93, 104, 107]. Использовались также для одежды разнообразные подвязки, кожаные ремни с медными пряжками [Вилков, 1967, с. 92-93, 154].

В качестве головных уборов носили также шерстяные колпаки, шапки овчинные, подвязки волосяные, кокошники, шляпы, венцы бисерные и т.п. [Вилков, 1967, сс. 55, 103, 105, 149, 153]. Костюм дополнялся различными украшениями одежды и частей тела головы, шеи, рук. Судя по документам, жители Тобольска одежду украшали золотыми и серебряными кружевами, шелковыми нашивками и гайтанами, бисером, жемчугом. Руки украшали медными кольцами, медными, серебряными перстнями, шею украшали ожерельем из жемчуга, бисера. Носили также медные, серебряные серьги [Вилков, 1967, сс. 92-93, 104, 157-158].

В Тобольск в XVII веке завозилось и затем развозилось транзитом по всей Сибири, судя по тобольским таможенным книгам, большое количество кожаных сапог (сафьяновые, телятинные). Население Западной Сибири носило и другие виды кожаной обуви: башмаки (сафьяновые, телятинные), ичетоги кожаные, коты (телятинные, бараньи, конинные) (ЦГАДА, СП, кн. 44, 348, 533, 892, 1078; РГАДА, СП, кн. 588, л. 13) [Вилков, 1967, с. 106, 155; Таможенные книги.., 2003, с. 11].

В таможенной книге г. Верхотурья 1673-1674 гг. содержится такой же ассортимент товаров. Упоминаются также женские бараньи сапоги и башмаки, женские подбрусники атласные и тафтяные, серебряные кресты, цепочки, пояски шелковые и шерстяные (РГАДА, СП, кн. 586, л. 271-об, л. 348, л. 364, л. 366, л. 368) [Таможенные книги.., 2000, с. 72-94].

Одним из письменных источников по костюму русского населения Западной Сибири XVII века являются также и енисейские товарные росписи (РГАДА. СП. Стб. 1084. Л. 57-155). По форме они представляют своего рода «сказки» приезжающих в Енисейск торговцев, которые они подавали в енисейскую таможенную избу с указанием количества и стоимости товаров [Резун, 2004, с. 75]. Первую большую группу в ассортименте привозимых в Енисейск товаров составляют предметы готовой одежды и обуви, куда можно отнести рукавицы уресковые, рукавицы «варяги», чулки вязаные, кафтаны бараньи, сапоги и рубашки. Такой ассортимент встречается и в других таможенных книгах, но особенностью Енисейска является упоминание про рубашки, которых было завезено 240 шт. Самым распространенным товаром были также рукавицы «варяги» [Резун, 2004, с. 76].

Таким образом, костюм русского сибиряка, отличался от костюма русского населения других районов России тем, что включал в себя, в основном, шерстяную и меховую одежду, кожаную обувь, меховые головные уборы. Меховые изделия занимали важное место в гардеробе сибиряка. Традиционные виды русской одежды, такие как кафтан, зипун, ферязь, азям подбивались мехом, шились из шерстяных материалов (сукно, сермяга и др.). Для согревания ног носили суконные штаны, вязаные шерстяные чулки. По богатству украшений, качеству материала костюм русского сибиряка не уступал русскому костюму других территорий России.

Литература

Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. – М.: Наука, 1967. – 324 с.

Резун Д.Я. К истории бытовой культуры жителей Енисейска в XVII в. // Города Сибири XVII – начала XX в. История повседневности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 75-81.

Таможенные книги сибирских городов XVII века. Верхотурье, Красноярск. / Авт.-сост.: О.Н. Вилков, Д.Я Резун, И.Р Соколовский. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2000. – Вып. 3. – 148 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII века. Тобольск, Кетск // Авт.-сост.: Д.В. Раев, И.Р. Соколовский. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2003. – Вып. 5. – 216 с.

П.А. Красота
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Причины изменения месторасположения татарских поселений севера Омской области в XX веке
(по полевым материалам)

Изучение территории расселения этнической общности в настоящее время является одной из актуальных проблем этнографии. Причины этого кроются в том, что территория, климатические и географические условия во многом определяют традиционную культуру этнической общности. Именно поэтому исследования по первоначальной территории проживания этноса и ее динамики во времени дают начало многим исследованиям по традиционной – материальной и духовной культуре.

Целью работы является введение в научный оборот материалов, полученных в ходе этнографической экспедиции Омского филиала ИАЭТ СО РАН в Тевризский район Омской области летом 2009 г. Одной из задач экспедиции стало изучение системы расселения сибирских татар, а основное внимание было уделено XX в., т.к. собранные в 1970-х − 1980-х гг. материалы отражали, прежде всего, историю возникновения поселений, а не дальнейшего их развития. В данном сообщении на примере изучения истории ряда поселений Тевризского района Омской области попытаемся выделить основные причины изменения месторасположения татарских поселений в XX в.

В деревне Тайчи информатор Юмин Галимжан Николаевич сообщил нам, что до середины XX в. на противоположном, правом, берегу Иртыша существовали еще две татарские деревни: д. Летняя (Яйлал) и смешанная русско-татарская д. Зимняя (Кашлау). Фактически эти две деревни относились к Тайчам, а большая часть их жителей являлась работниками колхоза им. Чапаева, управление которым также располагалось в Тайчах. Но к 1955 г. эти деревни прекратили свое существование, а большинство их жителей перебралось в Тайчи. Только русские из д. Зимней разъехались по ближайшим русским деревням. На вопрос – по каким причинам это произошло, информатор указал следующие: 1) на правом берегу плохие условия для жизни и хозяйственной деятельности, 2) жителям неудобно было добираться на работу через Иртыш, особенно весной и осенью, 3) на правом берегу не было электричества и коммуникаций, в то время как на левом к середине XX в. уже была проведена ЛЭП и существовала трасса Омск-Тара-Тевриз. Таким образом, мы можем сказать, что жителям было экономически выгодно переселиться на левый берег Иртыша в деревню Тайчи, т.к. уровень их жизни при этом существенно поднимался. Еще в 1937 г. из д. Зимней была перевезена мечеть, и начались первые переселения. Основная же волна переселений пришлась на 1940-е гг. К 1950-м гг. д. Летняя уже не существовала. В 1955 г. уехали последние жители из д. Зимней. В этом переселении можно также увидеть и причины политического характера. Информатор сообщил нам, что на переезде довольно сильно настаивало управление колхоза, ведь на период тонкого льда (весна, осень) он лишался большей части своих работников. Управление колхоза оказывало существенную помощь при переезде, обеспечивало жильем в Тайчах либо помогало переправлять через Иртыш срубы и собирать их на новом месте.

Причины политического характера можно также увидеть на примере колхозной политики советского руководства. Например, в середине XX в. в Тевризком районе существовала русская дер. Бакшеево, которая в результате политики укрупнения колхоза имени Ильича стала смешанной русско-татарской деревней. Информатор Шайахметов Изнугали Алеевич сообщил нам, что колхоз им. Ильича укрупнялся в 1940-1950-х гг. путем подчинения ему мелких близлежащих колхозов. В результате колхоз объединил 6 деревень, из которых две татарских – Ташетканы, Каргайлы, две русских – Доронино, Чирик, и две смешанных – Бакшеево и Нагорно-Аевск.

В результате анализа собранных материалов можно вывить причины природного характера, под которыми мы понимаем такие природные условия, которые затрудняют проживание людей в определенной местности и приводят к переселению в другое, более благоприятное место. Наиболее ярким является пример дер. Нагорно-Аевск. Татарская дер. Аев существовала еще в XVIII в. и упоминалась в материалах 4-ой ревизии населения 1782 г. Позже, недалеко от нее, возникла русская деревня, которая стала также называться Аевск. В начале XX в. татарскую деревню называли Луго-Аевск, т.к. она располагалась на лугу, недалеко от Иртыша. А русскую называли Нагорно-Аевск, т.к. она располагалась на возвышенности в 4 км от Иртыша. Информатор Газеева Рульнур

Хазыловна сообщила нам, что в начале и особенно в 30-х гг. XX в. Луго-Аевск стал подвергаться ежегодным затоплениям из-за весеннего разлива реки Иртыш. Некоторые затопления были настолько сильные, что вода доходила до возвышенности, на которой находилась русская деревня (около 4 км). Такие затопления наблюдались в 1941, 1971, 1985, 1990 гг. После затопления 1941 г. татары стали перебираться в Нагорно-Аевск. Вначале селились как соседи, в деревне даже было две школы (до 1967 г.), а позже, как и Бакшеево, деревня стала полностью смешанной.

Таким образом, можно выделить множество причин, по которым люди меняют место своего жительства, но из тех, по которым свое месторасположение меняют целые деревни, на наш взгляд, следует выделить три основных:

1) причины экономического характера;
2) причины политического характера;
3) причины природного характера.

М.А. Кудинова
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Собаки-демоны в китайской мифологии

Важнейшим персонажем китайской демонологии являются, как известно, лисы, которым народные верования приписывают различные сверхъестественные способности, и главной из них было умение принимать облик людей (чаще всего в привлекательных девушек). Гораздо меньше информации имеется о собаках-оборотнях, тем не менее, и им в мифологии и фольклоре Китая отводится значительная роль. Упоминания об этих злобных существах встречаются в таких источниках, как «История Ранней Хань», «Фэн су тун и», «Соу шэнь цзи», «Чжи гуай лу», «Вэй юань» и т.д. [Гань Бао, 1994; Гроот, 2000]. Приведем пример из «Записок о поисках духов» («Соу шэнь цзи»). *«При императоре Чэн-ди, в первый год его правления под девизом Хэпин чанъаньские юноши Ши Лян и Лю Инь жили вместе. В доме их поселилось некое существо, обликом напоминавшее человека. Когда его стали бить, оно обратилось в собаку и выбежало вон. Но после его изгнания к дому Ляна подошли несколько облаченных в латы человек с луками и арбалетами в руках. Лян и его домочадцы вступили с ними в сражение, кого убили, кого ранили, – оказалось, что все это собаки»* [Гань Бао, 1994, с. 167-168].

Облик собак могли принимать злые духи *яо* и *шэн*, по ночам они проникали в дома и непристойно ругались, о чем говорится в средневековом памятнике «Гуанси тун чжи» (см.: [Гроот, 2000, с. 30]). В «Фэн су тун и» приводится способ борьбы с собаками-демонами: *«В этом мире собаки часто перевоплощаются в иные формы и превращаются в демонов; тогда собак убивают и вымазывают ворота домов их кровью, дабы показать демонам, что всех их ждет такая же участь, если они будут вредить людям»* [Гроот, 2001, с. 93].

Вера в собак-оборотней устойчиво сохранялась в течение долгого времени, легенды о них приводятся и в новеллах китайского классика XVII-XVIII вв. Пу Сунлина [Пу Сунлин, 1973].

Говоря о собаках-оборотнях и собаках-демонах, необходимо упомянуть и Небесную собаку (*Тянь гоу*) – одного из ужаснейших монстров китайского фольклора. Под названием *Тяньгоу* (Небесная Собака, Небесный Пес) в китайской мифологии скрываются сразу несколько объектов и персонажей, упоминавшихся в «Каталоге гор и морей», «Исторических записках», «Истории Хань» и других источниках. Нас в данном случае интересует представление о Небесной Собаке как божестве демонического характера, чье влияние препятствует рождению сыновей или сокращает срок жизни новорожденных [Васильев, 2001]. Считалось, что Небесная Собака питалась человеческой печенью и могла нападать на детей [Eberhard, 1968]. В «Истории южных династий» говорится: *«В тринадцатом году Тяньцзянь (514 г.), в шестом месяце в столице ходили слухи о том, что чэн-чэн крадут печенку и кровь людей и кормят ими Небесную Собаку. Люди пребывали в великом страхе в течение двадцати дней».* В этом же сочинении сказано: *«А в пятом году Датун (539 г.) в столице распространяли слухи, что Сын Неба вынимает у людей печень и кормит ей небесную Собаку. Молодые и старые были так сильно напуганы, что после захода солнца запирали двери на засовы и вооружались дубинками. Паника прекратилась только через несколько месяцев»* [Гроот, 2000, с. 95]). По преданиям, этот кровожадный демон с антропофагическими наклонностями в древности был девушкой, которая умерла, не успев выйти замуж. Став небесным демоном и обосновавшись

на одной из звезд, эта девушка стала стремиться убивать детей, чтобы кто-нибудь занял ее место в качестве духа-демона, а она сама смогла бы переродиться в человека. Для защиты от нее китайцы, во-первых, изображали стрелков, выпускавших стрелы в Небесного Пса (иногда в качестве такого стрелка выступал Хоу И) и, во-вторых, наделяли детей специальными талисманами из смешанных вместе пучков волос ребенка и собаки (этот локон обычно вшивали в одежду ребенка). Считалось, что Небесная Собака также проявляла свои дурные наклонности в попытках сожрать солнце и луну (т.е. в моменты солнечных и лунных затмений). Только звуки гонгов и барабанов и страшный шум, который поднимался на земле, могли отпугнуть Небесного Пса и заставить его отказаться от своего намерения [Васильев, 2001; Няньлунь, 2006]. В китайском фольклоре есть и другое объяснение причины солнечных и лунных затмений, связанное с Небесной Собакой. Однажды Лучник выстрелил в Солнце и Луну, и в Поднебесной наступил мрак. Люди попросили Небесную Собаку вернуть Луну и Солнце и пообещали ей за это 50 *доу* риса. Но когда Собака выполнила поручение, люди забыли отдать ей обещанный рис. С тех пор собака, когда проголодается, ест солнце или луну [Няньлунь, 2006].

Не всегда, однако, сверхъестественные существа в облике собак представляли для людей опасность. Небесная Собака считалась также и единственным защитником от злых духов, принимающих облик огромных сов и других птиц. В более поздние времена Небесная Собака выступала в качестве помощника богов Эр-лана и Чжан-сяня – защитников от злых сил [Eberhard, 1968]. В тибетской сказке «Девушка-дракон» в многоцветную собаку превращается дочь царя драконов (морского царя). В сказке она сначала исполняет роль чудесного помощника главного героя, а потом – его мудрой жены. Причем, собачья шкура выполняла защитные функции [Дочь Царя драконов, 1997]. Очень похожий сюжет и у китайской сказки «Чжан Птицелов» [Волшебная флейта, 1989]. Возможно, сюжеты этих сказок восходят к этногенетическому мифу о происхождении от собаки, жившей на дне моря, распространенному, в частности, у тибетцев.

По всей видимости, возникновение представлений о способности собак к оборотничеству восходит к древнейшим тотемистическим верованиям, бытовавшим у многих народов Восточной и Юго-Восточной Азии, из них впоследствии развились мифы о происхождении от собаки, а также мифы о собаке – культурном герое и помощнике человека. В то же время собака, будучи падальщиком, воспринималась как нечистое животное, связанное с миром мертвых, что привело к появлению представлений о ней как опасном демоническом существе. Амбивалентное отношение к собаке связано со сложным генезисом образа этого животного в традиционной китайской культуре. Такая двойственность присуща, однако, не только китайской картине мира, она характерна для многих культур. Типологическое сходство мифов о собаке связано, видимо, с большой древностью представлений о первом доместицированном животном.

Литература

Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Вост. лит., 2001. – 488 с.

Волшебная флейта: Сказки и легенды народов Китая / Сост. В.В. Евсюков. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – 204 с.

Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Пер. с древнекит., предисл., прим., и словарь-указатель Л.Н. Меньшикова. – СПб.: Центр «Петербург. Востоковедение», 1994. – 576 с.

Гроот Я.Я.М. де. Демонология древнего Китая / Пер. с англ. Р.В. Котенко. – СПб.: Евразия, 2000. – 352 с.

Гроот Я.Я.М. де. Война с демонами и обряды экзорцизма в древнем Китае / Пер. с англ. Р.В. Котенко. – СПб.: Евразия, 2001. – 448 с.

Дочь Царя драконов: Сказки народов Китая / Сост. С.А. Комиссаров. – Новосибирск: Модус; Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 304 с.

Няньлунь дэ цзии: Цзе ду шэнсяо вэньхуа. Сюй гоу. [Память годовых колец: разъяснение культуры зодиакального цикла. Собака / Ред. Шу Дафэн]. – Наньчан: Байхуачжоу вэньи чубаньшэ, 2006. – 152 с.

Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах / Пер. с кит., с предисл. и коммент, В.М. Алексеева; сост., подгот. текста и вступ. ст. Л.З. Эйдлина. – М.: Худ. лит., 1973. – 573 с

Eberhard W. The Local Cultures of South and East China: Translated from German by Alide Eberhard. – Leiden: E.J. Brill, 1968. – 522 p.

Д.А. Кучукова
Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

Современная этническая община как форма этнического развития северных алтайцев

Рост национального самосознания и признание прав коренных народов международным сообществом позволяют представителям северных народов все активнее заниматься политическими, правовыми, социальными и экономическими вопросами для решения своих проблем [Логинов, 2007]. И сегодня Республики Алтай не является исключением, ее территория входит в район проживания коренных народов России, в частности, к ним относятся представители северных алтайцев – кумандинцы, челканцы, тубалары. В Российской Федерации права коренных малочисленных народов гарантируются конституцией Российской Федерации (РФ) и федеральными законами – это ст. 69, ст. 72. [Малинов, 2008]. Нужно отметить, что существующая национальная политика государства – либеральная, т.к. не ограничивает права на этнокультурное самоопределение, демократичная, т.к. ограничивает вмешательство государства в сферу межнациональных отношений, опирается на принципы инициативной самоорганизации и самоуправления местных сообществ (в частности, этнических) [Бабенко, 2007].

Необходимо отметить, что в современной российской науке имеются несколько концепций развития коренных малочисленных народов Севера. Одна из них – это традиционализм («общинный традиционализм»), которая ориентирована на предоставление народам Севера возможности развития традиционного хозяйства и культуры и придерживаться своей этнической модели уклада жизни [Коренные этносы.., 2006]. И одним из таких примеров является создание общин северных алтайцев. В соответствии с федеральным законодательством и законами субъектов Российской Федерации коренные малочисленные народы вправе создавать общины как формы самоорганизации лиц, относящихся к коренным малочисленным народам и объединенных по кровнородственному (семья, род) и/или территориально-соседскому признаку [Пешперова, 2008]. Отсюда можно выделить следующие виды общин: семейные (родовые) общины и территориально-соседские.

На территории Республики Алтай официально зарегистрировано 50 общин коренных жителей. Правовой статус современной общины является юридическим лицом и имеет самостоятельный баланс, круглую печать с наименованием, вправе иметь флаг, эмблему, вымпел и другую символику. Современные общины создаются в целях социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, защиты их исконной среды обитания, традиционных образов жизни, хозяйствования и промыслов.

Взаимоотношение общины с органами государственной власти происходит в рамках отношений. Власти могут оказывать помощь общинам в виде различных договоров на выполнение работ и предоставление услуг, целевой подготовки кадров по профессиям, необходимых для самоуправления и традиционного хозяйствования, бесплатной консультативной помощи, предоставления на конкурсной основе социального заказа на разработку и реализацию региональных программ социально-экономической помощи.

Общины организуются без ограничения срока действия, число учредителей не может быть менее трех. Высшим органом управления общины является общее собрание (сход) членов общины, который созывается по мере необходимости либо по требованию не менее одной трети ее членов. Существует так же должность председателя правления (совета) общин. Современная община имеет документы – учредительный договор, устав, где должны быть определены наименование общины, ее местонахождение, основные виды хозяйствования. К примеру, разведение крупного рогатого скота мясного и молочного направления, разведение свиней, коз, овец, коневодство. Кроме того, занятия – производство яиц, рыборазведение, охота, пушной промысел, лесоразведение, заготовка и переработка древесины, сбор дикорастущих растений и т.д. [Учредительный.., 2003].

Сегодня большое внимание общины уделено такому виду хозяйствования как организация и обеспечение туризма. Через данный вид хозяйствования путем непосредственно создания общин, северные алтайцы должны возродить этническую культуру, основанное на бережном отношении к природе. В 2007 г. Республику Алтай посетило 800 тысяч туристов [Информационный.., 2008]. Такое большое количество туристов приносят негативное влияние на экологию уникальных культовых мест северных алтайцев. Одна из задач общины – показать, как нужно правильно вести

себя в святых местах (на горе, у источника и т.д.). В первую очередь в этом поможет развитие этнотуризма и экологического туризма. К примеру, в Турачакском районе работает «Ортош» [Информационный.., 2008].

В его деятельности можно видеть один из примеров развития современной этнической общины. Необходимо отметить, что здесь не просто экскурсии в этнографический музей, а обучающая программа, рассчитанная на день или больше. Вначале проводят лекцию с вручением буклета об этом этносе, затем предлагают национальную кухню (чегень, кумыс, арака) с травяным чаем. Здесь же происходит знакомство с национальными видами спорта – поднятием или толканием камня, лазанием на кедр, стрельбе из лука, езде на коне и др. с вручением призов. Особое внимание уделено обучению культовым обрядам: привязыванию каймы, обряду поклонению огню и т.д.

Экологический туризм – новый вид путешествия, связанный с познанием окружающей природы и культурой местного народа. Как правило, такие туры представляют собой совокупность учебных, научно-популярных и тематических экскурсий, пролегающим по специально оборудованным экологическим тропам. Наряду с развитием туристической деятельности общины, можно получать финансовый доход от продажи продуктов питания, предложений поездки верхом на лошадях. Итак, данный вид хозяйствования общины в современной жизни должен возродить не только культуру народа, но и бережное отношение к местам проживания северных алтайцев [Материалы.., 2005].

Таким образом, создание этнических общин в современных условиях – это не только путь развития северных алтайцев, но и способ выживания в условиях рыночной экономики. В целом, следует отметить, что современные этнические общины северных алтайцев, являются в значительной степени формальными из-за отсутствия реальных прав (например, право на землю). Такая возможность может появиться при условии формирования этнических территорий (территория традиционного природопользования), становление которого только начинается.

Литература

Бабенко И.А. Концепция государственной национальной политики: региональные особенности реализации // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. – Вып. 8. – С. 237-239.

Информационный бюллетень «Экология дома своего». – Горно-Алтайск.: ЭИПЦ «Эльбаган», 2008. – 90 с.

Коренные этносы Горного Алтая (конец XIX – начало XXI). – Горно-Алтайск.: Горно-Алт. респуб. типография, 2006. – 152 с.

Логинов В.Г. Районы проживания малочисленных народов Севера: состояние проблемы развития // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. – Вып. 8. – С. 114-119.

Малинов А.В. Культура малочисленных народов России // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. – СПб.: Дом СПбГУ, 2008. – С. 274-293.

Материалы семинара «Права коренных малочисленных народов и законотворческий процесс в Российской Федерации». 2005. – 63 с.

Пешперова И.Ю. Правовые основы самоопределения коренных малочисленных народов в Российской Федерации // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. – СПб.: Дом СПбГУ, 2008. – С. 360-370.

Учредительный договор общины коренного малочисленного народа с. Кебезень. 2003. – 15 с.

П.К. Ломов

Омск, Омский государственный педагогический университет

Об истоках концепции этногенеза Л.Н. Гумилева

Концепция этногенеза, созданная Л.Н. Гумилевым, вызывает у ученых и читающей публики различные, порой полярные оценки – от обвинений в антинаучности до восторгов по поводу оригинальности и свежести идей. Однако то, что данная концепция стала настоящим событием в этнологии, отрицать нельзя. Думается, что в эволюции взглядов, касающихся ее критической оценки, можно выделить три этапа.

Первый – до 1989 г. – характеризуется тем, что о взглядах Л.Н. Гумилева на природу этноса и процесс его формирования читатели могли судить лишь по отдельным работам, не дающим целостного, системного представления. Критика концепции ученого в основном касалась лишь положений, отличавших ее от господствовавшего в отечественной науке того времени марксистско-ленинского подхода. И хотя сам Л.Н. Гумилев писал, что основой изучения этноса является философия естествознания, т.е. диалектический материализм [Гумилев, 2008, с. 12], некоторые оппоненты обвиняли его в биологизаторстве и отрицании роли социального фактора [Козлов, 1971, с. 71]. Остается добавить, что основная работа ученого «Этногенез и биосфера земли», хотя и была депонирована, но как книга отдельно не издавалась.

Именно выходом ее в свет отмечено начало второго этапа – 1989 – середина 1990-х гг. В условиях нарастания социального кризиса в нашей стране работы автора, дающего простые ответы на сложные вопросы и, кроме того, окруженного ореолом мученичества, обрели невиданную популярность [Клейн, 1992, с. 234]. Начался настоящий ажиотаж вокруг научного творчества ученого, который, правда, в основном охватывал публику, далекую от профессиональной науки. Что касается оценки этой концепции специалистами, то этому посвящались лишь единичные работы (В.И. Козлов, Л.С. Клейн).

И, наконец, третий этап – с середины 1990-х гг. и до наших дней – характеризуется постепенным спадом ажиотажа, связанного с творчеством ученого. Критическую оценку самой концепции и ее истоков дают профессиональные этнологи. На этом этапе появляется ряд публикаций, целью которых было показать связь идей Л.Н. Гумилева с различными направлениями и теориями. Появляются статьи о сходстве взглядов Л.Н. Гумилева и другого ученого старшего поколения – С.М. Широкогорова (С.А. Арутюнов, Е.М. Данченко).

Особо следует отметить подборку статей в журнале «Этнографическое обозрение» за 2006 г., специальной темой которого стал подробный анализ теории этногенеза Л.Н. Гумилева. В вошедших в него статьях содержатся интересные выводы об истоках взглядов ученого. Предлагаемая публикация является попыткой суммировать различные мнения по этому поводу и проследить, что повлияло на ее возникновение.

Практически все авторы отмечают приверженность Л.Н. Гумилева органическим теориям. Для него этногенез был природным процессом, определяющим жизнь и смерть этносов. Если этнос является живым организмом, то, как всякий организм, он рождается, взрослеет, старится и умирает [Шнирельман, 2006, с. 8]. В своем труде Л.Н. Гумилев применительно к этногенезу, вводит понятие «естественный отбор» [Гумилев, 2008, с. 128]. По его мнению, вполне уместно сравнивать два этноса с отдельными особями, ведущими борьбу за выживание и господство [Шнирельман, 2006, с. 15]. В след за В.И. Вернадским Л.Н. Гумилев рассматривал этнос в неразрывной связи с природными процессами. Используя концепцию «этноценоза», автор смещал акцент в пользу биологического фактора, включая этнос в окружающую природную среду.

Тесно переплетены взгляды Л.Н. Гумилева с теоретическими положениями другого российского этнолога – С.М. Широкогорова. В своей работе «Этногенез и биосфера земли» Л.Н. Гумилев критически отнесся к идеям С.М. Широкогорова, говоря о том, что за полвека они устарели, и что теперь «мы располагаем системным подходом, концепцией экосистем, учением о биосфере энергии живого вещества (биохимической), а также материалом о возникновении антропогенных ландшафтов в глобальных масштабах» [Гумилев, 2008, с. 66]. Однако, при рассмотрении ряда положений обоих ученых мы можем обнаружить немало сходства.

Так, оба автора подчеркивают зависимость человека от природного этногенетического процесса и огромную роль вмещающего ландшафта, компонентом и производным которого, в ходе адаптации, становится этнос [Данченко, 2000, с. 14]. Подобно С.М. Широкогорову, считавшему, что производственные и социальные условия создают средство выживания формирующейся этнической группы, Л.Н. Гумилев полагал, что по мере развития в инородном окружении этносы «обрастают» социальными институтами и культурными традициями, повышающими их сопротивляемость враждебной среде [Данченко, 2000, с. 14]. По мнению С.М. Широкогорова, отношения с соседними народами могут складываться по-разному – в форме борьбы, кооперации, паразитизма и т.д. Подобные варианты (вражда, симбиоз, паразитизм) описываются в работах Л.Н. Гумилева [Данченко, 1997, с. 73]. Рассуждение Л.Н. Гумилева о «пассионарности этносов» перекликается с более ранними высказываниями С.М. Широкогорова о биологической «силе и мощности этносов» [Филиппов, 2006, с. 92]. По выражению С.А. Арутюнова, Л.Н. Гумилев в своих сочинениях фак-

тически преобразовал метафорический смысл «биологизаторских» высказываний С.М. Широкогорова в их буквалистское истолкование [Арутюнов, 2006, с. 104].

Отмечая роль взаимодействия этнических процессов с географической средой, Л.Н. Гумилев подчеркивал, что смена этносов, как правило, не совпадает с изменением способов производства, а скорее отражает активное или пассивное приспособление данного народа к ландшафтным условиям района обитания [Дроздов, 1971, с. 75]. Тем самым, решая вопрос взаимодействия человека с географической средой и оценивая роль вмещающего ландшафта в развитии этноса, Л.Н. Гумилев склоняется к географическому детерминизму.

По мнению Л.Н. Гумилева, «разные этносы и суперэтносы не вполне равноценны» и в ходе своей деградации превращаются в реликтовые. Здесь уместно вспомнить взгляды Е.П. Блаватской, которая относила определенные группы коренного населения к «реликтам» прежней расовой эпохи. Отличие позиций этих ученых заключалось в том, что Е.П. Блаватская связывала неизбежность их вымирания с «кармической необходимостью», а Л.Н. Гумилев опирался на «закономерности этногенетического процесса» [Шнирельман, 2006, с. 11].

Таким образом, истоки концепции этногенеза Л.Н. Гумилева можно проследить в теоретических разработках ряда его предшественников. Для более полного изучения этого вопроса требуется исследовать путь становления ученого, что может стать одной из перспективных задач истории этнологической науки.

Литература

Арутюнов С.А. Мысли кролика у одра братца лиса // ЭО. – 2006. – № 3. – С. 104-106.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 560 с.

Данченко Е.М. О сходстве взглядов С.М. Широкогорова и Л.Н. Гумилева на природу этноса // Гуманитарное знание: Сер. Преемственность. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. – Вып. 1 – С. 72-74.

Данченко Е.М. О вкладе С.М. Широкогорова в разработку теории этноса // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Владивосток; Омск, 2000. – С. 104-106.

Дроздов О.А. Этнос и природная среда // Природа. – 1971. – № 8. – С.75-76.

Клейн Л.С. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева. – 1992. – № 4. – С. 228-246.

Козлов В.И. Что же такое этнос? // Природа. – 1971. – № 2. – С. 71-74.

Филиппов В.Р. С. Широкогоров: у истоков биосоциальной интерпретации этноса // ЭО. – 2006. – № 3. – С. 86-93.

Шнирельман В.А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // ЭО. –2006. – № 3. – С. 8-21.

В.Р. Мазитов

Уфа, Институт истории, языка и литературы УНЦ АН

Генеалогическая традиция как социогуманитарный фактор развития башкирского народа

Генеалогической традицией на территории исторического Башкортостана с древности до наших дней является устная и письменная традиция составления, изучения и передачи из поколения в поколение особых историко-генеалогических источников – шежере (шаджара). Устная и письменная традиция шежере у башкир является важным элементом истории и культуры, социогуманитарных знаний и самосознания башкирского народа, начиная с древности до наших дней.

Традиция шежере прошла длительный путь развития, начиная от устных и поэтических форм и заканчивая сложными письменными фиксациями в виде исторических документов с элементами, характерными для летописи [Соколов, 1898], хроники [Лоссилевский, 1883] и даже дипломатики [Родословная.., 1997].

Это связано, прежде всего, с тем, что башкирские шежере, их письменные и устные варианты имеют длительную историю происхождения и создания, глубокие исторические и генеалогические корни. Наиболее древние процессы, заложившие основы шежере, связаны с развитием рода в полукочевых и кочевых обществах – строгая родо-племенная номенклатура, территориальное разделение родов и связанное с этим обычное право тюрков. Шежере использовалось для обо-

снования своих родовых земельных прав на территорию как в раннее, так и в позднее время (XVIII в.) [Башкирские шежере, 1960]. Об этом свидетельствуют включенные в шежере сведения о собственности на те или иные угодья, родовая атрибутика (уран, тамга, дерево, птица), которые являлись важным элементом родовой и территориальной идентификации [Башкирские родословные, 2002].

Другая древнейшая тенденция, повлиявшая на развитие шежере и отразившаяся в ней, – историческое развитие государств и государственности, появление сильных правящих династий. Об этом свидетельствует, например, наскальная надпись, существовавшая в Иране до VII в. («Каменная летопись»), которая описывала генеалогию, имена и титулы царей [Литература Востока.., 1970]. Кроме того, об этом прямо указывают самые ранние из дошедших до нас письменных памятников – орхоно-енисейскме эпитафии V-VIII вв. – своеобразные свидетельства наличия шежере у древних тюрков. Руническая надпись Алп Эльэтмиша в честь Эльтерес-кагана, нанесенная на камне онгинского бассейна в начале VIII столетия, начинается с упоминания имен предков и изложения крупных событий, происходивших в их времена: «Наш предок Бумын-каган четыре угла (мира) притеснил, повалил, победил (и) раздавил. Затем, когда этого хана не стало, народ (наш) погиб, рассеялся (и) разбежался… Государство было устроено, сын Ябгу Сабра Тамганчур, младший брат его Сабра Тамган-таркан, в общем, шестьдесят пять моих предков...» [Малов,1959, с. 8-10].

Определенное влияние на развитие традиции шежере оказало монгольское завоевание Азии, создание Монгольской Империи – величайшей сверхдержавы, повлиявшей на судьбы целых народов, а также ее последующий распад на отдельные государства. В это время появляются многочисленные витиеватые генеалогии Чингисхана и его потомков, развивается общемировая генеалогическая традиция Востока, выраженная в исторических книгах – тауарих (арабских – «Китаб ал камил фит-тарих» Ибн- Аль –Асира, «Аноним Искандера» Муин-ад-Дина Натанзи, анонимное сочинение по истории Кашгара – «Тарих-и Кашгар»[Материалы.., 2002] персидских – «Насировы разряды» Джузджани, «Родословие тюрков»(1457 г.), «Сборник летописей» Рашид-ад-дина [Тизенгаузен, 1941], булгарских – «История Булгарии» Хисамитдина Муслими, Таварих «История», Татар тарихи «История татар» [Дмитриева, 1965]) и сильно повлиявшая на развитие башкирских шежере. Письменные варианты башкирских шежере схожи со средневековыми восточными тауарихами. Об этом упоминает известный исследователь башкирских шежере академик Г.Б. Хусаинов [1996, с. 111-122]. Определенное влияние на развитие генеалогической традиции шежере оказала влияние генеалогическая традиция арабов. Само слово «шаджара» («шежере») является арабским и в переводе означает древо. Также обращает внимание наличие в арабском языке специального термина «нассаб» – «ученый, занимающийся генеалогией» [Усманов, 1972, с. 171]. Среди исторических сочинений мусульманских авторов были широко распространены родословные книги («Насаб-наме»), содержащие генеалогическую историю «Золотого рода» Чингиз-хана (например, «Муизз ал-ансаб» -« Книга, прославляющая генеалогии») [Султанов, 2006].

Кроме того, развитию традиции шежере способствовало разделение земель между верховным правителем (ильханом) и локальными правителями (эмир, хан, бий), что наиболее характерно для тюркской в своей основе Монгольской империи и ее последующих государств-улусов [Лэн-Пуль, 1899].

Другой важный фактор, повлиявший на развитие шежере – распространение ислама, арабографичной литературы, генеалогической традиции как важного элемента исламской культуры. Во многие шежере вплетены религиозные мотивы и сюжеты, в некоторых происходит изменение тюркских имен на мусульманские [Башкирские шежере, 1960; Башкирские родословные, 2002].

Определенное влияние оказала также арабографичная литература в форме различных книг религиозного толка, в которые иногда вносились генеалогические записи. В книге, обнаруженной Х.И. Юлмухаметовым, 1962 г.р., п. Красноусольск, и продемонстрированной автору настоящей статьи, содержалась генеалогическая запись: «У муллы Габдулхамита сына Габдуллы младшие родные братья Курмангул, Мурзагул. Есть [у муллы] два сына: Сатыбай и Фаризбай...» [Сведения.., 2009].

Таким образом, традиция шежере до современного времени прошла ряд этапов своего развития: 1) наиболее древний родо-племенной этап, когда главной была фиксация родовой и, возможно, тесно связанной с ней территориальной принадлежности; 2) государственный, связанный с развитием древних государств и государственности; 3) сверхдержавный (общемировой), тесно связанный с появлением Монгольской Империи и ее государств-приемников, а также с многочис-

ленными генеалогиями чингизидов [Тизенгаузен, 1941]; 4) религиозный, связанный с распространением ислама и арабографичной письменности.

В настоящее время в Республике Башкортостан происходит возрождение яркой и самобытной традиции шежере. Как и прежде, шежере несет в себе ряд функций, из которых одной из наиболее важных является социокультурная функция, выраженная в изучении и бережном отношении к истории своих предков и родного края, в поддержке национального самосознания и этничности башкирского народа. Этому во многом способствуют проведение ежегодных праздников «Шежере байрамы». Так, например, по сведениям информаторов, на сегодняшний день существуют знатоки более 50 шежере, есть старики, которые знают свою родословную по памяти с этнической принадлежностью к тому или иному роду, другие восстанавливают по архивным источникам.

Традиция шежере как в историко-ретроспективном, так и в современном аспектах является важным фактором социокультурного развития и гуманизации знаний в различных областях жизни башкирского общества.

Литература

Башкирские родословные. – Уфа, 2002. – 480 с.

Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – 304 с.

Дмитриева Л. В. и др. Описание тюркских рукописей института народов Азии – М., 1965. – Т.1.

Лоссилевский М. В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам. // Справочная книга Уфимской губернии. – Уфа, 1883. – Отд. 5.

Литература Востока в средние века.– М., 1970. – Ч. 1. – 344 с.

Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. – СПб., 1899.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л., 1959.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. – Бишкек, 2002. – 336 с.

Родословная башкир Юмран-табынской волости со сведениями титулярного советниа и кавалера Мухаметсалима Уметбаева, дополненная относящимися к ней документами. – Уфа, 1997. – 153 с.

Сведения информатора Х. И. Юлмухаметова, 1962 г. р.;сведения и родословная Х. З. Байбулдина, 1938 г. р., д. Саитбаба.; семейная газета Урманшиных «СыFанak», № 3 от 31 декабря 1997 г.; сведения информаторов Г. Г. Ишбулдина, 1942 г. р., п. Красноусольск, А. Г. Тузбекова, 1938 г. р., д. Имендяшево // Мазитов В.Р. Отчет о полевой командировке 16–23 сент. 2009 г. // Рукопись хранится в Отделе этнологии и антропологии ИИЯЛ УНЦ РАН.

Соколов Д. Н. Опыт разбора одной башкирской летописи. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1898. – Вып. 4.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды – М., 1941 – Т. 2. – 380 с.

Усманов М .А. Татарские исторические источники XVII – XVIII вв. – Казань, 1972. – 224 с.

Хусаинов Г. Б. Башкирская литература XI-XVIII вв. – Уфа, 1996. – 213 с.

А.И. Макеева

Челябинск, Челябинский государственный университет

Проблема этногенеза и этнической идентичности нагайбаков в подходах исследователей: современное состояние проблемы

Нагайбаки – тюркоязычный этнос с христианским вероисповеданием, проживающий на территории современной Челябинской области, входивший в состав Оренбургского Казачьего Войска. В настоящий момент компактно проживает на территории Нагайбакского, Уйского, Чебаркульского районов Челябинской области. Численность нагайбаков, согласно последней переписи населения, составила 9087 человек.

Вопрос об этногенезе нагайбаков по сей день является дискуссионным. Авторы, изучавшие данную проблему, высказывали разные точки зрения, которые, на наш взгляд, сводятся к двум основным версиям: согласно первой – происхождение нагайбаков связано с казанскими татарами,

по другой версии – определяющую роль в этногенезе нагайбаков сыграл ногайско-кыпчакский компонент. Обе версии сформировались уже в XIX в.

Первые сведения о нагайбаках встречаются в работе П.И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», где он упоминает о «Нагайбакской крепости», которую населяли « новокрещеные» [Рычков, 1999].

В 1852 г. П.И. Небольсиным термин «ногайбак» впервые приводится в качестве этнонима. Автор говорит о ногайском происхождении нагайбаков, опираясь на предание, согласно которому «несколько семей Ногаев белой кости, или беков, поссорившись со своими родичами, откочевали от устьев Волги в Нарын-Пески, оттуда степями левого берега Волги достигли до Кинели и потом перешли на реку Ик, где и поселились. Сельбище их и названо, поэтому Ногайбаком…» [Небольсин, 1852, с. 21-22].

В.Н. Витевский в своей работе «Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии», опубликованной в 1891 г., высказывает версию о казанско-татарском происхождении нагайбаков, ссылаясь на документальное подтверждение, предоставленное ему нагайбакским урядником поселка Фершампенуаз С.И. Никитиным [Витевский, 1891]. В пользу данной версии, по мнению автора, говорит также сходство языка и этнографических особенностей тех и других.

Новым этапом в истории изучения вопроса можно считать появление в начале XX в. работ о нагайбаках, авторами которых были сами нагайбаки. Среди подобных работ – очерк Е.А. Бектеевой «Нагайбаки (Крещеные татары Оренбургской губернии)», опубликованный в журнале «Живая старина» в 1902 г., где, помимо описания материальной культуры, уделяется внимание происхождению нагайбаков [Бектеева, 1902]. Автор говорит о происхождении их от « арских» татар, якобы, проживавших в городе Арске, расположенном восточнее Казани на правом берегу реки Казанки.

Еще одна подобная публикация принадлежит нагайбакскому священнику Ф. Альметеву, написавшему «Этнографическую заметку», в которой автор придерживается версии о казанско-татарском происхождении нагайбаков [Альметев, 1911].

В советский период отдельных работ по данному вопросу не выходило.

Новый всплеск интереса к данной проблеме наблюдается в начале 1990-х гг. 18 июня 1993 г., согласно Закону Российской Федерации «О правовом статусе коренных малочисленных народов», нагайбакам придан статус коренного малочисленного народа в связи с многочисленными обращениями нагайбакской интеллигенции и, в частности, директора Нагайбакского историко-краеведческого музея А.М. Маметьева в Верховный Совет Российской Федерации.

В том же году выходит книга М.С. Глухова «Судьба гвардейцев Сеюмбеки» [Глухов, 1993]. Автор данной работы придерживается версии о ногайском происхождении нагайбаков, а также излагает популярную среди самих нагайбаков легендарную версию [Атнагулов, 2007], основанную на предании о дочери Ногайского мурзы Юсуфа по имени Сеюмбека, которая стала женой Казанского хана Жангарея. Вместе с ней, в качестве личной охраны, было отправлено 600 холостых джигитов из состоятельных семей, которые потом остались в Казани.

Популярность данной книги и изложенной в ней версии может быть, на наш взгляд, связана с желанием самих нагайбаков обосновать свой статус самостоятельного этноса по отношению к волго-уральским татарам.

Во второй половине 1990-х гг. появляются комплексные исследования, посвященные нагайбакам, в которых отдельно рассматривается и вопрос их этногенеза. Первое подобное исследование принадлежит Д.М. Исхакову, под редакцией которого в 1995 г. вышел сборник «Нагайбаки». В нем была опубликована статья вышеуказанного автора «Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в». Д.М. Исхаков отмечает преобладание казанско-татарской составляющей в этногенезе нагайбаков, однако не исключает также влияние «арских» (проживавших на Арской заставе) татар, в числе которых было немало ногайцев [Исхаков, 1995]. Автор делает вывод о положении нагайбаков как «наиболее изолированной группе в составе крещеных татар», которые, в свою очередь, занимают «обособленное положение в структуре волго-уральских татар».

Схожей точки зрения придерживается и И.Р. Атнагулов, автор монографии «Нагайбаки», вышедшей в 2007 г. И.Р. Атнагулов говорит о «значительном преобладании в культуре нагайбаков приволжско-татарского компонента». Однако, в отличие от Д.М. Исхакова, И.Р. Атнагулов говорит

о нагайбаках как о «самостоятельной этнолокальной единице», черты которой они обрели уже к началу XX в. [Атнагулов, 2007, с. 169].

В качестве источников для исследования современного состояния проблемы этнической идентичности нагайбаков были использованы данные последней переписи населения 2002 г. а также материалы этнографических экспедиций Челябинского государственного университета.

По результатам переписи 2002 г. на территории Челябинской области проживает 9087 нагайбаков. По переписи 1926 г., когда нагайбаков в последний раз учитывали в качестве отдельной этнической группы, их насчитывалось 11,2 тыс. человек. Подобная разница в цифрах, на наш взгляд, может объясняться тем, что во время последней переписи не все нагайбаки назвали себя нагайбаками. В частности, это касается нагайбаков Чебаркульского и Уйского районов. Связано это может быть с тем, что в советский период, когда в переписных листах отсутствовала подобная категория, нагайбаки вынуждены были называть себя иначе. В Нагайбакском районе в переписи 1989 г. они учитывались в составе татар. По результатам полевых материалов этнографических экспедиций Челябинского Государственного Университета было выявлено, что в Уйском и Чебаркульском районах нагайбаки в советских переписаях предпочитали называть себя русскими (информаторы сообщают: «Писались русскими, чтобы не записываться татарами»). Возможно, что данная тенденция сохраняется до сих пор.

Преобладающая часть нагайбаков (7394 человека) по результатам переписи 2002 г. является сельским населением, проживающим на территории Нагайбакского района. Данная группа является наиболее многочисленной, сохраняющей свою этническую идентичность.

Литература

Альметев Ф. Нагайбак (этнографическая заметка) // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1911. – № 49. – С. 11-18.

Атнагулов И.Р. Нагайбаки. – Новосибирск, 2007. – 243 с.

Бектеева Е.А. Нагайбаки (Крещеные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. – СПб. – 1902. – С. 158- 171.

Витевский В.Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Труды VI Археологического съезда в России. – 1891. – Т. II. – С. 251-293.

Глухов М.С. Ногайбек. Судьба гвардейцев Сеюмбеки. Неформальный подход к еще ненаписанным страницам истории. – Казань: Изд-во «Ватан», 1993. – 254 с.

Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX века // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). – Казань: Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1995. – С. 4-16.

Небольсин П.И. Путешествие в Оренбургский край // Вестник ИРГО. – 1852. – Ч. IV, кн. I. – С. 20- 41.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Уфа, 1999. – 342 с.

О.Е. Мартазова
Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Современные верования эвенков Прибайкалья (по материалам экспедиции 2009 г. в Северобайкальский район Республики Бурятия)

В ходе летней полевой этнологической практики мы провели исследование в четырех эвенкийских поселениях Северобайкальского района Республики Бурятия: Уоян, Кумора, Байкальское и Холодное.

Несмотря на распространение в этом регионе православия (среди русских) и буддизма (ламаизма) (среди бурят), нельзя не отметить, что эвенки сохраняют свои традиционные верования.

Эвенки северного Прибайкалья повсеместно верят в Хозяина леса. Их представления о нем разделяет и русское население перечисленных сел. При этом необходимо отметить, что русские не называют этого духа «лешим», как можно было бы предположить, а вслед за эвенками зовут его Хозяином. Неко-

торые говорят, что верят «постольку-поскольку, уважая традиции», а другие утверждают, что они или их родственники неоднократно видели Хозяина леса. Обычно его описывают как невысокого человека с белой бородой. Часто Хозяина леса ассоциируют с медведем и рассказывают, что он может появляться перед человеком в облике этого зверя. Кроме этого, в Уояне было записано сообщение, что Хозяин имеет облик белого оленя (Архив полевых материалов и исследований УНЦСА РГГУ (2009) – далее Архив; аудиофайл vk090707-02), а в Холодном – быличку о Хозяине в облике белого лося («сохатого») (Архив; аудиофайл vk090722-02). С этим можно сопоставить рассказ о том, как отец одной из жительниц с. Байкальского видел боровшихся в лесу белого сохатого и огромного змея (Архив; аудиофайл vk090713-02). Но был ли этот сохатый Хозяином леса, респондентка не знала.

Буквально все, кого мы опрашивали о Хозяине, указали на бытование обряда его «приветствия» при входе в лес, во время которого «брызгают» водкой. Иногда его одаривают хлебом, сигаретами, а от одной респондентки мы получили сведения, что ее отец «брызгал» специально сваренной ухой (Архив; аудиофайл olga090713-01). Важным элементом почитания Хозяина местные жители считают привязывание ленточек на деревья, стоящие в «особых» местах, так называемых «бурханах». В Северобайкальском районе их можно увидеть вдоль дорог между поселками, но по рассказам они есть и на далеких таежных тропах.

В связи с этим существуют определенные запреты и ограничения для находящихся в лесу. Так, например, нельзя спать на тропе или разводить на ней огонь (одни считают, что это связано с элементарными правилами безопасности, другие рассказывают о том, что по тропе ходят не только люди и звери, но и духи). В лесу существуют определенные места, в которых нельзя кричать, шуметь и т.д., т.к. они считаются «нехорошими». Немало запретов связано с охотой. Так, например, на охоту с собой нельзя брать вареные яйца; в ночь перед ней нельзя заниматься сексом с женой и даже спать с ней в одной постели, а следует, наоборот, ругаться; некоторые респонденты сообщали, что нельзя стрелять в медведя, т.к. это может быть Хозяин и т.д.

Эвенкийский образ Хозяина леса, как уже отмечалось, имеет определенное сходство с образом русского лешего, однако, между ними есть существенные различия. Так, например, непременным атрибутом поведения лешего считается «вождение» людей по лесу, когда человек плутает и не может найти дорогу, Хозяин подобного никогда не делает.

По представлениям эвенков, есть свой Хозяин и в воде. Дух-хозяин воды может помогать рыбакам, если у тех не идет клев. Говорят, что Хозяин воды не любит пьяных. Существует также поверье, что если тело утопленника не находят, значит его забрал Хозяин. Его также принято приветствовать «брызганием».

На основе имеющихся у нас данных мы также, как и в случае с Хозяином леса, не можем ассоциировать Хозяина воды с русским водяным, являющимся олицетворением воды как отрицательного начала. В эвенкийской культуре Хозяин воды не имеет подобных коннотаций, если судить по сообщениям респондентов.

Отдельно стоит сказать о Хозяине Байкала. Как и обычный Хозяин воды, он не любит пьяных и забирает к себе утопленников. Эвенки с. Байкальское считает его самым сильным среди духов. Одна из респонденток, отец которой считался шаманом, рассказала, что «чувствует» дух Байкала, поэтому с ней никогда не было неприятностей на нерповке (Архив; аудиофайл vk090717-02). В этом же селе (единственном «эвенкийском», которое находится на берегу озера) указывают несколько мест локализации Хозяина Байкала, где совершают «брызганье» в его честь. Одно из них находится там, где похоронена тунгуска «бабушка Харга» – последняя жительница исчезнувшей деревни Талая (Архив; аудиофайл vk090717-02).

В эвенкийских поселениях Северобайкальского района широко распространены представления о духе-хозяине дома (домовом). Они схожи с аналогичными верованиями у русских. Его принято подкармливать, задабривать, звать с собой при переезде и т.д. Записано несколько быличек о том, как домовой душил респондентов во сне или пугал их ночью (Архив; аудиофайл olga090705-04). Можно предположить, что вера в такого Хозяина дома у эвенков появилась под влиянием русской традиции и уже тогда, когда они стали жить в бревенчатых домах. Более ранние верования, видимо, оказались вытесненными, хотя нам рассказывали, что в некоторых семьях до сих пор хранятся вырезанные из дерева особые куколки, олицетворяющие домашних духов-покровителей. К сожалению, увидеть их не удалось.

Нами были получены некоторые сведения о почитании огня – один из респондентов сообщил, что поклоняется огню: при входе в зимовье обязательно «брызгает» в огонь (Архив; аудиофайл

andrey090704-03). Другой житель с. Уоян рассказал, что огонь – злой хозяин, так как его никто не может остановить (Архив; аудиофайл vk090707-02). Однако, в основном, люди отвечали, что никаких особенных ритуалов, связанных с огнем нет, что свидетельствует о постепенном исчезновении традиции его почитания.

От эвенков Северобайкальского района нами было записано несколько шаманских легенд. О том, что вера в шаманов жива, указывает тот факт, что некоторые респонденты отказываются отвечать на вопросы о них. И все же о них удалось получить немало сведений. Например, то, что они могли летать (Архив; аудиофайл olga090705-04), разговаривать с духами (один из респондентов сообщил, что у его отца был приятель-шаман, который узнавал у духов исход предстоящей охоты – будет ли она удачной; Архив; аудиофайл olga090705-01).

Чаще всего как места, где жили шаманы, упоминают «священную реку Катеру» (Архив; аудиофайлы olga090705-01, olga090705-04) и Шаман-гору возле с. Кумора. Вообще, места, связанные с шаманами, особенно их захоронения, у эвенков считаются опасными. Нарушение запрета что-либо брать с таких мест для человека всегда заканчивается очень плачевно.

Подводя итоги, можно отметить, что собранный в ходе полевой этнологической практики материал подтверждает широкое бытование среди эвенков данного региона традиционных верований, хотя они, конечно, значительно разрушены временем и испытали влияние русской традиции. Их дальнейшее изучение является актуальной задачей в связи с трансформационными процессами, происходящими в российском обществе.

В.В. Медведев
Магнитогорск, Магнитогорский государственный университет

Особенности села Ивано-Кувалат
(по экспедиционным материалам)

Республика Башкортостан является многонациональным регионом, на территории которого проживают различные этносы. После русских, башкир и татар одним из крупнейших народов являются чуваши, составляющие по переписи 2002 г. большую этническую группу (117 317 чел.) [Янгузин, 2007, с. 14]. Главным образом чуваши расселены в центральной, западной, юго-западной и южной зонах [Петров, 1994, с. 6]. В южном Башкортостане чувашские селения отмечены в Кумертауском, Мелеузском, Кугарчинском, Зианчуринском, Зилаирском, Хайбуллинском районах.

На территории Зилаирского района РБ расположены три чувашских поселения: с. Бердяш, с. Ивано-Кувалат, х. Надеждинский. В настоящий момент все они являются межнациональными, преобладающее чувашское население отмечено в с. Бердяш, где ведётся возрождение чувашской культуры и преподавание чувашского языка в школе.

Изучение вышеуказанных поселений происходило в августе 2009 г., в процессе выезда в представленные населённые пункты, где проводился сбор полевого материала. Особый интерес автора вызвало с. Ивано-Кувалат, основанное переселенцами из Цивильского района Чувашии.

Этнографическим феноменом с. Ивано-Кувалат является то, что чуваши, переселившиеся во вновь образованное село, принадлежали к различным этнографическим группам низовых (*анатри*) и верховых (*вирьял*) чувашей, что, в общем, было не принято – как правило, низовые и верховые чуваши селились в отдельных селениях. Известно, что деление на различные группы у чувашей представлено в языке (укающий диалект низовых и окающий диалект верховых чувашей), материальной культуре (различные по цвету и покрою женские платья), во внутренней планировке усадьбы, интерьере жилого дома и т.д. [Петров, 1994, с. 12].

С. Ивано-Кувалат было основано в 1911 г. группой чувашей, чьи интересы представлял И.Т. Иванов. Это подтверждает копия акта покупки земли 1910 г., хранимая в историко-краеведческом музее Ивано-Кувалатской средней школы. По акту следует, что у Оренбургского Лесного Промышленного и Торгового общества, из Кананикольской дачи было куплено 2275 десятин земли в верховьях р. Кувалат по тридцать рублей за десятину. Село стало заселяться переселенцами из Белебеевского и Стерлитамакского уездов, г. Оренбурга, близлежащих сёл и хуторов (с. Кананикольское, д. Русский Бердяш, хутора Надеждинский, Александрийск, Оренбуркино). К настоящему моменту в с. Ивано-Кувалат проживает 483 чел. [Полевые.., 2009].

Вполне вероятно, что до прихода чувашей на месте села существовала башкирская деревня. Об этом свидетельствует второе название – *Колалат*, от баш. *кола* – саврасый, *ала* – пестрый, *ат* – лошадь.

Принадлежность чувашей к различным этнографическим группам *анатри* и *вирьял* сохранилась до настоящего времени. Прежде всего, это прослеживается в общественных и семейных взаимоотношениях, особенно среди людей старшей возрастной категории. К примеру, по словам В.В. Степановой (1958 г.р.), принадлежащей к верховым чувашам и вышедшей замуж в семью низовых чувашей, в семье наблюдался процесс взаимного противопоставления этнической принадлежности [Полевые.., 2009].

В настоящее время процесс противопоставления этнографических групп прослеживается у старшего поколения и частично у людей средней возрастной группы. Чувашская молодежь в силу отсутствия культурных связей с исторической родиной, незнанием родного языка, ассимиляцией со стороны русского населения, межнациональными браками не только не может определить свою принадлежность к этнографическим группам чувашей, но в большинстве случаев не относит себя к данному этносу.

Литература

Петров И.Г. Чуваши Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). – Уфа: Уфим. гор. типография, 1994. – 68 с.

Полевые материалы автора. 2009 г. Зилаирский район РБ.

Янгузин Р.З. Этнический состав населения Башкортостана (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.). – Уфа: Китап, 2007. – 124 с.

И.В. Межевикин
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Сибирский филиал Российского института культурологии

Погребально-поминальная обрядность Нижнего Приишимья: норма и практика

Погребально-поминальная обрядность как объект этнографических исследований многократно рассматривалась в научных публикациях различного уровня. Тем не менее, наблюдается некоторая недосказанность в вопросах соотнесения нормы и практики обычаев, связанных со смертью. Очевидно, что во многих случаях ситуации, описываемые информаторами, являются своеобразным идеалом того, как должна выглядеть смерть и ее ритуальное сопровождение в традиционной культуре. Некоторые нормы с течением времени видоизменяются, в то время как в литературе сохраняется прежний взгляд на ряд проблем. Целью данного исследования является выявление сходств и различий между теоретическими, многократно описанными информаторами и учеными традициями, и реально существующей на настоящий момент погребально-поминальной практикой.

Если говорить об этапах погребально-поминальной обрядности, то на первом, подготовительном, мы обнаруживаем при общем сходстве действий (сбор вещей и денег к смерти, наказы и т.п.) некоторые моменты, демонстрирующие динамику обычая на юге современной Тюменской области. Например, традиционно считается, что одежда и обувь, в которой хоронят покойного, не должна быть изготовлена из материалов животного происхождения (кожа, мех, шерсть и т.п.), т.к. в народном сознании шкуры связаны с хозяйством и плодородием, а, следовательно, закапывая их, человек лишает плодородия все живое на подворье [Очерки культурогенеза.., 1994]. В то же время, этнографическая экспедиция Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского 22 июля 2009 г. методом непосредственного наблюдения зафиксировала похороны мужчины в кожаных туфлях на кладбище около деревни Борки Викуловского района Тюменской области (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 11. Л. 16). Кроме того, многие информаторы говорят о допустимости хоронить в туфлях (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 7. Л. 25, П.о. № 9. Л. 10, П.о. № 11. Л. 8 об.). Некоторые информаторы уточняют, что в кожаной обуви хоронят молодых (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 11. Л. 7). Хрестоматийное утверждение, что женщин хоронят в платьях, тоже не носит абсолютный характер в современных условиях. Некоторые информаторы заявляют, что клали покойниц в гроб в брюках и что многие так делают (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 8. Л. 10–14, П.о. № 11. Л. 6). Очевид-

но, что во многих случаях предпочтения покойного в одежде и обуви определяют погребальный наряд в большей мере, чем религиозно-магические представления.

Также нет единообразия в понимании вопроса о том, кто должен обмывать покойника. Если одни заявляют, что близкие родственники не могли этого делать (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 9. Л. 10, П.о. № 11. Л. 7, П.о. № 12. Л. 11–14), то другие говорят о допустимости такого действия (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 13. Л. 2 об.–4, П.о. № 11. Л. 19 об.). Если в одних случаях информаторы утверждают, что мужчины должны обмывать мужчин, а женщины женщин (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 10. Л. 2 об., П.о. № 13. Л. 10 об.), то в других речь идет о «любых людях» (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 1. Л. 13–14, П.о. № 11. Л. 14) либо об опытных в обмывании старушках (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 9. Л. 10, П.о. № 8. Л. 10–14). Из имеющегося полевого материала известно, что запрет на обмывание родственниками может быть нарушен в случае соответствующего наказа: «обмывала внучка, так как свекровь перед смертью хотела, чтобы родственники ее обмывали» (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 3. Л. 9об.–11). Запрет обмывания покойного человеком противоположного пола соблюдается не всегда, порой на практике это неудобно (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 13. Л. 4). Судя по всему, в данном случае формируются новые традиции, способные развиться с уровня одной семьи до локального варианта.

Интересным представляется определение срока похорон и срока траура. Относительно срока погребения доминирует мнение, что положено хоронить на третий день. Большинство информаторов утверждает, что так принято и, что они не отклонялись от традиций (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 1. Л. 32–33, П.о. № 11. Л. 4об.–5). Эти представления имеют достаточно общий и давний характер [Байбурин, 1993, с. 119]. С другой стороны, параллельно формируется иная, менее догматически обоснованная, но вполне практичная традиция – похороны на следующий день после смерти. Одни объясняют такой обычай погодой или болезнями, признавая, что вообще положено хоронить на третий день (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 10. Л. 2об.–3об., П.о. № 13. Л. 10об.–11), другие же описывают такой обычай как устоявшуюся норму, иногда уточняя, что это норма для лета, а зимой надо хоронить на третий день (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 11. Л. 3, П.о. № 12. Л. 11об.–14). Аналогичным образом выглядит ситуация с завешиванием зеркал и прочих отражающих поверхностей тканью, запрет на прослушивание радио и т.п. Большинство информаторов утверждает, что траур заканчивается на 9-й или 40-й день (очевидно, это связано с каноническими представлениями о пребывании души на земле) (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 9. Л. 10–12об., П.о. № 11. Л. 5об.). Но при уточнении, всегда ли так происходит на практике, многие говорят, что это правило не выполняется (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 11. Л. 19об., 21).

Другой характерной особенностью является классическое описание ориентации погребения у русских – головой к западу [Мельник, 1990]. Информаторы, представляющие группу русских Нижнего Приишимья, также утверждают, что покойного кладут ногами на восток (МЭЭ ОмГУ 2009 г. П.о. № 11. Л. 19об.). Фактически наблюдается разнообразие. Некоторые соседние могилы находятся по отношению друг к другу под углами, близкими к 90º (рис. 1). По-видимому, ориентация головой к западу не всегда значима для русских юга Тюменской области.

В исследованной литературе не зафиксировано указаний на то, что намогильное сооружение для ребенка должно по размерам быть меньше, чем у взрослых погребенных. Данное правило не является писаным каноном. Тем не менее, как правило, именно кресты либо памятники на погребениях детей уступают по высоте и ширине по сравнению соответствующими конструкциями на соседних могилах взрослых (рис. 2). Также наблюдается тенденция менее общего характера к тому, что сооружения на женских погребениях меньше по размерам, чем их аналоги на мужских захоронениях. Судя по всему, намогильные конструкции в высоте и ширине соотносятся с прижизненными физическими размерами человека или его социальной значимостью.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что, помимо традиционного представления о погребально-поминальной обрядности в традиционной культуре, по-видимому, существует ее традиционное описание в научной литературе. Обряд здесь статичен и обобщен, в то время как на практике обнаруживает значительное количество локальных вариантов.

Литература

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. *Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 251 с.*

Мельник В.И. Погребальная практика и погребальный обряд // КСИА. – 1990. – С. 73–77.

МЭЭ ОмГУ, 2009. – П.о. 1, 3, 7-13.
Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 2. – 475 с.

Н.И. Нурова, И.Ю. Понкратова
Магадан, Северо-Восточный государственный университет

Традиционная посуда населения Камчатки

Любой археологический или этнографический комплекс – это результат производственной деятельности определенного человеческого коллектива в конкретных временных и пространственных рамках. Посуда, изготовленная из различных материалов, является наиболее представительной частью этого комплекса и отражает временной уровень, территориальное своеобразие, культурные традиции того общества, в котором производилась [Понкратова, 2005, с. 85].

П-ов Камчатка от эпохи палеолита до палеометалла был территорией обитания носителей ряда археологических культур – предков сложившихся позднее этносов ительменов, коряков, эвенов, а затем – камчадалов. Изучение истории традиционных обществ начинается с приходом первооткрывателей в XVII в. и продолжается по настоящий день. Основными источниками по изучению традиционной посуды населения Камчатки являются археологические и этнографические коллекции из фондов Камчатского объединенного краеведческого музея (КОКМ), Быстринского краеведческого музея (БКМ) (п. Эссо), этнографические описания, оставленные нам известными учеными, такими как В.И. Иохельсон, С.П. Крашенинников, Г.В. Стеллер, Е.П. Орлова, С.Н. Стебницкий и др., а также опубликованные данные из монографий и статей археологов Н.Н. Дикова, Т.М. Диковой, А.К. Пономаренко, И.Ю. Понкратовой.

Экономической основой существования населения Камчатки были рыболовство, морской промысел, охота на сухопутных и морских животных, кочевое оленеводческое хозяйство, собирательство. Последующим за добычей продуктов питания этапом была их обработка. И здесь на Камчатке, как и на всей территории Севера Дальнего Востока, сложился уникальный, адаптированный к экстремальным условиям севера, комплекс материальной культуры, важным элементом которого являлась посуда – непременный атрибут повседневной жизни любого общества.

Функционально всю посуду населения Камчатки можно разделить на кухонную, тарную, столовую, техническую.

В **кухонных целях** – для термической обработки пищи использовались как глиняные, так и деревянные котлы, варка в которых происходила при помощи раскаленных камней [Крашенинников, 1994; Стеллер, 1999, с. 86, 186]. Исследователями отмечается, что и коряки, и ительмены особое предпочтение отдавали сырой пище – мороженому мясу и рыбе, костному мозгу, «сухой» (вяленой) рыбе и пр. [Иохельсон, 1997, с. 108; Стеллер, 1999, с. 186]. Возможно, эта особенность явилась следствием того, что изготовление сосудов из глины хоть и имело место, но по ряду причин не было широко распространено на п-ове [Диков, 1979; Дикова, 1983; Пономаренко, 2000; Ponkratova, 2006 и др.]. Для дробления костей и мороженого мяса служил «каменный прибор» – необходимая принадлежность каждой корякской семьи. Он состоял из большой каменной плиты с гладкой ровной поверхностью и каменного пестика или молотка продолговатой формы [Иохельсон, 1997, с. 105].

Тарная посуда была необходима для упаковки, хранения и транспортировки продуктов питания и воды. Бадьи и ведра изготавливались из крепкой нерпичьей кожи или дерева – осины или тополя. Бадьи были цилиндрической формы, к ним крепили петли с широкой лямкой из тюленьей кожи, которая надевалась на лоб, и бадья поднималась на спину [Иохельсон, 1997, с. 106; Орлова, 1999, с. 71; фонды КОКМ, БКМ]. Подобный способ переносить тяжести отмечен В.И. Иохельсоном у американских индейских племен [Иохельсон, 1997, с. 106]. Часто жители Камчатки для хранения и переноски сыпучих и жидких продуктов использовали плетеные сумки, мешки-корзинки из крапивных ниток [Иохельсон, 1997, с. 140-143; Орлова, 1999, с. 71; Стеллер, 1999, с. 186]. Есть упоминание об использовании китового уса в качестве сырья для изготовления ведер ительменами [Стеллер, 1999, с. 186]. Для хранения мелких предметов коряки и ительмены использовали деревянные и берестяные коробочки [Иохельсон, 1997, с. 160-161; Орлова, 1999, с. 71; фонды КОКМ, БКМ].

Столовая посуда населения Камчатки представлена деревянными тарелками и блюдами, продолговатыми подносами, деревянными и костяными ковшами, чашками из рога оленя и горного барана [Иохельсон, 1997, с. 106, 113; фонды КОКМ, БКМ].

Техническую категорию посуды древнего населения Камчатки составляют светильники (или жирники), служившие в основном для освещения жилища [Иохельсон, 1997, с. 104-105; Орлова, 1999, с. 23]. Жирники были частой принадлежностью жилищ населения севера – они позволяли с максимумом экономии топлива (что чрезвычайно важно в долгие снежные и холодные зимы) обогревать и освещать внутреннее пространство жилищ. Корякские светильники делали из песчаника в виде мелкой чаши и располагали ее на специальной деревянной подставке.

Условно к технической посуде можно отнести специальные ночные горшки коряков – необходимый предмет в домашнем обиходе, называемые В.И. Иохельсоном «сосуды для урины» [Иохельсон, 1997, с. 107]. Изготавливались они из осины или тополя.

С приходом русского населения в XVII в. на Камчатке традиционная посуда постепенно вытесняется более прочной железной и медной утварью.

Литература

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Дикова Т.М. Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М.: Наука, 1983. – 232 с.

Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. – СПб., 1997. – 238 с.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – СПб., 1994. –Т. 1 – 439 с.

Орлова Е.П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. – СПб., 1999. – 199 с.

Понкратова И.Ю. Посуда в быту и хозяйстве древнего населения Чукотки // Вестник Северо-Восточного научного центра Дальневосточного отделения РАН. – 2005. – № 1. – С. 85-95.

Пономаренко А.П. Древняя культура ительменов Камчатки. – Петропавловск-Камчатский, 2000. – 312 с.

Стебницкий С.Н. Очерки этнографии коряков. – СПб., 2000. – 236 с.

Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский, 1999. – 286 с.

Ponkratova I.Y. Pottery Industries in the North of the Russian Far East // Archaeology in Northeast Asia. – University of Oregon Anthropological Papers. Eugene, Oregon. – 2006. – P. 129-158.

Н.А. Нурсалиева

Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

О родовой структуре казахов Республики Алтай

Казахи Кош-Агачского района относятся не к коренному населению. Сведения, содержащиеся в литературе, архивных документах и полевых материалах, свидетельствуют о появлении казахов в Чуйской степи в последней трети XIX в. Переселение было вызвано ограничением пастбищных угодий в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области в результате колонизационной переселенческой политики царской администрации. Сначала казахи откочевали из местности Катон-Карагай (Северо-Восточный Казахстан) в Монголию, где они находились примерно в течение 10 лет, и уже оттуда переселились на Южный Алтай из-за нехватки пастбищ, а впоследствии – массового падежа скота. Перекочевки из Казахстана через государственную границу России имели место и ранее, но обычно завершались возвращением на территорию исхода [Коновалов, 1986].

Переселению аулов из Монголии в Чуйскую степь предшествовали переговоры предводителей казахов с алтайскими зайсанами и подношение подарков. Предводители казахов договорились с алтайскими зайсанами в начале 80-х гг. XIX в. о переселении пятидесяти юрт, однако, на территории Чуйской степи расположилось около ста юрт, а уже к 1890 г. их количество увеличилось до двухсот. В помощь при переселении казахам со стороны алтайцев был выделен скот. В дальнейшем, до середины 30-х гг. XX в., казахи переселялись в Кош-Агач небольшими группами – в основном, по линии родственных связей, непосредственно из Казахстана [Коновалов, 1986].

С тех пор казахи проживают в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Самосознание современных казахов Алтая, как и всех представителей казахского этноса, имеет иерархичный ха-

рактер. Основой самоопределения является общеэтническое имя – казах. Затем по родословному признаку делятся на жузы.

Всего жузов – три: Улу жуз (Старший, или Большой, жуз), Орта жуз (Средний, или Срединный, жуз) и Киши жуз (Младший, или Малый, жуз). Сегодня основная масса казахов Кош-Агачского района относит себя к Среднему жузу. В истории казахов жузами принято называть определённые союзы племен. По родоплеменному составу казахи Кош-Агачского принадлежат, в основном, к племени найманов. Согласно материалам А.Н. Самойловича, к другим племенам Среднего жуза относились: 4-5 семей к кереям, 30 семей к уакам [Октябрьская, 1997].

Казахи определяют свою родовую принадлежность именем реально существующего предка, обычно прапрадеда по отцу. Казахстанские казахи обозначают родовые подразделения словом «ру», а Чуйские казахи – «сюек», на что обратил внимание А.Н. Самойлович, посетивший Чуйскую степь в 1927 г. Также А.Н. Самойлович отметил, что из найманских подразделений представлены два крупных рода Эргенекти – Кёкжарлы, Каратай. Кроме этих подразделений, имеется подразделение Каракерей. Он выделил 4 подрода Каратай – Саргалдак, Даулет, Шонг-Мурун, Кендже-чагыр, 3 подрода Каракей – Самай, Акнайман, Кожамбет [Самойлович,1930].

Казахи Кош-Агачского района по родовому признаку преимущественно относятся к подродам самай и саргалдак. Подрод саргалдак делится на 9 поколений (ата): Кулджабай, Эсембай, Джолдубай, Токпай, Колком-бай, Джыл-гельди, Кюрчюм-бай, Марал, Алтыбай.

Подрод самай делится на 11 поколений: Джетиген, Джигит, Аталык, Тогон, Кара-шолак, Кыйсык, Кенджес, Бюке, Сатып-алды-Бюке, Темирчи, Меже [Коновалов,1986].

У коренного населения алтайцев существует легенда про подрод ак найман, которую рассказала наш информатор Валентина Александровна Муйтуева.

Когда-то на Алтае, наряду с кара и когол найманами, жили и ак найманы. Представитель из рода ак найман сожительствовал с матерью. Узнав об этом, алтайцы весь род ак найман выслали из Алтая. Данные сведения алтайцы держали втайне.

По данным Ш.Кудайбердиева, Ак найман приходился приёмным сыном Байторе [Кудайбердыев, 1990].

У казахов Чуйской степи существует насмешки в отношении отдельных родовых делений. Людям из рода Саргалдак говорят, чтобы они не ели много пшена, так как человек из этого рода, по имени Кетеш, объелся пшена и лопнул. Человек из рода Самай, по имени Джамам-бай, тоже лопнул, объевшись картошкой, и поэтому самаев предостерегают от злоупотребления картофелем. Про джетигенов говорят, что у них у воротников пуговицы нет и у коня – удилов. Про бюйдаканов говорят, что когда они ездят верхом, то не касаются седла, и по этому признаку их можно узнать [Самойлович, 1930].

В среде казахов Алтая твердо соблюдается запрет брать супругов из собственного подразделения (подразделения отца) в интервале 7 поколений (менее жестко – из подразделения матери). Похороны, будучи итогом земной жизни, отчётливо обозначали социальную значимость человека: количество людей, пришедших проститься с покойным, и размеры внесенных ими пожертвовании служили зримым воплощением статуса личности в иерархии отношении родства и свойства [Октябрьская, 2005].

По нормам обычного права казахов Юго-Восточного Алтая на похоронах сегодня обязаны присутствовать представители всех генеалогических (родовых) групп, с которыми связывают брачные, экономические и др. контакты. Представители наиболее значимых родов – не менее 5-7 человек – должны участвовать во всех погребально-поминальных процедурах, включая омовение, рядом с покойным во время последнего прощания находились 5-7 старейшин, каждый из которых, читая суру Корана, выражал покойному почтение своего рода.

Итак, казахи с давних времён и в настоящее время сохранили родовые связи, традиции.

Литература

Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая (проблемы формирования этнической группы). – Алма-Ата: Наука, 1986.

Кудайбердиев Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. – Алма-Ата, 1990.

Октябрьская И.В. Казахи Алтая. История и современность // ЭО. – 1997. – № 6. – С. 92-101.

Октябрьская И.В. Казахи Алтая: проблема новых идентичностей // Этнография Алтая и сопредельных территорий (мат-лы конф.). –Барнаул, 2005. – Вып. 6. – С. 39-46.

Самойлович А.Н. Казахи Кош-Агачского аймака Ойротской автономной области // Казахи. Материалы комиссии экспедиционных исследований. – Л., 1930.

Д.Э. Ондар
Кызыл, Тывинский государственный университет

Национальная борьба «хуреш» как этнографический источник изучения культуры тувинцев

Национальная борьба хуреш – неотъемлемая часть национальной культуры народов Тувы. Во всех сокровищницах народного фольклора о хуреше говорится как о самой любимой спортивной забаве тувинцев с давних времен. Все герои тувинских сказок все являются отменными борцами или, в крайнем случае, среди них нет человека, который бы не умел бороться. В них, прославляя и благословляя хорошие черты, физические качества героев, народ показывает победу над черными силами и создание счастливой жизни на земле. Так, предки тувинцев с образом борца–богатыря связывали свое стремление к свободе, счастливой жизни и стремились осуществить свою мечту. Национальная борьба хуреш – старинный, любимый тувинцами вид спорта. Борьба хуреш сыграла очень большую роль в жизни тувинца. Она стала школой преодоления жизненных трудностей и прививки победного духа [Ооржак, 2005; Самбу, 1978; Чадамба, 2000, 2004].

В прошлом чиновники, феодалы и ламы, угнетавшие народ, использовали состязания по хурешу для усиления своего авторитета. Судьями на них всегда были представители господствующих слоев или же их ставленники. У народа были свои борцы, которые по силе и ловкости не уступали наемным борцам феодалов. Они пользовались большой популярностью среди населения, и память о них сохранилась до наших дней. Например, до сих пор в Туве вспоминают имена знаменитых борцов из среды аратов-бедняков. Особой популярностью пользуются имена Тозура – борца Тес-Хемского аймака, которому было присвоено звание «хаа» (сильнейший из борцов); Арбака – сильнейшего тувинского борца Бай-Тайгинского района; Ба-Хоо, Отканчика, Кудерека – борцов из Тес-Хема и других [Ооржак, 2006; Чадамба, 2000].

С падением власти чиновников, феодалов и лам хуреш стал подлинно национальным и любимым видом спорта всего тувинского народа. С давних пор и поныне тувинцы ставят национальную борьбу в любом празднике на первое место. В 1903 г. Ф.Я. Кон, ссылаясь на народный фольклор, писал, что национальная борьба у тувинцев существовала очень давно.

Официальные первенства Тувы по хурешу стали проводиться с 1921 г., после образования Тувинской Народной Республики. Чанман Монгуш Балчын-май оглу является первым чемпионом ТНР по борьбе хуреш 1921 г. и подтвердил это высокое звание в 1922-1923 гг. Ему присвоено самое высокое звание «Чаан (Слон) моге Республики». Среди народа борцы–хурешисты занимали высокий социальный статус, их уважают, почитают и они являются ярким примером для последующего поколения. Победить в хуреше очень трудно, но тот, кто сумел выиграть, становится народным героем и даже живой легендой. Таким народным героем сегодня является Аяс Монгуш.

Аяс Монгуш – борец из породы победителей, семнадцатикратный чемпион Республики Тыва по хурешу – 1991, 1993-2008 гг. Он – двукратный чемпион мира, абсолютный и пятикратный чемпион Европы по борьбе сумо в весовой категории до 115 кг, чемпион Азии по борьбе самбо, заслуженный мастер спорта России и единственный борец, удостоенный самого высокого звания – Чаан (Слон) моге Республики Тыва. Непобедимость Аяса Монгуша – это гимн счастливому творческому сотрудничеству таланта, труда и знания своего дела, его имя занесено в Государственную книгу «Заслуженные люди Тувы XX века» [Ооржак, 2006].

В настоящее время хуреш – это спортивный поединок, но смысл этого поединка не ограничивается чисто спортивными результатами. Хуреш – самобытная тувинская традиция, это, в конце концов, своеобразный кодекс чести. Схватка борцов – это не только состязание в силе и ловкости, это еще и состязание умов. Достичь результатов в борьбе могут лишь люди гибкого ума, способные быстро и точно ориентироваться в сложнейшей обстановке, молниеносно принимать решения. Хуреш учит всех не сдаваться, а идти вперед. Надо жить, чтобы бороться, надо бороться, чтобы

побеждать. И в то же время жизнь удовлетворяет естественное желание человека помериться силой, показать свою ловкость и смелость [Ооржак, 1985].

В то же время, борьба хуреш – не только соревнования, демонстрирующие мощь и силу человека, не только призы, слава и почет, завоеванные спортсменами, а, прежде всего, упорная подготовка и тяжелый труд борцов. То, что слава борцов, переходя из поколение в поколение, навсегда остается в народной памяти – результат поистине неустанных, ежедневных усилий этих богатырей. Доступность, эмоциональность и естественность борьбы хуреш – вот преимущества перед другими видами спортивных единоборств.

В мае 2009 г. произошло реформирование хуреша: появились новые правила проведения состязаний. Есть и запрещенные приемы: зажим мышц противника, прижим обеих рук, удары ногой выше колена, толчки головой и т.д. Применение запрещенных приемов лишает борца права участвовать в соревнованиях. Заслуженные борцы имеют больше прав в спорных ситуациях. Например, на последнем этапе они могут выбрать себе соперника. До сегодняшнего дня новые правила в народной среде являются спорными, но все-таки соревнования стали проводить по последним изменениям.

Соревнования проводятся по олимпийской системе – проигравший выбывает. В традиционной борьбе хуреш не существует подразделения участников соревнований на весовые категории, также нет ограничений и во времени.

Техника борьбы хуреш – это определенная система действий, направленная на достижение победы. Практика борьбы позволила выработать наиболее эффективные структуры действий, которые подразделяются на атакующие, защитные и контратакующие. Тактика борьбы хуреш – это умелое использование технических, физических и волевых возможностей сложившейся ситуации в схватке и соревнованиях. Тактика, наряду с техникой, является основой мастерства борца.

Экипировка борцов чрезвычайно проста и демократична. Она представляет собой традиционную форму – содак, шуудак (специальные куртки и короткие брюки, изготовленные из плотного простеганного шелка) и идик (тувинская национальная обувь).

Участие в соревнованиях моге салыкчылары (секундантов) и выполнение борцам ритуального танца – девиг (танец орла) под торжественную музыку делает хуреш необыкновенно зрелищным и красочным [Кривлик, 1992].

На современном этапе хуреш все более и более процветает. Неудивительно, что борец–хурешист одновременно и примерный семьянин, и верный друг, и профессионал своего дела. В последнее время правительство Республики Тыва оказывает большую поддержку в развитии национальной борьбы хуреш. В то же время надо отметить, что ценности у борцов меняются в условиях трансформации общества. Если раньше самой сокровенной ценностью для борца была популярность среди населения, то теперь параллельно с этим идут ценности, связанные с материальными интересами. Но традиционный образ борца–хурешиста является ярким примером для последующего поколения и не утрачивает до сих пор своей привлекательности.

Кроме поддержки правительства Республики Тыва, борцу оказывают моральную и материальную поддержку и близкие ему люди. Это заложено в менталитете тувинского народа: всегда и везде не оставлять человека в беде.

Особенно нас радует тот факт, что каждый тувинский мальчик знает приемы хуреша и хочет стать борцом–хурешистом, а каждый второй уже успел поучаствовать в соревнованиях. Да и каждый тувинский мальчишка много раз был победителем, как и много раз оказывался побежденным. Они знают, что такое хуреш! Главная радость – хуреш дает возможность соревноваться, испытывать друг друга. Хуреш учит многому – и мужеству, и сплоченности в дружбе. В состязаниях по хурешу все больше и больше участия стала принимать молодежь. Это показывает, что хуреш стал подлинно национальным и любимым видом спорта.

Таким образом, можно сделать вывод, что хуреш является традиционным и любимым видом спорта тувинского народа. Хуреш также является философией победы, т.к. каждый стремится быть на вершине и хочет почувствовать вкус победы, но для борца не столь важно, кто будет победителем, а интересен сам процесс проведения состязания. Очень важным является то, что тувинец, прошедший школу борьбы, сумеет преодолеть и победить все невзгоды и трудности.

Хуреш является ритуализированным и зрелищным соревнованием, сопровождающимся хвалебными песнями в честь победителя. Хуреш надо видеть и чувствовать, ибо за каждым движением борца скрывается музыка его души.

Литература

Ооржак С.Ы. Знаменитые борцы Тувы. – Кызыл,2006.
Кривдик В. Танец орла. – Кызыл,1992.
Ооржак С.Ы. Хуреш. Первые шаги. – Кызыл, 2005.
Ооржак С.Ы. Борьба сильнейших. – Кызыл, 1985.
Самбуу И.У. Тувинские народные игры: историко-этнографические очерки. – Кызыл, 1978.
Чадамба В.Ф. Борцы столетия: очерки, зарисовки, статьи журналиста.– Кызыл, 2000.
Чадамба В.Ф.Любимые игры тувинцев. – Кызыл, 2004.

О.Х. Ооржак
Кызыл, Тывинский государственный университет

Женщины – исполнители горлового пения (хоомея) в Туве

На поляне, в обрамлении деревьев и напротив озера, когда солнце уныло стоит на западе, на земле сидит человек и исполняет горловое пение. Поет так красиво, что можно услышать стук лошадиных копыт, журчание речки, пение птиц. И все это волшебное великолепие естественно вливается в душу человека и с кровью разливается по жилам, обостряя чувство прекрасного как неотъемлемую природную способность каждого. Представили? И, конечно, певец горлового пения, который вам представился, – мужчина. Все потому, что горловое пение исстари считалось исключительно мужским делом, и точка. На самом деле так головокружительно пела горловое пение женщина-мать.

Самые прославленные гении человечества рассматривали совесть любого общества в связи с его отношением к женщине, так как она, то божественное создание, которое дает силу жизни. Женщина есть душа, опора, свет и тепло семьи. Она – мать. Любая нация черпает жизненные силы из семьи, оттуда берет начало родник, ведущий в будущее. Очевидно, именно отсюда исходило в древних тувинских семьях уважение и преклонение перед культом женщины-матери. Однако, только материнством не ограничивалась роль тувинских женщин. Они повсеместно играли значительную роль в общественной жизни и даже с успехом овладевали горловым пением. До сих пор нет серьезных обобщающих работ о роли исполнительниц горлового пения в истории тувинского народа.

Исполнение горлового пения женщинами в Туве порождало самые разнообразные мнения и эмоции среди людей, включая восхищение, удивление, сомнение и даже неприятие. Горловое пение Тувы отличается от горлового пения других регионов Центральной Азии разнообразием типов, методов, точности и уникальных качеств исполнения. Известно, что певцы и певицы Тувы исполняют те же виды хоомей. Вопрос, когда женщины в Туве начали исполнять хоомей, имеет много разноречивых ответов среди научных работников, музыкальных исследователей и исполнителей-мужчин. Согласно легендам, в древние времена именно женщина впервые исполнила горловое пение. Возможно, это так и было, и в этом нет ничего плохого, потому что голос происходит от природы и от матери. Некоторые мастера горлового пения в свою очередь обучали, давали им консультации, так как у девушек были неповторимые, красивейшие, единственные в своём роде голоса.

До сих пор многие считают, что горловое пение – не женское дело. Это связано с тем, что запреты имели целью оградить женщин от этого физически сложного акта. Главное предназначение женщины – выносить и родить ребенка. Так зачем ей такие нагрузки, как исполнение горлового пения? А раньше так и вообще считалось, что женщина, которая поет горлом, забирает у мужчин их силу, власть в каком-то смысле, ибо горловое пение символизирует мужскую удаль, вдохновение доброго молодца. До сего дня многие мужчины в Туве считают, что женщины, занимающиеся горловым пением, будут рожать неполноценных детей. На протяжение многие веков тувинские женщины не нарушали этот запрет. Табу вокруг женского хоомей часто подавляли талант некоторых женщин, одарённых природой, и если они не следовали запретам, то родственники могли принудить их не петь.

Но эту мозаику фактов еще нужно сложить в общую картину. Что же касается наших знаний о женской доле в прошлом и в настоящем. Это обстоятельство отчасти объясняется сложившимся

мнением, что тувинка, прежде всего как жена, будто во всех случаях жизни она нуждалась в муже, его защите, и как мать заботилась о детях – она была хранительницей домашнего очага.

Популярность исполнения горлового пения можно проследить в героических сказаниях. В сказании «Силач Шагаан-Тоолай», записанном от сказителя Тевек-Кежеге, интересно то, что женщина-ханша исполняет горловое пение в стиле сыгыт: «…Ханша Малчын-Эге хана заунывную песню свою поет, заунывный сыгыт свой исполняет (и) преподносит чарку ему, оказывается…» [Орус-оол, 1994, с. 6.]

Итак, на протяжении истории музыки Тувы мы видим, что женщины издавна исполняли хоомей. Например, в процедуре «бызаа алзыры», или приучения сироты-теленка к матке. Чтобы чужая корова стала родной матерью для сироты-теленка, тувинка-горловик проводит специальный прием, «инек хооглээр», смысл которого заключается в звучании особого мелодичного музыкального напева для чужой коровы, чтобы она приняла сироту-теленка как родного. Мелодический напев «инек хооглээри» женщины-горловика звучит так грустно, так печально и так лирически, что корова становится смиренной и готовой к приему сироты-теленка. Древний прием горлового пения «инек хооглээри» всегда спасал жизнь сироты теленка [Кенин-Лопсан, 2008, с. 4-5.]

Некоторые из этих женщин держат свой талант при себе и поют только на природе и только для себя. Тем не менее, в нашей истории есть факты, которые говорят нам о певицах, которые не стыдились и не боялись исполнять хоомей. Они пели хоомей, сыгыт и каргыраа тувинцам, которые слушали и принимали их с душой. Также было доказано, что женщины могут заниматься этим искусством без вреда своему здоровью или осложнений при родах. Одна из них, храбрейшая и одарённая женщина – Чолдак-Кара Оюн остаётся живой легендой и в наши дни. Она – мать известной исполнительницы горлового пения начала 1900-х, Сорукту Кыргыс. Чолдак-Кара Оюн была женой кузнеца и матерью его детей [Мунзук, 1991, с. 3].

В те времена у женщин Тувы было много работы по хозяйству. Она должна была держать дом в чистоте и порядке, растить множество детей, шить одежду и обувь из кожи мелкого рогатого скота, кормить семью, выращивать пшеницу и овёс и присматривать за скотиной. Было очень трудно найти свободное время для хоомей и играть на музыкальных инструментах, но теперь женщины могут заниматься чем-нибудь ещё, если это не во вред её обязанностям. От стародавних времен и до наших дней хоомей давал людям ощущение покоя и положительной энергии, независимо от того, исполнялся он женщинами или мужчинами.

В годы советской власти женщины Тувы редко выступали на сцене, исключением были Республиканские фестивали. Валентина Чулдум из Монгун-Тайги (1960 – осень 2002, умерла в возрасте 42 лет) преодолела эти трудности. Она ездила с концертами по странам Европы в начале 1990-х гг. и открыла дорогу другим молодым женщинам-музыкантам. С началом деятельности Международных Симпозиумов по Хоомей женщины, наконец, смогли петь на публике.

В настоящее время в Туве официально зарегистрировано 27 исполнительниц горлового пения. Наши женщины очаровывает каждого человека своими неповторимыми и уникальными талантами. Одной из наиболее популярных является первая и единственная в Туве женская группа, которая представляет все стили горлового пения. «Тыва кызы» рискнули выступить на публике с этим древним искусством в своём собственном уникальном «женском» стиле.

Одной из самых талантливых женщин является Сайын-хоо Намчылак – женщина энергичная с загадочным шаманским голосом. Техника ее пения беспрецедентна – от тувинского горлового стиля «хоомей» к вызывающим головокружение самым низким и самым высоким пределам джазового вокала.

«Человек – это великолепно! Это звучит …гордо!» Можно высказать эти слова Максима Горького по отношению таких безгранично талантливых людей как наши прекрасные исполнительницы горлового пения.

По-моему, относительно роли женщины в горловом пении нет общего мнения ни среди мужчин, ни среди женщин. Я считаю, что женщина сама должна сделать выбор между семьей и карьерой. А если женщина работает, то она не может в полной мере отдаваться семье. И, наоборот, семейные проблемы мешают женщинам в становлении карьеры. Любая женщина имеет право на счастье. Горловое пение для наших исполнительниц хоомея также важно как глоток воды для охваченного жаждой путника в пустыне. Женщины наравне с мужчинами должны хранить древнее искусство хоомея, глубокую веру и надежду на лучшее будущее.

Кто бы ни исполнял горловое пение мужчина-женщина, ребенок-старик все равно когда слушаешь хоомей, всегда чувствуешь горы-реки-поля-природу, и мы говорим себе: «Это же наше родное!».

Литература

Кенин-Лопсан М. Б. Бызаа алзыры // Мелодии хоомея 4. – Кызыл: МНЦ Хоомей, 2008.

Мунзук К. Н. Хоомейлээр эне Чолдак-кара // Энее созу 1991, октябрь, № 10.

Орус-оол С.М. Горловое пение в фонограммархиве ТИГИ // Тез. науч. докл. 4-го междунар. этномуз. симпозиума «Хоомей (горловое пение) – феномен культуры народов Центральной Азии». – Кызыл: МНЦ «Хоомей», 1994.

Д.А. Пантюхин

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Обряд Быкобой в Коми-Пермяцком селе Большая Коча

30 августа 2009 г. в Большой Коче Кочёвского района Пермского края в честь 430-летия села в рамках районного фольклорного фестиваля в третий раз за последние десять лет был проведен возрожденный в конце XX столетия традиционный коми-пермяцкий обряд Быкобой.

Самое раннее упоминание о Быкобое мы находим в «Записках уральского общества любителей естествознания» за 1887 г. М. Малахов, подробно описывает обряд, который совершался в престольный праздник Большой Кочи – в день святых Флора и Лавра, покровителей домашних животных (как его здесь называют – Пролавер) [Малахов, 1887]. Позже о нем писали И.Н. Смирнов, Я. Шестаков [Смирнов, 1891; Шестаков, 1909] и другие авторы.

Центральной частью Быкобоя было приношение в жертву быков, которых в Большую Кочу приводили по обету со всех близлежащих деревень и сёл. Рядом с часовней на берегу р. Онолва священник освящал быков, тут же их закалывали и разделывали. Мясо варили в больших котлах и все, кто присутствовал на празднике, участвовали в общей трапезе. По сообщениям очевидцев, количество приносимых в жертву животных могло достигать 80 голов, и поэтому Онолва была буквально наполнена кровью. Но эта вода считалась священной, помогающей от всех болезней, и многие из присутствующих здесь людей умывались ею. Без сомнения, обряд имел языческие истоки, хотя и принял христианскую окраску – приуроченность ко дню святых, участие священника и т.д.

Традиция проведения обряда в этой форме прервалась в 1913 году, что, возможно, связано с началом Первой мировой войны. Сам же праздник принял иную форму и продолжил своё существование в виде принесения в жертву, например, курицы. При этом, по сообщению большекоченцев, для этого необязательно было идти на берег Онолвы (Архив полевых исследований и материалов УНЦСА РГГУ, 2009).

В 1999 г., основываясь, главным образом, на описании М. Малахова, была предпринята попытка возродить обряд в традиционной форме. Пригласили даже священника из районного центра для освящения жертвенного быка. Правда, церковное начальство «выслало его в наказание» за участие в обряде, как говорят большекочинцы, служить в каком-то удаленном селе Сибири (Архив полевых исследований и материалов УНЦСА РГГУ, 2009).

В 2000 г. Быкобой провели снова, и это было запечатлено известным режиссером-документалистом Анатолием Балуевым. Его фильм «Быкобой» не просто обошел всю страну, но и завоевал уже 8 престижных премий на различных кинофестивалях, а сам автор в 2002 г. был награжден Государственной премией Российской Федерации. Служителей церкви на празднике уже не было. Жертвенного быка «освящал» один из самых уважаемых и знающих традиции жителей Большой Кочи – В.И. Гагарин. В последующие же годы сельчане не могли найти финансирования на проведение обряда.

А в 2009 г. в Большой Коче праздновали 430-летие образования села и благодаря учреждению фольклорного фестиваля в районе большекочинцы снова смогли провести Быкобой (фото 1, 2). Но если реконструировать традиционную форму празднования Пролавра возможно, то восстановить его содержание оказалось задачей гораздо более трудной и, как нам представляется, в настоящее время невыполнимой.

Рис. 1. Женщины умываются речной водой во время обряда Быкобой (с. Большая Коча, 30 августа 2009 г., фото Д.А. Пантюхина)

Рис. 2. Мясо жертвенного быка раздаётся всем желающим (с. Большая Коча, 30 августа 2009 г., фото Д.А. Пантюхина)

Литература

Архив полевых исследований и материалов УНЦСА РГГУ, 2009.

Малахов М. Быкобой у пермяков в день святых Флора и Лавра // Зап. / Урал. Об-ва любителей естествознания. – Т. 11, вып. 1. – 1887. – С. 85-96.

Смирнов И.Н. Пермяки. – Казань, 1891.

Шестаков Я. Жертвоприношение пермяков-христиан в день Флора и Лавра // ЭО. – 1909. – № 4. – С. 32-36.

А.М. Попошева
Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

Вопросы обеспечения правовой основы деятельности национальных общественных объединений в Республике Алтай. Легализация института зайсанов у алтайцев*

Полиэтничный состав населения характерен для многих субъектов Российской Федерации. Среди них – Республика Алтай, расположенная на юге Западной Сибири в центре Евразии. По национальному составу население ее смешанное: сегодня на территории республики проживают представители двадцати с лишним наций и народностей.

Коренной народ республики – алтайцы – имеют в своей среде другие этносы. В соответствии с этнолингвистической классификацией, принятой в академической науке, алтайский этнос в XIX-XX вв. был разделен на субэтносы: южные – алтай-кижи, теленгиты, телесы и северные – кумандинцы, тубалары и челканцы. По статистическим данным и данным интегрального мониторинга в республике насчитывается примерно 536 кумандинцев, 1689 челканцев и 2664 тубалара, что составляет 2,4% от общей численности населения республики. Постановлением Правительства Российской Федерации № 255 от 24 марта 2000 г. тубалары, челканцы и теленгиты отнесены к малочисленным народам России [Табаев, 2004].

Процесс национального самосознания в России взял большие обороты в середине 90-х гг. XX в. Следствием данного процесса явилось преобразование субъектов из одного статуса в другой, появились различные по своей деятельности и целям национальные общественные организации.

В Республике Алтай осуществляют свою деятельность 22 национальных объединения, среди них объединения казахов, русских, которые работают по разным направлениям по сохранению своей культуры. Интересы коренных малочисленных народов республики представляет и защищает Ассоциация коренных малочисленных народов. Родовое деление алтайцев определено устойчивыми родовыми объединениями. Заметная роль в интеграции сеоков (родов), налаживании контактов по родовой взаимопомощи ощущается в работе крупных родовых объединений. Это, к примеру, объединения «Майман», «Иркит», «Тодош».

Свою политическую историю имеет институт зайсанства у алтайцев. Первоначально зародившись в Джунгарском ханстве как судебный орган (зарго), он прошел свой исторический путь, изменяя и дополняя свои функции в зависимости от необходимости регулирования определенных общественных отношений, а также от политической ситуации в государстве.

Зайсаны – старейшины родовых союзов (сеоков) регулировали внутриродовые отношения, отношения своего сеока с другими сеоками, осуществляли правосудие над сородичами, совершившими проступки. Основная сфера его деятельности – брачно-семейные вопросы: сватовство, развод, уплата калыма, раздел имущества и др. Так, на раннем этапе сложилось обычное право алтайцев – совокупность норм неписаного права, обязательных для исполнения. На ранних этапах развития любое право зарождалось именно в форме обычного права, притом, неписаного. Хранителями его являлись старейшины социальных групп, наиболее уважаемые люди, у алтайцев – зайсаны.

В Советский период зайсанство прекратило свое существование. Возрождение традиционных культур, рост этнического самосознания 90-х гг. XX в. востребовали возрождение данного института.

В 1997 г. был разработан проект закона «О родовой общине алтайцев и других этнических общностей Республики Алтай». Проект закона трижды был предметом рассмотрения на сессии парламента Республики Алтай Государственного Собрания – Эл Курултай: на 17-ой сессии 28 июня 2000 г., на 20-ой сессии 15 февраля 2001 г. и на 23-й сессии 26 июня 2001 г., на которой был принят. Однако, указом Главы Республики Алтай от 17 июня 2001 г. на принятый закон было наложено «вето».

Цели и задачи родовых общин закреплены в статье 9 законопроекта: это – создание условий по реализации естественного права алтайцев на организацию и существование собственных институтов самоуправления; развитие традиционных промыслов, ремесел и методов хозяйствования алтайского народа; внедрение в жизнь алтайцев норм, обычаев и традиций, способствующих росту националь-

* *Работа выполнена при поддержке РГНФ № 09-03-61302 а/Т*

ного самосознания, культуры, уважения к старшим и т.д. Зайсанат уполномочен был осуществлять свою деятельность на правах общественного объединения.

Так, централизованного объединения зайсанов в настоящий момент не существует. 12 зайсанов в республике являются представителями 12 сеоков. Некоторые из них – члены общественного движения «Курултай алтайского народа». Возглавляет объединение Эл Башчи (глава алтайцев республики). У алтайцев каждого района республики есть свой Башчи (глава), который взаимодействует с Эл Башчи.

Исполнительный орган Курултая алтайского народа – Тёс Тёргё – правомочен работать в течение трех лет, по истечении которого избирается новый состав его членов из 28 человек. В его состав входят люди, представители разных профессий, заинтересованные в содействии в работе по социально-культурным и политическим вопросам в деле развития алтайской культуры. Это языковеды, учителя, журналисты, представители алтайцев районов, зайсаны сеоков и др. Также в составе Тёс Тёргё состоят представители коренных малочисленных народов республики, что свидетельствует о необходимом сотрудничестве алтайцев, челканцев, теленгитов и тубаларов, подтверждающем их общую историю и схожую культуру.

Последний V Курултай (Конференция) алтайского народа, состоявшийся 8 апреля 2009 г., определил направления деятельности на 3 года (на срок избрания).

В своей работе по внедрению традиционных норм (речь идет не об обычном праве, а касается рекомендации о правильности применения обычаев и традиций) и разработке культурных программ общественная организация действует через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Взаимодействие, практически, всех общественных организаций с государственными органами и органами местного самоуправления предусмотрено российским законодательством, нормативными актами, регулирующими деятельность общественных организаций и иными законами, которые предполагают содействие органов государственной власти общественным объединениям.

Процессы всемирной глобализации и политические процессы, которые приводят к медленному снижению уровня национального самосознания и утрате этнического колорита в общественной жизни различных национальностей, применительно к Республике Алтай, потребовали особого взаимодействия общественного движения «Курултай алтайского народа» с органами государственной власти. Ставится вопрос о легализации института зайсанства на государственном уровне. Подготовлен новый измененный проект закона «О родовой общине алтайцев и коренных малочисленных народов Республики Алтай». Принятие данного закона позволит создать правовую базу действующим общественным организациям и объединениям алтайцев по родам (сеокам) и тем, которые будут образованы в дальнейшем. В настоящий момент деятельность таких объединений республиканским законом не урегулирована. В проекте учтено все новое законодательство России, в том числе Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», федеральные законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Литература

Табаев Д.И. Современная этнополитическая ситуация в Республике Алтай: тенденции и проблемы // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск., 2004. – Вып. 6. – С. 255.

А.А. Пятакова
Магадан, Северо-Восточный государственный университет

Декоративно-прикладное искусство эвенов Магаданской области на примере сумок

Традиционное декоративно-прикладное искусство – неотъемлемая часть истории любого народа. В этом искусстве проявляются национальные обычаи, основные занятия, традиции изготовления предметов быта. Изучение традиционного искусства малочисленных северных народов – коряков, чукчей, эскимосов, эвенов и др., необходимо для сохранения их национальной культуры.

Основными районами проживания эвенов в Магаданской области сегодня являются Ольский и Северо-Эвенский. Более 700 эвенов живет в колымских районах области, в том числе в Омсукчанском, Сусуманском, Среднеканском, Хасынском, Ягодинском и Тенькинском [Кривошапкин, 1997. с. 16].

Эвены традиционно вели кочевой образ жизни. Их основные занятия – охота, оленеводство, рыболовство, собирательство. Исследователь материальной культуры эвенов Охотского побережья У.Г. Попова отмечает их способность легко сняться с одного места и быстро перебраться на другое [Попова, 1981, с. 122]. Возможно, этим объясняется наличие у эвенов разнообразных сумок, в которых хранились и упаковывались во время перевозки все домашние вещи.

В ходе исследования были определены такие виды сумок, как – мешки-кукули, хозяйственные сумки, сумки для рукоделия, чехлы, футляры (Фонды МОКМ). Каждая сумка имела определенное место в быту эвенов. В мешках *кукулях* хранили покрышки для юрты, запасную одежду и обувь. Хозяйственные сумки предназначались для хранения продуктов и сыпучих веществ [Андреева, Сем, 2004, с. 178]. Для рукоделия у каждой эвенской мастерицы была своя собственная сумка *авсы.* В такой сумке хранили швейные принадлежности, и для каждой вещи отводилось специальное место [Там же, с. 178].

Среди маленьких сумочек нельзя не отметить сумку *окульча* [Андреева, Сем, 2004, с. 181]. Она была предназначена для хранения хрупкого и ломкого, но необходимого для вышивки лосиного и оленьего подбородного волоса.

Для хранения мелких стружек предназначалась сумочка *авык* [Каплан, 1980, с. 52] Стружкой вытирали лицо и руки при умывании, а также вытирали посуду после мытья.

Интересный и разнообразный по видам комплекс составляют небольшие сумочки с принадлежностями для добывания огня и курения [Кочешков, 1989, с. 88].

Одна из разновидностей мелких сумок типа современных кошельков – сумка-футляр для гребней или расчесок. Их выкраивали с одним неглубоким отделением, куда можно было вложить обычную расческу стандартного размера. Сумки-чехлы часто использовали не только в быту, но и в обрядах. Так, например, в фондах Магаданского областного краеведческого музея хранится колотушка эвенского шамана в специальном чехле.

Мелкие предметы, упакованные в чехлы, футляры, сумочки укладывались в большие переметные сумки-*мунгурки* [Андреева, Сем, 2004, с. 190]

Для изготовления сумок использовалось самое разнообразное сырье – шкуры животных, рыбья кожа. Сырье обрабатывали по специальной технологии, окрашивали при помощи настоев природных красителей из коры деревьев (чаще ольхи), стеблей и листьев трав, соков ягод, а также минеральными красками – красной и желтой охрой.

Для кроя и шитья сумок использовались различные инструменты. Самым важным приспособлением для кроя и шитья была деревянная кроильная доска размером около 50-60 см. Другое не менее важное приспособление для шитья – небольшое шильце. Им наносили разметку, обозначали основные точки кроя и шитья. При шитье использовали костяные, металлические иглы, наперстки из свернутой в кольцо грубо обработанной полоски кожи, небольшие ножи с острым кончиком для подготовки прорезей, специальные ножи с фигурным лезвием. Для украшения сумок эвенская мастерица всегда имела определенный запас подбородного волоса оленя, бисер, бусы, металлические бляшки, подвески, цветные нитки (Фонды МОКМ).

Традиционные орнаменты на эвенских сумочках уникальны. Их цветовая гамма представлена, в основном, белым, голубым, черным, красным цветами. На сумках присутствует шахматный узор с сочетанием темного и светлого меха. Не менее распространенным был узор в виде полос и с розеткой в центре. Довольно часто встречаются ромбический орнамент, а так же узоры в виде изображений человеческих фигурок, домиков, кружков. Крышки сумок украшались бисерным шитьем в крестообразных, паукообразных мотивах. Узоры были двух видов: шитье гладкой полосой и с наличием узелков по одному из краев шва. Сумочки для рукоделия дополнительно украшались меховыми вставками (Фонды МОКМ). Эвенские орнаменты на сумках могут рассказать о принадлежности их хозяев к определенному роду, о ценностных приоритетах. Большинство орнаментов – это целая история, со временем дополняемая новыми сюжетами.

Литература

Андреева Л.В., Сем Т.Ю. Художественная обработка меха и кожи у народностей Крайнего Северо-Востока. – Магадан: ОАО «МАОБТИ», 2004. – 468 с.

Каплан Н.И. Народное декоративно-прикладное искусство крайнего Севера и Дальнего Востока. – М: Просвещение, 1980. – 125с.

Кочешков И.В. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР (XVIII-XX). – Л: Наука, 1989 – 197с.

Кривошапкин А.В. Эвены. – СПб: Просвещение, 1997. – 77 с.

Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1017-1977 г. – М: Наука, 1981. – 304 с.

А.Б. Сатанов
Караганда (Республика Казахстан),
Карагандинский государственный университет им. акад. Е.А. Букетова

К проблеме синкретизма в религиозных представлениях кочевников Казахстана в средневековье

В период средневековья Казахстан находился под влиянием различных религиозных течений, которые в определенное историческое время оказывали влияние на духовные представления номадов. Говоря о религии кочевников сегодня, многие ученые упоминают тэнгрианство, монотеистическую религию, которую непосредственно относят к традиционной вере тюркских народов.

Кочевники всегда находились в пути, меняя свои сезонные пастбища, потому что этого от них требовала суровая природа Евразийской степи. Так, на протяжении трех тысячелетий формировался особый менталитет и дух народа, свободный, вольный, открытый и непреклонный. Именно поэтому в сознании кочевника сосуществовало так много религий, которые оказывали влияние на формирование кочевой культуры. Среди них можно назвать зороастризм, манихейство, буддизм, конфуцианство, христианство несторианского толка, ислам.

Наиболее древние и устойчивые корни казахского менталитета и религиозных представлений номадов нашли отражение в ряде исследований великого казахского ученого Чокана Валиханова, в частности, в его статьях «Следы шаманства у киргизов (казахов)», «О мусульманстве в степи» [Валиханов, 1985.]. В исследовании зороастрийской природы шаманизма Чокану принадлежит безусловное первенство.

В зороастризме огонь и солнце почитались особо. Свойственный шаманизму культ огня в целом и в деталях, как правильно отмечает Валиханов, зороастрийского происхождения: почитание огня, солнца, обожествление неба и небесных светил, культ предков, признание богов-покровителей отдельных сторон бытия кочевников, кодекс должных поступков и запретов сохранились, по Чокану, от зороастризма, у казахов в «совершенной целостности».

Огонь считается прародителем всего сущего, очищает души от скверны, его гнев страшен, целительное значение всеобъемлюще. У многих тюркских народов огню приносят жертвы в самых сокровенных случаях: при рождении ребенка или вступлении невесты в дом отца или деда мужа. О целительной силе воды, о святости Матери-Земли упоминается в древнетюркских рунических памятниках Кюль-Тегину и Бильге-кагану. О святости воды свидетельствует народный обычай «ушыктау» – опрыскивание водой.

Синкретизм тэнгрианства с исламом проявляется в таких принципиальных представлениях, как Аллах, отождествляемый с Тэнгрием, Азраиль – со смертью, святость и святые – с «арвахами», с духами предков. Такова суть религиоведческих и культурологических исследований казахского просветителя, путешественника, историка, этнографа и фольклориста Чокана Валиханова, который одним из первых обратил внимание на изучение и попытку объяснения религии казахов.

Идея Тэнгри – идея изначальной данности и реальности мира. Она прошла долгий путь от анимизма и тотемизма до генотеизма и монотеизма. На этапе монотеизма она конвергировалась с манихейством, а далее была подавлена идеей Аллаха и философскими идеями буддизма. Тем не менее, в эпоху средневековья она продолжала существовать независимо от господствующих культов.

Тэнгри – прародитель. В этом его генотеистическая сущность первопредка, порождающего все остальное. Как бог первопредок Тэнгри должен иметь свою божественную супругу. Таковой у тюрков была Умай, богиня деторождения и плодородия. Таким образом, здесь мы встречаем аналогию китайской натурфилософии идеи Ян и Инь, мужского и женского начал, сочетание кото-

рых и порождает все сущее. При этом Тэнгри ассоциируется у тюрков с Небом (у казахов слово коке-отец происходит от Кок, т.е. Небо), а Умай – с Землей (у казахов Жер-Ана, т.е. Земля-Мать или Мать-Земля). Однако земля у тюрков не порождает особого культа, не обладает креативными свойствами. Тюрк ждет милости только от неба, Тэнгри, посылая нам с неба солнечные лучи и дождь, порождает явления жизни на поверхности земли. Таким образом, Тэнгри – это бог возможности, чистая креативность, неуемная в способности создавать все новые сюжеты бытия. Здесь мы стоим у истоков великой веротерпимости тюрков-тэнгрианцев. А проистекала она оттого, что если Тэнгри допускает существование других богов, значит, так и надо, значит, они имеют право на жизнь.

Вообще, многим положениям даосизма, конфуцианства и буддизма можно найти аналогии в тэнгрианстве. Так, если дао – сакральное понятие, означающее идею пути, тюркское «йол» тоже означает путь и тоже обладает сакральным значением. Кроме того, у тюрков есть понятие порога и почетного места, которые у оседлых народов не встречаются. Понятие порога священно, ибо он – граница своего и чуждого мира. Поэтому на порог нельзя наступать или замешкаться перед ним. Это означает нерешительность, а значит, и неискренность входящего гостя. Понятие гостя тоже священно, ибо без гостеприимства невозможно установить связи с миром. Тэнгри одинаков ко всем, он всех уравнивает и освящает. Для этого он пользуется понятием почетного места – «торь». (Эти элементы тэнгрианства до сих пор сохранились в культурном сознании казахского народа).

Также тэнгрианство охватывает идею почитания предков, которая активно проповедуется в конфуцианстве. Однако в конфуцианстве не хватает самого существенного – культа «аруахов» (духов предков), являющегося становым хребтом тэнгрианства.

Тэнгри – это то, что существует до и после жизни. В этом плане он совпадает с буддийским понятием пустоты. Однако, если многие буддийские притчи посвящены развенчанию реальности мира, то в орхонских памятниках под Кюльтегином все время падает конь, но он пересаживается на другого и снова мчится в атаку. Буддийская пустота – отказ от телесности, уход в угасание, нирвану. Тэнгрианская пустота строится на преодолении пустоты. Это пустота, рождающая одушевленный объем. Потеря энергии – потеря объема. Как видим, здесь вектор прямо противоположен буддийской нирване. Тэнгри – распределитель времени и в этой своей задаче он похож на персидского бога времени Зурвана, который вместе с тем «заведовал» и пространством. У тюркского бога эти понятия тоже неразделимы.

Некоторые ученые, исследовавшие тэнгрианство, пришли к выводу, что к XII-XIII вв. это вероучение приняло формы законченной концепции с онтологией (учением о едином божестве), космологией (концепцией трех миров с возможностями взаимного общения), мифологией и демонологией (различением духов-предков от духов природы). Все сведущие ученые считали древнетюркскую веру монотеистической, но ни мусульмане, ни христиане не отмечали сходства между этой верой и своей, хотя они и очень долгое время сосуществовали с ней на одном географическом пространстве. В тэнгрианстве причудливо и удивительно органично переплетены единобожие, поклонение духам предков, пантеизм (поклонение духам Природы), магия, шаманизм и даже элементы тотемизма. Поэтому можно сказать, что этой религии присущ синкретизм (от греч. соединение, объединение) – форма религии, сочетающая в себе элементы различных других религий.

Тэнгрианство состоит, в основном, из легенд. В ней нет каких-либо нравственных заповедей, норм праведного поведения или предостережений против грехов. У него есть одно общее правило морали: «Поступай согласно законам природы, щадя при этом законы общественные». Из-за отсутствия морально-этического учения тэнгрианство трудно назвать религией в том смысле, в каком мы привыкли говорить о христианстве, исламе или буддизме, оно вообще не поддается формальной научной классификации. Единственная религия, с которой тэнгрианство имело много общего, – это японская национальная религия – синтоизм.

Итак, на рубеже всего средневековья вместе с толерантным, миролюбивым и дружелюбным культом Тэнгри у кочевников сосуществуют множество других вер, которые каждая в свою меру и в свое время, в конечном счете, оказали влияние на формирование духовной культуры казахского народа. Здесь, прежде всего, нужно говорить о близости моральных принципов этих религий с духовными представлениями и воззрениями кочевников. А также нельзя забывать о толерантном, гостеприимном и доброжелательном нраве номадов, которые, как показала история, на протяжении многих лет с терпимостью, миролюбивостью и уважением относились к религиозным убеждениям и духовным представлениям других народов.

Литература

Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // Собр. соч.– Алма-Ата, 1985. – Т. 4.- С. 71-76.

Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов // Собр. соч. – Алма-Ата, 1985. – Т. 4. – С. 48-70.

У.В. Светачева

Абакан, Хакасский государственный университет

Женские образы в религиозных представлениях хакасов

Религия всегда была и будет одной из самых интересных для исследователей сфер жизни общества, ведь изучая ее, мы можем понять главное – мировоззрение народа, что в современном обществе очень актуально. Возможно, есть определенная связь между религиозными представлениями и взглядами на общественное устройство. В хакасских религиозных представлениях мы встречаем довольно большое количество духов, предстающих в женском образе: это и богиня Умай, и хозяйки гор, воды, огня и др., но при этом женские образы в религии остаются наименее исследованной областью. В своей статье мы остановимся на образах богини Умай, и От Ине, хозяйки огня, ведь именно они связывались у хакасов только с женщиной.

Мир, по представлениям хакасов, трехчленен и состоит из Верхнего, Среднего и Нижнего миров. С Верхним миром связан, прежде всего, культ неба, являющегося мужским началом. Единственной богиней в небесном пантеоне является Умай (Ымай, Май-эне, Омай). Этимология имени богини восходит к общетюркскому «Ума»: «чрево матери», «послед», «матка». В хакасском языке термин «умай» также связан с деторождением: так обозначали пуповину, послед («пала ымайы» – детская ымай), душу – жизненную силу грудного ребенка, темя головы ребенка, в котором, как считали хакасы, находилась его душа («ымайах» – маленькая умай). Жизненную силу хакасского народа в целом и ангела–хранителя грудного ребенка именовали также «умай» [Бутанаев, 2003].

Появление культа богини, вероятно, можно отнести к периоду существования алтайской языковой общности. До нас дошли упоминания о божественной чете Тенгри и Умай, подобием которых на земле была царская чета. Умай занимала второе после Тенгри место. Примечательно разделение сфер влияние богов: владыкой Верхнего мира считался Тенгри, Среднего – Йер-Суб, а Умай была покровительницей женщин, детей, а также знатных людей обоего пола, т.е. изначально она принадлежала не только Верхнему миру, ее влияние распространялось и на Средний мир.

По представлениям хакасов, Умай – «полная седовласая старушка, имеющая способность летать в образе белой птицы» [Бутанаев, 2003]. В описании богини Умай как у хакасов, так и у алтайцев, подчеркиваются следующие цвета: белый, голубой, золотой. Они традиционно связывались с Верхним миром. Белый цвет у тюркских и монгольских народов считался символом чистоты, голубой или синий ассоциировался с небом, то есть он указывает на принадлежность богини Умай к Верхнему миру. В молитвах часто говорится о золотых кудрявых волосах богини.

«Имеющая кудрявую голову моя Мать Умай!

Золотоглавое Святое Создание!» [Бутанаев, 2003, с. 236].

А. М. Сагалаев считает, что это «солярная символика, универсальная для небесных божеств» [Сагалаев, 1991]. Также золотые или рыжие волосы богини сближают ее с такими женскими персонажами, как духи хозяйки шаманского бубна и хозяйки гор, обитающими в Среднем мире. У монгольских народов золотой цвет связывался с женским началом Вселенной [Жуковская, 1988], возможно, поэтому волосы богини–матери Умай имеют золотой цвет.

Стоит отметить, что образ богини Умай дуалистичен, что проявляется в том числе в месте ее обитания. Она живет на небе, на горе Пулай-сын, на берегу Молочного озера, из пены которого она рождена. Но при этом Умай является также хозяйкой пещеры и живет в Саянах, в горе Ымай-тасхыл. В пещере находятся колыбели с душами, вероятно, она служит своеобразным символом «материнского чрева», а гора – вместилищем жизненной силы [Тутаркова, 2005].

Как мы видим, Умай тесно связана с другими женскими персонажами хакасской мифологии: хозяйками гор, огня, воды. Можно заметить, что все они, за исключением самой Умай, принадлежат Среднему миру. Функции можно разделить на две группы: функции Умай как богини Верхнего мира и функции Умай как богини Среднего мира. С одной стороны, Умай – богиня плодородия, богиня–мать, дающая и забирающая жизнь, с другой – покровительница женщин и детей.

Другой богиней, пользовавшейся большим почтением у хакасов, была От Ине, мать огня. Хозяйка огня описывалась как «девица, имеющая 60 кос и 40 зубов» [Катанов, 2004, с. 128]. Хозяин огня у хакасов отождествлялся только с женщиной, хотя у их соседей, шорцев и алтайцев, им мог быть и мужчина, таким образом, в Хонгорае огонь являлся исключительно женской стихией. От Ине является защитницей дома и его членов, «караульщиком дома днем и ночью» [Катанов, 2004, с. 128], считалось, что она приносит удачу и богатство.

Представала богиня в различных образах: в облике молодой красивой женщины или седой старушки. Ее образ зависел от фазы луны и времени суток, а также от обращения к ней хозяина. В отношении огня необходимо было соблюдать ритуал; в фольклоре часто встречается сюжет: в наказание за плохое обращение От Ине сжигала дом плохого хозяина, если владелец юрты относился к ней почтительно, то вознаграждался за это. «Хозяин огня женщина, она такая же коварная, как и женщина. С ней нужно обходиться всегда осторожно и хорошо, чтобы она не отомстила» [Бурнаков, 2006, с. 172].

Культ огня является одним из центральных в религиозных представлениях хакасов. С помощью огня совершались жертвоприношения богине Умай, которая считалась сестрой От Ине, хозяевам гор и воды, изгоняли нечистую силу и духов болезней. По мнению В.А. Бурнакова, хозяин огня у хакасов наделялся всеми свойствами медиатора, ни одно божество не могло «вкусить» жертвуемой ему пищи без помощи огня [Бурнаков, 2004].

Кормление богини огня, осуществляемое женщиной, обязательно присутствовало в ритуальной родильной, свадебной и похоронной практике. Но стоит отметить, что во время молитвы Великому небу жертвенный костер разжигал мужчина – глава общины; то есть мы видим своеобразное разделение огня на домашний – символ женского начала, и огонь, присутствующий на небесных жертвоприношениях – символ небесного света и мужского начала [Тутаркова, 2005].

Итак, в религиозных представлениях хакасов мы можем встретить довольно большую категорию женских духов и богинь, но при этом Верхний мир связан прежде всего с мужским началом, единственный женский персонаж – это богиня Умай, но и она больше тяготеет к Среднему миру. Как уже отмечалось, ее образ двойственен, что проявляется в месте ее обитания, функциях. Она является одновременно покровительницей беременных, рожениц, грудных детей и богиней–матерью, дарительницей жизни всему хакасскому народу, что автоматически ставит ее выше других женских божеств.

Из всех богинь Среднего мира наиболее тесно связана с Умай богиня От Ине, хозяйка огня. Она выполняла важные функции – защита, очищение, являлась посредником между миром людей и миром богов и духов. Кормление От Ине осуществлялось женщиной. В хакасских религиозных представлениях мы не встречаем хозяина огня в мужском облике, дух, ответственный за благополучие семьи связывался, прежде всего, с женщиной. Примечателен тот факт, что огонь разделялся на «женский» – домашний, и «мужской» – огонь, зажигаемый во время молитвы Великому небу. Как мы видим, можно проследить определенное соответствие между местом женских образов в религии и гендерными отношениями в хакасском обществе. Как в небесном пантеоне, так и в общественной жизни, доминирует мужское начало. В домашних культах, как и в семье, превалирует роль женщины. Подобное разделение мы встречаем и в ритуальной практике: мужчина доминировал в общественных молениях, женщина – в семейных обрядах.

Литература

Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006.

Бурнаков В.А. Культ огня в религиозно-мифологических воззрениях хакасов // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития. – Иркутск, 2004. – Вып. 3. – С. 34-53.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. – 260 с.

Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 198 с.

Катанов Н. Ф. Избранные труд о Хакасии и сопредельных территориях. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2004. – 260 с.

Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 152 с.

Тутаркова Н. В. Женские образы в религиозных представлениях хакасов. // Вестник ХГУ. –2005. – Сер. 3. История. Право. Вып. 4. – С. 62 – 66.

Т. В. Селянинова
Абакан, Хакасский государственный университет
Институт истории и права

Межэтнические браки хакасской молодежи

Республика Хакасия – это многонациональное государство – в процентном соотношении русские составляют 80%, хакасы 12%, иные народы 8% от общей численности населения. В настоящее время особую актуальность представляет собой изучение процессов взаимодействия между хакасским и русским этносом, особенностей функционирования смешанных семей и степени влияния на различные стороны национальных отношений.

Проблема межэтнических браков хакасской молодежи занимает важное место в нашей республике. Одной из важных проблем является сохранение языка и культуры, этническая принадлежность и стабильность брака.

В рамках данной темы было проведено интервьюирование в группах студентов Хакасского государственно университета им. Н.Ф. Катанова и Хакасского Технического института филиала Сибирского федерального университета. Было опрошено 300 респондентов в сельской и городской местности в возрасте от 14 лет и старше. По данным интервьюирования можно предположить, что одним из существенных факторов, влияющих на динамику межэтнической брачности хакасской молодежи остается социальный фактор, когда личный социальный статус повышается за счет вступления в брак с представителями этнических групп, занимающих более высокое социальное положение в обществе.

В.П. Кривоногов утверждает, что в период 1955-1963 гг. чаще в смешанные браки вступали мужчины, но уже начиная с 1971-1976 гг. ситуация значительно меняется [Кривоногов, 1980]. Вероятно, этим можно отчасти объяснить увеличение количества межнациональных браков, заключаемых хакасскими женщинами. Хакасская молодежь допускает брачный союз, помимо представителей своего этноса, прежде всего с русским, несмотря на этнокультурную близость хакасов с тувинцами, алтайцами и другими народами Сибири. Это во многом отражает степень ассимиляции хакасов русским населением. На эндогамность хакасского этноса, помимо прочего, влияет внешняя миграция, поскольку выезжают люди активного брачного возраста 18-35 лет (обучение в ВУЗах, трудоустройство, служба и т.д.). Миграция хакасской молодежи главным образом направлена в мегаполисы России (Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Новосибирск), где увеличивается вероятность их вступления в межэтнические браки, способствуя ускорению ассимиляционных процессов среди этой категории мигрантов и их потомков.

В настоящее время проблема межэтнических браков слабо изучена, при тенденции сохранения этого же процента экзогамных браков и при прочих других факторах ассимиляции, общая численность хакасского этноса будет неуклонно сокращаться.

Литература

Кривоногов В.П. Межэтнические браки у хакасов в современный период // СЭ. – 1980. – № 3.

А.Б. Тадырова
Томск, Томский педагогический государственный университет

Боги и духи в космологии и в социальных отношениях алтайцев

Цель данной статьи — рассмотреть роль представлений о богах и духах в регулировании социальных отношений в алтайском традиционном обществе. В основе существования любого общества лежит некая идея, которая работает на самовоспроизведение и самосохранение данного общества. Эта идея формирует нормы поведения, соблюдая которые человек может развивать свою жизнедеятельность в данном обществе. Любая идея основывается на знаниях. В традиционном обществе знания сохраняются в мифах. Идея, на которой держится традиционное алтайское общество, отражена в народной космологии. Согласно мифам, существует четкая система организации мироустройства. Есть три мира, в каждом из которых проживает характерный для него состав богов и духов. Духов подземного мира называют *кормос*, духов неба – *кудай*, духов земли – *jер – су* (букв: земля – вода), или алтай [Анохин, 1994, с. 1]. Верхний и нижний миры состоят из 7 слоев. Главой божеств верхнего мира считается *Ульген*, а нижнего – *Эрлик*. Средний мир населяют духи – хозяева гор, рек, озер, лесов и пр. От их воли зависит умножение скота, здоровье и благополучие людей. Помимо светлых духов, в среднем мире проживают и различные злые духи (*алмыс*, *тургак*), которые могут украсть душу, приносят болезни, смерть и разрушения. Человек может уберечься от пагубного влияния злых духов, если он соблюдает некоторые нормы поведения и запреты. Например, вечером нельзя выходить на улицу с непокрытой головой, стричь волосы и ногти, громко кричать, плакать, выносить молоко. По представлениям алтайцев, все сверхъестественные существа объединены родственными связями. Например, «*Ульген* и *Эрлик* являются братьями, у каждого из них семеро сыновей» [Ямаева, Шинжин, 1994, с. 20]. Сыновья *Ульгеня* выступают в роли покровителей родов, а сыновья *Эрлика* выступают в качестве грозной стражи (*кату кујак*), охраняют дверь от входа всего злого и худого, за что их называют «броня двери» (*эжиктин кујагы*). Как считает А.М. Сагалаев, особенностью мировосприятия алтайцев является «отношение к миру как явлению гармоничному, целесообразному и целостному; повышенное внимание к проявлениям общего, а не различного; признание конечности мироздания и цикличности всех происходящих в нем процессов; отрицание абсолюта (бесконечности, вечности, абсолютного добра или зла и т.д.)» [Сагалаев, 1992а, с. 30]. Мир развивается гармонично, божества и духи всех миров выполняют свои функции и отвечают за вверенное им дело, полной властью над миром не обладает ни один из демиургов, лишь вместе они способны творить. Так, «*Ульген* создал барана, *Эрлик* тоже подражает ему, но у него получилось курносое животное, т.е. свинья» [Ямаева, Шинжин, 1994, с. 30]. Согласно мифам, человека создали только после того, как «разошлись», «разъединились» небеса. Соответственно, люди ощущают себя младшими в системе мироустройства. И поэтому они должны почитать старших, т.е. богов, божеств и духов, и жить в соответствии с их законами. Сообщать волю богов верхнего и нижнего миров могут определенные люди (шаманы, «знающие» люди). Божества и духи среднего мира открыты для непосредственного общения с людьми, но только при условии, что человек ведет себя подобающим образом. Например, приносит угощения и дары, относится уважительно, не ругается, не сквернословит на священных местах, не тревожит их без веской причины. Нормы поведения человека в алтайском обществе регламентируются с помощью наказов и запретов. Человек с самого детства растет в мифологизированном пространстве, где его окружают божества и духи. «И в этом мире царит договор и ни одно благодеяние не остается без ответа» [Сагалаев, 1992, с. 99]. Для того, чтобы не совершить ошибок, человек должен быть максимально проинформирован об окружающем мире, должен выработать определенные ценностные ориентации и нормы поведения. В этом ему помогают люди, которые его окружают, т.е. общество.

Литература

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. – 147 с.

Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск: Наука, 1992. – 175 с.

Сагалаев А.М. Архаичное мировоззрение урало-алтайских народов Западной Сибири: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1992а. – 32 с.

Ямаева Е.Е., Шинжин И.Б. Алтай соојындар ла кеп-куучындар: Алтай албатынын оос јайааны. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. – 416 с.

В.И. Терентьев
Кемерово, Кемеровский государственный университет

Земледелие в системе жизнеобеспечения западных монголов*

Классик этноэкологической мысли В.И. Козлов трактует понятие «жизнеобеспечение» как процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида и группы путем адаптации к природной и социально-культурной среде обитания и развития компонентов культуры, обеспечивающих успешность этой адаптации и всего процесса этнического воспроизводства [Козлов, 1991]. В данной работе на монгольском материале мы рассмотрим хозяйственную сторону этого аспекта, а, точнее, один из элементов производящего хозяйства – земледелие. Источниковая база статьи – статистические и полевые этнографические материалы, собранные автором в составе экспедиции КемГУ в 2008-2009 гг., а также публикации исследователей по данной теме.

Западные монголы проживают в Ховдском и Увс аймаках, в их число входят следующие этнические группы: дербеты, баяты, захчины, торгоуты, олёты, мянгаты и хотоны [Кимеев, Терентьев, 2009].

Несмотря на то, что земледелие в Северо-Западной Монголии известно ещё с начала нашей эры [Нямсурэн, 2006], в настоящее время оно развито довольно слабо и носит региональный характер вследствие господствующего в этом регионе сухого резко континентального климата и гористого рельефа. Население ведёт аграрное хозяйство вблизи водных источников: в долинах крупных рек (Ховд, Буянт, Хархираа) и по берегам озер (прежде всего Толбо и Увс). Традиционно преобладающей формой ведения хозяйства на протяжении нескольких тысячелетий является кочевое скотоводство.

В ходе развития земледелия и селекции были выведены местные сорта пшеницы, ячменя, гороха, картофеля и арбуза [Дорж, 1999]. На их основе возможна дальнейшая селекция, которая приведёт к выведению сортов, ещё более приспособленных к данным условиям.

По классификации исследователей монгольского земледелия, в рассматриваемый регион входят два очага: западный (по берегам Ховда и его притоков) и очаг сопредельных районов некоторых ландшафтов котловины Больших озёр [Нямсурэн, 2006].

С целью укрепления своих позиций в северных предгорьях Монгольского Алтая третий джунгарский хан Галдан-Бошокту в 1685 г. основывает на берегу р. Буянт военное поселение Кобдо (Ховд). Здесь в благоприятных природных условиях местное население начало обрабатывать землю, высаживать злаковые культуры. К концу XVII в., обживая захваченные земли Алтын-ханов, вдоль р. Хархираа и в районе современного г. Улаангом также возникают земледельческие поселения. Наряду с т.н. «военным земледелием» для обеспечения зерном маньчжурских войск, в XVIII-XX вв. распространяется частное земледелие.

В Ховдском аймаке в начале XX в. обрабатывалось 2500 га посевных площадей, из которых 1800 га занимали зерновые культуры. Кроме того, собирали 6 тыс. тонн картофеля, 3 тыс. тонн овощей, скашивали 250 тонн многолетних трав, 600 тонн сена заготавливали вручную, 3600 тонн – на естественных сенокосах. В 1980-х годах существовал орошаемый фруктово-ягодный сад, находившийся в коллективном хозяйстве. В настоящее время посевные площади составляют более 10 тыс. га, урожай с которых удовлетворяет потребности населения аймака. Земледельческими работами, в основном, занимаются казахи сумонов Буянт и Ховд. Жители аймака выращивают картофель, морковь, лук, арбузы, дыни и злаковые культуры.

В Увс аймаке проводятся эксперименты по внедрению новых сельскохозяйственных культур и развитию навыков земледелия у населения. Так, в 2007 г. в окрестностях аймачного центра г. Улаангом в рамках проекта «Биоразнообразие в Алтае-Саянском экорегионе» при участии местных жителей был создан Агропарк площадью 5 га. Были высажены саженцы облепихи, монгольский ячмень «хушниг», капуста, свекла, репа, редиска, морковь, огурец, алтайский лук, перец и чеснок. Кроме того, вдоль речных каналов произвели посадки подсолнечника и лечебных трав: подорожника, крапивы, одуванчика и др. Были разбиты и цветники для украшения аллей парка. Эксперимент по возделыванию картофеля не удался из-за перегрева почв, ветров и отсутствия удобрений.

** Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ ЕЗН 2.13.08, з/н №13*

Из-за ранних холодов не вызрели огурцы, помидоры и тыква, посаженные в открытый грунт. В будущем планируется создание теплиц. Для обслуживания парка был создан кооператив «Хэтцах» из числа местных безработных жителей, имеющих навыки земледелия. При успешном развитии парка появится возможность поставлять саженцы облепихи и черной смородины жителям всей Западной Монголии [Баасанжав, 2007]. В черте самого города на орошаемых участках развито огородничество, высаживается ряд овощных культур.

Ещё известный исследователь Центральной Азии Г.Н. Потанин в 1877 г., наблюдая значительное количество пашен по долине р. Хархираа, отмечал выгодные условия окрестностей Улаангома в плане развития хлебопашества и оседлой жизни, полагая, что именно в этих местах располагали свои ставки ханы большинства степных империй [Потанин, 1948].

По статистическим сведениям, полученным в региональном отделении статистического управления Монголии (г. Улаангом), посевные площади в аймаке составляют 3400 га. Полученный урожай в 2007 г. достигал 5610,2 тонн, из этого 2157,7 тонн приходилось на зерновые культуры.

Хотоны и дербеты сумона Тариалан (в переводе с монгольского «посев»), помимо овощей, выращивают пшеницу, в сумонном центре имеется мукомольное предприятие. Поля орошаются при помощи регулируемой системы арыков. Практически полное отсутствие скота в районе обрабатываемых земельных участков способствует их сохранности.

Подводя итоги, следует отметить, что современное земледелие западных монголов играет второстепенную роль после животноводства, продукты этой деятельности также имеют свой вес в системе жизнеобеспечения населения рассматриваемого региона. Выращивание зерновых, кормовых и овощных культур частично удовлетворяет потребности местного населения, хотя в период расцвета земледелия зерно вывозилось из Улаангома в китайские города Синьцзяна [Дорж, 1999]. Единственным местом, где в традиционном хозяйстве доминирует аграрный сектор, по всей видимости, является сумон Тариалан. Попытки возродить и привить традиционные знания о земледелии населению Увс аймака пока не привели к ожидаемым результатам.

Развитие земледелия в Северо-Западной Монголии в условиях реанимации рыночных отношений идёт в замедленном темпе, но, учитывая богатый опыт работы в данной сфере, хорошая перспектива для этой отрасли хозяйства продолжает существовать.

Литература

Баасанжав Ж. Некоторые результаты эксперимента по посеву сибирской облепихи и черной смородины в Улаангомском аймаке // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: мат-лы VIII междунар. конф. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. - Т. II. - С. 326-327.

Дорж К. Древняя житница Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: мат-лы IV междунар. конф. – Томск: ТГУ, 1999. – С. 164.

Кимеев В.М., Терентьев В.И. Результаты Кузбасской, зарубежной этноэкологической экспедиции в Монголию // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2008 г.: Археология, этнография и устная история. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – Вып. 5: Мат-лы V регион. науч. практ. конф. памяти проф. А.П. Уманского. – С. 108-111.

Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. – М.: Наука, 1991. – С. 14-44.

Нямсурэн Л. Из истории земледелия у западных монголов (XIII-XVIII вв.) // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 99-103.

Потанин Г.Н. Путешествия по Монголии. – М.: ОГИЗ, 1948. – 471 с.

Ю.Г. Терехова
Санкт-Петербург, Европейский университет

Художественная природа русских народных домовых росписей

Традиция украшать свои дома росписью, имеющая давнюю историю, существовала у крестьян во многих регионах России. Изображениями цветов, букетов в вазонах, птиц, львов и людей расписывались фасады и интерьеры домов. До нашего времени дошло сравнительно небольшое ко-

личество таких памятников. Распространение домовых росписей предопределилось появлением в середине XIX века белых, светлых построек, не топившихся по-черному [Мильчик, 2004].

В данной статье автор делает попытку интерпретации домовых росписей в аспекте прагматики, опираясь на исследования лубка Ю.М. Лотманом.

Наравне с лубком домовые росписи обнаруживают прочную внутреннюю связь с театром, принципиально отличаясь от «большого искусства» [Забелин, 1873; Морозов, 1914; Ровинский, 1881 и др.; Сакович, 1971]: «В рамках письменной культуры аудитория «потребляет» текст (слушает или читает, смотрит). В атмосфере фольклорности аудитория играет с текстом и в текст» [Лотман, 1998, с. 482].

Лубочные картинки побуждают зрителя к активному включению в процесс создания новых образов на основе имеющихся. Ю.М. Лотман для пояснения этого феномена приводит следующий пример: «Дети не «смотрят», а рассматривают иллюстративный материал, трогают его и вертят и, если текст произвел впечатление, начинают прыгать, двигаться, кричать или петь» [Лотман, 1998, с. 482]. В лубок играют. Домовые росписи воздействуют на зрителя еще сильнее: они помещают зрителя внутрь изобразительного текста, ориентируют его на постоянно изменяющее восприятие изображенного.

Автором записаны детские впечатления сельских жителей от росписей: «Я вот запомнила с детства – мы в 1950 году перешли в тот дом уж, который с котельной привезли. Там я помнила – змей какой-то и рот разинутый помню. Все боялись мы еще, язык был высунут» (М.А. Савина, 1937 г.р., Кичменгско-городецкий район Вологодской области, запись 2008 г.).

Сюжеты домовых росписей частично происходят от лубочных. Так, в домовых росписях встречаются фигуры людей, сценки: на двери из собрания Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника изображены три мужские фигуры с бутылкой и бокалами, сцена сопровождается надписью «МИЛОІ БРАТЪ ВЫПЬЕМЪ»; встречаются изображения фигур охотников, целящихся в птиц, львов, прикованных цепью к столбикам и т.д. За этими изображениями, кроме семантического поля значений, стоит и прагматический аспект: сознанием хозяев и гостей дома изображение, например, двух птиц, воспринималось не только как символ счастливой и крепкой семьи, но и гибко включалось в восприятие действительности в целом. Паре птиц могло придаваться то или иное значение в различных ситуациях, интерпретация изображения активно менялась.

Если лубочные изображения провоцируют зрителей переосмыслять сюжеты, в которых есть главные герои, то некоторые домовые росписи главным героем сцены делают самого зрителя, моделируют непосредственно его поведение. Так, старшим научным сотрудником Кировского областного краеведческого музея В.А. Любимовым были зафиксированы следующие тексты в доме в деревне Гледен Лузского района Кировской области: «Печка неаптека но делает облегчение для человека» (на брусе голбечной заборки), «Товарищ здес незаседанье посидел и досвиданья а нет лись на полати» (на матице). Текст предлагает варианты возможных действий.

В этом же доме на грядке сделана следующая надпись: «За работу 4р Красил гражданин Петр Семенов Старцев деревни Залиховки и Ванка Сарай 1926 г. апреля 15 нового стиля». Роспись обладает рядом послереволюционных реалий: новая орфография (ранее было: «1904 года Красил Петръ Я. Кузнецовъ»), слова «товарищ» и «заседание»; художник называет себя «гражданин» (ранее: «мастер») и уточняет, что дата приведена по «новому стилю». Роспись отражает изменившуюся действительность и влияет на дальнейшую трансформацию жизни.

Ю.М. Лотман пишет о лубке: «Словесный текст и изображение соотнесены в лубке не как книжная иллюстрация и подпись, а как тема и ее развертывание: подпись как бы разыгрывает рисунок, заставляя воспринимать его не статически, а как действо» [Лотман, 1998, с. 484]. Надписи в домовых росписях часто сокращаются до одного слова, называющего изображенный предмет: «ЛЕВЪ», «кури/пету», «ето верблютъ» и др. Росписи, имея неразрывную связь с иконописью (уже хотя бы в том, что мастерами зачастую были иконописцы), обнаруживают ее и в присутствии надписи – а икона без надписи не существует. Подпись не только проясняет изображенное, но и удваивает его, актуализирует сразу в двух реальностях – живописной и текстовой.

Ю.М. Лотман пишет о преобладающей в лубках балаганной и фривольной тематике, подчиненной более свободным, нежели обычно, формам морали. Далекие друг от друга мир церкви и мир балагана имеют одно сходство – в обоих мирах изменятся модель поведения человека относительно его повседневной жизни [Лотман, 1998, с. 487].

В произведениях домовых росписях ярко проявляется сочетание двух этих миров, как и, например, в системе народного православия. В домовой росписи нет картинок ярко выраженного эротического характера, ибо сдерживающим фактором является постоянность нахождения росписей в доме и привязанность их к модели поведения в повседневной жизни, а также указанная выше связь домовых росписей с церковными. Эротические и балаганные сюжеты заменены иносказательными. Домовые росписи содержат в себе образы обоих миров: лев, цветы в вазонах, ангелы – из церкви, люди с бутылками, жанровые сценки и т.п. – из «балагана».

Говоря об особенной «мобильной» природе лубка, Ю.М. Лотман отмечал, что многие картинки в процессе прочитывания необходимо поворачивать [Лотман, 1998, с. 490]. Росписи же представляют собой другую крайность – они находятся в относительно неподвижном состоянии. Их нельзя повертеть в руках, но можно ходить вокруг и внутри них, разглядывать их из разных частей дома, постоянно вступая с ними в контакт.

Интересным представляется вопрос о широком распространении в домовой росписи изображений львов, реже – пароходов, паровозов и других не присутствующих в крестьянском мире сюжетов, «чудес». Ю.М. Лотман писал о лубке: «Тематический репертуар лубка включает широкий круг листов, изображающих различные «чуда», бедствия, землетрясения и пр. … Любопытно, что этот вид лубков оказался очень устойчивым и в XIX в., видимо находя широкий спрос в мещанской среде. Можно было бы назвать листы: «Редкие двойни, родился (так! – Ю.Л.) 4 апреля 1855 года, рисовано с натуры»…, «Замечательнейший из великанов, скороходов и уродов Серпо Дидло, 20 лет» [Лотман, 1998, с. 492-493]. Лотман указывает на ориентированность как лубка, так и газетных новостей (и их аудитории) на сверхъестественные события. В этой связи становится ясным, почему в крестьянских домах изображали невиданных львов и прочие странности. Изображения указанных «чудес» коррелировали с крестьянским вкусом, на который указывает Лотман. В современном сельском быту также наблюдается похожая тенденция.

Мы видим, что, как и лубок, домовые росписи противопоставлены известным нам формам «большого искусства» своей игровой и театральной сущностью, и для их интерпретации необходимы иные методы, которые в будущем помогут выявить новые глубины народного искусства.

Литература

Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. – М., 1873.

Мильчик М.И. Расписные дома Русского Севера: Поважье // Тальцы. – 2004. – № 3 (22).

Морозов П. Народная драма // История русского театра / Под ред. В. В. Каллаша и Н.Е. Эфроса. – 1914. – Т. 1. – С. 21.

Лотман Ю.М. Художественная природа русских народных картинок // Об искусстве. – СПб.: Изд-во «Искусство-СПб», 1998. – С. 482-494.

Ровинский Д.А. Русские народные картинки. – СПб., 1881. – Т. 5.

С.В. Тимиргалеева

Тюмень, Тюменский государственный университет

Кукла в традиционном мировоззрении хантов

В культуре многих народов кукла имеет большое значение. С ней не только играют дети, но она выступает и как элемент многих ритуальных обрядов. Такая роль была отведена кукле и в культуре народов Севера. В частности, ханты использовали куклу не только как элемент воспитания, но и в обряде рождения, свадебном и погребальном обрядах. Конечно, в современных условиях, и даже в условиях тайги и тундры, традиционная кукла почти не используется, заменяясь Машами, Барби, Синди, которых, кстати, иногда одевают в национальные одежды, в чем девочкам помогают их мамы и бабушки. А между тем кукла – первая игрушка, которую изготавливала девочка, первая ступень на пути к ее социализации в условиях традиционного общества и даже к личному мастерству.

Поэтому и рассмотрим куклу как *элемент воспитания*. Кукла как игровой предмет занимает очень важное место в жизни ребенка. В процессе ее «освоения» играющий вырабатывает целую систему межличностных взаимоотношений [Морозов, 2006]. Кроме того, навыки быстрого и качественного шитья – основное, чем должна была овладеть девочка до той поры, когда на нее уже налагались обязанности шить одежду себе и своим братьям [Гризлюк, 2005].

«Акань» – так называется кукла на языке народа ханты. Девочки обычно изготавливали куклы, копируя образ родных, но встречаются и персонажи из мира хантыйских сказок и легенд. Обязательным в изготовлении являлось то, что у куклы для игры никогда не изображались черты лица. Считалось, что кукла без лица – предмет неодушевленный, недоступный для вселения в него злых сил и, значит, безвредный для ребенка. Волосы у куклы также имели большое значение. У кукол-девочек было две косы, связанные на концах бусами. И даже с красивой прической кукла, по обычаю, как и женщины в быту, должна была покрывать голову платком [Гризлюк, 2005]. Это можно объяснить тем, что волосы у хантов считались «вместилищем души» и распускать или подстригать их при жизни было запрещено. Таким образом, кукла в воспитании девочки играла большую роль – она не только спасала от одиночества, от повседневного быта, но и через ее изготовление маленькие мастерицы учились навыкам шитья и приучались к определенному поведению в быту.

Широко использовались куклы в *обряде рождения*. Приготовления начинались задолго до момента рождения. Уже при беременности в три-четыре месяца женщины начинали делать приклад для Калтащ (богини, которой поклонялись как женщины, так и мужчины: она «выпускает» детей, то есть разрешает от беременности), который служил как бы извинением за просьбу о помощи в предстоящих родах. Выглядел приклад следующим образом: в коробушку из бересты клали тряпичную куклу с головкой из чаги (черный гриб, имеющий вид березового нароста) или белой монеты – ее лицо при этом и было лицом Калтащ. Куколка обычно была одета в халат или «сах» (шубу). Сама коробушка представляла собой берестяную набирочку для ягод. В нее клали пояс и платок, подарки в виде обрезов ткани, платков обязательно светлых тонов [Исаева, 1994]. При этом считалось, что с изготовлением куклы женщина попадает под покровительство богини Калтащ, а кукла – это вместилище богини.

В *свадебном обряде* использовали обыкновенных кукол, которых шили для игры. Молодая девушка держала в «тутчане» (мешочек для рукоделия) две куклы, специально пошитые для свадьбы: одну женского пола, другую – мужского. Когда жених похищал ее, девушка брала с собой «тутчан» с куклами [Кашлатова, 2008]. Считалось, что если их не будет, то и у девушки в замужестве не будет счастья и детей.

Обские угры использовали куклу, называемую «иттарма» (символизирующую образ покойного), которая была связана с *погребальным обрядом*. Изготовление этой куклы описано многими авторами, но сложность возникала в определении сроков изготовления куклы. Одни исследователи говорят о том, что кукла делалась сразу после похорон [Зенько, 1994], другие – через четыре-пять дней (по количеству душ) [Кулемзин и др., 2000].

Куклу делали обычно женщины: одни делали саму куколку, другие шили ей одежду [Енов, 1994], тогда как мужчины мастерили «иттарма-ларась»: деревянный ящичек (размерами 20×20×15 см), при изготовлении которого не использовались гвозди. В ящичек укладывались кусочек оленьей шкуры (в качестве постели) и подушечка из этой же шкуры. Рядом с куклой клали маленький ножичек, табакерку, конфеты, хлеб, ставили рюмку с вином. Все эти предметы менялись каждый раз, когда приезжали дальние родственники или устраивались поминки. Вместе с куклой делали палочку – «шумыт юх», на которой зарубками отмечали количество дней траура. На женщинах лежала обязанность заботиться о кукле, особенно в первое время после похорон – укладывать ее спать, кормить. Во время похорон девочкам строго запрещалось играть в куклы или шить новые: считалось, что покойный может найти вместилище для своей души в этой «акани». Срок хранения куклы также варьировал по регионам от четырех-пяти месяцев до четырех-пяти лет [Кашлатова, 2008]. По истечении времени хранения куклу убирали на чердак, относили в лес или сжигали.

Изготовление этой куклы, забота о ней демонстрируют то, что «иттарма» не представлялась неодушевленной куклой – в ней помещалась какая-то часть жизненных сил умершего человека. Кроме того, можно предположить, что кукла была промежуточным вместилищем «лил» (души-дыхания), которая считалась бессмертной и переходила из одного тела в другое.

Таким образом, можно сделать вывод, что кукла в культуре народа ханты использовалась не только в качестве игрушки, но и являлась важнейшим элементом во всех обрядах жизненного цикла. Куклы выполняли сакральную функцию, а главная их особенность в том, что ритуальных кукол изготовляли только взрослые. В современных условиях под влиянием глобализации, предшествующей христианизации, урбанизации данный элемент культуры потерял свое значение. Конечно, есть еще уникальные места, где народ старается сохранить основную канву обрядов с использованием кукол, но в основном корни и правильное исполнение ритуалов утрачены. Сейчас идет процесс возрождения и сохранения народных традиций, но в стилизованном формате и для других целей. И в этой области

большое значение имеет работа музеев, мастер-классы для детей и, реже, взрослых. Важно и изготовление коллекций кукол (авторы которых остаются носителями традиционной культуры народа ханты), которые идут в качестве сувениров, расширяя ареал распространения и пропаганды культурного наследия хантов.

Литература

Гризлюк Л. Время кукол // Мир музея. – 2005. – № 2. – С. 21-24.

Енов В.Е. Обряды проводов умершего у шурышкарских хантов // Народы Северо-западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – С.86-89.

Зенько А.П. Поминальная обрядность некоторых групп хантов и манси // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея – 1992. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук Лтд», 1994. – С.125-133.

Исаева Т. Обряд рождения восточных хантов: опыт этнокультурологического наблюдения // Югра. – 1994. – № 5 (31). – С. 9-13.

Кашлатова Л.В. Обрядовые куклы обских угров // Сохранение народных традиций. Мат-лы окр. науч. конф., посвящ. 20-летию музея «Торум Маа» 4-7 сентября 2007 г. – Ханты-Мансийск: Изд-во ОАО «Информ.-издат. центр», 2008. – С.106-109.

Кулемзин В.М, Лукина Н.В., Молданова Т.А, Молданов Т.А. Мифология хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 2000. – 310 с.

Морозов И.А. Роль куклы в онтогенезе // Живая старина. – 2006. – №1 (49). – С. 15-18.

А.С. Титов

Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН

Представления о сверхъестественных существах в традиционной культуре коми Северного Зауралья

Институтом Проблем Освоения Севера СО РАН в июле 2009 г. проводились этнографические исследования в с. Мужи Шурышкарского района ЯНАО. Одной из целей экспедиционной работы являлся сбор полевых материалов по представлениям о сверхъестественных существах и силах в традиционной духовной культуре коми. В этнографической литературе и исследованиях, посвященных коми, встречается много описаний мифологических существ и персонажей, наделенных сверхъестественными свойствами: домовых, банников, леших, русалок, водяных, колдунов, душах и духах и др. Целью настоящей работы является выявление сохранившихся на сегодняшний день представлений о сверхъестественных существах в традиционной культуре коми Северного Зауралья.

Представления о сверхъестественном имеют свою специфику и опираются, прежде всего, на личный опыт, индивидуальные переживания человека. На наш взгляд, наиболее важную роль при передаче подобных верований от старших младшим играют сказки, былички и различные истории из жизни. Но сейчас только старшее поколение помнит, что в детстве им рассказывали сказки – *мойд*, однако сюжет этих сказок из информантов почти никто не может пересказать. Лишь единицы вспоминают, что среди этих сказок были страшные, «о том, как люди в волков превращались». Практически никто из пожилых не рассказывает и не читает своим внукам сказок на коми языке.

Помимо отсутствия механизмов передачи традиционных представлений о сверхъестественном, на мировоззрение людей оказывают влияние условия жизни. Так, информанты наиболее полно и подробно рассказывают истории о домовых и банниках, в гораздо меньшей степени о леших, водяных и русалках. Это можно объяснить тем, что сейчас меньше людей занимаются оленеводством, охотой и рыболовством в качестве основного занятия, тесная связь с природой и зависимость от нее не так велики как раньше.

Наиболее почитаемым сверхъестественным персонажем является домовой – *керка олысь*. Домовой в большинстве рассказов невидим, но его можно услышать, почувствовать: он может стучать, ходить по дому, «спать не давать», «как ночь, начинает по крыше бегать». Иногда домовой может быть видимым, «мохнатый, черный, с крыши веником вниз спрыгнул». О домовых рассказывают истории и молодые информанты, в основном эти истории услышаны от знакомых, но иногда и лично сталкиваются с необъяснимыми явлениями: «ночью в ногах прыгал, синяки на утро были»,

«с домовым сама сталкивалась». Считается, что домовых могут видеть маленькие дети возрастом примерно до трех лет. Одна из молодых информантов рассказывала, как ее ребенок говорил, что «дедушка сидит, печеньки ест…», в то время как в комнате никого не было. Обычно домовой доброжелателен к людям либо просто не враждебен. Он обитатель, невидимый хозяин дома, на что и указывает его наименование на коми языке – *керка олысь* (житель, обитатель дома, избы). Если в доме происходят сверхъестественные явления, направленные во вред людям, то считается, что дом построен в плохом месте, связанном с нечистой силой: «там у них дорога», «там у лешего дорога», либо где произошло несчастье, смерть: «дом был старый, много людей умерло».

Среди пожилых людей бытует довольно много рассказов о *банниках*. Наиболее силен запрет не ходить в баню после полуночи, особенно в одиночку – почти все информаторы, если и не верят, то знают об этом. Только дети удивленно спрашивают «почему нельзя?», «мы вечером дома моемся». Особенно важным считалось соблюдение этого правила в отношении старых бань, бань по-черному и почти не соблюдается, если речь идет о благоустроенных квартирах. Есть интересные былички о наказаниях постигших нарушителей этого запрета. Так, одна из информантов рассказывала, что во времена ее молодости один парень, поспорив с товарищами, пошел мыться в баню после полуночи, через небольшой промежуток времени вернулся «не в себе»: «без одежды, лицо вымазано в саже, только зубы белые показывает…», вел себя агрессивно по отношению к окружающим, не мог ничего внятно сказать. После лечения в больнице к нему вернулся рассудок. То, что в бане происходят сверхъестественные явления (кто-то пугает, горит свет и т.д.), иногда объясняется еще и тем, что в бане произошло какое-то *плохое* событие. Так, запрещалось ходить в баню вечером, где отравилась пара влюбленных: невеста, не пожелав выходить замуж за нелюбимого, сбежала вместе с тем, кого любила, они заперлись в бане и выпили стрихнин. Банник может быть не только мужской, но и женской сущностью, *гуренька* – ночная банница.

Информации о других сверхъестественных существах меньше. Так, леший однозначно воспринимается как злое по отношению к человеку существо, нечистая сила, его также называют *лешак*, *дявол*, *дяволыс,* даже его имя лучше не поминать лишний раз. О леших рассказывают, что в лесах есть такие «нехорошие», «плохие» места, где «леший водит». Чтобы выбраться из таких мест, нужно снять обувь и поменять стельки в обратную сторону. Также желательно читать молитву: Псалом девяностый, молиться Николаю Чудотворцу. О русалках и водяных рассказывают совсем немного, водяной – мохнатый, маленький, «русалок мама видела». В отличие от лешего, русалки иногда помогают людям, могут спасти, когда высокие волны, «мать видела, как русалка взяла и лодку через волны перенесла».

Существует вера в колдовство, однако, по словам информаторов, сейчас среди коми колдунов нет, но такие люди были раньше. Тем не менее, известны способы лечения болезней заговорами и молитвами, отмечается, что были люди, наделенные сверхъестественными способностями к ясновидению. Одна из информаторов рассказывала быличку о том, что у нее в роду была женщина, которая занималась колдовством и хотела обучить этому свою младшую родственницу, но та оказалась неспособной к обучению.

Отдельным мифологическим персонажем является душа-двойник человека – *урес*, способный предсказывать смерть. Если в доме начинают внезапно происходить странные события, что-то чудится, кажется, будто кто-то ходит, слышатся странные звуки, падает мебель или посуда – это значит, что *урес ходит,* и в этом доме кто-нибудь скоро умрет или тяжело заболеет. Также знаком, посылаемым уресом и предвещающим несчастье, может быть внезапное появление в доме дикого лесного животного или птицы. Особенно плохим событием считается, если в дом влетит и разобьется о стекло птица – «это к смерти».

Подводя итог, можно сказать, что среди пожилого населения сохраняются элементы традиционных народных верований в сверхъестественные существа и силы. Наиболее полно сохраняются представления о домовых, банниках, в меньшей степени о духах природы – леших, русалках, водяных. Передача этих знаний и представлений молодому поколению практически не осуществляется. При этом наблюдается интерес и со стороны молодежи к своей культуре, однако ведущим является стремление сохранить свой язык, фольклор и народный костюм.

Е.В. Титов
Красноярск, Сибирский государственный
аэрокосмический университет им. акад. М.Ф. Решетнева

Форма поселений татар Тарского Прииртышья второй половины XIX века

Данная работа посвящена исследованию формы поселений (принцип организации усадеб внутри поселения) татар Тарского Прииртышья и является частью комплексного изучения поселенческо-усадебного комплекса, наряду с рассмотрением типа поселения, типа заселения и типа расселения [Витов, 1953].

В качестве источников нами привлечены: «Статистическое описание дач инородцев Подгородной и Порушной волостей Тарского округа. 1854 г.» (фонды Государственного архива Омской области); планы юрт Мало-Мурлинских, Тоскиных и Коготовских Аялымской волости Тарского округа второй половины XIX в. (фонды Государственного архива Омской области); Список населенных мест по сведениям 1868-1869 годов.

Принято считать, что для ранних татарских поселений в основном был характерен архаичный гнездовой или кучевой тип со сложной, запутанной планировкой. Уличной форме предшествовала так называемая планировка беспорядочного плана, когда жилища и дворы были разбросаны бессистемно, поэтому прямые и достаточно широкие улицы отсутствовали [Томилов, 2004].

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют говорить, что к концу XIX в. поселения татар Тарского Прииртышья уже имели уличную планировку. Однако, еще в «Статистическом описании…» 1854 г. отмечалось в отношении юрт Речаповских, что они «…расположены на правом возвышенном берегу реки Иртыша в неправильных улицах и переулках…». Там же есть указание, что «…юрты Кыргапские расположены на левом берегу реки Иртыша и дуги озера Утемышь на ровном низком месте, в правильной улице…». Таким образом, начало процесса формирования улиц в деревнях тарских татар можно отнести к середине XIX в.

Планировку поселений второй половины XIX в. можно проследить по планам Тобольской Губернской комиссии, хранящимся в Государственном архиве Омской области.

На плане юрт Коготовских Аялымской (Аялынской – Е.Т.) волости Тарского округа Тобольской губернии, исполненном в 1883 г. тобольским губернским чертежником Степановым, можно выделить две улицы. Одна проходит через всю деревню и частично застроена с двух сторон, вторая имеет одностороннюю застройку и оканчивается тупиком. Можно предположить, что в центре деревни располагалась мечеть, которая в этот период существовала в населенном пункте и была отмечена в «Списке населенных мест…» за 1868-69 гг. [Список населенных мест.., 1871].

На плане Тобольской губернии Тарского округа Аялымской (Аялынской – Е.Т.) инородческой волости юрт Тоскиных, составленном старшим окружным землемером Шмурыгиным в 1881 г., отмечена одна улица с двусторонней застройкой с несколькими проулками, остальные усадьбы не имеют четкого порядка.

Еще один план юрт Мало-Мурлинских Тобольской губернии Тарского округа Аялымской (Аялынской – Е.Т.) волости составлен по предписанию Тобольской Казенной Палаты младшим землемером Кремлевым в 1882 г. На нем четко виден порядок единственной улицы, состоящей из 17 усадьб.

В государственном архиве Омской области сохранились проекты по перепланировке населенных пунктов, разработанные Тобольской губернской комиссией в последней трети XIX в. Как видно на планах, селения должны были получить в итоге «квартальную» планировку, прежде всего, за счет четкого расположения и внутренней планировки усадеб. «Образцовые кварталы» должны были включать в себя 4 или 6 усадеб. Подобные «кварталы», разделенные проулками должны были составлять план населенного пункта (рис. 1).

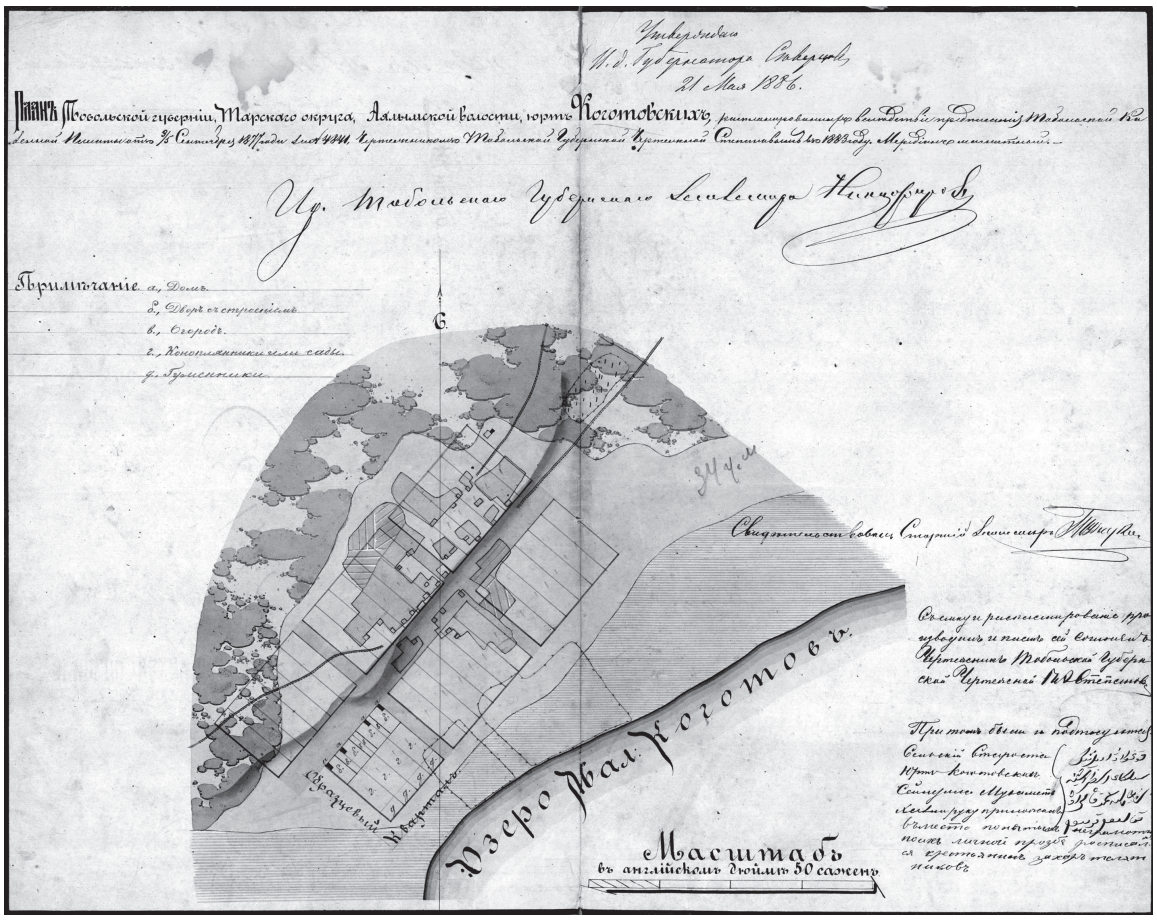


Рис. 1. План Тобольской губернии, Тарского округа, Аялымской волости, юрт Коготовских, 1877 г. (ГАОО Ф. 183. Оп. 4. Д. 74. Л. 1.)

На основе изложенных материалов можно предположить, что для периода второй половины XIX в. основной единицей застройки, формирующей поселение татар Тарского Прииртышья, выступала усадьба с жилым домом и хозяйственными постройками. В этот период происходит переход от бессистемной застройки к уличной.

Литература

Витов М.В. О классификации поселений // СЭ. – 1953. – № 3. – С. 27-37.

Список населенных мест по сведениям 1868-1869 годов. – СПб., 1871. – Т. 60: Тобольская губерния. – С. 11-115.

Томилов Н.А. Поселения сибирских татар в трудах ученых и путешественников конца XVI – XIX вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск, 2004. – Т. 8. – С. 21-36.

К.А. Тишкина
Барнаул, Алтайский государственный университет

Этнографические исследования М.В. Швецовой на Алтае

Мария Васильевна Швецова (1856 (?) – после 1901) – этнограф и статистик, одна из первых женщин – исследовательниц Сибири. В конце 1870-х М.В. Швецова была осуждена за антиправительственную деятельность и отбывала ссылку сначала в Нолинске Вятской губернии, а с июля 1884 г. в Тюкалинске Тобольской губернии. Вскоре Мария Васильевна познакомилась с политическим ссыльным Сергеем Порфирьевичем Швецовым (1858–1930) [Исследователи.., 2000].

В июне 1888 г. Швецовы переехали в Барнаул, где Мария Васильевна принимала участие в некоторых мероприятиях Общества любителей исследования Алтая [Тишкина, 2009].

После переезда семьи в Омск, в 1897 г. Мария Васильевна стала членом Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО) [Исследователи.., 2000]. В этом же году С.П. Швецов получил предложение Главного Управления Алтайского округа произвести на территории Горного Алтая статистико-экономическое обследование так называемых калмыцких стойбищ – мест проживания инородцев.

Мария Васильевна вместе с Сергеем Порфирьевичем отправилась в поездку на Алтай. Она помогала супругу в сборе информации и параллельно осуществляла собственные этнографические наблюдения за жизнью местного населения. Внимание исследовательницы привлекла духовная культура алтайских инородцев [Круссер, 1993]. Для заседания сотрудников ЗСО ИРГО 28 октября 1897 г. М.В.Швецова подготовила сообщение «Об алтайских калмыках». В программу доклада входили следующие вопросы: «Внешний вид калмыков, их исторические предания, религиозные верования, жилища, пища, одежда, административное устройство и юридические обычаи, занятия и степень культурности» [Отчет.., 1899, с. 13–14].

В 1898 г. материалы доклада под названием «Алтайские калмыки», дополненные приложением в виде рисунков (орудий труда, бытовых сцен, археологических памятников), были опубликованы в «Записках Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества». Этот труд содержал сведения о быте и духовной культуре инородцев. В «Алтайских калмыках» были воспроизведены легенды местного населения. Мария Васильевна выявила основные занятия алтайских инородцев (охота, орешный промысел, скотоводство, земледелие). Исследовательница указала на распространение среди части алтайцев христианской религии и уделила особое внимание выявлению и рассмотрению различий между крещеным и некрещеным населением в социальных и бытовых отношениях, одежде и т.д. [Швецова, 1898].

Летом 1898 г. ЗСО ИРГО выделил средства для исследовательской работы М.В. Швецовой на Алтае [Колесников, 2000]. Она планировала заняться изучением поселений так называемых «поляков». «Поляками» себя называли русские старообрядцы, переселившиеся в 1721 г. из европейской части Российской империи на территорию Польши. В 1762–1765 гг., согласно указам Сената, они были отправлены «… в Сибирь…на поселение» [Швецова, 1899, с. 6]. Старообрядцев переселяли на территорию Алтайского горного округа и в Забайкалье. Определенный интерес к данной категории населения Алтая проявляли С.И. Гуляев, Н.М. Ядринцев [Липинская, 1996]. Однако этнографическое изучение старообрядцев не предпринималось. «В литературе об алтайских поляках имеется очень мало указаний, да и те касаются более исторической высылки их в Сибирь», – отмечала М.В. Швецова [1899, с. 1].

С июня по октябрь 1898 г. Мария Васильевна осуществляла обследование мест проживания старообрядцев в нескольких волостях Змеиногорского и Барнаульского округов. Благодаря ходатайству перед Томским губернатором, Марии Васильевне было разрешено работать с документами в волостных архивах, а также Главного Управления Алтайского округа и горных контор – Змеиногорской и Риддерской. Из архивных документов М.В. Швецова выявила важные сведения по истории заселения Алтая староверами. Благодаря опросам потомков переселенцев Марии Васильевне удалось зафиксировать, что «поляками» называли также представителей старой веры, высланных в 1760-е гг. из Стародубья (Малороссия). Однако, по мнению исследователя Н.А. Миненко [1983, с. 200], их число было не очень значительным.

Мария Васильевна занималась сбором фольклорных материалов. Потомки переселенцев из Польши сохранили традиции, обряды, песни и т.д., представлявшие интерес для исследования. М.В. Швецовой были записано множество песен (свадебных, уличных, хороводных) и причитаний. В результате экспедиционной поездки ей удалось собрать 155 образцов ткани, которые впоследствии были рассортированы по видам тканого материала. В состав коллекции входили: 10 холстов, 2 крашеных, 22 полотна, 105 пестрядей, 1 армячина, 7 образцов рельефного мелкоузорчатого ткачества и 8 образцов многоремизного ткачества. Большая часть образцов была получена в с. Анисимовское Боровлянской волости Барнаульского округа. Помимо этого, Марией Васильевной были собранны готовые изделия из полотна. Так, например, из д. Черемшанка Риддерского волости Змеиногорского округа доставлены 2 половика, созданные руками местной мастерицы [Культура русских.., 1994, с. 85]. Впоследствии данное собрание было передано в музей ЗСО ИРГО. Оно считается самым крупным поступлением конца XIX – начала XX вв. [Томилов, 1993, с. 9].

В 1898 г. ЗСО ИРГО организовал выставку этнографических материалов, собранных М.В. Швецовой во время экспедиции на Алтае. Вниманию посетителей были представлены орудия труда, связан-

ные с пчеловодством, различные предметы домашней утвари [Томилов,1981, с. 87]. 10 ноября 1898 г. на заседании членов ЗСО ИРГО Мария Васильевна представила сообщение «Из поездки в Риддерский край». Материалы доклада были впоследствии опубликованы [Швецова, 1898].

На общем собрании сотрудников ЗСО ИРГО 23 декабря 1898 г. М.В. Швецова выступила с сообщением «История поселения поляков на Алтае». Впоследствии осуществилась публикация данных материалов, существенно дополненных приложением обычных и обрядовых песен и причитаний, «…которые были распространены только среди поляков и не употреблены у риддерцев» [Швецова, 1899, с. 78].

Мария Васильевна Швецова внесла значительный вклад в изучение Алтая. Зафиксированные ею в конце XIX в. сведения о быте и хозяйстве различных групп населения региона продолжают оставаться важными источниками, к которым обращаются современные исследователи. Марии Васильевне удалось собрать и опубликовать уникальный фольклорный материал. Составленное М.В. Швецовой в 1898 г. этнографическое собрание пополнило музей ЗСО ИРГО.

Литература

Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века: Биобиблиограф. словарь. – Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000. – 280 с.

Колесников А.А. Мария Швецова. Контур личности // Алтайский сборник. – Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000. – Вып. XX. – С. 255-262.

Круссер Р.Г. Исследователи Южной Сибири С.П. и М.В. Швецовы // Из истории юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – С. 68-75.

Культура русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. – Томск: Изд-во Томск. ун-та,1994. – С. 84-85.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX вв. – М.: Наука, 1996. – 269 с.: ил.

Миненко Н.А. Ссыльные крестьяне – «поляки» на Алтае в XVIII – первой половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 198-214.

Отчет о деятельности Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1897 г. – Омск: Типография окр. штаба, 1899.

Тишкина К.А Исследования на Алтае Е.Н. Рыловой и М.В. Швецовой // Пятые научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. – Барнаул: Азбука, 2009. – С. 162-163.

Томилов Н.А. Предметы хозяйства русских в этнографическом фонде Омского государственного объединенного исторического и литературного музея // Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. – С. 7-12.

Томилов Н.А. Этнографические коллекции в омских музеях // СЭ. – 1981. – № 5. – С. 84-95.

Швецова М. Алтайские калмыки // Зап. / ЗСО ИРГО. – Омск, 1898. – Кн. XXIII. – С. 1-34.

Швецова М. Из поездки в Риддерский край // Зап. / ЗСО ИРГО. – Омск, 1898. – Кн. XXV. – С. 1-27.

Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Зап. / ЗСО ИРГО. – Омск,1899. – Кн. XXVI. – С. 1-92.

А.А. Хабарова

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Современная идентичность эвенков (по материалам экспедиции 2009 года в Северобайкальский район Республики Бурятия)

Вопрос об идентичности человека был и остаётся одним из основных с начала появления науки о человеке. Социально-экономическое и культурное положение коренных малочисленных народов, к которым относятся эвенки, на настоящий момент достаточно плачевное, в первую очередь с точки зрения сохранения их самобытной культуры. Вопросы о сохранении не только объектов

материальной и духовной культуры, а так же традиционной идентичности сегодня стоят как никогда остро.

В ходе летней полевой этнологической практики мы провели исследование в четырех эвенкийских поселениях Северобайкальского района Республики Бурятия: Старый Уоян, Кумора, Байкальское и Холодное.

Исследование проводилось при использовании таких методов, как опрос и неформализованное интервью. Опросник был составлен заранее, и включал в себя вопросы, касающиеся:

I – «паспортных данных» (И.Ф., возраст, место рождения);

– собственной идентичности (самоидентичности) и идентичности своей семьи, родовой идентичности;

II – знания родного языка, сферы его использования;

III -знания традиционных отраслей хозяйства.

Эти факторы являются основными при определении и описании идентичности, именно поэтому опросник был составлен таким способом.

Неформализованное интервью проводилось по месту жительства респондента двумя интервьюерами; время варьировалось от 3 минут до 2-х часов, проходило в устной форме, велась запись на диктофон (Архив полевых исследований УНЦСА РГГУ. 2009).

Гипотезу-основание можно сформулировать следующим образом: представление людей о своей идентичности зависит от внешних и внутренних факторов.

Альтернативные гипотезы-следствия:

– большая часть опрошенных оперирует внешними, а не внутренними факторами;

– большая часть опрошенных оперирует внутренними, а не внешними факторами;

– большая часть опрошенных оперирует внутренними и внешними факторами в равной мере при определении своей идентичности.

По результатам данного опроса и некоторых интервью видно, что самоидентичность определяется в комплексе: национальность – родовая принадлежность. Это свидетельствует о том, что родовая идентичность не забыта старшим и средним поколениями. Практически любой эвенк готов назвать тот род, от которого пошли его предки. Здесь мы видим, что большую роль играет внутренний фактор, такой как экзогамия. При объяснении причин самоидентичности, внимание к которой стало особенно актуальным в последнее десятилетие, респонденты оперируют уже внешними факторами, объясняя свою национальность или национальность своего ребёнка существующими льготами для коренных малочисленных народов Севера.

Интересно принять во внимание тот факт, что традиционно являясь обществом с патрилинейным счётом родства, многие эвенки самоопределяют себя эвенками по матери (пос. Старый Уоян).

Считается, что взаимосвязь языка и этнической идентичности является неоспоримым фактором, что при утере своего языка этнос «гибнет». Но в поселениях, где проводилась работа, язык сохранился на очень низком уровне. В школах эвенкийский язык либо не преподается вовсе, либо в виде факультатива. Родители считают, что английский язык намного важнее для детей, чем их родной эвенкийский. Многие респонденты, которые определяли себя как эвенки, родным языком назвали русский. Эвенкийский язык на данной территории сохранился в памяти старшего поколения, в фольклоре, терминологии в некоторых видах традиционных занятий. Для общения выбирается русский язык, а эвенкийский уже не используется. Это позволяет совершенно иначе взглянуть на взаимосвязь язык-идентичность. Возможно, при потере языка в культуре на первый план выступают иные механизмы самоидентификации.

Одним из важнейших критериев идентичности является знание традиционных занятий своего народа. Блок вопросов о традиционном хозяйстве дал наиболее положительный результат. Большинство опрошенных знают, чем традиционно занимаются эвенки. Кроме того, некоторые отрасли традиционного хозяйства сохраняются и сегодня (охота, рыболовство, охота на нерпу и проч., собирательство). Оленеводством эвенки не занимаются после распада Советского Союза, когда на территории Северного Прибайкалья прекратили существование оленеводческие колхозы. Был проведён эксперимент с использованием рисунков на тему: «Представление эвенкийских детей о традиционных занятиях своего народа», который показал, что знания о промысловом хозяйстве коренных жителей Прибайкалья среди младшего поколения эвенков и живущих здесь русских сохраняются на достаточно высоком уровне.

Исходя из проработанной ранее литературы по данному вопросу [Анисимов, 1936; Беликов, 1994; Туголуков, 1997; Шубин 1973; Этнографический сборник, 1975], а так же полученного в ходе экспедиции материала, можно сделать вывод о том, что эвенки при определении собственной идентичности руководствуются внутренними факторами, а при объяснении идентичности называют себя эвенками из-за некоторых внешних факторов, к которым, в первую очередь, относятся существующие льготы. По ответам на вопросы, которые касаются родного языка, видно, что эвенки не дорожат своим языком и, наряду с тем, что называют себя эвенками, родным считают русский язык. Традиционные виды хозяйства сохраняются на достаточно высоком уровне.

Будущее народа находится не только в руках власти и общественности, а в равной мере зависит и от самих коренных его представителей. В связи с этим общественности и власти целесообразно проводить преобразования, направленные на ревитализацию этноса, а именно, восстановление знаний о собственной культуре, обычаях и традициях своего народа, а так же практик преподавания традиционно родного эвенкийского языка и сохранения традиционных занятий.

Литература

Анисимов А.Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). – Л.: Изд-во Ин-та народов севера ЦИК СССР, 1936. – 195с. + 1л. Карт. – (Тр. по этнографии. – Т 1).

Беликов В.В. Эвенки Бурятии: история и современность. – Улан-Удэ, 1994. – 174 с.

Туголуков В.А. История и культура эвенков: Ист.-этногр. очерки. – СПб.: Наука. 1997. – 172 с.

Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII – XX вв.). – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1973. – 108с.

Этнографический сборник. Культура и быт народов Бурятии. – Улан-Удэ.: Бур. кн. изд-во, 1975. -169 с.

У.Т. Ховалыг

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

История возникновения шахмат в Тыве по археологическим и этнографическим источникам

Среди кочевников Монголии и Тывы шахматы стали особо популярной настольной игрой наряду с их любимыми традиционными видами соревнований как во время общенародных празднеств, так и в домашних условиях. В Тыве эта древняя благородная игра входит в число основных трех игрищ в национальном празднике Наадым, уступая по своей значимости и зрелищности лишь тувинской борьбе (хүреш) и конным скачкам. Шахматы, неотъемлемая часть тувинского Нового года по буддийскому лунному календарю – Шагаа, и других не менее значимых для тувинцев праздников.

Появление в культуре народов Евразии достижений индийской цивилизации справедливо связывается с распространением буддизма. Во время правления в Индии знаменитого царя Ашоки в III в. до н.э., когда буддизм, получив государственную поддержку, находился в зените своего могущества, в городе Паталипутра состоялся III буддийский собор. На нем было принято решение проповедовать учение Будды за пределами Индии во всем обитаемом мире [Мкртычев, 2002]. Вскоре буддизм стало исповедовать население Греко-Бактрийского царства (III–II до н.э.) и Кушанской империи (I–IV вв. н.э.).

Кушаны являются одними из первых кочевых народов из Центральной Азии, принявших буддизм. При правлении царя Канишка (101–120 гг. н.э.), который принял и распространял буддизм, границы и сферы влияния кушанской культуры значительно расширились в сторону Восточного Туркестана и Средней Азии. Вместе с другими элементами древнеиндийской культуры в Среднюю Азию и Восточный Туркестан попадают шахматы. Самые древние археологические артефакты, свидетельствующие о распространении шахмат, происходят именно из этих регионов. Особый интерес представляют шахматные фигурки быка-зебу и слона из Дальверзин-тепе (Средняя Азия, II в. н.э.) [Мешкерис, 2004]. В Восточном Туркестане из Кочо («руины К») происходит шахматная фигура из слоновой кости. Альфред фон Лекок отмечает грубую работу и не восточно-туркестанский стиль [Восточный.., 1995, с. 198].

Шахматные фигуры VII–VIII веков, найденные в Самарканде и Фергане, несомненно, восходят к Ирану и очень раннему периоду истории игры [Финкенцеллер и др., 2003]. Эти фигуры очень малы, их средняя высота около 3 сантиметров. Выполненные в VII в., они являются одними из самых ранних дошедших до наших дней шахмат [Вильямс, 2006, с. 15]. Скорее всего, именно через Иран, Среднюю Азию и Восточный Туркестан шахматы из Индии проникли в культуру кочевников Монголии и Тывы еще в средние века. Впрочем, известный этнограф и археолог С.И. Вайнштейн о происхождении шахмат в Тыве предположил, что, по-видимому, эта игра проникла к тувинцам из Тибета через монголов (по-тибетски «шахматы» – «чадараки» или «шатара», по-монгольски – «шатыр»). Древнейшее упоминание шахмат у монголов относится к XVI в. Видимо, в то время игра была известна и тувинцам [Вайнштейн, 2009, с. 247]. О взаимосвязанности возникновения шахмат у тувинцев и монголов говорят не только общие названия фигур, и правила игры, но и традиционное изображение фигур. Об этом упоминает во время поездки в Западную Монголию летом 1908 г. Б.Я. Владимирцов: «Шахматы – «шатыр» у дэрбэтов встречаются самодельные, деревянные, причем особенно ценится изображения хана, верблюда, коня, т.е. наших короля, офицера, коня, и металлические. Последняя привозится от урянхайцев (тувинцев – У.Х.), сами лить дэрбэты не умеют» [Владимирцов, 2002, с. 88].

Тувинские шахматы (по-тувински «шыдыраа») гораздо ближе к старинной иранской игре и ее модификациям, чем к игре древнеиндийской. По письменным памятникам, первыми, кто перенял шахматы от индийцев, были иранцы. Абу-ль-Касим Фирдоуси Туси (ок. 940–1030 гг.) в легенде о происхождении шахмат «Гав и Талханд», подробно рассказывает о расположении фигур и их ходах по доске. Если сравнивать названия фигур и правила игры у иранцев времен Фирдоуси и тувинских шахмат, то становится ясно, что они практически не претерпели значительных изменений. У древних иранцев (по Фирдоуси): шах – «ноян» у тувинцев, «король» у европейцев; наставник (визирь) – «мерзе» у тувинцев, «ферзь» у европейцев; два слона – «тевелер» (верблюды), «слоны»; верблюды – «тевелер»; два коня – «аттар» (кони), «кони»; птицы-рух – «тергелер» (колесницы), «ладья»; пешая рать – «оолдар» (мальчики), «пешки» [Дьяконов, 1985, с. 132–133]. Ладья – терге («телега»), могла иметь и вид колеса, и так называемого «бесконечного узла» – орнаментального символа счастья [Вайнштейн, 2009, с. 249]. Есть и другие особенности названий фигур и правил игры. Например, при нападении на короля слово «шах» (по-тувински «ша») произносилось лишь тогда, когда ему угрожали ферзь, конь или ладья, но если это был слон, то произносилось «ту», а если пешка, то «сот».

Многие исследователи отмечали любовь к шахматам тувинцев и искусно сделанные шахматные фигуры, которые нигде в мире, кроме Тывы и Монголии, не встречаются. Ф.Я. Кон, В.А. Ошурков, А.В. Потанина во время путешествия по Тыве оставили ценные заметки о традиционной культуре тувинцев XIX в., в том числе и о тувинских шахматах [Кон, 2002; Ошурков, 2002; Потанина, 2002].

Шахматные фигуры тувинцы делали из мягкого камня – агальматолита, вырезали из дерева, отливали из бронзы. Изготовление традиционных тувинских шахмат до сих пор развивается. Искусство мастеров-камнерезов стали известны не только в Тыве, но и за Саянами.

Литература

Вайнштейн С.И. Загадочная Тува. – М.: Изд-во ООО «Домашняя газета», 2009. – 415 с.

Вильямс Г. Шахматы: история, фигуры, игроки. – М.: Изд-во «Арт-Родник», 2006. – 160 с.

Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М.: Вост. лит., 2002. – 557 с.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура. – М.: Вост. лит. РАН, 1995. – 523 с.

Дьяконов М.М. Абу-ль-Касим Фирдоуси Туси. Гав и Талханд (рассказ о происхождении шахмат) // Дьяконов М.М., Дьяконов И.М. Избранные переводы. – М.: Наука, 1985. – С. 88–134.

Кон Ф.Я. За пятьдесят лет // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX–начало XX века). – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002. – С. 69–108.

Мешкерис В.А. Индийские традиции в художественной культуре Средней Азии. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ин-та истории РАН «Нестор-История», 2004. – 164 с.

Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). – М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. – 286 с.

Ошурков В.А. Отчет о поездке, совершенной летом 1902 года в Западные Саяны и западную часть хребта Танну-Ола // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX–начало XX века). – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002. – С. 38–41.

Потанина А.В. Из путешествий по восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX–начало XX века). – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002. – С. 29–38.

Финкенцеллер Р., Цир В., Бюрер Э. Шахматы: 2000 лет истории. – СПб.: «Славия», 2003. – 208 с.

А.А. Чакыров
Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

История изучения бурханизма

Движение бурханистов на Алтае на протяжении всего прошлого столетия привлекает внимание исследователей. В литературе начала XX в. доминировало мнение о том, что бурханизм представлял собой религиозное движение, возникшее на почве недовольства алтайцев своей религией – шаманизмом под воздействием буддизма (ламаизма) [Клеменц, 1905]. Иную трактовку бурханистского движения высказал С.И. Аккерблом. Это движение, по его словам, было вызвано захватами инородческих земель, эксплуатацией коренного населения русскими купцами при торговых сделках и кредите, колонизаторской деятельностью православной миссии [Аккерблом, 1905]. Сибирский исследователь С.П. Швецов, считал, что причины зарождения бурханизма нужно искать «в положении миссии на Алтае, в бесправном положении алтайских инородцев» [Швецов, 1906].

В целом, все указанные авторы сходились на том, что бурханизм был религиозным движением алтайцев, вызванным экономическими, политическими и идеологическими причинами.

В историографии советского периода разногласия в оценке бурханизма не были преодолены. Если в 1920-х гг. он характеризовался, преимущественно, как религиозное движение, то с конца 1920-х – начала 1930-х гг. в литературе обозначились две разные точки зрения. Начало тому положила, по существу, публикация в 1930 г. книги Л. Мамета. Он оценил бурханизм как «национально–освободительное движение алтайцев, принявшее религиозную форму» [Мамет,1930]. В 1930-х гг. в историко-этнографической литературе движение бурханистов характеризуется как «националистическое движение с прояпонской ориентацией», сторонником этой концепции был Л.П. Потапов [1953]. Такая характеристика событий 1904 г. продолжала доминировать вплоть до 1990-х гг.

Во второй половине 1980-х гг. произошел фактический отказ от концепции восприятия бухановистского движения, доминирующей в советской историографии. Единственно верный, как казалось тогда, взгляд на сущность этого вероучения как реакционного сепаратистского явления прояпонской направленности, перестал быть таковым. Во второй половине 1980-х гг. Л.И. Шерстовой была выдвинута концепция, согласно которой бурханистское движение рассматривалось как этноконсалидирующее для южных алтайцев. Исследователем была сформулирована концепция, согласно которой «бурханизм» сыграл этноформирующую роль при складывании народности «Алтай-кижи» [Шерстова, 2005]. В ее трудах бурханизм характеризуется как «национально-религиозная идеология». Данная точка зрения получила развитие в трудах других исследователей Горного Алтая. Так, в статьях Н.А. Тадиной на фактическом полевом материале освещен вопрос о складывании этностереотипов южных и северных алтайцев, основанных на стремлении сохранить этническое «я» алтайцев в современных условиях ассимиляции в русскоязычной среде [Тадина, 2005].

В 1993 г. немаловажную роль в процесс изучения бурханизма внесла публикация монографии А.Г. Данилина, хранившейся в архиве Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера, С-Петербург) [Данилин, 1993]. Труд А.Г. Данилина написан на основе ценнейшего полевого материала и полностью посвящен «белой вере» («Ак јан-»). Так в алтайском народе названо бурханитское движение.

В истекшее десятилетие интерес к бурханизму не иссяк. Новшеством современного периода стало обращение к проблеме влияния ламаизма и восточной ветви христианства на формирование бурханизма. Н.О. Тадышевой была предпринята попытка сравнения ритуальных действий, характерных для православия и бурханизма [Тадышева, 2006].

В целом, 1990-2000-е гг. ознаменовались обращением исследователей к детальному рассмотрению самого процесса изучения сущности и истории бурханистского вероучения и исторических условий, определявших появление тех или иных концепций в исторических условиях [Насонов, 2009].

Помимо этого, подлинное научное изучение этого религиозного явления – «бурханизм», соседствует с массой публицистической статей и высказываний, которые свидетельствуют о том, что в его трактовке появилось гораздо больше точек зрения, чем в прежние годы. Из всего этого следует, что комплексное изучение бурханизма остается так же актуальным, как и десятилетия назад.

Литература

Аккерблом С.И. О религиозном движении алтайских инородцев // Русские ведомости. – 1905. – № 4.

Данилин А.Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае. – Горно-Алтайск: Изд-во «Юч-Сюмер», 1993.

Клеменц Д.А. Из впечатлений во время летней поездки в Алтай в 1904 г. // Вестник РГО. – 1905. – Т. 41. – Вып. 1. – С. 155-159.

Мамет Л.П. Ойротия: очерк национально-освободительного движения и гражданской войны в Горном Алтае. – М.,1930.

Насонов А.А. Современные тенденции в изучении бурханизма // Актуальные вопросы истории Сибири (мат-лы конф.). – Барнаул: Изд-во АГУ, 2009.

Потапов Л.П. Очерк по истории алтайцев. – М.; Л.: Наука, 1953.

Тадина Н.А. Этническая консолидация и преемственность поколений в осмыслении бурханизма // ЭО. – 2005. – № 4. – С. 38-44.

Тадышева Н.О. Проблема христианизации алтайского народа (по материалам из фонда национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина) // Алтай – Россия: через века в будущее (мат-лы конф.). – Горно-Алтайск, 2006. – Т. 1. – С. 125-127.

Швецов С.П. Из религиозной жизни алтайских инородцев // Сибирские вопросы. –1906. – № 2. – С.126-156.

Шерстова Л.И. Бурханизм в Горном Алтае // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 4. – С. 22-37.

Д.Ю. Шабанова

Барнаул, Алтайский государственный университет

Возможность использования этнографических источников при реконструкции мировоззрения древнего кочевого населения Центральной Азии

Одним из направлений научных исследований является изучение древних сообществ. Основной объём материала по данному вопросу в большинстве случаев предоставляет археология. Однако не всегда её сведения позволяют полностью составить представление о множественных вариантах развития древних коллективов. В подобных случаях необходимо прибегать к дополнительной информации, например, использовать письменные источники. На основании изучения обширного корпуса письменных свидетельств исследователи приобретают возможность интерпретировать археологический материал и реконструировать социальную структуру, мировоззрение и жизненный уклад древнего населения. Этнография также предоставляет дополнительную информацию для реконструкции различных сторон жизнедеятельности общества [Тихонов, 2003, с. 49]. Археология получает факты о прошлых социокультурных системах, но не всегда может однозначно интерпретировать их. Этнография может помочь провести и некоторые аналогии. Археологические данные представляют собой своеобразный скелет, на который постепенно нарастают всё новые факты, поставляемые другими источниками, в том числе этнографическими. Основной задачей археологии является наиболее полная фиксация времени культурно-исторических процессов, в то время как этнография выступает в роли механизма этих процессов, её задачей является отражение устройства и функционирования их элементов (древние сообщества) [Клейн, 1998, с. 29-32].

В последние десятилетия происходит интеграция археологии и этнографии, что привело к формированию такого направления как этноархеология. Актуальность этой науки обуславливается получением новых знаний и переосмыслением прошлых [Томилов, 2003]. Ежегодно проводятся научные семинары, объединяющие археологические и этнографические исследования.

Таким образом, благодаря использованию этнографических источников, становится возможным наиболее точно воссоздавать не только социальную структуру общества, но и мировоззрение древнего населения. Если обратиться к современным культам и традициям, то можно обнаружить, что их религии, в силу своей консервативности, сохраняют осколки античных культов [Алексеев, 1978].

Всё это применимо и к реконструкции мировоззрения народов Евразии. Однако, в силу специфического прошлого этого региона, некоторые из них сохранили в бытовой жизни частички глубокой архаики. Следовательно, необходимо комплексно проводить исследования социальных и мировоззренческих явлений [Этнография.., 1980, с. 3].

Привлечение этнографических данных при реконструкции мировоззрения древнего населения на территории Центральной Азии возможно по следующим причинам: они проживали в тех же физико-географических зонах, соответственно, имели схожий хозяйственно-культурный комплекс, как и современное население данного региона (алтайцы, тувинцы, монголы).

Этнографические аналогии в своих исследованиях использовали такие учёные как Н.В. Полосьмак [2006, 2001] при изучении быта, социальной структуры и мировоззрения пазырыкской культуры. А.Д. Грач привлекал материалы исследования погребений в скорченных позах из курганов саглынской культуры. Такая поза встречается в захоронениях различных народов с древности (Австралия, Средняя Азия, Семиречье и т.д.) и трактуется как придание умершему позы спящего [Грач, 1980. с. 65-73].

Проводить реконструкцию можно при помощи всевозможных этнографических источников, например, фольклора (сказки, сказания, песни и т.д.). А.К. Акишев обращает внимание на бронзовую семиреченскую курильницу, которая находится в Государственном Эрмитаже. В центре чаши расположены две фигурки верблюдов. Для определения семантики изображения он обращается к традиции современного казахского населения данной территории сопоставлять всё большое с верблюдом. Такая же традиция находит отражение и в таджикских сказках [Акишев, 1984, с. 69, 74-75].

Кроме легенд и сказаний, в качестве источника информации при реконструкции мировоззрения древних народов могут выступать многие слова, особенно в иранских и индоевропейских языках. Например, слово «огонь» и другие слова со значением «гореть» в разных языках имеют отношение к магическим действиям: авестийский *atar*- «огонь», древне-индийский *droha*. Также понятие «огонь» в древне-индийском может иметь значение ритуальной игры: *kalya-varta,* или ритуальной церемонии: *dhrty* [Маковский, 2007, с. 80-81].

Таким образом, языковые данные помогают с реконструкцией не только географических названий, но и дают возможность восстановить систему мировоззрения древнего населения. [Асимов, 1981, с. 36]. Этот материал является весьма важной составляющей при изучении духовной культуры и истории древнего населения Центральной Азии [Стеблин-Каменский, 1981, с. 240].

Резюмируя, необходимо ещё раз отметить, что при проведении археологических исследований, несомненно, необходимо обращаться к сведениям других наук. В частности, этнографические источники могут быть корректно привлечены при изучении мировоззрения древних кочевников Евразии.

Литература

Акишев А.К. Образ верблюда в легендах Центральной Азии // Этнография народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 69-75.

Алексеев Н.А. Общее в ранних формах религии якутов и тувинцев // Этнография народов Алтая в Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 199-215.

Асимов М.С. Исследование этнической истории древней Центральной Азии (II тысячелетие до н.э.) в советской науке // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). – М: Наука, 1981. – С. 35-43.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

Клейн Л.С. Археология и этнография: проблема сопоставлений // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 1998. – Т. 3. – С. 29-61.

Маковский М.М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 208 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО–Пресс, 2001. – 336 с.

Полосьмак Н.В. Текстиль из «замёрзших» могил Горного Алтая IV–III в.в. до н.э. (опыт междисциплинарного исследования). – Новосибирск: Изд-во РАН, 2006. – 267 с.

Стеблин-Каменский И.М. Памирские языки о мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). – М: Наука, 1981. – С. 238-241

Тихонов С.С. Проблемы археолого-этнографического изучения древних обществ // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2003. – Т. 6. – С. 49-78.

Томилов Н.А. Археолого-этнографическое направление в российской науке конца XVII–XX вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2003. – Т. 6. – С. 10-16.

Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980.

Г.К. Шайжанова
Караганда (Республика Казахстан),
Карагандинский государственный университет им. акад. Е.А. Букетова

Казахско-калмыцкие, джунгарские этнокультурные мирные контакты

Взаимоотношения между народами занимают особое место в истории разных государств, именно они влияют на развитие политики, экономики и культуры всех народов.

На протяжении веков взаимоотношения казахов и джунгар, калмыков отличались своей разносторонностью, начиная от военных нападений и заканчивая добрососедскими и мирными связями. Изучая историю взаимодействия данных народов, исследователи пытались понять основы возникновения этих отношений, а также то, почему со временем эти связи приобретали разный характер и между этими народами возникала непримиримая вражда и было ли между ними мирное взаимопонимание. Исследователи взаимоотношений казахов, джунгар и калмыков, уделяя внимание лишь вражде между этими народами, только изредка и вскользь затрагивают моменты мирного сосуществования. Наша задача – выяснить, в каком объеме эта проблема нашла отражение в историографии и выявить как можно больше фактов мирного и культурного взаимодействия.

У казахов и калмыков, джунгаров были экономические, торговые и культурные контакты и существование этих мирных связей наложило отпечаток на язык, культуру, обычаи этих народов.

В казахском и калмыцком языках очень много заимствований, что доказывают многовековые контакты. Например: казахское слово «аға» – старший брат, в калмыцком языке означает то же самое, только произносится «аха»; сравним также другие слова: куда – худ; былгары – булгар; мал – мал; тал – тал; кок – кук и т.п. [Едилханова, 2005, с. 91].

Взаимодействие и общие этнические связи подверждают и схожие этнические элементы как среди казахов, так и среди джунгар, калмыков. Среди казахского рода каракесек встречаются калмыцкие роды под названием «тоты», «кыз калмак», «бала калмак» и так далее. Все они берут свое начало с обитавших в Каракаралы-Казылыкты в 1630-1730 гг. торгоутов, хошоутов, дербетов [Омари, 2001].

В произведениях казахских акынов и жырау взаимосвязи трех народов широко освещены. Но мирные и культурные взаимоотношения кочевых народов в произведениях редко упоминулись.

В среде казахских акынов и жырау особняком стоит Бухар жырау. Во времена Абылай хана он был главным идеологом казахского народа. В своих произведениях он приводит такие сведения:

Мы – мирый народ,
Проявляли радушие к тем,
Кто уважал нас,
Казахи и калмыки были
По-родственному близки,
Были равными друг другу,
Мирными соседями [Магауин, 1985, с. 46].

Среди джунгарской аристократии встречались героические личности казахского происхождения. Б.П. Гуревич приводит свидетельство об одном из них: «...начинает борьбу с маньчжуро-китайскими захватчиками ойратский владелец Казак-Сара, по своему происхождению связанный с казахской знатью» [Гуревич, 1989, с. 113]. Это подверждается сообщением М. Магауина: «В национально-освободительной борьбе Амурсаны против маньчжурского ига особо отличались и казахские воины; сын попавшего в плен алашского сарбаза Хазык-шары (Казак-сары, «светлый казах»), который родился и вырос среди калмаков, стал национальным героем ойратского народа» [Магауин, 1997, с. 44].

В истории отношений между казахами и джунгарами, калмыками особое место занимает семейно-брачные отношения. В 1741 г. джунгарский хунтайджи Галдан-Церен отправляет к хану Младшего жуза Абулхаиру посольство сосватать своего сына к дочери хана [Ерофеева, 1999, с.256]. Семейно-брачные контакты между народами являются одними из главных взаимоотношений и главным направлением в этнологических исследованиях.

Глубокие многовековые этнические взаимосвязи отразились на их антропологическом облике. Немецкий историк-этнограф Р. Карутц, посетивший Западный Казахстан в 1904 г., обратил внимание на сходство черт лиц казахов и калмыков: «Мне приходилось видеть плоские лица и раскосые глаза почти такого же резко выраженного типа, как у калмыков» [Едилханова, 2005, с. 79]. Все это свидельствует о тесных, обширных и многовековых контактах трех социумов.

Отношения между этими народами взаимно обогащают их культуру, обычаи, фольклор. Среди представителей казахской нации немало тех, чьими прабабушками были ойратки и калмычки. Не думается, что это обстоятельство отрицательно повлияло на их генофонд. До сих пор в Казахстане живут калмыки, внося весомый вклад в развитие нашей культуры. В Калмыкии также проживает казахская диаспора. Выявляя положительные стороны во взаимоотношениях казахов и джунгар в прошлом, хотим напомнить, что в современном мире, устанавливая с соседними странами дружественные взаимосвязи и отношения, народы только выигрывают в политическом и экономическом отношении.

Литература

Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII-XVIII веках. – М.: Наука, 1989. – 375 с.

Едилханова С.А. Казахско-джунгарские взаимоотношения. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 162 с.

Ерофеева И. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. – Алматы: Санат, 1999. – 336 с.

Магауин М. Азбука казахской истории. – Алматы: Казахстан, 1997. – 125 с.

Магауин М. Бес гасыр жырлайды. Ай, заман-ай, заман-ай. – Алматы: Казахстан, 1985. – 235 с.

Омари Ж. Каздауысты Казыбек би. – Алматы: Билим, 2001. – 205 с.

Л.А. Шалунова

Владивосток, Дальневосточный государственный технический университет

Адаптация коренных народов Дальнего Востока в условиях города (на примере Владивостока)

Под *социокультурной адаптацией* (в качестве синонимов используются также категории «межкультурная» либо «кросс-культурная адаптация») понимается процесс и результат активного приспособления этнических групп (и отдельных индивидов – их представителей) к условиям другой социокультурной среды [Маркарян, 1969, с. 31].

В настоящее время продолжаются миграционные процессы коренных народов во Владивосток. Переселение происходит, в основном, представителями молодого поколения. Основополагающую роль здесь играет неблагоприятная социально-экономическая ситуация в местах компактного расселения коренных народов Дальнего Востока. Основными причинами миграции являются трудоустройство и получение образования. В отдельную категорию причин перемещения коренных народов во Владивосток следует выделить причины личностного характера. Среди них были выявлены такие как вступление в брак с жителями города, военная служба и карьерные соображения [Полевые.., 2009].

Необходимо указать ряд факторов, существенно влияющих на процесс адаптации малочисленных народов во Владивостоке. Прежде всего, это *степень их интегрированности в доминирующую культуру.* Представители коренных народов, которые недавно переехали в город, уже демонстрируют потерю основных составляющих традиционной культуры. Большинство из них не знают родного языка, традиционной обрядности, праздников, верований. Практически все респонденты некрещеные, однако, традиционные верования своей культуры не поддерживают. Многие отмечают православные праздники.

На процесс адаптации влияет *глубина различий между культурами.* У всех народов семья является одной из первостепенных ценностей. У большинства народов высоко ценятся «достаток», «удовлетворенность трудом». Распространены и другие ценности, такие, например, как успешность, спокойная жизнь и т.д. Именно эти факторы и являются точками соприкосновения традиционной культуры коренных народов с другими культурами.

Мотивация и ожидания также являются существенным фактором при адаптации. Адекватность ожиданий мигрантов от жизни в новой культурной среде прямо влияет на их адаптацию. В случае коренных народов данная адаптация происходит наиболее успешно, так как городская среда соответствует их ожиданиям и способствует реализации необходимых потребностей (работа, образование, благополучная жизнь, карьера и т.д.).

Социальная поддержка – один из основных факторов, способствующих успешной психологической адаптации и сохранению психического здоровья индивида. Важным становится вопрос о преимуществах поддержки со стороны соотечественников или местного населения [Арутюнов, 1989, с. 58]. В нашем случае подобную роль играет АКМНС «Сунэйни», которая оказывает всевозможную поддержку только что переехавшему молодому человеку.

Отмечено, что когда представители коренных малочисленных народов оказываются в иноэтничном окружении, у них происходит трансформация собственной этнической идентичности и мобилизация идентичности «северянина» [Сагитова, 2004, с. 72]. Идентичность «северянина» позволяет человеку не чувствовать себя одиноким среди «чужих», дает понимание того, что кроме него в городе есть люди со схожей национальной культурой и подобными проблемами. Следует отметить, что представители коренных народов во Владивостоке проживают довольно дисперсно. Высокие коммуникативные связи наблюдаются у представителей молодого поколения и представителей, которые являются участниками организации мероприятий, посвященных традиционной культуре коренных народов Дальнего Востока.

Не смотря на значительную потерю основных составляющих своей традиционной культуры респондентами, наблюдается сохранение определенных культурных элементов в их повседневной жизни. В первую очередь это касается вопросов *ментальности.* Все респонденты подтвердили свою принадлежность к культуре коренных народов Дальнего Востока, сохранив свое самоназвание.

Некоторые представители коренных народов отмечали, что, не смотря на свое соотнесение к одной этнической группе, культура, которую они переняли, была заимствована у другой этнической группы. У представителей молодого поколения, недавно переехавших во Владивосток из Красного Яра, наблюдается смешение понятий «нанайского» и «удэгейского». Данное обстоятельство объясняется преобладающей численностью удэгейцев в селе и, соответственно, доминированием их традиционной культуры. В последнее время среди представителей коренных народов наблюдается рост самосознания и акцентирования внимания на своем самоопределении [Полевые.., 2009].

Значительное распространение среди представителей коренных народов, проживающих в городе, имеет *приготовление традиционной пищи.* В повседневной кухне преобладают такие блюда как «маны-маны» (рыбное блюдо), «бода» (встречается также название «буда» или

«закта» – по-удэгейски), «тала» (сырая рыба). Что касается праздничных блюд, то наиболее распространенным является «лянцай» (картофель, нарезанный соломкой с добавлением обжаренного мяса и лука). Примечательно, что сохранение традиционной кухни, как культурного компонента, обладает наибольшей устойчивостью при переезде коренных народов в город.

Особую роль в сохранении традиционных культурных элементов среди представителей коренных народов, проживающих во Владивостоке, играет *танцевальное искусство.* В рамках города существует ансамбль этнического танца «Бонго». Его участниками являются как представители коренных народов (нанайцы, удэгейцы, нивхи), так и представители других этнических групп (русские, хакасы). Причем среди представителей коренных народов наблюдаются люди разных возрастных категорий (взрослые, молодежь, дети).

У некоторых представителей коренных народов наблюдаются своеобразные *ностальгические чувства* по отношению к прежним местам проживания. Большинство респондентов сохраняют связь с этими местами. Студенты из числа представителей коренных народов часто ездят домой и высказывают мнение, что и в дальнейшем собираются поступать подобным образом.

В процессе проведения исследования было установлено, что отдельные респонденты помнят традиционные легенды и сказки. Причем данная категория опрошенных относится к возрастной группе 44-62 года [Полевые.., 2009]. Эти воспоминания в большинстве случаев связаны с рассказами их бабушек и дедушек. Впоследствии некоторые из этих респондентов передали вышеуказанные рассказы своим детям, которые уже родились во Владивостоке. Данное явление можно обозначить как определенного вида преемственность, то есть *передачу фольклорных знаний из поколения в поколение.*

Если представители старших возрастных групп, в основном, еще сохраняют какие-то элементы своей традиционной культуры, то молодое поколение стремится уже полностью перенять черты доминирующей культуры. На примере Владивостока были продемонстрированы процессы того, каким образом происходит утрата коренными народами своих основных этнических признаков. Подобные явления можно пронаблюдать и в местах компактного расселения коренных народов, однако, они носят более замедленный характер.

Литература

Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. – М., 1989. – 387 с.

Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. – Ереван, 1969. – 168 с.

Полевые материалы автора. – Владивосток, 2009 г.

Сагитова И.О. Малая этническая группа в городе: проблемы адаптации студентов из числа коренных малочисленных народов // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. – Владивосток, 2004. – С. 70-78.

И.В. Шелекетова

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Роль художественного ансамбля в сохранении традиций в современном обществе (на примере коми-пермяцкого коллектива «Мича асыв»)

Коми-пермяцкий ансамбль «Мича асыв» из деревни Большая Коча широко известен в Пермском крае. Он – участник фестивалей финно-угорской культуры и международных праздников. В селе ансамбль является предметом неподдельной гордости, помогая сохранять и развивать национальную культуру. Он «изюминка», привлекающая в эту деревню ученых, студентов, туристов со всей России.

«Мича асыв» не относится к коллективам, которые возникли во времена повсеместного распространения художественной самодеятельности. И этот факт можно расценивать как положительную предпосылку его развития и сохранения самобытности. В работах фольклористов и культурологов (Б.Н. Путилова, Н.Г. Михайловой и др. авторов) подробно разбирается феномен художественной самодеятельности в советское время в сравнении с аутентичной

фольклорной традицией. Обобщая, укажу лишь на особо значимые моменты этого сопоставления.

Во-первых, художественная самодеятельность непременно стремилась к профессионализму. Народная импровизация, индивидуальный характер нередко подменялись чистыми академическими голосами, нотным станом и каждодневными репетициями.

Во-вторых, самодеятельность быстро переставала быть сферой добровольных интересов и искренней активности людей и перерастала в своеобразную трудовую повинность.

Еще один немаловажный момент. На потребу публике художественная самодеятельность сконструировала не существовавшие в реальной жизни «русские народные песни», «украинские народные песни» и т.д. Узкая локальность, вплоть до каждой деревни, присущая народному творчеству, практически полностью была утрачена. Результатом стала потеря богатейшего материала, бытовавшего по своим законам.

Таким образом, художественная самодеятельность превратила народный фольклор, традиционное искусство в упрощенную, стилизованную и обобщенную форму.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что ансамблям народной песни, созданным как коллективы художественной самодеятельности, было крайне сложно выполнять роль собирателей, хранителей и носителей аутентичной народной традиции, которая, как казалось, была в них заложена.

Ансамблю «Мича асыв» удалось избежать этой навязанной сверху искусственной мишуры. Он был создан в 1986 г. на основе уже существующей группы под руководством Н.Ф. Бузиновой по инициативе А.А. Гагарина. Будучи коренным жителем Большой Кочи он в постперестроечное время начал огромную работу по возрождению народной культуры, инициировав со своими коллегами внутренние процессы ее духовного возрождения. Интерес к традиционной культуре, возрастающее самосознание и осознание этнической принадлежности – эти факторы способствовали тому, что у местного населения возрос интерес к народной песне. Деятельность ансамбля стала набирать обороты. Он стал популярным и востребованным.

Творческая жизнь ансамбля держится на настоящих подвижниках, неравнодушных к судьбе малой родины. Руководитель ансамбля – А.И. Теплоухова, стала недавно директором большекочевской школы. Один из участников – В.И. Гагарин – депутат от Большой Кочи в Окружном Собрании, руководитель этнографического музея села и кружка по туризму и краеведению, организатор большинства школьных культурно-массовых мероприятий. Еще один участник – Н.П. Кучевасова – учительница, которая, защитив кандидатскую диссертацию по истории своей деревни, много времени посвящает организации народных праздников и досуга школьников. Но большая часть ансамбля – это жительницы Большой Кочи, которые собираются вместе и поют старинные песни.

Участники «Мича асыв» одну из основных своих задач видят в том, чтобы заниматься поиском, восстановлением текстов и вариантов исполнения песен в том первозданном виде, как это принято воспринимать этнографами, то есть в тех формах, в каких фольклорная традиция существовала в конце XIX – начале XX века. Для этого сам Андрей Гагарин с группой энтузиастов ходили по деревням района, искали тех, кто мог быть либо носителем, либо слушателем старинных песен, мог рассказать о праздниках и танцах.

Записанные тексты участники ансамбля стараются исполнять с максимальной точностью. По их словам, есть некоторые песни, где они не понимают, что обозначает то или иное слово, но воспроизводят то, что было услышано при записи. Здесь иногда помогает «обмен опытом» с ансамблями из соседних деревень – так происходит накопление материала, узнаются непонятные слова, уточняются мелодии. Учитывая, что у каждого солиста индивидуальная манера пения, свой голос, заложенное природой и культурой воспитания восприятие песни, ее понимание, то в результате получается, что, соблюдая локальную традицию, стремясь передать ее в исконном варианте, участники все равно поют каждый на свой лад. Таким образом, сохраняется важная черта традиционной культуры – постоянное развитие, процесс изменения за счет импровизаций, за счет индивидуализации творчества в рамках общего коллективного характера искусства.

Однако для развития традиции мало найти и сохранить сам объект исследования, в данном случае слова и мелодию песни. Необходим общественный интерес и готовность к восприятию

этой традиции. Лишь то, что отвечает внутренним, духовным запросам, способно пустить глубокие корни.

Жители Большой Кочи воспринимают ансамбль как неотъемлемую часть деревенской жизни. Все праздники, в том числе и те, которые были восстановлены, например, Быкобой или День смены травы, проводятся при участии ансамбля. Однако, из-за того что репертуар мало меняется, сегодня отмечается спад интереса. Но и у звезд шоу-бизнеса не все годы звездные. Надеюсь, что участники ансамбля смогут отыскать новые песни, новые жанровые формы. Так, на организованных ансамблем Рождественских игрищах в 2009 г., на которых я побывала как участник Зимней полевой школы молодого антрополога УНЦСА РГГУ, в клубе собралось много народа, и все присутствующие с удовольствием играли и водили хороводы под народные песни.

Для развития фольклорных традиций важно, чтобы были не только те, кто может исполнить песню. Не менее значим механизм передачи опыта и знаний. «Обучение» пению путем совместного исполнения за рукоделием, на работе в поле, на многочисленных календарных праздниках ушли вместе с крестьянским бытом. Как сегодня передать традицию в ее изначальном виде? Неутомимый Андрей Гагарин, осознавая важность преемственности поколений, организовал и детский ансамбль. До сих пор по статусу это два коллектива, но на деле они давно слились воедино и часто на сцене вместе со взрослыми можно увидеть детей и подростков. Передача традиций осуществляется здесь в рамках небольшой группы, внутри которой эта традиция и живет.

«Мича асыв» прикладывает максимальные усилия для сохранения фольклорной традиции Большой Кочи. Он представляет ее не статично в историческом аспекте, словно зафиксированном на кинопленку, а возрождает к жизни, внедряя в повседневность деревни и прививая односельчанам чувство гордости за свое культурное наследие. Локальность, вариативность, развитие, механизмы преемственности, как основные черты традиционной культуры, свойственны творчеству ансамбля в целом и каждому из его участников в отдельности.

Современная жизнь все же диктует свои условия. Возможно, участникам ансамбля «Мича асыв» не удастся привлечь в свои ряды всех большекочинцев и не получится сделать так, чтобы народная песня звучала в каждом доме. Но они вносят очень ощутимый вклад в то, чтобы про всех жителей Большой Кочи нельзя было сказать, что они Иваны, не помнящие родства.

Необходимо отметить также, что «Мича асыв» является механизмом, за счет которого самые активные и инициативные члены деревенского сообщества реализуют себя, воплощая в реальные действия ту культурную базу, которая обусловлена их этническим происхождением и историко-культурной средой проживания. Существование и успешность очень многих проектов, особенно некоммерческих, в современном мире основана на активности, индивидуальной роли отдельных личностей, которые своей верой, харизмой, вдохновением ведут за собой многих. Эти люди не жалеют своего времени и сил для поддержания достойного существования их традиций и обычаев. «Мича асыв» – это творческое сообщество местной интеллигенции и «старейшин», самых почетных жителей деревни, союз молодых сил, современных знаний и исторического опыта. И все это – во благо общей культуры Большой Кочи, каждого ее жителя от мала до велика.

Л.Н. Щанкина
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

Родильные обряды мордвы Циркумприбайкальского региона и Республики Хакасия

В 2008 г. на территории Иркутской области, Забайкальского края и Республики Хакасия работала экспедиция Государственного учреждения «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве РМ» (руководитель: д.и.н., профессор Л.И. Никонова). В Иркутской области были исследованы 2 района – Куйтунский (пос. Уян, пос. Сосновский, д. Листвянка) и Тулунский (д. Афанасьева, с. Гуран) районы; в Забайкальском крае – г. Чита; в Республике Хакасия – г. Абакан, Боградский (с. Сарагаш), Усть-Абаканский (с. Краснозерное)

и Алтайский (села Подсинее, Краснополье, Кайбалы, Аршанов, Солнечное) районы. В данной статье автор опирается на полевые сведения, собранные в указанных населенных пунктах.

Все обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка, имели главную цель: обеспечить благополучные роды, сохранить жизнь новорожденному, создать условия для его развития. Весь комплекс следует разделить на следующие циклы: обычаи и обряды, предшествующие родам и непосредственно связанные с ними; послеродовые обычаи и обряды.

Подготовка к рождению ребенка проходила в относительной тайне. Считалось, что если о беременности узнают посторонние, то это может повредить будущему малышу. В связи с этим даже близкие родственники долгое время находились в неведении о том, что в семье ожидается появление нового члена семьи. Местом родов у мордвы в прошлом были дома, сараи или бани. К роженице приглашали бабку-повитуху. Следует отметить, что повитуха пользовалась большим уважением и дети, которых она принимала во время родов, относились к ней как к родной бабушке. В с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, по словам П.М. Пайгушевой и Е.П. Грызиной, роды принимали Ульяна Накейкина, Дарья Бардина и Евдокия Тимошкина. Они же были и знахарями, а также крестили детей. Если роды были трудные, то роженице расплетали косы, заставляли мужа перешагивать через ее ноги. В с. Аршанов Алтайского района Республики Хакасия при рождении ребенка сразу зажигают свечу и говорят: «Пусть растет и почитает старших». Как вспоминает житель с. Гуран Тулунского района Иркутской области Р.Т. Тришина, «как только в доме рождался ребенок, повитуха мазала ему темечко золой из печки, как бы его «роднила» с домом и с домовым, так как он, якобы, не любит новорожденных». В с. Сарагаш Боградского района Республики Хакасия женщине-роженице клали в постель какой-либо металлический предмет (нож или топор). Это должно было облегчить страдания роженицы и помочь благополучно родить.

У мордовских переселенцев имелись представления о существовании парциальной души в последе. Повсеместно плаценту или послед («место»), предварительно завернув в чистую тряпку, закапывали в доме в одном из передних двух углов или под печкой, реже ином малодоступном, укромном месте: в сенях, во дворе, на усадьбе – там, где обычно не ходили люди. Место, где был закопан послед, старались сохранить в тайне. К примеру, в с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, по словам П.М. Пайгушевой и Е.П. Грызиной, послед прятали в подполе. Когда отпадала пуповина, ее хранили в сундуке или у икон.

Через несколько дней после родов приходили женщины «на зубок» с гостинцами. В с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, по словам П.М. Пайгушевой, этот обряд называется «варжама». С собой приносили разные сладости (конфеты, пряники), обязательно горшок каши и вино.

Большое значение у мордвы придавалось крещению ребенка. Обычно крестили ближе к какому-либо празднику, либо через несколько дней после рождения, если ребенок рождался слабым. В кумовья выбирали как ближайших родственников, так и чужих – друзей, знакомых. Если дети в семье часто умирали, то в кумовья было принято брать первых встречных: кто бы им ни оказался – богатый или нищий, старик или ребенок.

Новорожденных долгое время не показывали чужим, верили в «сглаз». Согласно данным полевых сведений, при капризах ребенка в с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, на него брызгали «наговоренной» водой, при этом читали молитву: «Во имя отца и сына, и святаго духа, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь». Также в с. Краснополье Алтайского района, если сглазили ребенка, то ему мыли лицо святой водой и лицо вытирали халатом с изнаночной стороны. В с. Аршанов Алтайского района Республики Хакасия при «сглазе» ребенка умывали над входом в подпол водой, которой предварительно обмывали ручки двери. От сглаза также сыпали ребенку на темячко соль.

Важными моментами в жизни ребенка считались появление первого зуба, первые шаги, первая стрижка волос. Все они отмечались определенными обрядами. У мордовских переселенцев сохранились обычаи, связанные с появлением первого зуба и выпадением молочных зубов. Так, первый заметивший, постукивая по зубу ложкой, демонстрировал его появление. За эту новость ему полагался подарок. При замене молочных зубов постоянными выпавший зуб бросали под печь со словами: «Мышка, мышка, на тебе зуб простой, дай (назвать имя) золотой». В с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, по словам П.М. Пайгушевой и Е. П. Грызиной, тому, кто заметит первый зуб, давали ложку; зуб заворачивали в мякиш

хлеба и кидали собаке. При этом говорили, чтобы у (назвать имя ребенка) были зубы такие же здоровые, как у собаки: «Пинети цилень, а … сиянь». В с. Аршанов Алтайского района и Солнечное Алтайского Республики Хакасия давали также подарок тому, кто заметит первый зуб.

Когда ребенок делал первые шаги, то «резали путы», т.е. как бы имитировали разрезание пут на ногах. Считали, что так ребенок быстрее научится ходить. В пос. Сосновский Куйтунского района Иркутской области для этих целей в руки давали веревочку. В с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, по словам переселенцев П.М. Пайгушевой и Е.П. Грызиной, когда ребенок делал первый шаг, ребенка ставили на порог и резали путы ножом или ножницами. В основном резали бабушки. В с. Аршанов Алтайского района Республики Хакасия путы резали ножом и говорили три раза: «Путы режу, и дай Бог, чтобы был шустрым». В с. Солнечное Алтайского района Республики Хакасия также путы разрезали ножницами.

Одним их обрядов детского цикла была стрижка волос. Первый раз ребенка стригли, когда ему исполнялся один год. На пострижение волос приглашали родственников, крестную мать и крестного отца, соседей. При стрижке волосы не бросали на пол, а складывали на тарелку, на вторую тарелку – подарки ребенку: деньги, рубашки, отрезы тканей, игрушки и т.п. После этого на ребенка надевали новую рубаху, крестик и подпоясывали. Затем начиналось угощение приглашенных. В с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, по словам переселенца П.М. Пайгушевой, первые волосы ребенка сжигали, а по словам Е.П. Грызиной из этого же села, заворачивали в платочек и хранили в сундуке, а иногда сжигали. В с. Аршанов Алтайского района Республики Хакасия первый волос ребенка отрезал священник в церкви, затем он заворачивал их в воск и кидал в святую воду. Эту воду также выливали туда, где не ступала нога человека. В этом же селе первые волосы девочек хранили. Следует подчеркнуть, что мордовские переселенцы до недавнего времени, а нередко и сейчас, строго придерживались запрета выбрасывать обстриженные волосы и ногти не только детей, но и взрослых на улицу (будет болеть голова). Волосы обычно сжигали.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что в настоящее время ушли в прошлое многие поверья, забываются магические приемы и действия с целью повлиять на благоприятный исход родов и сохранение ребенка, поскольку сегодня в них нет необходимости.

С.В. Щетинина
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Проблема типологии традиционного корейского жилища*

Жилище является важнейшим компонентом материальной культуры этноса. Главные конструктивные особенности различных видов сельского жилища корейцев имеют много общих черт с жилищами других народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Проблемы типологии традиционного жилища народов зарубежной Азии были рассмотрены в ряде коллективных монографий [Чебоксаров и др., 1979; 1981]. Исследователи выделили семь основных критериев классификации сельских жилищ Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии: 1) стационарность, 2) основная конструкция, 3) форма жилища, 4) положение пола относительно поверхности земли, 5) расположение очага, 6) конструкция крыши и 7) форма крыши. Основываясь на этих критериях, авторы выделили 20 типов жилищ, в том числе отдельным типом – корейское жилище. Однако при более детальном рассмотрении можно заметить, что данные признаки не отражают всей специфики каждого типа. Например, сложно разграничить «корейский» и «маньчжуро-китайский типы», т.к. «и в том, и в другом случае мы имеем дело с постоянными каркасно-столбовыми постройками прямоугольной формы с очагом внутри дома и облегчённой, высокой и крутой ступенчато-столбовой крышей со скатами» [Крюков, 1984, с. 11]. Единственным различием являются отопительные системы: «ондоль» у корейцев и «кан» у китайцев [Чебоксаров и др., 1979, с. 224].

Однако, типологический анализ на этом не заканчивается, т.к. при характеристике жилища нельзя оставить без внимания его внешнюю планировку (расположение хозяйственных и

** Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009-2010 годы)» (проект РНП.2.2.1.1/1822) Рособразования*

бытовых построек в усадьбе) и внутреннюю планировку (распределение мест для кухни или хранения припасов; разделение жилого пространства на мужскую и женскую половины, для взрослых и детей и т.д.).

С начала XX века неоднократно предпринимались попытки разработки типологии корейского жилища. В 1920-е гг. японские исследователи пытались классифицировать жилища, исходя из их региональной специфики и районов распространения. Таким образом, были выделены типы: северный, сеульский, центральный, западный и южный, а также чеджудоский, северный, общий, городские типы. В 1960-1970-е гг. корейские этнографы Ли Чонмок, Хван Чхольсан и Чан Поун рассмотрели жилище с точки зрения его конструктивных особенностей, избрав основным критерием конструкцию каркаса и план дома. В конце 1970-х гг. Ким Гванхён, Чу Намчхоль, Ким Нэчхан и Ким Хонсик попытались выявить ареалы различных типов жилищ и исследовать факторы, обусловившие их формирование. Чу Намчхоль делает упор на социальный аспект, выделяя жилища бедных, богатых и среднего достатка крестьян. Он также рассматривает региональные особенности этих групп. Ким Хонсик тоже выделяет типы жилища, взяв в качестве основного критерия имущественное положение их владельцев [Загорулько, 1992, с. 104].

Для типологии планировки жилых и подсобных помещений в корейском жилище Ли Чонмок предлагает взять в качестве критерия соотношение между коньковой балкой и плоскостной планировкой жилых комнат. На основе этого он выделяет следующие типы: однорядный дом «вэтхончип», в котором все помещения находятся на одной линии под одной коньковой балкой; двухрядный дом «янтхончип», где под основной балкой находятся 2 параллельных ряда помещений. Добавим, что советские этнографы выделили третий тип – «сегёнчип», когда под одной коньковой балкой расположены 3 ряда помещений. Ли Чонмок же рассматривает такой вариант как разновидность двухрядных домов [Джарылгасинова, 1979, с. 221].

При необходимости расширения жилого пространства появляются разнообразные модификации основных типов каркаса жилища: однорядные дома меняют свою конфигурацию, а двурядные – внутреннюю планировку. Ли Чонмок выделяет следующие модификационные типы (подтипы) однорядного жилища: простейшее по планировке однорядное жилище «вечхечип»; «ссанчхэчип» – два однорядных жилища, расположенных параллельно друг к другу; «ккоккымчип» – Г-образные и П-образные жилища; «ттваричип», где постройки под одной крышей стоят по квадрату [Загорулько, 1992, с. 106-107]. Выявляя подтипы двухрядных домов, Ли Чонмок и Хван Чхольсан берут за основу наличие тех или иных помещений. Так, Ли Чонмок выделяет 2 подтипа жилища: с комнатой «чонджуккан» (помещение, не отделённое от кухни стеной, уровень пола которого на 0,5 м выше уровня пола кухни) и без неё. Хван Чхольсан выделяет 3 подтипа: дома с «чонджуккан», дома с «пондан» (комната с земляным полом, смежная с кухней), дома с «тэчхон».

Чан Поун и Ким Хонсик выявляют подтипы двухрядных домов, исходя из размеров жилищ, принимая в качестве критерия длину двухрядного дома (Чан Поун) или его площадь (Ким Хонсик) в канах. Таким образом, можно выделить трёх-, четырёх- и пятиканные или восьми- и десятиканные жилища [Загорулько, 1992, с. 111].

В работах корейских исследователей существуют и другие примеры типологий. Например, предлагается разделить сельские жилища по форме устройства крыши на 3 группы: дома с крышами «ладьевидной формы»; дома с крышами, «похожими на зонт»; дома с крышами, напоминающими «крылья взлетающего аиста». Есть также классификации, за основу которых берётся ограда вокруг жилища: дома, огороженные сплошной оградой (каменной, глинобитной) и плетёной; материал, которым покрыта крыша: черепица или солома [Чу Намчхоль, 1999, с. 90-92]. Также по количеству дымовых труб исследователи делят жилища на имеющие одну, две и несколько дымовых труб. По соотношению числа топок и комнат, имеющих ондоль, жилища можно разделить на четыре группы: 1) жилище с несколькими топками и одной отапливаемой комнатой, 2) жилище с несколькими топками и несколькими отапливаемыми комнатами, 3) жилище с одной топкой и одной отапливаемой комнатой, 4) жилище с одной топкой и несколькими отапливаемыми комнатами [Чо Сонги, 2006, с. 432-448].

Итак, как можно видеть, при более детальном рассмотрении корейского жилища одной типологической схемы, основанной на основных семи критериях, становится явно недостаточно. Безусловно, данная система, предложенная советскими исследователями, является наи-

более полной и удобной. Однако стоит принимать во внимание, что один и тот же материал может быть систематизирован посредством нескольких типологических систем, каждая из которых может быть полезна для этнографического исследования и позволит получить наиболее точные результаты.

Литература

Джарылгасинова Р.Ш. Жилище корейцев // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 216-227.

Загорулько А.В. Проблема типологии традиционного корейского жилища (19 – начало 20 в.) // ЭО. – 1992. – № 2. – С. 102-115.

Крюков М.В. Об общих принципах типологического исследования явлений культуры (на примере типологии жилища) // Типология основных элементов традиционной культуры. – М.: Наука, 1984. – С. 7-18.

Чебоксаров Н.Н., Амирьянц И.А., Логашова Б.-Р., Кочнев В.И. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. – М.: Наука, 1981. – 286 с.

Чебоксаров Н.Н., Бернова А.А., Джарылгасинова Р.Ш., Чеснов Я.В. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. – М.: Наука, 1979. – 284 с.

Чо Сонги. Корейское жилище. – Сеул: Хануль, 2006. – 521 с. (на кор.яз.).

Чу Намчхоль. Традиционное корейское жилище. – Сеул: Арыкхе, 1999. – 524 с. (на кор. яз.).

Т.С. Ябыштаев

Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

Возрожденный зайсанат в Республике Алтай как одно из проявлений процесса коммодификации культуры алтайцев*

Среди различных проблем регионального проекта РГНФ на тему «Возрожденный зайсанат и Госсобрание – Эл Курултай Республики Алтай: от обычного права к государственному в свете современной этничности» (№ 09-03-61302а/Т, рук. В.С. Иванова) предлагаю обратить внимание на степень популярности зайсаната в Республике Алтай. Одним из основных источников явился полевой материал, собранный в моноэтнических селах с преимущественным русским и алтайским населением, а также в смешанных в этническом отношении селах республики. Как известно, полевая работа представляет собой сумму взаимосвязанных методик, основными составляющими которой являются личные непосредственные наблюдения, работа с информаторами, фиксация изучаемого материала.

Современный зайсанат состоит из 12 зайсанов, избранных из старших по возрасту мужчин алтайских родов-сёоков «кыпчак», «тодош», «тёлёс», «майман», «иркит», «чапты», «сагал». Слово «зайсан» (алт. – *јайсан*) сохранилось как наследие ойратского периода (XVII-XVIII вв.), когда алтайцы пережили государственность в составе Джунгарского ханства. Деятельность современных зайсанов вызывает интерес и периодически на страницах республиканских газет, в передачах местного радио и телевидения, на сайтах в Интернете освещаются события, в которых они принимают участие. Несмотря на почти трехвековое проживание по соседству с алтайцами, большинство русских далеки от сути зайсаната и причин необходимости возрождения его [Тадина, 2009].

Сами зайсаны желают быть понятными современной общественности. Обычно они принимают активное участие в проведении мероприятий общереспубликанского масштаба, например, на празднике «Эл-Ойын» зайсаны, одетые в нарядные алтайские костюмы, ранним утром совершают ритуал почитания Алтая и испрашивания благополучия всем участвующим. Как правило, их действия запечатлеваются на фото и широко рекламируются в СМИ: журналах, газетах, ТВ. В них «прочитывается» реклама зайсаната как нового явления, его «показ», в котором зайсаны

* *Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 09-03-61302а/Т*

преподносят себя как «товар». В этом видится их стремление быть понятными и популярными окружающим – будь то односельчанину, иностранному туристу или молодежи.

Если рассматривать процесс возрождения зайсаната с позиций потребности в нем современного общества, то в этом можно увидеть одну из сторон коммодификации «традиционной» культуры алтайцев. В Интернете в одном из сайтов сказано, что этот процесс коммодификации «скрывает за собой удивительный смысл. Commodity – это товар, если дословно переводить с английского. Товар, в смысле более широком, чем просто объект покупки-продажи, товар, который выступает в роли социального медиатора, вещи, с помощью которой происходит процесс общения, социального взаимодействия, презентации себя окружающим» [Лея Гилар, 2007].

Для того чтобы понять актуальность данной проблемы необходимо выяснить причины актуализации возрождения зайсанства, при этом, люди какого возраста могли предложить такую идею, кто поддержал, какова цель этого явления, каково отношение к этому рядом живущих русских.

В начале 1990-х гг. в Республики Алтай, как и по всей стране, происходит рост политической активности населения. Одним из важных толчков явилось общероссийское и международное движение по приоритетам коренных малочисленных народов. Так, в 1992 г. была создана «Ассоциация северных алтайцев». Ее целью явилось сохранение этнического своеобразия северных алтайцев (тубаларов, челканцев, кумандинцев) и официальное признание их диалектов [Ябыштаев, 2009].

В тот период идея возрождения зайсаната обсуждалась среди южных алтайцев – многочисленные роды-сёоки собрались в местах проживания большинства их представителей на родовые собрания, называемые курултаями, для выбора родового лидера. Почти после столетнего перерыва были избраны зайсаны, назначен родовой комитет для решения социальных проблем. В 1991 г. первым клич возрождения зайсаната бросил сёок «иркит», собравшийся у с. Кырлык Усть-Канского района. Выбрали главой сёока Н.А. Шодоева, прославившегося созданием этнографического музея в с. Мендур-Соккон. Тогда на первых съездах сёоки «иркит» и «тодош» не осмелились назвать родового лидера «зайсаном», что ассоциировалось с советским понятием «эксплуататор» [Кыдыева, 1994].

Затем в 1994 г. в с. Ело Онгудайского района собрались представители сёока «майман» и избрали директора совхоза А.К. Бардина «ага-зайсаном» (досл. «старшим зайсаном»). С целью координации деятельности зайсанов в 1997 г. был создан Совет зайсанов Алтая. В том же году была создана общественная организация «Курултай алтайского народа», съезд которой созывается через каждые три года. В течение этого времени работает правление организации «Тёс Тёргё», состав которого избирается из зайсанов, а во главе его стоит «Эл-Башчы» – Глава народа. За весь период существования общественной организации прошло пять съездов, на которых поднимались вопросы как внутриэтнического, так и общественно-политического содержания [Тадина, Ябыштаев, 2009].

Словом, юридические обычаи алтайцев составляют семейно-брачный кодекс, нормы наследования и опеки и входят в круг ведения института современного зайсанства. До сих пор принадлежность каждого из алтайцев к патрилинейному сёоку-роду, традиция передачи ее по линии отца, выступает не пустым звуком и ко многому обязывает – особенно к соблюдению родовых обычаев, выступающих механизмом внутриэтнической жизни. К их числу относятся сохранение и соблюдение родовых обычаев экзогамии, авункулата и оказание социальной помощи немощным, престарелым и малоимущим.

Сегодня общественная деятельность зайсанов ограничена, потому что традиционные юридические нормы алтайцев не закреплены законодательно. Идея возрождения зайсаната была изложена в 1997 г. в проекте закона «О родовой общине алтайцев», прошедшего многоступенчатую экспертизу. Этот проект стал неожиданным явлением в этнополитической жизни региона, над ним работали профессиональные юристы, ученые-историки и члены Совета зайсанов Алтая. Тот факт, что на него было наложено вето, говорит об игнорировании государственными органами республики важности зайсаната в решении этнических проблем.

Сегодня зайсан и зайсанат воспринимаются как символ единства рода-сёока, возврат престижа родовой элиты, авторитета старшинства по возрасту, родству, социальному статусу. До тех пор, пока из поколения в поколение передается родовая принадлежность и соблюдаются родовые обычаи, будет жив в памяти народа институт зайсанства и связанные с ним националь-

ные идеи. Неслучайно наблюдается деформация родового самоуправления как неизбежный итог адаптации к нынешним условиям развития алтайского этноса.

Литература

Кыдыева В.Я. О празднике алтайских сёоков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. – М.: ИЭА РАН, 1994. – С. 51-55.

Лея Гилар. Коммодификация [Электронный ресурс] // http://leagilar.livejournal.com/html (дата обращения: 13.10.2009).

Тадина Н.А. Возрождение зайсаната в Республике Алтай: взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 77-81.

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Возрожденный зайсанат глазами алтайцев (по материалам газеты «Алтайдын чолмоны») // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: актуальные вопросы истории и международных отношений (мат-лы конф.). – Барнаул: Азбука, 2009. – С. 51-57.

Ябыштаев Т.С. Об этнической ситуации в республике Алтай // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): мат-лы конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – С. 191-192.

К.М. Яковлева
Якутск, Якутский государственный университет

Классификация украшений народов алтайской языковой семьи Сибири конца XIX- начала XX вв.

Вопросы классификации имеют чрезвычайно важное значение в этнографическом изучении предметов материальной культуры. Составление общей классификации украшений народов алтайской языковой семьи дает возможность в дальнейшем провести сравнительно-сопоставительный анализ по отдельным категориям, что поможет углубленному изучению общих и особенных черт украшений и выявит архаичные пласты народного мировоззрения и мировосприятия.

Специальных работ, где рассматривалась бы классификация украшений, нет, но встречаются классификации украшений отдельных народов [Савинов, 2001; Бадмаева, 1978] или же предлагается общий алгоритм составления классификаций [Михайлова, 2005].

Цель исследования: составить классификацию украшений народов алтайской языковой семьи Сибири конца XIX – начала XX века.

Задачи исследования:

1) изучить комплексы украшений тюрко-монгольских (хакасы, алтайцы, тувинцы, сибирские татары, якуты, долганы, буряты) и тунгусо-маньчжурских (эвенки, эвены, нанайцы, ульчи, негидальцы, орочи, ороки, удэгейцы) народов;

2) выработать классификации украшений по отдельным группам народов Алтайской языковой семьи Сибири конца XIX – начала XX вв.

Материалы и методы: украшения из фондов республиканских музеев, а так же из краеведческих музеев Сибири. На основе принципа аналогии использован историко–сравнительный метод изучения.

Результаты

При сравнении комплексов украшений изучаемых народов мы столкнулись с отсутствием локальной привязки видов и вариантов украшений. И для составления классификации подобрали наиболее приемлемые для сравнения. Классификация женских украшений с учетом наиболее устойчивых и характерных признаков поможет выявить их разновидности и варианты. Таким образом, цель настоящей классификации — систематизировать украшения, различающиеся по конструктивным и художественным особенностям.

Классификация украшений проведена на базе описаний более 150 различных экземпляров украшений народов Алтайской языковой семьи Сибири.

Таблица 1. Классификация украшений тюркской и монгольской группы Алтайской языковой семьи Сибири

Группы	**Тюркская группа**						**Монгольская группа**
народы / украшения	**Алтая-Саянская ветвь**			**Западносибирская ветвь**	**Крайний север**		
	алтайцы	тувинцы	хакасы	Сибирские татары	якуты	долганы	буряты
Головные	-	-	-	Сарауц	бастынга	+	Даруулга, юбун
Накосные	чач- пууш, тана	чавага	пос чачак, нинчи	чулпа	батах ерютэ, киистэ, суһуох симэ5э	+	Сажа, туйба, шэбэргэл, боолто
Ушные	сырга	сырга	ызырга	Сырга сыргасы	ытарга	+	Гарих
Височные, Височно-нагрудные	-	-	ызырга		бастынга	+	һиихэ – 1еер, һиихэ-хонго, сэртэбэшэ
Нагрудные	тоштик	-	Пого Нательный крест	Мунцак (ожерелье) тушлек	илин кэбиһэр Гривна Нательный крест	+ Гривна Нательный крест	Ожерелье холоопши Гуу (урлэй гэр)
Наспинные	-	-	-		кэлин кэбиһэр	+	-
Поясные	кур	+	-	+	кур	+	-
Ручные – браслеты – кольца, перстни	+	билектээш билзек, чустук	+ чустук	белэлэк	бе5ех биһилэх, бэчиэт	+	булааг, угаабар Бэһэлиг

Из таблицы видно, что полный комплект украшений выделен у представителей Крайнего севера – якутов и долган. В монгольской группе в комплекте украшений не хватает лишь наспинного. У саяно-алтайской и западносибирской ветви комплект украшений, в основном, приравнивается к наиболее простым – накосник, ушные украшения, браслеты, перстни и кольца. Нагрудные украшения встречаются у алтайцев и хакасов, сибирских татар. Височно-нагрудная категория украшений выделяется у хакасов как височное украшение. Пояс отмечен только у алтайцев и тувинцев. Кроме того, таблица показывает, что у всех рассмотренных народов, кроме якутов, долган и бурят, нет головных украшений.

Таблица 2 показывает, что из-за недостатка литературы и музейных коллекций у нас не достает некоторых сведений, а так же отсутствуют терминологические названия. Тем не менее, можно проследить, что полный комплект украшений присутствует у нанайцев и ульчей, достаточно скудный у ороков. У всех изучаемых народов отсутствуют наспинные украшения, зато существуют носовые серьги и ножные браслеты. Так же можно заметить, что у всех тунгусо-маньжурских народов присутствует пояс, ушные украшения и ручные украшения.

Исходя из проделанной работы, можно сделать следующие выводы.

1. Классификация украшений народов алтайской языковой семьи Сибири проводилась по общепринятой схеме с учетом способа ношения, функционального назначения, художественно-технических особенностей.

2. Как в классификации тюрко-монгольских народов, так и у тунгусо-маньчжурских по категориям наиболее распространены ушные, ручные украшения, что в дальнейшем и будет изучаться как общий пласт культуры.

Таблица 2. Классификация украшений тунгусо-манчжурской группы Алтайской языковой семьи Сибири

народы / украшения	**эвенки**	**эвены**	**нанайцы**	**ульчи**	**негидальцы**	**орочи**	**ороки**	**удэгейцы**
Головные	Элдэн, шэргами (венец) дэрбэки (девичья повязка)		Хокту, геду (налобные повязки)	Повязка для серег с сиэпту, тесемки				
Накосные	Накосники косоплетки, тесемки		Афи, тесемки	В виде кисти		Ложные косы, тесемки		Ложные косы
Ушные	Шека, шекан (на ремешке) В виде кольца	Серьги на ремешке и проволочные	На проволочной основе Хусэгдэсу (муж. Серьги) Хайпон (большие), мокасу манга (небольшие) Лэргиукэн (лировидные)	Сиэ (кольцо), лирообразные	Сиан (на проволочной основе), лирообразные	на проволочной основе, лирообразные	на проволочной основе	на проволочной основе, лирообразные
Височные			Серьги на повязке	Сиэ				
Нагрудные	гривна	Нагрудные подвески в виде ожерелья гривна	сэлкэ (пластины на цепи) косо (каменная или костяная пластина) белгаптун (гривна)	Аня (ожерелья) Сэлчэ (пластины на цепи) Косо (нефриовая пластина)		Монгголи (гривна)		Монгголи (гривна)
Поясные	Тэлэги (нижний пояс) верхний пояс	Тэлги (нижний пояс) верхний пояс	Тэлэ (нижний пояс) омол (верхний пояс)	Тэли (нижний пояс) умали (верхний пояс)		Тэлихэ (нижний пояс) уму (верхний пояс)	Тэлиджи (нижний пояс) умул (верхний пояс)	Тэлихэ (нижний пояс) уму (верхний пояс)
Ручные –браслеты – кольца и перстни	+ +	+ +	гилэиту Хоняпту Пэрхэ (муж. Для стрельбы из лука)	гилэпту хоняпту орготрун (муж. Для стрельбы из лука)	+ +	+ орготрун (муж. Для стрельбы из лука)	+	+ +
другие			Сандиха (Носовые серьги) Бэгдиптун чидуричэ (Ножные браслеты)	Носовые серьги Ножные браслеты	Носовые серьги	Тэтатыни (Носовые серьги)		Сандяха (Носовые серьги)

Литература

Бадмаева Р.Д. Бурятскй народный костюм: (опыт историко–этнографического исследования). – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1978. – 144 с.

Михайлова Е.А. Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. – СПб.: Наука, 2005. – С. 12- 117. – (Сб. МАЭ. – Т. LI).

Савинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов XIX- начало XX века. Историко-этнографическое исследование. – Новосибирск: Наука, 2001. – 171с.

Список сокращений

АК – Академия культуры
АКМНС – Ассоциация коренных малочисленных народов Севера
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АмГУ – Амурский государственный университет
АН БССР – Академия наук Белорусской советской социалистической республики
АО – Археологические открытия
АОМ – Амурский областной музей им. Г.С. Новикова-Даурского
Архив МАЭС ТГУ – Архив музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
АС ГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭ СФУ – археологическая экспедиция Сибирского федерального университета (Красноярск)
АЭЭ ККМ – археолого-этнографическая экспедиция Красноярского краеведческого музея
БашГУ – Башкирский государственный университет
БКИЧП – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
БКМ (п. Эссо) – Быстринский краеведческий музей (п. Эссо)
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
БФ СО АН СССР – Бурятский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГАВО – Государственный архив Воронежской области
ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно исследовательский институт искусства, языка и литературы
ГАЧО – Государственный архив Челябинской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИС – географические информационные системы
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДВГУ – Дальневосточный государственный университет
ДВНЦ АН СССР – Дальневосточный научный центр Академии наук СССР
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук
ДДЗ – данные дистанционного зондирования
ЕГСК – Енисейский губернский статистический комитет
ЕНЦ – Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Зап. – Записки
ЗСО ИРГО – Западно-Сибирский отдел императорского Русского географического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАиЭт РАН – Институт антропологии и этнологии Российской академии наук им. Н.Н. Миклухо-Маклая
ИАК – Императорская Археологическая комиссия
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГАИМК – Известия государственной академии истории материальной культуры
ИГИ — Институт гуманитарных исследований
ИГПУ – Иркутский государственный педагогический университет
ИГУ – Иркутский государственный университет
Изв. ВСОРГО – Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества
Изв. РКСИВА – Известия Русского комитета средней и восточной Азии
ИИАЭНДВ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
ИИМК – Институт истории материальной культуры

ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии, философии Сибирского отделения Академии наук СССР
ИОН БНЦ СО РАН – Институт общественных наук Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
КАЭ ИГУ – Комплексная археологическая экспедиция Иркутского государственного университета
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет
КГУ – Красноярский государственный университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КОКМ – Камчатский объединенный краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет
КХМ – Корейский христианский музей университета Сунсиль
ЛА СФУ – Лаборатория археологии Сибирского федерального университета
ЛАИ ЧГПУ – Лаборатория археологических исследований Челябинского государственного педагогического университета
ЛО ИА АН – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МАЭ РАН – музей антропологии и этнографии российской академии наук им. Петра Великого
МГПИ – Магаданский государственный педагогический институт
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МНС – Музей народов Сибири
МОКМ – Магаданский областной краеведческий музей
МУТ – Музей университета Тонгван
МЭИ – Московский энергетический институт
МЭЭ ОмГУ – материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета
НА – научный архив
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИЯЛИ – научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
ОГИКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГПИ – Омский государственный педагогический институт
ОГУ ЦСН – областное государственное учреждение Центр по сохранению историко-культурного наследия
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
ОмГУ – Омский государственный университет
ОФ ИАЭТ СО РАН – Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
П.о. – полевая опись
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
ПИМК – Проблемы истории материальной культуры
РА – Российская археология
РА ИИМК – Рукописный архив Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук
РАНИОН – Российская Ассоциация научных институтов общественных наук
РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СВГУ – Северо-Восточный государственный университет
СВКНИИ – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
СЗАЭ – северо-западная археологическая экспедиция
СОШ – средняя общеобразовательная школа
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт
ТГУ – Томский государственный университет
ТИЭ – Труды Института этнографии
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТОКМ – Тюменский областной краеведческий музей
ТомГУ – Томский государственный университет
ТюмГУ — Тюменский государственный университет
УдмГУ – Удмурдский государственный университет
УНЦСА РГГУ – учебно-научный центр социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО АН СССР – Уральское отделение Академии наук СССР
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ФВХ – Фонд временного хранения
ХГУ – Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
ХККМ – Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова
ЦДЮТиК – Центр детско-юношеского туризма и краеведения
ЦИК СССР – Центральный исполнительный комитет Союза советских социалистических республик
ЦЧО – центрально-черноземная область
ЧГПИ – Читинский государственный педагогический институт
ШРМ ОФ – Шипуновский районный музей, основной фонд
ЭО – Этнографическое обозрение
ЯНАО – Ямало-ненецкий автономный округ
GPS – Global Position Systems

Содержание

Предисловие ... 3
ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ... 7
Автушкова А.Л. Археологические исследования В.В. Радлова в барабинской лесостепи по материалам из фондов Института истории материальной культуры РАН ... 7
Анохина К.В. К проблеме оценки уровня развития древних обществ ... 9
Баттулгын О. К вопросу изучения исторического развития конской сбруи на археологических материалах ... 11
Берсенёва Е.В. Опыт использования результатов дистанционного зондирования в археологических исследованиях ... 12
Бондаренко А.В. Подходы к изучению нарушенных в древности погребений ... 15
Бухтоярова И.М. С.Н. Замятнин и развитие археологической науки в Воронежском губернском музее (1915–1924 гг.) ... 17
Виноградов А.С. Применение геоинформационных технологий в археологическом исследовании ... 19
Гантимурова М.И. Археологические исследования А.К. Кузнецова (1845-1928) ... 21
Голубева Ю.В. Этапы изучения хозяйственных типов населения Западной Сибири в эпоху палеометалла (по археологическим источникам) ... 23
Золотухин В.В. Шайтанский археологический микрорайон: перспективы создания полнофункциональной ГИС ... 25
Кербс И.О. Эвристические возможности в изучении археологических микрорайонов ... 27
Кострица Е.И. Неоевразийская трактовка культурной среды: компаративистика в воззрениях С.Г. Кара-мурзы, А.Г. Дугина, Ж. Бодрийяра ... 28
Кравцова А.С. Культурная идентификация постклассических обществ (на примере тольтекской культуры, Мезоамерика) ... 30
Кудрявцева Е.В. Выделение святилищ из памятников археологии ... 32
Мейкшан И.А. К вопросу применения комплексного подхода в изучении элиты кочевых народов Центральной Азии ... 34
Миляев Г.А. Методология реконструкции традиционных хозяйственных систем древности ... 36
Нестерова М.С. Подходы к изучению очагов в европейской археологии ... 38
Панченко А.Б. Этнос как симфоническая личность в дискурсе классического евразийства ... 39
Петрова М.Е. Роль терминологии в изучении процесса развития экономических и этнокультурных отношений (по археологическим материалам) ... 41
Пономарева И.А. «История Якутии» в жизни и творчестве А.П. Окладникова (по материалам личного фонда исследователя, СПБФ АРАН) ... 43
Свешникова О.С. Марксизм в 1930-е годы в ГАИМК ... 45
Станишевская М.А. Архивные материалы в деле изучения горнорудного производства в древности и сведения о чудских памятниках ... 46
Хакимова Э.О. Вклад российских и советских исследователей в изучение бронзового и раннего железного веков Монголии (конец XIX в. – 1960-е гг.) ... 48
Ходосевич С.С. История археологических исследований в Северном Приангарье ... 50
Хоменко Д.Ю. Деятельность этнографа П.Е. Кулакова в Енисейской губернии ... 52
Чирков М.В. Методика анализа интерпретируемых очажных конструкций с памятников эпохи средневековья (пример анализа очажной конструкции) ... 54
Шаченко В.О. Интерпретация костного материала городища Талгар (Республика Казахстан) ... 56
Шушкова М.А. Использование математических методов в анализе и моделировании исторических процессов ... 58

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ, ЛИТОПРОИЗВОДСТВО В ПЛЕЙСТОЙЦЕНЕ – РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ ... 60
Антонова Ю.Е. Резцы в микроиндустрии Барун-Алана 1 (Западное Забайкалье) ... 60
Афанасьев П.В. Эолизация – совокупность форм механической – ветровой – деструкции горных пород и каменных изделий палеолита ... 62
Верещагин С.Б., Малков Д.А. Результаты изучения 25 культурного горизонтамногослойного поселения Усть-Менза-1(по материалам работ 1986-1989 гг.) ... 67
Глушенко М.А. История исследования палеолитана территории Братского района ... 71
Дерр Ю.В. История изучения и исследования феномена верхнепалеолитических жилищ ... 73
Дороничева Е.В. Сырьевые стратегии в среднем палеолите (по материалам стоянок восточного микока северо-западного Кавказа) ... 74
Князева Е.В. Трасологический анализ галечных орудий раннеголоценовых слоев комплекса Усть-Шилка 2 ... 76
Кожевникова Д.В. Ранние формы музыкальных инструментов в археологии верхнего палеолита (историографический обзор) ... 78
Козликин М.Б. Фрагментация, как один из приемов оформления каменных орудий (по материалам Денисовой пещеры) ... 80
Козырев А.С. «Ленинский» – новая страница в археологии г. Иркутска ... 82
Короткова А.Н. Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Китае. Основные исследовательские концепции ... 85
Курзыбов П.А. Агрегатный анализ каменных индустрий: перспективы применения и ограничения метода ... 87
Лагодин С.С. Новые археологические объекты Приаргунья ... 89
Ларионова А.В. Техника расщепления в среднепалеолитических коллекциях кударских пещер ... 91
Лукъянова Г.Д. Применение планиграфического анализа для реконструкции символической деятельности человекав эпоху верхнего палеолита ... 93
Мартынов П.В. Проблема перехода от палеолита к неолиту на территории Тибетского нагорья в трудах китайских и американских исследователей ... 95
Мороз П.В. Среднепалеолитический комплекс Дальние Шивычи (Южное Забайкалье) ... 96
Павленок К.К. Результаты раскопок 12-18 слоев стоянки Кульбулак в 2009 году ... 99
Попов А.А. Исследования нового палеолитического местонахождения «Седова» на территории Иркутска ... 101
Риман Е.С. К вопросу о типологии кладов каменных изделий на территории России ... 103
Степанова К.Н. О специализированных орудиях для переработки продуктов собирательства в палеолите ... 105
Фатеева А.Ю. Остеологические материалы 15 горизонта Студёного-1 ... 106
Федорченко А.Ю. История трасологических исследований в археологии Северо-Восточной Азии ... 109
Хаценович А.М. Охота на мамонта: аргументы «за» и «против» (на материалах памятников Западно-Сибирской равнины и Великих Равнин США) ... 111
Шнайдер С.В. Исследование палеолитических памятников на территории Республики Узбекистан (историографический обзор на основе антропологического материала) ... 113
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА И РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ... 114
Адигамов Р.Р. Каменная индустрия неолитических памятников Мергеньского археологического микрорайона ... 114
Антонова А.Н. Палеодиета и социальная структура по материалам могильника Усть-Ида I ... 116

Батура Т.В., Глушенко М.А. Неолитическое погребение с признаками кремации на стоянке Окуневка ... 121
Бердников И.М. Особенности декорирования усть-бельской керамики (по материалам поселения Усть-Белая) ... 123
Бочарова Е.Н. Неолитическая керамика многослойного местонахождения Бугульдейка II (юго-западное побережье озера Байкал) ... 127
Долганов В.А. История исследования неолита Приольхонья (оз. Байкал) (по материалам многослойных поселений) ... 130
Дударёк С.П. История археологических исследований погребальных комплексов Северного Приангарья ... 132
Еньшин Д.Н., Белоногов Д.А. К вопросу о реконструкциях неолитических жилищ Западной Сибири ... 134
Иванова Д.А. Сравнительная характеристика керамики северной и центральной части Японского архипелага в период Среднего и Финального Дземона ... 136
Коваленко С.В. Неолитическая коллекция с горы Шапка в Амурской области (по результатам раскопок 2009 года) ... 137
Коробова О.А. Неолитическая керамика севера Западной Сибири:проблемы классификации . 140
Костылева А.А. Деревянные изделия средненеолитических памятников Верхнего Подвинья 142
Кучеренко В.С. Керамика поселения Преображение I (маргаритовский комплекс) ... 145
Лазин Б.В. Неолитический комплекс многослойного памятника Русский-Аякс в г. Владивосток (предварительные данные) ... 147
Лихачев Б.А. Орудия на сланцевых плитах с округлым рабочим краем с поселения Тыткескень-VI ... 149
Лохов Д.Н. Многослойное геоархеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье (по материалам спасательных работ 2009 г.) ... 152
Людников В.О. Могильник Старый Витим II в Муйской котловине ... 154
Мерц И.В. Новые материалы по эпохе ранней бронзы Северо-Восточного Казахстана ... 156
Недолуга Д.А. Редкие минералы в хозяйственной и культовой практике древнего населения Урала ... 158
Новоселов М.Ю. К истории изучения рыболовства на территории Приенисейской Сибири (бронзовый век) ... 160
Патрушев А.Ю. «Утюжки» неолита: типология, функции ... 162
Паутова Н.А. Загадка чёрных горизонтов ГАО «Бугульдейка-2» ... 165
Пивоварова О.Ю. «Ладьевидный» сосуд с памятника Усть-Тара-XXVIII (к вопросу о хронологии и культурной принадлежности) ... 166
Спиридонова Ю.В., **Болтов А.А.** Предварительные результаты стоматологического анализа челюстей погребенных из могильника Макрушино на Верхней Лене. Перспективы гистологических и гистохимических исследований ... 168
Татаренко Ю.А. Сравнительная характеристика комплексов украшений могильников Западной и Южной Сибири (неолит – ранняя бронза) ... 170
Тимощенко А.А. Археологическое местонахождение Попиха на р. Кан ... 171
Титова Ю.А. Некоторые аспекты технологии производства керамики Шепилевской культуры (по материалам поселения Заостровка-2) ... 174
Ткач Е.С. Сосуды культуры шнуровой керамики из раскопок слоя α поселения Сертея II ... 176
Тушева Е.К. Кремневые наконечники стрел стоянки Шидерты 3 как культуроопределяющие маркеры ... 178
Фёдорова Д.Н. Технико-типологический анализ каменного инвентаря поселения Усть-Рыбежна 2 по результатам раскопок 2008 года ... 180
Хрусталева И.Ю. Типология неолитических построекв верховьях р. Западная Двина ... 182

Юракова А.Ю. О керамике боборыкинского облика из центральной Барабы (по материалам поселения Автодром-2) 184
Яшин К.И. Геоморфологическое положение неолитических комплексов озера Мергень 186
Grayson C. Three faces of Siberia 188
Scharlotta I. Mortuary evidence for changing neolithic and bronze age land-use patterns in the Baikal region 190
КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА 193
Агапетова Т.А. Пахомовские древности Тоболо-Исетья 193
Александрова Г.В. Свидетельства связей культур Алтая и Тувы в эпоху палеометалла 195
Андреева О.С. Костяные проколки и шилья среднего и позднего бронзового века в Южном Зауралье 197
Булавкин И.А. Усть-Шишовский археологический микрорайон в свете изучения раннего железного века Южнотаежного Прииртышья 199
Быкова М.В. Результаты разведки в Нижнем Приангарье 201
Вишневский Е.А. Технология производства костяных наконечников стрел в эпоху поздней бронзы – раннего железа 203
Газизов Е.А. Находки боевого колюще-рубящего оружия эпохи бронзы на территории Якутии 205
Гильмитдинова А.Х. Детские погребения могильника Кичигино I (Южный Урал) 206
Гребенников И.Ю. Лошадь как объект изучения культуры Алтая скифо-сакского времени 208
Гулевская В.А. Одонтологические особенности населения тагарской культуры 210
Дёмина А.А. Керамический комплекс Быстровского некрополя как источник о культурных связях населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа 211
Дудко А.А. Основные типы ритуальных комплексов на Ирменских курганных могильниках 214
Евгенова Е.В. Великий шелковый путь и саргатская культура 216
Журавлева Е.А. Погребальные куклы позднего этапа восточного варианта саргатской культуры (к постановке проблемы) 217
Задонцева В.С. Орудия древнего горнорудного производства Кош-Агачского района Республики Алтай 218
Игитян В.Ц. Сузгунская культура в Западной Сибири 221
Икреникова Н.С. Ранние белоярские памятники реки Аган 223
Кайрбекова С.Н. История исследований сакских памятников Семиречья во второй половине XX века 225
Коноплева К.Г. Каменные жертвенники Приаралья, Северного и Центрального Казахстана 227
Коростелев А.М. Керамика в погребально-поминальных комплексах железного века с северо-западного побережья озера Байкал (на примере памятника Байкальское VII) 229
Костылев А.В. Каменные наконечники стрел в бронзовом и раннем железном веке Кореи 232
Краскова Т.А. Собирательство и его роль в системе жизнеобеспечения пазырыкского населения 234
Кротова Е.В. Хронологическая характеристика инокультурной керамики Быстровского некрополя 236
Кыштымова О.И. Скальные культовые памятники Шайтанского озера (Среднее Зауралье) 238
Лихачева О.С. Морфологический анализ кинжалов эпохи бронзы Обь-Иртышского междуречья 240
Лукерина Я.Е. К вопросу об особенностях лошадей булан-кобинской культуры Алтая 242
Лысов М.Ю. Общая характеристика вооружения пазырыкского населения Алтая 245
Миронов М.А. Наконечники гарпунов поворотного типа с территории Западного Приамурья по результатам археологических раскопок 246

Молчанов И.В. К вопросу о функциональном назначении каменных дисков из укрепленного поселения Каменный Амбар 249
Морозова А.И. Эволюция комплексов украшений карасукской эпохи на территории Хакасско-Минусинской котловины 251
Никитина Ю.М. Детские погребения на могильнике Булан-Кобы IV 252
Николаев И.А. Керамика гунно-сарматского времени с городищ Нижний Чепош-3 и 4 в Горном Алтае 254
Панюхин М.В. Погребение раннего железного века на археологическом памятнике Окуневка 255
Прокопенко И.В. Глиняные пряслица с Красноярского археологического комплекса в южнотаежном Прииртышье 257
Раиткина (Тырышкина) Ю.Ю. Палеодемографический анализ и реконструкции половозрастной структуры Ирменского населения Барнаульского Приобья (на примере могильника Плотинная) 259
Рассадников А.Ю. Опыт археозоологического исследования остеологической коллекции укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) 261
Савельева А.С. Типы сплавов на медной основе в эпоху палеометалла 263
Семёнов М.А. История изучения Спериовского городища на Оми 265
Серегин Н.Н. Археологические комплексы у с. Шашикман (Республика Алтай) 267
Сутягина Н.А. Могильник Цюнкэкэ I в долине реки Или (Синьцзян-Уйгурский автономный район, КНР) 269
Тарасова А.С. Использование цветных металлов для изготовления аппликаций в скифо–сакское время (по материалам пазырыкской культуры Алтая) 271
Техтереков А.С. История исследования скальных погребений Юга Сибири 273
Ткачёв Ал.Ал. Сезонный промысловый центр эпохи поздней бронзы на озере Сингуль 275
Туринцева А.Е. Миасский I могильник и Урефты I: сравнительный анализ погребального обряда 277
Тюндешева К.В. Сравнительный анализ тесинской керамики из склепов и грунтовых могил 279
Усова И.А. Элементы костюма кочевников «гунно-сарматского» времени центрально-азиатского региона (по данным комплексного анализа источников) 280
Устьянцева Р.В. Проблема датировки херексуров в Забайкалье (историографический аспект) 282
Шайхутдинов В.М. Некоторые аспекты металлургии населения Елунинской культуры (по материалам поселения Берёзовая Лука) 284
ШибановаА.П. Сейминско-турбинские предметы вооружения Обь-Иртышья 287
Шрам Д.В. Традиция украшения тела у племен Саяно-Алтая в эпоху раннего железного века на примере таштыкских масок 289
Штанакова Е.А. Деревообрабатывающие инструменты из памятников Горного Алтая V в. до н.э. – V в. н.э. 291
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 293
Апанасенко О.М. Погребальная обрядность в раннем средневековье в Прикамье на примере верхнекамских могильников 293
Асафова М.И., Сакенов С.К. Кыпчакские святилища из местности Зимбулак северных склонов Сарыарки 296
Ахметов В.В. Особенности погребального обряда бохайцев (по материалам могильника Бэйда) 297
Бабушкин Н.О. Ранние сооружения на могильнике Чернятино-5 299
Бирюлева К.В., Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Средневековая керамика комплекса Проспихинская Шивера-IV 301

Валетская М.Н. Городище Шайтан I – памятник эпохи развитого средневековья Томского Приобья 302
Валиахметов И.А. Влияние климата на миграции и нашествия восточноевропейских кочевников IX–XIII вв..... 304
Виткаускас Е.Н. Киданьские древности юго-восточного Забайкалья 305
Водясов Е.В. Средневековые погребения с кузнечными инструментами на юге Западно-Сибирской равнины 307
Волков Д.П. Домостроительные традиции найфельдского населения в Западном Приамурье 309
Герман В.В. История изучения средневековых памятников Северного Приангарья 311
Гриняева Е.В. Погребальный обряд могильника Шайтан II..... 312
Дроздова А.И. Особенности изготовления предметов с эмалью (Русь, Византия, Франция) в X-XIII вв. Культурные взаимодействия и хронология..... 314
Зинченко А.С. Погребения с конской амуницией в Томском Приобье в эпоху развитого средневековья 316
Зуев Е.В. Каменные сооружения Тытту I-III на Алтае..... 318
Ишмуратов Р.Р. Раннетюркские удила и псалий с городища Бозок..... 319
Кожевникова С.С. Керамика найфельдской группы мохэ по результатам археологических исследований памятника Войково, Селище–2 321
Комова Н.Г. Некоторые особенности детских погребений эпохи развитого средневековья на территории Томского Приобья 323
Коробкова К.Ю. Религиозные верования и традиционные представления оседло-земледельческого населения на территории Казахстана..... 324
Кудряшов Д.Г. Красная Сопка II (материалы 2009 года) 326
Кузнецова В.Н. Интеграция образов коня и водоплавающей птицы (по археологическим материалам Волго-Камья эпохи средневековья)..... 328
Мисерева А.Ю. Тюркское длинноклинковое оружие (статистика и технология) 330
Моисеева Е.С. Дворцовая архитектура чжурчжэней Приморского края (по материалам раскопок на Краснояровском городище) 332
Нестеренко В.В. Результаты исследования на городище Усть-Чёрная в Сретенском районе Забайкальского края..... 334
Никитин Е.Ю. Государство Бохай как часть мир-системы Восточной Азии 336
Номоконов А.А. Зеркала ундугунской культуры 337
Пахоленко Ю.А. О школах стеклоделия и их продукции в Западной Сибири (по материалам Красноярского археологического комплекса)..... 339
Прокопец С.Д. К вопросу о защитном вооружении боевого коня у чжурчжэней 341
Сенотрусова П.О. Шумящие привески средневекового населения Нижнего Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера-IV)..... 343
Сипатрова А.Г. Элементы зороастризма в религиозных воззрениях средневековых тюрков 345
Терентьев П.О., Глушенко М.А. Новые следы енисейских кыргызов на Средней Ангаре..... 346
Ухинов З.Ч. Захоронения животных в средневековых памятниках Восточного Забайкалья 348
Харченков А.В. Особенности фортификации Шилкинской системы городищ..... 349
Чернов М.А. Городище Шайтан III – неординарный средневековый памятник Томского Приобья 351
Шойнуу А.И. Средневековые археологические памятники долины р. Ус..... 353
Щербинский Е.В. Фортификационные сооружения на горе Шапка..... 355

АРХЕОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ПОСТСРЕДНЕВЕКОВЬЯ 357
Бондаренко Е.В. Опыт классификации металлических нательных украшений населения Нижнего Притарья эпохи позднего средневековья 357
Верещагин С.Б., Тимофеева О.Л. Результаты изучения декабристского каземата в г. Чита 359
Зайцев Н.И., Копысов Е.А. Следы «язычества» на православных кладбищах Ижевска XVIII–XX вв. 362
Кобылецкий М.А. Позднесредневековые города Западной Сибири в письменных источниках 364
Кромм И.Д. Ставрографические материалы Сибири как объект научного изучения 366
Крюкова А.С. Некроземы Спасского некрополя г. Иркутска 367
Курлович П.С. Курительные трубки XVII–XVIII веков (по материалам раскопок Минска) 369
Любич А.А. Азартные игры населения г. Тобольска конца XVI-XVII вв. 372
Морозова Т.С. К вопросу об интерпретации групп могил на могильниках XVII-XVIII вв. в Притарье 373
Рюмшин М.А. Фортификационные сооружения у енисейских кыргызов в позднем средневековье – начале нового времени 374
Слепченко С.М. Палеопатологии у русского населения XVII-XVIII веков (по материалам могильника Ананьино-I) 376
Соловьева Э.Д. Коллективные погребения Троицкого (нагорного) кладбища XIX-XX вв. 378
Татауров Ф.С. Специфика распространения фарфора на русских памятниках Омского Прииртышья в XVII–XIX вв. (по материалам археологических исследований) 380
Худоногова А.А. Орнаментация металлических украшений хакасских седел конца XIX – нач. XX вв. 382
Чуриков Р.С. Орнаментированная керамика Саянского острога 383
Шафранович О.П., Глушенко М. А. Шаманские подвески со стоянки Окуневка 385
ЗНАКОВЫЕ ОБРАЗЫ, СИМВОЛИКА, СЕМАНТИКА В АРХЕОЛОГИИ 387
Аболонкова И.В. К вопросу интерпретации одного батального сюжета в наскальном искусстве 387
Анхсанаа Г., Мижиддорж Э. Каменные бабы из местности Хоцоо 389
Богданов М.В. Фигурная бляха с жертвенного места Усть-Полуй (опыт семантической дешифровки) 393
Бондарева Е.Ю. Об изображениях стихии, структуры мироздания и божеств в наскальном искусстве тюрков Горного Алтая 395
Волкова Ю.С. О «природном» источнике возникновения орнамента 397
Гирченко Е.А. Эволюция изобразительной традиции в культуре Саньсиндуй (на примере предметов из золотой фольги) 398
Дашилхамаев Д.М. Оленные камни Забайкалья 400
Дегтярева А.Г. Изображения «масок» в петроглифах России (попытка семантического анализа) 402
Денисов А.А. Гравировки лучников на Мыютинском петроглифическом комплексе 403
Дробот В.О. Памятник наскального искусства Талда в Горном Алтае 406
Захарова Н.С. Семантика каракольских антропоморфных изображений 408
Идэрхангай Т. О «балбалах», обнаруженных на фигурных могилах 410
Каун М.А. К вопросу о «демонических» личинах из Тюхтятского клада 413
Коломагин Е.К. Петроглифы эпохи поздней бронзы на Шалаболинской писанице 415
Константинов Н.А. Гравированная галька с поселения Чёба на Средней Катуни 418
Куликова А.С. Об образах ладьи в наскальном искусстве Северной Европы (на основе анализа скандинавских петроглифов) 420

Культикова Е.С. Орнаментированные костяные наконечники стрел эпохи мезолита (по материалам памятников Среднего Урала) 422
Курманов Н.М. Наскальные изображения Семиречья 424
Лебедева С.В. Некоторые вопросы интерпретации образа фантастического хищника окуневского искусства 425
Ленская С.Г. Иконографические и технические особенности каменных изваяний Монголии и Горного Алтая 427
Матвеев В.Е. Форсирование реки. Новые петроглифы Шалаболинской писаницы 428
Никонова Е.В. Некоторые аспекты использования фрагментов керамики в ритуалах древности 430
Сазонова О.М. Вновь открытые петроглифы Шалаболинской писаницы 432
Самсонов Е.С., Мосина А.Е. Изображения на стелах погребального комплекса Кулада в Горном Алтае 435
Солдаткин Н.В. Проблемы интерпретации графических символов (на примере материалов боборыкинской культуры) 437
Телелюев П.Ю. Традиционные китайские музыкальные инструменты 439
Трофимова Н.В. К проблеме создания глоссария по наскальному искусству 441
Тупиков И.Н. Скульптурные изображения животных и птиц из кости и рога на территории Среднего Зауралья 442
Худзик С.Ю. Проблема раннего символизма в археологии палеолита (критика источников) 444
Шевченко Д.В. К вопросу о семантической трактовке и источниках заимствования раннехристианских символов на примере древнейших храмов Малой Азии 446
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 449
Артамонова Ю.С. Имидж музея: технологии формирования и значение 449
Афанасьева Е.А. Правовые основы экскурсионно-туристической деятельности в сфере культурного наследия 451
Белозерцева В.А. Использование археологического наследия Алтая в современной экскурсионно-туристической практике 452
Беляков А.О. Колокол с буддийской кумирни 1901 года из фондов музея им. Г.С. Новикова-Даурского 454
Бунькова А.А., **Черненко Е.А.** Периодическая печать об археологических исследованиях Нижнетагильского музея краеведения в годы Великой Отечественной войны 457
Ефремова Е.В. Современные проблемы музеефикации памятников археологии в России: историографический аспект 459
Ишутина П.В. Результаты археологических разведок в Емельяновском районе Красноярского края 461
Кабыш О.В. Экспедиционные работы Тюменского областного краеведческого музея по этнографии русских в конце XX – начале XXI вв. 462
Катарбаева В.В., Терехов А.С. Проблемы совершенствования законодательства в области охраны памятников истории и культуры 464
Кориневская Е.М. Природно-рекреационные ресурсы Алтая 466
Кузьмина М.М. Археология и пресса (по материалам Кыштовского района Новосибирской области) 468
Курьянова Т.С. Музей славянской мифологии в г. Томске: практика интерактивных технологий 469
Марейчева Е.Е. Методическое обеспечение археологических практик студентов НГПУ на Алтае 471

Мартынова Н.С. Формы и методы работы музеев под открытым небом для посетителей с ограниченными возможностями (на примере музея-заповедника «Томская писаница») 473
Меренюк Н.С. Проблемы изучения и музеефикации памятников наскального искусства Кемеровской области 475
Монгуш С.В. История создания школьных музеев в западных районах Республики Тыва 477
Морозова О.В., Мельников И.Д. Краеведческая экскурсия «Памятники природы и археологии в пределах урочища Усть-Ичетуй (Джидинский район, Республика Бурятия)» 479
Мышегреб А.М. Музейный праздник как форма актуализации нематериального наследия на примере Омского государственного историко-краеведческого музея 482
Наушенко Г.В. Интерактивные музеи 484
Паршикова Т.С. Нормативно-правовые аспекты сохранения и использования культурного наследия 486
Перязева Е.С. Маркетинговые мероприятия по популяризации археологического наследия Алтая 487
Рахимова А.Р., Банников А.Л.. О правовых проблемах землепользования и сохранения памятников культурного наследия 489
Сизова Л.А. Особенности развития музейного дела в Ханты-Мансийском автономном округе с 1980-х годов до настоящего времени 491
Смагина Е.С. Включение историко-культурного наследия Майминского района Республики Алтай в экскурсионно-туристическую деятельность 493
Толкацкий А.Н. Средневековые предметы в коллекции Канского краеведческого музея 494
Упорова И.А. Историко-культурные музеи-заповедники Сибири и Урала 496
Черноусова Е.В. Археологическая практика студентов Северо-Восточного государственного университета в 1960-1980-е гг. 498
Чечелев С.В. Характеристика материалов сросткинской культуры из собрания музея археологии Алтайского государственного университета 500
Шибанова Л.А. Зарубежные выставки Института археологии и этнографии СО РАН 502
ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ: ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 504
Абоимова М.В. Технология и традиции изготовления плетеных ограждений жилых домов и хозяйственных построек в населенных пунктах Чарышского района Алтайского края XVIII-XXI вв. 504
Асташкин Р.К. К вопросу о возрождении тенгрианства среди тюркских народов 506
Аяпергенова Ж.А. Этнографическая ценность работ Ч.Ч. Валиханова 508
Багдатов А.А. Тенденция формирования полиэтнической структуры Казахстана в период XIX века 509
Базырчап А.О. Культ гор и пещер в Республике Тыва 511
Борисова А.В. Предпосылки складывания еврейской общины г. Челябинска 513
Данилейко В.А. Культовые предметы народов Туруханского края из коллекции П.Е. Островских в фондах Красноярского краевого краеведческого музея 515
Демидова Е.А. Современная свадебная обрядность в селе Кубачи Республики Дагестан 517
Джусубалива А.К. Молодежь и религиозная ситуация в Кыргызстане 518
Ефремова Ю.Н. История изучения традиционной пищи украинцев Омского Прииртышья (по материалам этнографических экспедиций) 521
Жантасова Ж.Ж. Детская субкультура казахов Омского Прииртышья 522
Жунусова А.К. Роль доисламских традиций в свадебной обрядности казахов в конце XIX в. 524

Зеленская А.Ю. Беременность и роды у коренных народов Камчатки в этнографических иточниках 526
Ибрагимова Р.Р. Сбор сведений о Китае в России до 1689 г. 528
Конгу А.А. Влияние буддизма на мировоззрение южных тувинцев 530
Кочкина И.Ю. Орнамент в быту переселенцев Степного Алтая конца XIX – начала XX века (на примере Шипуновского района Алтайского края) 532
Кравец Е.В. Костюм русского населения Западной Сибири XVII века по письменным источникам 534
Красота П.А. Причины изменения месторасположения татарских поселений севера Омской области в XX веке (по полевым материалам) 536
Кудинова М.А. Собаки-демоны в китайской мифологии 537
Кучукова Д.А. Современная этническая община как форма этнического развития северных алтайцев 539
Ломов П.К. Об истоках концепции этногенеза Л.Н. Гумилева 540
Мазитов В.Р. Генеалогическая традиция как социогуманитарный фактор развития башкирского народа 542
Макеева А.И. Проблема этногенеза и этнической идентичности нагайбаков в подходах исследователей: современное состояние проблемы 544
Мартазова О.Е. Современные верования эвенков Прибайкалья (по материалам экспедиции 2009 г. в Северобайкальский район Республики Бурятия) 546
Медведев В.В. Особенности села Ивано-Кувалат (по экспедиционным материалам) 548
Межевикин И.В. Погребально-поминальная обрядность Нижнего Приишимья: норма и практика 549
Нурова Н.И., Понкратова И.Ю. Традиционная посуда населения Камчатки 551
Нурсалиева Н.А. О родовой структуре казахов Республики Алтай 552
Ондар Д.Э. Национальная борьба «хуреш» как этнографический источник изучения культуры тувинцев 554
Ооржак О.Х. Женщины – исполнители горлового пения (хоомея) в Туве 556
Пантюхин Д.А. Обряд Быкобой в Коми-Пермяцком селе Большая Коча 558
Попошева А.М. Вопросы обеспечения правовой основы деятельности национальных общественных объединений в Республике Алтай. Легализация института зайсанов у алтайцев 560
Пятакова А.А. Декоративно-прикладное искусство эвенов Магаданской области на примере сумок 561
Сатанов А.Б. К проблеме синкретизма в религиозных представлениях кочевников Казахстана в средневековье 563
Светачева У.В. Женские образы в религиозных представлениях хакасов 565
Селянинова Т. В. Межэтнические браки хакасской молодежи 567
Тадырова А.Б. Боги и духи в космологии и в социальных отношениях алтайцев 568
Терентьев В.И. Земледелие в системе жизнеобеспечения западных монголов 569
Терехова Ю.Г. Художественная природа русских народных домовых росписей 571
Тимиргалеева С.В. Кукла в традиционном мировоззрении хантов 572
Титов А.С. Представления о сверхъестественных существах в традиционной культуре коми Северного Зауралья 574
Титов Е.В. Форма поселений татар Тарского Прииртышья второй половины XIX века 576
Тишкина К.А. Этнографические исследования М.В. Швецовой на Алтае 577
Хабарова А.А. Современная идентичность эвенков (по материалам экспедиции 2009 года в Северобайкальский район Республики Бурятия) 579

Ховалыг У.Т. История возникновения шахмат в Тыве по археологическим и этнографическим источникам 581
Чакыров А.А. История изучения бурханизма 583
Шабанова Д.Ю. Возможность использования этнографических источников при реконструкции мировоззрения древнего кочевого населения Центральной Азии 584
Шайжанова Г.К. Казахско-калмыцкие, джунгарские этнокультурные мирные контакты 586
Шалунова Л.А. Адаптация коренных народов Дальнего Востока в условиях города (на примере Владивостока) 587
Шелекетова И.В. Роль художественного ансамбля в сохранении традиций в современном обществе (на примере коми-пермяцкого коллектива «Мича асыв») 589
Щанкина Л.Н. Родильные обряды мордвы Циркумприбайкальского региона и Республики Хакасия 591
Щетинина С.В. Проблема типологии традиционного корейского жилища 593
Ябыштаев Т.С. Возрожденный зайсанат в Республике Алтай как одно из проявлений процесса коммодификации культуры алтайцев 595
Яковлева К.М. Классификация украшений народов алтайской языковой семьи Сибири конца XIX – начала XX вв. 597

Список сокращений 601

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЕВРАЗИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. АНТРОПОЛОГИЯ

Материалы докладов
V (L) Российской (с международным участием)
археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых
4-9 апреля 2010 г., Иркутск

Ответственный редактор – д.и.н., профессор Г.И. Медведев

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 15.03.2010 г. Формат 60/84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 54,6. Уч. изд. л. 51,4. Тираж 450 экз. Заказ № 91.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
тел. 34-32-34.
E-mail: ottisk@irmail.ru